

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

XVIII Международные Лихачевские научные чтения
17–19 мая 2018 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать шестые по счету и восемнадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2018 году социально значимый проект «XVIII Международные Лихачевские научные чтения» реализуется с использованием гранта Президента РФ на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, в соответствии с распоряжением Президента РФ от 3 апреля 2017 г. № 93-рп

Санкт-Петербург
2018

ББК 72

К65

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельных дискуссий и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП

3-я секция — **Е. А. Кайсаров**, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП

4-я секция — **Е. Г. Хольнова**, заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор; **З. Н. Каландаришвили**, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

5-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016), почетный профессор СПбГУП

6-я секция — **А. Г. Евстигнеева**, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Контуры будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. — СПб. : СПбГУП, 2018. — 628 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0990-1

В сборнике опубликованы материалы XVIII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 17–19 мая 2018 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XVIII Чтениях приняли участие представители более 20 стран.

Среди 216 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: И. О. Абрамова, С. Ю. Глазьев, Ал. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. Б. Клейнер, А. В. Кузнецов, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, В. С. Степин, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Л. Л. Фитуни, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, известные государственные и общественные деятели, руководители СМИ: директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству МИД РФ Р. Ж. Аляутдинов, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, первый зам. гендиректора ТАСС М. С. Гусман, председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга А. С. Максимов, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва» В. К. Мамонтов, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Г. М. Резник, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков, председатель ФНПР М. В. Шмаков, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко; видные представители сферы культуры и искусства и др.

В числе иностранных авторов сборника — премьер-министр Пакистана (2004–2007) Ш. Азиз, Президент Кыргызстана (1990–2005) академик РАН А. А. Акаев, министр Турции по делам Евросоюза (2009–2013) Э. Багис, Посол Азербайджана в РФ П. Бюльбюль оглы, министр образования Польши (1996–1997) Е. Вятр, министр образования и науки Швейцарии М. Делл'Амброджио, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003) академик РАН Г. В. Колодко, Посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк, министр иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратинос Куйяубе, Посол Ирана в РФ М. Санаи, губернатор Аланьи (Турция) М. Харпутлу; члены зарубежных академий наук: А. Н. Данилов (Беларусь), В. Проданов (Болгария), П. П. Толочко (Украина); профессора: А. Беблер (Словения), П. Дуткевич (Канада), В. Ингимундарсон (Исландия), Г. Кёхлер (Австрия), Р. Льюис и Р. Мэтьюз (Великобритания), Я. А. Шолте (Швеция) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур».

ББК 72

ISBN 978-5-7621-0990-1

© СПбГУП, 2018

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений. Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отраднo, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и по-настоящему дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
18 мая 2017 года

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч — всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимопользных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
16 мая 2016 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений! Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Сердечно приветствую вас в Санкт-Петербурге и поздравляю с открытием Международных Лихачевских научных чтений.

Интерес к Лихачевским чтениям растет, год от года увеличивается число участников. Ведь на этом уникальном гуманитарном форуме обсуждаются вопросы, которые важны не только для современной России, но и для всего мира. Ярким примером этому служит тема нынешней встречи — «Контурсы будущего в контексте мирового культурного развития».

В современных реалиях, когда человечество сталкивается с новыми вызовами, особое значение приобретает налаживание диалога между странами с помощью культуры. Благодаря культуре и искусству люди лучше понимают друг друга, укрепляются дружеские и добрососедские отношения между государствами, развивается сотрудничество.

И сегодня актуально звучат слова Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из населения — народом, нацией. Людям высокой культуры не свойственно враждебное отношение к другой национальности, к чужому мнению.

Уверен, что XVIII Международные Лихачевские научные чтения дадут возможность участникам обменяться мнениями, найти ответы на волнующие вас вопросы, а предложения и рекомендации, которые прозвучат в ходе форума, помогут реализовать интересные проекты и программы, послужат дальнейшему укреплению гуманитарного сотрудничества.

Желаю вам плодотворной работы и всего наилучшего.

Председатель Правительства Российской Федерации

Д. А. МЕДВЕДЕВ

Москва, 17 мая 2018 года

Организаторам, участникам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую организаторов, участников и гостей XVIII Международных Лихачевских научных чтений.

Ежегодно ваш форум объединяет десятки крупнейших российских и зарубежных исследователей, общественников, политических деятелей. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев внес огромный вклад в развитие мировой науки, и сегодня особенно актуальны его слова о необходимости сохранять и приумножать культуру.

Выбранная для Чтений тема — «Контурсы будущего в контексте мирового культурного развития» — неслучайна, поскольку именно взаимоуважение между народами и гуманитарное сотрудничество могут стать основой международной стабильности.

Уверен, что научное и творческое осмысление наследия академика Д. С. Лихачева позволит выработать рекомендации для будущего развития нашей страны.

Желаю вам успешной работы и всего самого доброго.

*Председатель Государственной Думы Федерального собрания
Российской Федерации*

В. В. ВОЛОДИН

17 мая 2018 года

Организаторам, участникам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XVIII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши ежегодные встречи в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов стали доброй традицией. За без малого два десятилетия они утвердились в качестве авторитетной дискуссионной площадки, собирающей представителей научных, экспертных, политологических кругов, гражданского общества России и целого ряда зарубежных государств. В нынешней турбулентной ситуации в мире усилия, направленные на неполитизированное обсуждение актуальных тенденций современности в самых разных областях, приобретают особое значение.

Тема нынешнего заседания звучит особенно актуально. Трудно переоценить роль культуры в деле упрочения фундамента межгосударственных отношений, поддержания доверия и взаимопонимания на международной арене. Россия, как последовательный сторонник уважения к самобытности народов и их праву самостоятельно определять модели политического и социально-экономического устройства, продолжит способствовать продвижению культурно-цивилизационного многообразия, наращиванию межцивилизационного и межконфессионального диалога.

Несомненно, полезный вклад в общие усилия на этом направлении внесет и ваша конференция. Желаю вам продуктивной работы и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации

С. В. ЛАВРОВ

Москва, 17 мая 2018 года

Организаторам и участникам XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Рад приветствовать организаторов и участников XVIII Международных Лихачевских научных чтений.

Ежегодно ваш форум становится значимым событием в общественной и культурной жизни Санкт-Петербурга. По традиции он собирает видных представителей отечественной и мировой гуманитарной науки, выступая в качестве авторитетной дискуссионной площадки. Важное место здесь отводится обсуждению насущных цивилизационных проблем, осмыслению происходящих глобальных изменений и роли России в современном мире.

Особо отмечу, что интеллектуальной доминантой Чтений неизменно остается бесценное, не теряющее своей актуальности наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева. И сегодня гуманистические идеи этого выдающегося ученого обуславливают царящую на форуме атмосферу взаимного уважения, открытости к многообразию голосов и мнений.

Убежден: проведение экспертных встреч в рамках Чтений послужит не только укреплению духовно-нравственных основ общества, но и сохранению межнационального и межкультурного согласия внутри страны.

Искренне желаю вам плодотворной и успешной работы!

Министр культуры Российской Федерации

В. Р. МЕДИНСКИЙ

Ректору СПбГУП, организаторам и участникам XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич! Уважаемые коллеги!

От имени Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и от себя лично приветствую вас по случаю открытия XVIII Международных Лихачевских научных чтений!

Вопросы и темы, обсуждаемые на форуме, затрагивают современные глобальные вызовы и национальные интересы России и имеют большое значение для мира и прогресса на всей планете.

Уверен, что участники форума предложат конкретные инициативы по совершенствованию социально-трудовых отношений, которые будут востребованы и учтены в российском законодательстве.

Желаю вам плодотворной работы, интересных и содержательных дискуссий!

Министр труда и социальной защиты Российской Федерации
М. А. ТОПИЛИН

Участникам, организаторам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Рад приветствовать всех вас в Санкт-Петербурге — городе, в котором жил и трудился великий ученый, выдающийся культуролог и искусствовед академик Дмитрий Сергеевич Лихачев!

Международные Лихачевские чтения приобрели высокую репутацию в мировом научном сообществе. Масштабная дискуссионная площадка, на которой обсуждаются различные вопросы цивилизационного развития, традиционно объединяет ведущих ученых, государственных и общественных деятелей из разных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Опираясь на идеи академика Лихачева, приобретающие особую актуальность в современном мире, участникам Чтений предстоит обозначить контуры будущего в контексте мирового культурного развития. Именно культура, по глубокому убеждению академика, составляет смысл и главную ценность существования человечества.

Уверен, работа форума будет способствовать дальнейшему укреплению гуманитарных связей и поиску идей для новых просветительских проектов.

Желаю участникам XVIII Международных Лихачевских научных чтений плодотворного общения и самых ярких впечатлений от Санкт-Петербурга!

Губернатор Санкт-Петербурга
Г. С. ПОЛТАВЧЕНКО

Организаторам, участникам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений

От имени Российской академии наук приветствую участников и гостей XVIII Международных Лихачевских научных чтений!

За прошедшие годы Лихачевские чтения стали признанной и важной площадкой для научных дискуссий по ключевым проблемам современности.

Актуальность проблематики, впечатляющий состав участников, тематическое многообразие сделали Лихачевские чтения формой мобилизации интеллектуальных ресурсов ученых, праздником гуманитарной мысли, значимым событием научной жизни не только в Санкт-Петербурге и России, но и в международном масштабе. Убежден, что ваш форум внесет существенный вклад в разработку моделей стабильного будущего и утверждения единства человеческой культуры.

Желаю всем участникам научного форума плодотворных научных дискуссий и результативного поиска ответов на вызовы, стоящие на пути урегулирования современных международных конфликтов посредством взаимодействия мировых культур.

Президент Российской академии наук, академик
А. М. СЕРГЕЕВ

Ректору СПбГУП, организаторам и участникам XVIII Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XVIII Международных Лихачевских научных чтений.

По устоявшейся традиции в стенах Университета собираются яркие представители отечественной и мировой гуманитарной науки и культуры, чтобы в конструктивном диалоге попытаться осмыслить происходящие в мире кардинальные перемены, идеи великих мыслителей, определить контуры будущего мирового культурного развития. Перед деятелями культуры и науки стоят непростые задачи: развивать диалог культур и цивилизаций

в современном мире, определить место нашей страны в контексте новых геополитических вызовов. Царящая на Лихачевских чтениях творческая атмосфера способствует поиску ответов на актуальные вопросы, волнующие отечественное и международное сообщество. Тематика нынешнего форума, как всегда, актуальна, проникнута духом современности, гражданственности и социальной ответственности.

Трудно преувеличить значение Чтений, посвященных таким актуальным проблемам и вызовам, как современные международные отношения, экономическое право, социально-трудовые отношения и конфликты, для российских профсоюзов. Выступая за права трудящихся, достойный труд и высокие социальные стандарты жизни, российские профсоюзы неизменно следуют принципам международной солидарности, укрепляют сотрудничество и сплоченность.

Желаю организаторам и участникам Чтений плодотворной работы и творческих успехов в осмыслении актуальных проблем современности.

Председатель Федерации независимых профсоюзов России

М. В. ШМАКОВ

17 мая 2018 года

Организаторам, участникам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений

XVIII Международные Лихачевские научные чтения имеют огромное значение для осмысления эволюции образовательных, научных и культурных аспектов глобализации.

Тема нынешних Чтений — «Контуры будущего в контексте мирового культурного развития» — отражает важность именно культурного измерения в определении направлений и формировании стратегии развития человечества.

Благодаря технологическим достижениям мы живем в эпоху беспрецедентных возможностей для культурного развития. Но внедрение новых технологий сопряжено с повышением этической ответственности за использование этого огромного потенциала для развития толерантности, сохранения мира и уважения к правам человека.

Дмитрию Лихачеву также довелось жить в беспокойное время перемен, но он всегда отстаивал мысль, что культура и межкультурный диалог могут обеспечить устойчивое развитие общества. Ученый считал, что изучение прошлого необходимо для понимания перспектив будущего. Он высоко оценивал роль диалога культур в движении человечества ко всеобщему миру и сотрудничеству на основе гуманистических принципов.

Его неценимая новаторская деятельность в сфере науки и культуры основывалась на глубоком убеждении, что для решения сложных вопросов необходимо объединить усилия всех заинтересованных людей, работающих в различных областях знания и практики. Сегодня нам необходимо переосмыслить весь опыт, накопленный человечеством к настоящему моменту, чтобы сформировать картину общего будущего, которая станет Объединением Национальных Идей.

Санкт-Петербург — город высочайших образцов культуры и науки. Его исторический центр является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, а его основатель Петр Великий направлял свои усилия на то, чтобы привлечь лучшие умы и превратить Россию в государство, находящееся на передовом крае технологических достижений. И сегодня Петербург остается воплощением мирового интеллектуального и культурного прогресса.

Благодарю Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов и участников конференции за приверженность идеям гуманизма и работу для их претворения в жизнь.

Генеральный директор ЮНЕСКО

О. АЗУЛАЙ

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Диалог культур в условиях глобализации», «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, П. Бюльбюль оглы, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, Ал. А. Громыко, М. С. Гусман, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, К. И. Косачев, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, А. А. Панкин, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Н. С. Сафронов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшекласников России (с 2014 г. — Международный форум старшекласников), на который собираются победители ежегодного конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России осуществляется Дипломатическая программа Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016, 2017 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2018 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются соответствующие сборники. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены и на научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	11

Пленарное заседание КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

ДОКЛАДЫ:

И. О. АБРАМОВА , директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО: РЕСУРСНЫЙ ДЕФИЦИТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ	26
Ш. АЗИЗ , премьер-министр Пакистана (2004–2007) СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	31
А. А. АКАЕВ , Президент Кыргызской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор; Ю. В. ЯКОВЕЦ , президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ СТАНОВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА НА БАЗЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	34
Э. БАГИС , министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013) ТУРЦИЯ И ВЕСЬ МИР: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	39
А. БЕБЛЕР , почетный профессор политических наук Университета Любляны (Словения) САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	41
П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы , Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, профессор, народный артист Азербайджана КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ	45
Е. ВЯТР , министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Польши (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В НЕБЕЗОПАСНОМ МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ	49
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП О СУЖДЕНИИ «МИР УСТАЛ ОТ МИРА» — ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ	52
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ , академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина, доктор экономических наук, профессор КОНТУРЫ БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КРИЗИСА	53
Ан. А. ГРОМЫКО (1932–2017) , член-корреспондент РАН; Ал. А. ГРОМЫКО , директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор ТОЧКИ ОПОРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА	57
А. А. ГУСЕЙНОВ , научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ОДИННАДЦАТОГО ТЕЗИСА МАРКСА О ФЕЙЕРБАХЕ	60
М. С. ГУСМАН , первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор, заслуженный работник культуры РФ РОЛЬ СМИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ	64
А. Н. ДАНИЛОВ , заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А ЕСТЬ ЛИ У НАС БУДУЩЕЕ	66
Б. ДЕГАРДЕН , генеральный директор банка Eric Sturdza SA (Женева, Швейцария) ХРУПКОСТЬ И СТОЙКОСТЬ	69
М. ДЕЛЛАМБРОДЖИО , министр образования и науки Швейцарии, доктор юридических наук КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	73

П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии	
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА	74
А. С. ЗАПЕСОЧКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ТРУДОВАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	78
В. ИНГИМУНДАРСОН , профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), доктор философии	
УПРАВЛЕНИЕ АРКТИКОЙ В ЭПОХУ ВЫЗЫВАЮЩЕЙ БЕСПОКОЙСТВО ГЕОПОЛИТИКИ	82
В. А. КВИНТ , иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
РОЛЬ ПРОРОКОВ, ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ, ЛИДЕРОВ И СТРАТЕГОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ КОНТУРОВ И СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО	86
Г. КЁХЛЕР , президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии	
КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	91
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор	
«СОГЛАСИЕ НЕСОГЛАСНЫХ»: РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	95
Г. В. КОЛОДКО , вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор	
КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	98
В. А. КОНЕВ , профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ	
ОТ КУЛЬТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ПРИСУТСТВИЯ	102
А. М. КРАМАРЕНКО , директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ	
БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ «ЗАПАД–РОССИЯ»: РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ФАКТОРА	105
А. В. КУЗНЕЦОВ , заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук	
ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ И ИНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА	108
Ч. Т. ЛАУМУЛИН , исследователь Центра исследований развития Кембриджского университета (Великобритания)	
РОЛЬ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЕАЭС	111
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор	
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ И СУПЕРОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	114
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор	
КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	117
Г. ЛИТТЛДЖОН , экономист, социолог (Великобритания)	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ: СЕГМЕНТИРОВАННЫЙ ИНТЕРНЕТ?	120
Р. ЛЬЮИС , основатель Международного института языкового и кросс-культурного тренинга Richard Lewis Communications (Великобритания), профессор	
КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ — ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В XXI ВЕКЕ	124
В. А. МАКАРОВ , научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
ЦИФРОВОЙ МИР И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО: ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАЧИНАЕТ МЕНЯТЬ НАПРАВЛЕНИЕ	129
В. К. МАМОНТОВ , генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»	
МЫСЛИШКИ НАКАНУНЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ	130
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)	
НА ПУТИ К НОВОМУ МИРУ: ОТ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ К ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ	134
А. П. МАРКОВ , профессор СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП	
ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ	138

Г. МЕТТАН , президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)	
СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ, А НЕ МИРА, ГДЕ ЦАРИТ МИР	140
В. В. МИРОНОВ , декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
МАРКС И РОССИЯ	143
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ , министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП	
ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	146
Р. МЭТЬЮЗ , президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, почетный профессор Кингстонского университета (Великобритания)	
ПЕРЕСМОТР МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И НАСТУПЛЕНИЕ СИНГУЛЯРНОСТИ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОВРЕМЕННОГО МИРА	152
В. В. НАУМКИН , научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор	
ДЕЛЕНИЕ НА МИР ВЕРЫ И МИР НЕВЕРИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕГАТРЕНД?	155
А. Д. НЕКИПЕЛОВ , директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
О СОЦИУМЕ КАК ОБЪЕКТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИЗИСЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	159
Р. И. НИГМАТУЛИН , научный руководитель Института океанологии им. П. П. Шириова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
РОССИЯ И МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	163
С. А. ОСКОЛКОВ , заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов России, почетный профессор СПбГУП	
ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ... О РОЛИ ИСКУССТВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	166
В. ПРОДАНОВ , директор Фракийского научного института, профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук	
ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОСХОД ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА РИСКА	168
Г. М. РЕЗНИК , вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ	172
М. САНАИ , Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук	
НАПРАВЛЕНИЕ ВЕКТОРА НОВЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ	174
Н. С. САФРОНОВ , академик Российской академии художеств, профессор Ульяновского государственного университета, заслуженный художник РФ, народный художник Республики Дагестан	
ИСКУССТВО КАК ФОРМА И СФЕРА ДИАЛОГА КУЛЬТУР	176
В. С. СТЕПИН , руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИХ БУДУЩИХ СОСТОЯНИЙ.	178
В. А. ТИШКОВ , академик-секретарь Отделения историко-филологических наук, член Президиума РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	181
П. П. ТОЛОЧКО , член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
«НЕ ДРАЗНИТЕ МЕДВЕДЯ»	185
Ж. Т. ТОШЕНКО , председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В СМЫСЛАХ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	187
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова	
КОНТУРЫ БУДУЩЕГО: ВЫРОЖДЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ?	192
В. Е. ТРИОДИН , профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП	
ВЗРАЩИВАНИЕ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРЫ	193
Л. Л. ФИТУНИ , заместитель директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор	
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: НАУКА И КУЛЬТУРА МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВЫМ МИРОПОРЯДКОМ И «ЛЕДЯНОЙ ВОЙНОЙ»	195

В. А. ЧЕРЕШНЕВ , главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП;	
В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
КАК СВЕРЕЧЬ БУДУЩЕЕ И ЧТО ОТЛИЧАЕТ УТОПИЮ ОТ СТРАТЕГИИ?	199
М. В. ШМАКОВ , председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП	
МАРКСИЗМ, КУЛЬТУРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПРОФСОЮЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ	204
Я. А. ШОЛТЕ , профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)	
ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ БУДУЩЕЕ?	206
А. В. ЯКОВЕНКО , Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук (международное право), профессор;	
И. Д. ДИМИТРОВ , глава информационно-аналитической компании Seldon (Москва), исполнительный директор Ассоциации электронных торговых площадок РФ	
ЦИФРОВОЙ МИР: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	212

ДИСКУССИЯ..... 214

Выступающие: И. О. Абрамова, А. А. Акаев, Р. Ж. Аляутдинов, Э. Багис, Е. Вятр, Г. А. Гаджиев, М. Делл'Амброджио, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. Кёхлер, А. В. Кузнецов, Ч. Т. Лаумулин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, А. С. Максимов, В. К. Мамонтов, Х. А. Марк, Г. Метган, М. А. Моратинос Куйяубе, Р. И. Нигматулин, Н. С. Сафронов, П. П. Толочко, Ж. Т. Тошенко, В. А. Черешнев, М. В. Шмаков, Я. А. Шолте

Панельная дискуссия БУДУЩЕЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ..... 231

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор)
Шакуат АЗИЗ, премьер-министр Пакистана (2004–2007)
Ринат АЛЯУТДИНОВ, директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ
Полад БЮЛЬБЮЛЬ ОГЫ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, профессор, народный артист Азербайджана
Алексей ГРОМЫКО, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН
Гжегож КОЛОДКО, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН
Мигель Анхель МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
Амр МУСА, министр иностранных дел Египта (1991–2001), генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011)
Виталий НАУМКИН, научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
Мехди САНАИ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ

Панельная дискуссия РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 240

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор)
Аскар АКАЕВ, Президент Кыргызской Республики (1990–2005), иностранный член РАН
Абдусалам ГУСЕЙНОВ, научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП
Александр КРАМАРЕНКО, директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
Александр НЕКИПЕЛОВ, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП
Роберт НИГМАТУЛИН, научный руководитель Института океанологии им. П. П. Шириова РАН, член Президиума РАН, академик РАН
Генри РЕЗНИК, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
Виталий ТРЕТЬЯКОВ, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Михаил ШМАКОВ, председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП

Раздел**«ВСПОМИНАЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА»****ДОКЛАДЫ:****Г. Н. БОЕВА**, профессор СПбГУП, доктор филологических наук**ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ДИАЛОГ СТИЛЕЙ:****МОДЕРН В СВЕТЕ УЧЕНИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА О СТИЛЕ** ..... 247**Ю. А. ВОРОТНИКОВ**, заведующий отделом грамматики и лексикологии

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук

Д. С. ЛИХАЧЕВ И ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В РОССИИ: «ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕМУ» ..... 248**А. С. ЗАПЕСОЧКИЙ**, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ**ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ** ..... 251**А. Б. КУДЕЛИН**, научный руководитель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН,

академик РАН, доктор филологических наук, профессор

«ЖИВОЕ И “МАТЕРИАЛЬНОЕ” ВОПЛОЩЕНИЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА»

(Д. С. Лихачев и академическая серия «Литературные памятники») 255

А. М. МЕЛИХОВ, заместитель главного редактора журнала «Нева», писатель, публицист,
литературный критик, кандидат физико-математических наук**АКАДЕМИК ЛИХАЧЕВ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА** ..... 258**Секция 1****ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ****ДОКЛАДЫ:****М. А. АБИШЕВ**, профессор Алматинского филиала СПбГУП, доктор социологических наук,
заслуженный деятель Казахстана**КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ УРЕГУЛИРОВАНИЯ****СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ** ..... 262**Р. Ж. АЛЯУТДИНОВ**, директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ**СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ** ..... 264**Е. М. ГОРЮШИНА**, научный сотрудник Федерального исследовательского центра

Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ..... 267**Д. В. МОСЯКОВ**, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: ПЕРЕХОД КОНФЛИКТА РЕГИОНАЛЬНОГО**В КОНФЛИКТ ГЛОБАЛЬНЫЙ** ..... 269**С. Г. МУСИЕНКО**, руководитель Аналитического центра «ЕсооМ»,

член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Республики Беларусь

МАТРИЦА «БЕЗУПРЕЧНОСТИ» ЭЛИТ ..... 273**А. Н. ЧУМАКОВ**, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова**КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР КОНФРОНТАЦИИ** ..... 275**ДИСКУССИЯ** ..... 277**Выступающие:** И. О. Абрамова, Ш. Азиз, Р. Ж. Аляутдинов, Э. Багис, Е. Вятр, С. Ю. Глазьев,
Ал. А. Громыко, А. С. Запесоцкий, В. Ингимундарсон, В. Л. Квинт, Г. Кёхлер, Г. В. Колодко,
А. М. Крамаренко, А. В. Кузнецов, Ч. Т. Лаумулин, Р. Льюис, В. А. Макаров, Х. А. Марк, Г. Меттан,
М. А. Моратинос Куйяубе, Д. В. Мосяков, А. Муса, Р. Мэтьюз, В. В. Наумкин, Р. И. Нигматулин,
Г. М. Резник, П. П. Толочко, Л. Л. Фитунни, В. А. Черешнев, У. де Шаваньяк**Секция 2****МАРКСИЗМ И КУЛЬТУРА (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса)****ДОКЛАДЫ:****О. В. АРХИПОВА**, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор философских наук**МАРКС О КУЛЬТУРЕ КАК ПРОСТРАНСТВЕ РЕАЛИЗАЦИИ****ТВОРЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА** 300

И. М. БЫХОВСКАЯ , эксперт Московского городского педагогического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ ГАРМОНИЯ КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ: ТРАЕКТОРИИ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПОИСКИ ПУТЕЙ ВОПЛОЩЕНИЯ	302
В. В. ГОРШКОВА , декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ К. МАРКСА	303
Ю. Д. ГРАНИН , ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ КОММУНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКСА: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	305
Г. С. ГУЛЬТЯЕВА , заведующая кафедрой искусствovedения СПбГУП, кандидат искусствovedения, доцент МАРКСИЗМ И СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ	307
И. И. ДОКУЧАЕВ , заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Международного банковского института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор МАРКСИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	309
Н. С. ЗЕЛИКИНА , доцент СПбГУП, кандидат исторических наук К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ИДЕЙ МАРКСИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ К ДОГМАТИЗАЦИИ	310
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук БУДУЩЕЕ КАК ПОДЛИННОЕ БЫТИЕ: АРИСТОТЕЛЬ И МАРКС	312
В. М. КАПИШЫН , доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова МАРКСИЗМ И ПОИСК УНИВЕРСАЛЬНОГО ГЕНОКОДА ЭТАТОГЕНЕЗА	314
П. Н. КИРИЧЕК , профессор Государственного университета «Дубна» (Московская обл.), доктор социологических наук ОРБИТА КУЛЬТУРЫ: В ПЕРИГЕЕ — ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ	315
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор СПбГУП, доктор культурологии КАРЛ МАРКС И ПИТИРИМ СОРОКИН: ДВА ВЗГЛЯДА НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ	317
П. Н. КОНДРАШОВ , старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук КАТЕГОРИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА	318
Т. В. КУЗНЕЦОВА , профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук МАРКСИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ	320
С. И. МАГДЕЕВ , аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова, магистр политических наук ФИЛОСОФИЯ И ДЕМОКРАТИЯ В КОНЦЕПЦИИ АЛЕНА БАДЬЮ: МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	321
И. В. МАЛЫГИНА , профессор Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ПОСТКУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ	323
К. Х. МОМДЖАН , заведующий кафедрой социальной философии и философии истории МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор МГУ ЧТО УСТАРЕЛО, А ЧТО ВЫДЕРЖАЛО ПРОВЕРКУ ВРЕМЕНЕМ ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. МАРКСА	325
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент К ИСТОРИИ МАРКСИЗМА В АФРИКЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ КУЛЬТУРЫ	327
С. Б. НИКОНОВА , профессор СПбГУП, доктор философских наук МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	329
К. С. ПИГРОВ , профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук К. МАРКС О ГЕНЕЗИСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСЦЕССОВ: ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	331
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДВИЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ: КУЛЬТУРНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА	333
В. В. ПРОЗЕРСКИЙ , профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКСИЗМА В КОНЦЕПЦИИ М. С. КАГАНА КАК НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФИЮ КУЛЬТУРЫ И ЭСТЕТИКУ	335

М. Д. РАХМАНИНОВА , доцент Санкт-Петербургского горного университета, кандидат философских наук СЦИЕНТИСТСКИЙ АСПЕКТ МАРКСИЗМА И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СНЯТИЕ УТОПИИ (На примере рецепции советской фантастики)	336
В. Ш. САБИРОВ , заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ	338
А. М. СИДОРОВ , доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН: МАРКСИСТСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА	340
О. С. СОИНА , профессор Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ЧАРЫ МАРКСИЗМА	342
О. И. СТАВЦЕВА , заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент СПбГУП, кандидат философских наук КРИТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО ПРОЕКТА	344
В. Н. ТОМАЛИНЦЕВ , старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук МАРКСИЗМ КАК ЭТАП ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	346
Е. Н. УСТЮГОВА , профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОВЕТСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ЭСТЕТИКЕ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ М. С. КАГАНА	348
А. Н. ФАТЕНКОВ , профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук КАРЛ МАРКС КАК ВСЕ-ТАКИ НЕРЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП	350
Г. Г. ФИЛИППОВ , профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор философских наук КОНЦЕПЦИЯ ЗАСТОЙНОГО ХАРАКТЕРА ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ К. МАРКСА И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	352
Н. А. ХРЕНОВ , главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор ОТ ЭСТЕТИКИ К КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ ГЕОРГОМ ЛУКАЧЕМ МАРКСИСТСКОГО ВАРИАНТА ЭСТЕТИКИ	354
Я. Г. ШЕМЯКИН , главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук ПРОЦЕСС СМЕНЫ ПАРАДИГМ В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ: РОССИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УНИВЕРСАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	356
М. Г. ЮНУСОВА , доцент Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук О МАРКСОВОМ ВАРИАНТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КАК «КАРТИНЕ СИСТЕМЫ»	358
ДИСКУССИЯ	360
Выступающие: Ю. Д. Гранин, А. А. Гусейнов, И. И. Докучаев, А. С. Запесоцкий, Н. С. Зеликина, В. М. Капицын, С. С. Комиссаренко, В. М. Кондрашов, В. А. Конев, Т. В. Кузнецова, И. В. Малыгина, А. П. Марков, С. Б. Никонова, О. И. Ставцева, А. Н. Фатенков, Н. А. Хренов	

Секция 3 **ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

ДОКЛАДЫ:

А. В. АГОШКОВ , главный редактор издательства «Наука и культура» (Издательский дом «Панорама»), кандидат философских наук О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРЕДЕЛАХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (Посвящается Франко-российскому году языка и литературы)	381
Ю. О. АЗАРОВА , доцент Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина), кандидат философских наук МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И «ПОЛИТИКА РАЗЛИЧИЯ»: PRO ET CONTRA	383
О. Н. АСТАФЬЕВА , директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДИАЛОГИЧНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ЕЕ ЦЕЛОСТНОСТИ	385

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН , профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИИ	386
В. Н. БАДМАЕВ , заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ	388
М. Г. БОРОЗНА , ректор Белорусской государственной академии искусств (Минск), кандидат искусствоведения, доцент	
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	389
О. В. БУЗЫКИНА , доцент Мордовского республиканского института образования (Саранск), кандидат исторических наук	
«КУЛЬТУРНАЯ ДИФФУЗИЯ» КАК МОДЕЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (На материале этнокультурной динамики мордовской диаспоры)	391
В. В. ВАСИЛЕНКО , профессор Ставропольского государственного педагогического института, доктор исторических наук	
ОБЩЕНИЕ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ ФОРМА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	393
М. Н. ВЕТЧИНОВА , профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук	
Д. С. ЛИХАЧЕВ О РОЛИ РОССИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР	394
Ю. К. ВОЛКОВ , профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ДИСПОЗИЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФОРМАХ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	396
В. С. ГЛАГОЛЕВ , профессор МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук	
ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	397
А. В. ГОЛУБЕВ , руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, кандидат исторических наук, доцент	
«МИРОВАЯ С МЕДВЕДЕМ»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА	399
П. С. ГУРЕВИЧ , главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор социологии Калифорнийского университета (США), доктор философских наук, доктор филологических наук	
МНИМЫЕ ЭТНИЧНОСТИ	400
А. Ю. ДЕМШИНА , доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии	
АРТ-ПРОЕКТ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	402
Г. В. ДРАЧ , научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	404
Н. В. ДЫМЧЕНКО , проректор Тираспольского межрегионального университета, заведующий кафедрой общегуманитарных и правовых дисциплин, доктор философии, кандидат культурологии, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫЙ ИМИДЖ ПМР: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	406
Т. И. ЕРОХИНА , проректор Ярославского государственного театрального института по учебной работе, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор	
ФЕНОМЕН ДИАЛОГА В МАССОВОЙ И ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРАХ	407
А.-К. И. ЗАБУЛИОНТЕ , доцент Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук	
ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ МИГРАЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ	409
С. Ю. ИВАНОВА , главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ	410
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор СПбГУП, Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ	
ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В XXI ВЕКЕ	412
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ДВОЦЕНТРИЕ РУСИ–РОССИИ	414

О. В. КАШИРИНА , профессор Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	415
И. В. КОНДАКОВ , профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ МАССОВАЯ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ	417
Н. П. КОПЦЕВА , заведующая кафедрой культурологии Сибирского федерального университета (Красноярск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУРЫ НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (На материале анализа Красноярского края)	419
А. В. КОСТИНА , директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ И КОНФЛИКТОГЕННОМ МИРЕ: СТРАТЕГИИ И ЦЕЛИ	420
В. В. КРАВЧЕНКО , профессор Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СВЕТЕ ЭТНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ	422
Л. К. КРУГЛОВА , профессор Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук БИНАРНЫЕ И ПОЛИАРНЫЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР	423
Е. А. КУЛЬКОВ , советник губернатора Сахалинской области по вопросам взаимодействия со СМИ, профессор-консультант кафедры журналистики СПбГУП КОММУНИКАТИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МАССМЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	425
В. А. КУТЫРЕВ , профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР?	426
И. В. ЛЕОНОВ , доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии;	
В. Л. СОЛОВЬЕВА , доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРОПОЦЕНТРИСТСКИХ КОНЦЕПТОВ МАКРОИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	428
Л. Ю. ЛЕПЕШКИНА , доцент Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти), старший научный сотрудник Управления научных исследований, кандидат исторических наук САМОБЫТНОСТЬ, УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ, И ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ	430
В. Е. ЛЕПСКИЙ , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук ГАРМОНИЯ КУЛЬТУР В САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫХ СРЕДАХ (От техногенной к социогуманитарной цивилизации)	431
Ю. В. ЛОБАНОВА , доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАУК В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРНЫХ ЭПОХ XIX — НАЧАЛА XXI ВЕКА	433
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕМПОРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	435
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук ОБРАЗ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	437
А. А. МЕЛЬНИКОВА , профессор СПбГУП, доктор культурологии ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ	439
Л. М. МОСОЛОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ В ТРУДАХ М. С. КАГАНА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ	440
М. Е. ПОПОВ , профессор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук ПОСТТРАДИЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТ КОНФЛИКТОВ К ИНТЕГРАЦИИ	442
Г. П. РОГОЧАЯ , доцент Кубанского государственного университета (Краснодар), кандидат философских наук КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И МЕДИАЦИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ	443

А. П. САДОХИН , профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР	445
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ГРАНИЦА КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ (В диалоге с М. С. Каганом)	446
М. В. СИЛАНТЬЕВА , заведующая кафедрой философии МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук, профессор ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ФИЛОСОФИЕЙ	448
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ, почетный профессор СПбГУП ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТОПИКА (Из научного наследия академика А. М. Панченко)	450
М. Н. ФОМИНА , профессор Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	452
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ИЗМЕРЕНИИ (На примере российско-африканских отношений)	453
О. Д. ШЕМЯКИНА , научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук «ТРИАДА ВРАЖДЕБНОСТИ»: ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	455
Л. Ю. ЯКОВЛЕВА , доцент СПбГУП, кандидат философских наук РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ТОПОЛОГИИ ПУТЕШЕСТВИЯ	457
О. А. ЯНУТШ , доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии «ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИ-ГЛОБАЛИСТСКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА НОВОГО ТИПА»: ВЗГЛЯД ИЗ 2018 ГОДА	459
ДИСКУССИЯ	461
Выступающие: Н. Г. Багдасарьян, В. Н. Бадмаев, В. В. Василенко, М. Н. Ветчинова, Ю. К. Волков, Ю. Л. Воротников, В. С. Глаголев, Г. В. Драч, Н. В. Дымченко, А. С. Запесоцкий, И. В. Кондаков, В. А. Конев, В. В. Кравченко, В. А. Лекторский, И. В. Леонов, Л. В. Матвеева, Л. М. Мосолова, А. П. Садохин, Т. Б. Сиднева, В. Е. Триодин, М. Н. Фомина, Е. В. Харитонова, Н. А. Хренов, А. Н. Чумаков, Я. Г. Шемякин, О. Д. Шемякина	
Секция 4	
ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	
ДОКЛАДЫ:	
А. М. АЛЕКСАНКОВ , директор Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	480
Т. Л. БАТАЛОВА , директор Алматинского филиала СПбГУП, доцент кафедры юриспруденции ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ	482
Е. А. БРЫЛЕВА , доцент Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук ПРАВО И ЭКОНОМИКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	483
О. В. ВЕРБОВАЯ , профессор Алматинского филиала СПбГУП, доктор юридических наук РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТА СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ И ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ	484
Н. П. ВЕРЕТЕННИКОВ , профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова-Ленина, доктор экономических наук; К. Г. ЯНКОВСКАЯ , доцент Горно-Алтайского государственного университета, кандидат экономических наук ОЦЕНКА УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ	486

В. Г. ГРАФСКИЙ , главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор	
РОЛЬ ПРАВОВОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ	487
М. А. ДАВЫДОВА , заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор	
ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	488
А. А. ДЖАГАРЯН , советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук	
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФАКТОР ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА	490
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор	
РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАВМ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	492
В. Ю. ДУНАЕВ , главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор	
СУБЪЕКТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ	493
С. А. ДЯТЛОВ , профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	495
Г. П. ЕРМОЛОВИЧ , профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ	
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ	497
В. В. ЗЯБРИКОВ , доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕНЕДЖМЕНТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И СКРЫТЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАЦИИ	499
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ , заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭТАПОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	500
С. Н. КАСАТКИН , профессор Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук	
КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ, ПАРОКИАЛЬНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И РЕЦЕПЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА	502
В. А. КОВАЛЕВ , доцент СПбГУП, кандидат исторических наук	
НЕОРИМСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ	504
А. И. КОТОВ , специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук, доцент	
ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРУПНОГО МЕГАПОЛИСА	505
С. В. КУЗНЕЦОВ , директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор;	
Н. М. МЕЖЕВИЧ , главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор	
КОНТУРЫ БУДУЩЕГО ИЩИТЕ В ПРОШЛОМ. РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	507
А. В. КУЗЬМИН , заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент	
К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	508
Е. А. КУКЛИНА , профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук	
КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	509
В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор	
ДИСКУРС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ	511
В. В. ЛАПАЕВА , советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук	
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРИНЦИП: ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ	513

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ , научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ	515
А. И. ЛУЧЕНОК , заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	517
Т. Б. МАЛИНИНА , профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ БУДУЩЕГО (Экономический аспект)	518
О. В. МАРТЫШИН , старший научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО	520
В. И. МАРШЕВ , профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра спортивного менеджмента экономического факультета МГУ, доктор экономических наук; В. Ф. БОГАЧЕВ , профессор СПбГУП, доктор экономических наук МЕНТАЛИТЕТ «НОВЫХ РОССИЙСКИХ МЕНЕДЖЕРОВ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	521
Л. А. МИЭРИНЬ , заведующая кафедрой национальной экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ СМЕНА ЭПОХ — СМЕНА ПАРАДИГМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ	523
Т. П. НИКОЛАЕВА , заведующая кафедрой менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук, профессор ВЫГОДЫ И ИЗДЕРЖКИ РОССИИ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ	525
Н. Н. НИКУЛИН , профессор Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИЙ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РОСТА ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ	527
Е. А. ПЕТРОВА , доцент Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук «ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	528
В. Г. ПЕТУХОВ , профессор СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ КОНФЛИКТ ПРАВОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	529
Р. А. РОМАШОВ , профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ «ВОЛНОВОЙ» ТЕОРИИ Э. ТОФФЛЕРА	531
Е. С. САДОВАЯ , заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО	532
Э. Л. САДЫКОВА , профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	534
К. Е. СИГАЛОВ , заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент Паразитарная ментальность КАК ФАКТОР АУТОДЕСТРУКЦИЙ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР	536
М. Г. СМЕРНОВА , профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИТЯЖАНИЙ И СПОСОБЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	537
Р. Ф. СТЕПАНЕНКО , профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук ПРАВОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА	539

А. В. СТРЕМОУХОВ (1943–2018) , профессор СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ДАВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ КАК ФОРМА «ВЗАИМОСВЯЗИ» НАДНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА	541
В. В. ТРОФИМОВ , директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук МЕХАНИЗМ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПРОЦЕССА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	543
С. Ф. УДАРЦЕВ , руководитель научно-исследовательских проектов Университета КАЗГЮУ (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана, почетный работник высшей школы Республики Казахстан ЭКОНОМИКА, ПРАВО И КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	545
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП ПРОБЛЕМА УТВЕРЖДЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	546
М. М. ХАЙКИН , заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор; А. А. ЛАПИНСКАС , профессор Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ	548
И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА , профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук ИННОВАЦИОННЫЕ КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОГО АРТ-РЫНКА: АРТОТЕКА И АРТ-РЕЗИДЕНЦИЯ КАК ЕГО НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ	549
Е. Г. ХОЛЬНОВА , заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор ИННОВАЦИИ И ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ВЕКТОР КУЛЬТУРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАЦИИ	551
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ШЕСТОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ	552
И. А. ЧЕСТНОВ , профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	554
Т. В. ЧУБАРОВА , заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук СТРУКТУРНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ	556
В. Л. ЭНТИН , директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук «ОЦИФРОВАННАЯ» КУЛЬТУРА И АВТОРСКОЕ ПРАВО	557
ДИСКУССИЯ	559

Выступающие: Г. А. Гаджиев, В. Г. Графский, И. Д. Димитров, С. А. Дятлов, А. С. Запесоцкий, В. В. Зябриков, С. Н. Касаткин, Г. Б. Клейнер, А. И. Котов, В. В. Лапаева, А. А. Ливеровский, А. Г. Лисицын-Светланов, А. И. Лученок, О. В. Мартышин, А. Д. Некипелов, Н. Н. Никулин, Л. А. Пасешникова, В. Проданов, Р. А. Ромашов, Е. С. Садовая, К. Е. Сигалов, В. В. Трофимов, С. Ф. Ударцев, Г. Ф. Фейгин, М. М. Хайкин, Т. В. Чубарова, Я. А. Шолте, В. Л. Энтин

Секция 5 СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

ДОКЛАДЫ:

Э. Н. БЕРДНИКОВА , доцент СПбГУП, кандидат культурологии ВНУТРИКОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ	581
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП; Б. А. ТИТОВ , профессор СПбГУП, доктор педагогических наук МОДИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА	583

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА , руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук, профессор (мировая экономика)	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ: «РЕВОЛЮЦИЯ ТРАМПА»	584
А. М. МИТЯЕВА , заведующая кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ	587
М. С. МОТЫШИНА , профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП	
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ НА РЫНКЕ ТРУДА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	589
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ , заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры международного бизнеса, доктор социологических наук	
ЦИФРОВАЯ ЭПОХА И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СТРАТЕГИЮ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМ В ТРУДЕ	590
Л. В. ПУТЬКИНА , заведующая кафедрой информатики и математики СПбГУП, профессор СПбГУП, кандидат технических наук	
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ	592
М. ХАРПУТЛУ , губернатор Ананьи (Турция), доктор политических наук	
ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ В СИРИИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И БЕЗОПАСНОСТИ В ТУРЦИИ	593
А. В. ШЕРШУКОВ , секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор газеты «Солидарность»	
ТРУД XXI ВЕКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗОВ	594
Е. Д. ШЕТУЛОВА , профессор Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, доктор философских наук	
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТРУД В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЧУЖДЕНИЯ	596
В. Н. ЯКОВЧУК , доцент Международного университета «МИТСО» (Минск, Республика Беларусь), кандидат социологических наук	
ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ПОТЕРИ» ИЛИ «КОНЦА ТРУДА»: АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА НА ПРОБЛЕМУ	598
ДИСКУССИЯ	600
Выступающие: Г. М. Бирженюк, М. А. Блюм, В. Г. Дербин, А. С. Запесоцкий, Г. А. Кузнецов, Л. Ф. Лебедева, Д. В. Лобок, М. С. Мотышина, А. В. Шершуков, Е. Д. Шетулова, В. Н. Яковчук	
Секция 6	
ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников)	
Выступающие: Н. В. Буров, А. Г. Евстигнеева, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: А. Абдрашитова, В. Вдовин, А. Гушина, Р. Джабиев, К. Дробова, А. Каташевич, Т. Кирьянова, А. Князева, Е. Монченко, А. Пивачева, А. Смирнова	614
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	626

Пленарное заседание КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

17 мая 2018 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

М. ДЕЛЛ'АМБРОДЖИО	министр образования и науки Швейцарии, доктор юридических наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

И. О. Абрамова¹

БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО: РЕСУРСНЫЙ ДЕФИЦИТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ²

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется завершением перехода от моноцентричной к полицентричной модели мира. Этот переход затрагивает все без исключения сферы деятельности человечества — экономическую, политическую, общественную, культурную и др. На международной арене появляются новые активные игроки, которые еще недавно занимали периферийное поло-

жение в мировом цивилизационном пространстве. Их растущее влияние на международные процессы проявляется не только в социально-экономической и политической, но и в культурной сфере. Китай, Индия, Бразилия, страны ЮВА активно задействуют элементы «мягкой силы», включая культурную составляющую, для продвижения своих интересов во всех уголках земного шара. К числу новых полюсов мирового развития относится и африканский континент. Уже в силу того, что это регион, население которого превышает 1 млрд человек и который занимает примерно 1/5 часть обитаемой суши, невозможно создать научно достоверную картину полицентричного мира без полноценного учета особенностей и характеристик этого элемента общей глобальной системы. Вместе с тем растущая взаимозависимость элементов глобализированной мир-системы одновременно означает рост обратного влияния на нее острейших социально-политических, экономических, этноконфессиональных и других проблем Африки, имеющих глобальное измерение. Уже сегодня через усилившиеся миграционные потоки африканцы оказывают самое непосредственное влияние на трансформацию западной культуры и формирование новой европейской идентичности.

¹ Директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, доктор экономических наук. Автор более 250 научных трудов, в т. ч. 10 монографий: «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Новая роль Африки в мировой экономике XXI века», «Население Африки в новой глобальной экономике», «Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century» (в соавт.), «Африканская миграция: опыт системного анализа» и др. Член редколлегий научных журналов «Азия и Африка сегодня», «Ученые записки Института Африки РАН», «Конфликтология», «Контурь глобальных трансформаций». Член Научного совета при Совете безопасности РФ, Экспертного совета по международным делам Совета Федерации РФ. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы», грамотой Президиума РАН.

² Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России». Подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

Африка в настоящее время и в обозримом будущем станет играть особую роль в формирующемся мироустройстве и его глобальных трансформациях. Здесь переплетаются противоречия происходящих процессов. Столкновение старых и новых смыслов выходит за рамки идейно-культурного дискурса и перетекает в сферу материального. Как известно, помимо семантических определений смысла существуют и прагматические, которые оценивают это явление с позиции актора как субъекта деятельности.

Именно поэтому столкновение новых и старых смыслов есть не что иное, как борьба за будущее. Оно обретает форму борьбы новых и старых центров силы за ресурсы и рынки, за сохранение или завоевание в мире экономических, политических и культурных позиций. В этом случае смысл становится ценностью, значимостью или характеристикой полезности объекта экспансии для пользователя.

В условиях разлома мирового экономического, политического и культурного пространства борьба за лидерские позиции между старыми и новыми игроками будет непрерывно нарастать и затронет все без исключения сферы деятельности человека.

Усугубляющийся дефицит ресурсов — одна из истинных глубинных причин уже обострившихся и повсеместно зреющих локальных, региональных и глобальных конфликтов нового тысячелетия. От наличия или отсутствия необходимых природных ресурсов напрямую зависят жизненные стандарты жителей планеты, перспективы социально-экономического развития государств, стабильность мировой экономики и международная безопасность. Как отчетливо продемонстрировали многочисленные события начала нынешнего тысячелетия, в основе реальных действий государств на мировой арене в значительной степени лежит их стремление обеспечить контроль над скудеющими запасами дефицитных естественных ресурсов. При этом корыстные интересы прикрываются самыми высокими целями и идеалами — защитой мира, свободы, демократии, борьбой с распространением оружия массового поражения и изменением климата, охраной окружающей среды и т. п.

Современное состояние общества характеризуется высочайшими темпами потребления природных ресурсов, что, в свою очередь, провоцирует нарушение баланса в воспроизводстве составляющих компонентов биосферы под влиянием всевозрастающей хозяйственной деятельности человека. Неравномерность распределения природных ресурсов на Земле вынуждает государства не только интегрироваться в мировую экономику, но и бороться за сферы влияния на мировом рынке ресурсов. Сфера жизненных интересов высокоразвитых в экономическом отношении стран распространяется как на территории, обладающие ресурсным потенциалом, так и на регионы с высоким качеством окружающей среды, где ее ассимиляционный потенциал оказался менее нарушенным. В первую очередь это относится к африканскому континенту, частично — к Азии и Латинской Америке, а также к некоторым районам России.

Сегодня раздираемое противоречиями мировое сообщество, не раз делившее мир по тому или иному

принципу, вступило в новую эру, когда территориальная экспансия привела к ресурсному разделу. Страны, обладающие природным ресурсным потенциалом, стали объектом экономических и политических интересов развитых в технологическом отношении стран. Последние развивали и продолжают развивать свои технологии ускоренными темпами за счет энергетических и минеральных ресурсов менее развитых стран, обрекая их на политическую, технологическую, а значит, и экономическую зависимость.

Международные отношения в сфере экономики природных ресурсов в XXI веке определяются следующими основными тенденциями:

1. Мировая экономика вступила в эпоху глобализации с интеграцией связей по освоению, разработке, торговле природными ресурсами, в первую очередь топливно-энергетическими, минеральными (рудными и нерудными), продовольственными. Общность экономических интересов разных стран приводит к созданию различных объединений, союзов по производству, переработке, поставке природных ресурсов. Сама природная рента и ее составляющие — ресурсная и ассимиляционная ренты — являются предметом нового перераспределения и присвоения.

2. Главный фактор глобализации в сырьевом секторе экономики — устойчивый характер спроса, производства и потребления природных ресурсов при территориальной неравномерности их размещения и неравнозначном уровне социально-экономического развития стран.

3. Экономика США и стран ЕС на пороге третьего тысячелетия вступила в новую фазу замедления экономического роста, которое проявляется в сокращении темпов прироста общего уровня потребления и производства. Выход из сложившейся ситуации новая администрация США и в меньшей степени государства ЕС могут найти (и уже находят) в активизации военно-промышленного комплекса и развязывании локальных и региональных конфликтов под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Все это ведет к усилению политической напряженности в рамках перераспределения глобальной природной ренты между странами — потребителями и поставщиками природных ресурсов в условиях перехода от моноцентричного к полицентричному миру.

4. С формированием новых центров силы в мировой экономике и политике, в частности Китая, Индии, Бразилии и др., которые также выступают сегодня как крупнейшие потребители и покупатели ресурсов, у стран — обладателей природных богатств возникают новые возможности в борьбе за собственные интересы на мировом рынке¹.

По нашему мнению, особенно важным для понимания ключевых проблем глобального развития XXI века является признание в качестве одной из их первопричин *существующей диспропорции между уровнем социально-экономического развития стран и удельным весом потребляемых ими ресурсов, с одной стороны, и численностью населения этих стран и наличием на их тер-*

¹ Абрамова И. О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М., 2013. С. 116.

ритории запасов дефицитных природных ресурсов — с другой. В самом общем виде эта диспропорция проявляется уже в том, что население развитых стран составляет 16 %, а развивающихся — 52 % общемирового, тогда как потребление минерального сырья находится в прямо противоположном соотношении — 52 и 21 % соответственно¹. За обобщенными среднемировыми данными скрываются еще более вопиющие диссонансы и противоречия. Поэтому вряд ли будет преувеличением утверждать, что одним из главных побудительных мотивов к изменению геополитических реалий было и остается стремление обеспечить контроль над ресурсами — кому-то на глобальном, кому-то на региональном, а кому-то на секторальном или отраслевом уровне. В документах Конгресса США, например, констатируется, что страны Африки южнее Сахары представляют собой богатый людскими и природными ресурсами регион, а континент в целом обладает колоссальным экономическим потенциалом и поэтому имеет долгосрочное политическое значение для США². Экономические и политические интересы на континенте подкрепляются возросшим вниманием американских военных к Африке, выразившемся в создании в рамках высшего военного руководства США командования вооруженных сил по Африке — АФРИКОМ. Одной из главных задач, поставленных перед АФРИКОМ, является продвижение интересов национальной безопасности США в Африке и окружающих морях, включая бесперебойный доступ к природным ресурсам³. Создана постоянная военная инфраструктура США на континенте, основа которой — военная база Лемонье в Джибути. Кроме нее, Вашингтон в соответствии с двусторонними соглашениями развернул на континенте сеть «пунктов сотрудничества в сфере безопасности» (по официальной терминологии Пентагона — Cooperative Security Locations) в Алжире, Ботсване, Габоне, Гане, Замбии, Кении, Мали, Намибии, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне, Тунисе, Уганде.

В связи с этим исследование ресурсного потенциала африканских государств приобретает большую научную значимость и актуальность с точки зрения понимания причин уже существующих и прогнозирования будущих конфликтов.

В современном мире стратегическое соперничество ведущих мировых экономик за африканские ресурсы постоянно возрастает. Африка богата различными видами природного сырья. Здесь выявлены месторождения почти всех известных видов полезных ископаемых. Среди других регионов мира Африка занимает первое место по запасам руд марганца, хромитов, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, ванадия, алмазов, фосфоритов, флюорита, второе — по запасам руд меди, асбеста, урана, сурьмы, бериллия, графита, третье — по запасам нефти, газа, ртути, железной руды; значительны также запасы руд титана, никеля, висмута, лития, тантала, ниобия, олова, вольфрама, драгоценных камней и др.

¹ Рассчитано нами по: Еремин А. И., Дергачев А. Л. Экономика минерального сырья. М. : КДУ, 2007. С. 4.

² US 110 Congress, Senate Committee on Foreign Relations. The Strategic Competition for the Continent Of Africa. Washington, 2007.

³ <http://www.africom.mil/AfricomFAQs.asp>

На сегодняшний день страны Африки суммарно производят почти 15 % (в пересчете на потребляемую энергию) мирового энергетического сырья, и налицо тенденция к существенному росту этого показателя⁴.

Значимость углеводородных ресурсов африканского континента приобретает для мировой экономики некоторые новые аспекты. Они связаны как минимум с четырьмя особенностями добычи, транспортировки, потребления и реализации на мировых рынках африканских нефти и газа.

Во-первых, Африка — один из немногих регионов мира, где, по оценкам специалистов, еще в целом не пройден так называемый пик добычи нефти⁵. Во-вторых, страны континента более привлекательны для нефтегазовых транснациональных корпораций (ТНК), разрабатывающих углеводородные ресурсы морского шельфа и других экологически уязвимых территорий, вследствие в целом более щадящих экологических норм и требований, выдвигаемых национальными правительствами. Это позволяет ТНК экономить огромные средства. В-третьих, Африка географически оказывается весьма привлекательным источником сырья с точки зрения удобства его транспортировки как в старые центры потребления (Северная Америка, Западная Европа, Япония), так и в новые (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия, Бразилия).

Немаловажен и еще один, четвертый, фактор. Запад исходит из того, что военно-политические и геостратегические риски при смещении источников устойчивого снабжения его экономик углеводородами с Ближнего Востока и России в сторону Африки южнее Сахары будут уменьшаться.

Согласно открытым данным, большая часть запасов нефти территориально сконцентрирована в пяти странах — Ливии, Нигерии, Алжире, Анголе и Судане. На них приходится более 90 % доказанных запасов нефти на континенте. Газовые месторождения (91,5 % доказанных запасов) находятся на территории (и в пределах эксклюзивных морских экономических зон) Алжира, Египта, Ливии и Нигерии. Именно эти страны, пожалуй, лишь за исключением Анголы, являются сегодня либо ареной гражданских войн и конфликтов (Ливия, Судан), либо территорией действия разнообразных террористических организаций («Боко харам» в Нигерии, АКИМ и ИГ в Египте, Алжиром и Ливии).

Если говорить о ресурсной составляющей ливийского конфликта, то борьба за нефть (Ливия обладает самыми большими запасами нефти в Африке — порядка 6 млрд тонн) разворачивается как между двумя конкурирующими парламентами и правительствами, базирующимися в Триполи и Тобруке, так и между стоящими за ними внешними силами — Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром, Турцией, Египтом, Алжиром и западными державами. Одно из наиболее не-

⁴ Oil and Gas in Africa. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 75.

⁵ Правда, для многих североафриканских стран (Ливия, Алжир, Египет) он уже в целом миновал. В то же время для большинства нефтеэкспортеров из числа стран южнее Сахары эти критические значения — дело средне- или долгосрочного будущего. Кроме того, отдельные страны только недавно включились в число глобально значимых нефтеэкспортеров.

гативных последствий ливийского кризиса — уничтожение государственной монополии на продажу нефти. Национальная нефтяная компания (НОС) разделилась на «восточную» и «западную», что открывает широкое поле для функционирования черного рынка. Зарубежные инвесторы и бизнесмены не видят сегодня единого государственного субъекта экономической деятельности в этой принципиально важной отрасли экономики Ливии. «Западная нефтяная компания» установила тесные отношения со швейцарским дилером “Glencore” и отгружает ему большие объемы нефти по сниженным ценам. Еще хуже обстоят дела в восточной части страны, где основной нефтяной терминал Марс-эль-Харига контролируется боевиками Джадрана. Здесь идет прямая контрабанда нефти, которой пользуются французская “Total”, испанская “Repsol”, итальянская “Saras”, китайская “Sinopec”. Некоторые из этих компаний пытаются обеспечить свои интересы в том числе и вооруженным путем. Иорданский король Абдалла в январе 2016 года рассказал о пребывании на территории Ливии английского спецназа SAS. Одновременно в арабской прессе появились сообщения о том, что правительству в Тобруке при штурме Бенгази помогали части французского спецназа. В отсутствие механизмов власти, при непрекращающейся вражде «полевых командиров» и иностранном вмешательстве «национальное единство» Ливии останется лишь на бумаге, а иностранные компании будут продолжать разграбление страны. Об этих «плодах» интервенции Запада в Ливии нужно постоянно напоминать.

В последние 5–6 лет география нефтяных и газовых месторождений на африканском континенте существенно расширилась за счет таких стран Восточной Африки, как Танзания (газ), Уганда (открыто крупное нефтяное месторождение Олбертайн Грабен), Кения (нефть) и Мозамбик, где обнаружены колоссальные запасы газа на шельфе. Предполагается, что по линии Восточно-Африканского разлома в ближайшие годы будут обнаружены новые крупные месторождения нефти и газа¹. Весьма примечательно, что именно в этих странах в последние 1–2 года активизировались террористические организации. Все мы помним зверские атаки террористов в Кении: теракт в торговом центре в Найроби в 2013 году и резню в Гариссе в университетском городке в 2015 году, ответственность за которую взяла на себя группировка «Аш-Шабаб». Причиной резни, по словам террористов, стало то, что «христианское правительство Кении вторглось на территорию нашей страны»². Это произошло в 2011 году, когда «Аш-Шабаб» контролировала столицу Сомали и половину территорий этого распавшегося на части государства. Кения ввела войска в Сомали в рамках миротворческой миссии Африканского союза. При поддержке беспилотников США она оттеснила радикальных исламистов от своей границы и помогла выбить «Аш-Шабаб» из всех крупных городов. При этом, оказав помощь войскам Кении в Сомали, американцы получили преференции в разработке нефтяных место-

рождений этой страны на озере Туркана, несколько потеснив там англичан, открывших это месторождение, и китайцев. В 2017 году уже и на севере Мозамбика появилась террористическая группировка, которая также назвала себя «Аш-Шабаб». При этом весьма примечательно, что в 2015 году международный консорциум во главе с американской корпорацией “ExxonMobil” выиграл право на проведение геолого-разведочных работ на шельфе Мозамбика.

По сути, «Аш-Шабаб» превращается в «Аль-Каиду» на Африканском Роге, растворившуюся среди населения окружающих стран и активно поддерживающую контакты с собратьями по всему земному шару³. Помимо идеологических целей группировка может быть использована в интересах тех или иных международных игроков в борьбе за контроль над топливными и другими ресурсами Восточной и Юго-Восточной Африки.

Богата Африка и другим видом топлива — ураном. На рубеже XX–XXI веков запасы урана в Африке составляли 570 тыс. тонн, или 16 % мировых запасов. ЮАР располагает наиболее крупными месторождениями урановых руд, достоверные запасы которых оцениваются в 337 тыс. тонн, что составляет 60 % общеафриканских запасов. Крупными обладателями месторождений урана в Африке являются Нигер (166 тыс. тонн), Намибия (97 тыс. тонн), Алжир (26 тыс. тонн), ЦАР (16 тыс. тонн) и Габон (15 тыс. тонн)⁴. Повышение спроса на уран на мировом рынке сопровождается обострением конкурентной борьбы за право разведки и разработки урановых месторождений континента между европейскими, канадскими, китайскими и российскими компаниями. Сразу вспоминается конфликт между мусульманами и христианами в ЦАР, который в 2013 году перерос в гражданскую войну. За три года конфликта численность беженцев, покинувших свои дома, составила 20 % населения страны. За этноконфессиональным конфликтом стояли интересы западного капитала, прежде всего французского. Франция — один из мировых лидеров атомной энергетики, и именно 1200 французов в рамках резолюции ООН вошли в страну для поддержания порядка.

Африка остается крупным игроком на мировом алмазном рынке. На долю континента приходится более 82 % мировых запасов этого драгоценного камня. Наиболее крупные месторождения алмазов обнаружены в Гане, Анголе, ДРК, ЮАР, Танзании и Намибии, а также в Бурунди, ЦАР, Кот-д’Ивуар, Мали и Того. В последние годы именно ДРК концентрирует весь комплекс проблем, связанный с происхождением конфликтов в районе Великих Озер. Незаконная эксплуатация природных ресурсов ДРК является источником обогащения как мировых мультинациональных корпораций, так и узкого круга местной политической элиты и военных. Из ДРК продолжается незаконный вывоз алмазов, золота и олова, в первую очередь из провинции Восточная, а также из Южного и Северного Киву. При этом прослеживается связь между доходами, полу-

¹ Fituni L., Abramova I. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. М., 2013. P. 113.

² <http://www.pravmir.ru/den-uzhasa-dzhihadisty-ubili-147-che-lovek-v-universitete-kenii/>

³ <https://ria.ru/analytics/20130924/965475032.html>

⁴ Abramova I., Fituni L. Computing for Africa's Natural Resources // International Affairs: A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations. 2009. Vol. 55, № 3. P. 47–48.

ченными от реализации контрабандного сырья на мировом рынке, и трафиком нелегального оружия в восточных районах ДРК¹.

Крупный игрок в районе Великих Озер — США. Их военная промышленность и энергетика более чем наполовину зависят от импорта африканского кобальта — металла, используемого при производстве термостойких и особо прочных сплавов, в том числе при производстве лопаток турбин, включая турбины реактивных двигателей. Другая важная сфера применения кобальта — производство магнитосплавов для электронной промышленности. В США имеются собственные месторождения кобальта, но основная их часть уже выработана, а добыча оставшегося слишком дорога и, как следствие, неконкурентоспособна. Поэтому с 1971 года весь потребляемый промышленностью США кобальт также ввозится из-за границы. 52 % мировых запасов приходится на четыре африканские страны — ДРК, Замбию, Марокко и Ботсвану. Из этого количества львиная доля (60 % мировой добычи без учета стран бывшего СССР) приходится на ДРК, которая одна покрывает 65 % потребностей США в этом металле².

Кроме того, следует учитывать, что, в отличие от никеля и хрома, которые до определенной степени могут быть заменены другими материалами-субститутами, кобальт в большом количестве производств незаменим. Таким образом, можно предположить, что ресурсная составляющая конфликта в районе Великих Озер еще долго будет сохранять свое значение.

Бывшие европейские метрополии в условиях мирового дефицита сырья также не могут себе позволить сдать позиции даже стратегическим союзникам или партнерам по интеграционным объединениям, не говоря уже о новоиспеченных конкурентах из Азии или Латинской Америки. Другими словами, конкуренция между странами Запада в Африке объективно существует и имеет тенденцию к обострению.

Американо-европейское соперничество в основном касается традиционной конкуренции между ТНК на африканских рынках, как товарных, так и рынках приложения капитала. Однако нельзя списывать со счетов и политическую компоненту противоборства. В конце XX — начале XXI века последнее приобрело форму наступления США в первую очередь на позиции Франции на Черном континенте. В ряде стран, некогда считавшихся традиционными зонами французского

влияния, — Бурунди (1993–2005), Руанде (1990–1994), Заире/ДРК (1998–2002), Чаде (2006, 2008), Того (2005), Кот-д’Ивуар (1999, 2002) — вспыхивали внутренние беспорядки и вооруженные конфликты разной степени интенсивности. Хотя внешне эти выступления «демократических сил» практически никогда не были антифранцузскими, они, тем не менее, объективно направлялись против профранцузских правительств в этих странах, а на смену им часто приходили проамериканские лидеры. По сути, речь шла о «цветных революциях» по-африкански.

И все же США и бывшие метрополии постепенно теряют свои позиции в качестве главного импортера африканских ресурсов и основного поставщика готовой продукции в африканские страны. У государств африканского континента появилась весьма заманчивая альтернатива в лице Китая, Индии, Бразилии, Турции и других быстро развивающихся экономик. При этом последние исторически не являются антагонистами стран Африки, так как формально все еще занимают общее с ними место в «лодке» развивающихся государств, или стран мировой периферии. Потеря Западом своих позиций на Африканском континенте, начало которой положено в XXI веке, может сопровождаться обострением конкурентной борьбы вплоть до использования экономических и военных рычагов воздействия. Соперничество мировых держав за африканские ресурсы будет в ближайшие годы все сильнее обостряться. Новые мощные и активные игроки на африканском континенте — Китай, Индия, Бразилия, Турция, а в последнее время Иран — не участвуют напрямую в развязывании конфликтов в Африке, делая упор на развитие экономических отношений с африканскими государствами. Однако активизация их деятельности на Черном континенте усиливает конкуренцию в борьбе за ресурсы и косвенно может послужить причиной новых «ресурсных войн», в том числе принимающих формы вооруженных конфликтов.

Позицию РФ по урегулированию конфликтов в Африке озвучил министр иностранных дел С. В. Лавров во время своего последнего турне по африканским странам, которое он совершил 5–9 марта 2018 года. Он отметил, что по всем конфликтным ситуациям, в том числе на африканском континенте, приняты резолюции ООН. Россия выступает за то, чтобы эти решения мирового сообщества строго выполнялись³.

¹ OECD due diligence guidance for responsible supply chains of minerals from conflict affected and high risk areas. P. : OECD Publishing, 2016. P. 24.

² Фитуни Л. Л. Африка: ресурсные войны XXI века. М., 2012. С. 98.

³ <http://tass.ru/politika/5007116>

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Мы готовимся к переходу в новое десятилетие и в этом процессе сталкиваемся с быстро меняющейся геополитической обстановкой. Баланс сил уже не крепится в сторону Запада, поскольку Азия все больше выдвигается на передовые позиции. Роль действующих многосторонних альянсов уменьшается, а несколько основных глобальных игроков переключают внимание на свои внутренние проблемы. В то же время вновь возникают противостояния, имевшие место в прошлом.

В результате геополитические основы, которые мы знали на протяжении десятилетий, уступают путь новым нормам. То, как мы к ним адаптируемся, будет определять направление будущего для нас и наших детей. В то же время вызовы, с которыми мы сталкиваемся, меняются и усложняются. Они включают распространение экстремизма и терроризма, угрозу экономических кризисов, конфликты на Ближнем Востоке и их нежелательные последствия, включая массовую миграцию.

Мир становится все более глобализованным, а значит, эти вызовы приобретают огромные масштабы. Проблемы, возникающие в далеких странах, потенциально могут повлиять на всех.

Важно признать, что геополитические изменения могут привести к периодам повышенной неуверенности. Много говорилось о так называемой «ловушке Фукидида»: древнегреческий ученый утверждал, что конфликт неизбежен, когда быстро крепнущие государства соперничают с господствующими державами. Он предупреждал, что когда происходит возвышение новых держав (что меняет установившийся статус-кво), риск конфронтации возрастает. Такой исход не является неизбежным, но к нему надо отнестись внимательно, чтобы избежать любой эскалации. Естественно, что политический порядок, установленный в прошлом столетии, должен был измениться, и эти изменения подобны сдвигам тектонических плит.

Многие страны стремятся воздействовать на события в мире. Для этого необходимо иметь большое экономическое влияние, в том числе за границей. Торговые войны не являются решением проблем. Вместо протекционистской политики необходимо вести переговоры с участием многих стран, которые могут внести свой вклад в рост мировой экономики.

В целом многополярный мир лучше однополярно — новые мировые державы могут стать источником силы для остального мира. К формированию нового баланса сил надо относиться разумно. Вместо того чтобы воспринимать друг друга как конкурентов, клю-

чевые игроки должны сосредоточиться на более тесном взаимодействии на высшем уровне и наращивать использование «мягкой силы».

Природа войн, которые мы ведем, изменилась и на уровне обеспечения безопасности. Большинство стран не имеют достаточного потенциала для того, чтобы справиться с распространением терроризма и экстремизма. Современный мир пока только пытается разработать внятную и адекватную ответную стратегию. Необходимо сосредоточиться на такой стратегии, с помощью которой можно будет предотвратить трагическое развитие событий, смягчить проявления национализма и сектантства, а также родоплеменные, этнические, и религиозные проблемы, которые являются питательной средой для терроризма и экстремизма. До сих пор не вполне ясно, как эти организации развиваются и набирают силу — требуется более тонкая работа разведывательных служб для того, чтобы понять, как происходит их финансирование, как работают структуры, которые их направляют и контролируют, а также для изучения их связей с другими группами. Традиционные методы выявления и отслеживания связей тоже не работают обычным образом. Требуется особая стратегия для оценки риска, связанного с гражданами, которые отправились воевать в составе экстремистских групп, а теперь хотят вернуться в свои родные страны, и для работы с такими гражданами. Нужны специальные программы для их реабилитации и обезвреживания.

Еще более важно, чтобы мы занялись основными причинами терроризма, а это значит, что надо признать: терроризм — это гораздо больше, чем вопрос безопасности, это вопрос того, что у людей на сердце и на уме. И терроризм, и экстремизм связаны с лишениями. Это означает, что распространение терроризма и экстремизма идет путем привлечения людей, утративших иллюзии и борющихся за то, чтобы найти свое место в обществе. Слово «лишения» многозначно: это может быть отсутствие возможностей, или несоблюдение прав человека, или отсутствие права голоса либо возможности выражать свое мнение, или отсутствие разрешения споров. Когда лишения достигают определенной точки, критической массы, когда люди чувствуют, что их не слышат, именно тогда они становятся уязвимыми и готовы перейти к противоправной борьбе за свои цели. Мы должны сосредоточить усилия на поиске решений для этих основных, глубинных проблем — источников экстремизма и терроризма. Необходимо также развивать силы и средства разведки и методы борьбы с этими негосударственными структурами. Только так мы получим шанс уменьшить стремление людей уехать за границу и отдать свою жизнь за ложные цели.

В последние годы международное сообщество сделало несколько ошибок. В частности, прилагалось недостаточно усилий для стимулирования экономической деятельности после внешних вмешательств в разных странах — от Афганистана до некоторых государств Ближнего Востока. Во всех случаях после конфликта

¹ Премьер-министр (2004–2007), министр финансов (1999–2004) Пакистана. Старший научный сотрудник Оксфордского университета (Великобритания), доктор делового администрирования. Автор ряда научных и публицистических трудов, в т. ч.: «От банковского дела до тернистого мира политики», «Современные общемировые проблемы и национальные интересы» и др. В 2001 г. экономическими журналами *EuroMoney* и *The Banker* признан лучшим министром финансов года. Почетный доктор юриспруденции Института делового администрирования Университета Карачи (Пакистан). Лауреат премии «Глобальное лидерство в сфере исламской экономики».

необходимо продуманно восстанавливать экономику, составлять план действий при поддержке ключевых стран и Бреттон-Вудских институтов, включая заслуживающие доверия структурные реформы, приспособленные для конкретной страны. Важно изучать этот опыт и учиться на прошлом опыте. Военная интервенция с целью свержения руководства страны без четкой стратегии действий после конфликта — почти всегда путь к трагедии. Она увеличивает шансы на распад, на то, что государство станет недееспособным, и на то, что появятся негосударственные структуры и заполнят вакуум власти.

Важно подчеркнуть, что терроризм не знает ни границ, ни религии. Ислам — это религия мира и толерантности, и большинство мусульман — миролюбивые люди. Но из-за действий фанатиков ислам все больше неправильно понимают на Западе, поэтому мы должны бросить вызов такому тезису, пропагандировать межцивилизационную гармонию и понимание через диалог и участие в совместной деятельности.

Атаки, которые совершаются одиночками, вдохновленными экстремистскими группами или связанными с ними, делают задачу обеспечения безопасности более трудной, чем когда-либо. Это не сложные трансграничные заговоры террористов, которые часто были связаны с политической повесткой дня или месседжем. Одинокие волки, которые нападают сегодня, пожалуй, более опасны, потому что их трудно выследить, а их действия сложно предотвратить.

Надо придумать новый подход для работы с теми странами, в которых сильно непосредственное влияние экстремистских элементов, а также с теми, которые их поддерживают. Для этого нужна координация действий в глобальных масштабах, обмен разведанными, совместные меры обеспечения безопасности, военные операции. Мы должны задаться вопросами, какие ошибки допустила разведка, что позволило группировкам типа «Исламского государства» разрастись в региональном масштабе и набирать сторонников по всему миру.

Сегодня война в Сирии — крупнейший мировой фактор вынужденной миграции. Миллионы беженцев уже покинули зону конфликта. Более миллиона обосновались в Иордании, другие перебрались в Турцию и страны Европы. Имеются веские гуманитарные причины для предоставления убежища беженцам, однако неспособность контролировать поток мигрантов может привести к опасным последствиям для Европы. В то время как миграция может сыграть позитивную роль в обществе и решить проблему стареющего населения, с которой уже столкнулись многие развитые страны, у них должны быть возможности для принятия прибывающих мигрантов. Необходимо адаптировать для них систему социального обеспечения и инфраструктуру, правительство должно убедить свой народ, что это должно принести пользу их стране и экономике в долгосрочной перспективе. Если руководители, придерживающиеся умеренных взглядов, не находят способа успешно справиться с миграционным кризисом, то возникает опасность сыграть на руку крайним правым партиям и экстремистским группировкам. Еще бо-

лее важно сотрудничество в мировых масштабах — это вообще ключевой вопрос. Разные европейские страны, включая Россию и Турцию, а также США, должны найти способы совместных действий.

Между тем мы сталкиваемся с глобальным кризисом сотрудничества. Нарастает напряжение между основными экономическими и политическими игроками, включая США, ЕС и Россию, а также на площадках многосторонних форумов, таких как Совет Безопасности ООН. Мир все больше страдает от дефицита лидеров, так как политики и представители власти, принимающие решения, не мыслят глобально, а концентрируются на краткосрочных политических циклах в своих странах. Линии связи ломаются. Все это не способствует поддержанию мира в долгосрочной перспективе.

В центре всех глобальных процессов находится вызывающая разочарование, слабая Организация Объединенных Наций. В течение последних девяти лет этот когда-то имевший вес институт по большей части не участвует в происходящем. У ООН снова и снова не получается возглавить борьбу с кризисами, эффективно работать для их преодоления или выступать посредником в конфликтах.

Лучший способ защититься в такие времена — устанавливать связи и взаимозависимости. Это относится к соседним странам, регионам и ключевым глобальным игрокам. Обоснование причин их совместных действий является истинным залогом мира и играет ключевую роль в «снижении температуры» в случае возникновения любой напряженности. Сотрудничество — истинный гарант мира.

Историческая встреча лидеров Северной и Южной Кореи в апреле 2018 года является обнадеживающим знаком прогресса на беспокойном Корейском полуострове. Это должно воодушевить и другие конфликтующие страны на начало диалога лидеров по застарелым проблемам и спорам.

Страны, лидирующие в мире и регионах, должны сыграть свою роль в построении мира и гармонии и способствовать диалогу для решения назревших проблем. ООН следует больше работать на восстановление своей роли путем активного участия в установлении мира, в расселении беженцев и преодолении последствий катастроф.

Важно распознавать точки потенциального напряжения, чтобы искать решения через диалог и дипломатию. Необходимо прекратить выяснение отношений и распри в Европе. В конечном счете ни одной европейской стране не идут на пользу ссоры с другими странами в Европе и за ее пределами. Вместо этого надо прилагать больше усилий, чтобы находить и использовать то общее, что есть во взглядах и позициях, и поддерживать сотрудничество для развития лучших отношений, при этом уважая суверенитет друг друга. Это поможет «снизить температуру», а «дивиденды» от мира пойдут на пользу и России, и странам ЕС. В долгосрочной перспективе стабильности и процветания всей Европы можно добиться совместной работой всех крупнейших игроков.

Следует признать, что во многих частях мира мы уклонялись от участия там, где обычный конфликт явля-

ется практичным и целесообразным решением, — отчасти из-за средств ядерного устрашения, а отчасти потому, что сама природа конкуренции постепенно меняется. Мировая политика в настоящее время строится по двум параллельным парадигмам: во-первых, это традиционная парадигма силы и конкуренции; во-вторых — новая парадигма взаимозависимости и общего интереса. На нынешнем этапе истории обе парадигмы, хотя и не вполне гармонично, сосуществуют, как видно по кажущемуся противоречивым поведению государств: они одновременно конкурируют и сотрудничают.

Парадигма силы и конкуренции продолжает доминировать у политического истеблишмента Соединенных Штатов Америки, Китая, России и др. Например, она проявляется в сегодняшней сложной обстановке в плане безопасности в Азии, где США создают альянсы, а также в переброске американских военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий. Тем временем Китай устанавливает и развивает свои связи с Россией, Центральной Азией, Ираном, Латинской Америкой и Африкой, а также укрепляет старые связи, например с Пакистаном. Но что бы ни означали эти действия, маловероятно, что ситуация достигнет той стадии, когда станет необходимым физическое противостояние.

Более реалистичный сценарий на близкую перспективу предполагает дальнейшее использование важными игроками различных экономических методов, в том числе доступ к природным ресурсам, конкурирующие модели развития и необходимость усиления влияния в мировых экономических и финансовых институтах. При этом по-прежнему необходимо вести работу для снижения напряжения в связи со спорными территориями, сосредоточиваться на областях, где дипломатия и диалог помогут установить рабочие отношения.

Нужна новая архитектура глобальной кооперации, в то время как в любых потенциальных точках напряжения следует работать с помощью дипломатии и диалога. Создание новых мировых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), является важным шагом в направлении многостороннего сотрудничества. АБИИ — это возможность для региона (и всего мира) построить новую финансовую инфраструктуру, ту, которая более точно отражает сегодняшние реалии. Он дополнит уже имеющиеся институты, такие как Азиатский банк развития, Исламский банк развития и Всемирный банк. В основу работы АБИИ должны быть положены четыре ключевых принципа: меритократия, прозрачность, равные возможности для всех акционеров и частных лиц и высокие стандарты управления. У него есть преимущество — он не является заложником прошлого и не ограничен исторически сложившимися правилами, как Бреттон-Вудские институты, которым иногда затруднительно адаптироваться к современному миру.

Еще один важный шаг в направлении большей взаимосвязи в мире — китайская инициатива «Один пояс и один путь», амбициозная политика развития, начатая президентом Си Цзиньпином. Ее цель — соединить Китай с рынками Азии, Европы и более удаленными, она включает наземные и морские торговые коридоры, установление связей вдоль старых и новых

торговых путей между Центральной Азией, Южной Азией, Китаем, Россией и Европой. Ожидается, что эта инициатива станет вкладом в дальнейшую интеграцию мировой экономики и будет способствовать росту процветания в Азии, Европе и Африке.

Это великолепная возможность для других мировых держав — США, России и стран Европы — опереться на китайскую инициативу и сосредоточить внимание на перспективной, более широкой кооперации, а также на сотрудничестве и связях через другие инициативы. В то время как меняющийся мировой порядок может вызвать у некоторых людей беспокойство, количество вызовов, с которыми сталкивается мир и которые ни одна страна в может решить в одиночку, только растет. Действующие многосторонние организации должны быть реформированы, чтобы соответствовать требованиям XXI века.

Тесное сотрудничество все больше становится неотъемлемой частью ответа на растущее число вызовов, с которыми мы сталкиваемся, — от угрозы кибербезопасности до изменений климата и проблемы нераспространения ядерного оружия. Способы связи между ключевыми странами в областях потенциальных конфликтов должны быть институционализированы; в целях предотвращения эскалации конфликта из-за недопонимания необходимы частые контакты, диалог и дискуссии.

Одна из главнейших проблем, с которыми сталкивается мир, — демографическая. В развитых странах она проявляется в форме сокращения и старения населения, а это оказывает все большее давление на «государство всеобщего благосостояния». В то же время во многих частях мира, напротив, наблюдается быстрый рост населения. С такими демографическими тенденциями жизненно необходимы всеобъемлющие образовательные реформы. Молодые люди, стремящиеся выйти на рынок труда, должны иметь необходимые навыки, чтобы для них открывалось больше возможностей. Если этого не сделать, то возникает риск появления отчужденного поколения, ощущающего себя в некотором смысле выключенным из общества. Лица, определяющие политику, должны сосредоточить внимание на раскрытии потенциальных способностей у этих молодых людей, чтобы способствовать развитию технологий и производительности труда, что в конечном счете приведет к процветанию.

Один из крупнейших вызовов для многих стран — не только достижение экономического роста, но и обеспечение его справедливости и соразмерности. Экономист Тома Пикетти прямо предупредил нас об опасности углубления разрыва между богатыми и бедными. Если не проводить разумную и взвешенную политику для регулирования этого показателя, то нас ждут серьезные социальные последствия. Капитализация возможностей, которые дают технологии, — от усиления автоматизации до так называемых «подрывных» инноваций, которые могут изменить различные отрасли к лучшему, — станет шагом к выведению наших экономик в XXI век и открытию новых возможностей.

Нежелательные последствия финансового кризиса десять лет назад показали необходимость лучшей

защиты наших систем от будущих экономических потрясений. Природа экономических циклов означает, что спады всегда будут повторяться. Однако продуманная и рациональная политика, а также продолжение структурных реформ могут защитить нас от потенциальных потрясений. По мере того как экономики становятся зрелыми, им требуется все больше перемен и все меньше контроля государства за экономикой для поддержания темпов роста. Структурные реформы для многих стран должны включать программу приватизации, либерализации и ослабления государственного регулирования и контроля. Это поможет внедрить в производство мировые стандарты управления и одновременно сделать предприятия и отрасли более конкурентоспособными.

В заключение отмечу, что крупнейшие глобальные вызовы, с которыми мы сталкиваемся, включая терроризм, проблемы с обеспечением безопасности, распространение ядерного оружия и природные бед-

ствия, не могут быть решены в одностороннем порядке. Ни у одной страны и ни у одного лидера нет эксклюзивного права на мудрость. Перед тем как мы сможем эффективно отвечать на угрозу терроризма, необходимо создать новую архитектуру глобального сотрудничества. Было бы глупо ожидать, что все страны будут одинаково смотреть на каждую проблему, так что разногласия неизбежны. Однако, несмотря на это, мы должны работать совместно, постоянно поддерживая связи по разным направлениям. Надо эффективно делиться информацией, координировать наши ответы и создать резерв доверия, чтобы в случае все же возникшего кризиса мы могли эффективно работать, а не рисковать, наращивая напряженность из-за непонимания. Только таким образом мы сможем повернуть вспять нынешние тенденции к эскалации конфликтов и агрессивных действий, которые бьют по самым основам нашего общества.

**А. А. Акаев¹,
Ю. В. Яковец²**

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ СТАНОВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА НА БАЗЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

С конца XX века человечество вступило в период исторического разлома, глубокого затяжного глобального кризиса, обусловленного сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов, закатом индустриальной рыночно-капиталистической мировой цивилизации и становлением интегральной, гуманистически-ноосферной цивилизации; переходом от четвертого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к пятому поколению при лидерстве Востока. Политики оказались не в состоянии понять глубинные корни кризиса и дать адекватный ответ на грозный вызов. Необходимо научное осмысление причин кризиса и обоснование долгосрочной стратегии его

преодоления и выхода на траекторию устойчивого развития. Эту задачу решают ведущие ученые и дипломаты мира.

Глобальный кризис охватил все материки и все составляющие генотипа цивилизации (всю структуру общества). Нарастает энергоэкологический кризис, выражающийся в исчерпании природных ресурсов, ускоренном загрязнении окружающей среды и нарастании числа природных и техногенных катастроф. Растет число стран, охваченных депопуляцией, критического уровня достигло число безработных, особенно молодежи, волна миграции захлестнула Западную Европу, увеличивается голод, получают распространение эпидемии, усиливается социодемографическая поляризация между странами и цивилизациями. Снизились темпы роста производительности труда и обновления основного капитала, растет технологический разрыв между авангардными и отстающими странами и цивилизациями. Мировая экономика все больше превраща-

¹ Президент Кыргызской Республики (1990–2005), президент Академии наук Кыргызской Республики (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (с 2005 г.), иностранный член РАН, академик Академии наук Кыргызской Республики, доктор технических наук, профессор. Научный руководитель Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный руководитель Центра фундаментальных исследований Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор более 300 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические, экономические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «Переходная экономика глазами физика», «Новая стратегия В. В. Путина по достижению высоких устойчивых темпов роста российской экономики», «Моделирование и прогнозирование мировой динамики» (в соавт.). «Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики» (в соавт.), «Думая о будущем с оптимизмом: размышления о внешней политике и мироустройстве» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина. Лауреат золотых медалей Н. Кондратьева, С. Кузнецова, В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

² Президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Академик Международной академии глобальных исследований. Автор более 780 научных трудов, в т. ч. более 40 монографий и учебников: «Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование», «Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм», «Циклы. Кризисы. Прогнозы», «Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего», «Прогнозирование циклов и кризисов», «Глобализация и взаимодействие цивилизаций» и др. Председатель Ялтинского цивилизационного клуба, заместитель председателя Организации по поддержке глобальной цивилизации, член Всемирной федерации исследований будущего. Основатель и председатель Научно-редакционного совета международного научно-образовательного журнала «Партнерство цивилизаций». Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почета», орденом Дружбы II степени (Казахстан), правительственными медалями.

ется в виртуально-паразитическую экономику «мыльных пузырей» и сферу господства транснациональных корпораций и банков, снижаются темпы экономического роста, растет пропасть между богатыми и бедными странами и социальными слоями. Падают темпы роста науки и ее престиж в обществе, происходит чрезмерная коммерциализация и прагматизация образования, распространяется массовая культура и подрываются нравственные устои общества и семьи. Обостряются геополитические противоречия в мире, увеличивается число локальных вооруженных конфликтов и агрессивных военных действий со стороны США и НАТО, волна международного терроризма стала проявлением выступления варварства против цивилизации. Вновь возрождается призыв «холодной войны», усиливается гонка вооружений.

Все эти проявления глобального цивилизационного кризиса не нашли адекватной оценки и эффективного стратегического ответа со стороны ООН и других международных организаций. Необходимо научное осмысление и выработка долгосрочной глобальной стратегии, обеспечивающей устойчивое социально-политическое развитие и формирование многополярного мироустройства.

Цивилизационный подход к стратегии преодоления глобального кризиса и выхода на траекторию устойчивого развития выражается прежде всего в признании современного глобального кризиса как кризиса цивилизационного, обусловленного сменой сверхдолгосрочных циклов динамики мировых и локальных цивилизаций. Из этого вытекает понимание глубинных основ современного глобального кризиса на понижательной волне шестого цивилизационного и пятого кондратьевского циклов и необходимость ускорения перехода к повышательной волне седьмого цивилизационного и шестого кондратьевского циклов в 2020-е годы.

В XXI веке основными игроками на геополитической арене являются не более 220 признанных и непризнанных государств (193 из которых являются членами ООН) и 12 локальных цивилизаций пятого поколения — социальных мегасистем, которые объединяют государства с общей системой цивилизационных ценностей и исторической судьбой. Это три цивилизации Европы (западноевропейская, восточноевропейская, евразийская), шесть цивилизаций Азии и Африки (китайская, индийская, японская, буддийская, мусульманская и африканская) и три недавно образовавшиеся цивилизации Америки и Океании (североамериканская, латиноамериканская и океаническая).

В ближайшие десятилетия возможна дифференциация смешанной мусульманской цивилизации на пять локальных цивилизаций: арабская, персидская, турецкая (евро-мусульманская), индо-мусульманская (Пакистан, Бангладеш, Афганистан), тихоокеанско-мусульманская (Индонезия и Малайзия).

Взаимоотношения между цивилизациями (их столкновения, противостояние или диалог и партнерство) будут определять направления развития глобальной цивилизации и судьбу человечества в XXI веке.

Российская цивилизационная школа выделяет основные закономерности формирования и динамики взаимодействия цивилизаций:

— закономерность циклической динамики мировых цивилизаций, поколений локальных цивилизаций и глобальной цивилизации, проходящих через сверхдолгосрочные цивилизационные циклы и глубокие цивилизационные кризисы при смене циклов;

— генетические закономерности, выражающиеся в трансформации шести составляющих генотипа цивилизации в процессе циклического развития (природно-экологической, социодемографической, технологической, экономической, социокультурной и геополитической);

— закон поляризации и социально-политического партнерства в процессе цивилизационных кризисов и их преодоления;

— закономерность дифференциации локальных цивилизаций смешанного типа;

— обоснованные Питиримом Сорокиным социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы, закон позитивной и негативной моральной и религиозной поляризации в периоды цивилизационных кризисов и выхода из них.

Система геополитических отношений, взаимодействия государств и цивилизаций возникла более пяти тысячелетий назад с установления раннеклассовой мировой цивилизации и первого поколения локальных цивилизаций в узкой полосе к северу от экватора, в долинах великих исторических рек (древнеегипетская, шумерская, индская, китайская цивилизации), на побережье Средиземноморья или на перекрестках морских путей (финикийская и минойская цивилизации). Уже тогда складывались отношения обмена экономическими, технологическими и культурными достижениями между цивилизациями, хотя во взаимодействии между ними бывали военные столкновения. Уровень интенсивной взаимосвязи между цивилизациями первого поколения был еще слабым.

На протяжении веков усиливалось взаимодействие цивилизаций и происходили изменения в модели мироустройства. Если на первом этапе границы цивилизаций первого поколения и государств в основном совпадали, то в античную эпоху их взаимодействие значительно ускорилось. В периоды лидерства греческой и финикийской колонизации в VIII–IV веках до н. э. в районах Средиземноморья и Черноморья развивались интенсивные экономические и культурные связи между цивилизациями, усиливалась динамика их диалога и партнерства. Примером может служить возникновение смешанной греко-скифской цивилизации в Северном Причерноморье (Боспорское царство, V в. до н. э. — V в. н. э.). Возникли первые мировые империи, включавшие регионы с разными цивилизациями (Персидская империя Ахеменидов, Эллинская империя Александра Македонского, Римская империя).

В эпоху Средневековья взаимодействие локальных цивилизаций третьего поколения, которые охватывали большую часть ойкумены, значительно усилилось. Это нашло выражение как в росте столкновений между цивилизациями (Крестовые походы), так и в развитии ве-

ликих торговых путей, расширении диалога и возникновении элементов партнерства цивилизаций, в формировании империй — Арабского халифата, Священной Римской империи, Византийской, недолговечной Монгольской.

В процессе завоевания Америки были уничтожены обособленно развивавшиеся американские цивилизации и сформировались мировые империи колониального типа — испанская, португальская, британская, французская, а также противостоявшие им Российская и Османская империи. Взаимодействие между цивилизациями проявлялось в виде войн и колониальных захватов, в то же время усиливались процессы диалога между цивилизациями в связи с ускоренным развитием торговых путей на всей планете.

В период индустриальной цивилизации (XIX–XX вв.) сформировалась система колониального господства при доминировании Западной Европы и столкновениях между цивилизациями в виде Наполеоновских войн, Первой и Второй мировых войн. Были сделаны попытки становления новой модели мироустройства на базе партнерства государств в виде Священного союза после Наполеоновских войн и Лиги Наций после Первой мировой войны.

В 1917 году произошел раскол мира на две системы и возникли взаимодействия между системой капитализма в монополистической стадии и системой социализма, что внесло во взаимодействия между цивилизациями новый аспект, который нашел выражение в период Второй мировой войны.

Создание Лиги Наций не смогло предотвратить Вторую мировую войну, начавшуюся с формирования агрессивной оси Берлин–Рим–Токио, претендовавшей на мировое господство. После нападения фашистской Германии и ее союзников на СССР сформировалась Антигитлеровская коалиция, представлявшая собой партнерство большинства держав в борьбе против агрессивных реакционных сил фашистско-милитаристского блока Германии, Италии и Японии. Отступили на второй план противоречия между социалистическими и капиталистическими государствами, что позволило объединить усилия и добиться Победы.

На конференции в Ялте 4–11 февраля 1945 года лидеры трех ведущих держав Антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — заложили основы Ялтинского мира — сравнительно устойчивого послевоенного мироустройства при создании Организации Объединенных Наций в качестве регулирующего института. В Устав ООН было включено основополагающее положение о праве вето постоянных членов Совета Безопасности ООН, что исключало возможность навязывания своих интересов преобладающей группой капиталистических держав.

За семь десятилетий, несмотря на резкое обострение противоречий в период холодной войны и локальные военные конфликты в Корее, Вьетнаме, Афганистане, ООН смогла выполнить свою главную функцию — предотвратить новую мировую войну. Был осуществлен ряд проектов партнерства цивилизаций, в частности «Союз–Аполлон» и создание Международной космической станции (МКС), налажено сотрудни-

чество в Антарктиде и Арктике, создана система контроля за распространением ядерного оружия и прекращением его испытаний, за уничтожением химического оружия и др.

Однако в последней четверти XX века наметилось ослабление стратегической функции ООН. Особенно ярко эта тенденция проявилась с 1990-х годов, когда в результате распада СССР и мировой системы социализма на фоне и в результате прекращения холодной войны проявилось стремление США и других западных держав при опоре на НАТО установить однополярное мироустройство при гегемонии США. Это вызвало ответную реакцию со стороны Китая, экономической мощью и политическое влияние которого стремительно нарастают, других независимых стран, а также России с конца 1990-х годов, когда был возобновлен курс на приоритет национальных и цивилизационных интересов. Усилились противоречия между ведущими державами и цивилизациями, что нашло отражение в концепции С. Хантингтона «О неизбежности столкновения цивилизаций».

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН Резолюция о провозглашении 2001 года Годом диалога между цивилизациями и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 ноября 2001 года «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» не сумели переломить тенденцию обострения противоречий. Провокационные агрессивные действия и военные вторжения США в обход Совета Безопасности ООН на Ближнем Востоке, поддержка «цветных революций» в Северной Африке и международного терроризма в Сирии привели к возникновению и усилению реакционного исламского движения всемирного псевдохалифата, образованию террористического государства ИГИЛ и распространению терроризма по всему миру, прежде всего в странах Западной Европы. Появилась опасная тенденция рассеянного столкновения цивилизаций и войны варварства против человеческой цивилизации.

С 2015 года на фоне обострения цивилизационных противоречий, усиления международного терроризма и открытых выступлений США и НАТО с применением санкций против России стали проявляться тенденции поляризации геополитической ситуации, созревания предпосылок для социально-политического партнерства прогрессивных и консервативных сил перед нарастающей глобальной угрозой реакционных сил и возможного столкновения цивилизаций.

Это нашло проявление как в усилении партнерства между восходящими цивилизациями и державами (БРИКС, ШОС, АСЕАН) в ответ на гегемонистские действия нисходящих цивилизаций и ведущих держав, объединенных «Большой семеркой» и НАТО, так и в провале попыток нанести удар по России посредством экономических и политических санкций. В странах Запада, Японии начали нарастать тенденции противодействия реакционной волне, что проявилось в результатах президентских выборов в США, брексите в Великобритании, попытках обретения независимости в Каталонии, новой расстановке сил в Европейском союзе и более независимой политике Японии в отношениях с Россией.

Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства должна быть ориентирована на период до 2030 года и включать:

1) признание цивилизационного характера глобального кризиса и необходимости положить в основу стратегии назревший переход от индустриальной рыночно-капиталистической цивилизации к цивилизации интегральной, гуманистически-ноосферной;

2) признание того, что ведущими игроками на геополитической арене являются локальные цивилизации, и ориентацию на конструктивный диалог и партнерство между ними;

3) гармоничную трансформацию всех составляющих генотипа цивилизаций (энергетической и социодемографической, технологической и экономической, социокультурной и геополитической);

4) выработку целей, механизмов и институтов партнерства между цивилизациями, прогрессивными и консервативными силами в ответ на угрозы со стороны реакционных сил;

5) трансформацию ООН, расширение компетенции и повышение ответственности за преодоление цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития в кооперации с региональными интеграционными объединениями и национальными государствами. В долгосрочной перспективе речь может идти о Всемирной конфедерации цивилизаций и государств, которая будет регулировать развитие глобальной цивилизации и коэволюцию общества и природы;

6) с учетом того, что лидерство в принятии и реализации стратегических решений переходит к поколению 2020-х, — преодоление раскола внутри этого поколения, облегчение условий его жизни, активизацию его деятельности по формированию новой модели мироустройства и становлению гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации.

На этих шести принципах строится концепция становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций.

«Дерево целей» стратегии включает генеральную цель, цели первого и второго уровней, что может стать базой для выработки системы глобальных стратегий и программ, обеспечивающих достижение поставленных целей.

Стратегические приоритеты включают:

— укрепление глобальной безопасности и искоренение войн и международного терроризма благодаря практическому взаимодействию цивилизаций и ведущих держав, нераспространению ядерного оружия, уничтожению других видов оружия и трансформации вооруженных сил, военно-политических блоков в силы безопасности с расширением их функций, заключение международного соглашения для исключения возможности развязывания войн; выработку глобальной программы искоренения международного терроризма, принятие мер по выявлению причин терроризма и предотвращению вовлечения в него молодежи. В отдаленной перспективе — реализацию идей великих мыслителей по становлению мира без войн, демилитаризации экономики и общества и многоцелевому использованию нынешних вооруженных сил для предотвращения

и преодоления последствий природных и техногенных катастроф и проведению других гуманитарных акций. Это делает бесперспективным существование военного блока НАТО;

— преодоление нарастающего энергоэкологического кризиса, объединение усилий по сбережению природных ресурсов, переработке минерального сырья и замены его возобновляемыми источниками сырья и материалов, сокращению вредных выбросов, утилизации накопленных запасов твердых отходов и оздоровлению окружающей среды. Для этого может быть полезно предложение Международной организации по поддержке глобальной цивилизации о разработке столетнего плана комплексного оздоровления окружающей среды, представленного в 2013 году на IV Международном конгрессе глобальной цивилизации «На пути к ноосферной цивилизации»;

— объединение усилий для преодоления социодемографического кризиса и депопуляции, выработки дифференцированной социодемографической политики, ориентированной на умеренный рост народонаселения в долгосрочной перспективе, создание условий для занятости населения, особенно молодежи, искоренение голода на планете, обеспечение условий для укрепления здоровья и достойного уровня жизни старшего поколения. На это должны быть нацелены действия таких организаций, как ВОЗ, ФАО и МОТ. Заключение международного соглашения по регулированию миграции и создание глобального продовольственного фонда под эгидой ФАО;

— повышение темпов роста производительности труда на основе научно-технологического прорыва, освоения и распространения инноваций шестого технологического уклада. Потребуется выделить в системе ООН организацию, которая будет отвечать за координацию деятельности в области научно-технологического развития, создать глобальный технологический фонд для «подтягивания» отстающих стран. Решению этих задач будут способствовать Евразийская стратегия опережающего развития и создание Глобального технологического фонда под эгидой ПРООН для сокращения технологического разрыва между авангардными и отстающими странами;

— перестройку структуры экономики и внешних связей при приоритете материального производства и реиндустриализации экономики и повышении доли агрокомплекса, создание условий для ускоренного развития малого и среднего бизнеса, более справедливого распределения доходов и искоренения нищеты; преодоление виртуально-паразитических «пузырей», разработку глобального антимонопольного законодательства, ограничение деятельности транснациональных корпораций и банков, оптимизацию уровня и содержания глобализации. Все это будет означать становление интегрального экономического строя, основанного на планово-рыночном регулировании социально-экономического развития. Для этого потребуется повысить роль ООН и эффективность деятельности «Двадцатки»;

— диалог и партнерство цивилизаций, объединение их усилий в демонопользации рынка интеллекту-

альной собственности, меры по синтезу научной, образовательной и информационной революций, повышению качества, креативности и непрерывности образования, искоренению неграмотности и оказанию содействия странам с низким уровнем доходов. Принятие мер для возрождения высокой культуры, сохранения всемирного и национального культурного наследия и разнообразия, распространения гуманистически-ноосферной нравственности, укрепления моральных устоев общества и семьи. Видную роль в этом может сыграть объединение усилий мировых и традиционных религий. Потребуется расширить функции ЮНЕСКО, создав при ней Всемирный совет по координации деятельности религий. Целесообразно разработать и осуществить программу цивилизационного образования и туризма, создать Глобальный научно-образовательный фонд под эгидой ЮНЕСКО.

В целях реализации этих мер потребуется разработать долгосрочную концепцию трансформации ООН и создать в системе ООН институт для координации усилий в виде саммита цивилизаций, включающих ведущие державы всех локальных цивилизаций.

Ключевым направлением выработки и реализации стратегии устойчивого многополярного мироустройства является организация этой деятельности в масштабе Большой Евразии, которая объединяет 8 цивилизаций пятого поколения (их число могут увеличивать до 12 при дифференциации мусульманской цивилизации на пять локальных цивилизаций) и 9 интеграционных объединений.

По данным Всемирного банка, в этих странах проживает 73 % населения мира, производится 64 % мирового ВВП, потребляется 70 % энергии; выбросы CO² составляют 76 % мировых; здесь сконцентрировано 65 % затрат на НИОКР и 59 % доли в доходах от интеллектуальной собственности, при доле в мировой структуре высокотехнологического экспорта 88 %; удельный вес расходов на оборону составляет 60 %, а в численности вооруженных сил — 78 %.

Инициатива Президента РФ В. В. Путина по формированию Большого евразийского партнерства как цивилизационного мегапроекта, поддержанная лидерами ряда ведущих держав, является ключом к выработке и реализации стратегии устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций и интеграционных объединений.

Российские научные школы, формирующие интегральную парадигму обществознания, разработали научную базу Большого евразийского партнерства. Это предполагает прежде всего усиление координации деятельности таких объединений, как Евросоюз, ШОС, ЕАЭС, СНГ, АСЕАН, Организация исламского сотрудничества, Лига арабских государств, Организация черноморского экономического сотрудничества и Евро-средиземноморское партнерство для решения общих задач и преодоления критических ситуаций, сложившихся на евразийском пространстве.

Большое значение имеет сопряжение выдвинутой Россией мегапрограммы Большого евразийского партнерства с предложенной Китаем инициативой «Один пояс — один путь», основные положения которой были

изложены на Международной конференции в Пекине в мае 2017 года. Эти две инициативы, дополняя и усиливая друг друга, дадут синергетический эффект, ускоряя достижение целей формирования устойчивого многополярного мироустройства и способствуя созданию основ интегральной гуманистически-ноосферной цивилизации на Большом евразийском пространстве.

В реализации изложенной выше стратегии ключевая роль отводится Организации Объединенных Наций. Необходимо предотвращать попытки решения глобальных проблем в обход ООН, но сегодня многочисленная и многозвенная система ООН недостаточно эффективна и не соответствует новой исторической эпохе. Необходимо усилить стратегическую цивилизационную направленность деятельности ООН в процессе предстоящей ее трансформации, основные направления которой определены в совместном заявлении РФ и КНР от 4 июля 2017 года о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах¹. Потребуется создать в системе ООН специальный институт, координирующий деятельность по диалогу и партнерству цивилизаций — саммит цивилизаций, ввести «Двадцатку» в состав системы ООН, повысив ее ответственность за координацию деятельности в области экономики и регулировании мировых цен, валютно-кредитных отношений при ослаблении роли Международного валютного фонда и Всемирного банка, в которых преобладает роль стран «золотого миллиарда».

Предстоит усилить роль институтов глобального гражданского общества, добиться рационального сочетания интересов и наладить эффективное партнерство различных социальных групп, прежде всего молодежи. Необходимо содействовать самоорганизации молодого поколения и обеспечить достаточное его представительство в государственных, региональных и глобальных властных органах.

Вслед за дифференциацией западной цивилизации в последней четверти XX века на пять цивилизаций (западноевропейская, восточноевропейская, североамериканская, латиноамериканская, океаническая) в ближайшие десятилетия реально дифференциация смешанной мусульманской цивилизации на пять цивилизаций (арабская, персидская, турецкая, индо-мусульманская и тихоокеанско-мусульманская). Поэтому при определении субъектов реализации стратегии и состава ведущих держав этих цивилизаций следует ориентироваться на их представление 22 государствами: Германией, Великобританией и Францией (западноевропейская цивилизация), Чехией (восточноевропейская цивилизация), Россией и Казахстаном (евразийская цивилизация), Китаем (китайская цивилизация), Индией (индийская цивилизация), Японией (японская цивилизация), Республикой Корея и Вьетнамом (буддийская цивилизация), ЮАР и Нигерией (африканская цивилизация), Египтом, Ираном, Турцией, Пакистаном и Индонезией (мусульманская цивилизация), США (североамериканская цивилизация), Бразилией и Мексикой (латиноамериканская цивилизация) и Австралией (океаническая цивилизация). Кроме того, в таких саммитах должны полноправно участвовать руководство

¹ <http://www.kremlin.ru/supplement/5218>

ООН, ЮНЕСКО и Альянса цивилизаций ООН. Самиты цивилизации должны проходить ежегодно с очередным председательством государств с вынесени-

ем основных документов на последующее утверждение ООН (Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи).

Э. Багис¹

ТУРЦИЯ И ВСЬ МИР: НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Из названия можно предположить, что в настоящее время возникают новые политические реалии. Тем не менее, многое продолжает оставаться без изменений. Эти два фактора — новые и неизменные обстоятельства — формируют ситуацию вокруг Турции и поэтому являются ключом к пониманию современной внешней политики страны и ее места в мире.

Позвольте начать с фактов:

— Турция — член «Большой двадцатки», и ее экономика — это экономика мирового уровня;

— наша страна входит в число основателей большинства европейских институтов, а также является кандидатом на вступление в ЕС, и это — наша стратегическая цель;

— на протяжении последних 66 лет страна является членом НАТО, где выполняет очень важные функции. Турция является одной из пяти стран, наиболее активно участвующих в операциях НАТО, и занимает восьмое место по финансовым вложениям. Турецкие вооруженные силы — вторые по величине в НАТО после вооруженных сил США;

— Турция проводит инициативную и гуманистическую внешнюю политику в целях достижения и поддержания мира, безопасности и стабильности в нашем регионе и за его пределами. Мы предпринимаем действия, руководствуясь гуманистическими мотивами, потому что вся политика должна проводиться в интересах людей. Мы также используем возможности для расширения и углубления сотрудничества.

Обратимся к новым реалиям.

С начала этого десятилетия в регионах, окружающих Турцию, происходят динамичные преобразования.

В разных странах на большой территории, от Украины до Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии, происходят конфликты разного масштаба и в целом обстановка крайне турбулентная.

Неотъемлемой частью наших усилий на Балканском полуострове для обеспечения устойчивого мира и стабильности в этом регионе является продолжающаяся поддержка евроатлантических устремлений стран региона и помощь в достижении их целей.

Межрелигиозные распри, терроризм, экономическая отсталость, плохое управление, геополитические войны чужими руками, которые ведут крупные держа-

вы, на Ближнем Востоке создают многочисленные конфликты, следующие один за другим, и приводят к потерям и страданиям людей.

Вследствие своего геостратегического положения Турция, в отличие от ряда наших европейских партнеров, которым повезло больше, непосредственно сталкивается с этими сложными вызовами, особенно с терроризмом и стихийной и нелегальной миграцией.

Мы принимаем на себя первый и главный удар, тем не менее, продолжаем сдерживать эти процессы и решительно бороться с ними.

Мы продолжаем противостоять многочисленным террористическим группировкам, включая террористическую организацию Фетхуллаха Гюлена (ФЕТО), Рабочую партию Курдистана — Партию демократического единства / отряды народной самообороны (РПК-ПДЕ/ОНС), ДАИШ (ИГИЛ) и Леворадикальную народно-освободительную партию-фронт (РНОПФ).

Турция сталкивается с террористической организацией «нового поколения» под названием ФЕТО, которая стремится разрушить конституционный порядок и свергнуть демократически избранное правительство. Они попытались захватить власть изнутри, проникая в государственные структуры. В первую очередь они нацеливались на вооруженные силы, правоохранительные органы, учреждения образования и здравоохранения. Эта организация также действует в почти 160 странах по всему миру, руководит разветвленной и сложной преступной сетью, действующей под видом школ, компаний, средств массовой информации и неправительственных организаций. ФЕТО — серьезная угроза не только для Турции, но и для всех этих стран.

Мы благодарны тем партнерам, которые в июле 2016 года быстро отреагировали на попытку государственного переворота и способствовали ее провалу. Однако не все наши друзья поступили таким образом. Некоторые и сегодня не спешат предпринимать какие-либо действия. В настоящее время остатки ФЕТО в Европе и США продолжают свою клеветническую кампанию против Турции, чтобы очернить страну и вбить клин между нами и нашими союзниками и друзьями. Поэтому Турция ожидает солидарности, когда прилагает усилия к тому, чтобы виновные в попытке государственного переворота, унесшей жизни более 250 человек, предстали перед судом. Лидеру и членам этой террористической организации нигде не должно предоставляться убежище. Мы ожидаем от союзников и друзей понимания и сотрудничества в этом вопросе.

¹ Министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013), член Турецкого парламента — представитель Стамбула (2002–2015). Автор многих научных публикаций в журналах и статей в национальных и зарубежных газетах в качестве международного специалиста со стратегическим мышлением и консультанта. Председатель Центра западных исследований и западной платформы в Стамбульском университете «Айдын», член Попечительского совета Стамбульского университета коммерции.

Террористы, находящие убежище в Сирии, организуют атаки против Турции, используя спасительные гавани в соседней с нами стране. На этом фоне важнейшим вопросом национальной безопасности Турции является поиск справедливого и рационального решения сирийского конфликта в соответствии с желаниями народа этой страны, а также уничтожение террористической угрозы в Сирии.

В частности, турецкие вооруженные силы в прошлом году успешно завершили операцию «Щит Евфрата», с которой началось изгнание ДАИШ из региона, и освободили территорию площадью 2015 кв. км. На свободную от террористов землю смогли вернуться люди, вынужденные ранее покинуть свои дома.

В то время как в Сирии ДАИШ по большей части побеждена, в приграничных с Турцией районах ее сменила другая террористическая организация — отряды народной самообороны / Партия демократического единства, которая представляет собой сирийскую ветвь Рабочей партии Курдистана и не только угрожает единству и территориальной целостности Турции, но и проводит террористические операции.

Агрессивная деятельность РПК-ПДЕ/ОНС активизировалась в районе Африна. Они угрожают жизни и благополучию братского народа региона, а также нашим гражданам, проживающим на приграничных территориях, и эта угроза становится еще более серьезной из-за недавнего усиления огня на изнурение и беспокоящих атак.

С начала 2017 года турецкие области Хатай и Килис, а также наблюдательные посты наших военных в провинции Идлиб неоднократно становились целями атак, производимых со стороны Африна. К настоящему времени они почти 700 раз подвергались огню на изнурение и атакам, что привело к потерям среди гражданского населения.

Цель продолжающейся операции «Оливковая ветвь» — обеспечение безопасности нашей границы, нейтрализация террористической угрозы, исходящей из Африна, и таким образом спасение братского сирийского народа от подавления и жестокостей террористов путем предотвращения появления спасительных гаваней для террористов и уничтожения уже имеющихся, которые противоречат воле сирийского народа.

Еще одна сфера нестабильности на наших окраинах — нелегальная миграция. В настоящее время в Турции находятся почти 4 млн сирийцев. По данным Агентства по делам беженцев ООН, Турция продолжает оставаться страной, принимающей наибольшее число беженцев. Мы потратили около 30 млрд долларов, в то время как общая сумма средств, полученных от международного сообщества, была гораздо меньше

ожидаемой — 526 млн долларов, не считая финансовой помощи ЕС в размере 1,85 млрд евро.

Усилия Турции по обеспечению достойных условий для сирийцев при одновременном принятии мер по сдерживанию нерегулируемой миграции совместно с успешным выполнением соглашения от 18 марта между ЕС и Турцией также помогут снизить нагрузку.

Думая о перспективе, мы должны проанализировать текущую ситуацию с иммигрантами в Турции и рассмотреть ее в глобальном контексте. Когда люди мигрируют по тем или иным причинам, они берут с собой не только свои семьи и вещи, но и свою культуру и традиции. Их мысли, основанные на собственном опыте и отношениях, передаются другим через повседневную жизнь в новой среде. Их идеи, чувства и действия могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на них самих и окружающих. Далее их влияние приобретает все более широкие масштабы, так что от него начинает зависеть будущее всего мира. Останутся ли иммигранты в принимающей стране или вернуться домой — это также имеет долгосрочные последствия в физическом, социальном и финансовом отношении.

Другой вопрос, требующий решения, заключается в том, что беспорядки в Сирии, начавшиеся семь лет назад, по сути превратились в глобальную проблему терроризма. В результате этого конфликта в регионе возникло ИГИЛ, которое со временем привлекло разочарованных европейских граждан, у многих из которых сложилось наивное и искаженное представление о том, что такое джихад. Многие из них, оказавшись в сирийских реалиях, поняли, что ИГИЛ на самом деле является страшной террористической организацией, но сбежать от радикальных исламистов почти невозможно. В то же время есть немногие, кто становится поклонником идей терроризма и публично наслаждается своей мировой славой, сея жестокость и устраивая казни. Эти террористы пытаются проникнуть в наши регионы, уничтожить как можно больше мирных жителей и разрушить их жизни, о чем свидетельствуют недавние теракты в Турции и за ее пределами в Европе. Чтобы им противодействовать, мы должны стать плечом к плечу — только так мы сможем искоренить зло и восстановить стабильность в мире.

В эти трудные времена, когда в крупном регионе происходят бурные и тревожные трансформации, ставящие перед нами сложнейшие вызовы, я искренне верю, что Турция и другие страны мира смогут действовать конструктивно с помощью диалога и сотрудничества, в полной мере используя имеющиеся у них возможности.

А. Беблер¹**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ
ОКтябрьской РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Примерно сто лет назад Санкт-Петербург, официально переименованный в Петроград в 1914 году, стал эпицентром революционных событий, которые затем на протяжении нескольких десятилетий оказывали сильное влияние на весь мир. Первая волна этого политического переворота охватила Российскую империю в феврале-марте 1917 года. Непосредственным результатом стала смена правительства империи, отречение от престола главы одной из старейших европейских монархий и введение двоевластия Временного комитета Государственной думы (Временное правительство) и Совета рабочих и солдатских депутатов. Второй этап революции последовал в середине октября 1917 года, когда Временное правительство утратило контроль над столицей и ее гарнизоном. Петроградский Военно-революционный комитет объявил о почти бескровном государственном перевороте в 10 утра 25 октября. К тому времени министр-председатель Временного правительства и одновременно военный и морской министр А. Керенский уже бежал из осажденного Зимнего дворца в автомобиле, предоставленном посольством США, переодевшись в форму сербского офицера. Большинство министров уже бессильного Временного правительства были задержаны в 2:30 утра 26 октября 1917 года, при этом они не оказали никакого сопротивления [2, с. 489–499]. Штурм Зимнего дворца красными солдатами и матросами, а также холостой залп крейсера «Аврора» в дальнейшем стали символами славной Октябрьской революции.

Первым мощным посылом Октябрьской революции, провозглашенным в Петрограде, стал Декрет о мире. Он был принят Всероссийским съездом советов 8 ноября 1917 года. Декрет был обращен ко всем воюющим государствам и их народам и призывал на три месяца прекратить военные действия, которые велись во время Первой мировой войны, и немедленно начать переговоры о «справедливом и демократическом мире» без аннексий и репараций. Тайная дипломатия отменялась, а все заключенные тайные договоры должны были стать достоянием общественности.

Именно в Петрограде были учреждены главные институты Советской России, работавшие там около пяти месяцев, — съезд Советов, Совет Народных Комиссаров (СНК), председателем которого стал В. И. Ленин, и др. В марте 1918 года съезд Советов, все еще оставаясь в Петрограде, принял первую Конституцию Рос-

сийской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Таким образом, первое коммунистическое государство «рабочих и крестьян» было официально основано в Петрограде как ядро будущей всемирной федерации советских республик.

Пришедшие в результате Октябрьской революции левые социал-демократы (большевики) призывали закончить Первую мировую войну «справедливым и демократическим миром» без аннексий и репараций ради полного уничтожения мирового капитализма и империализма и замены их диктатурой пролетариата в бесклассовых обществах всемирной федерации советских республик. Большевики утверждали, что это шаг к уничтожению государства как такового [3, с. 38–49, 169–176]. Октябрьская революция также включала мощный антирелигиозный и антиклерикальный компонент.

Российская Октябрьская революция не только не смогла остановить бойню Первой мировой войны, но фактически даже продлила ее, вероятно, на несколько месяцев. Распад армии Российской империи и удачное заключение сепаратного мира с Советской Россией в марте 1918 года позволило Германии и Австро-Венгрии продолжить войну до ноября. В последующие десятилетия русская революция пошатнула существовавший политический порядок в Европе. Этот порядок уже был серьезно дестабилизирован разрушительными действиями в период Первой мировой войны, за которой вскоре последовала ликвидация еще трех империй (Австро-Венгерской, Германской и Османской). Русская революция оказала заметное влияние на весь мир по нескольким направлениям на шести континентах. Она породила глубокий идеологический и политический конфликт между новым коммунистическим государством и другими великими державами, войска которых в 1918 году вторглись на территорию бывшей Российской империи. Этот конфликт внес свой вклад в начало Второй мировой войны, во время которой Советский Союз сражался, будучи членом временного альянса, вместе с либеральными «западными» державами. После 1945 года тот же самый конфликт возобновился и стал основным декларируемым компонентом холодной войны между либеральным Западом и коммунистическим Востоком. Однако откат назад в конфликтных взаимоотношениях между Западом и постсоветской Россией, произошедший позднее, показал, что идеологическое столкновение между либерализмом и коммунизмом фактически замаскировало его главную составляющую — соперничество держав за влияние и доминирование, по сути, между американцами и русскими.

Последствия революции 1917 года мир ощущал на протяжении всего XX века. В частности, на политической карте Европы и Азии произошли существенные изменения. Непосредственное влияние русской революции выразилось, во-первых, в географической

¹ Почетный профессор политических наук факультета общественных наук Университета Любляны (Словения), изучал различные предметы на уровнях бакалавриата и аспирантуры в Словении, Сербии, России, США, Великобритании и Франции, получил степень доктора политических наук в Пенсильванском университете (Филадельфия, США). Автор и соавтор около десяти книг на разных языках и нескольких сотен статей в профессиональных журналах. Его последняя книга на английском языке — «Замороженные конфликты в Европе» (2015). Посол и постоянный представитель Республики Словения в Организации Объединенных Наций в Женеве (1992–1997). Член Исполнительного совета Международной ассоциации политических наук (2006–2009). Президент Евро-Атлантического совета Словении.

экспансии советских или подобных советским политических, экономических и социальных систем, навязанных другим странам русскими большевиками, а позднее советскими коммунистами. Во-вторых, русская революция оказала заметное политическое, идеологическое, а иногда и культурное влияние на другие страны на всех континентах. В-третьих, пример России вдохновил ряд стран, где местным коммунистам удалось завоевать государственную власть преимущественно или исключительно благодаря их собственным усилиям. После декларации права народов на самоопределение русская революция бросила серьезный вызов империализму и угнетению народов в ряде многонациональных государств, включая европейские. Ее воззвания эхом отозвались в колониях и полуколониальных, зависимых от европейских держав странах на других континентах, особенно в Индии, Китае и Вьетнаме. Провозглашенный Лениным лозунг о самоопределении наций предшествовал «14 пунктам Вильсона», появившимся несколькими месяцами позднее, и был более перспективным и универсальным, также применимым к колониям и полуколониям западных держав.

Идеи и лозунги русской революции отозвались громким политическим эхом в разрушенной войной Европе. Ее послы о мире, социальной справедливости, равенстве и самоопределении народов привлекли и мотивировали многих левых на всех континентах. Во то же время победа большевиков оказала косвенное воздействие на внутренние расколы в социалистических и социал-демократических партиях, которые входили в распущенный Второй (Социалистический) интернационал. Во многих европейских странах коммунистические партии были образованы на основе левой части политического спектра. В 1920–1930-е годы самые влиятельные коммунистические партии в Европе, не считая Советского Союза, возникли в Германии, Франции и Испании, а после Второй мировой войны — еще и в Италии. Однако ни одна из них не смогла самостоятельно совершить коммунистическую революцию или прийти к власти на выборах. В остальной части Европы и в Северной Америке в противоположной части политического спектра Октябрьская революция вызвала мощную антикоммунистическую реакцию. Она повлияла на ряд основных политических партий, крайних правых и официальные церкви, особенно Римско-католическую. Советы рабочих и русский большевизм повлияли на развитие немецкой системы *Mitbestimmung* и идеологию Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Более того, угроза коммунизма внесла существенный вклад в рост некоторых видов европейского фашизма, включая католический клерикальный фашизм.

Главным инструментом распространения всеобщего послы русской революции и коммунистической идеологии по всему миру на протяжении примерно четверти столетия служил Третий (Коммунистический) интернационал (Коминтерн). Предполагалось, что это будет централизованная организация всемирного коммунистического движения, объединенная международная партия, а национальные коммунистические партии будут ее «секциями», управляемыми из центра в Мо-

ске. Коминтерн был основан в марте 1919 года на его первом съезде в Москве, работал более двух десятилетий и был официально ликвидирован в 1943 году. Его центральные органы подтверждали мандат, назначали лидеров или распускали коммунистические партии за пределами Советского Союза, обеспечивали им общее политическое руководство и финансовые субсидии, принимали решения по их стратегии, предоставляли коммунистам, преследуемым в других странах, политическое убежище и принимали их в Советском Союзе, изготавливали для них новые советские или фальшивые иностранные документы и сочиняли биографию, а также оказывали медицинскую помощь, обеспечивали общее и политическое образование и идеологическую подготовку. Некоторые зарубежные коммунисты, среди которых были будущие перспективные лидеры своих стран, также проходили подготовку по военному делу, вопросам безопасности и конспиративной работе, которую осуществляли Красная армия и советские спецслужбы.

Вторая мировая война и ее результаты предоставили новые возможности для географического расширения коммунистических режимов, подобных советскому. В 1939–1940 годах три Прибалтийские республики, а также части Польши и Румынии были оккупированы и аннексированы СССР в соответствии с секретными пунктами пакта Молотова–Риббентропа. За поражением «Оси» в 1945 году последовало насаждение систем, подобных советской, в семи «народных демократиях» в Восточной Европе и Северной Корее. Более того, победившие коммунисты в Югославии и Албании установили в 1945 году свои версии советской системы.

Распространение систем, подобных советской, в Восточной Европе и Азии соответствовало двум главнейшим стратегическим целям советского руководства: продвижению «социализма» по всему миру и превращению Советского Союза в мировую политическую и военную супердержаву. Иосиф Сталин использовал привлекательность русской революции для удовлетворения амбиций Советского Союза, желавшего стать великой державой. Достижение этих двух целей было весьма дорогостоящим и не всегда гармоничным. В ряде случаев они сталкивались, и предпочтение всегда отдавалось последней.

За пределами территории бывшей Российской империи русский большевизм наиболее сильно повлиял на судьбу двух государств в Азии и двух в Европе. Республика Монголия и Корейская Народно-Демократическая Республика обязаны своим существованием в виде независимых государств непосредственно Советскому Союзу. В прошлом то же можно было сказать и о Германской Демократической Республике (ГДР). Идеологическое влияние большевизма было чрезвычайно важным для возрождения в 1945 году и насильственного распада Югославии сорок пять лет спустя, а также мирного объединения Германии и распада Чехословакии.

Распад Организации Варшавского договора в 1991 году стал концом советской гегемонии на значительной части Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Это сопровождалось крахом европейских комму-

нистических режимов и окончанием холодной войны. Драматическое развитие событий позволило провести важную геополитическую трансформацию и перестройку на Европейском континенте. Четыре «настоящих социалистических» государства, которыми правили коммунисты, исчезли с карты Европы. Среди них были три «социалистические федерации» (СССР, СФРЮ и ЧССР). Двадцать четыре новых европейских государства, образовавшихся на территориях трех больше не существующих федераций (среди них 7 республик на территории бывшей Югославии), стали независимыми в основном благодаря отложенному политическому и идеологическому влиянию российской Октябрьской революции.

Владимир Ленин, духовный лидер Октябрьского переворота, опасался, что Советская Россия не выживет без мировой социалистической революции [6, с. 309–313, 528, 622]. Лев Троцкий, ее военный лидер, заявлял в своей работе «Перманентная революция», что социалистическая революция не может быть успешна в национальных рамках [5, с. 131]. На протяжении более трех десятилетий перспектива мировой революции выглядела недостижимой. Однако будущее мирового коммунизма стало более светлым к 40-й годовщине Октябрьской революции, которая торжественно праздновалась в ноябре 1957 года в Москве. На этом мероприятии присутствовали лидеры государств с самой большой территорией и численностью населения (СССР и КНР), а также дюжины «народных демократий». В следующие два с половиной десятилетия паракommунисты завоевали государственную власть на Кубе, в Камбодже, Южном Вьетнаме, Лаосе, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Южном Йемене, Афганистане, Гренаде и Никарагуа. Все эти достижения казались предзнаменованиями коммунистического будущего человечества. Однако вскоре после 70-й годовщины ленинского предостережение реализовалось.

Но Ленин и Троцкий ошибались, предполагая, что коммунистическая система может потерпеть поражение, если будет разбита военной силой «буржуазного» империализма извне. Вместо этого коммунистические режимы в Советском Союзе и Восточной Европе потерпели крах в основном по внутренним причинам. На советскую систему и восточноевропейские «народные демократии» фатально повлияли ошибочные экономические стратегии, негибкие авторитарные политические системы, проблема национализма (который, предположительно, должен был исчезнуть в коммунистических обществах). Советский Союз также распался из-за чрезмерно амбициозного стремления руководства сделать его глобальной супердержавой и, как следствие, экономического истощения — раковой опухоли фасадного этнофедерализма и конфликта внутри российской политической элиты [10, с. 197–205]. В последнее десятилетие XX века все «настоящие социалистические» системы, где управляли или доминировали коммунисты, — в Восточной Германии, Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, в России и других бывших республиках Советского Союза (возможно, за исключением Белоруссии), в Монголии — пережили, по официальной версии, либеральные и по боль-

шей части ненасильственные контрреволюции. Они варьировались от многопартийных парламентских демократий до различных видов автократий и личной или семейной диктатуры при имитации либеральных конституционных фасадов. Все эти режимы отрицают любую преемственность наследия русской революции.

Ленин и Троцкий не верили, что если система потерпит поражение в России, то системы, подобные советской, смогут выжить где-то еще. Они оказались неправы и в этом. Большинство успешных последователей российских большевиков оказались в Восточной Азии. Коммунистические системы прямо или косвенно вдохновлялись русской революцией, частично копировали советскую модель, но развивались с учетом местной специфики. Они были созданы «на ружейных стволах» и выжили в Азии и Латинской Америке. Одна из них, радикально тоталитарная и милитаризованная копия советской системы в Корейской Народно-Демократической Республике, сегодня привлекает внимание не благосостоянием населения, а успешной разработкой ядерного оружия и ракет дальнего радиуса действия. В список географически наиболее удаленных последователей можно включить Лаос и Кубу. Отклонившаяся от нормального типа жестокая имитация военного большевизма «красных кхмеров» существовала на протяжении нескольких лет в Камбодже и была разбита вьетнамскими коммунистами с помощью военной силы.

Наиболее экономически и политически успешное «социалистическое» государство — Китайская Народная Республика, в меньшей степени — Социалистическая Республика Вьетнам. В них разработаны и поддерживаются несколько важных элементов систем, вдохновленных русской революцией: правящая коммунистическая партия, официальная марксистско-ленинская идеология, массовые ритуалы, красные флаги, пятиконечные звезды и другие коммунистические символы. Однако китайские и вьетнамские коммунисты отказались от марксистских экономических догм и соединили подобные советским политические черты своих систем с достаточно открытой и регулируемой рыночной экономикой, значительной долей частного отечественного и иностранного капитала и большим экономическим неравенством. В Китае эти отклонения от советской модели высвободили энергию сотен миллионов людей. За три десятилетия они сделали все еще коммунистический Китай второй крупнейшей экономикой мира и мощной политической и военной державой. После реформ Дэна Сяопина китайских коммунистов можно считать последователями советской новой экономической политики (нэпа), проводившейся в 1920-х годах, которую Дэн Сяопин мог лично наблюдать, когда был студентом Коммунистического университета в Москве. Однако испуганное и догматичное советское чиновничество вскоре отказалось от этой политики. В ретроспективе этот поворот и последующее подавление частной экономической деятельности в Советском Союзе были одной из фатальных ошибок, совершенных русскими большевиками.

Октябрьская революция была гораздо более радикальной в провозглашаемых целях и гораздо более

яростной, чем американская Война за независимость (Американская революция) 1775–1783 годов. В ней также отсутствовал элемент сепаратизма. Однако при строительстве СССР большевики скопировали некоторые институциональные черты американского федерализма. По ряду аспектов русскую революцию скорее следует сравнивать с Великой французской революцией 1789–1792 годов. Штурм Бастилии в Париже и Зимнего дворца в Петрограде стали их символами. Обе революции произошли в крупнейших европейских государствах своего времени и обе сильно потрясли социальные и политические устои в Европе. Французская революция уничтожила феодализм во Франции и немало способствовала его постепенному исчезновению в остальных частях Европы. Русская революция смела остатки феодализма в России. Обе эти революции были антиклерикальными, в отличие от американской, и вскоре дегенерировали в диктатуры. Привлекательная освободительная роль двух революций была дискредитирована двумя диктаторами, которые хотели завоеваний и доминирования на значительных территориях Европы. Два диктатора, происходившие из меньшинств, — Наполеон Бонапарт и Иосиф Сталин — таким образом предали заявленные цели двух революций.

Обе революции в конце концов потерпели поражение в странах, где они произошли (и у их последователей), но глубоко повлияли на общества в этих странах. Идеи Великой французской революции более ста лет вдохновляли реформаторов и революционеров в Европе и двух Америках и в дальнейшем были встроены в политический и общественный порядок демократических государств на пяти континентах. Великая французская революция также помогла деколонизации Северной и Южной Америки, в то время как якобинцы повлияли на многих радикальных левых по всему миру, включая русских большевиков.

Русская Октябрьская революция не достигла своей главной декларируемой цели — разрушить и уничтожить мировой капитализм. Изначально российские коммунисты обещали «полностью уничтожить государство», но, напротив, породили огромную бюрократическую машину. Однако угроза коммунизма стала стимулом для реформирования негуманных капиталистических систем на Западе в направлении более человечных и демократических социальных государств. Первое коммунистическое государство, Советский Союз, сыграло главную роль (с огромными человеческими потерями) в разгроме немецко-австрийского Третьего рейха и победе союзников во Второй мировой войне. Русская революция внесла вклад в деколонизацию Азии и Африки и возрождение Китая как мировой державы.

В то же время некоторые характеристики и символы русской революции были дискредитированы во многих странах авторитарными коммунистическими режимами. В последние три десятилетия, в дополнение к 30 европейским, закавказским и центрально-азиатским государствам, коммунистические партии утратили руководящие позиции в четырех азиатских странах (Афганистан, Кампучия, Южный Йемен, Не-

пал), шести африканских (Эфиопия, Сомали, Бенин, Ангола, Мозамбик, Конго, Браззавиль) и в двух государствах в Америке (Гренада, Никарагуа).

Однако с географической точки зрения дискредитация протекает неравномерно. Сегодня коммунистические партии правят только в четырех странах Восточной Азии и одном латиноамериканском государстве. Более того, в Азии (Индия, Бангладеш, Непал, Сирия и Палестина), Африке (ЮАР) и Латинской Америке (Чили, Эквадор, Уругвай, Гвиана и Венесуэла) коммунистические партии входят в правящие коалиции левых. Коммунистическая партия Японии представлена в парламенте 14 депутатами. Сегодня три маленькие коммунистические партии входят в состав правящих коалиций в Греции, Сербии и крошечной стране Сан-Марино; в других странах, где они не относятся к числу правящих, — Российской Федерации, Чешской Республике, Португалии, Испании, Италии, Франции и на Кипре — они все же остаются заметными и влиятельными. В Европейском парламенте заседают 15 депутатов (из 751), избранных по спискам 7 европейских коммунистических партий¹.

В то время как Коммунистический интернационал давно прекратил свое существование, сегодня функционируют две международные ассоциации социалистических и социал-демократических партий с растущим и частично совпадающим членством. Это Социалистический интернационал с 151 членом и ассоциированными партиями и Прогрессивный альянс, в который входят 140 демократических социалистических партий. Бывший президент Социалистического интернационала Антониу Гутерриш сегодня занимает пост Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. В Европе социалистические и социал-демократические партии сыграли важную роль, были правящими партиями или членами правящих коалиций в Германии, Великобритании, Франции, Нидерландах, Бельгии, Италии, Испании, Швейцарии, Австрии, Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, Исландии, Греции, на Кипре, в Андорре, а также в ряде стран Восточной и Юго-Восточной Европы, где бывшие коммунистические партии были распущены или реформированы, реорганизованы и переименованы в социалистические или социал-демократические (в Чехии, Словении, Румынии, Болгарии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Албании, Хорватии, Словении). В Европейском парламенте в настоящее время 190 депутатов — членов второй по величине группы «Прогрессивный альянс социалистов и демократов». Конституции двух самых густонаселенных государств на Земле (Китай и Индия), а также десятка других государств официально определяют их как социалистические. В Азии, Африке, Австралии и в обеих Америках насчитывается более двухсот социалистических партий, несколько десятков из них являются или были в прошлом правящими партиями или членами правящих коалиций. Среди них были социалистические партии в Индии, Израиле, Японии, Чили, Коста-Рике, Эквадоре, Венесуэле, Уругвае, Шри-Ланке, Южной Африке и др. Негативные побочные эффекты

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_communist_parties

глобализации и углубление разрыва между богатыми и бедными стимулировали возрождение социалистической мысли во многих странах на всех континентах. Все это указывает на то, что во всем мире идеи демократического социализма все еще живы и пользуются значительной общественной поддержкой.

Дискредитация Октябрьской революции в стране, где она произошла, объясняет, почему российский постсоветский режим прекратил празднование этой даты и вычеркнул 7 ноября из списка официальных праздников. Однако американцы и французы каждый год весело отмечают соответственно 4 и 14 июля как одни из главных государственных праздников. Таким образом, русская Октябрьская революция стала в основном интеллектуальной пищей для историков и других ученых, занимающихся общественными науками, темой для писателей, продюсеров кинофильмов, работников телевидения и прочих средств массовой информации.

В 1919 году Петроград перестал быть столицей России, а в 1924-м был переименован в Ленинград в память о духовном лидере Октябрьской революции Владимире Ульянове-Ленине. Однако этот великий город все равно остается главным культурным и интеллектуальным центром страны, а с 2000 года также является важным политическим центром. В 1991 году в результате либеральной контрреволюции бывшему эпицентру одного из величайших событий XX века было возвращено его изначальное имперское название. Важное место Санкт-Петербурга в современной европейской истории с тех пор, как он стал столицей России при Петре Великом, не подлежит сомнению.

Литература

1. Сахаров А. История России с древнейших времен до наших дней / А. Н. Сахаров, А. Н. Баханов, В. А. Шестаков. — М.: Проспект, 2010.
2. Pipes R. The Russian Revolution / R. Pipes. — N. Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 1990.
3. Lenin V. J. Država in revolucija in drugi spisi iz leta 1917 / V. J. Lenin. — Ljubljana: Studia Humanitatis, 2017.
4. Ленин В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. — М.: Госиздат, 1961.
5. Trocki L. Permanentna revolucija / L. Trocki. — Rijeka: Otokar Keršovani, 1972.
6. Fischer L. The Life of Lenin / L. Fischer. — N. Y.: Harper & Row, 1964.
7. Deutscher I. Stalin / I. Deutscher. — N. Y.: Oxford University Press, 1969.
8. Revel J.-F. Les origines intellectuelles et morales du socialisme / J.-F. Revel // La Grande Parade. — P.: Plon, 2000. — P. 109–124.
9. Revel J.-F. Le communisme au XXe siècle: une histoire sans signification? / J.-F. Revel // La Grande Parade. — P.: Plon, 2000. — P. 197–220.
10. Гайдар Е. Гибель империи / Е. Гайдар. — М.: Росспэн, 2006.
11. Pleterski J. Zgodovina Zveze Komunistov Jugoslavije / J. Pleterski [et al.] // Komunist. — Ljubljana: DZS, 1986.
12. Auty Ph. Tito. A Biography / Ph. Auty. L.: Longman, 1970.
13. Goldstein I. Tito / I. Goldstein, S. Goldstein. — Ljubljana: Modrijan, 2017.
14. Saje M. Zgodovina Kitajske / M. Saje. — Ljubljana: Slovenska Matica, 2015.
15. Short Ph. Mao: The Man Who Made China / Ph. Short. — L.: Tawris, 2017.
16. Pantsov A. Deng Xiaoping / A. Pantsov. — Oxford: Oxford University Press, 2015.

П. Бюльбюль оглы¹

КУЛЬТУРА И РАЗВИТИЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Фундаментальной особенностью современного исторического процесса является глобализация различных сторон общественной жизни. Глобализация видоизменяет традиционные экономические, коммуникативные, политические связи и отношения в обществе. Этот сложный феномен обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов и не поддается однозначной оценке. Глобализация, с одной стороны, открывает новые горизонты для научно-технического, экономического развития, с другой — ведет к опасным для будущего человечества политическим, социальным, культурным метаморфозам. Понимание многих аспектов глобализации, ее последствий предполагает учет этнических, конфессиональных, культурологических, ценностно-мировоззренческих факторов, что делает неизбежным определенное взаимодействие философских, научных и религиозных подходов.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, профессор, народный артист Азербайджана. Композитор, певец, актер. Министр культуры Азербайджана (1988–2006). Автор книги «Культурная политика в Азербайджане» (2003, в соавт.) и других публикаций. Награжден орденами Дружбы и Почета (РФ), «Независимость» и «Честь» (Азербайджан), Чести (Грузия), удостоен многих других зарубежных наград.

Культура и глобализация

Следует подчеркнуть, что еще до активизации глобальных процессов во второй половине XX века значительно усилилось внимание к культурологической проблематике. И это не случайно. Влияние культуры стало явно сказываться на характере экономики и правовой, политической системе общества. Сейчас очевидно, что нет такой области деятельности, нет таких социальных процессов, которые возникали бы и изменялись вне влияния культуры.

Культура изначально связана с человеком и порождена им. Не существует общества и человека без культуры и вне культуры. «На самом деле человек сделался культурным существом, каким он является теперь, в ходе типичного эволюционного становления. В развитии человека участвуют процессы двух типов, хотя и весьма различные по своим темпам, но теснейшим образом взаимодействующие между собой: медленное эволюционное развитие и во много раз более быстрое культурное»².

Каждая культура — это целостный духовно-материальный феномен, воплощенный в родовой общности

² Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 2008. С. 4.

сти людей, определенном этносе. Следует согласиться с культурными антропологами в том, что культуры не бывают лучшими или худшими — они бывают разными. В процессе исторического развития у народов складываются собственные представления, ценности, символы, нормы поведения. Даже одинаковые географические условия и условия материальной жизни не приводят к унификации форм духовной жизни, разнообразие не исчезает. Несмотря на то что общности людей могут жить рядом на протяжении многих столетий, они сохраняют свои специфические черты. Это не исключает наличия общих черт, инвариантов в различных культурах, которые определяют возможность взаимодействия, диалога культур, их оценки с гуманистических и экологических позиций. В зависимости от природных условий, этнических особенностей у каждого народа складываются самобытные представления о жизни, нормы поведения, символы. Они в процессе исторического развития в силу внутренних и внешних причин в определенной мере менялись, однако в целом не происходило полной унификации форм духовной жизни, разнообразие культур в основном сохранялось.

На мой взгляд, следует остерегаться «технологической» трактовки культуры как совокупности средств деятельности, благодаря которой реализуются те или иные цели человека. Культура, конечно же, возникает в процессе человеческой деятельности, но отсюда не следует, что любой продукт этой деятельности есть культура. Ведь принципиальное значение имеет то, на что направлена человеческая деятельность — на созидание или разрушение, поддержание жизни или ее уничтожение. Гуманистическая ориентация человеческой деятельности в данном случае имеет приоритетное значение. В этом отношении значимо определение культуры, данное академиком Д. С. Лихачевым. С его точки зрения, «культура — это сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания», ориентированная на «создание, сохранение и воспроизводство норм ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества»¹.

В связи с этим внимание невольно обращено на соотношение понятий «культура» и «цивилизация». Я согласен с точкой зрения, что цивилизация — высшая ступень в развитии культуры. Каждое общество обладает своей культурой, сложной или простой, развитой или неразвитой, но если культура стала крупной, технологически богатой (например, в ее рамках возникла, письменность, появились города), то она действительно приблизилась к цивилизованному уровню.

Вместе с тем понятие «цивилизация», как справедливо считает профессор Н. В. Мотрошилова, должно отражать не только уровень научно-технологического развития, степень ухода от примитивных способов хозяйствования, но и меру свободы человека, его гармоничного, нравственного развития². В связи с этим представляется, что гуманистические установки могут пол-

ноценно проявляться на уровне цивилизационного развития культуры.

Однако как объяснить, что современная культура, достигнув цивилизованного уровня, не только сохраняет элементы зла, разрушения и жестокости, но и может вернуться на уровень варварства? Об этом свидетельствуют периодические рецидивы фашизма, агрессивного национализма, акты терроризма, поведение людей во время природных катаклизмов, многочисленные отдельные и массовые преступления против человечности и в наше время, в XXI веке.

Определенные объяснения искажения гуманистической сущности культуры на ее высшем, цивилизационном, уровне дает профессор Н. М. Мамедов³. Он выделяет три обстоятельства, влияющие на неадекватное развитие культуры. Первое, по его мнению, связано с природой человека, унаследованными от предков естественными инстинктами. В этом плане назначение культуры (институтов социализации) видится в «очищении» архаичной природы человека, избавлении его, в частности, от «инстинкта агрессивности». Вспомним, что еще мыслители Нового времени видели в культуре главное средство исправления природных пороков человека и предотвращения социальных катаклизмов. Второе — с ограниченностью в каждый конкретно-исторический период времени теоретических основ преобразующей деятельности человека. Отсюда особые надежды на научное познание, реализацию ноосферогенеза. Третье обстоятельство связано с наличием объективной неопределенности в социальных и природных системах, которая не снимается в процессе развития познания и может смягчаться при прогнозировании последствий принимаемых решений.

Обобщение функций культуры

Несмотря на внутренние коллизии культурного процесса, в развитии культуры сейчас видится разрешение социальных и экологических противоречий. На Всемирной конференции по политике в области культуры (Мехико, 1982), проведенной под эгидой ООН, впервые четко обозначился отход от традиционной концепции развития, ориентированной на экономический рост, и целью подлинного развития были провозглашены благосостояние и счастье каждого человека. Культура была определена в качестве основного системообразующего фактора развития, а конечной целью развития были признаны повышение качества жизни отдельного человека и его личное достоинство. На конференции было принято обращение к государствам гарантировать такую стратегию национального развития, при которой культура стала бы не просто ее неотъемлемой частью, а основой.

В утвержденной на данной конференции декларации была дана обобщенная трактовка культуры, получившая в дальнейшем широкое признание. Для согласования различных целей человечества, как уточняется в декларации, «культура следует рассматривать

¹ Лихачев Д. С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006

² Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. С. 131.

³ Мамедов Н. М. Природа человека и смысл культуры // Культура устойчивого развития: от идеи к реальности. Баку, 2013. С. 50.

в самом широком смысле, как совокупность многообразных духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, характеризующих сообщество или социальную группу...». Следует признать, что «культура охватывает, помимо искусства и литературы, также и образ жизни, основные права человека, систему ценностей, традиции и веру». Такое представление культуры исключает понимание развития как продукта исключительно технологического и экономического роста, характеризует культуру как объединяющую и созидательную силу общества.

В развитие идей конференции, проходившей в Мехико, спустя 16 лет, в 1998 году, в Стокгольме на всемирной конференции «Культурная политика в целях развития» было подчеркнута, что культурная политика не должна выступать в качестве автономной, абстрактной деятельности, а должна становиться определяющим фактором достижения всестороннего общественного развития. Другими словами, культурная политика предстала как *важный инструмент государственного управления общественным развитием*, как эффективный путь целенаправленной организации общества.

Правда, еще остается открытым вопрос о мере управляемости культурой, ведь широкая трактовка культуры, по существу, сводит ее к понятию общества, а культурную политику — к многоуровневому социальному управлению.

Противоречия культурной глобализации

Вместе с тем культурный процесс в условиях глобализации начал проявлять противоречивую сущность. С одной стороны, беспрецедентное развитие информационных технологий, средств коммуникации, проникновение в различные структуры общественной жизни единых цивилизационных универсалий стали видоизменять и обогащать национальные культуры. Глобализация создала уникальные возможности для конвергенции ценностей, идей, жизненных установок. С другой стороны, возникла опасность унификации национальных культур, их бесследного исчезновения. Разнообразие культур обоснованно считается духовным богатством человечества, оно должно всемерно поддерживаться на различных уровнях. Обеспокоенность Организации Объединенных Наций подобной ситуацией привела к принятию целого ряда документов, программ, направленных на сохранение культурного многообразия в мире. При этом обращается особое внимание на то, что сохранение национальных культур связано с вопросом соблюдения прав человека. Ибо национальная культура есть обобщенное воплощение прав человека на свой духовный мир.

Диалектику культурного процесса в свое время образно выразил Махатма Ганди: «Я не хочу жить в доме, обнесенном глухой стеной, с забытыми окнами. Хочу, чтобы культуры всех стран свободно веяли вокруг моего дома, как ветры. Но я не желаю, чтобы какой-либо из них сбивал меня с ног»¹.

¹ Цит. по: Доклад о развитии человека. 2004. С. 103. URL: hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2004-russian.pdf

Глобализация и мультикультурализм

Сохранение многогранной сущности мировой культуры в условиях глобализации становится актуальной научно-теоретической и социально-политической проблемой. В связи с этим, на мой взгляд, следует более внимательно относиться к политике мультикультурализма, рассеять туман, искусственно создаваемый в последние годы некоторыми западноевропейскими государственными деятелями вокруг этого чрезвычайно важного цивилизационного способа управления динамикой культуры. Мультикультурализм исторически показал свою адекватность и эффективность в многонациональных, многоконфессиональных странах. Последовательно проводимая политика мультикультурализма предотвращает конфликты на этнокультурной почве, обогащает социализацию индивида, создает толерантную духовную атмосферу в обществе, содействует адекватному восприятию другой культуры. Гуманистические принципы мультикультурализма позволяют подняться над узкими националистическими интересами, опасными проявлениями шовинизма и ксенофобии.

Россия имеет огромный опыт в реализации идей мультикультурализма. В современном Азербайджане мультикультурализм составляет основу государственной политики. В 2008 году по инициативе Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева был запущен так называемый «Бакинский процесс» с целью определения долгосрочной программы в области культурного развития, выявления действенных путей межкультурного и межкультурного диалога. В рамках «Бакинского процесса» при поддержке ООН регулярно проводятся всемирные конгрессы по диалогу культур, а в прошлом году успешно прошло такое масштабное мероприятие, как «Альянс цивилизаций».

В республике созданы научные центры по исследованию оснований и путей реализации мультикультурализма. Труды азербайджанских ученых, посвященные политике мультикультурализма, ее гуманистической, социальной ценности, соответствию идеологии устойчивого развития, широко известны научной общественности. Как показывает опыт Азербайджана, политика мультикультурализма укрепляет доверие в обществе, усиливает социальный капитал, что в итоге проявляется в развитии экономики, повышении уровня и качества жизни населения.

Становление культуры устойчивого развития

Культура, как метко заметил К. Маркс, если развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню. С этим связано предположение о необходимости управления развитием культуры, реализации той или иной культурной политики. Как министр культуры с 18-летним стажем работы в тяжелейший переходный период, я полностью согласен с этим тезисом.

Глобальная озабоченность безопасностью своего существования является предпосылкой нового культурного синтеза. Человечество сейчас оказалось перед альтернативой: либо сохранить сложившийся тип деятельности и погибнуть в экологической катастрофе, либо кардинально изменить его и сохранить природу

для жизни последующих поколений. Так как второй вариант единственно приемлемый, то человечеству предстоит на основе осознания новых реалий преобразовать не только сформировавшийся преимущественно разрушительный тип деятельности, но и всю систему ценностей. Так возникла концепция устойчивого развития, которая была принята в 1992 году на конференции ООН в Рио-де-Жанейро как программа действий «Повестка дня на XXI век» для человечества.

В соответствии с концепцией устойчивого развития на смену прежним, ориентированным исключительно на развитие экономики стратегиям должна прийти стратегия, в центре которой находится человек. Современный образ жизни, ценности, сформировавшиеся в эпоху индустриального общества, должны подвергнуться радикальным изменениям. Вот почему необходимо не только использовать культурные традиции, но и развивать, пропагандировать культуру устойчивого развития¹.

Главный показатель устойчивого развития — гармония между социально-экономическим и экологическим развитием. Соответственно культура устойчивого развития — это способ согласованного социоприродного развития, при котором обеспечивается сохранение фундаментальных показателей природной среды. Если культура как социальный феномен — «творение человеческих рук» — всегда противопоставлялась природе, то культура устойчивого развития должна стать новым способом гармоничного соединения человека с природой на основе более глубокого понимания ее сущности и примирения с ней.

Это требует постоянного пополнения знаний о законах функционирования окружающей природной среды, формах и методах деятельности по рациональному и бережному природопользованию.

По мере осмысления проблем и перспектив перехода современного общества к устойчивому развитию

стало очевидным, что такой переход возможен при условии гармоничных социальных отношений, нравственного совершенствования людей, изменения человеческих качеств на основе гуманистических ценностей и идеалов.

Вопросам формирования культуры устойчивого развития были посвящены международные конференции, которые проходили в Баку под эгидой ЮНЕСКО в 2011–2014 годах. Следующим шагом в этом направлении стал конгресс ЮНЕСКО «Культура: ключ к устойчивому развитию», состоявшийся в г. Ханчжоу (Китай). По итогам конференции была принята Ханчжоуская декларация «Культура и устойчивое развитие», в которой содержится призыв сделать культуру ядром политики устойчивого развития, а также предлагаются пути достижения этой цели. Надо признать, что культура устойчивого развития может формироваться только при условии целенаправленных действий. Основой определенного изменения и обогащения культуры может выступать система образования, которая определяет развитие общества, средства массовой информации, литература и искусство.

Переход к устойчивому развитию — сложный диалектический процесс, требующий приложения усилий всех государств, всего человечества. Этот процесс призван объединить людей, консолидировать мировое сообщество. Все руководители государств, входящие в ООН, признали актуальность и неотлагательность данного процесса. Но между знанием, пониманием и конкретными действиями, как мы еще раз убеждаемся, пролегает большая дистанция. Остается надеяться, что человек разумный успеет стать человеком мудрым и предпримет все от него зависящее для развития культурной составляющей бытия и дальнейшей осмысленной и благополучной жизни на земле.

¹ Мамедов Н. М. Феномен культуры и устойчивое развитие // *Universum: Вестник Герценовского ун-та*. СПб., 2013. № 3. С. 55.

Е. Вятр¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В НЕБЕЗОПАСНОМ МИРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Двадцать пять лет назад, после окончания холодной войны и падения коммунистических режимов в Европе, в восприятии положения дел в сфере европейской безопасности преобладал оптимизм. Большинство из нас верили, что столетняя история войн и вражды закончилась. Этот оптимизм основывался на трех основных аргументах:

1) перспектива мира, в котором доминируют Соединенные Штаты Америки, давала надежду на то, что американское руководство будет способствовать мирному разрешению конфликтов и постепенному расширению (мирными средствами) либерально-демократических ценностей. *Pax Americana* (лат. Американский мир) воспринимался как лучшая альтернатива по сравнению с конфронтацией идеологий и конфликтами на основе национального эгоизма;

2) мирное изменение политического климата в Европе, символом которого стало примирение тех, кто в прошлом враждовал (за примирением немцев и французов последовало примирение немцев и поляков), вселяло веру в установление дружеских отношений между бывшими врагами;

3) исчезновение идеологической супердержавы СССР и смена режима в России, а также ослабление ее международного положения рассматривались как гарантия новых дружественных отношений между европейскими странами.

В последующие годы расширение НАТО и Европейского Союза породило в регионе Центральной Европы чувство беспрецедентной безопасности. Даже этнические войны в бывшей Югославии не ослабили эту атмосферу безопасности, отчасти потому, что вмешательство НАТО в эти военные конфликты (в Боснии и Герцеговине и Косово) положило конец военным фазам конфронтации.

Только несколько ученых говорили об осторожности и ставили под сомнение превалирующий оптимизм. Один из них — видный израильский политолог (и мой друг на протяжении многих лет) Шломо Авинери

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографий «Социология политических отношений», «The Soldier And The Nation: The Role Of The Military In Polish Politics, 1918–1985», «Four Essays on East European Democratic Transformation», «Political Sociology in Eastern Europe: A Trend Report and Bibliography», «Socjologia wojska», «Socjologia wielkiej przemiany», «Socjaldemokracja wobec wyzwań XXI wieku», «Socjologia polityki», «Europa pokomunistyczna – przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku», «Refleksje o polskim interesie narodowym» и др.; статей «Восточная Европа: судьбы демократии», «Польша и Россия: национальные интересы или историческая память?», «Вторая мировая война и новый мировой порядок», «Политический кризис на Украине и его перспективы» и др. Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный президент Центральной европейской ассоциации политических наук, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина). Награжден орденом Возрождения Польши II степени.

ри. В своем эссе о Восточной Европе Авинери предупреждал о возможности «возвращения к истории», имея в виду наследие авторитаризма и национализма в Восточной и Центральной Европе². Другой — Сэмюэл Ф. Хантингтон, который в своей знаменитой книге о «трех волнах демократизации» предупреждал о возможности «отката», или «обратной волны», вызванной «авторитарным национализмом», «религиозным фундаментализмом», «олигархическим авторитаризмом», «популистскими диктатурами»³.

Наиболее радикальные версии подобных сценариев не материализовались, по крайней мере пока. В период после окончания холодной войны в Восточной и Центральной Европе ни один режим не был свергнут силовыми методами и не была установлена ни одна диктатура. В то время как недавние события в Венгрии и Польше заставили многих критически взглянуть на «новый авторитаризм»⁴, они не создали опасностей для мирных взаимоотношений между странами в этой части Европы.

Однако сегодня имеется повод для беспокойства в долгосрочной перспективе, обусловленного политическими переменами, которые произошли в первые годы XXI века. Четыре перемены имеют наибольшее значение для безопасности стран Центральной Европы (а также и для других).

Первая — кризис американского руководства. Он вызван принятием сильно идеологизированного подхода к американской внешней политике, особенно в период президентства Джорджа Буша-младшего. В начале февраля 2001 года я присутствовал на Национальном молитвенном завтраке в Вашингтоне, во время которого недавно избранный президент Буш выступал с первой речью о целях американской внешней политики. Президент Буш утверждал, что доверие США миссии по утверждению демократии во всем мире — это воля Божья, а он, как президент, считает своим священным долгом выполнение этой миссии. Мне редко доводилось слышать такую явную декларацию идеологического характера внешней политики.

Вскоре после террористических атак в сентябре 2001 года США (при поддержке Великобритании и ряда других государств, включая Польшу) начали войну против Ирака. Эта война сильно пошатнула позиции Америки в мире. Если с военной точки зрения она была успешной, то с политической — стала катастрофическим поражением.

Збигнев Бжезинский выделил три основных последствия этой войны. Во-первых, она нанесла «серьезный урон положению Америки в мире» и «дискреди-

² Avineri S. The Return to History: The Breakup of the Soviet Union // The Brookings Review. 1992. Spring. P. 30–33.

³ Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late twentieth Century. L. ; Norman : The Oklahoma University Press, 1991. P. 293–294.

⁴ Wiatr J. J. New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective // Studia Socjologiczno-Polityczne. Warsaw, 2017. № 2 (7). P. 123–137.

тировала глобальное лидерство США». Во-вторых, это «была геополитическая катастрофа». В-третьих, «она усилила террористическую угрозу США»¹. Бжезинский назвал президентство Буша «катастрофическим» в основном из-за фиаско в Ираке. Ослабление лидирующей позиции США после этой войны подорвало доверие других стран к эффективности альянса с США и способствовало тому, что некоторые государства стали действовать более решительно в международных отношениях.

Второй фактор, тесно связанный с первым, — рост международного терроризма. Терроризм — не новое явление, но в нынешнем столетии он стал качественно новым фактором в мировой политике. Терроризм больше не ограничивается одним государством (или регионом), он стал по-настоящему интернациональным. Ни одна страна в мире больше не может чувствовать себя в безопасности. Даже самая агрессивная политика, направленная против террористов, не может предотвратить постоянно повторяющиеся террористические акты.

Последствия «арабской весны» разочаровали — вопреки более ранним оценкам большинства западных СМИ и научных кругов — и стали третьим фактором, повлекшим за собой ухудшение политического климата. Все арабские государства, за исключением Туниса, в которых произошли перевороты, или вернулись к обновленным авторитарным режимам (Египет), или погрузились в состояние длительной гражданской войны (Ливия, Сирия, Йемен). Война в Сирии привела к появлению «Исламского государства», террористического оплота религиозных фанатиков, преданных идее мирового халифата. Вследствие поддержки, оказываемой двум сторонам, участвующим в гражданской войне в Сирии, Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация сами оказались в сложном положении, имеющем потенциально опасные последствия.

Четвертый фактор нового международного положения — это растущая сила и стремление региональных держав — Китая и России — утвердиться на мировой арене, они бросают вызов мировой гегемонии США. С точки зрения Центральной Европы именно новая роль России вызывает обеспокоенность. Перед тем как рассмотреть вызов, исходящий от России, мне хотелось бы подчеркнуть прямую связь между провалом американской внешней политики и растущей решительностью Российской Федерации. Ослабление американской державы воодушевило Россию бросить вызов мировой гегемонии США, в частности в регионах, территориально близко расположенных к России, которые она считает ближайшими соседями.

Самым важным для безопасности Центральной Европы является роль Российской Федерации как сильнейшей региональной державы в непосредственной близости от восточных границ Европейского союза. Представляет ли Россия реальную угрозу нашей безопасности? Есть ли вероятность того, что она спровоцирует новую войну, как предсказывает британский генерал Ричард Ширрефф, бывший заместитель Вер-

ховного главнокомандующего Вооруженными силами НАТО, в своей недавно опубликованной книге (художественном произведении на политические темы)²? По вымышленному сценарию Россия вторгается в Латвию и в конечном счете терпит поражение от объединивших свои силы войск НАТО и латвийских партизан, но конфликт остается ограниченным регионом Балтийского моря и не распространяется до масштабов третьей мировой войны.

Серьезное обсуждение вызова, бросаемого Российской Федерацией, требует осмысления политической трансформации России после падения коммунистического режима и распада Советского Союза. Если говорить о внутреннем положении, то постсоветский период российской истории — это полные хаоса годы президентства Бориса Ельцина, которые Клаус фон Бейме называет «анократией» — комбинацией автократии и анархии³, а также неоавторитарное правление Владимира Путина в XXI веке. Провал демократических реформ связан как с российской политической культурой (включая наследие тоталитарной диктатуры в предыдущем столетии), так и с ошибочной политикой демократического Запада, который отказался предоставить России необходимую ей помощь в первые годы после краха коммунистической диктатуры. Правление Путина отмечено успешными усилиями по восстановлению положения России как великой державы. Именно этот аспект президентства Путина объясняет его большую популярность среди граждан России, как свидетельствуют опросы общественного мнения⁴.

Самый важный вопрос с точки зрения центрально-европейских стран: представляет ли Россия сегодня реальную угрозу нашей безопасности? Я убежден, что нет. Таким образом, я выступаю против доминирующей в моей стране политической точки зрения. Мое мнение объясняется двумя основными причинами.

Во-первых, Россия не оказывает идеологического влияния (как бывший Советский Союз) и не собирается экспортировать свою политическую систему и философию в другие страны. Ее национальные интересы диктуют политику региональной гегемонии в рамках бывших советских республик, которые близко расположены географически, а также в части Азии, ближе всего расположенной к границам России.

Во-вторых, российские лидеры прекрасно осознают потенциальные катастрофические последствия атаки на государство — члена НАТО. Только сумасшедший может рискнуть начать войну с НАТО — наиболее сильным военным союзом в мировой истории.

На основании этих двух факторов я не воспринимаю Россию как непосредственную угрозу безопасности Центральной Европы. Однако это не означает, что конфликты с Россией можно исключить из нашего стратегического мышления. Было бы наивно игнорировать возможность таких конфликтов. Но также неправильно преувеличивать их влияние на нашу безопасность.

² Shirreff R. 2017 War with Russia. L. : Hodder & Stoughton Ltd., 2016.

³ Beyme K. von. Transition to Democracy in Eastern Europe. N. Y. : St. Martin's Press, 1995. P. 166.

⁴ New Trends in Russian Political Mentality / ed. E. Shestopal. Lanham : Lexington Books, 2016.

¹ Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y. : Basic Books, 2007. P. 146–149.

Украинский кризис привел к ухудшению отношений с Россией не из-за прямой угрозы нашей безопасности, а вследствие намерения Европейского союза защищать украинский суверенитет, которому угрожала аннексия Крыма и поддерживаемый Россией сепаратизм в восточных областях Украины. Для понимания этого конфликта нужно вернуться к нестабильным и неустойчивым российско-украинским отношениям после распада СССР. С самого начала было очевидно, что большинство русского населения выступало против включения Крыма в состав Украины и желало его возвращения в Россию¹. До кризиса 2014 года позиция России по этому вопросу была подчинена стратегическим соображениям, в соответствии с которыми преимущественно отдавалось тесным взаимоотношениям между двумя странами, а не интересам и потребностям жителей Крыма. Все изменилось в начале 2014 года, когда свергли пророссийского президента Виктора Януковича, а радикальная переориентация украинской внешней политики заставила российское правительство отказаться от осторожной позиции по крымскому вопросу и предложить поддержку (возможно, даже одобрение и поощрение) сепаратистам в Донбассе. В то время как у НАТО и ЕС имелись веские основания предложить политическую поддержку Украине и выступить против России конкретно по этому вопросу, было бы ошибкой подчинять наши взаимоотношения с Россией в целом разрешению конфликта на Украине. Имеются другие важные вопросы, сотрудничество по которым с Российской Федерацией является жизненно необходимым для безопасности Европы, включая гражданскую войну в Сирии, борьбу против международного терроризма и сдерживание распространения ядерного оружия.

Политический реализм свидетельствует о том, что конфликты между региональными державами нельзя исключать. В современном мире они являются скорее результатом отстаивания национальных интересов, а не в корне враждебных идеологических убеждений, как это было во времена холодной войны. Однако конфликты такого характера не следует рассматривать как катастрофические. Более того, я убежден, что единственный способ решения таких конфликтов (считая украинский) — это компромисс, что маловероятно в ближайшем будущем, но неизбежно в долгосрочной перспективе.

Гораздо сложнее разобраться с двумя другими вызовами: международный терроризм и поток беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки. Для решения этих вопросов требуются единство позиции демократических государств и серьезный пересмотр нашей глобальной стратегии.

Международный терроризм представляет собой наибольшую опасность для нашей безопасно-

сти, потому что, исходя из его природы, компромиссные решения невозможны. Центральная Европа пока не стала целью международных террористов, но было бы ошибочно полагать, что подобное положение вещей будет сохраняться вечно. Поэтому необходимо объединить усилия с нашими союзниками в Западной Европе и Америке для того, чтобы коллективно ответить на этот вызов. Также необходимо серьезно исследовать социальные и политические корни проблемы, включая нерешенный палестино-израильский конфликт.

Европейская солидарность также необходима для того, чтобы найти практическое решение проблемы беженцев. Приток неограниченного количества беженцев из охваченного войной региона Ближнего Востока и Африки — непрагматичная политика, потому что это неизбежно приведет к росту количества потенциальных мигрантов. В то же время с нравственной и политической точек зрения неправильно умыть руки и оставить решение этого вопроса исключительно тем странам, на которые непосредственно пришелся основной приток беженцев. Под вопрос поставлена не только судьба беженцев, но и сплоченность Европейского Союза.

Какие практические рекомендации можно дать на основании этого анализа? Выскажу четыре предложения.

Во-первых, поддерживать и укреплять единство и солидарность сообщества демократических стран Европы и Северной Америки. Противостоять всем попыткам ослабления европейской интеграции, а также политике национального эгоизма и изоляционизма.

Во-вторых, следовать политике компромисса и избегать искушения навязывать собственную волю другим. Не забывать, что компромисс — это не капитуляция. Избегать двойных стандартов при оценке политики друзей и противников.

В-третьих, избегать подчинения нашей внешней политики идеологии, даже если это означает отказ от мечты о «крестовом походе» за демократию. Не забывать о драматических последствиях идеологически мотивированной войны с Ираком как о важнейшем предостережении на будущее.

В-четвертых, практически и коллективно решать проблемы беженцев и международного терроризма и быть готовыми взять на себя необходимую ответственность солидарно с остальными членами сообщества демократических стран.

Это не сделает Центральную Европу неуязвимой от опасностей, типичных для современного мира. Анализ проблемы безопасности — не рецепт утопии, а интеллектуальный инструмент для того, чтобы сделать нашу практическую политику более эффективной.

¹ “Frozen conflicts” in Europe / ed. A. Bebler. Opladen ; Berlin ; Toronto : Barbara Budrich Publishers, 2015. P. 189–207.

Г. А. Гаджиев¹О СУЖДЕНИИ «МИР УСТАЛ ОТ МИРА» —
ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

«Мир устал от мира» — это высказывание профессора В. Д. Зорькина, напоминающее нам о названии великого романа Льва Толстого, который, кстати, в 1861 году встречался с Прудоном, а в 1864-м опубликовал «Войну и мир». Парадоксальные идеи французского мыслителя послужили толчком для историософских размышлений Толстого. Но если у Прудона «война и мир» — это антиномия, то у Толстого «мир» — это не состояние, противоположное состоянию войны, а «Мир» с большой буквы, который обозначает важнейшую онтологическую категорию. И в этом Мире живет скромнейший солдат Платон Каратаев, все величие которого, по мысли Толстого, состоит в том, что он сознает себя исключительно частью целого, народа, без малейших претензий на автономию и индивидуализацию. Конечно, это архетип в духе Юнга — характеристика народа в лице одного представителя, у которого надо учиться этике, правде. И это уже не те выводы, к которым приходит Пьер Безухов.

Возвращаясь к Прудону, хочу напомнить, что феномен войны объясняется им как чередование двух функций человечества в истории, подобно тому как в жизни индивида чередуются сон и бодрствование. Исходя из этого, война — нечто обыденное и даже продуктивное. Идея войны у Прудона — это прежде всего идея силы, которая является одним из принципов движения и жизни. Сила рождает антагонизм, а это уже один из всеобщих законов Мира (понимаемого не как состояние, противоположное войне, а как онтологическая категория). Антагонизм, или борьба противоположностей, представляет собой одну из двенадцати категорий Канта. В этой распрямляющейся спирали рассуждений о силе появляется и правосудие как проявление практического разума и высшая способность души; в правосудии демонстрирует себя существующее в природе равновесие. Итак, война — это антагонизм, но именно он способствует появлению международного права и чуть позже — идеи европейского равновесия во внешней политике. Карл Шмитт писал, что идея уравнивания является достижением абсолютного рационализма эпохи Просвещения, которая породила множество изоморфных образов. Начиная с XVI века во всех областях духовной жизни человечества господствуют всевозможные виды балансов: тор-

говый баланс в национальной экономике, космическое равновесие притяжения и отталкивания и даже равновесие страстей у Н. Мальбранша и сбалансированное питание у Й. Мозера. Война — это продолжение антагонизма, его кульминация. Однако прекращение антагонизма может привести ко «всемирной иерархии», которая будет означать «всемирное порабощение». Поэтому, делает вывод Прудон, политическая система человечества «состоит в общем равновесии государств, взаимно друг друга ограничивающих». Это равновесие и есть мир.

Ощущение того, что Мир устал от мира, отражает, казалось бы, пессимистическую точку зрения. Какова же в таком случае оптимистическая точка зрения на это суждение?

Иосиф Бродский в своей знаменитой речи, которую он произнес в декабре 1988 года перед выпускниками Мичиганского университета, сформулировал «Декларацию оптимизма», в которой предложил в качестве одного из жизненных принципов «уважать жизнь не только за ее прелести, но и за ее трудности, а они составляют часть игры, а хорошо в них то, что они не являются обманом. А поэтому всякий раз, когда вы в отчаянии или на грани отчаяния, когда у вас неприятности... помните: это жизнь говорит с вами на единственном хорошо ей известном языке».

Нужно только уметь понимать язык жизни, который весьма метафоричен. Метафора глубоких парадигмальных изменений в научных представлениях — частичный обвал горы, обнажающий часть структуры земной коры. Ситуация «Мир устал от мира» обнажает всю иллюзорность многих научных рефлексий. Научные знания обладают, среди прочих качеств, постоянством, и это постоянство иллюзорности. Пример: счастливое для человечества тридцатилетие XX века после окончания Второй мировой войны породило такую научную иллюзию, как государство всеобщего благоденствия. Томас Пикетти доказал в своей книге «Капитал в XXI веке», что несправедливости и неравенства в обладании капиталом стало гораздо больше, чем в XX веке. В России после десятилетий относительного имущественного равенства народ ощущает несправедливость имущественного расслоения. И это обстоятельство создает мощный запрос на определенную модель политики.

Одной из самых опасных для мира иллюзий оказалась идея универсализма прав человека. Во время президентства Джорджа Буша-младшего появилось убеждение, что «наши», то есть американские, ценности, представления об универсальных правах человека являются единственно правильными, а поэтому они должны быть восприняты всеми другими нациями в мире. Юрген Хабермас точно подметил, что образ действий американского правительства подводит к мысли о том, что для США международное право как среда для решения межгосударственных конфликтов,

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 270 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика», «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», «Российская судебная власть: современность и перспективы» (в соавт.), «Право и экономика (методология)» и др. Член редколлегии 12 научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

для осуществления прав человека уже не имеет значения. Эти цели мировая держава открыто декларирует как содержание собственной политики, которая больше не апеллирует к международному праву, а обращается к собственным этическим ценностям, во многом основанным на автономии личности и индивидуализации.

Я не случайно напомнил про архетипический образ Платона Каратаева, который помогает понять, что

не во всех культурах присутствует тот же объем пьютета перед индивидуализацией, что существует на Западе. Вместе с моральными принципами в международных отношениях правительство Буша отправило *ad acta* (в архив) созданный 220 лет тому назад проект Канта об урегулировании международных отношений правом, которое может появляться только на основе соглашений, на конституционной основе.

С. Ю. Глазьев¹

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КРИЗИСА

Если закономерности смены технологических укладов хорошо изучены и признаны научным открытием², то гипотеза о смене мирохозяйственных укладов нуждается в пояснении. Открытые Арриги вековые циклы накопления³ имеют в своей основе систему производственных отношений и соответствующих им институтов управления и интересов властвующей элиты, задающих инерцию социально-экономических и политических отношений.

Предполагается, что мировое экономическое развитие и связанные с ним политические изменения происходят путем периодической смены мирохозяйственных укладов, каждый из которых представляет собой систему взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизмы глобальных экономических отношений.

Мирохозяйственный уклад — система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизмы глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения.

¹ Академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина по вопросам региональной экономической интеграции, доктор экономических наук, профессор. Научный руководитель Межрегионального института экономики и права при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС. Автор более 300 научных работ, в т. ч. 32 монографий: «Экономическая теория технического развития», «Теория долгосрочного технико-экономического развития», «Выбор будущего», «О стратегии экономического развития России», «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на “экономическое чудо”», «Стратегические предпосылки модернизации и инновационного развития российской экономики», «“Украинская катастрофа”: от американской агрессии к мировой войне», «Экономика будущего. Есть ли у России шанс?», «Последняя мировая война. США начинают и проигрывают», «Битва за лидерство в XXI веке. Россия—США—Китай: семь вариантов обозримого будущего» и др. Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. Награжден орденом Дружбы, медалями «За вклад в создание Евразийского экономического союза» I степени, золотой медалью Н. Д. Кондратьева. Многократный лауреат национальной премии «Человек года».

² Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.

³ Arrighi G. The long twentieth century: money, power and the origins of our times. L.: Verso, 1994.

Каждый мирохозяйственный уклад имеет пределы своего роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Развитие этих противоречий происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений и разрешалось до сих пор мировыми войнами. В такие периоды наблюдаются резкая дестабилизация систем международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на основе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства прокладывают себе путь в других странах, пробивающихся в лидеры экономического развития.

Прежние лидеры стремятся удержать свое доминирование на мировом рынке посредством усиления контроля над своей геоэкономической периферией, в том числе методами военно-политического принуждения. Как правило, это влечет крупные военные конфликты, в которых стареющий лидер растрчивает ресурсы, не добываясь нужного эффекта. Находящийся к этому времени на волне подъема потенциальный новый лидер старается занять выжидательную позицию, чтобы сохранить свои производительные силы и привлечь спасающиеся от войны умы, капиталы и сокровища воюющих стран. Нарастивая свои возможности, новый лидер выходит на мировую арену, когда воюющие противники достаточно ослабевают, чтобы присвоить себе плоды победы.

В основе сегодняшнего глобального доминирования США лежит сочетание технологического, экономического, финансового, военного, информационного и политического превосходства. Технологическое лидерство позволяет американским корпорациям присваивать интеллектуальную ренту, финансируя за счет нее научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в целях опережения конкурентов по максимально широкому фронту научно-технического про-

гресса. Удерживая монополию на использование передовых технологий, американские компании обеспечивают тем самым свое преимущество на мировых рынках как по эффективности производства, так и по предложению новых товаров. Экономическое превосходство создает основу для господствующего положения американской валюты, которое защищается военно-политическими методами. В свою очередь, за счет присвоения глобального сеньоража от эмиссии мировой валюты США финансируют дефицит своего государственного бюджета, который складывается вследствие раздутых военных расходов.

Однако в настоящее время гегемония США поддается неразрешимым в рамках существующей системы институтов воспроизводства капитала внутренними противоречиями. США и их союзники по «Семерке» к настоящему времени исчерпали возможности вытягивания ресурсов из постсоциалистических стран, в которых сложились свои корпоративные структуры, приватизировавшие остатки производственного потенциала. Исчерпала себя и финансовая война, которую Вашингтон ведет с незащищенными национальными финансовыми системами, привязывая их к доллару посредством навязывания монетаристской макроэкономической политики при помощи зависимых от него МВФ, рейтинговых агентств, агентств влияния и т. д. Искуственно стимулируемого таким образом притока капиталов в американскую экономику уже недостаточно для обслуживания лавинообразно нарастающих обязательств федерального правительства, расходы на которые приближаются к трети ВВП США. Воспроизводство финансовой системы США вышло на режим с обострением — экспоненциальный рост их государственного долга и финансовых пирамид деривативов свидетельствует о ее скором саморазрушении.

В то же время сохранившие экономический суверенитет КНР и Индия не открывают свои финансовые системы, демонстрируя уверенный рост в условиях кризиса. Их примеру следуют крупнейшие страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, сопротивляясь поглощению своих активов иностранным капиталом. Посредством создания двусторонних валютных свопов Китай быстро формирует свою систему международных расчетов. По мере становления нового технологического уклада пространство для маневров Федеральной резервной системы США неумолимо сжимается — американской экономике приходится принимать на себя основной удар обесценения капитала, сконцентрированного в избыточных производствах прежнего технологического уклада, финансовых пирамидах и обязательствах терпящих бедствие стран. Считавшийся главной причиной мирового финансового кризиса разрыв между реальными активами и их виртуальными деривативами с того времени существенно увеличился. Все это свидетельствует о достижении пределов расширения и исчерпании возможностей экономического развития в рамках нынешнего мирохозяйственного уклада.

Как это было и в предыдущие периоды смены вековых циклов, теряющий влияние лидер прибегает к при-

нудительным способам поддержания своего доминирования. Сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США пытаются удержать лидерство за счет развязывания мировой войны с целью ослабления как конкурентов, так и партнеров. Установление контроля над Россией в сочетании с доминированием в Европе, Средней Азии и на Ближнем Востоке дает США стратегическое преимущество над поднимающимся Китаем в контроле над основными источниками углеводородов и другими значимыми природными ресурсами. Контроль над Европой, Россией, Японией и Кореей обеспечивает также доминирование в создании новых знаний и разработке передовых технологий.

Согласно гипотезе о смене мирохозяйственных укладов, США не могут выиграть провоцируемую ими мировую войну. Эпоха американской гегемонии в мире заканчивается. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, не обеспечивает более поступательного развития производительных сил. Современное развитие производительных сил требует новых производственных отношений и институтов организации глобальной экономики, которые обеспечили бы устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая экологические и космические. В условиях либеральной глобализации, выстроенной на основе интересов транснациональных, в основном англо-американских корпораций, эти вызовы существованию человечества остаются без ответа.

Возвышение Китая влечет за собой реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Возрождение планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, активная промышленная политика, контроль за трансграничными потоками капитала и валютные ограничения — все это может превратиться из запрещенного вашингтонскими финансовыми организациями «меню» в общепринятые инструменты международных экономических отношений. В противовес Вашингтонскому ряд ученых заговорили о Пекинском консенсусе, являющемся куда более привлекательным для развивающихся стран, в которых проживает большинство человечества. Он опирается на принципы недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. При этом может возникнуть новый режим защиты прав на интеллектуальную собственность и передачу технологий, вероятно принятие новых норм международной торговли в сфере энергетики и ресурсов, новых правил международной миграции, могут быть заключены новые соглашения об ограничении вредных выбросов и т. д. Китайский подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, военной интервенции, торговых эмбарго) дает развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений

с другими государствами¹. Китай принципиально отвергает применение силы, а также использование санкций во внешней политике. Даже в своих отношениях с Тайванем Китай всегда делает упор на расширение экономического и культурного сотрудничества, в то время как тайваньские власти сопротивляются этому².

Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Япония, Сингапур и Южная Корея. Несмотря на существенные отличия от КНР по политическому устройству и механизмам регулирования экономики, между ними формируется множество устойчивых кооперационных связей, быстро растут взаимная торговля и инвестиции.

К формирующемуся «ядру» нового мирохозяйственного уклада «подтягиваются» как близлежащие страны: Россия, Индия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, так и Бразилия, Венесуэла, Куба и другие государства Латинской Америки. Усиливается притяжение к нему стран африканского континента. В совокупности экономическая мощь этих государств уже сопоставима со странами «ядра» американского цикла накопления.

Можно определить следующие сценарии развития России в зависимости от внутренних и внешних факторов в треугольнике с США и Китаем. Если в отношении последнего можно предположить сохранение нынешней системы институтов нового мирохозяйственного уклада и продолжение формирования нового центра мировой экономической системы в обозримой перспективе, то в отношении России и США существует по два варианта.

Политика США может остаться в основном неизменной, и Трамп будет придерживаться прежней линии удержания глобального доминирования, продолжая гибридную войну против России и сдерживание КНР. Или он перейдет к политике здравого смысла, признав реалии многополярного мира и неизбежность перехода к новому мирохозяйственному укладу. Второй путь потребует кардинального обновления американской властвующей элиты и является весьма маловероятным.

Для России варианты разнятся в зависимости от проводимой внутренней экономической политики. В первом случае она остается неизменной. Это будет означать нарастающее технологическое отставание российской экономики, ее деградацию, падение конкурентоспособности и окончательную утрату способности к самостоятельному развитию. Второй вариант предполагает переключение на политику опережающего развития на базе новых технологического и мирохозяйственного укладов. Он подразумевает проведение суверенной денежно-кредитной политики и смешанной стратегии развития экономики: форсированное наращивание инвестиций; динамическое наверстывание в сферах с относительно небольшим технологическим «запаздыванием»; догоняющее развитие с опорой на импорт современных технологий в областях безнадёжного отставания.

¹ Ramo J. The Beijing Consensus. L.: The Foreign Policy Centre, 2004.

² Беседа В. Попова с П. Дуткевичем. 22 идеи о том, как устроить мир (беседы с выдающимися учеными). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 470–471.

Рассмотрим следующие варианты.

1. Статус-кво. Каждая из трех стран продолжает нарастающее отставание как от нового, так и от старого центра мировой экономической системы. Оно будет вести к ослаблению военно-технической мощи, сравнительному ухудшению уровня жизни и падению социальной поддержки власти. Ослабление последней спровоцирует усиление агрессии США против России, которая будет включать нарастание военных провокаций со стороны контролируемого США неонацистского режима на Украине, эскалацию террористической деятельности на Кавказе и в Поволжье, дестабилизацию социально-политической ситуации в столицах ЕАЭС. Одновременно КНР будет усиливать свое влияние в экономике России и ЕАЭС. Массированные китайские инвестиции в рамках реализации доктрины «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) будут приспособлять их к потребностям развития экономики КНР. ЕАЭС в рамках этого сценария едва ли выдержит испытание на разрыв противонаправленным давлением со стороны США и Китая при слабеющей России. Евразийская интеграция также будет подвергаться испытаниям на прочность между старым и новым центрами мировой экономики. Российская экономика станет набором слабо связанных между собой анклавов, обслуживающих разные сегменты мирового рынка, что создаст предпосылки для дестабилизации политической ситуации и перехода к следующему варианту развития событий.

2. Американская колонизация. В условиях нарастающих социально-экономических трудностей в России восстанавливается доминирование проамериканских сил во внутренней политике. В целях снятия санкций делаются уступки давлению Запада, что влечет за собой резкое нарастание американской агрессии, вплоть до установления в России марионеточного режима. Его руками осуществляются ядерное разоружение России и ее последующая дезинтеграция. Россия теряет суверенитет, ЕАЭС прекращает существование, Средняя Азия становится зоной доминирования Китая.

3. Китайская периферия. В условиях растущего отставания и ухудшающегося экономического положения России стратегическое партнерство с КНР наполняется реальным содержанием. Благодаря китайскому финансированию реализуются совместные программы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Растущие китайские инвестиции направляются на развитие российских топливно-энергетического, агропромышленного и транспортного комплексов, которые переориентируются на потребности китайского рынка. ВПК развивается в соответствии с целями внешней защиты *Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)* и *Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)*. Остатки потенциала гражданской высокотехнологической промышленности осваиваются совместными китайско-российскими предприятиями. Россия сохраняет политический суверенитет и равноправное военно-политическое партнерство с КНР, в то время как ее экономика становится китайской «периферией».

4. Изоляция и интервенция. Это самый плохой для России вариант, при котором Китай присоединяется к антироссийским санкциям. В подобном случае Россия оказывается в полной изоляции, теряя как валютные резервы, так и внешние рынки сбыта. При сохранении нынешней экономической политики это обусловливает катастрофическое падение уровня жизни и дестабилизацию социально-политической ситуации. С большой вероятностью распадается ЕАЭС. Социально-политическая дестабилизация в России провоцирует внешнюю агрессию, которая может принять характер раздела страны на сферы влияния между старым и новым центрами мировой экономики.

5. Изоляция и мобилизация. Еще имеющийся в России научно-производственный, военно-технический, природно-ресурсный и интеллектуально-духовный потенциал позволяет в случае глобального антироссийского фронта выживать и самостоятельно развиваться на основе формирования мобилизационного варианта интегрального мирохозяйственного уклада. Он предполагает полную деофшоризацию экономики, перевод основной части валютных резервов в золото, введение валютного контроля и ограничений трансграничных операций с капиталом, обязательную продажу всей валютной выручки. Он также потребует пересмотра итогов приватизации, введения прогрессивного налогообложения доходов и имущества, изъятия природной ренты в доход государства, без чего не удастся добиться требуемого для мобилизации общественного сознания восстановления справедливости. Денежно-кредитная политика должна быть подчинена целям модернизации и роста производства. Госкорпорации, банки, министерства и ведомства должны будут работать по стратегическим и индикативным планам, неся ответственность за их выполнение. Однако сделать все это нынешняя властвующая элита принципиально не способна. Для этого потребуется ее практически поголовная замена — как в органах государственной власти, так и в бизнесе.

6. Российско-китайское стратегическое партнерство становится реальным при формировании в России институтов нового мирохозяйственного

уклада и переходе к стратегии опережающего развития. Разрабатываются общие планы развития, реализуются крупные совместные инвестиционные проекты, наполняется реальным содержанием сопряжение ЕАЭС и ЭПШП. Создается Большое евразийское партнерство. Российская высокотехнологическая продукция осваивает китайский рынок. Россия подключается к «ядру» нового центра роста мировой экономики. В этом варианте темпы роста российской экономики достигают максимальных значений — до 10 % ежегодного прироста ВВП и 20 % прироста инвестиций. Создается широкая антивоенная коалиция с участием России, КНР и, желательно, Индии. Здесь также предполагается существенное обновление российской властвующей элиты.

7. Партнерство США, России и КНР. Маловероятный в настоящее время сценарий прекращения антироссийских санкций и формирования дружеских отношений, основанных на признании солидарной ответственности за сохранение мира и неизбежности перехода к новому мирохозяйственному укладу. Критерием реалистичности данного варианта является прекращение американской оккупации Украины и антироссийской агрессии. Это наиболее комфортный для России, но неустойчивый сценарий, эффективность которого будет зависеть от проводимой экономической политики. При сохранении ее неизменной события могут «соскочить» с колеи этого варианта на сценарий 4.

Вместе с тем, пока президентом России является В. В. Путин, варианты 4 и 2 исключены. Они могут актуализироваться только в результате «цветной революции» или государственного переворота.

Исходя из определения политики как искусства возможного, предпочтительным для нас является развитие по варианту 6. Он практически не зависит от влияния США, позволяет защититься от исходящих от них угроз путем сотрудничества с Китаем, а также добиться максимально высоких темпов экономического роста. При реализации этого варианта создаются предпосылки для воплощения наиболее благоприятного сценария — варианта 7.

Ан. А. Громыко¹ (1932–2017),
Ал. А. Громыко²

ТОЧКИ ОПОРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

В каком направлении движется мир, в каком моменте международных отношений и мировой политики мы находимся, почему многих из нас охватывают тревожные чувства?

В отношениях между великими державами господствует конфронтация, в лучшем случае — возрастающее соперничество. Все больше горячих голов раскручивают тему неизбежности такого противостояния. В этой ситуации необходимо сохранять трезвость суждений. Одно из них состоит в том, что даже после всех сокращений вооружений Россией и Соединенными Штатами в последние десятилетия их военная мощь, как, впрочем, и других ядерных держав, столь велика, что думать о том, что человечеству удастся пережить третью мировую войну, было бы в высшей мере безответственно и даже преступно.

Мировое сообщество живет и действует в условиях упорного стремления, даже своего рода погони за концепциями мирового порядка, многие из которых, возникнув на горизонте дипломатии и общественных наук, затем быстро забываются. Эти поиски неразрывно связаны с изменением баланса сил в мировой политике, который, в свою очередь, представляет собой целый набор важных факторов. О многих из них часто

забывают. Например, о силе права, о той роли, которую в мировой политике, несмотря ни на что, играют ООН и ее Устав.

Устав ООН — это совсем небольшая книжка. Но каково ее значение? Устав ООН, это, если хотите, ребенок 9 мая 1945 года. Это неотъемлемая часть праздника Победы, разгрома фашизма, армии, которая до столкновения с Советской считалась непобедимой.

В настоящее время мир живет во власти двух сил: с одной стороны, международным отношениям грозит хаос, который угрожает всем нам; с другой — постоянно возрастает взаимозависимость всех со всеми. Растет хаос «где-то там», на Ближнем и Среднем Востоке, в Северо-Восточной Азии, на больших пространствах Африки, но содрогается вся Европа. Растут риски и для России. Старый Свет испытывает огромное давление в связи с наплывом беженцев, все чаще и кровавее становятся террористические акты, направленные против европейцев и подчас устроенные самими европейцами.

Точкой опоры, помимо достаточности вооружений, мирного урегулирования споров и недопустимости применения оружия массового уничтожения, служит институт национального государства. Мировая политика по-прежнему осуществляется в основном государствами, хотя, бесспорно, кроме них в XX веке в большую политику вошли и другие игроки, в первую очередь транснациональные корпорации и крупные неправительственные организации. Параллельно идет процесс дезинтеграции многих государств, подчас (но далеко не всегда) подталкиваемый внешними «доброжелателями». Распространенная причина этого — неспособность эффективно распорядиться обретенной во второй половине XX века свободой и справиться с наследием колониального прошлого, преодолеть проблемы, доставшиеся в результате распада Оттоманской и европейских империй.

Что касается внешнего давления с целью переформатировать те или иные государства, лишить их части суверенитета или полностью подчинить, то в ответ на это население тех стран, над которыми ставятся эксперименты, начинает сопротивляться. Данное явление требует особого внимания. Например, методом такой дезинтеграции может быть объявление ряда государств изгоями, после чего, по существу, делай с ними что хочешь. Реакцией на внешнее вмешательство становится радикализация общества, на авансцену выходят экстремистские и террористические организации. Показателен пример Ливии. Государство можно разрушить, но разрушители ничего не придумали взамен, кроме попыток воссоздания все того же государства. Даже там, где эффективного и жизнеспособного государства в реальности не существует, как в случаях Косово, Боснии и Герцеговины, Абхазии, Южной Осетии, великие державы предпочитают называть свои де-факто протектораты опять-таки государствами.

¹ Советский, российский дипломат и ученый, специалист в области американистики, африканистики, международных отношений. Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Первый секретарь, советник Посольства СССР в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (1961–1965). Советник-посланник Посольства СССР в США (1973), советник-посланник Посольства СССР в ГДР (1974). Директор Института Африки АН СССР (1976–1991). Член-корреспондент АН СССР (1981). Руководитель Центра оценок политики, главный научный сотрудник Института Африки РАН (2003–2010). С сентября 2010 г. являлся профессором факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, читал спецкурс по истории и деятельности ООН на современном этапе. Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса. Был награжден орденами Октябрьской революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР (1980), премии им. В. В. Воровского (1985). Являлся членом Творческого союза художников России.

² Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, председатель Координационного совета профессоров РАН, доктор политических наук, профессор РАН. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предвзвешенность», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко» (авт. и сост.), «Воспоминания о Николае Шмелеве» (ред. и сост.), «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» (ред. и соавт.) и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа». Председатель Совета экспертов Института лингвоцивилизационных и миграционных процессов фонда «Русский мир». Президент Ассоциации европейских исследований России, член бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, член Научного совета Совета безопасности РФ и Научного совета при министре иностранных дел России. Руководитель кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Болгария) и Воронежского государственного университета. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке (2004, 2006).

Другим примером высокой сопротивляемости государства-нации политике его десоверенизации является современная история Европейского союза. Идея делегирования части суверенных полномочий наднациональным структурам имеет свои убедительные резоны, в первую очередь — понимание того, что в современном мире необходимо объединять усилия для решения трансрегиональных и глобальных проблем. Но после своего создания наднациональные органы власти, как и любая бюрократия, начинают не только воспроизводить себя, но и стремиться к расширению своих полномочий. Результатом стало «восстание» евроскептиков в одном из ведущих членов ЕС — Великобритании и последующий брексит. Ошибаются те, кто считает, что это случайное явление. Случайностей такого масштаба в истории не бывает. «Плавильный котел» устроить можно, о чем свидетельствует история многих империй и стран, но только в рамках федераций, квазифедераций и многонациональных государств. Но устроить «плавильный котел» из уже существующих и в большинстве своем древних государств оказалось не под силу даже ЕС.

После террористической атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке в мировой политике в очередной раз верх взял крайне вредный лозунг «Кто не с нами, тот против нас»¹, никак не сочетающийся с силой права, основанной на Уставе ООН. Даже такая лояльная к США структура, как ЕС, столкнулась с почти неприкрытым диктатом, в том числе в виде попытки Вашингтона использовать экстерриториальное применение своего национального права для продвижения на мировой арене американских бизнес-интересов². Этот пример служит еще одним, в данном случае негативным доказательством того, что тон в мировой политике продолжают задавать национальные государства. А те, кто стремится создать новых субъектов международных отношений на базе отказа от концепции государства-нации, не могут этому эффективно противостоять.

О социально-экономических факторах сейчас говорят нечасто. Но ведь терроризм невозможно уничтожить не только потому, что это зачастую терроризм одиночек или небольших групп экстремистов, которые трудно проследить. Проблема в том, что терроризм подпитывает постоянная информация о благополучии одних и страданиях других.

Откуда такой фанатизм, такое неистребимое желание сражаться в рядах террористических организаций, не всех же купили? Да, много наемников, профессиональных любителей повоевать. Но среди боевиков не меньше тех, кто вырос в нищете и давно потерял надежду добиться чего-либо цивилизованными способами. Это люди без образования, но возмущенные несправедливостью мира, в том числе мстящие за смерть близких в результате действий различных международных военных коалиций. Оправдать поступки террористов нельзя, но необходимо понимать их мотивацию, иначе по-настоящему бороться с этим явлением невозможно. Отсюда и феномен «нового популизма»,

¹ Буквально: «Либо вы с нами, либо на стороне террористов». См., например: <https://iz.ru/news/252080>

² <http://tass.ru/ekonomika/4770649>

включая евроскептицизм — прямое следствие явления, неожиданного для общества благосостояния. Неожиданного, потому что с точки зрения неолиберальной экономической теории и практики времен тэтчеризма и рейганомики еще не так давно казалось, что найдены волшебные рецепты решения проблем экономических кризисов, инфляции и безработицы³. Но затем выяснилось, что неолиберальная модель глобализации нуждается в замене. В чем-то она способствовала развитию глобальных рынков в 1980–1990-х годах в интересах значительных масс населения в постиндустриальных и в ряде развивающихся стран, включая Китай. Но ко второй половине 2000-х эта модель выработала свой ресурс, стала тормозом на пути подведения под ставящийся полицентричным мир соответствующей, более справедливой экономической базы. Мировой финансовый и экономический кризис 2007–2009 годов, его последствия стали ярким тому свидетельством.

Следующая точка опоры. Мы из года в год празднуем Великую Победу 9 мая. Но только специалисты помнят две другие даты: 26 июня 1945 года — день подписания Устава Организации Объединенных Наций и 24 октября — день вступления Устава в силу (с 1947 г. — День Объединенных Наций). Это ознаменовало начало нового мироустройства, сердцевинной которого стали ООН и современное международное право. С высоты нашего времени в очередной раз убеждаешься, что военная победа в первую очередь была, конечно, одержана для освобождения нашей страны и других государств от нацизма, но в не меньшей степени и для того, чтобы установить новые правила мирового общежития с опорой на силу права, олицетворяемую Уставом ООН.

Создать Организацию Объединенных Наций мирными средствами было в чем-то не легче, чем нанести поражение врагу на поле боя. В этом политическом и дипломатическом сражении, слава богу, не было человеческих жертв. Но победа здравого смысла и мудрости победителей, бесспорно, спасли мир, в первую очередь Европу, от новых неисчислимых бед и трагедий. В этом была немалая заслуга и Андрея Громыко — руководителя делегации СССР в Думбартон-Оксе, а затем в Сан-Франциско после отъезда Вячеслава Молотова в Москву (Молотов возглавлял советскую делегацию с 25 апреля по 8 мая).

Осмысление послевоенной истории ставит крайне важный вопрос о суверенности и независимости. Ясно, что без суверенности невозможна независимая внешняя политика. Поэтому соподчинение внешней политики интересам еще какого-либо субъекта ведет к размыванию суверенитета, к постепенному фактическому подчинению одного государства другим. Такие государства могут по инерции заявлять, что они принимают решения, руководствуясь свободным выбором и союзническими обязательствами, но на деле за этим стоит именно подчинение.

Конечно, суверенитет не означает автаркию, напротив, для его отстаивания необходима самая активная внешняя политика и взаимодействие с широчайшим

³ *Boote R. The Death of Inflation: Surviving and Thriving in the Zero Era.* L.: Nicholas Brealey Publishing; New Ed edition, 1997.

кругом субъектов международных отношений. Но государство должно четко понимать, где заканчиваются его национальные интересы и начинаются интересы других. По крайней мере, такое поведение свойственно великим державам, которым нет резона платить за обеспечение своей безопасности уступкой части своей суверенности в пользу Большого Брата.

Точки опоры не просто порядка, а правопорядка — это конечно, принципы, на которых основана Организация Объединенных Наций. Любую норму можно улучшить, многое изменить, но нельзя трогать принципы, выстраданные человечеством во Второй мировой войне и в ее эпицентре — на Восточном фронте в Европе. Но если в угоду сиюминутным выгодам и в погоне за былым величием вы начинаете крушить эти принципы, ставить их под сомнение, использовать ООН для сведения геополитических счетов с другими членами Совета Безопасности, то исходом такой политики может стать лишь расшатывание системы международной безопасности. Что и произошло в последнюю четверть века — темпами, небывалыми даже по сравнению с периодом холодной войны. И это несмотря на искреннее, пускай и наивное желание России в 1990-е годы встроиться в фарватер Запада, а затем несмотря на ее стремление в начале прошлого десятилетия наладить взаимовыгодное партнерство с США и их союзниками.

Мировая политика балансирует между силой права и правом силы. Хрупкое соотношение жесткой военной силы, с одной стороны, и силы компромисса, дипломатии — с другой, характеризует состояние мировой политики и международных отношений в настоящее время. И надо признать, что дипломатия и «мягкая сила» в настоящее время, к сожалению, находятся в оборонительной позиции. Отношения Востока и Запада продолжают катиться по наклонной плоскости, и никаких серьезных дипломатических прорывов в обозримом будущем не просматривается. Причем под Востоком имеется в виду не только Россия, но и Китай. Противостояние Вашингтона с Пекином сегодня не носит такого острого характера, как с Москвой. Но по сути американская военная стратегия, как, впрочем, и экономическая, направлена на долгосрочное противоборство именно с Поднебесной. Внимание всего мира в последнее время приковано в основном к конфликту США и России. Но для серьезного анализа поведения Америки нельзя забывать, что идеологически главный противник для нее — это коммунистический Китай, государство с однопартийной системой и одной пятой мирового ВВП, а не Россия, которая уже давно перешла на капиталистические рельсы и имеет несравнимо меньшую экономику. Заметим, что и военный бюджет Китая (более 150 млрд долл. США в 2017 г.) уже в несколько раз превышает российский и разрыв между ними будет, судя по всему, расти.

На фоне действительно глобальных для человечества и животрепещущих проблем и угроз недопустимой роскошью предстает неспособность великих держав вернуть в отношения между собой политическое доверие. Не то чтобы положение дел совершенно безнадежно, — вспомним о дипломатическом канале Лавров–Керри. Но сколько раз их договоренности, в первую очередь касающиеся ситуации в Сирии, торпедировали другие американские ведомства. Предыдущая администрация США на излете своего срока сделала все возможное, чтобы загнать российско-американские отношения в глухой тупик, не брезгуя низкими методами, о чем свидетельствует массовая высылка российских дипломатов из Вашингтона накануне нового 2017 года.

Новым этапом в антироссийских настроениях на Западе стало «дело Скрипаля», по которому обвинения в адрес России достигли масштаба абсурда и попрания дипломатических норм, невиданного даже в эпоху холодной войны. Великобритания вслед за США добровольно погрузилась в самую гущу антироссийской истерии. Вслед за собой они пытаются затянуть в этот омут как можно больше других государств, апеллируя к евроатлантической солидарности. Как будто солидарность означает слепое следование любым нелепицам и политическим мистификациям.

Часто можно услышать: «Ну что же вы, русские, во всем вините Запад?». Это аргумент «в молоко». Западных политиков в России винят не во всем, а в том, что нельзя на мировой арене действовать как слон в посудной лавке. Нельзя по поводу и без повода обвинять Россию. Нельзя из-за внутривосточной войны в США или отчаянного положения дел в Британии превращать другую крупную державу в мальчика для битья. В России признают за другими великими державами их статус, считают их важными партнерами в решении многих глобальных проблем. Если западные партнеры считают, что Россия в чем-то неправа, это еще не повод заниматься очернением нашего государства. Россия так не действует.

В Москве осознают как потенциал страны, так и ограничения ее возможностей. Россия действует намного более аккуратно, выверенно и осмотрительно на мировой арене, чем те, кто рвется вступить с ней в новую холодную войну.

Что мы хотим в условиях современного мира предотвратить и чего пытаемся добиться? Необходимо предотвратить третью мировую войну и достичь сбалансированной и стабильной системы глобального регулирования. Можно ли решить эти задачи в условиях нагнетания идеи «новой холодной войны»? Вопрос риторический.

А. А. Гусейнов¹

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ОДИННАДЦАТОГО ТЕЗИСА МАРКСА О ФЕЙЕРБАХЕ

Тема Лихачевских чтений 2018 года «Контуры будущего в контексте мирового культурного развития» может быть конкретизирована двояко: с одной стороны, как взгляд на будущее сквозь призму культуры, с другой — как взгляд на культуру сквозь призму будущего. В предлагаемых заметках я остановлюсь на втором аспекте, взяв за исходный пункт понимание будущего в философии Карла Маркса в том виде, в каком она изложена в его «Тезисах о Фейербахе».

1. Одиннадцатый тезис Карла Маркса о Людвиге Фейербахе гласит: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*, es kommt darauf an sie zu *verändern*» («Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»)². Он столь же неразрывно ассоциируется с именем Маркса, стал таким же крылатым, как и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (и тот и другой, заметим кстати, высечены на гранитном памятнике на его могиле). Этот тезис — больше, чем яркое выражение, хотя оно и является в высшей степени ярким. Он представляет собой основополагающую формулу, первый принцип философии Маркса, в нем, если воспользоваться традиционным словарем, против которого данный тезис как раз направлен, выражена суть того, что можно было бы назвать учением о бытии, метафизикой марксизма. Основным смыслом этого учения, резюмированного в одиннадцатом тезисе, был сформулирован в самом начале (первом тезисе) того же текста и состоит в том, чтобы «предмет», «действительность», «чувственность» брать не в форме «объекта», как это делал предшествующий материализм, и не в качестве порождаемой самим субъектом абстракции, что имело место в идеализме, а как «человеческую чувственную деятельность», «практику»³. Речь идет о том, чтобы предметный мир рассматривать в форме человеческой чувственной деятельности, а человеческую чувственную деятельность — как предметную деятельность.

Бытие — это не внешний по отношению к человеку и равный самому себе мир, а человеческая практика. При этом практика, понятая не абстрактно, не как идея, философский постулат, а именно как практика — предметная деятельность людей в том виде, в каком она реально разворачивается в истории. И когда Маркс объ-

яснению мира противопоставляет его изменение, он, разумеется, не отрицает и не дискредитирует объяснение, не ставит его под сомнение, а лишь предлагает не придавать ему самодовлеющий смысл, а рассматривать как момент самой действительности, на объяснение которой философия претендует, он, по сути дела, говорит о том, что нельзя останавливаться на объяснении. К примеру, в «Немецкой идеологии» Кант критикуется за то, что он «успокоился на одной лишь “добрый воле”», даже если она остается совершенно безрезультатной, и перенес *осуществление* этой доброй воли, гармонию между ней и потребностями и влечениями индивидов в *потусторонний мир*⁴, то есть не за идею доброй воли и даже не за то, что она противопоставлена потребностям и влечениям индивидов, а за то, что не вписана в реальный исторический контекст. Вторичность сознания по отношению к бытию не означает, что бытие дано до сознания, которое появляется только во вторую очередь (такая интерпретация допустима как методический прием в рамках материалистической гносеологии). На самом деле сознание имманентно бытию и не может быть понято в отрыве от него, точно так же как и само бытие не существует и не может быть адекватно понято вне порожденного им сознания. Именно эта включенность сознания в бытие в качестве его вторичного, но тем не менее неизменного продукта, в силу чего и то и другое суть два момента (аспекта) живых и совместно действующих индивидов, и получает обобщение в категории практики.

Практика, понятая в качестве философского основоположения, имеет две особенности, которые задают определенные параметры для понимания культуры. В ней снимается абстрактное противопоставление бытия и сознания, которые выступают моментами, двумя органичными, хотя и не равноценными аспектами общественно организованной практической деятельности. Отсюда следует, что, во-первых, общественная практика охватывает мир целостно, в исчерпывающей полноте. В рамках общественного бытия сознание не выносится за пределы бытия, а погружено в него, имманентно ему, и философ, сознающий бытие, сам включен в него в качестве его мыслящего органа. Во-вторых, вопрос о том, что сознается (мыслится), то есть что представляет собой бытие, прямо и неразрывно соотношен с тем, кто сознает (мыслит).

2. Культура в самом общем виде определяется через ее соотношение (сопоставление) с природой — как то, что не является природой, отличается от нее и образует особый, искусственный, мир. Показательное наблюдение: едва ли не всем понятиям, характеризующим человека и его существование, мы находим аналогии в природе: применительно к природной жизни в тех или иных ее аспектах говорят о красоте, морали, мышлении, языке, общественном устройстве, архитектуре,

¹ Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Философия — мысль и поступок», «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней» и др. Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 4.

³ Там же. С. 1.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 182.

властных отношениях и т. д. Но применительно к ней не принято апеллировать к культуре: это понятие резервировано за собственными человеческими делами, оно ведь и призвано отличить привнесенное человеком от природного (естественного). Культура представляет собой вторую, неприродную, природу человека. Это утверждение, как и всякая тавтология, обладает интуитивной ясностью. Проблемы, теоретические трудности и разногласия начинаются при уточнении того, в чем заключается культурное начало, эта вторая природа человека, и как она связана с его первой природой.

Отличие культуры от природы не является наглядным, чувственным, предметным, мы не можем отделить одни вещи от других и сказать, что одни относятся к природе, а другие — к миру культуры, не можем провести зримую границу между естественным миром природы и искусственным миром культуры. Дело в том, что культура существует, реализуется всегда в веществе природы, она во всех своих проявлениях вещественна, чувственна, телесна. Как писали Маркс и Энгельс, «на “духе” с самого начала лежит проклятие — быть “отягощенным” материей <...> в виде языка»¹. Вещество природы, подвергаясь изменениям в процессе культурной обработки, не меняет своей естественной природы, а если и меняет, то по собственным природным законам. Еще софист Антифонт привел такой замечательный пример: если посадить в землю черенок оливы, говорил он, вырастет олива, а если посадить в землю скамью, сделанную из оливы, то опять вырастет олива, если вообще что-то вырастет, но скамья не вырастет. Культура не меняет природу в ее внутренней необходимости, она придает ей лишь новый смысл, включает ее в другую, собственно человеческую, систему отношений и целей. Человек не может изменить природу дерева, он может только использовать ее для своих целей, преобразовать в скамью, чтобы можно было сидеть на ней и вести беседу, в свирель, чтобы можно было играть на ней, в приклад для ружья, чтобы можно было воевать с его помощью, и т. д. Словом, культура не существует вне природы, понимая под последней реальный эмпирический (живой и неживой) мир, подчиняющийся своим законам и причинным связям.

Но существует ли природа вне культуры? Мы в своем трезвом взгляде на мир, конечно, не сомневаемся в том, что она существовала еще тогда, когда не было человека и его культуры, и, надо думать, будет существовать после того, если (или когда) они снова исчезнут. Вопрос в том, существует ли она вне культуры после того, как появился человек с его культурой, где-то рядом с культурой, еще не охваченная ею. Говоря иначе, является ли культурно освоенная природа лишь частью природы в целом или последняя целиком включена в пространство культуры? Опять-таки очевидно, что природа, рассмотренная вширь и вглубь, полна неизведанных тайн, мест, куда не проникал человеческий взгляд, и их, этих тайн и мест, неизмеримо больше, чем мы знаем и видим, но и они не первозданны, а также являются фактами культуры, ибо помечены в ней как неизведанные тайны и места, куда не проникал чело-

веческий взгляд. Более того, человеческий ум осмыслил природу в ее неисчерпаемой бесконечности и научился радоваться тому, что он не знает, всегда и неизмеримо больше, чем того, что ему уже известно; ведь существует даже парадокс познания, согласно которому рост знания расширяет область незнания. Человек постигает природу в формах культуры. Прежде всего его отношение к ней опосредовано языком, он с ней не сталкивается прямо, его вхождение в природу в качестве природного (физического) существа является лишь начальным пунктом, от которого он уходит и имеет дело уже с природой поименованной, о-значенной. Далее, он воспринимает природу участливо, в контексте собственной сознательной деятельности, в той мере, в какой она включена в эту деятельность, в ее цели и ценности, в те общественные отношения, которые ее обрамляют и цементируют. В этом смысле отношение человека к природе является принципиально субъективным, оно выражается в том, что он накладывает на нее свою печать, переводит в идеальную форму бытия, возвышает до уровня истины, оценивает, нормирует, раскрашивает, мифологизирует, обожествляет, обездушивает и т. д.

Человек тем и отличается от прочих живых существ, что сила его жизни заключена не в теле, а в разумной душе, тело — это, как говорили стоики, лишь сосуд, а его действительным телом как носителем жизни является вся природа, преобразованная в формы культуры. В таком понимании культура совпадает со знаковой, символической, общественной формой, которую приобретает природа (материя) в человеческой деятельности. В этом смысле природы вне культуры не существует, можно добавить: не существует для человека, хотя сказать «не существует» и сказать «не существует для человека» есть одно и то же, если учесть, что утверждение об объективности природы само является фактом культуры. Понимание природы в свете Марксовой философии, которая отличается от всех прежних философий тем, что является философией исторического материализма, вполне точно определяет Дьерд Лукач, когда характеризует природу как «общественную категорию»: «И то, как устроено отношение этой природы к человеку и в какой форме человек сталкивается с природой, одним словом, что значит природа по своей форме и содержанию, по своему объему и предметности, — все это всегда общественно обусловлено»². Образы природы исторически обусловлены, вторичны по отношению к культуре, доказательством чего является само их многообразие — как описательное (от хаоса до совокупности вечных законов), так и ценностное (от жесточайшей взаимной борьбы до нравственной идиллии). Единство природы и культуры наиболее зримо обнаруживается в случае соотношения естественных условий труда и самого труда в его различных исторических формах. Естественные условия труда, особенно плодородие почвы, влияют на рост производства, но это вовсе не ведет к обратной зависимости и не означает, что более благоприятные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 29.

² Лукач Д. Изменение функций исторического материализма // История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты) / пер. с нем. С. П. Поцелуева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 314.

условия ведут к росту производства. Они лишь обозначают естественную границу, за пределами которой может начаться рост прибавочного продукта, и «эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность»¹.

Таким образом, бытие, понятое как собственно человеческое бытие, как деятельность, практика, предполагает единство, совпадение природы и культуры: природа есть вещественное, предметное, чувственное содержание культуры, культура — человеческая форма бытия природы. Можно сказать, что культура — это сама природа на ее высшей ступени эволюционного развития. Подобно тому как с возникновением человека бытие становится общественным и обретает свою истинность только в качестве общественного бытия², так природа совпадает с культурой, переходит в нее. Природа, которая мыслилась как оппозиция культуры, всего лишь как ее предпосылка, сегодня включена в культурный процесс столь полно и конкретно, что становится очевидно: она уже и предпосылкой культуры является в качестве ее результата.

3. Единство природы и культуры доказываются не только колоссальными успехами человеческого рода, позволившими ему стать полновластным хозяином земли и открыть дорогу в космос, куда мыслями и взором он был устремлен с древнейших времен. Еще более наглядно и убедительно оно обнаруживается в их негативной зависимости друг от друга, выражающейся в том, что человек в деструктивных формах своей культурной деятельности оказывает такое разрушительное воздействие на природу, которое имеет в качестве обратного эффекта разрушение самого человека с его культурой. Недавно появился на первый взгляд бесхитростный, но в действительности глубокий и даже многозначный мультфильм Г. Бардина «Слушая Бетховена». В нем без слов показывается, как сквозь аккуратно уложенные каменные плиты пробивается растительность, которая тут же истребляется тремя предназначенными для ее уничтожения роботами, растительность, однако, вновь появляется, так повторяется много раз, тогда роботы закатывают плиты в асфальт, чтобы не было никаких щелей, растительность, тем не менее, все равно пробивается, теперь уже более крупная и сильная, чем прежде, роботы тоже усовершенствуются и уничтожают растительность с большей производительностью, растения становятся все круп-

нее, но не отстают и машины, в итоге снизу вылезают мощнейшие деревья, которые опрокидывают давящие их камни с асфальтом, а заодно и самих роботов. И все это под бравурную музыку Бетховена, завершающуюся одой «К радости». Если здесь и идет речь о торжестве жизни, то о торжестве, утверждающем себя в борьбе со слепым насилием бездушного мира техники.

Современное гуманитарное сознание все больше склоняется к мысли, что деструктивное воздействие человека на природу уходит корнями в ложно истолкованную идею господства над ней, когда само это господство понимается как низведение природы до уровня средства по отношению к целям благоустройства жизни человека и общества. Конкретизируя идею, рассматривающую оппозицию культуры и природы как господство первой над второй, следует учитывать деление самой культуры на духовную и материальную, что отдаленно коррелирует с идущим от Античности делением благ на душевные и материальные (телесные и внешние).

Материальная культура охватывает созданный человеком мир искусственных вещей и процессов, направленных на повышение благосостояния, комфортности жизни, удовлетворение постоянно растущих потребностей, форсируемых ростом производительной мощи. Этот мир имеет такую особенность, что он, хотя и создается усилиями людей, тем не менее существует сам по себе, подчиняясь своим внутренним законам, как если бы он был родом природной стихии (здесь не нужны многие примеры и доказательства, достаточно указать лишь на рыночную экономику и современные мегаполисы). Он не только эмансипируется от живых индивидов — тех, кто его создает, но и противопоставит им в качестве внешней и чуждой силы. Материальная культура реализует утилитарное отношение к природе, за ним стоит убежденное стремление поставить природу в целом на службу человеку как особому природному существу.

Что касается духовной культуры в ее отличии от материальной, то в ней человек представляет не от имени своего особого природного бытия, а от природы в целом, можно сказать, что он выступает не как существо собственно природное, а как общественное, историческое, разумное, именно в этих культурных измерениях усматривая свою подлинную природность. Духовная культура тоже, конечно, как отмечалось выше, существует в природном материале, звуках, красках, вещах и тому подобном, но ее своеобразие и отличие от материальной культуры состоит в том, что в данном случае реализуется не утилитарное и не вещественное, а незаинтересованное и символическое отношение к природе. Кроме того, продукты духовной культуры не живут собственной самостоятельной жизнью вне соотнесенности с реальными индивидами, создавшими их или способными понять и воспринять (это относится, конечно, и к материальной культуре, продукты которой не живут, по крайней мере, пока, самостоятельной жизнью, но, тем не менее, по этому критерию отличие существует, и материальная культура более независима от создающих и эксплуатирующих ее людей, чем культура духовная).

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1960. Т. 23. С. 523.

² Бертран Рассел отмечает, что взгляд Маркса ограничен нашей планетой и на ней — человеком, видя в этом и его своеобразии и недостаток, поскольку после Коперника стало ясно, что человек не обладает космическим значением (Рассел Б. История западной философии. М. : Академ. проект, 2009. С. 516). В действительности, сосредоточившись на общественном бытии, Маркс придает материализму вид, соответствующий новой коперниканской картине мира. Место человека в космосе не является сугубо природным фактом, оно, включая, в частности, и сами изменяющиеся представления об этом, определяется деятельным отношением человека к космосу как к окружающему его миру. Вообще, надо заметить, исторический материализм — не просто учение об обществе в узком смысле слова, то есть по сравнению с учением о природе это новая форма философского материализма, отличие которого от всех прежних его форм состоит в том, что он рассматривает материю не как «вещь в себе», но и как «вещь для себя», каковой она и становится в общественной практике.

Материальная и духовная культуры связаны между собой, причем таким образом, что в конечном счете определяющей является первая. Но именно поэтому состояние материальной культуры, прежде всего определяемое наличным способом производства, возникающие в ней противоречия и проистекающие из нее разрушительные средства становятся источником, расширяющим горизонт духовной культуры и нацеливающим ее на критику собственных оснований. В этом смысле духовная культура является не только выражением, продолжением, апологией существующей материальной культуры, но и ее критикой, необходимым моментом ее исторического самоотрицания. Духовная культура с ее символическими формами осмысления природы и неутилитарным отношением к ней более адекватно, чем материальная, выражает то принципиальное положение, согласно которому культура соразмерна природе (миру) в целом.

4. Понимание бытия как деятельности означает, что отношение *человек и мир* тождественно отношению *человек и культура*. Человек имеет дело с миром в той мере, в какой он деятельно относится к нему, в какой мир становится содержанием его деятельности, то есть с человечески окрашенным миром, культурой. Мир в таком понимании — не то, что окружает человека, а то, с чем он имеет дело, содержание его деятельности. Человек находится в мире в той мере, в какой мир находится в нем, у него, как категориально обобщил эту принципиальную особенность человеческого бытия М. М. Бахтин, нет алиби в бытии, нет его до такой степени, что он не может даже уйти из него без того, чтобы сам этот уход не стал формой его деятельного отношения к миру. Культура — мир, включенный в деятельность и ставший ее содержанием, ее объективированный смысл. Культура потому и многообразна в своих формах и проявлениях, что многообразен мир, с которым человек имеет дело. Однако содержание деятельности — это лишь одна, объективированная, ее сторона, другой стороной является ее субъективное начало, сам деятель в лице конкретного живого индивида.

Это отношение между субъектом и объектом, сознанием и бытием приобретает совершенно новую конфигурацию, когда оно берется не абстрактно, когда не просто фиксируется заранее заданная и очевидная противоположность его полюсов, а когда эта противоположность рассматривается в реальном процессе живой человеческой деятельности в качестве ее неотъемлемых моментов. Во втором случае на первый план выходит проблема их единства, соединения в едином акте культуротворящей человеческой деятельности. Ключевой вопрос сводится к тому, как, на какой основе достигается такое единство, какой из двух полюсов (аспектов) единого деятельностного акта является исходным, определяющим.

Культура, рассмотренная в своих содержательных общественно значимых результатах, представляет собой не просто объективированный, но и вполне объективный мир, объективный в том смысле, что это закономерно упорядоченный мир со своей внутренней обезличенной (деперсонализированной) логикой. Даже

в таких, как правило, поименно обозначенных формах культуры, как философия или литература, не говоря уже о таких массовидных, преимущественно анонимных областях деятельности, как хозяйство или социальная жизнь, существуют свои закономерности (именно закономерности!) развития. В этом смысле гуманитарные науки не отличаются от естественных. Такова культура в своих результатах, содержательных итогах. Но в своем генезисе, конкретном акте деятельности она всегда персональна, субъективна. У ее истоков стоит живой, единственный и неповторимый индивид. Всякая деятельность — это всегда чья-то конкретная, лично выраженная деятельность, которая не могла бы состояться без него, без того, кто эту деятельность осуществляет. Конечно, вместо конкретного Иванова, который делает нечто, мог бы быть Петров, но это не отменяет ни того, что это сделал именно Иванов, ни того, что будь это Петров, он стал бы деятелем именно в качестве Петрова, без которого она так же не могла бы состояться.

Каждая содержательно выделенная сфера деятельности предполагает определенных индивидов, обладающих соответствующими этой деятельности субъективными качествами (знаниями, компетенциями, моральными установками и т. д.), и формирует их. Любая содержательная деятельность предполагает и требует людей, подготовленных функционально для ее осуществления. Деятель в функциональном смысле задается содержанием деятельности: для военного дела нужны военные, для инженерного — инженеры, для криминала — бандиты. Эта связь настолько прямая, что соответствующие функции могут быть переданы и, как мы видим, все больше передаются роботам. Из содержания деятельности вытекают функционал субъекта, содержание его роли, но не то, что эту роль должен непременно сыграть живой индивид, а если живой индивид, то именно этот живой индивид, который ее играет. То, какую роль в открытом пространстве культуры будет играть данный, конкретный индивид, решает только он сам, причем таким образом, что, выбирая роль, он в силу своей изначальной укорененности в бытии выбирает себя самого. Сам сознательный характер человеческого существования означает, что последнее слово в актах деятельности, а именно в том, состоится этот акт или нет, принадлежит самому действующему индивиду. Именно он, сознательно, в силу собственного решения действующий индивид, стоит в генезисе культуры во всех ее формах.

Существует расхожее мнение, согласно которому незаменимых людей нет, что верно: для любого дела, как хорошего, так и подлого, исполнители всегда находятся. Но верно и то, что замена каждый раз нужна, что у истоков всякого действия стоит тот, кто действует. Чтобы выстрелил пистолет, кто-то должен нажать на курок. Лев Николаевич Толстой считал, что отмену смертной казни надо начинать с палача, который ставит точку в этом псевдоправовом безумии. Его рассуждение было столь же простым, сколь и неотразимым. Если не будет людей, которые согласятся играть эту социальную роль и быть палачами, то смертная казнь не будет возможна чисто физически. Толстой был кем

угодно, только не наивным простаком, он знал, что нет недостатка в людях, готовых стать палачами, и что за это неплохо оплачиваемое место идет борьба. Но он также знал: стремление преодолеть насилие вообще и его наиболее отвратительную форму государственно-упорядоченного, законного насилия в частности через изменение условий и обстоятельств внешней жизни является делом не только более длительным, но и в принципе бесперспективным. Он понимал, что причины насилия всегда найдутся и делать ставку на их устранение — значит обманывать себя. Если додумывать проблему до конца, то решение может состоять в изменении нравственной веры самого человека. Только прямой отказ от насилия в силу его абсолютной нравственной неприемлемости является самым реалистическим путем его преодоления.

Словом, адекватное понимание культуры есть ее понимание как человеческого дела. И не только в том общем смысле, что в человеческом мире культуры ничего без людей не делается, но и в том совершенно точном смысле, что всякое дело имеет свое имя, является ответственностью того или иного, но каждый раз конкретного и единственного живого индивида.

5. Человек сознательно действует и ответствен за свои действия не в качестве природной особи, а в качестве общественного существа. «Но сущность человека, — пишет Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹. Понятая таким образом сущность человека вынесена вовне живых индивидов в качестве объективированных форм культуры. Она обретает плоть и конкретное существование по мере того, как оживает в сознательной деятельности людей, отдельных индивидов и их

объединений. Маркс вскрыл свойственный старому материализму заколдованный круг взаимозависимости изменения человека и обстоятельств: чтобы изменить людей, надо изменить обстоятельства, но чтобы изменить обстоятельства, надо изменить людей, ибо обстоятельства также меняются людьми и воспитатель сам должен быть воспитан. Выход, согласно Марксу, состоит в том, чтобы процессы изменения человека и обстоятельств свести воедино в рамках деятельности, направленной на революционное изменение общества.

Соединение индивидов со своей сущностью, их самоутверждение в качестве определенных личностей и общественных типов осуществляется через их собственную деятельность, в которой всегда есть некая конечная точка, заканчивающаяся автономным решением о действии того, кто действует. Поэтому отношью не в фигуральном, а в прямом и буквальном смысле слова мы можем сказать, что индивид является суверенным началом своих действий. Поэтому адекватный подход к человеку в единстве его сущности и существования, как и к культуре в единстве ее смысла и факта, состоит в том, чтобы отбросить ложные дилеммы: человек для общества или общество для человека, человек для культуры или культура для человека, — а взять человека в обществе, человека в культуре, перейти к деятельному преодолению разрыва между ними в перспективе ассоциации, («в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»)². Надо думать, именно такую перспективу изменения мира имел в виду Маркс, когда в «Тезисах о Фейербахе» говорил о необходимости рассмотрения действительности субъективно, как практики, и речь идет о том, чтобы не только объяснять мир, но и изменять его.

М. С. Гусман³

РОЛЬ СМИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Напряженная обстановка в мире, сложившаяся в последние годы, регулярно рискует перерасти в серьезные международные конфликты. Угроза международного терроризма, территориальные споры и многочисленные локальные столкновения — все это дестабилизирует жизнь мирового сообщества, тормозит его развитие и мешает гармоничному сосуществованию народов.

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. С. 3.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 447.

³ Первый заместитель Генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор, заслуженный работник культуры РФ, теле- и радиоведущий. Автор телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. более 350 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами). Автор книг, многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Всемирного конгресса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Москвы в области журналистики. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и др.

При рассмотрении процессов формирования международных конфликтов необходимо принимать во внимание интенсивные процессы глобализации и информатизации, происходящие в мире.

Глобальная информатизация — логичное следствие информационной революции, ознаменованной появлением ЭВМ и персонального компьютера и последующим созданием компьютерных и телекоммуникационных сетей. Широкое распространение Интернета позволило, с одной стороны, получать из первых рук информацию о мировых событиях, с другой — участвовать в их обсуждении, тем самым подчас получая возможность непосредственно влиять на происходящее.

Текущее состояние интеграционных процессов в СМИ, а также методы передачи информации и уровень технологической оснащенности позволяют говорить о таком явлении, как мировое информационное пространство. Оно носит трансграничный характер и начинает превалировать над всеми сферами деятельности личности, общества и государства, выступая важным геополитическим инструментом.

В условиях борьбы за влияние на мировом медиарынке ряд игроков медиарынка могут прибегать к намеренному искажению фактов с целью максимизации прибыли или монополизации отрасли. При этом глубокий анализ текущей ситуации может заменяться поверхностными выкладками, не основанными на достаточной доказательной базе, что в конечном счете зачастую приводит к формированию заведомо ложной картины происходящего и к росту напряженности в обществе.

Подобным образом СМИ становятся участниками информационно-психологических конфликтов и даже операций по манипулированию сознанием. Открытую угрозу мировому сообществу представляют участвовавшие случаи фейковых новостей и информационные войны.

«Вымысел», «фейк», «дезинформация», «пропаганда», «информационные вбросы» — то, что еще называется «альтернативными фактами», стали проблемой номер один для современного общества. Эти явления затрагивают интересы медийного сообщества, о них говорят с высоких трибун международных организаций, они оказывают серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику целых государств, становятся инструментами геополитического влияния и могут привести к международным конфликтам.

В марте 2017 года в Вене была принята Совместная декларация о свободе выражения мнения, а также о «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде. Дипломаты просят секретариат ООН начать разработку международной стратегии борьбы со сфабрикованными новостями и дезинформацией, которые по степени ущерба сопоставимы с вирусной эпидемией. Проблема стала настолько острой, что даже высшее должностное лицо государства — президент США Дональд Трамп — обвинил американские СМИ в «фейковости» и пошел на беспрецедентный шаг: запретил чиновникам своей администрации общаться с журналистами CNN.

Доверие к СМИ подорвано и у населения. Если раньше было важно умение найти информацию, то сегодня — умение ее фильтровать и критически осмысливать. В 2017 году социологические опросы российской исследовательской группы ЦИРКОН показали неутешительные тенденции. Если в 2009 году на вопрос «Куда вы обратитесь, чтобы уточнить или проверить информацию?» 20 % респондентов назвали газеты и журналы и 23 % — Интернет, то в 2015 году доверие к СМИ упало более чем в 2 раза. Только 8 % опрошенных обратятся к прессе, а 48 % будут искать информацию в Интернете.

Сегодня все чаще приходится слышать, как журналистов называют солдатами информационных войн. В информационный век одно неточно сформулированное сообщение способно выступить катализатором международного конфликта, а информационная война, таким образом, — выйти за пределы медиа, в реальный мир.

Причины происходящего многие видят в резком падении профессиональных стандартов в СМИ. К сожалению, с этим трудно не согласиться. Производство

фейковых новостей, лживых по сути, но «упакованных» в красивый пропагандистский «фантик», приносит все больше прибыли. На чашах весов, с одной стороны, — морально-этические ценности профессии журналиста, с другой — высокие доходы.

Огромный урон репутации СМИ наносят и кибератаки. Так, в 2017 году был совершен взлом одного из аккаунтов New York Times в Twitter. Неизвестным злоумышленникам удалось разместить ложное сообщение о ракетном ударе, который Россия якобы намеревается нанести по США. Данный пример показывает, как фейковые новости, мгновенного распространяясь по Сети, могут нанести огромный вред.

Можно утверждать, что стабильность информационного пространства является одним из залогов поддержания стабильности в мире. Сегодня профессионализм и этика СМИ, умение получать и адекватно анализировать данные становятся одним из ключевых звеньев в поддержании хрупкого мирового баланса.

Перед традиционными медиа и журналистикой стоит вопрос: как воспрепятствовать «эпидемии» фейковых новостей? Как не дать информационным войнам перерасти в вооруженные столкновения в реальном мире?

Необходимо выработать практическое, четко работающее с юридической точки зрения и в плане законоприменения определение фейка. Сколько лживых фактов допустимо в сообщении? 10, 30 или 50 % от опубликованной информации?

Кроме того, нужно сформулировать четкое определение и разграничить понятия: что есть «факт» и что есть «мнение».

Системы фактчекинга, помимо СМИ, начинают внедрять поисковые системы и социальные сети, государственные органы и бизнес-структуры.

Необходимо уделять больше внимания и активнее развивать принципы и стандарты этической журналистики. Ведь только личный выбор человека и соблюдение этических принципов позволяют провести грань между правдой и ложью, между профессиями «журналист» и «пропагандист».

Механизмы, препятствующие проникновению экстремистской и террористической идеологии в информационное пространство, должны быть закреплены законодательно на международном уровне, для чего странам необходимо провести унификацию стандартов.

Чтобы укрепить взаимопонимание между народами, СМИ необходимо прилагать усилия по формированию позитивной повестки дня, широко освещать мировые гуманитарные и культурные инициативы, международные обмены и регулярные встречи лидеров мировых государств.

По общепринятому мнению, актуальные проблемы мирового сообщества, от дипломатических недоразумений до вооруженных конфликтов, должны решаться путем диалога сторон, в котором находится место как для признания индивидуальных особенностей той или иной культуры, так и для солидарности в отношении принципов международного права. Ликвидация же белых пятен на карте взаимопонимания возможна лишь при условии, что участники диалога (будь то регионы,

государства или культуры) обладают достоверной информацией друг о друге и непредвзятостью суждений.

Залогом стабильности в информационном пространстве также выступает успех проведения интеграционных процессов. В немалой степени этому способствует международное сотрудничество в рамках объединений мировых медиа. Их цель заключается как в повышении качества выпускаемого участниками контента и эффективности модернизационных процессов, так и в укреплении взаимопонимания между странами, чьи представители входят в альянс.

Очевидно, что мир вступил в стадию цивилизационных перемен. Тревожные предчувствия, о которых высказывались многие ученые и политические аналитики, отчасти сбываются. Новый мировой порядок начинает отчетливо проступать в жизни планеты.

В чем это проявляется?

Прежде всего, в глобальной нестабильности, неустойчивости функционирования систем управления, в перманентном и стремительном развитии кризисных состояний с непредсказуемыми последствиями. Кроме того, вполне очевиден духовный коллапс, приводящий к механическому отключению всякой защиты от духовного распада, парализующий волю к сопротивлению, стимулы к выживанию и приложению усилий для преодоления неизбежных в современном мире вызовов и угроз. Находясь уже на краю пропасти, мы так и не собираемся договариваться, отказываемся выслушать и попытаться понять друг друга... Опасные индикаторы качественных системных перемен налицо.

Коррозии и разложению подверглись несущие конструкции, удерживающие государства и весь мир от окончательного сползания в небытие. Распад Советского Союза в 1991 году стал точкой отсчета — событием, которое окрасило в цвет стратегической нестабильности наступивший XXI век, нарушило мировое равновесие и задало тренд глобального хаоса на десятилетия вперед. Человеческий эгоизм и авантюризм, непомерные амбиции политических лидеров оплачиваются горем и страданиями тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, утратой их веры в будущее. Вы-

Ежегодные мероприятия, посвященные обсуждению актуальных проблем мирового информационного сообщества, несомненно, стимулируют обмен опытом и кооперацию новостных ресурсов, позволяя обозначить дальнейшие пути развития и выявить наметившиеся угрозы.

Не будем забывать и о том, что встречи профессионалов, формирующих новостную картину мира и дающих экспертную оценку изменчивой мировой действительности, сами по себе являют истинный образец межцивилизационного диалога.

А. Н. Данилов¹

А ЕСТЬ ЛИ У НАС БУДУЩЕЕ...

дающийся мыслитель современности, композитор Г. В. Свиридов писал: «На смену героям Революции, Гражданской войны, героям последующей эпохи... пришел герой Нового послевоенного поколения, “герой-ничтожество”, благополучный, полусытый, чрезвычайно самодовольный нуль. Он развязан, нагл и низкопробен в художественном творчестве и развращен во всех смыслах как человек»².

Сопровождавший распад СССР гуманитарный шаттл привел к утрате духовных опор общества, к искажению ценностных ориентаций и связующих поколений традиций, к размыванию идеалов, смене нравственного образца. Вместо светлых устремлений и помыслов новых поколений — утрата надежды... Идет полномасштабная борьба с историческими традициями, развенчиваются недавние кумиры, перелицовывается историческая правда, питающая патриотизм и чувство восхищения достижениями предков. Ложь, порождающая сомнение, как ржавчина, разъедает еще вчера казавшиеся незыблемыми истины, веру в добро и справедливость.

Среди современных нагромождений все труднее достучаться до души человека, чем-то удивить, восхитить или вдохновить. Будущее без души, наполненной счастьем, высокими устремлениями и порывами, чуткостью к добру и милосердию, просто невозможно. Понятие счастья формирует привлекательный образ будущего, но с этим у нас далеко не все в порядке.

Побуждение людей к добру сегодня мало кого волнует. Более того, пересмотру подвергаются наша система образования, взаимоотношения между полами, отношение к семье. Развернулись сексуальная, наркотическая, ювенальная, гендерная и прочие мирные революции. Культура и искусство все больше уходят от реальности, перестают служить духовности, превращаются в средство отупляющего развлечения. Дж. Оруэлл в своем провидческом романе «1984» писал: «Мы искореняем прежние способы мышления — пережитки дореволюционных времен... Мы разорвали связи между родителем и ребенком, между мужчиной и женщиной, между одним человеком и другим. Никто уже не доверяет ни жене, ни ребенку, ни другу.

¹ Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Минск), член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Автор и соавтор более 300 научных работ по социологии, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии, в т. ч. монографий: «Переходное общество: проблемы системной трансформации», «Власть и общество: поиск новой гармонии», «Социология власти: теория и практика глобализма», «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте “Исследование европейских ценностей”» (в соавт.), «Слово о современниках: эссе, интервью», «Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды», «Синтез философии, науки и культуры», «Современное белорусское общество: социологическое прочтение» (в соавт.) и др. Председатель Белорусского социологического общества. Главный редактор «Журнала Белорусского государственного университета. Социология». Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси.

² Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Мол. гвардия, 2017. С. 160.

А скоро и жен, и друзей не будет... Не будет искусства, литературы, науки... Не будет различия между уродливым и прекрасным»¹. Сегодня, более 70 лет спустя, эти слова не кажутся нам антиутопией и фантастикой. Многие фантазии автора уже стали реальностью, воплощены или воплощаются в жизнь, а что-то пошло еще дальше...

Мировая информационная война идет полным ходом, в разгаре сражения на поле брани в виртуальном пространстве. Провокации, фальсификации исторических событий, искажение действительности, инсценировки фактов стали буднями современного информационного поля военных действий. Человечество перестает мыслить самостоятельно, происходит стремительное переформатирование сознания человека. В последние годы в бой вступили инициаторы глобальной цифровой революции, обещающие к 2045 году оцифровать реальный мир — мир политики, морали и т. д. Как утверждают ее апологеты, когда будет оцифровано все, электроника поведет дела гораздо лучше, чем биологические объекты.

Самым разрушительным оказался соблазн бесконечного потребления. Люди, массово принявшие потребительские установки, теряют лицо, совесть... В свое время историк искусств и реставратор Савва Ямщиков метко заметил: «Наиболее страшным из итогов 25-летнего нашего так называемого “постперестроечного” времени я считаю то, что за это время нас заставили потерять память»². Поэт и литературный критик Юрий Кублановский, говоря о причинах распада СССР, отмечает: «Последние годы существования Союза... подобного разграбления история не знала со времен Византии, причем тогда хищничали пришельцы, а тут — свои. Но еще страшнее — моральное оскудение... И вот по этим чаяниям и надеждам ударили особенно сокрушительно — рублем, пропагандой корысти без берегов... Помните, в “Бесах” революционер и прожектер Шигалев говорил: мы дадим право на бесчестие, и тогда все к нам перебегут. Вот тогда, в 90-е, и было дано это “право”. От него все пошло»³. Все это не могло не привести к «моральному оскудению», новым трагедиям и потрясениям. «Революция приходит не сверху и не снизу — она наступает, когда истончаются все истины»⁴, — эти слова вкладывает в уста своего главного героя писатель Захар Прилепин. Уже никто никому не верил...

Народам нельзя навязывать формы быта, которые не вытекают естественным образом из его традиций. Всякая трансформация хороша только тогда, когда опирается на потребности в развитии, сформированные опытом истории. Прогресс сделал человека потенциально лишним в самом процессе трудовой деятельности, а непомерно раздутая свобода обернулась тем, что люди просто оказались представлены сами себе.

¹ Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2017.

² Ямщиков С. В. [Выступление] // Материалы конференции «А. С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции»: сб. ст. Сельцо Михайловское; Псков, 2009. Сер. Михайловская пушкиниана. Вып. 49. С. 21.

³ Кублановский Ю. 90-е принесли настоящую катастрофу // Свой (Прил. к газете «Культура»). 2016. Сент. С. 39.

⁴ Прилепин З. Санья. М.: Апрель, 2012. С. 753.

А. А. Зиновьев писал: «Пусть думают, чувствуют, говорят и делают, что хотят! Нужно лишь установить границы, за которые предоставленные самим себе массы не должны выходить <...> Предоставленный самому себе человек лишь иллюзорно свободен. На самом деле он есть потенциальный раб, стремящийся стать рабом фактическим и страдающий, если ему это не удастся»⁵.

Силовое противостояние в мире достигло немыслимого уровня, реальна угроза начала мировой войны в любую минуту. Как будто мир возможен лишь после мировой бойни. Очевидно, что Запад в своем развитии теряет привлекательность, не видит перспективы и не знает, что предложить миру. Политическая элита не выполняет своей роли генератора новых идей, не обладает должной политической волей, масштабом мышления. Нынешние политические лидеры стран Запада напоминают трусливых и вороватых временщиков периода перестройки, пребывают в густом тумане собственных амбиций и скорее всего не согласятся признать перемены до тех пор, пока мир не обрушится. Новые лидеры, которых выдвинули демократические системы западных государств, не обладают способностью к необходимым позитивным трансформациям в обществе. Часть европейского политического руководства начинает концентрировать внимание на угрозе для единства Евросоюза и демократии в целом, и эта угроза представляется им исключительно как российская «стратегия влияния».

В США обнажаются застарелые язвы в виде социального неравенства, нерешенности межэтнических проблем, неурегулированности миграционных процессов и, самое главное, анахронизма и устарелости технологий демократической смены власти, которая давно не подчиняется народному волеизъявлению, а оказалась жертвой политических, избирательных и прочих технологий. Консерваторы пытаются навязать власти курс силового восстановления влияния США в мире, «принуждения к повиновению» всего мира целям американской внешней политики, ориентации на будущее управление глобальными процессами и т. д.

Евросоюз как международный субъект нового типа не состоялся. Идеи общеевропейского дома, солидарности, единых ценностей звучат как лишние реального содержания лозунги. Германия как «мотор» Евросоюза очевидно выдыхается. Определенный оптимизм, транслируемый средствами массовой информации стран Евросоюза в течение длительного времени со ссылкой на европейскую систему ценностей, солидарность, взаимовыручку и взаимопомощь, сменился раздражением и конфликтностью, взаимными обвинениями и пессимистической оценкой будущего. Небольшие страны Европы отказываются принимать мигрантов из опасения, что будет растворено их этническое единство и идентичность.

Друзья и поклонники за рубежом начинают высказывать сомнения: заслуживает ли американская модель того, чтобы ее копировать? Многие глядят в сторону Китая и России, надеясь, что обновление придет отсюда. Воссоздание мира, управляемого Западом, кажется все более невозможным. События в США и Европе

⁵ Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 1997. С. 307–310.

в 2016–2017 годах даже заставляют сомневаться в том, что западная общественность заинтересована в своей гегемонии.

США боятся, что Китай и Россия бросят серьезный вызов в ответ на американские геополитические претензии и попытаются изменить миропорядок в свою пользу. Логическим следствием становится неизбежность новой войны. Именно на это нацеливают общественность многочисленные социологические и политологические проекты. Сегодня существует реальная возможность такого конфликта, какого человечество не видело со времен Второй мировой войны. Но мир к этому не подготовлен. Это не значит, что война неизбежна в ближайшем будущем, — речь идет только о ее возможности.

По наблюдениям А. С. Панарина, «традиционные жесткие военно-политические технологии сегодня дополнились мягкими, которые, подобно радиации, не столько разрушают на механическом уровне, сколько “подтачивают” на генетическом. Экономическая экспансия, технология обработки сознания, тонкие процедуры смены идентичности, в результате которых национальные элиты сначала превращаются в тайных эмигрантов, мечтающих об ином отечестве, а затем во все более явных компрадоров, получивших задание разрушить отечество, — все это входит в ту неформальную структуру политики, которой классическая политическая наука до сих пор не занималась»¹.

Нельзя предвидеть будущее, не извлекая уроков из истории. Безусловно, новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных действий.

Во-первых, надо понимать, что новые государства рождаются не на пустом месте и совместная недавняя судьба — это большое преимущество, от которого не стоит отказываться. Укоренение государственности, осознание населением суверенитета страны, выстраивание национальной идентичности — время больших испытаний, связанных с предвкушением новой ответственности, со стремлением утвердить свое национальное родство, пройти тест на идентичность, ощутить отличие от недавнего общего. При этом необходимо избежать национализма, фальсификации истории, предъявления взаимных претензий к некогда единой исторической судьбе, соседям, пересмотра недавних общих достижений, побед и поражений.

Во-вторых, у новых государств должна быть объединяющая большинство населения, консолидирующая цель в виде идеи, теории, смысла, нравственно-го примера. И обязательно — практика целеустремленной группы людей, их заразительный подвижнический пример, привлекательный своей жертвенностью образ жизни, традиции, которые передаются из поколения в поколение, и счастье в повседневном бытии. Распад же начинается с сомнения, неверия, переходящего в нигилизм, с борьбы за национальную исключительность. Революции чаще всего объясняются внутренними противоречиями. Сегодня можно спорить о том, сколь неотложными были в конце 1980-х кардинальные

перемены всего и вся. Сегодня уже понятно, что мы поверили обещаниям, которые так и остались обещаниями, а жизнь, увы, для подавляющего большинства людей лучше не стала. Собственно, как выяснилось, создать никто и не собирался. К власти пришли популисты без внятной стратегии развития, программы модернизации, которые только и могли, что клеймить, разоблачать и грабить. И всего этого оказалось вполне достаточно, чтобы... добиться своего.

В-третьих, страшен народ, потерявший память. Фальсификация прошлого обрекает его на новые трагедии, бессмысленные сражения и никому не нужные жертвы. За подобным бемпамятством чаще всего стоят преступные действия конкретных людей, учиняющих государственные перевороты, сеющих раздор, ненависть, насилие и смерть невинных жертв. Сегодня это действия по десоветизации, сносу памятников советским воинам — победителям во Второй мировой войне, фальсификация совместной истории. На их фоне в начале XXI века существенно изменились формы и методы внешнего влияния на государства, не принимающие современного варварства. Нынешние революции стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженному экспорту революции и грубому давлению пришла «мягкая сила» — влияние через культуру, ценности, образ жизни и т. д. Появились социальные сети, различные общественные, просветительские и благотворительные фонды и объединения, в том числе действующие на иностранные гранты. Как долго можно радужными и заманчивыми лозунгами обманывать своих граждан — время покажет. Но почему-то... все получается. Если же не срабатывают механизмы «цветных революций», то осуществляется открытая агрессия сильнейшего с согласия или даже без согласия Совета Безопасности ООН (как это было в Югославии, Иране, Афганистане, Ливии).

В последнее время все сильнее нападки на легальные международные организации, обвинение их в малой эффективности. Следует максимально содействовать работе этих организаций, но становиться в позицию критиканства — дело контрпродуктивное. Только вместе с международными организациями, прежде всего ООН, признавая правоту народа, поддерживая живущее в нем стремление к справедливости, можно не только уберечь страну от потрясений, но и сделать новые шаги вперед в своем развитии.

В-четвертых, с распадом Советского Союза оказалось разрушено послевоенное равновесие сил, уничтожена сложившаяся система сдержек и противовесов в мировой политике, представленная в биполярной модели мира. Основным регулятором, мировым судьей в глобальном масштабе вновь становится военная сила. Тем самым были созданы идеальные условия для возникновения крупных международных террористических организаций. Сегодня терроризм — главный вызов XXI века. Воспользовавшись хаосом, это зло пустило глубокие корни по всему миру. За относительно небольшой отрезок времени была создана разветвленная сеть экстремистских и террористических структур, идеология которых строится на религиозном и националистическом фанатизме, попытках возродить средне-

¹ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм, 2003. С. 476.

вековые нормы и ценности, создать отдельное государство. Здесь не поможет никакой «управляемый хаос». Получилось очень сильное и разрушительное оружие со своим жизненным миром, с людьми, не желающими жить по законам человеческой цивилизации.

В-пятых, духовное состояние общества после распада чаще всего находится на грани полного морального оскудения. Великий русский писатель Леонид Леонов писал в своих дневниках: «Падение Рима. Пришлось срыть храмы, убить мудрых, осквернить память святых, растлить молодых — ради какой там крупички впереди? Трудно было лишь сперва, пока не надломили хребет личного достоинства, — дальше все пошло гораздо легче»¹. «Крупичка впереди» оказалась очередным блефом и скачком в пропасть. Страна, где преобладают люди, ничего не знающие о своей истории и литературе, не ценящие величие собственной культуры, не в состоянии что-то отстаивать или защищать. Такая страна обречена на прозябание на обочине цивилизации.

Вывод прост, но трудноисполним: меньше личных амбиций властей предрежающих, не бояться прослыть консерваторами, иметь гражданское мужество, чтобы говорить правду о прошлом, настоящем и будущем.

В нынешнее переломное для всей цивилизации время особенно важно взглянуть в глубинную суть про-

цессов трансформации, ибо от них зависит будущее мирового сообщества. Задуманные Западом как средство закрепления победы над распавшимся Советским Союзом трансформационные перемены должны органически вписаться в новый облик мира, каким он рисуется воображению и прогнозам главных «архитекторов» перемен. Но насколько этот возникающий новый мир органичен? Насколько он жизнеспособен во всех своих аспектах и будет ли иметь преимущества, надежда на которые побудила народы поверить новым претендентам на власть и влияние? На эти вопросы ответит только будущее... если оно наступит.

Великий провидец академик В. И. Вернадский писал: «Я смотрю на все с точки зрения ноосферы и думаю, что в буре и грозе, в ужасе и страданиях стихий — но родится новое прекрасное будущее человечества»². А наш современник, писатель Захар Прилепин, отвечая на вопрос корреспондента «Как тебе видится будущее России? Лет скажем, через 40–50?», очень точно, на мой взгляд, ответил: «Каким мы его сделаем — таким и будет оно. Оно не может “видеться”. Его надо строить. Здесь, сейчас, сегодня, завтра. Не оглядываясь на то, что о тебе говорят»³.

Мне представляется, что мир не погибнет и будущее непременно наступит. Но принесет ли оно ожидаемое счастье — покажет время.

Б. Дегарден⁴

ХРУПКОСТЬ И СТОЙКОСТЬ

Кто слишком горд, того сломить легко.
Креонт — Антигоне

В 2017 году рынки, освобожденные от смиренной рубашки экономического кризиса, начали наворачивать упущенное. На пике рыночного подъема 22 января 2018 года можно было цитировать *Креонта* («Кто слишком горд, того сломить легко»): заявления Дональда Трампа относительно международной торговли и Ближнего Востока ввели рынки в состояние ступора. Оптимизм инвесторов уступил место сомнениям и даже тревогам. Вот наиболее животрепещущие вопросы: неуверенность по поводу свободной торговли, опасения в связи с ситуацией в Сирии, предстоящее продление ядерного соглашения с Ираном, наконец, сомнение в долговечности цикла роста. Из-за несвоевременных заявлений, касающихся торговли, и агрессив-

ной геополитической риторики, а также зачастую противоречивой экономической статистики рынки столкнулись с возобновлением неустойчивости; возникли опасения, что Дональд Трамп может совершить непоправимую ошибку.

Признавая серьезность этих рисков, мы в то же время должны попытаться снизить напряжение, показав, что торговая война маловероятна. Возможность эскалации конфликта на Ближнем Востоке весьма ограничена, а предположение об экономическом спаде преждевременно. Рост доходов компаний в 2018 году остается многообещающим, а опасения относительно повышения долгосрочных процентных ставок на текущий момент фактически неоправданны.

Опасения в области торговли: отношения между Китаем и США

Безусловно, Китай, прикрываясь заявлениями в поддержку свободной торговли, подрывает свободную конкуренцию правительственными субсидиями, защищает свой рынок замысловатыми регламентами, поощряет создание влиятельных промышленных групп во многих отраслях и оказывает финансовую поддержку убыточным компаниям. Таким образом, Китай попирает основы свободного рынка. Соединенные Штаты

¹ Леонов Л. М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Книговек, 2013. Т. 4 : Из дневников. С. 643–644.

² Цит. по: Самохин А. Проект Вернадского // Свой. 2018. Март. С. 41.

³ Мужчина не обязан воевать : беседа Анастасии Ермаковой с писателем Захаром Прилепиным // Литературная газета. 2018. 14–20 февр. № 7. С. 9.

⁴ Генеральный директор банка Eric Sturdza SA (Женева, Швейцария). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Новая международная экономическая окружающая среда», «Стратегии глобализации», «Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития» и др.; статей по проблемам банковской деятельности.

могут обоснованно жаловаться на дефицит торгового баланса с Китаем в размере 370 млрд долларов, так как они покупают товаров на 500 млрд долларов, а продают только на 130 млрд.

Однако тарифы тут ни при чем. Торговый дефицит США образуется из-за неэффективной экономики, избыточного потребления и недостаточной конкуренции между национальными промышленными компаниями. Повышение налогов не приведет к созданию новых рабочих мест в США, так как экономика страны близка к полной занятости. Вместо этого повышение налогов уменьшит покупательскую способность американцев или приведет к их переключению на другие источники тех же товаров, что не сократит общий торговый дефицит США. Повышение налогов снизило бы конкурентоспособность американских фирм, опирающихся на импорт дешевых компонентов: известно, что 60 % импорта США составляют компоненты.

Как показывает история, торговые войны не приносят прибыли: печально известный закон Смута — Хоули о тарифе 1930 года привел к сокращению экспорта США на 60 %. По оценкам Европейского центрального банка, в случае 10 %-го повышения налогов на все продукты, импортируемые Америкой, а также ответных мер в отношении всех продуктов, экспортируемых страной, рост ВВП США в первый же год сократится на 2,5 процентных пункта, т. е. упадет до 0,5 %, а глобальный рост потеряет 1 процентный пункт. В конце 1980-х годов в то время богатая Япония с ее рекордным торговым сальдо практически не отреагировала на налоги США, но лишь потому, что в политических отношениях слушалась Америку. Ситуация с Китаем не имеет с этим ничего общего.

Развивая нашу недавно высказанную мысль об угрозе и рисках протекционизма для рыночной экономики, мы попытаемся объяснить, почему в противостоянии с Китаем США не гарантирована победа. У Китая есть огромный потенциал противодействия. К счастью, период консультаций по данному вопросу продлится два месяца, то есть американские компании смогут высказывать свои возражения вплоть до 22 мая. При постоянном развитии глобализации компании все больше зависят друг от друга, и с этим трудно что-то поделать.

Между тем нельзя сказать, что ситуация ухудшилась. В 2008 году торговое сальдо Китая в процентах от ВВП составляло 10 %, в то время как на конец 2017 года — 422 млрд долларов, или 3,4 % ВВП. Тогда китайская валюта была девальвирована, чего не скажешь о сегодняшней ситуации.

Лучшим способом сокращения торгового дефицита США было бы снижение потребления в США, но это поставило бы под угрозу цикл роста, и Соединенные Штаты, сократив налоги, выбрали противоположный путь.

Далее описаны четыре вида ответных мер, доступных Китаю, в порядке уменьшения вероятности применения.

Сельскохозяйственные меры. Несмотря на большой торговый дефицит США в области производства, у страны есть существенные излишки в сельском хо-

зяйстве. Если Китай повысит налоги на американские соевые бобы, США будут вынуждены сократить продажи Китаю, которые в прошлом году принесли 14 млрд долларов, и дать шанс Бразилии и Аргентине реализовать свои запасы по более высоким ценам. До июня американским фермерам нужно решить, что сажать, — соевые бобы или кукурузу, но китайские санкции сократят их доходы, что повлияет на благосостояние штатов Среднего Запада, традиционно голосующих за республиканцев, и это будет не на пользу Дональду Трампу в преддверии промежуточных ноябрьских выборов. По оценке *Института Петерсона*, урезание экспорта соевых бобов может привести к сокращению на 20 % количества рабочих мест в ряде округов штата Миссури.

Промышленные меры. Соединенные Штаты планируют обложить налогом целую категорию товаров; тем не менее, Китай может с легкостью контратаковать, нанеся ущерб отдельным американским компаниям, например GM, которая продает больше автомобилей в Китае, чем в США. Или Boeing. Или Caterpillar. Или, если на то пошло, компаниям, работающим в области высоких технологий, таким как Qualcomm или Texas Instruments, львиная доля прибыли которых генерируется в Китае. Поэтому сегодня эти компании уязвимы на фондовом рынке, но имеют хороший шанс на восстановление в случае, если торговая война не начнется.

Казначейские меры. Китай является ведущим держателем казначейских бумаг США (до 1200 млрд долл.). Распродажа или всего лишь сигнал о продаже может увеличить долгосрочные обязательства США более чем на 3 % и, следовательно, повысить стоимость государственного долга США и затруднить рост экономики страны. Тем не менее, такая мера — палка о двух концах, поскольку распродажа казначейских бумаг повлекла бы за собой снижение стоимости валютного резерва Китая и привела бы к повышению курса юаня, что является сомнительной выгодой для китайского правительства.

Монетарные меры. Юань не является свободно конвертируемой валютой, поэтому его курс устанавливается властями Китая, которые могут легко девальвировать свою валюту на сумму, эквивалентную налогу, которым были обложены их товары, чтобы нейтрализовать его влияние. Такой вариант развития событий, по нашему мнению, маловероятен; кроме того, его, судя по всему, исключает управляющий Народного банка Китая Йи Ганг. Это могло бы стать последним отчаянным шагом, мотивированным желанием Китая закрепить имидж стабильного юаня и одновременно не усугубить отток капитала. Наконец, при девальвации юаня пришлось бы снова покупать казначейские бумаги США, чего, возможно, нет в планах китайского руководства.

Резюмируя, можно сделать вывод, что противники в торговой войне, скорее всего, не перейдут от слов к делу. Китай может сделать еще ряд уступок в области сокращения государственного регулирования финансовых услуг, открытия своих рынков, барьеров инвестирования иностранных компаний в уставные капиталы зарегистрированных в Китае совместных предприятий,

защиты патентов и сокращения субсидий некоторым государственным предприятиям, и Дональду Трампу будет чем похвалиться. Что касается Североамериканского соглашения о свободной торговле, которому скоро исполнится 25 лет, а также более 60 млн долларов дефицита баланса США в торговле с Мексикой, то небольшие корректировки в некоторых из отраслей, в частности автомобильной, сделают возможным продление соглашения.

Геополитические опасения в связи с Сирией и Ираном

Не всегда верь худшему.
Кальдерон

После нескольких лет войны, когда 350 тыс. человек погибли, а 10 млн стали переселенцами (при численности населения 22 млн чел.), Сирия все еще является ареной конфликта между крупными международными игроками — Россией, США, Францией и Великобританией. Также на ее сцене разворачивается драма с участием региональных держав: Турции против курдов, Ирана напрямую через Паздаран (стражей исламской революции) и косвенно через «Хезболла», не говоря уже о мелких исламистских группировках. Применяв химическое оружие, Асад пересек границы того, что было дозволено американцами. Трамп, желая подчеркнуть свое отличие от Обамы, проявлявшего, как говорили, чрезмерную осторожность в подобных обстоятельствах, пообещал вмешаться, но Путин уже отреагировал. На этом этапе трудно сказать, кто из этих двоих первым остановится.

Иранское ядерное соглашение, подписанное в период президентства Обамы в июле 2015 года, предусматривало прекращение разработки ядерного оружия иранцами в обмен на отмену санкций США, что должно было стимулировать рост прямых иностранных инвестиций. Рухани рассчитывал на 50 млрд долларов в год. Однако его планам не суждено было сбыться. Во-первых, Трамп, желая уничтожить наследие Обамы и выполнить свое предвыборное обещание, заявил о намерении вывести США из соглашения. Во-вторых, население Ирана, разочарованное отсутствием улучшений в экономике, падением стоимости валюты на 30 % за последние шесть месяцев, инфляцией, превышающей 10 % и подрывающей покупательную способность, высоким уровнем безработицы и дорогостоящими военными действиями за рубежом, начинает серьезно сомневаться в правильности курса, избранного осторожным Рухани. Знакомая ситуация, но в ней появились новые переменные: Майк Помпео назначен государственным секретарем США, а Джон Болтон — советником по национальной безопасности. Оба они бескомпромиссные политики, враждебно настроенные по отношению к Ирану. Помпео — неоконсерватор, близкий по духу к Движению чаепития, а Болтон прославился своим заявлением в поддержку военных ударов против Ирана и Северной Кореи.

Возможно, Трампу кажется, что эти назначения, демонстрирующие явное намерение запугать оппонента перед началом переговоров, позволят ему занять по-

зицию силы? Или, может быть, мы должны принять в расчет то, что Болтон, сменив на этом посту уже второго предшественника за год, надолго не задержится? Должны ли мы на основе этих назначений сделать заключение, что соглашение будет расторгнуто по истечении 90-дневного срока, то есть 12 мая? Многие боятся такого исхода. Действительно, он бы отрицательно сказался на рынках, но это еще далеко не свершившийся факт. Иранцы полностью не прекратили обогащение урана; согласившись на сокращение количества центрифуг, они, тем не менее, могут в любой момент передумать. Разрыв соглашения непосредственно перед предстоящей встречей Трампа с президентом Северной Кореи на ту же тему будет выглядеть нелепо и к тому же подтолкнет Иран к некоторому сближению с российским лагерем в надежде на обеспечение военной безопасности и с китайским лагерем в расчете на экономическую поддержку. В обмен на возобновление соглашения Иран может согласиться приостановить разработку баллистических ракет.

Мы предполагаем, что из-за глобальной враждебности по отношению к России и регионального конфликта с Ираном американские конгрессмены в соответствии со своими полномочиями заставят Дональда Трампа принять их точку зрения и возобновят соглашение с Ираном, чтобы не допустить укрепления позиций России в регионе. Джон Болтон и Майк Помпео придерживаются жесткой позиции в отношении России и, возможно, предпочтут усилить экономические санкции, так как это нанесет более ощутимый удар по России, чем военные распри. В текущем году рост российского ВВП, скорее всего, не превысит 1,7 %; понижение процентных ставок будет проблематичным, так как девальвация рубля вызовет всплеск инфляции и сильно сократит иностранные инвестиции.

Региональная деятельность. Акцент в дебатах сместился с ядерного оружия на распространение баллистических ракет в регионе. К этому моменту саудовцами, американцами и израильянами движет единое стремление пресечь такое распространение, перехватывая ракеты, запущенные хуситами, и наказать Сирию за использование химического оружия. Положительным моментом являются скорые выборы в Ираке, которые должны продемонстрировать дистанцирование от Ирана.

Опасения относительно экономического спада преувеличены: устойчивость

В последние два месяца показатели как доверия, так и серийного производства указывают на сильное замедление роста в странах ОЭСР и Китае. Можно ли считать это признаком того, что пик роста позади? Или же это временный спой, связанный с неблагоприятными погодными условиями в Северном полушарии? Мы склоняемся ко второму предположению, веря в устойчивость роста и продолжение цикла, что подтверждается прогнозами увеличения корпоративной прибыли в текущем году с 8 % в Европе до 10 % в США. Иначе говоря, текущие колебания на фондовом рынке должны сгладиться и уступить место некоему подъему.

В США показатели потребительской и кредитной активности, серийного производства и инвестиций, индекс потребительской уверенности свидетельствуют о замедлении роста в первом квартале. Но снижение налогов служит стимулом только при условии, что экономика приближается к полной занятости. Если не брать в расчет протекционистскую угрозу, то единственным реальным опасением является шоковое воздействие на долгосрочные процентные ставки в результате сочетания ограничительной монетарной политики (процентные ставки в этом году были повышены трижды) и экспансионистской фискальной политики, которая, по оценкам Конгресса, повлечет за собой дефицит до 800 млрд долларов в 2018 году и около 1 трлн долларов в 2019-м. До настоящего момента рынку ничто не грозило, поскольку десятилетние ставки не превысили отметки 3 % и ожидается дальнейшее снижение роста 2–10-летних ставок.

Январские продажи автомобилей в Китае остались стабильными, с повышением всего на 2,4 %, а объем промышленного производства увеличился всего на 6 % по сравнению с предыдущим годом. В марте индекс производственной активности Китая в малом и среднем бизнесе, по данным Caixin, указывает на замедление, как и показатель ожиданий менеджеров по закупкам (PMI) для промышленного производства.

В Европе в первом квартале отмечалось затишье экономической активности, при этом показатели промышленного производства за февраль оказались невысокими. Это частично объясняется ростом курса евро и неблагоприятными погодными условиями. Временный спад не должен вызывать опасений: даже если он и продлится, Европейский центральный банк может продлить программу количественного смягчения, не ограничиваясь сроком до 30 сентября.

В Японии в первом квартале наблюдались спад потребления и сокращение заказов на оборудование, а Банк Японии указал на ухудшение предпринимательской среды, возможно, вследствие роста иены, однако во втором квартале ожидается восстановление как потребления, так и инвестиций.

Заключение

Можем ли мы повторить за Бодлером: *«И вновь промозглый мрак овладевает нами, — / Где летней ясности живая синева?»*. Нет, мы так не думаем. Но как справятся с ситуацией фондовые рынки? Как ни парадоксально, решающую роль в улучшении может сыграть не «стойкость», а «хрупкость». Такой исход станет возможным, если протекционизм не реализуется, а геополитический кризис удастся сдержать. Устойчивый рост всегда сопровождается высокими ожиданиями в отношении корпоративной прибыли, и малейшее разочарование в этом будет иметь негативные последствия.

Что касается торговли, то американцам следовало бы не возводить барьеры, а попытаться открыть рынки, в то время как европейцам лучше поразмыслить о возможных последствиях соглашений, о которых Китай ведет переговоры со странами Восточной Европы в рамках проекта «Шелковый путь». Если торговую войну удастся предотвратить, то чувствительные к экспорту циклические ценные бумаги США вновь обретут популярность на рынках.

С геополитической точки зрения санкции в отношении России экономически менее рискованны, чем потеря контроля над ситуацией в Сирии. Это влечет за собой спад российского фондового рынка и снижение курса рубля, а следовательно, не дает Центральному банку понижать процентные ставки, что демотиивирует иностранных инвесторов и сдерживает рост, который ранее прогнозировался на уровне 1,7 % в текущем году. Для инвесторов два варианта страховки от кризиса на Ближнем Востоке: покупка золота или нефти.

Мы не стали повторять здесь старый рефрен об ускорении инфляции, так как не наблюдаем фактов, подтверждающих этот сценарий. В свете почти полной занятости в США, Германии, Великобритании и Японии рост зарплат был бы логичным следствием, что вызвало бы повышение долгосрочных процентных ставок и отрицательно сказалось на рынках. Тем не менее, так как многие рабочие места нестабильны, относятся к категориям неполной ставки или самозанятости, такой рост происходит медленно. Влияние повышения цен на нефть и другие товары, начавшегося в прошлом году, теряет силу. Судя по последним отчетам, опубликованным Китаем, инфляция замедляется, поскольку PPI (Индекс цен производителей) за март повысился лишь на 3,1 % по сравнению с предыдущим годом, что значительно ниже 7,8 % по данным за февраль 2017 года, в то время как базовая инфляция вернулась к уровню 2,1 %. В США базовая инфляция в марте составила лишь 2,1 %, а рост зарплат — 2,6 или 3,3 %, в зависимости от того, учитывались ли при расчете постоянные еженедельные часы работы.

Мы не предлагаем и не обосновываем покупку финансовых инструментов или подписку на них. Приведенная здесь информация взята из тщательно отобранных общедоступных источников. Тем не менее, несмотря на скрупулезную проверку достоверности информации на момент ее публикации, ее точность, полнота и надежность не гарантируются. Любые мнения, содержащиеся в данном документе в текущем контексте, могут измениться в любое время без уведомления. На основании данных, относящихся к прошлому, не всегда можно сделать вывод о тех результатах, которые будут получены в будущем.

М. Делл'Амброджио¹

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Дамы и господа! Для меня честь выступать перед столь авторитетной аудиторией на пленарном заседании Международных Лихачевских научных чтений.

Сегодня мы будем обсуждать крайне актуальный вопрос: что готовит нам будущее в контексте современного мирового культурного развития? На этот вопрос нелегко ответить. Ситуация осложняется тем, что понятие «культура» имеет очень широкое значение, оно многогранно.

Когда мы говорим о культуре в традиционном, узком, смысле, это понятие становится универсальным. Его можно применить как к музыке Баха, Чайковского и Шостаковича, так и к литературе, произведениям Мольера и Достоевского, а также к великим достижениям XXI века. Мы называем искусством общепризнанные и выдержавшие испытание временем гениальные произведения.

Научно-исследовательская деятельность находится на одном уровне с искусством. Ею движет стремление к новым знаниям и доказуемой истине, что по своей природе является безопасным, стабильным параметром. Так же как и искусство, научно-исследовательская деятельность преодолевает границы и объединяет нации.

В то же время идеологические концепции и взгляды представляют собой еще одну форму и непосредственное проявление культуры. Такие концепции находят свое выражение, например, в социологии, бизнес-администрировании, экономике и прежде всего в политике.

Идеологическая форма культуры не является стабильной и изменяется с течением времени. В общем смысле изменения — это не плохо. Тем не менее, я осмелюсь высказать следующий тезис: такая форма культуры не обеспечивает поступательного движения вперед. Вместо этого мы вновь и вновь делаем два шага вперед и, к величайшему сожалению, один шаг назад.

Я сравниваю десятилетия после окончания холодной войны с продвижением на два шага вперед. Была достигнута общая договоренность, созвучная духу братства, воспетого Фридрихом Шиллером в оде «К радости». Эта договоренность предполагала мирное взаимодействие между странами и открытые границы для людей, идей и товаров. Также она сделала возможным демократическое сотрудничество в области формирования политики на национальном уровне и создания рыночной экономики, способствующей распространению благосостояния.

¹ Министр образования и науки Швейцарской Конфедерации (с января 2013 г.), доктор юридических наук. С 1979 по 1999 г. занимал ряд государственных должностей в кантоне Тичино: судья, начальник кантональной полиции, секретарь по образованию и культуре, руководитель проекта по созданию Университета Лугано (Università della Svizzera italiana, USI), генеральный секретарь USI. С 2003 г. — директор Университета прикладных наук итальянской Швейцарии (SUPSI), мэр Гиубиаско, член кантонального парламента Тичино. С 2008 по 2012 г. — государственный секретарь по образованию и исследованиям Федерального парламента внутренних дел.

Я не смотрю на этот период сквозь розовые очки, но чувствую, что происходящее в настоящее время — это шаг назад. В контексте глобализации происходят трансформации в целом ряде направлений. Так, вызывает озабоченность то, что научные знания и прогресс подвергаются сомнению. Фактически распространяются фундаментально антинаучные установки, по крайней мере, в некоторых социальных кругах, особенно в так называемых развитых странах.

Между верой и фактом возникла зона напряжения:

— альтернативная медицина, эзотерическое мировоззрение и сектантство потеснили доказательный принцип в сфере здравоохранения;

— новости об изменении климата и их уже наступивших последствиях рассматриваются как дезинформация со стороны подкупленных политиками ученых;

— усложнение статистических процедур и методов приводит к появлению более сложной разновидности данных. Это, в свою очередь, ведет к росту количества возможных интерпретаций.

Международное сообщество находится в сложной ситуации. Общие интересы стран, входящих в состав Организации Объединенных Наций и разделяющих ее Цели развития тысячелетия (такие как глобализация прав человека), все больше вытесняются доводами в пользу национального государства. Причина — в мире, все больше подверженном глобализации, национальное государство кажется простым и понятным. Национальное государство предлагает идентичность, с которой людям легче себя соотнести. Концепция международного сообщества более сложная. Какими могут быть последствия этого упорного соперничества между национальными государствами? У тех, кто выигрывает соревнование, дела сначала будут идти хорошо. Тем не менее, важно учитывать два факта: во-первых, такая победа может оказаться пирровой; во-вторых, мировая история учит нас тому, что напряжение между странами, подкрепленное националистическими тенденциями, является чрезвычайно взрывоопасной формой выражения разных культур.

Позволю себе вольность и выскажу мнение как представитель Швейцарии — небольшой четырехязычной нейтральной страны. Для нас диалог всегда был и продолжает оставаться незаменимым инструментом достижения успеха на национальном и международном уровнях.

Мы гордимся тем, что в 1953 году на швейцарской территории была основана ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям). Во времена холодной войны ЦЕРН использовалась в качестве нейтральной площадки для переговоров, будучи абсолютно незатронутой политическим соперничеством. Таким образом, ее достижения выходили за рамки науки. С учетом всего вышесказанного я выражаю надежду на то, что вскоре мы снова сможем сделать два шага вперед к общей культуре. Убежден, что исследования ученых из России, и особенно из Санкт-Петербурга,

в области гуманитарных и социальных наук сыграют в этом процессе важную роль.

Здесь, в этом городе, несколько поколений людей формировалось на основе уникального опыта, который определяет ваше предназначение: помощь в урегулировании напряжения и активное участие в открытом диалоге, затрагивающем в первую очередь общечеловеческие ценности и культуру в универсальном пони-

мании. Естественно, должна иметь место и доля национальной гордости. Но в тот момент, когда гордость заменяется латинским понятием "*superbia*" («гордыня»), она становится если не грехом, то по меньшей мере опасностью.

В любом случае надеюсь, что в будущем нас ожидает не противостояние маленьких воинственных островков, а большой объединенный мир с множеством граней.

П. Дуткевич¹

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Введение

Хочу сказать несколько слов о методологии нашего исследования: она основана на диалектическом методе и социальном анализе. Мы анализируем действия, противодействие и их взаимодействие или, иначе говоря, провозглашаем тезис, изучаем антитезис и проводим синтез. Эта идея не нова. Социальное исследование как концепция была предложена Гегелем, а позднее доработана Й. Фихте, который реализовал первые исследования такого рода на практике. Я хотел бы показать процесс, антипроцесс и синтез данных двух переменных, который представляет собой сложное взаимодействие между противоречивыми (политическими, социальными или экономическими) процессами.

Еще одно примечание, которое я хочу сделать, касается названия этого доклада — «Ключевые противоречия мирового порядка». Пожалуйста, не думайте, что можно предсказать будущее. В нашей книге мы попытались показать, что в мире возникло несколько новых процессов мирового порядка, которые связаны с путями и механизмами развития. Нельзя утверждать, что кто-то знает или может предсказать будущее. Мы ставим перед собой гораздо более скромную задачу — показать и объяснить те противоречия, которые, вероятно, приведут к созданию новой реальности. В этих противоречиях мы видим контуры будущего мирового порядка.

Пять противоречий

Гегемония против многополярности

Первое противоречие является фундаментальным. Это противоречие **между «гегемоном и многополярным миром»**, которое уже сейчас, несомненно, привело к изменениям в международной системе. В результате борьбы будет сформирован новый мировой поря-

док. С одной стороны в этой борьбе участвуют США и их союзники, с другой стороны — все остальные страны. Гегемон, естественно, стремится сохранить свою гегемонию. В нашей работе мы не даем моральную или этическую оценку данному стремлению. Гегемон всегда желает сохранить свою гегемонию: это позволяет ему обеспечить лучшие условия жизни, представить более четкое видение будущего и добиться стабильности для своих граждан, поэтому гегемона или гегемонию нельзя назвать морально или этически неправильным явлением. Проблема заключается в том, что в современном миропорядке сохранение гегемонии практически невозможно, поэтому гегемону приходится вступать в конфликт с многополярным миром, представленным другими странами. Понятно, что следующие несколько лет будет продолжаться противостояние в рамках парадигмы «мы против всех остальных».

Как нетрудно заметить, эта борьба основана на противоречиях между системой «США + Евросоюз» (гегемония США с условной поддержкой ЕС) и системой «китайских экономических проблем и российских задач защиты глобальной безопасности». Как вы знаете, в прошлом году ВВП Китая сравнялся с ВВП США. Этот факт ничего не говорит о качестве жизни в Китае или США, но важно понимать, что произошедшее посылает США определенный сигнал.

Еще одну проблему для США, на этот раз в области безопасности, составляют отношения с Россией. События в Сирии показали, что союзники США не обладают монополией на обеспечение безопасности в этом регионе или в другой части мира. Если Россия может вступить в конфликт в Сирии, такой же сценарий, вероятно, может реализоваться и в других частях света. Эти события свидетельствуют о том, что монополия безопасности нарушена. С точки зрения гегемона, настает время для определенных действий, потому что он не хочет терять свою власть.

В связи с данным фундаментальным противоречием китайско-американские отношения в ближайшем будущем будут весьма сложными. Что касается российско-американских отношений, то на них следует взглянуть не просто как на двусторонние отношения, не просто как на отношения, складывающиеся между двумя лидерами. Речь идет о позиции России в структуре обеспечения мировой безопасности. Поэтому отношения между США и Россией также долгие годы будут оставаться сравнительно сложными. В ближайшие

¹ Директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Ответственный редактор 19-томного издания «Местное и региональное развитие в Польше» (1986–1989), редактор и соредатор 12 книг, последние из них — «Наноса на карту новый миропорядок: мир за пределами Запада», «Социальная история посткоммунистической России», «Евразийская интеграция: взгляд изнутри», «22 идеи управления мира», «Демократия против модернизации: дилемма для России и мира», «Россия: проблемы трансформации», «Новые технологии государственного управления на примере России и Канады». Почетный доктор РУДН (2006), Почетный доктор РАНХиГС при Президенте РФ (2007). Член Международного дискуссионного клуба «Валдай».

8–10 лет ситуация не изменится, в том смысле, что Россия не сможет подчинить себе гегемона.

А как же реагирует на эти процессы гегемон? Он начинает изобретать новые, доселе неизвестные инструменты для сохранения своей гегемонии. С этой целью США за последние 6–10 лет выступили с серией инициатив, которые стали известны как «Три Т»: Транстихоокеанское партнерство (ТТП — 12 стран), Соглашение о торговле услугами (ТиСА) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП с ЕС). Президент Трамп предпринимает попытки заблокировать некоторые из этих проектов, но переговоры ведутся. Мы даже полагаем, что администрация Трампа, по всей вероятности, достигнет определенного прогресса в этих переговорах.

Америка желает использовать эти договоры для сохранения ключевых позиций США в мире и Европе. Интересен тот факт, что если эти соглашения будут заключены, страны — члены этих договоров будут контролировать две трети мирового ВВП. В таком случае новый мировой порядок возникнет не на основе гегемонии — военной или даже экономической. Интересно также и то, что ни в одном из этих соглашений не фигурирует Китай, так же как и Россия. Вообще, страны БРИКС в этих договорах не представлены. Это серьезный сигнал, который свидетельствует о наличии противоречия «мы против всех остальных», когда те, кто не следует «нашим правилам», исключаются из основных нормативных и институциональных договоров, при помощи которых мы формируем будущее.

Если вы посмотрите на статистику, то увидите интересную картину, складывающуюся в мировой экономике. В нашей книге мы обсуждаем определенный уровень видимой экономической конвергенции между двумя системами: системой, над которой доминирует США, и системой, которую США не контролируют. США и их союзники пытаются сохранить свою гегемонию и обратить этот процесс себе на пользу. Оставляя в стороне моральные или этические оценки, мы должны отметить, что эти явления — сигнал о наступлении глубоких структурных экономических противоречий, в результате которых возникнет не только экономическая, но и политическая и социальная напряженность.

Разумеется, за этим последуют различные типы подчинения, например подчинения этой тенденции СМИ и потоков информации. Так, в американских СМИ происходят феноменальные изменения: средства массовой информации теперь позиционируют себя не как поставщики информации, а как политические брокеры между двумя системами. СМИ теперь не представляют факты, а служат средством делегитимации второй стороны. Факты теперь не столь важны, а СМИ играют активную роль в позиционировании сторон структурного противостояния в мире. СМИ создают образы «плохих» и «хороших парней» и, вне зависимости от фактов, представляют эти стороны именно такими. СМИ теряют свою объективность, становясь участником борьбы за гегемонию в рамках противоречия «гегемония и многополярность».

Глобализация против политики идентичности

Второе противоречие, которое является основой формирования нашего будущего, — это **глобализация (универсализация) против политики идентичности** (автономизация идентичностей, которая впоследствии приводит к их радикализации). Одной из основных характеристик глобализации является универсализация норм, культур, поведения, институтов и систем управления, а также коммодификация социальных отношений. Основная задача глобализации состоит в том, чтобы заставить экономическую систему работать более гладко, улучшить состояние экономики и повысить ее эффективность, но универсализация поведения и норм, очевидно, является более простым понятием. Гораздо проще иметь одну модель решения проблем, предлагать одно решение вместо рассмотрения нескольких вариантов. Поэтому универсализация является одним из ключевых элементов нынешнего этапа глобализации.

В то же время людям не нравится терять свою идентичность, культуру, обычаи, религию, историю. Поэтому в качестве ответа на универсализацию возникает политика идентичностей в разных формах: религиозных, серьезных гендерных вопросах, этнических аспектах и т. д. Один из лидеров Ирана, **Хаттами**, начал этот процесс, когда заявил, что нам нужна не универсализация, а диалог между различными цивилизациями. Диалог цивилизаций, инициированный Хаттами, затем был прекращен в связи с противоречиями, возникшими между Ираном и Соединенными Штатами Америки.

Политика идентичности — процесс совсем не новый, но мы вступаем в его новую фазу, в которой политика становится зависимой от идентичности. Политика все чаще реагирует на столкновение идентичностей, классовую борьбу, борьбу культур, других видов идентичностей и, наконец, становится основой для формирования групп идентичностей. Эти группы идентичностей, развиваясь, оказывают все большее давление на политику, заставляя политиков обеспечивать то, на что, по их мнению, они имеют право. Эти группы, политические партии или социальные движения выделяются на основе культуры, религии, социального класса или касты, культуры, диалекта, инвалидности, образования, этнической принадлежности, языка, национальности, гендерной идентичности, поколения, профессии, сферы занятости, расы, политической и партийной принадлежности, сексуальной ориентации, месте поселения, городской и сельской местности и статусе ветеранов.

Другими словами, новая политика идентичности заменяет собой существовавшие когда-то большие общественные группы по интересам, которые становятся все более специализированными. Так как государство не имеет возможности реагировать на каждую группу интересов в области идентичности, некоторые из групп становятся все более радикальными. Они считают так: «Если нам не дают того, что мы хотим, нужно выражать свое несогласие более открыто, более радикально, потому что тогда государство прислушается и отреагирует на наши требования».

Классическим примером такого рода мышления является терроризм. «Если я не могу добиться того, чего хочу, какими-нибудь иными средствами, то буду использовать террор как самое радикальное средство, заставляющее обратить внимание на мои требования». Поэтому следующий этап борьбы развернется между политикой идентичности и универсализацией. Результат этой борьбы будет иметь значение для государственной политики и поведения страны: чем слабее государство, тем более оно склонно реагировать на политику идентичности. Государство больше не реагирует на социальные потребности; оно реагирует на потребности групп идентичности, что отражает изменение отношений между государством и гражданами.

Подобные изменения, очевидно, приводят к росту социальных протестов, потому что чем более радикальны группы, тем более заметна их деятельность. В результате возникает дисбаланс в отношениях между государством и группами интересов. Классический пример — сообщества пенсионеров во всем мире. Гласность и мощное влияние их совместных действий заставляют некоторые государства обращать больше внимания на пенсионеров, чем на детей. Если вы посмотрите на статистику Евросоюза, то заметите одну особенность: социальные расходы на все группы населения год от года снижаются, за исключением одной единственной — пенсионеров. На детей выделяется все меньше средств в сфере здравоохранения, в то время как социальное обеспечение пенсионеров, включая расходы на здравоохранение, ежегодно растет во всех странах ЕС. Эта ситуация становится по-настоящему угрожающей.

Богатство против бедности

Третье противоречие возникает между **богатством и бедностью**. По данным Всемирного банка, из 7,4 млрд человек на Земле 1,1 млрд живут за чертой бедности (на 1,25 доллара в день), а еще 2,7 млрд человек вынуждены довольствоваться менее чем 2 долларами в день. Это означает, что около 40 % населения планеты живут за чертой бедности. Этот факт описан в книге французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке». Основной постулат этой книги гласит: «Капитал имеет свойство к самовоспроизведению». Эта идея не нова, так говорил в свое время Карл Маркс. Пикетти в своей книге доказывает, что происходит некоторая олигархизация капитала: суммы наследуемого богатства растут в геометрической прогрессии, а другие социальные группы вынуждены с этим мириться.

За книгой Пикетти последовал отчет Оксфамы «О бедности» (2017), подготовленный для конференции в Давосе. В отчете говорится, что всего восемь человек на планете владеют богатством, которое эквивалентно сумме личных средств 3,6 млрд беднейших жителей Земли. Этот факт шокирует не столько с точки зрения морали или этики, сколько с точки зрения возможных последствий такого расслоения.

Последствия растущего неравенства заключаются в следующем:

1) воздействие на демократию. Обычно считается, что один голос приходится на одного человека, но те-

перь все чаще демократический театр превращается в представление под названием «один доллар = один голос». Недавно мы наблюдали за двумя самыми дорогими выборами в истории человечества. Как показали в своей книге «Капитал как власть» Джонатан Нитцан и Шимшон Бихлер, капитал становится политической властью. Авторы представили большой объем экономических доказательств прямого влияния капитала на политическую власть;

2) уход от налогов. Сверхбогатые люди эффективно уходят от налогов, потому что всю прибыль они держат в «налоговом раю». Это очень важно, поскольку уплата налогов жизненно необходима для поддержания социальной стабильности в государстве: налоги обеспечивают социальные интересы общества и безопасность страны. Если вы не платите налоги, то функция государства по защите вышеназванных интересов снижается;

3) глобальный контроль за рынком труда. В результате возникает серьезная борьба за максимальное снижение МРОТ в большинстве стран, в том числе и в Северной Америке. По статистическим данным, более 300 млн человек работают без гарантии обеспечения МРОТ. Это явление возникло не только в результате политических манипуляций, во всем мире встречается манипулирование уровнем зарплат.

Резюмируя, заметим, что если демократический процесс окажется подвержен меркантилизации, то это приведет к краху мифа либерального порядка. Такое развитие событий опасно для тех, кто верит в миф о том, что имеет возможность влиять на политику, и думает, что голос, отданный на выборах, может иметь какое-то значение для избирателя. Этому мифу придет конец, если сохранится столь вопиющее неравенство. Последствия такого неравенства похоронят ключевые мифы, на которых основано западное общество. Другими словами, наряду с политикой идентичности и борьбой за гегемонию мы теряем доверие к этой системе.

Государство против рынка

Четвертое (самое старое) противоречие возникает между **государством и рынком**. Отношение экономистов и политиков к этому вопросу изменяется по синусоиде: сотрудничают или не сотрудничают государство и рыночная экономика, каковы отношения между ними и следует ли государству влиять на развитие рынка или рынок должен самостоятельно об этом позаботиться? Другими словами, вопрос заключается в том, должно ли государство нести ответственность за наше благополучие или условия для процветания общества должен создавать рынок.

Это противоречие принимает форму синусоиды, потому что, по мнению некоторых исследователей, согласно кейнсианской модели, государство должно управлять рынком. Самые крупные проекты 1920–1940-х годов и последующего времени, такие как социализм, основаны на этой идее. На той же идее — что государство должно руководить рынком — основан и фашизм. На смену этим проектам в 1970–1980-х годах пришел неолиберальный порядок, который по-

степенно завоевал ведущее положение. Согласно этому порядку, именно рыночная экономика способствует развитию и накоплению богатства. Как оказалось, ни одна из этих моделей не сработала. Кризис 2007–2008 годов показал, что ни рынок, ни государство поодиночке не способны дать гражданам то, что они им обещают. Поэтому граждане утратили доверие как к государству, так и к рынку. Это означает, что сегодня мы не верим никому, даже банкам, которые теперь выплачивают огромные штрафы за манипулирование рынком во время кризиса.

В результате даже предприниматели потеряли веру в собственную систему. Как мы показываем в нашей книге, решением для будущего может стать создание параллельной системы между государством и рынком, в которой государство играет роль корпоративной страховой компании для нарождающихся производительных сил, оказывая им помощь в завоевании позиции на рынке и преодолении конкуренции. Этот подход отличается от стратегии импортозамещения, поскольку в рамках последней предполагается, что государство будет помогать рынку неопределенно долго. В результате государство предоставляет корпоративное преимущество определенным секторам промышленности, создавая из них конкурентоспособные отрасли на мировом уровне. Так произошло в Китае, Тайване, Сингапуре, Малайзии и Южной Корее. Таким образом, никаких споров между государством и рынком больше не существует. Спор теперь идет о том, насколько глубоким должно быть сотрудничество между государством и рынком, чтобы сбалансировать интересы национального и глобального рынков.

Проблема состоит в том, что если государство желает сотрудничать с рынком, оно должно быть относительно сильным, а это обычно не так. Государства не могут устоять под давлением глобализации. Они становятся все слабее и слабее. Волна неолиберализации привела к приватизации многих государственных услуг. Какова теперь роль государства в защите интересов граждан? Почти нулевая. А если государство не в состоянии защитить интересы граждан, государственный аппарат становится бесполезным. Зачем нужны политические партии и парламенты, если в результате не возникает политическая жизнь? Политика — это процесс выбора средств действия органами власти, власть дается для того, чтобы кто-то формировал на основе этого выбора определенную политику. Если этот процесс отсутствует, то зачем нам такая система?

Спор между государством и рынком касается не только экономических вопросов. Параллельно идет формирование нашей будущей политической системы. Мы превращаемся в потребителей. За последние два года мы стали свидетелями фундаментального роста силы денег. Люди зарабатывают много денег, товары обходятся им дешевле, они начинают превращаться в потребителей. Мы более не нужны рынку как граждане, потому что граждане стремятся сделать самостоятельный выбор, а рынок диктует нам свой. Проблема состоит в том, что эти два процесса несовместимы: чем в большей степени мы становимся по-

требителями, тем меньше в нас остается того, что делало нас гражданами.

Власть против политики

Пятое противоречие, которое следует из предыдущего, называется «**власть против политики**». В настоящее время власть постепенно отходит от политики. Власть определяется как способность привносить реальные изменения в жизнь, менять ход событий. Политика — это процесс выбора средств реализации проектов власти, в частности принятие решений по поводу того, строить ли новую школу или бассейн, нужно тратить средства на ВПК или на школы и больницы. Данные потребности затем доводятся до сведения органов власти в результате парламентского процесса, и органы власти реализуют их на практике. Таким образом возникает связь между политикой и властью: прежде идет политика, за ней следует власть.

Теперь эта система явно разрушается, в руках государства остается все меньше власти. В связи с приватизацией и глобализацией некоторые основные prerogatives государства перешли в другие руки. Деньги также теперь сконцентрированы не в руках государства, поэтому власть вышла за пределы национального государства. Меняется роль государства, и государство не может сотрудничать с рынком так, как этого ждет рынок. Поэтому рынок становится более зависимым от внешних сил, чем от сил, расположенных внутри национального государства. В результате этих процессов политика и власть разделились почти до такой степени, что стали вести как бы совершенно обособленное существование.

На практике это означает, что политики и машина государственного устройства теперь автономны и независимы друг от друга, как никогда прежде. Они создали некую структуру, в которой проживают свои отдельные жизни; они гораздо больше отделились от того, чем должны были бы, по нашему мнению, заниматься. Мы называем это автономизацией политики. Когда политиков спрашивают, почему некоторые их действия настолько иррациональны и недальновидны, они отвечают: «Мы поступаем так потому, что можем». Государство создает собственную реальность. Автономизация политики приводит к интересным политическим последствиям: самые серьезные конфликты теперь зависят не от национальных интересов, а от автономных решений руководства.

Заключение

В статье «Страх как политика», написанной в соавторстве с профессором Казариновой для журнала «Полис», мы называем эти противоречия пугающими. Подобные представления пугают всех, включая представителей элиты. Руководство стран испытывает обоснованное беспокойство: они не представляют себе, что может произойти завтра. Страх не является частью традиционного представления о политике, но в настоящее время он становится политической силой. По большей части современная политика основана не на рациональных расчетах и не на наших интересах, а на страхе. Например, политика Польши или

Венгрии в сфере миграции не имеет никакого рационального основания. Эти меры приняты не в соответствии с некими рациональными принципами, европейской солидарностью или чем-то иным. Они связаны исключительно со страхом перед мигрантами. Примеров основанной на страхе политики много и в области бюджетной политики, просвещения и здравоохранения. Политики боятся острой реакции общества на отсутствие действий в какой-либо сфере. Или же боятся потерять контроль, и поэтому они хотели бы стать похожими на твердую скорлупу яйца, в которую облечен жидкий желток.

Демократические и недемократические государства становятся практически идентичными: они выглядят одинаково — как яйца с твердой скорлупой и жидким желтком внутри. Они пытаются представить себя сильными и обладающими большой властью, но на самом деле они слабы. Покойный профессор Бауман был великим социологом, но я не согласен с его идеей о том, что сейчас наступил некий промежуточный этап, когда старое постепенно отмирает, а новое еще неясно. Я считаю, что когда старое отмирает, новое уже наступило. Поэтому контуры будущего уже намечены, проблема в том, что нам пока неизвестны его детали.

А. С. Запесоцкий¹

ТРУДОВАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Президент России Владимир Путин, получивший на выборах 2018 года убедительный мандат доверия избирателей на следующий 6-летний срок, сформулировал свое стратегическое видение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года в указе от 7 мая 2018 года, поставив соответствующие задачи перед новым составом правительства страны.

Интересно, что в условиях продолжения борьбы с терроризмом и резкого усложнения международной обстановки, возрастания угрозы прямого военного столкновения с Западом речь идет о программе мира и строительства социального государства.

Во главу угла поставлены интересы рядового гражданина: устойчивый рост его реальных доходов, улучшение жилищных условий, повышение продолжительности жизни, создание условий для численного роста населения и др. Добиться этого предполагается за счет вхождения Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира. Основа экономического развития видится в технологическом прогрессе, инновациях, подготовке кадров.

Такое видение целей и задач содержит много нового в стилистических формулировках и цифровых по-

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 2550 публикаций. Член редсоветов журналов «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Философская мысль», «Партнерство цивилизаций», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение», «ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура», «LITERA», «Современное образование», «Simurg» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаралиев» (Казахстан).

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования, Горьковской литературной премии (2007), премии им. Г. В. Плеханова РАН (2015). Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

казателях, но сам подход принципиально не меняется уже около 20 лет, с тех пор как В. В. Путин, придя к руководству страной, всерьез взялся за укрепление государства и реализацию ключевых положений российской Конституции.

Безусловно, многие поставленные им задачи решены, в частности в плане укрепления властной вертикали, предотвращения негативных сценариев экономического развития, относительной стабилизации социально-экономической ситуации, укрепления национально-суверенитета страны и др.

Вместе с тем до сих пор актуален целый ряд негативных процессов в науке, культуре, образовании, деятельности массовых коммуникаций, функционировании госуправления и бизнес-структур, правоохранительной системы и др. И это — в ситуации нарастания внешних угроз, ужесточения глобальной конкуренции, уже переросшей по ряду направлений в конфронтацию.

Следует констатировать, что в целом после распада СССР современной России не удалось сформировать социально-экономическую систему, конкурентоспособную в борьбе за мировое лидерство. Достаточно сказать, что за время своего руководства страной Владимир Путин ставил задачей вхождение в пятерку ведущих экономик мира уже шесть раз.

В памяти старшего поколения это вызывает аналогию с генеральным секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, заявившим на XXII съезде Компартии в 1961 году, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Речь шла о наступлении коммунизма в 1980 году. Известна и задача тех времен: «Догоним и перегоним Америку».

Среднему поколению россиян памятно обещание Б. Н. Ельцина «лечь на рельсы», если инициированные им либеральные экономические реформы приведут к повышению цен более чем в три-четыре раза (цены ко 2 января 1992 г. выросли в 26 раз, а реальные доходы населения упали до 44 % от уровня 1991 г.).

Такие провалы контрастируют со многими примерами положительных результатов национального взлета в XX веке. Западная Германия, Япония, Южная

Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань, Китай — все эти страны добивались «экономического чуда» с применением моделей экономики, обладающих национальным своеобразием. И в каждом случае своеобразие было основано на глубоком понимании национальной культуры, традиций, характера и менталитета населения. При этом ряд традиций, противоречащих интересам развития, подавлялся, а культурные особенности и свойства национального менталитета иногда придумывались и внедрялись в сознание граждан. Одни страны исходили из архаичных, полуфеодальных укладов экономики, другие — из тоталитарных (коммунистических или фашистских), третьи — из либеральных.

В любом случае экономический взлет происходил в условиях национального консенсуса в области морали, в первую очередь гражданской и трудовой. Консенсус охватывал все слои общества, кроме криминальных, стоящих вне закона (с последними же шла беспощадная борьба).

Следует подчеркнуть, что закон и его защита, правоприменение (жесткие регуляторы) поддерживались мягкими регуляторами — общественным климатом, идеологией, разделяемой чиновниками, предпринимателями, наемными работниками, деятелями науки, культуры, искусства, работниками СМИ. Экономические успехи были невозможны в условиях тотальной эрозии морали и нравственности, существования у разных слоев общества различных базовых ценностей.

Конечно, в России сегодня модно говорить о цифровой экономике, развитие которой компенсирует слабости экономики реальной. Так же как недавно чиновники декларировали грядущие успехи в нанотехнологиях, обернувшиеся производством «нанокирпичей», строительством «нанодорог» и другими экономическими «чудесами» в многострадальной стране. Звучат и футуристические прогнозы о том, что роботы полностью заменят людей, а рабочие, охранники и водители транспорта усядутся в пивбарах у экранов телевизоров. Компанию им составят писатели, актеры и режиссеры, художники, дирижеры и музыканты, которых также вскоре заменят компьютеры.

В реальности же правительство страны готовится к повышению пенсионного возраста, а предприниматели непрерывно ищут способы урезания прав работников наемного труда.

Можно ли добиться успеха в конкуренции с ведущими экономиками мира стране, где этика чиновников, бизнесменов, наемных работников основана исключительно на принципе личной, индивидуальной материальной выгоды, игнорирует интересы конкретного предприятия, отрасли, потребителя продукции, страны? Можно ли ожидать от работника добросовестного отношения к труду, качественной работы, повышения производительности, если его трудовая этика расходится с этикой владельца предприятия, проверяющих владельца чиновников, производителей приобретаемых им на зарплату товаров и услуг и производителей социальных благ?

Может ли население России быть набором «свободных, не связанных ничем атомов» или для достижения успеха оно должно быть преобразовано в на-

цию, объединенную общим интересом, и кто должен позаботиться о таком объединении? Или, может быть, власти достаточно провозгласить лозунги, а дальше все случится само собой? Думается, эти вопросы в настоящее время приобретают особую актуальность.

Между тем, независимо от публичных деклараций, власть уже долгие годы идет по пути увеличения бюрократического аппарата и наращивания делопроизводства, полностью игнорируя мягкие регуляторы жизнедеятельности и занимаясь формированием общественного консенсуса по сугубо отдельным политическим вопросам.

Сложность ситуации обусловливается тем, что Россия вошла в критический период, зону системного кризиса, когда проблема «быть или не быть» должна решаться в ближайшее время на основе выбора нового сценария развития и путей его воплощения. В контексте динамично меняющегося мира сроки модернизационного рывка сжимаются, по мнению специалистов, до десятилетия. Неверное, выбранные сценарии не позволят России войти не только в пятерку, но и в десятку ведущих экономик мира.

Российская модель социально-трудовых отношений переживает трансформационный кризис с начала 1990-х годов. Социально-экономическая формация, сложившаяся в СССР, разрушена, а новая построена, очевидно, крайне неудачно. Существующие рыночные механизмы неэффективны, традиционные стереотипы трудового поведения деформированы, в стране усилилось социально-экономическое неравенство. Налицо нарушения социальных прав трудящихся, обострение социальной отчужденности и снижение престижа производительного и добросовестного труда.

Среди четко фиксируемых проявлений кризиса можно выделить: а) функционирование огромного сектора неформальных трудовых отношений, препятствующего формированию социально ориентированной экономики; б) непрозрачность хозяйственной деятельности; в) коррупцию контролирующих органов; г) слабость системы правоприменения, правовой нигилизмом населения.

По всей видимости, деструктивные тенденции в сфере социально-трудовых отношений в принципе не могут быть преодолены с помощью существующих институтов права. Правовой нигилизм, к сожалению, демонстрируют не только ключевые акторы социально-трудовой сферы (бизнес, госструктуры, наемные работники), но и сотрудники правоохранительной системы.

Правовой нигилизм был заложен в основу перехода страны от командно-административной системы к рынку, стал доминирующим вектором идеологических перемен, воплощенных в идее «деньги — главная ценность и смысл человеческой жизни, мерило значимости человека, а обогащение — высшая форма человеческой деятельности». Все базовые ценности прежнего общества, их иерархия подверглись тотальной ревизии. И новая идеология стала генетическим кодом новой социально-экономической формации, не претерпевшей с начала 1990-х годов и до настоящего времени существенных изменений.

Пожалуй, знаковым культурным символом наступивших времен стала масштабная приватизация 1990-х годов, которая носила откровенно неправовой характер, предопределивший все последующие деформации системы политико-правовых и социально-экономических отношений постсоветской России. Власть выбрала тогда вопиюще аморальный, издевательский по отношению к народу страны и вреднейший для экономики вариант приватизации. По классификации Всемирного банка российская приватизация идентифицируется как инсайдерская, которая на порядок антигуманнее «макиавеллевской», проводимой правительствами в интересах собственных сторонников, своего электората.

Следует отметить, что путь российских реформ последней четверти века радикально отличается от общемировой практики. Средствами массовой информации, массовой культурой гражданам навязываются ложные представления о том, что страна движется к построению некоего общества по «западному образцу», обладающему огромными и неоспоримыми преимуществами по сравнению со всем «не Западом».

Однако Запада, идеалы которого насаждаются в России, того образца социально-экономических отношений, который культивируется российским чиновничеством, в реальности не существует. Страна имеет дело с некритичными заимствованиями поверхностно изученных и неверно понятых механизмов и явлений. Идет ли речь о включении страны в Болонский процесс, строительстве «Сколково», регулировании деятельности СМИ, проведении конкурсов по госзаказам, реорганизации системы научных исследований, молодежной политике и т. д.

Итог четвертьвековых преобразований в России — формирование уникальной и крайне неэффективной ультралиберальной модели социально-экономического устройства. В то время как развитие ведущих мировых держав осуществляется в русле теории конвергенции, когда набор социально-экономических инструментов развития стран непрерывно пополняется за счет лучших достижений социализма и капитализма. При этом в мире не существует набора универсальных достижений, являющихся лучшими. Лучшее — то, что может быть наиболее эффективным в конкретной национально-культурной и социально-экономической ситуации (О. Богомолов).

При этом Запад постепенно утрачивает свою лидирующую роль, перестав в последние десятилетия быть эталоном развития для всего остального мира, за исключением России. Во многом это связано с общим кризисом техногенного типа цивилизации (В. Степин).

В развитии современного капитализма конкурирует и по-разному сочетается строительство социального государства и общества потребления.

В формировании общества потребления Запад долгое время остается бесспорным лидером, однако это и привело его в очевидный тупик. Конечно, социальные функции государств до последних десятилетий там постепенно усиливались, но ведущими тенденциями все же стали: фундаментальные изменения рынка, утрата им роли локомотива экономического развития;

деформация национальных элит и потеря ими способности к генерации новых смыслов, выявлению перспективных путей развития; тотальное перерождение демократии; возрастание манипуляций обществом и уничтожение свободы слова; разрушение христианской матрицы развития культуры.

Эффективность классического капитализма базировалась на свободном рынке с его стихийной принудительностью экономических механизмов. В основе лежала конкуренция производителей, борьба за удовлетворение потребностей потребителей на основе производства качественного товара. Этот рынок ушел в прошлое.

Центр тяжести производства переместился из фабричных цехов в головы людей. Материальное производство вытеснилось на периферию экономики производством смыслов. И сами потребности людей стали производиться как продукты. Современное информационное общество с момента своего зарождения не было и не стало сферой свободной жизнедеятельности людей, явив собой, по сути, лишь новую форму государственно-монополистической организации производства.

Конец 1960-х — начало 1970-х годов — период, когда относительно свободная интеллектуальная жизнь Запада решительно сменяется механизмами тотальной манипуляции сознанием. Радикально меняются механизмы формирования и функционирования элит.

Ранее особую роль в обществе играли интеллектуалы — писатели, философы, ученые, профессора. Они пользовались значительной свободой в анализе реальности, генерации идей и донесении их до общества, оказывали на его развитие существенное, а иногда и ключевое влияние. Их зависимость от экономической и политической элит была сравнительно слабой.

Позднее практически все духовное производство Запада было приватизировано монополистическими структурами, как и само государство. Интеллектуалы превратились в служащих корпораций, производящих идеи по их заказу и в их интересах, часто без соотношения с реальностью или связанных с нею, но не улучшающих ее с точки зрения общественного блага. Крупная буржуазия в собственных узкокорыстных интересах создает духовный продукт и навязывает его через систему СМИ, с помощью механизмов распространения массовой культуры. Аналогичным образом приватизируются институты функционирования демократии, что приводит к вырождению политического класса, исчезновению политических лидеров уровня Франклина Рузвельта, Шарля де Голля.

Не случайно сегодня лидеры стран Евросоюза, за редким исключением, представляют собой единообразный ряд безликих чиновников, а избранный вопреки воле сложившейся в США властной элиты Дональд Трамп практически лишен возможности реализовывать свои предвыборные обещания.

Превращение свободы слова и демократии в товар означает вступление капитализма на Западе в фазу критического перерождения, которое уже называют злокачественным. Особенно активно в мировом сообществе критикуется культурное перерождение Запада, от-

каз от христианства с его системой ценностей, общей для традиционных мировых религий.

Весь спектр глобальных кризисов (истощение запасов энергии, климатические изменения, рост терроризма, множасьщиеся техногенные катастрофы, загрязнение среды обитания человека и т. д.) в мире все больше связывают с кризисом западной модели развития, цивилизационной парадигмы.

И вот эту модель вновь явленная российская элита начала культивировать на местной почве, да еще без особого ее понимания и умения что-либо культивировать.

В результате одной из ключевых проблем практически всех сфер общественного производства в России стало отсутствие национально ориентированной трудовой этики, опирающейся на ценностные доминанты отечественной культуры. Постсоветская модель социально-трудовых отношений страдает национально-культурной неукорененностью, в ней слабо просматриваются исторически устойчивые мировоззренческие доминанты национальной культуры. Более того, ценностный диссонанс способов организации производства с глубинными духовными основаниями русской цивилизации становится источником расширения пространства и спектра социально-трудовых конфликтов.

Приходится признать, что формирование модели социально-трудовых отношений последних десятилетий произошло путем не критичного, недостаточно осмысленного переноса чиновниками и предпринимателями западных принципов капиталистической экономики, форм организации производства и моделей корпоративной этики в российские реалии. Процесс построения национально ориентированной трудовой этики изначально блокировался ультралиберальным «сценарием развития» государства и общества, который утверждался в качестве ключевого критерия «цивилизованности».

Между тем исторический опыт убедительно свидетельствует о значимости духовных традиций как ресурса грамотно осуществляемых экономических реформ. Например, технологический взлет (начиная с 1960-х гг.) ряда стран Тихоокеанского региона был во многом обусловлен культурным фактором — сохранившейся цивилизационной самобытностью: традиционной этикой ответственности и законопослушания, коллективистской идентичностью народов, готовностью жертвовать индивидуальным во имя общего блага.

Однако ультралиберальная доктрина несет в массовое сознание ложное по своей сути понимание религиозных и национально-культурных отличий народов и стран от «среднеевропейской нормы» как негативного фактора — «архаизма».

Экспансия западного цивилизационного проекта в сложившиеся на протяжении веков российские традиции и духовный опыт народа проявляется в форме культурной дезинтеграции страны — в распаде единого духовного пространства нации. У разных слоев общества возникают взаимоисключающие мировоззренческие доминанты и конфликтующие стратегии выживания и сценарии будущего. Конфликт программ

воспроизводства и развития (экзистенциальный, мировоззренческий, политический) провоцирует общественный раскол, который сокращает пространство диалога и стимулирует разрушительные тенденции в обществе.

Противоречия обостряются на этапе форсированной модернизации, когда процесс целенаправленной трансформации ключевых сфер общественного производства требует выбора определенной, целостной, приемлемой для основной части общества модели. Специфика данного этапа состоит в резком усилении конфликтного противостояния традиций и инноваций: чем динамичнее продвижение к новой экономической системе и утверждению ее мировоззренческой основы, тем значительнее сопротивление консервативных сил и традиционных матриц культуры. Такая асинхронность в динамике составляющих трудовой этики и социально-трудовых отношений также расширяет пространство социально-трудовых конфликтов и ведет к росту социальной напряженности.

При формировании «сценария будущего» нельзя не учитывать, что экономическая модель не может возникнуть в культурном вакууме, вне цивилизационных матриц, — она формируется на базе трудовой этики, которую конституирует культура, господствующая над экономической, творя ее по своему «образу и подобию». Каков человек, таков и сотворенный его руками материальный мир.

В свою очередь, мировоззренческая доминанта культуры (П. Сорокин) и национальная идентичность формируются в соответствии с природой человека, его психофизическими характеристиками, которые определяются географией, историей, религией. Капитализм, порожденный европейской цивилизацией, является не только экономическим, но и в первую очередь культурно-антропологическим феноменом — известно, что капиталистическая модель стала возможной в условиях существенной корректировки христианской антропологии (М. Вебер).

Национально ориентированная трудовая этика, выступающая мировоззренческой основой культурно легитимного и социально ответственного поведения всех субъектов социально-трудовых отношений, возникает в результате системного взаимодействия трех групп факторов: а) национальной культуры, определяющей ее духовные доминанты, иерархию базовых ценностей и смыслообразующие жизненные сценарии; б) ментальности народа, обеспечивающей целостность культуры и национальное своеобразие на протяжении исторически длительного времени; в) модели экономики, краеугольными камнями которой являются форма собственности (обеспечиваемая институтом права) и «человеческий фактор» трудовой активности. Рассогласование данных факторов неизбежно ведет опять-таки к усилению нестабильности в обществе и конфликтности в системе социально-трудовых отношений.

При этом в ситуации диссонанса экономических моделей и культурных матриц наибольшей инерционностью и сопротивляемостью обладают национальный этос и формирующиеся на основе психофизических

особенностей народа ментальные матрицы. Последние формально лежат за пределами рынка труда, но фактически формируют его специфическую ментальную инфраструктуру (Э. Соболев).

Следует признать, что реальный экономический подъем в России возможен лишь при формировании национально ориентированной трудовой этики, опирающейся на ценностные доминанты и ментальные матрицы отечественной культуры.

Стране необходимо вернуться к хозяйствованию на основе концепции нравственной порядочности и взаимной ответственности всех субъектов социально-трудовых отношений; адаптировать к специфике русской культуры механизм координации интересов между производителем и потребителем; обеспечить на приемлемом уровне гармонизацию основных составляющих капиталистической модели хозяйствования и увеличить инвестиции в развитие человеческого

капитала как фактора стабильного и долговременного развития экономики.

В ситуации крупномасштабных, глобальных технологических сдвигов у России пока еще есть «окно» возможностей для прорывов вперед и совершения «экономического чуда» (С. Глазьев).

Гуманитарным ресурсом решения этой задачи являются фундаментальная корректировка идеологии реформ, переоценка их результатов и перспектив. Экономические и политические преобразования будут успешно реализованы лишь в том случае, если станут опираться на глубинные пласты национального сознания и существенные характеристики российской ментальности.

От востребованности ключевыми институтами национальной экономики духовно-нравственного потенциала русской культуры зависят настоящее и будущее великой российской цивилизации.

В. Ингимундарсон¹

УПРАВЛЕНИЕ АРКТИКОЙ В ЭПОХУ ВЫЗЫВАЮЩЕЙ БЕСПОКОЙСТВО ГЕОПОЛИТИКИ

Вопросы геополитики, связанные с Арктикой, на протяжении всей истории характеризовались скрытым напряжением между желаниями государств и их многогранными интересами. Первые планы относительно Арктики были связаны с имперскими завоеваниями, научными исследованиями и ее использованием в экономических целях. При этом современные идеи о суверенитете не являлись побудительными мотивами, но они, тем не менее, оказались связаны с желанием захвата территорий, идеями построения государства и экспансионистскими целями. На самом деле контроль над территорией давал основания для притязаний на Арктику, несмотря на их неопределенность и несоответствие современному пониманию международного права. В настоящее время отношение к Арктике входит в государственные интересы, причем оно изменилось от рассматривания Арктики в качестве далекого и экзотического места до все более открытого пространства, которое можно завоевать. При этом обсуждение вопросов, связанных с Арктикой, все еще ха-

рактеризуется полемичностью в попытке разобраться с индивидуальными и коллективными притязаниями.

Легитимность существующих рамок, регулирующих устремления суверенных государств и межправительственное сотрудничество в Арктике, основывается на Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) и связана с деятельностью заслуживающего доверия регионального межправительственного форума — Арктического совета, в который входят восемь арктических государств, представители коренных народов — постоянных членов Совета, а также государства-наблюдатели и наблюдательные организации. Тем не менее, существование других политических механизмов, в частности форума пяти арктических прибрежных государств, которые имеют территориальные притязания в Северном Ледовитом океане, подчеркивает, что региональный комплекс — это многогранная структура, базирующаяся на различных типах иерархий и неравенстве сил заинтересованных сторон.

В статье исследуются взаимодействие и взаимное влияние геополитики и управления в Арктике. Упор делается на том, как арктические страны, действуя в одиночку или в тандеме, узаконили иерархические управленческие структуры, определили правила доступа к Арктике для неарктических государств, распределили права коренных народов и установили правовые рамки (различной степени приемлемости) для многосторонних территориальных режимов. Целью является составление карты с обозначением системы управления Арктикой для определения сфер сотрудничества и проблемных областей в этом районе Земли.

Считаю, что перспективы изменения юридических основ управления Арктикой минимальны из-за обоснованной заинтересованности в сохранении

¹ Профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Центра передового опыта EDDA, ассоциированный сотрудник Королевского объединенного института оборонных исследований в Лондоне, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет», «Исландский финансовый кризис: Политика обвинения, протеста и реконструкции» (в соавт.) и др. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований». Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО.

статус-кво. Сопrotивление сильных арктических держав, таких как США и Россия, расширению изначальных целей Арктического совета (защита окружающей среды и устойчивое развитие) и включению политических функций отражает их отказ подчинить суверенные интересы объединяющему институциональному сотрудничеству. В целях всеобщего желания поддерживать стабильность в регионе арктические государства продолжают межправительственное сотрудничество с использованием деполитизированного языка. Однако это не нивелирует побочных эффектов, включая режим санкций, который возник вследствие украинского кризиса. Таким образом, вместо того чтобы прибегать к метафоре «мирные отношения арктической семьи» или дихотомии «друг/враг» в стилистике холодной войны, нынешнее положение дел скорее отмечено геополитической двусмысленностью, когда принцип многосторонних отношений используется для продвижения государственных интересов отдельных стран. Тем не менее, между великими державами установилось неформальное понимание того, что к Арктике не следует относиться как к зоне геополитических конфликтов.

Ученый Клаус Доддс и ряд других пытались определить современную арктическую геополитику как беспокойное взаимодействие между либеральным институционализмом, с его акцентом на межгосударственное сотрудничество, и неореализмом, с его вниманием к государствам и интересам государственной безопасности. С одной стороны, повторное открытие Арктики после военных ограничений холодной войны в 1990-е годы трактовалось как возможность установить новый порядок политического сотрудничества. С другой стороны, Арктика рассматривалась с точки зрения возрождения неореализма в XXI веке, когда геополитические игроки, как утверждают, борются за перераспределение территориальных владений на открытых пространствах Арктики, преследуя национальные цели и конкурируя за ресурсы¹. Такое двойственное восприятие можно обосновать. В период после окончания холодной войны в Арктике наблюдалось сотрудничество, результатом чего стало создание Арктического совета, в повестку дня которого не входят военные вопросы.

В дальнейшем шквал сообщений в средствах массовой информации о «схватке за Арктику» и потенциальном соперничестве великих держав (что подкреплялось реальными научными экспедициями после установления русскими флага на Северном полюсе в 2007 г.) мгновенно разрушил устойчивое положение. Однако все это вскоре отошло на второй план в связи с возрождением правительственных и научных дискуссий по вопросам неолиберальных схем сотрудничества. Происходящее точно отражает норвежская поговорка: «Высокий север, низкое напряжение». Гораздо важнее было геополитическое признание Арктики в результате подписания в 2008 году пятью арктическими прибрежными государствами (Россией, США, Канадой, Дани-

¹ Have you heard the one about the disappearing ice? Recasting Arctic Geopolitics / J. Dittmer [et al.] // Political Geography. 2011. Vol. 30. P. 202–214.

ей от имени Гренландии и Норвегией) Илулиссатской декларации, где говорится об обязательстве по мирному урегулированию международных споров и твердом обещании соблюдать Конвенцию ООН по морскому праву². Затем напряжение между Западом и Россией вследствие гражданской войны на Украине грозило нарушить равновесие и вновь привести к конфликту. Экономические санкции, наложенные Западом на Россию, и бойкот специальных совещаний по Арктике привели к контрмерам со стороны России, включая отказ одобрить наблюдательские функции Европейской комиссии в Арктическом совете³.

Тем не менее, несмотря на трения, разрыва связей между Россией и другими арктическими партнерами не произошло. Также была предпринята попытка отделить район Арктики от других геополитических конфликтов. Не возникает желания изменять действующие многосторонние арктические структуры или уклоняться от соблюдения принятых всеми сторонами норм в отношениях между государствами. И если в настоящее время не существует военного сотрудничества между странами НАТО и Россией: Совет Россия — НАТО фактически не действует, две стороны все еще продолжают вместе работать в области гражданской безопасности, безопасности на море, а также проводят поисково-спасательные операции в Арктике.

Можно утверждать, что до избрания Д. Трампа приоритетом Россия и США в плане стратегических приоритетов в Арктике двигались в противоположных направлениях: администрация Обамы была нацелена на охрану окружающей среды, что в результате привело к совместному американо-канадскому решению о запрете бурения в большинстве арктических областей в открытом море; Россия считала приоритетом использование как нефти и газа, так и Северного морского пути для развития торговли. При Трампе политика США изменилась в пользу исследования, но экономические обоснования бурения будут зависеть от ряда факторов, таких как цена на нефть и конкуренция с более доступными областями. США и Россия являются конкурентами в поставках энергии, и в Арктике не наблюдается сближения их экономических интересов. Но резкий поворот политики США — отход от идеи защиты окружающей среды — разочаровал несколько других арктических государств, которые традиционно являются союзниками США.

На самом деле, поскольку Конвенция ООН по морскому праву не имеет механизмов, которые принуждали бы к ее соблюдению, работа этого органа зависит от межправительственного сотрудничества. В Арктике пять прибрежных государств пытались взять на себя привилегированную роль управляющих с помощью неофициальной площадки «Арктическая пятерка». С самого начала эта позиция подвергалась критике как эксклюзивный клуб со стороны трех других арктиче-

² См., например: Илулиссатская декларация (The Ilulissat Declaration), подписанная арктическими государствами на Конференции по Северному Ледовитому океану в Илулиссате, Гренландия, 27–29 мая 2008 года. URL: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf

³ Interviews with Arctic Council officials. 18 October 2016. (Интервью с чиновниками из Арктического совета. 18 октября 2016 г.)

ских государств: Исландии, Финляндии и Швеции — и представителей коренного населения. Они считают, что этот форум ослабит Арктический совет и представляет собой попытку взять под контроль Арктический регион, несмотря на обязательства перед Конвенцией ООН по морскому праву. Односторонняя Декларация о предотвращении нерегулируемого промысла в открытых морских районах центральной части Северного Ледовитого океана 2015 года не оставила сомнений в устремлениях «Арктической пятерки»¹. Но для придания законности предложениям по установлению правовых рамок и предотвращению промышленного рыболовства в будущем в «общинных владениях» Северного Ледовитого океана «Арктическая пятерка» впервые пригласила пять других заинтересованных сторон: Европейский союз, Исландию, Китай, Южную Корею и Японию, чтобы выработать договор о режиме консервации в Северном Ледовитом океане, который был подписан в 2017 году.

Зловещие предсказания о ненужности и бесполезности Арктического совета, особенно после встречи в Илулиссате в 2008 году, сменились обсуждением его высокого положения и интеграционной роли. Тем не менее, несмотря на соглашения о поисково-спасательных операциях и предотвращении разливов нефти, Совет не превратился из органа, предлагающего решения, в орган, их принимающий. Государства наподобие США и России на самом деле не заинтересованы в расширении управления Арктикой. Они разрешили Арктическому совету подготовить план на 10–15 лет работы вместо двухгодичной повестки дня, которую разрабатывают государства, председательствующие в Арктическом совете². Тем не менее, секретариат Совета не имеет никакого реального влияния и права голоса³.

Известно, что у сильных держав, таких как Китай, Япония и Южная Корея, вызывает озабоченность то, что они не могут вносить свой вклад в решения Арктического совета. Они считают, что их участие должно быть более значительным, чем просто деятельность в рамках рабочих групп Совета. Поэтому неудивительно, что эти государства, несмотря на различную международную политику, недавно сформировали межправительственный форум для продвижения своих интересов по вопросам, связанным с Арктикой в целом и в рамках Арктического совета в частности. Эти азиатские государства внесли большой вклад в исследование Арктики, руководствуясь ее будущим потенциалом; кроме строительства ледоколов, они используют экономические возможности для инвестирования в газ, нефть и инфраструктурные проекты в Арктике, некоторые имеют целью диверсификацию их энергетических ресурсов и использование более коротких транспортных путей⁴.

¹ Interviews with Arctic officials. 21 January 2017. (Интервью с чиновниками из Арктического совета. 21 января 2017 г.)

² Interview with an Arctic official. 25 January 2017. (Интервью с чиновником из Арктического совета. 25 января 2017 г.)

³ Interviews with Arctic officials. 20 January 2017. (Интервью с чиновниками из Арктического совета. 20 января 2017 г.)

⁴ Guy E., Lassare F. Commercial shipping in the Arctic: new perspectives, challenges and regulations // *Polar Record*. 2016. Vol. 52 (264). P. 302.

Эти вызовы управлению Арктикой только подчеркивают ограниченность в действиях Арктического совета как органа, который не принимает решения, не может выступить с требованием принятия мер, направленных на защиту окружающей среды, борьбу с изменениями климата, решение вопросов использования ресурсов, открытия морских путей, обеспечения военных аспектов региональной безопасности, территориальных споров и защиту прав коренного населения. В прошлом звучали призывы к усилению структуры управления Арктическим советом, решения которого в настоящее время не носят обязательного характера, путем его превращения в международную организацию, решения которой по договоренности будут обязательны к исполнению. В дополнение к этому многие высказываются за созыв Арктического саммита с участием глав государств — членов Арктического совета, а также руководителей, постоянных членов и наблюдателей, и за проведение совещаний на уровне министров государств — членов Арктического совета не раз в два года, а ежегодно⁵. Оба предложения придали бы Арктическому совету больший вес в международном плане и предоставили больше преимуществ при выработке стандартов, когда дело касается регулирования поведения арктических и неарктических стран и организаций⁶. Контраргумент против структурных изменений состоит в том, что преимуществом может стать именно то, что система управления Арктикой не оформлена во всеобъемлющий юридический договор и способна адаптироваться к новым возможностям или изменяющимся обстоятельствам. Некоторые ученые, например Оран Р. Янг, выступают против идеи превращения Арктического совета в межправительственную организацию, утверждая, что это может нивелировать некоторые инновационные черты Совета, такие как, например, особая роль постоянных членов⁷.

Это не очень сильный аргумент, и он не дает ответа на вопрос, почему роль коренных народов нельзя сохранить или расширить при более официальном статусе, даже при обсуждении условий государствами. Более того, если отдельные государства хотят предоставить коренным народам больше возможностей представительства, они могут сделать это через принятие и вступление в силу внутренних законов. Инуитский приполярный совет и другие организации коренных жителей выступили за разделенный суверенитет на основании права коренных народов на самоопределение, что уходит своими корнями в международное право. На самом деле международное сообщество в большей степени опасается концепции самоопределения после эпохи деколонизации (1950–1960-е гг.) из-за боязни распространения сепар-

⁵ См., например: Постоянный комитет парламентариев Арктического региона (SCPAR). Постановление конференции «Управление Арктикой в развивающемся Арктическом регионе» (окончательный вариант). 5–7 сентября 2012 года. URL: <http://www.arcticparl.org/files/conference-statement%2C-final-draft1-2.pdf>

⁶ Interview with an Arctic official. 25 January 2017. (Интервью с чиновником из Арктического совета. 25 января 2017 г.)

⁷ Oran R. Young. Governing the Antipodes: International Cooperation in Antarctica and the Arctic // *Polar Record*. 2016. Vol. 52. Iss. 2. P. 236.

ратистских движений¹. Но это не обесценивает концепцию в международном праве.

В постколониальную эпоху, с усилением заинтересованности и расширением деятельности всего мира в Арктике, невозможно исключить коренные народы из процесса принятия решений по Арктике. Наглядной иллюстрацией может служить Гренландия, которая имеет автономию во внутренних делах. Финансовая зависимость от Дании не позволила Гренландии воспользоваться своим правом отделения от Датского королевства. Но вопрос независимости стоит на политической повестке дня, хотя не существует никаких временных рамок для достижения этой цели. В отсутствие собственных вооруженных сил независимая Гренландия может выбрать поддержание тесных связей с Данией². Однако альтернативный сепаратистский сценарий может положить начало экспериментам с идентичностью в международной политике гренландцев, которые заинтересованы в получении иностранных инвестиций для использования природных богатств, например развивая исторические связи с США или даже с Китаем. Такое развитие событий, в свою очередь, может повлиять на геополитические группировки в Арктическом регионе в целом, поскольку Гренландия сама по себе станет ключевым игроком в Арктике.

Еще один сдерживающий фактор — табу на обсуждение военных аспектов безопасности в Арктическом совете, которое относится ко времени его образования в середине 1990-х годов. В Арктике определенно происходит усиление милитаризации, большинство арктических государств расширяют свое военное присутствие там и проводят военные учения. Усиление интереса военных к Северной Атлантике сопровождается сосредоточением внимания на холодной войне и на таких концепциях, как устрашение; Фареро-Исландский рубеж (морской проход между Гренландией, Исландией и Великобританией) и превосходство на море вновь возвращаются из прошлого и набирают обороты. В НАТО звучит призыв к восстановлению военного потенциала в Северной Атлантике. Но непоследовательность мнений о соперничестве на море в Северной Атлантике и представление ее ремилитаризации как насущного вопроса могут сбивать с толку. Все еще проводится четкое политико-географическое разделение между Северной Атлантикой, которая рассматривается как потенциальная зона конфликтов, и Арктикой, которая предположительно должна оставаться мирным регионом. Такое искусственное разделение не отрицает того факта, что в Арктике также ведутся военные действия, как и в Северной Атлантике. Тем не менее, это отражает политические обязательства и Запада, и России поддерживать стабильность в Арктике, даже если развитие событий, которое Карл Дойч назвал «сообществом безопасности», там

маловероятно из-за отсутствия политической общности и общих ценностей³.

Комиссия ООН по границам континентального шельфа может определять границы шельфа, но не имеет полномочий для разрешения споров арктических государств. После формулирования рекомендаций наиболее вероятно, что странам «Арктической пятёрки» придется вести переговоры друг с другом, чтобы установить морские границы и проанализировать притязания конкурентов. У них есть стимул решить все спорные вопросы мирным путем, но конфликты, например в форме последствий кризисов в других регионах, исключить нельзя. Однако маловероятно, что в обозримом будущем разногласия из-за природных богатств между арктическими государствами станут основными, потому что они по большей части расположены в исключительной экономической зоне арктических государств. Самая заманчивая область со спорными границами находится в море Бофорта между США и Канадой. Взаимоотношения США и Канады — вероятно, лучший пример «сообщества безопасности», что делает милитаризацию конфликта немыслимой. Споры по поводу рыбных промыслов, причиной которых являются миграции косяков рыб в результате изменения климата, могут перерасти с жесткую конфронтацию, но вряд ли в полномасштабный военный конфликт. То же самое относится к территориальным спорам: в то время как не прекращаются правовые споры по поводу морских путей, не представляется возможным, что они могут привести к более серьезным последствиям. Различные претензии на владения между Данией и Канадой, с одной стороны, и Россией — с другой, по поводу хребта Ломоносова сглаживаются тем фактом, что в этом секторе, как считается, нет значительных природных богатств. Наконец, если США и Европейский Союз не согласятся с юридической трактовкой, согласно которой Канада и Россия контролируют соответственно Северо-Западный и Северный морские пути, то маловероятно, что им будет брошен официальный вызов.

Но это не говорит о том, что перспективы доступа к природным ресурсам не могут привести к возникновению потенциальных геополитических проблем. Наглядным примером может служить Шпицберген. Кристофер Р. Росси утверждает, что в связи с расширением географического района вокруг Шпицбергена поднимаются фундаментальные вопросы об управлении регионом, это лучший пример «территориального искушения» в Арктике⁴. В 1920 году в Договоре о Шпицбергене (Шпицбергенском трактате) был установлен ряд условий для Норвегии, претендующей на суверенное право на архипелаг, и учтены справедливые права других сторон, подписавших договор. Более того, договор не охватывает континентальный шельф (поло-

¹ *Abulof U.* We the people? The strange demise of self-determination // *European Journal of International Relations*. 2016. Vol. 22. Iss. 3. P. 536–565.

² *Ackrén M., Jakobsen U.* Greenland as a Self-Governing Sub-National Territory in International Relations: Past, Current and Future Perspectives // *Polar Record*. 2016. Vol. 51. Iss. 4. P. 404–412 ; *Sejersen F.* Rethinking Greenland and the Arctic in the era of climate change. *New northern horizons*. L. ; N. Y. : Routledge, 2015.

³ *Political Community and the North Atlantic Area / eds. K. Deutsch [et al.].* Princeton : Princeton University Press, 1957 ; *Adler E., Barnett M.* A framework for the study of security communities // *Security Communities / eds. E. Adler, M. Barnett.* Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 29–65.

⁴ *Rossi C. R.* The A Unique International Problem: The Svalbard Treaty, Equal Enjoyment, and Terra Nullius: Lessons of Territorial Temptation from History // *Washington University Global Studies Law Review*. 2015. Vol. 15. Iss. 1 (16). P. 93.

жений о нем не существовало в международном праве). Норвежцы считают, что ограничения суверенных прав должны быть недвусмысленно указаны в договоре, влияющем на норвежский суверенитет. Договор о Шпицбергене подписали более 40 стран, которые подтвердили право Норвегии управлять Шпицбергом и его территориальными водами суверенно. Но несколько государств, включая Россию и Великобританию, отказываются принимать притязания Норвегии, считая, что договор не распространяется на области за пределами территориальных вод Шпицбергена или что собственный континентальный шельф Норвегии протянулся до архипелага. Это может послужить причиной возникновения проблем в управлении в будущем и нарушения стабильности в регионе, если подписавшие договор стороны, которые отрицают правовой статус Норвегии, решат оспорить его официально¹.

Выводы. Следует опасаться и не участвовать ни в слишком упрощенных конфликтах двух сторон, ни в высокопарном обсуждении сотрудничества в регионе, где существуют геополитическая двусмысленность и неопределенность, где сочетаются побочные

эффекты других глобальных событий и попыткам деполитизации на практике противостоит конкурентная политика. По сути, в своей основе это вопрос традиционной политики силы: кто управляет участком, кто поддерживает порядок на границах и контролирует передвижения в смысле допуска и запрета. В то же время сложная организация управления в Арктике не исключает автономных стран, организаций коренных жителей и неправительственных экологических организаций, у которых имеются законные региональные или трансрегиональные интересы, часто отличающиеся от притязаний суверенных государств. Эта многослойная система управления Арктикой с частично совпадающими и накладывающимися друг на друга контрактными взаимоотношениями, включая официальные и неофициальные, не застрахована от нестабильности. Об этом уроке нельзя забывать в период международной напряженности и войн, которые великие державы ведут чужими руками в регионах за пределами Арктики. Она также должна служить примером против милитаризованных идеологий прошлого для продвижения политических целей в настоящем.

В. А. Квинт²

РОЛЬ ПРОРОКОВ, ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ, ЛИДЕРОВ И СТРАТЕГОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ КОНТУРОВ И СЦЕНАРИЕВ БУДУЩЕГО

Люди всегда стремились получать знания о характеристиках и контурах будущего человечества, нации, коллектива, группы или индивидуума. Для этого соз-

давались различные методы и инструментари. Появлялись профессии, навыки и науки постижения будущего. Данной тематике в последние годы посвящены серьезные зарубежные исследования³, хотя еще в советской философско-футурологической школе такие процессы начинали осмысливаться⁴. До середины XX века для создания контуров и сценариев будущего использовались методологии анализа процессов прошлого и их проецирования на будущее.

¹ О юридических аспектах, связанных со Шпицбергом, см.: Rossi C. R. Op. cit. P. 93–136; Churchill R., Ulfstein G. The Disputed Maritime Zones around Svalbard in Myron H. Nordquist // Changes in the Arctic Environmental and the Law of the Sea / eds. T. H. Heidar, J. N. Moore. Leiden : Martinus Nijhoff, 2010. P. 551–593; Anderson D. H. The Status Under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard // Ocean Development & International Law. 2009. Vol. 40. P. 373–384; Ulfstein G. The Svalbard Treaty: from terra nullius to Norwegian sovereignty. Oslo : Scandinavian University Press, 1995; Fleischer C. A. Svalbardtraktaten. En utredning også nye styreformere på Svalbard vurderes. Oslo : C. A. Fleischer, 1997.

² Иностраный член РАН (США), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, руководитель Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Научный руководитель факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН. Автор монографий, изданных за последние годы в США, Албании, Великобритании, Словении и других странах: "Strategy for the Global Market", "The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics" и др. Ряд работ переведен в России. Почетный доктор и профессор ряда университетов в России и за рубежом. Член Бреттон-Вудского комитета (Вашингтон), Всемирной академии искусств и науки. Член редколлегии журналов «Экономика и математические методы», «Управленческое консультирование», международного журнала "The International Journal of Emerging Markets" и др. Главный редактор журнала «Экономика в промышленности». Награжден орденами Почета, Дружбы, почетной грамотой Совета Федерации Федерального собрания РФ, золотой медалью Н. Кондратьева, а также научными наградами в России, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Казахстане, Киргизии, Словении, США, Украине.

В XX веке начали складываться психологические школы логико-психологического анализа, исследования профессиональной практики и теории мышления о будущем. Изучаются различные функции перспективного мышления в процессах предвидения, прогнозирования, долгосрочного планирования и в меньшей степени стратегирования. К концу XX века начали анализироваться различные поведенческие модели в сфере принятия экономических решений в условиях высокой степени неопределенности с использованием теорий неоклассической экономической школы. Это привело к формированию принципиально новой сферы экономических исследований — поведенческой экономики. В силу нетрадиционных предмета, методологии и выводов ученые, посвятившие себя данной проблематике, испытывали колоссальные трудности в признании идеи таких исследований. Например, Даниэль Канеман (Daniel Kahneman), получивший Нобелевскую премию по экономике за исследования в данной сфе-

³ Gladwell M. Blink: The Power of Thinking Without Thinking. N. Y. : Little, Brown, 2005.

⁴ Бестужев-Лада И. В. Предвидение // Малая российская энциклопедия прогнозистики. М., 2011. Т. 3.

ре (присуждена в 2002 г.), рассказал, что его первую статью, написанную в соавторстве с Амосом Тверски (Amos Tversky), не дожившим до присвоения этой высокой премии, отвергли в журнале как поверхностную. Канеман говорит: «Психологи на самом деле стремятся стать учеными, белыми сюртуками, используя сложную статистику, экспериментируя. Ими тогда не воспринималась идея, что можно задать один вопрос и таким образом сформировать доказательство... так тогда психология не исследовалась»¹. С тех пор за исследования в сфере поведенческой экономики присуждены уже три нобелевские премии, в том числе в 2005 году Роберту Ауману (Robert John Aumann) и в 2017-м Ричарду Талеру (Richard H. Thaler). Обратившись к исследованиям и пониманию будущего, Даниэль Канеман пришел к исключительно неожиданному и плодотворному выводу: «Мы думаем о нашем будущем как об ожидаемых воспоминаниях»². Канеман делает вывод, что такое понимание и видение будущего должно заставить нас еще раз задуматься о нем именно через восприятие наших будущих ожиданий от принимаемых решений.

Это вынуждает еще глубже анализировать деятельность описанных в сакральных книгах пророков и провидцев, которые стремились пролить свет на неизвестное и поэтому пугающее и кажущееся нерациональным будущее. Именно к исследованиям «предсказуемой иррациональности» Канеман и Тверски впоследствии и перешли, разработав важную для теории и практики стратегирования теорию проспектного мышления в условиях высоких рисков³. С пониманием будущего связаны основные выводы когнитивной науки, позволяющей лучше понимать и оценивать потенциал принимаемых решений с точки зрения создаваемых ими рисков и эффективности в анализируемом будущем. Принятию верных решений на основе стратегического мышления бесспорно способствует и использование результатов исследований Роберта Аумана, связанных с анализом поведения и реакций конкурентов или партнеров на взаимодействие или борьбу в будущем. Прогнозирование и стратегирование — это не описание желаемых картин будущего, а скорее выяснение возможных и часто нежеланных сценариев в долгосрочной перспективе. Нужно пытаться оценивать и различать сценарии объективной и субъективной вероятности, в которых сталкиваются или кооперируются ценностные ориентиры, интересы и приоритеты субъектов стратегирования. Согласно выводам Аумана, в долгосрочных взаимодействиях и конфликтах выигрывают те, кто ставит долгосрочные стратегические приоритеты выше быстрого, но кратковременного успеха⁴.

Что касается провидцев и предсказателей, то прежде всего нужно признать то, как часто в изучении и стратегировании будущего приходится сталкиваться

ся с проявлениями его нерациональности. Первыми из известных специалистов по выявлению и пониманию маршрутов людей в будущее были индивидуумы, «видевшие» картины будущего, — провидцы и пророки. Предвидение и пророчество — древние категории. Это навыки, проявившиеся задолго до того, как в древнееврейских и христианских скриптах появились записи, свидетельствующие о деятельности пророков и провидцев. Со времен, предшествующих шумерской и месопотамской цивилизациям, сохранились артефакты и записи о «профессиональных» провозвестниках, посланниках, воспринимаемых рупорами невидимой и неизвестной сверхсилы или божества.

Предвидение — сложившаяся категория научных исследований. Так, в Российской социологической энциклопедии сказано, что *предвидение (П)* «является по существу информационным (описательно-познавательным) аспектом опережающего отражения как имманентного свойства высших форм материи. Разделяется на научное и ненаучное П., а последнее — на интуитивное (связанное с подсознанием), обыденное (по народным приметам на основе жизненного опыта) и мантическое (псевдопредвидение в виде пророчеств, прорицаний, “откровений”, гаданий и т. п.) предвидение. Как абстрактная категория, П. имеет несколько форм конкретизации: предчувствие (простое предвосхищение), свойственное любому организму; предугадывание (сложное предвосхищение) — вид интеллектуальной деятельности человека, размышления о будущем на основе личного опыта...»⁵. Естественно предположить, что исторически предвидения и пророчества возникали не в результате особых знаний, а скорее благодаря свойствам интуиции провозглашавших их индивидуумов.

В истории монотеистических религий быть вестником Всевышнего — наиважнейшая функция пророка. Тем не менее в обществах, находящихся в разных фазах своей социально-экономической зрелости, в социальных средах с различными религиозными и культурными традициями, социальными предпочтениями пророки воспринимались не только как предвестники и посланники, но часто и как предсказатели, а иногда даже являлись лидерами. В жизнеописаниях Авраама и Моисея, представленных в книгах Бытие и Исход, а также в Коране, эти пророки предстают наделенными проактивными ролями и могут рассматриваться как пророки-лидеры. Способности Моисея описываются как беспредельные: так, в древнееврейском каноне говорится: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей» (Быт. 34: 10). Моисей начинает как вестник Высшей воли и вырастает до неоспоримого лидера, с концептуальных позиций становится величайшим стратегом. Его преемник Джошуа (Иисус Навин или Йехошуа-бин-Нун) необязательно воспринимается как пророк или провидец, а скорее как крупнейший лидер военной стратегии.

Сакральные тексты позволяют предположить, что в нескольких христианских традициях пророки-провидцы называются скорее святыми, чем запечатляются

¹ Kahneman D. We're beautiful devices // The Guardian. L., 2011. Nov. 14.

² Kahneman D. 9 TED Talks that will teach you how your mind works // Business Insider. N. Y., 2015. July 20.

³ Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47, iss. 2. P. 263–291.

⁴ Aumann R. Agreeing to Disagree. (Working Paper). Stanford: Institute for Mathematical Studies in the Social Sciences: Stanford University, 1975.

⁵ Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998.

своим «профессионализмом» видения и провозглашения пророчеств. Во всяком случае можно заключить, что оба типа пророков скорее использовались Высшей силой в целях провозглашения важнейших событий, которые (предположительно) произойдут в будущем, или должны были иметь экстраспособности — предвидеть будущее и объявлять это аудитории. В обеих версиях пророк — это провидец и предсказатель, но не обязательно лидер.

В большинстве случаев провозглашенные пророчества были в такой степени за пределами понимания простого человека, что пророки-провидцы часто не воспринимались всерьез своими современниками. Например, так происходило и с дочерью мифологического троянского царя Приама Кассандрой, чьим предсказаниям о предстоящем падении Трои никто не верил вплоть до его воплощения в жестокую реальность.

В Торе слово “Navi” ассоциируется с мощным и точным видением таких великих лидеров, как Моисей и Самуил, в то время как “Navi'im” отображает тоже пророка-провидца, но только без лидерских качеств. В истории пророчеств были нередки случаи, когда лидеры/стратеги представляли свое стратегическое видение таким образом, что оно считалось пророчеством и после его практической реализации. В то же время необходимо подчеркнуть, что даже если некоторые стратеги в ряде случаев могут быть близки в своей деятельности к пророческому предвидению, они, тем не менее, не могут считаться пророками. В истории с той или иной степенью достоверности фиксировались случаи, когда некоторые предсказатели могли предвидеть события далекого будущего, однако и они не были ни провидцами, ни посланниками Высшего разума. К таким бесспорно одаренным людям можно, например, отнести писателей-фантастов: Жюль Верна, предвидевшего (на основе изучения ряда прогнозов и практических, но безуспешных попыток творческих людей) появление металлических подводных лодок; Джонатана Свифта, угадавшего существование обнаруженных позднее спутников Марса; Олдоса Хаксли, описавшего за несколько десятилетий до открытия геной инженерии жизнь общества, функционирующего на основе достижений этой тогда еще не существующей науки; Мартина Кайдина, предвосхитившего в своем романе «Киборг» человека с бионическими протезами, которые были созданы через 40 с лишним лет.

Можно привести десятки подобных примеров, но наиболее известным из гениев является выдающийся Мишель де Нострадам (Michel de Nostredame) — Нострадамус (1503–1566). Около 1550 года он начал публиковать свои предсказания и в 1555 году объединил их в первое самостоятельное издание — книгу «Центурий» («Столетия»), которая с тех пор многократно переводилась и переиздавалась как «Полные пророчества Нострадамуса» (“The Prophecies of Nostradamus”). Нострадамус рассматривал свои предсказания как пророчества. В предисловии к первому изданию книги, которое он адресовал своему сыну Сезарю, Нострадамус представляет себя как пророка: «Только уникальные, вдохновленные Божественной силой, могут предска-

зывать конкретные события в духе пророчества». Тем не менее, в этом же предисловии Нострадамус написал: «Сейчас, мой сын, несмотря на то что я использовал имя пророка здесь, я не буду приписывать себе это возвышенное звание; он называется пророком сейчас, однажды назывался провидцем и в узком смысле слова, пророки — лишь те, которые видели вещи, отдаленные от естественных знаний человечества. Или, предположим, что пророки силой совершенного света пророчества могут видеть божественные вещи, так же как человек (который не может, однако, видеть эффекты будущих предсказаний), и расширять дистанцию видения к секретам Бога, которые непостижимы, и их эффективная мощь бесконечно удалена от естественных знаний, берет свое начало в свободе волеизъявления, вызванной теми явлениями, которые не известны ни человеческим предзнаменованиям, ни скрытым знаниям или секретной добродетели под Небесами. Только с помощью силы некоторой неделимой невидимой сущности и благодаря геркулесовым усилиям причины стали известны с помощью небесного движения».

Читая вышеприведенный текст Нострадамуса, можно сделать вывод, что он считал себя наделенным обеими силами — как пророка, так и предсказателя¹. Тем не менее Нострадамус не вполне уверен, кем он является — пророком-провидцем или предсказателем или же обладателем обеих этих способностей. Он иногда отождествляет и объединяет силу предвидения пророка с «профессиональной» способностью предсказателя.

На протяжении многих лет я был впечатлен точностью предвидения и предсказания Нострадамусом событий и их внутренних связей и взаимовлияний, закрытых от него веками непредсказуемости и хаоса. После нескольких месяцев борьбы с собственными сомнениями я с неохотой и без всякого энтузиазма сделал вывод о том, что Нострадамус — предсказатель, но не пророк. Я не могу судить все его катрены, однако многие его предсказания сбылись с провидческой точностью, в частности одно из них, относящееся к Советскому Союзу.

Подавляющее большинство библейских пророков демонстрируют в течение длительного периода свою миссию и способность предвидеть события будущего такой временной глубины, на которую не способны лучшие специалисты в сфере стратегического планирования. Мудрость и видение пророков охватывают века, как, например, предвидение пророка Даниила. Конечно, современникам трудно подтверждать или опровергать подобные способности провидцев: провозглашенное пророком может стать реальностью во времена, когда его современники десятилетия и столетия уже находятся в ином мире.

Важно подчеркнуть, что из вышеизложенного совсем неверно заключить, что каждый лидер, упомянутый в священных текстах, является пророком. Библейский царь Давид — яркий пример великого лидера, который не был пророком. Давид почитал пророков-провидцев, пригласив их в свое окружение, в частности

¹ *Nostradamus. The Complete Prophecies of Nostradamus* / H. C. Roberts. L. : Thorsons, 1994. P. XVIII–XIX.

Натана (Нафан, Nathan), огласившего несколько пророчеств, ставших библейской реальностью. Именно Натан предвидел Соломона в качестве преемника Давида, которому и суждено было воздвигнуть храм. С этой точки зрения в библейской истории профессии пророков и лидеров уже были разделены. Пророки почти всегда воспринимались окружением как люди, наделенные мудростью, несмотря на то что часто первая из приписываемых им характеристик была скорее связана с их «неполной нормальностью».

В древнегреческой мифологии и истории роли мудрой персоны и прорицателя были разделены. Философы серьезно не рассматривали провидцев, а сами не воспринимались современниками в качестве пророков. В то же время ни философы, ни пророки, ни предсказатели не рассматривали лидеров в качестве пророков и даже прорицателей. И это несмотря на то что Платон в диалоге «Государство» утверждает, что в идеальном государстве править должны философы, предполагая, что идеальные идеи и теории в этом случае будут идеально реализовываться в практике реального руководства. Кстати, в силу подчеркнутого выше разделения функций лидера и предсказателя и тем более пророка-провидца логически вполне возможно предположить (как и отмечают некоторые историки), что Александр Македонский консультировался у Дельфийского оракула с целью лучшего понимания своей миссии и будущего.

Для стратегов наиболее важная ценность пророков-провидцев заключается в их правиле связывать пророчества со шкалой времени, поскольку фактор времени в стратегии (согласно моим исследованиям) является детерминирующим¹. Философам же эта провидческая корреляция провозглашаемых будущих событий со временем несвойственна. Стратегия и стратегические сценарии всегда соотносятся и связываются со шкалой времени. Закон экономии времени, как доказывается в моих исследованиях, является первым и главным законом стратегии и процессов стратегирования. Несмотря на то что экономическая теория Карла Маркса в качестве первого экономического закона определяет закон стоимости, другие школы экономистов обосновывают в качестве важнейшего закон спроса и предложения. В стратегии оба эти критерия — стоимость и соотношение спроса и предложения — могут фундаментально изменяться с течением времени. Профессионалы, которые предлагали стратегические советы, также действовали и в древние времена. По существу это институт советников, дающий рекомендации долгосрочного характера. Можно утверждать, что советники фараонов в Древнем Египте были в некоторой степени стратегами. То же самое мы можем сказать о визирях, которые были советниками ханов или султанов в Османской империи и в целом в мусульманском мире. Что мы не знаем о тех временах с достаточной точностью, так это баланс между мифом, ранними верованиями, психологией, связанной со способностями интуитивно предвидеть будущее и с практическими или научно обоснованными стратегическими знаниями.

¹ Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. N. Y. ; L. : Routledge, 2015. P. 63–64.

Чем функционально отличается пророк-провидец от стратега? В большинстве исторических или легендарных примеров пророки предвидят будущее нации или индивидуума, будь оно позитивным, негативным или даже трагическим. Пророки не планируют и не представляют многочисленные сценарии, базирующиеся на их анализе фактов и факторов, предопределяющих предвиденное ими. Они каким-то образом интуитивно воспринимают будущее, причем безальтернативно. Характеристики этой футуристической картины будущего связаны как с общим культурным и научным уровнем общества или окружения провидца, так и с его личными знаниями, ценностями, интересами. Стратег же, хотя бы в силу практической необходимости, всегда должен иметь несколько сценариев, чаще альтернативных. Если стратег абсолютно уверен в результатах своего анализа, он в исключительных случаях может предлагать только один сценарий, однако это редкость и таит больше опасных последствий, чем наличие основного и альтернативных сценариев. Даже гениальные стратеги предлагают более одного сценария по результатам стратегического планирования; предвидеть и полагаться только на один абсолютный результат непрофессионально. Мои исследования показывают, что всегда следует разрабатывать два или три объективно применимых эффективных сценария ввиду вероятности появления в стратегируемый период новых возможностей и угроз².

Пророки не могут иметь альтернативы, потому что они не стратегируют будущее, а скорее «видят» или предвидят его как завершенную картину. Предположим, теоретик или практик стратегии допускает и принимает эту способность пророков предвидеть будущее без каких-либо стратегических разработок, тогда стратег должен также понимать, что в этом случае он не имеет способности изменять период будущего, предвиденный пророком, несмотря на свою уверенность в высокой вероятности иных сценариев и контуров данного отрезка будущего, к которому он пришел, используя свои знания, опыт и стратегическое мышление. Сущностно стратег и его долгосрочная стратегия в этом случае противопоставляется иррациональной судьбе, поскольку, полагаясь на пророка, доверяя его способности предвидеть, стратег подсознательно полагается на судьбу, и это приносит человечество, как лодку без руля и ветрил, к берегу предсказанного конца. В предвидениях и описаниях будущего, высказанных пророком, единственный ответ — быть готовым столкнуться с этим и принять это. Хотя даже знание о безальтернативности предвиденного пророком иррационального будущего позволяет встретить его подготовленным сценарием дальнейших действий...

Мне известно несколько уникальных примеров того, как даже великие стратеги, представляя тяжелые последствия своих конкретных решений долгосрочного характера, иногда абсурдно следуют им как «все-видящей» иррациональной судьбе, пренебрегая своими знаниями и опытом. Здесь представляется наиболее уместным привести пример, который, я уверен, демонстрирует, как стратег вышел за пределы своей

² Kvint V. L. Op. cit. P. 104–105.

стратегии, предвидя высокую вероятность ошибочности и неоправданного риска своих в значительной степени необязательных действий. Читая мемуары Наполеона о его военной кампании 1812 года в России, легко отметить пассажи, в которых он подчеркивает необязательность этой кампании и высочайшие риски, а также прямо указывает на отсутствие у него разработанного плана. Но при этом Наполеон подчеркивает: «Если бы даже у меня был заранее обдуманый план, расположение русских войск неминуемо заставило бы меня отступить от него»¹. То есть Наполеон, отмечая неминуемые поражения разрушительной для всей его империи силы, просто вел за собой четырехсоттысячную армию, отдавая себя и войско на произвол абсурдной судьбы. Здесь уместно вспомнить приписываемый раннехристианскому теологу и философу Тертуллиану пассаж: «Верую, ибо абсурдно», в котором, по сути, провозглашается торжество иррационального. Несмотря на огромные потери и нарастающий со стороны соратников критицизм, Наполеон по-прежнему продолжал свой губительный курс. Этот великий гений стратегии не имел ясного объяснения своих действий, подчеркивая многократно, что в силу политических и военных факторов у него не было альтернатив. Я размышлял об отношении Наполеона к его решениям в этой кампании и сделал вывод, что он, уже понимая исход, не мог изменить свой курс. Он закончил эту войну с пустыми и связанными руками, потеряв не только данный поход, но и свою армию, и тысячи жизней с обеих сторон, кроме того, изменил курс Франции во многом, хотя и не совсем, в худшую сторону. Он был неожиданно и жестоко побежден в относительно молодом 43-летнем возрасте и в зените таланта и успеха как государственного деятеля и военного лидера. В своих мемуарах он делал признания о неотвратимости нападения на Россию, поскольку искренне верил, что не имеет другого выбора. Убежден, что была судьба, предначертанная пророчеством, столь сильно повлиявшим на подосознание Наполеона. Трудно найти другое объяснение, почему личность с таким выдающимся стратегическим мышлением может написать такое признание, несмотря на утрату всего, что достиг.

Пророк или предсказатель — крайне редко лидер каких-либо практических решений и действий. Пророк — это прежде всего духовный поводырь и часть души нации и своего окружения, своих последователей на пути к «увиденному» будущему. Вот почему пророки, которые сочетают способности провидца и посланника Высшей силы с лидерскими качествами практика, абсолютно уникальны. В большинстве христианских верований описываются три различные лидерские роли, представленные в Ветхом Завете: пророк, священник и король. В редчайших личностях эти роли сочетаются. Библейский Аарон был первым первосвя-

щенником, однако Моисей был пророком и фактическим лидером. В течение всей Эпохи Судей до ветхозаветного первого царя народа Израиля Саула судьями были лидеры и священники. Не говоря уже об историографических фактах, даже в мифологических историях очень редко можно найти примеры, в которых пророк был бы также практичным лидером, за исключением прежде всего Моисея и Мухаммеда. Однако и Моисей даже в библейских историях никогда не был официальным или государственным лидером израильтян; он умер до того, как нация обрела свои территориальные границы. Если сравнивать таланты стратега и лидера, то следует подчеркнуть, что стратег — это профессия, истоки которой уходят в исторические глубины военной деятельности. Однако люди с сильной интуицией, глубокими знаниями и ясным видением будущего могут быть стратегами вне зависимости от сферы их деятельности.

Деятельность в сфере стратегирования траекторий и векторов движения к будущему, отделенному от дня сегодняшнего большими периодами, постепенно приобрела уникальные характеристики и к середине XX века сформировалась как профессия. В ведущих университетах мира начали появляться кафедры, готовящие профессиональных стратегов. При этом профессиональный стратег совсем не обязательно должен являться руководителем и лидером. Если отличный профессиональный стратег не наделен лидерскими качествами, он может расти как специалист в сфере практического стратегирования в качестве советника, консультанта или вести исследования теории и методологии стратегии.

Профессиональный стратег — это мудрый, оптимистичный и дисциплинированный специалист, имеющий стратегическое мышление и интуицию, которой он никогда не должен пренебрегать². Он должен изучать и учитывать культурную и религиозную среду стратеглируемого объекта и регионов реализации стратегии. Профессиональный стратег должен обладать методологией стратегирования, быть наделен широким пониманием и быстрым восприятием новых закономерностей и трендов технологического, социального, экономического, экологического характера. Профессиональный стратег, взаимодействуя с лидером, помогая ему, может вносить неоценимый вклад в деятельность лидера по правильной оценке конкурентных преимуществ субъекта стратегирования в процессе формулирования приоритетов, разработки сценариев и планов, форм и методов их реализации на пути к сценариям будущего. В XXI веке контуры и характеристики будущего, ценности и приоритеты, к которым должно стремиться общество, векторы и темпы этого движения не могут грамотно определяться и эффективно достигаться без профессионально разрабатываемых и последовательно реализуемых стратегий.

¹ Мемориал 1812 года. Война глазами Наполеона / с коммент. В. Димова. М.: Классика, 2012. С. 38.

² Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012. С. 353, 362–363.

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

I. Динамика культурной идентичности
в глобальном контексте

Для современного гражданина термин «глобализация» обозначает усложняющуюся систему *взаимозависимостей* как в экономической, так и в социокультурной сфере. В отличие от прошлых веков, человек и сообщество сталкиваются с *глобальной* реальностью постоянно взаимодействии — процессом, который постоянно ускоряется вследствие высокого темпа развития информационных технологий и приводит к масштабным антропологическим последствиям². Очевидно, что в таких обстоятельствах суверенное национальное государство (как крупное, так и небольшое, как могущественное, так и не оказывающее особого влияния) не может продолжать действовать в качестве строго обособленной единицы, что из-за многоаспектной природы глобализации соотношение сил между государствами стало гораздо более динамичным, но в то же время и более хрупким и непредсказуемым.

При первом приближении эти процессы можно описать с помощью двух различных закономерностей, которые свидетельствуют о движении в сторону культурного единообразия, частично совпадают и взаимно усиливают друг друга.

1. В контексте глобальной взаимосвязанности сильнейшая из культур за счет экономического, технологического и военного превосходства, как правило, стремится доминировать в «жизненных мирах» (термин Гуссерля)³ относительно слабых сообществ. Эта тенденция привела к повсеместному возникновению *гибридных культур*, в результате чего наиболее влиятельное сообщество (цивилизация) получило возможность диктовать уклад жизни, особенно молодому насе-

нию, что отчетливо проявилось в поп-культуре. В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны этот феномен наиболее ярко воплотился в сфере музыки, моды, развлечений и эстетического восприятия в целом. В Европе наиболее впечатляющим примером распространения тенденции единообразия по англо-американскому (часто называемому западным) образцу стала эволюция песенного конкурса «Евровидение» — от праздника разнообразия национальных культур до скучной демонстрации гомогенности западной поп-музыки, по большей части с переведенными на английский язык текстами.

Нивелирование отличительных черт этнических традиций на нашем континенте стало ценой американизации (или вестернизации) в период, который называют «американским веком». Этот процесс еще более ускорился в *однополярной обстановке* после окончания Второй мировой войны. Уже в 1941 году во время Второй мировой войны Генри Р. Люс в своей программной статье для журнала “Life” определил основы того, что в настоящее время составляет глобализацию, но началось как проект переделки мира по американскому образцу. Он в декларативном тоне заявил, что впервые в истории человечества наш мир стал фундаментально неделимым⁴, а также выделил четыре сферы жизни, в которых будет реализован американский взгляд на мир: экономика (в том, что касается свободы всемирной торговли), технологии, искусство и гуманитарное право⁵. Важно понимать, что эта декларация на раннем этапе возникла как оценка военного превосходства, иносказательно обозначенного как необходимость обороны⁶. Данный аспект позже стал доминирующим при рассмотрении роли культуры в мировом порядке, где она описывалась как «мягкая сила»⁷. Каким бы способом ни оправдывалась эта роль, суть в том, что наиболее сильная (то есть имеющая наибольшую власть) культура доминирует над другими.

2. Независимо от вышеописанной динамики глобальных взаимосвязанностей, подкрепленных военным влиянием, тенденция к культурному единообразию также была базовым элементом *технологической цивилизации*. Технические процессы (в соответствии с организационными, логистическими или рационализаторскими требованиями производства) оказывали все большее влияние на культурные представления. Это привело к своего рода *функционализации* жизненного мира под влиянием принципов рационализации, а не эстетики или нравственности. *Инструменты* экономического обмена и социального взаимодействия начали жить собственной жизнью. Такого рода функционализация, ориентированная на математическую (техническую) форму, является *универсальной*, а не присуща какой-либо одной культуре. В эпоху технологий

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

² Подробнее см.: Köchler H. Philosophical Aspects of Globalization: Basic Theses on the Interrelation of Economics, Politics, Morals and Metaphysics in a Globalized World // *Globality versus Democracy? Studies in International Relations* / ed. H. Köchler. Vienna: International Progress Organization, 2000. Vol. XXV. P. 3–18.

³ Термин был введен для описания множественности человеческих представлений о мире — в отличие от единообразия абстрактного («объективистского») подхода (Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Ergänzungsband: Texte aus dem Nachlass, 1934–1937 // Husserliana. Dordrecht: Kluwer, 1993. Vol. 29).

⁴ Luce H. R. The American Century // *Life*. 1941. 17 Febr. P. 64.

⁵ Ibid. P. 65.

⁶ “We got in via defense” (Luce H. R. Op. cit. P. 62).

⁷ Nye Jr. J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004.

взаимозависимость между техническим развитием и процессами глобализации стала одним из определяющих факторов мирового порядка. В то время как технологическое развитие подпитывало процесс экономической и социокультурной глобализации, все усложняющиеся взаимозависимости и синергии в глобальном мире обусловили дальнейшее ускоренное развитие технологий.

Такая взаимозависимость также послужила важным фактором социальных изменений, которые во многих регионах мира подразумевали социальную и политическую нестабильность. Еще одним следствием дестабилизации стало вышеупомянутое возникновение «гибридных культур» и даже «гибридной культурной идентичности» (если можно использовать термин, сочетающий противоположные по смыслу понятия) с западными культурными тенденциями в качестве общего знаменателя. Все это проявляется в растущем доминировании *одного* языка над другими: очевидно, что английский язык стал играть роль *lingua franca* (универсального языка).

В то время как культура под воздействием технологий и глобализации несомненно становится все более гибридным явлением, *диалектика культурной идентичности*¹ учит нас тому, что этот процесс не является необратимым и, конечно, более сложен, чем признают провозвестники нового мирового порядка под эгидой западной *Leitkultur* (ведущей культуры). Сила действия, навязывающая единообразие жизненных миров (в плане конкретных культурных феноменов, представлений о мире, систем ценностей, форм политической организации и вариантов образа жизни в целом), создает *силу противодействия*. Этот эффект отчетливо проявился в ходе военных интервенций, ложно именуемых гуманитарными, после окончания эпохи биполярного мирового порядка, а также в более ранних действиях колониальных держав². На протяжении всей истории человечества механизм *действия и противодействия* определял процессы формирования культурной идентичности. В нашей более ранней работе, в которой анализировалась роль культуры в системе мирного существования, мы описывали данный феномен как диалектику культурного самосознания³. Признаки диалектики еще более выражены в условиях современной глобализации, характеризующейся наличием множества взаимодействующих факторов на разных уровнях социального действия и культурного сознания. Можно также предположить, что известное столкно-

вение цивилизаций по сути является следствием воздействия сил, направленных на отрицание фундаментально диалектической природы культурной идентичности⁴.

В среде технологической и глобальной цивилизации, которая, следуя логике культурного империализма, провозглашает себя в качестве *общего знаменателя* всех национальных культур — в «глобальной деревне», как выразился Маршалл Маклюэн⁵, — условия, в которых развивается и утверждает себя культура (культурная идентичность), создают много проблем для любого сообщества и всех без исключения национальных государств. Здесь можно привести несколько характеристик «существующего положения вещей в сфере культурной самореализации» в условиях глобализации⁶:

— **одновременность** существования жизненных миров. В глобализованной среде одновременность существования культур, то есть их постоянное присутствие в жизненном мире друг друга, стала определяющей характеристикой культурной идентичности, что многими воспринимается как угроза;

— **взаимодействие** как необходимое условие самореализации. Ни индивидуум, ни сообщество не могут устраниваться от внешнего влияния, иначе им грозит маргинализация в глобальной силовой игре;

— **многомерность** взаимодействия. Одновременность существует не только на *глобальном*, но и на *локальном* (внутригосударственном) уровне (один уровень пересекается с другим). С этим связаны *проблемы и риски* мультикультурализма;

— **постоянное самоутверждение** (а именно неизбежность отстаивания культурной идентичности) является прямым следствием вышеперечисленных факторов, а также постоянным источником конфликта и нестабильности на локальном, региональном и глобальном уровнях, но предполагает возможность установления нового баланса сил в двух последних областях;

— **непредсказуемость** в связи с отсутствием глобального баланса сил вследствие того, что доминирующий игрок претендует на культурное — или, в более общем плане, цивилизационное — господство. Подавляющее влияние одной из систем, провозглашающей себя парадигмальной или необходимой цивилизацией⁷, несет риск запуска цепной реакции «столкновения цивилизаций» — именно такой сценарий разворачивается в настоящее время (после окончания глобальной биполярности) в Ближневосточном регионе.

На этом фоне неизбежной взаимозависимости и борьбы за влияние главной остается проблема *стойкости* культуры (то есть способности к отстаиванию

¹ См. также: Köchler H. Culture and Empire: The Imperial Claim to Cultural Supremacy versus the Dialectics of Cultural Identity // Köchler H. Force or Dialogue: Conflicting Paradigms of World Order: Collected Papers / ed. by D. Armstrong. New Delhi: Manak Publications, 2015. P. 263–273. (Studies in International Relations. Vol. XXXIII).

² См. подробнее в анализе автора: Köchler H. Civilization as Instrument of World Order? The Role of the Civilizational Paradigm in the Absence of Balance of Power // IKIM. Journal of Islam and International Affairs. 2008. Vol. 2, № 3. P. 1–22.

³ Köchler H. The Cultural Self-comprehension of Nations (Introductory remarks, fundamental considerations, structuring of Problems) // International Progress Organization. Innsbruck: International Progress Organization, 1974. P. 10–15. См. также: Cultural Self-comprehension of Nations. Studies in International (Cultural) Relations / ed. H. Köchler. Tübingen; Basel: Erdmann, 1978. Vol. I.

⁴ О понятии «столкновение цивилизаций» см.: Köchler H. Clash of civilizations // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Social Theory / ed. B. S. Turner [et al.]. Chichester, West Sussex (UK): Wiley Blackwell, 2017.

⁵ “As electrically contracted, the globe is no more than a village” (см.: Understanding Media: The extensions of man. L.; N. Y.: Routledge Classics, 2001 (first published: 1964). P. 5).

⁶ См. подробно в авторском анализе “The Philosophy and Politics of Dialogue” (Culture and Dialogue. 2011. Vol. 1, № 2. P. 5–19).

⁷ См. критический анализ данного притязания в отношении США: Walt S. M. The Myth of American Exceptionalism // Foreign Policy. 2011. 11 Oct. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism>

культурной идентичности) в технологической глобализованной среде, где доминирующий глобальный игрок усиливает структурное давление в целях достижения единообразия. Одной из основных проблем в этом контексте становится *религиозная идентичность*. Может ли западный секуляризм в конечном счете «нейтрализовать» религию, как это, по всей видимости, произошло в большинстве стран Западной Европы, или возможно существование адаптированных версий религии, позволяющих совмещать отстаивание религиозной идентичности и наличие современного светского государства? Эта проблема станет основной в отношениях между Западным и мусульманским миром, в то время как ответ на этот вопрос поможет обеспечить социальную и политическую стабильность не только на значительной части территории Ближнего Востока, но и в европейском Средиземноморском регионе.

II. Культура и мировой порядок

Анализ динамики культурной идентичности в современной глобальной среде обуславливает постановку более общего вопроса о мировом порядке: каковы роль культуры в мирном сосуществовании государств и риски использования культуры как инструмента политического воздействия в глобальном «концерте великих держав»?

Как мы уже отмечали, **культура** (а точнее, культурная идентичность) является *диалектическим* явлением. Культуру нельзя трактовать как неизменную субстанцию, задающую представление индивидуума или сообщества о себе и мире в рамках строго определенных параметров. Культура постоянно реформируется в процессе взаимодействия с другими культурами, особенно в эпоху глобализации. Культурная *идентичность* не является статичной, это процесс, растянутый в пространстве и времени, порождающий непрерывный поток представлений о мире — «жизненных миров» — в истории человечества.

Мировой порядок — это баланс отношений между государствами, людьми и культурами (или цивилизациями в универсальном смысле) в текущий момент истории. В эпоху глобализации мировой порядок представляет собой постоянно усложняющуюся систему взаимодействия и правил. В идеале в ходе такого взаимодействия должен сложиться *баланс сил*, но зачастую исторически, как и в текущий переходный период, ситуация характеризуется его отсутствием¹.

В последнем случае, то есть в отсутствие баланса сил, позиция культуры в глобальной игре сил отличается *хрупкостью* и *уязвимостью*, а также значимостью и *незаменимостью*, в наше время это проявляется в обеспечении перехода от однополярного к мультиполярному порядку. Только последний обеспечивает стабильное и мирное сосуществование множества действующих лиц — государств и народов — в нашей «глобальной деревне».

¹ О динамике силового взаимодействия между государствами см.: Köchler H. The Politics of Global Powers // The Global Community. Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I. P. 173–201.

В однополярной системе дисбаланс власти эксплуатируется доминирующим игроком в целях «канонизации» собственной позиции, что практически неизбежно с точки зрения психологии власти. На протяжении истории господствующие державы отрицали диалектику культурной идентичности двумя способами²:

а) *культурным эксклюзивизмом*. Господствующие державы стремятся «цивилизовать» подчиненные им государства путем навязывания своего представления о мире и системы ценностей, подвергая небольшие культуры маргинализации или стигматизируя их как примитивные. Претензии на культурную универсальность — а фактически исключительность — типичны для имперского государства, особенно для самовосприятия колониальных империй. Это наиболее отчетливо проявляется в случаях, когда державам удавалось установить глобальное господство в мировом масштабе;

б) *инструментализацией культуры*. В то же время доминирующий игрок во многих, хотя и не во всех, случаях использует собственную культуру в качестве инструмента *легитимизации* своего господства (что было очевидно в случае так называемых «гуманитарных интервенций» после окончания холодной войны)³. Эта *идеологическая* стратегия реализуется совместно с вышеописанной тенденцией к *культурному единообразию*.

Следует также задуматься о том, возможно ли (и если да, то в каком смысле) рассмотрение или описание культуры в качестве сущностного *элемента власти*, что наблюдается в случае реализации вышеупомянутой концепции «мягкой силы» в современных международных отношениях⁴. Адекватно ли восприятие культуры как *одного* из аспектов силовых отношений, которые с точки зрения государств и мирового порядка подразумевают использование вооруженных сил в качестве крайней меры воздействия?

Каковы бы ни были ответы на вопросы о структурных взаимоотношениях, или взаимозависимостях, между *культурой* и *властью*, а также об их значении для международной системы, *диалектика культурной идентичности* в той или иной форме будет проявляться всегда. В условиях неравного распределения власти и социальной несправедливости — как субъективной, так и реальной — насильственное установление культурной парадигмы, ее распространение в качестве *универсального* стандарта могут спровоцировать реакцию *сопротивления* и привести к формированию нового *самосознания* у тех, кому предлагается адаптироваться к доминирующей культуре.

Развитие данного процесса наблюдалось в период деколонизации начиная с 1960 годов, особенно на Аф-

² См. подробно в анализе автора “Culture and Empire” (Powers // The Global Community. Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I).

³ См. обобщенный анализ этой практики: Köchler H. The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of “Just War” Compatible with the International Rule of Law? // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 2001. Vol. XXVI.

⁴ См. критический анализ концепции Джозефа Ная (Nye Jr. J. S. Op. cit.): Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33 (3). P. 477–493.

риканском континенте, где такие интеллектуалы и лидеры, как Франц Фанон, Эме Сезер и Леопольд Седар Сенгор (первый президент Сенегала и один из разработчиков философской теории *негритуда*), напомнили Европе, в частности, о ее культурном высокомерии и указали на ключевые проблемы культурного отчуждения между колонизирующим и колонизируемым миром¹.

В последние десятилетия динамика культурной идентичности отчетливо наблюдалась в отношениях между мусульманским и западным (обобщая, можно сказать «светским») миром, хотя и в ином смысле — сотрясающем основы мирового порядка и подвергающем сомнению устоявшуюся парадигму мирного сосуществования. Возникновение движений исламского фундаментализма, как суннитских, так и шиитских, ознаменовало рост культурного отчуждения, часто усугубляемого конфликтами интересов и геополитическими притязаниями. Важно подчеркнуть, что так называемое «столкновение цивилизаций» по большей части является *последствием* столкновения интересов на геополитической арене².

Одним из наиболее опасных событий в этом контексте стала Исламская революция 1979 года в Иране. Масштабное движение, не воспринимаемое всерьез экспертами за пределами страны, в конечном счете одержало верх над монархом, который, будучи союзником некоторых наиболее могущественных держав, считал себя неуязвимым и высокомерно читал европейским лидерам наставления о политической стабильности и искусстве управления государством. К последним новостям в этой области (хотя и идеологически мало напоминающим события в Иране почти четыре десятилетия назад) относится создание так называемого «Исламского государства» в ходе разрушения государственной системы в Ираке, Ливии и частично в Сирии, с далекоидущими последствиями для всего арабского и мусульманского мира: Египта, Туниса, Мали, Нигерии, Балканского полуострова и даже острова Минданао (Южные Филиппины). Независимо от организационной формы и фактического статуса с точки зрения управления и территориального контроля это новое движение мыслит себя как *противопоставленное (антитезис)* западной (светской) цивилизации. Истоки его влияния — не только в *отчуждении* суннитов в Ираке и Сирии (после событий 2003 и 2011 гг. соответственно) и в многовековом конфликте между суннитами и шиитами, но и в глубоком чувстве культурного унижения, накопившемся за десятилетия колониального попечительства и иностранного, преимущественно западного, господства в регионе фактически со вре-

мен распада Османской империи в конце Первой мировой войны³. Эти события до сих пор существенно влияют на изменение регионального соотношения сил, а также спровоцировали ряд событий, которые в настоящее время мы наблюдаем уже в Европе⁴. Миграционный кризис — одновременно с кризисом мультикультурализма внутри европейских национальных государств — является одним из наиболее серьезных последствий⁵.

Как убедительно демонстрируют эти и многие другие примеры, претензии на культурное превосходство, подкрепленные традиционным силовым воздействием, могут породить встречные претензии или новую, более радикальную форму культурного эксклюзивизма. Попытки «перевоспитания» или «модернизации» в который раз оказываются неэффективными в долгосрочной перспективе. Это особенно справедливо по отношению к религиозным верованиям — одному из определяющих факторов культурной идентичности. Этот урок необходимо усвоить тем глобальным игрокам, которые только начинают воплощать стратегию экспорта собственной культуры во имя универсальных ценностей. Как справедливо доказывает Эми Чуа, даже наиболее влиятельные мировые империи не были застрахованы от изменений культурной идентичности. Только те из них, кто был готов *включить* в свой состав культуры и религии, существовавшие на территории их господства, принять и интегрировать отдельные варианты идентичности, вместо того чтобы пытаться *исключить* и в конечном счете истребить их, смогли сохранить свое господство и гарантировать стабильный долговременный (часто многовековой) порядок⁶. История радикальных подходов эксклюзивизма, напротив, почти всегда была предрешена и заканчивалась крахом. Судьба немецкого фашизма в конце Второй мировой войны — один из примеров.

Справедливый стабильный мировой порядок требует взаимного уважения между культурами и цивилизациями, что особенно актуально в эпоху *глобальной взаимосвязанности*. Культуру нельзя делать *инструментом* мирового порядка либо инструментом, позволяющим добиться *повиновения* более слабых. Культуру необходимо принять как *своеобразное выражение идентичности сообщества* на основе *обоюдности*⁷. На международном уровне *пренебрежение* этим прин-

¹ См., например: *Fanon F. The Wretched of the Earth* (1961) / transl. from the French by R. Philcox ; with comment. by J.-P. Sartre, H. K. Bhabha. N. Y. : Grove Press, 2004. Ср. также более «герменевтический», примиряющий подход Леопольда Седара Сенгора, президента Республики Сенегал, в предисловии: *The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications* / ed. H. Köchler. Guildford (Surrey) : Guildford Educational Press, 1980. P. vii–ix. (Studies in International Relations, vol. III).

² См.: *Köchler H. Clash of Civilizations* // *The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications* / ed. H. Köchler. Guildford (Surrey) : Guildford Educational Press, 1980. (Studies in International Relations, vol. III).

³ Относительно культурного отчуждения от ислама в качестве приоритетного направления утверждения идентичности см. анализ автора «Using History to Understand Muslim-Western Relations and the ‘Arab Spring’» («Исторический анализ отношений между мусульманским и западным миром и “арабской весны”»), опубликованный в: *Fletcher Forum of World Affairs. The Fletcher School / Tufts University, Medford, Massachusetts, USA. 2013. 1 May. URL: http://www.fletcherforum.org/2013/05/01/kochler*

⁴ О более широких геополитических последствиях см. также: *Brzezinski Z. Toward a Global Realignment* // *The American Interest*. 2016. July-Aug. Vol. 11, № 6. P. 1–3.

⁵ *Köchler H. Mass migration and state failure — legal, political and cultural aspects of the refugee crisis* // *Current Concerns*. Zurich, 2016. 10 Oct. № 21/22. P. 5–12.

⁶ *Chua Amy. Day of Empire: How Hyperpowers Rise to Global Dominance — and Why They Fail*. N. Y. : Doubleday, 2007.

⁷ О важности этого принципа в области зарубежной политики см.: *Köchler H. Cultural Diplomacy in a World of Conflict* // *Current Concerns*. Zurich, 2018. 22 Jan. № 2. P. 1–4.

ципом может вызвать ряд агрессивных усилий самоутверждения со стороны игнорируемых сторон, которые будет трудно пресечь. Попытки воссоздать другие культуры в образе доминирующей культуры всегда будут самообманом. Никто не может отменить историю и навязать свою парадигму остальному миру. Мир довольно быстро отошел от деклараций о конце истории после завершения холодной войны¹.

Стабильный мировой порядок требует баланса сил в широком смысле (включая политику, экономику и культуру). В XXI веке в условиях глобализации мир может быть только мультиполярным, основанным на системе правил, согласованных между независимыми нациями. Суверенное равенство государств должно быть дополнено суверенным равенством культур и цивилизаций, если мир хочет избежать «культурных войн», которые всегда несли с собой риск затяжного конфликта². Естественно, принцип равенства не может

быть установлен и реализован без обоюдности (взаимного уважения), а принцип толерантности — между теми, кто ее отвергает³. При установлении культурной идентичности не должно быть внутренних противоречий. С этой дилеммой сталкивается мир, когда культурные парадигмы исключают друг друга во имя универсальности.

Так, мудрое государственное управление в мировом масштабе предполагает избегание действий, которые могут запустить механизм агрессивного отставания идентичности любым этносом или государством⁴, — трудно представить более сложную и деликатную задачу в современном мультикультурном мире⁵. Мировой порядок — и мир как его идеальное состояние — в конечном счете также функция культуры, что подразумевает взаимное уважение между разными формами выражения коллективной идентичности. Отрицание этой истины может вызвать глобальный беспорядок.

Г. Б. Клейнер⁶

«СОГЛАСИЕ НЕСОГЛАСНЫХ»: РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Переход от биполярной структуры политической карты мира к более сложной и устойчивой конфигурации можно рассматривать как основной тренд в обще-

¹ Fukuyama F. The 'End of History'? Debate // Dialogue. 1990. Vol. 98 (3). P. 8–13. См. также: Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y. : Free Press : Maxwell Macmillan International ; Toronto : Maxwell Macmillan Canada, 1992.

² Так называемая глобальная война с терроризмом грозит стать одной из затяжных.

³ Это справедливо в отношении групп, которые в настоящее время собрались под знаменами «Исламского государства».

⁴ Инициатива «Альянс цивилизаций» ООН, предложенная совместно Турцией и Испанией, — шаг в верном направлении. «Альянс» был учрежден в 2005 году и воплощает на практике призыв президента Ирана Мохаммада Хатами к диалогу между цивилизациями (2001) в соответствии с инициативой Генерального секретаря ООН.

⁵ Термин «мультикультурный» здесь обозначает уровень международных отношений. Мультикультурная реальность на глобальном уровне не обязательно означает мультикультурализм на внутригосударственном уровне.

⁶ Заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ, научный руководитель факультета экономики и управления Университета «Дубна», член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 700 научных публикаций, в том числе монографий: «Коллективные формы хозяйствования в современной экономике» (в соавт.), «Системная сбалансированность экономики» (в соавт.), «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Экономика. Моделирование. Математика», «Эволюция институциональных систем»; статей: «Эконометрические зависимости: принципы и методы построения» (в соавт.), «Системная координация в экономике: к становлению общей теории координации», «Эволюция ведущих парадигм современной экономической науки», «Государство–регион–отрасль–предприятие: каркас системной устойчивости экономики России», «Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России». Председатель Научного совета Отделения общественных наук РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

ственной динамике XXI века⁷. В своих исследованиях мы изучаем вопросы формирования новой геополитической структуры мира с позиций системной социально-экономической теории (СЭТ)⁸ и приходим к выводу, что конфигурация международных отношений должна базироваться на так называемом «системном ландшафте» мира, то есть комплексе государств и отношений между ними как относительно самостоятельными социально-экономическими и административно-политическими системами.

Предлагаемый подход позволяет учесть такие имманентные и важные для геополитического анализа системные особенности стран, как ощущение населением страны ограниченности/неограниченности ее территории (пространства) или длительности жизненного цикла; «заряженность» страны энергией, необходимой для защиты и развития ее территории, продления периода ее жизнедеятельности. Восполнение странами дефицита соответствующих пространственно-временных и энергетических ресурсов осуществляется в процессе обмена ими в рамках взаимодействия между странами. В этом контексте и международную торговлю, и обмен культурными ценностями, и международную агрессию

⁷ Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? P. : Fayard, 2011 ; Перская В. В., Эскиндаров М. А. Интеграция в условиях многополярности. М. : Экономика, 2016 ; Волконский В. А. XXI век. Многополярный мир. Тренды и задачи истории. М. : Книжный мир, 2017 (сер. «Коллекция Изборского клуба»); Запесоцкий А. С. Культура: взгляд из России. СПб. : СПбГУП ; М. : Наука, 2014.

⁸ Клейнер Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории : ч. 1 // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–123 ; Он же. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории : ч. 2 // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–138 ; Он же. Системные сдвиги и опорные точки мирового развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 102–105.

можно рассматривать как попытки достижения межгосударственного баланса в сфере пространственно-временных и энергетических ресурсов. Мы показываем, что ядром конфигурации, обеспечивающей потенциальную устойчивость межгосударственных отношений, является четырехэлементный комплекс из стран, представляющих собой четыре сектора мирового пространства. Такую роль могли бы играть: Россия (средовой сектор); Китай (процессный сектор); США (проектный сектор); Евросоюз (объектный сектор).

Устойчивость этой конфигурации зиждется на организации особых взаимоотношений между участниками, обеспечивающих переток базовых ресурсов жизнедеятельности от стран с их достаточным количеством к странам с дефицитом соответствующих ресурсов.

Учет базовых особенностей, характерных для каждой из указанных стран — участниц ядра, обеспечит устойчивость данной конфигурации даже в случае возникновения кардинальных несогласий участников по тем или иным социально-экономическим или политическим вопросам. При этом обмен культурными ценностями и трендами культурного развития играет роль фактора, сглаживающего межгосударственные противоречия, возникающие в связи с реализацией странами своих территориальных и иных геополитических притязаний и интересов.

1. Системный ландшафт глобального мира

Системный ландшафт мировой геополитики складывается из двух составляющих: 1) совокупности самостоятельных стран (или устойчивых консолидированных сообществ стран, пример — Евросоюз; в дальнейшем для упрощения изложения Евросоюз тоже будем именовать страной), рассматриваемых как автономные социально-экономические и административно-политические системы; 2) комплекса устойчивых связей между этими системами.

Согласно концепции системной социально-экономической теории, среди многочисленных характеристик, отличающих одни страны-системы от других, ключевую роль играют две группы признаков. Первая группа характеризует пространственно-временную локализацию системы. При этом значение имеют не столько физические размеры контролируемой территории и принятый в данной стране горизонт стратегического видения будущего, сколько наличие в общественном сознании населения данной страны ощущения ограниченности/неограниченности территории (пространственные границы) и ясных перспектив будущего развития страны в долгосрочном периоде (временные границы). Вторая группа описывает возможности эффективного использования данной системой доступных для нее ресурсов пространства и времени.

Таким образом, каждая страна может быть охарактеризована с точки зрения обладания пространственно-временными ресурсами (будем называть их экзистенциальными, поскольку в настоящее время существование страны как субъекта мировой геополитики возможно только при наличии закрепленного за ней пространства и признаваемых другими странами пер-

спектив продолжения ее жизнедеятельности) и потенциальными способностями использования этих ресурсов (будем называть такие ресурсы энергетическими, поскольку они определяют, подобно физической энергии, возможности осуществления действий по освоению пространственно-временного ареала). Заметим, что при понимании экзистенциальных ресурсов как бинарных (пространство и время), энергетические ресурсы, или способности, также могут трактоваться как бинарные: ресурсы *интенсивности*, требующиеся для эффективного использования пространства, и ресурсы *активности*, необходимые для эффективного использования времени. Соответственно, многообразные виды социально-экономических, политических, культурных, научно-образовательных и иных взаимодействий стран, включая разного рода агрессии, могут быть интерпретированы как обмен (передача, захват и т. п.) экзистенциальными и энергетическими ресурсами.

В этом ракурсе системный ландшафт глобального мира предстает перед нами как совокупность стран-систем, наделенных пространственно-временными и энергетическими ресурсами, в то время как акты взаимодействия между странами могут рассматриваться как своего рода пространственно-временные или энергетические транзакции.

2. Системная типология стран — участниц мирового сообщества

Согласно системной социально-экономической теории, базовая типология социально-экономических систем основывается на выделении четырех принципиально различных типов систем в зависимости от конфигурации экзистенциальных ресурсов.

Системы объектного типа, на жизнедеятельность которых оказывает ощутимое влияние наличие известных пространственных границ системы и не оказывают заметного влияния (или вовсе не влияют) временные ограничения. Для таких систем характерно непрерывное развитие поступательного, или циклического, типа. Эти системы генерируют в ареале своего влияния пространственное разнообразие и временную стабилизацию. Встающие перед такой системой проблемы преодолеваются за счет организационных решений (организационного подхода).

Системы средового типа, где границы доступного пространства и времени не оказывают ощутимого влияния на функционирование системы или вовсе отсутствуют. Такие системы увеличивают энтропию и снижают организационное разнообразие пространства-времени. Решение возникающих проблем осуществляется за счет поглощения проблемных ситуаций практически неограниченным внутренним пространством системы. Функционирование системы в пространстве и времени осуществляется без скачков, как правило, циклически.

Системы процессного типа, где присутствуют и оказывают ощутимое влияние временные ограничения, в то время как пространственные ограничения не оказывают ощутимого влияния или отсутствуют. Такие системы повышают степень однородности пространства, но вносят разнообразие в следующие один

за другим периоды. Развитие таких систем носит дискретный характер, а решение стратегических проблем осуществляется, как правило, за счет смены стадий общественного развития.

Системы проектного типа, испытывающие ошутимое влияние ограничений как на пространство функционирования системы, так и на продолжительность жизненного цикла. Развитие таких систем происходит в рамках данных ограничений, а функционирование приводит к увеличению разнообразия в ареале действия системы. Решение возникающих проблем достигается путем инициирования и реализации новых проектов.

С точки зрения применения этой конструкции к проблемам мировой геополитики важно подчеркнуть, что приведенная системная типология определяет и типологию подходов к формированию политики рассматриваемых систем, направленной на решение значимых проблем развития. Здесь выделяются:

— организационный подход, при котором решение проблем возлагается на организацию — централизованно управляемую систему, действующую по принципу непрерывности по шкале времени;

— средовой подход, при котором решение проблем носит распределенный в пространстве и времени характер, децентрализуется и отодвигается порой на неопределенный срок;

— процессный подход, при котором проблемы развития решаются за счет запуска механизмов, автоматически приводящих к преодолению возникающих проблем;

— проектный подход, при котором для решения проблемы планируется и реализуется четкая последовательность действий, имеющих однозначную конечную цель, сроки и критерии ее достижения.

Однозначная системная классификация конкретных стран — членов мирового сообщества требует сбора и обработки значительного объема данных относительно влияния пространственных и временных ограничений на общественное сознание различных социальных групп в стране и условий и результатов выработки политики данной страны. Чтобы упростить решение, воспользуемся одной из характеристик, дифференцирующих принадлежность стран к объектному, средовому, процессному или проектному типу.

Анализ политики конкретных стран на основе данной типологизации подходов позволяет определить, к какому типу относится та или иная страна. Используем этот метод для определения типа нескольких ведущих игроков на арене мировой геополитики.

Среди наиболее авторитетных членов мирового сообщества яркими представителями четырех классов систем являются: Евросоюз — организационный подход; Россия — средовой подход; КНР — процессный подход; США — проектный подход. Эти четыре страны образуют ядро каркаса современного мироустройства. Именно на эти страны должна быть возложена миссия поддержания устойчивости мирового сообщества. Особое значение в этой ситуации приобретают отношения между ними, сглаживающие возникающие противоречия. Для анализа возможностей в этой сфере

рассмотрим вопрос о типологии связей между системами применительно к взаимодействиям между странами — вторую составляющую описания системного ландшафта глобального мира.

3. Типология системных связей между странами

Как было установлено, каждая система характеризуется объемом экзистенциальных (пространство и время) и энергетических (интенсивность и активность) ресурсов. Процессы передачи этих ресурсов от одной страны к другой составляют содержание взаимоотношений между системами. Конкретно говоря, возможны следующие виды (каналы) связей между двумя системами:

— пространственная связь (влияние одной системы на объем и конфигурацию пространства, контролируемого другой);

— временная связь (влияние одной системы на продолжительность жизненного цикла другой);

— интенсивностная связь (влияние одной системы на эффективность использования пространства другой);

— активностная связь (влияние одной системы на эффективность использования времени другой).

Распределение этих типов связей по совокупности систем определяется особенностями систем каждого типа, входящих в рассматриваемую совокупность, а также тремя общими принципами.

1. *Принцип равноправия.* Каждая система обладает всеми четырьмя видами ресурсов (пространство, время, интенсивность, активность), причем по двум из них является донором, по остальным — реципиентом.

2. *Принцип «одного адресата».* Каждая система передает данный вид ресурса только одной системе.

3. *Принцип связности.* Совокупность исследуемых систем не может распасться на две или более несвязанные совокупности.

При выполнении этих принципов системный ландшафт мирового сообщества, как можно показать¹, представляет двумерную решетку, состоящую из частично перекрывающихся четырехэлементных комплексов стран, относящихся к разным типам. Такие комплексы — тетрады — являются относительно устойчивыми и могут поддерживать стабильность всего мирового сообщества. В нашем случае ключевая тетрада представляет собой кольцевидную структуру «Евросоюз — Россия — КНР — США — Евросоюз», в которой Евросоюз представляет класс объектных систем, Россия — средовых, КНР — процессных, США — проектных.

4. «Согласие несогласных»: культурные скрепы

Как было установлено выше, взаимоотношения между странами «ключевого квартета» делятся на две группы. Первая связана с передачей экзистенциальных ресурсов, вторая — энергетических. Анализ истории взаимоотношений позволяет утверждать, что взаимоотношения первого типа, связанные с распределением территорий, приводят к многочисленным противоречиям

¹ Клейнер Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9, № 3. С. 3–28.

ям, конфликтам, в том числе дипломатическим и силовым. Взаимоотношения второго типа, наоборот, способствуют сближению интересов, сглаживанию институциональных различий, гармонизации тенденций развития. В физике различаются два вида механической энергии: потенциальная, связанная со взаимодействием тел, и кинетическая, связанная с движением тел. Подобным образом энергия социально-экономических и административно-политических систем тоже складывается из двух составляющих: интенсивности, направленной на освоение пространства (аналог потенциальной энергии), и активности, направленной на освоение времени, развитие (аналог кинетической энергии). В основе межгосударственного обмена энергией интенсивности лежит трансферт культурных ценностей, включая обмен произведениями искусства, технологиями, достижениями науки. В основе межгосударственного обмена энергией активности лежит обмен складывающимися тенденциями и направлениями развития культуры, технологий, науки и образования. Рост объемов таких обменов в стратегической перспективе удерживает государства (по крайней мере, государства, входящие в ядро мирового сообщества) от расширения и углубления противоречий, возникающих в сфере

экономических и природно-территориальных взаимоотношений. Межгосударственный баланс распределения экзистенциальных и энергетических ресурсов должен поддерживаться как за счет усилий государств — участников ключевой конфигурации, так и за счет национальных органов и организаций.

Четырехполярный мир, структура которого обрисована выше, противостоит как одно- и биполярному миру, так и многополярному, или полицентрическому, миру. Мировой порядок, построенный на базе сложившегося системного геополитического ландшафта с учетом роли культурных взаимодействий, упорядочивает взаимоотношения между странами и позволяет намного снизить как издержки «трения» между отдельными странами, так и риски неконтролируемого расширения «сферы несогласия», охватившей в последнее время львиную долю стран — участниц мирового сообщества. Развитие национальных культур, наряду с интенсификацией межгосударственных обменов достижениями культуры и новыми культурными тенденциями, является, как показывает проведенный анализ, не просто «одним из», а по сути дела единственным фактором обеспечения устойчивого и безопасного функционирования мирового сообщества.

Г. В. Колодко¹

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Возрастание роли Азии в мировой экономике

Китай все еще остается в значительной степени просто Средним Царством. Пусть не для всего мира, но он является таковым, по крайней мере в Азии, где возрастает роль более развитых экономик и более образованных обществ. Поэтому поднимается вопрос, не идет ли Азия с Китаем во главе к тому, чтобы взять власть над миром. Кто-то думает, что так и есть, и даже если это не является намерением и целью правящих там элит, то все равно такова логика исторического процесса. Если согласиться с такой оценкой ситуации в мире, то остается всего 90–100 лет до окончания периода доминирования Запада и захвата ведущей позиции Востоком. Предположительно, это должно случиться в начале XXII века.

Растущая экономическая мощь Азии — это заслуга не одного Китая. Объем производства и численность населения региона быстро возрастают. На континенте проживают почти 4 млрд 500 млн человек; это при-

мерно 60 % населения мира и около 55 % населения за пределами Среднего Востока, который часто рассматривается отдельно по геополитическим причинам. На этой территории производится 47,3 % валового мирового продукта (ВМП) — немного больше, чем Европа и Северная Америка, вместе взятые. Или на 8 % больше, чем в совокупности производят США и Евросоюз. В будущем и доля населения Азии, и доля производства будут продолжать расти за счет естественного прироста населения и более высоких темпов экономического роста, чем во всем мире. Нужно вспомнить, что было время, когда доля Азии в мировом производстве превышала 60 % — фактически на протяжении всего предыдущего тысячелетия до примерно 1820 года, то есть до начала промышленной революции в западном мире. В 1950 году ее доля составляла менее 20 %, но двух поколений оказалось достаточно, чтобы этот показатель увеличился более чем в два раза.

Азиатский континент очень разнообразен — культурно, политически и экономически. Территориально он простирается от Турции и Израиля на западе до Японии и русской Сибири с Камчаткой и Чукоткой на Дальнем Востоке. Кроме азиатской части России, которая обычно не включается в расчеты по Азии, четыре основные части континента — это Китай, Япония и две региональные интеграционные группировки — АСЕАН в Юго-Восточной Азии, в которой не преобладает ни одна из экономик, и СААРК в Южной Азии, где доминирует Индия — региональная супердержава, если учитывать численность населения (1,28 млрд), экономику

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор 50 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «25 лет трансформации: от нелиберальных провалов к прагматичному росту» (в соавт.), «Мир в движении», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Доклад основан на отрывках из книги «Czy Chiny zbawia świat?» (Варшава : Издат. дом Prószyński i S-ka, 2018).

(доля в мировом производстве 7,4 % по паритету покупательной способности — ППС) и вооруженные силы (расходы на оборону составляют 2,5 % ВВП).

Из 12 стран, население которых превышает 100 млн человек, 7 — Китай, Индия, Индонезия (261 млн), Пакистан (206), Бангладеш (159), Япония (126) и Филиппины (105) — находятся в Азии. Из 20 экономик, доля которых в мировом производстве превышает 1 %, 9 — Китай, Индия, Япония, Индонезия, Турция, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран и Таиланд — находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии — ее демографическом потенциале и культуре, политической важности, экономическом влиянии, следует учитывать, что это почти самый крупный регион в мире во всех отношениях.

Действительно ли все так уж плохо на Западе и так хорошо на Востоке, что американцы вынуждены идти на нешуточные протекционистские меры, чтобы спасти свою шкуру? Или, может, китайцы уже что-то замысливают и используют глобализацию для того, чтобы мир оказался под их гнетом? Эпоха азиатского доминирования уже началась, а евроатлантическая цивилизация отходит на второй план? Нам и в самом деле нужно учить сначала китайский, а потом английский?

Новый шелковый путь

Благодаря лидирующим позициям в экономической, политической и военных областях, растет влияние Китая на все, что происходит в мире. В обозримом будущем положение дел не изменится, потому что этот процесс нельзя остановить, а тем более повернуть назад мирными методами (о других речи не идет). Все остальные должны это признать, несмотря на собственные интересы и предубеждения. Конечно, если Китай не отвернется от мира и не замкнется в деструктивной автократии, как уже сделал однажды в прошлом.

Размер страны имеет свои преимущества, но это также и проклятие. Китай, как и США, и Россия и, в меньшей степени, Индия и Япония или Франция и Великобритания, а также Бразилия и Нигерия в региональных масштабах, должен демонстрировать величие — экономическое, политическое и военное.

В дополнение к поиску своего места в постоянно меняющемся мире надо сделать рывок в будущее и сделать попытку помириться с остальными. Сегодня это сделать несколько проще, поскольку некоторые процессы идут в противоположном направлении, если сравнить с прошлым. С одной стороны, Китай постоянно привлекает производственные мощности западных корпораций, переходя на их высокие технологии, и одновременно все больше размещает свое производство за границей, уже имея в своем распоряжении современные производственные технологии. С другой стороны, прямые инвестиции более богатых стран, хотя и продолжают идти в Китай, направляются также в другие экономики, и не только в азиатские, где заработная плата ниже, чем в Китае. Их бенефициары включают среди прочих Индию, Пакистан, Вьетнам, Камбоджу, Бангладеш и Мьянму. К этому процессу добавляются последствия продолжающегося роста курса китайской валюты. Из-за роста расходов на производ-

ственный персонал, которые в последнее время увеличиваются на 20 % в год, и повышения курса юаня Китай уже не так конкурентоспособен, как был когда-то.

Более того, в США и других западных странах с высокоразвитой экономикой отмечается снижение интереса к аутсорсингу и вынесению предприятий в офшорные зоны. Это происходит в тех случаях, когда низкая стоимость рабочей силы играет относительно малую роль в общих расходах на производство и продажу той или иной продукции. Экономические расчеты никуда не исчезнут и не перевернутся с ног на голову, но политическая концепция будет «выправлена».

На этот раз брошенный Китаем вызов основан не на прошлой попытке (к счастью, неудачной) экспортировать революцию, а в первую очередь на экспорте товаров и, что важно, капитала. Он сопровождается различными сделками, усиливающими китайское присутствие по всему миру. Это можно увидеть как в международной статистике, так и невооруженным глазом во время путешествий по различным частям света. Однако не сразу заметны и при этом очень важны далеко идущие, серьезные последствия проектов, финансируемых в обмен на долгосрочные стратегические контракты на поставку сырья. Это особенно ярко выражено в Африке и Латинской Америке, но все еще остается относительно маломасштабным в Центральной Азии, на Среднем Востоке, в Восточной Европе и — что интересно и важно — в российской Сибири. В будущем здесь произойдут радикальные перемены, и грандиозная программа, представляемая как Новый шелковый путь, будет играть в этом ключевую роль. Программа предусматривает значительные инвестиции в инфраструктуру, предназначенную для расширения торговли между Китаем и его иностранными партнерами на западе, юге и севере. Программа нацелена на сотрудничество с несколькими десятками стран в Азии, на Среднем Востоке, Севере, а также в Восточной Африке, Центральной и Восточной Европе.

За всеми проектами всегда стоят два «и»: идеи и интересы. Так и здесь, хотя на этот раз, в отличие от того времени, когда председатель Мао хотел экспортировать коммунистическую революцию, идеи остаются на втором плане. Правда, есть мнение, что Китай намерен проводить идеологическую и политическую экспансию в другие страны, но определенно речь идет не о том, чтобы побуждать других следовать китайским путем, и даже не о навязывании китайской экономической и политической модели, а об экономических факторах.

Китайские политики и экономисты подчеркивают необходимость продолжения глобализации, потому что она принесла им больше пользы, чем кому-либо другому. В то же время они подчеркивают необходимость смены характера и нынешнего курса процесса глобализации. В этом контексте на первый план выдвигается значение такого инструмента, как инициатива «Один пояс — один путь». Эта инициатива предназначена для того, чтобы трансформировать глобализацию, в ее нынешней форме отвергаемую многими, в глобализацию, которая станет более полезной для человечества, чем то, что предлагал Запад.

Вторая «и» — интересы, и они отчетливо выходят на первый план. Это большой бизнес, так как в том, что касается размеров, это гигантский проект, хотя его масштабы еще не полностью известны даже в Пекине. Говорят, что инициатива «Один пояс — один путь» охватывает 65 азиатских, европейских и африканских стран, в которых проживает свыше 60 % населения планеты на 38,5 % ее территории. Торговля между этими странами составляет 35 % мирового товарооборота; их валовой продукт — 30 % мирового производства, а бытовое потребление — 24 % того, что потребляет все человечество.

Инициатива «Один пояс — один путь» как инструмент инклюзивной глобализации

Как подчеркивают китайские власти, инициатива «Один пояс — один путь» создает великолепные возможности для сотрудничества в пяти областях:

- культурный обмен через продвижение межличностных отношений и сотрудничество;
- координация политики через планирование и поддержку крупных инфраструктурных проектов;
- финансовая интеграция через усиление координации валютной политики и двустороннего сотрудничества в финансовой сфере;
- торговля и инвестиции через поддержку межстрановых капиталовложений и сотрудничество в цепях поставок;
- *взаимосвязь производственных мощностей* путем создания мощностей, которые позволяют контактировать вдоль пояса и пути.

Хотя в названии проекта использовано слово «путь», он четко не прочерчен его авторами. Конечно, путь должен проходить по территории стран, которые запланированы в качестве участников проекта. Разумеется, их включал Китай, хотя по не вполне понятным основаниям. Это захватывающая геополитическая и геэкономическая игра, цели которой четко не определены, а правила полностью не ясны. Имеется много игроков; предположительно, карты уже раздали, но никто не знает, все ли это карты. Ведется ли игра только на столе или некоторые карты передаются под столом? Политические декларации остаются туманными и, конечно, полны заверений о доброй воле инициатора, но во многих местах Евразии (и не только) они вызывают сомнения и беспокойство. Экономические цели только очерчены, и невозможно сформировать четкое мнение о том, что, где, когда, на чьи деньги будет построено и как этим будут управлять. Именно так идет эта не ограниченная временем игра.

Приглашенные участники ждут ее с нетерпением, надеясь, что присоединение к проекту на этом этапе не будет для них ничего стоить и, может быть, со временем они получат от него значительную выгоду. Угрозы репутации также нет, поскольку, несмотря на усиливающиеся атаки Запада на Китай, необходимость сотрудничества с ним очевидна. Таким образом, никто не отказался от участия в проекте, даже те страны, у которых в последнее время были не лучшие отношения со Средним Царством. Необходимо особо подчеркнуть, что только Китай может себе позволить такой

гигантский проект, о котором он объявил в одиночку и который инициировал таким же образом.

При взгляде на карту в первую очередь в глаза бросается географический критерий. Почти все страны Азии, вся Центральная и Восточная Европа вовлечены в проект, а также Египет, поскольку что же это будет за дорога без Суэцкого канала? Таким образом, из-за специфической политкорректности и простоты нанесения на карту на ней представлены страны, через которые, как предполагается, пойдет Новый шелковый путь.

Страны Латинской Америки не были официально приглашены в программу «Один пояс — один путь», но инициаторы проекта называют их «естественным расширением» и «необходимыми участниками» предприятия. Иначе говоря, Китай действует как обычно, все больше инвестируя в Латинскую Америку, и содействует своим компаниям, поощряя их проникновение на эти рынки, в отличие от их северного соседа, который открыто препятствует подобным движениям. Это происходит из-за поведения Дональда Трампа, который оскорбительно отзывается о некоторых из них, особенно о Мексике и Сальвадоре. В то же время, когда американский президент в типичном для него стиле говорил, что имел в виду что-то другое, а не то, что сказал *de facto*, — на этот раз на Всемирном экономическом форуме в Давосе через год после выступления китайского президента — китайский министр иностранных дел Ванг Йи присутствовал на собрании всех 33 стран, входящих в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, СЕЛИАК (Comunidad de Estados Latino americanos y Caribeños — *исп.*), и выступил против торгового протекционизма, а также предложил региону «Стратегию общей пользы и общей прибыли» [1].

Фактически никто точно не знает, сколько, где, когда и как китайцы собираются инвестировать в сухопутные и морские коммуникации при осуществлении проекта «Новый шелковый путь». В поступающей информации фигурирует цифра 4 трлн долларов, которая должна впечатлить всех даже в самых богатых странах, которые находятся несколько дальше, в конце пути, например во Франции и Великобритании, потому что это больше, чем их ВВП.

В слаборазвитых странах Китай вносит большой вклад в инфраструктуру для развития человеческого капитала — школы и университеты, поликлиники и больницы. Если посмотреть на геополитическую карту мира с этой точки зрения, довольно легко заметить, что Китай особенно активен там, где Запад потерпел неудачу.

Китай также активен там, где провалился Советский Союз, особенно Россия как его основная часть. Это разочарование все еще отбрасывает густую тень на политику и экономику, на культуру и менталитет в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. В этом очень интересном регионе, который ни в коем случае не настроен автоматически на поддержание политической стабильности и устойчивого развития, мы имеем уникальную смесь: он находится в точке соприкосновения укоренившихся-

ся черт, являющихся результатом русского, азиатского и исламского влияния, а также советского наследия. Теперь к этому добавилось влияние Китая и стран Запада. Последнее объясняется, с одной стороны, важностью региона в борьбе с международным терроризмом, с другой — богатыми энергетическими ресурсами, которые принимаются в расчет во всем мире.

Кстати, стоит отметить, что географическое положение может быть благословением, как в случае Швейцарии, зажатой между Германией, Францией, Италией и Австрией, а может быть и проклятием, которое испытал на себе Ирак, расположенный между Ираном, Турцией и Саудовской Аравией. Смогут ли постсоветские республики Центральной Азии, занимающие важное место на Новом шелковом пути, так же использовать свое местоположение на пользу, или другие воспользуются этим преимуществом? Если кто-то находится в зоне, где за влияние конкурируют Китай и США или Европейский союз и Россия, от этого можно как многое потерять, так и многое выиграть. Однако для того, чтобы это случилось, в первую очередь нельзя позволять себе антагонизма по отношению друг к другу, а также во взаимоотношениях с этими крупными игроками на мировой арене.

Мировая экспансия Китая

Очевидно, что в стране активно поддерживается рост социально-экономического развития и ведется борьба с бедностью, но по этой же причине Китай подозревают и даже обвиняют в дурных намерениях, идеологической индоктринации и политической коррупции. Если бы дело обстояло так, это не изменило бы того факта, что такая стратегия помогает другим экономикам, находящимся на более низком уровне развития, в их стремлении освободиться от экономической зависимости. И если это угрожает балансу влияний, то вместо непродуктивной критики китайской экспансии лучше усилить поддержку со стороны богатого Запада и прагматично переориентировать направления деятельности международных организаций, в которых доминирует Запад.

Вместе с экспортом капитала и товаров Китай также «экспортирует» часть своих навыков из сферы «мягкой» инфраструктуры. Это именно те позитивные практики, о которых мы так любим говорить в теориях управления. Как в самом Китае, так и в других странах даже самые быстрые поезда не могут ходить без правил дорожного движения, а более образованный персонал не обеспечивает социально-экономического прогресса автоматически. Это тем более не может привести к успеху в экономиках, которые являются отсталыми по сравнению с китайской. Поэтому они могут и должны учиться у китайцев. Знания и навыки в настоящее время являются особо ценным «товаром». Я поставил это слово в кавычки, потому что это не товар в буквальном смысле, то есть продукт человеческого труда, предназначенный для обмена на рынке, — в этом случае зачастую речь идет о нефинансовых трансферах.

Благодаря стипендиям десятки тысяч иностранных студентов живут в Китае, получают знания в областях,

предпочтительных с точки зрения внешней экспансии Китая. Я читал лекции в Пекинском университете группе из 40 иностранных студентов-стипендиатов. Почти все они были гражданами стран, которые оказались на Новом шелковом пути.

Китай также использует свое присутствие и растущую активность в международных организациях, особенно во Всемирном банке (ВБ), Международном валютном фонде (МВФ) и Азиатском банке развития (АБР), для того чтобы влиять на институциональные решения, направление и проведение политики развития в тех странах, которым эти организации оказывают финансовую помощь и которым предоставляются профессиональные консультации. Китайское влияние ни в коем случае не оказывается сильнее западного, особенно ВБ и МВФ, но все чаще можно видеть, как в страны, освобождающиеся от экономической зависимости, посылают китайских экспертов от той или иной международной организации, и все чаще можно почувствовать «китайский дух».

За всем этим следует дипломатическое наступление. В настоящее время в Китае работает 166 посольств, и столько же китайских посольств открыты по всему миру. На одно больше у США — 167. Со временем, когда произойдет реинтеграция Китайской Народной Республики и Тайваня (а это обязательно случится), именно у Китая будет больше всего дипломатических представительств в мире. Сегодня же, если учитывать не только посольства, но и все дипломатические посты, то их у Китая 268, а у США 273. Для сравнения следует упомянуть, что у России 242 поста, а у Франции 266.

Китай является крупнейшим или вторым по объемам торговым партнером примерно 80 стран. Поэтому неудивительно, что происходящее там в большой степени определяет обстановку в других местах в мировой экономике. Экспорт Китая достигает 2,2 трлн долларов США, получателем номер один являются Соединенные Штаты Америки (18,2 %), за ними следуют (не учитывая Гонконга, где КНР продает 13,8 % своих экспортируемых товаров) Япония (6,1 %), Южная Корея (4,5 %) и Германия с немного меньшей долей. Объем импорта примерно на 425 млрд долларов меньше, здесь на первом месте Южная Корея (10,0 %), за которой следуют Япония (9,2), Германия (5,4) и Австралия (4,4 %), и только после них — США, экспорт из которых в Китай меньше австралийского. Обращаю внимание, что на карте Нового шелкового пути отсутствуют два соседа Китая — Южная Корея и Япония, из которых в Поднебесную поступает до пятой части экспорта.

Зависимость от китайской экономики является многосторонней и выходит далеко за границы прямого экспорта и импорта. В специализированной литературе даже появился новый показатель — *индекс синозависимости*, отражающий изменения в фондовом индексе S&P 500, зависящие от рейтинга 135 компаний, которые в него включены и получают доходы от операций в Китае. Когда китайская экономика растет, котировки на фондовых биржах тоже растут, и наоборот. Когда в 2009–2012 годах, отмеченных мировым кризисом,

индекс синозависимости увеличился на 130 %, индекс S&P 500 поднялся более чем на 50 %. Иначе говоря, если бы не продолжение китайского бума, экономическое положение и ситуация на биржах, которая отражает его во многих других странах, включая самые развитые, были бы значительно хуже. Поэтому если кто-то желает Китаю недоброе, это означает, что он желает зла себе.

Вывод

Китай выступает за глобализацию и одновременно указывает на необходимость ее большей инклюзивности, признает, что невозможно обойтись без сокращения коммерческого и финансового дисбаланса в мировой экономике, больше, чем некоторые высокоразвитые страны, заботится об экологическом равновесии (хотя ранее внес немалый вклад в его разрушение), и постепенно встает на путь экономической политики, диктуемой новым прагматизмом [2]. Там едва ли существует неолиберализм, коррупционная составляющая капитализма постепенно уменьшается (хотя и медлен-

но), а идеи и мнения, связанные с новым прагматизмом, множатся.

Китай может существенно помочь при формировании желательного будущего, снижая растущие глобальные угрозы и риск огромной катастрофы, выходящей далеко за пределы экономики. А эта угроза реальна, если бы, с одной стороны, можно было перенаправить экономику на неолиберальные рельсы в обычном режиме, а с другой — было бы невозможно контролировать эскалацию нового национализма. Однако можно надеяться, что катастрофы не случится, и в большой степени это произойдет благодаря Китаю.

Литература

1. China moves into Latin America // The Economist. — 2018. — Febr. 3rd [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.economist.com/news/americas/21736192-asian-giant-taking-advantage-other-powers-lack-interest-region-china-moves>
2. Kolodko G. W. The New Pragmatism, or Economics and Policy for the Future / G. W. Kolodko // Acta Oeconomica. — 2014. — Vol. 64, № 2. — P. 139–160.

В. А. Конев¹

ОТ КУЛЬТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ПРИСУТСТВИЯ

Название книги Освальда Шпенглера «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes») стало своеобразным эпиграфом к интеллектуальным размышлениям XX века о судьбах европейской культуры и цивилизации. Лучшие умы XIX века жили с идеей, что возможно решение всех проблем общества, что развитие науки и техники может это гарантировать, что есть истинные ценности, которые в конце концов смогут убедить всех и стать основанием счастливой жизни. Но мировые войны XX века, лагеря смерти, угроза ядерной катастрофы, экологические кризисы — эти и подобные феномены заставили лучшие умы XX века усомниться в возможности легкого решения проблем человечества и в могуществе культуры. «Освенцим доказал, что культура потерпела крах», — утверждает Теодор Адорно. «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой — всего лишь мусор», — заключает он². Не стало ли такое отношение к культуре причиной нового способа обращения с ней в последние десятилетия, получившего название «постмодернизм»? Постмодернизм, как его обычно представляют, подразумевает идейную и стилистическую свободу (теперь нет никаких канонов — Бог умер!); аллюзии, цитаты, ремейки (теперь нет авто-

ра — смерть автору!); сочетание того или этого с чем угодно (теперь нет гармонии — ризома!); постоянное беспокойство, тревогу (что-то наступит, что-то грядет — «В ожидании Годо!»). Но за стилистическими симптомами явно скрываются более серьезные культурные процессы — революционные сдвиги в культуре, изменения доминантных установок культуры Просвещения и культуры модерна.

Культура Нового времени (культура модерна), утвердившаяся в результате многоэтапной культурной революции, имевшей место в периоды Возрождения, Реформации и Просвещения, выстроила стройную и ясную картину жизни общества и человека.

Эта картина включала:

— четкое разделение видов деятельности — разделение труда в материальном производстве, специализацию в науке (становление дисциплинарной науки), разделение видов искусства и т. п.;

— нормативную, согласно определенной логике, организацию каждого вида деятельности: философия (Бэкон, Декарт, Кант, Гегель) определила методы и логику науки, «Грамматика Пор-Рояля» структурировала язык, «Хорошо темперированный клавир» Баха упорядочивал музыкальный язык, «Поэтика» Буало утвердила метод классицизма в искусстве (после чего возникло само представление о художественном методе), правила Баррема регулировали бухгалтерский учет и т. п.;

— монолог разума, который признается распорядителем и носителем единственной для всех Истины. Разум оказывает уважение только тому, «что может устоять перед его свободным и открытым испытанием» (Кант) «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно» (Гегель);

¹ Профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 300 научных публикаций, в т. ч.: «Смыслы культуры», «The Anthropological Project of S. L. Frank», «Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов», «Умберто Эко: поэтика Джойса и смена типа культуры», «Концепт творчества» и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества.

² Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 327.

— доминирование утилитарности и частного интереса над ценностями: польза или отношение к пользе выступает конечным оправданием всякого действия («Принцип полезности не требует и не признает никакого другого регулятора, кроме самого себя» — И. Бентам).

В культуре, организованной таким образом, человек становится подчиненным тем видам деятельности, опыт и содержание которых определяют смыслы и ценности культуры. Регламентируя методы и логику деятельности в различных областях жизни, культура модерна создает определенное, цельное и единое *представление* о мире и человеке. Мир, *представленный в знаниях*, — это мир Канта (вспомним его коперниканский переворот), мир культуры Просвещения. Репрезентантом этого мира становится хорошо выстроенный текст. Текст *представляет* человеку Просвещения мир, в котором он живет. Научный текст отображает законосообразный мир природы, художественный текст романа — мир семейной и общественной жизни, живопись (текст картины) — мир вещей и образ человека, музыка (текст музыкальной пьесы) — чувства и настроения человека. Идеи автора текста представляют логику разума, красоту, справедливость и нравственные идеалы. Правильное восприятие этих идей направлялось и контролировалось критиками и системой образования. Материальной формой существования *культуры представления* становится печатная книга — мир галактики Гутенберга, как выразился Маршалл Маклюэн. Воспроизводимость и повторяемость печатного текста укрепляли представление о постоянстве истины и существовании всеобщего интереса.

Результатом культуры модерна становится человек, который благодаря полученным представлениям идентифицирует себя с определенным сообществом (нацией, классом/стратой, государством), владеет определенными знаниями, навыками и умением распоряжаться собственным умом (*Sapere aude!* — призыв Канта), действует свободно согласно познанной необходимости. В 1862 году Томас Гексли так выразил представление о достойном представителе культуры Просвещения: «Только тот, я думаю, может говорить, что получил образование свободного человека, кто с юности приучил свое тело быть послушным слугой своей воли и в силах легко и с радостью выполнить, как машина, всю работу, на которую он способен; чей ум ясен, холоден, подобен счетному механизму, где все части работают в такт и с одной отдачей; кто готов, словно паровой двигатель, найти себе применение в любой работе...»¹

Конечно, это идеализированный образ жителя галактики Гутенберга, но он высвечивает культурно-генетический код понимания свободы человеком Просвещения: свобода достигается через знание объективной необходимости и утверждение разумной действительности. Представление об этом в избытке предоставляла книжная «галактика». Цивилизационный прогресс и свобода в обществе, несомненно, неотделимы

¹ Цит. по: Маклюэн М. Галактика Гутенберга / пер. с англ. А. Юдина. Киев : Ника-центр, 2003. С. 254.

от мышления эпохи Просвещения, которое утверждает культурой модерна. Но в то же время это мышление стало причиной саморазрушения Просвещения, по выражению Хоркхаймера и Адорно, которые показали, что «понятие именно этого мышления, ничуть не в меньшей степени, чем конкретные исторические формы, институты общества, с которыми оно неразрывно сплетено, уже содержит в себе зародыш того регресса, который сегодня наблюдается повсюду»².

Сегодня же, спустя более полувека с того момента, когда были сказаны эти слова, европейская культура ищет способы преодоления того кризиса, в котором оказалась культура Просвещения.

Направление этого поиска связано с возвращением человеку технической цивилизации и бюргерского (городского/буржуазного) общества отчужденной от него свободы. Это выражается в том, что культура начинает разрушать перегородки, разделяющие смыслы, ценности и виды деятельности. Во-первых, она перестала быть культурой отраслей. Это культура мозаичная (А. Моль), что прямо демонстрирует экран телевизора в каждом доме. Во-вторых, современная культура — алеаторическая, а не нормативная: случай часто играет решающую роль как при организации, так и при реализации деятельности. В-третьих, в этой культуре диалог сознаний, а не монолог разума определяет Истину и Ценность. В-четвертых, в современной культуре не польза, а действие *a recentiori* (по ситуации, из ситуации) управляет человеком, а уникальность и индивидуальность становятся доминирующими ценностями.

Человек оказывается перед необходимостью самостоятельно организовывать свои действия, ориентируясь на требования конкретной ситуации. *Присутствие* здесь и сейчас, ситуация в ее конкретности, а не *представление* и знание о повторяющихся обстоятельствах становятся основанием действия в современной культуре. Если в мире представлений жизнь опосредована представляющими ее текстами, то мир присутствия — это мир, в котором жизнь выражает себя событиями. Это два разных типа культуры, два разных способа *быть*.

На философском уровне значимость присутствия человека в мире выразил М. Бахтин экзистенциалом «моего не-алиби в бытии»: «Единственность наличного бытия — нудительно обязательна. Этот факт *моего не-алиби в бытии*, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, **не узнается и не познается** мною, а единственным образом **признается и утверждается**»³. Обратим внимание — не узнается и познается, а признается и утверждается, то есть *мое не-алиби в бытии*, мое *присутствие* не открывается мне кем-либо или чем-либо (знанием, традицией, правилом), а заявляется и признается. Спустя 80 лет после Бахтина, в 2004 году в ставшей популярной книге под названием «Производство присут-

² Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. : СПб. : Медиум : Ювента, 1997. С. 10–11.

³ Бахтин М. М. К философии поступка (публикация и вступительная заметка С. Г. Бочарова, примечания С. С. Аверинцева) // Философия и социология науки и техники : ежегод. 1984–1985. М. : Наука, 1986. С. 112. (Курсив Бахтина, выделено полужирным мною. — В. К.)

ствия» Ханс Ульрих Гумбрехт скажет, что в современной культуре «интерес сместился с опознания значений (с “толкования”) к проблемам, связанным с возникновением значения как на конкретно-историческом, так и на метаисторическом уровне»¹, где возникновение значения увязывается с определенными ситуациями.

На уровне обыденного сознания и повседневного поведения значимость присутствия проявляется в самых распространенных вопросах, с которых начинается разговор по мобильному телефону: «Ты где?» или «Можешь говорить?»².

Направленность деятельности современной культуры выстраивается таким образом, чтобы постоянно ставить человека в ситуацию присутствия, где он вынужден заявить себя и выбрать адекватное ситуации поведение. Поскольку ситуации всегда конкретны и хотя бы немного различны, действие человека не может строиться на основе устоявшихся норм и трафаретов, а требует гибких алгоритмов, изобретательности, инноваций, проникновения в смысл ситуации, понимания ее как точки здесь-и-сейчас, куда сходятся в это мгновение все силы мира. Конкретность ситуации (окружения) ставит перед действием вопрос не «что?», а «как?». Индивидуальность как характеристика личности, а также уникальность, оригинальность как характеристики произведений культуры приобретают статус ценности в культуре присутствия.

Становление ценности индивидуальности в современной культуре открывает ее исторический смысл. Культура присутствия должна быть понята как реализация нового варианта культуры модерна. Это не то, что принято называть постмодерном. Постмодернизм возник как определенное стилевое направление, которое отказалось от «чистоты» стиля, — это мозаичность стиля, в которой отразился отраслевой характер современной культуры.

Современный этап развития европейской культуры (а российская культура является ее национальной формой) начался не с появления постмодернистских произведений, а гораздо раньше. Становление современной культуры, которая модифицирует идею частного интереса человека культуры модерна в идею личностного, индивидуального устремления человека культуры *нового* модерна, происходит в форме новой культурной революции, подобной новоевропейской революции, утвердившей культуру модерна.

Первый шаг этой новой культурной революции — возрождение идеи свободы человека, не скованного никакими ограничениями. Эту идею свободы разрабатывал в своей философии Фридрих Ницше, связывая ее с образом сверхчеловека, для которого единственным оправданием действия является сила утверждения са-

мой жизни. Ницше, как и гуманисты эпохи Ренессанса, обращается к Античности, но не к традиции Аполлона, опирающейся на силу формы, а к традиции Диониса, отдающей первенство силам стихии и страсти. Ницше акцентирует те моменты в содержании свободы, которые были свойственны гуманистам Возрождения, но впоследствии были выхолены рационализмом Просвещения. Это отмечает Томас Манн, говоря, что философия Ницше призывала «прийти к новому, более глубокому пониманию гуманизма, чуждому самодвольной ограниченности, отличающей гуманизм буржуазной эпохи»³. Неслучайно ницшеанская традиция стала одним из истоков очередного обновления культуры — нового модерна конца XIX — начала XX века.

Однако новая культурная революция требует и «реформации» господствующей сферы в культуре. В культуре Просвещения таковой была сфера науки, которая отвечала за сохранение и оправдание представления истины и рационализма. Именно внутри самой науки должно было возникнуть новое отношение к истине и рациональному мышлению. И такое новое отношение в науке возникло благодаря теории относительности Эйнштейна и квантовой физике. Сама наука показала, что нет единственной истины, что то, что логично для макромира, оказывается нелогично для мира элементарных частиц. Физики начала XX века выступили реформаторами не только науки, но и самой сферы сознания, что было подхвачено искусством и литературой. Неслучайно художники и писатели начала XX века постоянно ссылались на достижения новой физики.

Что же окажется третьим шагом в утверждении культуры нового модерна? Просвещение XVIII века закрепило за наукой, базирующейся на рациональности *cogito*, представленной чистым разумом Канта, логикой Гегеля и «просвещением ума», основанным на усвоении правил обращения с полученным знанием, институциональную ответственность за утверждение в культуре первого модерна единой истины и свободы, построенных на знании и представлении необходимости. А какая институция или сфера культуры возьмет на себя ответственность за утверждение индивидуальности?

Индивидуальность, конечно, формируется в определенном окружении, но ее смысл заключается в том, что ее бытие самодостаточно, что она свободна в своих проявлениях, что эти проявления всегда ее личные. Свобода — вот поле утверждения личностного своеобразия. Культура первого модерна (культура Просвещения) открыла свободу как понимание и осмысленное использование необходимости, необходимость контролировала свободу⁴, культура нового модерна (культура присутствия) добавляет к этому новый мотив: в рамках какого пространства человек может делать что угодно или быть каким угодно⁵, то есть где пределы свободы. Присут-

¹ Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М. : Новое литературное обозрение, 2006. С. 26.

² Итальянский философ Маурицио Феррарис в своей книге «Ты где? Онтология мобильного телефона» справедливо заключает, что «в “бытии у телефона” кроется проблема *вездесущности* и *индивидуальности*: повсюду (вездесущность) могут найти тебя и только тебя (индивидуальность)», что «без преувеличения можно присвоить телефону [мобильному. — В. К.] характеристику “быть всегда моим” (*Jemeinnikeit*)» (Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / пер. с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 44).

³ Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Манн Т. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1961. Т. 10. С. 389.

⁴ Б. Спиноза: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» (см.: Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 362).

⁵ И. Берлин о двух значениях свободы: «Первое из этих значений или смыслов, которое, следуя множеству прецедентов, я называю “негативным”, содержится в ответе на вопрос: “Велико ли

стве, культивируемое современным этапом развития культуры, выдвигает определенные требования к человеку. Он должен предьявить или проявить себя — либо открыть свое имя, либо прикрыться маской (в Сети — ником, аватаром). И в том, и в другом случае индивид вступает в зону ответственности, определяемую его собственным поступком. «Мое не-алиби в бытии» — это всегда влияние на мир. До каких границ я могу пойти в этом влиянии? Известный художник актуального искусства Марина Абрамович провела в 1974 году свой знаковый перформанс-испытание «Ритм 0»: «Делайте что угодно с моим телом предложенными предметами — от ножниц до заряженного пистолета». Зритель/участник перформанса оказывается в ситуации испытания его свободы. До каких границ я могу пойти, «делая что угодно»? Это вызов свободы — на что ты решишься? «Человек не должен быть свободным, он обречен на свободу!» — заявляет Сартр. Значит, возникает новое отношение к свободе — отношение переживания самой свободы, осмысление того, что значит для человека свобода, что значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предьявляет ему себя как открытая возможность действия — «Бери от жизни все!». Это испытание свободы, *вызов свободы*.

Дать ответ на этот вызов — вот задача новой культуры, которая идет на смену культуре Просвещения. В культуре Просвещения свобода — ответ на зов необходимости. Знание необходимости и действие соответственно с нею было гарантией свободы. Для нового ва-

рианта культуры модерна, для модерна не в варианте представления, а в варианте присутствия ответ на вызов свободы укоренен в том *опыте свободы*, которым владеет человек.

Где и как приобретается опыт свободы? Он приобретается тогда, когда человек ставит свои действия в отношении к пределу, к преодолению границ как испытанию своих возможностей и способностей. Свобода — это напряжение трансгрессии, способность видеть пределы, к которым устремлены и которыми заряжены твои действия.

Как это может быть реализовано? Вряд ли можно представить себе некий методический комплекс, который указывал бы на конкретные практики, однозначно ведущие к достижению цели. Ясно, что опыт свободы является не просто личным опытом, но опытом глубоко индивидуальным, приобретаемым в процессе самой индивидуации. Культивирование способности распознавания индивидуации и понимание ее ценности и должно определять логику действия современной культуры.

Если текст в форме печатной книги (галактика Гуттенберга) создал идеальные условия для утверждения культуры представления, то появление «книги лиц» — Facebook и галактики новых информационных технологий (галактика Цукерберга) создает новое пространство, требующее непосредственного присутствия действующего индивида, провоцирует новую культуру, способную заселить это пространство.

А. М. Крамаренко¹

БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ «ЗАПАД–РОССИЯ»: РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ФАКТОРА

В последнее время вызывает озабоченность общее состояние общественно-политического дискурса по проблематике отношений между Россией и Западом. Оптимизм внушает то, что резкие оценки и мрачные прогнозы не имеют никакого отношения к высказыва-

пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?» Второй смысл, называемый мною “позитивным”, возникает в ответе на вопрос: “Где источник давления или вмешательства, которое заставит кого-то делать то, а не это, или быть таким, а не другим?” Вопросы эти различны, хотя ответы на них могут частично совпадать» (см.: *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 126). Правда, Берлин, отвечая на эти вопросы, считает, что границы пространства свободы устанавливает не тот, кто пользуется свободой, а некая внешняя для него сила, потому и здесь свобода ограничена (подчинена) необходимостью.

² Директор по развитию Российского совета по международным делам (РСМД), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Автор публикаций в журнале «Международная жизнь», на сайтах РСМД, «Газета.ру», журнала «Эксперт», в т. ч.: «Геополитика Русской революции: вердикт альтернативной истории?», «Реставрация Мэйдзи и Россия: сравнительный анализ опыта модернизации», «Россия и НАТО: предыстория “рокового решения”. Что делать?», «Переговоры по брекзиту: первые итоги» и др. Директор департамента внешнеполитического планирования МИД РФ (2005–2011), советник-посланник (в ранге Посла) Посольства России в Великобритании (2011–2017). Член Совета по внешней и оборонной политике. Награжден орденами Почета, Дружбы.

ниям на уровне высшего политического руководства страны и министра иностранных дел, которые выдержаны в духе классической дипломатии и не закрывают никаких дверей, не сжигают мостов.

Действительно, ситуация резко обострилась, наши западные оппоненты, как показали «дело Скрипалей» и последняя эскалация вокруг Сирии, сами впадают в воинственную, откровенно враждебную риторику и используют безответственную лексику. Но этому есть объяснение: теперь до них — вслед за Китаем и Россией — дошла очередь столкнуться с загниванием/упадком, системным кризисом общества и вызовом его комплексной трансформации. К этому следует добавить, что западные элиты оказались интеллектуально несостоятельными, растерялись и отчаянно цепляются за политику статус-кво как не имеющую альтернативы. Это можно понять: как к столь фундаментальным вызовам могли подготовить тепличные условия холодной войны и эйфория «конца истории» после якобы «победы» в ней?

К тому же весь комплекс отношений «Россия–Запад» нельзя рассматривать вне более широкого, глобального контекста. Все в мире пришло в движение — не осталось ничего постоянного, по крайней мере,

из того, к чему все привыкли за послевоенный период, оказавшийся как в части международных отношений, так и экономики капитализма искривлением временно-го пространства — пресловутым *time warp*. За три поколения легко было забыть о многовековом опыте всей предшествовавшей истории. Сформировавшаяся политика изнасилась и перестала соотноситься с потребностями текущего развития. Поэтому любые разговоры о статус-кво, которого быть не может, и «ревизионизме», в котором обвиняют Россию, лишены смысла. Отсюда особые требования к личности лидеров, оказавшихся и в Америке, и в Европе в условиях, ранее описанных как *бонапартизм*.

Усреднение на уровне политической ориентации и практической политики разрушает политические системы и чуть ли не сам политический процесс западных стран. Поэтому окончание холодной войны без формального послевоенного урегулирования действительно стало геополитической катастрофой и одной из причин «вызrevших» потрясений на Западе. Их семена относятся к более раннему периоду — это основанная на долларе Бреттон-Вудская система, ее односторонняя реформа через отмену золотого стандарта на пике войны во Вьетнаме в 1971 году, эрозия закона Гласса–Стиголла и многое другое. Они несут в себе родовые черты западного общества, политическую культуру элит, его культурный генотип, определивший судьбы христианства на Западе, прежде всего в его ключевых сегментах — англосаксонском и германском. Опыт сопоставимых прежних трансформационных моментов показывает, что лидеры, чтобы отвечать их требованиям, должны пройти через личностную трансформацию. Такими были Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль, Дж. Кеннеди и, на мой взгляд, Н. Хрущев. Из западных лидеров таким условно революционным потенциалом пока может обладать только Д. Трамп.

Несколько слов о «российской вине» за нынешний кризис в наших отношениях с Западом. На мой взгляд, мы вели себя мирно, примирительно и умеренно. Реагировали лишь тогда, когда уже нельзя было не реагировать, упреждая куда большую беду, к примеру, еще одну Крымскую войну и установление суннитского фундаменталистского режима в Сирии. Опыт развития сирийского кризиса убеждает в том, что в столь цивилизованной стране нашлось не слишком много людей, готовых за нее воевать с обеих сторон, вследствие чего рано или поздно она оказалась бы добычей пришлых джихадистов, а это, в свою очередь, гарантировало бы выстраивание всей региональной политики в русле суннитско-шиитской конфронтации. К тому времени у России появился скромный потенциал проецирования силы, отвечающий поставленным задачам, как, впрочем, и более широкий потенциал противодействия внешним вызовам, включая информационные.

Ясно, что прежде чем наступит улучшение в наших отношениях с Западом, они должны еще больше деградировать. По крайней мере, до точки, когда европейцы уже не рискнут идти в ногу с Вашингтоном в военной эскалации из-за угрозы войны уже в Европе. Видимо, этот момент и определит «дно» — *rock bottom*, после чего начнутся стабилизация и выправление наших от-

ношений. Уже очевидны трансатлантические разногласия по вопросу соблюдения Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана, из которого вышли США.

В том числе поэтому нельзя ставить крест на Европе, которая возвращается к себе после жесткой идеологической инкарнации в форме исторического и якобы вневременного Запада. России и здесь не грозит геополитическое одиночество. Помню, когда расширялись НАТО и ЕС, мы говорили нашим западным партнерам, что им не следует спешить с выводами, так как мироощущение восточноевропейцев ближе к нашему, традиционно-консервативному. В «советском плену» (если использовать западную терминологию) эти страны сохранили потенциал исторического бодрствования, что проявляется по-разному уже в рамках НАТО и ЕС. Со временем все может измениться, но не в обозримой перспективе. Всем нужно исходить из потребностей сегодняшнего дня. Кстати, Дж. М. Кейнс, когда ему говорили о пользе долгосрочных решений, отвечал, что в долгосрочном плане мы все умрем. Если бы тот же Ф. Рузвельт в Великую депрессию ограничился только мерами долгосрочного характера, половина американцев умерла бы с голоду.

Хотя все говорят о том, что Россия не бросает Западу идейный вызов, на деле это именно так, только не в прежней системе идеологических координат, а в новой — в суверенизации большинства против космополитичного либерализма элит в самих западных странах. В принципе это не менее опасно для самих элит, которые склонны рассматривать этот «российский вызов» как экзистенциальный — на уровне «советского» эпохи холодной войны. Но тогда в ответ на «вызов» Советского Союза произошла «социализация» западноевропейской экономики и была сформирована устойчивая модель социально-экономического развития. Ее разрушение в результате рейганомики/тэтчеризма было связано с забвением уроков Великой депрессии и по времени совпало с окончанием холодной войны и распадом СССР. Сказались разрушительное воздействие видимого исчезновения конкурентной среды и технократический подход к общественным процессам: если не одна идеология и модель развития, то все пространство (и время) занимают их антиподы, причем *автоматически*.

Что, на мой взгляд, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее отношений между Россией и Западом?

Во-первых, не надо игнорировать переживаемый Западом кризис как часть контекста, который зачастую определяет значение тех или иных явлений. Кризис носит экзистенциальный характер и потому дает опасные выбросы вовне — как вариант своего рода кризисной мобилизации западных элит. Они цепляются за ускользающий статус-кво, включая сложившийся формат глобализации, которая мыслится как неотъемлемое условие «либерального порядка» (внутреннего и международного). Другое следствие этой ситуации заключается в том, что мы имеем дело не только с элитами, но и с протестным электоратом. Главное — у нас нет проблем с народами европейских стран, и этого нельзя забывать.

Во-вторых, вся глобальная политика вступила в эндшпиль — после топтания в «предбаннике» периода после окончания холодной войны. Собственно, эти 25 лет, которые потребовались для того, чтобы реальное значение «конца холодной войны» проявилось для западных элит, перетащили XX век в XXI, который по большому счету начинается с 2014 года, то есть с украинского кризиса. Характер эндшпиля таков, что все процессы резко ускоряются и события вполне могут развиваться по обвальному сценарию. К этому и надо быть внутренне готовыми нам, в России. Стратегического терпения нам не занимать: достаточно вспомнить, сколько времени прошло с Мюнхенской речи президента В. Путина до украинского и сирийского кризисов.

Россия реагировала, но не опережала развитие событий, не занималась насилием над историей и социальной инженерией на международном уровне. Оба кризиса в итоге оказались управляемыми, а управлять несколькими кризисами одновременно — это, возможно, беспрецедентное в истории международных отношений достижение. Москва не ставит конечных задач в смысле окончательного разрешения тех или иных проблем (в английском его передают слова “final” и “ultimate”). Такой подход — функции протестантского мироощущения в духе «конца истории», возможности рационального, вне Бога и истории, обустройства человека в этом мире.

То, что принято называть «кризисом либерального порядка», отсылает нас к таким фундаментальным понятиям, как «свобода», «баланс» между правами и обязанностями. В последние десятилетия произошел явный перебор в пользу первых. В связи с этим хотел бы обратиться к мнению бывшего архиепископа Кентерберийского Роузена Уильямса в его исследовании о Достоевском. Обращаясь к эскизам «революционной» свободы, набросанным в «Бесах», он пишет: «Здесь перед нами предстает диагноз патологических фантазий об абсолютной свободе, который можно сравнить со сформулированным в “Феноменологии” Гегеля: “свобода без границ” есть мечта о свободе, ничуть не зависящей от любой иной — человеческой, нечеловеческой или божественной — воли; коль скоро для нее не существует “иного”, она также утрачивает содержание. Но из этого следует, что жажда такой свободы может воплощаться только в разрушении <...>, кульминацией этого становится самоуничтожение»¹. Автор ссылается на авторитет Терри Иглтона: «Поскольку такими, какие мы есть, делаем нас ограничения, идея абсолютной свободы обречена быть террористической»².

С темой свободы напрямую связана идея «конца истории», то есть возможности «последнего слова». Именно отрицанием такой возможности пронизано все творчество Достоевского. В истории его правоту доказал опыт Советского Союза, теперь ее на собственном опыте доказывает западное общество.

В своей внешней политике Россия идет от жизни, вписываясь в ее поток, ведет себя гибко и прини-

мает решения по ходу развития событий; не чурается скромных, но реалистичных результатов, а также сетевой дипломатии, отрицающей само деление партнеров на союзников и врагов, что вполне отвечает духу нашего переходного времени, требующего комплексной «переоценки ценностей». До американской элиты только доходит понимание безальтернативности этого формата реагирования, но психологически к такой «смене курса» они не готовы, поскольку надо отказываться от слишком фундаментальных для их самосознания вещей. А надо ни много ни мало нормализоваться, стать нормальной, как другие, страной. Поэтому легче перейти в новое состояние через неоиоляционизм и даже с позиции силы.

В-третьих, Россия оказалась на острие геополитического сжатия США/Запада — отсюда острота наших противоречий. Но это обусловлено в том числе нашей историей, доказывающей псевдоморфный (по О. Шпенглеру) характер развития российского общества. В своей статье «Геополитика Русской революции» (журнал «Международная жизнь» за март 2018 г. и сайт Российского совета по международным делам) я попытался обосновать диалектику нашего участия в общих (именно общих) делах Европы, в пользу чего говорят многочисленные конвергенционные моменты на протяжении, по крайней мере, трех последних столетий. Это неизбежно в настоящем и будущем, как было неизбежно в истории. Именно такой момент мы переживаем с середины 1980-х годов, а с глобальным финансовым кризисом 2008 года обозначилось встречное движение со стороны Запада.

Без этого история Европы была бы совершенно другой, и, скорее всего, куда более катастрофичной, к примеру, если бы Россия вошла в орбиту объединенной под властью Пруссии Германии, отказавшись от своего естественного права на историческое творчество, и в мире возобладала бы внутризпадная bipolarность: англосаксы с одной стороны и Германская и Японская империи — с другой.

России остается ждать, пока западные элиты освоятся, прежде всего, под воздействием собственного электората, с новой реальностью, и одновременно проявлять готовность к диалогу и сотрудничеству, не переставать продвигать в мировых и региональных делах позитивную повестку дня. Главное — добиваться восстановления политического единства Европы/европейской цивилизации, включая ее североамериканскую ветвь и Россию, на внеблоковой основе. Это отвечало бы интересам всех членов европейской семьи в условиях качественно новой конкурентной глобальной среды, когда Европа более не может навязывать свою волю и свои ценности остальному миру и должна доказывать свою культурно-цивилизационную совместимость с ним. Именно в этом и может, на мой взгляд, состоять сводящая/балансирующая (как ее ни называть) роль России в мировой политике на современном этапе.

¹ Достоевский. Язык, вера, повествование. М., 2013. С. 34.

² *Eagleton T. Holy Terror. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 71.*

А. В. Кузнецов¹

ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ И ИНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА

Исследования воздействия культуры на характер транснационализации бизнеса ведутся уже четыре десятилетия. Можно выделить работы, изучающие этот вопрос как в рамках микроэкономики (то есть на уровне отдельных предприятий), так и с применением методов макроэкономики. В первом случае речь идет прежде всего об исследованиях, стимулированных работами Г. Хофстеде, который предложил измерять национальные культуры по ряду параметров для выявления степени близости разных стран с точки зрения организационных аспектов ведения бизнеса². Рассматривая второй случай, следует особо упомянуть uppsальскую школу интернационализации фирмы, которая впервые увязала географические закономерности распределения совокупных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), экспортированных из отдельных стран, с процессом постепенного роста информированности бизнесменов об особенностях зарубежного бизнеса³. Впоследствии, обобщив и разлив выводы ключевых публикаций лидера этой школы Я. Юхансона, а также ряда других исследователей, нами было предложено выделять фактор языковой и иной культурно-исторической близости как очень важный в процессах зарубежной экспансии транснациональных корпораций (ТНК)⁴. Попутно заметим, что, скорее всего, само название фактора еще потребует уточнения.

Актуальные задачи для научного анализа

За сравнительно длинный период научного анализа влияния культуры на специфику транснационализации бизнеса⁵ многие аспекты, тем не менее, по-прежнему остаются недостаточно изученными.

¹ Заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект» (удостоена медали РАН); 20 статей в журналах, индексируемых Scopus и WoS, включая «Foreign Investments of Russian Companies: Competition with West European and East Asian Multinationals», «Prospects of Diversifying Russian Direct Investment Abroad», «Framework for the Analysis of Geography Transnational Corporations Investments Abroad» и др. (профиль РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=569615). Главный редактор журнала «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право». Член Ученого совета Русского географического общества, правления Ассоциации европейских исследований. Награжден Почетной грамотой Президента Российской Федерации за заслуги в научной деятельности.

² Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

³ Johanson J., Vahlne J.-E. The Internationalization Process of the Firm — A Model of Knowledge Development and Increasing Foreign Market Commitments // Journal of International Business Studies. 1977. № 1. P. 23–32.

⁴ Кузнецов А. В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9. С. 40–47.

⁵ Хотя он намного короче срока, на протяжении которого ведутся исследования воздействия культуры на другие экономиче-

Во-первых, некоторые высказывавшиеся в 1970–1980-х годах гипотезы впоследствии не были в должной мере подтверждены эмпирически. Однако это связано преимущественно с необходимостью детального уточнения влияния той или иной национальной культуры на особенности ведения бизнеса. В частности, первые расчеты Г. Хофстеде были сделаны на основе использования нерепрезентативного материала. Вместе с тем подчеркнем, что, как правило, вносимые по мере проведения новых эмпирических исследований корректировки концепций не опровергают основных теоретических идей.

Во-вторых, лишь недавно возникла потребность в учете расширяющегося влияния глобализации. Когда швед Я. Юхансон и его коллеги описывали поэтапную интернационализацию компаний, основанных их соотечественниками, они исходили из того, что «обучение» компании является синонимом обучения управляющих ею людей. Однако в современных условиях в фирму может прийти человек, уже получивший хороший опыт ведения бизнеса за рубежом в рамках иной ТНК (в 1970-е гг. такие примеры были диковинкой). Топ-менеджерами современных ТНК нередко становятся иностранцы, так что уже трудно говорить о национальном характере той или иной бизнес-среды. Не случайно в XXI веке довольно часто встречаются фирмы, ставшие ТНК в первый же год своего создания, так что корректно говорить о рождении «международных» компаний, а не об их транснационализации (либо интернационализации — тут также сохраняются терминологические разночтения).

Вместе с тем влияние языковых барьеров и других обусловленных культурными различиями препятствий для свободной зарубежной экспансии компаний-инвесторов, несомненно, сохраняется, пусть и в усеченном виде. Это означает, что далеко не всегда можно использовать строгие математические расчеты, тогда как подбор довольно представительного набора фактов все-таки позволяет выводить общие закономерности, а потом уже объяснять наличие многих исключений. Например, при анализе географии прямых иностранных инвестиций (ПИИ) очень тяжело в рамках «эффекта соседства» разделить влияние языкового фактора, общей истории двух стран (часто включая долгое нахождение в составе единого государства) и просто территориальной близости. Так, по данным Международного валютного фонда, основанным главным образом на национальной статистике, к концу 2016 года 26,8 % всех финляндских ПИИ были сосредоточены в Швеции, 23,5 % греческих ПИИ — на Кипре, 35,1 % словацких ПИИ — в Чехии и т. д. В то же время 57,5 % всех накопленных ПИИ на Кубе были испанскими, а 20,5 % ПИИ в Австрии — германскими⁶.

ские процессы, в том числе имеющие мирохозяйственное значение, — достаточно вспомнить, например, работы М. Вебера.

⁶ Наши расчеты на основе баз данных МВФ (<http://www.imf.org>).

Особый интерес для анализа фактора языковой и иной культурно-исторической близости в процессах транснационализации бизнеса представляют те государства, где компании лишь недавно стали превращаться в полноценные ТНК. Это позволяет хорошо проследить эволюцию их интернационализации. В связи с этим российский эмпирический материал интересен не только для разработки практических рекомендаций для применения в нашей стране, но и для ревизии созданных за рубежом теоретических концепций. Нам уже удалось получить ряд интересных выводов на материалах ведущих российских ТНК, изучением которых мы занимаемся второе десятилетие. В последнее время соответствующие работы поддержаны Российским научным фондом (грант № 14-28-00097)¹ и прикладными заказами Евразийского банка развития, связанными с мониторингом прямых инвестиций на постсоветском пространстве².

Эффект близости в географии прямых инвестиций

Эффект языковой и иной культурно-исторической близости до сих пор хорошо прослеживается в таком показателе, как доля российских капиталовложений в общей сумме накопленных ПИИ в стране. Так, нами была проведена оценка аккумулированных на конец 2016 года сумм российских прямых инвестиций в разных государствах с учетом вложений, осуществленных через офшоры и иные «перевалочные базы». Например, в Европе доля российских инвестиций в общем объеме накопленных ПИИ превысила 30 % только в Беларуси, от 5 до 20 % — на Украине, в Молдове, Латвии, Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговине (благодаря Республике Сербской) и Турции.

Правда, значение российских инвестиций определяется и другими факторами. В частности, за пределами Европы высокие показатели могут определяться политическими барьерами для сколько-нибудь значительных иностранных капиталовложений при наличии значимых проектов российских ТНК. В этом отношении показательны примеры КНДР (общий объем ПИИ из всех стран менее 1 млрд долл.) и Таджикистана (общий объем ПИИ менее 2,5 млрд долл.). Присутствие важного российского инвестора может оказаться решающим и для стран с более значительными суммарными ПИИ. Так, в Южной Азии наибольшая доля российских инвесторов оказалась не в Индии, а в Пакистане и Бангладеш лишь благодаря капиталовложениям VEON (бывший «ВымпелКом»), унаследовавшим дочерние структуры в этих странах в ходе слияния активов россиян и их западных партнеров. В настоящее время у компании, где подконтрольный россиянам фонд LetterOne владеет 47,9 % голосующих ак-

ций, в Пакистане и Бангладеш находится почти 85 млн клиентов, что больше суммарного показателя VEON по России и Украине³.

Ранее этот метод был протестирован нами на примере географии австрийских и шведских ПИИ в Европе⁴. Несмотря на сходные масштабы экспортируемых из Австрии и Швеции капиталовложений, их одновременное вступление в ЕС в 1995 году и некоторые другие общие для двух стран факторы, географические предпочтения инвесторов у них сильно различаются. Это нельзя объяснить разницей в инвестиционном климате стран-реципиентов. Причудливым образом спустя почти столетие в географии австрийских ПИИ «всплывает» австро-венгерское стремление к экспансии на Балканах, а следы шведского имперского доминирования на Балтике «проступают» спустя еще более длительный срок. Действительно, по данным МВФ, на конец 2016 года доля шведских ПИИ в общем объеме накопленных прямых капиталовложений в мире составила 1,3 %, при этом в Норвегии и Дании — по 21 %, в Литве и Латвии — по 29 %, в Финляндии — 38 %, в Эстонии — свыше 48 %. Для сравнения: доля австрийских ПИИ ни в одной из названных стран не достигала 3 %, а в Дании, Финляндии и Литве не превышала 1 %. Зато удельный вес австрийских капиталовложений в Словении и Македонии составлял 28 %, в Боснии и Герцеговине и отторгнутом от Сербии автономном крае Косово и Метохия — 20 %, Словакии, Сербии и Хорватии — 15–16 %, Чехии, Болгарии и Румынии — 13–14 %, при том что в целом в мире доля австрийских ПИИ составляла 0,8 %. Неудивительно, что ни в одной из названных 10 стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) доля шведских капиталовложений в общем объеме ПИИ не превышала даже 2 %⁵.

Наличие в обоих случаях фактора культурно-исторической близости — не выдумка исследователя. Сами компании-инвесторы нередко называют некоторые сопредельные страны своими «домашними» рынками. В этом легко убедиться, посмотрев официальные сайты и содержащиеся на них годовые отчеты трех крупнейших финансовых ТНК Австрии или Швеции. Так, австрийский Erste Group Bank выделяет три географических уровня в своей деятельности — Австрия, страны ЦВЕ и остальные, включая соседние Германию и Швейцарию. Два других лидера австрийского финансового сектора — Raiffeisenbank International и Vienna Insurance Group — прямо называют «домашним рынком» Австрию и все страны ЦВЕ⁶. Для ведущих шведских транснациональных банков определение «домашних» рынков разнится. В частности, Norddea Group относит к ним Швецию, Финляндию, Да-

³ Статистика по компаниям приводится нами в основном по данным их корпоративной отчетности. В данном случае form 20-F. 2017. VEON Ltd. Bermuda. P. 11.

⁴ Кузнецов А. В. Переосмысление концепции большой Европы в связи с украинским кризисом // Международная жизнь. 2014. № 12. С. 1–17.

⁵ Расчеты автора на основе данных МВФ: Table 6-о: Outward Direct Investment Positions US Dollars, by All Reporting Economies Cross-classified by Counterpart Economies, as of end-2016 (<http://data.imf.org>).

⁶ См. информацию на официальных сайтах: <http://www.erstegroup.com>; <http://investor.rbinternational.com> и <http://www.vig.com>.

¹ Основным промежуточным итогом работы по гранту стала коллективная монография (Оптимизация инвестиционных связей современной России / под ред. А. В. Кузнецова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. URL: <http://www.imemo.ru>).

² Две наиболее свежие брошюры, изданные на русском и английском языках: Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ–2017 / А. В. Кузнецов [и др.]. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017 (доклад № 45); ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2017 / А. В. Кузнецов [и др.]. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. URL: <http://www.eabr.org>

нию и Норвегию, но не включает, например, страны Балтии. Swedbank, напротив, причисляет к ним только Швецию, Эстонию, Латвию и Литву, но не Финляндию, Данию и Норвегию. У Svenska Handelsbanen вообще заявлено шесть «домашних» рынков: Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Нидерланды и Великобритания (страны Балтии, однако, не включены)¹.

Поиск границы между культурно-исторической близостью и политическим партнерством

Где проходит грань между языковой и(или) иной культурно-исторической близостью и политической целесообразностью (в том числе подкрепленной экономической выгодой) в географии ПИИ, конечно, установить можно далеко не всегда. Например, почему российская «Алроса» добывает за рубежом алмазы только на своей дочерней фирме в Анголе или почему именно в Чехии находится основной зарубежный актив «ОМЗ» — инжиниринговой фирмы в сфере атомной энергетики?

Хорошей иллюстрацией неявной границы между культурно-исторической близостью и политическим партнерством служит развитие сети двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений. В настоящее время в мире заключено уже почти 3 тыс. таких соглашений². Рекордсменами являются Германия, Китай и Швейцария, но и у России есть вступившие в силу инвестиционные соглашения с 68 странами³. В это число входят, среди прочих, Абхазия и Южная Осетия (которые не учитывает ЮНКТАД), Сербия и Черногория (преемники соглашения России с Югославией), а также Беларусь и Таджикистан, с которыми у России есть лишь многосторонние инвестиционные соглашения (заключенные в рамках ЕврАзЭС).

Самые старые действующие двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений с участием России были заключены еще Советским Союзом в 1989 году — с Бельгией, Великобританией, Канадой, Люксембургом, Нидерландами, Финляндией, Францией и ФРГ, а в 1990-м — с Австрией, Испанией, Республикой Корея и Швейцарией. Все они вступили в силу в 1991 году после ратификации (были также соглашения с Италией 1989 г. и Данией, Китаем и Турцией 1990 г., замененные позднее новыми соглашениями). Выбор стран довольно очевиден: СССР рассчитывал привлечь в совместные предприятия новые технологии из развитых стран Запада — традиционных торговых партнеров Советского Союза. Правда, добавление в 1990 году Южной Кореи, КНР и Турции свидетельствовало о поиске новых инвестиционных партнеров на Востоке, и приток капитала из этих трех стран уже в 2000-е годы оказался довольно значительным.

¹ См. информацию на официальных сайтах: <http://www.nordea.com>; <http://www.swedbank.com> и <http://www.handelsbanken.com>.

² Из 3324 международных инвестиционных соглашений, учтенных ЮНКТАД на конец 2016 года, двусторонними были 2957. См.: World Investment Report 2017: Investment and the Digital Economy. P. 111. URL: <http://www.unctad.org>

³ В основе анализа лежит база данных ЮНКТАД (<http://investmentpolicyhub.unctad.org/IIA/CountryBits/175#iialInnerMenu>), уточненная по российским законодательным базам.

К сожалению, для защиты зарубежных капиталовложений появившихся в 2000-е годы российских ТНК эти соглашения почти не пригодны (на заключительном этапе горбачевской перестройки об этом никто не думал — задача заключалась в привлечении прямых европейских инвестиций в СССР). В первое десятилетие существования Российской Федерации перечень стран, с которыми она заключала двусторонние инвестиционные соглашения, заметно пополнился (в скобках указаны годы подписания и вступления в силу после ратификации): Дания (взамен советского соглашения), Куба, Румыния и Словакия (1993/1996); Греция (1993/1997); Болгария (1993/2005); Индия (несколько лет назад действие соглашения прекращено по инициативе индийской стороны), Вьетнам, Кувейт и Чехия (1994/1996); Албания, Венгрия, Союзная Республика Югославия и Швеция (1995/1996); Норвегия (1995/1998); Монголия (1995/2006); Италия (взамен советского, 1996/1997); КНДР и Лаос (1996/2006); Македония и Филиппины (1997/1998); Турция (взамен советского) и Египет (1997/2000); Ливан (1997/2003); Аргентина, Казахстан, Украина, ЮАР и Япония (1998/2000); Молдова (1998/2001); Литва (1999/2004); Армения (2001/2006). Как видно, в основном это были европейские и азиатские страны; среди 32 стран исключениями стали Куба, Египет, Аргентина и ЮАР. Еще с несколькими странами соглашения были подписаны, но не ратифицированы — с США и Польшей (1992), Португалией (1994), Хорватией и Эквадором (1996), Кипром и Узбекистаном (1997), Таджикистаном (1999), Словенией и Эфиопией (2000). К середине 2000-х годов стало очевидно, что ратификация некоторых из этих документов потеряла смысл.

В целом вопрос подписания инвестиционных соглашений Россией в 1990-е годы не носил системного характера. Ситуация начала меняться в 2002 году, когда в основу было положено новое типовое соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, призванное не только защищать интересы иностранных инвесторов в России, но и гарантировать права российских компаний, вкладывающих капиталы за рубежом. Это типовое соглашение было утверждено постановлением Правительства от 9 июня 2001 года № 456 (последующие редакции — от 11 апреля 2002 г. № 229 и от 17 декабря 2010 г. № 1037) и заменило ранее действовавшее типовое соглашение, утвержденное постановлением Правительства от 1992 года (с изменениями и дополнениями от 1995 г.). Новое типовое соглашение учитывает требования ВТО и содержит ряд важных положений, касающихся механизма разрешения инвестиционных споров⁴. В основном можно увидеть разворот России в сторону развивающихся стран: Йемен (2002/2005), Сирия (2005/2007), Китай (взамен советского, 2006/2009), Индонезия, Иордания и Катар (2007/2009), Венесуэла (2008/2009), Ливия (2008/2010), Абхазия, Туркменистан и Южная Осетия (2009/2010), Ангола (2009/2011), Сингапур (2010/2012), ОАЭ (2010/2013), Экваториальная

⁴ http://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/-/asset_publisher/VVbc10If1FVU/content/id/2631716

Гвинея (2011/2016), Никарагуа (2012/2013), Зимбабве (2012/2014), Узбекистан (взамен старого нератифицированного, 2013/2014), Азербайджан и Бахрейн (2014/2015), Камбоджа (2015/2016), Иран (2015/2017). В 2003–2015 годы подписан ряд соглашений в рамках развития проектов евразийской интеграции, поддерживаемых Россией. В результате в разные годы новый формат соглашений был предложен для Армении, Беларуси, Вьетнама, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Украины. Ратификации ждут российские двусторонние соглашения с Таиландом (2002), Алжиром (2006), Намибией и Нигерией (2009), Гватемалой (2013), Марокко и Палестинскими территориями (2016). В одних случаях речь идет о лоббировании

российскими компаниями-инвесторами своих интересов по защите от политических рисков в тех или иных странах; в других имеет место прогресс в политическом диалоге России с партнерами в Азии, Африке и Латинской Америке (нередко это сопровождается первыми в истории официальными визитами глав государств и правительств).

Список примеров можно долго продолжать. Однако, на наш взгляд, уже очевидно, что в рамках обычных сугубо экономических либо политико-экономических исследований ПИИ использование анализа фактора языковой и иной культурно-исторической близости может оказаться весьма продуктивным для выявления новых закономерностей.

Ч. Т. Лаумулин¹

РОЛЬ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЕАЭС

Столь значительные перемены в развитии человечества в последние два столетия вызвали именно порожденные наукой технологии. *В гораздо большей степени, чем под влиянием политики, идеологий и разных «-измов», жизнь человечества изменилась благодаря научно-техническому прогрессу.* Данное утверждение становится еще более актуальным, потому что сейчас прямо на наших глазах мир вступил в эру новой индустриальной революции. Ее первой фазой называют бурный рост цифровой информатизации и коммуникации, что скачкообразно ускоряет и изменяет научно-технологические, культурные, экономические, социально-политические и прочие отношения. Цифровизация, совершенствуя человеческие коммуникации и способствуя обмену информацией, актуализирует вопрос о знании и содержательности передаваемой информации, все это напрямую связано с научными исследованиями и развитием культурно-гуманитарной базы как важнейшей составляющей данного процесса.

Вопрос о месте Евразии в глобальных технологических цепях имеет первостепенную важность и может быть разрешен только посредством организации и развития надлежащей научно-исследовательской базы, что потенциально способно стать вкладом региона в будущее человечества. В фундаменте такой базы должны лежать исследования в области геологии, физики, химии, математики и других дисциплин. Говоря о новом центре экономического роста в Евразии, важно понимать, что ядром для всех сильных экономик мира яв-

ляется развитие естественных наук и технологий, формирующих огромную долю объема ВВП (включая постиндустриальный рынок услуг) и напрямую порожденных, сформированных и получивших развитие из научных открытий. Фундаментальная наука, физика и химия особенно, есть резервуар знаний, откуда черпаются прикладные научные решения и появляются технологии, которые затем закладываются в основание развития инновационной экономики. Забвение данного фундаментального постулата в индустриальной политике вкупе с недофинансированием культуры, гуманитарных наук, образования и здравоохранения как важнейших составляющих инновационной среды экосистемы в осуществлении социальной политики грозит современным обществам упадком и деградацией. И напротив, инвестиции в данное направление вызывают эффект общего развития системы и экономики, наращивая международный вес и влияние конкретной страны и региона. Именно социальное развитие предопределяет развитие общественной экосистемы, в которой и формируются высшая интеллектуальная деятельность человека.

Следующие фазы новой индустриальной революции будут предопределены новейшими открытиями и разработками в области таких дисциплин, как материаловедение, сохранение и транспортировка энергии (к примеру, сверхпроводимость), криогеника, квантовая материя, астрофизика, оптическая физика, физика высоких энергий, опто- и микроэлектроника (в частности, некремниевая электроника), теория сжатой материи, биология, химия, биотехнология, медицина, науки о земле и множество других направлений. Этот уже подготовленный научно-технологический рынок формирует новый характер политико-экономических, финансовых, международных и прочих отношений и определяет необычную среду, уклад обитания и развитие человека в XXI веке.

Подобно тому как паровой двигатель предопределил историю и геополитику XIX века, а открытие

¹ Исследователь Центра исследований развития Кембриджского университета (Великобритания). Автор ряда научных и публицистических работ, в т. ч.: «Наука как естественный ресурс развития, незаменимый инструмент модернизации страны и глобальный проект», «О евразийской идее и национальных государствах», «Большая игра и создание ЕАЭС», «Кровь и пот. День Победы», «Отменить концепцию легкости бытия», «The Kazakhs: Children of the Steppes» (в соавт.). Исполнительный продюсер документального фильма «Murder by Proxy or How America went Postal!». Название докторской диссертации в Кембридже (а PhD thesis): «Наука и социальная политика в основе советской индустриальной парадигмы».

электрона, внедрение двигателя внутреннего сгорания и электричества — века XX, эти новейшие открытия, подавляющее большинство из которых еще даже не реализовано, будут положены в основу событий, связей и вида нашей грядущей истории. Осмысление последствий этого процесса сегодня просто неподвластно человеческому воображению. Тем не менее, несомненно, что он будет движим институциональным развитием человеческого интеллекта. Таким образом, человеческий фактор, образование и развитие человеческого капитала, создание благоприятной для этого культурной и социальной экосистемы становятся залогом успешного развития в условиях происходящих изменений.

В то же время наличие или доступ к материальным и природным ресурсам как к фундаменту для преобразований и исследований — немаловажная предпосылка данной революции. Для пространства ЕАЭС, самого крупного территориального образования в мире, вероятно, нет более важной области познания, чем развитие наук о Земле, за которыми должны идти научные исследования в мульти- и межотраслевых дисциплинах. Центральная Евразия — уникальный регион Земли, ресурсы которого содержат все элементы периодической таблицы. Дальнейшее исследование их свойств важно не только для стран ЕАЭС, но и для глобального технологического развития, особенно в условиях разворачивающейся на глазах очередной промышленной революции. Одной из наиболее заметных ее особенностей являются свойства новых материалов. Они могут быть открыты на основе изучения свойств старых материалов в процессе экспериментирования и проведения исследований с известными базовыми материалами, имеющимися или производимыми на территории ЕАЭС. Более того, многие элементы, в частности редкоземельные металлы, являются чрезвычайно важными частями глобальных технологических цепочек настоящего и будущего. Сегодня, по признанию профессора квантовой физики Кавендишской лаборатории Кембриджского университета Сиддхарта Саксены, в большинстве проводниковых устройств в любом помещении в мире есть элемент из недр России или Казахстана. Минерально-ресурсное богатство недр, развитая горно-металлургическая база и потенциал человеческого капитала, включая многообразные и древние культуры, делают Центральную Евразию одним из самых важных регионов развития мировой цивилизации.

Примат и основополагание научно-исследовательской деятельности и открытий в новой индустриальной экономической реальности есть базис экономики знаний, создание которой является одной из целей развитой страны. Для многих развивающихся стран выходом служит трансферт технологий. Однако для его осуществления также требуется развитие своей научно-исследовательской базы, поскольку при адаптации трансферта его реципиент должен быть ровно настолько же технологически подготовлен, насколько и источник импорта. Это невозможно без развития эндогенной фундаментальной науки как источника экспертизы, нового знания и подготовки компетентных специалистов. Также при трансферте технологий существует скрытая

опасность попадания страны в зависимое положение, что может представлять стратегическую угрозу для ее суверенитета.

Однако географическое расположение, климат, исторические и социальные особенности большей части Центральной Евразии делают неэффективными или неконкурентоспособными в глобальном масштабе большинство технологических трансфертов, тогда как эндогенные научные исследования могли бы стать основой для развития уникальных технологий и инноваций. Любое собственное высокотехнологичное производство имеет значительный запас прибыли и незначительную в соотношении с конечной ценой стоимость транспортировки.

Исследования в области естествознания способны помочь сформировать фундаментальное ядро новых современных отраслей с целью промышленного и сельскохозяйственного развития, то есть экономики, и обогатить, углубить и расширить национальную моральную, социальную, культурную и политическую парадигму в постсоветских обществах. Одновременно институт академической мысли и исследований выступает внутренним процессором всей системы и поставщиком ценных и по-настоящему компетентных кадров для управления государственной и частной экономикой и обществом.

Инновация, благодаря которой для несведущего наблюдателя внедряются меняющие его жизнь технологические достижения, имеет в своей основе в первую очередь собственно технологию. Технология появляется как следствие усилий, предпринимаемых в прикладной науке, то есть инжиниринга. Однако последнее в своей основе есть результат развития фундаментальной науки, которое становится невозможным без определенного уровня культуры и которая движима любознательностью и чисто духовным стремлением к познанию сущего.

В современном мире эти два феномена — наука и культура — не только имеют непосредственное практическое применение, но и выкристаллизовались в важный источник глобального влияния и «мягкой силы». Данный довод призван придать дополнительный импульс необходимости концентрации усилий постсоветских научных кругов, общества и государства на организации и осуществлении исследований в вышеуказанных областях познания как базальтернативного в исторической перспективе успешного пути национального развития. В итоге это может привести к возникновению высокотехнологичной и уникальной экономики, основанной на «индустрии открытий», и обеспечить региону устойчивое развитие и международное влияние в эпоху неизбежных бурных и непредсказуемых глобальных перемен.

Современная концепция инновационной «тройной спирали»¹ гласит, что поступательное развитие общества осуществляется за счет ротационного взаимодействия трех (условно круглых) центров, накладывающихся друг на друга краями внутри спирали: госу-

¹ Ranga M., Etkowitz H. Triple Helix Systems: An Analytical Framework for Innovation Policy and Practice in the Knowledge Society. Stanford University, 2013. URL: https://triplehelix.stanford.edu/images/Triple_Helix_Systems.pdf

дарства, академии (институционализированных науки и культуры) и индустрии, создающих инновационную сердцевину развития. Она заставляет центры вращаться, обеспечивая поступательное развитие всей модели, страхуя от недоработок и дублируя функции других центров. Однако это идеальная модель. Во многих развитых странах, включая США, автономное функционирование таких центров развития обуславливает проблемы их сближения и на это направлена соответствующая индустриальная политика. Формирование этих центров происходило столетиями, они представляют собой сложную эволюционную общественную модель «индустрии открытий». Развивающимся странам трудно осуществить простое копирование данной эффективной модели вследствие неразвитости самих центров и отсутствия времени. В ЕАЭС государство может взять на себя роль локомотива в процессе развития остальных центров индустрии и исследований, чтобы заставить работать всю систему, даже смирившись во многом с неизбежными потенциальными рисками, обуславливающими снижение эффективности взаимодействия отдельных элементов при довлеющей ключевой роли государства.

К примеру, страны ЕАЭС способны приложить усилия на национальном уровне, чтобы осуществить исследования в области производства, передачи, хранения и использования энергии с учетом сверхпроводимости. Еще одна прорывная область связана с разработкой новых структур, способных революционизировать производительность солнечных элементов, батарей, топливных элементов, легких конструкционных материалов, холодильного оборудования, очистки воды и тому подобного во избежание провала в нынешней промышленной гонке за небольшими транзисторами. В глобальном масштабе такие новые «волшебные» технологии не получают развития из-за отсутствия соответствующих элементов, которые в избытке имеются в наших недрах. Тем временем мировая индустрия продолжает чрезмерные инвестиции в классические технологии. Это открывает перед ЕАЭС глобальные возможности.

Начало научно-исследовательских изысканий на новом витке исторического развития не только подразумевает вовлечение ведущих мировых ученых естествознания и инженеров, но и требует развития отечественной культуры в ее многообразии, равно как развития социальных и экономических наук для укрепления собственной философской базы, академической культуры и знания. Однако для достижения недекларатив-

ного успеха странам ЕАЭС необходимы реформа и эволюция подходов как к организации столь чувствительной отрасли, так и к поиску ценных профессионалов — организаторов взаимодействия науки и индустрии. Разработка и реализация успешной общеевразийской и глобальной индустриальной политики — задача сама по себе инновационная, как показывает новейшая промышленная история. Но, собственно говоря, именно наличие институционально укоренившихся науки и культуры напрямую свидетельствует о степени развитости и цивилизованности общества, его готовности совершить рывок в развитии.

Прогресс науки и исследований — необходимое условие глобального развития. По размеру отчислений (в процентах) на фундаментальную науку и НИОКР можно достоверно судить о степени развитости той или иной страны. Сегодня в развитой стране расходы на НИОКР составляют примерно 2,4 % ВВП в год (в том числе около трети средств — прямое финансирование государством фундаментальной науки), согласно среднестатистическим данным по странам ОЭСР. Среди трех стран — основательниц ЕАЭС в России на НИОКР выделяется около 1,1 % ВВП, в Беларуси — 0,67 %, в Казахстане — 0,17 %, чего явно недостаточно. Для примера: СССР в 1980 году преодолел заоблачную ныне планку 5 % ВВП.

Нет более выгодных инвестиций для любой нации, чем расходы на развитие науки и культуры. Объединение возможностей ресурсной базы Центральной Евразии с мировыми исследованиями и развитие собственной научно-исследовательской парадигмы вкупе с совершенствованием научного потенциала СССР способны внести значимый вклад в глобальное развитие и упрочить положение нового союза на мировой арене. Для ЕАЭС нет более стратегически важного направления, чем развитие исследований, что вполне осуществимо. И начинать следует с оживления и воссоздания должной научно-исследовательской и экспериментальной инфраструктуры и привлечения соответствующих кадров. Ежегодные ассигнования в размере до 2 % от общего ВВП стали бы стратегическими инвестициями в будущее страны и позволили бы Евразийскому экономическому союзу занять свое место в будущем мировом укладе. Однако следует помнить, что без укрепления социальной политики и развития культуры, образования и здравоохранения как важнейших факторов формирования общественной среды другие усилия и ассигнования не в состоянии принести значимого результата.

В. А. Лекторский¹**НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ И СУПЕРОПРЕДЕЛЕННОСТЬ**

Невозможно жить, если не имеешь знаний о том, что последует за тем или иным действием. Эти знания приобретаются уже в первые дни и месяцы после появления на свет, а затем пополняются в течение всей жизни. Известно, что по земле можно ходить, а по воде — невозможно; чтобы успеть на отходящий автобус, нужно ускорить шаг, а возможно, побежать. Каждый из нас знает, что на одного человека можно рассчитывать в сложных ситуациях, а на другого — нельзя. Если я хорошо знаю кого-то, то могу примерно предугадать его реакцию на мое обращение к нему (хотя не могу точно предсказать его поведение).

Элементарное восприятие окружающего мира возможно только в том случае, если в каждый момент времени в процесс извлечения чувственной информации из мира включены память о предшествующем моменте (а также память о перцептивной схеме обследования ситуации) и вместе с тем — предвосхищение ближайшего будущего. Мир, который постоянно менялся бы во всех своих характеристиках, непригоден для обитания в нем живых существ.

Но ситуации неопределенности и непредсказуемости во все времена сопровождали жизнь человека, подвергая опасности его существование: это и природные стихии (неурожаи, землетрясения, извержения вулканов, наводнения и т. д.), и социальные конфликты (войны, восстания и т. д.). Всегда существовала опасность неожиданной смерти. Развитие науки и основанных на ней технологий помогло справиться со многими природными угрозами и предсказать течение ряда сложных процессов: движение искусственных спутников, траектории полета ракет, термоядерные реакции и др. Совсем недавно можно было думать (и так думали многие), что научно-технологическая цивилизация

сможет полностью взять под контроль природные стихии, что человек станет своеобразным хозяином природы, с помощью разума сможет отвести от себя риски, связанные с действием природных сил, и преобразовать природу в своих интересах. Такое представление лежало, в частности, в основе идеи В. И. Вернадского о будущей ноосферной цивилизации. Другие мыслители считали, что с помощью наук об обществе и человеке можно будет сформировать разумное общество, которое сделает поведение людей предсказуемым и прозрачным. К. Маркс был уверен, что это можно осуществить с помощью созданной им теории социального развития. Классик американской психологии Б. Скиннер выдвигал идею о создании рационального общества на основе программирования человеческого поведения.

Жизнь не подтвердила эти ожидания. Сегодня утвердилось представление о том, что природа и общество должны быть поняты как совокупность сложноорганизованных и саморазвивающихся систем, особенность которых состоит в том, что многие происходящие в них процессы неопределенны и потому непредсказуемы, особенно в точках перехода от одной такой системы к другой (так называемых точках бифуркации). Поэтому возможности воздействия на процессы, происходящие в таких системах, имеют важные ограничения.

Но это касается любой социальной системы как в прошлом, так и в настоящем. Вместе с тем ясно, что есть нечто такое, что отличает современную социальную жизнь от того, что имело место в недавнем прошлом. Хотя неопределенность, непредсказуемость и связанные с ней риски всегда сопровождали жизнь человека, в течение тысячелетий и веков этой жизни были свойственны некие стабильные ритмы. Судьба родителей в значительной мере определяла будущее детей и внуков (а в сословном обществе вообще невозможно было выйти за пределы ранее проложенной социальной колен). Всем было известно, что хорошо и что плохо, что нужно делать, к чему следует стремиться, как оценивать поведение свое и других.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Развитые страны, а за ними и весь мир вступили в стадию, которую иногда называют «постмодернити», а иной раз — «жидким модернити». Имеется в виду, что социальные структуры все быстрее начинают изменяться, становятся все более эфемерными и текучими. Колоссально усложняется поток коммуникаций, при этом нередко человек получает такого рода информацию, которая внутренне противоречива. «Постмодернити» совпадает с тем, что было названо информационным обществом, а потом обществом знания. Оказывается, что умножение знаний, в частности и прежде всего научных и технологических, не облегчило жизнь человека, а, напротив, создало много новых проблем. Идея покорения природы обернулась экологическим кризисом. Использование современных информационно-коммуникационных технологий не толь-

¹ Академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, научный руководитель философского факультета, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Наука глазами гуманитария» (в соавт.), «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии «Философия России второй половины XX в.». Главный редактор журнала «Философия науки и техники», председатель международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы».

ко предоставило возможность получения информации из разных источников, но и породило огромный поток дезинформации. При этом, в отличие от того, что было в недавнем прошлом, сегодня во многих случаях трудно отличить информацию от дезинформации. Не так давно был придуман термин «постправда». Имеется в виду возможность широкого распространения через средства массовой информации, телевидение и социальные сети таких сообщений, в которых крупницы правды включены в массу сознательной лжи. В мире идут так называемые информационные (на самом деле дезинформационные) войны, нередко определяющие политические и социальные действия и порождающие события, от которых зависит жизнь людей. Сегодня человек все больше времени проводит в виртуальной реальности (Интернете, сотовом телефоне), которая во многих случаях не помогает разобраться в настоящей реальности, а отгораживает человека от нее. Современная техноструктура увеличивает риск техногенных катастроф (аварий на атомных станциях, выхода из строя компьютерной системы, обслуживающей население крупного города, и др.), которые по своим масштабам несопоставимы с техническим сбоями, имевшими место в недавнем прошлом. Одним словом, развитие науки и основанных на ней технологий породило цивилизацию, в которой неопределенность, непредсказуемость и риск являются важнейшими факторами.

Человеку и в прошлом нередко приходилось действовать в ситуации неопределенности, когда нужно было принимать решение, а имеющихся знаний было недостаточно для того, чтобы уверенно предугадать результат действия. Знаний могло не хватать и по причине принципиальной невозможности получить заранее все знания, необходимые для успеха (такие ситуации бывают), и вследствие того, что в некоторых случаях нет времени для получения всех нужных знаний, а действовать приходится быстро (так называемое явление «ограниченной рациональности»). В таких случаях важную роль играют вера субъекта в успешность его действий, его убежденность в том, что он делает все необходимое. И нередко такие действия приводят к желаемому результату. Это объясняется тем, что в социальной жизни само убеждение субъекта становится реальным фактором, включенным в ситуацию, и «доопределяет» существовавшую до этого неопределенность. Это важнейший феномен социальной жизни, который Поппер проанализировал и назвал эффектом Эдипа.

Но сегодня социальная неопределенность предстает гораздо более драматично. Я уже говорил о колоссально возросшей неопределенности социальных процессов и структур в условиях информационной цивилизации (она же «жидкая модернити»). К этому нужно добавить тот важнейший факт, что современный человек все более утрачивает представления о том, кем он является, каковы нормы и правила жизни, что хорошо и что плохо. В потоках информации-дезинформации, в условиях эфемерности социальных структур и процессов, в глобальном мире взаимодействия и борьбы разных культурных смыслов раство-

ряются незыблемые до этого представления о человеческой идентичности. Появляются люди (и их становится все больше) с размытой идентичностью, полиидентичностью. Тема кризиса идентичности стала сегодня одной из наиболее обсуждаемых философами, психологами, социологами. Человек с твердыми убеждениями, уверенный в себе и своих ценностях, мог успешно действовать в ситуациях неопределенности. Его собственная определенность могла «доопределять» внешнюю по отношению к нему неопределенность. Но человек с нарушенной идентичностью, будучи сам неопределенным, не может противостоять внешней неопределенности. В результате социальная неопределенность, непредсказуемость, риск многократно возрастают.

В таких условиях возможно разное поведение. Можно ориентировать людей на небоязнь риска и умение принимать нестандартные решения в неожиданных ситуациях. Можно культивировать авантюризм, готовность броситься очертя голову в омут непредсказуемостей, чреватых смертельным исходом (такие люди сегодня тоже есть). Можно принять совсем другую позицию: попытаться придать себе определенность, «спрятавшись за спиной» некоей системы незыблемых ценностей и фанатических верований. В частности, это путь исламских фундаменталистов, в том числе международных террористов.

Но сегодня все более популярной становится и другая идея — что природную, социальную и человеческую неопределенность можно взять под контроль (и даже превратить в определенность) с помощью современных НБИКС-технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных).

Генетика и геновая инженерия позволяют «редактировать» геновую систему человека. В недалеком будущем можно будет «заказывать» ребенка по собственному вкусу: более умного, эмоционального, сильнее, чем другие дети, с музыкальными способностями и т. д. Возникло целое движение (в него входят многие ученые), ставящее целью «улучшение человека» («human enhancement»). Некоторые идут еще дальше, полагая, что нужно начать проектирование «постчеловеческого» существа, которое должно прийти на смену ныне живущему человеку. Этот «постчеловек» не только будет лишен ряда человеческих недостатков, но и в принципе может стать бессмертным. Ведь избавление от смерти — тысячелетняя мечта человека. Идеи «постчеловека» и «иммортализма» (бессмертия) исходят из того, что сегодня человек обретает возможность свободно экспериментировать со своим телом, мозгом и психикой, может пересоздавать и создавать себя и даже продлевать свою жизнь до бесконечности.

В связи с идеей проектирования человека высказывается и идея сознательного управления эволюцией. До сих пор эволюционный процесс шел стихийно. При этом речь идет не только о биологической и социальной эволюции, но и об эволюции всей природы, начиная с появления атомов, а затем первых молекул (так называемая концепция «глобального эволюционизма»), которую разрабатывали многие ученые,

в частности академик Н. Н. Моисеев). Сегодня в некоторых кругах популярна идея о том, что человек с помощью современных технологий, опирающихся на научные разработки, может создавать такие образования, которые природа в силу определенных причин до сих пор не могла сотворить. Это называется «выходом за пределы природных ограничений». Речь идет не о выходе за рамки законов природы (это невозможно), а о том, чтобы, опираясь на эти законы, человек стал некой космической силой, своеобразным космическим демиургом. Это возвращает нас к знаменитому лозунгу И. В. Мичурина (который был созвучен пафосу социалистического преобразования в нашей стране): «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача». Считается, что искусственное может пересоздать или даже заменить все естественно данное. Природа будет искусственно воссоздана по определенной программе.

В обществе неопределенности можно извне управлять поведением человека в рискованных ситуациях, когда сам он не в состоянии принять правильное решение. Для этого достаточно подавать сигналы на его гаджет. В обществе риска большинство людей могут согласиться на такой контроль и управление извне. Между тем особый вопрос — в чьих интересах будет осуществляться такое управление. Это может быть и сила, преследующая собственные интересы.

Разделение личного и публичного пространства все более размывается. Сотовый телефон, который сегодня уже стал неотъемлемой частью жизни человека, не дает возможности уединиться: все равно будут постоянно звонить и слать электронные письма, на которые нужно отвечать. Даже если на время отключить мобильный телефон, запросы будут продолжаться, и рано или поздно нужно будет на них реагировать.

Другая идея — «умный дом», или «Интернет вещей». В предполагаемом в недалеком будущем доме сами вещи будут информировать хозяина о том, что он должен сделать: купить определенные продукты и положить их в холодильник, вызвать врача, так как его организм нуждается в лечении, и пр. А еще лучше, если эти «умные вещи» сами закажут необходимые для холодильника продукты и вызовут врача, не поставив вас в известность об этом, так как они лучше знают, что именно необходимо. Вы будете не хозяином, а исполнителем команд «умных» вещей. О какой автономии человека в таком случае можно говорить?

В этих случаях человек и внешний мир приобретают новую определенность, так как стихийно возникающие естественные процессы с этой точки зрения можно вытеснить искусственными процессами, а человека превратить в некую сумму технологий, существо, управляемое его собственными технологическими устройствами и извне — внешними ему силами.

Однако эта идея в действительности неосуществима. И это к счастью, ибо ее осуществление означало бы конец человека.

Дело в том, что человек не может превратиться в сумму технологий. Сегодня ясно, что даже для природных явлений мы не всегда можем предсказывать ход некоторых процессов и результаты нашего воздействия на них, например когда мы имеем дело со сложноорганизованными системами. Особенно это относится к социальным процессам. Самое интересное — что появление и развитие тех явлений в нашей жизни, которые мы ценим особенно высоко, так как они связаны с высшими человеческими смыслами и ценностями, не запрограммировано. Поэтому эти явления (любовь, коммуникация, диалог, творчество, нравственный поступок) нельзя контролировать извне и управлять ими. Нет и не может быть «технологии любви». Важно прилагать усилия для ее сохранения, но сама любовь — это не действия по правилам и в рамках заданной программы. Тем более таковыми не являются поступки, совершаемые во имя любви, — они могут быть совершенно безрассудными. Можно создавать условия для плодотворного диалога. Но его ценность в том и состоит, что результат заранее неизвестен и может оказаться неожиданным для каждого из участников. Невозможно управлять процессом творчества. Можно создавать для него благоприятные условия — социальные и межличностные (ряд этих условий выявлен в исследованиях по социологии знания и психологии творчества). Но само творчество — это открытие того, что заранее неизвестно. Мечта многих философов об открытии «логики творчества» оказалась в принципе неосуществимой (использование так называемых «эвристик» не предопределяет творческий процесс). Нет и не может быть технологии совершения нравственного поступка.

Если бы человек обрел бессмертие и превратился в «постчеловека», потеряли бы смысл такие фундаментальные ценности, как мужество, самоотверженность, любовь, так как они связаны с поступками, которые предполагают возможность гибели. Если утрачивает смысл смерть, то теряет смысл и жизнь.

Итак, человек сегодня оказывается между двумя полюсами. На одном из них — социальная и человеческая неопределенность, потеря идентичности, непредсказуемость, риск, страх гибели от внешних угроз. На другом — сверхопределенность мира и самого человека при потере им собственной автономии и, значит, самого себя. И в том и в другом случае это означает смерть человека.

Между тем, попав в новый мир информационных, нано- и биотехнологий, человек обязан сохранить субъективный мир и свою автономию. Это значит уметь брать под контроль рискованные ситуации (в том числе с помощью современных технологий) в той мере, в какой это возможно, и вместе с тем быть готовым к поиску нестандартных решений там, где риска избежать невозможно. Это значит также, что нужно сохранить те ценности, которые делают человека человеком, и вместе с тем быть не рабом, а хозяином любых технологий.

А. Г. Лисицын-Светланов¹**КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РАЗВИТИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Для позиционирования права в системе общественных ценностей возможно использование следующего определения: «Право есть отражение существующих философских воззрений, морально-нравственных устоев и культурных традиций общества». При безусловной самостоятельности приведенных категорий, с одной стороны, и их органичного взаимодействия — с другой, право обладает двумя особенностями. Во-первых, в отличие от философских воззрений, морально-нравственных устоев и культурных традиций право возникает как продукт государственной воли и придает воззрениям, устоям и традициям различную степень императивности. Во-вторых, указанные категории могут распространяться по миру свободно или навязываться насильственно, то есть существовать вне государственной воли, в то время как право изначально возникает в пределах конкретной суверенной власти и определенной территории и легитимно распространяется по миру исключительно посредством согласования воли суверенов, формируя международное право.

Возникнув как отражение существующих воззрений, устоев и традиций, право приобретает четкие формы и начинает действовать не только через правоуполномоченных людей, но и через систему государственного и международного правоприменения. Формирование и действие права дает импульс обратному процессу — воздействию самого права на воззрения, устои и традиции общества.

Все эти взаимосвязанные процессы формируют философию права и правовую культуру.

Взаимодействие права и культуры представляет собой динамичный процесс. Исторический опыт каждого государства демонстрирует циклы развития фундаментальных институтов права и культурных традиций во всех их проявлениях. Относительным исключением из этого правила стало иудейское право — Галаха. В настоящее время обращение к ее нормам или отказ их применения практикуется как израильскими, так

и иностранными судами. Разрешение многих конфликтов основано на применении древних иудейских норм, получающих современное прочтение с помощью аналогии, обобщения и других методов².

Кардинально иная роль отведена в наши дни римскому праву. Утратив роль источника права, оно, как отмечает чешский юрист Милан Бартошек, трансформировалось в элемент философии частного права и рассматривается в качестве методологии построения кодифицированного законодательства. Примером такой трансформации может служить французский опыт³.

Тенденции развития права в любом государстве зависят от многих факторов. Это разнообразные исторические события — революции, войны, образование или распад союзов государств, а также природные и техногенные явления. Помимо этих факторов большое значение для развития права имеет объективное взаимодействие правовых систем, выступающее как непременное условие успеха разнообразных международных связей. Наконец, это результат определенных социальных трансформаций, связанных с развитием политических и экономических идей или религиозных убеждений.

Перечень приведенных факторов можно расширить или сократить, однако при этом вряд ли удастся создать универсальную матрицу, на основе которой можно было бы прогнозировать или конструировать модели правовой системы государства. Обоснованность такого заключения подтверждается многовековым опытом развития права в разных частях мира.

Правовые системы государств, относящихся к единой культурно-цивилизационной общности, имеют не только сходные черты, но и существенные различия. Результаты усилий по достижению единообразного регулирования весьма относительны. Не очень успешной оказалась даже такая форма создания единого правового регулирования, как рецепция частного права. Так, Гражданский кодекс Наполеона был воспринят Бельгией, швейцарский Закон об обязательствах был реципирован Турцией, однако практика применения этих нормативных актов в каждой из стран имеет свои особенности⁴.

В сфере публичного права примечателен исторический опыт Японии. После Второй мировой войны конституция этой страны создавалась под влиянием США, но было бы преувеличением утверждать, что именно американские идеи, заложенные в Основном законе Японии, доминировали при последующем формировании отраслевого законодательства и развитии правоприменительной практики.

² Каневский А. А. Место Галахи (иудейского права) в национальных правовых системах. М., 2016. С. 18–40.

³ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 8–9.

⁴ Лисицын-Светланов А. Г. Взаимодействие национальных правовых систем международного частного права // Современное международное частное право в России и Евросоюзе. М., 2013. Кн. 1. С. 71.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор 120 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Международный гражданский процесс: современные тенденции»; статей «Применение закона РФ “О культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории РФ”: судебная перспектива», «Современные тенденции развития законодательства об интеллектуальной собственности», «Развитие российского и международного права в аспекте его влияния на обеспечение национальных интересов Российской Федерации», «Личность и уважение к закону: проблемы и новые реалии», «Роль права в диалоге культур», «Современное международное частное право в регулировании международного оборота», «Взаимодействие национальных систем международного частного права», «Национальное право в условиях глобализации», «Белые пятна в современном международном праве» и др. Член редакционных советов журналов «Государство и право» и «Труды Института государства и права». Член бюро ООН РАН, Научно-консультативного совета Комитета по науке и образованию Совета Федерации Федерального собрания РФ, Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия), преподобного Сергия Радонежского (РПЦ).

Не менее интересен и отечественный опыт реформирования частного права. В начале 1990-х годов при создании нового Гражданского кодекса, приемлемого для регулирования в условиях рыночной экономики, российский законодатель использовал голландские источники, в частности новый кодекс Нидерландов. Это касалось вопросов структуры Кодекса, некоторых дефиниций и терминов. Однако было бы ошибкой считать Гражданский кодекс РФ копией голландского кодекса. Более того, принятые затем дополнения и поправки к российскому Гражданскому кодексу основывались уже не на голландском, а на российском опыте судебной практики.

Что же оказывает влияние на «отклонение» от выбранной законодателем иностранной модели правового регулирования и формирование собственного толкования заимствованных правовых норм? Среди совокупности факторов следует выделить национально-культурные особенности, присущие населению каждой страны. «Культура, — отмечал академик Д. С. Лихачев, — понятие сложное, многослойное. Культура пронизывает все стороны жизни страны: это и поведение на улице, и система хранения и изучения культурных ценностей, и отношение к наукам, особенно фундаментальным, и уровень телевизионных передач, и, конечно, литература и искусство»¹. Перечень этих сторон жизни можно продолжить, включив в него и право, и складывающиеся в обществе правоотношения. Было бы наивно искать простого гражданина или облеченного властью лица, которые были бы свободны от тех культурных традиций, в которых они выросли. Более того, само право любой страны содержит особые институты, называемые «публичный порядок» и «основы морали и нравственности», понимаемые каждым государством индивидуально. Многообразие жизненных ситуаций, с которыми сталкивается судебная практика, породило во всех правовых системах новый институт «судейское усмотрение». Суть этого института заключается в том, что за судом, точнее, за судьей закрепляется право и обязанность выносить решения, в основе которых лежат его личные представления, личные ценности, сформированные в той национально-культурной среде, частью которой он является.

Ярким примером влияния культурных традиций на право в России и за рубежом является современная ситуация с корпоративным правом. Одной из основных целей регулирования корпоративных отношений является определение организационно-правовых форм предприятия и регулирования отношений между его участниками. Это своего рода кодекс поведения предпринимателей в определенном деловом сообществе. Казалось бы, в условиях интернационализации хозяйственных связей правила поведения предпринимателей должны быть унифицированными или максимально схожими. И действительно, юридическое сообщество работает в этом направлении. Появились соответствующие научные специальности, проводятся междуна-

родные конференции на корпоративную тематику, однако до достижения даже не универсальной, а хотя бы региональной гармонии еще далеко. Российское право в ходе реформы 1990-х годов не восприняло в полной мере ни одну из моделей стран Западной Европы.

Не менее интересная ситуация сложилась и в Европейском союзе. Логично было бы полагать, что построение единого сообщества целесообразно начинать с общего представления о статусе субъектов предпринимательской деятельности и правилах их поведения. Однако по прошествии многих лет ЕС так и не выработал единого корпоративного права. Не последнюю роль в этом играет фактор культуры предпринимательства, отличающий предпринимателя Гамбурга от предпринимателя Милана или Марселя.

Не стала результативной и интеграция в других сферах жизни. Несмотря на то, что национальная культура пронизывает все области бытия, а международное сотрудничество способствует взаимному проникновению национальных культур и правовых институтов, интеграция в области прав человека, в государственном строительстве, а также в правовых основах политической системы государства также далека от завершения.

В современном мире одной из наиболее острых проблем стало обеспечение прав человека. Эта проблема связана не только с политическими и социальными правами, но и с вопросами, лежащими в сфере религиозно-культурных ценностей. Невосприятие исламским миром, живущим в собственном цивилизационном коде, образа жизни западной цивилизации стало поводом для силового навязывания исламскому миру западных ценностей, западного понимания прав человека как единственно допустимых. Отклонение от этих стандартов в ряде случаев объявляется грубейшим нарушением норм международного права, допускающим применение несанкционированных мер.

Международная практика в ее исторической ретроспективе богата и другими — позитивными — примерами. Показательным представляется опыт взаимодействия иных цивилизационных систем. В этом плане наибольший интерес представляют Китай и Япония.

Китай, будучи на протяжении нескольких тысячелетий системообразующей цивилизацией, в 1949 году встал на рельсы коммунистической идеологии, оказавшей огромное влияние на культуру этой страны. Сначала правовая и культурная политика Китая ориентировалась на опыт СССР, однако в дальнейшем культурная революция по сути прервала правовое развитие страны. Тем не менее, в 1978 году начался поэтапный переход к политике реформ и построению социалистического правового государства с учетом китайских культурных традиций².

Япония с началом реставрации Мэйдзи (1868 г.) отказалась от политики абсолютного изоляционизма, начала позитивно относиться и даже воспринимать иностранную культуру, взаимодействовать с иностранными

¹ Лихачев Д. С. Великая культура примирительна по своей сути // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб. : СПбГУП, 2015. С. 23.

² Ли Цзинцзе. Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо» // Международные научные Лихачевские чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015). СПб. : СПбГУП, 2015. С. 143–148 ; Троцкий П. В. Правовая система Китая. М., 2016. С. 14–15.

ми правовыми системами¹. Принцип разумного консерватизма, ассоциирующийся с японскими традициями, сохранялся все последующие периоды вплоть до наших дней, однако при этом, как отмечают исследователи, четко прослеживается ориентация на западные правовые модели. Анализируя оценки японских юристов, характеризующих процесс формирования японской модели права, профессор В. Н. Еремин солидаризируется с их точкой зрения: «Право является культурным продуктом исторического общества, и оно соответствует каждому из таких обществ»².

Сохранение традиционности японской культуры и правовое регулирование допустимого и недопустимого в искусстве можно проиллюстрировать на примере отношения к эротике. В Японии с 1907 года по настоящее время действует ст. 175 Уголовного кодекса, установившая запрет на производство и продажу любой порнографической продукции. Однако все вопросы, связанные с киноиндустрией, регулируют добровольные организации, самостоятельно решающие вопрос о разрешении или запрете показа определенных фильмов. Да и сами представления японцев о том, что является эротикой, а что порнографией, существенно отличаются от бытующих в той же Европе. Цивилизационные отличия Японии объясняются как многовековой изоляцией страны от остального мира, так и особенностями национального менталитета, сформировавшимися у японцев как мононации еще в древние времена под влиянием религиозных представлений, этнопсихологии и культурных традиций³. Эти особенности, связанные с поведением, самовыражением и внешним обликом, являются частью уникального культурного кода нации.

Внешность индивида традиционно является отражением национальных, религиозных, культурных традиций народа или этноса. Более того, внешний облик всегда сообщал о социальном статусе индивида. Эти обстоятельства оценивались правом как публично значимые и получали соответствующее закрепление в праве. Сегодня, когда во главу угла ставится свобода выбора человеком образа жизни, личная свобода, неприкосновенность частной жизни и тому подобное, возникают вопросы: как все эти права реализуются или могут реализоваться в повседневной жизни, как внешний облик индивида согласуется с национальными традициями нации с формой выражения ее национального кода⁴.

В условиях глобализации эта, казалось бы, обеспеченная правом сторона бытия обнаружила признаки кризиса. Изменения в этнической, национальной и культурной идентичности населения способны поставить вопрос об изменении национального законода-

тельства. Мир стал свидетелем того, как миграционные волны, накрывшие Западную и Центральную Европу, не только разрушают моральные устои толерантности, но и побуждают к принятию нормативного регулирования, предусматривающего дифференцированный подход к людям, образующим миграционные потоки.

Конфликтность, возникшая в европейском обществе из-за потока мигрантов, обусловлена не столько экономическими проблемами, сколько неготовностью местного населения принять представителей иной культуры с непривычным поведением. Практика показывает, что как организационные меры по возможной ассимиляции беженцев, так и правовые инструменты воздействия не являются достаточными для нормализации ситуации. Любая правовая система всегда проходит испытание правоприменением, где главная роль принадлежит человеку — носителю национальной, всегда самобытной культуры.

Приходится констатировать, что правовыми методами нельзя изменить национальную ментальность, основанную на религиозных и культурных ценностях. Возможно, в сложившейся ситуации центр тяжести в правовом регулировании должен находиться не столько в сфере социального обеспечения мигрантов с целью их адаптации и регулирования предоставления и утраты гражданства, сколько в определении допустимости миграции как таковой. Правовой базой для решения этих вопросов должна служить концепция прав мигрантов как предоставляемой привилегии, а не как естественного права.

Национальный культурный код объективно ограничивает возможность формирования международного права, но одновременно играет роль необходимого баланса в процессе согласования воли государств как основы международного права. Учет фундаментальных культурных ценностей каждой нации при всем их многообразии есть условие существования многополярного мира. Игнорирование этих ценностей порождает попытки претендентов на мировое господство или безусловное лидерство установить экономический, политический и военный диктат.

Отдавая должное действующим принципам взаимодействия национальной культуры и права, а также сложившемуся международному праву, необходимо видеть принципиально новые вызовы, обусловленные тем, что человечество расширило границы своего существования, вступив в киберпространство, где формируется своя культура. Эта культура, возможно, породит и новую философию права, и новые механизмы правового регулирования, изначально основанные уже не на национальных, а на наднациональных принципах.

¹ Еремин В. Н. Традиция в политике и праве Японии: взгляд из России // Япония-2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000. С. 39–55.

² Там же. С. 52.

³ Катасонова Е. Л. Заметки о японском кино: все оттенки розового // Японские исследования. 2016. № 3. С. 57–70 (www.ifes-gas.ru/js).

⁴ Подробнее см.: Шебанова Н. А. Модное право. М., 2018. С. 5–77.

Г. Литтлджон¹

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ: СЕГМЕНТИРОВАННЫЙ ИНТЕРНЕТ?

Введение

Разработка и распространение смартфонов означают, что социальные сети и источники новостей со всего мира доступны почти везде, даже в странах с ограниченным электроснабжением. Восемь лет назад выяснилось, что скотокрадство в удаленных частях Кении координируется с помощью смартфонов. Оптимистические заявления о демократизации общества с помощью этой информационной революции столкнулись с реальностью, в которой угрозы законным политическим и экономическим интересам могут повлечь за собой ответы, включающие незаконные аресты, запугивания, избиения и убийства. Эти нарушения прав человека встречаются повсеместно, и количество прецедентов все возрастает, хотя может быть и так, что теперь мы просто больше осведомлены благодаря Интернету. В дополнение к этому машинный перевод с языка на язык с помощью компьютерной программы упростил общение и связь, но создал пространство для столкновений и конкуренции, таким образом обеспечив мотив для кибервойн.

Такие столкновения происходят не только между разными странами, но могут обостриться и внутри стран. Пример тому — США, где развитие Интернета привело к усилению «культурных войн» внутри страны. В настоящее время дошло до того, что крупные компании могут лишиться значительной части прибыли из-за того, что покупатели чувствуют себя оскорбленными из-за гражданской позиции этой компании и бойкотируют ее. Опросы общественного мнения показывают, что американское общество в настоящее время разобщено гораздо сильнее, чем в начале Гражданской войны 1861–1865 годов. (В настоящее время даже ведутся споры о названии того конфликта, и некоторые называют Гражданскую войну в США «Войной северной агрессии».) Американские правые все больше осуждают гражданский конфликт и подготовку к нему.

Основные американские СМИ по большей части не обращали внимания на такие культурные различия, по крайней мере, не воспринимали их всерьез, и это частично объясняет избрание президентом Трампа, который смог четко сформулировать основания для недовольства тех, кого американские СМИ и политический истеблишмент давно игнорируют или вытесняют. Одним из результатов стало существенное сокращение аудитории американского телевидения, поскольку люди ищут источники информации, которым, по их

мнению, можно доверять, в Интернете. Подобная тенденция лежит и в основе брексита (референдума о выходе Великобритании из ЕС). Средний возраст телеаудитории BBC в настоящее время составляет 72 года. Другими словами, отключаются не только молодые люди, но и большая часть всего населения, к тому же это явление имеет тенденцию к росту.

Изменения в культуре, связанные с Интернетом и смартфонами, не проявляются просто как «столкновение цивилизаций», и поэтому вопрос нельзя решить только с помощью международного диалога. Возможно, требуется более глубокое и комплексное понимание культурного влияния, которое иногда бывает спонтанным, а временами осуществляется с помощью различных манипуляций. Как утверждают, последнее в настоящее время проявляется в виде несанкционированного использования данных пользователей в социальных сетях типа Facebook и ложных требований или притязаний хакеров вместе с попытками пресечь утечку информации в интересах общества. Такие явления являются глобальными, хотя наибольшее внимание привлекают происходящие в наиболее технологически развитых странах.

Культурные преобразования в Анголе

Давая комментарии по Анголе, я должен признать, что в прошлом одновременно являлся активным членом Комитета по вопросам Мозамбика и Анголы (Британская организация по сплочению национального единства), а также выступал в роли свидетеля-эксперта в Великобритании при слушании дел, связанных с ходатайствами беженцев о предоставлении убежища, в которых участвовали ангольцы. Обычно я в таких случаях поддерживал тех, кто ходатайствовал о предоставлении убежища. Эта позиция кажется парадоксальной, но дело в том, что я в полной мере осознаю, какие нарушения прав человека могут иметь место во время гражданской войны. Такие войны сами по себе часто являются замаскированными формами дестабилизации со стороны зарубежных стран. Моя поддержка правительства Анголы, столкнувшегося с подобными стратегиями, не означает, что я не видел злоупотребления и надругательства с обеих сторон, поскольку люди ожесточаются в результате длительного конфликта. Хотя теперь, по прошествии 16 лет, психологические раны могли в некоторой степени затянуться, я прекрасно осознаю, что после гражданских конфликтов могло усилиться даже домашнее насилие. В этом смысле на ангольской культуре все еще остаются шрамы длительного травмирующего конфликта. Многие послевоенные проблемы так и не решены, например, еще есть районы, где находятся необезвреженные мины, а также не решен вопрос выплаты пенсий тем, кто служил в вооруженных силах.

¹ Экономист, социолог (Великобритания). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социология Советского Союза», «Кричман и аграрные марксисты» (в соавт.), «Эндре Шик и развитие советской африканистики» (в соавт.), «Кризис перестройки» и др. Член редакционных коллегий журналов «Economy and Society», «Review of African Political Economy», «Journal of Southern African Studies», «Não Vamos Esquecer». Участник международных научных конференций по проблемам экономики и социологии СССР, стран Восточной Европы и Африки.

Тем не менее, ясно, что ангольская культура развивается и меняется под влиянием Интернета. Ангола уже реализовала планы по связи столиц своих провинций с помощью оптоволоконного кабеля, проложенного вдоль побережья, в настоящее время идет более дорогостоящая операция по связи столиц провинций, расположенных в удалении от побережья (всего 18). К сожалению, возникли проблемы с запуском ангольского телекоммуникационного спутника (Angosat), и из-за этого пришлось отложить общенациональную интеграцию связи, но была завершена прокладка трансатлантического кабеля в Бразилию. Даже до этого бразильская культура, вероятно, служила основным источником иностранного влияния на культуру Анголы (в большей степени, чем, скажем, влияние других португалоговорящих африканских стран). По этой причине, если говорить о музыке, бразильская музыка в сочетании с элементами конголезской музыки очень важна для массовой культуры. Она включает формы рэпа, который, возможно, содержит элементы сатирических политических комментариев, хотя и частично завуалированных, чтобы избежать официального предъявления претензий. В дополнение к этому бразильские мыльные оперы собирают большую аудиторию, как и во всех португалоговорящих странах Африки.

Несмотря на «ресурсное проклятие» нефти, из-за которого наблюдается сосредоточение инвестиций в промышленности, на протяжении длительного времени обеспечивающей крупнейший источник доходов правительства, в настоящее время уже очевидно, что Ангола разрабатывает экономическую стратегию, которая охватывает и другие секторы промышленности. Развитию сельского хозяйства все еще мешает большое количество противопехотных мин в стране, которая не так давно входила в тройку стран мира, на территории которых осталось больше всего необезвреженных мин. Это сдерживает рост, потому что Ангола исторически была способна производить большое количество разнообразной продукции, произрастающей в тропическом и умеренном климате. Недавние политические перемены после ухода в отставку президента Жозе Эдуарду душ Сантуша предполагают, что теперь экономическая политика будет более четко сфокусирована на определенных направлениях, включая участие в инициативе «Один пояс — один путь». В результате происходят перемены в вопросах занятости в Анголе, и они дают основание полагать, что основные преобразования в культуре будут наблюдаться в среде очень бедного, по большей части городского населения по мере повышения уровня жизни. А это, в свою очередь, вызовет и изменения в социальной и экономической структуре.

Беспокойные времена

Одно из основных направлений, где происходят столкновения в мировой культуре, — это конфликт между глобалистами и националистами. Он возник из-за растущего сопротивления явной глобальной гомогенизации культуры при гегемонии американских СМИ. В то время как глобалисты приветствуют такое

развитие событий, националисты утверждают, что здоровая мировая культура может вырасти только на основе жизнеспособных и полных энергии национальных и региональных культур. Националисты утверждают, что не плавильный котел, а скорее культурное разнообразие должно служить обогащению развивающегося глобального культурного пространства. Наряду с такими настроениями наблюдаются попытки сбросить и поддержать вымирающие языки, при этом принимается во внимание, что у некоторых языков почти не осталось носителей. Эти попытки, к сожалению, дают лишь очень небольшой эффект, потому что во всем мире около 6 тыс. языков, и только примерно 10 или 12 из них оказывают существенное влияние на мировую культуру. Из примерно тысячи языков, на которых говорят в Африке, только арабский, суахили, французский, португальский, африкаанс и английский имеют какое-либо серьезное влияние.

В Интернете признается, что количество говорящих на языке имеет значение для влияния некоторых языков, в «большую пятерку» входят мандаринский диалект китайского языка, хинди, арабский, английский и испанский. Тем не менее, другие языки продолжают оказывать гораздо большее влияние, и дело даже не в количестве говорящих на них: это происходит из-за вклада в науку, искусство, музыку и литературу. Важнейшим примером является русский, вклад которого составляет примерно 11 % всех научных публикаций, а русские искусство, музыка и литература имеют мировое значение. Я ожидаю, что такое положение дел будет сохраняться и впредь, потому что, несмотря на признанное снижение качества образования в последние годы, население России остается одним из самых образованных в мире. В любом случае другие страны, включая Великобританию и США, тоже в последние десятилетия переживают снижение качества образования.

В США самая дорогая система образования в мире, тем не менее, у них один из худших результатов в этом плане, по данным Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся и других опросов. Изменения в школьной программе по некоторым аспектам привели к «гонке уступок», снижению уровня образования и образовательных стандартов, несмотря на очень высокую заработную плату учителей. В Великобритании 30 лет постоянной политически мотивированной реорганизации не дали никакого видимого улучшения, как раз наоборот. Это частично нашло отражение в данных Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся, наблюдается отток школьных учителей из профессии, а школы сталкиваются с растущими финансовыми проблемами, причем доходит до того, что часто они не могут позволить себе основные учебные материалы. Так называемая «маркетинговая» университетов вместе со строго установленными руководством целями, которые не отражают истинную природу образования, привела к организационной нестабильности внутри системы. Это означает, что некоторые университеты ожидают закрытия, так как студенты переходят туда, где уровень образования выше. Этот процесс усу-

губляется внедрением системы кредитов на обучение, как в США, которая приведет к уже зарождающемуся кризису задолженностей по кредитам на обучение, которые люди не в силах погасить.

Тем не менее, в дополнение к ущербу, нанесенному глобалистами образованию, напряжение между глобалистами и националистами наблюдается также на политическом и культурном уровнях. Именно поэтому культурные различия внутри США и Великобритании в последнее время приводят к серьезным политическим последствиям. Глобалисты это отрицают, хотя и боролись с помощью кампаний в СМИ, но добились весьма скромных результатов, потому что основная часть населения больше не доверяет им и даже не смотрит телевизор. Такие явления сопровождаются упадком семейной жизни и катастрофическим демографическим спадом, что, безусловно, спровоцирует серьезные финансовые и экономические проблемы. В то время как правящие круги Китая и России осознают важность демографических вопросов, и каждая из стран пытается бороться со снижением рождаемости, пример России — чрезвычайная редкость в глобальном контексте, так как она добилась заметных, хотя и ограниченных успехов.

Рождаемость в России медленно, но неуклонно растет, все большее число молодых людей вступают в брак, и это представляет собой резкий контраст с происходящим в других обществах. Кажется, что это связано с растущим влиянием христианства в России, хотя у других этнических и религиозных меньшинств также наблюдается подъем рождаемости. К тому же дополнительным положительным фактором в России является то, что в настоящее время ВВП на душу населения гораздо выше, чем в 1999 году, а инфляция снизилась по мере того, как Россия справилась с негативными последствиями санкций путем проведения экономических реформ и увеличения производства продуктов питания. Также следует отметить, что в России происходит снижение динамики смертности от убийств, а профессор Владимир Попов (Российская экономическая школа, Москва) отмечал несколько лет назад, что это свидетельствует о росте легитимности правительства. В некоторых частях Великобритании, например, количество убийств возросло, наиболее это заметно в Лондоне.

Серьезный демографический спад, уже наблюдающийся в Японии, может считаться формой культурного самоубийства. Тем не менее, не только это глобальное явление вкупе с постоянными ошибками глобальной экономической политики доминирующего «Вашингтонского консенсуса» служит причиной для беспокойства. Есть и другие, из-за которых следует ожидать культурной и политической нестабильности в будущем. Тот факт, что гегемонии Запада бросается вызов изнутри, привел к интенсификации столкновений культур с конкурирующими идеологическими установками, что ведет к большей напряженности в рамках общественного политического пространства на Западе. Это также послужило причиной серии психологических операций (операциям в психологической войне), которые провели запад-

ные разведывательные службы в попытке избавиться от политического инакомыслия и отвлечь внимание населения этих стран от появляющейся и усиливающейся оппозиции и растущего противостояния. Важнейшей чертой попыток удержания легитимности существующего политического и экономического порядка является демонизация других стран. В большинстве стран НАТО эта демонизация сфокусирована на России, они вместе с сопроводительной пропагандой рисуют совершенно неадекватную картину, основанную на неверных представлениях. Одним из результатов этого является то, что политики могут принимать меры, подобные экономическим санкциям, которые не дают ожидаемого эффекта, хотя и наносят известный урон.

Некоторые из этих попыток применения карательных мер против России и других стран являются грубым нарушением международного права, в то время как декларируется «гуманитарная интервенция» на законных основаниях. Они создают серьезную опасность большой войны или крупного финансового кризиса, поскольку экономические связи нарушаются, причем тогда, когда у Запада имеется очень высокий государственный долг. В то время как России удалось снизить свой государственный долг после финансового кризиса 2007–2008 годов, Запад очень серьезно его увеличил, причем настолько, что теперь сталкивается с системной нестабильностью. Война может показаться привлекательной политическим лидерам и конспироструктурам на Западе как средство переложить ответственность за зарождающийся финансовый кризис. Последствия большой войны или экономического кризиса для культуры будут значительными, если не катастрофическими. По этой причине Вестфальская система международного права должна быть поддержана с помощью ООН и других институтов, несмотря на постоянные нарушения глобалистами.

Кибервойна и демократическая ответственность

Запад часто обвиняет в кибератаках Россию или Северную Корею, но западные СМИ игнорируют кибератаки, направленные против этих стран, к примеру, во время недавних президентских выборов в России. Несмотря на явную истерию в официальных кругах на Западе относительно кибератак, очевидно, что были приняты недостаточные меры для защиты жизненно важной инфраструктуры, такой как электростанции и больницы. Многие американские электростанции все еще управляются старыми компьютерами с системой Windows NT. Недавняя кибератака с использованием вредоносной хакерской программы — вымогателя выкупа, которую приписали негосударственным структурам, вызвала массовые нарушения в системе здравоохранения Великобритании и других крупных организациях. Это имеет место в основном из-за «организационной инертности» существующих рабочих практик. Как отметил американский специалист по компьютерной безопасности Брюс Шнейер, основной недостаток компьютерной безопасности организации — это человеческая самоуспокоенность и безразличие. Даже в социальных сетях люди (до недавнего

времени) были готовы обменять личную безопасность на легкость и удобство использования.

Тем временем правительства выстраивают огромную надзорную и наблюдательную инфраструктуру, чтобы вести мониторинг поведения и мнений своих граждан. Примером правительственного «склада данных» является относительно новый объект Агентства национальной безопасности (АНБ) в нескольких километрах к югу от Солт-Лейк-Сити в США. Наблюдение за другими странами уже давно ведется с крупных баз разведывательных подразделений войск связи, таких как Менвит-Хилл на севере Англии. Теперь к этому прибавились огромные частные базы данных для «микромаркетинга», проводимого политическими и коммерческими структурами с использованием данных социальных сетей. Как я отмечал на Лихачевских научных чтениях в прошлом году, эти техники мигрировали из разведывательных служб США на коммерческую арену примерно 20 лет назад. Их недавнее использование британской компанией Cambridge Analytica привлекло пристальное внимание СМИ в США и Великобритании из-за их предположительного влияния и на президентские выборы в США в 2016 году и на голосование по брекситу в Великобритании. Тем не менее, никто на Западе не задумался над тем, что эти техники, вероятно, гораздо сильнее повлияли на американские выборы, чем «вмешательство России».

В отношении России со стороны Запада прозвучали угрозы о принятии более серьезных мер, чем кибератаки на программные средства и информационные системы, в результате относительного провала экономических и других санкций. Я обратил внимание на недавнюю угрозу в британской прессе: предлагалось перерезать морской оптоволоконный кабель в Балтийском море, чтобы замедлить интернет-связь между Санкт-Петербургом и Западом. Это легко устроить, поскольку у США уже давно имеется специально предназначенная для таких целей подводная лодка под названием «Джимми Картер», которая может прикреплять оборудование к морским оптоволоконным кабелям для того, чтобы получить доступ к коммуникационному трафику. О существовании этой подводной лодки упоминалось в Сети примерно 10 лет назад, когда ее обвинили во временном нарушении интернет-связи на Ближнем Востоке, когда она, очевидно, случайно, перерезала такой кабель в Восточном Средиземноморье. Эта способность «подслушивать» огромные потоки данных через морские кабели является одной из причин, почему бывшие сотрудники американской разведки опровергли заявления о вмешательстве России в американские выборы. Например, Рэй Макговерн, бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ, один из основателей организации «Ветераны разведки за здравомыслие» (VIPS), постоянно критикует заявления о вмешательстве России. В дополнение к этому VIPS убедительно продемонстрировала, что предполагаемые утечки с серверов Национального комитета Демократической партии США фактически являлись передачей данных на устройство, которое было физически соединено с сервера-

ми Национального комитета Демократической партии. Интернет не был задействован: это доказано заявлением Wikileaks о том, что данные были переданы лично посреднику в Нью-Йорке.

Непрозрачность и туманность заявлений о кибератаках (поскольку электорат и политики обычно не имеют профессиональных знаний и навыков для их оценки) подразумевают проблему демократической ответственности. Таким образом гораздо легче демонизировать другие страны. Демократический контроль и надзор за такими действиями неизбежно ограничен, и проблема усложняется отсутствием соответствующего опыта у политиков. Этот вопрос очень четко прозвучал во время недавних слушаний в Сенате США, когда давал показания основатель и руководитель Facebook Марк Цукерберг. Вопросы, которые ему задавали, продемонстрировали большую наивность. В дополнение к этому очевидно, что расследования, начатые британским парламентом, очень серьезно ограничены невозможностью использовать Интернет для идентификации, оценки и анализа необходимых источников информации. Например, составители доклада Специального комитета Министерства иностранных дел Великобритании (2016 г.) по ниспровержению правительства Каддафи в Ливии не смогли использовать интернет-источники, и, таким образом, им не удалось идентифицировать роль США как «искусственного манипулятора» или «теневого лидера». Вместо этого президенту Франции Саркози была отведена ведущая публичная роль, а Великобритании — заметная вспомогательная роль. Тот факт, что «гуманитарный кризис» в Ливии, послуживший предлогом для военного вторжения, был организован США совместно с британской разведкой, не обнаружен. Сайт Wikileaks не был источником информации для этого Комитета.

Такие провалы — частично результат информационной перегрузки, но их также можно приписать фиаско в адаптации к быстрому культурным изменениям, которые вызваны Интернетом и смартфонами. Эта информация в любом случае может быть угрозой правительствам, и реакция, как было указано выше, будет яростной. Вот один пример. Убийство в 2015 году в Мозамбике юриста Жилия Кистака, специалиста по защите прав человека, было явной реакцией на простое предложение — попытку поспособствовать в урегулировании трудноразрешимых политических противоречий между правительством и оппозицией. За последние несколько недель избили еще одного юриста, специализирующегося на защите прав человека, ему сломали обе ноги. Так что неизменяющиеся авторитарные политические культуры могут яростно реагировать на протесты несогласных. Эти проблемы усугубляются легкостью доступа к информации, что является главным следствием информационной революции.

Великий солнечный минимум и переворот магнитных полюсов

Вынесение на обсуждение вопроса потенциального влияния природных явлений на человеческую культуру может показаться странным, но есть немало случаев,

когда они могут являться серьезными сдерживающими факторами для культурного развития и приводить к вынужденной смене направления для того, чтобы подстроиться под новые обстоятельства. Великий солнечный минимум происходит, грубо говоря, каждые 450 лет, а время, которое прошло после последнего, называется минимумом Маундера. Он ускорил Малый ледниковый период в Средние века, что в результате привело к существенному снижению уровня жизни. В то время как современные технологии могут на этот раз снизить его последствия для общества в Северном полушарии. В отношении сельского хозяйства это подразумевает, что народам, вероятно, стоит сконцентрироваться на разведении культур в стеклянных теплицах или помещениях, в полной мере используя электрическое освещение на природном газе или от других источников. Энергия ветра менее пригодна вдали от прибрежных районов.

Великий солнечный минимум (в отличие от обычного минимума солнечной активности в 11-летнем цикле солнечной активности) подразумевает еще большее снижение солнечной электрической активности, включая такие явления, как пятна, вспышки на Солнце и корональный выброс массы. У солнечной активности есть и другие промежуточные циклы, которые были недавно обнаружены и придали новое значение теории экономических циклов Кондратьева.

Усиливающиеся признаки смены магнитных полюсов Земли подразумевают гораздо большие проблемы для современной человеческой культуры. Северный магнитный полюс уже сместился на довольно приличное расстояние от географического Северного полюса и в настоящее время находится в районе Сибири. Южный магнитный полюс ушел из Антарктики. Похоже, что они достигнут экватора, и на какое-то время магнитосфера Земли, которая уже ослабевает, может вообще исчезнуть. Это означает, что хотя электриче-

ская активность Солнца в настоящее время ослабевает, сдвигаясь к великому минимуму, Земля станет более уязвимой для его электрической активности. Уязвимой будет не только электронное оборудование: отключения могут происходить и в системе электроснабжения. Будет нарушена связь в мире. Последствия могут оказаться гораздо внушительнее, чем геомагнитная буря 1859 года, известная как Вспышка Каррингтона. Тогда загорелись даже электрические телеграфные провода в США, а в Южной Америке вспыхнули катастрофические лесные пожары.

Другими словами, человечество стоит на пороге эпохи усиленной уязвимости, сопровождающейся электрическими явлениями, которые представляют опасность для Интернета и электроснабжения в широких масштабах с вероятными отрицательными последствиями для человеческой культуры и благополучия. Последствия приближающегося великого минимума включают возможное охлаждение планеты в течение следующих 20 лет, как предсказывали ученые, связанные с движением «Электрическая Вселенная». Недавние исследования этой группы ученых также установили связь солнечной электрической активности с сейсмической. Так что землетрясения тоже могут стать более частыми и сильными в новых обстоятельствах.

Вывод

Тот факт, что некоторые страны ощущают необходимость защищать свой Интернет и одновременно сохранять (насколько возможно) доступ к глобальному Интернету, создает нежелательную возможность — Интернет может все больше сегментироваться. Эта тенденция будет сохраняться, пока США пытаются контролировать регистрацию доменных имен и угрожать кибервойной другим странам, политика которых не соответствует их планам дальнейшего доминирования.

Р. Льюис¹

КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ — ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В XXI ВЕКЕ

Эта конференция проводится в то время, когда специалисты по межкультурному взаимодействию ведут активные дебаты о будущем человечества

¹ Основатель Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания), профессор. Автор нового подхода к проблемам анализа кросс-культурных коммуникаций. Более 40 лет работает в области прикладной и антропологической лингвистики. Основатель языковой школы Berlitz в Восточной Азии, Финляндии, Португалии, школы Linguagrama в Riversdown House. Автор большого количества книг на темы межкультурного взаимодействия, в т. ч.: “When Cultures Collide”, “Cross-Cultural Communication, a Visual Approach”, “The Cultural Imperative”, “Humour Across Frontiers”, “Finland: Cultural Lone Wolf”, “When Teams Collide”, “Fish Can’t See Water” и др. Автор первой в мире телевизионной серии уроков английского языка (1961). Советник по культуре Всемирного банка. Кавалер ордена Льва Финляндии. Удостоен премии за самую инновационную технологию Университета Дьюка (США), премии основателей Общества межкультурного образования, обучения и исследований (SIETAR).

в XXI веке. В эпоху развития глобализации встают вопросы о важности и влиянии культурных различий, которые, по всей вероятности, помешают продвижению по пути выработки общих законов, целей и способов поведения.

Сокращаются ли культурные различия в то время, когда торговля становится все более интернациональной, а Интернет распространяется повсеместно? Или основы культуры настолько различны и многообразны, что глобальной конвергенции идеалов никогда не произойдет? Продолжит ли усиливаться национализм, примеры которого мы видим в настоящее время? Будут ли гендерные факторы, важность которых возрастает, перевешивать национальные особенности? Будут ли перемещения границ и объединения стран происходить вдоль цивилизационных линий разлома, как предсказывал Самюэль Хантингтон, или национальные

черты и дальше будут доминировать? Завершилась ли история в 1989 году, как полагает Фрэнсис Фукуяма? И находятся ли под угрозой исчезновения из-за генной инженерии общие межкультурные черты, запрограммированные в нас эволюцией?

Когда в 1950-е годы позитивизм взял верх в общественных науках в американских университетах, культурное разнообразие описывалось как нечто «легко поддающееся влиянию», основанное на неточных знаниях, а позитивизм сам по себе — как связанный с культурой. В закрытом мире академического сообщества стало модно искать объяснения человеческого поведения на основании двух «надежных» теорий: генетического детерминизма и экономического детерминизма. 12 февраля 2001 года (по совпадению, в день рождения Дарвина) генетическому детерминизму был нанесен смертельный удар. Две группы исследователей опубликовали официальный отчет с данными о человеческом геноме, показав, что 99,9 % генов всех людей, несмотря на их видимое разнообразие, совпадают. Судя по этому открытию, все люди должны быть невероятно похожи, если генетический код определяет поведение. Но, конечно, мы далеко не одинаковы.

Изучение экономического детерминизма также показало его несостоятельность. И это ведет нас к третьей возможности — к **культурному детерминизму**. Лоуренс Харрисон и Самюэль Хантингтон в своей книге «Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют прогрессу человечества» (2001) повторяют заявления, сделанные Эдвардом Холлом, Гертом Хофстеде и мною в моей более ранней работе «Столкновение культур» (1996): *культура имеет наибольшее значение для экономического развития* (а не наоборот). Разве можно не учитывать развитие культуры, начавшееся в Древней Греции и Риме и происшедшее затем под влиянием христианской религии и европейской эпохи Возрождения? Можно ли легко остановить эту движущую силу, работающую 2000 лет? Непрерывно развивающиеся культуры в большой степени определяют жизнь современного человека в Китае, Индии, Франции, Испании, Японии и других местах. Культура передается целым рядом субъектов — родителями, сверстниками, социальными институтами — но *правительства* обоснованно заинтересованы в общих культурных ценностях для всех граждан, чтобы снизить возможность конфликтов на почве культуры или религии. Образовательные системы транслируют и усиливают национальную культуру; истории обучают «продуманно», часто она «модифицируется» ради консолидации общих ценностей и даже мифов. Такие персонажи, как Наполеон, Петр Великий, Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн и королева Елизавета I часто изображаются в благоприятном свете как часть культурного наследия.

Культура нации — это ее *программа или сценарий выживания* и, надо надеяться, успеха. Стоит отметить, что в настоящее время тенденция к росту национализма наиболее очевидна в странах или у народов, которые традиционно *стремились выжить* — в Польше, Венгрии, Чехии, Корее, Австрии, Каталонии и у курдов. Положение Польши и Кореи уязвимо, поскольку

они зажаты между сильными соседями; венгры, чехи и австрийцы оплакивают потерю территории; на Каталонию давит Мадрид, на курдов — Турция. Национализм или популизм также показывают зубы в англоговорящем мире. Брексит, не имеющий никакого политического и еще меньше — экономического смысла, — чисто культурное решение, отражающее островное положение страны, беспокойство и тревогу британцев, когда приходится иметь дело с «иностранцами». Культура американского рабочего класса с его растущим чувством неуверенности, утратой влияния и свободы выбора позволила Трампу пропагандировать национализм («Америка прежде всего»).

Становится понятно, что если либерализм был явно наследием Просвещения, то им же был и национализм, успешно и более надежно внедренный в мировую политику, чем идеологические системы, такие как коммунизм, капитализм и даже либерализм. Создание Европейского союза стало самой энергичной попыткой минимизации национализма. Хотя Европейский союз избавился от войн между своими участниками, сейчас он подвергается резкой критике в Нидерландах, Австрии, Польше, Венгрии и в других странах Восточной Европы, не говоря уже о проблемах Италии в еврозоне и, конечно, об ударе, нанесенном брекситом. Союз, который, как кажется, направлен на экономическую и политическую сплоченность и целостность, к середине столетия может перейти к борьбе за выживание, если народные партии продолжат усиливать свои позиции (даже в странах-основателях, таких как Франция и Германия!).

Движущие силы XXI века

Какие силы — культурные, цивилизационные или другие — с наибольшей вероятностью будут формировать контуры человеческой деятельности в XXI веке? Кажется, история указывает нам на то, что пики развития цивилизации наблюдались последовательно и системно в направлении с Востока на Запад. Происходил последовательный расцвет культур в Древнем Китае и Индии, отсюда он переместился на Средний Восток (в Месопотамию, Египет), в Грецию, Рим, страны Европейского Возрождения, Великобританию (в период империи), а затем в Америку XX века. Похоже, сейчас снова пришел черед Китая! В свете последних достижений экономического развития КНР это предположение уже не выглядит наивным.

Несмотря на достоинства глобализации, имеются доказательства, заставляющие предположить, что движущие силы, направляющие судьбу человечества, будут ограничены количественно (четыре, пять или шесть) и будут связаны с *размером* (населения, территории, объемом полезных ископаемых или численностью вооруженных сил). В XXI веке на сцену выйдет группа *больших актеров*, которые будут играть ведущие или доминирующие роли. Более мелкие страны, независимые или изолированные, уменьшат свое влияние или окажутся вместе с крупнейшими игроками (образуя возможный блок).

Двигателями силы и прогресса в нынешнем столетии должны быть Китай, Индия, Россия и Запад (Евро-

па плюс Северная Америка). Китай и Индия поднимаются благодаря нагиску своего многочисленного населения и древней культуре. Россия, если удержит свои поражающие разум территории, в достаточной мере будет обладать евразийской широтой видения и военной мощью для того, чтобы стать лидером. Хотя Запад, как кажется, находится в упадке, его нельзя недооценивать. Это происходит из-за его веры в превосходство моноактивности.

Три типа культур

Модель Льюиса (параметры поведения) — это предложение разделить мировые культуры на три типа, а именно: моноактивные, полиактивные и реактивные.

Моноактивные люди (например, немцы) ориентированы на выполнение задач. Они высокоорганизованы, планируют свои действия, выполняют задачи, делая по одному делу за раз в соответствии с четким планом и по расписанию.

Полиактивные люди (например, представители романских стран) эмоциональны, словоохотливы и импульсивны, они придают большое значение семье, чувствам, взаимоотношениям. Они любят делать много дел одновременно и плохо работают по плану.

Реактивные люди (например, азиаты) умеют хорошо слушать, они редко иницируют действия или обсуждения, предпочитая вначале выслушать и выяснить позицию оппонента, а затем реагируют на нее.

Чувство превосходства моноактивных людей

Моноактивное поведение — англо-германский феномен, возникший на северо-западе Европы и благодаря колонизации распространившийся в Северной Америке, ЮАР, Австралии и Новой Зеландии. Из негерманских народов этот тип включает только финнов, но даже они частично реактивны. Два континента — Северная Америка (за вычетом Мексики) и Австралия — полностью моноактивны. Поразительно разные судьбы Северной и Южной Америки (последняя была колонизована полиактивными испанцами и португальцами) являются свидетельством огромной разницы в поведении двух типов. История могла бы сложиться совсем по-другому, если бы Колумб пошел северо-западным курсом дальше к Флориде или отцы-пилигримы сбились с курса (как Кабрал) и поселились на северо-востоке Бразилии.

Важно отметить, что благодаря неожиданным поворотам судьбы или историческим случайностям, начиная с XVIII века и далее англо-германский блок начал считать себя *превосходящим* другие типы культуры по эффективности и в торговле, и в способности править. Эта убежденность в своем превосходстве в сочетании с драйвом — возможно, порождение холодного климата и умения жить в нем, энергичности, протестантского реформистского рвения или немецкой тщательности и скрупулезности. Определенно, эта уверенность усилилась после английской промышленной революции, быстрого развития британских и американских мануфактур (чему способствовали богатые запасы угля) и благодаря постоянному наличию в англосаксонских и скандинавских обществах демократических институтов. Эта вера поддерживалась тем фак-

том, что моноактивные «державы», хотя в них насчитывалось всего 700 млн человек, лидировали до и после двух мировых войн, а потом оказались *de facto* (на деле, фактически — лат.) мировыми лидерами. Это лидерство основывалось на военной мощи и, что еще важнее, — на более чем 50 % мирового ВВП.

Это ощущение превосходства, особенно в англоговорящем мире, но не в меньшей степени присущее также немцам, голландцам, швейцарцам и скандинавам, *до сих пор не уменьшилось*. Самодовольство Запада пока не побеждено. В моноактивных странах все еще жива идея, что их системы управления, их понимание справедливости, их отношение к правам человека, их интеллектуально развитые общества, сочетание работы и отдыха, их право вести за собой других и давать советы, их методы ведения бизнеса и способность поддерживать определенный уровень производства и высокий уровень жизни являются пригодными и целесообразными для будущего.

Однако существуют и другие точки зрения. Примерно в 2011–2012 годах статистика показала, что объем ВВП не-моноактивных народов мира (полиактивных и реактивных, вместе взятых) превысил объем ВВП моноактивных. Все же в не-моноактивных странах проживает свыше 6 млрд человек, а быстрое развитие китайской экономики предполагает, что доля вклада Запада в мировое производство будет все время сокращаться. Прогнозируется, что китайская экономика обгонит экономику Соединенных Штатов, а голодная Индия станет крупнейшим мировым рынком (по прогнозам, ее население к 2030 году составит 1,5 млрд человек). Другие быстро растущие и развивающиеся народы создают рынки с большим спросом в Индонезии, Нигерии, Пакистане, Бразилии, Бангладеш, Мексике и Эфиопии — в указанном порядке.

Куда идет Запад?

Приведенные выше демографические данные выглядят мрачно, если смотреть с точки зрения Запада, и Роберт Самуэльсон в статье «Большая иллюзия» ставит под вопрос доминирование Запада в XXI веке. Он ссылается на опасность распространения ядерного оружия, направленный против Запада терроризм, экономические спады, колебания финансовых рынков и технологический саботаж.

Но списывать Запад со счетов было бы ошибкой. Мы должны помнить, что произошло во время двух мировых войн, когда западная цивилизация оказалась под угрозой. Вероятно, в следующий раз Германия будет в одной лодке с остальными. Жизнеспособность сбалансированного Запада основывается не только на его военной и экономической мощи, которая все еще остается очень внушительной, но и на зрелости и устойчивости западных ценностей. Эти ценности ковались во времена суровых испытаний греческих городов-государств и веками закалялись в эпохи Реформации и Возрождения, принимая демократию, побеждая дьяволов нацизма и коммунизма. Преимуществом Запада в дополнение к базовым ценностям является изобилие социальных и полуполитических институтов. Их насчитываются тысячи — от основных

принципов семьи до авторитета государства. Во многих обществах имеется социальный вакуум между домом и работой. В странах Европы, особенно англосаксонских и скандинавских, люди заняты в клубах, обществах, ассоциациях, мероприятиях разного рода, они занимаются спортом, обучаются на курсах, у них имеются всевозможные хобби. Это плотная ткань западного общества — активного, пульсирующего, изобретательного, во всех смыслах упорно держащегося и неукротимого, с собственной движущей силой. Эта социальная полнота жизни является западной по сути, и она в полной мере воплощается в США. Как написал Хамиш Макрей, наблюдая за американцами, восстающими из пепла, подобно фениксу, и начинающими все с нуля, *будущее начинается здесь*.

Азиатизация

Сокрушительная победа союзников в 1945 году привела к тому, что основные европейские (и другие) страны приняли большую дозу американизации, повторяя американские методы ведения дел в производстве, бухгалтерском учете, маркетинге и продажах. Это не убило их культуры, а материальные преимущества перевесили опасения и недостатки. Однако в дальнейшем негативные последствия американизации стали проявляться в постепенном разрушении или размывании (европейских) ценностей по мере того, как впечатлительная молодежь перенимала многие элементы американского стиля жизни.

Американские методы бизнеса и управления начали сдавать позиции в 1970–1980-е годы, когда «азиатские тигры» переняли успешную японскую модель. Примечательно, что в 1990-е годы Запад часто демонстрировал, что плохо подготовлен для того, чтобы иметь дело с азиатской шепетильностью.

Западным людям в новом столетии необходим новый *modus operandi* (образ действия — *лат.*), если они хотят преуспеть в глобализации своего бизнеса и экспорта. Моноактивные (западные) общества только выиграют, если будут развивать умение ставить себя в положение реактивных и полиактивных людей. В настоящее время технологии делают возможной хорошую осведомленность Востока и Запада друг о друге; в конце концов появится какой-то синтез прогресса и совместного сосуществования с кооперацией деятельности. Размеры азиатского населения и рынков говорят о том, что в конце концов они будут доминировать. Как в 1945-м были очевидны преимущества американизации, так теперь, в XXI веке, можно получить пользу от политики *азиатизации*. Об этом стоит подумать и европейцам, и американцам. Принятие азиатизации в определенной степени ускорит лучшее понимание азиатской ментальности и, возможно, предупредит будущую гегемонию Китая в сфере торговли и политики.

Западу следует внимательно присмотреться к азиатским ценностям, способам коммуникации и организации, и учиться на них. В азиатских системах имеются очевидные преимущества. Также следует изучать «азиатский разум» и его восприятие таких категорий, как

лидерство, статус, принятие решений, переговоры, репутация, взгляды на мораль и нравственность, конфуцианские принципы и т. д.

К счастью, продвижение и рост значимости *женских* ценностей на Западе в период смены столетий в некоторой степени сглаживает путь азиатизации, поскольку многие из женских ценностей совпадают с азиатскими. Как американизация (Европы) продвигалась от влияния на практики ведения бизнеса к внедрению в социальную сферу, так вполне может произойти и с азиатизацией. На людей Запада может повлиять азиатский стиль жизни, они могут принять его элементы, и это будет иметь долгосрочные последствия для их собственного поведения.

Перемена в западном мышлении и поведении внушает тревогу, более того, она может оказаться катастрофической. Такие страны, как Франция, США, Швеция и, возможно, Великобритания и Германия, успешны сами по себе и могут быть менее склонны к модификации своих культур в азиатском направлении, чем менее сильные страны. В настоящее время американцы находят лишь немного недостатков в своей экономической модели, как и французы в своей культурной. Тем не менее, феминизация в некоторой степени уже наблюдается в большинстве западных стран, а растущее недовольство молодого поколения безжалостной эксплуатацией людей и нерациональным использованием природных ресурсов сделает азиатизацию привлекательной политикой. В конце концов, бизнес есть бизнес, а в том регионе живут миллиарды покупателей.

Ни одно описание и ни одна оценка контуров политического, экономического или мирового культурного развития в XXI веке не будут полными без упоминания двух стран вместе с главными игроками, которыми являются Китай, Индия, Россия и Запад. Я говорю про Японию и Канаду. Влияние Японии на события в мире недооценивалось в прошлом, и застой в ее экономике на протяжении последних 20 лет заставляет преуменьшать ее значение в настоящее время. Однако в 2018 году Япония легко занимает третье место в мире по объему ВВП. Вероятно, в будущем ее роль в мире будет связана с ее манерой формирования блоков и союзов. Удастся ли Японии уравнять чаши весов, приняв сторону Востока или Запада?

Канада — тоже темная лошадка. Ее территория составляет 10 млн кв. км — второе место после России. Хотя большая ее часть состоит из пустынных пространств с мерзлотой, быстрое потепление Северного Ледовитого океана во 2-й половине столетия изменит сельское хозяйство Канады, а также использование природных ресурсов и в не меньшей степени — богатых запасов нефти в арктических месторождениях, которые Канада будет делить с Россией и Норвегией. Канада уже занимает десятое место в мире по объему ВВП, а с быстро растущим населением, чему помогает мудрая иммиграционная политика, уже готова стать более активной в международных делах. Уникальным преимуществом является и легкий доступ к огромному рынку США.

Наконец, религия

В 2015 году четыре крупнейшими религиозными группами в мире (по убыванию количества приверженцев) были: исповедующие христианство (2,38 млрд), ислам (1,8 млрд), индуизм (1,1 млрд) и буддизм (0,5 млрд). Конфликты и конфронтации между религиями неоднократно приводили к масштабным войнам, и это происходило на протяжении многих веков — начиная с крестоносцев, мусульманской оккупации Испании с VIII века до 1492 года и доминирования Османской империи, которая правила большими частями Европы и Среднего Востока на протяжении 650 лет.

В разные эпохи религиозные споры то усиливались, то ослабевали, и хотя индуисты и буддисты участвовали в долгой борьбе с исламом на протяжении столетий, современная эпоха характеризуется яростной и усилившейся конфронтацией между *христианством и исламом*. Кульминацией стала трагедия 11 сентября, последовавшее за ней вторжение американцев в Афганистан и Ирак и подъем ИГИЛ (ДАИШ), что повлияло на жизни миллионов людей в Сирии и других местах. Сегодняшний антагонизм двух крупнейших религий резко контрастирует с идиллическим сосуществованием ислама, христианства и иудаизма в период, когда общество в Аль-Андалусе (мусульманской Испании) наслаждалось «золотым веком» религиозной терпимости. Можем ли мы снова надеяться на примирение мусульман и христиан?

Ежи Вятр в работе «Новый мировой порядок в XXI веке» указывает, что идеологические конфликты труднее разрешить, чем противоречия между национальными интересами. В то время как умелое применение принципов демократии может привести к приемлемому компромиссу по вопросам границ или в торговой войне, для фанатиков невероятно сложно или даже невозможно отказаться от всей философии или дорогого сердцу вероисповедания.

Позволю себе немного оптимизма в конце рассуждений о религиозных и идеологических столкновениях. Возьму на себя смелость сослаться на фактор, ко-

торый считаю важным, но, как кажется, политические комментаторы и футурологи его не замечают или недооценивают. Мусульман, которых широко обсуждают, в мире насчитывается свыше 2 млрд, и примерно *миллиард из них — женщины*. Есть серьезные свидетельства того, что в XXI веке влияние женщин будет быстро расти, и женщины-мусульманки не могут быть вечно исключены из этого движения.

Я придерживаюсь мнения, что вопросы гендерного равноправия будут стоять в повестке дня этих женщин выше, чем продолжающаяся поддержка разрушения Запада, образ жизни которого воплощает характеристики общества и преимущества, к которым они в конечном счете должны стремиться.

Литература

1. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations / S. P. Huntington. — N.Y. : Simon & Schuster, 1996.
2. *Samuelson R.* The Grand Illusion / R. Samuelson // Newsweek. — 1999–2000. — Dec.–Febr. — Vol. 134.
3. *Wiatr J.* Toward a New World Order of the 21st Century / J. Wiatr // Global World: System Shifts, Challenges and Contours of the Future : The 17th International Likhachov Scientific Conference. — SPb. : SPbUHSS, 2017.
4. *Lewis R. D.* When Cultures Collide / R. D. Lewis. — L. : Nicholas Brealey Publishing, 1996.
5. *Lewis R. D.* The Cultural Imperative / R. D. Lewis. — Yarmouth, ME : Intellectual Press, 2003.
6. *Hammerich K.* Fish Can't See Water / K. Hammerich, R. D. Lewis. — John Wiley & Sons, 2013.
7. *Hall E.* Beyond Culture / E. Hall. — N. Y. : Anchor Books, 1976.
8. *Hall E.* The Hidden Dimension / E. Hall. — Garden City, N. Y. : Doubleday, 1966.
9. *Hall E.* The Silent Language / E. Hall. — N. Y. : Fawcett, 1968.
10. *Hofstede G.* Culture's Consequences / G. Hofstede. — Beverly Hills : Sage Publications, 1980.
11. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. — N. Y. : Free Press, 1992.
12. *Yakovenko A.* Pragmatism and Messiahship in World Politics / A. Yakovenko // Global World: System Shifts, Challenges and Contours of the Future : The 17th International Likhachov Scientific Conference. — SPb. : SPbUHSS, 2017.

В. А. Макаров¹

ЦИФРОВОЙ МИР И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО: ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАЧИНАЕТ МЕНЯТЬ НАПРАВЛЕНИЕ

О роли закономерности и случайности в развитии человечества написано немало. На первый взгляд кажется, что роль случайности по мере взросления человечества должна уменьшаться. Что соответствует природе человека, что берет за душу, что восхищает — все это анализируется и укладывается в разные теории.

Однако в жизни мы наблюдаем совершенно неожиданные скачки, повороты, не укладывающиеся ни в какие теории. Мое объяснение данного феномена состоит в том, что надвигающийся на нас цифровой мир порождает гораздо большее разнообразие вариантов, чем раньше.

Человеческое мышление устроено таким образом, что в процессе осмысления автоматически отбрасываются варианты, не укладывающиеся в сложившуюся у мыслителя картину мира. Гении отличаются от простых людей именно тем, что принимают к рассмотрению варианты, кажущиеся бессмысленными или фантастическими.

В цифровом мире к процессу мышления подключаются компьютер, робот, которые могут иметь дело с огромным количеством вариантов, не уместяющихся в человеческой голове. И роль человека становится другой. Кроме порождения вариантов и оценки их весьма малого количества встает задача анализа уже созданных компьютером вариантов на предмет их ценности для человечества. Как организовать оценку — отдельная непростая задача.

Для иллюстрации высказанной мысли приведу несколько примеров.

В социальных сетях появляются фото, мультики, стишки, высказывания, комментарии, анекдоты и прочее, некоторые из них оказываются популярными среди потребителей. Причем далеко не всегда их выкладывают в погоне за популярностью. Поток (вариантов) огромен, и выбор происходит естественным образом с помощью народного «голосования».

Второй пример выглядит фантастическим, поскольку еще не было практического применения. Но развитие суперкомпьютеров скоро превратит эту фантасти-

ку в реальность. Речь идет о том, что компьютер (программа) вычисляет все возможные последовательности букв русского алфавита (плюс пробел) длиной, скажем, в 100 символов. Если букв (символов) примерно 35, то вариантов будет 35^{100} . Далее происходит отбор последовательностей, состоящих из слов, имеющих грамматический смысл. Потом из них выбираются предложения или наборы предложений, построенные правильно. Из последних выбираются тексты, имеющие смысл (естественно, разные смыслы). И наконец, на завершающих стадиях происходит отбор вариантов, относящихся к литературе (к примеру, к поэзии), культуре, науке, технике и др. В частности, выявляются шедевры в той или иной области. Например, могут быть повторены крылатые выражения юмористов или стихи Пушкина.

На завершающей стадии выбор производят конкретные люди. И удачный выбор может быть зафиксирован как индивидуальное решение с соответствующей защитой авторских прав.

До сих пор считается, что шедевры порождают гении, которые уникальны, — их очень мало. Здесь же шедевры создает компьютер, и вопрос только в выборе из огромного массива порожденного. Возрастает роль оценщиков, рецензентов, критиков.

Описанный процесс порождения словесных вариантов распространяется и на варианты образов, например картин. В двумерном пространстве можно рассматривать квадраты разных цветов. Возможных вариантов очень много, но их число не бесконечно. При этом для порождения рисунков и прочих картинок квадраты должны быть весьма малы, не заметны для обычного глаза.

Кстати, конкретный процесс порождения картинок реализован Стивеном Вольфрамом в его книге «Новый тип науки»². В этой книге можно найти много разнообразных рисунков, порожденных клеточными автоматами. Особенно автора интересуют картинки, встречающиеся в природе: снежинки, цветы, деревья, пирамиды, кольца, спирали и пр.

Следует сказать, что вместо картинок можно брать ноты, и тогда появляется проблема отбора порожденных компьютером мелодий.

Третий пример вновь связан с Интернетом. Речь идет о так называемых фейковых новостях, выдуманных прогнозах и историях. Поступающая в СМИ информация о реальных событиях стоит немало. Надо побывать на месте, провести съемки, опросы и пр. А любые придумки можно порождать в огромных количествах, особенно с помощью быстро совершенствующихся роботов. Потребителям информации невозможно отличить фейк от реальности. В результате порождается другая, «фейковая», реальность, которая становится не менее ощутимой и значимой, чем настоящая. Немало людей время от времени испытыва-

¹ Академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Российской экономической школы, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики», «Социальный кластеризм. Российский вызов». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича РАН, Демидовской премии и др.

² Wolfram S. A New Kind of Science. Champaign : Wolfram Media, Inc., 2002.

ют шок от того, что известные им в течение всей жизни факты в конечном счете оказываются мифами. При этом следует подчеркнуть, что речь не идет только о прошлом, когда, скажем, Иван Грозный может представляться в совершенно разных обликах. В принятых ныне правилах — выбирать руководителей с помощью всеобщего голосования. Образ этих руководителей формируется в виртуальной реальности. И виртуальный образ может не иметь ничего общего с реальным. Хорошо известно, что сенсации гораздо проще породить искусственно, чем искать в реальности. Компьютер может вычислить такие варианты, которые действующий мир знать не знает.

Надеюсь, что с помощью приведенных примеров удалось продемонстрировать изменение направления творческой активности в условиях всеобщей цифровизации. Порождение вариантов теперь можно поручать

компьютеру. В результате их становится на много порядков больше, и выбор из них нужных обществу сильно усложняется. Поэтому актуально совершенствование инструментов оценки, в частности отсеивания вариантов. Структура группы творческих людей будет меняться в сторону уменьшения порождающих варианты и увеличения их оценивающих.

Что касается инструментов оценки вариантов, в том числе их институциональной поддержки, то здесь следует воспользоваться опытом исследования проблемы порождения и эволюции социальных норм. Социальные нормы как общественное явление изучаются детально с давних времен (см., например, обзор Виктора Истратова¹, где можно найти много полезного, в том числе для совершенствования института порождения новых знаний, новшеств в области литературы, культуры и искусства).

В. К. Мамонтов²

МЫСЛИШКИ НАКАНУНЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Когда Россия подходит — или ее подталкивают — к опасной черте, хочется немного отступить в прошлое. Поправить в нем что-то. Это, разумеется, игра: сослагательного наклонения у течения жизни нет. Но размышлять и анализировать нас не отучит даже угроза ядерной войны. Мысли, конечно, выйдут путанные, нервные. Небесспорные. И тем не менее.

Состоялись у нас выборы президента. Итог закономерен: с большим отрывом победил Владимир Путин. И все-таки я замечу: при всем к нему уважении, важно не кого мы выбрали, а что.

Какое будущее?

Социальный заказ новому президенту, даже если он старый, общество может и должно формулировать. Американцам и прочим внешним силам ничего не светит. Насчет нашей политики. Их поучения, санкции, лицемерие, хитрости и призывы не стоят ни цента. Они не влияют. Им больше не доверяют. «Партнеры» нас кинули.

Другое дело мы сами. Президент у нас чуткий, вменяемый, народу близкий, у него ушки на макушке. И, как ни удивительно, высказавшись внятно, мы можем быть уверены: нас услышат.

Начну, как учили, с себя. В дни, когда решалась судьба олимпийцев, я предложил, если хотят, удалиться из друзей в социальной сети тем, кто считает, что выступать под нейтральным флагом надо. В том смысле, что им такой френд, как я, ни к чему. Таких оказалось семеро на сто. А потом вышел Владимир Путин и в точных выражениях пояснил, что препятствовать спортсменам на гусуровне не будем. Дело каждого. Желашь под белым флагом с горки кататься — велкам!

¹ Истратов В. А. Моделирование формирования социальных норм в общественных науках // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 4.

² Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

Тут же прочел у себя в ленте саркастическое: как верный путинец, ты, товарищ Мамонтов, должен резко переобуться в воздухе. Я подумал. Заглянул внутрь себя. И понял — а не хочу. Мне нравится, когда Россия выступает под своим флагом. И играет ее гимн. Мне нравится, когда Америка выступает под своим флагом — ей ведь предстоит стать великой снова! И даже когда Венесуэла, а особенно в лыжном спорте. Такие у меня установки. Ценностные ориентации.

Переделять себя я не буду, как и многие россияне, с изумлением глядящие на спортсменов, которые, наплевав на флаг, на честь, на гимн и придумав себе всевозможные оправдания, двинулись в сторону побед или, как мне кажется, очередных унижений. Они в Пхенчхане завоевали медали, я не буду тыкать в них пальцем и говорить: «Предатели!» Это немодно. Но для меня эта Олимпиада интереса не представляла. И они интереса не представляют. Честно? Кроме молодых хоккеистов — эти спасли ситуацию. Но зачем нам вечно подвешивать Россию на волоске?

Тема «измены» не проста, недаром слово однокоренное с «изменением». Ну да, вижу, противоречиво получается. Нуреев, конечно, великий танцовщик, но я ведь его за талант уважаю, и пересматриваю «Юноша и смерть», фантастический микробалет Ролана Пети, не за то, что Рудольф сбежал? А Васильева с Максимовой обожаю не за то, что остались? С другой стороны, Могильный хороший хоккеист, но его «бросок к свободе» до сих пор в моей системе ценностей отдает предательством. У Акунина крепкие детективы, гигантские тиражи в России, и многое он тонко уловил — но поучения издадека про невыносимость «кровоавого режима» я слушать не хочу.

А чего я хочу? Если насчет допинга, то ясного понимания — что было, чего не было, где Родченков солгал, а где оказался прав, чертов сын, гнусный тип, автор плохих эротических рассказов. Открывали ли пробырки — и кто? Если спортивные начальники про это

знали, так выпереть их надо. Не знали — тем более: это что ж у них на подведомственном объекте творится? Так что с нетерпением жду результатов работы Следственного комитета. Не особо понимаю, чего это господин Жуков перед МОК извиняется. Он не хочет сначала перед нами извиниться, если есть за что?

Кто такие мы?

Граждане России, которым очень нравится только подлинный успех, реальная ясность цели и чистота помысла. Мы, конечно, не образцы морали, не почетные святые. Но когда будете в следующий раз Олимпиаду в Сочи готовить, имейте в виду: есть, к счастью, солидное число россиян, которым нечестных побед не надо — это мы вам прямо с дивана заявляем. Нечестные победы не радуют. Аппетит не возбуждают.

Разумеется, мне расскажут, что я наивный, напомнят о норвежских астматиках, «братьях Вильямс», китайских атлетах-однодневках и т. д. Оно понятно. Кто попадает в колбасный цех — хоть на олимпийском комбинате, хоть на политическом, — тот, узнав много нового, колбасу долго потом есть не сможет.

Ответов у меня два, один пораженческий: если в этом поганом мире нельзя по-другому, почему только нас поймали? И еще: если это все политика, нажим и санкции (а так и есть), то готовится ли наш ответ Чемберлену? Понятно, почему президент не снимает с работы Мутко: это и будет косвенным признанием государственного патронажа программы допинга. А этого счастья разнообразным уродцам доставить нельзя.

Но уродцам доставлено другое счастье. Виден стал немалый зазор между заявлениями и делами. Это очень задевает. Туда и дальше будут клин вбивать. И уже вбивают!

Когда мы вопрос участия спортсменов национальной сборной в Олимпиаде оставляем решать конкретным людям, а не стране или обществу, — надо понимать: мы переходим очень важную грань. Через майдан. На другой берег. У нас меняется позиционирование таких важных вещей, как Родина, флаг, гимн. Есть категория людей, для которых эти понятия священны и важны. А некоторые их совершенно не ценят и давно живут так, будто этих ценностей не существует. Имею в виду, к примеру, «новых глобальных русских», которые заработали на России, но деньги здесь не оставили, у которых жизнь и будущее, их дети где-то далеко-далеко от российских просторов. В отличие от петровских времен, когда ребята отправлялись учиться и возвращались флотоводцами, дети «глобальных русских» становятся кем-то (а зачастую никем) за границей — и не возвращаются. Может, и к лучшему: для России это часто пустые и потерянные люди. Теперь к этой категории людей для меня в известном смысле добавляются спортсмены.

Не очень понимаю, к каким последствиям это приведет. Мне тут давний друг и коллега сказал на днях: все это мило, но такое понимание Родины-матери маленько устарело. Меня чего-то перекобочило. В России из каждого утюга рассказывают истории о том, какие мы тут великие духовные продолжатели, о скрепах и прочих «Бессмертных полках». А раз так, может, надо набраться смелости и этому соответствовать

в нашей нормальной текущей жизни, а не только когда мы в праздники по площадям и улицам ходим с портретами своих достойных и мужественных предков? Потому что для них слово «Родина» точно не было пустым звуком.

Если у нас сместились эти понятия, если Родина-мать звала-звала — да и превратилась в старушенцию, которую можно забыть... Что ж делать? Давайте объяснять друг другу, что теперь все иначе: есть общие глобальные идеи, и олимпийская медалька важнее, чем гимн России.

А он мне: слушай, не будь догматиком, пропагандисту главное не поверить в риторику самому. А я ему: да пошел ты. Потом в баре помирились. И я спокойно объяснил: пойми, если опять говорить о мире спорта, меня совершенно не трогают успехи московского футбольного клуба «Спартак», когда голы забивает Промес, а наши — на подхвате. Это приводит к тому, что наша сборная выступает так, как выступает. Я консервативно считаю, что надо думать о своих детях и растить своих игроков. Физкультура и спорт больших достижений — это разные вещи, но они взаимосвязаны. Я понимаю, что мы не вернемся обратно к временам Советского Союза. Но радости по этому поводу у меня нет, и изображать ее я не собираюсь.

У Бориса Гребенщикова есть фраза хорошая: «Турки строят муляжи Святой Руси за полчаса». Мне не нужна «Святая Русь за полчаса». Я хочу, чтобы было здорово, свято, и Русь хочу, но не за полчаса и не турецкими (условно говорю) руками. Для меня это очень важный момент.

Я согласен: с помощью допингового скандала Россию хотели унижить, потому что мы вновь наметились стать серьезной державой. Потому что мы такой путь избрали. Но! Тут вот что важно: Крым приплыл к нам по-честному. В Сирии Россия честно побеждает, кровью и потом, абсолютно честно завоевывает себе место под слепящим мировым солнцем. Ну только представьте: наши военные летчики ведут себя, как лыжники. Берут пример с «элитных» сынков. С офисного планктона берут пример космонавты, про которых недавно сняли сверлящий до слез «Салют-7». Может, не стоит пачкать крымские, сирийские, прямые, как мост, чистые, как слеза успеха? На их фоне зачем мне какие-то банки с мочой, царапины, сомнительные игры, махинации, всякие Мутко, Родченковы и прочая фигня?

Давайте назовем прямо людей, которые допустили к работе сумасшедшего Родченкова, — независимо от того, готовил он «Дюшес» (даже честную газировку детства изгадил) или нет. Нужно конкретно назвать тех, кто понесет ответственность за это унижение России. Все списать на козны американского и иного империализма не получится. Владимир Путин очень точно рассказывает про эту ситуацию. Только хотелось бы знать детали и выводы, которые Россия из нее сделает.

А то я слышу уже другие предложения: давайте сейчас быстро договариваться по Донбассу, идти на уступки, а то они у нас чемпионат мира по футболу отнимут. Знаете, для меня игра в мячик на зеленом поле ни в какое сравнение не идет с судьбой мил-

лионов русских людей на Донбассе. Плевать я хотел на все чемпионаты, вместе взятые, если гибнут дети в Донбассе. А тут ходят и шепчут: «Что будет, если нас лишат?»

Вернусь к выборам. Понимаю, что это было — милый предвыборный балаган. В Америке вон как весело Трампа избирали! Однако у меня — можете обзывать, честить диванным аналитиком — возникает вопрос: а Россия ли то, где выдвигаются и чем намереваются управлять такие кандидаты? Матушка ли? Не симулякр бодрийеров? Не кажимость? Так посмотришь — вроде Россия. Купола, скрепы, «Владимир Мономах», космодром, Большой театр. «Калибр» не симулякр. Не муляж. Пробирает кого надо до печенок.

А то приглядишься... То Ксюша-кандидат, то в телке андрогинны в блестящих скачут почище «Пусси Райот», то спутник потеряем, то «Нуреева» поставим... Будущее зависит от того, насколько реалистично ответим на эти и другие жесткие вопросы: есть у нас социальная справедливость или кажимость одна? Ведется борьба с ворами и мздоимцами — или это дьявольские козни Семплеяровых против Арчибалдычей? Какой свежести осетрина в нашем продовольственном пакете и кто ее может купить? Кто обложит богатых налогами, понизит ставки по ипотеке, проведет деофшоризацию и т. д.? Кто сдвинет с якоря ресурсную экономику, но не пустит на дно корабль, ввергнув в социальный шторм?

Дело в том, что уж больно грозные вызовы перед Россией стоят. Какая Олимпиада? Какие допинги? Оставим пока угрозу войны, которая, увы, крепнет. Но отбившись от перспектив ядерной зимы, мы все равно останемся наедине с вопросами будущности.

Будь я самым большим начальником, из всей истории с Falcon Heavy Маска выделил ровно бы один вопрос. Я позвал бы к себе нашего главного звездоконструктора и спросил: «А скажи-ка, мил человек, мы можем вот так точно посадить две пустые трубы? Под аплодисменты человечества? Нет, я знаю, что мы можем уложить их в «Южный поток», попасть из акватории Каспийского моря в мишень размером... ну, скажем, с циферблат Vancrain. Я знаю, что при желании мы можем запустить в невесомость целый пазик с манекенами. И про пиар понял: чай, Олимпиаду открывали. Я ровно про другое: я про приземлить. Вот так. Ровнехонько. Технологичненько. Я не знаю, зачем. Может, для Марса пригодится. Я знаю только, что это высший пилотаж. Это красиво».

Дело в том, что самой тяжелой ракетой нас не удивишь. Четыре раза ракета Н-1, одно из уникальных королевских детищ, пыталась подняться с Земли. И четыре раза неудачно. Дело было в том, что тридцать двигателей первой ступени и восемь второй так и не смогли тогда научить работать синхронно. «Пиарщик» Маск научил. Он детально знаком с королевской наработкой. Вообще его ракета очень похожа на элегантную помесь Н-1 с «Энергией». Просто им добавили интеллекта. Их освоили.

Так что ты скажи, конструктор, можем — или не можем? А?

От того, побледнеет ли конструктор или подмигнет, заверит или рухнет на ковер, чтобы быть обнюханным невозмутимой собакой, зависит, между прочим, очень многое. И, может быть, в ответе на такие вопросы и есть основной смысл четвертого срока, на который идет Владимир Путин.

Пошлые комментаторы предсказывают Путину на четвертом сроке драку соратников, на которую дряхлеющий демиург не сможет повлиять. Или подъем оппозиции, которая сметет. Бунт олигархов, реновация старых партий — я читал, даже Сергей Миронов отряхнет прах и пойдет против высших сил, что совершенно уже ни в какие ворота. Подключен к этим катастрофическим прогнозам даже Иван Тургенев. У него в этом году юбилей, а заметьте, ничего не слышно про торжества и памятник Муму. Режим боится — там ведь главный роман «Отцы и дети», эту тему не надо педальровать.

Мне же кажется, что все это мусорный ветер. Та-скающий то туда, то сюда обрывки старых идей и пустые пакеты законов. Даже русскую литературу — и ту комментаторы учили плохо. Если читать «Отцы и дети» правильно, а не поперек, то дуэль Базарова и Кирсанова только для виду была политической, мол, стрелялись из-за нигилизма, а нутрянка у нее была любовь, ревность и соперничество. И погиб Базаров не из-за Кьеркегора с Ницше. Потому что лечил больных, а безопасной технологии не существовало. Революционер — а погиб как чеховский трижды консервативный Дымов, отсасывавший дифтеритные пленки у ребенка через трубочку. И можно сколько угодно спорить, кто больший подвиг совершил, тянуть героев, как Муму с Каштанкой, то на пьедестал, то с камнем да в реку, но победит не Дымов. Не Кирсанов. И не Базаров. А тот, кто придумает антибиотики.

Тут недавно наш президент важную и немного загадочную фразу сказал. Прочитую. «Мы должны обеспечить такой рывок в развитии страны по всем вышеперечисленным мною направлениям, придать такую динамику, чтобы после того как эти шесть лет будущие пройдут, даже если в жизни страны наступят какие-то сбои, какие-то сложности, какие-то непредвиденные обстоятельства — набранный темп, инерция движения были такими мощными, чтобы Россия все равно шла вперед. Все, что мешает идти вперед, должно быть зачищено, отброшено».

Эту фразу уже и так поворачивали, и этак. Какие такие сбои и сложности? Что должно быть зачищено и отброшено? Ну, наверное, сахалинский губернатор-взяточник, которому наемни 13 лет впаяли, годится под зачистку. И Дагестан многое объясняет. Но опыт показывает, что на всех воров вертухаев не напасешься. Что делать? Беседовал недавно с совершенно другим губернатором, из новых, который в своей борьбе со взятками и бюрократической волокитой намерен внедрить «виртухая», через букву «и», то бишь новую виртуальную технологию блокчейна, которая минимизирует саму возможность воровства и чиновничьих издевательств над населением. И подождите смеяться: абсолютно «бесчеловечная», в смысле технологическая, система крупных штрафов, всевидящих

камер, автоматического списывания с карт и так далее реально снизила пьянство за рулем. И вообще пьянство на Руси! А уж казалось неискоренимо, почти как воровство! Ан нет, технология и тут оказалась сильнее запретов, увещаний, проклятий, плакатов, скреп, товарищеских судов и лечебно-трудовых профилакториев. Хотя до полной победы над чарочкой еще, к счастью, далеко.

Просто надо понимать: только жесткой посадкой воров проблему мягкой посадки космических кораблей не решишь. Во время встречи с бизнесменами, которых «кремлевский список» ставит перед экзистенциальным выбором, Путин пообещал, что в послании «речь пойдет об улучшении делового климата, формировании комфортных условий для инвестиций в новые производства, снижении уровня бюрократии... Налоговая система страны должна быть стабильной и эффективной для работы предпринимателей».

Что бы я еще задвинул в пыльный угол, будь я большой начальник? Хотя этого мало — надо еще быть волшебником. Обязательно: бесконечные, дурацкие толки о Сталине, о Матильде, унылое перемалывание костей жертвам революции, случившейся сто лет назад. И Великой Отечественной войны, закончившейся семьдесят с лишним лет назад. Оставим это историкам. Отдадим должное героям. Обиходим последних ветеранов. Реформируем образование так, чтоб молодой дурачок не мел пургу в буддестаге. Пройдем и пролетим парадом. И давайте делом займемся, а? Честно, задрали эта труха: Максим Шевченко дерется с Николаем Сванидзе из-за мифологизированного Сталина! Уважаемые, подеритесь вокруг суммы, которую выделяет страна на разработку квантового компьютера. На высокотехнологичные производства. На образование. Расширитесь в кровь за (или против) расширение обрабатывающего сектора в экономике. За снижение (или рост) цены на бензин. За сумму материнского капитала, за минимальную пенсию!

Сталин и Ленин, гении они или тираны, нам не мощники, они уже все сделали, разрушили, построили, удушили, победили, проиграли, широко развернули, померли и истлели. Из всего сталинского наследия для пристального изучения я бы оставил: как мы догнали американцев с бомбой, обогнали с космосом и обмшурнулись с генетикой. Может, и найдем чего полезное, что не смел мусорный ветер истории.

...Тут я прочел, что Россия беременна революцией на четвертом сроке, просто еще тест в аптеке не купила. Очень хотел бы с этим согласиться, если речь о революции технологической. О революции прагматизма. Отношения к предпринимательству. Революции самосовершенствования. Обновления. Возвращаясь к ракетной терминологии: всей России, большой, красивой, с мощными заделами и тридцатью двигателями по окружности надо добавить распоследней умной авионики. И не только в космических да военных делах. Иначе не полетит.

Р. С. Заканчивал текст, когда обострение по Сирии достигло критической точки. Так что эпилог прямо из соцсети. Погляди потом, в чем был прав, в чем ошибался. Хочется поглядеть.

Давайте хладнокровно вместе прикинем, какие есть варианты. Как точно будет — никто из нас не знает, как это ошибиться не стыдно. Да кое в чем и хотелось бы.

Американцы сделали все, чтобы выглядела история серьезной — дальше некуда. Твит Трампа про «умные» ракеты, которые фиг собьешь, «самолет судного дня» в воздухе. Мы увели корабли из Тартуса. Значит, предполагаем худшее. Почему удар не наносится, Англия медлит? Ждут результатов комиссии ООН в Гуте? Допустим. Но каких? Одно дело реальных — но почесноку подтвердить химатаку не удастся. Другое — расчет на следующий фальшак: кто организовал съемку с банно-прачечными процедурами детей, тот и пробирку с хлором обеспечит. А больше и не надо. В отличие от предыдущей такой же фальшивой «атаки» в Хан-Шейхуне, общественное мнение подготовлено заглотить наживку: были Скрипали. Русские недаром выгораживают Асада, они сами применили ОВ в Европе!

Возможно, решения ждут — но уверены в результате и просто хотят на этот раз все сделать «легитимно», с подачи ООН и т. д. Это важно: громким и хоровым обвинениям все равно не хватает правдоподобия, а перехват моральных высот у этих «ужасных русских», которые на стороне зла — что в деле о допинге, что по Скрипалям, что по «животному» Асаду, является важным средством сдерживания и делегитимации России. Если бы я был тем мерзавцем, который продумывал бы пиар удара, я бы обязательно потянул до 12 апреля: когда-то русские первыми полетели в космос, а сегодня потерпят серьезное геополитическое поражение. Часть американских ракет достигнет целей. Никто потом не вспомнит, что у нас там не было серьезной ПВО. Красиво, унизит, оставит осадок... Плохо они нас знают, если так. Ну ладно.

Теперь допустим, что там (я сказал «допустим») не все циничные мерзавцы, а тоже люди. Которые никакой атомной войны не хотят и начальника нашего генштаба услышали. Но рок событий, deep state, ложно понятые интересы, подлинные страхи и жестокие мировые тренды по ресурсам и прибылям, а также принятые стратегии выживания заставили их подойти к красной черте. Есть такая ловушка: участники конфликта не хотят «есть лягушку», но деваться некуда. Слабость проявить нельзя. Некуда отступать. Умный первым делает шаг навстречу? Ха! А впереди тоже умный? Не факт — ну, и так далее.

Не исключаю, что под пыльным ковром идут переговоры: ударим — но в вас не попадем, вы выразите негодование, но по «Дональду Куку» «Кинжалом» не пальнете... Это погано, но лучше войны. Хуже, если эти переговоры не ведутся. А может, ставки и выше: «Зачем нам мир, если в нем не будет России?» Знаете, когда президент в послании обрисовывает новейшие виды вооружений, это говорит как минимум о его информированности о намерениях «партнеров».

Плохо вот что: допустим, Трамп не хочет войны, а хочет «поладить с русскими». Но точно есть те, кто этого не хочет. Они сильнее. Наглее. Трамп настолько несамостоятелен, загнан, стреножен, что может посчитать: пальну, но без фанатизма, русские не ответят, по-

бояться ответственности за полномасштабную ядерную войну, а я останусь президентом. Вместо этого попадет по нашим, или ему помогут — и тут выяснится, что нас точно плохо знают...

Возможен ли карибский сценарий? Как ни странно, это во многом зависит от итогов Комиссии ООН в Гуте. Если следов химатаки не найдут или хотя бы не смогут точно сказать, кем она организована, то да. Более того, нас уже подвигают к пересмотру роли Асада, намекая, что взамен возможно улучшение российско-американских отношений.

Но что-то мне подсказывает: не для того, простите за формулировку, «мировым правительством» заваривалась эта каша, чтобы отступить без крупной добычи: как минимум, Асад должен уйти, результаты российско-иранской победы в Сирии нейтрализованы. Санкции против нас практически неотменяемы. Обвинения не сняты. А дальше фантазируйте сами: англичане уже сказали, что наше присутствие в Совбезе ООН нелегитимно. Путин уже объявлен Гитлером, ось зла обозначена. Конечно, это еще не победа окончательная, но...

Но плохо они нас знают.

Х. А. Марк¹

НА ПУТИ К НОВОМУ МИРУ: ОТ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ К ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МАСШТАБЕ

Одна из наиболее впечатляющих особенностей современного мира — головокружительная скорость обновления знаний во всех сферах деятельности. Масштаб научного прогресса невероятен. По текущим оценкам, каждые 18 лет человечество удваивает количество знаний, которыми оно обладает. Это означает, что каждые 18 лет мы производим столько знаний, сколько человечество произвело за последние 50 тыс. лет, начиная с каменного века. Возможно, через 10 лет время удвоения знаний уменьшится вдвое, поскольку очевидно, что эволюция нашего вида происходит в ускоренном темпе.

Остается нерешенным лишь один вопрос: к чему мы идем.

Некоторые ученые выдвигают гипотезу, что людям предназначена особая миссия. Они считают, что наша роль во Вселенной сравнима с ролью пчел в земной природе. Мы станем переносчиками «пыльцы» разумной жизни во Вселенной.

Большинство из этих ученых полагают, что триггером нашего выхода на просторы Вселенной станут враждебные отношения на планете Земля. Неискоренные противоречия, существующие между людьми, будут побуждать нас создавать колонии в космическом пространстве. Потребность — это единственная непреодолимая сила, поэтому желание человечества исследовать космос будет мотивировано чувством небез-

опасности дальнейшего пребывания на собственной планете. Вплоть до нынешнего дня наша планета была «пещерной колыбелью» человечества.

Пройдя путь от примитивного до разумного существования, люди тем не менее продемонстрировали удручающую неспособность организовать свою жизнь в соответствии с гармоничными правилами общежития. Наша планета превратилась в клубок противоречий и страшных угроз, совокупное действие которых подталкивает человечество к космической авантюре. Достигая высочайшего уровня разумной жизни, включая изобретение искусственного интеллекта, мы готовимся мигрировать с планеты на планету в открытом космосе, приступая к миссии по «опылению» Вселенной. Согласно этой теории, нам не дано изменить свое предназначение, так как мы лишь часть грандиозной игры, в суть которой нас не посвятили. Мы не являемся ни ее изобретателями, ни автономными игроками; подобно захваченным пи-мезонам, в своем движении мы подчиняемся неведомым законам, не зная, как, когда, кем и с какой целью они были установлены.

Если предназначение нельзя изменить, то давайте попробуем воздействовать хотя бы на его сроки и «топливо». Допуская, что первая часть теоремы верна, то есть наше предназначение состоит в распространении высшей формы разумной жизни на просторах Вселенной, попытаемся изменить движущую силу этого процесса. Пусть наш исход с планеты станет результатом успеха, а не поражения в деле самоорганизации нашего существования у истоков, в родном доме — на планете Земля. Давайте для начала сократим до минимума риски нестабильности на планете, чтобы сделать наш исход с нее не таким вынужденным. Давайте, как минимум, воспротивимся навязанному предназначению — роли не хозяина, а переносчика, которая нам уготована. Наш выход на просторы Вселенной не должен быть подобен бегству; напротив, мы можем выступить как носители гармоничной системы сосуществования, которая сделает Вселенную огромным домом для разумной жизни.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иbero-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книг «Жди меня в Гаване», «Ключевые стратегические вопросы в глобальном мире», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений, в т. ч.: «Актуальные общемировые проблемы и национальные интересы. Мир между конфликтом и созидательностью», «Мир уже никогда не будет прежним: грядут большие перемены», «Проблема разных стадий конкуренции в процессе глобализации» и др.

Да, до сих пор мы не очень разумно структурировали социальную жизнь на своей планете, и нам не удалось добиться устойчивого мира. Человечество, демонстрируя небывалые успехи в области архитектуры материального мира и ежедневно возводя здания, свидетельствующие о наших выдающихся возможностях, тем не менее не справляется с политической архитектурой взаимодействия между людьми. В качестве организаторов публичного пространства для сбалансированного всемирного развития у нас нет оснований для гордости. Позитивное взаимодействие между странами, цивилизациями, народами не является нашей сильной стороной. Сделав такое взаимодействие приоритетной целью XXI века, мы должны доказать себе, что способны организовать наше общее существование по гармоничным и устойчивым правилам.

Если в XX веке мы покорили Луну, то в XXI веке должны выработать и реализовать тайлеровские «полезные паттерны» в общественной жизни на своей планете. Необходимо сместить акцент с научных достижений на достижения в социальной и политической сфере. Мы должны вернуться к своей исконно добродетельной природе: в нашем доме, на планете Земля, установить законы гармоничной глобальной цивилизации. В XX веке мы стремились доказать себе, что наука способна преодолеть исторические границы, и наша разумность подтверждалась нашими научными достижениями. В XXI веке мы должны доказать свою разумность, впервые за всю историю и эволюцию человечества преодолев конфликты между разными социальными группами. Нашу способность к теоретическому мышлению надо использовать для того, чтобы разработать гармоничную модель цивилизации. Перед тем как выйти из нашего «дома», мы должны продемонстрировать способность навести в нем порядок. За то, как мы распорядимся нашим миром сегодня, мы отвечаем перед потомками. Выход человека в космос может произойти по одному из двух сценариев: либо это будет результат «бегства» с планеты Земля, либо результат достигнутого успеха в организации глобального согласия на своей планете, что позволит нам нести благие зерна разума во Вселенную. Здесь мы сталкиваемся с одной из ключевых проблем, которая определит историческую ценность человечества: станем ли мы переносчиками пылицы разумной жизни на благо всему сущему или же распространим свой порок, свою конфликтную природу по всей Вселенной? Несмотря на предвидимые трудности, я считаю, что мы должны приложить все усилия к тому, чтобы перевоспитать самих себя перед тем, как мы покинем планету Земля. Мы должны стать носителями гармоничного образа жизни.

Великой революцией XXI века станет сдвиг центральной оси нашей эволюции от группы к индивиду. Гражданин — как человек, как индивидуальность, а не как часть коллективной конструкции, будь то нация, цивилизация и тому подобное — теперь становится великим двигателем прогресса. Мы должны преодолеть горизонт нации и расширить его до масштабов

мира, стремясь к созданию планетарной политической среды. Необходимо оставить все попытки установления превосходства одной цивилизации или культуры над любой другой. Требуется сосредоточить внимание на позитивных способностях каждого человека в любой части мира. Французская революция была основана на концепции «гражданина» и боролась за его освобождение от феодальной системы. Концептуальный прогресс этой революции был ограничен такими понятиями, как «нация» и «государство». Значительным достижением стало уже то, что на смену крайне фрагментированному общественному пространству (земли феодалов) пришло значительно более масштабное (государство). В конце XVIII века люди — мужчины и женщины — смогли сделать этот впечатляющий шаг вперед. Сегодня наша задача состоит в том, чтобы перейти к новому способу общественной жизни в рамках планетарного масштаба, рассматривающему индивидуальность как главную ценность человеческого вида. Сильной стороной человечества должна быть его способность дать возможность каждому человеку максимально реализовать себя и собрать этот поток миллиардов зарядов энергии, инноваций и креативности с помощью интерактивной гармоничной модели. Любой прорыв в этом направлении приведет человечество к успеху в XXI веке.

Мы не можем игнорировать то, что XXI век будет кардинально отличаться от всех предыдущих исторических периодов. Бывший президент Израиля Шимон Перес (2007–2014) выразил его суть в своей речи на церемонии присвоения ему звания почетного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова в 2010 году. На вопрос о том, что, по его мнению, станет ключевой проблемой XXI века, он ответил: «До сих пор человечество использовало свой разум для понимания того, что происходит во внешнем мире, и благодаря этому изобрело множество полезных вещей. Мы смотрели, как скачут лошади — и создали поезда и автомобили; мы наблюдали за птицами — и создали самолеты. Но в XXI веке будет пройден особый рубеж: мы — представители человеческого рода — обратим взгляд на собственный разум и узнаем о том, как мы на самом деле устроены и как функционируем. Мы раскроем весь свой потенциал и научимся им управлять, и это ознаменует новую эру в истории человечества».

Таким образом, главной революцией XXI века станет переход от мира, в котором человек рассматривался как рабочая сила, к миру, где каждый человек станет источником креативности и инноваций. Если в 1900 году 5 тыс. рабочих на огромной фабрике выполняли механическую работу и только 20 сотрудников занималось интеллектуальным трудом (управлением, созданием новых продуктов, маркетингом и т. д.), то в XXI веке появятся миллионы предприятий численностью в несколько сотрудников, почти все из которых будут занимать управляющие должности. В 1900 году на фабриках лишь 0,5 % персонала выполняли функцию, которую нельзя было механизировать. Сейчас это значение приближается к 90 % в наиболее развитых

странах, задающих динамику роста. Ситуация в корне изменилась. Мы изобрели искусственный интеллект, который может заменить нас при выполнении механической работы и постепенно приходит нам на смену в выполнении все более сложных задач. Основой будущего человечества станет разумное поведение. Каждый человек при этом будет рассматриваться как огромная ценность. А ведь еще недавно человек был примитивным элементом производства, грубой рабочей силой! Тем не менее, нашей слабой стороной все еще остается неспособность организовать оптимальное взаимодействие между людьми с целью полного раскрытия их способностей. Мы движемся к будущему, в котором будет доминировать разум, но наше настоящее все еще далеко от совершенства, поскольку в нем ослепительные краски будущего соседствуют со многими изжившими себя установками и жестокими моделями поведения из прошлого.

Мы должны преодолеть эти устаревшие элементы, поскольку они препятствуют естественной эволюции и несут в себе опасность неоправданного разрушения. Пришло время заявить об этом во всеулышание. Новый мир, мир будущего — это мир отдельных граждан, а не мир групп или наций. Как когда-то мы преодолели границы племен и затем границы феодального владения, так и теперь мы должны преодолеть организационные структуры, созданные в XIX и XX веках для структурирования общества и обеспечения возможности развития. Этими структурами были империи, а затем национальные государства. В первой половине XX века человечество ступило на путь глобального структурирования общественной жизни. Разрушения, вызванные двумя мировыми войнами, привели к попыткам создания международного порядка нового уровня, основанного не на балансе сил между государствами, а на глобальном принципе организации. В 1920 году это привело к созданию Лиги Наций, в 1945-м — Организации Объединенных Наций. Но в обоих случаях основу организации составляли нации, то есть государства. В XX веке научный прогресс еще не достиг того уровня, который сегодня позволяет человечеству проявить себя как могущественную совокупность миллионов индивидуальностей, обладающих независимостью, мобильностью и креативностью. Человеческая интуиция, по своему обыкновению, расшифровывает послания из будущего; не случайно единственным новым коллективным органом, созданным в XXI веке, стал Совет по правам человека ООН. Хотя этот орган по-прежнему функционирует на неидеальной основе государств в качестве членов, он уже символизирует основную тенденцию эпохи: человек, его достоинство, свобода, способность к действию и свершениям является центральным столпом мировой архитектуры.

В то же время, к сожалению, конфликты, начавшиеся в прошлом, продолжают и теперь. Но действительно грозная опасность заключается в том, что природа не терпит пустоты; задержка рождения нового миропорядка, основанного на защите отдельных граждан

в мировом масштабе, влечет за собой непрекращающуюся борьбу между нациями по первобытным законам. Головокружительный ритм трансформации нашей жизни в результате технологического прогресса у многих вызывает чувство тревоги и желание укрыться от нее в «стенах» старых общественных структур. Мы подходим к судьбоносному моменту истории. Очевидно, что логика прогресса подразумевает зарождение нового мира, действующего по законам индивидуальности, но в то же время инерционное сознание не вполне готовых к этому социальных групп приводит к отторжению нового и возврату к прошлому как к своеобразному «щиту». Поэтому сохраняется напряженность и продолжают расти военные бюджеты. Однако если наша цель — избежать необратимого нарастания конфликтов, разрушения и регресса, то мы должны как можно скорее создать и привести в действие новые структуры нового миропорядка.

Каковы основные неотложные задачи, решение которых обеспечит повышение глобальной способности к нейтрализации конфликтов, представлению гарантии мирной жизни и консолидации перспектив открытого мира для отдельных граждан?

По моему мнению, до тех пор, пока не будет изобретен более эффективный, действительно работающий инструмент, приоритетом является консолидация потенциальных возможностей *Организации Объединенных Наций, Всемирной торговой организации и Конференции по разоружению*. Мы могли бы укоренить рациональное поведение в глобальном масштабе, предоставив больше реальных полномочий этим трем глобальным институциональным механизмам управления мировым развитием. Все, кто занимается международной политикой, прекрасно знают слабые места Организации Объединенных Наций. Ее механизм отличается медлительностью, бюрократизмом и отсутствием реальных полномочий. Тем не менее, это единственная политическая организация всемирного масштаба, имеющая возможность, хотя пока и небольшую, влияния на ключевой вопрос человеческого сосуществования: войну и мир. Пытаясь заменить ООН другими организациями, мы рискуем утратить структуру, много лет служившую жизненно важным глобальным регулирующим механизмом. Предлагаю все же отказаться от риска и сосредоточиться на предоставлении дополнительных полномочий существующим организациям.

Что касается необходимых направлений работы, то я считаю, что перед ООН стоят две основные задачи.

Первая связана с *Советом Безопасности*, который необходимо реформировать. Сохранив постоянное членство пяти центральных государств, мы должны отменить их право вето. Затем к ним необходимо добавить еще пять солидных государств, представляющих интересы влиятельных глобальных сил либо один из континентов. С моей точки зрения, такими странами могли бы стать Япония, Индия, Германия, один представитель от Африки (с возможностью ротации) и один представитель от Латинской Америки.

Эта группа, состоящая из 10 наций, несколько «разбавит» сложившуюся систему, при которой судьбы мира определяют отдельные государства, и станет еще одним шагом на пути к глобальному управлению. Кроме того, в Совете Безопасности должно быть 15 временных членов — отдельных стран с ротацией каждые три года, благодаря чему увеличится участие государств любого типа и размера в повседневной деятельности Совета. Более того, необходимо наделить Совет Безопасности дополнительными полномочиями по прекращению конфликтов и содействию развитию. Такие реформы не сделают существующий механизм совершенным, но позволят повысить его способность к реальным действиям в качестве нашего единственного органа с глобальным представительством с целью сохранения глобального мира.

Вторым направлением работы является *Совет по правам человека*. Необходимо расширить его полномочия, чтобы он стал более авторитетным и независимым. Декларация прав человека, принятая в 1948 году, должна стать неотъемлемой основой деятельности Совета и гарантией свобод и возможностей каждого отдельного человека, обладая преимущественной силой по сравнению с любой подавляющей властью или действием любого государства. Этот орган должен стать гарантом безопасности всех граждан мира в XXI веке.

Далее стоит отметить решающую роль *Всемирной торговой организации*. Экономические взаимоотношения умножают рост и прогресс. В настоящее время этот множитель играет особенно важную роль, так как действует в некоторой степени на глобальном уровне. Все еще необходимо совершенствование по ряду направлений, видов деятельности и территорий, но невозможно отрицать то, что открытый рынок товаров и услуг в настоящее время более реален, чем когда-либо ранее. Всемирная торговая организация является гарантом действия открытых глобальных правил. Защита ВТО и консолидация под ее эгидой обеспечивают безопасность открытой глобальной экономической среды. Чем больше полномочий у этой организации, тем боль-

ше инициатив отдельных людей в глобальном масштабе получают возможность реализации; это подразумевает воплощение индивидуальных творческих замыслов и проектов во всем мире.

Последней, но не по значению, следует упомянуть центральную роль, которую мы отводим *Конференции по разоружению*. Она должна ограничить масштаб вооруженных конфликтов и обеспечить движение в направлении разоружения на основных пространствах, и первое из них, требующее безопасности, — космос. Мы не имеем права допустить выхода гонки вооружений за пределы планеты Земля. Космическое пространство не должно стать новым этапом развития вооружений; в противном случае разрушительную природу человечества будет невозможно ограничить. Это должно стать нашим главным приоритетом, границей допустимого: не пустить за пределы Земли наши проблемы, связанные с вооружением. Если мы достигнем этой цели, то сможем контролировать масштаб гонки вооружений в пределах нашей планеты.

Подводя итог, хочу сказать, что мы всегда должны помнить: стремление одной нации или одной группы людей доминировать над другими — неискоренимое свойство человеческой природы. Тем не менее, сегодня наш уровень разумности и развития позволяет нам создать устойчивые правила, дающие возможность противостоять любым злоупотреблениям властью и нейтрализовать любое потенциальное индивидуальное или коллективное безумие. Надо использовать текущий мирный период, чтобы подготовить необходимую глобальную политическую архитектуру, которая смогла бы обезопасить мир свободных граждан в глобальном масштабе, мир невиданного прогресса, растущего благосостояния, завораживающего разнообразия и потрясающей креативности. Именно это, а не колонизация Марса или покорение просторов Вселенной является нашей главной задачей в нынешнем веке. Давайте сначала добьемся успеха на планете Земля, чтобы затем перенести свой успех в бесконечный неизведанный мир галактик и Вселенной.

А. П. Марков¹

ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ

Безраздельно и глобально доминирующий в последние три столетия западный проект модерна вступает в стадию своего завершения — выстроенная на базе достижений фундаментальных наук техногенная цивилизация, исчерпав возможности экстенсивного развития, подошла к критическому рубежу, вошла в «фазу злокачественного перерождения»². О неизбежности смены цивилизационной парадигмы свидетельствует расширение спектра глобальных кризисов геополитического, культурно-антропологического и экологического характера (истощение запасов энергии, климатические изменения, рост насилия, увеличивающийся риск техногенных катастроф, достижения геномной инженерии, угрожающие среде обитания и биологической природе человека), которые ставят под сомнение модель прогресса, реализованную на предшествующем этапе техногенного развития. Разрушительной для всего живого стала неоллиберальная модель капитализма, основанная на принципах абсолютной свободы предпринимательства и максимизации прибыли любой ценой, доминировании финансовых спекуляций и утверждении потребительства как образа жизни³. Уничтожением человечества грозят обострение глобальной конкуренции, усиливающаяся конфронтация между западной цивилизацией и мусульманским миром, все более ожесточенный характер информационных и гибридных войн, истощенность невозобновляемых природных ресурсов, обеспечивающих воспроизводство капиталистической модели.

Мировое сообщество начинает понимать губительные последствия капитализма, который сегодня вступает в противоречие не только с этической базой мировых культур, но и со стремлением человечества к выживанию. Ведущие ученые мира сходятся в главном: сегодняшний капитализм становится недееспособным в долгосрочной перспективе даже с точки зрения его экономической целесообразности. Перед лицом социально-экономической, политической и геоклиматической катастроф мир ожидает демонтаж капитализма и создание новой системы, параметры которой пока труднопредсказуемы⁴. Лежащая в основе западной ци-

вилизации классическая модель капитализма исчерпала свой адаптационный потенциал, обеспечивающий ранее опережающую рефлексию возникающих проблем и выработку сценариев трансформации в соответствии с ключевыми вызовами времени. В результате мир оказался у «красной черты», а человечество — в транзите к новому мировому порядку.

«Глобальный переход» цивилизации в посткапиталистическую фазу связан с наступлением четвертой промышленной революции (которая приходит на смену нынешней информационной революции, третьей по счету после аграрной и индустриальной), делающей неизбежным переход человеческой цивилизации к шестому технологическому укладу. Инфраструктуру нового экономического уклада составляют: тотальная автоматизация производства, многократно повышающая его эффективность и практически исключая человека как субъекта труда; нанотехнологии, создающие новые технологические цепочки для основных видов промышленности; биотехнологии, опирающиеся на достижения молекулярной биологии и геномной инженерии; интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Набирающая обороты экспансия кибернетических технологий (искусственный интеллект, робототехника, глобальные информационные сети, аддитивные 3D-принтеры и когнитивные технологии) глобально меняет привычный мир, формируя сложную систему саморегулируемого производства, сокращающего пространство человеческого участия, модифицируя основные сферы жизнедеятельности и ключевые институты современного общества. «Кибернетическая революция», помимо существенной модификации института производства и распределения, совершает переворот в системе гуманитарных (или антропоцентрированных) технологий. Уже сегодня активно создаются самоуправляемые системы контроля поведения человека в обществе и управления социальными процессами; происходит не только совершенствование «умных» технологий, но и очеловечивание их функционально-коммуникативной составляющей (использование языка, голоса, жестов); разработаны системы и программы анализа огромных массивов информации, модули которой способны не только анализировать, но и вступать в самостоятельную интерактивную коммуникацию, конструировать адресную, специализированную и персонализированную информацию.

Четвертая промышленная революция неизбежно преобразует традиционную капиталистическую модель (с ее алчностью, беспощадной конкуренцией, репрессивным характером отношений к человеку, природе, культуре) в посткапиталистическую систему. Она знаменует начало перехода современной цивилизации к новому типу цивилизационного развития, контуры которого пока весьма туманны. «Мы на краю нового эволюционного скачка за пределы капитализма»⁵.

⁵ Пол Мейсон: Конец капитализма уже начался. Что дальше? URL: <http://left.by/archives/6825>

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 150 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культурологическая модель высшего образования» (в соавт.), «Национальная идея как смысл и судьба "русской цивилизации"», «Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества» (в соавт.), «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Жутиков М. А. Демонтаж цивилизации? // Наш современник. 2009. № 9. С. 213.

³ Гранин Ю. Д. Столкновение и кризис идентичностей в глобализирующемся мире : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 387.

⁴ Фурсов А. Конец эпохи. URL: <http://www.razumei.ru/lib/article/1698>

Входящий в фазу роста новый технологический уклад радикально меняет структуру капиталистической экономики, деформирует ее институциональную базу и разрушает человеческий фактор бизнеса.

1. Энергетическая система грядущей экономики «с нулевой опорой на углеводороды» и технологии производства «с нулевыми предельными издержками» разрушают рыночную инфраструктуру, деформируя традиционные институты капиталистической экономики. Существенно трансформируется практика измерения прибыли — уже сегодня информационная составляющая продуктов становится более ценной, чем физические вещи, из которых они были произведены. «Глубоко некапиталистическим» становится рынок, который потребительскую ценность, определяемую полезностью товаров и услуг, замещает стоимостью активов и ценностью рыночного обмена. Фантастическое повышение производительности труда и ликвидация привычных форм конкуренции снижают значимость классических маркетинговых стратегий, в перспективе делая ненужной систему маркетинга. По существу, капитализм сам изживает институт частной собственности, которая прошла многовековой путь развития и в исторической перспективе обречена на исчезновение. Замена частной собственности ее альтернативными моделями неизбежно вызовет модификацию морали, которая сложилась на базе капиталистического производства и соответствующего образа жизни.

2. Смена технологической парадигмы сопровождается изменением форм и накалов финансирования — традиционные для капиталистической модели инвестиционные стратегии замещаются новыми формами совместных «народных» инвестиций, позволяющими снизить экономическую зависимость от государственных финансов, которые лежали в основе «золотого века» прошлой технологической волны¹.

3. Экспансия информационных технологий, обеспечивающая вступление мира в посткапиталистическую эпоху, стимулирует процесс формирования альтернативной капитализму «экономики совместного пользования», отвергающей логику традиционного капиталистического рынка. Формирующийся параллельный мир «экономики совместного пользования» становится альтернативой шестому укладу, который обещает резко сократить пространство человеческого участия в производстве. Новыми источниками и ресурсами посткапиталистического богатства («валютой посткапитализма») становятся: владение информацией, которая никому не принадлежит; свободное время; бесплатные вещи и сетевая активность населения; пиринговые компьютерные сети, основанные на равноправии участников. Сетевое взаимодействие генерирует новый вид благосостояния, который образуется вне классического производства и рынка.

Переход современной цивилизации в ее посткапиталистическую фазу неизбежно будет сопровождаться неоднозначными последствиями:

1) формирующаяся новая модель хозяйственной жизни, фантастически сокращая пространство челове-

¹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания : пер. с англ. М. : Дело, 2011. С. 49.

ческого участия, меняет роль человека в общественном производстве. Шестой экономический уклад лишает человека статуса не только производителя, но и потребителя в сегодняшнем понимании. Он переводит человеческую цивилизацию в эпоху трансмодерна, несоизмеримую с нашим жизненным миром, — время так называемого сингулярного перехода реальности в иное, постчеловеческое состояние²;

2) технологический переворот в основных сферах производства с неизбежностью разрушит существующую социальную структуру общества — за счет массовой безработицы и существенного сокращения социальной базы среднего класса, который растворяется в массе «государственных иждивенцев», живущих на фиксированном пособии — базовых выплатах на регулярной основе, обеспечивающих сносное существование человека, без каких-либо условий и обязательств, вне зависимости от того, работает человек или нет. Вытеснение труда из сферы человеческой жизнедеятельности и тотальное освобождение человека чреватые фундаментальной модификацией жизненных стратегий, а также грядущими социальными волнениями³. Формирующаяся на основе шестого технологического уклада новая цивилизационная модель вытесняет традиционные механизмы солидарности и взаимопомощи, отказывается от традиционных базовых ценностей и моральных принципов, регулирующих жизнедеятельность общества;

3) «побочным» следствием кибернетической революции станет интеллектуальная деградация основной массы человечества — сберегающие технологии, с одной стороны, выбрасывают за рамки мирового рынка многочисленную малоквалифицированную рабочую силу, с другой — делают нерациональной и избыточной систему массового профессионального образования. Обслуживанием производства будет заниматься узкий сегмент высококвалифицированных специалистов.

Россия имеет все шансы занять лидирующее положение в посткапиталистическом мире. Во-первых, этому способствует «генетическое» отторжение «русским миром» стяжательского и антигуманного духа капитализма. Порожденный европейской цивилизацией капитализм был не столько экономическим, сколько культурным фактом — базовым условием становления капиталистической модели стала существенная корректировка христианской антропологии. Глубинная оппозиция западной цивилизации и русской культуры очевидна — начиная с эпохи Возрождения европейская культура делает очевидный поворот в сторону языческой антропологии, утверждая в качестве жизненных

² Кутырев В. А. Отдадим все машинам!.. И себя тоже? // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017.

³ Такая перспектива может стать значимым фактором консолидированных протестных движений глобального характера. С одной стороны, «миллионы людей начинают понимать, что им продали мечту, которая в реальности неосуществима. Они отвечают гневом — и отступают к национальным формам капитализма, которые лишь раздражают мир на части». С другой стороны, «создав миллионы включенных в сеть людей, инфокапитализм создал новый двигатель исторических перемен: образованное и связанное с другими человеческое существо» (Пол Мейсон).

приоритетов силу, власть, богатство, наслаждение, автономию, успех. Мировоззренческая матрица русской цивилизации находится на противоположной шкале координат — она всегда утверждала глубоко некапиталистическую систему ценностей: социальную справедливость как важнейшее условие общественной солидарности; универсализм и надэтническую идентичность; пассионарный пафос служения и стремление к общечеловеческому единству.

Во-вторых, перспективу России войти в группу ведущих экономик мира обуславливает глобальный характер четвертой промышленной революции, меняющий состав лидирующих фирм, стран и регионов, обеспечивающий конкурентоспособность стран, способных быстрее других «выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних стадиях развития. И наоборот, в силу нелинейности процесса распространения новых технологий вход для опаздывающих с каждым годом будет становиться все дороже и закроется с достижением новым технологическим укладом фазы зрелости»¹. Ключевым условием перехода Рос-

сии к «экономике лидерства» в сложившейся ситуации становится идеология форсированного инновационного развития, способная активизировать сверхусилия нации и обеспечить консолидированное участие всех социально ответственных сил общества.

Сегодняшняя Россия находится в стадии кризиса — в той «точке бифуркации», в которой с одинаковой вероятностью сочетаются траектории гибели и содержатся шансы спасения, преобразования (*др.-греч.* κρίσις — решение, поворотный пункт). Ситуация кризиса в максимальной степени чувствительна к конструктивным идеям и замыслам, она готова востребовать инновационные проекты, обеспечивающие экономический прорыв. Предельная неустойчивость системы в такой ситуации снижает значимость силы воздействия, повышая при этом роль концентрированного и целенаправленного «укола», способного перевести систему в новое качество. Адресом такого «укола» в современной ситуации является «человеческий капитал» России, возвращение и сохранение которого должно быть не просто задачей, но спасительной миссией государства и всех здоровых сил общества.

Г. Меттан²

СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ, А НЕ МИРА, ГДЕ ЦАРИТ МИР

Вот уже примерно 20 лет, как мы вступили в эпоху постмодернизма. Уже несколько лет мы живем в эпоху постправды и постдемократии. Предполагается, что на международном уровне заканчивается эпоха постгегемонии, чтобы мы начали жить в многополярном мире. Может быть... Возможно, ученые, которые придумывают слова для описания новых реальностей, правы. Но, по-моему, это только новые слова, которые скрывают старые реальности за облаком пыли.

А единственная жестокая реальность нашего времени, несмотря на то что мы можем сказать о революции в сфере информационных технологий, новой трансформации промышленного производства, экономике 4.0, цифровизации и роботизации, состоит в том, что мы начинаем новое безжалостное соревнование за доминирование в мире. Наша планета — это ограниченное пространство: ее ресурсы, рынки для международных корпораций ограничены, происходит изменение климата, менее развитые народы, как и более сильные, стремятся сами управлять в своих странах. Западная гегемония под руководством США находится под давлением. В этом контексте напряжение и конфликты между народами, религиями, этническими группами, классами общества в долгосрочной перспективе будут только

нарастать. Культура и информация во все большей степени становятся инструментами власти, они встроены в глобальную борьбу за доминирование в мире.

Понятие новой холодной войны не является подходящим для понимания нынешнего положения дел в мире. Эта концепция хорошо звучит, но сбивает с толку и ведет к неправильному пониманию. Для того чтобы понять происходящее сегодня, не нужно смотреть на недавнюю историю, вместо этого нужно взглянуть в далекое прошлое, в историю давно минувших дней, когда начался упадок Римской республики и она превратилась в мировую империю.

По-моему, мы живем в переходное время — от того, что мы могли бы назвать «Имперская республика Соединенных Штатов Америки», к «Новой Американской империи». Термины важны, потому что цели, амбиции и ресурсы имперской республики сильно отличаются от целей империи.

Цели имперской республики неограниченны, ничем не сдерживаются. Имперская республика ориентирована на полное господство над миром. Она навязывает свои нравственные и политические ценности всему человечеству, у которого нет возможности разделить ее широкие взгляды. Так было в случае Советского Союза, который хотел распространить свои коммунистические ценности по всему миру, и так было в случае либеральной демократии США, которые также хотели навязать предполагаемые преимущества своей системы миру, страдающему от коммунистического правления. Так было во времена холодной войны, которая представляла собой конфронтацию двух имперских республик.

¹ Глазьев С. Какие инновации обеспечат опережающее развитие российской экономики. URL: <https://izborsk-club.ru/14936>

² Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева от Христианско-демократической партии (ПДС). Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад—Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

После распада Советского Союза либеральная республика Соединенных Штатов Америки пережила короткое десятилетие полной гегемонии. Неоконсерваторы и либеральные демократы в Вашингтоне недолгое время думали, что победили в холодной войне, и навязывали либеральную демократию и свободный рынок остальному миру, о чем писал в своей книге о конце истории и триумфе либерально-демократических ценностей Ф. Фукуяма.

Президенты Буш-старший и Буш-младший, Билл Клинтон и кандидат в президенты Хиллари Клинтон, а также президент Обама являлись проводниками этой имперской воли и стремления к гегемонии. Для них Россия была больной мозолью, и они всегда стремились к тому, чтобы ее сломить, — так написал в 1996 году Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска». Но поскольку в этом они не преуспели, то попытались подчинить ее или насильственно трансформировать (в настоящее время посредством экономических санкций) хитрыми методами «мягкой силы» под западную либеральную демократию или свободную рыночную экономику, где доминируют США, транснациональные корпорации и правят представители глобалистской олигархии.

При этом в Европейском союзе доминируют доброжелательная Германия во главе с Ангелой Меркель и новая Франция, где правили Саркози и Олланд, отказавшиеся от идей де Голля: они предпочли присоединиться к командованию НАТО и сыграть роль верных сторонников интересов США, вместе выступив против их традиционных врагов типа Каддафи в Ливии и Асада в Сирии. Европейский Союз превратился в уполномоченного передатчика западных ценностей, либеральной демократии и свободной рыночной экономики в Европу и на Украину, а также в другие части света, особенно в Африку и на Ближний и Средний Восток.

Но избрание Трампа президентом разрушило этот проект и работу хорошо отлаженного механизма. Именно по этой причине с Трампом сейчас борются в Америке, а русофобия в США достигла огромных масштабов. Избрание Трампа стало показателем большого сдвига в американской политике и отказа от целей имперской республики, то есть тотальной гегемонии в мире, в пользу более прагматичного и удобного доминирования в ограниченной части этого мира. Трамп, как и Обама до него, разумно признал подъем Китая и новый подъем России как данность. Он придерживается мнения, что в настоящее время США должны сосредоточить внимание на своей основной территории (где инфраструктура и низшие классы общества находятся в отчаянном положении) и зоне своего влияния: Европе, Латинской Америке, Израиле и вассальных государствах Тихоокеанского региона, таких как Япония, Южная Корея или Таиланд. Именно это мнение вызывает недовольство неоконсерваторов типа Джона Маккейна и либеральных демократов типа Клинтонов. Они не могут принять отказ от гегемонии в мире и то, что им придется расстаться со своими мечтами. Именно по этой причине они не могут простить Трампа, который сломал их игрушку.

Что представляют собой характеристики империи и что это означает для России? Самое большое различие между имперской республикой и империей — это стабильность. Империи ищут стабильность, в то время как имперские республики стремятся к завоеваниям новых территорий, авантюрам, революциям. Нестабильность — их девиз и повод к существованию. Имперские республики всегда подвержены разочарованиям, их стремление к власти никогда не исчерпывается, в то время как империи могут признать свои границы, если им не угрожают на их собственной территории. Демократическая конфронтация народов, политических партий, культурных различий, разных религий внутри имперской республики постоянно поддерживает непрекращающееся кипение в котле: крышка всегда может слететь, и произойдет взрыв, а завоевание новых пространств — для них обычное дело, и не имеет значения, что покорять — культурные достижения, религиозные верования или территории.

Если сделать небольшой экскурс в историю, то римские завоевания совершили полководцы и олигархи республики, а не императоры. Римская империя, созданная Августом, отказалась от идеи покорения новых территорий и подчинения новых народов для сохранения имевшегося положения и была вполне счастлива управлять тем, что находилось в границах, установленных старой республикой.

В этом свете мы можем рассматривать Трампа как провидца и инициатора новой, только зарождающейся Американской империи. В предстоящие годы история покажет нам, будут ли его рассматривать как успешного гения типа императора Августа, который смог положить конец имперской республике, существовавшей долгие годы, и создать империю. Или он станет новым Юлием Цезарем, который хотел создать новую монархию, но в конце концов был убит сторонниками разрушающейся республики.

Для обеспечения стабильности империи нужно выполнить два основных условия: процветание и безопасность. Чтобы люди оставались спокойными, а в обществе постоянно поддерживалась «средняя температура», империи должны обеспечивать своим народам минимальный уровень жизни и комфорта. Во времена Римской империи это называлось *panem et circenses* (лат. «Хлеба и зрелищ!»). Другими словами, пока они обеспечивают хлеб и игры, еду и развлечения, империи могут существовать веками: их легитимность не ставится под сомнение.

Второе условие — это безопасность. В империи больше нет граждан, поскольку им не разрешается участвовать в управлении империей, но очень важно сохранять фикцию демократии, что идеально получалось у Августа, — люди должны чувствовать личную безопасность в разумных пределах. Полиция в империи должна быть сильной и действовать эффективно: пиратов, воров, спекулянтов-мошенников и смутьянов — возмутителей спокойствия необходимо судить или публично распинать на кресте, как Иисуса Христа, или они должны погибнуть, как Спартак. Их также можно отдать на растерзание львам, чтобы обеспечить зрелище на радость и в назидание массам: каж-

дый может видеть, что последует, если он нарушит порядок в империи. Бывшие президенты С. Милошевич, Саддам Хусейн и Муаммар Каддафи успешно сыграли эту роль на международной арене в последние годы. Они заслужили нашу благодарность, потому что умерли с честью в борьбе и показали великолепное развлекательное представление для западной публики. Президента Асада просили сыграть такую же роль, но он оказался более стойким или удачливым, потому что его неожиданно спас сильный человек Владимир Путин. Посмотрим, согласится ли Ким Чен Ын стать следующим кандидатом на роль жертвы в большом цирке Американской империи под аплодисменты всех без исключения западных СМИ. Поскольку шоу должно продолжаться, мы можем быть уверены, что в тот или иной день будут выбраны другие кандидаты.

Эти примеры демонстрируют, что для сохранения мира у себя в стране империям часто требуется вести войны за пределами своих границ. Чтобы насилие на внутренней территории оставалось на низком уровне, империям нужно выносить его за пределы своих стран. По этой причине империя никогда не живет мирно со своими соседями на протяжении долгого периода времени. Она должна вести войну, по крайней мере одну войну при жизни каждого поколения (один раз 20–25 лет), но не чаще. Во времена имперской республики необходимость вести войны возникает гораздо чаще: за 230 лет истории Америка вела войну каждые 3–4 года.

Хорошая новость, если можно так сказать, состоит в том, что чем в большей степени США будут превращаться в империю, тем меньше у них будет искушения вести войны. Если у Трампа получится превратить Америку в империю, риск войн снизится в 3–4 раза, но не исчезнет полностью. Империи по своей природе авторитарны, им нужны мощные вооруженные силы, а также сильная полиция. Плохая новость состоит в том, что эти войны, если и станут менее частыми, все же никогда не закончатся, что мы наблюдаем в случае с Афганистаном, где увязли войска НАТО. Империя может только выигрывать войны. Если империя проиграет войну, она исчезнет.

В этом случае у нее только два летальных варианта: в нее вторгнется победитель, или произойдет переворот по типу революции 1917 года в России. Империи могут проигрывать только сражения, но не войны. Римская империя проиграла много сражений, но ни одной войны, до тех пор пока не была полностью покорена после семи столетий существования. То же самое можно сказать о Византийской империи, которая существовала тысячу лет. Гений греческих правителей состоял в том, чтобы избегать проигрыша в войнах, а если такое все-таки случалось — в том, чтобы превратить эту неудачу в почетный мирный договор благодаря умелой пропаганде.

Империя также означает:

— цель — господство на территории с более четко установленными границами, при растущей вассализации составляющих ее частей. Фактически (но не на словах) империя не признает ни союзников, ни друзей, только государства-вассалы. Именно такой

курс сейчас проводится в Латинской Америке и Европе, после того как было покончено с левыми южноамериканскими правительствами и удалось добиться полного подчинения Европейского союза американской политике;

— медленное, но постоянное разрушение демократии. Мы вступаем в фазу постдемократии и формирования олигархического государства, когда демократия ограничена местным уровнем, то есть муниципалитетами и региональными правительствами;

— умное и дальновидное управление насилием. Империя становится все менее демократичной и все более авторитарной, и перед ней встает проблема управления насилием. Для того чтобы сохранить мир в рамках своих границ, ей требуется направить насилие за пределы своих границ, на окраины своих территорий, например в мусульманские страны и арабский мир. Теорию под этот особый экспорт насилия подвел мусульманский мыслитель Ибн Хальдун, который попытался объяснить успехи и провалы мусульманских халифов. Ибн Хальдун показал, что легитимность империи проявляется в ее способности обеспечить своему населению процветание и безопасность. Чтобы этого добиться, она должна расширять внутренний обмен товарами и услугами и «изгонять» чувство неуверенности и небезопасности за свои пределы. Другими словами, империи постоянно нужны войны за пределами ее территории — это и есть глубинное значение фактической борьбы с терроризмом или войн с неблагонадежными государствами, угрожающими международной безопасности, которые ведут США;

— империя по определению — не национальное государство. Нация может породить империю — это факт. Но как только национальная республика превращается в империю, она больше не может быть представлена одним народом. Империя — это сумма разных народов, религий, культур и т. д. Империя по сути космополитична. Это может быть «плавильный котел» или открытый рынок для мигрантов, что обязывает ее быть авторитарной, чтобы справиться с ксенофобией;

— новая организация труда с созданием нового типа крепостничества. При новом имперском порядке, который глубоко олигархичен, наблюдается тенденция ко все большей концентрации экономики в руках небольшой группы предпринимателей, которые становятся все богаче. Именно это произошло после колониальных войн, которые вела Римская республика: земля распределялась между гражданами-солдатами, а потом маленькие фермы были заменены небольшим количеством лиц, в руках которых была сконцентрирована земля, и крупными землевладельцами с обширными поместьями, которые получили название *латифундии*.

В этом смысле равенство и средние классы исчезают, чтобы быть замененными только двумя классами: с одной стороны, крупные владельцы и класс олигархии, с другой — народные массы, превратившиеся в уязвимый и доступный для использования рабочий класс или даже класс безработных, как в Римской империи, когда низшие классы поддерживали публичной раздачей хлеба и зерна.

Новый экономический порядок также способствует приватизации государства. Государственные услуги и обычные обязанности государства приватизируются шаг за шагом или делегируются в частные руки, как было в Римской империи или французской монархии. Армии фактически приватизируются, превращаясь в так называемые профессиональные армии, в которых солдаты получают жалование. Гражданин-солдат и воинская повинность исчезают. И вскоре, в следующие десятилетия, финансовые услуги тоже будут приватизированы под предлогом большей эффективности частного сектора;

— империя более стабильна и предсказуема, чем республика, но и более опасна. В случае России это оз-

начает, что если Трамп добьется успеха, то она получит временную передышку, но только временную. В долгосрочной перспективе опасность открытой войны и прямой конфронтации выше у империи, чем у республики.

В таком мире может происходить только разрушение истинной культуры. Больше нет места для творчества, независимости и прорывов. Могут использоваться только старые образцы или новые банальные и социально незначимые новшества. Превалирует массовая культура, которая представляет собой эффектное зрелище, но истинная культура живет в ограниченных маленьких группах мыслителей или художников, которые поддерживают свет, но только для ограниченной аудитории.

В. В. Миронов¹ МАРКС И РОССИЯ

Любой человек, живущий в России, не может игнорировать образ Маркса и теорию марксизма, и это касается не только ее профессионального исследования философами, экономистами или юристами, ибо марксизм в одной из версий попытались реализовать в нашей стране на уровне реальной политической практики и господствующей идеологии. Вряд ли какая-нибудь еще социальная теория удостоилась такого внимания и такой степени распространенности в умах мыслителей. Причем степень колебания в понимании и трактовке марксизма в нашей стране была, наверное, одной из самых высоких. Даже сама личность Маркса предстает в российском сознании то в образе героя, а то в области злобного трикстера.

Во многом это можно объяснить доминированием идеократического сознания в российском обществе, которое очень давно было высказано в емкой формуле Ф. Пютчева о том, что «умом Россию не понять» и что

в нее «можно только верить», которая западает в сознание наших граждан еще со школьной скамьи. Идеократическое сознание базируется на вере в идею как таковую, а поэтому воспринятая философская теория здесь также приобретает фетишизированный характер. К ней относятся не как к концептуальной модели, а как к некоей ниспосланной свыше системе рецептов переустройства социального порядка. В такую модель необходимо влюбиться почти чувственным образом. И во многом это испытала на себе и теория Маркса, да и сам Маркс как личность.

Не удивительно, что атеистическая теория марксизма для многих ее сторонников в России была своего рода религией, от которой отказались как от государственной идеологии, но которая для многих ее сторонников и сегодня выступает именно в этой ипостаси. Лидеры коммунистической партии нашей страны регулярно подчеркивают близость системы ценностей коммунизма и православия², игнорируя принципиально атеистическое содержание как марксизма, так и марксизма-ленинизма как главных теоретических источников теории научного коммунизма.

Идеократическое сознание деформирует реальное восприятие практического поведения людей, будь то область политики или экономики, которые всегда оценивались прежде всего с идеологических позиций или выступали просто проекцией той или иной идеологической схемы. Реализация идей Маркса в нашей стране приняла характер весьма своеобразной интерпретации марксизма, и «созданный в СССР строй соответствовал Марксовой модели социализма не более, чем общество Древней Месопотамии. В действительности под флагом социализма в стране реализовался вариант описанного Марксом “азиатского способа

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Единство разнообразия. Разнообразие единства», «Философия. Введение в метафизику и онтологию» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Размышления о реформе российского образования», «Современные трансформации в культуре», «Человек как субъект и объект медиапсихологии» (в соавт.), «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.); статей: «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Противоречивость реформ российского образования», «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации», «Зачем нам философия сегодня?», «Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

² Об этом говорит, например, программная статья Г. Зюганова «Коммунизм и православие»: «Святой долг коммунистов и Русской православной церкви — объединить наш многонациональный народ на основе общих традиционных ценностей добра, справедливости, коллективизма, взаимопомощи и высокой духовности» (см.: <http://newsland.com/community/5392/content/sviatoi-dolg-kommunistov-i-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi/5772752>).

производства»¹. Многие фундаментальные положения Маркса, которые якобы использовали их адепты, на практике реализовывались с точностью до наоборот: общественное бытие, которое, по Марксу, должно было определять общественное сознание, оказывалось реализацией самих идей и построения общества по некоей идеологической схеме, в которой «Марксовы базис и надстройка в некотором смысле меняются местами — не власть является функцией собственности, а, наоборот, собственность является функцией власти. Следствием такого устройства является гипертрофированная государственность, тождественная отсутствию гражданского общества»². Это всегда оставалось почвой и для утверждения особой мессианской роли России, ради чего можно было жертвовать настоящим — ради счастливого будущего, что выступало основой официальной идеологии. Такое идеократическое мышление удобно для политиков как средство манипуляции.

Идеократическое общество в смысле государственного устройства всегда стремится к политаризму, когда государственные структуры подминают под себя гражданское общество. И вполне естественно, что из этого вытекает и трактовка власти, которая необходимо связана с вождем как ее олицетворением³.

Удивительно, что в качестве героя в Россию проник образ Маркса, который сам к нашей стране относился, мягко говоря, противоречиво и даже скорее негативно. Это вряд ли было продуктом примитивной русофобии (как иногда считают), скорее проявлением социально-классового подхода, следование которому позволяло сделать выводы о реакционности монархического строя Российской империи середины XIX века. И эти выводы часто приобретали личностный характер, затрагивая русских, которые так или иначе пересекались с Марксом.

В одном из писем к Кугельману Маркс пишет: «Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся в своих выступлениях не только на немецком, но и на французском, и на английском языках, всегда были моими “благодетелями”...»⁴. В то же время Маркс был секретарем русской секции Интернационала, изучал русский язык, цитировал Пушкина, среди людей, с которыми он вел диалог, много разных представителей российской интеллигенции. В последние годы жизни Маркс специально и очень вдумчиво работал над проблемой возможности движения к социализму не самых передовых в экономическом отношении стран, в частности России.

В список лиц, к которым Маркс был небезразличен, входят крупные и известные, в том числе и в Европе,

¹ Момдзян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. Ч. 1. С. 22.

² Момдзян К. Х. Антропологический аспект российской самобытности // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / науч. ред. К. Х. Момдзян, А. Ю. Антоновский. М.: Канон+, 2015. С. 145–146.

³ Момдзян К. Х. Введение в социальную философию. М.: Высш. шк.: КД «Университет», 1997. С. 27.

⁴ Маркс — Людвигу Кугельману, 12 октября 1868 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 32. С. 472.

фигуры. Например, с М. А. Бакуниным К. Маркс был знаком с 1844 года. Вот как вспоминает об этом Бакунин: «Однако никогда между нами не было полной откровенности. Наши темпераменты не выносили друг друга. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и он был прав; я называл его вероломным и скрытным тщеславцем, и я был тоже прав»⁵. Не менее значимыми были отношения Маркса и Герцена, которого Маркс так же оценивал во многих случаях весьма негативно и критично, называя «социалистом на словах». Надо отдать должное: Герцен не оставался в долгу, называя последователей Маркса словом «марксиды»⁶, в котором распознается аллюзия со словом «гниды». В то же время Маркс симпатизировал многим российским революционным демократам (упомянем имена Лаврова, Чернышевского, Добролюбова, Засулич). Наибольшей симпатии здесь удостоился Лопатин, про которого Маркс пишет: «Он — единственный “солидный” русский из всех, кого я до сих пор встречал, а национальные предрассудки я скоро из него выбью»⁷.

Отношение к Марксу в России тоже было своеобразным. Власти императорской России начиная с 1844 года внесли Маркса в список лиц, которых предписывалось немедленно арестовать в случае приезда в Россию. Начиная с этого времени власть постоянно предписывала всячески бороться с коммунистическими идеями. В то же время некоторые теоретические работы Маркса, в первую очередь «Капитал», были пропущены цензурой (скорее всего, в силу невежественности) и издавались легально. В России уже в 1848 году была издана «Нищета философии», а в 1873-м — перевод «Капитала». Причем объявления о выходе переводов помещались в правительственных газетах.

Таким образом, мы видим, что и марксизм, и его основатель часто воспринимались в России через состояние увлеченности, доведенного до «влюбленности», что очень характерно в целом для российской интеллигенции. Однако именно это является и источником почти чувственного разочарования. В советский период весьма упрощенная и своеобразно интерпретированная версия марксизма была превращена в незыблемый канон и стала не только навязываемым сверху атрибутом любого обществоведческого исследования или учебника, но и основой официальной идеологии.

Идеология, возведенная в ранг всеобщей, нуждается в собственных символах и ритуалах, выступая по сути как мифология, сопряженная с художественной окраской тех символов, которые она конструирует. Для большинства людей она требует не знания, а веры в нее. Маркс был превращен в один из главных символов указанной идеологии, которая детализировалась в зависимости от времени и среза общественного сознания.

Можно привести много вариантов таких мифологических конструкций, но достаточно вспомнить миф

⁵ Муриков Г. Парадоксы Бакунина (К 200-летию М. А. Бакунина). URL: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/paradoksy-bakunina-k-200-letiyu-ma-bakunina-0>

⁶ См.: Герцен А. И. Былое и думы: в 3 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. Т. 2. С. 399.

⁷ Маркс — Энгельсу, 3 августа 1870 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 33. С. 24.

о двух Марксах. С одной стороны, *Маркс официальный*, идеи которого широко пропагандируются и преподаются в школах и вузах. А с другой — *непрочитанный или неизвестный Маркс*, который не вписывался в марксистско-ленинскую идеологию. Философия этого периода признается относительно «*незрелой*», переполненной гуманистическими и экзистенциалистскими мотивами. Миф, разделяющий двух Марксов, был популярен в среде преподавателей и студентов. Знание «второго Маркса» стало неким признаком интеллектуальной свободы, *такого Маркса любили в среде гуманитарной интеллигенции*.

Настроения позитивного отношения к Марксу в свое время были блестяще прочувствованы Ю. В. Андроповым, когда он занял пост генерального секретаря в условиях некоторой опасности потери контроля над идеологией, точнее над той частью интеллигенции, которая должна была ее теоретически поддерживать. Главным смысловым тезисом популярной тогда программной статьи в журнале «Коммунист» был призыв «возвращения» к истинной научной социальной теории. Признавалось, что теоретическая база предшествующей идеологии не вполне соответствовала «истинному Марксу». И одновременно делался намек, что к власти пришли вполне разумные люди, которые знают истинного Маркса. Марксизм позже становится идеологической базой для реализации реформ в начальный период перестройки, когда заговорили о социализме «с человеческим лицом».

С начала 1990-х годов стало ясно, что строительство общества «с человеческим лицом» затягивается, а жизнь людей все более ухудшается. Необходимо было найти авторитетный персонаж, которого можно обвинять во всех грехах и неудачах. Удобнее, чем Маркс, фигуры для этого просто не существовало, и вчерашний Прометей становится идеологическим Франкенштейном. От любви переходят к ненависти. Изменяется содержание учебных курсов в университетах и даже школах, закрываются кафедры, переквалифицируются преподаватели. Один из самых поразительных феноменов начала 1990-х годов — едва ли не мгновенное (произошедшее буквально за несколько лет, а иногда и месяцев) превращение адептов марксистской философии, политической экономии и других в ученых и преподавателей, развивающих идеи, весьма далекие от марксизма, а в ряде случаев и активно отрицающих марксизм. Более того, едва ли не повсеместным становится тезис об ответственности Маркса и марксизма за все провалы российской экономики и проблемы общественной жизни.

Сегодня мы переживаем очередной виток «возвращения к Марксу».

Во-первых, оказалось, что именно в характеристике того капитализма, который реализуется в России, Маркс оказался во многом прав. Россия как бы вернула на арену миру образ раннего капитализма, со всем пороками, которые обличал Маркс. Его характерной чертой является нарастание имущественного неравенства, которое в условиях специфического российского олигархического капитализма приняло фантастические размеры.

Во-вторых, теория Маркса актуализировалась и на Западе, ибо после крушения социализма, произошло своеобразное возвращение к образцам классического капитализма, пусть и связанного ныне с новейшими технологиями, о которых Маркс не подозревал.

В-третьих, основой для возрождения интереса к марксизму стали провалы неолиберальной экономической политики. «Радикальный демократизм» европейского типа в России пробуксовывает. Люди устали от социальных экспериментов по моделям «чикагских мальчиков». То есть реальные противоречия общественно-экономической жизни начали создавать предпосылки для возрождения творчески переосмысливаемого марксизма.

Объективно оценивая теорию Маркса, необходимо помнить, что она является не только экономической и социологической концепцией, но и философской. Это означает, что к ней нельзя подходить с мерками только конкретно-научных теорий, смысловое пространство которых задается предметными рамками. Философская концепция не только включает компоненты рационального понимания мира, но и сопряжена с ценностными суждениями о нем. Здесь понятие истины не является доминирующим, а сам философский подход, по сути, есть рефлексия над предельными основаниями бытия, в том числе бытия социального. И в этом отношении теория Маркса — одна из наиболее глубоких рефлексий, касающаяся общества, человека, всей культуры в целом. Одновременно она есть продукт своей эпохи, то есть фиксирует в себе самосознание на определенной стадии развития культуры.

Как конкретная научная теория, концепция Маркса — это заведомо идеализированная модель, то есть гносеологическая интерпретация бытия, мира, реальных отношений. Она имеет огромное число истинных выводов. Но как теория Ньютона не использовала понятия пространственно-временного континуума или возможность предельной характеристики скорости света, так и классическая теория Маркса имеет целый ряд ограничений и работает в пределах определенных гносеологических предпосылок. Но если нам не приходит в голову обвинять в ложности теорию Ньютона, в силу того что нечто по-другому объясняется в теории Эйнштейна, в отношении теоретической модели Маркса это становится общим местом. Такова судьба всех социальных теорий, так как их выводы при практической реализации касаются общества и конкретных людей.

Как социальная теория, марксизм продолжает развиваться. Она во многом отвечает критериям научности, но, как и всякая теория, нуждается в коррекциях и дополнениях, имеет свои сильные и слабые стороны, содержит наряду с истинными, исторически верифицируемыми утверждениями ложные. Концепция Маркса постепенно становится частью общей интегральной социологической теории, представляющей собой относительно единое предметное пространство, границами которого могут выступать научные гипотезы Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса и других, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Можно выделить ряд идей Маркса, которые сегодня могут получить импульсы для своего развития. Прежде

все это комплекс философско-антропологических идей, связанных с пониманием человека как существа, преобразующего мир. Кроме того, идея будущего интегрированного человечества, намеченная Марксом, причем выводимая из хода развития самого общества

и его необходимости выступать как единое человечество ради собственного самосохранения. Заслуживают внимания идеи Маркса об особой ценности человеческой личности, интересы которой могут стоять выше в том числе и классовых интересов.

М. А. Моратинос Куйяубе¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Смена столетий — всегда очень сложный период, время брожения и смятения. Прошлое уходит, приходится смотреть в неопределенное будущее и *строить* что-то новое, однако неизвестность порождает неуверенность и панические настроения.

В такие дни мы рисуем в воображении будущее и отказываемся от старых привычек и практик, чтобы адаптировать наше мышление и действия к новому образу жизни². Это всегда трудные времена. В данном контексте китайская мудрость, выраженная в поговорке «*Каждый кризис — это новые возможности*», становится первым вызовом, с которым приходится сталкиваться. Если *кризис — это новые возможности, то да здравствует кризис!* При условии, что новые возможности, которые открываются в эти сложные времена, определены и расширяются.

Ответ на вопрос «Куда идет мир?» далеко не прост, потому что сегодня мы живем в глобальном, неопределенном и сложном мире. История всегда говорила о его конце, в то время как он следует своим курсом. Нас ожидает смена эпох, многие рассуждают о новой парадигме, которая, несомненно, выведет на первый план новые ценности и образ жизни, понимание и организацию мира. Упадок традиционных систем в XX веке, появление новых реалий и вызовов не только требуют организации глобального упорядочивания, но и основательного пересмотра политических, идеологических, социальных и экономических подходов, а также признания нового политического субъекта-объекта, который требует свободы и равенства при участии во всех процессах, а также выступает за рациональное использование ресурсов планеты и экологическую безопасность.

В настоящее время отсутствие новых идей и настойчивость в продвижении устаревших³ вкуче с от-

сутствием лидерства мешают приходу новой эпохи, вместе с которой, как гласит история, должны появиться новые идеи, направления мысли и политические действия. Либерализм и социальная демократия пребывают в кризисе, в то время как неравенство усиливается, не встречая противодействия, и ведет к появлению асимметричных систем, в которых исчезают демократические принципы и свободы, насаждаются завуалированные интересы и страдают граждане многих государств, потерпевших неудачу.

Противоречие между концентрацией и фрагментацией власти вместе с кризисом национального государства и необходимостью реформы международной институциональной системы вызывают недовольство глобализацией⁴, которое нарастает и распространяется через социальные сети, формирующие умонастроения, мнения и социальную мобилизацию. Появление так называемых популистских движений — это следствие сложившейся ситуации. Великая рецессия усилила напряжение между новым и старым, между нарождающимся миром и миром, с которым мы прощаемся, она уничтожила миллионы рабочих мест, так что миллионы граждан перестали относиться к среднему классу, и этот факт указывает на возобновление классовой борьбы. Пропасть между финансовой и реальной экономикой никуда не делась, а углубление неравенства и недоверия усилило напряжение, сопутствующее переходу к новой эпохе, который многие авторы называют системным кризисом или кризисом ценностей. В предстоящие годы геополитика⁵ и построение новой эпохи будут зависеть от взаимодействия в этих областях.

Мир перед лицом перемен

История мировой эволюции демонстрирует, как крупнейшие научные открытия радикально изменили эволюцию человечества. *Наука* всегда лежала в основе важнейших исторических перемен, особенно после того, как вышла из лабораторий и стала прикладной. Ускорение перемен еще сильнее и более очевидно в тех обществах, где происходит рост и развитие нау-

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Кризис на Ближнем Востоке», «Мир в эпоху устойчивого развития», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста Земли Марии I-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Кудс (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

² Hernández E. El fin de la clase media. Madrid: Clave Intelectual, 2014. P. 38. We must be aware that the struggle between the old and the new takes place, first and foremost, inside ourselves.

³ Пол Кругман называет их «зомби-идеи».

⁴ Stiglitz E. J. El malestar en la globalización. [Globalization and its Discontents]. Madrid: Taurus, 2002.

⁵ Sapiro R. J. 2020: Un nuevo paradigma. Cómo los retos del futuro cambiarán nuestra forma de vivir y trabajar. Barcelona: Ediciones Urano, 2009. Tendencias. P. 15. Эти изменения, их комбинации и взаимодействия серьезно повлияют на курс, которым пойдут основные страны, и на обычную жизнь их граждан, и ни одна страна, и ни один человек не смогут избежать их последствий.

ки. В этом смысле, как указывает Г. Моргентау в эссе «Международная политика», «вера в науку была одним из главных выражений этого направления мысли в XIX и XX столетиях. Эта вера в науку является одним из свойств разума, которые отличают нашу эпоху от предшествующих. Несмотря на различия, существующие в философской, экономической и политической мысли, можно наблюдать определенное единство вокруг идеи, что наука может, по крайней мере потенциально, решить все человеческие проблемы...»¹.

Спор между наукой и философией не стал чем-то новым. Но в наше время науке, поддерживаемой ускоренным совершенствованием и внедрением современных технологий, удалось обеспечить преимущество научно-технического прогресса, в ходе которого машины все чаще выполняют функции человека, роль которого вскоре будет ограничена простым наблюдением и потреблением, в то время как реальность будет контролироваться и управляться лишь немногими.

Ощущение ускорения жизни и событий, а также взаимозависимость и *редукция* пространства, в котором существует человек, заставляют нас чувствовать, что в настоящее время все происходит значительно быстрее и во все более переменчивом и уменьшенном пространстве. Ничто из происходящего на расстоянии в тысячи километров не является для нас чужеродным. Любое событие, каким бы мелким оно ни было и как бы далеко от нашего местоположения ни происходило, рано или поздно как-то повлияет на нас.

Новая, третья промышленная революция, объявленная Джереми Рифкином, разворачивается через новые источники энергии и средства связи, которые изменят способ организации экономической, социальной и политической системы этого столетия. И все эти изменения происходят в мире, где продолжается демографическое давление, поскольку самыми важными характеристиками роста населения являются скорость и интенсивность. Мы знаем, что, как Джеффри Сакс отмечал в своей книге «Эпоха устойчивого развития»², численность человечества (как и подушевой доход) очень мало менялась на протяжении истории, оставаясь на уровне примерно 1 млрд человек на протяжении столетий перед началом промышленной революции. Как и в экономике, начался экспоненциальный рост населения, который еще не закончился, так что с 1 млрд человек в 1820 году оно возросло до 7 млрд в настоящее время. Самый важный факт заключается в том, что последний миллиард жителей добавился к 6 млрд, зарегистрированным в 1999 году, за 12 лет. По всем прогнозам, примерно в 2025 году мы достигнем численности в 8 млрд человек, а после 2040 года — более 9 млрд. Эти цифры позволяют рассматривать демографическое давление как одну из важнейших переменных, которую следует учитывать при рассмотрении пределов природных ресурсов, что Сакс называет «*планетарными границами*».

Устойчивое развитие в масштабах планеты будет зависеть от того, достигнет ли мировое народонаселение цифры в 9 млрд человек, поскольку оно вполне может достигнуть и 10 млрд, сколько от того, произойдет

ли стабилизация демографической экспансии в середине столетия или нет.

Наука перед лицом нового века

Я считаю, что история движется к более высоким уровням прогресса и благоденствия, и они в основном достигаются благодаря новым научным открытиям. В этом смысле последнее столетие принесло нам ряд изобретений, которые фактически изменили поведение и социальную активность. Как и до того, транспорт и связь были необходимы новому поколению перемен. Все более очевидно, новый мир открывает новые возможности в космосе. В своей книге, написанной совместно с Шимоном Пересом, Жак Аттали говорит, что *космос кажется мне одной из областей, в которой глобальное регулирование все еще может развиваться и достичь успеха*³. *Вокруг Земли летает около 2500 искусственных спутников, и до 2020 года планируется вывести на орбиту еще 1100, таким образом, космос может стать средством защиты для Земли или предложить новые возможности решения проблемы ограниченности запасов полезных ископаемых, источников энергии или пространства для жизни. Освоение космоса вполне может стать следующим этапом контроля или доминирования человечества. Аттали считает, что космос может стать новой границей для человечества.*

Время, движение, путешествия больше не имеют своего традиционного значения, и мы все можем их испытать на себе естественным образом.

Вместе с тем сама по себе революция в авиации заставляет нас преодолевать барьеры расстояний, и благодаря самолетам и высокоскоростным поездам мы невероятно приближаем различные места или пространства.

Прогресс затронул не только индустрию связи и транспорта, но и такие области, как медицина и биология. После открытия Александром Флемингом пенициллина и потенциала антибиотиков в 1928 году началась разработка новых лекарств и впечатляющее снижение смертности. 18 августа 1960 года также стало памятной датой, поскольку в этот день появился первый оральная контрацептив — событие, до сих пор оказывающее влияние на общество. Впервые в истории женщины получили возможность планировать рождение детей, что позволило им массово получать высшее образование и выходить на рынок труда. Таким образом они перестали быть заложницами своей сексуальности и радикально изменили свою роль в обществе⁴. Сегодня исследования рака и ВИЧ дают надежду на победу над этими болезнями в будущем, которая, несомненно, будет одержана в ближайшие десятилетия.

Параллельно с медициной наблюдается прогресс и в биологии, краугольными камнями которой сегодня являются генетика и открытие структуры ДНК. Здесь мы только в начале пути, впереди еще много исследований, связанных с этими дисциплинами. Теперь мы знаем наш генетический код, как и код многих других

¹ Morgenthau H. J. Essay on international politics.

² Columbia University Press, New York.

³ Avec nous, après nous. Editions Bakerstreet Fayard.

⁴ Последняя редакция от 18 августа 2014 года.

животных, растений и продуктов питания. Этот прогресс позволяет нам изучать строение организмов и защищать свое здоровье. Поэтому можно сказать, что он был достигнут не только ради продления жизни людей, но и для того, чтобы мы могли понять, чем жизнь человека отличается от остальной жизни на планете.

Бывший президент Израиля Шимон Перес считал XXI век *веком головного мозга*, поскольку до настоящего времени наше отношение к нему проецировалось наружу. Платоновская аллегория пещеры и сложившиеся представления подпитывали наше мышление и действия на протяжении многих веков — до недавнего времени, пока головной мозг был неизвестной и опасной областью. Кроме нескольких попыток проведения трепанации медиками эпохи Возрождения, нейрофизиологи соглашались только подтвердить свои ограниченные знания, когда дело доходило до исследования этой мягкой и вязкой массы. Однако в настоящее время благодаря новому трехмерному радиологическому оборудованию начинается открытие функций и реакций, которые изменят привычки и практики людей. Мы станем в большей степени индивидуалистами и интровертами, будем все чаще обращаться внутрь себя, а окружающая реальность, как сказал бы Ортега-и-Гассет, станет нашим *обстоятельством*.

Все это подтверждает, как говорил Шимон Перес, что *головной мозг — это самый поразительный орган во Вселенной, и его исследование заслуживает того, чтобы приложить все возможные усилия*. В нем находится ключ для лучшего управления нами самими и даже имеются ответы на вызовы Вселенной, которые люди до настоящего времени не смогли понять. Исследования в рамках проекта «Изучение мозга через продвижение инновационных технологий» нацелены на составление карты мозговой деятельности до 2023 года. В головном мозге от 85 до 100 млрд нейронов, и он все еще плохо изучен.

Технологические изменения и усовершенствования переплетаются и позволяют идти вперед темпами, немислимыми всего десять лет назад. Наше существование и реальность изменили нанотехнологии, биотехнологии, синтетическая биология, 3D-принтеры, Интернет вещей, робототехника и искусственный интеллект.

Говоря об этом прогрессе, мы не должны забывать о синтетической биологии, которая, воздействуя на развитие человечества, может дать двойственный эффект — как положительный, так и отрицательный. Американский генетик Крейг Вентер настаивает на том, что возможна полная расшифровка генома человека и создание искусственного организма. Эта *цифровая жизнь* сможет воспроизвести ДНК или изменить его форму. Можно сделать «биокирпичики» и создать новые формы жизни. Синтетическая биология, как новая область исследований, может оказать очень сильное влияние на мир, и его последствия невозможно представить.

Кроме транспорта, здравоохранения и образования, изобретения, изменившие нашу жизнь в последнее время, больше всего связаны с информатикой и связью. Стационарный телефон сменился мобильным, вместо библиотек и архивов мы пользуемся Интернетом, и эти

перемены стали крупнейшими технологическими революциями, изменившими образ жизни человека, живущего в глобальном мире, и способы познания мира.

Скорость этих перемен (система Google была создана всего 20 лет назад) еще больше усложняет оценку практических и психологических последствий появления медиа, которые стали доступны гражданам. Дело не только в возможности общаться, находясь в любой точке мира, или в том, что информация передается мгновенно, но и в аккумулировании знаний и возможности мгновенно и автоматически извлечь их из коллективной памяти без каких-либо умственных или физических усилий. Все знания человечества собраны, сохраняются и доступны любому гражданину бесплатно. Это мир больших данных.

Мы все имеем доступ к огромным объемам информации, при этом не требуется быть экспертами или специалистами; все открыто для всех, и *конфиденциальность и невмешательство в частную жизнь* считаются устаревшим снобизмом. Новые поколения по-другому относятся к *интимности*, они даже получают удовольствие от демонстрации интимного другим (в сетях Facebook, Twitter и т. д.). Эти перемены больше всего влияют на индивидуальное и коллективное поведение в обществе. Вместе с огромными преимуществами, которые предоставляют технологии, следует учитывать риски, порождаемые отсутствием национального или интернационального регулирования протоколов и процедур.

Однако и цифровой мир не смог преодолеть неравенство между обществами, а *цифровая пропасть* значительно расширяется. Парадокс в том, что информационные технологии должны помогать избавляться от многих различий и преимуществ олигархии, но пока этого не произошло. Разрыв между богатыми и бедными можно наблюдать и в цифровом мире. Наименее обеспеченным людям, находящимся на периферии общества, доступ к новым технологиям открывается с сильной задержкой. Неравенство — постоянная величина и в цифровом обществе. Однако есть лучики надежды, например широкое распространение мобильных телефонов в африканских странах и за счет этого — расширение всей экономической и общественной жизни для населения этих стран. В частности, они внесли немалый вклад в развитие *мобильного банкинга*, что стало настоящей революцией и фактором прорыва в финансовых транзакциях, как это произошло в Кении.

В *сетевом обществе* возникают и другие вызовы, о чем свидетельствует *кибершпионаж* в США и раскрытие информации о том, что Google, Facebook, Yahoo, Microsoft, Apple открыли ФБР и Агентству национальной безопасности доступ к данным своих пользователей при помощи сложной системы *Prism*. Эта неловкая для американской администрации ситуация стала доказательством безнаказанности.

Эрик Садин предупреждает, что подобная практика угрожает частной жизни, и указывает на то, что *кибершпионаж, который внедряется в любое время, в любом месте и в различных формах и которому иногда помогает наше согласие, — это «тривиализация*

современной бдительности». Пророчество из книги «1984» Джорджа Оруэлла, касающееся *Большого Брата*, становится реальностью.

Недавние открытия, в частности связанные с физикой, несомненно, углубили этот антропологический разрыв. В данной дисциплине достигнут значительный прогресс, от теории *Большого взрыва* до успехов лабораторий ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям), касающихся скорости света и *бозона Хиггса*. Особо следует упомянуть открытия лауреата Нобелевской премии американского физика Мюррея Гелл-Манна, связанные с теориями *элементарных частиц и кварками*. Может существовать что-то меньшее, чем самые маленькие частицы. *Кварки* — это частицы, из которых состоят адроны. Таким образом, кварки, антикварки и глюоны были представлены как элементарные «скрытые» объекты в структуре адронов. Самая важная часть этого описания — не открытие самых маленьких и простых частиц, а взаимодействие частиц между собой, что привело к разработке теории *сложных систем*. Эта теория объясняется в научно-популярной книге «Кварк и ягуар: приключения в простом и сложном». По мнению Гелл-Манна, мир *кварков* имеет много общего с тем, как ягуар по ночам передвигается кругами.

Это великий парадокс XXI века: *сложность* реальности оказывает парализующее воздействие на нас перед лицом почти бесконечного потока информации и знаний, что мешает упрощению реальности и фактов, необходимых для правильных и эффективных действий в различных измерениях. Это, несомненно, крупнейший вызов обществу в начале нынешнего столетия. В связи с этим Эдгар Морин называет *сложность* и *неуверенность* важными элементами перспективной политики, хотя эти барьеры не мешают ему увидеть проблески лучшего будущего. Действия политиков могут изменить направление или конечную цель процессов и благодаря непрекращающимся усилиям, хотя некоторые из них могут оказаться бесполезными, создать лучший мир¹.

Научные достижения и их воздействие на общество лежат в основе новых моделей поведения и устремлений граждан во всем мире. Чем быстрее мы сформулируем смысл новых форм общения, тем лучше сможем организовать политически — как в национальных, так и международных масштабах.

Новое мировое регулирование

Трудно рассуждать о реалиях, оказывающих влияние на международное сообщество, не упоминая о процессах так называемой глобализации. Никто не спорит, что термин «глобализация» — это одна из концепций, которые в настоящее время повторяются чаще всего. Большинство определений и самые острые вопросы упоминаются с прилагательным «глобальный». Термин нельзя исключить или упустить из виду, когда речь идет о «мировом регулировании».

Таким образом, глобализация — это факт, и необходимо подчеркнуть, как это делает Гильермо де ла Дехеза, что «она не служит бесконечным источником

преимуществ, в защиту которого должно выступать человечество, и к тому же, как говорят, она не виновата в наших пороках и ошибках». Таким образом можно утверждать, что ни *глобалофилия*, ни *глобалофобия* не являются полностью оправданными.

Выступать против глобализации глупо. Она есть и нигде не исчезнет. Однако серьезные споры и критика до сих пор продолжаются, особенно обострившись после недавнего экономического и финансового кризиса, и касаются антигуманной глобализации. Глобализацию обвиняют в том, что она является причиной подъема популистских движений. Это в основном протекционизм и отказ от свободной торговли, поскольку вопрос о регулируемой глобализации еще не поднимался. Взаимозависимость различных территорий на планете — это факт, не подвергаемый сомнению, и никто не сможет закрыть свои ворота от мира, в котором не существует заборов. Новые формулы не дадут результатов, будь они реальные или фейковые, и не предотвратят распространения торговли, знаний или информации. Свободное передвижение людей, товаров, капиталов или идей нельзя остановить.

Независимо от того, как сильно различные режимы пытаются защитить свои рынки или идентичность, современный мир и технологии в конце концов подчинят их себе.

Поэтому необходимо как можно скорее начать регулировать глобализацию. Хотя, как кажется, так называемой экономической глобализации не требуется специальное регулирование, результаты и последствия этой необузданной глобализации вызвали довольно широко распространенное неприятие ее в большинстве стран, включая самые развитые.

Мы должны прояснить место, занимаемое процессами глобализации в регулировании внешней политики. Давно ушли в прошлое те времена, когда *либералы* утверждали, как, например, говорил Чарльз Остин Бирд, что *внешняя политика — это часть внутренней политики, неизбежная часть, и последняя определяет первую. Внешняя политика государств — это функция их внутренней политики, от нее зависят война и мир. Таким образом внутреннее положение просто переносится на международную арену. Демократия — это мир, автократия — это война...*² Сегодня все изменилось. Процессы, достигающие международных масштабов, воздействуют на национальные практики и меняют их. Глобализация вторглась в политическое пространство, а важнейшие вопросы, влияющие на будущее безопасности человечества, имеют глобальные масштабы: глобальное потепление, энергетический кризис, производство продуктов питания, борьба против изменения климата, международный терроризм, эмиграция, природные катастрофы, пандемии... Они не только составляют повестку дня национальной политики, но и заставляют национальные государства включать эти вопросы в свою политику, в то время как до настоящего времени они только передавались для включения в международную повестку и лишь время от времени требовали организации международных научных конференций.

¹ OÙ va le monde.

² H. J. Morgenthau.

Если, как утверждает Эдвард Х. Карр, *Лига Наций была попыткой применения принципов локкианского либерализма к построению машины международного порядка*, то сегодня мы сталкиваемся с новым вызовом, и это глобальная, ориентированная на солидарность мысль, которая требует нового международного регулирования. Национальные государства больше не решают важные вопросы и не защищают общественные блага, принадлежащие всему человечеству, это делают другие структуры и органы, способные ответить на новые вызовы. Поэтому любая политическая позиция в XXI веке должна учитывать все реалии международной повестки дня, чтобы ответить на устремления каждого из государств и их граждан настолько адекватно, насколько это возможно.

Неспособность нынешних организационных структур справиться с переменами и вызовами выглядит очевидной. Поэтому одним из приоритетов должна быть радикальная, срочная и глубокая реформа международных институтов. В этом смысле было бы целесообразно, чтобы в центре внимания оказалась Организация Объединенных Наций.

Новые центры притяжения

В начале нового столетия наиболее значимой для современности является глубокая трансформация системы. Равновесие сил серьезно изменилось, и теперь мы сталкиваемся с миром, кардинально отличающимся от мира в XX веке.

В первое десятилетие этого столетия появилась асимметрия новых центров притяжения международной политики. Миром больше не правят из Вашингтона, Москвы, Парижа или Лондона. Больше нет единственного центра силы, а есть ряд зон влияния, демонстрирующих множество действующих лиц, представителей и посредников, важных для международного сообщества. Давно ушли в прошлое десятилетия биполярности, когда две супердержавы делили мир. В прошлом остались и те дни, когда *американская сверхдержава* верила, что пришел конец истории, и ее военное, политическое, идеологическое, культурное и экономическое превосходство распространится на весь мир. Обрушения башен-близнецов *Всемирного торгового центра* в Нью-Йорке оказалось достаточно, чтобы рухнула вся архитектура *американской гегемонии* и доверие к силе империи было поставлено под вопрос. После этого начался новый этап, в котором самым заслуживающим внимания элементом является отсутствие знания о том, кто правит миром. Этого не знает никто. Но это точно больше не Соединенные Штаты Америки. Это также и не Китай, по крайней мере пока. Международные организации становятся слабее и распадаются из-за отсутствия доверия, и экономисты и финансисты не гарантируют их будущее, хотя может показаться, что они идут впереди политических решений. Фактически у всех есть небольшое влияние, но никто не правит единолично. Солидарная ответственность в принятии решений — это то, что делает международную реальность еще более сложной.

Евроцентризм и даже западное влияние в мировом регулировании потеряли вес, геополитика перемести-

лась из Европы и Соединенных Штатов в Азию и Тихоокеанский регион, хотя латиноамериканские и африканские страны требуют нового места в международном порядке, где заметное положение занимает Китай.

Выход Китая на передовые позиции — одно из самых значимых событий в начале XXI века. Хотя нам не хватает исторической перспективы для его оценки, огромные перемены, произошедшие в этом азиатском гиганте, под вопрос не ставятся. Эти перемены все еще продолжаются и, хотя в их направлении нет определенности, несомненно, эти перемены во многом определяют эволюцию этой страны, а также будущего Азиатского региона и всего мира.

Азия стала — или снова становится — центром экономической динамики и мировой геополитики. Азия, Тихоокеанский регион и зона Индийского океана реализуют самые важные сценарии в мировой экономике и международных отношениях на глобальном уровне. В Азии и окружающих регионах пытаются понять и осознать подъем Китая как державы, имеющей огромное значение. Здесь потенциально может разгореться немало конфликтов, и всем необходимо внимательно следить за политикой Китая в регионе, чтобы понимать направления его глобальной стратегии.

Эта впечатляющая экономическая эволюция повлекла за собой крупнейшие социальные и культурные перемены. В настоящее время в Китае уже есть большой и продолжающий расти жизнеспособный и энергичный средний класс, который демонстрирует свою покупательскую способность по всему миру. Этот факт вместе с феноменом семьи с одним ребенком, родители которого лелеют его и стремятся всеми силами развивать, помогает понять глубокие социальные и экономические перемены, которые включает эта политика. Все *единственные дети* захотят стать лучшими в своих областях, а их уровень агрессии на социальной лестнице будет выше, чем тот, который в настоящее время наблюдается в западных обществах.

В контексте экономического прогресса, социального развития и относительной привлекательности так называемой *китайской модели* страна вышла на региональную и мировую арену, но сделала это плавно и гармонично, чтобы не обидеть соседей. Это были *золотые годы* Китая в Азии, где он стал экономической державой, но вместо того, чтобы настораживать, его подход удивлял и вызывал восхищение.

Несомненно, последующие взлеты и обвалы на Китайской Пекинской бирже логичны и отражают влияние и давление *финансовых рынков* на китайскую экономику, неспособную избежать экономической и финансовой взаимозависимости, как и любая другая страна. Однако этот *предупреждающий сигнал* о слабостях китайской экономической системы не должен привести к поспешным или ошибочным выводам о будущем потенциале азиатского гиганта. В этом смысле, несмотря на логические противоречия, которые всплывут в будущем в обществе, погруженном в динамику перемен и прогресса, таком как китайское, нельзя игнорировать продвижение вперед и потенциальные возможности, которые китайская модель приносит в международное сообщество.

Страны Латинской Америки также предложили модели и решения для того, чтобы избежать *Великой рецессии*, с разной степенью успеха. Этот регион смог поддерживать стабильный рост около 5 % в год, но самым важным является начало модернизации экономики. В латиноамериканских экономиках наблюдалось некоторое замедление из-за многочисленных факторов, но высокий потенциал региона остается бесспорным. Экономика Южной Америки (особенно Бразилия), Центральной Америки и стран Карибского бассейна должны адаптироваться к политике устойчивого развития и рационального использования ресурсов и пересмотреть свои модели, чрезмерно связанные с сырьевыми отраслями и *попытками найти мифическую страну Эльдорадо на Амазонке*. Новые взаимоотношения между Кубой и США также требуют особого упоминания как фактор оживления и экономического толчка для региона.

Мы имеем конкурентные преимущества, потому что знаем и уважаем наших латиноамериканских партнеров, и совместно можем построить экономическую зону инновационной кооперации. По обе стороны Атлантики наблюдается нехватка скоординированных исследований, разработок и инвестиций, институтов и производственных мощностей. Южно-Атлантический альянс, подобный Тихоокеанскому, мог бы стать фактором развития широкого сотрудничества между нашими странами.

Когда мы говорим об Африке, уместно вспомнить слова Федерико Майора Сарагосы. Он сказал, что *«африканский континент — не бедный, а обедневший континент»*, и что *«Африка — это не старый континент, а молодой, динамичный, полный жизненных сил и обещаний»*. Независимо от того, говорим ли мы о будущем, сырье, энергии, миграционных движениях, террористических угрозах, болезнях и эпидемиях, у Африки есть много ключей, которые будут открывать или закрывать двери в предстоящие десятилетия.

Новые взаимоотношения с Африкой неизбежны. Время Африки придет, как выразился мыслитель Ахилле Мбембе¹, который выступает за необходимость общего мира и предлагает различные виды политического партнерства. Модели стратегического сотрудничества были проанализированы и разъяснены Средиземноморским институтом прогнозов в мировой экономике (IPEMED) в рамках проекта *«Вертикаль: Африка–Средиземноморье–Европа»*.

После десятилетий отчаяния на континенте могут быть написаны новые страницы глобализации, благоприятствующие взлету Африки. Ветры оптимизма дуют в паруса, несмотря на препятствия и травмирующие реалии, несмотря на тот факт, что континент пока не может прокормить всех своих граждан и уровень бедности остается неприемлемым. Несмотря на все это, можно заметить пробуждение Африки, законно требующей свое место в новом мировом порядке. Несмотря на драматические сценарии, на континенте начиная с 2013 года наблюдается устойчивый экономический рост, превышающий 6 %, растет

торговый оборот. Образованный и предприимчивый средний класс насчитывает в целом почти 150 млн человек, и это количество удвоится за годы жизни одного поколения. Также очевидно резкое повышение уровня здравоохранения и образования. Быстро расширяется количество и качество банковских услуг, включая высокотехнологичные, такие как мобильный банкинг. Это позитивные признаки, вселяющие надежду.

Рост мощи Латинской Америки и Африки усиливает тренд на появление новых центров притяжения. Их также нельзя игнорировать, как и центр влияния на Востоке. Поэтому неудивительно, что международные конференции, встречи политиков и дипломатов все чаще проходят не в столицах европейских государств или Америки, а в Дохе, Дубае, Шанхае, Рио-Жанейро или Претории. Страны Персидского залива стали геополитическим центром между Востоком и Западом, их авиатранспортные и финансовые услуги привлекают миллионы людей, соперничая с конференциями, проводившимися в Париже, Лондоне, Вашингтоне или Берлине в XIX и XX веках. Однако продолжающийся кризис в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива, связанный с конфронтацией между Катаром и другими членами Совета, отсрочит достижение того значения, которое этот регион мира мог бы иметь. На кон поставлена модель политического развития арабских государств, и, как кажется, выбранный путь не поддерживается ни их лидерами, ни гражданами. Ближний Восток продолжит поиски своего будущего и станет чертить его на геополитическом плане, которому не удастся уйти от экзистенциалистского фатализма.

Мы все хотим, чтобы Ближний Восток жил в мире и процветании, но сегодня это кажется сложным, учитывая факторы нестабильности, существующие в настоящее время.

Однако новые центры влияния не избежали старых признаков, которые возникают вновь. Мы полагаем, что *холодная война* ушла в прошлое, но появляются точки зрения, настроя и действия, которые возвращают нас в серые годы биполярной конфронтации. Кризис на Украине послужил спусковым крючком для этого шага назад, и мы не можем четко увидеть, каким будет результат этого конфликта. Можно предвидеть, что, двигаясь в прежнем направлении, Европа и Россия окажутся в проигрыше, особенно учитывая непреклонность США и сдержанное молчание Китая.

Новые центры влияния, разумеется, не могут игнорировать вес и лидерство США. Они будут действовать по-другому, и хотя американский президент продолжит дискуссии и заявления о необходимости усиления американской супердержавы, ей придется адаптироваться к нынешним условиям и новым центрам силы. Это не означает, что ЕС не должен считать приоритетом серьезные и жесткие переговоры по поводу Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Выполнение этого соглашения станет гарантией поддержки будущих коммерческих интересов европейцев во все более конкурентном мире, где будут нужны стандарты и патенты и где будет иметь значение евро-

¹ Mbembe A. Le temps d'Afrique viendra, j'essaie d'en précipiter l'évènement.

пейская печать, а европейские стандарты и критерии будут соблюдаться.

Однако механизмы для организации международного урегулирования, такие как «Большая восьмерка» или «Большая двадцатка», оказываются бесполезными, когда надо справиться с определенными кризисами — ни в политической и военной областях, ни в экономической и финансовой. Более того, они продемонстрировали, что не могут идти вперед в направлении нового мирового порядка. К настоящему времени не было проведено ни одного совещания и не определен новый мировой порядок на XXI век, подобно *Бреттон-Вудскому соглашению* в XX веке. ООН остро требуется реформа, особенно это касается Совета Безопасности, но дело застопорилось, и будущая конфигурация в настоящий момент все еще висит

в воздухе. Назначение Антониу Гутерреша новым Генеральным секретарем ООН внушает надежду на то, что этот процесс может возобновиться и пойдет более решительно.

При таком положении дел очевидно, что в постоянно меняющемся мире есть международные общественные блага и интересы, глобальные вызовы и настоятельная необходимость адаптировать структуру управления под эти реалии. Пока только крупнейшие деятели или региональные организации могут в большей или меньшей степени организовать свой *modus vivendi* (образ жизни — *лат.*) в ожидании большого пожара такого размера, который трудно предвидеть, или какого-либо другого события мирового масштаба, которое разбудит их и заставит выйти из безответственного сомнамбулизма.

Р. Мэтьюз¹

ПЕРЕСМОТР МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И НАСТУПЛЕНИЕ СИНГУЛЯРНОСТИ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Введение

В последние годы появилось много публикаций, посвященных пересмотру макроэкономических параметров и политики. Их количество значительно увеличилось со времени глобального экономического кризиса, который отрицательно сказался на мировой экономике и в значительной степени навредил представителям профессий, не сумевших вовремя предсказать его.

Макроэкономические постулаты могут пересматриваться по многим параметрам. При сочетании нескольких факторов возникает дифференцированная версия, о которой я и хочу рассказать. Основной постулат состоит в том, что нам нужно переосмыслить нынешнее состояние. По крайней мере, на наш взгляд, необходимо переосмыслить процессы вплоть до настоящего времени, важно преодолеть разрывы в компульсивной парадигме. Разрывы оказались настолько глубокими, что, честно говоря, эту парадигму можно определить как основу аттракции (то есть как аттрактор). В данном исследовании описываются два аттрактора: аттрактор 1, возникший в связи с текущим переосмыслением ситуации, и аттрактор 2, который я называю сингулярностью. Ниже приводятся определения аттракторов и сингулярности.

Аттракторы

Различаются два типа аттракторов. Аттрактор 1 связан с теоретическими положениями, аттрактор 2 —

с событиями, ускорением темпов изменений и сингулярностью.

Аттрактором называется набор ценностей динамической системы, хотя под влиянием кризисных событий данная система может менять одно направление на другое. В рамках пересмотра макроэкономической теории и политики можно рассматривать множество тем. Основа аттракции включает следующие взаимосвязанные подтемы: (пост)Вашингтонский консенсус, неоконсерватизм, неолиберализм и современный капитализм. Эти направления пересекаются в области веры — в права собственности, конкуренцию и рыночную систему как организующих принципов равновесия с аттрактором. В связи с тем, что эта система динамична, возможны изменения движения и переход системы от одного маршрута к другому.

Сингулярность

Под сингулярностью я понимаю результат ускорения роста накопления идей, технологических и интеллектуальных ресурсов, делающих возможным создание машин, при помощи которых поколение за поколением будут конструироваться новые идеи, технологии и искусственный разум. Он будет настолько мощным, что его потенциал будет неведом людям, и настолько всепроникающим, что человек перестанет его контролировать.

Мы можем лишь указать на причины возникновения новой теории. Возможно, новая теория станет своеобразной версией принципа неопределенности. Вероятно, определенный способ мышления, необходимый для создания новой теории аттрактора 2, является сугубо научным. Он признает необходимость понимания и разъяснения реальности, а также признания существования невыразимого.

Второй раздел статьи касается аттрактора 1: а) мы рассматриваем макроэкономику как сложную адаптив-

¹ Президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета. Почетный профессор Кингстонского университета (Великобритания). Профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч.: «Методология стратегической матрицы» (в соавт.), «Еврозона как коан», «Новая матрица, или Логика стратегического превосходства», «Организационная грамматика», «Что должна знать Россия о великой рецессии», «Взаимозависимость: невозможно быть островом» и др. Член редакционного совета журнала «Экономические стратегии». Почетный доктор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

ную систему, которая в своем повседневном состоянии далека от равновесия. Современные представления о равновесии придется изменить, если мы хотим создать новую модель, на основе которой можно будет разработать политику нового времени; б) помимо прочего, макроэкономика — это открытая система, которая взаимодействует с открытыми комплексными подсистемами, включая технологию, политику, религии, нации, биосферу, культуру и религию. Для того чтобы макроэкономика открылась другим системам, нужно расширить список дисциплин, на которые она ориентируется. В третьем разделе анализируется аттрактор 2; в) ускорение изменений идей, технологий и событий означает (хорошо это или плохо), что мы смотрим прямо в лицо сингулярности.

Аттрактор 1

Нам необходимо пересмотреть наши представления об экономике, используя набор концепций, каждая из которых обладает потенциалом разрушения фундаментальных оснований, составляющих аттрактор 1, и может привести к возникновению сингулярности. Среди них — сложные адаптирующиеся системы, которые создают дисбаланс, самостоятельно корректируются в критически важные моменты и, фильтруясь и распространяясь, составляют фрактальную структуру организаций. Во многих источниках утверждается, что существует некая «универсальная конвергенция», «общая основа мудрого подхода, которую разделяют все серьезные экономисты». Те, кто не согласен с этим постулатом, подвергаются критике, говорят об их предвзятости, косности их экономического мышления, в связи с чем аттрактор 1 превращается в подобие тюрьмы.

Аттрактор 1, несмотря на то что он тесно связан с определенной схемой, достаточно гибок для обеспечения значительного разнообразия мнений тех, кто занимается пересмотром макроэкономической теории и политики. Однако их вклад в общее дело (возможно, временно) представляет собой лишь ограниченную часть общего большого нарратива о приверженности чувству собственности, конкурентной борьбе, соперничеству, личным интересам и главенствующей роли рынка как автоматического контрольного механизма, который в определенном смысле может оказаться дефектным, но при этом продолжает оставаться лучшей альтернативой.

Аттрактор 1 состоит из взаимосвязанных подразделов. Переосмысление всех понятий в наше время имеет многообразный характер, однако множество вариантов ограничивается тем, подходит ли определенный элемент к *общей мозаике*, которая составляет парадигму, *созданную на песке*, являющуюся частью большого нарратива и состоящую из взаимосвязанных частей: (пост)Вашингтонский консенсус, неоконсерватизм, неолиберализм и современный капитализм. Все эти направления пересекаются в области веры, догмы.

В связи с тем, что эта система динамична, возможны изменения движения системы от одного маршрута к другому. Иногда направления развития в этой парадигме выходят за пределы значений. Администрация

Буша, например, считая США оплотом демократии, стремилась сменить неугодные ей режимы и установить вместо них неолиберализм.

Поведенческая мотивация относительно прав частной собственности меняется и теперь включает управление общей собственностью. Децентрализованное распределение ресурсов модифицируется в соответствии с мерами по доработке этого механизма, которые принимают правительства разных стран, что, в свою очередь, приводит к возникновению проблем координации.

Детерминистский характер аттрактора 1, в рамках которого равновесие рассматривается как баланс возможностей, является, пожалуй, одним из самых многообещающих изменений основного вектора развития в соответствии с законом об энтропии. Баланс рассматривается как некое уравнение, уравнивающее вероятности входящих и исходящих макроэкономических потоков.

Макроэкономика как сложная адаптивная подсистема

Самый простой способ измерить сложность системы — оценить объем ее описания: количество слов или нулей и единиц, посредством которых достигается точное описание системы. Открытая система, как и следует из ее названия, ориентирована на взаимодействие с другими системами.

Макроэкономика уже давно признается сложной адаптивной системой. Но политика все еще строится на понятии баланса. В учебниках описываются понятия совокупного спроса и предложения, в соответствии с которыми системы разрушают равновесие в связи с определенными внешними воздействиями или неспособностью приспособиться к изменениям и поддерживать стабильный уровень цен и зарплат. Бизнесциклы описываются как отклонения от испытанной концепции равновесия, которая либо корректируется сама по себе, либо меняется в результате проведения определенной фискальной и финансовой политики. Тот факт, что с точки зрения стороннего наблюдателя финансовые кризисы кажутся эндемичными, удивителен: ведь их рассматривают как заключительные этапы изменений в таких параметрах, как цены на активы, уровень безработицы и степень отклонения от программы роста, каждый из которых обычно представляет собой нормальное распределение.

Вопреки представлению о том, что сложные системы нельзя свести к сумме их частей, макроэкономические системы моделируются из оптимизированных сценариев микроэкономических параметров поведения фирм и домашних хозяйств. В то же время механико-стохастическая модель общего равновесия, которая используется в качестве основы при формировании микроэкономической политики, основана на поведении *представительных агентов*. Это аналогично анализу систем, составленных из частиц, находящихся в хаотическом движении, из чего можно заключить, что по усредненным значениям характеристик их движения можно сделать вывод о поведении макросистемы.

Критики данного подхода настаивают: подобная модель отрицает простой факт, что каждый человек имеет множество отличий от всех остальных людей — по уровню образования, набору навыков, степени мобильности, личным характеристикам и т. д. В рамках этой модели также недооценивается влияние факторов риска, удачи и случайности в определении статуса человека, степени его богатства и имеющихся у него возможностей. Те, кто принимает *негативное* предположение, что люди ведут себя одинаково или имеют схожие характеристики, способствуют формированию *негативной* политики.

Экспертам в этой области нет доверия, как и экспертам в целом, но экономистам верят еще меньше. Макроэкономика представляет собой сложную подсистему большей по объему и более сложной системы, в которую входят международная политика, внешние связи, проблемы экологии, технологий и многие другие подсистемы, включая международный бизнес. Все эти подсистемы также открыты друг другу, и самая большая система, которую все они составляют, также является открытой. С точки зрения сценария развития будущего государство сегодня находится на самом краю сингулярности.

Черные лебеди, фракталы и критичность процессов

Как комплексная система, макроэкономика балансирует на краю хаоса. Она далека от равновесия и самоорганизации и достигла критической точки, когда возможно изменение баланса во всех элементах. Это система без сдержек и противовесов, с фрактальной структурой, в которой локальные воздействия могут пронизывать всю систему и даже выходить за ее пределы. Она характеризуется возникновением событий в парадигме ненормального распределения, известной как парная дистрибутивная функция (ПДФ «Черный лебедь»). Макроэкономическая система чувствительна к первоначальным макроэкономическим условиям и состоянию других подсистем, поэтому динамика макроэкономических переменных в рамках обычного для этой системы аттрактора является непредсказуемой: возможен переход от привычного аттрактора к неопределенному другому — аттрактору 2.

Аттрактор 2

В данном разделе рассматриваются параметры аттрактора 2: ускорение изменений идей, технологий и событий означает, что мы смотрим в лицо сингулярности. Для этого необходимо не просто скорректировать некоторые вольные предположения.

Комплексная система не может быть сведена к сумме ее отдельных частей. Редукционизм бесполезен. Новое развитие означает возникновение новых переменных и последствий, которые нельзя предсказать даже с небольшой степенью вероятности. Скорее всего, до наступления событий их просто невозможно представить. Комплексность и сингулярность новых систем взаимосвязаны.

Макроэкономика самоорганизуется на грани сингулярности, а сингулярность представляет собой новое

состояние, о котором ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс, предвидевший нечто подобное, писал: «*Все меняется, меняется в корне: нарождается страшная красота*». Далее он описывает будущее, в котором «*все развалится, центр не удержится, на мир спустится анархия...*». А затем он спрашивает себя: «*Какое жестокое чудовище, чей час, наконец, настал, ползет в Вифлеем, чтобы родиться там?*»

У сингулярности много аспектов. В своем стихотворении Йейтс описывает некоторые ее черты. Он предполагает, что она являет собой неизбежные, непонятные изменения в худшую или лучшую сторону или одновременно в обе стороны. Он рисует ее как чудовище, возникшее во тьме и несущее с собой как искупление, так и непостоянство. Сингулярность в науке определяется как гигантская масса, удерживаемая в бесконечно малом пространстве, где уже не действуют основные законы физики и математики. Примерами сингулярности являются фазовые переходы, состояние Вселенной во время Большого взрыва и перспективы шестого великого заустения.

Заключительные замечания

Тот факт, что глобальный экономический кризис не удалось предсказать, привел к серьезным последствиям. Но эти последствия представляют собой определенную сингулярность, за которой видны контуры будущей экономики. У технологической сингулярности — «привкус» нового тысячелетия, что очевидно проявляется в вышеприведенных цитатах Йейтса. Я предвижу будущее, в котором «*технологические изменения будут столь стремительны, а их влияние настолько серьезным, что жизнь на Земле полностью преобразится*».

Баланс — это вероятностное состояние, которое можно понять с точки зрения энтропии. Низкая степень энтропии соответствует росту объема информации и развитию сознания.

Невозможно предсказать природу сингулярности или даже предположить какие-либо даты, связанные с ее эволюцией. Рассуждая в рамках нового аттрактора 2, можно предположить: если люди откажутся от мысли, что именно они лучше всего умеют выявлять паттерны, возникнут новые аспекты: единство всех живых существ, взаимосвязь систем, невыразимое и эмпатия как основополагающие принципы.

Литература

1. *Andriani P.* From Gaussian to Paretian Thinking: Causes and Implications of Power Laws in Organizations / P. Andriani, B. McKelvey // *Organization Science*. — 2009. — № 20 (6). — P. 1053–1071.
2. *Battiston S.* Default Cascades: When Does Risk Diversification Increase Stability? / S. Battiston [et al.] // *SSRN : Electronic Journal*. — 2011.
3. *Blanchard O.* On the future of macroeconomic models / O. Blanchard // *Oxford Review of Economic Policy*. — 2018. — № 34 (1–2). — P. 43–54.
4. *Chalmers D. J.* The Singularity / D. J. Chalmers // *Science Fiction and Philosophy*. — 2016. — P. 171–224.
5. *Chatterjee S.* Chaos, Fractals and Statistics / S. Chatterjee, M. R. Yilmaz // *Statistical Science*. — 1992. — № 7 (1). — P. 49–68.

6. *Haldane A.* An Interdisciplinary Model for Macroeconomics / A. Haldane, A. Turrell // SSRN : Electronic Journal. — 2017.
7. *Harvey D.* Neo-Liberalism as Creative Destruction / D. Harvey // Swedish Society for Anthropology and Geography. — 2006. — № 88 (2). — P. 145–158.
8. *Kurzweil R.* The singularity is near: when humans transcend biology / R. Kurzweil. — L. : Duckworth, 2016.
9. *Lybeck E. R.* The black swan: the impact of the highly improbable / E. R. Lybeck. — L. : Taylor and Francis, 2017.
10. *Mattson M. P.* Superior pattern processing is the essence of the evolved human brain / M. P. Mattson // Frontiers in Neuroscience. — 2014. — № 8. — P. 265.
11. *Taleb N.* The black swan: the impact of the highly improbable / N. Taleb. — L. : Allen Lane, 2011.
12. *Tononi G.* Consciousness as Integrated Information: a Provisional Manifesto / G. Tononi // The Biological Bulletin. — 2008. — № 215 (3). — P. 216–242.
13. *Vines D.* The rebuilding macroeconomic theory project: an analytical assessment / D. Vines, S. Wills // Oxford Review of Economic Policy. — 2018. — № 34 (1–2). — P. 1–42.
14. *Wren-Lewis S.* Ending the microfoundations hegemony / S. Wren-Lewis // Oxford Review of Economic Policy. — 2018. — № 34 (1–2). P. 55–69.

В. В. Наумкин¹

ДЕЛЕНИЕ НА МИР ВЕРЫ И МИР НЕВЕРИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕГАТРЕНД?

Некоторое время назад ряд аналитиков выдвинул тезис о возможности фактического разделения международного сообщества в недалекой перспективе на мир веры и мир неверия. Если принять это как прогноз на будущее, то можно увидеть, что такое бинарное деление глобального сообщества весьма условно, так как не учитывает неизбежного существования в нем всякого рода переходных и неопределившихся государств. Тем не менее ядром мира веры видятся исламские страны, а ядром мира безверия — ультрасекулярная Европа, где религия вытеснена на обочину общественной жизни, не говоря уже о ее полном отделении от политики.

Но прежде чем высказать несколько соображений на эту тему, необходимо коснуться вопроса, имеющего к ней непосредственное отношение, — вопроса о состоянии процесса глобализации. Ведь именно она позволяет говорить о существовании в современном мире неких мегатрендов, единых практически для всех государств. (Естественно, в рамках доклада можно лишь бегло коснуться всех рассматриваемых здесь сюжетов.)

Кризис глобализации

Еще несколько лет назад казалось, что глобализация — столь неодолимый мегатренд, что ее смерч вот-вот сметет едва ли ни все различия и границы между странами и цивилизациями. Гиперглобализация — так можно было обозначить ту фазу, в которую вошло мировое сообщество государств благодаря в первую оче-

редь ошеломляюще быстро совершающейся технологической революции в сфере коммуникаций. Однако не все так однозначно. Посмотрим бегло на три основных глобализационных потока — передвижение капиталов, людей и информации.

На пути первого из этих потоков за минувшие годы были поставлены мощные барьеры, причем в основном из-за протекционистской политики страны, которая всегда позиционировала себя в качестве лидера «свободного мира», — США. Именно политика президента Трампа нанесла сильнейший удар по системе международной торговли. Анализ решений о санкциях против «проштрафившихся» перед США правительств якобы для оказания на них политического давления показывает, что они продиктованы прежде всего желанием устранить с рынка конкурентов американских компаний и обеспечить на нем наиболее благоприятные условия для американского бизнеса. Этим решениям подыгрывают страны Евросоюза, которые сами становятся жертвами санкционной политики. Все больше правительств выражает недовольство работой ВТО, существование которой, по мнению ряда экспертов, в сложившихся условиях просто потеряло смысл. Достигали высокого накала торговые споры между США и КНР, хотя интересы товаропроизводителей двух стран все же пока заставили их пойти на компромисс. Возникают проблемы на пути реализации интеграционных договоренностей и в Евразийском экономическом союзе. На недавнем саммите ЕАЭС 14 мая 2018 года президент Беларуси Александр Лукашенко выступил с критическими замечаниями в адрес этого объединения, сказав: «Сегодня именно региональные интеграционные объединения создают предпосылки для роста мировой экономики. А мы вместо того, чтобы свободно торговать, закрываемся друг от друга. Более того, обмениваемся взаимными претензиями даже в средствах массовой информации, рискуя международным авторитетом союза. Мы игнорируем цивилизованный способ решения торговых споров через Евразийскую экономическую комиссию».

Еще больше барьеров ставится сегодня на пути свободного передвижения людей. Миграция рядом европейских государств уже рассматривается как едва ли

¹ Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Восток (Oriens)». Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», “Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle”, «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее», «Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)», «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка» (в соавт.) и др. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденами Почета Совета муфтиев России, «За пользу Отечеству» (Золотой крест), «Российская нация», орденом Дружбы Республики Таджикистан, золотым орденом «За заслуги» от Государства Палестина и др. Лауреат премии им. В. В. Посувалока (МИД РФ), премии С. Ф. Ольденбурга РАН, премии Международного дискуссионного клуба «Валдай».

не самая серьезная проблема и один из главных вызовов для их национальной безопасности. Это оказывает огромное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Евросоюза, способствуя росту ксенофобии, популизма и выходу на передовые позиции националистических партий и движений. Острота проблемы усугубляется ростом миграционного давления на эти страны, которое в обозримой перспективе будет еще больше возрастать, а также проникновением на континент под видом беженцев бывших боевиков, членов радикальных исламистских организаций. В то же время такой устойчивый для Европы, как и для некоторых других регионов мира, тренд, как старение населения (которое, вероятно, в перспективе лишь усугубится), будет увеличивать потребность европейских государств в притоке рабочей силы из-за рубежа, что, в свою очередь, может способствовать росту мигрантофобии среди населения и дальнейшему росту противоречий между государствами, входящими в Евросоюз. Для преодоления культурного диссонанса, возникающего в результате переселения в Европу больших масс жителей государств Ближнего Востока и Африки, требуются время и продуманная политика, а и того и другого часто не хватает.

Информационным потокам в условиях бурно проходящей технологической революции трудно помешать. Тем не менее и здесь появляется все больше ограничителей. Если одни из них, продиктованные задачей поставить заслон распространению идей экстремизма, призывам к террору, насилию, разжиганию национальной и религиозной розни, являются необходимыми, то оправданность других вызывает сомнения. Некоторые государства прибегают к ограничению допуска своих граждан к Интернету и жесткому фильтрованию контента по идеологическим соображениям.

Тем не менее глобализация идет. Причем все общества в возрастающей степени одновременно пользуются создаваемыми ею новыми возможностями и сталкиваются с порожденными ею же проблемами. Несмотря на вроде бы убедительную победу секуляризма и даже некоторое расширение зоны неверия, в целом во многих частях мира, а не только в его исламском сегменте наблюдается процесс своего рода религиозного ренессанса, связанный с характерными для нашей высокотехнологической эпохи поисками духовности. Значительная часть людей ищет духовную альтернативу широко распространенным, но не вызывающим удовлетворения рутинным культурным ценностям и поведенческим стереотипам, особенно в глубоко секуляризованных обществах. А в части исламского мира господствует наиболее радикальный, экстремистский толк религии, порождением которого явился запрещенный в России Даиш (ИГИЛ), а также подобные ему организации.

Все религии мира в разной степени испытывают потребность в адаптации к новой действительности, что может проявляться как в отторжении глобализующих влияний, сопротивлении модернизации (об этом позже), так и в выработке своего собственного «глобального продукта». Этот продукт одновременно и ответ на вызов глобализации, и часть глоба-

лизации, проявление глобализующей роли религии. Какие же формы он принимает? Для мира ислама это, в частности, всемирная транснациональная умма (сообщество, «нация» мусульман), которую французский исламовед Оливье Руа назвал «воображаемой», потому что мусульмане являются прежде всего гражданами своих национальных государств (причем не только мусульманских, но и тех, где они составляют меньшинство и о которых в данной ситуации собственно и идет речь), а не солидарными членами всемирной уммы. Тем не менее в Европе, где сегодня проживают уже почти три десятка миллионов мусульман, все же можно говорить о существующих узлах солидарности внутри этого быстро растущего конфессионально меньшинства (в первую очередь за счет иммиграции из стран Азии и Африки и более высокой рождаемости, но также (в меньшей степени) и за счет принятия ислама некоторыми европейцами).

Религия, политика и наступление секуляризма

Во многих мусульманских, в первую очередь ближневосточных, обществах глобализация принимается лишь в той мере, в какой она не противоречит установке на закрепление их цивилизационной самобытности, в которой ислам является одним из основных идентификационных маркеров. Но лишь отчасти правильно утверждать, что в мир веры имеют шанс войти лишь мусульманское, в первую очередь ближневосточное, общество, а в мир неверия — остальные, в первую очередь христиане. Здесь не последнюю роль играет разница в соотношении религии и политики. Известный британский автор интересных книг о религии Карен Армстронг писала об эпохе раннего Нового времени, когда возникло протестантство: «В ту пору европейцы и американцы стали разделять религию и политику: они полагали (не вполне точно), что Тридцатилетнюю войну вызвали только споры вокруг Реформации. Убеждение, что религию следует полностью исключить из политической жизни, стало “мифом-хартией” суверенного национального государства. Философы и государственные деятели, проложившие путь этой догме, думали вернуться к более благополучному состоянию дел, которое существовало, пока властолюбивые католические священники не смешали две совершенно разные сферы».

Армстронг права, утверждая: «...на Западе разделение религии и политики укоренилось до такой степени, что нам теперь сложно себе представить, насколько тесно они были прежде связаны». Разделить неразторжимо связанные религию и политику, действительно, тогда было бы «так же трудно, как извлечь джин из коктейля». До Нового времени глубоко сакральный смысл придавался многим видам деятельности (Армстронг называет в качестве примера «сведение лесов, охоту, футбольные матчи, игру в кости, астрономию, земледелие, строительство государства, перетягивание каната, планировку городов, торговлю, винопитие и особенно войну»), которые сегодня вряд ли кто будет связывать с верой.

Так что же, мусульмане, тесно увязывающие религию с политикой, стадильно «завязли» в начале Ново-

го времени? Или дело в имманентно присущей исламу привязке к политике? В рамках доклада дать хорошо аргументированный ответ на этот вопрос вряд ли возможно. Однако общеизвестно, что ислам исторически более тесно связан с проблемой власти, чем любая другая религия, и именно разногласия по этой проблеме первоначально лежали в основе разделения мусульман на суннитов и шиитов.

Продолжающаяся секуляризация в обществах, которые образовали мир неверия, сопровождается эрозией религиозных ценностей и общей десакарлизацией. Именно в таком ключе надо рассматривать, к примеру, использование полностью опустевших храмов в Германии в качестве увеселительных заведений. Наблюдается кризис религиозных институтов. Обычаи и ритуалы уходят в прошлое. Даже в России, в которой религиозность значительно выше, чем в большинстве государств Европы, и которая не может войти в мир неверия, все религиозные обряды соблюдают не более 3 % православного населения страны (но и здесь показатели у мусульманского населения выше).

Политические императивы способны вызвать эрозию даже очень устойчивых религиозно-этических установок, причем и у тех сил, которые позиционируют себя как религиозные. Йеменские повстанцы из движения «Ансарулла», которых принято называть по родоплеменной принадлежности большинства его членов хуситами, расправившись с порвавшим с ними экс-президентом Йемена Али Абдаллой Салехом 4 декабря 2017 года, уже несколько месяцев держат его тело в холодильнике (во всяком случае, на время написания этого доклада), хотя по канонам ислама его надо было уже на следующий день предать земле с соблюдением всех ритуалов. Тело стало своего рода товаром, и накал длительной гражданской войны заставляет даже тех, кто выступает за возврат к исконным ценностям ислама, преступать его базовые этические установки и не соблюдать обычаев, как и тех, кто подвергает территорию этой страны жестоким бомбардировкам.

Все сказанное о процессе десакарлизации можно рассматривать в контексте модернизации религии, а один из подходов характеризует этот процесс как упрощение. Так считают, к примеру, некоторые исследователи буддизма, отмечающие ослабление требований к верующим и редуцирование роли вероучительного компонента для основной массы верующих. В какой-то мере это так. Возможно, создается некая упрощенная версия религии, вера теряет основательность размышлений, но к ней и легче приобщиться. Иначе говоря, религия лишается характерной для нее высокой сакральности, но становится ближе к людям. Число последователей религии в этом случае не только не снижается, но даже возрастает, хотя для все большего числа верующих она фактически сводится к ритуалам и этическим принципам, которые к тому же вовсе не обязательно неукоснительно соблюдать (иначе говоря, происходит «экспансия–редукция»). Но трудно представить, чтобы рядовые верующие тибетцы когда-либо могли полностью освоить и сделать своим повседневным жизненным ориентиром такие обширные религиозные тексты, как Канджур (108-томный сбор-

ник высказываний Будды) и Танджур (235-томный сборник переводов *шастр*). Как считают индийские авторы А. Шукла и В. Дикшит, обладание этими текстами и в прошлом рассматривалось людьми лишь как инструмент поддержания определенного социального статуса. Столь же мало оснований полагать, будто рядовые мусульмане знают все тексты шести «правильных» сборников хадисов пророка Мухаммеда (хотя заучивание наизусть текста всего Корана довольно широко распространено во многих обществах ареала распространения ислама). Конечно, функцию доведения содержания религиозных текстов до рядовых верующих и тем более их трактовка во всех религиях выполняют священнослужители, учителя религии и религиозные ученые, богословы и теологи. Восполнение этого класса происходит с помощью религиозного образования, которое, как можно судить, сегодня и в буддизме, и в исламе проходит этап трансформации.

Однако толковать модернизацию исключительно как упрощение само по себе видится упрощением. Идущий процесс правильнее охарактеризовать как «обмирщение» и десакарлизацию. В тибетском буддизме она находит свое выражение, к примеру, в том, что монахини, которым ранее запрещалось посещать праздник *монлам* (праздник молений за мир и процветание, приходящийся на первый тибетский месяц), уже с 1994 года по решению далай-ламы могут это делать. В какой-то мере это явление можно сравнить с изменением отношения к женщине в мусульманских сообществах и выполняемым ею функциям, которые ранее доставались только мужчине. Кстати, именно в этой сфере — в отношении к женщине — и проявляется один из главных элементов столкновения исламского архаического традиционализма с модерностью и, более узко, с западной культурой (вспомним о еще идущих европейских баталиях вокруг ношения хиджаба и никаба/паранджи). Показателен в этом смысле курс наследника саудовского престола Мухаммада бин Сальмана на проведение целого ряда реформ по изменению отношения к женщине и ее правам в русле либерализации.

Что касается лам, то теперь, когда они живут в обычных поселениях, их харизма, считают Шукла и Дикшит, постепенно исчезает. Когда в прошлом монастыри располагались в труднодоступных местах, получить там благословение у лам было редкой удачей. «Ламам запрещалось ходить на рынок или к кому-либо, если это не было связано с семейными делами. Женщины не могли появляться в монастырях, а мирянам не позволялось оставаться там после захода солнца. Все эти запреты теперь отменены».

Ритуалистическому редуцированию тибетского буддизма способствует сохранение в нем элементов древней религии *бон*, господствовавшей в Тибете до VII века. Как известно, эти элементы столь органично вошли в местный буддизм, что многие исследователи даже стали рассматривать *бон* как одно из направлений буддизма. Но именно эта религия, обычно характеризуемая как анимистическая и шаманская, привнесла в буддизм декоративную символику и материальный реквизит, который облегчает ритуализацию. Как пишет А. В. Арахери, «и сегодня добуддийские обычаи и свя-

занная с ними символика остаются в тибетском обществе <...> Стены домов украшены замысловатыми фигурами и значками, представляющими божества старой религии. Символы четырех элементов — тигр, лев, орел и дракон — все еще используются в буддийской философии».

Заметим, что в исламе тенденция инкорпорирования элементов верований, господствовавших ранее у народов, принявших эту религию, актуализовалась в суфизме. Суфийская практика *зикра* — ритмических движений с распеванием религиозных формул, в принципе напоминающем медитацию, — в некоторых мусульманских обществах выродилась в ритуальное действо, лишённое подлинно духовного содержания.

Среди многих причин, с помощью которых обычно объясняют этот процесс, называется и влияние западной секулярной культуры. Но все же не будем забывать, что роль религии как маркера идентичности в современном высокоглобализованном мире не только не ослабевает, но, напротив, становится все заметнее, она помогает многим сообществам устоять перед мощным цивилизационным натиском Запада.

Ресакрализация как ответ

Этот «оградительный» императив отчасти объясняет процесс, являющийся антиподом десакрализации и модернизации, а именно процесс ресакрализации и архаизации. На этой базе в исламском мире вырастают такие уродливые явления, как экстремизм и терроризм, которые также представляют собой ответ на грубое силовое вмешательство Запада во внутренние дела исламских государств, на политику западных держав, в первую очередь направленную на смену неудобных им режимов и насильственное насаждение чуждых им порядков. (Рассмотрение вопросов, связанных с исламистским экстремизмом и терроризмом, не входит в задачи этой статьи.)

Часто ислам считают религией более воинственной, чем другие, причем аргументируется это заключение тезисом о роли джихада. Однако джихад в исламском вероучении — это усилие, которое должен предпринять верующий мусульманин для победы в самом себе набожности и исламской нравственности и которое лишь в отдельных случаях — для защиты веры, жизни или собственности мусульман — требует от него взяться за оружие (большой и малый джихад). Абсолютизация джихада нередко является ответом на агрессивный секуляризм, в котором видят угрозу мусульманской идентичности. Современные радикалы-джихадисты, в экстремистском ключе трактующие доктрину джихада, дают повод для неверных заключений, которые тем не менее нельзя обобщать, распространяя на все вероучение. Элементы подобных доктрин есть во всех религиях: христианство и буддизм не составляют исключения. К примеру, традиция текстов «Калачakra-тантры» допускает в качестве ответа на агрессию превращение внутренней, духовной борьбы во внешнюю.

Скорее можно говорить о меньшей роли насилия в буддизме, но известны факты совершенных монахами политических убийств в Шри-Ланке и странах Юго-

Восточной Азии. Правда, здесь вопрос увязан с политизацией монашества, которая временами усиливается, а порой сходит на нет. Вспомним протестное самоожжение монаха Куан Дыка в Сайгоне в 1963 году.

«Аум Синрикё» было исключительным для буддийской среды (хотя в идеологии этой секты элементы буддизма смешаны с элементами других религиозных систем) явлением, где признаки антиглобализма и социального протеста причудливо сочетались с элементами «слепого терроризма», когда жертвами теракта становятся ни в чем не повинные случайные люди, как это бывает в акциях террористов, действующих от имени ислама на Ближнем Востоке и в регионах, находящихся за его пределами.

Можно констатировать различия в отношении ислама, христианства и буддизма к секуляризму. В исламе в последние десятилетия набрала силу антисекуляристская тенденция (в распространяемом в России на русском языке сборнике фетв (установлений авторитетных мусульманских богословов) Совета по фетвам Организации Исламского сотрудничества секуляризм даже называется врагом ислама). Даже в такой конституционно секулярной стране, как Турция (это единственное ближневосточное государство, где его светский характер закреплен в его основном законе), в период правления Партии справедливости и развития по главе с Реджепом Эрдоганом идет медленный процесс реисламизации, в общественно-политической жизни все сильнее слышны религиозные интонации.

В буддизме антисекуляризаторские мотивы выражены слабее, чем во всех авраамических религиях (по мнению российского исследователя Агаджаняна, это объясняется тем, что граница между духовным и светским в буддийской традиции не столь рельефно очерчена).

Можно зафиксировать и различия в отношениях к иноверцам. Хотя исходно в исламском вероучении было заложено позитивное отношение не только к представителям других монотеистических религий, но и толерантное отношение к последователям немонотеистических религий, язычникам и даже неверующим, в реальной практике и богословско-правовом дискурсе некоторых школ в последующие века в нем получила развитие тенденция эксклюзивизма. Буддизм в целом лишен таких представлений, но все же и в ареале его распространения для отдельных групп и индивидуумов характерны эксклюзивизм и элементы нетерпимости.

Под воздействием ресакрализации того или иного важного для вероучения понятия искажается изначально заложенный в них смысл. Один из примеров — понятие *уммы*, которое в современном исламском мире принято относить исключительно к мусульманам. Однако понятие *умма* может иметь отношение не только к людям. В средневековом словаре имама Ибн Манзура говорится: «*Умма* — поколение и вид всего животного». Иначе говоря: «*Умма* — всякий вид животного — *умма*». А в Коране сказано: «Нет ни одного животного на земле и птицы, летающей на крыльях, чтобы не были они *уммой*, подобно вам...» (Коран 6: 38). В одном из правильных хадисов еще более неожиданно и очень ярко: «Если бы собаки (!) не были *уммой*, как и все осталь-

ные, Я повелел бы убивать их...». Также: «Муравьи — умма из уммы» (оставим здесь слово *умма* без перевода, поскольку адекватный эквивалент трудно найти — «община из общин», а может быть, «сообщество из сообществ»?). На основании целого ряда работ средневековых арабских лексикографов автор знаменитого толкового словаря английский арабист Э. У. Лэйн заключил, что *умма* — это «люди определенной религии» и «люди, которым ниспослан пророк, в том числе верующие и неверующие». Заметим: и неверующие! Опасно сказать об этом современным фундаменталистам.

В заключение несколько слов о феномене исламистского экстремизма и терроризма. Вспомним, что в одном из сценариев открытого доклада Национального совета США по разведке «Карта будущего: Проект 2020», составленного с участием значительного числа видных экспертов из многих стран и опубликованного на русском языке в 2005 году, авторы доклада предсказывали, что может произойти на Ближнем Востоке в недалеком будущем. Они писали: «В ближайшие 15 лет религиозное самосознание будет становиться все более важным фактором самоидентификации людей». И далее: «Распространение радикального ислама окажет существенное глобальное влияние <...> сплачивая разнородные этнические и национальные группы и, возможно, даже создавая институты, которые выйдут за пределы национальных границ». Конечно, уже тогда в мире активно действовала «Аль-Каида», и это утверждение напрашивалось само собой. Однако за ним следовал тезис о воображаемом сценарии «нового Халифата» (!), способном «продвигать мощную контридеологию, имеющую широкое воздействие». Через десяток лет некоторые конспирологически мыслящие ближневосточные аналитики увидели в этом предсказании свидетельство причастности некоторых американских кругов к созданию ИГИЛ (запрещенного в России и сегодня далеко еще не поверженного).

Так или иначе, в книге “The Wave: Man, God, and the Ballot Box in the Middle East” («Волна: Человек, Бог и избирательная урна на Ближнем Востоке»), написанной в октябре 2010 года, то есть еще до начала «арабской весны» 2011 года (книга вышла в начале 2011 г.), сотрудник американского Фонда защиты демократии Роэль Марк Герект¹ фактически предсказал победу исламистов в Египте, заметив, что именно в этой стране исламисты «хорошо покажут себя при любом свободном голосовании», а решающим временем для этого был назван 2011 год. Большая часть западного экспертного сообщества тогда излучала оптимизм по поводу политической программы «Братьев-мусульман», воодушевляло то, что еще в программе, опубликованной в августе 2007 года египетской газетой «аль-Мисри аль-Яум», говорилось и об ответственных правителях, занимающих свои посты по воле народа, и об укреплении демократии, и о разнообразных и независимых институтах гражданского общества. Внушалась мысль, будто «Братья» твердо решили, что «демократия является единственно легитимной политической системой для Египта и всего остального исламского мира». В результате их победы впервые со времен «праведных халифов», рассуждал Герект, может возникнуть возможность того, что между лидерами и их обществами в арабском мире установятся «органические, взаимодоверительные отношения».

Опять предсказание или свидетельство знания? Речь, конечно, не идет о том, что западные державы прямо причастны к созданию угрожающих им самим террористических сетей на Ближнем Востоке. Но очевидно, что при всей глубине рассмотренного выше цивилизационного разлома (деления на мир веры и мир неверия) в западных сообществах есть круги, которые еще не избавились от соблазна поиграть с радикал-исламистами в своих собственных геополитических целях.

А. Д. Некипелов²

О СОЦИУМЕ КАК ОБЪЕКТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИЗИСЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Специфика общества как предмета научных исследований не является секретом. Общественные науки зачастую трактуются как «мягкие» по сравнению

¹ Герект — ученик Бернарда Льюиса, служил оперативным офицером в ЦРУ, известен своими неоконсервативными и интервенционистскими взглядами, особенно агрессивно высказывался в отношении Ирана («У иранцев... терроризм — в ДНК»).

² Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзоны” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др.; статей: «Макроэкономическая политика в условиях глобализации: опыт современной России», «О природе современных глобальных процессов: размышления экономиста» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

с «твердыми» естественно-научными дисциплинами. Эти характеристики призваны отразить тот факт, что в социальных исследованиях существенно меньшее значение имеет выявление строгих причинно-следственных связей, а существенно большее — интуиция, описание происходящих процессов, их общая качественная оценка с применением не всегда однозначно трактуемых критериев.

Экономическая теория стоит в этом ряду особняком. Сердцевиной ее предмета является вопрос о возможностях оптимального использования ограниченных ресурсов, что предопределяет необходимость широкого применения математического инструментария. Упор на его совершенствование, постоянно усиливавшийся в рамках так называемого «мейнстрима» в течение всего XX века, дал свои плоды: многие представи-

тели естественных наук стали рассматривать экономистов-теоретиков как коллег, опирающихся в своих исследованиях на «подлинно научные методы».

Но вот беда: среди самих экономистов все большее распространение получают представления, согласно которым их наука переживает кризис. Для того чтобы понять причины такого положения дел, следует внимательно посмотреть на то, что сегодня представляет собой «каноническая» общая экономическая теория.

Со времен Дж. М. Кейнса эта наука включает два, как будет показано ниже, плохо стыкующихся друг с другом раздела — микро- и макроэкономику.

Современная микроэкономическая теория представляет совокупность самостоятельных моделей (модели потребительского выбора, фирмы, отраслевого и общего равновесия и т. п.), составными частями которых являются гипотезы (аксиомы), рассуждения дедуктивного характера (в частности, математические преобразования), конкретные выводы. Причем выводы, получаемые на основе каждой модели, должны иметь форму, позволяющую проводить проверку их соответствия положению дел в реальной экономике. Соблюдение последнего требования, по мнению представителей «мейнстрима», позволяет превратить микроэкономике в подлинно эмпирическую науку, тем самым приближая ее к стандартам соответствующих естественно-научных дисциплин.

Достоинством такого подхода является то, что он позволяет получить представление о характере функциональных зависимостей, проявляющихся на поверхности хозяйственной жизни. Но у него есть, по крайней мере, два серьезных недостатка сугубо методологического и содержательного свойства.

Первый заключается в том неудобном для исследователя обстоятельстве, что, формулируя любую из упомянутых выше моделей, приходится вводить в нее категории, природа которых до этого не была определена. К примеру, в модели потребительского выбора такими понятиями являются рыночные цены товаров и доход потребителя, в модели фирмы — цены, издержки, процентная ставка. Второй порок, содержательный, состоит в том, что результатом исследования становятся выводы, относящиеся к экономической системе с изначально строго заданными параметрами, характерными для модели совершенной рыночной экономики. А это означает, что современная микроэкономическая теория в силу особенностей своего построения характеризуется институциональной статичностью.

Может показаться, что микро- и макроэкономика лишь поделили между собой поле экономических исследований: микроэкономика имеет дело с отношениями отдельных хозяйствующих субъектов (как индивидуальных, так и групповых), а макроэкономика — с функционированием экономики в целом. Увы, это не совсем так. Проблема в том, что эти два раздела современной экономической теории опираются на разные методологические основы, а значит, по сути, представляют собой две различные науки¹.

¹ В 1967 году К. Эрроу охарактеризовал разрыв между микро- и макроэкономикой как «крупный скандал» (major scandal) (см.: Arrow K. J. Samuelson Collected // Journal of Political Economy. 1967. № 75. P. 730–737).

Микроэкономическая теория исключает межличностное сравнение полезностей, поэтому рассматривает бессмысленное суммирование индивидуальных доходов для характеристики благосостояния группы. Между тем в макроэкономике валовой внутренний продукт (доход) рассматривается как ключевой показатель экономического развития страны. Бессмысленным с точки зрения микроэкономики является и такой макроэкономический показатель, как общий уровень цен. Для микроэкономики существует лишь вектор цен, и это связано с тем, что их средний уровень не может быть однозначно определен: ведь он зависит от того, структура выпуска какого периода берется за базу. Точно так же с точки зрения микроэкономики отсутствуют основания для введения в анализ производственной функции экономики в целом, обобщающей множество производственных функций, каждая из которых характеризует совокупность технически эффективных технологий в конкретных областях деятельности. Однако именно такая агрегированная производственная функция лежит в основе современных теорий экономического роста.

Основной особенностью классической макроэкономики является то, что она как бы «сплюсчивает» в простое скалярное представление сложную «векторную реальность». Надеяться на то, что работа по подведению микроэкономических основ под макроэкономическую науку² изменит такое положение дел, не придется. До тех пор пока проблематика экономического роста остается одной из центральных задач макроэкономики, методологическая несовместимость двух разделов современной теории будет сохраняться. В случае же замены проблематики экономического роста, ориентированной на динамику одного агрегированного показателя, проблематикой экономического развития макроэкономика в ее нынешнем виде просто исчезнет.

В качестве наиболее убедительных свидетельств кризиса современной экономической науки рассматриваются, с одной стороны, ее очевидные провалы в предсказании важных экономических событий, с другой — неоднократно проявлявшаяся неэффективность многих рекомендаций, предлагавшихся от ее имени. Самым ярким примером первого рода стал грандиозный мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов, по иронии судьбы разразившийся вскоре после того, как представители «мейнстрима» уверились в том, что проблема предотвращения депрессий ими решена³. Примеров второго рода более чем достаточно. Ограничимся упоминанием о теперь уже общепризнанной неэффективности мероприятий, известных под названием «Вашингтонский консенсус», усиленно навязывавшихся постсоциалистическим государствам.

Неудовлетворенность ответами, которые дает «мейнстрим» на вызовы современного мира, привела к быстрому распространению так называемых гетеродоксальных подходов к анализу экономических проблем. Их сторонники подвергают сомнению оправданность самой попытки построить экономическую теорию по образу и подобию теоретических естественно-на-

² О ее результатах см., например, шестую главу известного учебника: *Ромер Д. Высшая макроэкономика*. М.: ВШЭ, 2014.

³ См.: *Lucas R. Macroeconomic Priorities // American Economic Review*. 2003. № 93 (1). P. 1–14.

учных дисциплин: на аксиоматической основе, с опорой на логические умозаключения и с широким применением математического аппарата¹. Соответственно объектом критики становится и заведомая упрощенность тех предположений (аксиом) в отношении особенностей человеческого поведения, на которые опирается «экономикс». Среди них — теоретические конструкции, используемые современной экономической теорией для характеристики как индивидуального поведения, так и социального целеполагания². В связи с этим внимание привлекается к тому факту, что в обществе действуют наделенные сознанием и обладающие собственными интересами агенты, чьи представления о действительности могут непосредственно влиять на нее³. Одним из результатов этого оказывается изменчивость хозяйственной среды, приводящая к быстрому устареванию любых ее моделей, претендующих на завершенность. Наконец, подчеркивается ошибочность игнорирования неэкономических факторов хозяйственного развития, особенно культурного и политического характера.

Нельзя не признать справедливость критики многих сторон «неоклассики» со стороны представителей гетеродоксии в экономической науке. В то же время очевидно, что в своей крайней форме этот подход неизбежно подводит к отказу в праве на существование общественным наукам вообще и экономической теории в частности. В условиях, когда отвергается возможность научных обобщений, для решения практических задач остается лишь «общий социальный анализ». Последний фактически рассматривается не как наука,

¹ Сомнения такого рода высказывались и ранее. Известный британский экономист первой половины XX века А. Пигу допускал существование «чистой экономической теории», но относился к ней весьма иронично. Он писал: «Чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов x . В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой x придается значение мотивов, приписываемых экономическому — или нормальному — человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, в которой x состоит из трудолюбия и ненависти к доходам». Но, несомненно, все его симпатии были на стороне «реалистической экономической науки»: «Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов» (*Pigou A. C. The Economics of Welfare*. L.: Macmillan and Co. 1932. P. 5–6).

² Так, автор концепции «нового прагматизма» Г. Колодко считает чрезмерно упрощенными следующие отправные пункты стандартной теории: парадигму максимизации богатства, убежденность в рациональном поведении экономических агентов и веру в то, что рыночный механизм гарантирует эффективное управление экономикой (см.: *Kolodko G. W. Truth, Errors, and Lies. Politics and Economics in a Volatile World*. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2011. P. 72). Он же подвергает критике одномерный подход современной макроэкономики к проблеме экономического прогресса и отождествлению последнего с ростом ВВП (см.: *Kolodko G. W. Whither the World: The Political Economy of the Future*. Palgrave Macmillan, 2014. P. 33).

³ «...Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование ожиданий. Стоит исследователям что-то узнать о закономерностях функционирования фондового рынка, как эти закономерности осваиваются агентами и влияют на их поведение. В результате выявленные закономерности перестают выполняться» (*Полтерович В. Становление общего социального анализа // Выдающиеся экономисты современности: энциклопедия*. М., 2013. С. 178).

а как междисциплинарный инструментарий, пригодный для изучения частных случаев — так называемых case studies⁴.

Разумеется, одна из основных особенностей социума как объекта изучения состоит в том, что в его рамках взаимодействуют люди, обладающие сознанием и руководствующиеся в своих действиях собственными интересами. Общественные (в том числе экономические) институты являются продуктом их деятельности. Тем не менее вывод, что в этих условиях в экономической системе не могут формироваться устойчивые закономерности, поддающиеся научному обобщению, не представляется правомерным.

Хорошо известна сложность современной экономической системы, пронизанной огромным количеством взаимозависимостей между экономическими агентами, действующими в значительной степени независимо друг от друга. Тем более важно, что, несмотря на это, рыночная экономика отнюдь не идет вразнос, а демонстрирует способность обеспечивать более или менее упорядоченное развитие. Это само по себе дает веское основание для предположения о существовании объективно действующих сил, направляющих энергию самостоятельных участников хозяйственной жизни в конструктивное русло. Можно предположить, что наличие устойчивых закономерностей в экономической сфере связано с тем, что разным людям свойственны сходные устремления, возможности реализации которых наталкиваются на однотипные ограничения. Как бы то ни было, общая экономическая теория имеет уже по меньшей мере четырехсотлетнюю историю, в ходе которой многочисленным исследователям удалось добыть немало полезных и получивших практическое подтверждение сведений о том, как функционирует рыночная система.

Не представляется убедительным и приводившийся выше тезис, в соответствии с которым самостоятельная экономическая теория не имеет права на существование, поскольку хозяйственные решения по своей природе включают ценностные, а во многих случаях — и политические аспекты. Конечно, общество представляет собой сложный субъект, обладающий политическими, экономическими, социальными и культурными измерениями. Но и предметом чистой экономической теории является не изолированная сфера социума, а социум в целом, правда, рассматриваемый под особым углом зрения.

Однако если экономическая теория — это взгляд на социум с экономической точки зрения, то она не может полностью абстрагироваться от явлений, которые являются главным предметом исследования других дисциплин. Да она никогда и не выводила за рамки своего предмета соответствующие явления. Легко убедиться, что без обращения к системе предпочтений и, следовательно, к ценностям человека невозможно по-

⁴ По мнению В. Полтеровича, предметом общего социального анализа является функционирование и развитие общественных институтов в целом. При этом исследования в его рамках должны опираться на единую базу данных, а общий аналитический аппарат — состоять из методов статистической обработки данных (эконометрики) и теории игр как абстрактной дисциплины, объясняющей формирование норм поведения (*Полтерович В. Указ. соч.* С. 184).

строить модель потребительского выбора. Не «чужим» для экономической теории является и основной субъект политической системы — государство. Без него невозможны ни функционирование рыночной экономики (вспомним о важности формализации и обеспечения соблюдения правил экономической «игры»), ни борьба с «провалами рынка», ни учет того, что интересы членов общества не сводятся к интересам «человека экономического». Внимание, которое в экономической теории уделяется проблематике общественного выбора (в том числе в части, касающейся справедливого распределения доходов), подтверждает, что она включает и социальное измерение.

Вот почему вывод из кризиса современной экономической теории, по моему убеждению, связан не с отказом от применения дедуктивного метода, опирающегося на ограниченный набор аксиом, а с преодолением ее институциональной статичности, а также с четким определением ее места в системе экономических и — более широко — общественных наук.

Выявить логику в развитии форм организации экономической жизни помогает методологический подход, состоящий в сочетании генетического и функционального анализа. Он, как известно, в основных чертах был разработан еще Карлом Марксом, двухсотлетие которого отмечается в нынешнем году. В современных терминах сутью такого подхода является переход от совокупности отдельных моделей, описывающих проявляющиеся на поверхности функциональные зависимости между элементами экономической системы, к системе моделей, вытекающих одна из другой и характеризующих исследуемый объект на различных уровнях абстракции. Оказывается, эта методология позволяет не только непротиворечивым способом прийти к тем же, что и в «неоклассике», результатам в отношении функциональных зависимостей, проявляющихся на поверхности рыночной экономики, но и выявить основные силы институциональной динамики, определяющей становление и возможные направления развития этой хозяйственной системы¹.

Однако вот что важно иметь в виду. Чистая экономическая теория, построенная на основе дедуктивного метода, позволяет сформировать не более чем «интеллектуальный макет» экономической системы. Выше уже отмечалось, что экономическая теория не может совсем обойтись без учета ценностных и политических факторов общественного развития. Но эти факторы не являются для экономической теории предметом углубленного исследования. Они вводятся в нее аксиоматически, в удобном для формализации упрощенном виде. И это, конечно, является одной из причин² того, что экономическая теория не позволяет сама опреде-

лять точные значения параметров, характеризующих конкретную экономическую систему в конкретных обстоятельствах. Именно поэтому ее необходимо рассматривать не как точное отражение изучаемого объекта, а как его макет. В этом важнейшее отличие «экономических законов» от, скажем, законов механики. Поэтому и задача теории здесь существенно уже: выявить соподчиненность и взаимодействие основных элементов экономической системы, определить природу и направленность институциональных преобразований.

Ни при каких обстоятельствах «чистая экономическая теория» не может обеспечить прямой выход на практические рекомендации, касающиеся путей решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются отдельные государства, их интеграционные объединения, глобальная экономика в целом. Попытка создания точной виртуальной копии современной экономики обречена на провал по двум причинам.

Первая носит сугубо технический характер: усилия, связанные со сбором и обработкой необходимой для этого информации, превышают любые мыслимые границы. Вторая имеет принципиальное значение и связана с природой человека. Дело в том, что некоторые параметры, отражающие особенности нашего поведения, изменчивы, причем непредсказуемо изменчивы. Так, невозможно однозначно определить характер экономических ожиданий членов общества, а значит, и их реакцию на изменяющиеся экономические переменные. По природе своей неоднозначным является понятие социального оптимума, а потому невозможно предугадать конкретные механизмы принятия групповых решений, которые будут использовать члены социума, и какие именно цели они будут перед собой ставить.

Следствием всех этих обстоятельств является формирование своеобразной «зоны неопределенности» между моделью, описываемой «чистой экономической теорией», и реальной экономикой³. Именно это и отличает экономическую теорию как социальную науку от таких естественно-научных дисциплин, как, например, теоретическая механика.

Отсюда следует, что для принятия практических решений не существует альтернативы использованию упрощенных моделей, основанных на агрегированной и в известном смысле разнородной информации. Справедливо и то, что применяемый для этого инструментарий не может не иметь эклектичного характера. В его состав входят и классические макроэкономические модели, и эконометрические разработки, и социологические обследования. Поиск оптимальных решений, несомненно, требует учета культурных и социально-психологических особенностей общества, характера действующих в его рамках политических механизмов. Иными словами, при анализе конкретных ситуаций применение инструментария междисциплинарного анализа просто необходимо. Что же касается экономической теории, то она призвана играть роль своеобразного ориентира, позволяющего правильно организовать усилия исследователя.

¹ Попытка реализовать этот подход была предпринята мною в следующих работах: *Некипелов А.* Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзолады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М. : Экономистъ, 2006 ; *Некипелов А.* Общая теория рыночной экономики. М. : Магистр, 2017.

² Именно «одной из». Не поддаются непосредственному определению, скажем, индивидуальные функции полезности, да и количество переменных в конкретной экономике столь велико, что невозможно не только обработать весь объем информации, но и просто собрать его.

³ См.: *Некипелов А.* Nowy pragmatyzm Grzegorza W. Kolodki — alternatiwa czy uzupełnienie teorii ekonomii? // *Ekonomia przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza Kolodko.* Redakcja naukowa Maciej Baltowsky. Warszawa : PWN, 2016.

Р. И. Нигматулин¹

РОССИЯ И МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Надо отказаться от «контрабандной и бесплодной натурфилософии».

Академик Иван Павлов

Российская история складывалась в крайних и неустойчивых климатических условиях с самой длительной и самой холодной зимой. В более суровых условиях саморазвития передовых цивилизаций не происходило. Напомню, что из-за близости к Гольфстриму зима в приполярных регионах Норвегии, Швеции и Финляндии, около Осло, Стокгольма и Хельсинки, где проживает основная часть населения этих стран, теплее, чем в Киеве. А юг Канады, где сосредоточена основная часть населения, находится на широте юга Украины. Специфические природные условия на основной части территории России и резкие климатические контрасты создают у народа некое состояние неустойчивости: в этом году — хорошо, в следующем году — плохо. Если ты талантливый хозяин (а таких всегда меньшинство), то тебе удастся выживать, радоваться жизни, а если нет, то ты бедняк и нищий.

Особенность условий предопределяет в нашем народе «колебательное» состояние с большой амплитудой. Мне представляется, что этим, в частности, объясняется ожесточенность в отношениях между людьми. Эта ожесточенность сохраняется до сих пор и проявляется, в частности, в трактовке нашей истории.

В области культуры, науки и технологий Россия многое переняла из Европы. Первый русский ученый Ломоносов получил образование в Германии. Но через два века Россия становится научной и технологической державой, способной осуществить первый полет в космос. То же происходило и в культуре. Русские, услышав итальянскую оперу, создали великую русскую оперу. Увидев французский балет, создали великий русский балет. Увидев европейский спорт, стали спортивной державой. Во всех сферах Россия вносила огромный вклад в развитие мировой цивилизации.

Россия первой предприняла попытку построить социалистическое государство с бесплатными медициной и всеобщим средним образованием, с поддерживаемым государственным стипендиями высшим образованием и аспирантурой. Советская Россия ценой огромных усилий и жертв построила мощную экономику с сильной индустрией и вышла на второе место по валовому производству. Она обеспечивала подавляющую часть внутреннего потребления. Совет-

ский Союз внес решающий вклад в разгром фашизма. Несмотря на кровавые государственные преступления в 1920–1930-е годы, десятки миллионов людей во многих странах мира с огромным уважением воспринимали развитие нашей страны как лидера социализма и голосовали за просоветские коммунистические партии. Даже научные лидеры в области разработки атомного оружия в США бескорыстно передавали секреты советской разведке.

Сейчас, несмотря на приближение к европейской демократии и переход к капиталистической (рыночной) экономике, авторитет и влияние России на развитие мировой цивилизации, в частности производительные силы, социальные гарантии (здравоохранение, образование), культура и наука, сильно ослабли. Более того, миллионы людей в разных странах с презрением относятся к стандартам «русской жизни». И дело не только в антироссийской пропаганде. Мир видит случаи вопиющей несправедливости, происходящие в России, огромные доходы богачей и нищету миллионов, бедность учителей, врачей и профессоров. Мир видит, что тысячи молодых граждан России уезжают на Запад развивать свои таланты не только из-за низкой зарплаты, но и из-за изношенной приборной базы. Бесконечные и бесплодные реформы образования и науки привели к катастрофическому падению уровня образования, а вместе с ним и к снижению интеллектуального уровня молодежи. Все больше людей заняты не созданием, а реализацией экспорта сырья и торговлей импортными товарами: автомобилями, смартфонами, бытовой техникой.

Российское производство утратило многие технологии машиностроения, электроники и др. Мы не производим станки. Почти все высокотехнологические товары (самолеты, автомобили, газовые турбины, бытовую технику, одежду и др.) мы ввозим из-за рубежа, иногда успокаивая себя «отверточными заводами» по их сборке из зарубежных деталей.

В связи с тяжелым положением дел в России напомню, что после потрясений 1917 года великий академик Иван Павлов в своей нобелевской лекции с горечью признавал, что у ученых не доставало способностей «смотреть на самих себя и окружающее *без самообмана*» и «представить анализ действительности, кончающийся *простым и ясным* ее представлением».

Другой нобелевский академик, Петр Капица, в 1936 году в письме Нильсу Бору писал: «Ученые больше всего озабочены созданием условий для своей личной работы и терпеть не могут *широкой постановки вопросов*».

Отмеченные пороки и сегодня присущи научному сообществу. Как и в начале XX века, оно не сформулировало *ясный* и научный ответ (в цифрах) на вопрос:

¹ Научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, академик РАН, член Президиума РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор свыше 200 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Основы механики гетерогенных сред», «Динамика многофазных сред», «Как обустроить экономику и власть России: анализ инженера и математика», «Кризис и модернизация России — 13 теорем», «Механика сплошной среды. Кинематика. Динамика. Термодинамика. Статистическая динамика» и др. Имеет 21 авторское свидетельство на изобретения. Главный редактор журнала «Океанология». Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премии Правительства РФ в области науки и техники. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

«Что делать, чтобы страна вышла из кризиса?». Вопрос очень серьезный, и чтобы доверить его обсуждение только чиновникам и партийным деятелям. И в этом контексте должна обсуждаться судьба РАН, а ответы должны давать представители всех наук.

Что же нам делать?

Во-первых, нельзя поддаваться чувству безнадежности. Выдающийся творец экономического чуда в послевоенной Германии профессор Людвиг Эрхард сказал: «Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадежной, чтобы решительная воля и честный труд всего народа не могли справиться с ней».

Во-вторых, исправлять надо многое. Ниже в виде тезисов приведены некоторые идеи необходимых исправлений.

I. Экономика

Нынешняя модель себя исчерпала и не позволит добиться роста.

*Помощник Президента РФ
А. Р. Белоусов*

В России есть трудовые, производственные и сырьевые ресурсы для обеспечения экономического роста до 8 % в год.

Академик С. Ю. Глазьев

Для значимого экономического роста (роста производительности труда) и улучшения благосостояния народа необходимо сбалансировать экономику по макроэкономическим и межотраслевым параметрам.

Макроскопические балансы основаны на балансах производственных затрат, цен, фонда оплаты труда и ВВП.

Кроме того, необходимо сбалансировать с ВВП государственные и социальные расходы.

Единственный двигатель рыночной экономики (роста производительности труда) — платежеспособный спрос, определяемый фондом оплаты труда 90 % трудящихся относительно ВВП.

Зарплата российского профессора в 10 раз меньше, чем зарплата депутата парламента. Это безобразие! Только у 7 % народа России зарплата выше 70 тыс. рублей в месяц. А 50 % трудящихся имеют зарплату менее 20 тыс. рублей в месяц. Для такого народа-покупателя рост экономики не нужен: он все равно ничего не купит. А вот доход богатейших 0,4 % семей равен 10 трлн рублей в год, тогда как федеральный бюджет собирает 15 трлн рублей.

Чтобы больше производить, надо правильно распределять то, что уже имеется и производится.

Перераспределение доходов в интересах среднего и бедного классов необходимо осуществлять вместе с изменением соотношений между ценами с целью перехода к сбалансированной и справедливой экономике.

Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности (*Людвиг Эрхард, профессор, министр экономики и канцлер ФРГ*).

Аномальное неравенство тормозит рост экономики (*Алексей Шевяков, профессор*).

Нельзя оживить рост экономики за счет экономии, связанной со снижением спроса, что приводит к еще большему снижению уровня производства и занятости (*Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике*).

В кризис госрасходы следует сохранить или даже увеличить, чтобы создать рабочие места, подняв налоги для состоятельных людей (*Эрик Маскин, лауреат Нобелевской премии по экономике*).

Ориентиры для развития покупательской способности

1. Сбалансированный с ВВП фонд оплаты труда среднего и бедного классов (95 % трудящихся) должен в ближайшие 6 лет поэтапно вырасти с 25 % ВВП до 50, а затем до 60 % ВВП. Это необходимое условие экономического роста и социальной стабильности.

2. Поэтапная коррекция распределения доходов в пользу бедного и среднего классов:

— налоги на сверхдоходы и сверхбогатую собственность;

— на первом этапе 25 % — налог с той части дохода резидента, которая превышает 20 млн рублей в год, и 2,5 % в год — с той части кадастровой стоимости, которая превышает 100 млн рублей. Это затронет 0,3 % населения и принесет в госбюджет около 1–2 трлн рублей в год;

— в ближайшие 10 лет для подавляющей части населения (99 %) сохраняется плоская шкала налогообложения без налоговых деклараций;

— в США налоги с богатой недвижимости — основа бюджета благополучных муниципалитетов;

— диверсифицировать налоговые нагрузки на предприятия разных категорий: сырьевые, обрабатывающие, производящие конечную продукцию и торговые;

— снизить налоги на средний и малый бизнес.

3. Баланс зарплат и цен на «народные товары».

Ориентиры зарплат относительно «народных товаров»

Минимальная месячная зарплата =

= стоимость 1000 л бензина,

= стоимость 300 кг хлеба,

= стоимость 6000 кВт/ч электроэнергии.

Средняя месячная зарплата =

= 2 минимальные зарплаты,

= стоимость 1 кв. м жилья.

Главный инвестор экономики — народ (95 % населения), получающий сбалансированную зарплату.

Основным платежеспособным инвестором сельского хозяйства РФ могут быть только жители городов (95 % городского населения), покупающие отечественные продукты сельского хозяйства, если они получают сбалансированную зарплату.

Малая доля ВВП на оплату труда основной части населения (95 %) — главный тормоз развития страны и ее экономики.

По паритету покупательской способности (ППС) топливо и электроэнергия в РФ самые дорогие, доля энергетики и топлива в нашем ВВП самая большая среди индустриальных стран, что «давит» на бизнес. Поэтому необходимо поэтапное снижение внутренних

цен на топливо, электроэнергию и транспорт за счет оптимизации и контроля (включая контроль потребителей), а именно:

- производственных затрат и необоснованных инвестиций;
- исключения из себестоимости сверхбольших зарплат и бонусов топ-менеджмента, сверхдорогого содержания офисов;
- снижения налогов на добычу полезных ископаемых;
- других различных отчислений в госбюджет.

Ориентиры соотношений цен на «народные товары»

Один литр бензина и дизельного топлива должен стоить около 35 рублей за литр.

Указанное снижение внутренних цен фактически станет инвестицией в отрасли производства «народных товаров» и будет способствовать увеличению покупательной способности среднего и бедного классов.

Отказаться от практики решения бюджетных проблем за счет увеличения «народных» тарифов (топливо, энергия, транспорт и т. д.), утилизационных и экологических сборов без согласования с оплатой труда бедного и среднего классов. Прирост этих тарифов идет за счет повышения цен на «народные товары» и покрывается их потребителем, тем самым угнетая покупательский спрос.

Если инвестиции в основной капитал составляют менее 20–25 % ВВП, то это означает неудовлетворительную работу правительства — должно быть выражено недоверие его экономическому блоку и руководителям государственных банков. Сегодня инвестиции в основной капитал составляют 17 % ВВП.

Необходимо развитие целевого кредитования и контроля валютного рынка и вывоза капитала (*С. Ю. Глазьев*).

Все перераспределения ВВП должны быть решительными, но сбалансированными и корректируемыми. Чтобы не вызвать несбалансированный потребительский спрос и аномальную инфляцию, перераспределение не должно превышать около 5 % ВВП в год.

Для 90 % населения России главное значение имеет инфляционный индекс по корзине «народных товаров»: хлеб, овощи, молоко, мясо, коммунальные тарифы, транспорт, налоговые отчисления бедного и среднего классов.

II. Социальная сфера

Необходимо в течение 10 лет довести долю ВВП на **социальные расходы на развитие человека** (здравоохранение, образование, наука, культура) с 10 % до европейского уровня — 25 %. Уже к 2022 году эти расходы необходимо поэтапно довести до 17 % ВВП в соответствии с таблицей.

Таблица

Расходы, % ВВП	2017	2022
Здравоохранение	3,5	5,5
Образование	4,5	8
Наука / Российская академия наук	1,2/0,16	2,5/0,4
Культура и кино	0,6	1,3

Источник — поступления в бюджет за счет налогов с физических лиц на сверхбогатство (см. выше), сокращение расходов на бюрократию и средства за счет экономического роста.

Научный анализ показывает, что увеличение расходов на здравоохранение в России с 3,5 до 5,5 % ВВП позволит увеличить продолжительность жизни с 71 до 76 лет и снизить смертность с нынешних 12,5 до 11 на тысячу человек населения. В абсолютных цифрах это уменьшит число умерших в РФ в год с 1,8 млн до 1,5, то есть на 200 тыс. человек в год¹.

Надо осознать, что затраты на оборону РФ равны 3,5 % ВВП (по ППС это 150 млрд долларов, в Китае — 2 % ВВП, или 390 млрд долларов, в США — 3,5 % ВВП, или 700 млрд долларов). Ну заберем у армии 1 % ВВП. И что? Ведь Российскую армию тоже надо укреплять, имея в виду наших конкурентов, после многих лет ее недофинансирования. А сверхдоходы 0,5 % богатейших составляют около 15 % ВВП.

Особое внимание необходимо уделить подготовке инженеров, особенно в области машино-, станко- и энергомашиностроения, производства газовых турбин и авиадвигателей, ИТ-технологий.

III. Внутренняя политика

Развитие демократической культуры народа и многопартийной системы. Разрешить избирательные блоки нескольких партий.

Ввести в бюллетени голосование против всех кандидатов.

Все голосования легитимны только при явке более 67 % избирателей, имеющих право голоса.

Все голосования (в том числе и в законодательные органы) должны проходить в два тура, когда во второй тур выходят два кандидата, набравшие наибольшее число голосов.

По партийным спискам могут избираться не более 20 % депутатов.

Финансирование избирательных кампаний — только из государственного бюджета по унифицированным нормативам.

¹ В России, как и в странах Европы, смертность (число умерших в год на тысячу человек) к 1987 году была равна 10,5. После реформ 1990-х в России она выросла до 16,7, что означает сверхсмертность.

В 2003 году в РФ началось существенное увеличение финансирования здравоохранения, которое к 2015 году достигло 3,5 % ВВП. В результате смертность к 2017 году упала до 12,5. С 1991 по 2017 год 14 млн человек умерли раньше своего срока относительно 1990 года. Это та цена, которую заплатил наш народ за разрушение социалистического порядка и переход к экстремально рыночному порядку.

В новых странах ЕС (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Прибалтика) смертность сохранилась на уровне 1990 года и равна около 11, а продолжительность жизни составляет 76–78 лет. В «старых» странах ЕС смертность после 1990 года упала с 10,5 до 9,3, продолжительность жизни — 78–81 год, а в России — 71 год.

Но для уменьшения смертности в РФ до уровня 1985–1990-х годов (10,5 смертей в год на 1 тыс. человек) расходы на здравоохранение надо увеличить с нынешних 3,5 % ВВП (что соответствует 20 тыс. руб. в год на человека) до 5,5 % ВВП (что соответствует 30 тыс. руб. в год на человека). А чтобы уменьшить смертность до современного европейского уровня (9,3 смертей в год на 1 тыс. человек), расходы на здравоохранение надо увеличить до 7 % ВВП (что соответствует 40 тыс. руб. в год на человека). В целом это требует дополнительно 3 трлн рублей в год.

Существенное сокращение чиновничьего аппарата.

Росстат вывести из подчинения правительству, он должен иметь статус, аналогичный статусу Счетной палаты.

Назначение каждого министра — только с согласия Государственной Думы РФ.

Заключение

Только создав справедливый порядок во внутренних делах, а именно в экономике и государственном устройстве, шаг за шагом реализовав передел национального дохода с целью его справедливого и опти-

мального для экономического роста распределения, мы сможем достичь своих целей. Только так мы сможем укрепить свой суверенитет, обороноспособность, производительные силы, повысить интеллект и уровень жизни своего народа. Для этого необходимо учитывать законы развития общества, экономики и технологий и добиваться того, чтобы граждане страны позитивно относились к своим государственным лидерам и считали, что в нашей стране правят ум и справедливость. Только тогда Россия сможет окрепнуть и оказывать позитивное и действенное влияние на развитие мировой цивилизации.

С. А. Осколков¹

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ... О РОЛИ ИСКУССТВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Настоящая история нашей цивилизации — это прежде всего история искусства. Научные открытия, даже самые великие, порой затмеваются, а иногда и перечеркиваются последующими открытиями и изобретениями. Сменяются эпохи, общественно-политическое и экономическое устройство обществ и государств, на смену войнам и разрушениям приходят мир и созидание, страны и люди то богатеют, то нищают. Лишь искусство во всем своем многообразии и богатстве выступает как носитель памяти человечества и не подвержено инфляции и забвению.

От наскальных изображений до сегодняшних граффити, от музыки Эллады, Древнего Рима и Иудеи, о которых чудом сохранились свидетельства, от Знаменного распева до электронных опытов Карлхайнца Штокхаузена — великие и рядовые проявления художественного творчества, неисчислимы живописные, поэтические, музыкальные опусы составляют бесценную сокровищницу нашей цивилизации.

Сквозь войны и революции, смены эпох и верований искусство зримой нитью связывало времена и поколения. Не производственные отношения, не экономика или политика, но именно искусство и культура обеспечивают устойчивое эволюционное существование человечества. Классическое положение о базисе и надстройке слишком вульгарно трактует так называемую надстройку, относя к ней в качестве «второстепенных» столь важные аспекты общества, как система права, форма государственного устройства, религия, а главное — искусство и литература.

Все в нашем мире преходяще: королевства и царства, империи и республики... Приходят в этот мир

и уходят в вечность простые люди, великие правители, целые народы, одно поколение сменяется другим. Но свидетельством их пребывания на Земле остаются творения художников (зачастую безвестных), живших и работавших рядом с ними. Не это ли богатство и является истинным базисом общества во все времена и эпохи?

Непознаваема и необъяснима природа негибкости творческого духа великих мастеров, да и долготерпение и упорство рядовых служителей Муз. Ни бедность, ни унижения со стороны сильных мира сего не могли заставить их сойти с выбранного ими пути творческого созидания. Безусловно, не раз в истории случалось, когда влиятельные правители или меценаты создавали условия для работы живущим в одно время с ними художникам и музыкантам. Но даже титулованное семейство Медичи мы помним главным образом потому, что «для них» творили Микеланджело, Боттичелли, Бенвенуто Челлини, Рафаэль, Тициан... А кто вспомнит имя курфюрста, которому великий Бах в заботе о своих хористах нижайше подносил свое гениальное творение — Мессу си минор, сопровождая письмом с таким текстом: «Светлейший курфюрст, всемилостивейший государь! В глубоком почтении приношу я вашему королевскому высочеству настоящую скромную работу того моего мастерства, коего я достиг в музыке, и всеподданнейше прошу воззреть на оную благосклонным оком не ради плохой композиции, но ради Вашей всемирно известной милости и принять меня под Вашу высокую протекцию...»? Йозеф Гайдн в своей «Прощальной симфонии» пытался вызвать сочувствие или хотя бы жалость к музыкантам своей Капеллы у их покровителя князя Эстерхази. Моцарта спустил с лестницы граф Колоредо только за то, что тот осмелился написать прошение об отставке с тяготившей его службы. Многие художники жили и умирали в бедности, полностью завися от милости правителей, — но их картины в наши дни уходят с аукционов за миллионы долларов... История искусств изобилует подобными примерами.

¹ Заведующий кафедрой звукорежиссуры СПбГУП, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель искусств РФ. Автор около ста сочинений различных жанров, среди которых три оперы, три мюзикла, три кантаты, два концерта для фортепиано и симфонического оркестра, два струнных квартета, восемь фортепианных сонат, множество вокальных циклов на стихи русских поэтов, ряд сочинений для народных инструментов, музыка для театра и кино. Член Союза композиторов России, Межрегионального союза концертных деятелей РФ. Почетный профессор СПбГУП.

Но, главное, духовная кладовая человечества неуклонно пополняется все новыми шедеврами. Несмотря на прозрачность житейских перспектив, артистические профессии неизменно привлекают многочисленные отряды удивительных личностей, желающих посвятить свою жизнь творческому служению.

Искусство не знает хронологии. Оно всегда современно, коль скоро мы воспринимаем его сегодня и сейчас. Один незначительный миг в истории мира отделяет нас от только что законченных «Мадонны» Рафаэля или «Джоконды» Леонардо, 40-й симфонии Моцарта или «Весны священной» Стравинского, «Ромео и Джульетты» Шекспира или «Мастера и Маргариты» Булгакова и т. д. Великие творения человеческого гения всегда актуальны и современны.

Искусство хранит память о разных эпохах, народах, традициях. Все они предстают перед нами как на ладони, в живом диалоге, в непосредственной взаимосвязи и неувядающей актуальности через его великие творения.

Однако бывают времена, когда те или иные шедевры забываются и не признаются, как не востребованы оказались в многообразной и яркой культуре Средневековья многие достижения античных мастеров, обнаружение которых впоследствии вызвало гуманистический взрыв Ренессанса. Бывают времена, когда те или иные шедевры оказываются недоступными в силу дальности их местонахождения, трудности проложить путь к другим землям, народам. Так долгое время достижения восточных мастеров были незнакомы и чужды западным ценителям, а достижения западных были незнакомы и непонятны людям Востока.

И только теперь, в современном глобализованном мире, мы наконец обретаем в полном объеме ту универсальную вневременную общность, которую таит в своей истинной сути искусство. Теперь мы оказываемся способны оценить его объединяющий, сохраняющий потенциал, дающий человечеству актуальное сознание непреходящей ценности собственных достижений во всей их совокупности.

Современное плюралистичное и диалогически ориентированное сознание позволяет нам охватить взором все многообразие художественных традиций и достижений. В то же время современные научные достижения и технологии устраняют проблему дальности — как исторической, так и пространственной. Курьезно сейчас воспринимается история о том, как юный Бах предпринял путешествие за сотни километров, чтобы послушать игру прославленного органиста Дитриха Букстехуде: теперь достаточно щелчка «мышки», чтобы очутиться в концертном зале или оперном театре любого города мира, слушать, смотреть и наслаждаться искусством великих артистов. В течение считанных секунд нам становится доступна интересующая нас информация, наработанная историческими исследованиями, снабженная богатым иллюстративным материалом, создающим чувство живого присутствия.

Но также теперь, когда мы вступили в эпоху цифровых технологий, перед нами возникают не только бескрайние плодотворные возможности и перспективы, но и многие опасности и проблемы. Эти опасности

особенно сильно сказываются на самом развитии искусства, его актуальном движении. Предоставляя нам богатый материал прошлого, не чреваты ли они негативным влиянием на продвижение искусства в будущее и не следует ли обращать пристальное внимание на эти опасности, дабы избежать приостановки художественного процесса?

Огромную помощь в работе над музыкальными партитурами принесли нотные редакторы, визуализировалась работа звукорежиссеров (теперь мы не только слышим, но и «видим» звук). С появлением виртуальных инструментов у композиторов и аранжировщиков появилась возможность услышать партитуру во всех ее оркестровых красках. Художники-мультипликаторы получили действенный инструмент для создания своих движущихся картинок. Возникла новая профессия — режиссер мультимедиа. Невозможно перечислить даже сотую часть всех преимуществ, предоставляемых нам цифровыми технологиями.

Обратной стороной этой вдохновляющей картины явилась опасность скатывания представителей ряда профессий к дилетантизму в худшем значении этого понятия. Сходство производимого с помощью компьютера музыкального или визуального продукта с настоящим художественным произведением порождает у его создателя иллюзию мастерства и владения профессией. Люди, не имеющие представления об элементарной музыкальной грамоте (не говоря уже о многочисленных специальных профессиональных дисциплинах, таких как гармония, полифония, музыкальная форма, инструментоведение и инструментовка, история музыки и др.), теперь «делают» (распространенное выражение!) музыку для кино и театра, заносчиво называя себя композиторами.

Неожиданным образом ситуация развития технологий, делающая достижения искусства и культуры разных народов и эпох впервые столь легкодоступными и сильно обогащающая и облегчающая сам творческий процесс, оборачивается утратой интереса к этому доступному материалу, даже отрицанием его ценности, словно именно простота является препятствием высокой оценки. Недооценивая имеющиеся достижения, современные молодые люди, причисляющие себя к творческим профессиям, устремляются в будущее. Однако, устремляясь в будущее, не укорененное в прошлом, они себя этого будущего, по сути, могут лишиться. Так проявляется еще одна сторона того факта, что искусство представляет собой «связующую нить» времен: без прошлого будущее оказывается невозможным.

В нашей стране причиной столь необоснованного самонегания многих молодых людей, подвигающихся на ниве искусства, стало также безвременье 1990-х годов, когда по независящим от них причинам эта «связь времен» фактически прервалась. Был утрачен один из основополагающих принципов культурного общества — принцип преемственности поколений. После развала Советского Союза в круговерти поисков нового устройства государства жизненный опыт старшего поколения, накопленный десятилетиями плодотворного труда, оказался невостребованным. Молодое поколение, в большинстве своем ориентированное на запад-

ные культурные ценности (а зачастую скорее псевдоценности), встало на путь отрицания всего, что было до них.

Но с понятием культуры неразрывно связано понятие преемственности, и каждое новое поколение просто вынуждено усваивать опыт поколений ушедших и уходящих для того, чтобы, опираясь на традиции, иметь перспективы дальнейшего развития и обновения.

Идея зарождения общества риска впервые была высказана в 1986 году Ульрихом Беком и впоследствии стала популярной². Прежде всего эта идея связана с непредсказуемыми последствиями новых научных открытий. Их быстрое внедрение, а также глобализация являются предпосылками возникновения глобального мирового общества риска. Однако сегодня, с ростом цифровой экономики и переходом к четвертой промышленной революции, мы можем переформулировать эту идею как появление цифрового общества риска.

Четвертая промышленная революция получила активное развитие после кризиса 2008 года. Она опирается на робототехнику и искусственный интеллект, 3D-технологии и Интернет, предметы, связанные с мобильным Интернетом, квантовые компьютеры, синтетическую биологию, экономику, основанную на переработке отходов, возобновляемые источники энергии, развитие цифровой экономики и электронных государств. Она характеризуется нарастающими процессами конвергенции в физической, социальной и биологической сферах и экспоненциальным ускорением темпов происходящих перемен.

Согласно прогнозам, в течение следующего десятилетия все это приведет к нескольким фундаментальным последствиям, которые кардинально изменят мировую экономику и политику. Первое следствие — автоматизация и значительное сокращение потребности в неквалифицированной и дешевой рабочей силе, при котором конкурентное преимущество таких стран,

Я с оптимизмом смотрю в будущее, так как уверен, что самонение, связанное с развитием технологий, простотой общения, а также пробелы 1990-х рано или поздно будут преодолены, «времен связующая нить» восстановится, люди творческого труда, по-настоящему заинтересованные в своем художественном развитии, сохраняют высокий профессионализм, а искусство и культура по праву будут «базисом» нашего общества.

В. Проданов¹

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОСХОД ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА РИСКА

как Болгария, исчезнет. Не случайно инвестиции в нашей стране уже сокращаются, а в глобальном плане наблюдается тенденция возвращения крупных компаний в развитые страны. Второе следствие заключается в том, что новые технологии не требуют переходной стадии глобализации для реализации соответствующего производства. Они сокращают глобальные производственные цепочки. Третьим следствием является рост неуверенности, страхов, опасностей, возникающих в результате применения данных технологий, которые ведут к усилению антиглобалистских настроений. Четвертое следствие — появление противоположных тенденций: с одной стороны, усиление зависимости между людьми, увеличение объема обмена информацией и взаимодействия, с другой — расширение возможностей крупных компаний и тотальный контроль за людьми, размывание границ между общественным и личным.

Четвертая промышленная революция меняет социальную структуру общества, увеличивая разрыв между спросом и предложением рабочей силы. Все большее количество людей теряют свои рабочие места в результате автоматизации труда, ведущей к сокращению потребности в неквалифицированной рабочей силе. Революция, с одной стороны, увеличивает производимое богатство, с другой — нуждается в меньшем количестве рабочих в связи с автоматизацией труда. Известно, например, что ежегодно тысячи сезонных мигрантов из стран Восточной Европы отправляются в Великобританию, чтобы заработать там во время сбора урожая сельскохозяйственной продукции. При этом на некоторых фермах при сельхозработах уже используются роботы, которым не нужен отдых, для них не имеет значения, когда работать: днем или ночью, они не предъявляют работодателю никаких претензий³. Аналогичная тенденция наблюдается и во многих других областях: в промышленном производстве, военной отрасли, сфере услуг.

Следствием данного процесса является повышающийся уровень технологической безработицы. Когда люди утрачивают ценность как рабочая и военная сила,

¹ Директор Фракийского научного института, профессор кафедры политической экономии Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук. Главный секретарь Болгарского философского общества (1978–1989), директор Института философской науки (1988–1992) и Института философских исследований БАН (1995–2010). Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 22 монографий: «Добро и длжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода», «Системные циклы и будущее истории: куда движется мир». Член редколлегий ряда научных журналов. Публичный интеллигент и автор сотен статей в массмедиа.

² Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986.

³ Chaffin J. Farm robots ready to fill Britain's post-EU labour shortage // Financial Times. 2017. 25 Apr.

существующая экономическая и политическая система перестает в них нуждаться. Это ведет к увеличению сегмента сегрегированных и «хронических» безработных, что представляет собой взрывоопасную смесь, способную спровоцировать рост преступности, массовые протесты, конфликты, беспорядки, терроризм, усиление процессов распада в разных регионах мира.

Создание единого информационного пространства приводит к возникновению новой ситуации, переосмысливающей традиционный идеологический инструментарий и культурную гегемонию, посредством которых утверждалась государственность на разных этапах развития человечества. Оно обуславливает и политические изменения, причем они происходят такими темпами, которые до сегодняшнего дня считались немислимыми, создавая цифровые предпосылки для функционирования любой традиционной идеологии: либерализма, консерватизма, социализма, коммунизма и т. д.

В 1990-х годах и начале XXI века доминировал либеральный и неолиберальный технологический оптимизм. Однако в данный момент он переживает кризис, критикуемый с разных, зачастую противоположных, позиций.

Первое из этих направлений — это криптоанархия (или цифровая анархия), своего рода цифровое проявление традиционной левой анархии. Набирают популярность и так называемые криптоанархисты — группы хакеров, негативно настроенных по отношению к существующим государствам, пытающимся предупредить об опасностях в мире, где все онлайн взаимосвязано. Они убеждены, что цифровые технологии способствуют созданию освобожденного от государственных пут общества, поскольку с их помощью возможно нейтрализовать способность правительств следить за населением, контролировать его и облагать налогами. С этой целью криптоанархисты разрабатывают компьютерные коды для защиты граждан, пребывающих онлайн. В «Манифесте криптоанархистов», озвученном Тимоти Мэйем на встрече криптоанархистов в 1992 году, говорится: «Призрак бродит по современному миру, призрак криптоанархии. Компьютерные технологии стоят на пороге того, чтобы дать возможность отдельным людям и группам общаться и взаимодействовать между собой абсолютно анонимно. Два человека смогут обмениваться сообщениями, вести совместный бизнес или заключать электронные контракты, даже не зная настоящего имени или юридического статуса друг друга». Эти явления рассматриваются криптоанархистами как средство освобождения от государственной зависимости¹.

Известно, что Джулиан Ассанж является криптоанархистом и до «WikiLeaks» был активным членом одной из таких группировок. Полагают, что с ними также связан Эдвард Сноуден. Противопоставляя себя контролируемым государством монетарным системам, они используют криптовалюты, подобные биткойну, которые находятся вне государственного контроля, а транзакции с их использованием невозможно отследить и обложить налогом. Государствам трудно

контролировать новые формы онлайн-преступлений, так как группы хакеров в свободном доступе распространяют в Интернете различные инструменты шифрования и создают так называемую «темную сеть» (dark net) — сеть скрытых сайтов, которые практически невозможно проверить².

Второе антисистемное направление — консервативно-популистское, в основном полагающееся не на ослабление, а на укрепление государства путем преодоления существующих противоречий. Ярким примером является победа Д. Трампа на президентских выборах в США, в которой основную роль сыграло использование им социальной сети «Твиттер», оказавшейся более влиятельной, чем считавшиеся до сих пор мощными традиционные медиагиганты, такие как «Нью-Йорк таймс» и CNN, на которые опиралась Х. Клинтон. В глобальном масштабе эта тенденция имеет более яркое воплощение в разных вариантах, которые можно было наблюдать в Китае, Турции, России и США. Во всяком случае социальные медиа поддерживают антисистемные силы (нарастающие слева и справа), так как они не подконтрольны в такой степени, как традиционные средства массовой информации, поддерживающие в основной своей части неолиберальный статус-кво.

Традиционные системы образования и СМИ могут относительно легко быть монополизированы государством или крупными корпорациями, которые таким образом могут воздействовать на их содержание. Сегодня в цифровое пространство и социальные сети вовлечены миллиарды людей, все децентрализовано. Любой человек может стать источником информации, которая затем распространяется, зачастую привлекая внимание миллионов пользователей, особенно если она выкладывается в формате видео в YouTube. Разные заинтересованные группы и государства могут разместить подобную информацию, что приводит, с одной стороны, к появлению огромного количества разнородных данных, которые не могут быть проверены, обработаны и интерпретированы конкретным человеком; с другой стороны, ко всевозможным описаниям, интерпретациям и концепциям; в-третьих, к информационным войнам между различными группами и силами, особенно в связи с усиливающейся многополярностью и кризисом мировой системы в целом. Эти кризисные процессы капитализма в последние годы породили мнение, что мир вступает в эпоху фальшивых новостей и «постправды». Таким образом, первоначальный оптимизм относительно того, что с новыми технологиями мы вступаем в информационное общество и общество знаний, сменяется пессимизмом, что эта тенденция скорее ведет к появлению общества дезинформации и невежества.

Типичным примером является «Википедия», первоначально рассматривавшаяся как демократический способ бесплатного создания огромной мировой энциклопедии, где можно получить сведения практически обо всех и обо всем. Проект был запущен в 2001 году, на пике глобальной неолиберальной универсалистской

¹ May T. The Crypto Anarchist Manifesto. URL: <https://www.activism.net/cyberpunk/crypto-anarchy.html>. 1992

² Bartlett J. Forget far-right populism — crypto-anarchists are the new masters // The Guardian. 2017. 4 June.

идеологии, господствующей в США, после объявления о том, что другие идеологии оказались несостоятельными и осталась одна истина, которая и поведет мир вперед. Первоначально «Википедия» функционировала в рамках традиционных энциклопедий, в которой статьи писали эксперты в своей области. Однако это оказалось непосильной задачей, и через несколько лет она превратилась в нечто, в создании чего может принять участие любой, то есть в «Википедию» наших дней. То, что в ней предлагалось, было названо научно нейтральным, как и информация в академических энциклопедиях. Проблема заключалась в том, что каждая энциклопедия в области социальных и гуманитарных наук опирается на совокупность ценностей и соответствующим образом подбирает и интерпретирует одни факты, пренебрегая или иначе интерпретируя другие.

В 2014 году группа ученых из Гарварда, проведя исследование, пришла к выводу, что «Википедия» действительно политически и идеологически гораздо более нагружена, чем традиционные энциклопедии, в трактовке либеральных интерпретаций¹. Таким образом, кризис либерального универсалистского порядка и движение к многополярности повлияли и на отношение к «Википедии». Стали появляться различные альтернативные энциклопедические сайты, которые использовали свою терминологию и интерпретации, с претензией на правдивые трактовки по той или иной теме и истину. Правые силы начали обвинять «Википедию» в том, что она попала под влияние «троллей» и соответствующим образом ориентированных авторов, предоставляющих неверные данные и интерпретации.

Американец Теодор Роберт Бил, известный под псевдонимом Vox Day, представитель правых, поддерживающих Д. Трампа, заявил, что «Википедия» попала под влияние левых сил (в американской политической жизни правые обычно объявляют прогрессивных и либеральных «левыми»), и предложил ей альтернативу, которая будет приводить правдивые, по его мнению, правые интерпретации. Используя программу «Википедии» MediaWiki, он создал свой сайт Infogalactic, где начал размещать альтернативные описания фактов, событий, биографических данных. Например, если в «Википедии» одну личность характеризуют как сторонника «теории заговора», то в Infogalactic ее же описывают как автора бестселлеров, независимого журналиста и т. д. Таким образом, противостояние Трампа и его либеральных противников превратилось в битву альтернативных цифровых энциклопедий.

Однако наряду с «Википедией» и Infogalactic появился и ряд других энциклопедий, предлагающих альтернативные интерпретации, за которыми стоят альтернативные группы разработчиков.

Например, Metapedia начала предлагать свои энциклопедические статьи о персоналиях, событиях, процессах, связанные с крайне правыми взглядами белых националистов, антисемитски и неонацистски ориентированные, отрицающие холокост, ориентированные

антиамерикански и европоцентристски. Она представлена на 16 языках и особенно популярна в Венгрии и Германии. Также появилась Conservapedia, которая предлагает факты и интерпретации, соответствующие религиозно-консервативным взглядам на устройство мира.

После того как начиная с 2016 года приобрели популярность понятия «фальшивые новости» и «пост-правда» как характеристики цифрового пространства, аудитория альтернативных справочно-энциклопедических изданий стала стремительно расти. Возникла набирающая силу мощная оппозиция интерпретациям «Википедии», претендующая на то, что она — надежный источник информации и предлагает правдивые и универсальные знания. Произошло то же самое, что и с американскими СМИ, которые Трамп обвинил во лжи. Были созданы альтернативные инструменты, говорящие, что является истиной, а что — нет.

Цифровое пространство утратило очарование нейтралитета и превратилось в поле битвы, где доминируют восприятия постправды и фальшивых новостей. Все обвиняют друг друга в том, что они не располагают надежными источниками информации и проверенными фактами. Например, одно из критических замечаний в адрес текстов «Википедии», характеризующих современные процессы, заключается в том, что они опираются на такие источники, как «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», рассматриваемые в качестве основных инструментов неолиберального статускво². Таким образом, нет консенсуса относительно достоверности источников, которые делают факт именно фактом. Наличие людей, которые предлагают нам истины и факты, было оспорено. В этом смысле в новом цифровом общественном пространстве (в новых формах и масштабах) находит отражение тенденция идеологического распада доминантного на определенном этапе неолиберального консенсуса.

Предыдущие технологические революции изменили пространства, в которых велась основная часть войн, — от наземного к морскому и воздушному до космического. Сегодня основным полем битвы становится цифровое пространство. Вхождение в цифровую сеть сопряжено с крайностями, оно открывает новые возможности благодаря сетям, в которые мы включаемся, но в то же время делает государства и остальные субъекты более уязвимыми. Чем более развитым цифровым пространством ты располагаешь, тем более сильным становишься, но в то же время и более уязвимым — именно этот факт можно назвать «сетевым парадоксом». Относительно небольшие группы, включающие террористические сети и хакеров, могут получить власть, которой не обладают государства, разрушить экономику, украсть огромные суммы денег, вести пропагандистские войны. С увеличением объема информации и развитием искусственного интеллекта можно представить такую перспективу, когда один человек, в совершенстве владеющий алгоритмами, сможет победить государство, располагающее многочисленной и хорошо оснащенной армией. Обострению

¹ *Trick W.* Wikipedia Is More Biased Than Britannica, but Don't Blame the Crowd // Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/2014/12/wikipedia-is-more-biased-than-britannica-but-dont-blame-the-crowd> (дата обращения: 03.12.2014).

² *Fitts A. S.* Welcome to the Wikipedia of the Alt-Right // Wired. URL: <https://www.wired.com/story/welcome-to-the-wikipedia-of-the-alt-right/> (дата обращения: 21.06.2017).

конфликтов способствует и тот факт, что «прохладная война» сочетается с холодной войной между США и Россией, а также ростом напряженности между США и Китаем.

Новые технологии на каждом этапе своего развития содержат ряд новых опасностей, до сих пор не существовавших. Типичным примером в этом отношении является развитие транспорта. В последнем столетии самым популярным средством передвижения был автомобиль, но ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий погибает (только в последние годы) около 1,25 млн человек, а количество пострадавших составляет от 20 до 50 млн¹. Аналогичным образом можно рассматривать и 500 ядерных реакторов, которые введены в эксплуатацию или строятся в разных странах мира. Они вырабатывают энергию, необходимую миллионам людей, но в то же время тысячи атомных бомб могут стереть с лица земли и само человечество. Именно к такой ситуации нас подводит четвертая промышленная революция за счет тотальной цифровизации всех сфер общественной жизни. Разница заключается только в масштабах воздействия, являющихся следствием всеобщей взаимозависимости и того факта, что инициатором может стать не только государство, но и отдельные лица или группы лиц, что создает ощущение нарастающей опасности в окружающем нас мире.

Кибератаки в 2017 году блокировали работу свыше 100 тыс. организаций в 150 странах мира, начиная с больниц и заканчивая операторами мобильной связи и государственными учреждениями, в том числе такими, как МВД России. Российская «Лаборатория Касперского» (разработчик антивирусных компьютерных программ) только в 2016 году обнаружила вредоносные программы в 27 % промышленных системах мира². На экранах зараженных компьютеров, информация на которых была заблокирована, появлялось уведомление о необходимости перечисления средств в виде цифровой валюты (биткойнов) в случае, если владелец захочет восстановить информацию. В данном случае речь о всеобщем распространении вирусов. Чем

больше компьютеризировано общество, тем оно более уязвимо. Существенным при этом является то, что, в отличие от предыдущих атак, данное нападение анонимно и трудно установить настоящего инициатора, именно поэтому государства, между которыми существует напряжение, выдвигают взаимные обвинения.

Все чаще предпринимаются атаки на бизнес-структуры, особенно против финансовых организаций и фирм, работающих в сфере услуг. Финансовые структуры становятся объектом кибератак в среднем на 65 % чаще, чем остальные бизнес-организации. В 2016 году было совершено свыше 200 млн кибератак на финансовые институты, что на 29 % больше, чем в 2015 году. Первые пять мест среди атакуемых компаний занимают те, предметом деятельности которых являются розничная торговля, здравоохранение, производство, финансовые услуги, информационные и коммуникационные услуги³.

Электронное управление и электронное правительство ставят своей целью улучшение функционирования мировых институтов, но одновременно это делает их более уязвимыми, чем те правительства, которые существовали на предыдущем историческом этапе. Таким образом, войны между государствами приобретают все более цифровой характер и направлены против всей инфраструктуры, связанной с новыми технологиями. В то же время вирусы и инструменты, разработанные другими государствами для борьбы со своими противниками, могут оказаться в руках отдельных государств или лиц, что наглядно показала кибератака 2017 года, когда вирус WannaCry, разработанный в ЦРУ, был похищен.

Четвертая промышленная революция увеличивает масштабы уязвимости, незащищенности и ставит государства и отдельные учреждения перед дилеммой, как реагировать на вызовы цифрового общества риска — изолировать себя и максимизировать цифровой суверенитет, чтобы избежать нападений и атак, или резко усилить контроль за каждым индивидуумом, прекратив тем самым традиционное разделение жизни на общественную и личную.

¹ Road traffic injuries // World Health Organization. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs358/en/> (дата обращения: 31.05.2017).

² Добрев А. Апокалипсис с ике на компютерен вирус. URL: <http://glasove.com/categories/komentari/news/apokalipsis-s-ime-na-kompyutyren-virus> (дата обращения: 15.05.2017).

³ Cooney M. IBM: Financial services industry bombarded by malware, security threats // Network World. URL: <http://www.networkworld.com/article/3192927/security/ibm-financial-services-industry-bombarded-by-malware-security-threats.html> (дата обращения: 27.04.2017).

Г. М. Резник¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Спор о месте России в мировой истории, соотношении в культуре страны цивилизационных ценностей Запада и Востока, ее особом пути и предназначении, не затихавший в отечественной философии дооктябрьского периода и прерванный большевистским режимом, вновь возродился после распада СССР. За последнее десятилетие он обострился в связи с тем, что в условиях конфронтации России с Западом власть в своей международной и внутренней политике стремится обрести опору в культурно-исторических традициях страны.

В многовековой истории Руси ключевые жизненные вопросы о соотношении власти и собственности, государства и человека решались иначе, чем в Европе и США. Достаточно лишь одного сопоставления: английской Великой хартии вольностей и Биллю о правах соответственно больше 800 и 300 лет — в России всего 150 лет назад существовало крепостное право, и лишь четверть века назад потерпел крах советский тоталитаризм.

Но малопродуктивно и даже рискованно объяснять нынешние реалии особым цивилизационным кодом, жестко программирующим из глубины веков общественную психологию. Норберт Винер говорил: «Чем дальше вглубь, тем меньше вес». Ход истории убыстрился. Под влиянием изменений в образе жизни, процессов урбанизации и глобализации, взаимодействия с институциональной структурой политическая культура способна существенно трансформироваться, поведенческие сценарии — разнообразиться.

Так, в устойчивый стереотип превратилось противопоставление русского коллективизма и западного индивидуализма. В дооктябрьский период оно питалось идеями соборности и общинности. «Для русской жизни, — писал лидер славянофилов Алексей Хомяков, — характерен дух согласия и братской любви, в то время как западная жизнь есть война всех против всех». Большевистский режим объявил коллективизм государственной идеологией, индивидуализм клеймился как проявление отсталости и антиобщественного эгоизма. Падение идеологических шор, признание в Конституции России высшей ценностью прав и сво-

бод человека не изменило устоявшегося в общественной мысли представления, что в рамках российской политической культуры индивидуализм не может стать доминирующим мировоззрением, поскольку противоречит национальному архетипу. Последние годы такому взгляду отдает дань Владимир Путин, отметивший, в частности, в беседе на телеканале Russia Today, что «в основе американского самосознания лежит индивидуалистическая идея, в основе российского — коллективистская», в связи с чем «нам бывает трудно понимать друг друга».

Но исторические факты в такое клише, к тому же идеологически окрашенное, явно не вмещаются. Коллективизм и индивидуализм в новейшей истории Запада взаимно дополняли друг друга. Все западноевропейские страны некогда вели сельский образ жизни, и крестьянские общины везде возникали естественным путем. По мере того как западное общество трансформировалось — развивался урбанизм, менялись отношения собственности, — коллективизм в отношениях людей не утрачивался, а принимал формы, соответствующие городской жизни, — цеха ремесленников, гильдии торговцев, коллегии юристов, общины верующих, позднее — рабочие профсоюзы. Коллективизм все больше становился добровольным — люди объединялись в соответствии со своими убеждениями, склонностями и интересами. И ныне на Западе значительно лучше, чем в России, обстоит дело с общественной солидарностью, доверием между людьми, местным самоуправлением, волонтерством и благотворительностью, профсоюзным движением. При этом доминирует индивидуализм с его ценностями свободы, конкуренции и личного успеха. Получается своеобразный «коллективизм индивидуалистов».

С российской политической культурой история сыграла злую шутку. В то время как в Западной Европе шло ослабление сословно-феодалных уз, царская Россия застряла в Средневековье — крепостничество закабалило самородную сельскую общину, превратило добровольное объединение хлебопашцев в принудительное. Половинчатая экономическая реформа 1861 года эту проблему не разрешила. После крестьянских волнений 1904–1906 годов нерешенность аграрного вопроса, необходимость изменения формы собственности на землю уже осознавались многими просвещенными государственными деятелями. Петр Аркадьевич Столыпин в своей речи в Государственной думе 5 декабря 1908 года спрашивал: «Неужели забыто, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу?». И позднее, в речи, произнесенной в Государственном Совете 26 марта 1910 года, говорил: «По нашим понятиям, не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей... Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не бу-

¹ Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ», «Личность преступника: правовое и криминологическое содержание», «К вопросу об определении понятия преступности», «Адвокат: престиж профессии», «Противоречия урбанизации и преступности», «Правовая реформа XXI века и адвокатура» (в соавт.) и др. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, медалью Анатолия Кони; почетными знаками «Общественное признание» и «Символ Свободы»; высшей юридической премией «Фемида», Национальной премией в области адвокатуры «За честь и достоинство». Почетный доктор СПбГУП.

дет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей».

Приложить свободный труд к земле не позволил большевистский режим. Более того, ликвидация частной собственности и тотальное огосударствление экономики закабалило всех трудящихся — не только на селе, но и в городе. Все работники стали крепостными государства — единственного собственника в СССР. Были растоптаны слабые ростки гражданского общества, только-только нарождавшегося в царской России XX века. Государство взяло под контроль все сферы жизнедеятельности людей, превратило граждан в своих подданных, добилося их отчуждения от интересов, связанных с признанием политических и экономических прав и свобод. Естественные права человека третируются как буржуазная выдумка, право определялось в позитивистском духе как любой закон, в который возведена воля господствующего класса. Таковым лицемерно объявлялся городской и сельский пролетариат, тогда как на самом деле был создан новый господствующий класс — номенклатура. Личная инициатива всячески подавлялась, за исключением разве что взятия на себя повышенных обязательств по досрочному выполнению государственных плановых заданий. Основа советского тоталитаризма — все должно двигаться исключительно начинаниями начальства.

Вот почему слово «индивидуализм» на долгие десятилетия стало едва ли не ругательным. Коллективизм превозносился главным образом как способность советских людей сплотиться вокруг партии и правительства и приносить свои личные интересы в жертву строительству светлого будущего и борьбе с врагами.

Ошибочно было бы объяснять длительное существование в стране такой противоестественной экономики, исключающей всякую возможность человека самому заботиться о своем благосостоянии, одними только колоссальными природными ресурсами страны. Для подобного хозяйствования нужен был новый человек, формированием которого и занялась большевистская власть. И надо признать — добилась на этом пути несомненных успехов. Перманентные репрессии, «железный занавес», устранение иных источников информации, кроме партийных радио и газет, а позже телевидения, постоянное пропагандистское промывание мозгов сделали свое дело. И если жителей Москвы 1920-х годов Булгаков в «Мастере и Маргарите» устами Воланда мог оценить как обычных людей, которых испортил только квартирный вопрос, то после коллективизации и массовых репрессий 1930-х годов советские люди такой характеристике уже не соответствовали.

Разумеется, в реальной жизни существует многообразие человеческих типов. Но усредненный образ советского человека в глазах политических аналитиков различной ориентации — видных общественных деятелей, ученых, писателей — наделялся такими качествами, как стандартизированное идеологическое сознание, отсутствие инициативы и уклонение от личной ответственности, безразличие к результатам своего труда, патернализм, покорность власти, безропотное подчинение любым распоряжениям начальства, заниженные амбиции, низкий уровень социальных притязаний,

готовность стойко переносить жизненные трудности, склонность к пьянству. При этом — ощущение причастности к решению грандиозной задачи построения справедливого коммунистического общества, гордость за свое государство, одерживающее победу за победой на международной арене, успешно противостоящее враждебному капиталистическому окружению.

Окончательно тип советского человека (Homo soveticus) сформировала победа в Великой Отечественной войне, упрочили создание атомной и водородной бомб, полет в космос Юрия Гагарина. Сознание себя частичкой огромной силы, перед которой трепещет весь мир, компенсировало советскому человеку бедность, убогий быт, тотальный дефицит. Переживать материальные трудности помогала и социалистическая уравниловка: «Все так живут», «Всем поровну».

Распад СССР, обвал тоталитарной системы хозяйствования нанесли по подавляющему большинству населения не только экономический, но и морально-психологический удар. В государственной пропаганде, на страницах вмиг перестроившейся прессы могучая социалистическая держава превратилась в тоталитарного монстра, «империю зла», а советский человек с его раздутым «комплексом победителя» — в ничтожного, оболваненного коммуно-советской властью «совка». Возник «дикий» капитализм с широким распространением среди энергичных и предприимчивых сограждан, сумевших вписаться в практически нерегулируемый рынок, психологии социал-дарвинизма, приправленной высокомерием и хамством. Стал всюду тиражироваться афоризм, приписываемый американцем: «Если ты такой умный, почему такой бедный?».

Такой мировоззренческий поворот, когда вместо труда, знаний, образования, социальной справедливости главной ценностью объявляются деньги, умение их зарабатывать, население России — сплошь государственные работники, бюджетники — принять не могло. Обнаружилась простая, но подзабытая реформаторами истина — ни один народ не может смириться с национальной униженностью, люди живы не хлебом единым, им потребно гордиться своей страной, им нужно славное, героическое прошлое (пусть даже мифологизированное), им трудно расстаться с иллюзиями, «снами золотыми», навеянными утопическими обещаниями находившихся у власти.

Вот почему дискредитация 70-летнего пути, пройденного страной, при отсутствии социальной, в том числе просветительской, психотерапии, призванной смягчить тяжелейшие последствия «шоковой терапии» в экономике, была воспринята советскими людьми как плевок в них самих, их отцов и дедов, в прожитую ими жизнь.

Эти общественные настроения уловил В. Путин на первом же году своего президентства. Предложенные им и впоследствии принятые государственные символы — герб, флаг и гимн — преследовали цель провести идею преемственности в существовании страны, в известном смысле встать над сотрясавшими Россию политическими распрями. В свое время большевики объявили о полном разрыве с Российской империей и о намерении разрушить ее до основания. Кон-

ституция Российской Федерации 1993 года, признавая высшей ценностью права и свободы человека и вводя запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной и обязательной, полностью открешилась от идеократического наследия советского режима.

Россия всегда была, есть и останется великой державой — такое представление, которое стало продвигаться Кремлем во внешней и внутренней политике, получило отклик у россиян. Оппонирование США на международной арене, взятие под защиту Абхазии и Южной Осетии, вмешательство в сирийский конфликт, поддержка русскоязычных на Украине, присоединение Крыма, перевооружение армии, грозная милитаристская риторика, смягчение отношения к фигуре Сталина («Не надо излишне демонизировать») — все это, названное официальной пропагандой «вставанием страны с колен», было подхвачено народными массами, и рейтинг Путина, несмотря на рецессию экономики страны, побивает все рекорды. «Советскость» современного россиянина никуда не делась — ради величия страны можно ту же затянуть пояса.

Наряду с патриотическим подъемом, который был зафиксирован социопросами во всех слоях населения, в том числе у граждан различной политической ориентации, в период третьего срока президентства В. Путина, усилились структурные изменения в экономической сфере: неуклонно сокращалась доля частного бизнеса и возрастала роль государства. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) в своем докладе сообщала, что в России сложился государственно-монополистический капитализм, государство и госкомпании за десять лет вдвое нарастили свой вклад в ВВП (с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015-м), за последние три года утроилось количество государственных и унитарных предприятий — по оценке ФАС, «главных врагов конкуренции на локальных рынках».

Государство — крупнейший работодатель в современной России. Прямо или косвенно на него трудится половина работающего населения. Для сравнения:

в США — только 17 %, и то это расценивается властями как слишком большая нагрузка на бюджет.

Огосударствление экономики — тенденция, тревожная в двух отношениях: ограничивается конкуренция и снижается эффективность товарных рынков, процветает коррупция, консервируются и подпитываются патерналистские настроения, унаследованные от советского периода.

Историческое развитие высветило закономерность, принципиально никем не оспариваемую: при прочих равных условиях экономика, основанная на конкуренции частных собственников, эффективнее государственного капитализма. Частная собственность не обязательно делает страну преуспевающей, но пока нет ни одного примера, когда бы ликвидация свободного рынка обеспечивала людям достойную жизнь.

Коллективизм и индивидуализм не следует сталкивать между собой и разыгрывать как идеологические карты. Оба они имеют общечеловеческое значение. Индивидуализм с его представлением об обществе как совокупности наделенных равными правами и равным достоинством индивидов является важнейшим катализатором развития мировой цивилизации. Коллективизм апеллирует к необходимости защитить слабых, гарантировать минимум жизненных условий, призывает к социальной солидарности. Но коллективизм не должен быть принудительным. Для современной России актуально развитие гражданского общества, некоммерческих, прежде всего волонтерских и правозащитных, организаций, расширение подсудности судов присяжных. Магистральное движение — это расширение возможностей самореализации, опора на собственные силы, десакрализация государства, понимание его не как некой священной верховной силы, а как наемного аппарата, агента общества.

История России многообразна. Никакие традиции не предопределяют ее будущее. Что взять из прошлого, а с чем расстаться, — но не забывать, чтобы не повторилось, — решает сам социум. Только бы не ошибиться в выборе.

М. Санаи¹

НАПРАВЛЕНИЕ ВЕКТОРА НОВЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

Говоря о происходящих в международной области процессах, можно выделить общее направление и вектор международных изменений и на их основе попытаться найти решения относительно будущего мирового сообщества. Так, в настоящее время имеют место следующие процессы.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук. Директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005–2013), депутат Меджлиса Исламского совета (2008–2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрождение ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук.

— В мире получила распространение популистская политика, сегодня мы являемся свидетелями широкого распространения этой парадигмы. Фактически уменьшилась роль мыслящей элиты в определении векторов процессов и политики и формировании господствующей парадигмы, что способствовало возникновению опасной ситуации. Сегодня во многих западных странах мы наблюдаем «закат» мышления и поведения господствующей элиты. Возможно, распространение популистской политики в определенной степени является естественным результатом развития средств связи и виртуального пространства, но сама ситуация свидетельствует о негативном аспекте этого типа связи.

— Ксенофобия и создание атмосферы страха в качестве инструмента для продвижения политических целей в области международных отношений. Сейчас мы видим стимулирование исламофобии некоторыми лидерами и западными центрами. Иранофобия и русофобия (неомаккартизм) являются примерами, которые иллюстрируют в своем поведении Америка и ее западные союзники. На практике после краха однополярной системы закончилась холодная война, однако продолжает существовать господствовавшая в то время парадигма мышления, не реализованы такие идеи, как диалог цивилизаций и многополярная система. В результате пострадала демократия и в новых рамках воспроизводятся такие явления, как выдумывание врагов и ксенофобия. Баланс сил и обстановка демонизации других не позволяют сформировать мир с опорой на диалог.

— Повторный приход классического капитализма, антиглобализм в США привели к изменениям, природа которых обусловлена капитализмом. Милитаристский капитализм, невнимание к экологии и гуманитарному неравенству, игнорирование международного права подчиняют этот капитализм логике силы и прибыли. Несмотря на появление новых экономических и технологических полюсов, данная ситуация не будет доминировать, однако нанесет большой ущерб миру, человечеству и природе.

— Ослабление международного права и обязательств правительств, а также усилия, направленные на создание норм, выходящих за допустимые правовые рамки, являются одним из опасных процессов, когда интересы превалируют над общепринятыми нормами и принципами.

— В очевидной форме осуществляется движение в сторону односторонности. На деле Запад старается гарантировать и пролонгировать свое превосходство в международной системе. В связи с этим цель противостояния новым государствам ясно прослеживается в документе «Стратегия национальной безопасности США».

— Постепенно Организация Объединенных Наций и аффилированные с ней структуры теряют свою роль в мире, параллельно укрепляются тенденции, выходящие за рамки этой организации.

— Сегодня такие высокие идеи, как поддержание мира и стабильности в мире, приносятся в жертву краткосрочным интересам некоторых правительств. Эта ситуация несет хаос и нестабильность, что позволяет негосударственным образованиям, например ИГИЛ, на определенном пространстве играть свою роль, используя данную ситуацию.

— Процесс изменений движется в направлении, когда страны все больше опираются на собственные силы, укрепляют регионализм и прилагают усилия, направленные на поиск новых союзников. Формирование таких структур, как БРИКС, ШОС и Евразийский экономический союз, — тому пример.

Возникает следующий важный вопрос: какое будущее мы стремимся создать? Что является для нас примером при создании будущего мира? В каком направлении движется мир? Играть ли свою роль господствующие элиты в обеспечении чаяний народов, устойчивого развития и мира?

Необходимо, чтобы интеллектуалы играли большую роль в таких сферах, как управление обществом, повышение уровня общественного мышления, определение вектора общественного мнения на пути улучшения культурных стандартов, солидарности и мирного сосуществования.

Сейчас проведение диалога между мыслящей и исполнительной элитой с целью достижения договоренностей о ценностях и общем пути является очевидным приоритетом на пути достижения мира и стабильности, предотвращения гонки вооружений, «сползания» мира к противостоянию и холодной войне нового вида, предотвращения активизации религиозных, культурных и цивилизационных расколов в человеческом обществе, а также принятия культур, цивилизаций. Серьезная историческая задача интеллектуалов заключается в том, чтобы посредством СМИ, вещающих на большую аудиторию и оказывающих огромное влияние, поднять в общественном мнении и политических кругах вопрос относительно существующих процессов, а также способствовать выработке и принятию норм ответственной и нравственно ориентированной политики.

Н. С. Сафронов¹

ИСКУССТВО КАК ФОРМА И СФЕРА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Искусство представляет собой особую подсистему духовной жизни общества, где художник реализует себя, творчески воспроизводя действительность в тех или иных художественных образах.

Среди многочисленных функций искусства (эстетической, социальной, компенсаторной, гедонистической, познавательной, прогностической, воспитательной) особое место занимает функция, о которой относительно редко упоминают в учебных пособиях и справочниках, — коммуникативная. Сегодня, в ситуации острого противостояния различных государств, военно-политических блоков, руководителей отдельных стран, эта функция искусства становится особенно важной. Для ее реализации имеются объективные предпосылки. Во-первых, искусство относится к числу культурных универсалий, то есть элементов, присущих любой культуре как в диахронном (от первобытной до современной культуры), так и в синхронном (любая из культур, существующих в настоящее время, от примитивных до развитых, имеет те или иные формы искусства) аспектах. Во-вторых, искусство удовлетворяет естественную потребность в диалогическом усвоении как культуры других народов, так и общечеловеческого наследия. В-третьих, искусство интегрирует и синтезирует в себе как национально-культурные особенности конкретной страны, этноса, так и общечеловеческие ценности.

Следует отметить, что искусство, как показывает история, может выполнять коммуникативные функции даже в областях, не связанных напрямую с художественными процессами. В частности, «Джоконда» не входила в число ста шедевров Лувра, пока 21 августа 1911 года ее не похитили. Это вызвало большой шум в прессе и даже стало дополнительным фактором обострения международных отношений. Французы обвинили в похищении немцев, те, в свою очередь, — французов. Эта тема в течение года не сходила с газетных полос и была настолько популярной, что булочники, официанты и другие работники сферы обслуживания на своих халатах и фартуках вешали миниатюрное изображение «Джоконды».

Спустя два года полотно обнаружили, когда похититель Винченцо Перуджиа попытался сбыть «Мону Лизу» владельцам флорентийской Галереи Уффици

и те заявили в полицию. По признанию, он хотел вернуть «Джоконду» на родину.

Обнаружение похищенной картины вновь вызвало общественный интерес к ней, и здесь коммуникативная функция искусства проявилась в полной мере. Дело в том, что после Второй мировой войны американцы располагали войска НАТО во Франции, французы этот факт переживали как национальное унижение и всячески хотели изменить ситуацию. Через Жаклин Кеннеди, жену тогдашнего президента Америки, картину отправили на выставку в США, где она вызвала сенсацию и ее посмотрели более 10 млн человек. В итоге возник такой фон общественных настроений, который подтолкнул к принятию решений на государственном уровне. Американцы вывели войска из Франции и дали возможность французам иметь свою армию. Таким образом, в истории дипломатии эта картина сыграла значительную роль.

Коммуникативная функция искусства традиционно проявлялась в творчестве художников-живописцев. Например, Э. Делакруа, путешествуя по Северной Африке, сделал сотни набросков, которые затем служили ему источником вдохновения. Этот диалог художника с малоизвестной в Европе культурой впоследствии позволил ввести в культурное пространство Франции и других стран образы арабских мужчин («Арабы из города Алжира», «Араб, седлающий лошадь», «Охота на львов в Марокко»), восточных женщин («Две алжирские женщины», «Марокканские женщины», «Еврейки Алжира»), познакомить публику с особенностями свадебных обрядов и костюмов других народов («Абидосская невеста», «Еврейская невеста»). Европейской публике стали доступны и интересные архитектуры Марокко («Городская стена Мекнеса», «Марокканский двор»), элементы музыкальной культуры (тамбурин и арабская лютия на картине «Еврейские музыканты Марокко»).

Эта же традиция прослеживается и в творчестве современных художников, привозящих из своих путешествий по разным странам богатый материал, который в дальнейшем служит им основой для создания живописных произведений, становящихся таким образом формой и фактором диалога культур. Известная художница из Санкт-Петербурга Евгения Лысогорова продолжительное время жила в Индии и создала ряд живописных картин, отражающих жанровые сцены из жизни индийского и африканского народов («Африканская девочка», «Девушка с цветком», «Жители Африки», «Буддийские дети», «В Африке», «Портрет индийского старика»). Современный российский художник Юрий Ковалев в картине «Душа корриды» сумел отразить яркие черты испанской культуры, выразить свое отношение к традиционным испанским зрелищам.

Коммуникативная функция искусства сегодня реализуется также в выставках, биеннале и фестивалях. Это одни из самых мобильных и динамично развивающихся форм актуализации изобразительного ис-

¹ Академик Российской академии художеств, профессор кафедры дизайна и искусства интерьерера Ульяновского государственного университета, заслуженный художник РФ, народный художник Республики Дагестан. Почетный доктор Азербайджанского государственного университета культуры и искусств. Почетный член Украинской академии художеств, Казахской национальной академии искусств им. Т. К. Жургенова. Почетный гражданин Ульяновской области и городов Ульяновска, Баку, Каспийска. Награжден золотой медалью Российской академии художеств (2011, 2015), орденами Святого Константина Великого, Святого Станислава, Святой Анны II степени, золотой медалью Американской академии искусств и наук. Участвует в благотворительных проектах по возведению и реставрации православных храмов, поддерживает многие благотворительные фонды. Его персональные выставки проходят в России, США, Бельгии, Эквадоре, Великобритании, Италии, на Украине, в Турции, Бахрейне.

кусства. С одной стороны, у них есть прочная историческая традиция (выставки, организованные С. Дягилевым; Выставка русских и финляндских художников 1898 г., Международная выставка картин журнала «Мир искусства» 1899 г. и др.), с другой стороны, в современной художественной практике эти формы стали эффективным средством коммуникации искусства и социальной среды. Изобразительный художественный текст в пространстве выставки, биеннале, фестиваля становится каналом коммуникации как между художником и зрителем, так и между разными эпохами, видами искусства (живописи, литературы, скульптуры, хореографии, кино, анимации и др.), культурами различных стран и народов.

Здесь в полной мере реализуется способность одной культуры осваивать достижения другой, при этом они взаимообогащаются. Как писал М. М. Бахтин, «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются»¹.

Малая галерея Лувра в рамках своего третьего сезона (с 27 сентября 2017 г. по 18 июля 2018 г.) представляет экспозицию «Театр власти», которая воочию демонстрирует тесную связь между политической властью и искусством. Экспозиция занимает несколько залов, которые организованы по тематическому принципу. Зал «Образы принцев» повествует о различных ролях, функциях монархов: король-пастор, король-зодчий, король-воин. Зал «Склонять к легитимации власти» посвящен личности Генриха IV — правителя, искавшего народное признание. В зале «Символы власти» собраны как портреты монахов, так и регалии власти, объекты коронации и т. п. Данная выставка представляет собой зрелищное шоу, где с помощью

живописных произведений и различных аудиовизуальных эффектов прослеживается связь власти и искусства в разных странах и в разные исторические эпохи.

Сейчас в Вене в Музее истории искусств проходит выставка «Форма времени» (с 18 марта по 8 июля 2018 г.). Это первая групповая выставка, задуманная Музеем истории искусств в рамках программы «Модерн и современность». Она объединяет работы, созданные как в минувшие века, так и в наше время. Рядом находятся произведения Тициана Вечеллио и Уильяма Тёрнера, Рембрандта ван Рейна и Марка Ротко, Питера Пауля Рубенса и Марии Лассниг, Эдуара Мане и Диего Веласкеса.

Произведения размещены в залах картинной галереи таким образом, чтобы выявить и подчеркнуть общность исторических и современных объектов творческого осмысления, взглядов, ценностей и — шире — культур. Посетитель получает возможность взглянуть одновременно в прошлое и настоящее, сравнить произведения, разделенные сотнями лет и тысячами километров, увидеть преемственность и связь культур. Экспонаты для этой выставки предоставлены Британским музеем и Галереей Тейт в Лондоне, Метрополитен-музеем в Нью-Йорке, музеем Пикассо и музеем Орсе в Париже, Институтом искусств в Чикаго, а также частными коллекционерами.

Важно подчеркнуть, что крупные художественные проекты, объединяющие экспонаты, художников и организаторов из различных стран, реализуются, несмотря на существующие политические разногласия между странами, экономические войны и другие формы противодействий. В этом видится способность искусства осуществлять диалог культур не только как функцию, но и как своего рода миссию. В этом контексте известная фраза из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» — «Красота спасет мир» — воспринимается как призыв к художникам и всем деятелям искусства, на который они в меру своих сил сегодня откликаются в самых разных формах.

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 354.

В. С. Степин²

СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИХ БУДУЩИХ СОСТОЯНИЙ

Определение контуров будущего в эпоху ускоряющихся глобальных социальных перемен предполагает явно или неявно принятую методологию социального прогнозирования. Ее целесообразно эксплицировать и отразить.

Важно выделить две составляющие такой методологии. Во-первых, это представление о структуре и динамике общества. В рамках научного подхода оно репрезентировано современной версией картины социальной реальности как особой формы научного знания, которая вводит системно-структурное видение предмета исследования социально-гуманитарных наук. Во-вторых, это современная концепция системного анализа, в которой акцент сделан на выявлении особенностей сложных саморазвивающихся систем.

В современной научной картине мира общество рассматривается как целостный сложный, исторически развивающийся организм, воспроизводство и изменение которого определяются взаимодействием его главных подсистем — экономики, подсистемы социальных отношений в больших и малых социальных группах, культуры.

Культура играет здесь особую роль. В современном понимании культура — это сложно организованная и развивающаяся система надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей. Их системообразующим основанием выступают мировоззренческие универсалии (концепты, категории) культуры: «человек», «деятельность», «природа», «личность», «рациональность», «власть», «традиции и новации», «добро и зло», «вера», «надежда», «любовь» и т. д. Смыслы мировоззренческих универсалий предстают как фундаментальные жизненные ориентиры и переживаются людьми в качестве базовых цен-

ностей. В жизни общества они функционируют аналогично генам в биологических организмах, образуя в своих связях своего рода геном социальной жизни. И подобно тому, как возникновение новых биологических видов невозможно без трансформации генома, коренные изменения социальных организмов не могут произойти без преобразования их культурно-генетического кода, представленного фундаментальными ценностями, смыслами мировоззренческих универсалий культуры.

Отсюда следует, что в прогнозировании будущего, если речь идет о коренных переломах в развитии общества, анализ его ценностных оснований и их изменений является главным и определяющим фактором.

В марксистской концепции общества в качестве генератора социальных перемен рассматривается экономика, развитие производительных сил как результат технологических инноваций.

Возникающее в процессе этого развития противоречие между новым уровнем производительных сил и сложившимися ранее производственными отношениями приводит к их смене, трансформации сложившейся макроструктуры общества (классовых, сословных, кастовых отношений) и возникновению новой общественно-экономической формации как особого вида социального организма.

В этой картине социальных перемен выражены многие реальные характеристики эволюции обществ. Но если более детально анализировать процесс укоренения новых производственных отношений и трансформации макроструктуры общества, то обнаруживается, что этот процесс предполагает изменение статуса ранее доминировавших ценностей и формирование новых ценностных ориентиров, новых смыслов мировоззренческих универсалий. И пока они не станут достоянием массового сознания, основаниями новой картины жизненного мира, будет длиться эпоха неустойчивости, противоречий, столкновения различных социальных сил. Духовные революции всегда предшествуют политическим, изменяющим макроструктуру общества и социальные институты.

Для понимания, объяснения и предвидения социальных трансформаций, кардинально меняющих вид общества, недостаточно рассмотреть только то, как организована и изменяется экономическая жизнь. Нужно самому экономической жизни понять с точки зрения доминирующих культурно-генетических кодов, репрезентирующих базисные ценности соответствующих типов общества.

Общество как целостный организм, природная среда (биосфера), в которую оно погружено и с которой взаимодействует, подсистемы общества (экономика, социальная сфера, культура) — все это сложные саморазвивающиеся системы. Прогнозирование будущего предполагает выяснение особенностей функционирования и развития таких систем.

¹ Руководитель секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, почетный директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 750 научных работ, в т. ч. 30 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. на исп. яз. — Stiopin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica, 2004; на англ. яз. — Stepin V. Theoretical Knowledge. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры», «Человек. Деятельность. Культура» и др. Президент Российского философского общества, иностранный член национальных академий наук Беларуси и Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), Международной академии философии науки (Брюссель). Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, Почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), Новгородского, Ростовского, Башкирского государственных университетов, почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

Ряд важных структурных особенностей развивающихся систем был зафиксирован в философии Гегеля. Карл Маркс, развивая идеи Гегеля, сформулировал методологические принципы анализа сложных объектов и продемонстрировал эффективность этого подхода при исследовании процессов формирования товарно-денежных отношений, последующего превращения денег в капитал и становления капитализма.

Дальнейшие шаги в исследовании особенностей саморазвивающихся систем были сделаны в науке уже XX века: формирование квантово-релятивистской физики и космологии, создание генетики, системные идеи в науках о Земле (В. И. Вернадский), разработка кибернетики, динамики неравновесных систем и синергетики, теории информации и семиотики. Все это дало огромный и многообразный материал для системных обобщений, позволивший выделить сущностные характеристики сложных развивающихся систем (природных, социальных и ментальных).

Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются иерархической организацией элементов. Все эти системы открыты по отношению к окружающей среде. Они обмениваются с ней веществом, энергией и информацией. В устойчивых состояниях в процессе этого обмена каждая такая система воспроизводится в соответствии с программами саморегуляции. Но эти программы постоянно испытывают возмущающие воздействия внешней среды и могут мутировать под их влиянием. В этом случае система входит в стадию качественных перемен (фазовый переход).

Философия характеризует такие этапы, как скачок, нарушение постепенности в развитии, переход количественных изменений в качественные, превращение возможности в действительность. В современной науке эти общие характеристики конкретизируются при их описании на языке синергетики. В этом случае фазовые переходы описываются интегрально как возникновение динамического хаоса, точек бифуркации, формирования возможных сценариев развития, кооперативных эффектов и режимов с обострением.

Опираясь на эти идеи, можно сделать новые шаги в описании фазовых переходов, представив их интегральные характеристики дифференцированно, во «временной развертке» процесса качественных изменений развивающейся системы.

В своих работах последних лет, в том числе и в докладе на предыдущих, XVII Международных Лихачевских чтениях, я предложил выделить внутри фазового перехода три стадии, сменяющие друг друга с течением времени.

Первая характеризуется возникновением динамического хаоса в условиях, когда предшествующие параметры порядка и соответствующие программы саморегуляции перестают обеспечивать воспроизводство сложной системы в устойчивом состоянии. Возникают точки бифуркации и спектр возможных сценариев развития системы. Эти сценарии в языке синергетики характеризуются как аттракторы в нелинейной среде. Их множество не бесконечно, оно включает только те сценарии, которые не противоречат сложившимся объективным законам. Реализация любого из этих

сценариев определена вероятностной причинностью и зависит от множества случайных факторов, поэтому даже самый маловероятный из сценариев может осуществиться.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может выделить некоторые из них в качестве доминирующих, намечающих мейнстрим развития. В этом случае меняются первоначальные вероятности развития каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, вероятность реализации других резко уменьшается.

Разумеется, это не исключает возможности появления в качестве мейнстрима развития катастрофического сценария, который может привести к упрощению и разрушению системы. Но если доминирующим становится сценарий, обеспечивающий восходящую тенденцию развития, то возникает своего рода целенаправленное движение системы к новому уровню организации. Главную роль начинает играть целевая причинность.

На завершающем этапе фазового перехода формирование нового уровня организации системы оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, трансформирует их, накладывая определенные ограничения на действие их законов. В результате формируется новая целостность усложнившейся системы, новые программы ее саморегуляции и соответствующие параметры порядка.

Такого рода трансформации выступают важнейшим компонентом эволюции сложных саморазвивающихся систем.

Можно привести множество примеров таких трансформаций применительно к природным, социальным и ментальным системам. Одним из них выступает регулятивная роль культуры по отношению к биогенетическим программам человеческого поведения. Культура, как система надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей, не устраняет законов инстинктивного поведения (инстинкты питания, самосохранения, биологического воспроизводства), но оказывает на них регулирующее воздействие, формируя соответствующие традиции, обычаи, социальные нормы (в том числе нравственные и правовые), которые определяют допустимые в том или ином обществе рамки инстинктивного поведения.

Синергетика еще не освоила в полной мере особенности этого процесса трансформации ранее сложившихся уровней сложной системы под влиянием возникающих новых уровней. Тем не менее феноменологически, в рамках интегрального описания фазовых переходов было зафиксировано, что в режимах с обострением будущее оказывает влияние на прошлое (см. работы С. П. Курдюмова). Внешне это утверждение выглядит необычно и даже иррационально. Но если принять во внимание, что прошлое запечатлено в ранее возникших структурных уровнях системы, то влияние будущего на прошлое получает вполне рациональное объяснение. Оно выражает принцип, согласно которому условием воссоздания целостности системы при ее усложнении является трансформация ранее возникших уровней под воздействием нового уровня.

Все эти особенности должны учитываться при прогнозировании будущего социальных систем. Если речь идет об этапах относительной устойчивости социальной системы, то предсказание ее будущего может быть основано на выявлении программы саморегуляции и пролонгации сложившихся тенденций. Но такого рода прогнозы не работают, когда система входит в состояние фазового перехода. В этом случае принципиально важно определить, на какой стадии перехода находится система и какой тип причинных связей является основанием для предсказания ее будущего.

Преобразования общества на стадии фазовых переходов могут быть разной степени глубины. Наиболее глубокие качественные преобразования общества, которые определяют его дальнейшую эволюцию часто на многие столетия, происходят при переходе к новому типу цивилизационного развития.

В истории человечества было два таких перехода: 1) от архаических обществ к цивилизациям традиционалистского типа; 2) становление техногенного типа цивилизационного развития, который возник в Европе, а затем распространился по всей планете.

Есть множество оснований полагать, что современные глобальные перемены и сопровождающие их кризисы являются начальной стадией перехода к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

В каждой смене типа цивилизационного развития происходит преобразование ценностной матрицы (смыслов универсалий культуры) и формируются новые ценностные ориентиры. Они образуют ядро генетического кода обществ, реализующих соответствующий тип развития. В каждом из таких обществ это ядро соединяется со специфическими видовыми признаками, выражающими исторические особенности культуры того или иного вида общества (цивилизации).

Я уже не раз подчеркивал в своих работах, что в современной техногенной культуре возникают точки роста новых ценностей, которые выступают предвестником и предпосылкой перехода к новому типу цивилизационного развития. Здесь можно выделить два кластера ценностей. Первый из них касается понимания отношений человека к природе. Образ природы как поля для преобразующей деятельности и бесконечного резервуара ресурсов, идея господства человека над природой были важнейшей составляющей духовной матрицы техногенных культур. Они послужили глубинным ценностным основанием для стратегий экономического развития, включая его современные версии в обществах потребления. Но в ходе развития науки уже в XX столетии были сформулированы иные представления о природе и человеческой деятельности. Выяснилось, что природная среда, с которой человек непосредственно взаимодействует, — это целостный живой организм, глобальная экосистема, биосфера. Производственная деятельность людей оказывает на нее возрастающее воздействие, которое может породить локальные, а затем и глобальные экологические кризисы.

В развитие этих представлений значительный вклад внесли философские идеи русского космизма, разработ-

ка В. И. Вернадским концепции биосферы и ноосферы, идеи Римского клуба о пределах роста, концепции экологической этики (Б. Колликот, Л. Уайт, Р. Атфилд) и — уже в нынешнем столетии — критический анализ основных принципов организации экономики потребительских обществ, сделанный Эрвином Ласло, и вывод, что эти принципы («чем больше потребляем, тем лучше живем», «каждое поколение само решает свои проблемы») ориентируют на потребление природных ресурсов в расширяющихся масштабах, что, в свою очередь, ведет к возрастающему загрязнению среды и экологической катастрофе. Как обобщение всех этих идей идеал господства над природой был трансформирован в идеал коэволюции человека и природы.

Второй кластер новых ценностей, возникающих в точках бифуркации техногенной культуры, связан с проблематикой научно-технологического прогресса. В техногенном типе развития он всегда был сердцевинной изменений социальной жизни. В современную эпоху главными объектами прорывных научных исследований и технологий становятся сложные саморазвивающиеся системы. Среди них особое место занимают человекоподобные системы, включающие человека в качестве компонента. Примерами таких систем являются биосфера, биогеоценозы, все социальные объекты в их развитии, объекты современных конвергентных NBIC-технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии).

Деятельность со сложными развивающимися системами имеет некоторые особенности. Она не является чисто внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее, актуализируя одни сценарии развития и понижая вероятность других.

При исследовании саморазвивающихся систем всегда возникает проблема анализа сценариев их развития, возникающих на стадии фазовых переходов. Среди этих сценариев могут быть неблагоприятные и даже катастрофические для человека, поэтому их требуется проанализировать и оценить. Данная задача решается в процессе социально-этической экспертизы научных и технологических программ и проектов. Эффективность такой экспертизы во многом зависит от применения в ней достижений социально-гуманитарных наук. Эти науки в процессе исследования и технологического освоения сложных систем активно взаимодействуют с естественными и техническими науками, образуя междисциплинарные комплексы знаний, необходимые для решения конкретных исследовательских и практических задач.

В ближайшем будущем человечество, осваивая конвергентные технологии, столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует нового уровня социально-гуманитарных научных исследований. Роботизация и применение информационных технологий ставят задачу изменения стратегий обучения и подготовки специалистов. Возникают вопросы, как перестроить процессы обучения, организовать воспитание нового поколения с детского возраста.

Проблемы формирования человеческого сознания в контексте изменений культуры должны быть осмыслены как определяющие все другие сферы челове-

ской жизнедеятельности, и такое осмысление невозможно без наращивания потенциала социально-гуманитарных наук. В связи с этим уместно напомнить

высказывание известного этнолога и культуролога К. Леви-Стросса: «XXI век будет веком социально-гуманитарных наук либо его вообще не будет».

В. А. Тишков¹

ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках целевого конкурса Российского фонда фундаментальных исследований «Социокультурные аспекты национальной безопасности» Институтом этнологии и антропологии РАН под моим руководством в 2015–2017 годах был реализован крупный научный проект по изучению этнокультурного и религиозно-многообразия России. Помимо коллективных и индивидуальных публикаций участников проекта, был издан итоговый коллективный труд², ряд положений и выводов которого мы изложим в данном докладе.

Данное исследование охватило следующие вопросы: меняющаяся динамика этнической демографии и идентичности в постсоветский период и на современном этапе и что это означает для стабильности и солидарности российской нации; трансформации в сфере этнической, гражданской, религиозной, региональной идентичности; динамика религиозных конфессий и институтов, включая анализ ситуации с православием и исламом; положение в области этнокультурного образования и языковой политики; миграционные процессы и проблемы интеграции; этнокультурные бренды российских регионов и мест. Центральная научная проблема, на решение которой был направлен наш трехлетний проект, состояла в выявлении, анализе и осмыслении фактора культурного и конфессионального разнообразия российского общества в аспекте преодоления рисков и обеспечения национальной безопасности страны. Необходимо было найти ответ на вопрос, представляет ли сложный этнический и ре-

лигиозный состав населения России слабость государства и преграду для его успешного развития, или этот фактор не имеет прямого отношения к стабильности и благополучию многонационального народа Российской Федерации и даже, наоборот, является важным ресурсом его развития.

В России сложилось полиэтничное и поликонфессиональное общество. Ситуация осложняется еще и тем, что институционализация этничности обусловлена наличием в рамках федеративного устройства страны этнотерриториальных автономий в форме республик и автономных округов и длительным существованием примордиального видения этничности как на бытовом, так и на экспертном уровне. В России действуют разнонаправленные факторы централизации и регионально-этнической дезинтеграции: с одной стороны, общенациональные институты (система образования, армия, повсеместное распространение русского языка и русскоязычных СМИ, высокая профессиональная культура и др.) способствуют формированию единой гражданской идентичности, с другой — наличие этнонациональных институтов в республиках, сохранение традиционных культур, поддержка и развитие партикулярных этнических культур (литературы, народного искусства и ремесла, этнотуризма и др.) поддерживают этническую идентичность среди нерусского населения, придавая ей в ряде ситуаций и случаев первичную значимость. Эта первичность способна выливаться в межэтнические противоречия и даже в отторжение общего государства.

В определенных условиях своего рода зеркальная ситуация существует и в оценке состояния культуры и политических проявлений от имени доминирующего большинства населения — этнических русских, идентичность которых исторически выражена мощно и многогранно — от языка и религии до названия страны. Невозможно отрицать, что российское существует потому, что есть русское, и это, конечно, отправная точка государственности и силы страны. Однако при определенных условиях политизация русского фактора также может заключать в себе риски несколько не меньшие, чем риски периферийного национализма или сепаратизма. Казалось бы, русским не от кого отделяться и они есть первые хранители государственности, но не стоит забывать 1991 год, когда именно «русская Россия» в лице РСФСР стала одним из инициаторов распада Советского Союза.

В Российской Федерации новым фактором формирования групповых идентичностей стала религия, роль которой также многозначна и контекстуальна: в одних

¹ Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Общество в вооруженном конфликте», «Опыт этнологического мониторинга», «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами», «Устойчивость и подвижность этнокультурных границ», «Российский народ: история и смысл национального самосознания» и др. Член редакционных коллегий журналов «Этнографическое обозрение», «Федерализм», «Ethnic and Racial Studies» и др. Член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, научных советов при Совете безопасности и министре иностранных дел РФ, совета Российского гуманитарного научного фонда и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, Государственной премии РФ в области науки и технологий. Награжден орденом Почета, орденом Дружбы, медалью «За трудовую доблесть», орденом Святого благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви.

² Этническое и религиозное многообразие России. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018.

случаях она размывает этнические границы, в других, напротив, укрепляет этническую идентичность, но в целом религия призвана быть фактором стабильности и умиротворения, если в ее среде или вокруг нее не возникают радикальные, фундаменталистские программы и силы. С этой точки зрения российская поликонфессиональность представляет собой интересное и важное поле для изучения.

Как этничность, так и религия формируют определенные культурные особенности мировосприятия и поведения, что принято описывать в терминах «национальных характеров» или «этнических стереотипов». Вместе с тем гражданская интеграция в результате целенаправленных усилий элиты ведет к утверждению общенациональной культуры с ее собственными, понятными всем кодами и символами. Этот процесс опирается на длительный опыт взаимодействия и всестороннего взаимовлияния представителей разных культур и верований в рамках исторического российского государства: Российской империи, СССР и Российской Федерации.

В ходе нашего исследования объектом изучения были вопросы о соотношении и взаимодействии общенациональной культуры с этническими и религиозными традициями, ценностями и нормами: как они сочетаются, способны ли они к интеграции и бесконфликтному сосуществованию или обречены на постоянный конфликт, как настаивают сторонники тезисов о «несовместимости культур» и «столкновении цивилизаций», а также противники нациестроительства на многоэтнической гражданской основе. Наша гипотеза исходит из понимания культуры как идеальной матрицы, используемой людьми для упорядочивания картины мира. Вместе с тем культура неоднородна и изменчива, она не имеет строго фиксированных границ и поддается интерпретации.

Культуры находятся в постоянном взаимодействии и оказывают друг на друга существенное влияние, что ведет к появлению гибридных культур и сложных, не исключаящих друг друга форм коллективных идентичностей: «я и русский, и россиянин». Все это становится очевидным в условиях глобализации и сказывается не только на этнических и национальных, но даже и на религиозных культурах, хотя религиозные границы жестче этнических. И главное — человек не является слепым орудием культуры; напротив, он способен к эффективной культурной адаптации и существованию в нескольких культурах или «между культурами», что часто наблюдается в современном мире. Поэтому мы не разделяем жесткие позиции, отстаиваемые право-консервативными и ультранационалистическими экспертами и политиками, считающими, что между русскими и представителями других российских национальностей преобладают не общность культур и ценностей, а некие цивилизационные несовместимости, что иноэтничные мигранты не способны к интеграции.

Мы полагаем, что многое зависит от человека — его внутренних ресурсов, установок и помыслов. Однако эти установки сами зависят от целого ряда факторов — социальных, культурных и психологических. Определяющими в обеспечении межэтнического согла-

сия и стабильности полиэтничных сообществ являются политика государства и влияние сильных институтов гражданского общества. Поэтому важнейшее направление исследования — изучение того, как именно в современном мире формируется идентичность (общенациональная, этническая, религиозная), какие факторы на это влияют и как они взаимодействуют между собой (находятся ли они в сотрудничестве или в конфликте), какой смысл вкладывается людьми в понятие национальной, этнической и религиозной идентичности и как эти идентичности влияют на реальную жизнь, какой смысл они имеют в разных сферах (профессиональной и бытовой, частной и общественной жизни, культурных и религиозных потребностей и пр.), или они равным образом значимы в одних и тех же областях человеческого существования.

Как формируется образ «этнической культуры», из чего он складывается и что означает для носителей культуры? Что означают «культурные ценности» и какой смысл вкладывается в это понятие? Что реально происходит при взаимодействии культур и что при этом происходит с представлением о «ценностях»? Способен ли человек быть компетентным сразу в нескольких культурах? Может ли общенациональная идентичность в поликультурном государстве иметь какую-либо единую культурно-историческую основу? Если да, то какой именно должна быть эта основа, требует ли она выработки особого исторического мифа (большого нарратива) и как общее может сочетаться с партикулярным?

Для решения этих задач важен анализ общенациональной, этнической и религиозной символики, их социальных интерпретаций, форм символического поведения, роли языкового фактора (включая двуязычие и многоязычие), социальной памяти и образов прошлого, профессиональной культуры в формировании современных идентичностей. Не меньшее значение имеют этнические представления о мире, в частности о соседях, религиозное (традиционалистское) понимание смысла истории и его сочетание с научными подходами, влияние идентичности на поведение людей, на их отношение к миру, к своим и чужим. Ясно, что все это находится в зависимости от социальной и культурной компетенции, а также от контекст-ситуации (локуса), в котором находится индивид или с которым он себя связывает, поэтому для изучения картины многообразия важны особенности примордиальной, множественной, ситуативной и символической идентичности (феномен «этнического дрейфа») и их инструментальные смыслы среди населения России.

Важными объектами изучения являются религиозные представления и практики (связанные как с традиционными, так и с новыми религиями), оказывающие влияние на идентичность, а также современные формы культурно-религиозной нетерпимости и основанные на них насилие, ксенофобия, расизм и неонацизм. На эти процессы влияют динамика этнического и религиозного состава населения Российской Федерации, меняющаяся номенклатура национальностей, а также их разнотемповый рост и внутренние миграции на уровне отдельных регионов.

Изучение этноконфессионального многообразия России имеет не только сугубо академическое значение. Оно влияет и на практическую политику национального строительства, гражданского просвещения и воспитания, в том числе и прежде всего — молодого поколения россиян. Здесь важен наш изначальный тезис, подкрепленный конкретным материалом, что совместное проживание носителей многих культур и языков в пределах одной страны и в составе одного российского народа было характерно для нашего государства на протяжении всей его истории. Многообразие населения стало источником постоянного и взаимообогащающего общения, условием развития страны. Трудно вообразить, что представляло бы собой российское государство, если бы развивалось столетиями только на территориальной, демографической и культурной основе одного или нескольких восточнославянских племен.

Славянская культура, русский язык и религиозная христианско-византийская традиция в форме русского православия веками составляли основу и своего рода референтную (доминирующую) культуру россиян. Они остаются таковыми и поныне. Однако российский народ немалым образом зависит от представителей других национальностей — носителей иных культурно-исторических традиций, как немалым образом религиозная жизнь страны зависит от тех, кто исповедует ислам, иудаизм, буддизм. Хотя этноконфессиональные различия становятся факторами конфликтности, причинами нетерпимости и насилия, мы исходим из того, что не только в прошлом, но и сейчас этническое и религиозное разнообразие, а также многонациональность российского народа составляют его богатство и силу. Более того, они служат условием стабильности и развития страны. Такая постановка проблемы носит новаторский характер, ибо, несмотря на положения Конституции и высказывания президента страны, в научных и общественных дебатах на эту тему преобладают мотивы рисков и несоместимостей.

Российский народ, несмотря на демографические проблемы, остается самым многочисленным в Европе. Инерция прошлого, консерватизм экспертного сообщества и этнический национализм части элиты многие годы мешали более энергичному утверждению представления о России как о состоявшемся государстве-нации и о российском народе как о гражданской нации. Старые научные подходы и поверхностные политические установки исходят из того, что теперь якобы поставлена задача «делать россиян» из русских, татар, чувашей и пр. Это ущербная трактовка сути вещей. Российский народ-нация — не результат унификации, а солидарное этническое многообразие. Население новой России имеет высокую степень социально-политического и историко-культурного единства. Подавляющее большинство наших соотечественников гордятся своей гражданской идентичностью («россиянин»).

В современной России на фоне глубоких социальных и политических перемен идет быстрое изменение воззрений отдельных граждан, их групп и институтов, смена идей, целей и ценностей. Этот противоречивый процесс вызывает много споров и недовольства,

но в целом носит позитивный характер, и мы должны увидеть и поддержать этот позитив. В 1990-е годы все наше внимание было приковано к конфликтам в сфере этнокультурного развития, к противоречиям, связанным с возрождением религиозной жизни страны. Сегодня тенденции другие. Мы наблюдаем новую степень консолидации российского общества, позитивные устремления граждан, возросшую активность общественных объединений, способствующих этноконфессиональному диалогу. Это новое позитивное развитие общества проявляется в разных формах, включая растущий потенциал институтов гражданского общества в обеспечении общенационального согласия и международного мира.

У государства есть определенная «зона ответственности» в построении этнокультурных отношений. Речь идет прежде всего о совершенствовании российского законодательства, которого в сфере этнонациональной политики пока нет. Мы выступаем сторонниками принятия федерального закона об основах этнонациональной политики и обеспечении национального единства в Российской Федерации.

Вместе с тем этническая и религиозная жизнь — это лишь в малой степени «территория ответственности» государства. Этническая и религиозная жизнь — выбор и труд самого гражданина, создающего и содружестве с другими гражданами организации и союзы. Этническая и религиозная жизнь — это право человека оставаться самим собой, быть непохожим на других. При этом люди должны подчиняться общим законам, сосуществовать мирно, крепить гражданскую солидарность ради процветания государства. Последнее представляет собой также задачу стратегической важности.

Усложнение и быстрая динамика этнокультурных и общественно-политических конфигураций современного российского общества в связи с социальным расстройством, урбанизацией, массовыми миграциями, разнонаправленными этнодемографическими трендами в сочетании с нарастающим социальным неравенством регионов и местностей в условиях развития рыночной экономики создают основания для недовольства людей, массовых фобий и предрассудков, беспокойства о будущем. Россия стала страной, принимающей мигрантов, и к нам едут люди, говорящие на разных языках, со своими традициями и менталитетом. Мы должны быть готовы к тому, чтобы интегрировать мигрантов и меняться самим, сохранять спокойствие и мир, добиваться упрочения солидарности граждан. Этническое многообразие и национальное единство России могут стать основой этой солидарности.

Сформулируем несколько положений итогового и прогностического характера.

1. Само по себе этническое, религиозное, языковое, культурное многообразие Российской Федерации и ее регионов не является источником дестабилизации, но также не служит и безусловным гарантом стабильного и успешного развития. В условиях культурного многообразия необходимы целенаправленные усилия власти и гражданского общества по предупреждению напряженности и конфликтов на почве культурных раз-

личий и трансформированию разнообразия в созидательный ресурс развития.

2. Риски возникают, когда управление идет вразрез с культурными (этническими и религиозными) нормами и традициями местного населения. При культурно чувствительном и компетентном управлении сам фактор полиэтничного населения может быть источником обогащающего взаимодействия и развития, но плохой менеджмент и политизация этничности и религиозных вопросов могут привести к тому, что он станет фактором серьезного риска дестабилизации и конфликта.

3. Анализ динамики этнического состава населения России не только подтверждает глубокие исторические корни многоэтнической природы российского народа, но и обнаруживает стабильную структуру собственно этнического состава. Это означает, что, несмотря на внутренние и внешние миграции, аккультурацию и ассимиляцию, состав и соотношение основных этнических общностей (народов) в целом сохраняются на длительном историческом отрезке. Стабильна этническая структура россиян с численным доминированием русских (80 %) и распределением двух десятков других крупнейших групп, которые вместе с русскими составляют 97 % населения страны.

4. При нынешних показателях рождаемости и миграционных процессах стабильные состав и соотношение будут характерны для большинства регионов страны в ближайшие два десятилетия. Однако закрепится тенденция возрастания доли представителей народов мусульманской историко-культурной традиции и вероисповедания (10,4 % в 2010 г., 13 % в 2020 г. и 14,5 % в 2030 г.).

5. Существуют негативные тенденции возрастания моноэтничности населения ряда регионов (прежде всего республик Северного Кавказа и южной Сибири) в пользу так называемых титульных народов, а также образование в центральных регионах преимущественного проживания русского населения «феномена пригорода» в форме массовой многоэтажной застройки с приезжим населением, часто иноэтничным относительно местных жителей. Особые риски вызваны возможными конфликтами двух групп населения с разными жизненными укладами и традициями и отсутствием социально-культурного контроля за приезжей

молодежью со стороны традиционной среды, а также соседских связей, обеспечивающих взаимную адаптацию граждан.

6. Все серьезные исследования показывают, что этническая принадлежность — это прежде всего вопрос личностной идентификации, и он связан не только с кровным происхождением и другими примордиальными представлениями. Поэтому требуются более чувствительное отношение к государственно-общественному управлению в сфере этнокультурного развития, переход к более гибкому представлению о списке, составе и статусе этнических общностей, которое в том числе должно предусматривать возможность для граждан фиксации сложной этнической принадлежности. Около 15 % россиян, рожденных в смешанных браках, склонны этнически идентифицировать себя в двойственном варианте, а в ряде регионов и в зависимости от возрастных особенностей этот показатель еще выше.

7. Исследование религиозной ситуации подтверждает факт сопряжения и бесконфликтного сосуществования в России традиционных конфессий и лидирующей роли Русской православной церкви. Отсутствие межрелигиозных конфликтов не исключает риска дестабилизации со стороны радикально-экстремистских групп. При должном состоянии конфессионально-государственных взаимоотношений и ответственности религиозных сообществ религиозный фактор — это ресурс сохранения и поддержки традиционных социальных норм и практик, а также важный механизм миротворчества.

8. Социологический анализ в полиэтничных регионах страны выявил существование значительного запроса со стороны учеников, родителей, общественности на изучение как русского, так и других языков, а также растущий интерес к изучению таких предметов, как местные этнические культуры, этническая кухня и мода, этнический туризм и т. д. Это опровергает мнение об исчезновении локально-этнического разнообразия и ставит под сомнение образовательную политику обеспечения исключительно общероссийских стандартов с установкой на ЕГЭ и минимизацией этнорегионального содержания в образовательных программах.

П. П. Толочко¹

«НЕ ДРАЗНИТЕ МЕДВЕДЯ»

В конце 2016 года редактор американского сайта “National Interest” Роберт Мерри в статье под примечательным названием «Перестаньте дразнить медведя» высказал предположение, что «завтра» США и Россия перестанут быть врагами. Надежды эти были связаны с избранием Дональда Трампа президентом США, в котором автор увидел сигнал миру срочно «переобуться», а тот, кто этого не поймет, может впоследствии пожалеть. Подобные надежды испытывало и российское политологическое сообщество, а депутаты Думы даже подняли бокалы с шампанским в честь перемены в Белом доме.

Сегодня по этому поводу в либеральном стане России не иронизирует разве что ленивый. Не вполне понятно, что так воодушевляет этих людей, — политическая наивность и простодушие тех, кто надеялся, что с приходом к власти Трампа улучшатся отношения между двумя странами, или собственная прозорливость в том, что этого не должно было произойти.

На Лихачевских чтениях 2017 года я тоже выразил сдержанный оптимизм в связи с избранием Дональда Трампа. Дружьи США и Россия, как я полагал, не станут, но если перестанут враждовать, то миру будет спокойнее. К сожалению, этого не случилось. Трамп не осушил «вашигтонское болото», и «переобуться» никому не пришлось ни в самих США, ни в подконтрольных им странах. Более того, новый президент США сам стал органичной частью этого болота, поддержав его усилия по обострению отношений с Россией, хотя, будучи кандидатом, не исключал возможности их улучшения.

Особенно обрадовались этому некоторые малые страны Европы, только недавно ставшие членами НАТО или всеми силами стремящиеся войти в блок. Беззаветная преданность Хиллари Клинтон, декларируемая их руководством вплоть до дня объявления результатов американских выборов, не стала основанием для перемены в США отношения к ним. Новый президент сделал вид, что не заметил их едких высказываний в свой адрес, или ему не дали это заметить политические оппоненты. Быстро забыли об этом и сами критики Трампа, принявшиеся теперь искать его благосклонности.

¹ Член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Древний Киев», «Древняя Русь», «Древнерусский феодальный город», «Историчні портрети» («Исторические портреты»), «Русские летописи и летописцы X–XIII вв.», «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность, воображаемая или реальная», «Власть в Древней Руси X–XIII вв.», «Украинцы в России», «Откуда пошла Русская земля» и др. Член Европейской академии (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии. Лауреат Государственной премии УССР в области науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского, премий Макариевской и Александра Невского (Россия). Награжден орденами князя Ярослава Мудрого III–V степеней, «Знак Почета» (Украина), Дружбы и Почета (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

Особенно наглядно это видно на примере президента Украины Петра Порошенко, который еще «вчера» расточал комплименты Хиллари Клинтон и только ее видел президентом США, а теперь ищет любую возможность пожать союзеренную длань Трампа.

К сожалению, новая администрация США не прислушалась к совету мудрого политика и государственного деятеля Генри Киссинджера и не избрала путь нормализации отношений с Россией. Следуя метафоре Роберта Мерри, можно сказать, что «медведя» теперь не просто дразнят, но и травят. Чего стоит хотя бы циничное, ничем не аргументированное отлучение российских спортсменов от участия в зимней Олимпиаде 2018 года в Южной Корее. Это недостойно цивилизованного сообщества. При любом отношении политических элит коллективного Запада к властям России постыдно вымещать свою злобу на целой стране и ее народе. Такая brutальная демонстрация силы в действительности оборачивается своей противоположностью. Мстительность — удел слабых.

Поразительно, но и в этом случае больше всех воодушевляются новоявленные европейские союзники США, которые мечтают о реванше за прошлые обиды от России. Они же постоянно требуют от США и Запада все новых санкций против России, причем не только экономических, но и политических. С каким ликованием было встречено в политических кругах Украины лишение права голоса в ПАСЕ российской парламентской делегации. Робкие попытки руководства этой авторитетной организации как-то исправить ошибку и вернуть российских парламентариев в Страсбург встретили решительный протест. Руководитель парламентской делегации Украины заявил: «Если Россия будет возвращена в ПАСЕ, то из нее уйдет Украина». Эта угроза, скорее всего, не была бы реализована, но в ПАСЕ вынуждены с ней считаться.

Не менее бестактным выглядит и заявление министра иностранных дел Украины Павла Климкина в интервью немецкой газете Rheinische Post: «Отмена санкций против России, — утверждает он, — приведет к расколу Европы». Их еще не взяли в эту самую Европу, а он уже пугает ее возможностью раскола! Конечно, не будь у Климкина за спиной американского наставника, он вряд ли отважился бы на такое менторское заявление, адресованное ведущим европейским странам.

Подобная позиция украинских властей представляется контрпродуктивной. Кроме удовлетворения личных амбиций от сознания нанесенного России оскорбления, ничего существенного она не даст, накопившихся за четыре года проблем в отношениях между Украиной и Россией не решит. Неучастие России в работе ПАСЕ практически исключает какое-либо влияние этой организации на позицию страны. А с учетом того, что Украина принятием закона «О реинтеграции Донбасса», по существу, отказалась и от Минских соглашений, возможность для выхода украино-россий-

ских отношений из глубокого кризиса оказывается нулевой.

Серьезным препятствием на этом пути станет и строительство американской военной базы в Очакове — якобы для защиты Украины, но в действительности в интересах США, как это уже произошло в Румынии и Болгарии. Украинские власти воодушевлены этим, как и поставками летального вооружения из США. При этом постоянно подчеркивают, что Украина защищает не только себя, но и всю демократическую Европу от российской агрессии — вероятно, виртуальной, поскольку реальной нет и не предвидится.

Не знаю, осознают ли нынешние руководители Украины, что подобные заявления — не что иное, как признание того, что они являются инструментом чужой политики в чуждых народу Украины интересах. Сиюминутные выгоды в виде получения кредитов от США, Международного валютного фонда, некоторых европейских структур даже в малой степени не компенсируют потерь Украины от разрыва экономических отношений с Россией. И это не теория, а печальная действительность. Украинские граждане стремительно нищают, их численность угрожающе сокращается. Более 10 млн человек ушли в мир иной, не менее 5 млн выехали на заработки в Россию и страны Европы.

Печальной констатацией экономической проблем Украины и низкого уровня жизни ее населения является тот факт, что, согласно исследованию Международного института социологии, опубликованному в январе 2018 года, 45,2 % украинцев не видят своего будущего на родине и хотели бы выехать за рубеж. К сожалению, эта реальность не до конца осознана большей частью украинских граждан, которая продолжает верить оптимистичным заявлениям президента о светлом европейском будущем страны.

Насколько известно, не обрели земного рая и другие постсоветские страны — Эстония, Литва и Латвия, уже вошедшие в Европейский союз и угодливо предоставившие свои территории для размещения военных баз и контингента США. Их население, и без того не очень многочисленное, также неуклонно сокращается. Не знаю, испытывают ли простые эстонцы удовлетворение от того, что размещенные у них американские истребители и бомбардировщики могут достичь Санкт-Петербурга за 16 минут. Если испытывают, то это глубокий самообман. В случае (не дай бог!) военного конфликта они могут вообще не взлететь, и их печальную участь разделит и небольшая Эстония.

Когда слушаешь польских политологов, активно участвующих в шоу на российском телевидении, невольно создается впечатление полной потери ими чувства реальности. Союзнические военные отношения с США приводят их в состояние эйфории. Они с восторгом говорят, что для их защиты американцы прислали 3,5-тысячный военный корпус с 80 танками и бронемашинами. И хотя ничто не указывает на то, что Россия собирается нападать на Польшу, жупел российской угрозы у поляков — самый ходовой товар.

Вряд ли сами «младоевропейцы» верят в злокозненные захватнические планы России, но страшилки о российской угрозе приносят им неплохие дивиденды

от богатого Запада, в первую очередь США. Конечно, это обман, но американцы сами «обманываться рады», поскольку он в определенной мере легитимизирует размещение ими военной инфраструктуры у границ России. Так, страдая историческими комплексами, некоторые страны бывшего СССР и Варшавского договора в лице своего политического руководства оказались на переднем крае глобального противостояния США и России.

И, конечно, особая роль здесь принадлежит Польше, ставшей временным поверенным в делах США в Европе. Она первой из европейских стран удостоилась чести принимать Дональда Трампа. Президент Польши Анджей Дуда на встрече с Рексом Тиллерсоном в Давосе приветствовал расширение санкций США против России и выразил уверенность, что они будут усиливаться. В свою очередь, госсекретарь США, посетивший своего стратегического партнера после Давоса, выступил в поддержку Польши в ее противостоянии планам России и Германии по строительству газопровода «Северный поток-2».

Безоговорочное следование Польши, Украины, южнобалтийских и некоторых других восточноевропейских стран в кильватере американской политики доминирования и противостояния с Россией свидетельствует об отсутствии у руководства этих стран не только сознания ответственности за европейское будущее, но и элементарного чувства самосохранения. Ведь если постоянно травить медведя, он может и огрызнуться, и тогда появятся уже не мнимые, а реальные причины для обид. Нельзя все время жить русофобией — это тупиковый и опасный путь. По нему долгое время шла и старая Европа, пытавшаяся расширять так называемую «территорию свободы», не считаясь с интересами России, а зачастую и в ущерб им. Это и сегодня делается — не посредством вовлечения России в свободное европейское экономическое пространство и демонстрации преимуществ западных экономических моделей, но при помощи военной силы, укрепления блока НАТО, втягивания в него все новых стран, которым, вероятно, это дает уверенность в своей большей безопасности, но при этом лишает подобной уверенности Россию, порождая взаимное недоверие и новые взаимные страхи.

Казалось, после развала Советского Союза и роспуска Организации Варшавского договора необходимость в НАТО должна была отпасть сама собой. В новой жизни североатлантический блок стал анахронизмом, что отмечал даже Трамп в своих предвыборных речах. Однако анахронизм продолжает жить и укрепляться, и почему-то цивилизованным европейцам не приходит на ум, что вызов всегда порождает адекватный ответ. Спокойнее от этого не будет никому.

В последнее время в странах старой Европы растет понимание, что невозможно долго жить в условиях навязываемой миру США конфронтации — военной, экономической, идеологической. Экономические санкции против России негативно сказываются не только на ней, но и на европейских странах. По заключению Института мировой экономики, опубликованному в декабре 2017 года, Германия от собственных санк-

ций ежемесячно теряет 618 млн евро. Вполне определенно о необходимости их отмены высказались некоторые премьер-министры земель Германии. Министр иностранных дел Зигмар Габриель, отвечая противникам «Северного потока–2», подчеркнул, что это внутреннее дело Германии.

Подобные настроения стала разделять и федеральный канцлер Ангела Меркель, высказавшая на Всемирном экономическом форуме в Давосе несколько важных мыслей. «Мы считаем, что следует сотрудничать, что протекционизм — неверный путь. Спорные вопросы нужно решать с учетом мнения разных сторон, а не в одностороннем порядке». Но, пожалуй, главным ее политическим посылом было заявление: «Мы должны взять свою судьбу в собственные руки».

«Мы» — это, надо думать, Германия и другие страны Европы. В некоторых из них также говорят о необходимости прекращения конфронтационной санкционной политики. Это обсуждают и в бельгийском парламенте, и в палате лордов Великобритании. Вполне

определенно на данную тему высказываются президент Чехии Милош Земан, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан, премьер-министр Бельгии Шарль Мишель. Как представители стран Европейского союза, они связаны корпоративными правилами поведения, но вполне отдают себе отчет в абсурдности навязываемой США миру политики американского доминирования, основанной на военном принуждении.

Контуры будущего, обозначенные в американской ядерной стратегии, предусматривающей применение атомного оружия в условиях обычного военного конфликта, как и назначение на роль врагов США России, Китая, Ирана и КНДР, не должны устраивать мировую общественность. Это апокалиптические контуры. Будущее всей планеты не может определять одна страна. Настало время, когда все народы мира и их правительства должны осознать свою меру ответственности перед будущим и вслед за госпожой Меркель решительно заявить о своем желании «взять свою судьбу в собственные руки».

Ж. Т. Тошенко¹

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В СМЫСЛАХ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Будущее не может существовать само по себе. Оно представляет ценность тогда, когда опирается на опыт прошлого и питается кровью и плотью настоящего. Это касается всех без исключения процессов, происходящих в мире и каждом обществе. Это относится и к такому феномену, как культура, олицетворяющему степень и уровень взаимодействия человечества не только с природой, но и между самими людьми.

Если проанализировать содержание всех (особенно выдающихся) творений мировой и отечественной культуры, то можно прийти к выводу, что они отражают глубинные процессы, происходящие в сознании, ценностных ориентациях, в принципах–целях жизни. И эти сущностные начала культуры, ее концентрированное содержание, на наш взгляд, находят отражение в таком реальном явлении, которое можно назвать смыслом жизни. Именно смысл жизни воплощает в себе то, что возвышает человека, показывает степень овладения им достижениями человечества, позволяет проявить и продемонстрировать миру и окружающей среде включенность и готовность людей к решению волнующих их проблем.

¹ Председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 660 публикаций, 22 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества», «Социология жизни» и др. Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова и РГГУ. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского.

Смысл жизни как особая форма ценностных ориентаций, являющихся выражением разнообразных видов культуры, приобрел актуальность в связи с решением насущных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных проблем. Его востребованность стала особенно актуальной в связи с происходящими глубокими сдвигами в социокультурной жизни мира и каждого общества. Но его значение и роль можно понять только с позиций осмысления органического единства прошлого, настоящего и будущего в жизнедеятельности и особенно того слоя общества, который мы называем интеллигенцией. Будущее культуры и ее носителя — интеллигенции — мы можем понять только в том случае, если будем рассматривать его в контексте достижений прошлого и поисков путей решения проблем в настоящем времени.

В данном случае мы анализируем смыслы жизни российской интеллигенции, что предполагает выявление как основополагающих, так и специфических характеристик, присущих только этому социальному слою при учете особенностей различных ее групп.

Прежде всего обратим внимание на особенный, специфический подход к анализу смыслов жизни, которые присущи интеллигенции. Подчеркнем, что *теоретико-методологической основой их анализа являются модусы времени — прошедшее, настоящее, будущее*. Именно в этом ракурсе рассмотрим смыслы жизни различных групп/общностей интеллигенции, уточнив при этом: когда мы говорим о *прошлом*, то имеем в виду *значение*, при котором огромную роль играет *память*. При анализе *настоящего* смыслы жизни отражают *ценности, ценностные ориентации*, когда люди оперируют *суждениями*. При рассмотрении *будущего* важ-

но увидеть *цели (общественные и личные)*, которыми руководствуется интеллигенция, прибегая к такому инструменту прогнозного мышления, как *воображение*.

Именно в сочетании различных смыслов, связанных с *прошлым, настоящим и будущим*, можно предложить следующую классификацию современной российской интеллигенции. Оговоримся, что мы оставляем в стороне суждения о различии между понятиями «интеллигенция» и «интеллектуалы», считая, что в реальной жизни люди по-прежнему оперируют понятием «интеллигенция», относя к нему лиц с высшим образованием и/или занятых преимущественно умственным трудом. Правда, есть и такая точка зрения, согласно которой ключевую роль в преобразованиях, осуществленных в жизни общества как в 1980-е, так и в 1990-е годы, сыграл тот слой, который нужно назвать полуинтеллигенцией, ее основными чертами являлись и *являются имитация интеллигентности, интеллектуальная бездеятельность и пассивность, конформизм, «полное неумение самостоятельно мыслить на общественные темы»* (курсив авт. — Ю. О.)¹.

Так что же на самом деле происходит в среде интеллигенции? Приближает ли она будущее? Какие позиции занимает в сфере культуры? Отлична ли она в своем мировоззрении от окружающего ее населения? Каких смыслов она придерживается, что позволяет не по отдельным параметрам, а целостно оценить ее жизненный мир?

Реалисты-рационализаторы

Эта группа, по данным социологических исследований, является преобладающей по численности, но не самой влиятельной в определении судеб современного российского общества. *Смысл ее жизни состоит в том, что она строит личные планы и планы общества, опираясь на позитивные оценки прошлого, на признании необходимости использовать его достижения, отвергая попытки не учитывать традиции, сложившиеся ранее оценки прошлого, с позиций которого рассматривается настоящее и прогнозируется будущее*. При оценке прошлого представители этой группы считают историю России и советского времени этапами поступательного развития, хотя не без издержек, поражений и провалов. Для них значимыми и определяющими событиями в позитивном смысле являются действия известных политических деятелей России, с именами которых связаны ключевые события в истории нашей страны: креститель Руси Владимир, Иван Грозный, Петр I, Александр I, Ленин, Сталин. В то же время они занимают критическую позицию, в рамках которой нелицеприятно анализируют многие действия и акции названных лиц. В отношении настоящего они, оценивая позитивные сдвиги в реализации таких прав, как свобода передвижения и выражения своего мнения, сопоставляют его с предшествующим этапом, причем не в пользу сложившейся реальности. Как и 60–65 % населения, они сожалеют о распаде СССР, хотя понимают, что возврата к прошлому не будет. Но они не могут закрыть глаза на то, что более

¹ Олещук Ю. Полуинтеллигенция // Свободная мысль. 2002. № 10. С. 27–28.

четверти века, с начала 1990-х годов, Россия не только не продвинулась вперед, но по многим параметрам не достигла тех показателей, которые были в РСФСР в 1990 году. Особенно их тревожит (и с чем они не могут смириться) огромное социальное неравенство, замораживание социальных лифтов, ущербные преобразования в сфере образования, здравоохранения и культуры. Одновременно они настроены в основном позитивно, видят выход и исповедуют различные формы модернизации России, хотя их представления о вариантах ее воплощения в жизнь серьезно разнятся. Их ориентация на сдвиги и принципиальные изменения базируется на принципах учета достижений прошлого и приемлемых методов достижения и реализации новых потребностей времени. Однако они составляют хотя и значительные слои, но в большинстве случаев занимающие пассивную и выжидательную позицию, надеются на то, что возобладает здравый смысл, который обеспечит поступательное эволюционное изменение общества².

Что касается будущего, только треть из реалистов-рационализаторов (36,5 %), согласно всероссийскому исследованию «Как живешь, интеллигенция?» (1350 человек, 2016 г., *Российский государственный гуманитарный университет*), ориентируется на «возвращение России статуса великой державы» (при 47,2 % населения, поддерживающего такое мнение), что позволяет утверждать, что интеллигенция более отчетливо понимает и более точно оценивает ее современное положение в мире. Поэтому в этой группе интеллигенции преобладает ориентация на то, чтобы в государстве «соблюдались справедливость, равные права для всех» (61,5 %), «на обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций» (48,8 %). Иначе говоря, *эта общность интеллигенции в большей мере сосредоточена на решении внутренних проблем страны, на необходимости уделить внимание прежде всего социальным проблемам*. При этом эти группы людей отчетливо и позитивно настроены по отношению к использованию опыта развития других государств и народов, но в тесной связи с национальной спецификой.

Характеризуя эту группу, стоит подчеркнуть ее особенную черту: критикуя те или иные положения в современном обществе, отвергая ряд официальных актов и осуществляемые преобразования, ее представители не ограничивают свои рассуждения и действия только их отрицанием — они предлагают конструктивные решения, озабочены тем, как осуществлять изменения, нацелены на постоянное улучшение и совершенствование сложившейся ситуации. Все это позволяет сделать вывод, что созидательные устремления данной части интеллигенции значительны, но далеко не всегда используются теми, кто принимает управленческие решения.

² Подробнее см.: Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции: общее и особенное. М.: РГГУ, 2015; Луков В. А. Миссия интеллигенции в современном российском обществе. URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/society/articles/Lukov_Val/; Шевченко В. Н. Интеллигенция и общественность в российском обществе: история и современность // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV, № 3–4 (13–14). С. 107–128.

Социальные группы, исповедующие нарциссизм

Эти группы в основном представлены либералами, нео- и радикал-либералами. Основными их характеристиками являются своеобразные черты жизнеустройства, которые слабо или совсем не коррелируют с существующей реальностью. Получается своеобразный замкнутый искусственно сконструированный мир.

Прошлого они не хотят знать, игнорируют его опыт и уроки. В отношении прошлого (советского периода) занимают резко отрицательную позицию, а по отношению ко всему историческому прошлому — если не отвергающую, то явно скептическую.

Что касается Советской России, то все ее акции — индустриализация, коллективизация, реформы 1960–1980-х годов — подвергаются однозначной негативной оценке как бессмысленные, порочные. Именно эта группа интеллигенции в годы горбачевской перестройки инициировала критику Сталина с позиций Ленина, потом Ленина — с позиций Маркса, затем всего того, что относилось к марксизму и социализму (коммунизму), для окончательного и бесповоротного провозглашения либеральных ценностей и установок¹. Показателен и такой факт: по рекомендации Е. Гайдар пригласил для консультации известного социолога Кастельса, в чьих трудах проецировалось будущее. При обсуждении вопроса, как осуществлять назревшие реформы и что надо обязательно учесть, Кастельс посоветовал на первых порах сочетать советский опыт в виде Госплана и Госснаба с постепенным внедрением рыночных отношений, на что Гайдар ответил: надо ломать все бесповоротно и окончательно, ничего не откладывая и не заигрывая с дискредитировавшим себя прошлым.

В последнее время нападки либералов на прошлое нашли наглядное выражение в обсуждении роли Сталина и его наследия. Для них он имеет однозначную оценку: это исчадие ада². Их возмущает тот факт, что значительное количество людей все же дают позитивную оценку его деятельности, признавая в то же время и его преступления, особенно в годы репрессий. Для оценки этой ситуации я хочу привести следующие слова: «Все люди, несмотря на прежний ужас и отвращение к его преступлениям, теперь признают за ним его власть, название, которое он себе дал, и его идеал величия и славы, который кажется всем чем-то прекрасным и разумным». Это Л. Н. Толстой написал о Наполеоне, когда Францией правил его племянник и бонапартизм преподносился там как нечто сакральное. Сегодня наполеоновская спальня в Доме инвалидов — лишь одна из бесчисленных парижских достопримечательностей. Наполеона там не «выносили из Мавзолея». Впрочем, как и Мао Цзэдуна не выселяли с площади Тяньаньмэнь. Просто времена изменились и стали частью прошлого. Но либералов такой подход не устраивает. Исходя из их мнения, в минувшей истории наши предшественники действовали как двоечники, ничего не понимали, ничего не знали, постоянно ошибались

и творили, ничего не понимая или умышленно искажая все и вся.

В отношении к настоящему они видят смысл в продолжении попыток реализовать то, что созрело только в их представлении о должном. Но эти представления и сотворенные действия никак не отражали объективные общественные потребности, не отвечали на зов истории. И они не хотят признать, что получилось с их «блистательными планами». Об этом много написано. Приведу только одну из оценок: «Гайдар, начиная реформы, прогнозировал краткий спад производства, небольшой подъем цен — от 70 до 200 %, а потом — быстрое выправление положения и последующий экономический прогресс. А что вышло? Чудовищный провал во всем, в чем только можно было провалиться. Рост цен вместо обозначенных параметров в тысячи раз! Крах производства. Чудовищная безработица, ни Первая, ни Вторая мировая война не ввергли Россию в такой кризис, как эти реформы!»³

В настоящее время эти новоявленные нарциссы предлагают определенную модификацию того, губительность и ущербность чего стали очевидны для большинства населения России. Они отвергают всякие попытки подвергнуть критике идеи монетаризма, чему служит стремление навязать свое видение происходящих процессов в мире и нашей стране.

Что касается будущего, то либералы видят в нем только себя, свои идеи и свое видение положения и развития страны. Показательна в этом смысле деятельность Центра стратегических разработок (руководитель А. Кудрин). Не анализируя все теоретические постулаты этого центра (они могут быть достоянием и предметом обсуждения на научных мероприятиях), обратим внимание на их практическое воплощение. Согласно их прогнозам, экономика России будет расти до 2030 года на 1,7 % ежегодно. Что это значит, если прогноз Всемирного банка утверждает, что вся мировая экономика будет расти на 3,5–4 % в год? Какое место займет Россия к этому году? Так, может быть, стоит ориентироваться на принципиально иную концепцию? Ведь история России знает примеры, когда принимались решения, коренным образом меняющие политику государства. Именно таким кардинальным поворотом было решение Ленина, провозгласившего новую экономическую политику, заменившую изжившую себя и бесперспективную политику «военного коммунизма». Но чтобы так поступить, надо иметь и проявить политическую волю, дабы бесповоротно повернуть развитие всей страны.

В такой ситуации — отрицать прошлое, фантазировать в настоящем и не заботиться о будущем — современные нарциссы предпочитают искать рецепты решения всех без исключения проблем в опыте зарубежных стран. Именно там, по их убеждению, знают о правильных путях развития России, что в первой половине 1990-х годов проявилось в наплыве огромного количества иностранных советников и консультантов, заполнивших все основные центры управления страной.

Хотя этот слой представляет относительно меньшинство среди всей интеллигенции — примерно 18–

¹ Хинштейн А. Конец Атлантиды М., 2018.

² См., например: Баймухаметов С. Смейся, палач // Новая газета. 2018. 5 марта.

³ Олейчук Ю. Указ. соч. С. 32.

20 %¹, его представители, в отличие от пассивного поведения реалистов, рационализаторов, являются активной, амбициозной группой, которая подразделяется на несколько разных групп — от безапелляционных сторонников «свободного» рынка (желательно без всяких ограничений) до ориентирующихся на компромисс с государством. Но все они олицетворяют мобильные, наступательные и нередко агрессивные общности, настойчиво пропагандирующие свое понимание смысла жизни, стремящиеся навязать и реализовать свои убеждения в практике работы различных органов управления.

Этнонационалисты

Эта группа, которая имеет тенденцию к своему росту, видит направленность своих действий в максимальной опоре на *абсолютизацию достигнутых и апробированных методов в прошлом, исторический опыт России*, а не на сбор рецептов (даже положительных и позитивных) других успешных стран. Но эта группа, в свою очередь, состоит из нескольких подгрупп, серьезно отличающихся друг от друга.

Одна из этих подгрупп состоит из монархистов, которые убеждены, что объединить россиян может только царствующее лицо, которому «свыше» дано видение творить историю. Поэтому и прошлое, и желаемое настоящее, и будущее они видят в свете статус-кво, фактически не признавая никаких принципиальных изменений в стремительно текущем времени. Их численность невелика (по опросам общественного мнения, их доля не превышает 1 %), но они мобильны, упрямы и настойчивы в своем стремлении доказать правомочность своих убеждений. И это — убежденность не только маргинальных групп. Подобные идеи поддерживают и разделяют такие известные лица, как кинорежиссер Н. Михалков, выступивший сначала с идеей поддержки монархии, а затем с «Манифестом просвещенного консерватизма», поддержанного руководством «Единой России»². Другая из этих подгрупп — это в известной степени наследники славянофильства — сосредоточена на доказательстве превосходства, уникальности и особости российского развития. Под этим флагом «роятся» различные группы националистов, от оголтелых сторонников признания «Россия — для русских» (по социологическим данным, их численность не превышает 3–5 %) до различного рода последователей превосходства русской нации по сравнению с другими народами³. Третья подгруппа представлена бескомпромиссными сторонниками коммунистической идеи, которая, доведенная до абсурда, выступает скорее инструментом ее дискредитации, чем пропаганды и убеждения в ее гуманистической ценности. Это особенно наглядно проявляется в отношении населения к кандидатуре М. Сурайкина, лидера партии «Коммунисты России», кандидата в президенты Рос-

сии, который выражает позицию крайне консервативных ее представителей (ее поддерживают доли процентов избирателей)⁴.

Объединяющим моментом для всех этих разнообразных групп является спекуляция на идеях патриотизма — святая святых для многих россиян, что позволяет вводить в заблуждение часть населения и деформировать его сознание и поведение, ориентируя на достижение заведомо ущербных целей.

Конъюнктурщики и фарисеи

На наш взгляд, *особый интерес представляет такая группа интеллигенции, представителей которой условно можно назвать конъюнктурщиками и фарисеями*. Эта группа в советское время стремилась попасть в члены КПСС не потому, что они верили в идеи социализма и коммунизма, а потому что это давало возможность продвигаться по служебной лестнице, получить руководящую должность, быть членом какой-нибудь номенклатуры — районной, областной или общесоюзной. Именно эта группа, по их мнению, не добившаяся удовлетворяющих их «вершин», с легкостью ринулась в ряды «прорабов перестройки», что в самом деле принесло части из них и должности, и доходы и даже паблисити («славу»). По нашему мнению, именно эта группа сыграла немалую роль в развале Советского Союза и переводе России на путь капиталистического развития. Именно эта группа в зависимости от ситуации в условиях постсоветской России стремилась попасть во власть или по крайней мере прислониться к ней. Свержение прежних идеалов и целей позволило таким людям, как Чубайс, реализовать свою «мечту» (это он, будучи учеником 7-го класса, записал в своем дневнике, что обязательно будет работать в Кремле). Но вершин конъюнктурщины достигли многие деятели, которые были членами КПСС, а затем благополучно перешли в «Демократический выбор» Е. Гайдара, затем в «Наш дом — Россия» В. Черномырдина, потом в «Отчество» Ю. Лужкова и, наконец, приземлились в «Единой России». Правда, некоторые отвлеклись на промежуточные рубежи, такие как Аграрная партия, Социал-демократическая партия, Партия труда и другие, пока те претендовали и имели шансы быть политической силой, с которой считались бы на политическом небосклоне. На наш взгляд, такие зигзаги немалой части «передовой» интеллигенции не могли остаться незамеченными общественным сознанием, что нашло отражение в достаточно низкой оценке роли и влияния интеллигенции на жизнь российского общества.

Очевидно, что *для этой группы интеллигенции и прошлое, и настоящее, и будущее предстают как некий кентавристический набор оценок, мнений, отношений*, который по большому счету не обладает никакой логикой, кроме одной — быть у власти, что дает возможность иметь капитал и — желательно — публичное признание или, по крайней мере, постоянное присутствие «в ящике»⁵. Этот сумбур данная часть ин-

¹ Жизненный мир Россиян: 25 лет спустя. М. : ЦСПИМ, 2016. С. 357.

² Михалков Н. Право режиссера сказать правду // Известия. 2010. 28 сент.

³ Иванов А. «Россия для русских»: pro et contra // Трибуна русской мысли : религиозно-философский и научно-публицистический журнал. 2007. № 7. Сент. С. 92.

⁴ Капитонов Я. «Коммунисты России» готовятся нанести «сталинские удары» // Коммерсантъ. 2016. 18 апр.

⁵ Подробнее см.: Тоценко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : ЦСПИМ, 2015 ; Он же. Социология жизни. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.

телигенции пытается выдать за реальное выражение потребностей общественного развития и очень удивляется, почему их понимание реальности не встречается поддержки у населения. Иначе говоря, мы наблюдаем уже не раз встречавшуюся в истории ситуацию, когда допущенные к власти удивляются: мы заботимся о благе народа, а они, неблагодарные, этого не понимают. И соответственно в адрес населения начинают сыпаться обвинения вроде «несознательные», «ограниченные», «отсталые», «стадо» и даже «быдло».

К этой подгруппе примыкают такие персонажи, как Доренко и Невзоров, — их справедливо отнести к «информационным киллерам», смысл жизни которых сводится к тому, чтобы их «зигзаги» и «поиски» хорошо оплачивались независимо от источника и чтобы они одновременно обеспечивали их популярность. Так, амбивалентность А. Невзорова блестяще характеризует его социальную позицию. Начав со знаменитой телепередачи «600 секунд», завоевав славу, он блуждал по самым невероятным траекториям: наперсник демократической власти, друг рижского ОМОНа, любимец Б. Березовского, депутат Госдумы, защитник свободы и демократии, а затем их гонитель, монархист, защитник КГБ. А теперь появилось стремление демонстрировать парадоксальность (или псевдопарадоксальность) своего поведения. А что будет завтра? Или это неизбежное желание быть на виду, греться в лучах если не славы, то всеобщего внимания? И это интеллигент и в этом смысл его жизни?¹

Но все эти подгруппы объединяет одно — неизбежное желание постоянно переписывать партитуру своей жизни.

Несколько слов о смыслах жизни других групп интеллигенции

Заметное влияние на общественную, политическую и культурную жизнь оказывают группы *ксенофобов* в этническом и конфессиональном обличье. Они занимают крайне реакционные позиции, ибо направлены не только на игнорирование, но и на унижение, преследование других людей, относящихся к другим нациям и народностям, к другим формам и видам вероисповедания. Этому во многом способствовал уход с исторической арены Советского Союза, когда этнонациональная интеллигенция, вернее ее наиболее амбициозные представители, для обоснования свалившейся на них независимости и оправдания своих претензий на государственную власть взяли на вооружение некоторые исторические факты, отдельные явления национальной культуры с целью их противопоставления другим нациям и культурам, главным образом русской, что нашло отражение в авторской монографии «Этнокрафия: история и современность» (2003). Не менее опасны оказались и религиозные амбиции отдельных слоев национальной интеллигенции, которые создали во многих регионах страны и мира огромные зоны напряженности, причем не только между мировыми религиями — христианством и исламом, но и внутри этих религий — между шиитами и суннитами, меж-

ду католиками и православными и даже внутри православия, о чем автор написал в монографии «Теократия: миф или реальность» (2007).

При анализе интеллигенции иногда упоминают такую группу, как коллаборационисты и предатели, перебежчики, «кроты». Сомнительно этих людей относить к интеллигенции, ибо путь предательства, избранный ими, не позволяет соотносить их с коренной, исходной ипостасью интеллигенции — быть патриотом своей Родины. Как образно выразился Никсон после встречи с первым министром иностранных дел России Козыревым, недоумевая по поводу его угоднического поведения: «Когда я был вице-президентом, а затем президентом, я хотел, чтобы все знали, что я “американский сукин сын” и во имя американских интересов буду драться за них изо всех сил»². Применительно к этой группе ни о каких национальных интересах у них не может быть и речи: они предпочли быть «сукиными сынами» другой страны.

В заключение хотелось бы отметить, что противоречивость и даже противоположность смыслов жизни российской интеллигенции привели к тому, что мы не можем не сказать о ее изменившейся роли и ее оценке в современной России как населением, так и самой интеллигенцией, что является отражением потери и/или деформации смыслов жизни многих ее представителей (см. табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете роль интеллигенции в современной России?» (в % к числу опрошенных)

Вариант	Население (2014)	Интеллигенция (самооценка) (2016)
Роль интеллигенции значительна	9,7	15,1
Она имеет среднее влияние на жизнь общества	21,9	25,2
Она играет незначительную роль	23,7	26,7
Практически не играет никакой роли	19,7	16,1
Затрудняюсь оценить	25,0	16,9

Источники: Жизненный мир россиян: 25 лет спустя. М., 2016. С. 367; Данные всероссийского исследования «Как живешь, интеллигенция?» (1350 респондентов, РГГУ, 2016 г.).

Очевидно, что оценка роли интеллигенции и ее влияния на общество — весьма скептическая, а для каждого четвертого россиянина (25 %) она вообще неопределенна. Преобладают оценки негативного или сдержанного характера, хотя сама интеллигенция склонна считать себя более влиятельной группой по сравнению с тем, что думает о ней население. Особенно это проявляется при суждении о значительности влияния интеллигенции. С оптимистической оценкой роли интеллигенции согласился только каждый десятый россиянин (9,7 %), хотя интеллигенция мнит о себе гораздо выше — каждый шестой-седьмой (15,1 %). Но положительные оценки в конечном счете мизерны, незначительны, так как они опровергают

¹ Тароцина С. 30 лет за 600 секунд // Новая газета. 2018. 7 февр.

² Примаков Е. Разворот над Атлантикой // Международная жизнь. 2002. № 9. С. 10.

мнение, что интеллигенция может существенно повлиять на жизнь общества и государства.

Таким образом, российская интеллигенция представляет собой пестрое полотно отношения к про-

шлому, настоящему и будущему у различных ее групп и слоев, смысл жизни которых невозможно представить как некое единство, что все же было в определенной степени присуще русской и советской интеллигенции.

В. Т. Третьяков¹

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО: ВЫРОЖДЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ?

Если всерьез отнестись к теме Лихачевских чтений этого года — «Контуры будущего в контексте мирового культурного развития», то станет ясно, что речь идет о прогнозе.

Замечу для тех, кто не слишком внимательно следит за «сбываемостью» прогнозов, которые массово делались в последние годы и даже десятилетия, что в области политики, общественного и культурного развития ни один позитивный прогноз не подтвердился. Причем это относится не только к очень оптимистическим прогнозам, но даже и к умеренно оптимистическим. И в первую очередь к прогнозам, касающимся самого Запада, который более всего был склонен такие прогнозы давать применительно к самому себе.

А вот тревожные, негативные и даже алармистские прогнозы сбываются регулярно и массово.

Это, кстати, относится и к прогнозам, которые в России давали те, кого теперь в обиходе называют «либералами», хотя по сути они таковыми никогда не были, то есть к прогнозам наших западников, а точнее — прозападников.

А прогнозы российских консерваторов (называйте их хоть ретроgrадами, хоть реакционерами) почти все, увы, сбылись. К последним, то есть к российским консерваторам (не буду расшифровывать это понятие), отношусь и я. Смею утверждать, что мои прогнозы 15-летней давности (например, относительно ситуации в Евросоюзе и его судьбы) сбываются. И это касается не только прогнозов о ЕС.

Поэтому я с уверенностью (по крайней мере личной) могу заявить, что большинство из уже прозвучавших оптимистических прогнозов и тех, что еще прозвучат, никогда не сбудутся.

А что сбудется? Увы, совсем не то, что и мне хотелось бы видеть в будущем. Намечу основные «контуры будущего» в контексте мирового культурного развития, какими они мне представляются.

Первое: массовая культура продолжит свою экспансию, уже перешедшую все разумные, этические и эстетические границы, и окончательно загонит настоящее искусство и высокую культуру в музейные и консерваторские гетто. Массовый человек ближайшего будущего окончательно превратится в масскультно манипулируемую безличностную «личность».

Второе: в самой массовой культуре окончательно возобладает масскультовый тоталитаризм агрессивных меньшинств разного толка, живущих и действующих по законам сект.

Третье: массовое среднее и высшее образование окончательно деградирует до того уровня, который даже в XIX веке, не говоря уже о второй половине XX века, считался невежеством.

Четвертое: очевидно желание некоторых маргинальных сектантских групп полностью изменить естественные (традиционные) отношения между полами и воспитывать новые поколения в этом духе. Пока это желание более чем успешно и все более масштабно реализуется.

Пятое: радикально поменяется традиционная (классическая) общепринятая эстетика. Безобразное приравняется к прекрасному и даже будет поставлено выше прекрасного. С другой стороны, прекрасное будет низведено до красивого, а красивое — до гламурного.

Шестое: аналогичные изменения произойдут (уже происходит) в сфере морали. Грань между добром и злом будет окончательно размыта, грех и даже многие преступления будут уравнены с добродетелью.

Седьмое: так называемый креативный класс (бывшая интеллигенция) окончательно превратится в обслугу правящего класса.

Восьмое: европейская цивилизация за пределами России как исторический феномен перестанет существовать.

Девятое: традиционные религии (опять же за пределами России) распадутся на множество религиозных группировок и сект и фактически перестанут существовать как главные институты поддержания традиционных христианских моральных норм.

Десятое: отдельный вопрос — грядущее и усиленно многими подгоняемое и пропагандируемое массовое производство биороботов. По моему мнению, их основное предназначение, если исходить из нынешних общественных и политических тенденций, доминирующих на Западе, будет состоять в следующем: биороботы составят класс надсмотрщиков над населением. Правящий класс вообще перестанет общаться с так на-

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать? Философские беседы» (телеканал «Культура»). Автор более 2500 публикаций, научно-публицистических статей и учебных изданий, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики», «Что делать?», «Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал», «Конфликт с Западом. Уроки и последствия», «Как стать знаменитым на телевидении: теория телевидения для всех, кто хочет на нем работать» и др. Лауреат премии «Золотое перо» Союза журналистов России, премии ТЭФИ, национальной премии «Телегранд», кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

зываемыми простыми людьми, передоверив эту функцию биороботам.

Все это вместе можно назвать цивилизационным и духовным вырождением или (если кому-либо все это представляется неизбежным и даже привлекательным) духовным и цивилизационным перерождением.

Такими мне видятся «контуры будущего». Таков диагноз, поставленный мною на основе вышеописан-

ного прогноза. Если быть исторически справедливым, он совпадает с описанным во многих антиутопиях, созданных в XX веке как на Западе, так и в России.

Следующей частью наших рассуждений, если мы согласимся с вышеописанным прогнозом, должен стать разговор о том, возможно ли этому противостоять, стоит ли, должно ли и как этому противостоять. Но это уже другой, новый уровень дискуссии.

В. Е. Триодин¹

ВЗРАЩЕНИЕ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРЫ

Понимание культуры как совокупной человеческой практики («надбиологическая природа человека», по В. С. Степину) требует еще раз вернуться к осмыслению природы человека, ибо священо не общество, не государство, не нация, а человек (Н. А. Бердяев).

Разумность — определяющая характеристика гомо сапиенса. Вместительность разума — человеческий мозг. Количество нейронов в головном мозге человека — порядка 100 млрд. Столько же звезд в Галактике. С достаточной степенью уверенности можно сказать, что человек космоподобен, что он сам микровселенная. Скорее всего, существует своего рода коридор, через который человек на бессознательном уровне поддерживает свою связь с космосом. Редкий художник, поэт, композитор не говорит об этих связях.

Бытие планеты амбивалентно: разрушение—созидание, день—ночь, тепло—холод, прилив—отлив. И человек — носитель диалектического единства противоположностей. Порок свойствен ему так же, как и добродетель. Святость и грех связаны в человеке одной цепью. Он и «мысленный волк» (Иоанн Златоуст), и апостол мысли. Н. А. Бердяев в «Самопознании» фиксирует в себе полярность, двойственность как родовую черту человеческой природы. Свой трагический опыт раздвоенной жизни, разрушительные метания между правдой и официозом, совестью и страхом «ленинградская Мадонна» О. Берггольц зафиксировала, с одной стороны, в «Дневнике», с другой стороны, в стихах. Иисус Христос тоже амбивалентен. Он — Богочеловек, нераздельно-неслиянное соединение Божественного и человеческого. Амбивалентно и государство. По Конституции, человек и его интересы превыше всего. По жизни сплошь и рядом предпочтение отдается чиновникам, топ-менеджерам, бизнес-баронам.

¹ Профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогика клубной работы», «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Социально-культурная деятельность в эпоху нового Великого перелома», «Социально-культурная деятельность государства и гражданского общества», «От анатомии библиотек к анатомии общества», «Сага о времени и о З. В. Чаловой. Опыт биографии», «Эволюционный держите шаг» и др. Почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга.

Амбивалентность человека проецируется и на культуру. Культура отражает две стороны человеческой деятельности: позитивную и негативную. Добро и зло постоянно меняются местами. Д. С. Лихачев в «Декларации прав культуры» выделяет подлинную культуру и псевдокультуру. А. Я. Флиер исследует «некультурные функции культуры» и реверс (оборотную сторону) культуры: каннибализм, коррупцию, насильственное лишение жизни.

М. Б. Пиотровский постоянно пресекает попытки представить культуру как услугу. Услуга — это господство сытой плоти. Она порождает особый тип человека — «культурного лакея», «ученого-приказчика» (В. И. Ленин), потребителя, сервисника человека, особую культурную политику — клиентоориентированность. Услуга изменяет даже самую специфику учреждения культуры, превращая его в торгово-развлекательный комплекс. Народ подпитывается торгово-развлекательными ценностями.

В преддверии Дня российской печати (13 января 2018 г.) В. В. Путин встретился с главными редакторами СМИ. Неожиданную просьбу высказал главный редактор журнала «Огонек» Сергей Агафонов — разрешить рекламу алкоголя, особенно во время спортивных мероприятий: «Это святое дело. Это часть культуры».

«Это не культура, а в лучшем случае субкультура», — поспорил президент. Ранее он говорил, что общество все чаще сталкивается с культурной нищетой, «фастфудом от культуры».

Если согласиться со сложившейся точкой зрения, что культура — продукт человеческой деятельности, то и водка, и услуги — конечно, часть культуры. Если, как говорит президент, водка «не культура», то надо пересмотреть само понятие культуры. В. В. Путин, М. Б. Пиотровский говорят о том истинном типе культуры, который возвышает и облагораживает человека. Такая культура и станет той точкой опоры, которая позволит перевернуть мир к лучшему. По этой возвышенной культуре и звонит сегодня колокол. Она давно уже ждет свою культурную революцию и точного определения. К примеру, социалистическую (коммунистическую) культуру былых времен ни с какой другой культурой не перепутаешь, как и культурно-просветительную работу. А что такое забытое ныне культурное просвещение? Гоголь писал, что просветить не значит научить, или наставить, или даже осветить, но всего

насквозь высветить человека во всех его силах, не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь.

На исходе декабря 2017 года В. В. Путин предложил разработать новый закон о культуре и отразить в нем специфику сферы культуры.

Культура генетически не передается. Ее возвращают. По Марксу, «люди не только физически, но и духовно творят друг друга». Осознанное «духовное творение» требует четкого понимания модели устройства.

Турбулентные события 1991 года («геополитическая катастрофа», по В. Путину) породили пока еще не зажившую рану, «общество травмы» (Ж. Тоценко). Травмированность выражается в неопределенности, сумятице общественной мысли, нравственном безвременье. Общество оседлало велосипед с социалистическим рулем и капиталистическими педалями.

Но даже если очертания Вавилонской башни будут определены и всеми приняты, остаются открытыми вопросы методики, технологии строительства. Педагогика не выдерживает испытания жизнью. Среда оказывается сильнее и значительнее воспитания. И не потому, что человек стал хуже или лучше. Он стал сложнее. Он так и не стал послушным пластилином в руках творцов нового социального рая. Ему ничего не стоит без особого труда сбросить с себя социально-культурное покрывало. Конечно, остаются маяки культуры («Сириус» в Сочи, «Сколково» в Подмосковье), но в целом «сумерки просвещения» (В. Розанов) навалились на культурно-образовательные учреждения. Самовластие преподавателей школы граничит с «профессиональным идиотизмом» (К. Маркс). Один учитель написал фломастером на лбу ученика «дурак», другой ножницами на уроке обрезал локоны школьнице. Но и ученики не остаются в долгу: врываются в класс с оружием, стреляют в ненавистного учителя, устраивают поножовщину. Буллинг (запугивание), избивание как развлечение становятся нормой школьной жизни.

Серьезную опасность для общества представляют агрессивные субкультуры. Среди них скинхеды — «социальные санитары» — с позорным для многонационального государства лозунгом «Россия — для русских». Они «очищают» страну от «иногородцев». Набирает обороты молодежное криминализованное движение АУЕ (арестантско-уголовное единство). Его участники позиционируют себя как «братство», выстраивают жизнь по воровскому кодексу, вымогают деньги на «общак». Российские «колумбайнеры» (по американской школе «Колумбайн», в которой учащийся расстрелял своих сверстников) устраивают кровавые бои в учебных заведениях. «Синие киты» зомбируют сверстников, доводят их до суицида («эффект Вертера»). В схватках баттлов победителем считается тот, кто больше оскорбит и унижит противника. Драки на телеканалах стали знаком качества, фактором повышения рейтинга. То, что раньше считалось табу, становится нормой. Стриптизация захлестнула информационное поле.

Неокультуренные чувства требуют новых развлечений. Какую программу ни выстраивай, все получается

«Дом–2». Даже наука стала жертвой моды. Проверка на ДНК превратилась в главную народную забаву.

Емельян Пугачев перед казнью сказал, что Россия расплывается за его окаянства. А теперь Россия расплывается за окаянства СМИ и тех органов, которые их опекают.

Настала пора прощаться с вековыми заблуждениями. Прежде всего с таким видом мироощущения человеческой деятельности, как свобода. Своеобразная черта «лихих» девяностых в том и состояла, что энергию народа раскрепостили, а умельцев управлять ею не нашлось. Общественный организм забеременел катастрофой. Ее эхо слышится и сегодня.

Абсолютная свобода — разновидность произвола, беспредела, вседозволенности, своеволия. Ее носитель опасен для общества. У него надо отбирать спички, ему нельзя доверять водить транспорт и даже убирать мусор. Пьяный воздух свободы хмелит голову. Коренной вопрос свободы — не «От чего?», а «Для чего?». Прыжок из царства необходимости в царство свободы — всего лишь красивая сказка. Человек не может быть свободен от законов природы и общества.

Что же делать? Хорошо известна позиция Л. Н. Толстого о «непротивлении злу насилием». Менее известна работа И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою». И. А. Ильин открыл и обосновал духовный закон: не сопротивляющийся злу поглощается им. Восстание зла можно подавить только силой. Меч воина в этом случае становится огненной молитвой.

Риски научных исследований требуют контроля за этой сферой деятельности ученых. В День науки, 8 февраля, президент В. В. Путин посетил Академгородок. Сибирские ученые рассказали ему, что идет работа по выведению из мышей коровы, дающей безлактозное (лактоза — молочный сахар) молоко. Президент одобрил научный почин ученых, поручил разработать программу геномных исследований. И пошутил: «Главное, чтобы мыши не превратились в крысы». В шутке скрыта озабоченность непредсказуемостью эксперимента. Некоторые научные исследования, например по клонированию человека, запрещены в большинстве стран мира, в том числе и в России. Технологическая революция (цифровизация, искусственный интеллект, робототехника) создает угрозу замены людей машинами. Комментируя сложившуюся ситуацию, В. В. Путин на Всероссийском форуме рабочей молодежи в Нижнем Тагиле напомнил, как в Великобритании на рубеже XIX века луддиты (участники массовых стихийных волнений) крушили машины. Чтобы не допустить уничтожения роботов, надо заранее подумать, как действовать в новой ситуации. К будущему надо идти не стихийно (как сложится), а сознательно прокладывая к нему дорогу. «Если на технику не надеть эстетического намордника, то она перекусает все человечество» (В. Маяковский).

Если во времена И. А. Ильина противоборство сил еще было допустимо, то сегодня и та и другая стороны обзавелись такими адскими средствами поражения, что вновь актуальным становится библейское пророчество: «Взявшие меч мечом погибнут».

Выход из сложившейся ситуации один — растить культурных политиков, способных на мироприемлющий компромисс, умеющих решать вопросы за круглым столом, а не на поле брани. И это каса-

ется не только международных отношений. Сегодня рождается новая эпоха, определяющей чертой которой является способность договариваться на всех уровнях.

Л. А. Фитуни¹

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: НАУКА И КУЛЬТУРА МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВЫМ МИРОПОРЯДКОМ И «ЛЕДЯНОЙ ВОЙНОЙ»²

В этом году русский язык, а вместе с ним и международный лексикон обогатился новым устойчивым словосочетанием «ледяная война». Этим термином стали обозначать состояние, в котором сегодня оказались политические, экономические, культурные и даже спортивные отношения в Европе и значительной части мира в целом. Этот термин ввел в обиход Ивица Дачич, глава МИД Сербии. Как известно, его родина оказалась первой со времен Второй мировой войны страной Европы, мирные жители которой, их дома, больницы, фабрики, мосты и объекты культуры подверглись масштабным авиабомбардировкам. Результат — огромное число человеческих жертв и материальный ущерб, который превратил процветающую страну на Балканах в бедняка, стоящего подле дверей объединенной Европы.

Последовавшее за агрессией установление нового европейского порядка в этой части континента нанесло смертельный удар по памятникам южнославянской культуры, языку и науке в первоочаге сербской государственности и культурной идентичности этого народа.

В свое время Дмитрий Сергеевич Лихачев, изучавший влияние болгарских и сербских письменных текстов на русскую культуру и литературу XIV–XV веков, так называемое второе южнославянское влияние, выделял в качестве его особенностей «выразительность, экспрессию, адекватную словесную передачу сущности изображаемого»³. Слово, писал Д. С. Лихачев,

«было сущностью явлений. Назвать вещи — значило понять их»⁴.

Думаю, что эта характеристика, данная великим русским культурологом, в плане экспрессии и адекватности описания применима и к придуманному главой сербской дипломатии термину «ледяная война». Дачич уверен: «В мире идет уже не холодная война, а ледяная. Уже даже объявляют бойкот чемпионату мира по футболу. От Сербии требуют высказаться по разным вопросам — от инцидентов в Великобритании до торговой войны с Китаем. Очевидно, что ожидается дальнейшее обострение отношений мировых сил и отзывы дипломатов»⁵.

В чем причины перехода от перестроечной и постперестроечной эйфории с ее характерными мечтами о едином европейском доме, где нам обеспечена просторная и комфортная квартира с качественной евроотделкой, к жесткой конфронтации в политической, экономической и социокультурной сферах? Как случилось, что после четверти века рассуждений об отсутствии причин для холодной войны вследствие преодоления глобальных идеологических противоречий между капитализмом и коммунизмом путем отказа нашей страны от идеологии последнего мы оказались там, где находимся сегодня?

Нужно сказать, что между холодной и «ледяной» войнами больше сходства, чем различий. И та и другая — суть война смыслов. В холодной войне противостояние выстраивали на фундаменте идеологии «капитализм–социализм/коммунизм». Она была военным выражением соревнования двух систем. Сегодня нет соревнования систем, нет даже соревнования на уровне национального государства. России в ее нынешнем постсоветском состоянии незачем состязаться с Западом. Ей нужно восстановить свою экономику, численность населения, повысить уровень его жизни, развивать опустошенные бездумными реформами территории и отрасли. Это важнейшие и актуальнейшие задачи ее современного развития. Но самое главное — для того чтобы все это имело исторический смысл, чтобы Россия не исчезла как таковая, она должна сохранить свою культурно-цивилизационную идентичность.

В холодной войне объединенный Запад во главе с США разрушил своего мировоззренческого противника, имевшего собственный глобальный мировоззренческий проект, который претендовал на роль альтернативного культурно-нравственного стержня для части

¹ Заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 280 научных работ, в т. ч.: «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Африка: ресурсные войны XXI века», «Экономика международного терроризма», «Международное движение капитала в условиях глобализации», «Финансовый мониторинг» (учеб. пособие), «Теневой оборот и «бегство капитала»», «Преодолим ли голод? Ключевая проблема развивающихся стран» и др. Член научного совета РАН по проблемам Африки. Главный редактор журнала «Ученые записки Института Африки» и серийного издания «Глобальные и стратегические исследования». Член редколлегии 6 журналов (в т. ч. «Азия и Африка сегодня», «Journal of Financial Crime», «Journal of Money Laundering Control» и др.). Заместитель председателя экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда по глобальным проблемам и международным отношениям. Президент московского Независимого центра документации по вопросам свободы, демократии и законности.

² Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2018 год № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России», подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

³ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958. С. 24.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 23.

⁵ <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5067865>

человечества в войне смыслов¹. Победив, Запад расчленил сформированное его противником альтернативное идейно-культурное и ресурсное пространство, часть которого аннексировал немедленно, а другую часть, освоение которой требовало серьезных дополнительных ресурсов и сил, отсутствовавших на момент окончания холодной войны, отложил на будущее.

Ныне это будущее наступило. «Ледяная война» для сегодняшнего Запада есть не что иное, как «война на добывание» отправленного в нокадаун соперника. Неожиданно упавший сумел встать на ноги, сконцентрироваться и начал последовательно наносить весьма ощутимые ответные удары. Для сохранения реноме обескураженного чемпиона привлечены все силы: запрещенные приемы, нечестное судейство, единый хор оплаченных комментаторов и крикунов на трибунах.

Конечно, сказанное не следует воспринимать буквально: бой на ринге, нокадаун, как и термин «ледяная война», — это метафора. Однако не следует игнорировать смыслодеформирующие возможности последней. С опорой на уже имеющиеся в сознании устойчивые образы человек в метафорических номинациях формирует новые концепты действительности².

Окончание холодной войны ознаменовалось рядом процессов и потрясений, свидетельствующих о происходящих в мировой системе изменениях фундаментального характера. Как известно, войны не просто заканчиваются победой одной из сторон и подписанием мира на условиях победителя³. По итогам мировых войн победители определяют послевоенную модель мира, легитимизируют новый миропорядок через обновленную систему международно-правового регулирования, корректировку национального права побежденного. Они диктуют последнему свои правила игры. Другими словами, они пользуются стратегическими плодами своей победы в войне, включая право на изъятие и потребление ресурсов побежденного.

Определяющими чертами развития мировой системы конца XX — начала XXI века стали системные процессы: интернационализация, глобализация и интеграция. Они трансформируют ее в сторону преодоления внутренних разделительных мембран государственных границ и превращения в идеале (в реальном мире такое все-таки, думается, недостижимо) в интегрированное единое целое — огромную экономическую макроклетку с мощным ядром центра, окруженным протоплазмой культурно и цивилизационно чуждой центру периферии, роль которой — питать ядро, обеспечивать его дальнейшее развитие и рост, а также защищать от неблагоприятных внешних воздействий и способствовать заживлению внутренних патологий⁴.

¹ Доклад А. И. Владимировой «Гибридные войны в общей теории войны» на конференции «Гибридные войны XXI века». Военный университет Министерства обороны РФ, 28 января 2015 г., Москва. С. 2.

² Хоречко У. В. Метафора «войны» в научном историческом дискурсе (на материале «Полного курса лекций по русской истории» С. Ф. Платонова). URL: <https://moluch.ru/archive/31/3526/>

³ Владимиров А. И. Основы общей теории войны : моногр. : в 2 ч. М., 2012. Ч. 1.

⁴ Фитуня Л. Л., Абрамова И. О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 3–15.

С окончанием холодной войны и насаждением монополярной модели миропорядка различные культурно-цивилизационные ареалы мира стали испытывать нарастающее воздействие десоверенизации и других процессов, относящихся к категории глобального управления. Без учета связи между набирающими силу тенденциями к выстраиванию все более стройной пирамиды из элементов международного и/или наднационального управления мирохозяйственными процессами, секторальными правилами игры и дальнейшей культурно-цивилизационной эволюцией глобальная картина будет не только неполной, но и искаженной⁵.

Согласно господствующим на Западе современным теориям международных отношений, такое управление обуславливает (по крайней мере на уровне деклараций) создание организационных форм, в наибольшей степени приближающихся к удовлетворению соответствующих глобальных общественных запросов. Но при этом теория управления предполагает наличие объектов и субъектов управления, а также четкого целеполагания в его процессе. Ведь если нет конкретных целей, задач и не обозначены инструменты достижения того и другого, то и нужды в управлении не возникает. Со времен окончания холодной войны повестку дня глобального управления определяли страны, претендующие на глобальное лидерство по праву победителей в холодной войне и носителей «всего хорошего против всего плохого».

Свод установленных глобальных правил игры неизменно толковался в их пользу. Достигнутые договоренности укрепляли их экономическое, политическое и научно-культурное доминирование в мире. Различные международные антикоррупционные, экологические, антидопинговые, противомышечные, антидемпинговые, санкционные и прочие меры системно используются с высокой степенью избирательности. Например, Международным уголовным судом (МУС) в Гааге за 15 лет его существования по итогам расследований, инициированных прокурором, было официально предъявлено 41 публичное обвинение, все — в отношении африканцев⁶. Возмущенные столь избирательным подходом наднационального органа глобального управления африканские лидеры даже посвятили этому вопросу специальный саммит Африканского союза, состоявшийся в октябре 2013 года. Главы государств и правительств континента обвинили МУС в предвзятости, назвав его инструментом империализма Запада, вследствие того что они считают непропорциональным внимание суда к Африке. Хотя МУС обладает глобальным мандатом, но до января 2016 года все девять страновых кейсов, которые расследовал МУС, относились к странам Африки. По сей день суд наказывал исключительно лидеров из слабых государств, игнорируя преступления, совершенные более богатыми и могущественными государствами. Все отбывающие сроки африканские политические лидеры

⁵ Фитуня Л. Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Африка. Азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 18–29.

⁶ См.: “ICC case information sheets” по каждому обвиняемому на сайте: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/PIDS/publications/>. Например: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/PIDS/publications/KenyattaEng.pdf> и т. п.

оказывались противниками Запада или теряли к концу периода своей власти его поддержку. Не стоит забывать, что все они, помимо обвинений в военных или политических преступлениях, становились при этом главными коррупционерами в своей стране. Правда, соучастников, а зачастую и инициаторов коррупционных преступлений — крупный западный бизнес и политиков, «осваивающих» африканские ресурсы, — суд обходит стороной.

Под воздействием «новых» мировых центров силы в последнее десятилетие установившаяся после холодной войны монополярная модель мира стала разрушаться. Обозначился процесс перераспределения сил и влияния на планете. Обозначились новые полюса формирующейся полицентричной международной системы. Отдельные страны, такие как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика и другие, приобрели нехарактерную для них прежде экономическую мощь и геополитическое значение. В то же время победивший в холодной войне Запад начал медленно утрачивать контроль, по крайней мере над некоторыми рычагами управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившимися в его распоряжении.

Конечно, пока рано говорить о том, что «старые» центры силы однозначно лишились или лишатся в будущем своих экономических и геостратегических позиций. Как показывает история, период экономического «заката» любой сверхдержавы до сих пор был всегда весьма протяженным во времени, за исключением случаев ее полного военного разгрома и последующего тотального разграбления. При этом он никогда не был линейным. Да и сами нисходящие державы прилагают максимальные усилия, чтобы остаться на плаву и затруднить, если не предотвратить, восхождение соперников.

«Ледяная война» — одна из таких консолидированных попыток. Ее особенность в том, что, хотя победа в ней в конечном счете и призвана предоставить новый объем ресурсов для сохранения доминирующего положения «старых игроков» в складывающейся системе миропорядка, ныне эту задачу представляется возможным решить без непосредственного вооруженного столкновения с противником. Главными инструментами «ледяной войны» становятся социально-гуманитарные технологии, в том числе в сферах культуры, науки и даже искусства, переформирующие культурно-историческую и цивилизационную матрицу противной стороны, нанося ей при этом недопустимый урон. Гуманитарные технологии подкрепляются новыми формами и видами борьбы — психологическим воздействием на население страны противника, операциями с использованием социальных сетей, политических манипуляций, дезинформации и т. д.¹

«Ледяная война» направлена на подавление воли противника, его подчинение и превращение в инструмент достижения собственных целей. Сегодня, когда прямое военное столкновение с равносильным соперником чревато для «старых игроков» необратимым

надломом сил и критическим ущербом, компонент подавления воли становится едва ли не главным оружием противоборства в войне нового типа. Задачу подавления воли противника пытаются решить посредством последовательного наращивания давления на противника широким фронтом по всем направлениям: экономическому, политическому, культурному, научно-техническому, спортивному.

Важнейшей составляющей на этом пути является психологическое давление, оказываемое не только снаружи, извне, но и изнутри. Население приучают к мысли, что в отношении их страны не действуют общепринятые нормы справедливости, права, морали. Решения могут выноситься без суда и доказательств, собственность может произвольно реквизируваться как у физических лиц, так и у суверенного государства, суды и арбитражи в однотипных делах используют разные правовые подходы, сходные международные прецеденты могут произвольно признаваться то правомерными, то противоречащими праву. В контексте «ледяной войны» все эти разрозненные акты агрессии приобретают зловещий смысл комплексной широкомасштабной агрессии с целью сначала сломать волю к сопротивлению, а в дальнейшем раздаться с жертвой.

Желаемого результата, как показывает недавнее прошлое, да и настоящее, проще достичь путем перетягивания на свою сторону элит, чье благосостояние зависит от благосклонности «старых игроков». Однако, если по каким-либо причинам это не удастся, запускается процесс хаотизации общественной жизни в стране. Существующие в ней политические системы и правила объявляются негодными и необязательными к соблюдению. Последствия этого общеизвестны. Назовем только один пример — Сирию, хотя наверняка на ум приходят и другие.

Изменившиеся геополитические условия и укрепление позиций России в мире, убедительно продемонстрированное в выступлениях Президента РФ, лидерство по ряду оборонных технологий склоняют противостоящие России государства и влиятельных негосударственных игроков к форсированному наступлению на нашу страну по тем направлениям, на которых в недавнем прошлом им удавалось добиваться критически важных успехов путем изучения российского общества и его подрыва изнутри с помощью комплекса управляемых политических, экономических и социокультурных технологий.

Уже к концу прошлого века стало очевидным возращение роли гуманитарного знания (науки) как первоосновы сложившегося противостояния, не уступающего, а на длительных исторических промежутках времени превосходящего по стратегической значимости достижения военной техники. В прошедшие десятилетия Запад в целом и его обществоведческая наука в частности овладели современными «гибридными» технологиями ведения войны в гуманитарном пространстве.

Эти угрозы нарастают с большой скоростью. У России в силу недооценки значимости гуманитарного пространства обороны и недостаточности обеспечения на-

¹ *Абрамова И. О., Поликанов Д. В., Фитуни Л. Л.* Интернет, трансформация обществ и сетевые войны // Российские стратегические исследования. М., 2002. С. 136–150.

шего тыла на гуманитарном направлении наблюдается существенное отставание по многим параметрам.

Для будущего страны жизненно необходимы адекватные контрмеры. Глубокие фундаментальные разработки, дающие понимание механизмов развития общества, раскрывающие психологию масс и отдельной личности, предоставляют возможности созидательного управления ими в интересах роста благосостояния и развития Отечества и одновременно позволяют успешно противодействовать попыткам расшатать российское общество. Это, по сути, равнозначно задаче обеспечения национальной безопасности и обороноспособности нашей страны.

В стратегической перспективе такое знание, основанное на строго научном анализе, свободном от конъюнктурной подтасовки данных и погони за ненужными «наукометрическими показателями» в области гуманитарных наук, способно защитить общество от известных на сегодняшний день средств информационно-психологической войны, идеологических диверсий, создания разделительных линий и хаоса в российском обществе и управления им.

Недооценка реальности подобных угроз и неспособность сконцентрировать силы, сформулировать и адекватно обеспечить научно-технологические разработки в гуманитарной сфере, направить на это нужные ресурсы и необходимые усилия в прошлом сделали Советский Союз, обладавший огромными технологическими возможностями и военным паритетом с Западом, легкой жертвой последнего. В конечном счете они привели к расчленению страны.

В меньших масштабах, но нередко с более трагическими последствиями, подобная модель развития повторилась в Югославии, Ираке, Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, Грузии, на Украине и в ряде других стран. Системы внешнего управления целевыми обществами (странами) постоянно совершенствуются.

Гибридная война перенесена в гуманитарное пространство. Этому способствуют развивающиеся несколько десятилетий на Западе направления науки так называемого социального инжиниринга и расширяющиеся технологические возможности непосредственного трансграничного воздействия на целевой объект, через голову национальных правительств. Влияние в мировом гуманитарном пространстве, защита и продвижение своих ценностей — обязательные условия для вхождения в число держав, претендующих на самостоятельную роль в формирующемся полицентричном мире.

Избежать разрушительного воздействия и повернуть вспять очевидные неудачи прошлого на ряде фронтов гибридной войны в гуманитарном пространстве можно, если будет заблаговременно сформирована система научно выверенного гуманитарного знания, фундаментальной и прикладной обществоведческой науки, дающей ключ к пониманию векторов развития и запросов общества, и набор конкретных средств и механизмов своевременного эффективного воздействия на их формирование в нужном направлении.

Сфера культуры при этом — едва ли главное, что следует защищать и что в будущем может обеспечить

победу в «ледяной войне». Сегодня идет беспрецедентное наступление на русский язык и русскую письменность. Ученых вынуждают издавать свои лучшие труды в первую очередь в высокорейтинговых зарубежных журналах, то есть на иностранных языках. Таким образом, усилиями недалеких чиновников в погоне за легко измеряемыми показателями финансовой эффективности наша научная литература по умолчанию девальвируется.

Важно обеспечить адекватное и своевременное финансирование, равно как и технологическое обеспечение исследований и разработок гуманитарного характера (международные отношения, экономика, социология, политология, история, язык, культура и др.), защищающих общественное пространство российской цивилизации и «русского мира» от угроз как внутри страны, так и за ее пределами. Первостепенной задачей на этом пути является преодоление распространившихся тенденций и подходов, исходящих из того, будто любое знание, начинание, публикация и тому подобное, созданное за рубежом, при прочих равных условиях более значимо, чем аналогичное отечественное, а ценность российского исследования гуманитарного профиля, по мнению российских чиновников, определяется посредством признания этих достижений или подходов некими западными «экспертами».

Господство англоязычного пространства в научной среде ведет к тому, что молодые ученые с самого начала своей деятельности в науке ориентируются на публикации за рубежом и тем самым «вымываются» из российской научной среды, а в дальнейшем продолжают свою научную карьеру за границей. Это фактически нарушает преемственность поколений, способствует «утечке мозгов» из России и ведет к реальному уничтожению российской науки, что непосредственным образом представляет угрозу для национальной безопасности нашей страны.

Отечественная культура как концентрированное выражение российской идентичности — главный рубеж обороны в битвах «ледяной войны». Без нее нет России. Ведь она свидетельствует об уровне развития общества, его творческих сил и возможностях дальнейшего роста. Изучение технологических аспектов межкультурных коммуникаций — важнейшая и неотложная задача. Управляемая аккультурация, а точнее культурная экспансия, должна стать одним из важнейших внешнеполитических приоритетов.

Приведу пример, на мой взгляд, надлежащего отношения к своему культурному богатству и национальной языку. В официальном рабочем документе одной британской организации, без ложной скромности озаглавленном «Место Британии в мире: сила добра?», первый пункт звучит следующим образом: «Соединенное Королевство с давних времен считается незаменимым глобальным игроком с богатой историей участия в мировых делах. Оно обладает широким спектром бесценных экономических, военных, дипломатических и культурных богатств, включая английский язык, который усиливает роль страны в построении международной системы послевоенных правил и в качестве активной силы при решении проблем во всем мире. Эти

богатства необходимо приумножать с тем, чтобы они служили основой для позитивной вовлеченности Великобритании в мировые дела»¹.

В этой стране выстроена жесткая система использования «мягкой силы» в национальных интересах. В парламенте (палате лордов) действует специальный Комитет по «мягкой силе» и влиянию СК. Кстати, в документах комитета спорт безоговорочно отнесен к инструментам британской «мягкой силы». Лондон, как мы видим, готов жестко бороться за них.

Как представляется, нам тоже настоятельно необходимо внести большую системность в дело поддержания и креативного использования культурного компонента в научной и народной дипломатии. Более трех лет назад завершилась работа над основами культурной политики государства, но за это время выявились и некоторые проблемы, корни которых — в базовых

подходах к вопросам культурного развития. Как известно, в конце прошлого года президент дал указание к 1 июля 2018 года обеспечить разработку проекта федерального закона «О культуре». На заседании Совета при президенте по культуре и искусству В. В. Путин отметил, что деятели культуры должны принять непосредственное участие в разработке нового закона, что гарантирует его эффективность. Также президент считает, что законопроект должен пройти широкое общественное обсуждение. Он также распорядился предусмотреть проведение в 2018 году заседания Государственного Совета РФ или президиума Государственного Совета РФ по вопросам сохранения и развития традиционной народной культуры².

Мне кажется и первое, и второе — важнейшие шаги по обновлению и оживлению научной и культурной политики в наше непростое время.

**В. А. Черешнев³,
В. Н. Расторгуев⁴**

КАК СБЕРЕЧЬ БУДУЩЕЕ И ЧТО ОТЛИЧАЕТ УТОПИЮ ОТ СТРАТЕГИИ?

Не утопия ли это — сохранить жизнь на планете? Я так не считаю. Верю, что общественное мнение способно эффективно воздействовать на правительства в нужном направлении. <...> Человек в ответе не только за собственное выживание. Ведь вопрос стоит о спасении всего многообразия жизни, которая и есть высшая ценность. Но единственное живое существо на земном шаре, наделенное даром слова, — Человек. Он, обладающий речью и сознанием, — единственная надежда всей жизни на Земле.

Д. С. Лихачев. Воспитать в себе гражданина мира

Трудно сберечь наследие прошлого, но еще труднее сберечь будущее, которое мы можем потерять из-за огромных рисков, с которыми связано превращение техногенной цивилизации в моноцивилизацию. В результате этой незаметной эволюции из нашего бытия

¹ Report “Britain’s place in the world: a force for good?” Thursday 9 — Friday 10 November 2017 | WP1597. P. 1.

² <http://tass.ru/kultura/4931340>

³ Главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 36 монографий, 14 книг: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; двух руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», журнала «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

исключается сама возможность сохранения культурного и языкового разнообразия мира, а также выносятся приговор биологическому разнообразию планеты. Постановка этой проблемы воспринимается многими людьми, в том числе и учеными, всего лишь как алармистский прием для получения инвестиций в исследования. В лучшем случае сама постановка такого вопроса рассматривается как заведомо пессимистический, но маловероятный прогноз, который допускается чисто теоретически «для полноты картины», хотя в действительности масштабы надвигающейся катастрофы не вызывают сомнений, а дефицит времени, необходимого для выработки коллективной стратегии, способной минимизировать риски, с каждым годом становится все острее.

Почему это происходит? Одной из главных причин является вполне объяснимая ограниченность позиции

⁴ Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 29 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания» (в соавт.), «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования» (в соавт.), «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам» (в соавт.),

исследователей, не выходящих, как правило, за узкодисциплинарные рамки, не говоря уже о барьерах между гуманитарной и естественно-научной областями знания. Их преодоление по силам очень немногим представителям научного сообщества с поистине энциклопедическим кругозором и безоговорочным авторитетом в мировой науке, свидетельствующим о том, что за их энциклопедизмом стоит качественно новое знание, а не простая эрудиция. Дилетантизм опасен не потому, что люди, страдающие им, распространяют ложные знания, а потому, что он девальвирует и те очевидные истины, которые зачастую вплетены в недостоверные обоснования и потому воспринимаются как лжеучения.

К счастью, иногда и среди гуманитариев, и среди естествоиспытателей встречаются мыслители такого масштаба, который позволяет им быть подлинными учителями и пророками даже в своем отечестве. Назову только два имени всемирно известных российских ученых, которые полностью соответствуют роли пророков от науки. Это Дмитрий Сергеевич Лихачев, который вывел свои исследования на уровень понимания экологии культуры, и Никита Николаевич Моисеев с его всемирно известным обоснованием гипотезы о «ядерной зиме». Этих ученых сближает и то обстоятельство, что их видение проблемы оказало заметное позитивное влияние на общую политическую культуру и на вектор поиска приемлемых стратегий международного сотрудничества. С их уходом все ощущают, что степень риска существенно возрастает, когда явно не достает столь же весомых авторитетов в научном мире, способных повлиять и на массовое сознание, и на выбор политического курса.

Д. С. Лихачев, говоря о будущем цивилизации, прямо указывал на его главного «убийцу», в роли которого выступает, как это ни парадоксально, популярная и плодovitая идея прогресса в ее примитивном (а потому и самом популярном) толковании: «Идея прогресса сопутствует истории человечества в ее обозримом участке (не таком большом). С конца XVIII века она имеет определяющее значение в большинстве исторических учений. В своих примитивных формах она рассматривает прошлое и настоящее как жертву, приносимую во имя будущего. Но получилось так, что в реальной жизни она начала жертвовать будущим во имя короткого настоящего»¹.

Н. Н. Моисеев пришел к аналогичному выводу, хотя вся его научная работа основывалась на совершенно иной картине (картинах) мира. В его подходе явно доминировало проектное мышление и, следовательно, идея технического и технологического прогресса. Но новая идея в его сознании почти всегда вырастала до масштабов стратегии, зачастую глобальной, с харак-

терными для синтеза стратегий междисциплинарными проникновениями и философскими обобщениями. Он не боялся больших горизонтов, когда идея приобретала поистине космические масштабы. Поэтому, наверное, ему была близка теория ноосферы, согласно которой человечество вступает в эпоху всемогущества разума, обретающего способность самому создавать предпосылки, необходимые для обеспечения коэволюции природы и общества, без чего невозможно не только поступательное развитие, но и сохранение жизни.

Идея ноосферы по-разному преломлялась в трудах многих мыслителей — богословов, естествоиспытателей, гуманитариев. Многие современные авторы, изучающие наследие Лихачева, относят его взгляды к разряду модификаций ноосферного учения, хотя это не совсем так, поскольку нет и никогда не было единой доктрины, а существуют различные, хотя и родственные, концепции. Вместе с тем сам Лихачев, как известно, связывал свою теорию концептосферы с теорией В. И. Вернадского, а термин «концептосфера» был им введен по аналогии с такими концептами, как ноосфера и биосфера. Всемирно известным концепт ноосферы стал благодаря откровенно утопическому и, как подчеркивал Моисеев, сугубо иллюзорному учению Тейяра де Шардена о слиянии наций в единое целое, что автор этой концепции считал предзнаменованием «слияния человечества с Природой и Богом», а значит, и утверждением ноосферы как финала эволюции и истории.

Совершенно иным содержанием этот же термин наполнил В. И. Вернадский, который еще в начале прошлого века, в 1904 году, с трибуны Московского университета говорил о том, что человек превратился в основную геологообразующую силу планеты. А несколько позднее он утверждал, что человеку придется взять всю полноту ответственности за судьбы не только общества, но и всей биосферы.

Моисеев, который специально останавливался на данной тематике, рассматривал эти и другие учения о ноосфере как великие утопии, во многом разнонаправленные и конкурирующие («финалистские», «алармистские» и «мотивационные»), в которых тем не менее содержится зерно истины — признание прав и ответственности Коллективного интеллекта. Для Моисеева сама идея ноосферы была в высшей степени продуктивной, поскольку содержала в себе высший императив, который должно принять человечество только по одной причине — в силу его безальтернативности, в целях самосохранения перед лицом неизбежной катастрофы.

Для прояснения своей позиции он ввел в научный оборот понятие *экологического императива* как основного гаранта возможности развития без глобальной катастрофы, вероятность которой должна быть сведена к минимуму. Основная трудность современности, по его мнению, в том и заключается, что признание экологического императива в научном и, что не менее важно, в политическом сообществе — это всего лишь маленький шаг к тому, чтобы императив стал действительно абсолютным императивом — безусловным руководством к действию. А для этого по-

«Философия политики. Методология политического планирования», «Умная политика и культура прогнозирования», «Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века» (в соавт.) и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, председатель Научного совета Экспертного центра Всемирного русского народного собрания, заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение» (в честь 60-летия образования ООН). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 347.

требуется создание новых, по сути, организационных структур в мировом масштабе.

Надо ли говорить, как далека эта идея от воплощения в наше время? По этой причине она и нами воспринимается как абсолютная утопия. Но все дело в том, что у этой утопии нет альтернатив. Вопрос заключается, по словам Моисеева, лишь в том, произойдет ли переворот в организации общества стихийно, «когда переход будет связан с уничтожением значительнейшей части человечества (а может быть, и его полной гибелью) или с реализацией некоей оптимальной СТРАТЕГИИ перехода, разработанной Коллективным интеллектом»¹. Под Коллективным интеллектом Моисеев понимал общие знания и владение технологией передачи, накопления и использования информации — всю информационную систему, включая технологию принятия решений, которая может возникать только на основе общего понимания цели. По его мнению, «становление Коллективного интеллекта — это такой же естественный процесс, как и развитие мозга и индивидуального интеллекта»².

Развивая мысль Никиты Николаевича, можно сказать, что первым шагом на пути превращения утопии в стратегию может служить концепция устойчивого развития. Такая мировоззренческая установка предопределила широту научных интересов академика Моисеева. Его наследие до сих пор в равной степени интересно и математикам, и экологам, и представителям технических наук, и философам. Остановимся только на одной грани его научного наследия — на его понимании всемирно распространенной концепции устойчивого развития, которую одни воспринимают как чистую утопию, а другие — как единственно верную стратегию. Но для того, чтобы подойти к этой проблеме, потребуется более четко объяснить отношение Моисеева к утопиям и стратегиям, точнее, к тому, что по традиции мы относим *либо к утопиям, либо к стратегиям*. Обычно мы не находим связи между этими категориями из совершенно разных на первый взгляд миров — иллюзорного и реального. Но когда речь заходит о проектной мысли и научном обеспечении действительно больших и социально значимых междисциплинарных проектов, все кардинально меняется. Здесь, кстати, мы также видим схожесть его позиций с позицией Лихачева (см. эпиграф).

Во-первых, именно смелые идеи, которые воспринимаются даже в научном сообществе как чистые утопии, особенно они если посягают на базовые парадигмы и традиционное видение, оказываются наиболее продуктивными при выборе стратегий.

Во-вторых, никому не дано знать, какой из масштабных проектов, претендующих на то, чтобы изменить мир, является утопией, а какой несет в себе реальную стратегию. Слишком велико число факторов, субъективных и объективных, из которых в конечном счете складывается успех или поражение.

В-третьих, даже вполне успешно реализованный проект не является доказательством того, что он не утопичен. К примеру, потребовалось столетие для того,

чтобы великий и явно небезуспешный проект строительства общества без эксплуатации и эксплуататоров, да еще и в отдельно взятой стране, который состоялся наперекор всему и позволил в кратчайшие сроки возродить государство из руин и переломить хребет нацистской утопии, признали... не менее опасной утопией, чем фашизм. Кстати, сведение нацистского режима к утопии — не самая умная и дальновидная политика уже по той причине, что «коричневая чума», унесшая миллионы жизней, была остановлена только благодаря жертвенному подвигу нашего народа, идеалы которого мы теперь называем без сомнения утопичными... И не следует игнорировать тот факт, что эта идеологическая чума может возродиться на новом витке истории, поскольку нет гарантии, что грядущие поколения сохранят иммунитет к этой заразе. Причем только опасный утопизм в этом более чем успешном социальном эксперименте первыми увидели именно те, кто еще недавно доказывал, что у коммунистического глобального проекта нет и не может быть альтернатив...

В-четвертых, весьма полезным для понимания логики превращения утопии в реальность может быть осуществление такого геополитического проекта, каким был, по сути, проект Евросоюза. Его «генеральный конструктор» граф Р. Куденхове-Калерги, который начал этот проект в 1920-х годах, когда все считали его абсолютной утопией, уже тогда сформулировал принцип превращения утопии в стратегию. Он вполне обоснованно считал, что на идею пан-Европы неизбежно обрушатся упреки в утопичности, хотя создание пан-Европы не противоречит, по его словам, ни одному из законов природы. Напротив, «Пан-Европа отвечает интересам преобладающего большинства европейцев, а ущерб наносится интересам незначительного меньшинства. Это небольшое, но очень сильное меньшинство, которое сегодня вершит судьбы Европы, захочет приклеить идею пан-Европы ярлык утопии. На это можно возразить, что каждое великое историческое событие начиналось как утопия, а заканчивалось как реальность».

В качестве примера Куденхове-Калерги приводит тот факт, что власть коммунистов в России казалась всем утопией — вплоть до того момента, когда их победа стала реальностью. На этом основании он делает вывод об обратной зависимости между способностью к фантазии у политиков и их способностью к планированию. Чем более ограничен мир фантазии, тем шире кажется мир утопии и уже границы возможного: «У мировой истории больше фантазии, чем у ее марионеток, — продолжает Куденхове-Калерги, — она представляет собой цепь чередующихся неожиданных событий и осуществленных утопий. Останется ли идея утопией или станет реальностью — зависит, как правило, от количества ее приверженцев и их энергии. Пока в идею пан-Европы верят тысячи людей — это утопия, как только в нее поверят миллионы — она станет политической программой, и только когда в нее поверят сто миллионов — она станет реальностью»³.

³ Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетаре, 2006. С. 13.

¹ Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М.: МНЭПУ, 1997.

² Там же. С. 136.

Но вернемся к теории Моисеева и его не менее парадоксальному, но во многом более взвешенному видению этой проблемы, учитывающему тот факт, что и успешно осуществленный проект может оставаться утопией. На множестве примеров он показал, как утопия превращается в стратегию, а стратегия — в утопию. И этот процесс нельзя читать однонаправленным. По его мнению, «любая активность человека, особенно в интеллектуальной сфере, всегда начинается с утопий». Эту закономерность проектного мышления он относил прежде всего к себе. В книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» он говорит о своих проектах как об утопиях, но особого рода, выделяя среди всех типов утопий «конструктивные утопии», опирающиеся не на логику теоретика, а на логику Природы.

По мысли Моисеева, его собственная теория — такая же утопия, но относящаяся к разряду *конструктивных утопий*. Принципиальное отличие его теории состоит в том, что при ее описании он не пытался говорить о том, как должен быть устроен будущий мир, а лишь о том, *чего нельзя делать и без чего нельзя обойтись*. «При этом она будет опираться на систему эмпирических обобщений или логических следствий всей той схемы мирового эволюционного процесса, фрагменты которого и составляют историю человечества»¹.

Моисеев считал, что любые схемы построения общества будущего и далекие прогнозы всегда будут несостоятельны и в этом смысле утопичны, поскольку сама жизнь распорядится, как должен быть устроен мир в следующих столетиях. «И все же, — подчеркивал он, — такие утопии людям необходимы — это своеобразный катализатор для человеческой мысли и активности. По мере роста могущества цивилизации и роли разума в судьбах человечества необходимость прогностических схем, все более и более использующих данные науки, будет расти — они способны предвидеть опасности»².

А теперь вернемся к вопросу о том, как Моисеев относился к концепции и соответственно к стратегии устойчивого развития. В одной из работ, посвященных этой теме, он писал: «Я не стремлюсь искать замену термину “sustainable development” или предлагать другой перевод, который заменил бы явно неудачное “устойчивое развитие”. Об этой банальной трактовке следует просто забыть. Но считаю совершенно необходимым придать термину иной смысл: устойчивое развитие — это реализация стратегии человека. Человечество в целом и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения. Это путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И чем научнее выверена стратегия, тем безболезненнее кризисы»³.

В этом рассуждении недостает, по нашему мнению, только одного звена. Сегодня отсутствует даже рабочая классификация многообразных феноменов совершенно разного генезиса из научной, политической и медийной сфер жизни, которые подводятся под мод-

¹ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998. С. 90.

² Моисеев Н. Н. Избранные труды: в 2 т. М.: Тайдекс К°, 2003. Т. 2. С. 143.

³ Там же.

ное понятие «концепция устойчивого развития». Нам действительно мешает такое размытое понимание термина, ведущее, по сути, к его обесценению, детерминализации. Причина сводится к одной методологической ошибке, которая заключается в преувеличенном значении той роли, которое приписывается научному сообществу, в формировании концепции устойчивого развития. В действительности эта концепция принимается на совершенно иных принципах, чем научные теории. Их принимают не ученые, а политики на основании соответствующих процедур. На отдельных этапах действительно привлекается экспертное сообщество, в котором наряду с экспертами «первого уровня» — специалистами, дающими заключения, например, о правовом соответствии разрабатываемых документов нормам действующего национального законодательства и международного права, о возможности их ресурсного и финансового обеспечения и тому подобном, участвуют и представители науки, общественности, деятели культуры.

Но в важнейших этапах принятия решения они, за редким исключением, не участвуют. А политики, как известно, руководствуются иными соображениями, продиктованными национальными, корпоративными, лоббистскими и другими интересами, не имеющими никакого отношения к науке, чувству партийной или групповой солидарности и, наконец, укреплением собственной «устойчивости» в системе. Ради согласования разнонаправленных интересов участникам процесса иногда приходится жертвовать даже логикой и системой теоретических обоснований. Этот факт, собственно, и вызывает возмущение в рядах ученых, которые отчетливо видят дефекты в обосновании и логике, а потому норовят «исправить концепцию», предлагая свои варианты и искренне удивляясь, что их не слышат.

Эта парадоксальная ситуация привела Моисеева к радикальному выводу, что «концепция устойчивого развития — одно из опаснейших заблуждений современности, особенно в том виде, как она интерпретируется политиками и экономистами». Причина чрезвычайного риска заключается в примитивизме политической и экономической интерпретации, в уповании на технократические способы решения глобальных проблем. В действительности человечеству еще придется пройти долгий и тернистый путь, наполненный трагедиями планетарного масштаба. Но «к этому обществу должно быть готово, и мы не имеем права заменять реальность упрощенными и опасными иллюзиями. Этот путь будет совсем не похож на устойчивое развитие»⁴.

Не собираясь пересказывать историю становления этой концепции на политической ниве и ее предшественниц в области политики и науки (а это длинная история), напомним только основные вехи ее развития. Среди организаторов политических дискуссий на международных площадках выделялся Всемирный союз охраны природы, предложивший в 1980 году совместно с другими международными организациями Всемирную стратегию охраны (консервации) приро-

⁴ Моисеев Н. Н. Избранные труды. Т. 2. С. 83.

ды, где и был выделен этот концепт. Поэтому неудивительно, что рассматривались *три основных измерения мирового развития: экологическое, экономическое и социальное*, причем во главу угла ставилась экологическая проблематика.

Через эту призму рассматривались все основные глобальные проблемы, которые были и остаются содержанием политического дискурса. Среди них — ограничение роста населения и бедности, поддержание качества жизни и защита глобальных экосистем, а также сбережение стратегических природных ресурсов и минимизация последствий загрязнения окружающей среды, которые приобретают угрожающий масштаб на фоне глобализации и экономического роста. Значительной вехой в развитии политической концепции устойчивого развития и усиления «экономической доминанты» стал Доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», в котором понятие устойчивости употреблялось уже как синоним «устойчивого экономического роста», поскольку именно он позволит решить проблемы бедности и загрязнения окружающей среды.

Как видим, концепция устойчивого развития с самого начала приобрела отчетливо выраженный характер поиска компромисса между ведущими странами мира. Это привело к тому, что едва ли не каждая из них обзавелась собственной стратегией и программой устойчивого развития. Соответственно на второй план отошел вопрос о том, можно ли какую-либо научную теорию выделить как основу стратегии устойчивого развития.

Сделаем промежуточные выводы.

Во-первых, в основе концепции устойчивого развития, если, конечно, рассматривать ее схематично, заложен *принцип равенства трех измерений* — экономического, социального и экологического. В этом случае мы имеем дело не с очередной глобальной утопией, а всего лишь с технологией управления глобальными рисками, которая может быть более или менее эффективной, а также с довольно развитой системой рейтинговой оценки достижений различных стран с позиций устойчивого развития.

Во-вторых, если ценность научной теории и исследовательской программы predetermined прежде всего ее эвристическим и эпистемологическим потенциалом, то у политической концепции, доктрины и стратегии совершенно иное назначение. Все определяется ее способностью или неспособностью оптимизировать достижение политических целей и регламентировать поведение акторов политики во всех ветвях и на всех этапах власти. При этом архитектура политики достаточно сложна, так что на каждом уровне власти концепция устойчивого развития по-разному функционирует и осмысливается.

Наметившийся в последнее время поворот российской политики в сторону экологии, произошедший во многом под влиянием крупнейших ученых, и следование экологическому императиву в политике для многих оказались неожиданными. Но именно о таком повороте свидетельствует возвращение к Экологической доктрине Российской Федерации. Не останавливаясь

подробно на истории создания Доктрины и на пути, который прошел проект с момента зарождения идеи до стадии официального принятия документа Правительством РФ, отметим только важный для нашего доклада аспект: в основе Экологической доктрины лежит концепция устойчивого развития, закрепленная в соответствующих международных соглашениях и хартиях. Если открыть Доктрину, то уже в преамбуле можно прочитать об этом.

Проект Экологической доктрины России получил одобрение на заседании Правительства РФ 27 августа 2002 года, то есть за несколько дней до начала Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (сентябрь 2002 г.). Таким образом успешно завершился, по сути, первый в отечественной истории опыт национального стратегического планирования, основная стадия которого прошла не в кабинетах чиновников и не в изоляции от общественного мнения, а в научных коллективах и неправительственных организациях, с привлечением к дискуссии всех граждан, равнодушных к будущему родной земли. Это обстоятельство представляется особенно важным, поскольку государственная экологическая доктрина — не что иное, как своеобразная лоция долгосрочного отраслевого планирования для органов власти всех уровней.

Для реализации Экологической доктрины требуется углубленная работа над региональными стратегиями, и в первую очередь над Северной стратегией России, поскольку две трети страны составляют северные территории. Для этой цели был организован Северный социально-экологический конгресс, который проводился уже 11-й раз, во многих северных городах России и в Норвегии. Наиболее значимыми были 5-й конгресс в Сыктывкаре, в рамках которого впервые в России состоялось подведение итогов Международного полярного года, и 11-й конгресс в Москве, на котором были обобщены десятилетние итоги нашей работы и намечены новые планы¹. Постепенно сложилась многотомная библиотека изданий конгресса.

Организаторы Северного социально-экологического конгресса согласуют свою работу с Научным советом РАН по изучению и охране природного и культурного наследия, созданного академиком Е. П. Челышевым совместно с группой выдающихся ученых, в числе которых особая роль принадлежала Д. С. Лихачеву². В рамках этого совета инициирована и осуществляется чрезвычайно перспективная программа «Цивилизационный путь России», где во главу угла поставлено междисциплинарное исследование культурно-природного синтеза, положенного в основу развития локальных цивилизаций. Особое место занимает принцип единства культурных и природных факторов в процессе становления мировых цивилизаций (культурно-исторических типов). Этот принцип важен не только для понимания специфики цивилизационного пути России как страны-цивилизации, ее всемирного значения и отношений

¹ Предварительные итоги работы Северного социально-экологического конгресса см.: Северология: проблемное поле, методология и социально-экономические основы долгосрочного планирования. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2016.

² Сопредседатели совета — академики Е. П. Челышев и В. А. Черешнев.

с другими цивилизационными мирами, но и для исследования цивилизационной уникальности северных территорий России и других приарктических стран.

Примечательно, что и здесь мы соприкасаемся с наследием Лихачева и Моисеева, рассматривавшего принцип экологического императива и концепцию устойчивого развития в рамках цивилизационного подхода. Под цивилизацией он понимал «некоторую общность людей, характеризующую определенным набором ценностей (в том числе и технологиями, и навыками), системой общих запретов, похожестью (но не тождественностью) духовных миров и т. д.». Вместе с тем он тонко чувствовал различия между концептуальными схемами, на основании которых мы отличаем моноцивилизационные теории, базирующиеся на унификации мирового процесса, от теорий, описывающих локальные цивилизации. По словам Моисеева, «любому эволюционному процессу, в том числе и развитию цивилизации, сопутствует и рост разнообразия форм организации жизни, в том числе и “цивилизационных раз-

нообразий” — цивилизация никогда не была и не будет единой, несмотря на объединяющую человечество технологическую общность»¹.

В этом отношении особый интерес представляет его критика теории С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, где делается вывод о роли границ цивилизационных разломов в современной истории. Однако аргументация Хантингтона не представляется Моисееву достаточно убедительной, поскольку причины неизбежного столкновения цивилизаций кроются гораздо глубже, чем это представляется автору: «Одной из важнейших причин современных цивилизационных противостояний являются процессы модернизации и создание и распространение некоторых общепланетарных стандартов, отвечающих потребностям возникающей технологической основы цивилизации. Но постепенно эти противостояния перейдут в сферу экологии»².

Как видим, наследие Н. Н. Моисеева столь же многогранно, как и проблемы, которые он ставил.

М. В. Шмаков³

МАРКСИЗМ, КУЛЬТУРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПРОФСОЮЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Для меня как человека, многие годы возглавляющего крупнейший по мировым меркам национальный профсоюзный центр, очевидно, что идеи Карла Маркса оказали огромное влияние на рост экономического и социального самосознания международного и российского профсоюзного движения. И чем дальше удаляются от нас времена индустриального общества, которому посвящены основные труды классика, чем больше новых черт порождает постиндустриализм, тем в большей степени мы нуждаемся в ясном, логически контрастном осмыслении этих новаций, способ-

ных запутать не только общественных и политических деятелей, но и серьезных теоретиков-мыслителей современности.

В последние годы от моих зарубежных коллег, а иногда и в кругу социальных партнеров — работодателей и представителей государства — мне пришлось слышать несколько идей (в разных вариациях), суть которых сводится к следующему:

— марксистские идеи безнадежно устарели, капитализм индустриального общества существует как анахронизм. Современный капитал наполнен другими смыслами, кроме промышленного (индустриального) капитала, сформировался финансовый капитал, который правит на рынке. Его власть над трудом имеет другую природу, финансовый капитал мало интересуется прибавочная стоимость, он извлекает прибыль на финансовых рынках. Отрыв валют от золотого эквивалента уничтожил прежние зависимости и законы, поэтому теория Маркса неприменима;

— постиндустриальный капитал содержит в себе новые составляющие, которые не позволяют относиться к нему с позиций классической экономической теории. Кроме материальной и финансовой составляющих, в него входит интеллектуальная собственность, то есть часть «человеческого капитала». Экономика знаний и инноваций «опрокидывает» рассуждения из индустриального прошлого. В недалеком будущем машинное производство без людей приведет нас к отказу от наемного труда и заменит общественное производство на автоматическое. Начнется синтез пищи и всего необходимого для существования человека. Если какие-либо биологические потребности человека останутся без удовлетворения, проблему можно бу-

¹ Моисеев Н. Н. Избранные труды. Т. 2. С. 92.

² Там же. С. 90.

³ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов (МКП) и Всевропейского регионального совета МКП. Председатель Совета почетителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП. Автор многочисленных публикаций по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч. книг «Профсоюзы России на пороге XXI века», «Без борьбы нет победы!», «За достойный труд», «Профсоюзные вести сквозь призму юмора» (соавт.); учебных пособий для профсоюзных работников и активистов «Конфликты в трудовых коллективах» (соавт.), «ФНПР в меняющемся обществе», «ФНПР в вопросах и ответах»; главы «Федерация независимых профсоюзов России» в книге «15 лет ВКП: взгляд в будущее». Руководитель редакционного совета книги «История профсоюзов России». Руководитель авторского коллектива «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Председатель Совета почетителей, почетный профессор Академии труда и социальных отношений. Член Правления Вольного экономического общества России. Награжден орденами Дружбы, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени, медалью «В память 850-летия Москвы», Почетной грамотой Правительства РФ и др.

дет решить приемами трансгуманистов, то есть объединив человеческий организм с элементами машины (искусственные органы и т. п.);

— собственность на труд больше не является актуальной, так же как и любая другая частная собственность. Частная собственность не нужна в системе, где господствует экономика совместного потребления (пользования). Человек, освобожденный от забот приобретения и обслуживания собственности (своего жилища, автомашины, велосипеда, обстановки или вещей), получит истинную свободу. Будучи снабжен базовым безусловным доходом, он останется активным экономическим потребителем и практически окажется в коммунистическом обществе.

Эти рассуждения напоминают картины из романа-сказки Николая Носова «Незнайка на Луне», где автор детально описал различные стороны «лунного капитализма».

В связи с вышесказанным хочу напомнить несколько простых истин.

Российские профсоюзы, как экономические организации, борющиеся за права наемных работников, зародились и легально оформились на волне революционных событий 1905 года, во многом впитав марксистскую идеологию. Массовое оформление территориальных объединений организаций российских профсоюзов, проходившее под воздействием российской революции 1917 года, стало отражением чаяний и надежд наемных работников на освобождение труда от гнета капитала. Во многом на социальной мысли Маркса основывались идеи построения справедливых социально-трудовых отношений, непосредственного участия работников в процессах коренного обновления общественных и производственных отношений, в том числе с помощью профессиональных союзов. Уже в то время идеи Маркса подвергались сомнению как построенные на расхождениях, относившихся к первой битве за права трудящихся, развернувшейся в Англии в 1842 году, однако марксизм устоял.

В чем заключается притягательная сила марксизма? На мой взгляд, Маркс создал стройную и до сих пор современную теорию, описывающую законы функционирования и развития капиталистической системы хозяйства. Он показал, как из простого товарного производства, цель которого — потребление и где деньги — лишь посредник в обмене, логично вытекает капиталистическое производство, целью которого является возрастание денежной массы, получение прибыли. Он вывел первый и второй законы капитализма, не опровергнутые до настоящего времени. Шаг за шагом, начиная с ранних работ и завершая «Капиталом», Марксу удалось системно раскрыть смысл, содержание и роль такого специфического явления, как «рабочая сила». Маркс выделил и скрупулезно исследовал прибавочную стоимость как самостоятельное экономическое явление. С помощью этого понятия Маркс наглядно объяснил источник и природу прибыли на капитал, а также различные формы эксплуатации трудящихся и сформулировал основное противоречие труда и капитала.

Особенно активно взялись за критику марксистско-ленинской теории в период развала социалистического строя в России и Восточной Европе. Однако критики марксизма брали на прицел не столько первоисточники (многие их просто не читали), а те интерпретации марксизма, которые были выработаны на основе работ классика для решения конкретных задач социалистического строительства. Практически никто из серьезных исследователей творчества Маркса никогда не ставил под сомнение влияние его идей на социальную мысль и их вклад в экономическую науку. Так, Василий Леонтьев, лауреат Нобелевской премии по экономике, в работе «Современное значение экономической теории К. Маркса» писал: «Маркс был великим знатоком природы капиталистической системы <...> Если перед тем, как попытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах “Капитала” более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных отчетах Бюро переписи США, в дюжине учебников по современной экономике...»

Обращаясь к тезису об автоматизации, замечу, что роботизация производства действительно способна увеличить выпуск продукции, но она слабо влияет на достигнутую в настоящий период производительность труда отдельного человека, а если это и происходит, то объем вложений капитала в таких случаях часто несоразмерен выгоде. Как отметил недавно один из пионеров современной «индустрии знаний» И. Маск, автоматизация и одновременно недоучет роли человека в производстве способны многократно увеличить мелкие просчеты и ошибки, допущенные на ранних стадиях проектирования, и привести к небывалому количеству брака.

Еще одна спорная тема — включение интеллектуальной собственности и других компонентов «человеческого капитала» в рыночную стоимость. Если рассуждать о навыках, образовании, профессиональной подготовке и в целом о рабочей силе, она не может быть товаром, так как ею нельзя свободно обмениваться на рынке — «человеческим капиталом» не может владеть другое лицо. Никто до сих пор так и не смог опровергнуть теорию отчуждения, которую Карл Маркс изложил в третьей рукописи 1844 года. Маркс подчеркивает (вопреки Смиту), что результатом труда является не только прибыль для владельцев средств производства, но и человеческое отчуждение для тех, кто лишен такой собственности и возможности свободно распоряжаться своим временем, способностями, вынужден принимать социальную роль, навязанную ему в процессе производства.

Во времена, когда жил и творил Карл Маркс, основными требованиями пролетариата были повышение зарплаты, обеспечение нормальными рабочими местами, право на достойную жизнь. Эти требования актуальны по сей день во всем мире, включая Российскую Федерацию. Широко известно, что игнорирование этих требований ввергло мир в череду социальных потрясе-

ний. Этого не следует забывать нашим современным либеральным экономистам и их ученикам в правительстве и бизнес-сообществе. Власть финансового капитала, о которой любят порассуждать либералы, привела к череде мировых финансовых кризисов, включая такие неординарные, как финансовый пузырь 2000 года на рынке высокотехнологичных компаний. В центре подобных кризисов оказываются институты, созданные владельцами финансового капитала для своих нужд. Речь идет о международных рейтинговых агентствах, которые не были известны марксистам двух предыдущих столетий, но сегодня именно этим агентствам поручена важнейшая задача селекции в экономике. Совершенно неслучайно страны — участницы БРИКС уже на начальном этапе выработки мер по созданию более справедливого мироустройства сформулировали задачу создания собственного рейтингового агентства. Они хорошо усвоили, что финансовый учет и экономический анализ стали факторами и инструментами управления как в сфере экономики, так и в сфере политики. Для финансового капитала важно не только «что считаем», но «как и кто считает». Кризисы, порожденные властью денег, всегда приводили к падению доходов, покупательной способности заработной платы трудящихся и резкому росту нищеты, вместе с тем ни одно рейтинговое агентство не лишилось лицензии за недостоверную информацию. В то же время производственный капитал порождал промышленные революции, всегда приводившие к развитию, пусть и через разрушение прежнего уклада.

Что касается разнообразных экстравагантных теорий об автоматизированном будущем, состоящем из полусинтетических людей с искусственными органами, то профсоюзы относятся к их авторам и пропагандистам как к посетителям Дурацкого острова из уже упомянутого мною произведения Носова, которым к концу своего человеческого пути предстояло превратиться в безобидных белых барашков.

Серьезного внимания заслуживает мысль об обществе без частной собственности. Мне хотелось бы под-

черкнуть исключительно высокую культуру экономической мысли, которой Маркс добился, пытаясь преодолеть в своих теоретических работах противоречия и логические недосказанности. Это непосредственно относится к теме коммунизма. Он отмечал, что если частная собственность перестанет существовать в результате присвоения ее государством, то мы получим «грубый коммунизм», идеи которого довольно широко разрабатывались позднее, в советский период. Новоявленные мыслители пытаются построить новую модель коммунизма, заменив «грубый коммунизм» Маркса (заодно и Гегеля) на коммунизм, где частная собственность будет сосредоточена в руках узкой группы владельцев, притом что основная «человеческая масса» не будет нуждаться в собственности, выплачивая лишь достаточную для ее владельцев ренту за пользование.

Но при чем же здесь коммунизм? Ведь если отвлечься от советской интерпретации и опереться на многочисленные труды философов и Карла Маркса, при коммунизме человеческая деятельность перестает быть просто трудом, она превращается в свободную человеческую деятельность, которая недостижима ни в индустриальном обществе, ни в современном экономическом укладе, так как коммунизм сменяет капитализм как альтернатива, в которой нет места накоплению богатства.

Отмечая 200-летие со дня рождения Карла Маркса, мы отдаем должное его богатому научному наследию. Вклад в развитие экономической науки, влияние его идей на развитие социальной мысли взяты на вооружение профсоюзами всего мира и по-прежнему актуальны в современной России.

«Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов», — писал К. Маркс в одной из своих работ. Для профсоюзов XXI века, пытающихся на практике реализовать концепцию достойного труда как неотъемлемого условия устойчивого развития в глобальном измерении, эти слова звучат в высшей степени современно.

Я. А. Шолте¹

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ БУДУЩЕЕ?

Введение²

Лихачевские чтения 2018 года состоятся в такой период, который в мировой политике вряд ли можно назвать безоблачным. Сейчас повсюду можно услы-

шать, что человечество разделено на так называемые основополагающие, внутренне совершенно однообразные и диаметрально противоположные друг другу культуры. Именно бинарный подход к проблеме политической идентичности породил, среди прочего, противопоставление России и Запада. Каждая из сторон в этом споре считает себя воплощением добра, а другую сторону — зла. От конструкции «мы-они» всего один шаг до взаимного страха, дискриминации, конфликтов и насилия.

¹ Профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция). Соруководитель Центра исследований мирового сотрудничества Университета Дуйсбург-Эссен (Германия), визит-профессор кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Преподавал в Уорикском, Сассекском университетах, Лондонской школе экономики и Институте социальных исследований в Гааге. Работал советником в Международном валютном фонде, Всемирной торговой организации, Международной информационной организации “Internet Corporation for Assigned Names and Numbers” (ICANN). Автор ряда работ по глобализации, в т. ч.: “Globalization: A Critical Introduction”, “Civil Society and Accountable Global Governance” и др.

² Данная работа основана на более ранних публикациях, включая: *Scholte J. A. A Transculturalist Path to Democratic Global Cooperation // International Journal of Cultural Research. 2014. Apr. № 1 (14). P. 82–87*; *Global Cooperation through Cultural Diversity: Remaking Democracy? / ed. J. A. Scholte. Duisburg: Centre for Global Cooperation Research, Global Dialogues 8, 2015.*

Подобные сценарии с бинарным подходом к культурной политике, разумеется, отнюдь не новы. Тема «Россия против Запада» постоянно (уже в течение нескольких веков) муссируется. Другие давние культурные оппозиции противопоставляют, например, христианство и ислам, жителей какой-либо страны и иностранцев, белых и «цветных», людей и природу и т. д. Бинарные конструкции современной идентичности определяют культурную основу современности.

Как атрибут современности, бинарная культурная политика является историческим феноменом. Такой (не)правильный подход к проблеме культурного многообразия свойствен человеческой природе. Это не естественное для человека поведение. Если создание бинарных оппозиций — лишь привычка, связанная с контекстом, то нам необходимо заняться разработкой другого подхода к осуществлению культурной политики. Каковы же наши возможные альтернативные решения?

В данной статье я рассматриваю вышеописанную проблему как состоящую из четырех этапов. В первом разделе представлена общая концепция культуры, которая станет основой для нашей дискуссии. Второй раздел посвящен обсуждению основных параметров бинарного подхода к культурной политике и рассказывает о вредном влиянии такого подхода. Третий раздел рассматривает три альтернативы (мультикультурализм, монокультурализм и интеркультурализм) и находит в каждой из них существенные недостатки. В четвертом разделе обсуждается еще одна возможность, которую я называю «транскulturализм» и считаю наиболее многообещающей альтернативой развитию культурной политики мирового сообщества.

Культура

Обсуждение мирового культурного развития должно строиться на определении понятия «культура». Сам термин «культура» имеет множество толкований. В рамках нашей темы я именуую культурой процессы социальной конструкции смыслов. Таким образом, культура — это то, как люди совместно познают ситуацию, в которой они оказались, их способ сформулировать или переформулировать, выразить, коммуницировать, получать и договариваться о том, что составляет мир, способы и стиль их существования.

Культура оказывает серьезное влияние и на другие параметры социальных отношений. Например, она влияет на то, как люди относятся к биосфере в более широком смысле слова — экологии. Культура также оказывает влияние на то, как люди управляют ресурсами (экономика), как они представляют себе свою идентичность (психология), регулируют свои сообщества (управление), создают и наносят на карту пространство (география) и размечают и ощущают время (история). При этом я не утверждаю, что культура — это единственный определяющий фактор общественной жизни. Важно лишь представлять, что во всем общественном есть культурный компонент.

В связи с этим серьезным влиянием культура теснейшим образом связана с социальной властью. С одной стороны, отношения между властью и обществом

определяют форму, которую принимает культура. С другой — культурные конструкции в зависимости от своей формы могут усилить или подрывать отношения между обществом и властью.

Культуры разных народов мира значительно отличаются друг от друга. Каждый народ изучает свою историю и по-своему выстраивает свою судьбу. В обществе бытует много культурных отличий, диаметрально противоположных представлений о том, как устроен мир, и каждая цивилизация при этом имеет стройное объяснение именно своей версии. Никакого культурного единообразия сегодня нет и не ожидается в будущем.

Культурные отличия принимают различные формы. Чаще других говорят о национальных, этнических и религиозных отличиях. Но культурные отличия зависят и от возраста, касты, социального класса, здоровья, пола, географии, принадлежности к определенной организации, языка, хобби, расы, сексуальной ориентации и профессиональной занятости. Поэтому можно выделить молодежную культуру, бизнес-культуру, культуру горных народов, парламентскую культуру, культуру футболистов, гей-культуру, военную культуру и т. д.

В ходе социального конструирования определенных понятий при этом пересекаются различные векторы и направления, выделяются отдельные измерения жизни разных миров, которые тем не менее не изолированы друг от друга. Например, бизнес-культуры отличаются по национальному признаку, культуры пола — по социальному классу, исламские культуры — по возрастным группам и т. д. Относительная важность определенных аспектов культурного многообразия и то, как они объединяются между собой, меняются от контекста к контексту.

Культуры также меняются со временем. Культура никогда не бывает статичной, она постоянно подвержена изменениям. Для культурного производства характерны как постоянство, так и изменения. Даже фундаменталисты, которые, по их словам, живут согласно исконной правде, часто изобретают новые смыслы. В связи с неизбежной эволюцией культуры проблематичной является позиция традиционалистов, которые считают, что необходимо обязательно сохранять ценности прошлого.

Важно разграничить понятия «культурное многообразие» и «культурные отличия». Культурные отличия включают не только разнообразные факторы, но и несопоставимые отдельные идеи и различные представления о мироустройстве. Многие из таких представлений отражают диаметрально противоположные религиозные верования или абсолютно несовместимые представления о том, что вызывает смех и над чем можно шутить. Некоторые культурные несоответствия безобидны, и люди договариваются взаимно признавать эти отличия; другие же культурные отличия кажутся совершенно невыносимыми (люди не понимают и не принимают эти отличия и активно им сопротивляются). Культурные отличия, которые стороны признают неприемлемыми, составляют особенно сложную тему для переговоров.

Политика культурного многообразия и уважения отличий может стать реальным испытанием для общества. Конфликты по поводу мировоззрения и образа жизни во всем мире часто принимали жестокий характер и наносили огромный вред. Поэтому очень важно разрешить вопросы культурного многообразия и культурных отличий с точки зрения конструктивного, а не деструктивного подхода. Но как этого достичь?

Бинарная культурная политика

Доминирующий современный подход к политике культурного многообразия и отличий использует парадигму бинарной культурной политики; обычно такой подход наносит вред духу сотрудничества и мира в политической сфере. Бинарные конструкции кажутся привлекательными, потому что они просты, но они полностью игнорируют сложные аспекты культуры, о которых я упоминал выше. Кроме того, бинарные концепции часто приводят к созданию преувеличенно категоричных противопоставлений, что обуславливает рост дискриминации, изоляции, конфликтов и насилия.

Во-первых, бинарный подход упрощает понятие культуры, представляя все культурные параметры в виде всего лишь пар концепций. Бинарное мышление делит все представления человека о мире на «свое» и «чужое», «нас» и «их», членов группы и посторонних. Бинарные оппозиции приводят к тому, что мы подходим ко всем общественным явлениям с точки зрения дуализма: два класса, две цивилизации, две нации, две расы. В каждом из этих случаев культура предстает в форме ложной дихотомии, которая не предусматривает никакого промежуточного варианта. Тем не менее, как мы отмечали выше, на практике культуры не распределяются на герметично изолированные категории.

Во-вторых, при бинарном подходе культура предстает перед нами однонаправленной. Другими словами, наши представления о культуре сводятся к простой дихотомии двух понятий, разделяющих культуру и общество. В разнонаправленных векторах культурной жизни бинарные оппозиции прежде всего ориентируются на разные аспекты: национальные, этнические, религиозные и иные. В каждом случае один тип бинарной оппозиции преобладает над всеми остальными. А ведь на самом деле культура развивается гораздо более хаотично; постоянно изменяется относительная значимость разных элементов культуры.

В-третьих, бинарная позиция чрезмерно упрощает культуру, придавая им определенную сущность. Обеим сторонам в этом противопоставлении приписываются свои собственные именно данной стороне, строго закрепленные, неизменные характеристики. Таким образом, бинарное мышление выделяет основные представления о том, каковы и как себя ведут вьетнамцы, туземцы, евреи и другие идентичности. Каждая культура имеет корни, которые прикрепляют ее к определенному месту. Каждый, кому приписывается определенный культурный ярлык, наделяется набором определенных, свойственных ему качеств. Тем не менее на практике очень сложно выделить основные и неизменные характеристики определенной культуры.

В-четвертых, бинарная культурная политика противопоставляет полюсы бинарной оппозиции друг другу. В этом случае две стороны становятся взаимоисключающими. Возникают противопоставления «коренной житель — иммигрант», «гетеросексуал—гомосексуал», «Россия—Запад» и т. д. «Другой» в такой оппозиции рассматривается как полная противоположность «себе». Если ты включен в одну из культур, то таким образом исключаешься из других парадигм мировоззрения. Единство внутри культуры достигается посредством отрицания того, что извне. От бинарных оппозиций недалеко до создания групповой иерархии с соответствующей практикой дискриминации. Верхние элементы иерархии становятся праведными и всемогущими, а «чужие» — недостойными и слабыми, со множеством недостатков. Именно поэтому бинарные представления о культурной политике привели к возникновению дискриминации по способностям, возрасту, классовой принадлежности, сексуальной ориентации, полу, расе и др.

Такие представления обусловили возникновение четырех самых значимых тенденций в культурной политике: привычки к созданию бинарных оппозиций разделяют, упрощают, сталкивают культуры и сводят культурное многообразие к описанию ограниченных характеристик. Эти тенденции стали нормой в современной практике в области культурной идентичности, что уже привело к деструктивным последствиям в местной и международной политике. Возникает вопрос: существуют ли альтернативные, более конструктивные подходы к пониманию культурной политики?

Альтернативы со своими недостатками: мультикультурализм, монокультурализм, интеркультурализм

Другие модели культурной политики называются мультикультурализм (иначе — коммунитаризм), монокультурализм (иначе — универсализм или ассимиляционизм) и интеркультурализм. У каждой из них есть значительные недостатки, не позволяющие использовать их в качестве модели для описания сложно устроенной культуры. После описания недостатков этих моделей я перейду к более многообещающей альтернативной модели — транскulturализму.

Коммунитаризм, или мультикультурализм, утверждает, что человечество разделено на множество взаимоисключающих культурных групп, которые в основном ведут обособленный образ жизни и стремятся к уважительной взаимной толерантности. Избегание более тесных контактов между отличающимися друг от друга культурами, гласит эта модель, снижает вероятность конфликтов, уменьшает чувство страха, предотвращает насилие. Но, как мы уже говорили, человечество на самом деле не делится на четко сформированные отдельные «культуры». Культурный сепаратизм в рамках данной модели не соответствует реальному взаимному проникновению культур, которое мы наблюдаем в наше время. К тому же многие современные проблемы общественного устройства настоятельно требуют организации сотрудничества между культурами, невзирая на отличия. Поэтому сегрега-

ция, которую предлагает коммунитаризм, не является эффективным и практически осуществимым способом действий.

Второй альтернативой бинарной культурной политике является монокультурный либеральный универсализм, согласно которому все люди на планете должны оставить свои культурные отличия и последовать положениям западной модели мироустройства. Однако в настоящее время на Западе в рамках принятой философии не существует решений сложных общественных проблем, возникающих в мире. В определенном смысле некоторые характеристики этой системы, такие как эксплуатация труда капиталистами и «заносчивость» научного знания, ведут к усугублению существующих проблем. Кроме того, понятно, что большие общественные группы не приемлют, полностью или частично, всех принципов современной западной культурной модели и считают, что распространение таких взглядов является формой распространения империализма. В этом смысле либеральный космополитизм не помогает, а мешает демократическому всемирному сотрудничеству.

Третий подход к проблеме культурного многообразия — интеркультурализм — исправляет ошибки и недостатки мультикультурного коммунитаризма и универсального космополитизма, признавая потребность в создании социального кондоминиума на основе многочисленных моделей мироустройства. Согласно модели интеркультурализма, при аккуратном планировании кросс-культурного общения и ведении переговоров можно избежать разрушительного «столкновения цивилизаций» и наладить конструктивное сотрудничество. Однако у модели интеркультурализма существует важный недостаток: она не преодолевает представления мультикультурализма о том, что культуры разделены на отдельные группы, в то время как на самом деле различные модели мироустройства дополняют друг друга и пересекаются между собой. Кроме того, интеркультурализм отрицает тот факт, что при поиске общих значений среди культурных отличий приходится решать проблемы неравенства возможностей в рамках различных моделей мироустройства. Интеркультурализм также не обращает внимания на то, что некоторые культурные проблемы являются источником глубоких конфликтов и только доброй воли может быть недостаточно для достижения межкультурного кондоминиума.

Разумеется, данные представления о мультикультурализме, монокультурализме и интеркультурализме несколько упрощены, но и этого краткого описания достаточно, чтобы понять, что у каждой из этих моделей существуют серьезные недостатки, не позволяющие им стать основой для налаживания межкультурного диалога. В качестве альтернативной модели предлагаю использовать подход, который я называю транскультурализмом.

Транскультурализм

Идея транскультуры сама по себе не нова. Еще в 1940-х годах антрополог Фернандо Ортис ввел термин «транскультурация», который описывает смеше-

ния и объединения разных моделей мироустройства¹. С недавних пор идеи транскультурализма используются в исследованиях Артуро Эскобара, Уолтера Миньоло, Вольфганга Уэлша и др.² При этом новая концепция транскультурализма, основанная на семи принципах, которые описываются ниже, представляет собой новый взгляд на этику и политику культурного многообразия.

Первое положение транскультурализма, которое подчеркивает *необходимость рефлексии*, во многом задает тон остальным шести положениям. Рефлексия — это форма критического самоанализа, которая постоянно предупреждает о наличии и ставит под сомнение положения партикуляризма (то есть неуниверсальности) идей и практик отдельного индивидуума. Тот, кто занимается рефлексией, четко формулирует свои предположения и постоянно связывает собственные знания и поведение с соответствующим историческим и социальным контекстом. Рефлексирующий субъект никогда не претендует на существование культурной «верховной истины». Тот, кто занимается саморефлексией, обычно остро ощущает, что его собственная модель мироустройства отличается от того, как на мир смотрят остальные. Создание общих представлений на фоне культурных отличий происходит тогда, когда посредством рефлексии стороны начинают более четко осознавать характер существующих между ними отличий. Поиск самопознания такого рода обычно отсутствует в рамках тех моделей культурного многообразия, которые я описал выше.

Второй постулат транскультурализма подчеркивает *необходимость признания отношений между культурой и властью*, что означает, что социальная конструкция смыслов всегда сочетается с взаимодействием и противодействием потенциалов участвующих в дискуссии сторон. В рамках транскультурной политики важно определить, выделить и подвергнуть изучению структурные неравенства между разными представлениями о мироустройстве, особенно в ситуациях, в которых гегемон произвольно маргинализирует другие рациональные объяснения реальности. В рамках транскультурализма как модели стороны изучают, сравнивают и подвергают сомнению преимущества и недостатки разных представлений о мироустройстве. Участники диалога в рамках такой модели признают, что культурная субординация может вызывать гнев, подозрение и сопротивление со стороны тех, кто подвергается замалчиванию. К тому же субъекты, занимающие доминирующее положение в культуре, участвуя в транскультурном диалоге, обязуются изменить свое мировоззрение и оставить в стороне присвоенные и необоснованные привилегии. Устойчивое глобальное сотрудничество достижимо, но для этого стороны должны открыто и честно обсудить иерархию культурных источников власти, отказаться от попытки использо-

¹ Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, NC : Duke University Press, 1995 [1940].

² Mignolo W. D., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation // Translation and Ethnography: The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding / eds. T. Maranhao, B. Streck. Tucson : University of Arizona Press, 2003. P. 12–34 ; Welsch W. Transculturality — The Puzzling Form of Cultures Today // Spaces of Culture: City, Nation, World / eds. M. Featherstone, S. Lash. L. : Sage, 1999. P. 194–213.

вать нечестное конкурентное преимущество и согласиться соблюдать принципы равных возможностей, взаимоуважения и право высказывать свое мнение.

Третий постулат транскультурализма требует *признания комплексного характера культуры*. Это значит, что участники межкультурного диалога должны признать, что культура не состоит из четко определенных, взаимоисключающих групп, которые однородны и противопоставлены одна другой в рамках бинарной оппозиции — как культура обычно описывается в рамках других подходов. Культура в ее живом опыте допускает пустоты, пересечения, наложения, изменения и перемещения культурных слоев. Признавая комплексный характер культуры, мы должны дать каждому человеку право иметь собственную многомерную и подвижную модель мироустройства. В результате создания такого более нюансированного и открытого понимания себя и других мы закладываем более прочные основы для глобального сотрудничества.

Четвертый постулат транскультурализма основывается на *уважении многообразия*. Этот принцип требует не только признания, но и всестороннего уважения и продвижения идеи плюрализма моделей мироустройства. В отличие от других подходов, транскультурализм не рассматривает отличия как проблему, которую нужно в лучшем случае терпеть. Наоборот, в рамках этой модели культурный плюрализм приветствуется как источник творческого подхода. Контакты между разными моделями мироустройства в рамках такого подхода представляют собой возможности для развития новых точек зрения, раскрытия более широкого потенциала, поиска альтернативных ответов на вопросы. В рамках модели транскультурализма глобальное сотрудничество не ставится в зависимость от создания консенсуса вокруг общих смыслов и значений. В принципе различные точки зрения и практики относительно одного и того же вопроса могут изучаться одновременно и параллельно, взаимно дополняя друг друга. С точки зрения транскультурализма не необходимо, а даже, наоборот, антидемократично принуждать всех соответствовать одной и той же культурной модели.

Пятый постулат транскультурализма призывает к *смирению перед лицом культурных отличий*. Культурное многообразие следует признавать, и поэтому в рамках определенных культурных значений возможно существование несоизмеримых и взаимоисключающих тем, которые в случае взаимного отрицания вызывают еще большее стремление к отделению и противопоставлению. Именно поэтому модель транскультурализма в данном аспекте обуславливает *смирение перед лицом культурных отличий*. Вместо того чтобы немедленно перейти к конфронтации и требовать признания своей исключительной добродетели, в рамках данного подхода стороны договариваются провозгласить несовершенство собственной модели мироустройства и ограниченность метода сравнения преимуществ и недостатков разных моделей. Если мы, с одной стороны, признаемся в ограниченности человеческого опыта, а с другой — восхитимся многообразием творческого потенциала человека, то сумеем преодолеть огуль-

ное отрицание других моделей мироустройства и создадим основу для максимально возможного признания межкультурных отличий. Смирение, которое я предлагаю в рамках модели транскультурализма, не обязательно требует признания всех отличий и не призывает к уважению позиции тех, чьи ценности нам неприятны. Предотвращая поспешное отрицание и жестокое подавление культурных отличий, в рамках модели транскультурализма человечество тем не менее имеет возможность создать основы для уважительного сосуществования.

Смирение перед лицом культурных отличий ведет к шестому — основному — принципу транскультурализма — требованию *глубокого ответствующего слушания*. Умение внимательно выслушивать различные мнения — один из самых дефицитных навыков в современной политике. Слушание в рамках модели транскультурализма предусматривает не только внимательность, терпеливость и концентрацию внимания на собеседнике, но и стремление к эмпатии, получению обратной связи и сообщению новых смыслов своему собеседнику. При этом не имеется в виду, что внимательное выслушивание само по себе может помочь преодолеть культурные разломы. Тем не менее ответствующее слушание, которое мы используем в рамках данной модели, позволяет участникам вырабатывать совместные решения, которые признают культурное многообразие и уважают иные модели мироустройства. В этом смысле в рамках модели транскультурализма слушание становится актом солидарности. Если такому подходу следуют обе стороны, то это позволяет им лучше познакомиться друг с другом и научиться доверять друг другу.

Седьмой, последний, тезис в рамках модели транскультурализма предполагает *взаимное обучение* с целью развития положительных изменений в условиях многообразия моделей мироустройства. Обмен между разными моделями культурной жизни в рамках данной модели рассматривается как возможность узнать новое, что, в свою очередь, способствует положительным социальным трансформациям. Взаимоотношения между различными моделями (особенно если, как в рамках модели транскультурализма, участники думают, создают сложные системы, действуют открыто, с чувством смирения перед многообразием мира и внимательно слушают) становятся источником совместной сознательной культурной *реконструкции*. Транскультурный подход не только признает внутреннюю динамику культуры, но и приветствует и способствует развитию творческого потенциала, которому участники следуют в ходе взаимной трансформации. Включение культурного многообразия в диалог дает возможность сторонам принять существование иных способов восприятия реальности. Необходимо не только призывать другую сторону измениться, но и учиться у своего партнера по коммуникации. В ходе этого процесса тем не менее обычно не наблюдается культурной конвергенции: разные стороны сделают из этого разные выводы и начнут принимать решения в различных контекстах, что приведет к большому разнообразию локальных изменений.

Заключение

В рамках вышеописанных семи принципов модель транскультурализма предлагает огромные положительные сдвиги. С одной стороны, транскультурализм способствует созданию живой культурной среды, что ценно само по себе. Существование разнообразных и динамичных моделей мироустройства в обществе людей доброй воли приведет к процветанию человеческой цивилизации. Если отвлечься от непреодолимых отличий, культурное многообразие интригует, обогащает, его интересно изучать.

Кроме того, динамика культурной среды в рамках этой модели будет способствовать продвижению в обществе других основополагающих ценностей. Признание и вовлечение культурного многообразия в процесс взаимных перемен, демократического развития, справедливого распределения благ, свободы, мира и солидарности также будут способствовать совершенствованию человеческого сообщества. При этом важно осознавать смирение перед лицом культурного многообразия, учиться слушать и учиться друг у друга — это откроет новые пути развития комплексного идеологического подхода и материальной безопасности для всех людей на Земле.

Тем не менее, транскультурализм — не панацея. Этот подход не дает ответов на вопросы, связанные с экологией, не решает проблемы нарушения прав человека и не меняет хрупкого характера демократического мироустройства. В целом социальные изменения, которые возникают в результате обмена в рамках данного подхода, необязательно ведут к улучшению ситуации.

Более того, неравенство возможностей влиять на ситуацию может оттолкнуть людей от претворения в жизнь данного подхода. Например, на принци-

пах бинарной культурной политики процветают многие демагоги. Другие элиты видят для себя привилегии в рамках ассимиляционного подхода либерального космополитизма. Определенные общественные движения черпают силы из мультикультуралистического подхода, требующего сохранения «традиций», и в связи с этим будут сопротивляться положениям вышеописанной модели — смирению перед культурным многообразием, необходимости слушать и требованию взаимных изменений.

Транскультурализм сам по себе имеет политическую природу: на практике он всегда будет более выгоден одним, чем другим. С одной стороны, транскультурализм способствует развитию уважения, дает право голоса всем сторонам, увеличивает уровень представленности тех, кто оказался на обочине политического процесса. Однако при определенном сценарии развития транскультурализм может укрепить и даже увеличить культурное неравенство в обществе. В определенных условиях транскультуралистическая модель может использоваться гегемоном, который убедит подчиненные группы сотрудничать с ним. В таком случае транскультурализм будет способствовать легитимизации несправедливости, а не сопротивлению ей и борьбе с ней.

Именно поэтому, несмотря на то что выгоды данной модели для демократического глобального сотрудничества могут быть значительными, достижение этих выгод вряд ли может быть гарантировано. Сам по себе данный подход не обладает внутренним положительным потенциалом, это зависит от контекста реализации модели и применяемых практических методов. Поэтому, несмотря на то что транскультурализм обладает определенным потенциалом, на настоящем этапе необходимо его тщательное критическое осмысление.

А. В. Яковенко¹,
И. Д. Димитров²

ЦИФРОВОЙ МИР: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Вряд ли стоит спорить с тем, что эволюция человеческого общества даже на ближайшую перспективу будет определяться развитием информационных технологий. Общественные институты следуют за стремительным прогрессом средств коммуникации: газета, появившись в начале XVII века, стала ключевым институтом политики и подлинно «четвертой властью» только через 250–300 лет; потенциал радио и телевидения был раскрыт через 30–40 лет после их изобретения; ключевые же соцсети, формирующие сейчас политический дискурс во многих странах мира, были запущены всего десятилетия назад. Основным средством информирования населения стали цифровые платформы, при этом все больше информации подается в форме мультимедиа (это и инфографика, и жанр видеоблога, и картинка-мемы), чему способствуют увеличение скорости интернет-соединения и введение новых стандартов (5G уже тестируется в России). Применение мультимедиа делает контент более доступным: в тех странах, где сохраняется высокий уровень неграмотности, обладатели дешевых смартфонов уже пользуются всеми возможностями Интернета при помощи функции распознавания голоса.

Технологическая трансформация изменяет и модели человеческого поведения: визуальные образы воспринимаются лучше, чем текст, правильная письменная речь перестала быть «священной коровой», «клиповое мышление» упрощает мыслительный процесс (при этом вряд ли правильно говорить о том, что люди глупеют: ведь объем усваиваемых каждым новым поколением знаний и навыков постоянно растет, поэтому речь идет скорее об изменении форм когнитивного процесса, а не о его деградации).

В новых условиях возрастает роль предлагаемых политиками через медиаплатформы символов, которые

в известной мере будут играть роль политических программ. Нам, выросшим в советскую эпоху, памятен набор зрительных образов, ассоциировавшихся с СССР и коммунистической идеологией. Возможно, в будущем применение найдут не только и не столько глобально узнаваемые символы идеологий и религий, подобные серпу и молоту или полумесяцу, но и броские, визуализируемые лозунги в оболочке мемов (согласно автору этого термина Р. Докинзу, имеющие потенциал к вирусному распространению самодостаточные единицы информации; это может быть и запоминающаяся картинка, и острота, и видеоклип). Часто мемы основаны на образах массовой культуры, адаптированных к злободневным событиям (наш опыт работы в «Твиттере» показывает, что использование популярных британских культурных образов: цитат, поговорок, картин, кадров из фильмов — является очень успешным способом донесения мысли до читателя).

Вместе с активным ростом практического применения «больших данных» для анализа политики и экономики и более эффективного управления ими (и речь идет не только о политтехнологиях в духе печально известной «Кембридж Аналитики») эти тенденции делают совершенно оправданной фразу, приписываемую сразу нескольким современным экономистам: «Данные — это новое золото». Тот, кто соберет самый большой «золотой запас», имеет лучшие шансы в геополитической гонке за лидерство.

Когда социальные сети только появились, их превозносили как «глас народа», дающий шанс на самовыражение тем, кто раньше был принужден молчать. Опора на пользовательский контент (то есть информацию, исходящую от рядовых граждан, а не профессиональных журналистов и политиков) объявлялась средством политической либерализации и улучшения мира в целом. Сейчас даже создатель «Фейсбука» Марк Цукерберг предпочитает осторожно говорить лишь о пользе от «новых осмысленных связей между людьми», а традиционная пресса, теряющая рекламные доходы, всюю травит новые медиа как проводников «фейковых» новостей и, конечно, «российского влияния» (впрочем, США и Великобритания занялись обработкой иностранного общественного мнения через соцсети задолго до первых обвинений России в этом «грехе»). Пользовательский контент остается основой интернет-медиа, однако растет роль платформ, которые фильтруют доходную часть пользователей информации как в чисто коммерческих целях (пользование сайтом или приложением не должно вызывать отрицательных эмоций), так и в интересах борьбы с экстремизмом (известно, что террористы используют целый ряд интернет-платформ для координации, при этом запрет или тотальная цензура любой из них приводит лишь к быстрой смене канала связи). Сбор персональных данных пользователей также неизбежно ведет к потере анонимности в Интере-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж). Почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Почета, Дружбы, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Правительства и Президента РФ.

² Глава информационно-аналитической компании Seldon (Москва), исполнительный директор Ассоциации электронных торговых площадок, общественный омбудсмен по электронной торговле и предоставлению государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Автор статей по электронной коммерции и торговле. Член президиума Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», рабочей группы Экспертного совета при Правительстве РФ по вопросам совершенствования государственных закупок и государственных инвестиций.

те, даже если закон не обязывает пользователя предоставлять провайдеру или государству свое настоящее имя. Таким образом, герой 2000-х — бесстрашный интернет-«анонимус» под маской Гая Фокса, который, по популярному тогда выражению, «не прощает и доставляет», уходит в прошлое, и это общемировая тенденция.

Итак, «маленький человек», похоже, снова становится маленьким. Но новые технологии все же постепенно уравнивают возможности людей разного происхождения и культуры. В течение многих столетий языковые границы жестко определяли карьерные перспективы конкретного человека и культурные и экономические перспективы стран (число переводов — универсальный критерий признания для любого автора), а сегодня быстро развивающийся машинный перевод размывает эти границы (кстати, визуализация контента также делает его универсально понимаемым). Уже в наше время бесплатный компьютерный перевод (в том числе синхронный голосовой) обеспечивает передачу смысла, поэтому развитие технологий искусственного интеллекта в этой сфере имеет поистине прорывное значение. Хотя Россия и сейчас находится в числе лидеров по присутствию в Интернете (6,4 % всех текстов Всемирной сети написано на русском — это второй результат после 52,1 % у английского; для сравнения: у китайского языка — 1,9 %, хинди — всего

0,1 %), разрушение языкового барьера принесет огромные выгоды бизнесу, науке и культуре — это будет подлинная глобализация, плоды которой первыми пожнут те страны, где раньше будут внедрены соответствующие технологии, и у России в этом отношении хорошие шансы.

Глобализация, несомненно, подорвет западную (в первую очередь американо-британскую) гегемонию в информационном и культурном пространствах. Успехи китайских ИТ-компаний, ряд передовых технологий которых в электронной торговле и обработке «больших данных» уже превзошли западные наработки, позволяют поставить этот вопрос на повестку дня уже сейчас. По сути, только добровольная самоизоляция многих крупных китайских игроков до сих пор сохраняет статус-кво в мировом масштабе.

Каким же оно будет, глобальное общество будущего? Беспрецедентно открытое для людей и компаний любого происхождения, но не оставляющее места для анонимности. Накопившее и использующее невообразимый объем знаний, но готовое следовать за тем лидером, который выдаст самую запоминающуюся остроумную мысль на злобу дня. Нам может не нравиться эта новая реальность, но прогресс не остановить, поэтому наша задача — не пытаться задержать приход будущего, а сделать так, чтобы Россия и россияне заняли в нем достойное место.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- И. О. АБРАМОВА директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
- А. А. АКАЕВ президент Кыргызской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор
- Р. Ж. АЛЯУТДИНОВ директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ
- Э. БАГИС министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Польши (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- М. ДЕЛЛ'АМБРОДЖИО министр образования и науки Швейцарии, доктор юридических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. Л. КВИНТ иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- А. В. КУЗНЕЦОВ заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
- Ч. Т. ЛАУМУЛИН исследователь Центра исследований развития Кембриджского университета (Великобритания)
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- А. С. МАКСИМОВ председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга
- В. К. МАМОНТОВ генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- Г. МЕТТАН президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)
- М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
- Р. И. НИГМАТУЛИН научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Н. С. САФРОНОВ академик Российской академии художеств, профессор Ульяновского государственного университета, заслуженный художник РФ, народный художник Республики Дагестан
- П. П. ТОЛОЧКО член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Ж. Т. ТОЩЕНКО председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Традиционно скажу несколько слов от имени Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений. Хочу с удовлетворением отметить, что в этом году в работе Лихачевских чтений принимают участие 24 члена Российской академии наук, 26 руководителей академических научных институтов, свыше 200 докторов наук, профессоров из разных уголков нашей страны, выдающиеся политики, деятели науки, культуры и образования из 25 стран мира.

Университет продолжает традиции, заложенные академиком Д. С. Лихачевым в 1993 году, когда в СПбГУП впервые были проведены Дни науки. В 2001 году эта традиция была законодательно закреплена в Указе Президента РФ В. В. Путина, присвоившего Читаниям статус Лихачевских. Отрадным для нас является тот факт, что сегодня в этой аудитории не хватило мест многим студентам, которые хотели бы принять участие в работе нашего форума. Здесь присутствуют только лучшие из лучших — это свидетельствует о том, что у российской гуманитарной науки огромное будущее, которое воплощается в настоящем. Будущее есть, пока у нас есть яркая, неравнодушная, талантливая молодежь.

На Лихачевские чтения 2018 года поступило большое количество докладов. В связи с этим хочу подчеркнуть, что Лихачевские чтения, которые проводятся в СПбГУП с 1993 года, за это время превратились в крупнейший ежегодный мировой форум гуманитарного знания. Уже более 10 лет доклады, представленные на Лихачевские чтения, только публикуются в сборниках и на интернет-сайте СПбГУП. Мы были вынуждены отказаться от чтения докладов с этой трибуны и на секционных заседаниях, потому что у нас физически не хватило бы времени заслушать их. Тем не менее сегодня на пленарном заседании прозвучит ряд выступлений. Зачем это нужно, если все доклады размещены на сайте?

В качестве лирического отступления напомним о случае, произошедшем с Альбертом Эйнштейном. После утверждения в Германии нацизма он переехал в Соединенные Штаты Америки, где много выступал с лекциями. Ему платили хороший гонорар (тогда он составлял более тысячи долларов). Эра телевидения еще не наступила, поэтому Эйнштейна мало кто знал в лицо. Его водитель однажды с возмущением заме-

тил: «Вы читаете одно и то же в разных университетах, и вам везде платят большие деньги. Каждый может читать лекции». Эйнштейн ответил: «Ну если каждый может, предлагаю вам в следующий раз выступить с лекцией». И вдруг выяснилось, что у водителя феноменальная память. Он вышел к аудитории и рассказал все то, что Эйнштейн читал до него несколько раз в других университетах. После чего ему стали задавать вопросы, и водитель сказал: «Ваши вопросы настолько просты, что на них ответит даже мой шофер». И показал на Эйнштейна.

Я не хотел бы, чтобы наша молодежь воспринимала нас так, как американцы в 1930-е годы — Альберта Эйнштейна, не зная его в лицо. Наши выдающиеся интеллектуалы должны быть известны молодежи. И ученым нужно знать друг друга не только по научным публикациям. Кроме того, светила должны иметь возможность в устном выступлении привлечь внимание аудитории к своим наиболее ярким, ключевым идеям.

Как председатель Оргкомитета, я хочу частично процитировать некоторые приветствия, поступившие в адрес Международных Лихачевских научных чтений.

Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев в своем приветствии отмечает: «интерес к Лихачевским чтениям растет год от года, увеличивается число участников. Ведь на этом уникальном гуманитарном форуме обсуждаются вопросы, которые важны не только для современной России, но и для всего мира. Ярким примером этому служит тема нынешней встречи — “Контурные будущего в контексте мирового культурного развития”».

В телеграмме председателя Государственной Думы РФ В. В. Володина говорится: «...именно взаимное уважение народов и гуманитарное сотрудничество могут стать основой международной стабильности. Уверен, что научное и творческое осмысление наследия академика Д. С. Лихачева позволит выработать конкретные рекомендации для будущего развития нашей страны».

Министр культуры РФ В. Р. Мединский: «Убежден: проведение встреч в рамках Чтений послужит не только укреплению духовно-нравственных основ общества, но и сохранению межнационального и межкультурного согласия внутри страны».

Министр труда и социальной защиты РФ М. А. Топилин полагает: «Вопросы и темы, обсуждаемые на форуме, затрагивают современные глобальные вызовы и национальные интересы России и имеют большое значение для мира и прогресса на всей планете. Уверен, что участники форума предложат конкретные инициативы по совершенствованию социально-трудовых отношений».

Генеральный директор ЮНЕСКО Одри Азулай в своем приветствии отмечает: «Международные Лихачевские научные чтения имеют огромное значение для осмысления эволюции образовательных, научных и культурных аспектов глобализации».

Прошу академика Роберта Искандеровича Нигматулина выступить от имени Президиума Российской академии наук и огласить приветствие президента РАН.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Президент Российской академии наук академик Александр Михайлович Сергеев в своем приветственном письме отметил: «За прошедшие годы Лихачевские чтения стали признанной и важной площадкой для научных дискуссий по ключевым проблемам современности. Актуальность проблематики, впечатляющий состав участников, тематическое многообразие сделали Лихачевские чтения формой мобилизации интеллектуальных ресурсов ученых, праздником гуманитарной мысли, значимым событием научной жизни не только в Санкт-Петербурге и России, но и в международном масштабе. Убежден, что ваш форум внесет существенный вклад в разработку моделей стабильного будущего и утверждения единства человеческой культуры».

Уважаемые коллеги! В настоящее время многие проблемы мира в первую очередь связаны с социально-экономическими и гуманитарными науками. Это особенно актуально для нашей страны, которая отстаивает свое место в мире. Особое место нашей цивилизации обусловлено тем, что она развивается в крайне жестких климатических условиях (7–8 месяцев зимы), а в более суровых условиях современная цивилизация самостоятельно не развивается.

Несмотря на то что в областях культуры и науки Россия всегда следовала за Европой, перенимала европейские ценности, мы вносили существенный вклад в развитие всей мировой цивилизации, которую невозможно представить без Льва Толстого, Чайковского, Достоевского, Чехова, Менделеева, Павлова, Мечникова, Ландау и Лифшица и многих других.

За последние 30 лет мир сильно изменился. Россия потеряла свои лидерские позиции главным образом потому, что утратила технологические преимущества, сильно ослабила свои производительные силы, разрушила свои системы образования и науки. Как выйти из создавшегося положения? Надеюсь, дискуссии, которые сегодня состоятся в рамках Лихачевских чтений, дадут новые идеи ученым из России и других стран, с пониманием относящимся к проблемам российского народа.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Соучредителями Международных Лихачевских научных чтений являются

Российская академия наук и Министерство иностранных дел РФ. Слово предоставляется директору Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ Ринату Жафяровичу Аляутдинову.

Р. Ж. АЛЯУТДИНОВ: — Разрешите зачитать приветствие министра иностранных дел РФ Сергея Викторовича Лаврова: «Ежегодные встречи в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов стали доброй традицией. За без малого два десятилетия они утвердились в качестве авторитетной дискуссионной площадки, собирающей представителей научных, экспертных, политологических кругов, гражданского общества России и целого ряда других государств. В нынешней турбулентной ситуации в мире усилия, направленные на неполитизированное обсуждение актуальных тенденций современности в самых разных областях, приобретают особое значение.

Тема нынешнего заседания звучит особенно актуально. Трудно переоценить роль культуры в деле упрочения фундамента межгосударственных отношений, поддержания доверия и взаимопонимания на международной арене. Россия, как последовательный сторонник уважения к самобытности народов и их праву самостоятельно определять модели политического и социально-экономического устройства, продолжит способствовать продвижению культурно-цивилизационного многообразия, наращиванию межцивилизационного и межконфессионального диалога. Несомненно, полезный вклад в общие усилия на этом направлении внесет и ваша конференция».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, учредителем нашего Университета является Федерация независимых профсоюзов России. Слово предоставляется председателю ФНПР Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Поздравляю всех участников с началом работы форума, который проводится уже в 26-й раз. Международные Лихачевские научные чтения стали хорошей традицией не только в нашем Университете, но и в общественной жизни нашей страны. Сегодня это направление — общественные науки и культурные традиции нашей страны, народов, которые ее населяют, — является одним из основных, его нужно развивать и дальше. Без культуры не существует науки. В целом без гуманитарного образования, гуманитарного подхода, выработки общих культурных и национальных традиций и поиска направлений, в рамках которых должно развиваться наше общество, невозможны развитие, выполнение задач, поставленных обществом, руководством нашей страны, прорыв во всех направлениях науки, техники, общественной жизни.

Лихачевские чтения, как никакая другая площадка в нашей стране, вносят неоценимый вклад в поиск направлений развития. Уверен, что на Чтениях 2018 года будут сформулированы принципы дальнейшего развития в рамках тех направлений общественной мысли, которые здесь представлены.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В историю нашего Университета вошли 38 почетных докторов. Многие из них здравствуют и по-прежнему являются для нашей молодежи замечательным примером жизни и деятельности. От имени почетных докторов СПбГУП прошу выступить министра иностранных дел Королевства Испания (2004–2010) Мигеля Анхеля Моратиноса Куйяубе.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Дорогие друзья, мое сегодняшнее выступление адресовано в первую очередь студентам — поколению XXI века, которое сейчас, возможно, несколько ошеломлено и подавлено творящейся политической неразберихой, кризисами, конфликтами и катастрофами.

Если поговорить с обычными людьми на улице, то может показаться, что мы живем в самую невыносимую эпоху в истории человечества. Вместе с тем нельзя не признать, что никогда раньше человечество не добивалось такого значительного прогресса и новых открытий во всех областях: в науке, в новых технологиях и в сфере искусственного интеллекта (хотя я предпочитаю человеческий). Никогда раньше ВВП не рос так интенсивно, как в прошлом году, никогда прежде так не развивался туризм — сейчас более миллиарда человек путешествуют по всему миру каждый год, никогда не было такого скоростного и доступного транспорта, а самолеты с такой легкостью не пересекали океаны. И никогда не существовало настолько широких возможностей для того, чтобы решить основные проблемы мирового сообщества: бедность, голод, недоступность образования, отсутствие равенства полов и т. п. В этих открывшихся возможностях — сила нового поколения. Так что, дорогие друзья, не стоит пугаться этой хаотичной среды, в которой мы живем, и тех проблем, которые мы, политики, не смогли решить. Верьте в будущее и в настоящее, готовьтесь к тому, чтобы с помощью своих знаний и способностей решать проблемы и принимать вызовы завтрашнего дня.

Есть два типа современного мировоззрения, с которыми вам предстоит столкнуться. Одни считают, что Большие данные (Big Data) станут своеобразным топливом будущего, как бензин и нефть в XX веке. Эти люди убеждены, что машины смогут дать нам ответы на все вопросы, поэтому у нас не будет необходимости читать, обзаводиться домашней или университетской библиотекой. Стоит нажать на клавишу — и вы узнаете все. Не поддавайтесь этой иллюзии. Другое заблуждение — что гуманитарные и общественные науки теряют свое значение, перестают влиять на принятие решений государственного масштаба. Это мнение сторонников технократического подхода, которое вам предстоит опровергнуть.

Для нынешней цивилизации характерны два явления, которые нуждаются в особом осмыслении. Одно из них — это индивидуальность, а второе — неравенство. Вы наверняка знаете, что две тысячи человек владеют более чем 13 трлн долларов, и наряду с этим есть люди, которые хронически голодают. Проблему неравенства решать так или иначе придется, поскольку об-

щество не сможет развиваться дальше при имеющемся разрыве между богатыми и бедными. Что до индивидуальности, она мешает нам увидеть контуры цивилизации и осознать себя ее частью. Эти и другие проблемы вам предстоит решать.

Хочу пожелать вам не стать разочарованным поколением. Будьте поколением, которое готово сражаться за лучший мир, — и вы преодолеете все и победите.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется министру образования и науки Швейцарии Мауро Делл'Амброджио, который впервые принимает участие в Лихачевских чтениях, но надеюсь, что это начало доброй традиции.

М. ДЕЛЛ'АМБРОДЖИО: — Уважаемый ректор Запесоцкий, дамы и господа, дорогие друзья! Благодарю за приглашение на Международные Лихачевские научные чтения и предоставленную возможность открыть конференцию — это большая честь для меня.

Сегодня мы обсуждаем вопрос о том, что нас ждет в будущем, в контексте современного мирового культурного развития. Ответить на этот вопрос сложно, в частности потому, что культура — очень широкое понятие. Когда мы говорим о культуре в традиционном, узком смысле, то она в определенной степени является универсальной. Примером может служить искусство. Независимо от того, идет ли речь о музыке (сочинениях Баха, Чайковского, Шостаковича) или литературе (произведениях Мольера, Достоевского), мы говорим о творениях гениев, которые признают все и которые остаются на века. Исследования и наука находятся на том же уровне, что и искусство. Идет поиск новых знаний. Они по своей природе безопасны и универсальны, так же как искусство, наука и исследования не знают границ и объединяют народы.

Идеологические концепции и мировоззрение — это другое проявление культуры. Такие концепции находят свое выражение, например, в общественных науках, управлении бизнесом, экономике и в первую очередь — в политике. Идеологическая форма культуры не является универсальной, она меняется со временем и в зависимости от места. В принципе изменения и различия — это неплохо, однако я не осмелюсь это утверждать для всех случаев.

Идеологическая форма культуры не позволяет нам плавно двигаться вперед, вместо этого мы делаем два шага вперед и один шаг назад. Мы наблюдаем ухудшение ситуации после окончания холодной войны, тогда были сделаны два шага вперед в смысле общего взаимопонимания. Это взаимопонимание включало мирное взаимодействие между странами, открытые границы для людей, идей и товаров.

Я не смотрю на происходившее тогда сквозь розовые очки, но создается впечатление, что происходящее сейчас — это шаг назад. Глобализация перетасовывает карты в большом количестве областей и направлений. Например, меня беспокоит то, что сегодня научные знания ставятся под сомнение в угоду политическим соображениям. Фактически вместо неопровержимых фактов распространяется фундамен-

тальное антинаучное отношение: альтернативная медицина, «мысль Нового времени», сектантство. Например, происходит изменение климата и уже проявляются последствия этого, но они рассматриваются как фейковые новости.

Международное сообщество находится в сложном положении: общие потребности и нужды стран мешают реализации программы под эгидой ООН «Цели развития тысячелетия» и все в большей степени уступают национальным интересам. Мир становится глобальным, но и национальные государства стремятся вперед, создают идентичности, с которыми людям проще себя ассоциировать.

Концепция международного сообщества гораздо более сложная. Как далеко может зайти постоянная конкуренция между национальными государствами? Некоторые считают, что эта конкуренция имеет позитивный характер и была таковой изначально. Но мировая история учит, что напряжение между странами, которое поддерживается националистскими устремлениями, — чрезвычайно взрывоопасное проявление различных культур. Я говорю это, как представитель маленькой мультикультурной страны. Диалог для нас является необходимым инструментом успеха на национальном и международном уровнях.

Учитывая все это, я надеюсь, что скоро мы сможем вновь сделать два шага вперед в направлении общей универсальной культуры. Убежден, что россияне, в частности ученые СПбГУП, внесут в это дело значительный вклад. На людей нескольких поколений, проживающих в Санкт-Петербурге, выпали тяжкие испытания, они пережили тяжелый жизненный опыт. Этот опыт предопределил ваше участие в решении проблемы снижения напряжения и открытого диалога об универсальных человеческих ценностях и широкомасштабной общей культуре.

В определенной степени национальная гордость необходима, но когда гордость превращается в гордыню, высокомерие (*lat. superbia*), она становится если не грехом, то по крайней мере опасностью. Надеюсь, что в будущем мы создадим мир, который составят не маленькие сражающиеся друг с другом островки, — мы создадим большой взаимосвязанный мир, который будет защищен и в котором будет вестись диалог.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается выдающийся российский правовед, судья Конституционного Суда РФ, Почетный доктор СПбГУП Гадис Абдуллаевич Гаджиев.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Недавно председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин сказал: «Мир устал от мира». Это высказывание вызвало у меня ассоциацию с романом Льва Толстого «Война и мир». До этого романа увидела свет книга Прудона с таким же названием. Л. Н. Толстой встречался с Прудоном в 1861 году. Но если у Прудона война и мир — это антиномия, то у Толстого мир — это основная онтологическая категория, все, что вокруг нас. В большом мире живет простой солдат Платон Каратаев, который растворен в народе, не ощущает себя индивидуально-

стью. Этот образ — в духе Юнга, когда человек подчиняется идее коллективизма.

Я прочитал произведение Прудона «Война и мир», когда был студентом, и оно поразило меня своей парадоксальностью. У Прудона феномен войны и мира объясняется тем, что это две функции человечества, которые должны чередоваться, повторяться в истории так же, как в жизни индивидуума чередуются бодрствование и сон. То есть война, по мнению Прудона, — это нечто обыденное и даже продуктивное. Идея войны у Прудона — это прежде всего идея силы, которая является одним из принципов движения и жизни. Сила порождает антагонизм, а антагонизм — необходимость в согласии. Парадоксальные рассуждения приводят к выводу о том, что в этой распрямляющейся спирали рассуждений о силе проявляется правосудие — как практический разум и высшая способность души. В правосудии демонстрируется существующее в природе равновесие. С моей точки зрения, равновесие и есть справедливость.

Итак, война — это антагонизм. Но именно антагонизм способствует появлению международного права, возникновению равновесия. Во внешней политике известна идея о европейском равновесии. Впоследствии представление о балансе разрослось настолько, что теперь это одна из основных идей эпохи рационализма. Кроме равновесия, во внешней политике действует много других балансов: торговый в национальной экономике, космическое равновесие притяжения и отталкивания, равновесие страстей у Мальбранша и даже равновесие питания у Мозера.

Война — это продолжение антагонизма и его кульминация. Но иногда, как предсказывает Прудон, преодоление антагонизма может привести к возникновению всемирной иерархии, которая будет означать мировое порабощение. Поэтому — делает вывод Прудон — политическая система предполагает общее равновесие государств, которые должны ограничивать друг друга. Это и есть проявление справедливости, и равновесие в этом смысле — справедливость.

Одна из опасных иллюзий — что есть некая система универсальных ценностей, которые могут заменить все остальное. Жаль, что систему универсальных ценностей проповедует нация, которая во многих штатах своей страны еще во второй половине XIX века практиковала смертную казнь за то, что рабов обучали грамоте. Навязывание миру собственной универсальной системы ценностей несколько тревожит.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Иногда, к сожалению, политики ссорят народы. Но даже в самые сложные периоды истории ученые создают условия для того, чтобы народы поддерживали добрососедские отношения и совместно трудились. Слово предоставляется выдающемуся советскому и украинскому ученому, иностранному члену РАН, Почетному доктору СПбГУП Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — В дополнение к тому, что я написал в докладе, хотел бы поделиться своими соображениями относительно места и роли культуры в опре-

делении контуров будущего нашей планеты. К сожалению, она на современном этапе мало влияет на ход истории. Контур будущего определяют экономические интересы и военная сила, что, впрочем, и было всегда. Примеров этому в истории множество. Последний — это ядерная доктрина США, предусматривающая применение атомного оружия в условиях обычного военного конфликта и определившая на роль врагов США Россию, Китай, Иран и КНДР. Конечно, такие контуры не устраивают мировую общественность. Они апокалиптические. Но сколько-нибудь внятных возражений относительно такой перспективы от мировой общественности что-то не слышно.

А ведь еще сравнительно недавно, по историческим меркам, культура возвышала свой голос в защиту мирного развития. Это делали выдающиеся ученые и писатели, политики и государственные деятели. Это делали авторитетные международные организации, такие как Всемирный совет мира, имевший свои структуры во многих странах. Это такие организации, как Движение неприсоединения, являвшееся, по существу, третьей мировой силой, с которой невозможно было не считаться. Оно одинаково осуждало и агрессию США во Вьетнаме, и ввод войск СССР в Афганистан. Определенно они удерживали мир от того разбойного хаоса, в который он погрузился в наше время. Сегодня эти институции являются чисто номинальными, к тому же внутренне противоречивыми. Их голос не слышен. Нет и таких моральных авторитетов, какими были Жолио-Кюри, Пабло Неруда, Джавахарлал Неру, де Голль, Иосиф Тито, Фидель Кастро.

Такое впечатление, что нынешний мир измельчал. Политические деятели единственного в мире военного блока НАТО в своем желании доминировать над всеми совершенно забыли о таких понятиях, как «честь» и «достоинство». Сочиняют против своих конкурентов различные фейки-легенды и на их основании принимают решения о наказании. Отлучают от участия в спортивных соревнованиях, как это имело место с Россией, вводят экономические санкции, развязывают войны. При этом не предпринимается попыток найти хоть какие-то подтверждения фейковым обвинениям. Через какое-то время оказывается, что российские спортсмены допинг не принимали, химической атаки в г. Дума не было, а газ «Новичок», которым якобы отравили Скрипалей, производился не только в России, но и в странах НАТО. Более совестливые деятели, как экс-премьер Великобритании Тони Блэр, задним числом признают свои ошибки, а менее совестливые, как президент Международного олимпийского комитета Томас Бах, продолжают доказывать, даже вопреки решению суда, свою правоту. Честное признание президента Чехии Милоша Земана о том, что газ «Новичок» в небольших объемах производился в лаборатории военного ведомства его страны, вызвало на Западе бурю негодования и даже обвинения в его прокремлевской ориентации.

Но чего стоят эти поздние признания в ошибках, когда за них уже расплатились целые страны десятками, а то и сотнями тысяч (как в Ираке) жизней своих сограждан, разрушением государственности (как в Ливии) и экономики.

Отдельно следует сказать о дестабилизирующей роли небольших государств, ранее входивших в состав Советского Союза или социалистическое содружество. Приняв на вооружение своей международной политики миф об угрозе со стороны России, они, как мелкие лавочки, выгодно продают его нынешним партнерам по ЕС и НАТО. Получают за это барыши в виде денежных вспомоществований, размещения на своей территории военной инфраструктуры США. Не учитывают только того, что в случае глобального военного конфликта станут первыми его жертвами.

Когда-то на постсоветском пространстве был популярен анекдот: на вопрос «Когда будет лучше?» отвечают: «Лучше уже было». Мы знаем, что лучший мир уже действительно был, когда два полюса, два центра мировой силы — США-Европа (НАТО) и Советский Союз (Варшавский блок) — уравнивали друг друга.

Определенно в мировые отношения необходимо вернуть этот опыт. С ним мир будет более стабильным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, у нас иногда критикуют Петра I за то, что он выбрал болотистую дельту Невы для того, чтобы построить здесь город. Не случайно 100 лет назад известный русский поэт Саша Черный писал:

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников — морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма — так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...

Пусть поэты продолжают предъявлять претензии Петру I, если хотят. Мы же, напротив, порадуемся тому, что 92 года назад, в 1926 году, профсоюзы решили именно здесь основать свое учебное заведение. Петербург для нашего Университета — и родина, и прекрасное средство воспитания молодежи, предоставляющее возможность приобщиться к великой культуре. Этой работой мы занимаемся вместе со всем Петербургом и, конечно, получаем поддержку от губернатора Георгия Сергеевича Полтавченко, от правительства города, от Комитета по науке и высшей школе.

Я с большим удовольствием предоставляю слово Андрею Станиславовичу Максиму — главе Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга.

А. С. МАКСИМОВ¹: — Позвольте мне выполнить почетную миссию и огласить приветствие губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко всем участникам,

¹ Председатель Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, кандидат технических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга I-го класса. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Подготовка кадров для научно-производственного комплекса Санкт-Петербурга», «Информационная система анализа и управления товарными потоками в регионе» (в соавт.), «Высшая школа Санкт-Петербурга: курс на модернизацию» и др. Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

организаторам и гостям XVIII Международных Лихачевских научных чтений.

«Дорогие друзья! Рад приветствовать всех вас в Санкт-Петербурге — в городе, в котором жил и трудился великий ученый, выдающийся культуролог и искусствовед академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Международные Лихачевские чтения приобрели высокую репутацию в мировом научном сообществе. Масштабная дискуссионная площадка, посвященная многим вопросам цивилизационного развития, традиционно объединяет ведущих ученых, государственных и общественных деятелей из разных регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Опираясь на идеи академика Лихачева, которые в современном мире приобретают особую актуальность, участникам Чтений предстоит обозначить контуры будущего в контексте мирового культурного развития. Именно культура, по глубокому убеждению академика, составляет смысл и главную ценность существования человечества. Уверен, работа форума будет способствовать дальнейшему укреплению гуманитарных связей и поиску идей для новых просветительских проектов. Желаю участникам XVIII Международных Лихачевских научных чтений плодотворного общения и самых ярких впечатлений от Санкт-Петербурга!»

Я также от имени городской администрации и от себя лично хотел бы произнести слова благодарности в адрес Александра Сергеевича и всех организаторов XVIII Международных Лихачевских научных чтений за прекрасную организацию работы и высокий уровень конференции, поддерживаемый из года в год. Дмитрий Сергеевич Лихачев был уверен, что гуманитарное образование — важнейший путь к гуманизации общества. В сегодняшнем турбулентном и непредсказуемом мире его идеи особенно актуальны. Желаю всем участникам Чтений интересных дискуссий и плодотворной работы!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, уже не первый год в нашей работе принимает участие человек, которого мы вполне обоснованно считаем видным представителем ленинградской интеллигенции. Мы с ним окончили один и тот же вуз — Институт точной механики и оптики, а сегодня он работает в Москве, в МГУ. Это выдающийся ученый и государственный деятель, иностранный член РАН Аскар Акаевич Акаев.

А. А. АКАЕВ: — В конце XX столетия человечество вступило в эпоху нового исторического разлома — глубокого, затяжного глобального кризиса, обусловленного сменой долгосрочных цивилизационных циклов. Прежде всего, происходит закат двухсотлетней индустриально-капиталистической цивилизации. Заканчивается 500-летний жизненный цикл четвертого поколения локальных цивилизаций, который проходил при полном доминировании Запада. Сегодня мы наблюдаем восход пятого поколения локальных цивилизаций, ведомых восточными локальными цивилизациями, прежде всего китайской, индийской и, конечно, евразийской во главе с великой Россией. Именно этим объясняется растущая политическая напряжен-

ность в мире в последние десятилетия, участвовавшие геополитические конфликты, которые грозят перерасти в конфликт цивилизаций. Поскольку нынешний кризис носит цивилизационный характер, выход из него тоже может быть только на цивилизационной основе. И этот стратегический путь был указан — переход к гуманистически ноосферной интегральной цивилизации, который был разработан великими русскими учеными XX столетия Владимиром Вернадским, Питиримом Сорокиным и, наконец, академиком Никитой Моисеевым.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин и министр иностранных дел России Сергей Лавров проводят именно такую международную политику. А ученые и дипломаты, собравшись два года назад в Ялте, учредили Ялтинский клуб для того, чтобы помочь политикам разработать стратегию формирования нового мироустройства — многополярного и устойчивого, поскольку Ялтинский мир и послевоенное многополярное мироустройство, которое стало результатом Ялтинской конференции 1945 года, полностью разрушены стараниями Запада во главе с Соединенными Штатами Америки. Последний камень из фундамента Ялтинского мира, думаю, вынул президент США Дональд Трамп, выйдя в одностороннем порядке из Международного соглашения по ядерной сделке с Ираном при полном игнорировании решений Совета Безопасности ООН и даже своих союзников. Поэтому мы считаем, что наступило время, когда мы должны внести свой вклад и помочь политикам ведущих держав, которые стремятся сделать все для того, чтобы сформировать новое мироустройство, преодолеть нынешние мировой хаос и турбулентность.

Мы разработали проект — дорожную карту формирования нового устойчивого миропорядка. Этот 700-страничный документ представлен на сайте Университета в разделе «Площадь Д. С. Лихачева». Призываю всех участников Лихачевских чтений ознакомиться с ним. Проект будет передан Министерству иностранных дел России. Сергей Лавров, ознакомившись с документом, одобрил и рекомендовал его обсудить. Думаю, что Лихачевские чтения являются лучшей площадкой для такого обсуждения. Затем он будет представлен министерствам иностранных дел государств — членов Организации Объединенных Наций.

Что мы предлагаем в нашей дорожной карте? Мы считаем, что в год 75-летия знаменитой Ялтинской конференции (2020) необходимо созвать Саммит цивилизаций. Поскольку в ближайшее время на геополитическом поле основную роль будут играть локальные цивилизации, мы предлагаем объявить 2020-е годы десятилетием укрепления диалога и партнерства цивилизаций с тем, чтобы сформировать новое многополярное и устойчивое мироустройство, чтобы XXI век стал веком процветания человечества, а не его концом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в работе нашего форума принимает участие большая группа выдающихся экономистов — ученых и практиков мирового уровня. Завтра одну из наших секций

будет вести академик Глазьев — советник Президента Российской Федерации В. В. Путина. Руководителем другой секции будет академик Некипелов — известный организатор науки, вице-президент Российской академии наук (2001–2013). А сейчас я предоставляю слово академику РАН, доктору физико-математических наук Валерию Леонидовичу Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Я буду говорить не об экономике, а о тенденции, не связанной с экономикой напрямую, — о том, что мы вступаем в так называемый цифровой мир. Хотя сейчас часто приходится слышать словосочетание «цифровая экономика», все же цифровой мир — более широкое и точное понятие. В этой новой действительности знания получают не совсем так, как раньше. Были творческие люди и гении, которые эти знания каким-то образом получали. Их гений, в частности, состоял в том, что из разных вариантов они выбирали тот, который ближе к действительности, хотя они же порождали и сами варианты.

Сегодня мир кардинально изменился. Появились возможности порождать огромное число вариантов в любой сфере — в науке, в написании картин, в сочинении музыки, романов, стихов и т. д. И возникает новая категория людей, которые, может быть, не гении, но они выбирают из многих вариантов наиболее близкие к действительности. Это могут быть даже не отдельные люди, а население в целом. Ведь как рождаются пословицы и поговорки? Их автор — народ. Что еще важнее — только сейчас появился инструмент порождения различных вариантов. Поэтому нужны люди (особенно большая надежда на молодежь), которые будут не только порождать разные варианты, но и выбирать из них лучшие. Возможно, часть этих задач будет выполнять компьютер, но в любом случае люди должны их рассматривать, исследовать и выбирать те, которые будут лучше и полезнее других. Повторяю, это совершенно новые возможности, которых мир раньше не знал. Призываю всех обращать внимание на эти современные реалии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я с удовольствием сообщая, что, несмотря на некоторые сложности в международных отношениях, в работе нашего форума принимает участие группа ученых из Великобритании. Слово представителю Кембриджского университета господину Чокану Лаумулину.

Ч. Т. ЛАУМУЛИН: — У Кембриджского университета исторически сложились добрые и плодотворные взаимоотношения с Россией, в том числе с Петербургом. И сегодня я хотел бы начать свое очень краткое выступление с уместной, на мой взгляд, цитаты.

На нашем форуме красной линией проходит мысль о единстве науки, о том, что это чуть ли не уникальное средство взаимодействия народов и культур во времена конфликтов и войн. Я хотел бы напомнить слова отца квантовой механики Макса Планка, которые он написал в 1916 году, в разгар Первой мировой войны, своим коллегам из других стран, в одночасье ставших вражескими: «Существуют такие понятия моральной и нрав-

ственной интеллектуальной жизни, которые находятся за пределами борьбы наций».

Именно наука и культура являются такими феноменами, которые находятся за пределами межнациональной борьбы, экономической конкуренции и т. д. Более того, они преодолевают все противоречия и выступают в качестве основы экономического и социального развития. Когда мы выдвигаем экономику на первое место, то забываем базовые постулаты, поскольку, как верно сказали коллеги, технологии начинаются с философии. Вначале есть культура и наука, и только на их основе становятся возможными прикладные разработки, технологии, инновации, а экономика и финансы — следующая ступень. Только помня о культурном и научном единстве мира, мы можем ответить на требования и вызовы новой индустриальной революции.

Хотелось бы вспомнить опыт величайшей научной державы XX века, которая побилла исторический рекорд в финансировании научных исследований. В 1980 году расходы на науку в СССР превысили 5 % ВВП, и к этой цифре пока не приближаются даже сегодняшние лидеры — Израиль и Республика Корея (4,25 %). Разительным контрастом выглядят сегодняшние показатели: в России — 1,16 % от ВВП, в других странах Евразийского экономического союза не лучше (в Беларуси — 0,6 %, в Казахстане — 0,16 %). Очевидно, что этого недостаточно. Глядя на растущую экономику и влияние Китая — новой супердержавы, надо помнить, что рецепт этого взлета был изобретен в СССР. В последние годы Китай резко нарастил инвестиции в науку до 2 % ВВП, и мир уже видит результаты. Я считаю, что у России, в первую очередь как у лидера Евразийского союза, есть все необходимые возможности для научного прорыва — научная экспертиза, компетенция, квалифицированные кадры. Человеческий капитал — это решающий фактор, который трудно переоценить. Интеллектуальный потенциал россиян невероятно велик. Надеюсь, что российская молодежь получит хорошие перспективы в области науки.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется философу с мировым именем, академику РАН Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Есть ли у нас возможность очертить контуры будущего? Можем ли мы предсказать, что нас ожидает? Человечество независимо от противоречий и конфликтов, разделяющих сегодняшний мир, столкнулось с двумя вызовами, общими для всех. Я назвал их *вызов неопределенности* и *вызов сверхопределенности*.

Неопределенность в нашей жизни была всегда, без нее человечество остановилось бы в своем развитии. Никакое действие не предопределено заранее, человек сам принимает решение. В этом смысле мы свободны. Последствия наших действий не могут быть известны достоверно, поэтому мы отвечаем за свои решения.

В то же время в непредсказуемой действительности жить невозможно. А сегодня степень неопределенности высока как никогда. Для этого есть целый ряд причин. Во-первых, меняются взаимоотношения основных

игроков на мировой арене, при этом многие правила игры не соблюдаются. Нормы международного права нарушаются все чаще, поэтому мир в каком-то смысле погружается в хаос. На это влияют экономические, геополитические и другие факторы. Во-вторых, человеческая цивилизация вступила в информационную фазу развития, когда события и их последствия становятся все менее определенными. Мы живем в непрерывных потоках информации, которые зачастую используются в интересах крупных игроков на международной арене. Известно, что сейчас идут информационные войны, которым, на мой взгляд, больше подошло бы определение «дезинформационные». Люди живут не столько в действительном, сколько в информационном пространстве. Информационная «реальность» может быть весьма далека от настоящей. Как узнать о том, что происходит на самом деле, будучи окруженным бурными потоками информации, льющимися из СМИ, из Интернета — отовсюду? Реальность фабрикуется искусственно, а последствия иногда бывают очень серьезные, даже катастрофические.

Социальные институты становятся все более зыбкими, эфемерными. Об этом говорят, в частности, деятели искусства. Французский кинорежиссер Жан-Люк Годар на международном Каннском кинофестивале представил свой фильм: мир распался на осколки и ничего нельзя понять, а тем более предсказать. Мы все чаще будем с этим сталкиваться, поскольку не можем отказаться от информационной цивилизации.

Валерий Леонидович сказал, что мы вступаем в цифровой мир, и это действительно интересно. Но как жить в этом мире, как себя вести? Можно пускаться в авантюры, не зная, чем это закончится, можно укрыться за фундаменталистскими идеями, и такие движения имеют место. Но ни то ни другое не является выходом из положения, а, напротив, представляет опасность. Еще один вариант: сделать мир более определенным. Но как? С помощью цифровизации — и не только экономики, но и остальных областей жизни. Чтобы человек не просто ждал будущего, а стремился творить его сам, активно влиять на него. Такую возможность предоставляют новые технологии — информационные, нано- и биотехнологии. Ответ на современные вызовы может заключаться только в творении будущего с помощью культурных смыслов, о чем говорил и Аскар Акаевич. Выход только в культуре, иначе ничего не получается.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уже не первый раз в нашей работе принимает участие замечательный государственный деятель из Турции Эгемен Багис, работавший министром по делам Евросоюза с 2009 по 2013 год. Господин Багис, Вам слово.

Э. БАГИС: — Господин ректор, уважаемые участники и гости Лихачевских чтений, я приветствую вас от имени Турции! В прошлом году, выступая с этой трибуны, я рассказывал о том, что отношения между Турцией и Россией улучшаются и постепенно становятся все более дружественными. Сравнивая с тем, что было год назад, могу заявить: отношения между двумя

нашими великими странами и нашими лидерами стали гораздо лучше и, надеюсь, будут впредь совершенствоваться.

Для меня большая честь присутствовать на Международных Лихачевских научных чтениях. Благодарю ректора Александра Сергеевича Запесоцкого за приглашение, а также моего друга, экс-министра иностранных дел Испании Мигеля Моратиноса за то, что познакомил меня с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов. Я горжусь тем, что являюсь другом этого Университета.

Если говорить о культуре и происходящих изменениях, то сегодня по всему миру мы наблюдаем массовое перемещение населения, причем это не добровольная, а вынужденная миграция. Только в Турции в настоящее время проживают свыше 3,5 млн сирийских беженцев, более полумиллиона иракцев и представителей других этнических групп. Они вынуждены были мигрировать из-за угнетения и притеснения в своих странах. Все это обуславливает изменение культуры.

В настоящее время арабский язык стал вторым по распространенности в моей стране. Поскольку в Турции проживают 3–4 млн беженцев, говорящих на арабском, можно говорить о том, что языковой фактор выступает важным рыночным инструментом. Культура, искусство, литература беженцев становятся частью турецкой жизни. Это обогащает нашу культуру, но в то же время мы сожалеем, что беженцам пришлось покинуть свои дома.

Хотел бы упомянуть еще об одной негативной тенденции: сегодня народ Палестины страдает. Независимо от исповедуемой религии, гражданства, этнической принадлежности настала пора стать более человечными. Все религии учат любить и поддерживать друг друга, пора прекратить убивать.

Благодарю за то, что мне предоставили возможность выступить с этой трибуны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, одна из важных традиций Лихачевских чтений — участие не только крупных ученых и общественных деятелей, но и деятелей искусств. Приглашаю к микрофону заслуженного художника России Никаса Сафронова.

Н. С. САФРОНОВ: — Уважаемые участники и гости Лихачевских чтений! Уважаемый Александр Сергеевич, позвольте поблагодарить Вас за возможность выступить на этом выдающемся научном и общественном форуме. На этой площадке находят общий язык ученые и политики, общественные деятели и представители творческой интеллигенции. В разные годы на Лихачевских чтениях выступали писатель Даниил Гранин, музыкант Мстислав Ростропович, поэт Андрей Вознесенский, композитор Георгий Свиридов, балетмейстер Борис Эйфман и многие другие выдающиеся художники нашего времени. Для меня огромная честь оказаться в этом ряду.

Тема нынешнего форума — «Контуры будущего в контексте мирового культурного развития» — очень актуальна. Любые наши действия — причина и проект будущего. Мы действуем исходя из рациональных со-

ображений, но потом часто обнаруживается, что наши действия были ошибочны. В обществе все процессы носят нелинейный характер. Линейные связи — это когда все предопределено: вода всегда кипит при температуре 100 градусов, угол отражения равен углу падения и т. д. А нелинейность — это когда, по выражению Эдварда Лоренца, взмах крыла бабочки в Китае может привести к урагану в Америке. Появился даже такой термин — «эффект бабочки».

Диапазон инструментов предвидения будущего, к сожалению, невелик: либо экстраполяция, либо сценарный метод. Экстраполяция — это продолжение наблюдаемой тенденции в будущем. На основе данного метода в середине XIX века был сделан прогноз, что через 50 лет Лондон полностью скроется под слоем конского навоза. Подсчитали, сколько лошадей в городе и сколько их прибавляется ежегодно, какое количество отходов жизнедеятельности в среднем «выделяет» каждая лошадь, — и получили впечатляющие показатели. Прогноз не оправдался. Появились автомобили, трамваи, метро и т. д.

Эффективность сценарного метода — построения вариантов по принципу «если так, то...» — определяется объемом и качеством имеющейся информации. Однако даже при ее наличии возрастающая динамика современного мира приводит к тому, что у власти иногда оказываются люди, действия которых непредсказуемы даже для них самих, что сокращает горизонт и глубину предсказания до минимума.

Есть и третий метод, абсолютно ненаучный, но это не делает его менее точным, чем перечисленные методы. Речь идет об интуиции художника. Искусство познает мир иногда даже эффективнее науки. Например, Лев Толстой написал: «Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека — который живет чужими мыслями и своими чувствами. Из различных сочетаний этих четырех основ, мотивов деятельности — все различие людей, вся сложная музыка характеров». Это было написано в 1901 году, задолго до проведения фундаментальных научных исследований психологии личности.

Гибель «Титаника» была в деталях описана за 14 лет до этих событий, в 1898 году, Морганом Робертсоном в повести «Тщетность». Социальные потрясения предвидели и художники, отразившие это в своих произведениях: Гойя — в серии офортов, Пикассо — в «Гернике», Кустодиев — в «Большевике», Юон — в «Новой планете» и т. д.

Но роль искусства не сводится к функции своеобразной машины времени, позволяющей заглянуть в будущее. Искусство выполняет миссию обеспечения диалога культур и цивилизаций. Оно ее несет даже в самые мрачные времена в истории международных отношений: дипломатия искусства продолжает действовать.

После Второй мировой войны американцы разместили свои военные базы во Франции, что французами воспринималось это как национальное унижение. Но культурное сотрудничество продолжалось. Картина Леонардо да Винчи, знаменитая «Джоконда», была

представлена на выставке в США, где ее смогли увидеть более 10 млн человек. Это вызвало сенсацию. Общественные настроения создали такой фон, что американцы были вынуждены вывести свои войска из Франции.

В заключение произнесу известное изречение: красота спасет мир. И хотя персонаж Достоевского говорит это с некоторой иронией, люди во всем мире интуитивно тянутся к красоте и стараются ее сберечь. Для этого требуются мир и согласие, поскольку в любых конфликтах красота гибнет первой. Она не всегда очевидна, поэтому и нужен художник, который бы своим творчеством показал ее людям. В итоге красота спасает мир в том числе при участии художников.

Встреча на одной площадке представителей науки, культуры, политики и власти дает основание для веры в позитивные перспективы для всех. Искусство должно занять свое место в этом диалоге. Как говорит один из моих знакомых: «У соседа за стеной перфоратор, у меня — тромбон. Но ремонт когда-то закончится, а искусство вечно».

Еще раз спасибо за приглашение на Чтения! Желаю успехов всем участникам!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, мы продолжаем работу пленарного заседания, и я с удовольствием предоставляю слово выдающемуся российскому ученому-иммунологу, академику РАН Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Добрый день, уважаемый Александр Сергеевич, члены президиума, уважаемые коллеги и друзья. Действительно, очень интересна тема нынешних Лихачевских чтений — «Контуры будущего». Я прекрасно понимаю, что без науки не то что культурное, вообще никакое будущее невозможно. Я хотел бы сказать об этом несколько слов и начать со строк нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, который очень точно спрогнозировал в своих стихах возможные варианты научного поиска. Помните?

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

Для российского восприятия, конечно, самое приятное — «гений, парадоксов друг», потому что, по некоторым подсчетам, Россия дала миру больше всего гениев в сфере науки. И второе, что интересно, — многие из этих гениев обладали прогностическими, футурологическими способностями. Дмитрий Сергеевич Лихачев представил всеохватную картину культуры такой, как она есть и как должна развиваться. Но особенно отличился в прогностическом плане Никита Николаевич Моисеев, столетний юбилей которого отметили в прошлом году, — наш выдающийся исследователь, математик, эколог. Он разрабатывал многочисленные прогнозы — и о наступлении ядерной зимы, и о событиях, которые должны были произойти на Земле в ближайшие годы. Также он внес свой вклад в учение о ноо-

сфере, «сфере разума» (которая, по его мнению, должна была прийти на смену техносфере), развивая теории Тейяра де Шардена, Леруа и Вернадского. Он создал собственную теорию взаимодействия стратегий и утопий исходя из того, что большинство ученых относились к ноосферному учению как к стратегии для мира, а вторая — меньшая — часть считала это утопиями, которые никогда не сбудутся. Он говорил так: вот две концепции — утопии и стратегии, из разных миров. Стратегия — реальный мир, утопия — иллюзорный. Но когда речь идет о больших общественных проектах, имеющих междисциплинарное значение и мощный резонанс, границы между этими мирами стираются. И вот почему: самые смелые идеи, отвергаемые научным миром, называемые им «чистой утопией», рано или поздно становятся наиболее плодотворными. К тому же никому не дано знать заранее, чем закончится утопия и во что она перейдет. А плодотворная на начальном этапе стратегия зачастую превращается в утопию.

В своей знаменитой книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» Н. Н. Моисеев показал, как одно переходит в другое, и ввел понятие «конструктивные утопии». Что это такое? Это утопии, которые должны отвечать основным моментам, доминирующим в науке. Первое: если вы что-то прогнозируете, никогда не пишете детально, как это будет происходить. Всегда ошибаетесь. Второе: всегда следите за динамикой данной стратегии или утопии — как она развивается, что в связи с этим нужно и чего не нужно делать, без чего можно и нельзя обойтись.

Вот уже пять лет идет реформа РАН. И уже ясно, чего не надо было делать, — превращать Академию наук в «клуб ученых», потому что с момента своего основания она была государственной и никогда не станет частным клубом. Ясно также, без чего нельзя обойтись, — Академии наук нельзя обойтись без институтов, поскольку через них она реализует свою деятельность. Как же можно разорвать эту связь? Все происходящее приводит к результату, о котором говорил недавно Кудрин: из 23 концепций, стратегий, программ экономического развития с 2000 года по настоящее время, за 18 лет, полностью не реализована ни одна. До окончания реализации «Стратегии 2020» остается полтора года, в данный момент она выполнена на 30 %, а должна была на 75 %. То есть уже понятно, что к 2020 году она не будет реализована. Вот к чему приводят неверный мониторинг и неправильное использование механизмов коррекции. На эту тему можно долго говорить, но я, завершая свое выступление, скажу лишь об одном — о чем постоянно говорил и Никита Николаевич Моисеев: всякая большая стратегия — это стратегия человека. В ней могут быть ошибки, взлеты и падения, но чем научнее она выверена, тем ниже вероятность кризисов и других отрицательных моментов. Прочитав слова еще одного выдающегося деятеля российской науки XX века и большого друга Никиты Николаевича Моисеева — Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, знаменитого «Зубра», который, обращаясь к своим аспирантам и студентам, любил повторять: «И запомните:

жизнь, как и все на свете, — не кисель, не сплошность какая-то, а состояние дискретное, включающее периоды хорошие и разные».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, на протяжении ряда лет нам присылает интереснейшие доклады и приезжает к нам участвовать в дискуссиях замечательный философ из Австрии, доктор философии господин Кёхлер.

Г. КЁХЛЕР: — Уважаемый ректор, дамы и господа! Я хотел бы показать разницу между двумя понятиями — универсальностью и единообразием, которую считаю чрезвычайно важной. Ее необходимо подчеркнуть на конференции, где говорят об утрате Западом ведущей роли в будущем развитии культуры и мира.

Человеческий разум универсален, означает способность к размышлениям, самоанализу, критическому анализу, оценке фактов, то есть эта способность присуща каждому человеку независимо от культурных традиций и вероисповедания. Однако универсальность разума в этом смысле не следует путать с единообразием. Если говорить о культуре, то в способах организации человеком своей жизни и восприятия реальности наблюдается большое разнообразие.

Утверждение, что мир должен развиваться единообразно, было бы почти тоталитарным в том, что касается культур и цивилизаций. Но в настоящее время это серьезный вызов и одна из серьезных проблем, если говорить о расстановке и соотношении политических сил и групп в период, когда наблюдается дисбаланс и определенная политическая организация или сообщество имеет подавляющее влияние. В таком случае наиболее сильная организация склонна навязывать свою культуру и стиль жизни остальному миру и при этом заявлять, что эта культура является универсальной. Это настоящая угроза.

В эпоху технологического развития и глобализации, когда благодаря информационным технологиям любая культура и цивилизация могут быстро распространяться по всему миру, есть риск, что самый сильный игрок использует ситуацию в своих интересах (этому способствуют глобализация и глобальная взаимосвязанность) и начнется движение к единообразию, которое станет новой тенденцией.

Мы не должны быть наивными в этом плане, достаточно вспомнить один исторический факт. В 1941 году в журнале Time была опубликована статья американского писателя Генри Льюса, в которой он провозгласил начало «американского века» и упомянул четыре его характеристики (экономику, технологии, искусство и гуманитарные обязательства). Он утверждал, что начало «американского века» по этим четырем направлениям основывается на оборонительных мерах, а именно военной мощи США в то время. Прошло несколько десятилетий, и распределение мирового влияния между двумя центрами силы и конкуренция между двумя крупнейшими игроками тоже ушли в прошлое.

Что нас должно беспокоить? К чему мы должны подходить с осторожностью? Как в настоящее время добиться новой расстановки сил в глобальном масшта-

бе в связи с распространением разнообразия на глобальном уровне? Нужно учитывать, что в настоящее время принижается значимость любой культуры и цивилизации, которая отличается от так называемой западной, или англо-американской, цивилизации.

Я с оптимизмом смотрю на недавние политические инициативы стран, которые теперь могут объединяться в блоки (здесь упоминались Российская Федерация, Китай и Турция). Это дает возможность избежать тенденций единообразия, а также маргинализации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующий выступающий, наш коллега, представляет здесь и Россию, и Соединенные Штаты Америки, — это иностранный член РАН Владимир Львович Квинт.

В. Л. КВИНТ: — Для меня всегда интересны и познавательны мероприятия, проводимые в рамках Лихачевских чтений. Это настоящая кузница междисциплинарного знания, нового понимания мира и нашего будущего. Есть выражение «контуры будущего». Кто их очерчивает? Когда-то этим занимались преимущественно люди, которых называли пророками, провидцами. С точки зрения современных ученых, изучающих теории психологии, психологической логики и поведенческой экономики, провидцы — это те люди, которые воспринимали целостные, законченные или фрагментарно законченные картины будущего, возникающие в подсознании или в лучшем случае на грани рационального и иррационального, где соединяются и отчасти сливаются наука, религия, теология и т. д. Такие картины могли возникнуть перед человеком, который никогда не анализировал будущее.

Постепенно на протяжении веков появлялись профессиональные навыки, знания и целые отрасли науки, которые занимались видением и изучением будущего. Появились методологии прогнозирования, долгосрочного планирования, стратегирования. Но эти науки все еще пребывают «в детском возрасте», их нужно воспринимать как науки “*in waiting*”, в процессе формирования своих новых методологий, теоретических основ этих методологий и инструментариев. В конце XX века эти разные направления исследований, которые были связаны с границами сознательного и подсознательного, стали анализироваться и исследоваться учеными из разных научных сфер, таких как психология, математика, экономика. В конце XX — в начале XXI века работы этих ученых наконец-то начали печатать в академических журналах, стали присваивать им нобелевские премии.

Я беседовал с ученым, который в 2002 году первым получил Нобелевскую премию в сфере поведенческой экономики, — Дэниэлом Канеманом. Он создавал свои работы в соавторстве с крупнейшим математиком Амосом Тверски. Сферой деятельности Дэниэла Канемана изначально была психология (он говорил, что до получения Нобелевской премии не прочитал ни одной книги по экономике). Они с Амосом Тверски разработали новую психологию мышления о будущем, которую назвали «перспективное мышление». Изложить методологию этой школы в рамках своего короткого вы-

ступления не смогу, процитирую лишь одну фразу Дэниэла Канемана: «Мы думаем о нашем будущем как об ожидаемых воспоминаниях» (“we think of our future as anticipated memories”).

Другой нобелевский лауреат (2005) Роберт Ауман был математиком, чьи труды были посвящены анализу сегодняшних конфликтов и партнерства с точки зрения их влияния на современную жизнь и будущие стратегии. Один из его выводов был следующий: чем больше мы в нашей инвестиционной деятельности ориентируемся на долгосрочные, а не сиюминутные эффекты, тем более успешна наша стратегия.

И наконец, совсем недавно, в 2017 году, Нобелевскую премию получил Ричард Талер — также за исследования в сфере поведенческой экономики. Я еще раз хочу призвать своих коллег не бояться исследовать проблемы на границе рационального и иррационального, сознания и подсознания, стратегии и экономики, стратегии и других наук, поскольку будущее определяется отнюдь не только экономическими интересами и военной мощью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Лихачевских чтений члена-корреспондента РАН Ирину Олеговну Абрамову.

И. О. АБРАМОВА: — Александр Сергеевич, большое спасибо за возможность выступить на пленарном заседании. Поскольку мы говорим о формировании контуров будущего, следует отметить, что наблюдается постепенный переход от западной цивилизации к восточной, от монополярного мира к полицентричному, сопровождаемый сменой приоритетов. Этот процесс идет безостановочно, и наряду с недавно появившимися на мировом экономическом и политическом пространстве игроками, о которых мы с вами сегодня уже говорили, — это восходящие Китай и Индия, — можно говорить и о совсем новых игроках, в том числе о новых континентах, которые в ближайшем будущем станут играть новую роль в мировой политике и экономике. Я говорю об Африканском континенте.

По мнению многих международных экспертов, Африканский континент сейчас находится в такой же позиции, как Китай 30 лет назад и Индия 20 лет назад. Это восходящий, очень успешно развивающийся континент с высокими темпами экономического роста, но он будет играть новую и очень существенную роль в мировой экономике еще и потому, что обладает демографическим дивидендом. Контур будущего в первую очередь определяют люди. И если мы вдумаемся в тот факт, что к 2030-му, максимум к 2050 году от 25 до 30 % мирового населения будут жить в Африке, мы поймем, что именно африканцы в значительной степени будут изменять контуры нашей цивилизации. Роль Африки осознают во всем мире: и Соединенные Штаты Америки, и Европейский союз, и новые игроки активно сотрудничают с Африкой и вовлекают ее в новые альянсы и конвергентные геоэкономические построения, получившие в западной специализированной литературе название «экономические мегаколлаборации», которые включают перспективные бы-

строрастущие районы развивающегося мира. Новый феномен рассматривается на Западе как одна из фундаментальных инновационных характеристик трансформации мировой экономики и международных отношений в рамках «Грядущей (новой) производственной революции» — NPR, Next (в других документах — New) Production Revolution. К сожалению, Российская Федерация здесь немного отстает. Мы в значительной степени свернули свои отношения с Африканским континентом и не используем очевидные выгоды, которые может дать сотрудничество с африканскими странами, в том числе для развития российской экономики. В последних майских указах Президента говорится о том, что нам нужно увеличить несырьевой экспорт, а в структуре экспорта в африканские страны несырьевые товары составляют примерно 80 %, в том числе 14 % — продукция машиностроения. Таким образом, Российско-африканское экономическое сотрудничество может сыграть важную роль в долгосрочной поддержке диверсификации российской экономики, «облагораживании» структуры ее экспорта путем формирования устойчивых гарантированных рынков сбыта промышленной продукции российского производства.

И еще один момент, на который я бы хотела обратить внимание. Поскольку мы говорим о контурах глобальной трансформации также в культурном аспекте, России очень важно поддерживать культурное сотрудничество с Африкой, и в первую очередь в сфере образования и подготовки кадров, потому что таким образом мы сформируем те африканские элиты, которые в дальнейшем будут принимать политические и экономические решения, в том числе касающиеся сотрудничества с Российской Федерацией. Если в наших университетах будут учиться будущие министры и политические деятели Африки, это обеспечит нам ряд преимуществ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте предоставить слово одному из самых успешных зарубежных дипломатов в России, если иметь в виду современную историю, — общественного деятеля, писателя, проработавшего в России на протяжении ряда лет Чрезвычайным и Полномочным Послом Королевства Испания. Большой друг нашего Университета Хуан Антонио Марк.

Х. А. МАРК: — Уважаемый ректор Запесецкий, студенты! Сегодня нас пригласили высказать свои мысли об эволюции нашего мира и о его будущем. Главное, о чем нужно помнить, — в настоящее время эволюция идет с головокружительной скоростью, знания обновляются с невероятной быстротой. Было подсчитано, что за последние 18 лет мы создали такой же объем знаний, как за последние 15 тыс. лет после изобретения колеса. Мы движемся вперед с огромной скоростью, но вопрос в том, к чему мы идем.

Мне очень нравится теория великого ученого Стивена Хокинга, который говорил, что мы будем пчелами, участвующими в процессе опыления Вселенной, — имея в виду, что мы станем распространять во Вселенной достижения человеческого разума. Это очень благородная миссия сама по себе, но возникает вопрос,

хотим ли мы уйти с нашей планеты, оставив все как есть, или собираемся сначала построить у себя развитую и мудрую цивилизацию, а затем экспортировать нашу модель за пределы Земли. Я думаю, что для вас, то есть для нового поколения, это ключевой вопрос: сбежать ли с нашей планеты или сформировать цивилизацию будущего, которая распространится на всю Вселенную.

Современная наука развивается очень быстро, но мы не успеваем с той же скоростью выстраивать новые политические системы и новые принципы взаимоотношений между разными странами, разными цивилизациями. К тому же мы должны принимать во внимание тот факт, что XXI век — это век индивидуализмов. В предыдущие столетия человек был в некотором роде живой рабочей силой, в 1900 году у нас были фабрики, на которых по 20 тыс. человек выполняли одну и ту же монотонную работу. Теперь это делают машины. В те времена, возможно, всего 20 человек думали о том, как управлять фабрикой, а теперь у нас 20 тыс. производственных предприятий, ими управляют по 10–20 человек, и эти люди — мыслители. Поэтому в XXI веке каждый человек является столпом, опорой в здании будущего. В этом будущем не останется никаких империй, никаких поместий, никаких влиятельных группировок, но будет открыт простор для творческого ума. Нужно развивать единую для всей нашей планеты систему, которая позволит каждому человеку реализовать свои творческие способности. Это ваше время, студенты!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется замечательному московскому журналисту Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — Я очень рад приглашению и считаю, что это высокая честь — сказать в этих стенах что-то важное. Мы постоянно размышляем о будущем в рамках своей профессии или своих взглядов и убеждений. Исходя из этого, каждый рисует свою картину будущего. Мне, как журналисту, представляется следующее: одна из главных опасностей, которые подстерегают нас в будущем, состоит в том, что человек исчезнет из подлинной реальности. Я подразумеваю даже не столько материальную, предметную реальность, но всю совокупность межчеловеческих связей — экономических, социальных, духовных, которые составляют основу нашей цивилизации. Все идет к тому, что реальность все в большей степени будет существовать как бы сама по себе, а человек соответственно — сам по себе.

Для сравнения с прошлым приведу один пример. Мы знаем, что итоги войны 1812 года были по-разному интерпретированы. В результате и в России, и во Франции стоят памятники своим героям — победителям в войне 1812 года. Так в XIX веке выстраивалась история — на основе подлинных событий, затем их трактовки и впоследствии — мифологизации. В XXI веке, скорее всего, не будет подробно изучаться и анализироваться Бородинское сражение — будет просто упоминаться о том, что оно состоялось, а кто победил, каж-

дый определит сам для себя по собственному желанию. Во Франции будут думать, что в нем победили французы, у нас — что победили мы.

Даже по поводу совсем недавних событий никто из нас точно не может сказать, как все происходило на самом деле. Сколько ракет было запущено во время бомбардировок Сирии? Сто? А сбито? Семьдесят? Да кто его знает. Они вообще были, эти бомбардировки? Скрипали были отравлены? То ли были, то ли нет. А ведь от таких вещей зависит очень многое в будущем. Непредставимо огромные изменения могут произойти в результате событий, о которых никто толком ничего не знает — были ли они, как все происходило, кто победил и т. д. Вот это представляется мне очень серьезным вызовом.

И еще немного о проблеме исчезновения человека из реальности. С развитием цивилизации человек существует во все более комфортных условиях, ему все меньше нужно делать что-то самому. Скоро мы перестанем водить автомобили, они будут самоуправляемыми. Даже КамАЗ уже собирается автоматизировать свои грузовики. А если бы это уже произошло — как тогда выглядело бы, например, открытие Крымского моста? Пусть это шутка, но в ней есть доля правды. Новое поколение, например, мои собственные внуки, уже спокойно существуют в двух реальностях: ради меня они готовы поиграть немного во дворе, а потом уходят в свои компьютеры, и это уже совсем другая жизнь, в которой меня нет. Меня это волнует. Спасибо, что есть такой форум, где я могу об этом сказать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте предоставить слово выдающемуся шведскому ученому, профессору Яну Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Я буду говорить о культурном империализме. Это ужасно, однако развитие мировой культуры в наше время совсем не радует. В отношении России и Запада, христианства и ислама, коренного и пришлого населения на осваиваемых территориях — повсюду наблюдается сильное напряжение, возникают многочисленные конфликты и трудности. Поэтому встает вопрос, как нам быть с культурным разнообразием, что делать с культурными различиями. Культура имеет отношение к нашему мировоззрению, мироустройству, образу и стилю жизни. Порой другая культура настолько отличается от нашей, что нам трудно ее понять и принять, и в результате происходят всевозможные столкновения.

Что можно с этим сделать? Есть несколько вариантов решений, но не все они эффективны. Один из них — это мультикультурализм. Суть его можно сформулировать примерно так: «Да, у нас в этом мире разные жизненные пути, и для нас лучше, если они так никогда и не пересекутся. Мы толерантны друг к другу, но не особо взаимодействуем друг с другом и не стремимся к этому». Трудность состоит в том, что мы живем в глобальном мире, в котором фактически не можем отделиться друг от друга. Кроме того, культуры не существуют в герметичном виде и при этом не являются единообразными. Поэтому в глобальном мире

нам так или иначе придется взаимодействовать друг с другом. Но мультикультурализм по сути разобщает нас, вместо того чтобы объединять.

Другой вариант — монокультурализм, ассимиляционизм, основанный на культурно-империалистическом подходе, суть которого в том, чтобы избавиться от разнообразия, создать единое мироустройство, единое мировоззрение и отбросить все остальное. В наше время это обычно означает выбор западного либерального пути и исключение всех остальных. Что характерно, западный путь не дает ответов на все вопросы, и с поиском решений на этом пути порой возникают проблемы.

Есть еще межкультурализм, основанный на доброжелательном, но несколько наивном принципе: «Давайте жить дружно, давайте друг с другом взаимодействовать и все вместе хорошо проводить время». Проблема в том, что с культурными различиями зачастую связано неравенство сил, и такая ситуация не способствует взаимопониманию.

Иногда мы не хотим вступать в межкультурное взаимодействие, потому что испытываем ощущение дискомфорта. Например, мне не нравится такой обычай, как женское обрезание, принятый в некоторых африканских странах. Я не хочу, чтобы этот обычай был перенесен в мою культуру.

Мне ближе другая альтернатива, которой является транскультурализм. Слово «транскультурализм» восходит к термину «транскulturация», предложенному кубинским антропологом Фернандо Ортизом в 1940-е годы. Предполагается, что может сложиться ситуация, при которой мы будем ценить культурное многообразие, видеть в нем преимущество, а не проблему, принимать наши различия как данность, как свидетельство того, что мы на самом деле плохо знаем мир и себя самих, не говоря уже о других культурах, поэтому нам не следует делать поспешных заявлений о своем превосходстве над другими. Транскультурализм — это один из способов понять другого человека, его культуру, его мировоззрение. С его помощью мы больше узнаем друг о друге, взаимно обучаемся — так по сути и происходит культурный взаимообмен. К тому же любая культура динамична, поэтому можно рассчитывать на то, что в будущем современные культуры преобразуются во что-то еще. Давайте надеяться на лучшее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте пригласить на трибуну члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук Алексея Владимировича Кузнецова.

А. В. КУЗНЕЦОВ: — Когда мы говорим о контурах будущего, то обсуждаем в первую очередь экономику и политику. Но не стоит забывать, что в экономике очень много неэкономических факторов. Уже несколько десятилетий изучаются культурные аспекты экономического развития, в том числе те, что влияют на транснационализацию бизнеса, которая стала одним из главных элементов современной глобализации. Мир постоянно меняется, и приходится вносить в результаты исследований все новые коррективы. Например, идеи Герта Хофстеде о культурных особенностях

ведения бизнеса и восприятия экономической жизни в целом были дополнены, как и получили развитие исследования Упсальской школы интернационализации фирмы, возникшей в Швеции в 1970-е годы, где, в частности, был выявлен эффект соседства в географии прямых иностранных инвестиций. Сейчас много говорится об инвестиционном климате, о том, по каким критериям оцениваются страны, наиболее привлекательные для инвестиций. Когда мы видим, откуда приходят инвестиции в ту или иную страну, то понимаем, что здесь очень большую роль играют языковая близость и другие этнокультурные факторы.

Достаточно привести один-два примера. Если мы рассматриваем европейские регионы, где в наибольшей степени проявляется влияние австрийских инвесторов, то перед нами, как по волшебству, возникают границы бывшей Австро-Венгерской империи. То же самое с бывшей Шведской империей — рост шведского капитала наблюдается именно в тех странах Балтийского региона, где когда-то, несколько веков назад, доминировали шведы. Это не подтасовка статистики — сами компании считают своими домашними рынками не только родные, но и близлежащие страны.

Помимо языковых и культурных факторов, в экономике присутствует и фактор политической целесообразности. Его влияние интересно рассматривать на примерах из российского бизнеса, российских внешнеэкономических связей, в том числе потому, что в историческом плане мы имеем достаточно ограниченный промежуток настолько активной и масштабной транснационализации бизнеса. Собственно, только после крушения Советского Союза мы начали выходить на зарубежные рынки и одновременно привлекать в Россию в больших масштабах иностранный бизнес. Это огромное поле для исследований. Снова приведу буквально пару примеров.

Прежде всего очень велика роль капиталовложений наших компаний именно в странах, близких нам по культуре. Самая высокая — в Беларуси, что логично, но вместе с тем, несмотря на все политические трения, и в других постсоветских странах Европы — это прежде всего Украина, Молдова и Латвия. А за пределами постсоветского пространства, что тоже очень закономерно, — Болгария, Сербия, Босния и Герцеговина.

Есть и другие примеры, когда мы начинаем развивать связи с теми регионами, с которыми их раньше не было вовсе или они были политически обусловлены — в частности, с африканскими странами, о которых Ирина Олеговна Абрамова сегодня уже упоминала. Любопытно было бы проследить — и это задача для будущих исследователей, — как культурные и политические аспекты влияют друг на друга, как они могут стимулировать или, наоборот, затормаживать экономическое взаимодействие. В последние примерно десять лет Россия активно развивает экономические отношения со странами Азии и Африки. Интересно, какими приоритетами она в дальнейшем будет руководствоваться в выборе партнеров — их экономической важностью для нас или культурной близостью. Здесь тоже огромное поле деятельности для исследователей,

особенно молодежи. Несмотря на уже существующие работы по этой тематике, очень многое еще предстоит сделать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Для нас принципиально важно, что в работе Лихачевских чтений на протяжении ряда лет участвуют крупные ученые из Польши. Польша — наш сосед, страна, близкая нам по своей культуре. Я считаю, что ученые должны, выполняя свой долг, преодолевать возникающие между их странами трения и разногласия. И с удовольствием предоставляю слово доктору социологических наук, в 1990-е годы работавшему на посту министра образования Польши, Ежи Вятру.

Е. ВЯТР: — Александр Сергеевич, большое спасибо за приглашение на Международные Лихачевские научные чтения. Я с большим удовольствием участвую в этом форуме уже в седьмой раз.

Хотел бы прокомментировать нынешнее положение дел. Сегодня мы живем в мире более опасном, чем тот, что существовал несколько лет назад. По окончании холодной войны мы наблюдали всплеск оптимизма. Люди на Западе и в гораздо большей степени на Востоке верили в то, что худший этап международных отношений остался в прошлом. Спусти 29 лет мы понимаем, что ситуация постепенно усложняется. Возникает вопрос, почему так происходит. Я объясняю это тем, что мы все еще сталкиваемся с идеологизацией международных отношений. Элементы холодной войны не исчезли после ее окончания.

Есть две причины идеологизации. Одна из них очевидна и широко обсуждается — радикальный исламский фундаментализм, который изменяет взаимоотношения в различных частях света, особенно на Ближнем Востоке, создавая опасную ситуацию.

Другая причина не менее опасна, но, возможно, менее очевидна — это тенденция к подчинению международных отношений идеологическим предписаниям либеральной демократии. Считаю, что либеральная демократия — великая инновация в человеческой истории, важный и чрезвычайно полезный набор ценностей. Однако в настоящее время политика навязывания либеральных демократических ценностей другим народам, экспорт либеральной демократии являются одной из главнейших опасностей в мире. Это, в частности, было свойственно политике Соединенных Штатов Америки в период президентства Джорджа Буша-младшего, но не закончилось с его уходом с поста президента.

Альтернативой является построение внешней политики на основе национальных интересов, которые в настоящее время могут порождать конфликты, но в то же время позволяют решать спорные вопросы. Главное, чему мы должны научиться в нынешнее трудное время, — находить компромисс в международных отношениях. Необходимо понять, что он представляет собой важную ценность. Компромисс — не идеальное решение. Как сказал Генри Киссинджер, это решение, которое оставляет всех частично недовольными. Но единственный способ сделать мир лучше — использовать

искусство компромисса. Для этого важное значение имеют встречи интеллектуалов, как на Лихачевских чтениях. На этом форуме люди из разных стран, представители разных культур создают определенную атмосферу, интеллектуальный культурный климат, необходимый для политики компромисса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предлагаю высказаться выдающемуся российскому социологу, члену-корреспонденту РАН Жану Терентьевичу Тощенко. Жан Терентьевич — профессор, руководитель ряда учебных академических структур, также известен в мировом сообществе социологов как глава блистательного журнала с большим количеством зарубежных цитирований — «Социологические исследования».

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Я хотел бы высказать несколько тезисов, связанных с повесткой наших очередных Лихачевских чтений. Первое. Постановка вопросов о будущем — это очень важный аспект и научных, и практических усилий как научного сообщества, так и тех людей, которые управляют различными общественными и государственными процессами. Второй момент. Будущее нельзя прогнозировать, игнорируя события прошлого и настоящего. Только в единстве, причем иногда в достаточно противоречивом единстве, мы можем судить о том, что нам предстоит реализовать в будущем. Когда мы говорим о прошлом, для нас важна память, важно значение того, что пережито нами, нашей страной, нашим народом. Когда мы говорим о настоящем, для нас очень важно, какие ценности существуют для нас сейчас, в настоящее время. Когда мы говорим о будущем, для нас важна цель, то, чего мы хотим достичь. И — следующий тезис — в этом переплетении прошлого, настоящего и будущего есть три объективно действующих фактора. Во-первых, это сила, когда обществу навязывается волевое, насильственное решение тех или иных проблем. Второй момент связан с капиталом, который также играет огромную роль, определяя пути и формы развития. И третий момент — это идеи, идеология, о которых иногда стесняются упоминать, но именно они на определенных этапах исторического развития становятся решающей силой.

Если рассматривать все эти три момента в целом с точки зрения будущего, хотелось бы подчеркнуть, что все большее значение приобретают идеи в общественном сознании, особенно новые. Недавно мы отпраздновали очередную годовщину победы в Великой Отечественной войне. Наверное, вы согласитесь, что и в военном, и в экономическом отношении мы в те времена уступали той объединенной силе, которая противостояла СССР. Но я глубоко убежден, что, в конечном счете, победили те идеи, которые вдохновляли наших солдат, весь наш народ на то, чтобы одержать эту победу. Именно идеологические факторы, связанные с общественным сознанием, приобретают все большую роль, и не только в позитивном, но и в негативном плане. В основе политических событий, которые происходят или недавно происходили в ряде стран — например, «цветные революции», — лежат идеи, ко-

торые стали преобладать в обществе, часто в результате навязывания их, что отражает огромное влияние таких приемов, как манипулирование общественным, групповым и даже индивидуальным сознанием. Этот фактор — роль идей, идеологии — не только в национальном, но и в геополитическом плане приобретает колоссальное значение, так как они по тем или иным причинам находят свое воплощение (и нередко решающее) в осуществлении экономических, политических и социальных практик.

В связи с этим хочу сказать, что лично я не согласен с положением нашей Конституции о том, что у нас не должно быть государственной идеологии. Я думаю, что эта идеология есть у каждого народа, у каждого государства, независимо от того, провозглашается она официально или нет. И уже как социолог я могу добавить, что результаты исследований, проведенных нами и нашими коллегами, показывают, что на первое место в обществе выходит такое идейно-идеологическое понятие, как справедливость. То есть, справедливыми должны быть общество, государство, организация, окружающая среда, хотя во всех этих случаях в понятие справедливости вкладываются самые разные значения. Эта идея не исходит сверху, она присутствует в данный момент в обществе, в общественном сознании. Это еще раз демонстрирует все возрастающую роль именно такого понимания сущности жизни нашего общества и личной жизни каждого россиянина, что и должно стать идеологическим ориентиром или национальной идеей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующий наш гость, которому мы сейчас предоставляем трибуну, прибыл из Женева — это господин Ги Меттан. Я бы хотел назвать его ученым, но сам господин Меттан называет себя журналистом, хотя его блистательная книга, переведенная на русский язык, «Русофобия» — это настоящий труд ученого.

Г. МЕТТАН: — Уважаемый ректор, гости, я рад оказаться здесь во второй раз и получить возможность пообщаться с вами.

Примерно 25 лет назад мы вступили в эпоху постмодернизма, и вот уже несколько лет живем в эпохе постправды и постдемократии. На уровне международных отношений наступила эпоха постгегемонии, олицетворением которой стал нынешний многополярный мир. Конечно, ученые вправе изобретать новые слова для описания нынешней реальности. Но для меня это просто слова, которые скрывают реальность как туманная завеса. Это печальный факт современности, несмотря на все ее положительные стороны — революцию в сфере IT, трансформацию промышленного производства, «экономику 4.0», цифровизацию и роботизацию.

На мой взгляд, грубая реальность состоит в том, что мы начинаем новое беспощадное соревнование за доминирование в мире. Наша планета представляет собой ограниченное пространство, ее ресурсы конечны, рынки для международных корпораций тесны. Изменяется климат. Слаборазвитые народы стремятся,

как и более сильные, самостоятельно управлять своими государствами. Западная гегемония и занимающие лидирующую позицию Соединенные Штаты Америки испытывают сильное давление. Напряжение и конфликты между народами, религиозными и этническими группами, различными классами общества в долгосрочной перспективе будут только нарастать.

В таких условиях культура, наука и информация все в большей степени становятся инструментами власти — они уже встроены в глобальную борьбу за доминирование в мире, они превращаются в оружие, милитаризируются. Эта тенденция наблюдается во всех странах. Мне представляется, что мы живем в переходный период от «западной имперской республики» к «новой американской империи». Эти термины важны, поскольку цели, амбиции и ресурсы имперской республики сильно отличаются от целей империи. Амбиции имперской республики неограниченны, сдерживающие механизмы отсутствуют — имперская республика нацелена на абсолютное господство над миром. После распада Советского Союза Западная либеральная республика под руководством Соединенных Штатов Америки на десять лет обрела полную гегемонию над миром. Неоконсерваторы и либеральные демократы в Вашингтоне какое-то время были уверены, что победили в холодной войне, и навязывали либеральную демократию и свободные рынки всему остальному миру. Об этом писал Фрэнсис Фукуяма в своей книге о конце истории и триумфе либерально-демократических ценностей. Президенты Буш-старший и Буш-младший, президент Билл Клинтон и кандидат в президенты Хиллари Клинтон, а также президент Обама являлись проводниками этой имперской воли и стремления к гегемонии. Но избрание Трампа президентом нарушило этот старый имперский проект, работавший как хорошо смазанный механизм. Оно стало началом большого сдвига в американской политике. Этот большой сдвиг означает отказ от целей имперской республики и тотальной гегемонии в мире в пользу более прагматичного и удобного доминирования в ограниченной части этого мира.

Таким образом, в настоящее время мы живем в переходный период от прежнего демократического порядка имперской республики к новой империи и новому порядку. Я с удовольствием займусь разработкой этих идей в дальнейшем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, прежде чем представить вам выступление, завершающее пленарное заседание, хочу выразить сожаление, что не успел предоставить слово многим совершенно блистательным участникам нынешних Лихачевских чтений, даже нескольким академикам и членам-корреспондентам Российской академии наук, а также ряду наших зарубежных гостей, которые ехали издалека — из Великобритании, Исландии, Словении, Болгарии и других стран. Я приношу всем глубочайшие извинения и полагаю, что на панельных дискуссиях

и секционных заседаниях наши гости, не успевшие выступить сейчас, будут иметь преимущество. Уважаемые коллеги, в завершение пленарного заседания я предоставляю слово выдающемуся отечественному правоведу, академику РАН Андрею Геннадьевичу Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Существуют многочисленные исследования на тему того, что такое право, как оно действует, каковы перспективы его развития. Вполне очевидно, что определения и оценки права могут иметь и культурологическое измерение. Что представляет собой право с этой точки зрения? Это отражение тех идей, которые существуют в обществе — философских, социальных, нравственных, — а также, безусловно, культурных традиций.

Мы часто судим об уровне развития правовой системы того или иного государства, говорим о том, что в том или ином обществе высокая или низкая правовая культура, ищем решение соответствующих проблем. Но дело в том, что право является отражением неких жизненных норм, присущих именно конкретному государству, конкретному обществу. Все мы помним поговорку о зеркале, на которое нечего пенять. Дело в том, что право по своей сути национально. Если какая-то идея достаточно быстро завладела массами людей, то с ней можно соглашаться или нет, но она объективно существует. Право существует в определенных формах и действует в рамках определенного государства. Каковы социальные взаимоотношения в государстве, какова его культура, таково будет и право. В последнее время мы все чаще говорим о своих национальных интересах.

Национальный характер права нельзя понимать упрощенно, государства взаимодействуют и формируют международное право. Национальное право должно быть увязано с международным. А что такое международное право? Это не только право вести войну или заключать мир, подписывать и расторгать международные договоры, определять дипломатический протокол. С точки зрения культуры международное право — это способность услышать друг друга. Вот на уровне возможности услышать друг друга оно и будет формироваться. Сейчас мы находимся в ситуации, когда международное право буквально рушится, нарушаются принципы ООН, международные договоры, правила, установленные международными организациями, развязываются военные конфликты, при этом члены мирового сообщества оценивают одни и те же события все чаще по-разному. Искать правового сложно: у каждого государства имеется достаточное количество специалистов, тех же юристов, которые обосновывают ту или иную позицию. Значит, главная проблема лежит в плоскости культуры: в достижении взаимопонимания, это возможно, если оценивать все происходящее объективно и слышать друг друга.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, спасибо за интересные выступления!

Панельная дискуссия БУДУЩЕЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ

17 мая 2018 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (<i>модератор</i>)
Ш. АЗИЗ	премьер-министр Пакистана (2004–2007)
Р. Ж. АЛЮТДИНОВ	директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ
П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы	Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, профессор, народный артист Азербайджана
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. МУСА	министр иностранных дел Египта (1991–2001), генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011)
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
М. САНАИ	Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, хочу отметить, что каждый из тех, кто сейчас поднимается на эту сцену, мог бы один украсить собой любую научную конференцию в любом университете. Здесь целый ряд звезд мировой величины. Предлагаю открыть дискуссию Виталию Вячеславовичу Наумкину, востоковеду, одному из ведущих российских специалистов по арабскому миру, человеку, который в настоящее время находится в гуще мировых событий, там, где Восток — как мы помним, «дело тонкое» — вплотную соприкасается с Западом. Я бы хотел задать Виталию Вячеславовичу два вопроса: «Что, на Ваш взгляд, сейчас происходит в мире? И каков Ваш прогноз по поводу ближайших событий?»

В. В. НАУМКИН: — Сейчас у политологов в моде такое понятие, как мегатренды. О чем идет речь? Я называю только некоторые явления, которые, на мой взгляд, играют определяющую роль в мировой политике и могут поэтому считаться мегатрендами. Например, это эрозия коллективных институтов, партикуляризм, национальный эгоизм. Достаточно посмотреть, какие

глубокие разломы образовались в Евроатлантическом сообществе, даже в самом Евросоюзе — это и брексит, и все то, что происходит в настоящее время на Евроатлантическом треке. По-прежнему большое внимание уделяется культуре, роли культуры — об этом говорили в том числе многие мои коллеги в сегодняшних выступлениях. Но в то же время нельзя не заметить, что определенная часть современного человеческого сообщества проходит этап некоторого культурного одичания. Столь же очевидно растет разрыв между поколениями. Такого раньше не было. Об этом говорил сегодня коллега Мамонтов — его внуки обитают в виртуальном пространстве, в котором для деда нет места. Конечно, культура — это мост, в том числе между поколениями и народами. Но мне кажется, что сегодня она трещит по швам. Она не в силах объединять народы, вступившие в эпоху вооруженных конфликтов, переворотов и обострившегося соперничества за ресурсы, за власть и за все остальное.

Таковы, на мой взгляд, основные политические мегатренды. Сложно прогнозировать, что будет дальше. Очевидно, что национальный эгоизм, распад коллек-

тивности, распад системы международного права и все прочее, что мы сегодня наблюдаем, особенно на Ближнем Востоке, способно ввергнуть мир в еще более опасные конфликты.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу продолжить виднейшего специалиста по проблемам Европы Алексея Анатольевича Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Кратко дополню относительно мегатрендов. Во-первых, я считаю весьма перспективным конструирование международных отношений. Средства, которыми сегодня располагают те, кто формируют общественное мнение, — дипломаты, военные, те, кто создает экономическую реальность, дают как никогда прежде широкие возможности для подобного конструирования. Это может относиться к стратегии как факта, так и виртуальной реальности, о чем сегодня не раз было сказано. Субъективный фактор выходит на первый план как никогда раньше. Если вы руководствуетесь стратегией виртуальной реальности и считаете, что презумпции невиновности в международных отношениях нет в принципе, то, вбросив нечто в общественное мнение, сформировав его нужным образом, можно предпринимать масштабные действия, касающиеся жизни не только отдельных людей или групп, но целых стран и даже целых регионов, что мы наблюдаем, например, на Ближнем Востоке или на территории Великобритании.

Еще один из мегатрендов — это способность к стратегическому мышлению. Здесь ситуация очень неоднозначная, и со временем все большее количество субъектов международных отношений будет утрачивать эту способность. Нынешняя ситуация в Евросоюзе показывает, что попытки обрести стратегическое мышление пока не имеют ясной перспективы. Эта способность есть у Соединенных Штатов — в той мере, в которой они могут влиять на другие мировые регионы, у Китая, отчасти у России, Индии. Но дело в том, что полицентризм сформировался не как благополучная, упорядоченная среда для сотрудничества между государствами, нациями, их организациями, — в данный момент он представляет собой некий хаос, в котором нет правил. Все в один голос заявляют о том, что стоят на страже правил, но на деле их нарушают, так как для всех более приемлема идея национального эгоизма, чем компромисса.

И последние в списке мегатрендов — архаизация и модернизация. Архаизация, на мой взгляд, охватила значительную часть современного мира. В то же время в технологическом плане много говорится о модернизации, об инновационных прорывах. Это, как мне кажется, черта исключительно XXI века, никогда ранее не проявлявшаяся в истории. Последствием может стать столкновение разных идей, можно сказать, разных реальностей. Такая ситуация несет в себе массу рисков.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется виднейшему польскому ученому-экономисту Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Единственное разумное решение — движение вперед. Нельзя оглядываться назад, в прошлом нет ничего такого, о чем стоит сожалеть. Самый важный вызов состоит в том, что многие события происходят одновременно. Кроме технологического прогресса, который чаще всего является хорошей новостью, и сообщений о том, что некоторые развивающиеся страны догоняют страны с развитой экономикой и демократией, большую часть времени наблюдаются негативные тенденции. Вторая холодная война уже началась, от первой нас отделяет больше, чем жизнь одного поколения, и в нее внесла большой вклад моя родная Польша. Сейчас уже идет очень неприятная торговая война, которую инициировал Белый дом. Многие процессы были инициированы Белым домом при самом неразумном президентстве в Соединенных Штатах Америки на протяжении моей жизни. Мы наблюдаем миграционный кризис, кризис демографических процессов в некоторых частях света. В некоторых странах, особенно в Южной Азии и Африке, слишком многочисленное население, в то время как в других, в том числе в России и Европейском союзе, нас недостаточно, и общество стареет. К тому же мы наблюдаем потепление климата, неравенство, а затем распад Запада. Это может порадовать Пекин или Москву, но не думаю, что это может стать хорошим рецептом для будущего.

В настоящее время для многих западноевропейских стран, а также в некоторой степени для Японии и Южной Кореи американская политика, нарушение международных правил, торговая война, санкции, милитаризм подобны вражеским действиям. Поэтому я думаю, что у нас появился еще один враг — это новый национализм, отрицательный ответ на компромисс между некоторыми негативными процессами, происходившими в прошлом. А в прошлом был неолиберализм. Враг моего врага не становится моим другом, вместо этого появляются два врага. Это зародившийся в Америке неолиберализм, благодаря которому многие обогащаются за счет многих, и новый национализм, имеющий много разных личин. Ведь это не одно и то же, когда скандируют «Да здравствует Франция!» или «Альтернатива для Германии», «Польша для поляков», «Америка превыше всего» и т. д. Все это не может быть хорошим сценарием для будущего. Думаю, что теоретической основой для того, что предположительно должно быть, является новый прагматизм, как я его называю в своей теории, тройной баланс — не только экономический, но также и социальный, и экологический. Долгосрочный баланс, для которого требуется новая институционализация глобализации.

Несмотря на новый национализм и вторую холодную войну, торговую войну, глобализацию не повернуть вспять, поэтому стоит вопрос о том, как обратить ее себе на пользу. Возможно, Россия и Китай, Германия и США, Польша и Украина — все могли бы действовать сообща, с положительным синергетическим эффектом и вместе с другими, а не против других, как диктует этот бессмысленный новый национализм, который, я уверен, недолго просуществует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу высказаться из-вестнейшего ученого-гуманитария из Ирана господина Мехди Санаи.

М. САНАИ: — Все мы знаем, что в мировой политике в настоящее время сложилась непростая ситуация. Основные ее характеристики, на мой взгляд, следующие. Во-первых, раньше среди политиков было мало популистов. К сожалению, в последние годы соотношение изменилось: как уже говорилось ранее, влияние элит стало меньше, а популистов — больше. Во-вторых, в международной политике по-прежнему существует множество «фобий», хотя содержание их меняется: в данный момент «в тренде» исламофобия, иранофобия, русофобия. Дипломатических достижений последних лет для диалога по-прежнему недостаточно. Экономические санкции приобрели небывалый масштаб. Интересы капитала все больше замещают любые другие ценности — моральные, культурные, экологические и так далее. В результате действий Запада дискредитировано международное право, чьи позиции существенно ослабли. Ослабло влияние ООН. Односторонние силовые действия Запада, особенно США, ужесточаются с каждым годом. В целом ситуация в мире больше похожа не на ту, что сложилась после Второй мировой войны, а на ту, что существовала в начале XX века. Так же, как тогда, сейчас говорится о необходимости влияния культуры, философии на происходящие процессы — поскольку нынешняя политическая культура находится на очень низком уровне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется нашему большому другу из Азербайджана, знаменитому в России деятелю искусств и незауряднейшему интеллектуалу Поладу Бюльбюль оглы.

П. БЮЛЬБЮЛЬ ОГЛЫ: — Как человек культуры, я часто думаю о том, какое место занимает культура в развитии социума, технического прогресса, международных отношений, как она соотносится с изменениями, происходящими в мире, каковы современные тенденции в трансформации самого понятия «культура», ее сегодняшний инструментарий и ее роль в современном обществе.

Самый важный вопрос заключается в том, может ли культура сыграть решающую роль в гармонизации отношений в мировом сообществе, в предотвращении мировых войн, в достижении взаимопонимания. В своей знаменитой речи на вручении Нобелевской премии Иосиф Бродский когда-то сказал: «Я полагаю, что для человека, читавшего Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительней, чем для человека, Диккенса не читавшего». Иными словами, человек, выбравший ценности культуры, как личность выше того, кому культура недоступна. Его труднее обмануть, им сложнее манипулировать и не так легко вовлечь в массовый психоз. А именно массовый психоз мы видим сегодня в обществе, которое упоенно занимается саморазрушением. Высказывание Брод-

ского часто подвергается нападкам со стороны оппонентов, но в этой дискуссии я, конечно, на стороне Бродского.

В своем докладе, который опубликован на сайте нынешних Чтений, я более развернуто представил свое видение и мультикультурализма, и глобализации, и роли государства в создании и реализации культурной политики. Как говорил Карл Маркс, 200-летие которого отмечается в рамках нашей сегодняшней встречи, если культура развивается стихийно, а не направляется сознательно, она оставляет после себя пустыню. Как министр культуры с 18-летним стажем работы в тяжелейший переходный период, я полностью согласен с этим тезисом Маркса. Также с нами согласен академик Сергей Капица, который утверждал: «Культуру надо насаждать даже силой, в противном случае нас ждет крах».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Нашу дискуссию продолжит представитель МИД России Ринат Жафярович Аляутдинов.

Р. Ж. АЛЯУТДИНОВ: — Могу сказать, что мы также проводим анализ современных политических тенденций, мегатрендов. Мы считаем, что один из ключевых мегатрендов современности — это изменение мирового баланса сил. Все знают, что глобализация вызвала подъем многих развивающихся стран, заметно выдвинулись Китай и Индия. Как уже говорил сегодня директор Института Африки, в скором времени к ним могут добавиться африканские государства. Выходя на мировую авансцену, новые страны-лидеры, конечно, выступают за усиление своей роли в институтах глобального управления. И это вызывает очень серьезное сопротивление Запада, прежде всего Соединенных Штатов. Запад понимает, что ему брошен серьезный вызов, и чувствует, что проигрывает. Разумеется, он предпринимает ответные шаги. Некоторые из них адекватны ситуации, некоторые выглядят, по крайней мере на первый взгляд, бессмысленными. Во многих случаях Запад пытается переломить тенденции, которые уже необратимы.

Наши оппоненты заявляют, что если отказаться от механизмов мировой политической системы в том виде, в котором они существуют сейчас, это приведет в хаосу. В частности, утверждают, что принцип многосторонности, многополярности уже присутствует в деятельности международных организаций, включая ООН. Но дело в том, что действует он только по тем правилам, которые диктует Запад. Здесь можно упомянуть еще один политический «мегатренд», очевидный для всех, — двойные стандарты. В заключение отмечу, что преобразование современного политического мироустройства — процесс очень длительный и болезненный. Никто не может предсказать, сколько он продлится. Но, как говорится, «процесс пошел».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется нашему коллеге из Испании, знаменитому во всем мире дипломату Мигелю Анхелю Моратиносу Куйяубе.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Несколько комментариев по поводу глобального управления и будущего. Итак, глобальное управление. Все находится в состоянии войны, лидеры конфликтуют, мир изменился, и мы должны адаптировать старые институты, возникшие после 1945 года, к этому новому миру. Все понимают, что мы прошли долгий путь. Трудно отказаться от привычного мирового порядка. Возможен ли такой устойчивый баланс сил, когда 3–5 стран принимают решения за весь остальной мир?

После Первой мировой войны президент Вудро Вильсон предложил построить систему коллективной безопасности и коллективной ответственности, чтобы больше не было войн и все усилия были направлены на создание лучшей жизни для всего человечества. Но сейчас мы столкнулись с двумя противоположными подходами. Первый — политика односторонних действий либо на основе принципа двусторонних отношений. Как делает президент Трамп в настоящее время, который объявляет о своих решениях, не вступая в переговоры, либо заключает сделки с Кореей, Мексикой и т. д. Второй — принцип многосторонних отношений, который только и может быть адекватным ответом на ключевые глобальные вызовы.

В первую очередь мы должны думать о том, как сделать многосторонние отношения эффективными, чтобы люди относились к этому принципу с уважением и доверием. Проблема заключается в том, что все руководители знают об этом, но бездействуют. Поэтому остается надеяться, что кто-нибудь из них все же выступит с призывом: остановитесь и подумайте о будущем!

Второй комментарий касается Европы. Общая тенденция в Евросоюзе — упадок. Об этом свидетельствует, в частности, брексит, а также то, что происходит в странах Восточной Европы. Нельзя быть членом Европейского союза и не принимать беженцев. Вы не можете решать финансовые вопросы в Брюсселе, а стратегические — в Вашингтоне. Нет, вы должны быть в полной мере европейцами! И эти европейцы будут сопротивляться, старая Европа станет новой Европой, которая будет важным актором в ближайшем будущем. Мы рады тем, кто хочет вместе с нами в объединенный мир. Добро пожаловать! Для Европы наступил момент истины, и нам придется решать, хотим ли мы иметь надгосударственный, наднациональный Европейский союз или своего рода неэффективный музей, на который приезжают посмотреть туристы, интересующиеся искусством или желающие посмотреть красоты Ривьеры. Нет, Европа должна стать сильным игроком в новом мире. Но для этого нужно объединиться, руководствоваться общими ценностями и принципами.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дальше продолжит тему наш гость, знаменитый политик из Египта господин Амр Муса.

А. МУСА¹: — Полагаю, в настоящее время в мире достигнут консенсус по поводу того, что мы находимся

¹ Генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001). В 2012 г. баллотировался на пост президента Египта (за него было отдано

в процессе перехода от одной системы к другой. Появляется новая сверхдержава, а другая уходит со сцены, но это вопрос не нынешнего или завтрашнего дня. Это будет происходить постепенно, на протяжении десятилетий, и мы должны понимать, что определенные достоинства и недостатки, присущие нынешней системе, сохранятся и в следующей системе. Многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, в частности, бедность, расовая дискриминация, религиозная нетерпимость, еще долго не будут преодолены, и надо быть к этому готовым. У нас еще есть время на то, чтобы подготовиться к следующему этапу международных отношений. Пока же мы пытаемся проявлять бдительность и не допускать дальнейшего усугубления таких проблем, как бедность, изменение климата, а также региональных проблем, в частности палестино-израильского конфликта. Необходимо наконец их решить.

Теперь о политике односторонних действий, одностороннем подходе. Конечно, мы видим, что взят курс на изоляционизм, односторонние действия или двусторонние договоренности. В эпоху искусственного интеллекта, экономического и научного прогресса мы не должны допускать изоляционизма, национализма и популизма. Проблема, требующая решения, — налаживание глобального сотрудничества на благо всего человечества. Поэтому необходимо следовать принципу многосторонних отношений, понимать, что либо глобализация, наука и новые возможности — для всех, либо, напротив, изоляционизм, односторонний подход и наука — для немногих. Это вызов для нас и особенно — для следующего поколения.

Еще одно замечание я сегодня услышал от уважаемого коллеги, когда он описывал нынешнее положение дел как противоречия между богатыми и бедными, христианством и исламом. На самом деле между исламом и христианством нет никаких противоречий. Все дело в радикальных элементах в обоих обществах, но есть и умеренные, «правильные» люди. Конфликт между идеями происходит из-за дискриминации, и он есть не только в христианском, мусульманском или индуистском обществе. Он наблюдается по всему миру. Поэтому не верьте, что между религиями есть враждебность. Она возможна между радикальными элементами, а также между теми, кто хочет действовать с позиции силы, и теми, кто хочет жить в мире и процветании.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю выступить выдающегося представителя Пакистана господина Шауката Азиза.

Ш. АЗИЗ: — Для меня большая честь находиться здесь. Дамы и господа, мы в первую очередь живем в глобализованном мире, где все взаимосвязано. Вы не можете полностью спрятаться за вашими границами, потому что в настоящее время работает слишком много каналов связи, которые соединяют весь мир. Если вы хотите выступать как часть глобализованно-

более 2,5 млн голосов). Возглавлял Комитет пятидесяти, создавший проект нынешней конституции Египта. Награжден орденами за заслуги Египта, Германии, Бразилии, Иордании, Судана, Катара, Аргентины, Венесуэлы и Эквадора.

го мира, тем более — его сильная часть, вы не можете быть изолированы, не можете преследовать только свои цели. У вас должна быть возможность конкурировать, добиваться для своего народа лучших условий жизни не только в настоящем, но и в будущем. Вам нужна сильная экономика. Сила в экономике обретается в результате четкой и ясной экономической политики, конкретных представлений о том, как будет развиваться экономика страны, но самое главное — структурных реформ. Структурные реформы модернизируют вашу экономику, хотя могут быть болезненными. Иногда люди могут заплатить определенную цену в краткосрочной перспективе, чтобы получить более значимый результат в долгосрочной. Это может произойти только при сильном руководстве. Если у вас нет сильного руководства, экономические реформы превращаются в кошмар, и вы не можете в полной мере использовать свой потенциал.

Если суммировать все вышесказанное, то первый вывод: сильная экономика — это ключ к успеху. Если у вас сильная экономика, вы способны обеспечить оборону страны, можете выполнить социальные программы. Нужно сосредоточиться на этой задаче, собрать лучших людей в команду и заняться экономическими вопросами.

Второй вывод: ваша система безопасности, внутренняя и внешняя, должна быть на определенном уровне, чтобы вас не запугивали и не пытались подчинить, чтобы вами не помыкали, не воспринимали ваше согласие как должное. При этом вы должны понимать, что однополярный мир трансформируется в многополярный. Многополярный мир для всех нас означает более приемлемую расстановку сил, более отлаженный механизм взаимоотношений. Сегодня мы видим, как на мировую сцену выходят новые страны, например Китай. Однако другие страны этому не рады, и в результате создается международное напряжение. Суть такой ситуации точно передает парадокс, сформулированный древнегреческим историком Фукидидом (так называемая «ловушка Фукидида»): «Именно усиление Афин сделало войну со Спартой неизбежной». Международные конфликты неизбежны, поскольку появляются новые сильные державы, захватывающие пространство других государств.

Еще один фактор, который следует иметь в виду, — это чрезмерный рост технологий, очень сильно меняющих жизнь. Я изучал банковское дело и тридцать лет проработал в этой сфере, так что могу предсказать: банковская система изменится очень серьезно. Отделения банков уйдут в прошлое, все операции будут осуществляться в электронном виде с помощью смартфонов, и для этого вы должны обладать соответствующим электронным оснащением, чтобы не оказаться в числе отстающих.

В заключение хочу сказать, что не стоит слишком сильно беспокоиться из-за того, что происходит в мире, но стоять на месте тоже нельзя — это не ответ на современные вызовы. Каждая страна должна иметь четкую стратегию — экономическую, геополитическую, оборонительную, развивать их, идти вперед и вести народ за собой. Если вы проведете детально продуман-

ные, хорошо спланированные реформы, ваша жизнь изменится к лучшему. Это касается любой страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Теперь, если позволите, я тоже изложу свою концепцию. До сих пор в мире существовало всего два типа цивилизаций: традиционная и техногенная. В традиционной цивилизации на данный момент живут процентов 90 Индии, половина Китая. Мы с вами после распада Советского Союза тоже отчасти живем в традиционной цивилизации, но уже больше в техногенной. Запад первым вошел в техногенную цивилизацию, которая дала ему огромные преимущества. И вот сейчас эта разновидность цивилизации, которая очень долго и очень успешно развивалась, исчерпала себя.

Если мы внимательно посмотрим на все, что происходит в мире, то увидим, что хаос непрерывно нарастает последние несколько лет. Положение только ухудшается. Жители западных стран за последние 20 лет все больше укрепляются во мнении, что живут все хуже. Большинство немцев, если исключить представителей элит, считают, что живут намного хуже, чем 20 лет назад. Похожая картина во всех индустриально развитых странах Запада. Я считаю, что социализм совершенно не был побежден, просто он на несколько десятков лет опередил свое время — в Советском Союзе и ряде других стран. А капитализм в том виде, в котором он вообще возможен, сейчас подошел к финальной стадии своего развития. Сегодня это совершенно не тот капитализм, который был во времена Карла Маркса.

Во-первых, исчез свободный рынок как игра производительных сил, как конкуренция. Из-за этого развитие всех западных стран затормозилось. Производство переместилось из фабрик в головы людей с помощью средств массовых коммуникаций. Теперь уже нет свободной конкуренции в ее традиционном виде, есть огромное влияние крупных корпораций, которые делают то, что считают нужным. Во-вторых, западная демократия перестала быть настоящей демократией, начала продаваться и покупаться, как очень хорошо сформулировал в докладе к одним из Чтений господин Дуткевич, — институты лидерства на Западе полностью выродились, стало широко внедряться манипулятивное управление. Практически все ценности, которые проповедовал классический капитализм, утрачены. Тот тип развития, который был характерен для Запада, перестал быть эффективным. Поэтому сейчас Китай легко догоняет Запад, а скоро его догонят и многие другие, кто сможет правильно выстроить отбор преимуществ для себя и от социализма, и от капитализма. Кто это будет? Тот, кто лучше приспособит элементы этих двух типов развития, двух систем регулирования экономики к особенностям своей страны, своей нации, своей культуры.

К сожалению, деструктивные явления на Западе будут только возрастать, и Запад будет быстро терять лидирующие позиции. Появятся новые центры силы. Это неизбежно. Дело не только в многополярности, но еще и в том, что капитализм в его нынешнем виде достиг своей завершающей фазы развития.

Сейчас я бы предложил всем желающим участникам дополнить свои предыдущие выступления, а нашей аудитории — задать им вопросы. Академик Наумкин, прошу Вас.

В. В. НАУМКИН: — Кратко изложу два тезиса. Тезис первый: сейчас много говорят о гиперглобализации. Но мне представляется, что глобализация испытывает кризис, поскольку три основных мировых потока — капиталов, людей, идей — сталкиваются с большими трудностями. Капиталы — это протекционизм и санкции. Что касается людей, то, к примеру, у нас сегодня ожидание виз, даже только собеседования в американском посольстве для российских граждан — 300 дней. Беженцы — отдельная проблема. И для распространения идей также есть ограничительные механизмы во всех странах. То есть все виды ограничений только растут.

Второй тезис, который я хочу озвучить, — сегодня мы живем в мире повального лицемерия и откровенного вранья. Нам надо изучать этот мир, изучать реальные явления. Маленький пример: важнейшее, что происходит ныне с Соединенными Штатами, — это их превращение в основную державу, производящую энергоресурсы. Они уже обогнали всех по газу, скоро начнут обгонять по нефти. Важно понять, какие это будут иметь последствия для нас. Новость одновременно плохая и хорошая — то, что и мы, и американцы одинаково заинтересованы в росте цен. Это, наверное, одно из позитивных последствий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я бы еще добавил, что Соединенные Штаты — мировой лидер по производству мусора, они производят больше трети общего количества мусора во всем мире. Господин Санаи, пожалуйста.

М. САНАИ: — В дополнение к своему основному докладу скажу о двух моментах. Первое — нужны новые идеи, новые теории для восстановления баланса международных отношений, а также для развития политической культуры. Второе — в контексте многополярного мира повышается роль регионализма. Соответственно, нужно прилагать больше усилий для развития сотрудничества именно в региональном масштабе. В качестве примера можно привести ирано-российское сотрудничество по вопросам Сирии. В Сирии и сейчас есть проблемы, но представьте, что было бы, если бы не совместная борьба с терроризмом. В последние два года мы видим, что несмотря на различие позиций России, Ирана и Турции, эти региональные лидеры могут сотрудничать и добиваться положительных результатов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Азиз, прошу Вас.

Ш. АЗИЗ: — Я хочу сделать несколько замечаний по поводу глобализации, поскольку о ней упомянули несколько выступавших. С моей точки зрения, глобализация — это стремление к совершенству. Глобали-

зация означает, что вы должны делать то, чем занимаетесь, наилучшим образом, соответствуя самым высоким стандартам. Глобализация означает — не будьте посредственными и заурядными, делайте то, что делает весь мир, и делайте это хорошо. Поэтому глобализация — не угроза. Она создает оптимальные возможности для работы, чем бы вы ни занимались, и если вы на это настроены, в особенности теперь, когда идет всеобщая цифровизация, то все будет замечательно. А если вы не участвуете в глобализации, то разрыв между лучшим и худшим будет еще больше, потому что мир становится все в большей степени взаимосвязанным. Так что не бойтесь глобализации, используйте ее как возможность добиться совершенства в том, что вы делаете.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Азиз, позвольте заметить, что глобализация глобализации рознь. Долгое время глобализация понималась Западом как система, в которой он замечательно существует за счет всех остальных. А получилось так, что «золотой миллиард» не сумел удержать монополию на мировые ресурсы. Теперь Китай уже приближается к нему по стандартам потребления, следующей будет Индия. И вот когда 7 млрд начнут потреблять на уровне Соединенных Штатов в расчете на человека, то окажется, что никаких ресурсов уже вообще нет. Поэтому самый серьезный вопрос — это не глобализация сама по себе, а то, в чем конкретно она проявляется, потому что если она будет и дальше развиваться, как сейчас, человечество само себя сожрет и новым поколениям не останется ни чистой воды, ни нефти, ни леса, ни энергии — ничего вообще. Сегодня никто больше не хочет, глядя на Соединенные Штаты и Западную Европу с их высокими стандартами потребления, оставаться на уровне Африки. Все хотят жить, как западный мир.

Ш. АЗИЗ: — Я хочу сказать, что полностью согласен. Глобализация — это не угроза, это возможность. Если вы можете достичь высшего уровня в том, чем занимаетесь, это вам позволит конкурировать и побеждать любого, кто вам угрожает.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу Вас, господин Муса.

А. МУСА: — Во-первых, относительно глобализации и нового мира хотелось бы отметить следующее. Совершенно не обязательно, что новый мир будет таким же, как старый, то есть одна сверхдержава придет на смену другой. Так может быть, но я считаю, что скорее возникнет несколько новых центров силы.

Второй вопрос — это Сирия. Я считаю, что разрушение Сирии, как и все потери и трагедии людей, разбросанных по всему миру, не останутся без ответа. Неважно, будет ли вопрос о Сирии обсуждаться на региональном или глобальном уровне, но положение дел должно быть полностью пересмотрено.

Третий вопрос касается Иерусалима и того, что произошло в Иерусалиме три дня назад. Я уже тогда говорил, что это не конец истории. Она будет про-

должаться, а израильско-палестинский вопрос по-прежнему будет дестабилизировать Ближневосточный регион и весь мир.

Последнее замечание касается выступления на Пленарном заседании нашего уважаемого коллеги из Турции. Он говорил о миграции и ее последствиях для культуры. Из-за того, что среди мигрантов преобладают сирийцы, миллионы сирийских беженцев, арабский язык стал вторым языком в Турции. Там звучат арабские песни, появилась арабская литература. Поэтому я считаю, что если эта тенденция сохранится, то вскоре мы примем Турцию в Лигу арабских государств.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Моратинос, пожалуйста.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Мы говорили о глобальном управлении. К сожалению, оно отсутствует на данный момент. Что нужно делать? Кто-то должен взять на себя руководящую роль. Я бы предложил Российской Федерации и Европейскому союзу стать двумя главными акторами в этом вопросе и заняться основной проблемой — Ближним Востоком. Действуя сообща, мы можем добиться успеха в этом регионе, положив конец войне и нестабильности. Давайте работать вместе. У Китая имеются свои глобальные интересы, в то время как Россия и Европейский союз могут обратиться к другим странам, например, к Ирану, к странам, входящим в Лигу арабских государств, к Турции для решения общих проблем. Если мы проведем стратегический диалог между Россией и Европой, то, я думаю, мы сможем добиться успеха. А чтобы это осуществить, нужно решить ряд других вопросов. Как говорил Амр Муса, неприемлемо то, что происходит с народом Палестины, то, что происходит с Иерусалимом, — четыре члена Европейского союза поддерживают перенос посольства американской администрацией, а международное сообщество проявляет нерешительность и отмалчивается. Поэтому Россия и Европейский союз должны работать вместе. Мы не можем и дальше допускать этого разрыва между Россией и Европейским союзом. Необходима историческая встреча России и Евросоюза.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Колодко, прошу Вас.

Г. В. КОЛОДКО: — У меня два замечания по поводу предыдущих выступлений. Первое: есть много определений глобализации, но с экономической точки зрения глобализация — это либерализация и интеграция национальных экономик, которые раньше действовали в той ли иной степени независимо друг от друга, в одну экономику, в единый рынок. Глобализация основывается на рыночных механизмах, и повернуть ее вспять невозможно, несмотря на национализм, ксенофобию, перфекционизм и неблагоприятную политику в ряде стран.

Второе: если вы заявляете о смерти капитализма, то делаете это слишком рано, а если говорите о возрождении социализма, то сильно ошибаетесь! Я ду-

маю, что и капитализм, и социализм — это две силы, которые остались в прошлом. Они уже израсходовали свои ресурсы. Нельзя анализировать современный мир и прогнозировать будущее, используя устаревшие понятия капитализма и социализма, поскольку сейчас у нас не капитализм и не социализм. У нас не либеральная демократия, а манипулируемая, не рыночный капитализм (или капитализм свободного рынка), а протекционистский, у нас нет социализма, а есть государственный капитализм. Даже китайский социализм больше похож на государственный капитализм. В моей последней книге, которая называется «Спасет ли Китай мир?», я ввожу новый термин для описания китайской реальности — chinism («чайнизм» или «китаизм»).

Поэтому еще раз повторю: нам нужно двигаться только вперед. Я не согласен с тем, что глобального управления не будет. «Большая двадцатка» — это альтернатива решению проблем в одиночку, это предложение многополярного мира. Возникает вопрос, какую роль будет играть Россия, которая слишком сильно ориентирована на себя в глобальных экономических вопросах. Я думаю, что альянс Китая и России будет очень важным шагом на пути к становлению нового мирового экономического и политического порядка. Это не конец капитализма, но это конец превосходства так называемого Запада. Хотя никто точно не знает, что такое Запад, что такое Восток: например, мы у себя в Польше считаем, что мы — Запад, но другие нас из него исключают, считая, что мы — Восток. И надо сказать, что разделение на Восток и Запад тоже не выдерживает испытания временем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Громыко, пожалуйста.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Много было сказано о глобализации, и я думаю, никто не ставит под сомнение то, что глобализация как увеличение взаимозависимости мира — объективный феномен. За последние 20–30 лет глобализация вступила в свою ультрафазу (ее сейчас принято называть глобальным миром). Мне кажется, что спорить по этому поводу нет смысла, но есть смысл обсуждать модели глобализации. Неолиберальная модель глобализации, ее принципы, ее методы впервые появились только в 1980-е годы. И мировой экономический кризис 2008 года показал, что эта модель принесла пользу тем странам, которые ее выбрали. Но в начале XXI века она себя исчерпала, и теперь надо искать что-то новое.

Здесь возникают два очень важных фактора. Во-первых, это стрессоустойчивость. Любое общество в этом мире, который будет не менее жестким и конкурентным, чем мир XX века, должно обладать сильной стрессоустойчивостью в экономическом плане, а также в социальном, политическом, идеологическом. И во-вторых — политическое лидерство. Это не значит, что обязательно должны сформироваться какие-то личности, которые ведут за собой массы. Речь о политическом лидерстве как проекте. Партийно-политическая система, другие политические настройки любого государства должны быть сильными и стрессоустойчи-

вами. Как это сделать — вопрос для дальнейших дискуссий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, переходим к вопросам из зала. Ваш вопрос, господин Багис.

Э. БАГИС, министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013): — Господин Моратинос, будучи министром иностранных дел Испании, Вы одним из первых выступили с инициативой создания «Альянса цивилизаций» и, насколько мне известно, продолжаете лично участвовать в его работе и настаиваете на том, чтобы Генеральный секретарь ООН включил этот проект в список приоритетных. Можете ли Вы сказать, насколько «Альянс цивилизаций», в создании которого наши страны приняли наиболее деятельное участие, способен помочь в решении проблем, упомянутых во время сегодняшней дискуссии?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Рассказать подробно — к сожалению, слишком долго для этой встречи. Если можно коротко ответить, то пожалуйста.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Инициатива «Альянс цивилизаций», которую Российская Федерация поддержала с самого первого дня, — это достойный ответ на концепцию столкновения цивилизаций. Сегодня мы обсуждали культурный аспект международных отношений, говорили о том, что культура — это один из инструментов дипломатии. Но при нынешнем управлении мы не признаем друг друга, у нас отсутствуют взаимное уважение, добрососедские отношения и толерантность. Однако не может быть отдельного Запада, или отдельного Востока, или Севера, или Юга — все это существует вместе. Мы не должны никем пренебрегать, должны уважать всех и заниматься совместным созиданием. Это касается не только ведения диалога. Диалог — это хорошо, но по его завершении вы можете изменить свою точку зрения, а потом вернуться к себе и продолжать делать все то же самое. Нет, «Альянс цивилизаций» — это изменение внутренних установок, принципов мышления, чтобы все вместе работали для того, чтобы вместе жить. В испанском языке есть волшебное слово “convivencia” — совместное существование, общежитие. В английском языке нет эквивалента, я не знаю, переводится ли оно на русский.

Э. БАГИС: — “Coexistence” по-английски.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Нет, coexistence — это не совсем то, это означает вынужденное сосуществование. Вы живете рядом с соседом, потому что так сложились обстоятельства. Convivencia означает, что вы хотите жить вместе, — в этом разница. Именно в этом суть «Альянса цивилизаций».

— *Вопрос прежде всего к Алексею Анатольевичу, но вообще к любому, кто будет готов ответить. Каков современный статус международного права, его роль? Если я правильно понимаю, расцвет междуна-*

родного права в XX веке был связан с балансом сил. Если сейчас наблюдается дисбаланс, если все подчиняется практике конструирования политических фейков, то возможно ли в принципе существование авторитетного международного права как универсального механизма? Насколько оно состоятельно? (вопрос из зала)

Ал. А. ГРОМЫКО: — Это огромный пласт для исследований, очень злободневный, его нужно обязательно изучать и реализовывать. Мы часто слышим тезис, который принято считать чуть ли не банальностью, не нуждающейся в доказательствах, что Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, доставшаяся нам в наследство по итогам 1945 года, перестала существовать. Я считаю, что это абсолютно не так, поскольку в тот период был заложен фундамент всех тех организаций, которые помогают нам справляться с нынешним хаосом: Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности с правом вето как инструментом принуждения к компромиссу и к миру, БРИКС, «Большая двадцатка». На мой взгляд, с помощью этих инструментов глобального регулирования можно попытаться сформировать новый баланс сил XXI века, если хотите, новый механизм «Концерта держав», только уже не локального, как в Европе XIX века, а глобального масштаба.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вы считаете, что это реально?

Ал. А. ГРОМЫКО: — Я думаю, что если над этим работать, то вполне реально.

А. П. САДОХИН, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ: — Александр Сергеевич, у меня вопрос к Вам. Вы действительно отказываете современному капитализму в жизнеспособных новациях, в любых вариантах реабилитации? Но в послевоенное время капитализм смог выработать систему сопротивления кризисным явлениям. И во второй половине XX века глубоких капиталистических кризисов не было. Сейчас, по Вашему утверждению, уже наступает предел этому потенциалу. Или я Вас неправильно понял?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вы меня поняли совершенно правильно. Я думаю, что капитализм может существовать дальше, но совершенно в другом виде, на ином уровне, синтезировавшись с социализмом. Нынешние противоречия накапливались достаточно давно. Я только что закончил большую статью о Майской революции 1968 года во Франции — недавно отмечалась 50-летняя годовщина этих событий. Вот тогда у капитализма была развилка: он мог пойти по пути гуманизации отношений, условно говоря, апелляции к человеческому духу, а мог выбрать путь к обществу потребления. Он выбрал второй, и результатом стал

ряд кризисов: кризис человека с его генетикой, кризис окружающей среды, кризис нехватки ресурсов и так далее. Сейчас капиталистический мир зашел в глубокий тупик. Конечно, он так или иначе выберется из этого тупика: Америка не умрет, Западная Европа, может быть, и распадется, но тоже не умрет. Однако все ресурсы капитализма в его нынешнем виде исчерпаны, он переродился изнутри настолько, что в нем не осталось мощных движущих сил, «драйва». Повторюсь, именно поэтому Китай догоняет Запад, и впоследствии его догонят еще многие страны, которые будут правильным образом сочетать элементы капитализма и социализма. Но Китай уже сегодня делает это лучше, чем Швеция, чем Германия, в которой деградирует система социального обеспечения. Еще вопросы. Да, Генри Маркович, пожалуйста.

Г. М. РЕЗНИК, *вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП*: — Чем Вы можете объяснить такое противоречие — весь мир ругает Америку, но почему-то все больше и больше людей из разных стран стремятся туда эмигрировать?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Да, Генри Маркович, это абсолютная правда. Бегут экономические мигранты из стран, развитых слабее. Люди наивны. Америка — кровосос, который вытягивает последние силы даже

из Западной Европы. Люди туда бегут, не понимая, что с ними будет дальше. А дальше, к сожалению, не будет ничего хорошего. А вот мы с вами туда не бежим. И это не случайно.

А. Н. ЧУМАКОВ, *ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова*: — Я хотел бы обратиться с вопросом к доктору Санаи. Вот уже почти два десятилетия популярна идея Хантингтона о столкновении цивилизаций. Как Вам видится сегодня эта идея, и что мог бы предложить ей взамен исламский мир в Вашем лице?

М. САНАИ: — К сожалению, политика больше помогла столкновению цивилизаций, чем налаживанию между ними диалога. Именно в том году, который был объявлен Годом диалога цивилизаций, — в 2001-м, — произошли печально известные события, и вслед за ними — цивилизационный раскол, в который внесли свой вклад прежде всего политики, а не рядовые граждане разных наций и вероисповеданий. Последующие события показали, что мир пока не готов к диалогу. Но это не значит, что к нему не нужно стремиться. Иного пути все равно не существует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Большое спасибо всем участникам.

Панельная дискуссия РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

17 мая 2018 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (<i>модератор</i>)
А. А. АКАЕВ	Президент Кыргызской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
А. М. КРАМАРЕНКО	директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, прошу сосредоточить внимание на предложенной к обсуждению теме дискуссии «Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы». Считаю, что все беды в России оттого, что мы копируем западные образцы, а там уже не осталось ничего, что стоило бы заимствовать. Генри Маркович, что Вы скажете по этому поводу?

Г. М. РЕЗНИК: — Вообще ни одной стране не рекомендуется бездумно копировать чужой опыт. Александр Сергеевич, ответ на Ваш вопрос дает российская Конституция, которая была принята в 1993 году. Эта Конституция — величайшее завоевание нашей страны. В тот период мы еще не вышли из состояния турбулентности (в 1993 г. произошли известные события, которые закончились обстрелом Белого дома). Но в результате родился документ, который полностью соотносится с международными актами, принятыми до него: международными пактами о гражданско-политических правах, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и др.

Против нормы, согласно которой общепризнанные принципы международного права являются составной частью российской правовой системы, почему-то выступают наши ретрограды и политики, которые считают, что ее нужно удалить из Конституции.

Если обнаруживается противоречие между международным договором и внутренним законодательством, то применяется правило международного договора. Эти люди — неприятели свободы, права — хотят ввергнуть страну в хаос, который мы пережили. Тогда многие даже не осознавали этого потому, что в тоталитарной стране, где не было выбора и прекрасно работала пропаганда, люди не представляли себе, что можно жить иначе.

По этой причине, Александр Сергеевич, можно обвинить нашу Конституцию в копировании и некритическом заимствовании тех правовых норм, которые были выстраданы человечеством. Все эти нормы — реакция стран, победивших гитлеровскую коалицию, на тот ужас, ситуацию, которая высветила, насколько эффективными в тоталитарных государствах могут быть такие методы управления, как насилие и ложь.

Я рад, что сейчас трендами развития в нашей стране являются права и свобода человека, разделение властей, которые не могут быть подвергнуты сомнению. А то, что обнаруживаются разные интересы и некоторые страны, в том числе США, ведут себя бесцеремонно на международной арене, — это другой вопрос. Давайте не будем путать расхождение интересов, которое бывает временным, с ценностными нормами и оценками. Здесь я всецело на стороне Конституции РФ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По поводу Конституции — согласен, Генри Маркович. Но почему слепое копирование западных традиций и явлений, например введение Болонской системы, «Сколково», регулирование Интернета по западному образцу (этот перечень можно продолжить), приводит к неприятностям? Аскар Акаевич, выскажите, пожалуйста.

А. А. АКАЕВ: — Россия всегда, по крайней мере последние столетия, играла ведущую роль в формировании миропорядка. Ялтинский мир, свидетелями разрушения которого мы сегодня являемся, был инициирован Советским Союзом. СССР сыграл тогда ключевую роль. Сегодня мы можем констатировать, что Ялтинский мир разрушен.

Александр Сергеевич точно охарактеризовал ситуацию в мире: хаос и турбулентность. Необходим новый миропорядок, который возможен благодаря утверждению гуманистической ноосферно-интегральной цивилизации, основу которой сформулировали трое великих русских ученых XX века: Вернадский, Сорокин и Моисеев. На этот вызов лучший ответ может дать именно Россия.

В 2020 году будет отмечаться 75-летие Ялтинской конференции. Россия могла бы инициировать созыв новой конференции. А. А. Громыко напомнил о «концерте великих держав», наций, но, по моему мнению, это осталось в прошлом, в XIX–XX веках. Сегодня на авансцену выходят новые силы — восходящие цивилизации: китайская, индийская, ирано-персидская, евразийская и др. Россия могла бы созвать саммит цивилизаций, который могли бы представить 22–24 страны, составляющие 12 локальных цивилизаций, и таким образом запустить процесс формирования нового миропорядка, способного обеспечить процветание человеческой цивилизации в XXI и последующих веках. Это серьезный вызов для России, на который она может дать достойный ответ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, что Вы думаете по этому поводу?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Всех, кто выступал сегодня, я разделю бы на оптимистов и пессимистов. Нетрудно заметить, что среди выступавших на этой сцене пессимистов гораздо больше. Я отношу себя к пессимистам, то есть к реалистам, и с этой позиции озвучу несколько тезисов (более подробно с десятью тезисами можно ознакомиться в моем докладе). Первое: *Si vis pacem, para bellum*, то есть «хочешь мира — готовься к войне», или идти на компромисс? Мой ответ: лучше готовиться к войне, потому что на компромисс никто не пойдет. Такова реальная практика последних тысячелетий.

Второе: страх и подозрение многое определяют в современной политике. Как и почему это происходит — отдельный вопрос. В прошлом году Петр Дуткевич сделал доклад на эту тему.

Третье: здесь выступило много выдающихся ученых, которые размышляют о мире и общем благе. У меня вопрос: почему в мире до сих пор не наступило благоденствие? Значит, где-то в другом месте не ме-

нее умные, но недобрые ученые дают советы тем, кто правит миром. Может, следует с ними поговорить лицом к лицу, а не уговаривать друг друга, что мы-то все делаем хорошо, но решение принимают они?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, то есть вызовы — это ученые, а перспективы — мрачные?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Нет, злые ученые дают умные недобрые советы, а решения принимают политики. И похоже, к нашим советам они не очень прислушиваются.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Россия в глобальном мире — интересная тема, но сначала надо понять, что в настоящее время представляет собой глобальный мир. Сегодня глобальный мир перешел к управляемому хаосу.

Россия длительное время стремилась войти в глобальный мир, например во Всемирную торговую организацию наша страна пыталась вступить на протяжении 17 лет, а когда это произошло, ВТО развалилась. Нужно отдавать себе отчет в том, что это следствие процессов, происходящих сегодня в мире, в котором мы живем. Вопрос заключается в том, можно ли управлять хаосом или нет. С моей точки зрения, необходимо попытаться это сделать. Это под силу наиболее технологичным странам, которые имеют соответствующие суперкомпьютеры для моделирования ядерных процессов (без проведения реальных испытаний). Это достаточно сложно. Также в эту программу можно ввести параметры хаотического мира, что позволит управлять им. Кто сможет это сделать, тот станет лидером в цифровом капитализме.

Цифровой капитализм — новый термин. Действительно, капитализм будет развиваться в цифровом виде. Так, в России принято соответствующее решение о цифровизации экономики и нашей жизни. Но необходимо учитывать: цифровой капитализм, с одной стороны, и цифровая экономика — с другой, способствуют нарастанию цифрового рабства. В данном случае возникают этические и юридические проблемы, о которых говорил Генри Маркович Резник: необходимо соотносить закон о правах человека, в том числе нашу Конституцию, с практикой, существующей сейчас в цифровом мире (можно отметить сложности в обеспечении прав в этой области).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Дмитриевич, Вам слово.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Существует необыкновенно сложная нерешенная проблема социального выбора, которая рассматривается в экономической и политической науках. Как понять, каким образом люди, составляющие группу (включая государство и надгосударственные группы), принимают решения? Все зависит от базовых институтов. Институты — это правила, не-

кие ограничения, в рамках которых члены группы решают вопросы, согласовывают интересы. Возникает замкнутый круг, потому что для того, чтобы принимать решения, нужно принять решение о том, каким образом это делать. Но этот замкнутый круг — не противоречие теории, а реальная ситуация. Она имеет серьезные последствия, которые заключаются в том, что в определенный период времени действующие институты всех удовлетворяют и работают. Наступает момент, когда происходит изменение конфигурации интересов и оказывается, что институты уже не удовлетворяют игроков. Возникает сложный момент, связанный с перестройкой институтов. В такие периоды государства либо распадаются, либо объединяются. Возникают те проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Александру Михайловичу Крамаренко.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Согласен с тезисом, что у России не может быть постоянного места в нестабильном глобальном мире, потому что все в мире находится в состоянии перехода к чему-то новому. То есть проблема носит глобальный характер. Поэтому в качестве ориентира надо брать культуру, которая лежит в основе всего происходящего с отдельными странами и человеческой цивилизацией в целом. Вот почему вижу глубокий смысл в проведении Лихачевских научных чтений, где культура находится в центре внимания.

Можно согласиться с Л. Толстым, который сказал, что все величайшие истины просты. Наверное, есть две истины, в которых сформулированы главные вызовы общественным наукам. Первая — библейская: «Не ведают, что творят». Вторая принадлежит Ларошфуко и указывает на то, что всегда есть зазор между тем, как человек оценивает свое состояние, и реальным положением дел: оно либо хуже, либо лучше, чем ему кажется/представляется.

Без разговора о глобализации не обойтись. Видимо, необходима стабилизация той глобализации, которая была исключительно рыночной, то есть неуправляемой. В результате прежде всего пострадало западное общество. Виталий Товиевич прав в том, что нам в России надо исходить из того, что переход к управляемой глобализации неизбежен.

Культура определяет и то, как политические элиты и население в целом реагируют на отсутствие порядка, атмосферу неопределенности и непредсказуемости. Одни более терпимы к беспорядку, другие — менее, и тогда там проблема контроля выходит на первое место. Видимо, соблюдение порядка требует смирения, которое по-разному присутствует в различных культурах. Эта истина тоже сохраняет свою актуальность.

Когда речь идет о глобальном порядке, можно выделить две его разновидности, которые нередко путают между собой: нормативный мировой порядок (представленный ООН и международным правом, сложившимся в послевоенный период) и геополитический, который действительно разрушается, в частности, терпит крах глобальная империя США, причем как бы по собственной инициативе (брексит, избрание Трампа с его

лозунгом «Америка прежде всего» и пр.). Другими словами, США сами «закрывают» свой имперский проект, который сейчас выдается на Западе за «либеральный миропорядок». Всем странам придется иметь дело с США уже вне глобальной империи в форме так называемой двусторонней «транзакционной дипломатии». Полагаю, что такое саморазрушение Америки соответствует известному универсальному закону: все системы, достигнув определенного состояния зрелости/пика, если не трансформируются рационально и своевременно, то саморазрушаются. Так произошло и с Советским Союзом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Хочу начать свое выступление с вопроса: почему в результате перестройки мы перешли (может быть, не полностью и некачественно) на европейские нормы демократии, приняли Конституцию? Мы проводим выборы депутатов и президента (результаты последних выборов президента ни у кого не вызывают сомнений: народ действительно проголосовал за В. В. Путина), перешли к рыночной экономике, вроде становимся все ближе к европейским нормам, а к нам все хуже относятся. Если во времена Хрущева мы угрожали мировой революцией («мы вас похороним»), то сейчас не звучит никаких угроз. Что такое присоединение Крыма по сравнению с тем, что было раньше? Представьте себе, что Крым принадлежал бы России, и Украина, воспользовавшись ситуацией, сделала бы то же самое, что и Россия. Никто бы не возражал, потому что Россия стала слабой. Не в военном отношении, мы стали слабыми экономически и технологически, мы ничего не можем производить: ни самолетов, ни автомобилей, у нас распространены отверточные технологии из поставляемых деталей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А почему мы стали слабыми?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Потому что неправильно ведем экономическую политику. Недопустимо, чтобы экономика провоцировала такое сильное расслоение общества: по моим оценкам, 0,5–1 % богатейших людей нашей страны присваивают 10 трлн рублей, а весь федеральный бюджет составляет 15 трлн. Это значит, что они диссипируют национальные ресурсы. Уже десять лет в стране под руководством нашего президента и правительства нет экономического роста, мы утратили технологии. Конечно, в экономике ничего нельзя делать быстро, так постепенно начинал и Рузвельт.

Для того чтобы начался реальный экономический подъем, нужно перераспределить 3–5 % ВВП. Основной инвестор экономики — это народ, получающий сбалансированную зарплату. Россиянам, где 93 % населения получают зарплату меньше 70 тыс. рублей и почти 60 % — менее 20 тыс., никакой экономический рост не нужен, потому что люди не могут ничего купить. Мы гордимся производством зерна, но зерно возвра-

вается на почве, а землю не удобряют, чтобы компенсировать нехватку необходимых элементов, и происходит деградация почв.

Пока наша экономическая политика будет ориентироваться на нынешний курс, который проводят правительство и президент страны, пока они не осознают кардинальных проблем, ничего у нас не получится.

Когда в 1992 году произошел обвал доходов населения, смертность подскочила до 16,7, хотя до этого она находилась на том же уровне, что и в Европе. В период до 2015 года за повышенную смертность Россия заплатила 15 млн жизней, а за весь период существования Советского Союза — около 30 млн. Пока мы не преодолеем этот экономический строй, нам будут угрожать санкциями (а санкции — это тяжкий груз).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Роберт Искандерович, даже спорить не хочется. Но возникает вопрос: если бы Вы получали 10 трлн рублей, кто-нибудь смог бы убедить Вас, что это нехорошо и Вы должны от них отказаться?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — В этом и заключается государственный порядок, что политику должны определять не 0,5 % населения, а реальный народ. Чтобы народ это понял, нужно, чтобы прежде это осознали академики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Академик Нигматулин все подсчитал и сообщил нам о результатах. Теперь понятно, почему разогнали Академию наук, которая подчитывает и озвучивает результаты.

Г. М. РЕЗНИК: — Академик Нигматулин высказался от своего имени и ценно именно то, что он говорит не от имени Академии наук.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Александр Сергеевич, у нас многих надо разогнать, но начинать нужно не с Академии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Генри Маркович, издано огромное количество книг, где подробно (на основании расчетов, с приведением конкретных цифр) описывается то, о чем говорил сегодня академик Нигматулин (высокая смертность, женский алкоголизм, трагедии в семьях и пр.). Я сам принимал участие в написании таких книг. Абдусалам Абдулкеримович, Вам слово.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Прежде чем сказать несколько слов о будущем, имея в виду, конечно, будущее нашей страны и мира, хочу коснуться вопроса о самом способе, о методологии наших рассуждений об этом предмете. Мы говорим о будущем, как будто речь идет о некоем фактическом состоянии, которое находится впереди, и мы хотим как бы заглянуть в это будущее состояние, увидеть, что там, разглядеть в нем место России. На самом деле будущее не есть нечто предзаданное, это не цель, которая находится впереди и до которой надо добежать, и весь вопрос только о том, кто

кого обгонит на этой дистанции. Нет, не так. Будущее проблематично. Оно находится под вопросом. Оно существует в модусе возможности. Говоря так, я имею в виду будущее не в аспекте физического времени, а социальное, историческое будущее. Мир существует во времени, протяженном из прошлого через настоящее к будущему, и в физическом аспекте будущее гарантировано, то есть начиная с того времени, когда мы рассуждаем и которое фиксируем как настоящее, обязательно что-то произойдет и это что-то мы можем с разной степенью точности познать, хотя и в этом случае более уместным будет слово «предугадать». Однако в социальном, историческом смысле будущее отнюдь не гарантировано. Оно не гарантировано и тогда, когда речь идет о человечестве в целом, тем более не гарантировано, когда речь идет об отдельных народах, государствах, социумах. Сколько рухнуло великих империй! Сколько великих народов кануло в Лету или сместилось на задворки истории! Мы сами пережили крах социализма, Советского Союза и для подавляющего большинства населения, в том числе для ученого сословия, для 99 из 100 всей думающей массы это стало, как говорится, громом среди ясного неба. Давайте всерьез задумаемся над этим фундаментальным фактом и поймем, что наше отношение к будущему более серьезно и ответственно, чтобы его можно было рассматривать как сугубо или даже по преимуществу эпистемологическую, прогностическую проблему.

Будущее открыто, оно таково, будет таковым, каким мы его сделаем. Будущее — это свободное пространство, резервуар для исторического творчества. И вопрос о будущем — это вопрос о том, что мы делаем, не о целях истории, а о целях нашей деятельности. Это, если хотите, вопрос о нашем отношении к настоящему, о том, насколько мы им довольны или недовольны, о мере нашей критичности, нашего радикализма при оценке настоящего. В этом смысле вопрос о будущем — это вопрос о духовном состоянии страны, народа, их ценностных приоритетах и амбициях, их понимании самого смысла человеческого существования. Можно даже сформулировать такой парадокс: чтобы проникнуть в будущее, надо глубже заглянуть в самих себя.

С этой точки зрения следовало бы рассматривать не только и не столько отдельные теоретические предсказания или зарисовки будущего, часто весьма разумные и обоснованные (многие из них мы сегодня услышали), а реальное состояние общественного российского сознания и посмотреть, какие образы будущего в нем присутствуют. На мой взгляд, в нем можно выделить три образа будущего, не надуманных, не сконструированных, а вполне реальных образа, за которыми стоят мощные потоки человеческой энергии, большие массы людей.

Первый — это довольство настоящим. Речь идет о принципиальном довольстве. Конечно, считается, что необходимо что-то улучшать (в большей или меньшей степени), например, чтобы в стране не было столько бедных, чтобы умерить коррупцию и т. п. Этот вариант реализует правительство. Его поддерживает большинство населения. В общем, при всех включающих

в себя или допускаемых критических идеях, настроениях и действиях, речь в этом случае идет о будущем как пролонгации настоящего.

Два других варианта, тоже реально работающих, массовых, действенных, имеющих силу исторического мотива, — будущее, понятое как прошлое: в одном случае как советское прошлое, в другом — как прошлое царской империи, в третьем — вообще как допетровская Русь.

Наша проблема заключается в том, что в обществе нет реальной устремленности в будущее, понятого как качественное обновление форм жизни. То есть мы потеряли вкус к историческому бытию, интерес к тому, чтобы наше существование было историческим. Это более глубокая проблема, чем отдельные решения, касающиеся тех или иных аспектов экономики, культуры и т. д. Мы как будто и не верим, и не хотим такого будущего, где не будет насилия, социальной несправедливости. Мы даже буржуазно-демократические лозунги свободы равенства и братства не принимаем всерьез. Словом, надо признать: у нас с будущим проблемы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По моему мнению, люди, которые сегодня выступают со сцены, наделены сверхспособностями. Сложно с кем-либо из них спорить. Генри Маркович абсолютно прав в том, что у нас замечательная Конституция, Роберт Искандерович — в анализе экономической системы, Михаил Викторович прав во всем. При этом мне известно, что в стране существуют огромные проблемы. Указы президента, например майские, будут выполнены так же, как были выполнены предыдущие. В частности, было велено повысить зарплату преподавателям вузов. Подняли зарплату, а заодно и нагрузку в два раза. Сейчас пенсионерам пообещали увеличить пенсии. Если пенсионный возраст повысят до 80 лет, то пенсии можно поднимать раз в десять. Вот так работает наша экономика.

Считаю, что российская экономика намного хуже западной, потому что мы копируем то, что уже прогнило. А когда начинаешь бездумно копировать, как правильно сказал Генри Маркович, получается намного хуже: у нас гораздо хуже капиталисты, пресса, чиновники и т. д. Генри Маркович, что Вы об этом думаете?

Г. М. РЕЗНИК: — Чем дольше живешь, тем становишься более осторожным, потому что понимаешь: количество вопросов увеличивается, а ответов на них становится все меньше. Не устаю поражаться мудрости древних, которые считали меру самой важной философской категорией. Вообще политика, тем более экономическая, — ответственное дело. Стоит только где-то пережать, сменить приоритеты — и жизнь начинает мстить. Мы хотим жить как в Америке или в Западной Европе?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Нет.

Г. М. РЕЗНИК: — Виталий Товиевич не хочет, потому что он уже так живет. По моим представлениям, такой страны, как Россия, быть не должно, она давно должна была исчезнуть. Ни на одну страну так силь-

но не воздействовали такие факторы, как колоссальная территория, суровый климат, власть, постоянные внешние угрозы. Сейчас угнетает политика, проводимая последние семь лет как на международной арене, так и внутри России, — она стала плоской.

Считаю, что все действительно — разумно, все разумное — действительно и проявляется через необходимость. Давайте представим 1990-е годы (хотя они были закономерными, но все же были связаны с колоссальными издержками). Первые шаги, которые сделал В. Путин, были абсолютно правильными. Тогда, в период «парада суверенитетов», 18 регионов объявили о приоритете своих конституций над Конституцией РФ. Горбачев в свое время сказал: «Без крови мы не разойдемся». Слава богу, что обошлось без большого кровопролития. Но ситуация не изменилась: сохранилась колоссальная территория, постоянно возникают национальные проблемы, вдруг начинает разыгрываться национальная карта. Россия — сложная страна. Но что нам делать в экономике, я не знаю, потому что не являюсь специалистом в этой области.

Понятно, что нужно преодолевать патернализм. То, что все кормилось с руки единственного собственника — государства, сформировало психологию гражданина, который фактически лишен возможности проявить свою инициативу. В итоге в 1990 году государство вообще ушло из экономики, затем попыталось восстановить там в необходимых пропорциях свое присутствие. Затем присутствие государства в экономике стало возрастать. Сейчас в Америке только 17 % рабочих мест создаются государством, в России — 70 %. Какой бюджет выдержит такую нагрузку?

Политика, которая проводится в жизнь, должна быть профессиональной. Сейчас происходит то же, что и ранее: люди подвержены эмоциям, отсюда запрос на величие страны, живут иллюзиями, падки на обещания, поддерживают таких популистов-демагогов, как Жириновский. И вот с такими людьми нужно строить сильное правовое государство в рамках демократии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Михаил Викторович, пожалуйста.

М. В. ШМАКОВ: — В нашей стране сейчас большинство рабочих мест создаются за государственный счет. Ни малый, ни средний бизнес в сложившихся условиях экономики не может развиваться, потому что нет кредитов, платежеспособного спроса населения. И если мы это не преодолеем, то у нас не будет прогресса. В настоящее время наиболее успешные предприятия — те, которые финансируются за счет государственных заказов и госбюджета. Это один из путей развития экономики. Безусловно, ситуацию нужно менять. В этом нам помогут правовое государство и соблюдение законов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Александру Дмитриевичу Некипелову.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, мы сегодня много говорили о глобализации. Но если быть

объективными, то не было большего глобалиста, чем Карл Маркс. Он говорил о том, что в мире столько же наций, сколько и людей. Идея мировой революции вполне соответствует глобальному видению мира. Кстати, глобалистом был и Владимир Ильич Ленин, который в отдаленном будущем предвидел глобальное общество, правда, принципиально иное, а именно кооператив народов.

Сейчас мы являемся свидетелями того, что не существует однолинейного процесса. Связано это с тем, что рыночная экономика является мощным интегратором. Но рынок выявляет только часть индивидуальных предпочтений людей, а именно эгоистическую часть. Рынок — не инструмент для раскрытия альтруистических настроений людей. Если бы все были согласны с тем, что все нужно отдать на откуп рынку, не возникло бы проблем с созданием единой мировой экономики и с управлением единой денежной системой. Это технические легко решаемые вопросы. Проблема заключается в том, что те, кто еще недавно рассуждал о том, что является двигателем рыночной глобализации, вдруг обнаружили, что после кризиса 2007–2009 годов она обернулась против них.

На мой взгляд, ошибочно просто обращать внимание на некие человеческие особенности Трампа. В конце концов за него проголосовало полстраны, и многое из того, что он говорил, сейчас реализуется в экономике и воспринимается с большим энтузиазмом.

Я, как экономист, в течение всего периода реформ нахожусь в оппозиции к экономической политике, которая проводится в нашей стране. Возникает вопрос: почему у проводимого курса так много оппонентов? Фактически что бы ни происходило, у власти все время, весь период реформ, остаются люди, представляющие одно течение мысли. И здесь мы возвращаемся к вопросу о качестве нашей Конституции (причем не столько к тому, при каких условиях она была принята и была ли принята вообще — на этот счет есть разные мнения). Дело в том, что у нас нет механизма естественной смены команд, выражающих разные взгляды на политику, которую нужно проводить. Это, с моей точки зрения, является одним из серьезных пороков, с которыми мы сталкиваемся и которые, к сожалению, нам пока не удастся преодолеть.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Роберт Искандерович, пожалуйста.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Александр Сергеевич, хочу ответить на вопрос, который вы затронули, — о социализме и капитализме. Для меня как человека технократичного, математика, важны цифры. Что такое социалистическое государство? Приведу один из показателей: затраты на развитие человека (образование, здравоохранение, наука, культура) в Европе составляют 25 %, в России — 9 %, поэтому там гораздо больше справедливости и социализма, чем у нас. Другое дело, что я не хочу жить, следуя новым европейским тенденциям (там разрешен брак между двумя мужчинами и т. д.). Россия должна выдержать этот натиск, это одна из ее главных функций.

В мире все творится с позиции силы. У нас нет этой силы, поэтому мы страдаем. Вообще экономика быстрее развивается там, где существует экономическая справедливость. Справедливости в нашей стране нет, и за это мы будем платить, пока не поймем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, прошу, Вам слово.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Теперь обращаюсь к тем, кто многократно сегодня повторял, что культура спасет мир. Не уповайте на культуру, она, в частности многие художники, тоже поклоняется оружию.

Здесь уже говорили о том, что иерархии всегда были и будут. Внутри них происходит борьба, вследствие чего возникают конфликты внутри стран. Троны борются друг с другом, отсюда внешние конфликты. Национальная иерархия (только она должна быть действительно национальной) либо побеждает, либо проигрывает, а вместе с ней и весь народ.

Можно ли предсказать будущее и спланировать его? Мы можем это проверить. В 1985 году Горбачев пришел к власти и пообещал, что все будет хорошо: мы возьмем все лучшее от социализма и капитализма. Через шесть лет он потерял власть, а страна распалась...

Основываясь на недавнем прошлом, можно констатировать, что планы не обязательно сбываются. Но с будущим можно что-то сделать. Первый вариант: если бы Горбачев не пришел к власти, то, возможно, Советский Союз существовал бы до сих пор.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Если бы к власти пришел Григорий Романов, то СССР существовал бы и развивался не менее успешно, чем Китай.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Не знаю... Второй вариант: в 2000 году к власти пришел Путин. В это время Россия реально могла распасться. Но она консолидировалась. То есть будущее планируется, конструируется, причем часто усилиями одного человека.

Хочу обратиться к молодежи: сейчас нередко можно услышать, что жизнь должна быть комфортной. Бойтесь людей, которые обещают создать для вас комфортные условия, гоните их. Жизнь не может быть комфортной. Жизнь — это борьба, всегда возникают трудности, которые нужно преодолевать, тогда жизнь становится интересной. Тот, кто хочет вас поработить, и создает вам комфорт на несколько дней или месяцев, а потом заставит пресмыкаться.

Г. М. РЕЗНИК: — Будьте бедными, но счастливыми!

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Действительно, бедные часто счастливее богатых.

— *Виталий Товиевич Третьяков начал свое выступление с высказывания «Хочешь мира — готовься к войне». Приведу следующий факт: Нобелевская премия мира за 2017 года присуждена Международной кампании за запрещение ядерного оружия (ICAN). Эта организация (в которую входят примерно 100 стран) ны-*

талась подписать договор о запрещении ядерного оружия. Как Вы к этому относитесь? (вопрос из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — По-моему, смешно обсуждать решения Нобелевского комитета. Лауреатов Нобелевской премии по экономике настолько много, что жители всех стран должны ходить в золоте, есть ананасы с утра до вечера и запивать их шампанским. Где этот процветающий мир? Нужно серьезно относиться к истории, которая уже произошла, а будущее — это продолжение, а не изменение истории. Продолжение истории заключается в том, что люди воевали, воюют и будут воевать.

— *Александр Сергеевич, не упрощаем ли мы проблему, считая Запад гомогенной системой? Возможно, что-то не нужно было заимствовать, а что-то надо было перенять? Может быть, то, что мы сейчас пытаемся взять у Запада, ранее они заимствовали у нас?* (вопрос из зала)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Несколько лет назад на Лихачевских чтениях выступал китайский академик Цзин Цзе Ли, возглавлявший институт, который изучает, как не повторить ошибок Советского Союза. В частности, он сказал: «России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-е годы». Его доклад имел красноречивое название «Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как “влево”, так и “вправо”».

Советский Союз отрицал все положительное, что существовало на Западе, у нас был незрелый социализм, поэтому можно было многое заимствовать из западного опыта. Сегодня в современной России наблюдается уклон вправо: все, что ни делается на Западе, хорошо, поэтому это нужно копировать. По моему мнению, надо перенимать избирательно.

Цзин Цзе Ли привел замечательный пример, подтверждающий, что нельзя заимствовать механически. Дело в том, что в Китае мандарины, плоды которых сладкие, обычно растут к югу от реки Хуанхэ, но если сажать их к северу от реки, то плоды будут иметь резкий запах и непригодны для еды. Причина в том, что на разных берегах реки — разные условия.

Опыт капитализма нужно перенимать со знанием дела, о чем и сказал Генри Маркович. Сейчас Россия должна перенимать опыт китайского социализма, совмещенного с капитализмом, потому что нам есть что позаимствовать. Пока мы метались из одной крайности в другую — из ультралевой позиции в ультраправую, Китай начиная с 1970-х годов постепенно внедрял у себя опыт капитализма. Что-то не получалось, но они шли дальше. Сегодня китайцы могут прокормить свою страну и уже конкурируют с США. ВВП Китая составляет более 20 %, а ВВП России — 2 %. Тридцать лет назад все было наоборот: ВВП стран социалистического лагеря — 22 %, а ВВП Китая — 2 %. Вот к чему мы пришли.

В. Л. МАКАРОВ, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор: — Аскар Акаевич, что бы Вы сделали, если бы стали президентом России?

А. А. АКАЕВ: — После Второй мировой войны 25 лет весь мир процветал благодаря трем факторам: Ялтинскому миру, сильным профсоюзам и социалистическому лагерю. Сегодня нет социализма, Ялтинского мира (надеюсь, возможен Ялтинский мир-2). Россия сохранила сильные профсоюзы с активным лидером. Мы дискутируем в Университете профсоюзов, лучшем гуманитарном университете и мозговом центре России.

Если бы я был президентом, то в первую очередь поддержал бы профсоюзы, в частности укрепил бы Университет профсоюзов. В цифровую эпоху будет усиливаться социальное неравенство. Российские профсоюзы стоят на страже интересов трудящихся. Запад потерял этот институт. Сильные профсоюзы — ответ России на современные вызовы. Я с этой трибуны призываю всех вступить в профсоюзы.

М. В. ШМАКОВ: — Аскар Акаевич, спасибо. Логотип Федерации независимых профсоюзов России венчают три слова: «Единство. Солидарность. Справедливость». Сегодня профсоюзы всего мира (я позавчера приехал со Съезда профсоюзов Германии) считают своей главной задачей на ближайшие четыре года укрепление солидарности в обществе.

Г. М. РЕЗНИК: — Позвольте ответить на вопрос академика Макарова. Если бы я стал президентом, то, во-первых, я не реагировал бы эмоционально на некоторые раздражители из-за рубежа, в том числе из бывших советских республик, не пугал бы заявлениями о восстановлении «русского мира», сакральных ценностях тысячелетней давности, на которые мы должны опираться. Во-вторых, не делал бы непродуманных заявлений на международной арене. Кроме того, указал бы место, которое должны занимать спецслужбы в обществе, потому что сейчас их полномочия слишком расширены, фактически они управляют страной, контролируя все. В-третьих, я сконцентрировался бы на решении вопроса, на котором успешно сделал акцент президент, — борьбе с бедностью. Бедные работники не могут обеспечить экономический прогресс страны.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — На мой взгляд, все сказано правильно. Это своеобразные пожелания американскому президенту: не пугать другие страны, не давать спецслужбам руководить страной и бороться с бедностью.

Г. М. РЕЗНИК: — Американскому президенту бесполезно что-либо советовать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я благодарю участников дискуссии и аудиторию.

Раздел

«ВСПОМИНАЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Г. Н. Боева¹

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ДИАЛОГ СТИЛЕЙ: МОДЕРН В СВЕТЕ УЧЕНИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА О СТИЛЕ

Описание искусства в категориях «стиля» имеет научную традицию, восходящую к трудам Г. Вёльфлина о ренессансе и барокко, написанным в 80-е годы XIX века и переведенным на русский язык в 10-е годы века XX², в эти же годы о стиле как о «единстве приемов» пишет В. М. Жирмунский³. В 1930-е годы понятие «стиль» в отечественной науке было вытеснено понятием «метод», и лишь в последние десятилетия оно с триумфом вернулось в язык гуманитаристики. Однако в культурологических воззрениях Д. С. Лихачева понятие «стиль» («стиль эпохи») присутствовало все эти годы и являлось, по сути, системообразующим.

В монографии Лихачева об истории русской литературы X–XVII веков понятие «стиль» вынесено в подзаголовки как одно из ключевых⁴. История мировой и отечественной культуры и литературы представит в его учении как динамика стилей, захватывающих различные сферы культуры и сменяющих друг друга в строгой закономерности. Так, на смену «первичным», простым стилям приходят стили «вторичные», тяготеющие к большей формализации, декоративности, условности, иррациональности. Намечается череда следующих пар: «романский стиль – готика», «ренессанс–барокко», «классицизм–романтизм», причем каждый из них наследует предыдущему родственному: «первичному» — «первичному», «вторичный» — «вторичному». Каждый стиль как будто ведет с предшествующими диалог, который и определяет преемственность в развитии культуры и искусства.

Известно, насколько важное место в истории культуры Лихачев отводил следующему за романтизмом реализму, который, в отличие от других «великих стилей», «не может быть определен только как стиль или стили»⁵ и порождает в своем русле множество инди-

видуальных стилей. На этом основании Лихачев отказывает реализму в способности развить на своей основе «вторичный» стиль. История стилей, таким образом, в 1970-е годы обрывается у Лихачева на реализме, и о модерне, заявившем о себе на рубеже XIX–XX веков, он даже не упоминает.

Однако в позднейших работах, усматривая в «стилистической формации» важнейшую основу для целостности культуры⁶, академик вновь описывает динамику стилей и прямо заявляет: «Стилистической формацией может быть назван стиль модерн»⁷ (попутно отмечая корреляцию разных сторон культуры в авангарде). О реабилитации на наших глазах модерна, иначе называемого *art nouveau*, *сецессион* и пр., пишет Лихачев и десятилетием раньше в статье «Контрапункт стилей как особенность искусств» (1981)⁸ в контексте рассуждений об эклектике и эклектических стилях (в частности, бидермайере). Примечательно, что, развивая здесь свою теорию «стилевого контрапункта», или единовременного сосуществования двух стилей, Лихачев именно в связи с «оправданием модерна» отмечает невозможность подойти к некоторым эпохам с единым стилистическим кодом и характерность для этих эпох самого отсутствия единства.

Здесь лихачевское представление о стилях коррелирует с другой его идеей — о чередовании в истории культуры периодов стабильности (гармонии) и хаоса⁹, который «под влиянием присущего человеческому творчеству стремления к единству постепенно объединяется в новую стилистическую систему»¹⁰. Представляется, что этой новой стилистической системой, сменившей гармоничную эпоху реализма, и стал модерн, в свою очередь послуживший своего рода «инкубационным периодом» для авангарда и последовавшего за ним модернизма¹¹. Заметим, что мысль Лихачева о хаосе и гармонии предвосхищает актуальную для последующего искусствоведения идею художественной переходности, обоснованную в трудах современных

⁶ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8.

⁷ Цит. по: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2015. С. 25.

⁸ Лихачев Д. С. Контрапункт стилей как особенность искусств // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 21–29.

⁹ Лихачев Д. С. Через хаос к гармонии // Русская литература. 1996. № 1. С. 3–5.

¹⁰ Лихачев Д. С. Через хаос к гармонии // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 334.

¹¹ Сарабянов Д. В. Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы. М., 1989. С. 87.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 110 научных и учебно-методических работ, в т. ч.: «Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна», «Герои нашего времени»: проект «Смешарики» как явление современной субкультуры детства», «Трансформации феномена сталкерства в постсоветском культурном пространстве», «Об одной сюжетно-стилевой реминисценции: “дети-убийцы” у Л. Андреева (“Красный смех”) и З. Прилепина (“Черная обезьяна”)», «“Томре Гоел” как прием в живописи и литературе: Волошин–Андреев–Бёклин–Штук», «Образ заглавной героини пьесы Л. Андреева “Екатерина Ивановна” в контексте иконографии модерна» и др.

² Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств: проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: Л., 1930.

³ Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 18.

⁴ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.

⁵ Там же. С. 183.

исследователей¹, и пересекается с появившейся в эти же годы концепцией Н. Л. Лейдермана о «классическом» (гармоничном) и «неклассическом» (хаосогенном) типах искусства².

«Без эклектизма второй половины XIX века в области архитектуры не мог бы возникнуть стиль модерн начала XX века»³, — прямо заявляет Лихачев. Оставаясь в системе его учения о стиле, можно предположить, что модерн, сменивший затянувшееся засилье эклектики, и явился «вторичным» стилем по отношению к реализму. Ведь сам Лихачев оговаривает, что с течением времени стили затрагивают все меньше сфер воплощения: реализм вследствие этого «сокращения сферы влияния» проявил себя лишь в вербальных искусствах, и пластические искусства, не охваченные им и не удовлетворенные ретроспективизмом неоклассицизма и аморфностью эклектики, «тосковали» по «большому стилю». Таким образом, оформление стиля модерн как «вторичного» по отношению к эпохе реализма не противоречит лихачевскому же заключению о том, что «соединение разных стилей может совершаться с разной степенью интенсивности и создавать различные эстетические ситуации»⁴. Стиль модерн и был порожден уникальной ситуацией культурного плюрализма, возникшей на рубеже XIX–XX веков.

«Безразмерность» определений модерна в свете лихачевского учения приобретает большую определенность, а сам он занимает вполне легитимное место

в системе стилей. Последние исследования, проецирующие модерн на литературу, лишь дают дополнительные аргументы в пользу универсальности его стилистического кода для своей эпохи⁵. Вспомним, что поначалу отнесение к литературному материалу такого «вторичного» стиля, как барокко, тоже было весьма проблематичным, но Лихачев, подробно останавливаясь на истории этого вопроса, вовсе не отвергает идею «барочной литературы». Наконец, к модерну относятся многие характеристики, которые в лихачевской теории стиля присущи «вторичным» стилям — готике, барокко, романтизму. Так, модерн очевидно перекликается с ними своей «неклассичностью», декоративностью, условностью, мифологизмом, противоречивостью социальной базы (предназначенный для массового тиражирования он парадоксальным образом выразил тягу к роскоши и стал стилем для избранных), космополитизмом (наличие разных национальных версий).

Взаимодействие и динамика стилей в системе культурологических взглядов ученого предстают как извечный диалог, вовлекающий в свою орбиту все уровни и сферы духовной и материальной жизни человека и определяющий ее целостность в конкретную эпоху. В то же время возможность успешной проекции воззрений Д. С. Лихачева на модерн свидетельствует об основательности его учения о стиле, обладающего эвристическим потенциалом и универсальным теоретическим значением.

Ю. А. Воротников⁶

Д. С. ЛИХАЧЕВ И ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В РОССИИ: «ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕМУ»

Каждый ученый должен обладать благодарностью к предшественникам, уважением к современникам и ответственностью перед будущими учеными. Тогда дело его будет многолетним на земле.

Д. С. Лихачев. Мысли о науке

В начале своего доклада я не могу не сказать несколько слов о том, какую роль сыграл академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в моей жизни, в становлении меня как ученого.

¹ См.: Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М., 2002.

² Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Исследования и разборы. Екатеринбург, 2010. С. 502–541; *Он же*. Космос и Хаос как метамоделли художественного мира // Междунар. конф. «Поэтика литературных жанров и течений в свете эстетики и поэтики Р. Якобсона». Брно, 1993. С. 213–220.

³ Лихачев Д. С. Контрапункт стилей как особенность искусств // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 342.

⁴ Там же. С. 343.

⁵ Перси У. Модерн и слово: стиль модерн в литературе России и Запада. М., 2007; Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография–рефлексия–письмо. СПб., 2008; Боева Г. Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016.

Когда в далеком 1972 году я стал студентом филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, я не знал о древнерусской литературе практически ничего. Я был выпускником обычной советской школы, в которой учеников знакомили со «Словом о полку Игореве» и практически ни слова не говорили о первых почти восьми

⁶ Заведующий отделом грамматики и лексикологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч.: «Категория меры признака в смысловом строе русского языка», «Степени качества в современном русском языке», «Слова и время», «Златая цепь. О переложениях памятников древнерусской книжности на современный русский язык», «Очерк истории образа качелей в народной культуре и в русской поэзии», «Русский язык сегодня. Несколько штрихов к портрету» и др. Заместитель председателя жюри Бунинской премии. Награжден юбилейной медалью «За воинскую доблесть», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

веках истории русской литературы. И вот мне, первокурснику, попала в руки книга Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» — и перевернула все мои представления не только о культуре Древней Руси, но и о литературе вообще, и о мало тогда мне известной науке — литературоведении, и о науке в целом, ее методологии и, если угодно, философии.

Потом я запоем «проглотил» книгу Дмитрия Сергеевича «Развитие русской литературы X–XVII веков» и несколько раз ее перечитывал. Далее были другие его работы — и выбор был сделан: в университете я посвятил себя изучению древнерусской литературы и дипломную работу писал об одном из ее вершинных, как говорил Дмитрий Сергеевич, «классических» произведений — «Повести о Горе-Злочастии», где «все было ново и непривычно для традиций древнерусской литературы: народный стих, народный язык, необычный безымянный герой, высокое сознание человеческой личности, хотя бы и дошедшей до последних степеней падения»¹.

После этого моя научная жизнь сделала неожиданный поворот: из литературоведа я превратился в языковеда, обе свои диссертации защищал по языкознанию и был избран членом-корреспондентом РАН. Но древнерусская литература, как первая любовь, не забывалась. Ей посвящен целый ряд моих статей и одна книга 2003 года «Златая цепь»². И когда в конце 2017 года Академия предложила издать две мои маленькие книжечки, одна из них была посвящена моей основной научной специальности — науке о русском языке, а вторая — той самой-самой первой научной любви — «Повести о Горе-Злочастии»³. Так на сегодня замкнулся круг (или, точнее, один из витков спирали — что еще будет впереди?) моей научной жизни: с древнерусской литературы начал — пока ею и заканчиваю, и все это — под влиянием Лихачева.

Особую роль сыграл Дмитрий Сергеевич и в моей научно-организационной деятельности. Много лет я был ученым секретарем Отделения литературы и языка РАН, а Лихачев — одним из самых уважаемых его членов. Он приезжал на наши общие собрания, я ездил в Пушкинский Дом на выездные заседания бюро нашего Отделения, наблюдал, как Дмитрий Сергеевич относится к коллегам, какими принципами научной этики руководствуется, какими методами решает различные научно-организационные задачи, и опять учился у него, теперь уже сложному искусству организовывать и обустроить «научную жизнь», во многих своих проявлениях приобщенную к высоким идеалам, а в повседневности — часто рутинную, а иногда и не чуждую мелких интриг и даже некоторой склонности. Что поделаешь — ученые такие же люди, со всеми присущими человеку достоинствами и недостатками. Дмитрий Сергеевич умел во всех этих тонкостях разбираться и все эти гордые узлы развязывать, ни-

когда не повышая своего слабого, чуть дрожащего голоса, но в нужные моменты проявляя такую твердость и даже непреклонность, которую ничто не могло поколебать.

Я не смог быть на похоронах Дмитрия Сергеевича, когда он уже в очень преклонном возрасте тихо ушел из жизни, и тут проявив, как мы горько шутили в нашем отделении, свою непремненную интеллигентность: Дмитрий Сергеевич скончался через несколько дней после смерти своей ровесницы, члена-корреспондента РАН В. Н. Ярцевой, «пропустив даму вперед». Такой вот невеселый юмор.

Потом я принимал участие в подготовке различных документов по увековечению памяти академика Лихачева (этим занималась В. И. Матвиенко, тогда вице-премьер Правительства РФ), приезжал в Петербург на Лихачевские чтения по приглашению Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, наконец, был удостоен чести участвовать в открытии мемориальной стелы на площади, носящей теперь имя академика Лихачева. Был там и Д. А. Гранин, совсем старенький, но еще вполне бодрый. Погода была петербургская: низкие облака и мелкий моросящий дождь. Что ж, так и должно было быть: Петербург приветствовал своего Почетного гражданина, как писал сам Дмитрий Сергеевич, «выросшего в типично средней петербургской семье и учившегося в типичных петербургских школах»⁴, «типичной» петербургской погодой. Потом мы зашли в ресторан «Кронверк» помянуть Дмитрия Сергеевича, говорили о нем, о жизни вообще, а Даниил Александрович, хватив пару рюмочек и поюношески раззадорившись, даже произнес небольшой остроумный монолог о женских ножках. И казалось, что Дмитрий Сергеевич среди нас: сидит за столом, смотрит мудрым взглядом и подбадривает присутствующих своим слабым, чуть дрожащим голосом: «Все правильно, друзья, все правильно, так и надо. Жизнь идет, жизнь идет».

Почему я так много времени уделил роли академика Лихачева в своей жизни? Не из тщеславия. «Тщеславие рождается душевной пустотой»⁵, — говорил Дмитрий Сергеевич. Хочется надеяться, что я этой болезнью не страдаю. Мне просто хотелось подчеркнуть вот что: Дмитрий Сергеевич всегда понимал... нет, не понимал, он просто это чувствовал, жил этим, — что наука — это люди, которые ее делают. Перечитайте его высказывание, вынесенное в эпиграф, простое и ясное. Его язык всегда был прост и ясен. Он полагал: «“Красота стилия” часто служит простой заменой отсутствия мысли»⁶. Какая глубокая мысль кроется в этих словах: будь благодарен предшественникам, уважай современников, не забывай об ответственности перед теми, кто придет тебе на смену, — и будущее науки будет обеспечено. Так он и жил. Так и мы должны стараться жить. Это очень трудно. Но у нас есть пример...

Дмитрий Сергеевич, всегда выше головы загруженный собственными научными делами и организационными заботами, ухитрялся все же находить вре-

¹ Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд., доп. М., 1980. С. 356.

² Воротников Ю. А. Златая цепь. О переложениях памятников древнерусской книжности на современный русский язык. М., 2003.

³ Воротников Ю. А. Художественный мир «Повести о Горе и Злочастии». М.: РАН, 2017.

⁴ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: статьи и очерки. Л., 1985. С. 574.

⁵ Там же. С. 572.

⁶ Там же. С. 570.

мя и на дела, связанные с государственной поддержкой научных исследований, в первую очередь, разумеется, в гуманитарной сфере. Мне уже приходилось говорить о его роли в становлении и развитии новых форм грантовой поддержки науки в России¹. Напомню о некоторых моментах, связанных с этой стороной деятельности академика Лихачева.

Как-то, просматривая архив видеозаписей Российского гуманитарного научного фонда, я нашел запись выступления Дмитрия Сергеевича, в котором он говорит: «В данном случае это не фонд, это нечто гораздо более широкое, которому — это я ясно ощущаю на основании своего многолетнего опыта работы в Академии наук — суждено преобразовать характер нашей науки, избавиться от людей малоспособных, людей мало работающих, активизировать науку, дать ей новые задачи, новые средства и новую технологию даже. Я очень приветствую именно этот Фонд».

Дмитрий Сергеевич с самого начала, с момента появления в России первых научных фондов, был сторонником грантовой поддержки науки. Поэтому он и стал — вместе с академиками Н. И. Толстым, А. А. Фурсенко, Б. В. Раушенбахом, А. П. Деревянко, Е. П. Чельшевым и рядом других — одним из основателей Российского гуманитарного научного фонда и со дня его основания в 1994 году до своей кончины в 1999-м входил в состав совета Фонда.

Как член совета, Д. С. Лихачев радовал за всемерную поддержку и сохранение духовного наследия России, за развитие источниковедческих, текстологических и библиографических исследований, проведение научных экспедиций (особую заботу он проявлял по отношению к археографическим экспедициям), за издание рукописного наследия, хранящегося в архивах, библиотеках, частных собраниях.

При финансовой поддержке Фонда Д. С. Лихачев выпустил ряд книг: «Памятники культуры. Новые открытия» (1998), «Историческая поэтика русской литературы» (1999), подготовил новое издание книги «Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)» (2001), дополненное исследованиями А. А. Алексеева (о текстологическом изучении славянских списков Библии) и А. Г. Боброва (о принципах издания древнерусских летописей).

2006 год был объявлен Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д. С. Лихачева. В связи с этим был проведен совместный конкурс РГНФ и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, посвященный 100-летию со дня его рождения.

Конкурс вызвал большой интерес российских ученых. На рассмотрение экспертного совета поступило 652 заявки. В целом эксперты отметили высокий научный уровень большинства представленных работ. Экспертный совет рекомендовал совету РГНФ поддержать

¹ Воротников Ю. Л. Д. С. Лихачев и Российский гуманитарный научный фонд // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, Москва, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А. П. Деревянко; сост. А. Е. Петров. М., 2006. С. 36–41.

26 проектов на 5 млн 470 тыс. рублей, в том числе 9 исследовательских, 8 издательских проектов, 7 конференций и 2 экспедиции, которые представляли крупные научные и культурные центры России: Москву, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Ярославль, Петрозаводск, Краснодар, Белгород, Махачкалу.

Многие проекты были непосредственно связаны с программными мероприятиями Года Д. С. Лихачева. Фонд поддержал проведение юбилейного конгресса «Культура и будущее России», посвященного 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург); международных и региональных конференций «Архивист и историк. Взаимодействие в контексте современной науки и культуры», «Сохранение культурно-исторического наследия: актуальные вопросы российско-европейского сотрудничества», «Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера», «Юбилейные VII Чтения по истории и культуре древней и новой России памяти Д. С. Лихачева», «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России».

Важным событием юбилейного года было издание трудов академика Лихачева «Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет» в трех томах. В рамках совместного конкурса были поддержаны издательские проекты, развивающие научные идеи Д. С. Лихачева: «Словарь древнерусских музыкальных терминов», «Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г.», «Космологические произведения в книжности Древней Руси», «Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.».

Ряд поддержанных проектов был связан с изучением архива ученого: «Фототека Д. С. Лихачева», «Научно-техническое описание архива академика Д. С. Лихачева», его научного наследия: «Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь русского летописания», «Древнерусская религиозная этика: от Илариона Киевского до Серапиона Владимирского», «Концепция теоретической истории литературы Д. С. Лихачева и мировой литературный процесс», «Подготовка к изданию древнерусского апокрифа “Слово на воскресение Лазаря” XII–XIII вв. (Исследования и тексты)», «Подготовка к изданию сборника архивных документов “Д. С. Лихачев. Из эпистолярного наследия (по фондам РГАЛИ)”», подготовка к публикации избранных писем «Из научной переписки Дмитрия Сергеевича Лихачева и сотрудников Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН по поводу спора о подлинности “Слова о полку Игореве”» и др.

Проведенный Фондом конкурс научных проектов, приуроченный к Году академика Д. С. Лихачева, способствовал углубленному изучению научного наследия, развитию научных идей, популяризации творчества выдающегося российского ученого, с чьим именем было связано создание и многие годы деятельности Российского гуманитарного научного фонда.

Что же Д. С. Лихачев думал о будущем отечественной гуманитарной науки, российской культуры и вообще о будущем? Постараюсь быть кратким, ибо «краткость — вежливость ученого»² (тоже афоризм Дмитрия Сергеевича!).

² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 570.

Первое. Одна из книг Дмитрия Сергеевича называется «Прошлое — будущему». В самом этом названии заключена глубочайшая мысль: если мы заботимся о благополучном будущем — своем, своей семьи, страны, всего человечества, то мы просто обязаны знать, уважать, ценить и защищать прошлое — свое, своей семьи, страны, всего человечества. Поэтому и забота о сохранении культурного наследия во всех его видах — это не просто, извините за просторечие, «бзик» застрявших в прошлом чудаков. Это — забота о благополучном будущем для всех нас. То же касается и науки: при всем своем новаторстве, при всей «инновационности» она должна стоять на прочном фундаменте научных достижений предшественников.

Второе. Дмитрий Сергеевич полагал: «Каждая область нашей жизни будет требовать в будущем научного мышления, механическую работу выполняют механизмы»¹. Напрашивается простой вывод: готовьте уже сегодня, начиная со школы, поколения людей, вооруженных способностью к научному мышлению, иначе

в будущем нам места не будет, нас вытеснят другие, своевременно об этом позаботившиеся.

Наконец, третье. Дмитрий Сергеевич говорил: «Надо думать, что личность ученого будет играть все большую роль в науке»². И что из этого следует? Во всех типах учебных заведений необходимо готовить не просто эрудитов, «ходячие энциклопедии», а разностороннего, нравственного человека, личность. Иначе никакого «светлого» будущего ни у страны, ни у ее науки не будет. И это вроде простая, очевидная мысль. Но как же трудно она пробивается в умы руководителей всех уровней нашего образования. Как сложно доказывать в «высоких» кабинетах тот простой факт, что образование — это не «оказание услуг», пусть и особого типа, а воспитание личности.

Подведем итог. Чему учит нас академик Лихачев? С уважением к прошлому, воспитывая разностороннюю, нравственную личность, вооруженную способностью к научному мышлению, — вперед, в завтрашний день. И тогда будущее отечественной науки, в том числе гуманитарной, будет обеспечено.

А. С. Запесоцкий

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Наш научный форум — продолжение замечательной традиции, основы которой были заложены первым Почетным доктором Университета, выдающимся гуманистом, академиком Российской академии наук Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в 1993 году. Тогда они назывались «День науки в СПбГУП». В 2001 году по указу Президента РФ Владимира Путина Дни науки продолжились уже как «Международные Лихачевские научные чтения».

Естественно, что наш Университет ведет систематические исследования научного наследия академика Лихачева и стремится обсуждать их результаты на данном форуме. В связи с этим сегодня мне хотелось бы высказаться о Дмитрие Сергеевиче как об одном из основоположников отечественной культурологии, великом русском культурологе.

Недавно мы выпустили сборник работ ученого «Избранные труды по русской и мировой культуре», знаменующий новый этап в осмыслении его наследия в сфере культурологии. Это второе, расширенное издание избранных трудов академика по русской и мировой культуре. Из 728 его работ, опубликованных на сайте нашего Университета (<http://www.lihachev/bibliografia>), в нем представлена 31. Они объединены в разделы иначе, чем в первой книге.

Первое издание (2006) открыло научному миру Лихачева-культуролога, что для многих стало неожиданностью. Однако впервые собранные воедино, привлеченные из общего массива публикаций основные труды ученого о культуре позволили по достоинству оценить впечатляющую панораму уникальной лихачев-

ской деятельности в данном направлении: «Речь идет не просто об отдельных и частных культурологических суждениях, специальных исследованиях тех или иных феноменов культурной жизни, а о продуманном, в основе своей концептуальном взгляде на сущность культуры, ее место в жизнедеятельности человека и общества. По-видимому, вполне можно говорить о культурологии Лихачева»³, — отметил тогда выдающийся российский философ, академик А. А. Гусейнов.

До выхода той, первой книги некоторые ученые (в основном литературоведы) считали его интерес к культуре чем-то вроде хобби. Окончательная точка в спорах о культурологической значимости лихачевских трудов была поставлена 20 декабря 2006 года на заседании Отделения историко-филологических наук РАН, посвященном 100-летию со дня рождения академика⁴.

Выделение из общего массива наследия Дмитрия Сергеевича его работ о культуре позволило изучать их совместно и целенаправленно. В итоге фундаментальная и масштабная теория культуры Лихачева получила свое осмысление в более чем 160 публикациях ученых СПбГУП.

В основе лихачевской теории — понимание культуры как системной целостности, исторически развива-

³ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева: комментарий к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб.: СПбГУП, 2006. С. 23.

⁴ См.: Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы научной сессии Отделения ист.-филол. наук РАН, Москва, 20 декабря 2006 г. М., 2006. С. 26–37; Янин В. Л. Век Лихачева // Там же. С. 7–9.

¹ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 575.

² Там же. С. 574.

ющейся на основе определенных закономерностей, существенно отличных от биологических. В связи с этим можно выделить несколько ключевых положений теории культуры, развиваемых Лихачевым в определенных группах работ.

Первое из них, связанное с многомерностью и целостностью культуры, представлено в работах «Культура как целостная среда», «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Россия никогда не была Востоком», «Русская культура в современном мире». В этих трудах Дмитрий Сергеевич предсказывает культуру как «органическое целостное явление», «духовную среду», «сакральное пространство».

Следует отметить, что академик развивает именно российскую культурологию, отличающуюся, скажем, от западной более широким, объемным видением культуры и особым вниманием к проблемам человеческой личности, гуманизма, борьбы Добра со Злом. В понимании целостности культуры и ее сущности Лихачев идет намного дальше американской антропологической школы. Академик рассматривает культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. Чем бы ни занимался ученый — «Словом о полку Игореве» или Пушкиным, древнерусской архитектурой или Достоевским, проблемами сохранения культурного наследия или феноменом Петербурга, особенностями тюремного жаргона или садами и парками России, — везде он выходит за узкоотраслевые границы на широкий социально-исторический простор, в многомерность культурного пространства, вписывает изучаемое явление в контекст целого — культуры.

Культура никогда не была для Д. С. Лихачева результатом механического «обобщения», арифметической суммой фактов, сведений, имен... Он видел ее как сущностное проявление человека в мире, как многообразие форм такого проявления. «Мне представляется чрезвычайно важным, — писал ученый в работе «Культура как целостная среда», — рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоприятия и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бильярд, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части».

Д. С. Лихачев видел каждый отдельный феномен культуры как «зеркало», отражающее культурную систему в ее системном единстве. Искусство и язык, религиозно-философские взгляды, быт и нравы, обычаи и право — все, что создано руками и разумом человека, есть предмет лихачевской культурологии, обращение к которому позволяет полнее и глубже понять специфику культурного целого. При этом академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры, выделяя своего рода культурные комплексы и исследуя их взаимовлияние

и эволюцию. Тогда целостность культуры, характерная для всех форм ее бытия, проявляется в единстве стиля, предстает перед нами в своих различных и в то же время взаимодополняющих «измерениях» — временном, пространственном, стилистическом, образном, символическом, сюжетно-событийном и др.

Целостность культуры обретается путем органичного соединения ее частей вокруг главного, вокруг того, что становится ценностной сердцевинной, «душой» — некоей объединяющей субстанцией: «Культура занимает место среди культур мира только благодаря тому самому высокому, чем она обладает»¹.

Но культура — не просто «целостность». У нее есть вектор развития, направление, скрепляющий ее внутренний стержень. Целостность культуры распадается либо остается чисто формальной, если ее не скрепляет единая идея. Для Д. С. Лихачева это ее нравственная составляющая как необходимое условие полноценного человеческого бытия. Вопрос о том, что такое культура, перерастает в вопрос, что делает (или не делает) культура, как она воздействует (или не воздействует) на личность. Конечно же, ученый видел в культуре и идеальное измерение человеческого бытия, его духовную составляющую: «Культура — это огромное *целостное* явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» («Культура как целостная среда»).

Дмитрий Лихачев шел в русле тех тенденций российской гуманитарной науки XX века, для которых культуроцентризм был имманентно присущей характеристикой, а потребность выходить на широкие культурологические обобщения вытекала из самой логики научного поиска, противостоя дифференциации научного знания.

Традиция целостного постижения культуры, выдающимся представителем которой является Д. С. Лихачев, в высшей степени присуща отечественной философской мысли, а возможно, и является ее главной отличительной чертой. Однако во второй половине XX века, оформляясь как самостоятельная область знания, отечественная культурология находилась под чрезмерным влиянием зарубежной социальной и культурной антропологии, склонной к этнографическому, этнологическому пониманию культуры, к изучению ее как совокупности «обычаев и нравов». Д. С. Лихачев вернулся в изучение культуры русскую традицию целостного постижения, объемного видения мира.

Второе принципиальное положение теории культуры Д. С. Лихачева основано на понимании истории как культурной биографии человечества. Это в первую очередь работы, предвосхитившие перспективнейшее направление современного развития исторической науки: «Заметки об истоках искусства», «Слово и изображе-

¹ Лихачев Д. С. Мифы о России старые и новые // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб. : Logos, 2001. С. 53. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdumia_o_ros/005.pdf

ние в Древней Руси», «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого», «Россия и Западная Европа в XVI веке», «Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Петровские реформы и развитие русской культуры», «Петербург в истории русской культуры», «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века (по воспоминаниям)», «О русской интеллигенции».

На протяжении длительного периода историческое знание развивалось как история властителей и полководцев, история создания и распада государств, войн, захватов крепостей и территорий и т. д. Этнополитическая история постепенно дополнялась политэкономической, сформировались и отрасли истории отдельных видов человеческой деятельности.

Лихачев же в своих работах изначально подходит к истории человечества как к истории его культуры. И делает в своих разрозненных на первый взгляд трудах блестящий исторический очерк развития культуры от момента ее зарождения до удивительных вершин человеческого духа: шедевров архитектуры и живописи, философии и науки, открытия великой идеи всечеловеческого единства и осознания смысла человеческой истории, утверждения ценностей свободы личности, ее нравственного выбора и ответственности. Мысль академика прочерчивает путь от первобытных времен до появления таких феноменов, как русская интеллигенция и Петербург.

Разумеется, этот очерк не охватывает всю историю мировой культуры и не может претендовать на исчерпывающую полноту. Дмитрий Сергеевич оперирует тем материалом, который находится в его распоряжении. Однако сам ракурс авторского взгляда, принцип отбора исходного материала, его компоновки и осмысления при создании исторической панорамы имеет огромное методологическое значение. Лихачев здесь проявляет себя как автор нового и чрезвычайно перспективного видения истории.

Третий краеугольный камень лихачевской теории связан с его методологией анализа бытия и развития культуры.

Здесь следует в первую очередь выделить труды «Концептосфера русского языка», «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы», «Принцип историзма в изучении литературы», «“Принцип дополнительности” в изучении литературы», «Искусство и наука», «Что есть истина?», «Через хаос к гармонии», «Контрапункт стилей как особенность искусства». Они выполнены в основном на отечественном материале, но также имеют огромное значение для изучения культуры в целом, особенно первые две из названных работ. В статье «Концептосфера русского языка» Лихачев раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации до отдельной личности. Для понимания этой работы важен следующий тезис: «Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык — не просто средство коммуникации, но прежде всего *творец, создатель*. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. <...> Сло-

во, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство “культурного осознания” мира» («Культура как целостная среда»).

Культура может быть представлена как поле явлений, имеющих языковые значения. «Концепт, — пояснял ученый, — не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» («Концептосфера русского языка»). Так возникает концептосфера языка, под которой Лихачев понимал «слова-концентраторы культурных значений», несущие специфические ценности, отражающие своеобразие и уникальность данной национальной общности. Смысловое содержание языковых единиц он рассматривал в тесной связи с этнокультурным наполнением. Структура и значение языковых единиц, по Лихачеву, непосредственно выводят нас в сферу социально-исторических закономерностей.

Размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что Слово в русской культуре — нечто большее, чем имя вещей. Это нечто, предваряющее саму действительность, это идея, определяющая ее воплощение, Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления.

Национальный язык, считал академик, — не только средство общения или знаковая система передачи информации: он выступает «заместителем» русской культуры, формой концентрации ее духовного богатства («Концептосфера русского языка»).

Статья «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы» имеет огромное значение для постижения исторических закономерностей развития мировой культуры. Лихачев использует здесь отечественный литературный материал, но описанные им закономерности в значительной степени универсальны.

Д. С. Лихачев не разделял упрощенные взгляды на эволюцию культуры, не питал иллюзий насчет «однолинейного прогресса». Вместе с тем не был он и сторонником концепций «культурно-исторических циклов», «замкнутых цивилизаций» в духе Данилевского, Шпенглера, Тойнби¹. Отчетливо видя качественное своеобразие культурно-исторических эпох, вступающих во взаимный диалог, чувствуя «уникальный лик» каждой из них, Лихачев, тем не менее, был убежден в существовании «сквозных линий» в историческом движении, в проявлении общих тенденций, в наличии общей направленности культурного развития.

Он считал, что общий вектор изменений существует в движении «от хаоса к гармонии», в постепенном,

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991; Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993; Тойнби А. Исследование истории. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2006.

все более отчетливым выявлении высших смыслов человеческого бытия, в приближении к свободе, в усилении гуманистического начала. Ученый видел в идее гуманизма высший критерий настоящего прогресса.

К сквозным тенденциям развития культуры Лихачев относил снижение прямолинейной условности, возрастание организованности и личностного начала, увеличение удельного веса «сектора свободы», рост и обогащение гуманистического сознания и ряд других. Само развитие культуры академик представлял как сложный диалог, включающий взаимопереплетение и взаимопереключку школ, направлений, сюжетов и тематики, «контрапункт стилей» и др.

Бесспорная заслуга Д. С. Лихачева — разработка и совершенствование самой методологии историко-культурного исследования, уточнения и обновления научных оценок исторических эпох.

Анализируя динамику культурных процессов, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что культура не только (а может быть, и не столько) меняется, эволюционирует, сколько накапливается, усваивается (или не усваивается), создается (или утрачивается). В целом же прошлое не уходит бесследно, не «заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь обновляя формы, принимая другие обличья. С этими представлениями было связано видение ученым древнерусской культуры — эпицентра его интересов в первой половине научной биографии. Академик показывает, что «забвение» древнерусской литературы в определенный период было относительным, что, по сути, традиция древнерусской культуры, древнерусского искусства никогда не умирала, она продолжала жить и влиять, более того, ее значение все более явственно «проступало» в истории Нового времени. Древняя Русь продолжала жить не только в фольклоре, быте, обычаях, лубочных изданиях, но и, скажем, в архитектуре Петербурга («Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Петербург в истории русской культуры»).

Достоинна особого внимания лихачевская идея, что начиная примерно с XIV века на Руси нарастают ренессансные явления (рост личностного начала, распад патриархального быта, трансформации художественного творчества, секуляризация культуры и т. д.), но сам Ренессанс в силу ряда исторических причин в нашей стране не происходит.

И еще один интересный момент: Д. С. Лихачев считал, что закономерности культурного развития охватывают прежде всего «средний уровень», саму «толщу» исторической эволюции, слой, где протекают «массовые процессы». Именно здесь наилучшим образом можно проследить культурные изменения, в том числе прогрессивные. «Прогресс — не в талантах и гениях, а именно в средних возможностях, в совершенствовании их и в расширении и усложнении художественной сущности литературы» («Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»). Выдающиеся же личности выходят за рамки традиции и нормы, выступая генератором бесконечного духовно-смыслового расширения творческих возможностей культуры.

Остальные работы данной группы носят более частный характер и дополняют наше понимание лихачевского метода исследования культуры.

В отдельную группу работ Лихачева следует выделить статьи, показывающие роль русской литературы как фундамента национальной культуры: «Первые семьсот лет русской литературы», «Величие древней литературы», «Древнерусский смех», «Открытие ценности человеческой личности в демократической литературе XVII века». Здесь раскрываются истоки его утверждения, что в России литература создала нацию, выявив и определив ментальное своеобразие русского народа, его духовно-нравственную доминанту.

Академик пишет, что если в мире живых существ человек, как обладающий речью и владеющий словом, «должен являться защитником всего живого на земле, говорить за все живое во вселенной», то и в мире культуры, «представляющей собой обширнейший конгломерат различных “немых” форм творчества, именно литература, письменность яснее всего выражает национальные идеалы культуры. Она выражает именно идеалы, только лучшее в культуре и только наиболее выразительное для ее национальных особенностей. Литература “говорит” за всю национальную культуру, как “говорит” человек за все живое во вселенной» («Русская культура в современном мире»).

Русская литература во все века поднимала тему сочувствия, сострадания, жалости, напряженно искала правду-истину. Она «первой в мировом литературном процессе осознала ценность человеческой личности самой по себе, независимо от ее положения в обществе и независимо от собственных качеств этой личности» («Русская культура в современном мире»).

Источник художественной силы отечественной литературы состоит в ее нравственном пафосе: «Русская литература — совесть русского народа» («Русская культура в современном мире»). «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной» («О русской интеллигенции»).

Особую роль Д. С. Лихачев отводит эпохе Предвозрождения (XIV в.), когда крепнет единство русского языка, русская литература все сильнее выражает национальное своеобразие, акцентирует тему государственного строительства, расширяется распространение исторических знаний, усиливается интерес к родной истории. Главными особенностями того периода стали формирование национального самосознания и «сложение русской национальной культуры» как целостности, в которой все элементы подчинены общей идее. Русскую классическую литературу Д. С. Лихачев характеризовал как «неисчерпаемый источник нравственных сил» и «нравственного самоочищения» («Русская культура в современном мире»).

Труды ученого «О русской природе», «Сад и культура России», «Сады Лицея» мы считаем возможным объединить в пятую группу публикаций ученого, отображающую его взгляды на взаимосвязь понятий «культура» и «природа». Это один из важных аспектов культурологической парадигмы Д. С. Лихачева.

Традиционно принятое деление на природное и культурное, противопоставление природы и культу-

ры вызывало возражения академика. Он полагал, что природа и культура составляют единое целое, находясь в определенном динамическом равновесии, и его нарушение грозит деградацией и духовным опустошением как личности, так и общества в целом, и также представляет опасность и для природы.

Особняком в наследии Д. С. Лихачева стоят его публикации «Экология культуры», «Декларация прав культуры», «Декларация прав культуры и ее международное значение». Их можно считать квинтэссенцией научного и нравственного завещания академика Лихачева, своего рода обращением к потомкам. Особо следует выделить «Декларацию прав культуры» — документ, разработанный в нашем Университете под научным руководством Дмитрия Сергеевича. Мир-

ное сообщество медленно, но все же созревает для восприятия заложенных в «Декларации» идей.

В этом докладе названы основные работы ученого, характеризующие различные аспекты его теории культуры. Интересно, что Дмитрий Сергеевич в течение своей жизни работал не столько над созданием теории культуры, сколько над осмыслением наиболее ярких, волнующих его культурных феноменов и животрепещущих проблем развития культуры. Теоретические прорывы обобщающего характера являлись для самого Лихачева скорее побочным продуктом. Между тем, как это нередко бывает в науке, значение таких «побочных продуктов» со временем может оказаться намного существеннее первоначальных замыслов автора. Что и произошло в данном случае.

А. Б. Куделин¹

«ЖИВОЕ И “МАТЕРИАЛЬНОЕ” ВОПЛОЩЕНИЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА»

(Д. С. Лихачев и академическая серия «Литературные памятники»)

В 2018 году исполняется 70 лет с начала публикации первых трудов академической серии «Литературные памятники». За прошедшие годы в серии, завоевавшей признание научной общественности и широких читательских кругов в нашей стране и за рубежом, опубликовано более 675 книг. Долгие годы во главе издания стоял академик Д. С. Лихачев, рассматривавший «Литературные памятники» как «живое и “материальное” воплощение мирового литературного процесса»².

Возглавив редколлегию «Литературных памятников» в 1971 году, после кончины академика Н. И. Конрада, он занимал пост председателя до декабря 1990 года, затем был избран почетным председателем редколлегии, обязанности которого исполнял почти 10 лет до самой кончины и «фактически оставался во главе редколлегии, продолжая следить за издательским процессом, инициировать новые заявки, выдвигать новые идеи», иначе говоря, руководил серией около 30 лет³. Данное обстоятельство позволяет нам, нисколько не принижая вклад других выдающихся ученых, поговорить об особом месте Д. С. Лихачева в 70-летней истории серии.

К 20-летию серии Н. И. Конрад в программной статье, посвященной «Литературным памятникам», следу-

ющим образом определял задачи издания: «Мы стремимся предоставить нашему читателю те произведения какой-либо национальной литературы, которые определяют собою историю этой литературы, то есть образуют литературно-художественные и культурно-исторические ценности. Как известно, в настоящее время Академия наук Советского Союза ведет работу по созданию “Истории мировой литературы”; наша серия может в какой-то степени показать материальную основу этой истории — те памятники, которыми и определяется история как отдельных литератур, так и всей их мировой совокупности»⁴.

Н. И. Конрад упомянул «Историю всемирной литературы», поэтому необходимо сказать несколько слов о соотношении серии «Литературные памятники» и данного многотомного труда. Сближение двух больших академических проектов, при котором, как было верно сказано, «научная теория преобразалась в практическую программу книжного издания», отвечало насущным потребностям своего времени. Впервые о соотношении серии «Литературные памятники» с «Историей всемирной литературы» высказался именно Н. И. Конрад, активный участник обоих проектов, внесший весомый вклад в разработку их концептуальной основы. Вместе с ним многие видные отечественные ученые не только были активными членами авторских коллективов обоих изданий, но и одновременно входили в руководящие органы серий «Литературные памятники» и «Истории всемирной литературы». Ограничимся здесь только четырьмя именами. Академики Н. И. Конрад, Д. С. Лихачев, Н. И. Балашов и член-корреспондент А. Д. Михайлов, в разные

¹ Научный руководитель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук. Автор более 200 научных исследований, в т. ч. монографий: «Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XIII в.)», «Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII–XI в.)», «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи» и др. Председатель редакционных коллегий серий РАН «Литературные памятники», «Литературное наследие» и «Памятники письменности Востока». Член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. Лауреат премии РАН им. А. Н. Веселовского.

² Лихачев Д. С. Задачи серии «Литературные памятники» // Литературные памятники : справочник. М. : Наука, 1973. С. 10.

³ Подробнее см.: Егоров Б. Ф. Лихачев и «Литературные памятники» // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 407.

⁴ Конрад Н. И. От редколлегии // Литературные памятники. Итоги и перспективы серии. М. : Наука, 1967. С. 7. Упомянутый Н. И. Конрадом труд создавался на базе Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (РАН) : История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука, 1983–1994. Т. 1–8.

годы возглавлявшие редколлегию серии «Литературные памятники», внесли значительный вклад и в разработку концепции «Истории всемирной литературы». Все они, за исключением Н. И. Конрада, который скончался до начала завершающего этапа работы над «Историей», были главными редакторами отдельных томов издания, являлись членами его главной редколлегии и отдельных томов, энергично участвовали в авторской работе. В связи с этим один из председателей редколлегии «Литературных памятников» — и ныне входящий в ее состав в качестве заместителя председателя — Б. Ф. Егоров вполне обоснованно пишет: «Вообще трудно назвать какого-либо крупного литературоведа или историка последнего полувека, который не участвовал бы в “Литературных памятниках”»¹.

Консолидация научных кадров вокруг серии «Литературные памятники» и многоотомной «Истории всемирной литературы» отразилась на их концептуальной близости. Подтвердим нашу мысль несколькими цитатами.

В «Истории всемирной литературы» Н. И. Конрад задается вопросом, что считать литературой для определенного периода, то есть ставит «вопрос о самом составе литературы», поскольку «факт разного состава литературы в различное историческое время совершенно очевиден» и «очень сходные по теме, характеру, несомненно, значительные по литературным качествам произведения в более раннее историческое время входят в состав литературы, в более позднее — нет». Или же, наоборот, определенные произведения могут долго рассматриваться «за пределами того, что считалось литературой», когда «публицистическая статья, философский трактат... были литературой, да еще самого высокого плана», и только поздние произведения, бывшие дотоле «за пределами», станут рассматриваться как литературные сочинения. «Следовательно, признанный состав литературы зависит от представлений о типе литературного произведения, — пишет Н. И. Конрад, — а эти представления всегда вторичны, то есть определяются общим положением литературы в данную историческую эпоху: ее место в культурной жизни страны, ее ролью в этой жизни; определяются отношением общества того времени к характеру темы литературного произведения, его материала, формы, жанра, назначения». Таким образом, говорит ученый, «исторические изменения состава литературы — одно из важнейших явлений в ее истории»². И именно историческое изменение состава литературы «определяло реальное состояние литературы данного времени и сопряженное с ним представление о литературном произведении»³. Завершить рассуждения Н. И. Конрада на данную тему можно его итоговой мыслью: «Постепенно в процессе исторических изменений состава литературы обрисовывается, принимает все более и более определенное очертание и получает самостоятельное бытие то, что

человечество назвало “литературой”, то есть категория духовной творческой деятельности общества, отличная от философии и науки и вместе с тем сопряженная с ними, поскольку они пользуются общими средствами: понятиями, символами, образами и даже метром, ритмом, эвфонией. Процесс этот неизменно наблюдается в истории всех отдельных литератур, то есть носит общий характер»⁴.

Представление об исторической изменчивости состава литературы было неразрывно связано в концепции мировой литературы Н. И. Конрада с размышлениями о составе «классиков» литературы. В последнем аспекте идеи ученого о мировой литературе теснейшим образом смыкаются с обсуждениями принципов составления перечня авторов для академической серии «Литературные памятники». В связи с этим Д. С. Лихачев справедливо написал в 1978 году, что Н. И. Конраду принадлежит «первое теоретическое осмысление задач серии»⁵. И действительно, мысли Н. И. Конрада об исторической изменчивости состава литературы были поддержаны многими участниками труда «История всемирной литературы» и нашли практическое применение в серии «Литературные памятники» при конкретном обсуждении вопроса состава серии и формирования ее репертуара.

В соответствии с духом идей Н. И. Конрада, развивая их, Д. С. Лихачев говорит об исторической изменчивости состава литературы и понятия «литературный памятник». Приведем здесь — по необходимости обширную — цитату из работы Д. С. Лихачева: «Что понимает редакционная коллегия (“Литературных памятников”. — А. К.) под понятием “литературный памятник”? На этот вопрос не может быть дано однозначного ответа. Прежде всего мы вынуждены считаться с исторически изменчивыми представлениями о литературе в целом. В истории каждой культуры есть период, когда литература не выделилась еще в самостоятельную область, — период, в котором литература не осознает еще себя литературой. Так было, например, в Древней Руси до XVII века. В этот период, охватывающий собой целых шесть веков, литература в отдельных своих памятниках смыкалась с чисто деловой письменностью или письменностью религиозной. Деловые произведения включали в себя элементы художественные, а художественные памятники имели часто “деловое” назначение. “Статейные списки” русских послов, изданные в серии “Литературные памятники” в 1954 году, не были “литературными памятниками” в нашем смысле этого слова, в современном понимании того, что такое литература, однако эти деловые документы, отчеты послов о виденном ими за границей и о ведшихся ими там переговорах, сыграли выдающуюся роль в становлении русской литературы XVI–XVII веков. Под литературой принято понимать только произведения писанные (на это указывает само слово “литература” — от “литера” — буква). Однако мы не отказываемся от издания фольклорных произведений в целых циклах. Мы издаем не только писанные памятники, но и записанные, созданные устно и устно

¹ Егоров Б. Ф. Полувековой юбилей «Литературных памятников» // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68, № 7. С. 653.

² Конрад Н. И. Введение. Место первого тома в «Истории всемирной литературы» // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 14–15.

³ Там же. С. 17.

⁴ Конрад Н. И. Введение. С. 17.

⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 12.

бытовавшие. Фольклор сыграл первостепенную роль в возникновении отдельных литератур и сопровождает литературу на всем пути ее развития, взаимодействуя с нею. Поэтому мы включили в серию великие фольклорные произведения периода феодализма — такие, как “Песнь о Нибелунгах” (1972), “Песнь о Роланде” (1964), “Легенда о Тристане и Изольде” (1976), “Песнь о Сиде” (1959), “Эпос о Гильгамеше” (1961), “Старшая Эдда” (1963), “Младшая Эдда” (1970) и многие другие. Выходят в нашей серии и циклы фольклорных произведений: “Илья Муромец” (1958), “Добрыня Никитич и Алеша Попович” (1974), “Эпос сербского народа” (1963) и др.»¹.

Не противопоставляя «Литературные памятники» «Истории всемирной литературы», Д. С. Лихачев тем не менее в 1973 году писал: «Н. И. Конрад скромно полагал, что серия “Литературные памятники” может в какой-то степени показать “материальную основу” предпринятого Институтом мировой литературы АН СССР многотомного издания “История всемирной литературы”. Однако практика показала, что руководимая им серия не только “обогнала” “Историю всемирной литературы”, но и дает самостоятельное отношение к сохранившимся памятникам, самостоятельную концепцию развития мировой литературы и ее ценностей. Отбор памятников в серии, статьи и комментарии, которые она дает, — в известной мере шире тех задач, которые ставит себе “История всемирной литературы”. Серия подчеркивает не только историческое значение памятников, но в гораздо большем масштабе, чем это возможно в самых серьезных историях литературы, их “вечное” значение, их значение для нашего времени и их общегуманитарные ценности. Любой памятник мировой литературы всегда больше, чем его интерпретация»².

В данной оценке Д. С. Лихачев исходил из своего — «вопреки укоренившимся представлениям» — понимания природы текстологии как «широкой» литературоведческой дисциплины. Размышлениями на данную тему он собственно и начинает статью, посвященную Н. И. Конраду. «Текстология — очень широкая наука, — пишет ученый, — охватывающая проблемы самого разнообразного диапазона от специальных технических до связанных с общими воззрениями на судьбы человечества и смысл мировой истории»³. Далее Д. С. Лихачев условно подразделяет текстологию на *микро-* и *макротекстологию*. К сфере первой он относит проблемы истории текста с «выходами» «в технические приемы эдичной техники». Задачи второй он видит в изучении характера и типологии движения текстов в различные эпохи, типов изменения текстов в доличностные и личностные эпохи с практическим «выходом» «на общие принципы издания текстов различных исторических периодов, на выбор и отбор памятников для издания в собраниях сочинений и многотомных сериях»⁴. Д. С. Лихачев завершает свои рассуждения о текстологии в контексте указанной статьи

следующим выводом: «Н. И. Конрад как ученый был как бы призван руководить серией, охватывающей памятники мировой литературы в самом широком из всех известных до сих пор масштабе. Он был “макротекстологом” — ученым, способным осуществлять отбор памятников и устанавливать принципы их издания в мировом охвате»⁵.

Д. С. Лихачев, определяя Н. И. Конрада как «макротекстолога», вовсе не имеет в виду отсутствие у своего предшественника по руководству «Литературными памятниками» «микротекстологических» интересов, а лишь расставляет акценты: «Отводя особую роль историко-литературному аспекту издания памятников, Н. И. Конрад придавал значение и узкотекстологическому: истории текста произведения»⁶. Представляется возможным на основании анализа суждений Д. С. Лихачева высказать мнение, что ученый, ратовавший за сочетание «микро-» и «макротекстологического» подходов и претворявший в жизнь это сочетание на практике с той поры, когда он возглавил «Литературные памятники», ставил акцент на «микротекстологии» лишь постольку, поскольку «макротекстологические» аспекты к тому времени уже были в основном разработаны и фактически единодушно приняты на основании «теоретического осмысления идей серии», предложенного Н. И. Конрадом.

Так или иначе, но разные составы редколлегии серии с воодушевлением восприняли многие из вышеупомянутых идей Н. И. Конрада. Упомянем здесь только некоторые из них, имевшие непосредственное отношение к практической работе редколлегии. «Н. И. Конрад обращал внимание на значительное изменение понятия “классики” и на расширение состава мировых классиков за последние годы», — пишет как об общепризнанном факте Д. С. Лихачев; он был «ученым, способным осуществлять отбор памятников и устанавливать принципы их издания в мировом охвате»⁷. «Отбору произведений для серии “Литературные памятники”, — добавлял, аргументируя свою мысль, Д. С. Лихачев, — сослужило верную службу понимание Н. И. Конрадом общности культурно-исторического развития человечества, общности основных стадий и формаций в развитии народов: в первую очередь Античности, Средневековья и Возрождения. При этом Н. И. Конрад высоко оценивал не только Античность и Возрождение, но и Средневековье, что явилось принципиально важным положением его концепции единства мирового развития и культурной ценности всех эпох»⁸.

И еще одно важное замечание Д. С. Лихачева, касающееся общей концепции серии: «Воззрения Н. И. Конрада на задачи и характер серии “Литературные памятники” не были застывшими, раз навсег-

⁵ Лихачев Д. С. Николай Иосифович Конрад. С. 29.

⁶ Там же. С. 33. Сошлемся здесь же и на мнение Вяч. Вс. Иванова, который вполне обоснованно утверждает, что проблема интерпретации текста была центральной для всей многосторонней научной и литературной деятельности Н. И. Конрада и что Конрад — интерпретатор текста был бы немислим без Конрада — историка культуры (Иванов Вяч. Вс. Н. И. Конрад как интерпретатор текста // Исэ моногратии. М.: Наука, 1979. С. 260, 261).

⁷ Лихачев Д. С. Николай Иосифович Конрад. С. 32.

⁸ Там же. С. 29–30.

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 15–16.

² Лихачев Д. С. Николай Иосифович Конрад // Литературные памятники: справочник. М.: Наука, 1973. С. 35.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 28–29.

да установившимися, они росли и развивались вместе с ростом и совершенствованием самой серии»¹.

Перечисленные идеи историко- и теоретико-литературного, а также сравнительно-исторического изучения литератур Востока и Запада, мирового литературного процесса нашли практическую реализацию в серии «Литературные памятники»². Обращение к этим идеям оказывалось чрезвычайно полезным в компонентах научного, «микротекстологического» «сопровождения» текстов в серии «Литературные памятники», поскольку труды серии, по мнению ее непосредственных участников, должны представлять собой научные издания, издания-исследования, призваны публиковать «самые полные и новейшие научные материалы», чтобы обеспечивать «глубокое и всестороннее понимание» издаваемых памятников³. На практике «научность книг серии» проявлялась в характере ее изданий. Они, как правило, состоят из трех основных разделов: «1) текст памятника; 2) “Дополнения” — другие редакции и варианты текста; здесь же могут быть помещены документы и материалы, позволяющие глубже понять публикуемый памятник; 3) “Приложения” — исследовательская статья и научно-справочный аппарат издания, включающий в себя текстологические обоснования, реально-исторические примечания и указатели»⁴.

«Серия “Литературные памятники”, — пишет в связи с этим Д. С. Лихачев, — издается для “медленного чтения”, эвристическое значение которого в русской филологической науке было разработано в свое время академиком Л. В. Щербой на основе идей А. А. Потебни»⁵. «Прерогатива и привилегия “Лите-

ратурных памятников” — подробные “академические” комментарии к текстам», — добавляет Б. Ф. Егоров⁶.

Именно в таком контексте Д. С. Лихачев писал о двух главных задачах «Литературных памятников» (при сочетании «микротекстологического» и «макротекстологического» аспектов), которые «осуществлялись в... серии с неуклонной последовательностью, но, конечно, не без некоторых просчетов и ошибок: 1) дать читателям памятники в правильном чтении и в наиболее “объяснимом” виде и 2) охватить все страны мира в географическом, национальном и историческом аспекте»⁷. Эти задачи остаются актуальными для серии и сегодня, поскольку, по словам ученого, «охват всех стран мира далеко еще не завершен, и трудно сказать — когда он сможет быть завершен»⁸. Вместе с тем Д. С. Лихачев, повторяя слова о реальных сложностях всего издания, завершает свое видение будущего серии на оптимистической ноте: «Должно пройти еще немало времени, пока в общей массе осуществленных изданий начнут обрисовываться общие контуры всей мировой литературы, всего словесного искусства земного шара, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что поставленная перед серией “Литературные памятники” задача реальна и будет воплощена в жизнь»⁹.

Оценки академика Д. С. Лихачева в данном случае особенно важны, ибо он, как мало кто другой, говорил с полным знанием существа дела — не только концептуальной основы серии и планируемых в ней изданий, но и того, как теоретические представления и планы реализовывались в действительности.

А. М. Мелихов¹⁰

АКАДЕМИК ЛИХАЧЕВ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

Уолтер Лакер — именитый историк и публицист, автор множества книг, директор того и сего, профессор там и сям, и его книга «Черная сотня. Происхождение русского фашизма» (М.: Текст, 1994) в свое время читалась в захлеб, ибо скорое пришествие русского фашизма в ту пору казалось вполне возможным.

Психологической основой фашизма служит, как мне кажется, стремление к простоте, нежелание при-

знать трагическую природу социального бытия, в котором каждой истине противостоит не ложь, а другая истина. А поскольку большинство людей всегда стремятся получить простой и ясный ответ на вопросы, в принципе не допускающие таких ответов, то опасность фашизма всегда останется неустранимой. Но если говорить о физическом терроре простых людей, твердо знающих, «как надо», то материальную реализацию фашизма мы пока миновали, если не слушать истериков, готовых называть фашизмом всякое стеснение их желаний. Поэтому книгу «Черная сотня. Происхождение русского фашизма» уже можно перечитывать отно-

¹ Лихачев Д. С. Николай Иосифович Конрад. С. 33.

² Так, например, вышеприведенное замечание Д. С. Лихачева о высокой оценке Н. И. Конрадом Средневековья было сформулировано вовсе не случайно. Оно было сделано в то время, когда еще многие считали Средневековье мрачной эпохой, временем «мракобесия» и т. п. Критика подобных представлений была практически единодушной как в серии «Литературные памятники», так и в томах «Истории всемирной литературы».

³ Предисловие / М. Л. Гаспаров [и др.] // Литературные памятники. 1948–1998 : анот. каталог. М. : Наука, 1999. С. 16, 20.

⁴ Там же. С. 19–20.

⁵ Лихачев Д. С. Задачи серии «Литературные памятники». С. 14–15.

⁶ Егоров Б. Ф. Полувековой юбилей «Литературных памятников». С. 654–655.

⁷ Лихачев Д. С. Задачи серии «Литературные памятники». С. 12.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург), писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Колючий треугольник», «Бессмертная Валька», «Каменное братство», «И нет им воздаяния», «Свидание с Квазимодо», «Былое и книги» и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, Литературной премии им. Н. В. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

сительно хладнокровно, так как это дела сравнительно давно минувших дней.

Итак, книга издана при поддержке фонда «Открытое общество» (Фонд Сороса), Нью-Йорк; перевод книги любезно предоставлен издательством «Проблемы Восточной Европы» (Вашингтон). Что любопытно — в оригинале нет слова «фашизм»: «Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia». Правда, в самой книге фашизм и его производные используются постоянно: «Работая над книгой, я не думал, что фашистское движение объявится на российской политической сцене так быстро и при такой поддержке избирателей. Русское издание книги необходимо сопроводить коротким пояснением. Нет нужды говорить, что эта книга не о Жириновском. Речь идет об исторических обстоятельствах и движении политических созвездий, которые сделали Жириновского возможным».

Четверть века спустя выяснилось, что Жириновский если и не отец русской демократии, то во всяком случае один из главнейших «опускателей» русского фашизма: используя экстремистские лозунги ради шутовства и эпатажа, он сделал их смехотворными, а карикатура убивает надежнее, чем пафос, возвышающий врага. Жириновский первым открыл, что демократический лидер не обязан куда-то вести — с него достаточно ошарашивать и развлекать. (Попутный вопрос: не был ли такой же полудекоративной организацией, как ЛДПР, и сам страшный Союз русского народа — ведь в 1917-м, да и позже, эти спасители Отечества никак себя не проявили.) Но в момент явления Жириновского народу У. Лакер всерьез задумывался, что его вознесло. Оказалось, «русская склонность к радикализму и экстремизму, к безоглядному, далеко выходящему за пределы здравого смысла следованию идее и идеалу». То есть социализм в других странах привел к демократии и социальному обеспечению, а вот русские превратили его в кошмар. Так насколько же чудовищен будет русский национализм, если он и у более умеренных народов — «взрывная сила»!

При этом Лакер «хорошо понимает негодование и чувство униженности, которые испытывают многие русские в этот критический период»: «Здесь не может быть существенных разногласий между русскими патриотами справа и слева. Нравственного или исторического закона, предписывающего народам и обществам кончать самоубийством, не существует». «В список могильщиков демократии можно будет включить и сепаратистов, которые пользуются вновь обретенной свободой не для примирения и компромиссов, а для нападок друг на друга и на Россию и которые в мгновение ока превратились из угнетенных в угнетателей».

Вместе с тем «русские националисты весьма красноречивы, когда выражают свое недовольство капитализмом или жалуются на него, однако они не выдвинули никакой альтернативы — только общие банальные рассуждения на тему национальных интересов и национальной солидарности». Об этом писал еще Владимир Соловьев: «Наш национализм желает разрушить Турцию и Австрию, разделить Германию, присоединить Константинополь и, если представится воз-

можность, — даже Индию. Если же нас спросят, что мы можем предложить человечеству в возмещение за разрушенное и присоединенное, какой вклад в виде культурных и духовных принципов мы сделали в мировую историю, нам приходится или молчать, или отщелкиваться ничем не значащими фразами».

Вот и «в 1991 году в Москве был проведен круглый стол, на котором обсуждались причины ограниченной привлекательности патриотического движения. Участвовавший в дискуссии Ю. Д. Речкалов (не знаю, кто это, но он явно знает дело. — А. М.) предположил, что причина тому — ортодоксальность патриотов и их тенденциозное стремление разглядывать русскую историю через очки мифологии: истинно русские — только православные; рынок и демократия — априорное зло; последний царь упоминается обязательно лишь в сурьезных тонах; в Столыпине адепты движения видят фундаменталиста, защитника автократии, который всякую минуту жизни только и ломал голову, как бы укрепить самовластие».

Я и сам ничего не имею против воодушевляющих грез — если они не перекрывают путей к развитию и успеху. И в качестве едва ли не единственной крупной фигуры, чей патриотизм не сводится к разборкам с врагами, Лакер называет академика Д. С. Лихачева: «Лихачев, скажем, неоднократно заявлял, что есть коренное различие между патриотизмом, любовью к своей стране, и национализмом, ненавистью к другим странам»; «...сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с ненавистью к другим народам».

Хорошо бы, да только любовь к своему народу не только может, но и непременно сочетается с ненавистью ко всему, что представляет угрозу объекту любви. А поскольку все конкурирующие народы в каком-то отношении представляют угрозу друг для друга, то и неизбежным следствием международной конкуренции является межнациональная неприязнь — варьироваться может лишь степень ее накала. Так же как и всего лишь высшая степень накаленности превращает патриотизм в национализм — в светскую религию, обожествляющую нацию. Поэтому националисты и не могут прийти к соглашению: компромиссы невозможны, когда речь идет о святынях. Национализм не случайно явился на историческую арену вместе с ослаблением религии — он предоставил человеку альтернативную форму экзистенциальной защиты, защиты от ощущения эфемерности и незащитности, которых не может не ощущать всякий, кто наделен достаточным воображением.

Однако взгляды Лихачева нельзя оценивать по нескольким случайным, может быть, цитатам. К счастью, в нашем распоряжении теперь имеется его подробнейшая духовная биография «Дмитрий Лихачев: Жизнь и век» (СПб.: Вита Нова, 2016), написанная профессором Лондонской школы экономики и политических наук Владиславом Зубоком.

Так вот, Митя с малолетства тянулся «ко всему, что было связано со Святой Русью». ...В 1992 году Лихачев писал: «Как часто в дореволюционной России приходилось слышать слова “Святая Русь”. Их произно-

силы тогда, когда шли, ехали или плыли на богомолье, а делали это часто: шли поклониться образу, мощам, шли просто в святое место. Их вспоминали и тогда, когда, услышав недобрую весть с фронта или весть о недороде, стихийном бедствии, молились и верили: «Бог не допустит гибели Святой Руси». В народе образы Святой Руси были духовным противовесом государству, эти священные символы красноречиво говорили о другой России, существующей как бы вне несчастий, жестокостей и деспотизма, творившихся повседневно».

Родители (отец — преуспевающий инженер) «поддерживали либеральные начинания, но в целом оставались довольно консервативными. Семейные корни питали патриотизм — чувство принадлежности к русской истории и любви к русской культуре». Примерно в то же время получила распространение идея зарождения «всероссийского самосознания на основе национальной культуры», причем «формирование большого» должно было начинаться с любви к «малой родине», и такой малой родиной для юного Мити был Петербург. Он восхищался блистательным Петербургом, но при этом «задыхался от жалости» к крестьянам, приходившим в город на «изматывающие работы». Из российских гениев лишь у Толстого хватило храбрости произнести вслух: «Народ нигде не стонет, это либералы поведумывали».

«Наивные народнические взгляды Мити безжалостно скорректировала жизнь при советской власти. И все же отзвуки этой идеологии, пропитанной искренним сочувствием и любовью к “простому русскому народу”, не угаснут, даже когда Лихачев станет частью советской академической элиты и известным общественным деятелем» (даже на склоне лет ему грезился союз некой «крестьянской» и городской интеллигенции). Народничество с его антигосударственностью и в общем-то антикультурностью не могло сформировать единое имперское самосознание, способное обеспечить более мощную экзистенциальную защиту, чем националистические фантазии; стремление же русских националистов отождествить имперское с русским дало в руки всем национальным сепаратистам мощный козырь. Несмотря на то что «петербургская элита Серебряного века определяла свою идентичность в культурных и имперских, а не в этнических и национальных категориях», империя распалась, и восстановить ее железом и кровью сумели только большевики, на первых порах усматривавшие в «русской мечте» главного соперника своей интернациональной сказке. У Лихачева же поездка на Русский Север в 1921 году породила мечту «соединить петербургскую культуру Серебряного века с культурой средневековой, народной, передающейся из поколения в поколение. С этой идеей будет связана в дальнейшем научная работа Лихачева и его общественная деятельность».

После ужасов Соловков и кошмаров блокады Лихачев, не снимая соловецкого полушубка, в неотопляемой библиотеке Казанского университета работал над докторской диссертацией «Национальное самосознание Древней Руси»: «Лихачев пишет о “чувстве любви к Родине как к живому существу”», — и мне кажется, иной любви просто не бывает — мы способны любить

лишь какой-то антропоморфный образ. «О, Русь моя! Жена моя!..»

Заго messiанские грезы были ему чужды: «По мнению Лихачева, идея Третьего Рима была духовной мечтой некоторых идеологов Церкви, а Московское государство хотело лишь завоевать признание и достойное место “в сложной среде европейской цивилизации”. Россия — европейская страна: такова культурно-политическая программа Петра I и Екатерины II — Лихачев всегда придерживался этой точки зрения».

Точка зрения, на первый взгляд, вполне разумная: где же еще искать себе место, как не в самой могущественной и развитой не только в материальном, но и в научном, культурном отношении цивилизации? А если кто-то сомневается в возможности делить культуры на более и менее развитые, слово «развитые» можно заменить на «влиятельные». Так что стремление присоединиться к цивилизации самых сильных и влиятельных более чем естественно. Да вот только возможно ли сделать так называемый цивилизационный выбор в одностороннем порядке? Ведь одним из важнейших признаков клуба культур, претендующих на звание единой цивилизации, является открытое или подразумеваемое соглашение об их совместной избранныости, и если какой-либо претендент на вступление не ощущается старыми членами как их достойный партнер, если он, по их мнению, не соответствует их идеализированному образу самих себя, то они и не могут ощутить его равноправным сочленом, даже если бы им по каким-то соображениям этого и хотелось.

В 1946 году, когда Сталин окончательно покончил с интернациональной химерой и сделал ставку на еще более безумную национальную, принялся переделывать многонациональную империю в мононациональное государство, Лихачев в радиобеседе решил привести в пример современности лучших представителей русского дворянства XIX века, чей патриотизм «был неразрывно связан с романтическим индивидуализмом и греко-римским культурным наследием».

А в 1962 году Лихачева, скорее всего, по рекомендации известного православного богослова и гарвардского профессора о. Георгия Флоровского пригласили принять участие в дискуссии о русской культуре. Флоровского мучил вопрос, в чем причина так называемого «интеллектуального молчания» Древней Руси: «Почему древнерусская культура не породила ничего выдающегося и оригинального в области философских идей, науки и светской культуры?» Флоровский предполагал, что причина этого, как и причина государственных катастроф, заключалась в очаровании русского общества готовыми решениями всех своих проблем, «заимствованными сперва от Византии, а затем у “латинского” Запада». То есть проблема заключалась все в том же низкопоклонстве перед Западом. Ученик Флоровского Биллингтон полагал причинами «интеллектуального молчания» жестокий климат, деспотическое правление и географическую удаленность от европейской цивилизации, а впоследствии и самоизоляцию от нее. А Лихачев считал, что «молчания» не было, просто философская и социальная мысль в Древней Руси выражалась в форме искусства,

а не научного трактата. Однако в глазах западных славистов это, скорее всего, выглядело традиционным российским мифотворчеством.

Ну если даже и так? Народы всегда будут руководствоваться не академической историей, а художественной, воодушевляющей, и если она будет побуждать к творчеству и сотрудничеству, а не к вражде, то и честь безумцам, которые станут «навеивать» сей возвышающий обман. «Демократия, построенная на развалинах культуры, никуда не годится, — писал Д. С. Лихачев в мае 1992 года. — Жаль, что нынешние руководители России не понимают простую истину: единственный шанс для России найти достойное место в мире <...> — наша национальная культура». «Лишь культурное наследие и культура мирового класса, — уверял Лихачев, — могли дать Российской Федерации членский билет в клуб западных стран». Без них, по мнению

Дмитрия Сергеевича, Россия в глазах Запада осталась бы чуждой страной оккупантов и варваров.

Единственное, что мешает безоговорочно записать нас в клуб варваров, овладевших современным оружием, — это наши гении: Толстой, Достоевский, Чехов, Мусоргский, Чайковский, Шостакович, Прокофьев, Стравинский, Менделеев, Ляпунов, Колмогоров, ПонTRYгин, Ландау, Капица и другие. Так далее и нужно продолжать — делать ставку на самых одаренных и романтических. Национальный проект «Производство гениев» — широчайшая сеть школ для особо одаренной молодежи — не требует особых вложений: ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как национальные гении. Однако этот проект может всерьез заинтересовать лишь либерально-аристократическую партию, а никак не либерально-демократическую.

Секция 1 ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

17 мая 2018 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон Royal»

Руководители секции:

Ш. АЗИЗ	премьер-министр Пакистана (2004–2007)
С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ	академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина, доктор экономических наук, профессор
М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. МУСА	министр иностранных дел Египта (1991–2001), генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011)
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

М. А. Абишев¹

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Для успешного урегулирования современных международных конфликтов необходимо решить проблему ядерной безопасности. Остроту проблеме добавляет тот факт, что многие террористические группировки в последние годы пытаются получить доступ к ядерному оружию.

Актуальность данной проблемы находит подтверждение в том, что Нобелевская премия мира за 2017 год присуждена Международной кампании по запрещению ядерного оружия ICAN (International Campaign to Abolish Nuclear Weapons). Договор о запрещении ядерного оружия был подписан 7 июля 2017 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке 57 странами, в том числе Казахстаном. Однако ни одно государство, обладающее ядерным оружием, к договору не присоединилось.

¹ Профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП, доктор социологических наук, заслуженный деятель Казахстана. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «The Contemporary Ecology and Nuclear Situation on the Semipalatinsk Nuclear Firing», «Суверенный Казахстан — лидер движения за безъядерный мир», «Вклад Международного антиядерного движения “Невада–Семипалатинск” в становление независимости», «Антиядерная политика Казахстана: вчера, сегодня, завтра», «Роль и значение Казахстана в борьбе за ядерную безопасность» и др. Член Международного антиядерного движения «Невада–Семипалатинск». Награжден медалями «За трудовые заслуги», «20 лет независимости Республики Казахстан», орденом «Парасат».

В статье представлена казахстанская модель борьбы за ядерное разоружение и урегулирование международных проблем мирным путем.

Борьба за безъядерный мир в СССР и Казахстане была связана с деятельностью Международного антиядерного движения (МАД) «Невада–Семипалатинск», возглавляемого известным поэтом, общественным и политическим деятелем Олжасом Сулейменовым². Движение достигло успеха, впервые в мире применив новую модель взаимодействия народной и парламентской дипломатии. Малоизвестный народ совершил то, что оказалось не под силу великим державам, и сделал первый реальный шаг на пути ко всеобщему разоружению, остановил ядерные испытания в Советском Союзе. Закрытие казахстанского полигона стало одним из символов окончания холодной войны в мире. МАД «Невада–Семипалатинск» изначально главной целью считало закрытие не только Семипалатинского, но и всех ядерных полигонов на Земле. В 1992 году остановил работу ядерный полигон в штате Невада, где проводили испытания США и Великобритания, затем — французский полигон на атолле Муруроа в Тихом океане. В 1996 году был закрыт китайский полигон «Лобнор».

² Акбердина Г. Хочешь мира — готовься к нему. Алматы : КазГосНТИИ, 1999. С. 9.

Вот что писала газета *The Boston Globe* в статье от 21 февраля 2002 года об антиядерной роли Казахстана: «Теоретически Казахстан мог стать одной из ядерных сверхдержав. Если бы в свое время он взял под контроль 1400 ядерных боеголовок, оставшихся на его территории после распада СССР, то в его распоряжении оказался бы арсенал, количественно превосходящий арсенал Великобритании, Франции и Китая, вместе взятых. Вместо этого Казахстан добровольно передал России все ядерное оружие на своей территории и подписал Договор о нераспространении ядерного оружия»¹.

В 2006 году Казахстан наряду с другими государствами Центральной Азии (ЦА) подписал в Семипалатинске Договор о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия.

Как известно, после распада СССР ядерное оружие оказалось у России, Беларуси, Украины и Казахстана. Находясь в Азии и имея преимущественно мусульманское население, Казахстан стоял перед выбором и имел дело с весьма красноречивыми искусителями. В первые дни независимости Казахстана не было отбоя от разного рода эмиссаров, которые, обещая большую финансовую помощь, убеждали президента Казахстана оставить ядерное оружие: «Вы будете первой и единственной мусульманской страной с ядерным оружием, вас будут уважать, с вами будет считаться весь мир». Поэтому справедливо было бы подчеркнуть, что отказ от ядерного оружия был мужественным и мудрым решением Н. А. Назарбаева².

К сожалению, главной проблемой общемировой политики стала ее всеохватывающая милитаризация, проявляющаяся в гонке вооружений, в расширении театра боевых столкновений на карте мира, нарушении режима ядерного нераспространения, угрозах международного терроризма. Ситуация в мире очень непростая. Если утихают одни конфликты, то сразу же возникают другие.

Когда мир стоит на грани всеобщей катастрофы, любой местный конфликт может стать спусковым крючком, приводящим в действие механизм мировой войны, которая поставит крест на истории развития человечества.

На 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Казахстан выдвинул инициативу «План глобальной стратегической инициативы — 2045». Этот план по устранению основных причин возникновения войн и конфликтов предполагается воплотить в жизнь к столетнему юбилею ООН. Мир в XXI веке стоит того, чтобы за него бороться. Событием глобального масштаба стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2015 года Всеобщей декларации о построении мира, свободного от ядерного оружия, инициатором которого выступила казахстанская сторона.

Искренняя тревога за судьбу будущих поколений, которым предстоит жить и работать в XXI веке, конкретные шаги по урегулированию конфликтов и созданию мира, свободного от ядерного оружия, позволяют

рассматривать манифест «Мир. XXI век» как программу решительных действий по противостоянию конфликтам.

Манифесту Президента Казахстана Н. Назарбаева «Мир. XXI век» был присвоен статус официального документа Генеральной Ассамблеи Совета Безопасности ООН. В манифесте содержится призыв ко всем странам, особенно к ядерным державам, встать на путь последовательного движения к миру, полностью освобожденному от ядерного и других видов оружия массового уничтожения³.

Казахстан зарекомендовал себя как авторитетный и ответственный партнер в разрешении международных споров и конфликтов. Нельзя не отметить тот факт, что наша страна сыграла исключительную роль в международных переговорах вокруг ядерной программы Ирана, собрав за круглым столом в Казахстане всех участников этого непростого диалога. Казахстан участвует в разрешении конфликта на Украине, организовал встречу между президентами Франции и России (что позволило дать старт переговорам «нормандской четверки») и диалог между Анкарой и Москвой. Казахстан также заявил о приоритетах — устранении угрозы глобальной войны и урегулировании глобальных конфликтов. Практически это выражается в миротворческих инициативах, в частности в организации Астанинского процесса.

Астанинская площадка стимулировала усилия в рамках урегулирования сирийского конфликта по всем направлениям. Это и борьба с терроризмом, и создание зон деэскалации, где режим прекращения боевых действий позволил существенно снизить уровень насилия. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш высоко оценил переговоры по Сирии в Казахстане и выразил полную поддержку, считая, что они открывают дорогу к успеху Женевских переговоров⁴. В 2017 году Казахстан стал первым государством Центральной Азии, избранным в Совет Безопасности ООН, наиболее важный политический орган ООН, на который Уставом Организации Объединенных Наций возложены полномочия по поддержанию глобального мира и безопасности. В январе 2018 года Казахстан заступил на пост председателя важнейшего органа глобальной организации Совета Безопасности ООН. Основополагающий приоритет казахстанского председательства — достижение мира, свободного от ядерного оружия. Вместо сдерживания, которое в XX веке, особенно в период холодной войны, было гарантией ненападения со стороны противника, необходимо сформулировать другие меры преодоления конфликтов, повышая региональное взаимное доверие. Это касается в первую очередь Ближнего Востока и Корейского полуострова.

Казахстан в качестве одного из своих приоритетов называет устранение угрозы глобальной войны и урегулирование локальных конфликтов. Наша страна в течение года возглавляет Комитет Совета Безопасности ООН по борьбе с ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каидой», по «Талибану» в Афганистане. Во время председательства

¹ Тулешев Г. Антиядерный императив современности // Казахстанская правда. 2016. 20 апр.

² Назарбаев Н. А. Эпицентр мира. Астана, 2001. С. 85.

³ Назарбаев Н. А. Мир. XXI век. Вашингтон, 2016. С. 16.

⁴ Калмыков А. Синергия глобальных инициатив // Казахстанская правда. 2017. 2 мая.

ства Казахстана, в частности, уже рассмотрены предложения по разрешению конфликта в Сирии.

Обобщая все вышесказанное, следует особо отметить нацеленность Казахстана на решение вопросов по дальнейшему устойчивому развитию Центральной Азии. Это особенно актуально в контексте новых гло-

бальных угроз, в числе которых — терроризм и религиозный экстремизм. Придерживаясь норм международного права и принципов ООН, Казахстан занимает конструктивную позицию по спорным вопросам, выступая как нейтральный медиатор на площадке, где решаются важнейшие проблемы глобальной политики¹.

Р. Ж. Аляутинов²

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Ключевая тенденция современности — перераспределение мирового баланса сил. Глобализация способствовала подъему развивающихся стран и стран с формирующимися рынками. Те же государства, которые в свое время выступали ее «моторами», прежде всего западные, постепенно утрачивают позиции безусловного доминирования. При этом новые центры экономического и во многом политического влияния все более настойчиво заявляют о своих правах. Эти страны представляют практически все континенты и привносят в мировые процессы свои исторические и культурные особенности.

В то же время рост числа активных участников международных отношений, нарождающаяся полицентричность пока не находят должного отражения в системе институтов глобального управления, в большинстве своем доставшейся нам от прежней эпохи со старым устоявшимся набором основных игроков. Это, в свою очередь, дает импульс росту конфронтационности в межгосударственных отношениях, ведет к сужению пространства для конструктивного взаимодействия даже по общим для всего мирового сообщества вызовам и угрозам. Причина видится прежде всего в противодействии нынешним трансформационным процессам со стороны части западных стран, которые взяли курс на сдерживание новых центров силы за счет оказания на них экономического, информационного и военно-политического давления.

Дело здесь не только в рефлекторном стремлении достаточно узкой группы западных стран удержать превосходство на мировой арене. Проблема шире. Сегодня Запад переживает комплексный кризис — экономический, социальный, политический и идеологический. Неолиберальная модель оказалась не способна обеспечить поступательное развитие экономики и общества. Имущественное неравенство в развитых странах, особенно в США, спровоцировало кризис доверия к традиционным элитам и формирование в «низах» за-

проса на национально ориентированную повестку дня в противовес глобалистской. Отсюда попытка этих элит переключить внимание общества и консолидировать его перед внешней угрозой, чтобы остановить тем самым крен в сторону неоизоляционизма.

Под это на Западе демагогически подвешивают тезис о том, что нарождающаяся полицентричность равнозначна «сползанию» мира в хаос, в войну всех против всех. Такой картине мира противопоставляется некая многосторонность в рамках либерального миропорядка, основанного на ценностях западного мира и правилах, которые он устанавливает.

Действительно, на поверку зачастую оказывается, что эти правила и ценности — не что иное, как вольная трактовка, а порой и откровенная подмена общепризнанных правовых норм. Многосторонность же все чаще сводится к тому, что решения по ключевым международным вопросам принимаются узкой группой стран под флагом глобального лидерства США в обход Совета Безопасности ООН в ущерб мнению остального мирового сообщества и основополагающим нормам международного права. Достаточно вспомнить натовские бомбардировки Югославии, вторжение под сфабрикованным предлогом в Ирак или насильственную смену режима в Ливии.

Еще более красноречивы примеры последних лет: от тотального неприятия, основанного на непреложной западной ценности — демократии, референдума в Крыму до неуклюжих попыток легитимизировать своими правилами очевидно нарушающие международное право удары западной коалиции по Сирии.

Такие действия ведут к девальвации международного права, ослаблению многосторонних институтов и росту значения военной силы. Последняя многими странами рассматривается сегодня едва ли не как единственная эффективная гарантия их суверенитета.

Одновременно было бы слишком упрощенно, да и неправомочно говорить о том, что многочисленные современные конфликты, в том числе на наиболее беспокойном Африканском континенте, можно рассматривать лишь через эту призму. Их причины многообразны: социальное неравенство, несовершенство государственных институтов, этнические и конфессиональные противоречия, борьба за ресурсы и, без сомнения, наследие колониального прошлого. Однако именно нынешняя геополитическая обстановка затрудняет устойчивое урегулирование большинства конфликтов. Мето-

¹ Решетняк А. За мир глобальных угроз // Казахстанская правда. 2018. 22 янв.

² Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека Министерства иностранных дел РФ. Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса. В системе МИД с 1981 г. занимал различные должности в центральном аппарате Министерства и за рубежом. В 2006–2012 гг. — заместитель директора Генерального секретариата (Департамента) МИД РФ. В 2012–2017 гг. — заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при отделении ООН и других международных организациях в Женеве (Швейцарская Конфедерация).

дология управляемого кризиса, к успехам которой так привыкли на Западе, что стали считать ее универсальной, срабатывает все реже.

Это как на ладони видно в Совете Безопасности ООН — органе, который по Уставу ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Много ли конфликтов в последнее время ему удалось эффективно погасить? Похожа ли его работа на конструктивный диалог в поиске устойчивых решений наиболее острых конфликтов?

К сожалению, в последнее время мы нередко наблюдаем такую последовательность событий. Кризисы, в том числе внутренние, возникающие по каким-либо объективным причинам, раздуваются до невероятных размеров за счет грубого вмешательства внешних игроков, часто с необоснованным подключением СБ ООН, где страну начинают подвергать давлению. Наиболее популярным инструментом наших западных коллег по Совету Безопасности становятся санкции. Оперативно подверстываются и теоретические наработки, в основе которых тезисы об угнетении меньшинства большинством, ущемлении прав человека, необходимости мер по защите гражданских лиц и, наконец, гуманитарной интервенции.

Один из самых турбулентных регионов мира сегодня — это Ближний Восток и Север Африки (БВСА), где вышеприведенный алгоритм испытывался уже не раз. Заручившись поддержкой союзников и опираясь на так называемые идеалы свободного мира и верховенство прав человека, Соединенные Штаты Америки провели несколько военных кампаний с целью свержения неугодных режимов в этой части земного шара. В результате был нарушен хрупкий баланс этнических, конфессиональных, цивилизационных интересов арабского общества. Начался процесс ослабления и развала суверенных государств, в результате чего в исламском мире в небывалых масштабах усилились негосударственные игроки с собственными интересами, не совпадающими с западными, активизировались радикальные исламистские группировки, появилось даже квазигосударство «Исламское государство» (ИГИЛ, запрещено в России), установившее в 2014 году контроль над частью Ирака и Сирии и провозгласившее там халифат. Стали множиться внутренние конфликты, стремительно перерастающие в региональные.

Классическим примером разжигания внутреннего конфликта извне является ситуация в Сирии. Там также активно используется межконфессиональный дискурс. Сирийцы, прежде и не задумывавшиеся о вероисповедании друг друга, теперь стали видеть «своих» и «чужих» в алавитях, суннитах, шиитах, курдах и т. д. Кроме того, это характерно и для других обществ Ближнего Востока, глубокий цивилизационный разлом прошел по линии «город–деревня». Именно сельские жители стали «двигателем» вооруженной борьбы, бросив вызов городским элитам и предприняв попытку раздела сфер влияния.

В основе сирийского урегулирования должен лежать принцип суверенитета и территориальной целостности страны. Должно быть обеспечено национальное

согласие, исключая дрейф к политической фрагментации и географическому разделу государства, против чего в настоящее время, к счастью, выступают все без исключения сирийские игроки.

Разумеется, любое постконфликтное политическое устройство должно учитывать законные чаяния всех слоев сирийского общества. Об этом говорят и резолюции СБ ООН, это своими усилиями продвигает спецпосланник Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистура.

Российские усилия направлены на скорейшее прекращение длящегося уже более семи лет кровопролитного конфликта в Сирии. Именно благодаря решающим действиям российских Воздушно-космических сил правительственным войскам Сирии удалось очистить территорию своей страны от боевиков ИГИЛ, способствовать ее сохранению как суверенного государства, создать необходимые условия для восстановления разрушенной там инфраструктуры и жилого фонда для возвращения беженцев, вплотную приступить к политическому урегулированию под эгидой ООН. Этому, в частности, способствовало проведение в конце января 2018 года Конгресса сирийского национального диалога в Сочи, который был нацелен на решение задач, поставленных в резолюции 2254 СБ ООН.

Нельзя не учитывать, что военные поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии приводят к оттоку боевиков в другие страны, что на фоне неустойчивого внутриполитического положения и ослабленности затяжными конфликтами делает их особенно уязвимыми к усилению террористической угрозы. Одной из стран, находящихся в группе риска, является Ливия, где «филиал» ИГИЛ сохраняет значительный боевой потенциал. Нельзя исключать, что после перегруппировки сил эта террористическая организация нарастит интенсивность своих наступательных операций и активизирует диверсионную деятельность. Следует также иметь в виду, что боевики (часто под видом беженцев) попадают и в страны Европы, что многократно усиливает угрозу проведения терактов.

На фоне происходящих в регионе БВСА процессов не должна уходить на второй план приоритетность справедливого решения палестинской проблемы. Неурегулированность одного из застарелых региональных конфликтов и продолжающаяся уже 50 лет оккупация Израилем палестинских территорий Западного берега р. Иордан и сектора Газа служат дополнительным фактором дестабилизации обстановки в регионе и порождают питательную среду для экстремистов.

В свете известных решений администрации США о признании Иерусалима столицей Израиля, которые спровоцировали очередной всплеск напряженности в регионе, Россия продолжает отстаивать принципиальную позицию, нацеленную на всеобъемлющее, справедливое и прочное палестино-израильское урегулирование на соответствующей международно-правовой основе, включая резолюции СБ ООН и Арабскую мирную инициативу, которые предусматривают поиск переговорного решения всех проблем, связанных с окончательным статусом палестинских территорий, включая статус Иерусалима.

В целом карта конфликтов БВСА показывает, что какой-либо закономерности этнокультурных и цивилизационных факторов в контексте конфликтогенности однозначно выявить невозможно. Там, где общества моногенны в этническом и конфессиональном плане (Ливия, Сомали), происходят боестолкновения по другим причинам, включая факторы племенной принадлежности, идеологические установки. В других странах, например в Йемене, в условиях конфликта очевиден раскол как между религиозными общинами, так и по линии «Север–Юг».

В этих условиях исходим из того, что все усилия по нормализации ситуации на Ближнем Востоке должны быть подчинены задаче дерадикализации, оздоровления межэтнических и межконфессиональных отношений, недопущения установления новых границ по этническому принципу. Кредит доверия к России, серьезно возросший в контексте наших усилий в Сирии и стабилизации в других странах региона, укрепляет наши позиции как сильного игрока и партнера на пространстве БВСА.

Говоря о современных конфликтах и путях их урегулирования, невозможно обойти вниманием происходящее на Украине. На нынешнем этапе это один из крупнейших очагов напряженности в Европе.

Украина в силу исторически сложившейся территориальной композиции государства находится на культурно-цивилизационном стыке между номинальным Западом в виде европейских и евроатлантических структур и таким же номинальным евразийским регионом в лице России. Тяготение отдельных территорий Украины к разным цивилизационным полюсам при этом не является потенциально взрывоопасным моментом при условии проведения властями сбалансированной политики, принимающей во внимание специфику и интересы каждой группы населения в составе многонационального государства.

Игнорирование этих реалий, стремление Киева навязать свой мировоззренческий порядок, основанный на догмах украинской моноэтничности, стали глубинными причинами конфликта в Донбассе, которые власти Украины упорно отказываются признавать. Вместо поиска компромисса нынешние украинские власти предпринимают действия, которые лишь обостряют внутригосударственный конфликт, а не способствуют его деэскалации.

Грубое внешнее вмешательство западных стран, прежде всего США, в разгорающийся с 2014 года украинский кризис под лозунгом искусственной дилеммы «либо с Западом, либо с Россией» усугубило ситуацию до уровня кровопролитной гражданской войны. Поддержав антиконституционный государственный переворот, они проявили полное неуважение к законным чаяниям проживающих в Донбассе людей, их выбору и основным правам. К сожалению, без участия Вашингтона подступиться к решению проблемы в Донбассе и сейчас невозможно.

Общемировой опыт урегулирования конфликтов в неомогенных с точки зрения этнического состава странах доказывает неизбежность поиска взаимоприемлемых для противоборствующих сторон вариантов

существования в рамках одного государства с целью сохранения его территориальной целостности. Попытки одной из конфликтующих сторон, в данном случае Киева, перетянуть одеяло на себя и решить конфликт силовыми методами успехом не увенчаются.

Минский комплекс мер, принятый 12 февраля 2015 года, является для внутриукраинского конфликта именно тем инклюзивным и взаимоприемлемым механизмом, который мог бы привести к долгосрочной стабилизации ситуации и последующему урегулированию мирными средствами. Альтернативы Минским соглашениям нет. И это общепризнанный факт. Возможное подключение ООН к решению конфликта в Донбассе и введение ее контингента по охране Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ, видение которого изложено российской стороной в проекте соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, не должно подменять собой Минские договоренности и выступать, как это видят в Киеве, некой операцией по «принуждению к миру».

Действия украинских властей при этом идут вразрез со взятыми в Минске обязательствами. Принятие в начале 2018 года Верховной радой Украины так называемого закона о деокупации Донбасса, нацеленного на силовое решение внутриукраинского конфликта, фактически перечеркивает Минские договоренности, отдаляет перспективу реинтеграции неконтролируемых Киевом территорий Донецкой и Луганской областей в общеукраинское пространство и грозит непредсказуемыми для европейской безопасности последствиями.

Российская сторона уверена, что украинский конфликт, имеющий ярко выраженную культурно-цивилизационную подоплеку, может быть решен только мирными средствами при учете интересов и специфики регионов, на основе сбалансированного подхода и способности вести диалог с противоборствующей стороной.

В своих подходах к поддержанию мира и безопасности Россия исходит из таких принципов, как верховенство международного права, невмешательство во внутренние дела и неприемлемость диктата, уважение суверенитета государств, их равенства, право народов самостоятельно определять свою судьбу и необоснованность претензий на исключительность.

С этой меркой мы подходим и к Сирии, и к Украине. И в Африке принцип внутривизуационного сдерживания конфликтов находит выражение в поддерживаемом Россией лозунге «Африканским проблемам — африканские решения». Мы являемся сторонниками более активной вовлеченности в урегулирование конфликтов региональных организаций и интеграционных объединений, таких как *Шанхайская организация сотрудничества*, Африканский союз, Организация Исламского сотрудничества, Лига арабских государств. Исходим из того, что потенциал *Организации Договора о коллективной безопасности* (ОДКБ) может быть эффективно задействован не только в странах, входящих в эту организацию, но и за их пределами, например в миротворчестве ООН.

Россия неизменно подчеркивает, что современные конфликты не имеют силовых решений. У конфликтной ситуации есть свой уникальный набор причин. В каждом отдельном случае необходим деликатный и беспристрастный подход, терпеливый анализ и коллективный поиск политико-дипломатических развязок и уникального решения, прежде всего, на национальном уровне.

Предотвращению конфликтов и их урегулированию способствует следование принципу равной безопасности для всех, который давно и последовательно отстаивает наша страна. Он перекликается с базовыми идеями Движения неприсоединения, участники которого предостерегают интеграционные объединения от превращения в закрытые структуры блокового типа. Нам понятна и близка эта озабоченность. Политика становится особенно опасной, если она формируется по принципу цивилизационной, регионально-конфессиональной или ценностной (в плохом смысле этого слова) общности с явной или подразумеваемой целью противостояния государствам, принадлежащим к другой общности.

Сегодня мир стоит на перепутье, на развилке дорог. Впереди — либо дальнейшая деградация и нарастание нестабильности, либо нам удастся достичь договоренности о новых всеобщих правилах игры, которые позволят обеспечить мирное сосуществование стран и народов, а также возможности развития не для избранных, а для всего международного сообщества.

Безальтернативным и универсальным форумом для выработки таких решений продолжает оставаться ООН, которая за 72 года существования доказала свою незаменимость в качестве уникальной площадки для постоянного диалога наций относительно создания устойчивой, справедливой, безопасной и эффективной архитектуры международных отношений.

На наш взгляд, такое развитие событий возможно при условии становления конструктивной, истинной полицентричности — такого мироустройства, которое отражало бы культурно-цивилизационное многообразие мира и, в отличие от фактически конфронтационной многополярности прежних эпох, основывалось бы на взаимовыгодном сотрудничестве и взаимном уважении интересов государств и их объединений.

Е. М. Горюшина¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ²

На современном этапе развития мировой политической науки стало особенно популярным обращение к явлению политической нестабильности, которая, по мнению многочисленных исследователей, сопряжена с существующими или возможными конфликтами. Сама по себе оценка конфликтов может стать основой для их дальнейшего урегулирования.

Политическая нестабильность в данной работе рассматривается как нарушение состояния прочного государства, в котором правительство утратило (намеренно либо непреднамеренно) способность ограничивать или контролировать попытки подрывной деятельности внутри государства с учетом ключевой роли массовых манифестаций, а также функции абсорбировать экзогенные проблемы.

Анализ источников по теме позволяет обозначить существенный перевес в пользу эконометрических исследований, в которых преимущественно задействованы количественные методы исследования. Среди авторов подобных работ наиболее известны А. Алесина, С. Озлер, Н. Рубини и П. Свонгелл, Дж. Свенссон³,

С. Полачек и Д. Севастьянова⁴, Дж. Дерби⁵. Авторы утверждают, что в регионах, подверженных политической нестабильности или вооруженным конфликтам, предельно высок риск государственной политики «сиюминутной выгоды», что влечет за собой принятие малоэффективных решений и неспособность осуществления реформ, необходимых для устойчивого экономического роста.

По мнению Д. Милжковича и А. Рималь⁶, отправной точкой в изучении нестабильности являются наличие и качество конфликтов на соответствующих территориях. С одной стороны, войны замедляют экономический рост, с другой — конфликты низкой интенсивности в большей степени замедляют экономическое развитие и могут даже способствовать положительному экономическому росту по сравнению с территориями, подверженными влиянию конфликтов высокой интенсивности.

Можно утверждать, что конфликты играют едва ли не первостепенную роль в инициации политической нестабильности. Этот тезис подтверждают Ш. Т. Холден и Х. Гебру из Норвежского университета естественных наук наряду с ученым К. Дейнингером, которые полагают, что конфликт из-за контроля над тер-

¹ Научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону). Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Geopolitical risks in the Caucasus», «Изменения международной конъюнктуры и внутренняя нестабильность на Северном Кавказе», «Гуманитарные технологии политической нестабильности (на примере Египта и Украины, 2012–2014 гг.)», «Экономическая неоднородность и политическая нестабильность: опыт и перспективы межстрановых сопоставлений» (в соавт.) и др.

² Работа выполнена по теме НИР ЮНЦ РАН «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» в рамках государственного задания на 2018 год (№ 0256-2018-0013).

³ Svensson J. Investment, property rights and political instability: Theory and evidence // *European Economic Review*. 1998. Vol. 42, № 7. P. 1317–1341.

⁴ Polachek S. W., Sevastianova D. Does conflict disrupt growth? Evidence of the relationship between political instability and national economic performance // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2012. Vol. 21, № 3. P. 361–388.

⁵ Darby J., Li C. W., Muscatelli V. A. Political uncertainty, public expenditure and growth // *European Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 20, № 1. P. 153–179.

⁶ Miljkovic D., Rimal A. The impact of socio-economic factors on political instability: A cross-country analysis // *The Journal of Socio-Economics*. 2008. № 37. P. 2454–2463.

риторией является самой распространенной причиной межгосударственных и внутригосударственных конфликтов в мире¹.

Однако одним из исследований эмпирического характера по оценке и способам измерения политической нестабильности и конфликтов в конце первой декады 2000-х годов стала работа Дж. Эли Маргулиса², незаслуженно обойденного вниманием в российском политологическом пространстве. Его исследование служит определенным водоразделом в области изучения политической нестабильности последних лет. Являясь убежденным сторонником применения исключительно качественных методов оценки нестабильности во внешней разведке, Маргулис утверждает, что количественные статистические модели могут быть лишь вероятностными, тем самым ничего не предлагая лицам, принимающим решения, кроме относительной меры возможности наступления некоторого события. Качественные же подходы, в частности структурированные, «усиливают и без того не слабые стороны большинства разведывательных органов, которые с давних времен обращаются за помощью к экспертам по той или иной стране, а не к статистике»³.

Очевидно, что различные правительственные структуры, финансовые институты, академические и некоммерческие организации оценивают политическую нестабильность и конфликты с помощью разнообразных подходов, исходя исключительно из собственных целей. Маргулис же подчеркивает, что используемые методы измерения политической нестабильности и конфликтов, будь то количественные или качественные, могут быть как инновационными, так и проблемными.

На примере практического опыта США автор выделяет несколько хорошо зарекомендовавших себя прогностических моделей количественного характера:

— система анализа с использованием аппарата нечетких множеств на основе статистических данных (FASE; армия США);

— интегрированная система раннего предупреждения о кризисе (*Integrated Conflict Early Warning System*, ICEWS; армия США);

— Political Instability Task Force (PITF; ЦРУ).

Безусловно, модели, призванные оценивать текущие условия (например, разнообразные индексы политической нестабильности), получили значительную популярность по сравнению с вышеуказанными моде-

лями. Маргулис утверждает, что индексы политической нестабильности основываются преимущественно на данных, предоставленных следующими институтами:

— государством: индикаторы стран для внешней политики (Country Indicators for Foreign Policy, CIFP; Канада);

— бизнес-структурами: индекс политической нестабильности (Political Instability Index, PI) и индекс глобальных политических рисков (Global Political Risk Index, GPRI);

— академическими кругами: индекс слабости государства (Index of State Weakness, ISW), индекс государственной уязвимости (State Fragility Index, SFI);

— некоммерческими организациями: индекс недееспособности государств (Failed States Index, FSI)⁴.

Анализ индикаторов политической нестабильности, используемых также для выявления вероятности развития конфликтов, является скорее результатом взаимосвязи между концептуализацией и операционализацией. Подход Маргулиса, невзирая на его приверженность к разведывательным структурам, ставит под сомнение использование ряда популярных в среде экономистов показателей, таких как рост ВВП, неравенство доходов, учет мнения населения и многих других.

Данный тезис может быть применим и к широко используемым в мире показателям политической нестабильности и инициации конфликтов, предоставляемым Всемирным банком, что в большинстве случаев фактически делает его монополистом в области оценки международных индексов, рейтингов и политической нестабильности.

Проблема оценки политической нестабильности и конфликтов заключается в том, что ни одна из количественных моделей (также с точки зрения Маргулиса) не способна помочь управленцам (в том числе мировым лидерам) осмыслить форму, масштаб или темпы угрозы, вызванные потенциальным кризисом нестабильности. Фактически количественные модели представляют собой только оценку вероятности политической нестабильности без оказания какого-либо влияния на нее. Следовательно, можно поставить под сомнение разумность оценки, например, таких стран, как Ирландия и Иран, без учета качественных данных по этим двум государствам. Справедливо утверждать, что количественным методам и моделям, основанным на них, можно отвести лишь предупредительную функцию.

¹ Holden S. T., Deininger K., Ghebru H. 2010. Impact of Land Registration and Certification on Land Border Conflicts in Ethiopia : Paper presented at the World Bank Annual Conference on Land Policy and Administration in Washington DC, April 26–27, 2010. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/a11e/6337e1ab9d0487e4dff6a0a6d0373620d5a.pdf>

² Margolis J. E. Estimating State Instability // *Studies in intelligence*. 2012. Vol. 56, №. 1. P. 13–24.

³ Dahl E. J. Getting beyond analysis by anecdote: improving intelligence analysis through the use of case studies, *Intelligence and National Security*. 2017. Vol. 32, iss. 5. P. 563–578. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02684527.2017.1310967>

⁴ Margolis J. E. Op. cit.

А. В. Мосяков¹**ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ:
ПЕРЕХОД КОНФЛИКТА РЕГИОНАЛЬНОГО В КОНФЛИКТ ГЛОБАЛЬНЫЙ**

Сегодня при изучении конфликтов, которые разворачиваются в Азии, все больше внимания уделяется не только политическим или экономическим, но и социокультурным факторам. Есть много примеров, где именно они предопределяют то, как и каким образом будет разрешен тот или иной конфликт. Последний пример — события на Корейском полуострове, где обе стороны (и Юг, и Север) для объяснения своих действий по взаимному примирению все время апеллируют к общеазиатским культурным ценностям, преданиям и героям.

В Южно-Китайском море конфликт носит принципиально иной характер, но и здесь социокультурные факторы — традиционное китайско-вьетнамское культурное поле с неписаными, но вполне реальными правилами и традициями, — уже долгое время препятствуют его разрастанию и началу войны между двумя соседними странами. Правда, сейчас значение этих факторов несколько снижается, так как ситуация в Южно-Китайском море существенным образом отличается от той, с которой мы имели дело сравнительно недавно. Конфликт в этом регионе носил сугубо региональный характер и охватывал Китай и его соседей по Южно-Китайскому морю. Но за последнее время в конфликте произошли радикальные перемены, которые показывают, насколько неопределенными и серьезными для глобальной безопасности могут быть контуры будущего.

Два события, о которых мы расскажем далее, способствовали кардинальным изменениям. Все прогнозы аналитиков о благоприятных перспективах на мир и стабильность в этом регионе, вполне вероятном компромиссе, основанном на близости культур и менталитета участвующих в конфликте сторон, оказались абсолютно ошибочными. Контуры будущего на самом деле были совсем другими, чем все предполагали.

Первое ключевое событие, влияние которого ощущается ныне и, как представляется, будет только усиливаться в будущем, — это решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Как известно, этот суд своим решением в июле 2016 года не признал за Китаем юридического права на 80 % акватории Южно-Китайского моря, отверг идею исторического права как аргумента в этом споре и постановил, что един-

ственным путем юридического урегулирования конфликта может быть только основанный на современном международном праве. Хотя Китай и некоторые другие страны, в том числе Россия, не признали решения этого суда, посчитав их не вполне объективными, юридические обоснования и основные принципы, сформулированные им, так же как и известная Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, остаются сегодня единственным основанным на международном праве фундаментом урегулирования конфликта. В связи с этим можно сказать, что конфликт в Южно-Китайском море будет решаться не в восточном, а в западном культурном поле безо всяких указаний на выдающуюся роль Китая в истории и культуре этого региона.

Уже понятно, что если в перспективе процесс мирного урегулирования в Южно-Китайском море и получит развитие, то он не будет основан на согласовании местных традиций и преданий как ключевых элементов переговоров, то есть на историческом праве. Страны АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), признав решения трибунала, фактически отказались от этого пути. Они согласились с тем, что переговоры должны проходить только на основе современного международного права, что сразу, с одной стороны, заметно упростит процесс урегулирования конфликта, а с другой — усложнит его, так как огромный культурно-исторический пласт окажется вне рамок аргументации и поля рассмотрения. Китай, естественно, не согласится с таким подходом, и юридический процесс урегулирования конфликта в Южно-Китайском море в том виде, в котором он существует сегодня, неизбежно завянет на долгое время, если не навсегда.

Не менее, а может быть, и более важным вторым ключевым событием, которое привело к тому, что качественно изменилась вся политическая архитектура конфликта в Южно-Китайском море, явилось фактическое превращение США в его полноценного участника. Это произошло не сразу, было время (как, например, на первом саммите США–АСЕАН, состоявшемся в 2009 г.), когда американские представители в строгом тоне общались с лидерами стран — членом блока и даже указывали им на то, что не следует жаловаться на Пекин в Вашингтоне, что политические элиты стран АСЕАН должны сами искать компромисс с Китаем. Еще раньше серьезные трения возникли между США и АСЕАН по поводу перспектив председательства Бирмы в этой международной организации в 2006 году, предусмотренного принятым в ней порядком ротации. В связи с этим Вашингтон выступил с рядом резких предостережений, граничивших с прямой угрозой, указав, что такое решение серьезно усложнит американский подход к АСЕАН. Подтверждая формальное предостережение, в мае 2005 года государственный секретарь США Кондолиза Райс демонстративно бойкотировала ежегодное совещание Регионального форума

¹ Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой регионоведения Московского гуманитарного университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ», «Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть», «История Юго-Восточной Азии», «Юго-Восточная Азия: проблемы формирования цивилизационной общности», «История Камбоджи. XX век», «Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем» и др. Организатор проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», читает учебные курсы в Казанском государственном университете, Йельском университете (США), Университете Хосэй (Япония) и др. Член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

АСЕАН по безопасности (АРФ). Далее последовала открытая угроза со стороны американцев, что если эта организация будет упорствовать и военное правительство Бирмы все-таки займет председательское кресло, Вашингтон откажет АСЕАН в экономической помощи¹.

Но этот жесткий подход американской администрации к АСЕАН претерпел изменения с приходом к власти президента Обамы. Новый госсекретарь США Хиллари Клинтон приняла участие в саммите Регионального форума АСЕАН по безопасности на острове Пхукет (Таиланд). В ходе пресс-конференции она жестко заявила, что США «вернулись в Юго-Восточную Азию»². Было объявлено о намерениях Штатов открыть постоянное представительство при АСЕАН во главе с послом-резидентом. По итогам встречи был сделан первый важный шаг навстречу новым американско-асеановским отношениям — подписан документ о присоединении США к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТАС)³, что до этого всегда являлось негласным и необходимым правилом для тех, кто желал установления более тесных отношений с АСЕАН.

Главной причиной, которая заставила американцев изменить свой подход к АСЕАН и сделать страны — члены этой организации своими потенциальными союзниками, стало очевидное возвышение Китая, когда Пекин стал проводить все более независимую от США и в некотором смысле экспансионистскую политику на островах и в акватории Южно-Китайского моря. Примерно 80 % акватории этого моря он объявил своей территорией и тем самым резко обострил ситуацию в регионе, так как положение, интересы и права других стран оказались серьезно нарушены. Для восстановления статус-кво большинство государств — членов АСЕАН обратились за поддержкой к США и фактически сами убедили американцев вернуться в этот регион в качестве их защитников от растущей угрозы безопасности со стороны Китая.

Сегодня в рамках политики возвращения США в Азию американцы активно вмешиваются в конфликт в Южно-Китайском море, их корабли бороздят объявленные Китаем закрытыми для других судов зоны в районе спорных островов, подвергая мир опасности прямого столкновения с китайскими войсками. Развернувшееся американско-китайское противостояние в Южно-Китайском море превратило вялотекущий конфликт государств-соседей, который долгое время мало кого интересовал, в противостояние современных сверхдержав. Причем нарастание этого конфликта происходило так, как будто события были списаны с учебника по политологии: конфликт зарождается из малопонятных мелких противоречий, а потом, если его не купировать, начинает разрастаться, получает собственную логику и в конце концов втягивает все новые страны

и народы. Конфликт в Южно-Китайском море прошел уровень двусторонних споров и столкновений между Китаем и Вьетнамом за малоизвестные безводные крошечные острова и рифы, затем перешел на стадию регионального конфликта, в который оказались втянуты Китай и страны АСЕАН, в первую очередь, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Бруней, а позже — Индонезия. На этот уровень конфликт перешел после того, как в 2009 году, как мы уже отмечали, КНР объявила 80 % Южно-Китайского моря своей территорией, полностью проигнорировав интересы своих соседей.

Следует отметить, что до появления американцев, даже несмотря на общий негатив в развитии конфликта, многие аналитики в регионе и за его пределами полагают, что взаимные претензии стран Юго-Восточной Азии и Китая постепенно найдут свое разрешение. При этом важную роль в аргументации играли факторы культурного порядка: близость основных взглядов и жизненных стереотипов, традиция взаимных уступок, связанная с тем, что противостоящие силы будут делать все, чтобы никто серьезно не проиграл и все сумели бы «сохранить лицо» при достижении компромисса. Многие указывали на важное культурно-политическое влияние местных китайских диаспор, глубоко интегрированных в политическую элиту стран Юго-Восточной Азии, которые также вполне могли бы способствовать разрешению конфликта. Таким образом, контуры будущего в контексте регионального культурного поля выглядели вполне позитивно.

Приход американцев с их энергией, агрессией, мощной культурной мифологией буквально все смял и изменил ситуацию. Альтернатива китайскому политико-культурному доминированию активизировала в странах Юго-Восточной Азии разнородные модернистские силы, которые стали активно пропагандировать американский культурный стереотип и тем самым подготавливать национальные сообщества к более близким отношениям с США.

Сегодня в связи с вовлечением в региональные противоречия американцев конфликт в Южно-Китайском море перестал быть региональным. Он превратился в глобальный, угрожает стабильности и безопасности и в Южно-Китайском море, и в Азии, и во всем мире. Дело в том, что любое военное столкновение китайских и американских сил может спровоцировать большую войну между ведущими мировыми державами. Угроза такого развития событий возникает регулярно, так как либо американский самолет пролетит под прицелом китайских ПВО в районе, объявленном КНР запретным, либо эсминец США пройдет под дулами китайских пушек в зоне насыпных островов, которая также объявлена Китаем запретной. Любой несанкционированный и случайный выстрел может кардинально изменить ситуацию. Причем положение в сфере безопасности только ухудшается, особенно после того как было объявлено, что с 18 февраля 2017 года в Южно-Китайском море началось патрулирование группы американских военных кораблей, которую возглавил авианосец Carl Vinson. Поставленная тогда задача постоянного присутствия американского флота в Южно-Китайском море стала лишь прелюдией другого — более

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-prishestvie-ssha-v-yugo-vostochnuyu-aziyu>

² Availability at the ASEAN Summit. Clinton H. R. The United States is back in Southeast Asia. Phuket, Thailand, 22 July 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/july/126320.htm>

³ Remarks by Hillary R. Clinton from the Signing Ceremony of the Treaty of Amity and Cooperation Accession, Phuket, Thailand, 22 July 2009. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/july/126334.htm>

опасного для мира и стабильности в регионе — решение, что американские корабли на регулярной основе будут заходить в зоны, которые Китай объявил для них запретными. Это означает, что весь регион Юго-Восточной Азии буквально обречен на постоянную нервозность и нестабильность, ожидание конфликта, как это уже бывало не раз. Последний случай произошел 2 июля 2017 года, когда американский военный корабль *Stethem* намеренно и демонстративно зашел в воды спорных территорий в Южно-Китайском море, провоцируя китайскую береговую артиллерию на ответ.

Более того, сегодня можно говорить не только о новом глобальном качестве конфликта, но и о новом витке культурно-политического соперничества, когда великие державы апеллируют к странам региона в поисках поддержки. И здесь «мягкая сила» американцев, основанная на хорошо развитом культурном мифотворчестве о мессианской роли Америки в мире, явно переигрывает мифологему китайцев относительно исторической и культурной общности, способности лучше других понимать друг друга и разрешать мирным путем имеющиеся противоречия. Но проблема заключается еще и в том, что контуры будущего в условиях серьезного успеха американского мифотворчества характеризуются новыми конфликтами, атмосферой взаимного непонимания и напряженности. Причина кроется в том, что американские культурные стереотипы и доминанты, укореняясь среди политических элит стран Юго-Восточной Азии, разрушают традиционное культурное поле Большой Восточной Азии, порождая взаимное недоверие и непонимание. И даже если представить себе, что через некоторое время американцы все-таки уйдут, неясно, как страны Юго-Восточной Азии и Китай смогут восстановить общее культурно-политическое пространство, когда между ними будет лежать пропасть культурного непонимания и глубокого взаимного недоверия.

Естественно, подобное развитие событий не дает поводов для оптимизма относительно возможности урегулирования конфликта. Но можно оттолкнуться от этих хорошо известных и очень опасных явлений и событий и попытаться понять, что, собственно, меняется в новой ситуации, когда конфликт в Южно-Китайском море приобрел черты конфликта глобального. Первое, на что сразу обращаешь внимание, — это совершенно иное освещение в мировой прессе событий в регионе, а также роль и место в обсуждении на крупнейших международных форумах и особенно в ООН. Я специально проанализировал два важных события, которые произошли сравнительно недавно: первое — это обострение китайско-индонезийских отношений по поводу островов Натуна, второе — плавание американских эсминцев (сначала *Stethem*, а в марте нынешнего года — *Mustin*) в запретной зоне насыпных островов, построенных Китаем. Об обострении китайско-индонезийских отношений и мерах Индонезии по упрочению своего присутствия на островах Натуна сообщали главным образом в региональной прессе стран АСЕАН, на международной арене было сделано лишь несколько коротких сообщений. Проход *Stethem* получил широкую известность в мировой прессе —

об этом писали все американские газеты, обсуждали аналитики с CNN, не говоря уже о региональных медиа стран АСЕАН. То есть первая новость осталась во многом региональной, вторая же вышла на мировой уровень, подчеркивая глобальное значение самого события.

Но глобальность в отношении конфликта в Южно-Китайском море состоит не только в масштабе освещения, более важным является то, что переход конфликта на глобальный уровень коренным образом меняет всю политическую архитектуру в ситуации, сложившейся в Южно-Китайском море. Действительно, в новых условиях и конфликт между Китаем и Вьетнамом, и конфликт стран АСЕАН с Китаем как бы отходят на второй план, никуда не исчезая, но уступая место глобальному противоборству. В связи с этим меняются и основные мотивации и, так сказать, реперные точки, определяющие характер конфликта. Ведь если в условиях противостояния с Вьетнамом и Филиппинами действия Пекина, без сомнения, носили в определенном смысле экспансионистский характер, то в новой ситуации эти действия получают несколько иное измерение — могут рассматриваться как формирование оборонительной линии безопасности КНР против угрозы со стороны США. Новое качество конфликта неизбежно порождает и новые обеснования старых явлений, и вот уже строительство насыпных островов можно рассматривать не как жест, явно недружественный по отношению к своим соседям, а как попытку создать альтернативу американским авианосцам, превратив насыпные острова в неприступные крепости, способные контролировать значительные морские акватории. Как мы видим, в новой реальности старый конфликт теряет, казалось бы, незбылемые ранее оценки и ориентиры.

Кроме того, в новых условиях конфликт стран АСЕАН с Китаем перестает быть ключом к решению конфликта, пальма первенства переходит к отношениям США и Китая. Более того, АСЕАН оказывается в сложном геополитическом положении, когда требуются определенное искусство и воля, чтобы сохранить свободу действий и внутреннее единство в ситуации, когда и США, и КНР остаются ключевыми и важнейшими партнерами в экономике и политике. Американцы сегодня, несмотря на смену администрации в Вашингтоне, в целом продолжают придерживаться так называемой «хедж полиси» — стратегии, направленной на то, чтобы превратить соседей КНР в ее врагов и, соответственно, в друзей и союзников США. Таким образом они рассчитывают контролировать ситуацию в регионе и иметь рычаги влияния на страны АСЕАН, а через них — и на Китай. К сожалению, единой линии в отношении американских усилий пока не просматривается, достаточно сравнить политику равноудаленности с очевидным креном в сторону Китая, проводимую Филиппинами под руководством президента Дутерте, и все более проамериканскую линию Вьетнама, который видит решение вопросов своей безопасности в большем сотрудничестве с США. Можно вполне определенно сказать, что соперничество Пекина и Вашингтона создает угрозу единству

АСЕАН, не только раскалывает этот блок политически, когда Камбоджа, например, превращается в рупор Китая в АСЕАН, а Сингапур — в главного американского союзника в регионе, но и подрывает основы общей культурной идентичности стран Юго-Восточной Азии. Дело в том, что различная политическая ориентация — либо на КНР, либо на США — во многом определяет разные траектории культурного развития и, соответственно, совершенно неопределенные контуры будущего всего региона.

Если проанализировать сложившуюся сегодня ситуацию в Юго-Восточной Азии, то можно сделать вывод, что наряду с тревогой и пессимизмом относительно возможностей договориться, понять друг друга и для определенного оптимизма относительно возможного достижения компромисса между Китаем и его соседями. Практически все аналитики утверждают, что побудительными мотивами КНР к экспансии являлись расчет на богатые залежи нефти и газа, контроль над ключевыми морскими торговыми путями, проходящими через Южно-Китайское море и Малаккский пролив, а также над рыболовными зонами в одном из самых богатых рыбными запасами морей. Теперь эти расчеты на фоне глобального противостояния и совершенно новых мотиваций и угроз могут стать зоной компромисса. Объяснение этого феномена заключается в том, что сегодня не эти проблемы, а вопросы национальной безопасности выходят на первый план в процессе экспансии КНР в Южно-Китайском море. Этот регион превращается в важное место развития и продвижения китайских сил и средств раннего предупреждения о ядерном ударе. Согласно данным американской разведки, КНР разместила на новых насыпных островах оборудование, создающее помехи для систем связи и радиолокационных систем американских военных кораблей и самолетов. Причем развернуто оно было совсем недавно, в течение последних 90 дней, на рифах Мисчи (Мэйцзи) и Файери-Кросс¹.

Морской компонент своих стратегических ядерных сил Китай развивает на подводных лодках, крупнейшей базой которых стала гавань Юйлинь на острове Хайнань. Особенность рельефа морского дна делает акваторию Южно-Китайского моря наиболее подходящим местом для того, чтобы китайские атомные ракетноносцы могли выходить в открытый океан незаметно для американских спутников. Если следовать логике китайских военных, то контроль над Спратли и значительной частью Южно-Китайского моря необходим КНР не только чтобы защититься от американских ракет, но и для того, чтобы США и их союзники не смогли перекрыть жизненно важные морские экономические артерии и удушить страну экономической блокадой, о которой постоянно говорится в американской прессе.

В то же время при общем негативе развития ситуации в Южно-Китайском море можно сказать, что переход конфликта с регионального на глобальный уровень подталкивает Китай и его региональных соперников

к серьезному пересмотру, казалось бы, давно устоявшихся представлений и в некотором смысле открывает новые возможности для поиска компромисса между ними. Во-первых, все участники застарелого конфликта теперь делают совершенно иные ставки, которые требуют максимально ответственного подхода к своим действиям. Во-вторых, если главным драйвером китайской политики являются не только рыбные запасы этого моря и нефтегазовые перспективы, то очевидно, что у Китая открывается «окно возможностей» для поиска компромисса со странами АСЕАН. Это тем более важно, что американцы шаг за шагом пытаются перетянуть их на свою сторону. При этом нынешние притязания США и претензии к Китаю носят вполне конкретный характер: они стремятся к свободе рыболовства и хотят эксплуатировать богатства Южно-Китайского моря в своих интересах. В ситуации глобального противоборства власти КНР вполне могут пойти им навстречу, как недавно с Филиппинами, подписав договор о совместной разведке и использовании минеральных богатств на спорных акваториях и объявив Южно-Китайское море морем «дружбы и сотрудничества»². Ведь в условиях противостояния с США Китаю крайне важно, чтобы страны АСЕАН не оказались в американском лагере или не превратились в вашингтонских марионеток. Кстати, в этом плане Китай может найти поддержку и среди влиятельной части асеановских политических элит, видные представители которых уже не раз публично озвучивали свое желание оказаться вне глобального противостояния Пекина и Вашингтона и сохранить свободу в выборе внешнеполитических партнеров.

Асеановцы не скрывают, что хотели бы иметь с КНР конструктивные отношения, они выступают против того, чтобы взять на себя роль передового американского фронта против Китая, с которым они вполне успешно развивают торгово-экономические отношения в рамках общей зоны свободной торговли. В то же время они не хотят выступать и как приводной ремень американской политики в регионе. Вопрос в том, насколько им удастся добиться этой цели в условиях разрушения традиционного общеазиатского культурного пространства, происходящего буквально на наших глазах, когда формирование новых, так сказать, «гибридных» восточно-западных культур вызывает новые противоречия и обостряет старые.

Сложность и особенность текущей ситуации в Южно-Китайском море заключается в том, что даже серьезные возможные подвижки в отношениях Пекина со своими соседями совершенно не гарантируют снижения напряженности и не помогут избежать возможной новой войны. Мы можем рассчитывать лишь на некоторое ослабление напряженности, но конфликт не будет исчерпан, так как глобальные противоречия современных супердержав — Китая и США — носят более глубокий характер и охватывают не только спорные акватории Южно-Китайского моря. В этой констатации — горечь от того, что в свое время не удалось урегулировать конфликт, когда он находился еще на стадии регионального, и тревога относительно того,

¹ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20180410/1518270568.html>

² РИА Новости. 2018. 10 апр.

сможем ли мы найти выход, столкнувшись с одной из опаснейших черт глобализма, связанной с соперничеством великих держав за доминирование как в отдельно взятом регионе, так и в мире в целом. Поэтому контуры будущего, несмотря на все возможные уступ-

ки региональных государств друг другу, остаются для стран Юго-Восточной Азии опасно неопределенными, вроде черной тучи, которая только и ждет своего часа, чтобы превратить окружающий мир в неуправляемую и опасную стихию.

С. Г. Мусиенко¹

МАТРИЦА «БЕЗУПРЕЧНОСТИ» ЭЛИТ

Когда руководитель парламентской фракции «Елк» Никол Пашинян через свою страничку в Facebook обращался к своим сторонникам и раздавал им указания, когда он с протестующими прошел от Гюмри до Еревана... все было как-то обыденно и спокойно в политологическом сообществе Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Ради «Марша неповиновения» («Дня непослушания») студенты и школьники не пошли на занятия. На дорогах — транспортный коллапс. Заблокированной оказалась и единственная ведущая в аэропорт трасса (в Минске в 1995 г. собирали толпу и блокировали для этих же целей выходы из метро, наземный транспорт в центре города). Те, кто спешил в аэропорт, просто выходили из машин и шли пешком, увеличивая толпу... В Минске на это научились реагировать.

Отставки Сержа Азатовича Саргсяна (президент Республики Армения с 9 апреля 2008 г. по 9 апреля 2018 г.) с поста премьера Армении (с 17 по 23 апреля 2018 г. — недели не проработал!) уже недостаточно. Теперь Николу Пашиняну нужен премьерский пост.

Назначенный вместо Саргсяна исполнять обязанности главы правительства вице-премьер Карен Карапетян, тоже из традиционных элит (до того как войти в кабинет министров, он руководил энергетическими и газовыми компаниями, был мэром Еревана), регулярно проводил встречи с послами ЕС и США. Но и они подтвердили: альтернативы диалогу нет!

Парламент Армении на специальном заседании по случаю выборов временного премьер-министра не поддержал кандидатуру Никола Пашиняна. За лидера оппозиции проголосовали 45 депутатов, против — 56. Наверное, «безупречные» армянские элиты что-то поняли?

Никол Пашинян призвал своих сторонников блокировать все дороги и аэропорт в Ереване. События продолжают развиваться по отдельной оригинальной модели.

Как сказал президент Беларуси А. Лукашенко о последних событиях в Армении, «полюхнула вся страна». «Я с президентом Армении (Арменом Саркисяном) разговаривал. Он мне позвонил, говорит: “Алек-

сандр Григорьевич, прозевали”», — рассказал белорусский лидер.

Но политологическое сообщество ЕАЭС и далее пребывает в состоянии, когда политтехнологи второго-третьего поколений пытаются объяснить себе и обществу, а самое важное — руководителям своих стран, что они там увидели. Правда, смотрят они на работу политтехнологов пятого поколения, которая напоминает им, сидящим в турбореактивном «МиГ-21» (советский легкий сверхзвуковой фронтовой истребитель третьего поколения, середины 1950-х гг.; первый «МиГ» с треугольным крылом, самый распространенный сверхзвуковой самолет в истории), просто вспышку. Во времена глобальных скоростей, больших объемов и измененных принципов взаимодействия фактор скорости реагирования на вызов решающий!

Но «назначенные» эксперты не хотят понимать или не могут, что важнейшими требованиями к истребителям пятого поколения являются не только иная скорость, сверхманевренность и кардинальное уменьшение видимости в различных диапазонах, но и многие другие революционные характеристики, ранее просто не использовавшиеся.

«У меня состоялся телефонный разговор с помощником госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Уэссом Митчеллом, — на своей странице в Facebook перед голосованием в парламенте написал лидер протестного движения, уже кандидат в премьер-министры Армении Никол Пашинян. — Либо я буду избран премьером, либо в Армении вообще не будет премьер-министра», — заявил он.

«Демократическое» продолжение стремительно следует... Быстрее, чем эта статья увидит свет.

Лавинообразно развиваются ситуации вокруг нас: в Армении, Сирии, Кыргызстане, на Украине, в Барселоне. Эти ситуации имеют различные санкции: блокировка мессенджера Telegram и «дело Скрипалей»... Создается непрекращающаяся череда искусственных ситуаций: Ливия, Египет, ИГИЛ, управляемый поток беженцев в ЕС и санкции США против стран ЕС и Китая. Пятидесятилетие Первой в Париже отметили 120 тыс. человек — к ним применили слезоточивый газ и, как водится, демократически задержали некоторых буйных и многое другое.

Правда, есть одна позитивная ситуация — «две Кореи!» Архитектор активно не обозначается, но читается. Как сказал один подполковник: «Учите матчасть: поймают враги, будут пытаться — хоть будет чем с ними поделиться» (солдатский фольклор). А мы гор-

¹ Руководитель Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член Общественно-консультативного совета при Министерстве образования Республики Беларусь. Автор книги «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» (в соавт.). При его участии подготовлены: сборник материалов международной конференции «20 лет без СССР – СНГ – Евразийский Союз», книги «Республика Беларусь между Востоком и Западом», «Государственность. Национальная идея Беларуси», «Belarus: Independence as National Idea», «Białorus: model państwa i gospodarki» («Беларусь: государственная и экономическая модель») и др.

до не учимся — это ниже нашего достоинства — или раздумываем, как Родину спасем когда-нибудь.

Определенные «ситуации» «неожиданно прогнозируемо» чаще возникают в *гипердуальных государствах* (фр. Les Etats Hyperduals, где dualité понимается как двойственность, дуальность) или «пока» не возникают. Если опираться на словарное значение приставки «гипер-», то понятие можно понимать как запредельную концентрацию реальности или сверхобостренное восприятие (обычно со стороны больших государств).

В чем заключаются закономерности? Ими легче управлять и манипулировать? Действительный член Российской академии наук, член Американской академии наук и искусств, Британской академии, директор Русской антропологической школы при *Российском государственном гуманитарном университете* и Института мировой культуры МГУ Вячеслав Всеволодович Иванов считает: «Если в обществе есть *дуальная организация*, то есть две половины, только между которыми возможны и предписаны браки, и при этом эти половины общества связаны брачными и экономическими отношениями, ритуальной или обрядовой враждебностью, которая на этом замечательном этапе развития человечества преимущественно шутовская. Это очень важное отличие.

Враждебность должна быть ритуальной. То есть по строгим правилам. Нельзя просто брать маски и убивать друг друга — это не называется дуальной организацией. Желательно издеваться друг над другом в остроумной форме».

Сразу вспомнились «ритуальные войны» против белорусского молока, колбасы, сахара, мебели, транзита газа и нефти... (этот список можно продолжить). Все «неритуальные войны» шумно начинались РФ — Союзным (дуальным) государством и без извинений заканчивались с ущербом для репутации и экономических отношений.

Существуют определенные «ритуально-сакральные» СНГ и ЕАЭС и другие аналогичные образования, смысл существования которых часто непонятен или понятен только находящимся в них на «кормлении».

Вспоминается и ответ на мой вопрос: «Почему Россия не помогает Беларуси выйти из режима санкций? Ведь это отработка механизма применения их на РФ!» в 2004 году: «Это ваши дела, сами и выкручивайтесь! А мы в G8 и “Большой двадцатке”, не мешайте!» А потом G8 стало просто Ж...

Оказалось, по В. В. Иванову, существует более или менее общий принцип, который был открыт исследователями в разных частях того, что до недавнего времени называли *третьим миром*, а сейчас — *развивающимися странами*. Пока это большая часть народов и языков, которые известны, — и все они устроены таким образом! Но исследователь считал, что Россия — настолько богатая страна, что через двести лет мы скажем, что на самом деле открытие было сделано в России, но об этом, к сожалению, мир не знал. В. В. Иванов говорит о важном принципе — *ритуальном управлении*. Почему этот антропологический принцип может представлять интерес для изучения современных социальных структур? Разве мы далеко от них ушли?! Упро-

щенные модели и сейчас работают, дуальная система реформирует привычную нам матрицу.

Следует вспомнить, что в наш век информатизации один из фундаментальных принципов — принцип так называемой бинарной оппозиции, двоичного противопоставления по типу «да–нет», «0–1», и он уже управляет нашими умами.

Китайская культура, которая не только сохранилась до нашего времени, но и становится сегодня одной из влиятельных в мире, основана на принципе двоичного, дуального понимания всего мира. Инь и ян — это не только два противоположных начала. Может быть, именно поэтому Китай развивается?

В 1954 году в статье «Экономическое развитие с неограниченным предложением труда» сэра Уильяма Артура Льюиса, английский экономист, лауреат Нобелевской премии 1979 года (вместе с Т. Шульцем) «за новаторские исследования экономического развития в приложении к проблемам развивающихся стран» обосновал свои мысли. *Модель Льюиса* (англ. Lewis model, Dual-sector model) — неоклассическая модель экономического развития *дуалистической экономики* с избыточным предложением труда. Упрощенно модель рассматривает избыток рабочей силы в одном секторе как основу роста в другом и экономического роста в целом. Изначально модель Льюиса подвергалась критике. Сам исследователь, правда, более двадцати лет входил в группу экспертов ООН по развивающимся странам, а через четверть века получил Нобелевскую премию. Сегодня его идеи изучают и модель развивают, и не только в Китае.

Уверен, что для анализа сложных символических систем, таких как наша «информационная мировая матрица», нужны и модель Льюиса, и работа 1941 года А. М. Золотарева «Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний» (законченная перед самой войной), и много других исследований, которые, на мой взгляд, сейчас в ЕАЭС активно не ведутся.

По всему миру мы наблюдаем своеобразные трансформации и сложные отношения, огромное количество примеров различных гиперпроявлений в целом классе *гипердуальных государств* (ГпГ): Франция–Бельгия, Португалия–Бразилия (как колония), Испания–Португалия, Великобритания–Ирландия, США–Канада, Китай–Вьетнам, Германия–Австрия, Финляндия–Эстония (после распада СССР), Румыния–Молдова, Россия–Беларусь и т. д. (*этот ряд заслуживает отдельного большого и интересного сравнительного исследования*). Ряд ГпГ можно как продолжить, так и сократить: Китай–Гонконг, ФРГ–ГДР, Италия–Ливия (в прошлом), и, вероятно, мы будем наблюдать процесс трансформации Северной и Южной Кореи.

Обращает на себя внимание, что государственный флаг Республики Корея — Тхэгыкки (флаг Великих Начал), а его центральная эмблема отражает взгляды на Вселенную как единое целое: две противоположные энергии инь и ян объединяются и взаимодействуют. По углам расположены триграммы, которые также состоят из инь (разорванных полосок) и ян (сплошных полосок).

Нельзя игнорировать и не изучать это явление, ведь появляются и новые активные ГпГ. Тем более что это научное знание осмысленно используется другими.

Существует так называемый *карнавальный принцип* (понятие, введенное М. М. Бахтиным), который можно определить как принцип переворачивания отношений между подчиненным и хозяином. Возможно, на этом принципе среди прочих основано стабильное общество. По отношению к современности это показал сэр Карл Раймунд Поппер, по отношению к древности — А. М. Золотарев и многие другие, о которых писал В. В. Иванов.

Возможно, изучая многочисленные примеры взаимодействия всеобъемлющей матрицы *гипердуальных государств*, мы сможем определить и то, как принцип дуальности обеспечивает стабильность

и прочность общества, возможно, конструирует условия для двух противопоставленных частей жить и постигать мир, а это большое завоевание мировой культуры в целом.

Полностью согласен с мнением ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюз А. С. Запесоцкого: «Нельзя управлять страной как гигантской корпорацией! Россия — не бизнес-схема и не станок». Правда, молодые «псевдоэлиты» новых гипердуальных государств (не только стран бывшего СССР) зачастую путают национальную безопасность государства со своим личным карманом (и не только это).

Сбой в дуальной системе опознавания («свой–чужой») налицо, и найти решение, как его исправить, — для нас принцип сохранения!

А. Н. Чумаков¹

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР КОНФРОНТАЦИИ

Человек становится разумным, творческим, моральным существом только в обществе, как заметил еще Аристотель. Вне общества он либо бог, либо зверь². При этом культура является основной характеристикой человека, отличающей его от всех других живых существ, а его индивидуальный культурный портрет неповторим. В связи с этим, а также принимая во внимание известные рассуждения Ф. Энгельса о формировании человека³, мы можем говорить о человеке лишь постольку, поскольку он овладел культурой.

Здесь следует отметить, что оборотной стороной культуры является цивилизация, а принципиальная разница между ними заключается в том, что понятие «культура» выражает состояние, процессы и результаты творческой деятельности людей, тогда как термин «цивилизация» акцентирует внимание на нормах и принципах поведения людей, то есть на культуре отношений в обществе. Говоря о цивилизации, обычно имеют в виду форму государственного управления,

функциональные связи и отношения, сложившиеся в той или иной общественной системе. При этом оба термина — и «культура», и «цивилизация» — описывают (только с разных сторон) одну и ту же реальность, которая выступает в виде всевозможных социальных систем. В то же время они имеют и принципиальные различия. Так, если понятие «цивилизация» используется обычно в отношении стран и народов, когда их характеризуют в целом, с точки зрения степени их технологического развития и форм организационно-правового устройства, то термином «культура» обозначают в первую очередь уровень развития духовности того или иного народа, когда культура понимается в том числе как отражение высших достижений цивилизации.

Это означает, что культура не только и не столько объединяет людей, сколько разъединяет их, точнее — обособляет каждого человека от всех остальных. То же самое происходит в общественных системах. И тем не менее, как отдельные люди, так и их различные объединения не только противостоят, но и мирно сосуществуют, живут, работают, общаются на основе общих принципов и взаимопонимания. Эта сторона взаимоотношений базируется на том, что именуется цивилизованностью, или, иначе говоря, культурой общения, где на первый план выдвигаются признание общепринятых норм и правил, смягчение нравов, уважение достоинства и прав человека.

Таким образом, мы можем и должны рассматривать современного человека не только со стороны овладения им богатством материального и духовного культурного наследия своего народа и человечества, но и с позиции уровня цивилизационного развития как отдельной личности, так и общества в целом. Отсюда — каждый человек есть не что иное, как неразрывное единство культурного и цивилизационного начал, то есть социокультурной сущности, которая в со-

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор более 650 научных публикаций, в т. ч. на английском, китайском, немецком и других языках. Среди них монографии: «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Глобальный мир: столкновение интересов», «Philosophy of Globalization. Selected Articles», «Философские проблемы глобализации» (в соавт.). Соредактор и автор статей фундаментальных международных трудов по глобалистике на русском и английском языках. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации». Первый вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы». Заслуженный профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Лауреат Международной премии мира Гузи.

² Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. С. 259.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 20.

вокупности с его биологической основой и составляет истинную природу любого человека. Аналогичное утверждение будет справедливым и относительно того или иного общественного образования, будь то небольшой коллектив или все человечество в целом. Следовательно, говоря о том или ином человеке или общественной системе, следует иметь в виду прежде всего их культурно-цивилизационную матрицу, которая включает в себе как некую общность, присущую всем им, так и особенности, отличия одних людей или их сообществ от других¹.

Именно с этих позиций и следует рассматривать проблемы и противоречия, которыми сопровождаются отношения между людьми на протяжении всей истории их существования. По законам живой природы любой биологический организм (и человек здесь не является исключением) всеми доступными ему способами на уровне инстинктов стремится не только к тому, чтобы сохранить свою жизнь, но и обеспечить наиболее благоприятные условия своего существования. Поскольку к тому же стремятся и все живые существа вокруг, конфликт интересов неизбежен по определению. Из этого вытекают бесчисленные формы противостояния и бесконечная бескомпромиссная, по сути, инстинктивная борьба за существование, что мы и наблюдаем повсюду в живой природе.

Однако есть принципиальная разница между человеком и всем остальным миром живого. И это, как уже было сказано выше, — *культура*, которая по мере своего развития и усложнения дополняется особыми характеристиками, именуемыми цивилизованностью, то есть способностью человека вести себя (порой вопреки биологическим инстинктам) цивилизованно, так, как предусмотрено общественными законами и общепринятыми нормами. Такая способность не предзадана заранее, до рождения человека. Она приобретает в процессе целенаправленного воспитания, образования и просвещения, наличие и уровень развития которых как в отдельных странах и регионах, так и в структуре конкретных общественных систем весьма различается. Иначе говоря, уровень культурно-цивилизационного развития отдельных народов, стран и регионов различный; и когда такого рода несовпадением не уделяется должного внимания, возникают серьезные проблемы. К этому следует добавить и справедливое замечание А. С. Запесоцкого, который отме-

чает, что в мире много примеров, когда терроризм спонсируется светскими режимами².

Так, например, «разворошенный улей» Афганистана, международная напряженность вокруг Крыма, региональный конфликт на востоке Украины, не говоря уже о тугом узле ближневосточных противоречий и глобальном значении сирийского военного конфликта, — все это следствия более фундаментальных причин, которые заключаются в столкновении интересов различных культурно-цивилизационных систем. Данные события послужили серьезным импульсом для резкого витка напряженности между Россией и странами западного мира. Но это скорее следствие, а не причина начала новой холодной войны, которая в условиях многоаспектной глобализации и информационно-технологической революции становится фактически гибридной.

Таким же следствием усиления напряженности вокруг Северной Кореи являются ее ядерные испытания и запуск баллистических ракет, тогда как причины кроются в нестыковке культурно-цивилизационных систем этой страны и западного мира, к которому по данному основанию вполне можно отнести и Южную Корею.

Другим примером подобного рода может служить Китай, со все возрастающим напором отстаивающий свое право на острова в Южно-Китайском море, тогда как причина напряженности во взаимоотношениях Китая с его соседями и опять-таки с западным миром лежит гораздо глубже — в несовпадении культурно-цивилизационных систем, где экономический аспект — лишь составная часть этого несовпадения.

Таким образом, если провести мысленный эксперимент и представить себе, что конкретных вышеуказанных событий не было бы, то, возможно, напряжение сегодня не достигло бы такого накала, но по сути оно нигде не исчезло бы и так или иначе проявилось бы в других местах и аналогичных событиях³.

Провал политики мультикультурализма практически везде, где ее пытаются реализовать на практике, — явление, обусловленное прежде всего культурно-цивилизационными различиями и порождаемыми ими противоречиями. Примеров подобного рода множество, которые, как и теоретические выкладки, дают серьезное основание трактовать данный вывод вполне обобщенно, применительно к любым общественным системам.

¹ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 369–427.

² Конфликты культур и международный терроризм: панельная дискуссия [выступ. А. С. Запесоцкого] // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 319.

³ Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. С. 453–462.

ДИСКУССИЯ

Модератор дискуссии

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина, доктор экономических наук, профессор

Выступающие:

И. О. АБРАМОВА директор Института Африки РАН, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)

Р. Ж. АЛЮТДИНОВ директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ

Э. БАГИС министр Турции по делам Европейского союза (2009–2013)

Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Польши (1991–1997, 2001), доктор социологических наук, профессор

Ал. А. ГРОМЫКО директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), доктор философии

В. Л. КВИНТ иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, доктор философии

Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор

А. М. КРАМАРЕНКО директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

А. В. КУЗНЕЦОВ заместитель директора Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Ч. Т. ЛАУМУЛИН исследователь Центра исследований развития Кембриджского университета (Великобритания)

Р. ЛЬЮИС основатель Международного института языкового и кросс-культурного тренинга Richard Lewis Communications (Великобритания), профессор

В. Л. МАКАРОВ научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)

Г. МЕТТАН президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП

Д. В. МОСЯКОВ руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор

А. МУСА министр иностранных дел Египта (1991–2001), генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011)

Р. МЭТЬЮЗ	президент Международной лиги стратегического управления, оценки и учета, почетный профессор Кингстонского университета (Великобритания)
В. В. НАУМКИН	научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
П. П. ТОЛОЧКО	член Президиума Национальной академии наук Украины, почетный директор Института археологии НАН Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Л. Л. ФИТУНИ	заместитель директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	главный научный сотрудник Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
У. де ШАВАНЬЯК	Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, к нам присоединился выдающийся ученый-экономист, советник Президента Российской Федерации академик Сергей Юрьевич Глазьев, который будет модератором данной дискуссии. Тема нашей сегодняшней встречи: «Проблемы и пути урегулирования современных международных конфликтов». Сергей Юрьевич, пожалуйста, Вам слово.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Мы наблюдаем сегодня эскалацию международных конфликтов, причем многие из них на первый взгляд совершенно иррациональны. Трудно объяснить с точки зрения здравого смысла региональные войны на Ближнем Востоке; катастрофу на Украине, которую устроили западные «партнеры», сделав ставку на нацистов; заигрывание Запада с радикальным исламом и неонацистами.

У большинства людей, которые не считают себя политологами, все это вызывает недоумение. А политологическая мысль ищет какие-то тайные пружины. Всплывают конспирологические теории. Мне думается, что проблему эскалации международной напряженности, как и международных конфликтов, в настоящее время необходимо рассматривать в контексте долгосрочных структурных изменений мировой экономико-политической системы.

Напомню работы известного итальянского ученого Джованни Арриги, который открыл вековые циклы накопления капитала. Мы, изучая эту тему, пришли к выводу, что в основе каждого такого цикла лежит система соответствующих институтов, по-старому говоря, производственных отношений, которые обеспечивают воспроизводство капитала, и назвали эту систему мирохозяйственным укладом, подчеркивая ее

целостность. Согласно наблюдениям Арриги, мы вынуждены констатировать, что смена этих вековых циклов накопления проходит через институциональную революцию — кардинальную смену систем управления экономическим развитием и воспроизводством капитала — и, к сожалению, до сих пор сопровождалась мировыми войнами.

Так, эскалация конфликтов в Европе в ходе Первой мировой войны была связана с тем, что Великобритания, пытаясь удержать глобальную гегемонию, столкнула Россию и Германию с катастрофическими последствиями для этих участников конфликта. Но сохранить свою колониальную империю Великобритания не удалось. После Второй мировой войны она окончательно рухнула, поскольку уже не соответствовала объективным потребностям мирового экономического развития. И возник новый лидер на периферии — Соединенные Штаты, которые вместе с возрожденной в виде Советского Союза Российской империей (с совершенно другой системой управления) стали лидерами на последующий политический век.

Смена управления произошла кардинальная. Колониальные империи XVIII–XIX веков занимались торговлей людьми. Таких масштабов работорговли, как в этот период, мир не знал. Люди стали товаром. Да и наемные работники были, по сути, рабами. Не только невольники, которых захватывали в Африке и перевозили в Америку, но и европейские рабочие. Вспомним работы Маркса по истории первоначального накопления капитала. Марксизм стал отражением того, как строились отношения между капиталом и трудом.

Современная эпоха — мы ее называли имперским мирохозяйственным укладом (по Арриги, «долгий

XX век») — характеризуется совсем другой системой управления, чем та, что была в колониальную эпоху.

Появились социальные государства, возникло международное право. Образовались крупные корпорации, будь то советского типа министерства или западные так называемые транснациональные корпорации. Это уклад крупных иерархических структур. И важнейшим элементом этого нового мирохозяйственного уклада стало появление глобальной экономики, разделенной на две части — западную и советскую.

Важнейшим экономическим изобретением этой эпохи стали фиатные деньги. Государства научились печатать деньги, создавать деньги из ничего, авансировать экономический рост. Страны-лидеры сумели присвоить себе право эмиссии мировых валют, получив колоссальное преимущество. Транснациональные корпорации, которые сегодня управляют миром, — это в основном американские корпорации, частично европейские и японские, которые «присосались» к эмиссии мировых денег и получают безграничные возможности кредита. Эта эпоха подходит к своему завершению.

Эпоха либеральной глобализации заканчивается, так же как в свое время закончилась эпоха колониальных империй. И мы видим удивительную реинкарнацию социалистической идеологии в Китае, который стал мировым лидером. Образовался новый мирохозяйственный уклад, который мы вслед за Питиваром Сорокиным назвали интегральным, подчеркивая, что государство объединяет общество и является модератором, который не защищает интересы капиталистов или трудящихся, а занимается интеграцией общества, гармонизацией отношений и сочетает социалистическую идеологию общего блага, подчиняя экономическое развитие подъему народного благосостояния, с рыночной экономикой, с частным предпринимательством. Государство сохраняет контроль над финансовой системой, над кредитом и одновременно дает частному бизнесу возможность развиваться в той степени, в которой это приносит плоды для роста общественного благосостояния. При этом мы видим возрождение национального суверенитета.

Новая концепция мировых хозяйственных отношений — это не либеральная глобализация, как видно на примере «Одного пояса — одного пути» и его сопряжения с нашим Евразийским экономическим союзом. Мы видим, как это работает. Никто не вмешивается во внутренние дела других стран, не заставляет либерализовывать экономику, отказываться от валютного контроля и т. д.

Главной целью нового международного сотрудничества является не создание свободы движения капитала в интересах транснациональных корпораций, а синергетический эффект, совместные инвестиции для того, чтобы сочетать конкурентные преимущества. Баланс интересов здесь не с нулевой суммой, а с положительным синергетическим эффектом на основе взаимовыгодного сотрудничества.

Переходный период, который мы сегодня переживаем, сопровождается эскалацией международных конфликтов. Как показывает 500-летний исторический опыт смены вековых циклов накопления капи-

тала, описанный Арриги, властвующая элита, которая сформировалась в период предыдущего мирохозяйственного уклада, без боя не уходит. Она старается держаться за свою гегемонию до последнего солдата на периферии.

До сих пор смена мировых хозяйственных укладов каждый раз сопровождалась мировой войной, в которой властвующая элита страны-лидера, к тому времени формировавшаяся десятки лет, пыталась удержать прежний мирохозяйственный порядок, позволявший ей получать гигантские доходы. Но на периферии всегда появлялись новые лидеры. Например, США, которые поднялись на Первой и Второй мировых войнах в Европе.

До этого — Великобритания, которая присвоила себе победу России над Наполеоном и, по сути, появилась в последний момент на поле битвы, перехватив лидерство у Голландии.

Сейчас американская властвующая элита из всех сил пытается удержать свою глобальную гегемонию, держится за однополярный мир, который они для себя придумали. И, как обычно, в ходе такого рода трансформаций война идет за контроль над периферией.

Согласно западной геополитической традиции, контроль над периферией, под которой они понимают для себя всю Евразию, — это прежде всего контроль над Россией. Поэтому они Россию, с моей точки зрения, вовсе не сдерживают, как многие думают, а пытаются уничтожить, расчленить и установить над нами контроль, который они упустили в 2000-е годы. Американская властвующая элита и партнеры США по НАТО искренне верят, что контролируя Россию, они будут контролировать Европу, Среднюю Азию, а значит, будут по-прежнему управлять миром и сдерживать Китай.

Но проблема для них заключается в том, что они уже проиграли Китаю геэкономическую конкуренцию по показателям объемов экономической активности, по показателям внешней торговли. И по показателям научно-технического потенциала мы видим, что Китай стремительно догоняет США: по количеству патентов, ученых, инженеров, открытий и т. п.

К сожалению, исторический опыт свидетельствует, что властвующая элита страны-лидера необучаема. Они будут пытаться удержать контроль над миром любой ценой. И приходится с сожалением констатировать, что американская властвующая элита в качестве инструментов удержания глобального господства использует радикальный ислам, неонацизм, неофашизм и ведет гибридную войну прежде всего против России, а по сути — против всего мира. Вопрос в том, как эту войну прекратить.

В завершение две мысли, как ее прекратить. Мы хорошо понимаем, что в западной геополитике признается только сила. Я это ощутил, когда мы вели переговоры по Украине. Украину силой принудили стать ассоциированным членом Европейского союза и выполнять сегодня его директивы. Диалога никакого нет: делайте, как мы скажем. То же самое сейчас с Китаем. Они ведут торговую войну по таким же принципам. Американская агрессия может закончиться, только если в Вашингтоне поймут, что антивоенная коалиция способна

нанести им неприемлемый ущерб. Экономисты хорошо понимают, что жизнь американского Кошца кроется в механизме эмиссии мировой валюты.

Объем эмиссии доллара вырос за последние 10 лет в 4,5 раза. Американцы подпитывают свою гегемонию эмиссией в гигантских масштабах. Девяносто процентов ее идут на покупку казначейских обязательств США, а значит, на финансирование военных расходов и содержание их военных баз по всему миру. Единственный способ прекратить агрессию США — перекрыть источники финансирования их военных расходов, которые на порядок превышают российские. А также предотвратить объявленную администрацией Дональда Трампа новую гонку вооружений, совершенно никому не нужную.

Как это сделать? Необходимо в нашем евразийском пространстве, опираясь на инициативу Владимира Путина о создании большого евразийского партнерства, переходить на национальные валюты, отказываться от доллара во взаимных расчетах, во взаимных инвестициях, переводить все наши банки развития на национальные валюты. Выстраивать мирохозяйственные связи на основе взаимной выгоды, партнерства, уважения национального суверенитета. Создавать свою новую валютно-финансовую архитектуру в Евразии, которая стала бы основой для формирования и новой глобальной финансово-экономической архитектуры, где страны — эмитенты мировых валют должны взять на себя ряд обязательств. Прежде всего обязательство не применять санкции.

В частности, из-за американских санкций доллар не может в дальнейшем рассматриваться в качестве мировой валюты, поскольку для России все сбережения в долларах сегодня крайне рискованны, включая резервы государства.

Мы видим, что арестовываются долларové счета, американские банки блокируют переводы денег, включая расчеты в долларах даже с китайскими партнерами. Любая транзакция в долларах проходит через корсчета американских банков, где она легко блокируется. И это не просто опасения, это происходит в реальности сегодня. На наших глазах. Поэтому мы вынуждены переходить на расчеты в национальных валютах и извлекать уроки.

Если мы признаем валюту какой-то страны резервной, значит, эта страна должна взять на себя международные обязательства никаких санкций не вводить, обеспечивать полную ликвидность такой валюты, открывать свою экономику для приобретения любых активов в этой валюте.

Если ни одна страна не возьмет на себя такого рода обязательства, то цифровые технологии дают нам возможность перейти к наднациональной валюте, которая эмитировалась бы под жестким контролем международного сообщества. Она может быть привязана к корзине национальных валют стран, участвующих в таком валютном механизме.

Я думаю, что по мере формирования нового мирохозяйственного уклада мы перейдем к созданию наднациональной валюты. Таким образом, антивоенная коалиция может выстраиваться на основе отказа от долла-

ра как мировой валюты. Это создаст для американцев угрозу невосполнимого ущерба, поскольку появится риск коллапса долларовой финансовой пирамиды.

Вторым стержнем для формирования антивоенной коалиции, как мне представляется, должно стать заключение международной конвенции по кибербезопасности. В мировой гибридной войне главное оружие — кибернетическое (информационные технологии). Мы видели, как оно было применено по отношению к Ирану, когда, по всей видимости, Агентство национальной безопасности США устроило аварию на иранской атомной станции, запустив компьютерный вирус.

Сегодня единственная страна, которая категорически не хочет заключать соглашения по кибербезопасности, — это США. Они имеют в этой области преимущество и считают, что это преимущество у них абсолютное и позволяет им вести войну чрезвычайно эффективно.

Но новое ядро мирового экономического развития сформировано. Я убежден, что нет такой информационной технологии, которую мы не могли бы создать вместе с Китаем и Индией. Более того, Китай показывает способность абсолютно автономного развития своего информационного пространства, где он ухитряется даже возводить заградительные стены в социальных сетях. Они сумели во многом обезопасить свое киберпространство.

Так что заключение международной конвенции о кибербезопасности, мне кажется, могло бы стать еще одним стержнем формирования антивоенной коалиции. Страны, которые не подписывают такое соглашение, исключаются из общего информационного пространства. Импорт их техники блокируется, их программным обеспечением мы не пользуемся.

И это второй элемент, который нанесет американской гегемонии непоправимый ущерб, что заставит агрессора отказаться от дальнейшего нагнетания международной напряженности.

Конечно, мы живем в XXI веке. И наше время должно стать эпохой торжества разума и гуманизма. В отличие от известной русской легенды о Кошце Бессмертном, никто не ведет речи о смерти США. Напротив, мы им желаем хорошей жизни, процветания. Но за их, а не за наш счет. Желаем честно зарабатывать на свое благополучное бытие. Просто Кошца нужно заставить вести себя прилично.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сергей Юрьевич, то, что Вы сказали, чрезвычайно интересно. По-моему, Ваша точка зрения может стать одной из основ дальнейших действий России на мировой арене и представляет собой реальный вариант развития событий. Прошу Вас взять на себя роль модератора дискуссии.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Спасибо. Сейчас перед нами выступит академик Валерий Леонидович Макаров.

В. Л. МАКАРОВ: — С большинством тезисов академика Глазьева я согласен. Мы движемся к цифровому обществу. Важно, что Китай ушел от платежной системы SWIFT (СВИФТ), там все свое. Российский Цен-

тробанк тоже объявляет о том, что у нас должно быть свое, хотя это, как говорится, пока только замыслы. Это на самом деле очень важно, потому что тогда американской гегемонии не будет. Думаю, всемирная фейковость информации тоже сократится.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Преимуществом цифровых технологий является то, что с ними можно обойтись вообще без банков. И это тоже дает возможность контролировать распределение эмиссионного дохода.

Слово предоставляется профессору Леониду Леонидовичу Фитуни.

Л. Л. ФИТУНИ: — Очень интересное, содержательное вступление Сергея Юрьевича. Проблема, на мой взгляд, заключается в том, кто будет всем этим заниматься. Чтобы реализовать предложенную систему мер, необходима воля государства и его лидеров — конкретных носителей государственной власти. Можем ли мы рассчитывать на то, что мир единым фронтом захочет отказаться, например, от технологической системы в информационной сфере, на 92 % уже американской, и начнет закупать, скажем, продукцию Тайваня, Южной Кореи. Кто будет носителем перемен и почему именно он будет этим носителем?

Элиты подавляющего большинства влиятельных стран достаточно хорошо встроены в существующую систему. И большая часть тех, кто с ней сегодня вроде бы не согласен, вне ее рискуют потерять свое влияние и значимость. В Китае, безусловно, заложен огромный потенциал, все шире и многогранней раскрывающийся в наши дни. Насколько это поступательное восходящее движение сохранит свой стремительный бег, сказать трудно. Для характеристики современной трансформации глобальной роли КНР я позволю себе использовать марксову формулу (тем более, что в этом году мы отмечаем 200-летие со дня рождения автора «Капитала»): если раньше Китай был сверхдержавой «в себе», то теперь — Китай глобальная сверхдержава «для себя». А потому, размышляя о будущем, о российско-китайских отношениях и о стратегическом партнерстве и тому подобном, я не уверен, что Китай будет стремиться согласовывать свои действия с интересами России, Индии и других стран. Скорее будет работать на себя. При определенной доле цинизма нельзя полностью исключить и такого сценария, согласно которому в назначенное время мы окажемся на пороге *Pax Sinica*, однополярного мира по-китайски. Каким будет место России в нем? А США? А более мелких стран Европы?

В известной восточной сказке юноша — победитель дракона сам превращается в дракона и занимает его место. Так и Китай, свалив США с позиций глобального гегемона, может превратиться в Нью-США, в Новый Град на Холме, в глобальную Поднебесную с центром в Серединном Царстве. В чем будет заключаться в итоге наша выгода?

Некоторые соображения относительно сказанного на тему конфликтов в новом мире. Вчера во время дискуссии прозвучала гуманистическая мысль, что мир уходит от мира наций к миру свободных индивидуумов. В связи с этим сошлюсь на еще одну цитату

из Маркса, на этот раз из «Капитала»: «При столкновении двух равных прав решает сила». В мире, где у всех равные права, должен существовать механизм соблюдения равенства этих прав. В противном случае неизбежны силовые столкновения.

В этой ситуации содержится зерно любого будущего конфликта. Я здесь говорю не только о конфликтах между индивидуумами. Это и конфликты между сообществами, государствами и т. д. Конфликты будут возникать всегда.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — В качестве контрпримера Вашему тезису, что все элиты переплетены и встроены в сложившуюся систему, приведу прецедент, который создан в Лондоне, где введена административная процедура по аресту и отбору имущества. Впервые за все время существования Лондонского финансового центра возникла процедура, согласно которой все приезжающие должны доказывать чиновникам, что их доходы получены законным образом. Это свидетельствует о том, что на самом деле система разваливается.

Л. Л. ФИТУНИ: — У нас существует много мифов о неких «священных» и неколебимых принципах права на Западе, в частности англосаксонского права, абсолюта «священного» права частной собственности или абсолютного примата презумпции невиновности. И это несмотря на то, что реальные жизненные прецеденты больно бьют россиян и свидетельствуя об обратном. Вспомним недавнюю историю с активами россиян в кипрских банках, с российской дипсобственностью в США, принуждение Вашингтоном к продаже вполне легальной собственности некоторых наших олигархов.

Подобным образом презумпция невиновности тоже действует не всегда и не везде. Не всегда сторона обвинения обязана доказывать свои утверждения. Есть случаи, когда обвиняемый должен доказать, что подозрения в отношении него необоснованны. В современном английском праве (а также в канадском и индийском) существует понятие «reverse burden of proof» — «перенесение бремени доказательства» <невиновности>. По большей части это касается доходов, полученных преступным путем и преступлений, связанных с наркотиками (в Канаде). В основном этот принцип применяется именно в контексте процедур конфискации имущества предположительно преступного происхождения. Но надо признать и то, что по сути вся система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в мире в первооснове своей требует, чтобы владелец актива был в состоянии доказать законность происхождения средств. В 2000 году Совет Европы даже опубликовал обзор лучших мировых практик в области перенесения бремени доказательства на подозреваемых по делам о конфискации имущества преступного происхождения. Позже эти положения были включены и документы и рекомендации ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Что касается имплементации конкретного английского закона, о котором говорит Сергей Юрьевич, «Акта о криминальных финансах» 2017 года, то все дело в том, что как раз не «все приезжающие долж-

ны доказывать чиновникам, что их доходы получены законным образом». Закон применяется избирательно. Доказывать должны те приезжающие, в отношении которых, по мнению английских властей, имеются обоснованные подозрения в вероятно незаконном происхождении их средств. Так сказать, “highly likely”.

Г. М. РЕЗНИК: — В Англии все это может перемещаться в суды. Суды рассматривают эти вопросы, представьте себе, независимо. И есть не единичные случаи, когда суды выносили решение не в пользу государства. Например, когда отказывали во въезде в страну предпринимателям, в том числе крупным российским бизнесменам, которые подозревались в совершении правонарушений. В моей практике был такой случай.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется иностранному члену РАН, профессору Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Прежде всего я хочу поднять вопрос о валюте, ответ на который вы, возможно, знаете. 62,7 % мировых валютных резервов все еще хранятся в американских долларах и только 1,2 % — в китайских юанях. Это соотношение не меняется, так что мир все еще не верит в силу и будущее китайской валюты как средства хранения валютных резервов. Это рискованно, поэтому не следует ожидать, что китайская валюта займет лидирующее положение ранее чем через 20–30 лет.

Валютные резервы России относительно небольшие (меньше, чем у Саудовской Аравии) и по размерам соответствуют резервам Гонконга или Тайваня. В настоящее время они составляют примерно 460 млрд долларов. Вопрос заключается в том, какая часть из них хранится в китайских юанях? Вы верите в китайскую валюту или это просто слова?

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть, касается стратегии и политики разрешения международных конфликтов. Сейчас (в эти месяцы, недели, а может быть, и дни) наступил новый этап, связанный с расколом внутри Запада — между Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом — по многим аспектам международной политики. Сегодня у России и Китая гораздо больше общего с Европейским союзом, Германией, Францией и даже Великобританией, несмотря на брексит, чем с США. Это может изменить правила игры, и если смотреть в будущее сквозь призму традиционных отношений «Восток–Запад», то они не имеют смысла. Предполагаю, что Москва, Берлин, Лондон и Париж сейчас более осторожно ведут переговоры о том, как реагировать на политику президента США, непонятную и часто противоречащую здравому смыслу.

Третье, о чем я хотел бы сказать, — 46 лет назад Киссинджер и Никсон обратили внимание на Россию и Китай и им удалось вбить клин между Китаем Мао Цзэдуна и Советским Союзом Брежнева. Фактически это стало началом конца Советской империи. В настоящее время на мировой арене ведется еще одна игра — попытка, особенно со стороны США (гораздо в большей степени, чем Европейского союза, и по этой при-

чине я не говорю о Западе в целом), вновь вбить клин между Россией и Китаем. Председатель Китайской Народной Республики недавно сказал, что сейчас отношения между Китаем и Россией лучшие за всю историю. Если Россия и Китай сейчас не позволят вбить клин между двумя странами, их резервами, населением, технологиями, вооружением и в первую очередь экономикой, то мир в будущем определенно будет отличаться от мира в прошлом. И голос России в связи с решением международных конфликтов, проблемами в Корее или Иране, Сирии или на Украине станет гораздо весомее, и будет гораздо важнее обсуждать вопросы с Россией, чем с США.

Последний вопрос, который я хотел бы обсудить после доклада профессора Глазьева, — отсутствие возможностей для сотрудничества. То, что Вы говорите, означает поворот на 180 градусов по сравнению с тем, что заявляют Ваши коллеги из США. Те, кто оказывает влияние на политику здесь и там (а именно так и делается политика), высказывают разные мнения о том, что такое гибридная война, в чем обвинить Россию или США. Но когда я слышу абсолютно противоречивые мнения профессоров экономики или специалистов по международным отношениям, то начинаю испытывать настоящее беспокойство вследствие того, что отсутствует почва для серьезного диалога.

Вы представляете свою версию событий — об американской гибридной войне против России, а я вижу единственное сообщение Би-би-си о происходящем в мире — вчерашний арест в Польше российских шпионов, которых обвиняют в ведении гибридной войны против Польши. А на сайте Economy Today («Экономика сегодня»), где часто публикуются пристрастные мнения и за которым, как я думаю, большинство из нас следят, представлена совсем другая картина, диаметрально противоположная нарисованной Вами. Как можно совместно работать на этой основе? Как мы можем влиять на выработку прагматичного решения, разрешение конфликтов в современном мире и в будущем, когда представляем факты противоречивым образом? Неужели неправы все? По этой причине научное сообщество, интеллектуалы должны играть более важную роль в диалоге, чем до сих пор. Мы находимся в Санкт-Петербурге и представляем один из вариантов толкования, а может быть, где-то в Сан-Диего или Нью-Йорке проходит еще одна конференция, на которой обсуждаются эти же явления, но по-другому, политики цитируют знаменитых экономистов и политологов. Мир распадается на части. Вместо того чтобы гасить конфликты, мы только разжигаем их и ничего не знаем о тех, которые могут произойти в ближайшем будущем.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Большое спасибо, профессор Колодко. По-моему, пока мы используем одну и ту же терминологию, у нас есть возможность обсуждать значение этих терминов. Сегодня ситуация гораздо более позитивная, чем в период конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, когда люди говорили на разных языках. Теперь мы в большей или меньшей степени используем одни и те же слова, другое дело — каково значение этих слов

(и в данном случае замечание господина Колодко справедливо).

К микрофону приглашается министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010) Мигель Анхель Моратинос Куйяубе.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Я очень внимательно слушал доклад С. Ю. Глазьева и выступление нашего друга из Польши Г. Колодко. Господин Глазьев, я разделяю Вашу обеспокоенность, так как в последние годы Российская Федерация столкнулась с конфронтацией. Мои симпатии полностью на стороне России, ее руководства, моих коллег из Министерства иностранных дел. У меня нет тесных связей с администрацией США, и я не симпатизирую администрации США и лично господину Трампу. То, как он ведет международные дела, не имеет ничего общего с моим подходом и анализом будущего.

Господин Глазьев, я понимаю Вашу позицию и считаю, что на Лихачевских чтениях мы должны сделать шаг вперед и нащупать почву, о которой говорил наш коллега из Польши. Мы не должны возвращаться к холодной войне, конфронтации «Восток–Запад». Если этого хотят американцы и американская администрация толкает некоторых в этом направлении, то мы должны попытаться избежать этого.

Вспоминается выступление министра С. В. Лаврова два года назад на конференции в Мюнхене. В частности, он говорил о Востоке, о том, что западный порядок уходит в прошлое и нам нужно создавать новый западный порядок. Я могу продолжить это высказывание. Новый мировой порядок не может быть представлен только Китаем, Россией и Индией в противовес Западу. Давайте попробуем создать новый порядок, который поможет всем решать проблемы, связанные с глобальными вызовами.

Что касается национальной валюты и того, что можно сделать в нынешней ситуации, то там, где возможно, нужно учитывать национальные интересы, но это не решит проблему. Нужно изменить Бреттон-Вудские институты, реформировать Международный валютный фонд, поскольку национальная валюта — это последствия, финансовая система отреагировала на современные вызовы. Призываю не заниматься анализом поверхностного элемента — валюты, а проанализировать «сердце» мировой экономической и финансовой системы. Европейский союз и другие страны могут внести свой вклад в решение этой проблемы.

Несколько слов о кибервойне, кибербезопасности и искусственном интеллекте Интернета. Мы столкнулись с тем, что американцы прослушивают наши телефоны, телефоны Меркель, Берлускони и многих других. Агентство национальной безопасности США вмешивается практически во все происходящее в мире, но именно Россию обвинили во вмешательстве в выборы в США. Мы должны попытаться создать среду и регулировать новое общество информации на международном уровне, а не просто отвечать на кибератаки из Америки, России или Китая. Давайте совместно попытаемся навести порядок и создать условия, чтобы можно было управлять миром будущего.

И последнее: в Европе получила широкое распространение американская гегемония. Мы пытаемся понять друг друга, соединить элементы и умалчивать о ситуации — все это признаки колониального прошлого. Но, как сказал господин Колодко, Европейский союз сейчас избрал новый путь. В будущем вам придется сделать важный стратегический выбор: Россия должна определить, какое место она займет, каким будет баланс сил между Россией и Китаем, как в этом равновесии должны действовать европейцы, какую политику проводить по отношению к США, где наблюдается упадок, как реорганизовать себя и создать мультиполярный мир.

Я призываю работать совместно и стремиться избежать конфликтов. Я понимаю Вашу позицию, но, пожалуйста, не возвращайтесь к холодной войне. Это будет иметь негативные последствия как для России, так и для всех нас. Нужно создать новый миропорядок, и при этом мы должны уважать друг друга и пытаться совместно отвечать на новые вызовы (это должен быть коллективный путь).

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Полагаю, что никто не хочет возобновления холодной войны. Речь идет о том, что в переходный период рухнуло международное право, всемирные организации, отвечающие за мировую стабильность, больше не работают, включая международные договоры.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН, профессору Ирине Олеговне Абрамовой.

И. О. АБРАМОВА: — Сегодня мы говорим о современных конфликтах и путях их урегулирования. Чтобы понять, как разрешать конфликты, нужно сказать несколько слов об их причинах.

Одна из важнейших причин, о которой мы сегодня еще не говорили, — сохраняющаяся борьба за ресурсы и рынки. В основе любого конфликта лежит желание той или иной страны получить преимущества. В первую очередь эти преимущества касаются ресурсов либо рынков. С этой точки зрения конфликты в той или иной степени завязаны на ресурсы. Эта ситуация характерна для Ближнего Востока (здесь присутствует Виталий Вячеславович Наумкин, который более подробно может высказаться по этому поводу), России (которая богата природными ресурсами) и Африки, являющейся одним из основных источников ресурсов. Африка интересна еще и тем, что на этом континенте ресурсы до конца не изведаны и не распределены, поэтому когда мы говорим о будущих конфликтах, то можем определить основные направления их развития.

Африканский континент пережил «арабскую весну». Сегодня в различных частях Ливии в условиях хаоса, который там возник после распада страны, ведущие роли играют разные игроки: в западной части — американцы и швейцарцы, в восточной — французы (*Total*), испанцы (*Repsol*), итальянцы и китайцы (*Sinopec*). В принципе ситуация их устраивает.

В Демократической Республике Конго, где уже много лет не утихают различные конфликты, борьба идет не только за «кровавые» алмазы, но и за ресурсы,

которые важны для будущего технологического развития. В первую очередь речь идет о кобальте и колтане, потому что без кобальта, который нельзя заменить другими субститутами, в отличие от других металлов, невозможно развитие авиационной промышленности, строительство военных самолетов и т. д.

В странах, расположенных вдоль Великого Восточно-Африканского разлома, где недавно были открыты богатейшие топливные ресурсы, большие запасы газа и нефти (в Танзании, Кении, Уганде и др.), тоже возникают конфликты. В 2011 году Кения в составе войск Африканского союза принимала активное участие в разрешении конфликта в Сомали и ввела туда свои войска. Террористическая африканская организация «Аш-Шабаб», по сути, сейчас превращается в ИГИЛ на Африканском континенте, и ее террористическую направленность активно используют западные державы. Столица Кении Найроби, где происходили террористические акты, превратилась в арену хаоса, в студенческом городке в Гариссе произошло убийство студентов. Все это так или иначе связано с борьбой за ресурсы. Американцы, которые помогали Кении в том числе в борьбе с Сомали, заняли хорошие позиции в этой стране, в частности в области разработки нефтяных месторождений. На Южном конусе Африки (например, в Мозамбике, который тоже будет вовлечен в конфликт) обнаружены колоссальные запасы газа. Группировка «Аш-Шабаб» в январе 2017 года уже появилась в Мозамбике, ее будут использовать, поскольку рычаги влияния в борьбе за ресурсы уже отработаны.

Китай, претендующий сейчас на звание экономического лидера, рассматривает эту зону как важнейшую в коммуникационных цепочках. Новый шелковый путь в глобальном смысле — реализация китайской мечты. В маленькой Республике Джибути уже сейчас расположены военные базы Соединенных Штатов Америки, Германии, Италии, Японии, Китая. И этот процесс не завершен. Поэтому что бы мы ни говорили, как современные технологии могут заменить ресурсы, к сожалению, в ближайшее время этого не произойдет.

Вторая ресурсная составляющая — это население. Африканское население чрезвычайно молодое. Именно молодежь наиболее восприимчива к современным технологиям. Население Европы стареет. Население Африки самое молодое в мире, его средний возраст составляет 19 лет. Люди, которые воспримут эти технологии, будут жить уже не в Европе и США, а в районах с высокими темпами роста населения, в том числе в Африке. Поэтому России в данной ситуации нужно все это учитывать.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Ирина Олеговна, спасибо, что напомнили о фундаментальных факторах. Слово предоставляется академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину.

В. В. НАУМКИН: — Здесь уже говорили о том, что в мире наступает цифровая эра. Россия активно работает в этом направлении. Вообще представление о России как стране, где инновациям уделяется недостаточно внимания, неправильное. Я считаю, что

у нас достаточно активно развивается инновационная сфера. Но тем не менее в этой области (смартфоны, Интернет и т. д.) пока наблюдается американское господство.

Сергей Юрьевич, в плане, который Вы представили, говорится про финансы, а как развивать электронную интернет-сферу, коль скоро Вы связываете надежды с цифровой эрой, информационными технологиями?

Наши экономисты перестали говорить о постепенном происходящем превращении США в главного производителя углеводородов — нефти и газа. Возможно, причина отсутствия адекватных экспертных оценок в том, что еще не совсем понятно, что будет дальше. Объем добычи газа в США приближается к 700 млрд куб. м, США уже обогнали по этому показателю Россию, Иран и Катар. По объему добычи нефти США тоже скоро планируют опередить Саудовскую Аравию и Россию. Но даже если США, как предполагается, через несколько лет будут добывать 15–16 млн баррелей нефти в день, все равно основное потребление будет происходить внутри этой страны. Наши партнеры в Персидском заливе внимательно следят за этой ситуацией. Главный вопрос, который обсуждается на двусторонних встречах, — что будет дальше. Что сегодня нужно США, если учитывать, что они становятся основными производителями углеводорода в мире? Как это скажется на борьбе за ресурсы, о которой говорила Ирина Олеговна?

Сегодня в мире возникают новые точки напряженности. Очень высокий уровень конфликтности отмечается на Ближнем Востоке, есть опасные конфликтные ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к примеру, в районе Южно-Китайского моря). Никто не мог предположить, что между странами, входящими в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), возникнет серьезный конфликт между Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Египтом, Бахрейном — с другой. Сегодня в ССАГПЗ образовались две тройки: одна — Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн, другая — Оман, Кувейт и Катар, каждая из них имеет свою позицию. Маленькие государства с точки зрения глобальной политики — не главные, но значимые акторы в смысле ресурсной базы, финансового потенциала. Очевидно, что высокий уровень конфликтности на Ближнем Востоке, несмотря на затухание военной активности в Сирии и победы над ИГИЛ, в целом будет продолжаться. Урегулирование конфликтов здесь сталкивается с непреодолимыми препятствиями.

В этой части планеты в последние годы постоянно возникают новые точки напряженности. Серьезные разногласия разделяют государства, по-разному относящиеся к организации «Братьев-мусульман». Сохраняют влияние на умы джихадисты, в исламском мире продолжается противостояние радикальных и умеренных сил. Какие за всем этим стоят экономические интересы (в плане борьбы за ресурсы, за влияние в целом)? Мне хотелось бы, чтобы мы об этом поговорили.

И последнее: Трамп заявил американцам, что поставит Иран на колени. Немало американских поли-

тиков поддерживают его: «Мы этого добьемся, иранский режим будет свергнут». Что это — риторика перед промежуточными выборами или действительный план и Трамп пойдет до конца в оказании давления даже на своих европейских союзников? Сегодня газеты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк пост» публикуют дорожную карту, включающую в качестве одного из пунктов давление на SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications). Если SWIFT не пойдет на уступки, американцы якобы сменят совет директоров. Насколько сегодня американцы готовы идти на конфликт с Европой? Это угроза или серьезная продуманная стратегия по созданию напряженности между Европой и США? Из этого, наверное, надо исходить, когда мы обсуждаем разные варианты нового мирового порядка.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — В связи с цифровыми технологиями хочу сказать, что в криптомире русский является одним из главных рабочих языков, так что не все так плохо. Сейчас перед аудиторией выступит человек, который обладает огромным политическим опытом в деле урегулирования конфликтов. Слово представляется Шаукату Азизу, который руководил Пакистаном с 2004 по 2007 год.

Ш. АЗИЗ: — Когда я победил на выборах и стал премьер-министром, то оставил себе также и портфель министра финансов, потому что без финансов невозможно ничем управлять и ничего контролировать. Перед тем как войти в правительство, я 30 лет проработал в Citibank — крупнейшем банке в мире, входил в состав правления.

Вопросы, которые мы обсуждаем сегодня, — влияние той или иной валюты на мировую торговлю, инвестиционные потоки в мировых масштабах — не являются новыми. Если складывается кризисная ситуация, то можно вмешаться, и деньги могут и не дойти до того, кому они предназначались. Американский доллар — это международная валюта, мировое платежное средство. Все другие валюты оказывают лишь незначительное влияние на мировые финансовые потоки, хотя мировой ВВП производится, конечно, не только в США. Однако весь мир смотрит на эту систему сквозь пальцы. Мы сделали ее немного более прозрачной и независимой. Я это поддерживаю. Американцы приложили немало усилий и заняли выгодную позицию: они регистрируют каждый платеж в долларах, могут его провести или заблокировать, могут задавать вопросы.

Мы можем и дальше говорить, что дела обстоят не так, как должны были бы. Я думаю, что Америка по большей части ответственная страна. До сих пор они не принимали никаких вредоносных решений в финансовой сфере, но у них есть такая возможность. Думаю, что мировой финансовой системе требуется большее равновесие, особенно в расчетах. Однако это не единственная проблема, которая заставляет нас беспокоиться.

Теперь по поводу расчетов в долларах и роли доллара в мире. Сегодня, если вы захотите, чтобы в игру

вступили другие валюты, может оказаться, что их не хватит для покрытия всех финансовых потоков в мире. Так что этот процесс должен идти постепенно. Думаю, что страны, представители которых сидят в этом зале, должны донести свою точку зрения до Международного валютного фонда. Дело касается именно МВФ, поскольку валюты находятся в их компетенции, а не Всемирного банка или других банков. Необходимо, чтобы МВФ разработал новую парадигму, которая будет предусматривать большее равенство, а не доминирование одной валюты в мировых потоках. Для этого требуются обсуждения и дискуссии.

В том, что касается проблемы Бреттон-Вудских институтов, я согласен с моим другом Мигелем. Я лоббирую этот вопрос уже на протяжении ряда лет, но пока безуспешно. Конечно, Бреттон-Вудская система несовершенна и ее необходимо изменить, но пока не удалось собраться и принять решение по внесению изменений. Например, решение о том, кто будет главой Всемирного банка, принимает одна страна, и если у человека нет судимости и уголовного прошлого, его кандидатуру утверждают. Кандидатуру главы МВФ тоже одобряет США, и в этом нет ничего плохого, но это не всемирный способ назначения кого-либо. Так что Бреттон-Вудским институтам требуется незамедлительная реформа.

В сложившемся положении надо винить не одну страну, а всех нас, потому что мы пренебрегли своими обязанностями и не хотим изменений. И только когда создавался Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который является новым институтом и не всегда участвует в игре по Бреттон-Вудским правилам, мы обеспечили отсутствие ограничений при выборе его главы. Да, это гражданин Китая, и его назначение было инициировано китайцами. Но главой этого банка может стать гражданин любой другой страны, потому что его избрание основывается на личных заслугах кандидата. Но если в каком-то учреждении имеется ограничение, в соответствии с которым его глава должен быть гражданином только одной определенной страны, то, по-моему, это является существенным изъяном. Когда человек занимает высокую должность не по заслугам, а по каким-то другим критериям, это означает отсутствие прозрачности. Так что важно понять, что мы имеем систему с недостатками, и ее нужно менять. Однако у мировых лидеров просто нет времени заняться данной проблемой. Я обсуждал эту тему со многими мировыми лидерами, но они или не понимают важности проблемы, или не заинтересованы в изменениях. Они говорят, что данный вопрос должны решать министры финансов или центральные банки. Но проблемы сами собой не исчезнут, и действовать необходимо уже сегодня.

Как это сделать? Потребуются большие усилия, и придется столкнуться с мощным противостоянием. Доллар — очень сильная валюта, и если вы решите прекратить работать с долларом, то вряд ли найдете реальную альтернативу. Слабой альтернативой можно считать евро, но, конечно, не юань и не рубль. Возможной заменой доллару может представляться фунт стерлингов, но в реальности он всегда будет следовать

за долларом, поскольку Великобритания тесно связана с США в финансовых вопросах. Европа может быть поставлена в такие условия, что ей придется заняться трансформацией этой несправедливой системы. В любом случае это должны быть решения в мировом масштабе. Необходим консенсус многих стран. Думаю, что если мы выработаем заслуживающую доверия позицию, то США проявят здравый смысл. Но у нас нет такой позиции, а есть эмоции, которые не ведут ни к чему хорошему. Нам нужны здравые, разумные и логичные, хорошо продуманные решения, которые мы сможем представить в средствах массовой информации. Потребуется около пяти лет только на то, чтобы добиться согласия на обсуждение темы.

В настоящее время международную торговлю нельзя отлучить от доллара. Дело в том, что США организовали надежную систему расчетов, которая работает без сбоев. Все деньги поступают тем, кому адресованы, и вообще все механизмы прекрасно отлажены. Чтобы реализовать мои предложения (а они не только мои), мы должны выдвинуть двух или трех лидеров. Я бы предложил Китай, Россию и какую-нибудь европейскую страну, например Германию. В противном случае мы будем еще несколько лет вести бесплодные дебаты.

Еще одна острая проблема — «грязные» деньги, которые «отмываются» в банках. Думаю, что необходим строгий контроль за происхождением капиталов, и здесь надо действовать согласованно, потому что такие деньги вообще не заслуживают «дома». Контроль в этой области все еще слабый, поэтому «плохих» денег в обороте по-прежнему много, а вместо них перехватываются «хорошие деньги», в то время как «плохие» нигде не учтены.

Таким образом, необходимо в первую очередь решать три проблемы: первая — международные расчеты, вторая — потоки грязных денег, третья, необходимая для решения первых двух, — реформирование Бреттон-Вудских институтов.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я согласен с Вами в том, что мы должны проявлять большую осторожность, двигаться вперед постепенно, шаг за шагом. Однако мне хотелось бы напомнить, что «Большая двадцатка» приняла решение о реформе МВФ около десяти лет назад, но с тех пор ничего не было сделано. Передаю слово господину Амру Мусе.

А. МУСА: — Начну с утверждения польского коллеги, что мы снова живем в атмосфере холодной войны. Я придерживаюсь того же мнения и считаю, что новая холодная война началась уже давно — вскоре после окончания предыдущей. Тогда одним из вариантов будущего было «столкновение цивилизаций», или «конец истории». Предполагался поиск нового врага — соперника в политике, экономике, военной области и т. д. Но мозговые центры и политический истеблишмент в Америке вскоре поняли, что конца истории не предвидится, поэтому надо продолжать проводить прежнюю политику по определенным направлениям. Это, по сути, холодная война, но другими средствами — с помощью экономики, доллара и т. д. Эта по-

литика также предусматривает оказание воздействия на страны с переходной экономикой, в первую очередь на Китай. Не следует думать, что мир идет вперед простым путем — от одной супердержавы к другой, что когда мы говорим кому-то «прощай», то придет другой и займет освободившееся место. Но это старый способ мышления. Многие считают, что доминирование одной супердержавы сменится несколькими центрами силы. С одной стороны, это Китай, с другой — Америка, а также есть новые лидеры. Так что пока не надо сбрасывать со счетов США, их упадок будет относительным, как и подъем Китая. В новом мире все не просто. Как говорится, «Король умер — да здравствует король!»

Но это только одна сторона проблемы. Другая — что делать с холодной войной? Мир переживает беспрецедентный период в политике, экономике, образе жизни. Вчера президент Трамп изменил свое решение относительно участия США в мировой торговле. На прошлой неделе он своими решениями наказал определенные китайские компании, которые обвинил в ведении дел с Северной Кореей и рядом других стран. Но потом он смилостивился, забыв о Северной Корее и санкциях. Это показывает, что торговая война, политика США, реакция Китая и других стран — все это постоянно меняется. После принятия Трампом решения о спасении определенной компании вице-председатель Китая собирается посетить Америку. Это динамика, о которой мы не должны забывать. Это не холодная война в стиле XX века, а нечто совершенно другое.

Теперь о положении дел в арабском мире и Африке, в частности в Ливии. В арабском мире происходят существенные изменения. Люди отказываются от прежней модели, когда один человек решал судьбу целого народа. Перемены не радикальные, но направление обозначилось вполне отчетливо. Усиливается арабский консенсус, например все государства выступают против раздела Сирии, не одобряют то, что произошло в Ливии, и хотели бы, чтобы Египет снова занял ведущее место на Ближнем Востоке, так как его ослабление в международной политике привело к тому, что главенствующие позиции заняли Иран и Турция. Возвращение Египта в определенной степени уравнило бы силы в регионе.

Изменение мышления происходит в Саудовской Аравии. Прошлое должно остаться в прошлом, а мы живем в XXI веке. Надо открывать клубы и кинотеатры, разрешить женщинам водить машину, путешествовать без сопровождающего. Все это было невозможно представить еще совсем недавно. Изменения происходят и в интерпретации религии определенными ультраконсервативными организациями. В арабском мире достигнут консенсус по вопросу «Братьев-мусульман»: нельзя позволять им захватывать власть ни в одной стране. Этому решению следуют египтяне, иракцы, жители Туниса и других стран. И это оказывается вызовом для международной политики, потому что, насколько я знаю, в информированных обществах, например в российском, продвигали идею, что умеренный ислам должен как-то обуздать ради-

кальных исламистов, потому что гражданские правительства с ними не справятся. Многие считают, что за ограничением активности «Братьев-мусульман» стоит нынешний президент Турции Реджеп Эрдоган, считающий себя умеренным лидером. Допустим, он умеренный лидер в исламе, а как насчет всего арабского мира? Какая страна является сердцем ислама? Египет. А в Египте в 2012 году «Братья-мусульмане» победили на выборах. Началось продвижение альянса между правительством и правящими кругами в Турции. Это помогло убедить Переса и Обаму, и я тоже понял, кем является Эрдоган.

Египтяне не позволили «Братьям-мусульманам» находиться у власти дольше одного года, так как не могли смириться с их авторитарным стилем правления. В современном сложном мире подобное сообщество не может быть принято в качестве лидера. Надеюсь, весь мир в своей политике будет учитывать, что на Ближнем и Среднем Востоке происходят перемены и арабский мир уже не будет прежним.

В заключение кратко прокомментирую слова немецкого коллеги о неоисламизме и радикальном исламе, неонацизме и неофашизме. Я считаю, что к этому ряду следует добавить неоконсерватизм. Неоконсерваторы в Америке причинили большой вред международной стабильности, и то, что мы сегодня видим в Палестине, Иерусалиме и других местах, — это их рук дело. Более того, они считают, что мир должен находиться под жестким контролем определенной группы. Это очень опасно, в XXI веке нам нужен открытый мир. В новом столетии мы либо будем иметь множество открытых горизонтов, либо повторим ошибки, совершенные в XX веке. Не думаю, что это возможно, — миру суждено кардинально измениться. Важную роль в этом сыграют Россия, Индия и некоторые другие центры силы.

Нельзя допускать диктата крупных держав. Как можно игнорировать, например, Сингапур? Это крошечная страна со скромным бюджетом, но жители Сингапура заработали их усердным трудом, а не выкачали из недр. Так что мы продвигаемся к новой системе международных отношений, когда все важные вопросы обсуждаются на равных за столом переговоров. Но мы не можем просто принять решение и провести реформу Международного валютного фонда или Всемирного банка, потому что это было бы подобно реформе Организации Объединенных Наций. Такой процесс растянулся бы на многие десятилетия, поэтому никакой реформы, скорее всего, не будет. Вместо этого будет что-то другое. Что именно? Наша задача — думать и говорить о будущем, о том, как его строить. Например, обсуждать китайский проект «Один пояс — один путь», задачи новой финансовой организации «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» и т. д.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — к микрофону приглашается профессор из Великобритании Ричард Льюис.

Р. ЛЬЮИС: — Я основатель института, исследующего вопросы межкультурного взаимодействия в Великобритании, а последние 12 лет работаю советни-

ком по культуре во Всемирном банке. Я хочу отойти от темы валюты и большой политики, взглянуть немного шире и представить новую точку зрения на эту неанглийскую проблему. Возможно, это будет интересно. Правда, не стоит принимать мои слова слишком серьезно.

Мы обсудили различные вопросы — нарастание напряженности в мире, возврат к холодной войне и т. д. Можем ли мы что-то сделать, чтобы улучшить ситуацию? Есть ли какой-то способ, которым мы можем воспользоваться хотя бы для начала? Есть ли какие-то точки соприкосновения, по поводу которых в мире нет разногласий? В настоящее время, как отметил коллега из Польши господин Вятр, проблему национальных интересов иногда можно решить с помощью компромисса — будь то торговая война или территориальный спор. Хотя национальные интересы сильно влияют на положение дел, это решаемые вопросы. Гораздо хуже обстоит дело, когда сталкиваются разные идеологии. Любые — христианство, ислам, коммунизм и т. д. Очень трудно убедить кого-либо отказаться от религии или убеждений, которые ему дороги. И, конечно, главным фактором, вызывающим споры во всем мире, сегодня является религия. Так было не всегда, и история знает положительные примеры. Две крупнейшие религии в мире — христианство (2,8 млрд последователей) и ислам (2 млрд). Высокоразвитая, процветающая цивилизация Испании в VII–XIV веках отличалась гармоничными отношениями между христианами, иудеями и маврами, которые были мусульманами. Эта прекрасная цивилизация прожила 700 лет! Однако в настоящее время отношения между христианством и исламом трудно назвать хорошими.

На самом деле ни та, ни другая религия не являются крупнейшими в мире. Крупнейшую религию исповедуют 3 млрд поклонников, и она называется футбол. В этом не приходится сомневаться. Много людей на планете интересуются другими видами спорта, но все же у футбола значительно больше поклонников, футбольные матчи собирают миллионы болельщиков у телевизора, а международные матчи — огромную аудиторию во всех странах.

Думаю, что Президент России Владимир Путин понял ценность спорта уже во время Игр в Сочи, к тому же он сам занимается спортом. Скоро в России состоится Чемпионат мира по футболу — очень важное событие для людей во всем мире. Я проводил различные опросы в нашей стране, например, подходил к прохожим на улице и просил назвать самых известных людей из России. Когда-то они называли имена Сталина, Молотова, Громыко, позднее Горбачева. Но среди простых англичан очень популярен еще один человек — Лев Яшин, которого в Великобритании считают настоящим героем.

Получается, что есть тема, где мы все можем прийти к соглашению. Я предлагаю включать в делегации, которые собираются для обсуждения серьезных вопросов, не только министров иностранных дел и других дипломатов, но и спортивных чиновников.

Конечно, мы знаем, что есть и футбольные хулиганы, создающие немало проблем. Но давайте посмотрим

рим на футбольные ассоциации — английскую, немецкую, российскую, бразильскую и т. д. Они добились больших успехов в установлении гармоничных отношений.

Приведу два примера того, как спорт помог преодолеть политические разногласия. Первый — небольшой инцидент в период Первой мировой войны. Когда в 1916 году христиане праздновали Рождество, немцы и англичане, воевавшие на территории Франции, на несколько часов вышли из окопов и сыграли футбольный матч. И это в разгар войны!

И другой пример. Я рад, что здесь присутствует высочайший гость из Пакистана. Несколько лет назад между Индией и Пакистаном разгорелся серьезный конфликт из-за Кашмира. Как снизить напряжение? Было принято решение сыграть в крикет, пять тестовых матчей. И это очень помогло смягчить ситуацию.

Так что спорт может сыграть огромную роль в разрешении самых разных конфликтов. Представьте, как делегации, в состав которых входят не только представители министерств иностранных дел, но и президенты футбольных, легкоатлетических, лыжных, баскетбольных и других спортивных ассоциаций, решают спорные вопросы. И включите этих людей в делегации! Конечно, это только наполовину серьезное предложение, но в любом случае это возможно. Предлагаю об этом подумать — может, кто-то захочет воспользоваться моей идеей.

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ: — Спасибо большое, господин Льюис. Однако напомним другой случай — из истории Центральной Америки. В 1969 году из-за футбольного матча началась война между Гондурасом и Сальвадором.

Р. ЛЬЮИС: — Да, но с тех пор многое изменилось. Например, Англия стала более дружественной страной благодаря культуре футбола, а футбольные звезды, такие как Пеле, Неймар и другие, очень популярны в Англии и во всем мире.

С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН, доктору политических наук Алексею Анатольевичу Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Сергей Юрьевич, в своем вступительном слове Вы упомянули о длинном XIX веке. Подчеркну: это выражение Эрика Хобсбаума, который также рассуждал о коротком XX веке. Но в конце XX века и начале XXI уже можно говорить о том, что XX век на самом деле не короткий, а такой же длинный, как XIX, потому что он не закончился на рубеже 1980–1990-х годов, а до сих пор продолжается. Может быть, мы находимся на грани перехода в XXI век, но надо понимать, что он не стал историей. Вы говорили о длинных (вековых) системных циклах накопления капитала, или волнах, но я думаю, что с таким же успехом можно рассуждать и о длинных геополитических волнах или моделях управления. В XVII веке мировой порядок стал европоцентричным, в его основу были положены империи. В XIX–XX ве-

ках их место заняли государства-нации, которые в Европе окончательно утвердились только в середине XX века, после того как все империи рухнули. Несмотря на опыт Евросоюза, судя по всему, национальные государства останутся главным строительным материалом и движущей силой и в XXI веке. Опыт Евросоюза нигде не реплицируется, никто не собирается создавать такие же мощные структуры. Поэтому США, Россия, Турция, Китай, ЮАР, Бразилия и другие страны — это бастионы национальной самоидентичности.

Сергей Юрьевич также говорил о цикличности в экономике, но цикличность характерна и для истории, и для развития международных отношений, когда происходит смена одной модели другой (хотя политические и экономические порядки, безусловно, следуют друг за другом). Речь идет о Вестфальской (с 1648 г.), Венской, Версальской, Ялтинской системах международных отношений. Иначе все это можно назвать взлетами и падениями великих держав, происходящими на грани существования разных моделей.

Нас интересует рубеж, стык, потому что мы сейчас находимся именно в такой ситуации. Все, что происходит на стыке, сопровождается насилием. К сожалению, в XXI веке мы не избежали повторения того, что уже происходило много раз. Сегодня мы наблюдаем очередную вспышку насилия, потому что происходит смена одной модели другой, идет борьба за командные высоты. В настоящее время получила распространение формула, использовавшаяся во второй половине XX века, когда США действовали по принципу *US in* по отношению к Европе, Россия — *out*, Германия — *down*. Сегодня происходит переформатирование принципов: в Европе *US out*. Стратегия США — выйти из сферы влияния Европы, причем начало этому положил не Трамп и даже не Обама, а Джордж Буш-младший. Германия и Франция — *in* с точки зрения стратегических планов США (на них перекладывается бремя ответственности в этом регионе), но Россия остается *out*. Однако теперь есть не только Европа, но и регион, опережающий ее по значимости, — Азия. США, уходя из Европы, 15 лет назад взяли курс на то, чтобы именно в Азии быть *in* China. В Европе *down* была Германия, теперь в Азии курс на China *down*.

Дело в том, что США (несмотря на то, что постоянно дискутируется вопрос, в правильном ли направлении они движутся) продолжают процесс саморазрушения. В 1945 году доля США в мировом ВВП составляла более 40 %, сейчас — 16 %. В 1990-е годы история предоставила США редчайшую возможность установить однополярный мир (милосердный гегемон и т. д.). США не только не использовали ее правильно, а совершили ряд действий, которые привели к подрыву их, казалось бы, бесспорного лидерства в мире. По отношению к своим союзникам в Евросоюзе США делают все, чтобы антагонизировать точки опоры, которые у них могли бы возникнуть в международных отношениях: выход из договора по климату, прекращение переговоров о Транстихоокеанском партнерстве, пакет санкций против России и крупнейших европейских ТНК в углеводородной сфере, перенос столицы в Иерусалим. США так же действуют и по отношению

к Ирану, что настраивает против них людей на Ближнем Востоке и в Европе.

Д. Трамп хотел примирения с Россией, чтобы преградить стратегическое сближение России и Китая. Ему не дали этого сделать, путь, который он выбрал, направлен против стратегических интересов США и способствует дальнейшему сближению России и Китая.

В книге А. Исаева «Берлин 45-го» автор рассуждает о стратегиях ежа и лисицы. Считаю, что стратегия США — это стратегия ежа: они реагируют на вызов, как ежик — пытаются решить вопрос с помощью иголок. А стратегия лисицы характеризуется адаптивностью, творческим подходом, креативностью и т. д. С этим у США большие проблемы.

Главные игроки сегодня — это США с редуцирующим кругом союзников; Евросоюз, потому что после брекзита у Европы есть шанс за 5–6 лет обрести свою политическую субъектность, размежеваться по военно-политическому потенциалу с НАТО, выработать что-то свое; Китай, который, основываясь на принципе коалиции, в XXI веке будет подниматься все выше; Россия с ее концентрическими кругами (Евразийским экономическим союзом, БРИКС); Индия, которая проявит себя во второй половине XXI века, а пока ждет своего часа.

Господин Колодко спросил, что делать. Советую не читать журнал «Экономист» за последние 15 лет в части рассуждений о России (в экономическом плане там все в порядке). Новая холодная война для России абсолютно неприемлема, ее никто не хочет. Сейчас получила распространение скорее не новая холодная война, а Phoney War — «странная война», которую западноевропейские страны вели с Германией до мая 1940 года.

Несколько слов об Африке. Полагаю, что вторая половина XIX века прошла под знаком Scramble for Africa (раздела Африки). Это был последний регион в мире, не «растасканный» империями. Полагаю, что Африка проявит себя, но не в ближайшие 20–30 лет, в этот период на новом витке вновь будет происходить Scramble for Africa, где тон будут задавать игроки не этого континента, а внешние силы.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется иностранному члену РАН, профессору Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Конец XX века — временной период, в котором стремительно рухнула двухполюсная система мирового порядка и сформировался однополюсный глобальный мир. Но в начале XXI века началась трансформация однополюсного мира. Точкой отсчета этих процессов можно считать разрушение Берлинской стены. В 1997 году в беседе со мной Гельмут Коль заметил: «Я без единого выстрела объединил не только две Германии, а и Европу вокруг Германии». Это правда, но она была актуальной не дольше, чем существовал однополюсный миропорядок. Все это были реалии короткого выстрела и быстро затухающих глобальных волн.

После 2010 года миропорядок испытывает, на мой взгляд, как часто бывает в объективных процессах,

усиление роли иррационального над рациональным. В значительной степени это связано с превалированием стремлений к сиюминутным тактическим успехам и с пренебрежением к достижению долговременных истинных национальных ценностей и приоритетов. Ни одна страна в мире, кроме Китая, не имеет обоснованной и последовательно реализуемой системной долгосрочной стратегии. Только Китай осуществляет столетнюю стратегию и заканчивает обоснование стратегии на 200 лет. У России нет единой интегрированной стратегии, за исключением многочисленных документов под названием «стратегия...», но и они не имеют гарантированного ресурсного обеспечения и, следовательно, стратегиями не являются. И не случайно без фанфар заканчивают свой путь в мусорных корзинах. В Америке существует около 130 документов, которые называются «стратегия...», но ни один из них последовательно также не реализуется на практике.

В последние годы я работал над несколькими проектами в арабском мире: в Абу-Даби, Бахрейне, Катаре. Должен согласиться с нашими коллегами из мусульманского мира: там идет активный процесс рационализации общественного сознания и наблюдается прогресс, причем не только внутренний, о котором упомянул господин Амр Муса, но и в межнациональных отношениях.

Считаю, что после 2014 года новая холодная война находится в стадии первоначального разгара, и не случайно Генеральный секретарь ООН фактически констатировал, что началась холодная война. Я согласен с этим, но полагаю, что она будет недолгой. Мир все более интегрируется, и глобальный миропорядок сегодня подкрепляется другой субстанцией, которая появилась благодаря этому миропорядку, — глобальным сообществом, которое уже влияет на мирохозяйственные процессы и связи и со временем будет влиять на мир в большей степени, чем национальные сообщества.

Если говорить о минеральных ресурсах, то политика президента Трампа, использующего стратегию “peace through power” («мир через силу»), приведет к тому, что Америка все более начнет вовлекать в хозяйственный оборот свои несметные природные ресурсы, нанося некоторый вред экологии, чем Трамп пренебрегает (но я не уверен, что его не изберут президентом на второй срок; это вполне возможно). Вместе с формированием глобального сообщества продолжает усиливаться и существенно противоположный процесс — фрагментарность мира. Это прежде всего связано с тем, что глобальные многонациональные институты не имеют стратегических интересов и приоритетов. Я уже 26 лет являюсь членом Бреттон-Вудского комитета и могу утверждать, что страны, входящие в Бреттон-Вудскую систему, не имеют серьезной повестки дня относительно взаимодействия с многонациональными институтами.

Национальные интересы, которые страны стремятся реализовывать на глобальной арене, должны быть подкреплены истинными, глубинными ценностями. А когда интересы определяются сиюминутными по-

литическими структурами или тактическими устремлениями лидеров — это псевдоинтересы, которые отмирают с уходом с политической арены очередной фигуры, а мир испытывает многочисленные потрясения разной силы и плотности. Самое эффективное, что можно предложить для глобальной повестки взаимовыгодного сотрудничества, это разработка нескольких долгосрочных стратегий, ориентированных на реализацию узкого спектра приоритетов, сущностно требующих многостороннего взаимодействия: борьба с массовыми заболеваниями, предотвращение экологических катастроф и преодоление их последствий, борьба с терроризмом, распространением наркотиков и предупреждение иных общечеловеческих угроз.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — К микрофону приглашается заслуженный юрист России Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Я рад, что присутствую сегодня на этой дискуссии: дух захватывает от футурологических рассуждений о том, что нас ждет через 100 лет, в XXII веке и даже в XXIII! Я не буду заглядывать за далекий горизонт нынешней жизни. Технологии получают все большее распространение, все меняется очень быстро, поэтому давать прогнозы даже на 10 лет вперед, на мой взгляд, весьма затруднительно.

Продолжу мысль, которую высказал Владимир Львович Квинт. Никогда иррациональное не исчезало из жизни. Много определяется наработанными традициями, культурным наследием, национальным характером, приоритетом, которые формировались длительное время.

В США мы видим торжество индивидуализма — главной ценности американской психологии: герой-одиночка Трамп вступил в борьбу с превосходящими силами противника, даже не был поддержан собственной партией и победил.

С чем мы сейчас сталкиваемся в нашей стране? Об этом, кстати, было сказано во вступительном слове С. Ю. Глазьева: в России актуален другой запрос — запрос на величие, у нас комплекс победителей. Была теократическая страна, тоталитарная система, и на этой основе СССР успешно противостоял западному миру. Рухнул режим, причем одновременно экономический и политический, а запрос остался.

Во времена существования СССР в мире действовали два полюса, а сейчас сверхдержава одна, и мир столкнулся с бесцеремонным поведением США на международной арене. Неужели мы полагали, что то, что произошло с Украиной и в Крыму, Запад проглотит? Я радовался бы факту присоединения Крыма к России, если бы не был юристом.

Сейчас, как представляется, из этой ситуации надо найти выход. Мне понравилось, как на юридическом форуме проходила панельная дискуссия по европейскому праву. Присутствовали представители Совета Европы, судьи Европейского суда, министр юстиции России. Я с большой надеждой наблюдаю за выступлениями президента В. В. Путина, тоном его высказываний, в котором зазвучали примирающие нотки.

Я согласен с коллегой Ал. А. Громыко, что Россия не заинтересована в холодной войне. Печалит, что на международной арене нет фигур такого масштаба, как Киссинджер, Коль, Тэтчер. В основном лидеры ведут плоскую «пацанскую» политику: все демонстрируют, кто круче.

Сейчас на мировой арене появились новые игроки: Индия и Китай, но они следуют западным трендам. Традиционное противопоставление: европеец — потребитель, а восточный человек — созерцатель — ликвидируется, потому что представители элит Востока и Азии, люди, которые формировались в западной культуре, осознали, что бедность и нищета, в которой живет большинство населения, — это недостойно. Поэтому Индия и Китай демонстрируют большие успехи в экономике.

На что мы должны опираться? Международное право во многом разрушено, механизмы нуждаются в ремонте. После Второй мировой войны величайшим достижением было именно международное право, Организация Объединенных Наций, пакты, которые ратифицировали все страны, многочисленные конвенции.

Бердяев сказал, что право не может обеспечить рай на земле, но может помешать превратить жизнь в ад. Поэтому всем странам нужно заботиться о совершенствовании международных правовых механизмов, соблюдении международных актов, Европейской конвенции, пакта о правах человека. В этом случае, полагаю, не стоит предаваться настроениям катастрофизма. Жизнь проходит в борьбе, противоречиях, меняются интересы, но приоритет остается — это свобода и достоинство личности. Вот на этом, как мне представляется, и должна строиться цивилизация будущих веков.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Спасибо, Генри Маркович, особенно за оптимистичное завершение. Я хочу представить слово Ги Меттану, который представляет Швейцарию — страну непосредственной демократии, где, кажется, нашли способы урегулировать все конфликты на основе права.

Г. МЕТТАН: — Я с большим интересом следил за дискуссией, но особенно хочется отметить выступления Гжегожа Колодко, Амра Мусы и Сергея Глазьева.

Ограничусь двумя тезисами. Первый: мы не должны недооценивать изменения в структуре власти США, которым мы, по-моему, способствуем. До Трампа, даже во времена Обамы, обоих Бушей и Клинтона, миром правила коалиция неоконсерваторов и либеральных демократов. Это был разумный способ взаимодействия с миром и обеспечения гегемонии США. Сейчас все по-другому. Мы все помогаем новому объединению неоконсерваторов и популистов, представляемых Трампом. Трамп обеспечил единение с неоконсерваторами низших слоев общества, отвергнутых глобализацией, которые пострадали в предыдущие годы. Именно поэтому его так критиковали в начале его президентства и неоконсерваторы, и демократы, которые увидели в этом изменение правил игры. Но это не изменение правил, а меры для усиления влияния США. Дональду Трампу удается консолидировать различные группы

американского общества, низшие слои с элитами, представленными неоконсерваторами, а в итоге Америка станет гораздо сильнее, чем сейчас. По-моему, США уже демонстрируют некоторые признаки успеха этой политики. Уже сейчас неоконсерваторы критикуют Трампа не так сурово, как раньше, и даже демократы стали «добрее» к нему. Я имею в виду только международные дела. Именно поэтому он смог выйти из ядерного соглашения с Ираном, признать столичный статус Иерусалима и вообще заняться международными договорами, не подвергаясь особой критике, — потому что ему все равно. Интеллектуал Обама был не в состоянии сделать что-либо подобное.

Мой второй тезис состоит в том, что я присоединяюсь к мнению господина Моратиноса. Думаю, сейчас настало время, когда можно в некоторой степени поменять правила. Мир — европейский, азиатский, арабский и весь остальной — так шокирован изменениями, олицетворяемыми Трампом, не только стилевыми, но и сущностными, что открылось окно возможностей для того, чтобы инициировать и начать вести новый диалог об изменении существующих правил. Это долго не продлится. Например, в тех странах Европы, которые тесно сотрудничали с США, наблюдаются серьезные проблемы из-за политики Трампа. Поэтому Франция, Германия и в некоторой степени Великобритания в настоящее время готовы к тому, чтобы начать создавать новый, более справедливый порядок. Однако, с моей точки зрения, это вопрос нескольких месяцев, а не лет. Америка достаточно сильна для того, чтобы воздействовать на своих союзников, и тогда в мире больше не будет союзников и партнеров, останутся одни вассалы. По-моему, министр экономики понял, что произошло с Ираном, поэтому он сказал, что мы не должны позволять превращать себя в вассалов. А именно это ожидает всех нас, если мы неотреагируем и не воспользуемся открывшимися возможностями.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я приглашаю на трибуну дипломата Александра Михайловича Крамаренко.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Я представляю Российский совет по международным делам. Прежде всего мне хотелось бы напомнить слова Достоевского, который в «Записках из подполья» убедительно доказал, что рациональное обустройство человека в мире невозможно — рано или поздно что-то случится. Именно это и происходит сейчас: мы наблюдаем эндшпиль геополитической ситуации. Дальше все будет развиваться очень быстро, по обвальному сценарию, не предусматривающему никаких долгосрочных стратегий. Холодная война продолжается в новой инкарнации — какое еще можно дать определение, если одна ведущая держава подвергается санкциям другой? Конечно, это уже война: экономическая, финансовая и т. д. Новая холодная война куда более серьезна, чем ее предыдущий этап, который завершился с распадом Советского Союза.

Нужно отметить важный момент: никто никогда не предлагал нам ни о чем договариваться — нам на-

вязывали свою волю, которую можно было принимать или не принимать. Естественно, мы ее не приняли. Возможно, именно такая позиция Запада в отношении России привела к искажениям в нашем внутреннем развитии. Многие признают, что наш нынешний курс, который не нравится Западу, — это во многом результат западной политики в отношении России.

В целом нужно исходить из того, что в окружающей нас реальности происходят фундаментальные сдвиги и неизбежно связанные с ними разрушения. Мы, как и другие страны, получим свою долю «обломков», и уже сейчас должны трезво оценивать будущие перспективы. Думаю, все большее развитие получит суверенизация — большинство вопросов как внутренней, так и внешней политики будут решаться в рамках каждой отдельно взятой страны. Этот процесс инициирован Великобританией и США — они сейчас разрушают ту систему, которую сами же создали, но которая их больше не устраивает.

Другой вариант — это саморазрушение империи. Германская и японская империи были побеждены в ходе Второй мировой войны, а сейчас гибнет последняя — глобальная империя США: она может только саморазрушиться, поскольку война с ней невозможна. Таковы процессы исторического развития, нечто подобное наблюдалось в истории не раз. Я думаю, что с исчезновением последней империи будет упряднено само амплуа сверхдержавы и начнет функционировать многополярный, или полицентричный, мир. Но, как говорил в свое время Ленин, сначала надо разойтись по национальным квартирам. И американцы уйдут в самоизоляцию, но с позиции силы, как прежде они наращивали силы в Ираке, чтобы оттуда уйти.

К чему-то подобному приведут состоявшийся перенос посольства в Иерусалим и выход из ядерной сделки с Ираном. Иными словами, они окончательно разрушат свое нынешнее международное положение, которое, по сути, начало разрушаться с момента окончания холодной войны, и спокойно уйдут в самоизоляцию. Прежнее поколение консерваторов, таких как Джим Киркпатрик и Ирвинг Кристол, говорили (правда, еще до распада Советского Союза), что для Америки пришло время стать нормальной страной. Но потом распался Советский Союз и все увлеклись иллюзией однополярности. Проблема в том, что Америка никогда не была нормальной страной. Это надо учитывать, и к проявлениям ее неадекватности нужно готовиться. Я думаю, что в ближайшие годы решающую роль для нашей страны будет играть политическая воля, воля вообще — в том смысле, который в это понятие вкладывал Шопенгауэр.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется исследователю из Кембриджского университета Чокану Тураровичу Лаумулину.

Ч. Т. ЛАУМУЛИН: — Мне хотелось бы обратить внимание на рациональную сторону нашего бытия, то есть на науку, технику и технологии. Кроме ядерного щита и довольно хрупкого глобального ядерного паритета мы видим только одно объяснение того,

почему в мире до сих пор не вспыхнула новая мировая война. Эта причина — взаимосвязанность технологических цепей. В отличие от прошлых лет, в настоящее время, возможно, нет ни одного технического изделия, продукта передовой технологии, который бы производила только одна страна. Все осознают, насколько уязвимой может оказаться Россия из-за новых санкций. Но Россия, в свою очередь, может дать зеркальный ответ.

Приведу два примера. Один касается ведущего сегмента космической программы США. Ракеты-носители «Атлас-5» полностью работают на российских двигателях РД-180. В то же время импорт урана из России, Казахстана и Узбекистана составляет треть всех его поставок в США. Это, в свою очередь, дает до 25 % всех поставок энергии в США. Так что новая война маловероятна, иначе общий ущерб будет таким огромным, что от этого никто не выиграет.

Если говорить об энергии, то я считаю, что Россия может внести большой вклад в исследования и развитие некремниевой электроники, или сверхпроводимости. Это обещает новую, «зеленую» революцию в энергетике. И, как ранее упомянула Ирина Абрамова, наблюдается постоянная потребность в кобальте, который по большей части добывается в Африке — свыше 100 тыс. тонн, в то время как в России, если не ошибаюсь, — 3 тыс. тонн кобальта в год. Считается, что кобальт играет самую важную роль в глобальных изменениях. Он требуется для изготовления аккумуляторов и батареек, нужен для литиевых аккумуляторов и для хранения энергии. Человечество уже столкнулось с проблемой удовлетворения растущего спроса на кобальт. Средства массовой информации сообщают о росте количества смартфонов, о том, что в следующем году мы получим электромобиль. Но этого не произойдет, потому что кобальт уже сейчас в большом дефиците. А Россия занимает четвертое место в мире по запасам кобальта — после Конго, Австралии и Зимбабве. Однако мы не сможем действовать без развития науки. Чего мы хотим? К сожалению, на всем постсоветском пространстве мы видим разрушение научно-исследовательской базы. Великого ученого Петра Капицу до сих пор в Кембридже называют сверхчеловеком. Он был одновременно и кембриджским, и советским физиком, инженером и просветителем. Он родился здесь, в Кронштадте, и всегда подчеркивал, что самыми важными источниками мирового влияния в современном мире являются наука и культура.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Следующий выступающий — наш гость из Турции Эгемен Багис.

Э. БАГИС: — Турция — член «Большой двадцатки», одна из высокоразвитых экономик мира, входит в число основателей большинства европейских институтов и является членом НАТО на протяжении последних 66 лет, а также кандидатом на вступление в Европейский союз уже более 50 лет.

Турецкая армия — вторая по численности после контингента США в НАТО, но объем нашей торговли с Российской Федерацией в два раза превышает объем

торговли с США — нашим самым важным союзником по НАТО.

Турция — это своеобразный мост, самая восточная часть Запада и самая западная часть Востока. И с этой ролью мы справляемся лучше всего. Турция расположена таким образом, что одновременно является европейской, азиатской, ближневосточной, каспийской, балканской, средиземноморской и черноморской страной, поэтому и должна служить мостом.

Я не согласен с моим другом, бывшим генеральным секретарем Лиги арабских государств Амром Мусой, который попытался представить президента Эрдогана человеком, поддерживающим «Братьев-мусульман». Президент Эрдоган не является членом организации «Братья-мусульмане», наоборот, он вышел из партии, которая поддерживала «Братьев-мусульман», и создал собственное политическое движение. Начиная с 2002 года на каждых выборах он набирал большое количество голосов. Опросы общественного мнения показывают, что в Турции его поддерживают много людей. Это означает, что Эрдоган все делает правильно, так как люди вновь и вновь отдают за него свои голоса и переизбирают его. Если раньше его поддерживали 35 % избирателей, имеющих право голоса, то в настоящее время — 55 %. Он проводит правильную политику в отношении турецкого народа.

Однако нужно учитывать, что сейчас президент Эрдоган переживает не лучший период в своей жизни, он одновременно сталкивается с большим количеством вызовов. Мне хотелось бы, чтобы у Турции были такие же соседи, как, например, у Швейцарии. Но у нас весьма проблематичные соседи, почти все они вовлечены в какие-либо конфликты.

Турция пережила несколько попыток государственного переворота, незаконный способ захвата власти в конце 2013 года, попытку военного переворота в июле 2016 года, мы боремся с ДАИШ. Те, кто заявляет, что Турция поддерживает радикальные исламистские движения, ошибаются, потому что за последние три года мы уничтожили свыше 3 тыс. членов ДАИШ, а большинство тех людей, которые говорят о борьбе с терроризмом, не потратили на нее ни пенса.

Наша страна постоянно сталкивается с вызовами, нас атакуют террористы. Сегодня действует новое поколение террористических организаций в лице ФЕТО (террористическая организация Фетхуллаха Гюлена). За последние 50 лет эти люди проникли в турецкую судебную систему, армию, дипломатию, основали 1800 школ более чем в 160 странах. Кто-то их финансировал и давал им зеленый свет. Затем была предпринята попытка свергнуть демократически избранное правительство Турции недемократическими методами. Поэтому заявления о том, что Турция ничего не предпринимает, далеки от действительности. Турция пытается обороняться, и мы хотим продолжать делать то, что у нас хорошо получается.

Мы стремимся стать мостом между разными странами, культурами как бывшая столица Римской, Византийской и Османской империй. Стамбул сегодня — это столица Евразии. Мы хотим быть центром мира и ста-

бильности, и я надеюсь, что мы сможем помочь миру в решении возникающих проблем.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется академику Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Коллеги, я с большим интересом выслушал все выступления, и они вызывали у меня позитивный отклик и понимание. Но проблема, на мой взгляд, заключается в том, что сначала вы перечисляете различные преобразования, которые нужно провести в нашей стране для подъема экономики, — в том числе введение прогрессивного налога, деофшоризацию, — а потом говорите, что сейчас их реализовать нельзя, и предлагаете ориентироваться на Китай. Возможно, это правильно, но прежде всего мы должны понять, каково наше место в нынешнем меняющемся мире. Каждый занимает то место, которого он заслуживает своей силой, мощью, искусностью, способностями. Мы утратили многие прежние технологии, и самое печальное — не предпринимаем никаких усилий к их восстановлению. Тем временем США производят самолеты — и весь мир летает либо на «Аэробусах», либо на «Боингах». Они производят айфоны — и мы все ими пользуемся. У них мощная промышленность, они даже свою нефть начали добывать. Поэтому они выживут и утвердятся в той роли, которую сами для себя определяют. То же самое относится и к Европе. Да, конечно, прежняя роль великих держав уменьшится, их потеснит Восток, в первую очередь Китай. А что же мы? Мы, к сожалению, ничего не умеем производить. Например, мы не можем производить автомобили самостоятельно — собираем в основном из чужих деталей. Мы не можем производить газовые турбины. В Крыму они собраны из деталей Siemens. А ведь газовые турбины повышают эффективность использования топлива на 40 %. Иран освоил производство лопато-газовых турбин — это сфера высоких технологий. А у нас нет возможностей для чего-то подобного. Все надежды мы возлагаем на атомную бомбу, на которой сидим, как на поровой бочке. Конечно, благодаря ей нас никто не завоюет, но мир просто обойдет нашу крепость и пойдет дальше, а мы останемся со своими старыми технологиями.

Мы продолжаем разрушать свое образование. Раньше я этого не осознавал, но теперь руководители предприятий рассказывают мне о профессиональном уровне инженеров. Это кошмар! У нас разрушена отраслевая наука, это всем давно известно, но сейчас методично разрушают уже фундаментальную науку. Я боюсь, что если так будет продолжаться, мы останемся мостом для высокоскоростных железных дорог между Китаем и Европой и будем обслуживать эти железные дороги так же, как мы сейчас обслуживаем торговлю новой техникой и так далее.

В связи с этим возникает и проблема Российской академии наук, в которой осталось множество недостатков с советских времен: тогда она точно так же зачастую не могла определить главные направления в развитии технологий, делала колоссальные ошибки.

Современная научная общественность должна осознать, что есть множество проблем в развитии нашей страны и всей русской цивилизации, и очень самокритично посмотреть на себя, а затем активизировать свою деятельность. К сожалению, руководство страны неохотно идет на контакты с представителями научного сообщества. Это еще одна проблема, и мы должны настаивать на том, чтобы нас выслушали — не обязательно со всем согласились, но, на крайней мере, смогли бы организовать экспертную дискуссию вокруг наших ключевых проблем, в первую очередь — низкого уровня отечественных технологий. Этому способствует и наш образ жизни в целом, прежде всего огромное расслоение общества на богатых и бедных. Все эти проблемы требуют глубочайшего осознания. Русская мысль должна осознать пороки своего отечества и заняться их искоренением гораздо активнее, чем это происходит сейчас.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Коллеги, я предлагаю не отклоняться от нашей темы — это международные конфликты, а не внутренние. Приглашаю выступить Валерия Александровича Черешнева, который, как представитель научной общественности, возможно, в чем-то возразит Роберту Искандеровичу или дополнит его выступление.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, я скажу несколько слов о тех аспектах, которых мы еще не касались. Ресурсы и борьба за них, эмиссия валют — все это важно. Но мне кажется, что с точки зрения науки в целом и, в частности, медико-биологической науки, которую я представляю, очень важно еще, и какими чертами характера обладают государственные деятели, включая руководителей государств. Нужны политики масштаба Бисмарка, Ленина, Рузвельта со всеми их достоинствами и недостатками. В свое время США во главе с президентом Трумэн-ом создали план «Троян», который предусматривал развязывание ядерной войны против СССР, и только созданный нашей страной ядерный паритет позволил этого избежать. Дипломатия — не менее значимая сила, чем ядерное оружие. Бисмарк, о котором я уже упоминал, был хорошим дипломатом; во время пребывания послом в России в середине XIX века не только в совершенстве выучил русский язык, но и многое понял о нашей стране. В своих воспоминаниях он пишет, что его особенно впечатлил широкий диапазон понимания слова «ничего» в тех случаях, когда имеется в виду «нормально». «Как погода? — Ничего». «Хорошее мясо на рынке? — Ничего». «Теплая вода в Неве? — Ничего». Он долго не мог понять смысл этого «ничего» — до тех пор, пока его карета не перевернулась по пути в Берлин, и кучер, вытащив его, сказал: «Ничего: барин жив остался — и ладно». После этого он велел выгравировать слово «ничего» на своем серебряном перстне с печаткой и во время выступлений в парламенте часто смотрел на него и повторял: «Господа, не надо ничего затевать против России: ответ будет неожиданный и скорее всего неадекватный».

Какими чертами должен обладать руководитель страны? Попробуем рассмотреть этот вопрос с медико-психологической точки зрения. Во-первых, это должен быть уравновешенный, подвижный сангвиник без холерических вспышек и приступов меланхолии. Во-вторых, он должен сочетать творческий и рациональный типы мышления. Предпочтительнее быть экстравертом, который обращен к народу, а не замкнутым в себе интровертом, который что-то сам для себя придумывает, не советуясь ни с кем. Далее. Это должен быть хороший семьянин: семья делает человека уравновешенным и способствует динамике творческой жизни. Лучше, чтобы он был просвещенным человеком, опирающимся на науку.

В связи с этим хотелось бы добавить несколько слов, касающихся преобразований в научной сфере. Я уже говорил об этом на пленарном заседании и еще раз повторю: нынешние реформы не до конца оценивают исторические процессы развития Российской академии наук. Наша Академия наук была четвертой из созданных на протяжении XVII–XVIII веков научных сообществ после Лондонского королевского общества, Французской и Немецкой академий. Наша академия — единственная из всех была государственной. Сейчас же из нее хотят сделать клуб ученых, как за рубежом. Но ведь она строилась на совершенно других принципах! И наши университеты развивались совершенно иначе, чем европейские. Как можно превращать в клуб ученых то, что является государственным достоянием? Вся система складывалась на протяжении почти 300 лет, а теперь у академии изъяли все институты, через которые она функционировала. Сейчас, поскольку ликвидируется ФАНО, институты, очевидно, будут переводить в министерское подчинение — это на два года работы только по переоформлению документов, но, по сути, опять сохраняется разрыв институтов и академии.

Словом, реформа академической науки требует коррекции масштабной и безотлагательной.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Валерий Александрович, спасибо за Ваш профессиональный медицинский диагноз. Все-таки не хотелось бы, чтобы он привел к летальному исходу. Коллеги, я предлагаю вернуться к нашей основной теме и предоставляю слово господину Хуану Антонио Марку.

Х. А. МАРК: — Постараюсь быть кратким и говорить по сути. Главный вызов — Соединенные Штаты Америки, которые сегодня делают что хотят, и это оказывает на нас влияние. В первую очередь мы должны учитывать прекрасную политическую организацию США, которая действительно работает: 50 штатов провели избирательную кампанию, в ходе которой был избран 45-й президент. Кроме политической системы США сформировали мировую экономику. Нам это нужно учитывать при решении вопроса о том, как обустроить мир.

Поскольку мы собрались в России и дело касается в том числе Европейского союза, необходимо прислушаться к тому, что сказал Амр Муса: прошлое — это

прошлое, а нам нужно стремиться к созданию Большой Европы. Считаю, что Россия не должна быть заинтересована в партнерстве с Китаем. С сожалением можно констатировать, что китайская экономика, которая в 1960 году была в шесть раз меньше экономики СССР, в настоящее время в пять раз крупнее российской. Вблизи китайско-российской границы проживают 200 млн китайцев и только 13 млн россиян. Если Китай станет главным партнером России, то через 10 лет все изменится мирным путем — менеджерами во всех крупных магазинах в этой азиатской части будут китайцы (как, например, в Венеции, в которой сегодня очень много китайцев). Так что главным партнером России является Европа, а не Китай. Считаю, что для россиян безопаснее сближение с европейцами, которым также нужны русские.

Второй момент: восточная часть Европы (Польша, Венгрия, Чехия и т. д.) должна забыть обо всех сложностях во взаимоотношениях с Россией, а Россия — о трудностях выстраивания отношений с Европейским союзом, его амбициях в отношении России. Нам нужно стремиться создать новое пространство в Европе, которое изменит нас, причем оно должно быть многообещающим. У России есть все, что нужно Европе, а у Европы есть все, что нужно России. Так что мы должны быть умнее американцев, вновь стать сильными и создать перспективу для новых поколений. Молодое поколение в Европе уже 25 лет не объединяет никакой проект. Вначале в качестве проектов выступали строительство Европы, затем — создание внутреннего рынка, после этого — создание евро. А какой проект существует сейчас? Только выжить. Этот проект не является великим для 20–25-летних людей. В Италии, Испании, Франции растут националистические настроения. Нам нужен большой проект. Мы вместе создадим крупнейшее пространство в мире с хорошо организованными городами, большими научно-исследовательскими возможностями, и этому ничто не мешает.

Россия всегда участвовала в европейских делах, а Европа — в делах России. Мой последний послыл: пожалуйста, помните о нас, не думайте, что другие усложняют вам жизнь, попытайтесь быть рассудительными, находчивыми, действовать быстро и эффективно.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется доктору философии из Австрии Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Человеческая природа в ближайшее время не изменится, как и в ближайшие сто и тысячу лет, так что главный вызов в международных отношениях — вопрос о том, в какое русло направить и как регулировать тенденцию к агрессии и продвижению собственных интересов в ущерб коллективным.

Здесь уже неоднократно упоминалось понятие «гибридная война». Хочу сказать, что гибридная война по своей структуре не является новым явлением: война всегда была (и должна быть) гибридной, если те, кто ее ведет, хотят добиться успеха. В прошлом использовались другие — невоенные — средства, такие как дезинформация, пропаганда и так далее, а также воз-

возможности разведслужб. Это может измениться, только если (дай бог, чтобы это никогда не случилось!) будет использовано ядерное оружие. При таких условиях (если военачальник считает, что это единственная возможность) все остальные аспекты так называемой гибридной войны перестанут иметь значение.

Второй момент, который я хочу отметить, — невозможность и дальше сохранять мир таким, каким он виделся в 1945 году. Система коллективной безопасности устарела, потому что основывается на предположении, что пять мировых держав после окончания Второй мировой войны должны сотрудничать как равные силы, им предоставлены привилегии в ООН, а именно — право вето. Считалось, что они будут взаимодействовать в духе сотрудничества и не станут злоупотреблять своими привилегиями. Именно право вето делает любую из этих пяти стран почти неуязвимой, если говорить о применении силы. Это положение актуально только в случае баланса сил пяти стран, если бы другие страны могли остановить любую из них от злоупотребления своими привилегиями. Сейчас в мире не существует никакого баланса сил. Именно поэтому Соединенные Штаты Америки считают, что имеют право разрушать Ирак, атаковать Сирию и т. д.

Я согласен с господином Глазьевым и тем, что он сказал. При таких обстоятельствах единственная рациональная альтернатива для руководителей всех стран, которые пока не являются частью глобальной правящей системы, — координация действий таким образом, чтобы постепенно возникали новые центры силы, чтобы мы когда-нибудь в будущем создали новую многополярную расстановку политических сил.

Приведу один факт в ответ на сказанное генеральным секретарем Лиги арабских государств Амром Мусой о Турции. Когда президент Эрдоган (тогда — премьер-министр) посетил с официальным визитом Каир в период президентства М. Мурси, он произнес интересную речь (сейчас ее можно найти только в сокращенном варианте). В частности, Эрдоган говорил о различии между государством и гражданином. Человек может быть мусульманином, христианином или исповедовать другую религию, но государство не может быть ни мусульманским, ни христианским — оно должно занимать нейтральную позицию. Я помню реакцию СМИ, а также «Братьев-мусульман» на слова Эрдогана: «Не вмешивайтесь в наши дела и не пытайтесь давать нам советы». Эрдоган понял проблему, но, к сожалению, его совет не достиг цели. Иначе ситуация в Египте могла сложиться по-другому.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Доктор Ежи Вятр, Вам слово.

Е. ВЯТР: — Я полностью согласен с тем, что сказал господин Марк, особенно с тезисом, что необходимо восстанавливать тесные связи между Россией и Европейским союзом, нужна перестройка всей Европы. Конечно, это сложный процесс, особенно из-за сильных антироссийских, русофобских настроений в некоторых странах Евросоюза, к которым, к сожалению, относится и Польша. Однако это очень важная задача для обеих сторон.

Несколько слов о новой холодной войне. Я не согласен с точкой зрения, высказанной здесь уважаемыми коллегами. Я не верю в то, что в настоящее время повторяется холодная война. Холодная война, по сути, была идеологической борьбой за будущее человечества. Этого больше нет, сейчас мы наблюдаем три основных последствия окончания холодной войны.

Первое — это амбиции США, их стремление к гегемонии, которое критиковали многие, но особенно Збигнев Бжезинский. Я был знаком с ним более 50 лет, он одновременно был американским патриотом и хорошим специалистом по международным отношениям.

Второе последствие — то, как окончилась холодная война и как распался Советский Союз. Это случилось без подготовки, внезапно, поэтому остался ряд нерешенных проблем, как, например, взаимоотношения между Россией и Украиной, Россией и Грузией, Арменией и Азербайджаном и т. д. Надеюсь, эти проблемы будут решены в процессе политических переговоров, достижения компромиссов и т. д.

И третье — имеется ряд международных проблем, которые можно считать остатками холодной войны, например ближневосточный кризис, палестино-израильский конфликт и т. д. Эти важные проблемы создают опасность для мира во всем мире, атмосферу, в которой трудно жить, но они не являются повторением холодной войны.

В заключение хочу сказать, что мы, как интеллектуалы, можем повлиять на международные отношения двумя способами. Первый — в качестве советников (некоторые из нас ими являются или были) и политиков (когда мы сами можем на что-то влиять). Второй способ — в качестве просветителей. Эта роль является более естественной для интеллектуалов. Просвещение — долгий процесс и, конечно, не дает мгновенных результатов, но это способ изменить видение мира простыми людьми и политиками.

Многие проблемы возникают вследствие того, что люди неправильно трактуют отношения: они видят опасность там, где ее нет, узнают врагов там, где нет причин для враждебности, и т. д. Так что диалог, ради которого и проводятся такие встречи, очень важен не только для удовлетворения интеллектуальных потребностей, но и для улучшения мира — чтобы он стал хоть немного лучше.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Большое спасибо! Просвещение очень важно, Вы, как министр образования Польши, прекрасно знаете об этом.

Слово предоставляется профессору Робину Мэтьюзу.

Р. МЭТЬЮЗ: — Хотел бы высказать несколько соображений по поводу услышанного. Первое, что я заметил, — в сообщениях, которые сегодня прозвучали, много говорилось о конкуренции, но мало об эмпатии. Второе — Л. Толстой в своем романе «Война и мир» говорит о Наполеоне и о том, что Наполеон думает, будто все случилось благодаря ему, но это не так. Происходящее — результат вроде бы незначительных событий, которые приводят к важнейшим результатам.

Также здесь говорили о хаосе и сложных системах. Я не согласен с господином Г. Кёхлером, который сказал, что человеческая природа не меняется. Она очень скоро может измениться. Достаточно вспомнить простые примеры (например, шотландцы бросили курить), которые показывают, что люди способны на кардинальные перемены. Также важной является концепция пластичности нервной системы. В результате определенного поведения мы можем изменить генетическую структуру. Кроме того, следует учитывать так называемый «эффект роя»: когда одна группа людей сочувствует и сопереживает, то другие люди делают то же самое, и это напоминает поведение пчелиного роя.

Кроме того, я считаю, что мы упустили важные последствия развития искусственного интеллекта. И я думаю, что он полностью все изменит.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется представителю МИД РФ Ринату Жафяровичу Аляутдинову.

Р. Ж. АЛЯУТДИНОВ: — Возвращаясь к теме конфликтов, стоит напомнить, что причины их многообразны: социальное неравенство, несовершенство государственных институтов, этнические и межконфессиональные противоречия, борьба за ресурсы и, конечно, наследие колониального прошлого. Однако нынешняя геополитическая обстановка уже сама по себе осложняет урегулирование большинства современных конфликтов. Методология управляемого кризиса, которую Запад считал универсальной, больше не работает. Это очевидно прежде всего на примере Совета Безопасности — международного органа, который по Уставу ООН несет ответственность за обеспечение мира и безопасности на планете. Много ли конфликтов удалось погасить Совету Безопасности в последнее время? Складывается ли конструктивный диалог в Совете Безопасности при попытках урегулирования тех или иных конфликтов? Вопросы эти по большей части риторические, поскольку ответы на них вам известны.

К сожалению, в последнее время мы нередко наблюдаем такую картину: внутренние кризисы, возникающие в разных странах по объективным причинам, раздуваются до необъятных размеров, в том числе за счет грубого вмешательства внешних игроков, что, попутно замечу, является нарушением Устава ООН. И вот стране сначала угрожают, потом начинают давить на нее всеми способами. Чаще всего применяется наиболее одиозный инструмент — односторонние санкции.

Оперативно подверстываются сюда и различные теоретические выкладки, касающиеся гуманитарных катастроф, угнетения меньшинства большинством, ущемления прав человека, необходимости принятия срочных мер по защите гражданских лиц. И наконец заходит речь о «гуманитарной интервенции» в рамках продвигаемой ныне в ООН так называемой концепции ответственности по защите. Зачастую в обход Совета Безопасности ООН формируется коалиция стран, которая решает, какие действия предпринимать по отношению к той или иной стране — то есть фактически берет

на себя его функции. Примеров достаточно: Югославия, Ирак, насильственное свержение власти в Ливии и т. д. Подобные действия ведут к девальвации международного права, ослаблению многосторонних институтов и одновременно к росту значения военной силы, о которой в последнее время все чаще стали упоминать и которая рассматривается сегодня некоторыми странами едва ли не как единственная эффективная гарантия продвижения своих интересов и обеспечения безопасности.

Говоря о необходимости международного диалога, хочу еще раз подчеркнуть то, что мы повторяем вот уже много лет: этот диалог должен быть честным, открытым и главное — равноправным. Мы готовы обсуждать любые вопросы. Но как их обсуждать, когда вместо обсуждения нам преподносят уже готовые решения? Возьмем наши отношения с Евросоюзом. До определенного момента они успешно развивались. Я работал в Брюсселе в середине 2000-х годов и участвовал в переговорах с ЕС по разработке «дорожных карт» по четырем пространствам сотрудничества. Вырисовывалась отличная перспектива. Что случилось потом? Как известно, после событий на Украине Евросоюз отказался от стратегического партнерства с Россией и заморозил практически все официальные форматы сотрудничества и контакты на высоком и высшем уровнях. Со своей стороны мы готовы в любой момент все возобновить, готовы к прагматичному открытому и равноправному диалогу. Обращаясь к присутствующим здесь коллегам из Польши и отвечая на их ремарки, хочу сказать, что отношения с Польшей всегда имели для России особое значение. Мы очень надеемся, что у нас будут продолжаться и диалог, и сотрудничество. Но для начала перестаньте хотя бы разрушать памятники советским воинам, они совершенно этого не заслужили. У нас могут быть различные интерпретации событий Второй мировой войны, в том числе тех, что происходили в Польше, но это дело историков. Мы не должны воевать с прошлым, нужно смотреть в будущее.

И последнее, опять же в плане комментария к ряду выступлений. Да, необходимо поддерживать и развивать систему международного права. МИД России ценит Европейскую конвенцию по правам человека, продолжает работу с Европейским судом по правам человека. Что касается Китая, о котором один из предыдущих выступающих сказал, что он привержен западным ценностям, я бы все же посоветовал внимательно изучить итоговые документы последнего съезда ЦК Компартии Китая.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется профессору Дмитрию Валентиновичу Мосякову.

Д. В. МОСЯКОВ: — Большое спасибо за возможность принять участие в дискуссии. У меня будут два небольших уточнения и короткий комментарий по поводу предыдущих выступлений. Первое уточнение внесу как востоковед: опыт Европейского союза не распространяется на весь мир. Он, конечно, учитывается — примером тому в первую очередь служит

АСЕАН. В его основных документах четко говорится, что именно опыт Европейского союза в рамках движения по пути интеграции является для него «дорожной картой». Создание сообщества АСЕАН, запланированное на ближайшее время, целиком и полностью находится в рамках той парадигмы, которая была указана Европейским союзом. Но в то же время я согласен с тем, что Китай совершенно другой. Его основные ценности не соотносятся с обществом потребления, они основаны на принципах «сяокан», подразумевающих в первую очередь контроль за потреблением со стороны государства и социальную справедливость, также поддерживаемую государством. Это очень важные принципы, на которых строится все будущее развитие китайского общества. То есть там не ставится цели достичь потребительского уровня «как в Америке», вместо этого рассчитывается средний уровень потребления для граждан страны. И наконец, небольшой комментарий. В предыдущих докладах много говорилось о необходимости и способах изменений нынешнего положения в мире. Но мы с коллегами, занимаясь Юго-Восточной Азией, в частности Южно-Китайским морем, видим, как на этом пути постоянно возникают преграды. Вот, например, «Роснефть» начала нефтедобычу на месторождении «Красная орхидея». Оно представляет для нас огромный интерес, у нас уже давно построен в этом регионе нефтеперерабатывающий завод, есть рынок сбыта, есть нефтепровод, привезли платформу с Дальнего Востока. Но сейчас опять повторяется ситуация 2013 года, когда с китайской стороны последовали жесткие заявления о запрете на эту разработку. Любые наши предложения о переговорах, о перспективах совместных разработок наталкивались на категорический отказ. Два с лишним миллиона квадратных километров объявлены частью китайской территории, и ни о чем другом речи не идет. Еще Repsol пытался там бурить, но Китай буквально выгнал оттуда всех — испанцев, индийцев. При этом у нас с Китаем в целом развиваются взаимовыгодные отношения, и я считаю, что на этом фоне в подобных локальных ситуациях наши интересы тоже должны каким-то образом учитываться. Это улица с двусторонним движением. Мы, со своей стороны, оказываем Китаю всестороннюю поддержку, начиная с проведения совместных российско-китайских учений в Южно-Китайском море и вплоть до нашей, как мне кажется, не совсем правильной реакции, когда китайцы поставили свою буровую платформу во вьетнамских территориальных водах: все тогда протестовали, Вьетнам ожидал поддержки с нашей стороны, но, к сожалению, ее не было. Получается, что правильные теоретические и стратегические установки вступают в противоречие с возникающими в реальности конфликтами и недоразумениями, которые необходимо разрешать. Спасибо.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Алексею Владимировичу Кузнецову.

А. В. КУЗНЕЦОВ: — Во-первых, возвращаясь к обсуждению конфликтов, хочу подчеркнуть, что

они бывают разного уровня и разной природы. Иногда очень неожиданно для многих наблюдателей даже региональные латентные конфликты перерастают в конфликты международного уровня. Это мы видели, в частности, на Украине. В результате перед Россией возникает дилемма: иметь ли свою активную позицию относительно всех тех конфликтов, которые могут в перспективе приобрести международное измерение, или сосредоточиваться только на каких-то отдельных, наиболее важных для нас. Какова, например, должна быть наша роль в тех локальных противостояниях, примеры которых приводил предыдущий докладчик: вьетнамско-китайских, индийско-китайских и тому подобных?

Если мы выбираем первый вариант — формировать и отстаивать свою позицию по всем конфликтам во всем мире, то должны быть готовы ко многим опасностям. Во-первых, мы рискуем вернуться во времена холодной войны, потому что наша позиция в большинстве случаев не будет совпадать с позициями других более сильных игроков, и это будет их раздражать. Во-вторых, это вызовет необходимость предъявлять к себе более высокие требования, в том числе на уровне внешнеполитической стратегии, поскольку все конфликты в той или иной степени взаимосвязаны, и надо будет координировать наши позиции по разным конфликтам. Но, с другой стороны, это потребует стимулирования экономических и гуманитарных исследований в стране, потому что по некоторым регионам Африки, Азии и Латинской Америки расширять аналитическое направление действительно необходимо. Возникает и еще один очень важный момент: просто заявлять свою позицию по тому или иному конфликту — это не конструктивно. Конструктивно — искать постоянных или хотя бы временных союзников по текущим вопросам, и это вряд ли возможно, если стоять на сугубо антиамериканской или прокитайской позиции. Мы должны решить для себя вопрос — и в то же время попытаться получить честный ответ на него от европейцев, — насколько продуктивным и долгосрочным может быть диалог с Европейским союзом. Хотя существуют и иные недавно возникшие «центры силы» — Бразилия, тот же Китай — именно Евросоюз наиболее подходит России в качестве стратегического партнера.

И в заключение хотелось бы сказать о роли культурных барьеров в разрешении конфликтов. Россия, безусловно, готова к международному диалогу, но вопрос в том, понимаем ли мы до конца, как формируется общественное мнение в Западной и Центрально-Восточной Европе? Насколько сильны культурные барьеры между нами и нашими партнерами из ЕС? У нас часто говорят о манипулировании общественным мнением, распространенном на Западе, — но ведь получается, что те, кто манипулирует, знают, на какие рычаги нажимать, а России остается только досадовать, что опять не удалось донести свою точку зрения до западных партнеров. Поэтому такие вещи нужно серьезно обдумать, и прежде всего нужно дать самим себе ответ на вопрос, чего мы реально хотим. Пока, к сожалению, мы не можем прийти к консенсусу даже внутри страны, не говоря уже о международном уровне. Наше

участие в конкретных трех-четырёх крупных международных конфликтах по большей части реактивное: мы не планируем свою внешнюю политику ни на десять лет, ни даже на год вперед. Эту ситуацию нужно менять.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется господину Уго де Шаваньяку, Генеральному консулу Франции в Санкт-Петербурге.

У. де ШАВАНЬЯК¹: — Сегодня мы выслушали разные мнения, среди них были и очень пессимистические, например мысль о новой холодной войне, которая уже началась или возможна в будущем. Это напоминает мне сюжет пьесы французского драматурга Жана Жироду под названием «Троянской войны не будет». Конечно, в конце пьесы Троянская война начинается. Однако я считаю, что мы находимся в противоположной ситуации. Я не придерживаюсь мнения, что холодная война фактически идет, и не верю, что она возможна.

Действительно, сегодня существует ряд проблем, которые вызывают беспокойство. Одна из актуальных — проблема кибербезопасности. Киберпространство совершенно не урегулировано, трудно определить правила игры для этой весьма специфической сферы, но в этом заинтересованы все. Так что мы можем надеяться, что пути и средства решения проблемы все же будут найдены.

Кроме того, в современном мире взаимозависимость между странами гораздо сильнее, чем в прошлом. Из-за того, что США вышли из Парижского соглашения по климату, мы можем быть настроены пессимистично, но должны понимать, что само Парижское соглашение стало фантастическим достижением, в результате которого международное сотрудничество поднялось на беспрецедентный уровень в решении глобальных проблем. США в любом случае придется вернуться к участию в этом соглашении (в какой-либо степени), потому что это актуальный вопрос, игнорировать который невозможно.

Еще одна важная проблема — терроризм. Возможно, это не вопрос существования мира, как говорят некоторые, но нечто совершенно неприемлемое для наших стран и веская причина для сотрудничества.

Последний, но не менее важный вопрос — экономика. В экономике есть области, в которых отмечается конкуренция, — так было всегда. И геополитическая

¹ Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге (с 2017 г.). Работал в Министерстве международного сотрудничества и развития Франции (Париж, 1987–1992); в Европейской комиссии (Брюссель, 1992–1995); в Управлении по экономическим и финансовым вопросам при МИД Франции (Париж, 1995–1998); вторым советником в Посольстве Франции в России (Москва, 1998–2001); в Постоянном представительстве Франции при Евросоюзе (Брюссель, 2001–2005); советником президента Румынии по европейским вопросам (Бухарест, 2005–2007); в Генеральном секретариате Комиссии по Белой книге о международной и европейской политике Франции (2007–2008); директором по вопросам международных и европейских связей в МИД Франции (Париж, 2009–2010); советником по сотрудничеству и культуре и директором Французского института при Посольстве Франции в России (Москва, 2010–2013); в Управлении по вопросам предпринимательства и международной экономики при МИД Франции (Париж, 2014–2016).

конкуренция — тоже не новость. Мы также наблюдаем сильную взаимозависимость, когда говорим о взаимоотношениях между двумя важными мировыми игроками — США и Китаем — в экономике и значительно больше — в геополитике. Торговая война будет иметь ужасные последствия для обоих участников. Полагаю, что дальше проведения трудных переговоров и бряцания оружием дело не пойдет, а также не верю, что начнется торговая война. Я не считаю, что мы вернулись в 1940-е годы, потому что сегодня ситуация в плане экономической взаимозависимости сильно отличается от того, что было в прошлом.

В заключение приведу французскую поговорку: «Нельзя быть уверенным в том, что дела обстоят хуже всего именно сейчас». Кроме того, добавлю: остерегайтесь навлечь беду, потому что если все время говорить о холодной войне, то она может стать реальной перспективой, а это никому не нужно.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется профессору из Исландии, доктору философии Валуру Ингимундарсону.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Я согласен с тем, что здесь говорилось о новой холодной войне, и не считаю это неуместным или несвоевременным (и не только потому, что этот вопрос в большей степени был вопросом идеологии, особенно на начальном этапе).

Несколько слов о стабилизации двухполюсной системы. Ранее господин Колодко сказал, что Запад в настоящее время расколот по многим направлениям. Причем это раскол не только в отношениях между Америкой и Европой (который необязательно должен усугубляться, но вполне может из-за президента Трампа), но и внутри самой Европы. Сейчас серьезную проверку проходит политическая идентичность, что связано с ростом популизма и ультранационалистической изоляционистской политикой. Нам не следует переоценивать влияние Трампа: несмотря на его односторонние действия, ему не удалось переделать американскую элиту и изменить ее отношение к внешней политике, полностью подчинить себе Республиканскую партию и добиться долгосрочного альянса с рабочим классом, выходцами из Латинской Америки и чернокожим населением. Я не уверен, что частью большой американской стратегии является вбивание клина между Китаем и Россией. На мой взгляд, в настоящее время американцы больше обеспокоены стратегическим соперничеством с Китаем.

Господин Мэтью упоминал об эмпатии и необходимости более тесного сотрудничества. Я тоже считаю, что этому нужно уделять больше внимания. Назову один регион в мире, где такое положение дел уже прослеживается, — это Арктика. В этом удаленном и важном регионе присутствуют Россия, Америка, Канада и другие страны, действия которых регулируются международным правом, Конвенцией ООН по морскому праву, договорами и работой Арктического совета. Наблюдается полное принятие установленного порядка как участниками Арктического совета, так и другими странами. Очевидна необходимость установления

взаимопонимания между великими державами, США и Россия должны осознавать, что Арктику нельзя рассматривать как зону геополитических конфликтов. Об этом уроке нельзя забывать в наше сложное время, когда возрастает международная напряженность, крупные державы проводят одностороннюю политику и развязывают войны (но ведут их чужими руками) во всех частях света.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Слово предоставляется профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — У меня нет иллюзий, что нынешний (и будущий) мир способен преодолеть международные конфликты. В таком благом состоянии он не пребывал никогда. Задача мирового сообщества заключается в том, чтобы не доводить эти конфликты до военных столкновений между основными центрами силы, потому что в условиях существования атомного арсенала это может иметь катастрофические последствия для всей планеты. Разумеется, главная ответственность за недопущение такого развития событий лежит на этих самых силовых центрах, но разделяться она должна и всем мировым сообществом. Оно не должно уповать только на благоразумие «великих», а должно в меру своих сил и возможностей активно содействовать разрядке мировой напряженности.

К сожалению, это происходит не всегда и не везде. Отдельные страны, пребывающие в плену истори-

ческих обид за прошлое, не только не способствуют мирному процессу, но, по сути, делают все, чтобы его не было. В данном случае я имею в виду новых членов Европейского союза и НАТО — Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Румынию и других, которые постоянно нагнетают атмосферу страха, уверяют своих старших союзников в злокозненных намерениях России, в том, что она вынашивает планы их поглощения. Спасение от «российской угрозы» указанные государства видят в военных контингентах США и НАТО и возделенно заывают их к своим границам. При этом решают и внутренние экономические проблемы, получая от коллективного Запада финансовую помощь.

Русофобия для них превратилась, по сути, в средство для безбедного существования. США и старая Европа охотно откликаются на тревожную озабоченность своих новых союзников, в результате чего и у западных границ России формируется очаг напряженности, который ничего хорошего не сулит ни «младоевропейцам», ни России, ни европейскому миру в целом. Он не обязателен, совершенно искусствен и, будь названные страны более ответственны перед будущим и более нравственны в международных отношениях, его вообще не было бы.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Уважаемые коллеги, на этом мы завершаем нашу дискуссию. Хочу поблагодарить всех выступавших за открытость, профессионализм, позитивный конструктивный диалог.

Секция 2 МАРКСИЗМ И КУЛЬТУРА (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса)

18 мая 2018 г. Лекционный зал № 4, СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ — научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ — ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Ж. Т. ТОЩЕНКО — председатель международного редакционного совета журнала РАН «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

О. В. Архипова¹

МАРКС О КУЛЬТУРЕ КАК ПРОСТРАНСТВЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Каждая большая философская система чем-то завершается. Это завершение не «вообще всего», но только того или иного духовного мира, той или иной смысловой парадигмы. Так, у Карла Маркса социально-историческое движение человечества выходит «на финишную прямую» в коммунизме, который одновременно становится и завершением, и началом «подлинной человеческой истории», исконного бытия культуры, времени раскрытия сущности человеческого существования.

Вспомним «Капитал» Маркса. Как известно, капитализм философ исследует в категориях времени: необходимое время, прибавочное время, рабочее время. В этом заложен глубокий смысл. Дело в том, что капитализм — строй, существующий во времени; строй, количественный по определению. Он превращает качественные характеристики бытия в количественные. Отметим особо, что количество нужно для извлечения максимальной прибыли: капитал нарастает во времени, в отличие от творческого процесса, который «нарастает» в пространстве. Деньги вообще, по природе своей, как бы обратный (в противовес известному закону диалектики) «переход качественных различий в ко-

личественные», не случайно они — всеобщий эквивалент — безразличны к качественной определенности.

О коммунизме у Маркса речь идет как о принципиально другом феномене, новой эпохе, заменяющей, наоборот, количественное качественным. В тесной связи с коммунизмом Маркс анализирует категорию свободного времени. Свободное время (а коммунизм — это «царство свободы») — уже не совсем время и даже совсем не время, а пространство всестороннего развития сущностных сил человека. Коммунизм призван освободить творческую природу человека. Вот, пожалуй, наиболее яркое рассуждение Маркса на этот счет: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»².

¹ Профессор кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор философских наук. Автор 130 научных публикаций, в т. ч.: «Идея образования в контексте постнеклассической культуры», «Культурологические и философские аспекты дихотомии “славянофилы” — “западники”» (в соавт.), «Этюды метафизики творчества» (в соавт.), «Творческая личность в современной репрезентативной культуре», «Культурология творчества в современной репрезентативной культуре», «Цифровые тренды культуры: опыт трансформации культурных практик» и др.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. Первоначальный вариант «Капитала». М., 1980. Ч. 1. С. 481–482.

Через все эти размышления проглядывает главная и очень оригинальная идея: коммунизм у Маркса — пространство. При коммунизме необходимое, прибавочное (в целом — рабочее) время и свободное время (которое уже «не совсем время») перестают быть временем, а становятся пространством развития существенных сил человека. Выход за пределы времени — вот сущность коммунизма по Марксу. Гипотетический Марксов коммунизм — «царство свободы», осуществившееся наконец пространство свободной человеческой деятельности, царство творчества, а заодно — начало истории и подлинной культуры человечества.

В этом плане в высшей степени интересен анализ категории «труд». Маркс, как известно, делил труд на конкретный, абстрактный и всеобщий. Конкретный труд — это производство конкретной качественной определенности вещи, его продукт — «потребительская ценность» (стоимость). Абстрактный труд — это трудовой процесс как таковой, рассматриваемый с точки зрения количества затраченной умственной и физической энергии: он создает меновую стоимость, то есть субстанцию, позволяющую обменивать товары друг на друга, а впоследствии — продавать и покупать их за деньги. Конкретный труд — качественная категория, абстрактный — количественная. Деньги связаны с абстрактным пониманием труда: они сами абстрактны. Между тем, творчество — сугубо качественная категория, которая не может измеряться ни деньгами, ни временем, затраченным на его «производство». Именно поэтому, как отмечает Маркс, «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»¹.

Теперь перейдем ко всеобщему труду, имеющему непосредственное отношение к природе творчества, точнее говоря, к социально-историческому способу бытования творчества. Маркс пишет: «Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную ко-

операцию индивидуумов»². Нет необходимости прибавлять, что всякое творчество, прежде всего художественное (ибо любой творческий акт носит, по природе своей, художественно-эстетический характер), — типичная форма именно всеобщего труда.

А теперь вспомним, что Маркс говорил о коммунизме как пространстве, освобождающем творческие силы человека. Тогда всеобщий труд оказывается трудом, соответствующим коммунистической эпохе истории человечества, парадоксально превращающей время, при помощи которого измеряются жизненные, трудовые процессы человека (рабочего) в буржуазном обществе, в свободное пространство самореализации человеческой сущности при коммунизме. Можно также сказать, что всеобщий труд есть производство культуры³.

Ясно, что только в культуре возможно осуществление того, о чем говорит Маркс. Культура и есть стихия творящих энергий, рождение смыслов, осуществление потенций сущего, связанных с появлением нового. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс пишет: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, то есть когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно [владеем]: едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем»⁴. (Заметим, в высшей степени актуальная мысль!) Через творчество жизнь становится выразительной, человек выявляет и выражает себя, опредмечивает свою сущность. Актом творчества личность переводит внутреннее во внешнее, оставляет свой уникальный след, не обязательно в произведении, а в общении, в воздействии на других людей, в их памяти.

В противовес этому творчество не утилитарно и не прагматично, оно вступает в принципиальное противоречие не только с законами буржуазной цивилизации (тут это противоречие особенно вопиюще), а с закономерностями вообще всей сферы социально-исторического бытия культуры-цивилизации. Именно в этом смысле надо понимать мысль Маркса о том, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1962. Т. 26, ч. 1. С. 280.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 25, ч. 1. С. 116.

³ См.: Межуев В. С. Идея культуры. М., 2006. С. 162–164.

⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Капитал: критика политической экономии. М., 2011. Т. I. С. 871.

⁵ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 26, ч. I. С. 280.

И. М. Быховская¹

ГАРМОНИЯ КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ: ТРАЕКТОРИИ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПОИСКИ ПУТЕЙ ВОПЛОЩЕНИЯ

Идея гармонии — соразмерности, стройности частей единого целого — является одной из тех доминант, которые пронизывают все составляющие марксистского учения. Именно стремление к такого рода соразмерности и в этом смысле к культуросообразности лежит в основании учения о человеке и его формировании и служит ориентиром для преобразования общества (ради той же гармонизации). Да и к самому создателю рассматриваемого мировоззренческого вектора — К. Марксу, к его ориентирам и их жизненным воплощениям в значительной мере можно отнести этот принцип стремления к гармонизации всех основных начал человеческой жизнедеятельности: интеллектуального (философ), эмоционально-эстетического (поэт), креативно-новаторского (ниспровергатель устоявшегося), нравственного (борец за справедливость), телесно-физического (просто красивый человек).

Блестящий знаток великого интеллектуального наследия человеческой мысли, стремящийся не к демонстрации своего «я»: «это я — во всем первый» (что иногда присуще современным «первооткрывателям», игнорирующим или, увы, нередко просто не знающим того, что было сделано *до* них), К. Маркс, напротив, в качестве *обязательного* элемента в ходе своих размышлений глубоко анализировал все богатство философской рефлексии, накопленное предшественниками при осмыслении той или иной проблемы, стремился извлечь из этого арсенала все, что, по его представлениям, могло быть эвристичным для решения собственных, актуальных на тот момент задач. В полной мере эта позиция распространялась и на проработку К. Марксом идеи гармонии, ее целеполагающей силы и преобразовательного потенциала.

Анализируя под этим углом зрения культур-философские штудии мыслителей разных веков, К. Маркс показал, что идея гармонии и стремление к ее достижению никогда не покидали человека. Сквозь призму этой идеи он, человек, лицезрел загадочный великий космос, открывая в нем гармонию сфер; замирал в восхищении от соразмерности всего и вся в природе, начиная с мельчайших букашек и крохотных тычинок цветка и заканчивая гармонией необозримых ландшафтов... Однако, несомненно, особым предметом его внимания и вождления, «материалом» для размышле-

ния о самой сути соразмерности и поиска путей, ведущих к ней, был собственно сам *человек*. К. Маркс активно присоединился к дискуссии именно потому, что важнейшая составляющая в обсуждении этой проблемы была связана не просто со стремлением «соучастников» отточить, выкристаллизовать собственно идею гармонии, но и, главное, описать, объяснить возможные пути ее воплощения в реальность. Как известно, не всегда эти попытки завершались успехом, иногда и вовсе оборачивались своей противоположностью. Но неустанность, с которой человечество снова возобновляло их, несмотря на все анти- и контраргументы, — разве это не свидетельство привлекательности и неустранимости идеала гармонии? Разве это не аргумент в адрес тех скептиков, кто и сегодня лишь криво ухмыляется, услышав разговор о поиске путей становления «человека гармоничного»? Однако, далекие от такого рода скепсиса, не будем впадать и в эйфорию: ведь долгая жизнь идеи — еще и признак того, сколь сложной для воплощения она оказалась, сколь много очевидных препятствий и подводных камней возникало и возникает на пути ее реализации. И, может быть, правы те, кто говорит о гармонии более как об идеале — желаемом, но никогда полностью не достигнутом, чем как о возможной реальности человеческого существования?

Сопоставление успехов и неудач в стремлении достичь *воплощения* идеи гармонии в разных формах, применительно к разным сегментам социальной жизни человека занимает многие тома. Мы же в данном случае рассмотрим лишь один срез этой проблемы, который непосредственно может быть соотнесен именно с понятием «*воплощение*», то есть связан с вечным поиском гармонии между двумя важнейшими ипостасями существования человека: его духовным и физическим началами, внутренним миром и внешними (телесно-двигательными) формами проявления его человеческой сущности, а в конечном счете — с вопросом о гармонии тела и духа как ядром человеческой культуры в целом.

Понимание культуры как гармонии, соразмерности характерно для разных эпох и народов, оно «прочитывается» в традициях восточных и западных. Однако, быть может, никогда и нигде этот подход не был столь ярко и явно выражен, никогда и нигде этот мотив не приобрел такого мощного звучания, как в лоне античной культуры, интерес к которой и восхищение ею никогда не скрывал К. Маркс. Именно этот исторический тип культуры, воспевавшей гармонию, соединивший в своей системе ценностей телесное и духовное развитие человека как два равноправных вектора его становления и совершенствования, стал лоном и прологом для всей последующей культурной истории. Произшедшая в последующем декартовская дихотомизация человека (внутреннее = разумное, рациональное, интеллектуальное, нравственное vs внеш-

¹ Эксперт по социальным проблемам физкультуры и спорта Московского городского педагогического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций (на русском, английском, немецком, японском языках), в т. ч.: «Прикладная культурология: потенциальное vs актуальное», «Музыка в социокультурном измерении: векторы и парадигмы анализа», «Социальное сквозь призму “культурного”»: в поисках адекватной оптики», «Культурологические смыслы практик и практические смыслы культурологии», «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (науч. ред.) и др. Член редколлегии нескольких международных журналов по социокультурным проблемам молодежи, спорта, досуга. Награждена медалью «За доблестный труд».

нее = телесно-физическое, внекультурное) надолго увела мысль от античного стремления к человеку гармоничному во *всех* его проявлениях. Для Маркса же, что очевидно присутствует в его антропологических штудиях, гораздо более близким оставался именно античный взгляд на необходимость сопряжения и соразмерности в культивировании души и тела, создание условий (через образование, воспитание, идеологическое воздействие) для этого «полноформатного» процесса приобщения человека к ценностям культуры во всех ипостасях. Поскольку тело и дух были едины для грека, телесная красота для него — это *не* красота физическая, это *не* физическое совершенство, а красота и совершенство *человека* как такового. Совершенства, обнаруженные человеком телесным (пропорции, сила, ловкость и т. д.), имели для грека смысл не только эстетический, но и нравственный: ведь истина, добро и красота неразрывны для него — и это триединство никогда не упускал из виду и Маркс в своих размышлениях о человеческом совершенствовании. Говоря об античных традициях воспитания человека, он обращался к Платону, выделявшему в качестве обязательных два вида образования — музыкальное и гимнастическое, что отражало все ту же идею гармонии телесного и духовного начал. Другой стороной этого подхода была также *недопустимость абсолютизации* физического совершенствования, когда развитие и укрепление тела могли бы стать самоцелью и перейти грань необходимой соразмерности культуры телесности развитию внутренней, духовной культуры.

Справедливости ради отметим, что Античность дала примеры иного рода отношения к телу, которые можно было бы назвать «соматическим негативизмом», когда ценность человеческого тела, его красоты и здоровья не только не увязывалась с внутренним миром человека, его развитием, но и противопостав-

лялась: «Слабые телом способны умом», — писал, к примеру, Аристотель, сея семена подозрительности и сомнения по отношению ко всякому, заботящемуся о своем теле. Этот взгляд был своего рода прелюдией к последующему длительному этапу, когда на смену античному возвышающему культивированию тела человека пришла иная доминанта — презрительно-уничтожительное или, по меньшей мере, незаинтересованное отношение к телу, движению, физическому воспитанию; когда, как писал Т. Готье, место античного взгляда на тело как на дворец души заняла его противоположная оценка — как тюрьмы, ограничивающей и отягчающей возвышенный дух человека.

Как и во многих других областях, «ценностный маятник» не раз совершал свои движения в развитии (смене) взглядов на проблему «гармония — противостояние тела и духа», и эти разнонаправленные векторы нашли отражение и в марксистском дискурсе, который вобрал в себя и размышления о восстановлении идеи целостности человека в эпоху Возрождения, и обращение к трудам Ж.-Ж. Руссо и М. Монтеня, и многое другое.

Принес ли в этот процесс что-нибудь принципиально новое XXI век? Куда качнулся маятник сегодня? Насколько мы приблизились к реализации прекрасной идеи Маркса о гармонизации человека, всей человеческой жизни как одного из базальных оснований культуры? Очевидно, что идея гармонии не умирает, она — одна из тех высших и вечных ценностей, которыми живет и никогда не перестанет жить человечество; одно из тех пожеланий, которые каждому из нас приходится слышать, принимая поздравления, наставления и т. п. Остается «малое» — повседневный и тяжелый труд (в образовании, воспитании, самоосуществлении), который позволил бы перевести идею гармонии человека из статуса идеала в статус реальности.

В. В. Горшкова¹

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ К. МАРКСА

Учение К. Маркса занимает важнейшее место среди направлений западной философской и общественно-политической мысли XX века. Свою концепцию Маркс, являясь противником какой бы то ни было идеологии, позиционировал как научную историческую теорию, «материалистическое понимание истории»; однако его последователи как на Западе, так

и в России трансформировали идеи Маркса в партийную идеологию. В СССР под марксизмом всегда подразумевалась идеология, хотя и с элементами научной теории. Сам же Маркс полагал, что неправильно было бы соединять понятия науки и идеологии, так как основной задачей науки является поиск истины, в то время как идеология выдает за истину интересы правящей элиты и господствующего класса. Не отрицая значительной роли, которую идеология играла на протяжении всего исторического процесса, Маркс тем не менее полагал, что рабочий класс, выражая интересы большинства, и мыслить должен «всеобщим образом», то есть с позиций науки. Таким образом, свое учение, выражающее интересы рабочего класса, Маркс считал скорее научным, чем идеологическим.

Идея социализма на протяжении XX века выражала надежды и устремления не столько рабочих, сколько мыслителей, философов и интеллектуалов. Одна

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 440 научных публикаций, посвященных проблемам педагогики, философии и технологии образования, в т. ч. 30 монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденция развития», «Гуманитарная миссия педагогики», «Образование взрослых как феномен культуры, социальный институт и образовательная метасистема», «Диалог в образовании человека», «Мир конфликта: субъект и реальность» и др. Член редакционного совета «Педагогического журнала», «Вестника Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна». Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук».

из важных идей Маркса, оказавшаяся не востребовавшей его последователями, заключается в том, что общество будущего в своей основе имеет преимущественно не рабочее, а свободное время. Большинство людей чувствуют себя подлинно свободными не на рабочем месте во время исполнения трудовых обязанностей, а в пространстве неформального общения, в кругу семьи и друзей. С позиций социально-философского учения Маркса, в свободное время люди по-настоящему живут, а в рабочее, как правило, зарабатывают на жизнь. По словам Маркса, «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»¹.

Соотношение времени, свободы и вечности непосредственно определяет онтологические приоритеты, которые человек выбирает для себя. В условиях нестабильного социума человек, чья главная забота — заработать как можно больше денег, как правило, не задумывается о глобальных и вечных вопросах. Приоритетной целью такого человека становится материальное и физическое благополучие, а духовные ценности оказываются вытеснены на периферию, в то время как именно они являются важнейшим фактором становления человека как подлинно свободного субъекта. Если человек делает ставку исключительно на приумножение материальных благ, то все духовное вызывает лишь снисходительную улыбку, и в этом случае ни о какой свободе и вечности не может быть и речи. Другое дело, если человек выходит за пределы этого и ставит перед собой сверхзадачу — создание не просто материального благополучия для себя, но и *самого себя* и, что еще труднее, своих *отношений с другими*. В таком случае ему удастся прорваться в контекст жизни культуры, которая только и имеет отношение к вечности, которая есть единственный проект будущего человеческого общества.

Человек не только созидает нечто полезное для себя и других, но и создает самого себя как подлинного субъекта бытия и взаимодействия с другими в пространстве свободного времени, увеличение которого «можно рассматривать как производство основного капитала, причем этим основным капиталом является сам человек»². Свободное время — это время жизни человека в культуре, и именно в нем Маркс видит основу для будущего обновленного общества. Культура предоставляет человеку возможность прикоснуться к вечности, а следовательно, приобщение человека к культуре способно сделать его подлинно свободным. Культура дает человеку свободу от слабостей и пороков и в то же время свободу для самосовершенствования и непрерывного созидания каждым человеком себя, более совершенного и универсального. В этом смысле суть свободного общества, каждый субъект которого воспринимает свободу как свободу для всех, а не свободу от всех, заключается в духовно-нравственных ограни-

чениях и осознании каждым степени и меры своей «переживаемой ответственности» (В. Франкл).

Идеи Маркса предстают как продолжение гуманистической традиции европейской культуры, берущей начало в эпоху Возрождения, — по его словам, коммунизм есть практический гуманизм³, а для гуманистов высшим идеалом являлась свободная индивидуальность. Маркс, не имея перед собой задачи сконструировать статичную системную модель будущего общества, рассматривал коммунизм как процесс осмысленного и непрерывного создания людьми самих себя и отношений с окружающими. Культурную альтернативу высшей фазе цивилизационного развития — капитализму — Маркс видел именно в коммунизме, где главенствующим является не экономический, а культурный капитал.

Маркс разделяет понятия материального и духовного труда, не сводя понимание процесса труда только к материальному производству. Труд может являться также духовным производством, когда человек, достигший определенного уровня знаний и способностей, преобразует себя и окружающий мир, создавая новые объекты культуры. Духовные блага, достижения науки, искусства — все это продукты труда, требующего интенсивного напряжения творческих и интеллектуальных ресурсов человека. Не стоит также забывать и еще об одном немаловажном результате труда — социальном; субъект труда сам развивается и совершенствуется в процессе созидания. Как утверждал Маркс, «в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, то есть сам человек в его общественных отношениях»⁴, так как труд — это общественный процесс, который непосредственно связан с развитием отношений общения между его участниками.

Под историческим процессом Маркс понимал не развитие вещей и даже не развитие идей, а становление и развитие самого человека. Смысл истории Маркс видел в переходе к индивидуальному бытию, ведь только взаимосвязь и взаимодействие людей как индивидуальностей является подлинным обществом, где свобода каждого отдельно взятого человека является свободой всех. Сущность социализма в представлении Маркса заключается в освобождении человека от экономической зависимости, власти капитала. Социализм несет человеку освобождение от вынужденной функции рабочей силы; в обществе осуществляется переход от производства материальных благ к производству собственно человека как целостного и индивидуального онтологического субъекта. Именно таким образом может быть осуществлен переход общества из пространства экономики в пространство культуры, что позволяет назвать теорию Маркса культурологической в большей степени, чем экономической или общественно-политической⁵. Маркс представляет будущее социалистическое общество в культурологических ка-

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010. С. 344.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 2. С. 221.

⁵ Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 309.

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Ч. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 25, ч. 2. С. 386.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1969. Т. 46, ч. 2. С. 221.

тегориях, важнейшей из которых выступает свободное время как фактор преобразования человека в целостного и гармоничного субъекта общественной жизни.

Если в социуме «мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»¹, которым располагает человек, то в таком случае основным общественным достоянием, основным «капиталом» будут не столько материальные ценности, сколько усилия, стремления, способности и таланты человека, его взаимоотношения с окружающим миром и другими людьми.

Таким образом, в концепции Маркса социализм и коммунизм являются не столько экономической, сколько культурной альтернативой капитализму. Без сомнения, они базируются на экономических предпосылках и требуют определенного уровня развития производительных сил и производственных отношений, однако приоритетной своей целью имеют не создание нового экономического строя, а освобождение человека от диктуемых ему экономикой функций и его трансформацию в качественно новый субъект общественного развития.

Ю. А. Гранин²

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ КОММУНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКСА: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

История царской, советской и современной России являет собой длинную череду «догоняющих модернизаций», ни одна из которых не увенчалась бесспорным успехом. В том числе попытка «построения коммунизма», неудачи которой задним числом поспешили записать и на счет классического марксизма. Последний не нуждается в оправданиях: идеи Маркса получили развитие в десятках блестящих трудов многочисленных представителей нео- и постмарксизма. Однако без однозначного ответа остается важный вопрос: почему, невзирая на прижизненную критику и многие факты эволюции капитализма, марксистская программа революционного свержения капиталистического строя и проект будущего устройства общества на коммунистических началах остались без существенных изменений? По мнению автора, это связано с тем, что коммунизм Маркса был философским коммунизмом — закономерным выводом из философской антропологии и философии истории Маркса 1842–1845 годов.

Следует вспомнить, что формирование классического марксизма оказалось тесно связано лишь с одним — философским — течением в русле европейской коммунистической мысли. В статье для газеты *New Moral World*, написанной Энгельсом в октябре 1843 года, содержится важное замечание, весьма точно характеризующее если не всю группу младегегельянцев, то, по крайней мере, его самого и Маркса: «Немцы — нация философская, они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их *собственной* философии. И вот задача, которую нам предстоит теперь выполнить. Наша партия должна доказать, что либо все

усилия немецкой философской мысли от Канта до Гегеля остались бесполезными и даже хуже чем бесполезными, либо их завершением должен быть коммунизм; что немцы должны были отречься от своих великих философов, чьи имена составляют их национальную гордость, либо признать коммунизм. И это будет доказано»³.

Так и случилось. И в начале 1840-х годов, и позже Маркс и Энгельс оставались верны задаче философского обоснования возможности реализации глобального гуманистического проекта — освобождения человечества от власти им же порожденных, но чуждых ему структур мышления и бытия. Продолжая линию теоретического обсуждения проблемы осуществления политических прав и свобод человека, Маркс связывает ее с переосмыслением диалектики соотношения гражданского (буржуазного) общества и государства. Вопреки Гегелю, который считал, будто бы первое (сфера частного интереса) является продуктом отчуждения второго (сферы всеобщего интереса), он доказывает, что именно частный интерес диктует свою волю государству и гражданское общество определяет его (государства) природу. Вот почему расчеты только на политическую эмансипацию индивида как средство его освобождения безосновательны в силу классового характера имевшихся до сего дня любых политических революций, не затрагивавших самих устоев современного общества и государства и потому не могущих обеспечить общечеловеческую эмансипацию.

В действительности демократическая правовая форма современного государства — лишь маска, лицемерно скрывающая и монополизацию властных функций отдельными группами (выдающимися свой частный интерес за всеобщий), и фактическое неравенство между имущими и неимущими⁴. Поэтому политическая эмансипация общества должна быть доведена в ходе революции до социальной эмансипации. Именно пролетариат — тот класс, который может осуществить

³ Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 540.

⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Там же. С. 425–426.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 2. С. 217.

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др.; статей: «Национальная идентичность в глобализирующемся мире», «Глобализация: диалектика исторических форм осуществления», «Модернизация России: в колее “зависимого развития”» и др.

«радикальную революцию» и «общечеловеческую эмансипацию». Способность этого класса на радикальный освободительный прорыв в будущее гарантирована, по мнению Маркса, его объективным положением: это класс гражданского общества, который уже не есть класс гражданского общества, это класс, скованный радикальными цепями и универсальным страданием. Его появление возмещает фактическое разложение существующего миропорядка. И, требуя «отрицания частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возвело в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества»¹.

Порывая с идеализмом, Маркс рассматривает теперь исторический прогресс не как «развитие понятия свободы», а как практическое движение к освобождению человечества, строит на базе «деятельностной» онтологии антропоцентристский социоприродный универсум. Философия Маркса представляет собой «практический» материализм, интерпретирующий природу и общество как «чувственно-предметную реальность», чьим способом существования выступает «практика» («праксис») — форма объективного процесса, связующего «природный и социальный миры» в единое целое, становление и развитие которого и есть «человеческая история».

Интерпретируя последнюю как процесс взаимодействия природы и общества в их обусловленности предметной (совместной и индивидуальной) деятельностью и одновременно полагая эту деятельность в качестве сознательной и свободной, Маркс анализирует прогресс человечества во всеобщем и конкретном исторических аспектах. В конкретно-историческом — как отчуждение (в государство, право, религию, семью и т. п.) родовой сущности человека. В общеисторическом — как возврат к этой родовой сущности через снятие отчуждения посредством политической формы эмансипации рабочих. В этих аспектах Маркс анализирует коммунизм в качестве идеи «упразднения частной собственности», проходящей в своем развитии несколько этапов, воплощенных в «неподлинных» и «подлинной» формах коммунизма. Современные ему формы коммунизма он оценивает как «незавершенный, неадекватный собственному понятию *грубый коммунизм*, который базируется на таких социально-психологических чувствах, как “зависть” и “жажда нивелирования” всех под лозунгом “равенства”. Будучи теоретически подкрепленными коммунистической фразеологией, эти чувства получают завершение в стремлении “уничтожить *все* то, чем на началах *частной собственности* не могут обладать *все*”, где “категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей...”»². Такое «упразднение частной собственности», по Марксу, есть не действительное, а лишь формальное обобществление, при котором частная собственность преобразуется фактически во «всеобщую частную собственность».

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. С. 428.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 114.

Действительное же обобществление («коммунизм как положительное упразднение частной собственности») являет собой происходящее сознательным образом отрицание всего предшествующего развития с сохранением его цивилизационных достижений, «возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человеческому». Такой коммунизм, полагает Маркс, равен гуманизму, «он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидуумом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»³.

Надо заметить, что интерес Маркса к проблематике отчуждения не случаен. Он связан главным образом с попыткой обосновать принципиальную возможность достижения такого этапа в жизни человечества, на котором была бы реализована высшая степень исторической свободы: переход к способу развития, когда индивидуальность каждого не подавляется и не общественные отношения господствуют над людьми, а люди «господствуют над случайностью и отношениями». Для философски мыслящих людей проблема состоит даже не в констатации этого очевидного факта, а в выяснении того, является ли ситуация неконтролируемости людьми изменений, продуцируемых ими же негуманных форм общественного бытия, атрибутивной характеристикой истории, или же ее существование связано лишь с определенным типом общественного развития, который в самом себе содержит объективную возможность диалектического «снятия»? И что необходимо предпринять, чтобы эта возможность реализовалась? Именно эти вопросы интересовали Маркса, и он искал ответы на них на протяжении всей жизни. Со временем изменяется лишь способ и, естественно, «язык» обсуждения: с высоты предельных абстракций и рассуждений о родовом единстве всех людей философская мысль спускается на грешную землю и ищет опору в социологических и политэкономических аргументах.

Современные отечественные критики, однозначно квалифицирующие коммунистический проект как утопию, поступают некорректно, странным образом «забывая» о серьезных обоснованиях, данных ему Марксом в своей политэкономической и общесоциологической концепции, в теориях, чье появление поистине знаменовало собой громадную веху в общественной мысли позапрошлого столетия. Используя категориальный аппарат современной философии и методологии науки и рассматривая марксизм в интеллектуальном и социокультурном контексте XIX века, правомерно говорить о наличии в его структуре новых (общей и специально-научной) картин социального мира, их взаимной координации. Можно даже усилить этот тезис и констатировать (как, например, М. К. Мамардашвили) формирование в нем нового — неклассического — типа научной рациональности, который затем независимо от марксизма в начале XX столетия будет выработан естественным образом в связи с открытием физикой

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 116.

«парадоксальных объектов» микромира. Философия Маркса, осваивая объективную диалектику истории, вырабатывает такую картину социума, для которой общественная и индивидуальная свобода так же имманентна, как и развитие; идея освобождения человека и приближения коммунизма как социальной формы ее воплощения служила одним из ведущих ценностных регулятивов прогрессивной западноевропейской мысли. И было бы странно, если бы она, получив в марксизме философское обоснование и войдя таким образом в состав общей картины социального мира, в дальнейшем была устранена из содержания общесоциологической концепции человеческой истории.

Таким образом, теоретическая модель будущего прогнозически дедуцирована Марксом из его общесторической концепции, которая несет на себе отпечаток теоретической диалектики и потому не могла быть устранена из новой картины социального мира без потери последней «внутреннего совершенства» и «само-согласованности». Критика классического марксизма, указывающая на противоречие доктрины социальным фактам, не может быть убедительной в силу ограниченной применимости классической концепции истины в социальных науках. Когерентная концепция истины является базовой для социальных теорий большой степени общности.

Г. С. Гуляева¹

МАРКСИЗМ И СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

Идеи марксизма стали проникать в Китай в конце XIX — начале XX века в виде отрывочных сведений из японской и европейской социалистической литературы благодаря прогрессивной китайской интеллигенции, обучавшейся за границей. Эти идеи носили просветительский характер и создали условия для дальнейшего знакомства китайского общества с марксистским учением. После событий 1905 года в России, повлиявших на революционное движение в Китае, идеи социализма стали находить все больший отклик у китайской прогрессивной интеллигенции. Весомый вклад в дело распространения учения К. Маркса в революционных кругах китайского общества в конце XIX века внес выдающийся китайский политический деятель, основатель Китайской Республики Сунь Ятсен (1866–1925).

До образования КНР в 1949 году основными источниками изучения марксизма в Китае были переводы западноевропейских классиков марксизма и работы советских теоретиков, главным образом И. В. Сталина. В КНР в 1949–1976 годах основным идеологом и теоретиком марксистской философии был руководитель партии и государства Мао Цзэдун. Несомненно, Мао Цзэдун — один из выдающихся деятелей, который внес весомый вклад в историю Китая и других стран. История более чем миллиарда человек на азиатском континенте развернулась в новом направлении. Философские идеи Мао Цзэдуна рассматриваются как «философское обобщение опыта соединения всеобщих принципов марксизма с конкретной практикой китайской революции», это так называемая «китаизированная марксистская философия»².

В чем суть китаизации марксизма? Мао Цзэдун в 1936 году в статье «Проблемы стратегии революционной войны в Китае» отмечал различия в политической ситуации между Россией и Китаем, подчеркивая приоритет китайской специфики. Позже его тезис о «взаимосвязи и неразделимом единстве общего и частного» лег в основу положения о том, что марксизм реализуется в конкретных национальных формах. Интерпретируя марксистскую философию с точки зрения китайской действительности, Мао Цзэдун опирался на древние традиции и учения китайских философов. В статье «Перестроим нашу учебу»³ Мао обращается к традиционному изречению: «Стремиться к реальности — стремиться к делу», понимая его как «реалистический подход к делу». Мао Цзэдун связывает данное воззрение с теорией познания К. Маркса, утверждавшего, что практика — критерий истины и вопрос об истинности познания — это вопрос практики. Мао Цзэдун считал, что марксистский принцип соединения теории с практикой необходимо использовать как основной метод применительно к китайской революции. Он призывал связывать основные предпосылки марксизма с реальной ситуацией, избегать схоластической трактовки марксизма. Будущая идеологическая линия партии, по мнению Мао Цзэдуна, должна основываться на реалистическом подходе к делу, который он понимал как китаизированную модель марксизма.

Таким образом, философские взгляды Мао Цзэдуна на марксизм представляют собой синтез традиционных воззрений с марксизмом-ленинизмом в сугубо прагматических, утилитарных целях. Еще одной причиной, побудившей Мао Цзэдуна изменить марксизм, придав ему вместо европейской формы азиатскую, стало желание китайского руководства избавиться от влияния Советского Союза и укрепить престиж Китая на мировой арене.

В 1976 году после смерти Мао Цзэдуна и окончания «культурной революции» постепенно изменилось

¹ Заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент. Автор более 25 научно-методических работ, в т. ч.: «К проблеме изучения китайского национального костюма XVII–XIX веков (Период маньчжурской династии Цин)», «Специфика обучения переводу китайских публицистических текстов», «Няньхуа — феномен народной культуры Китая», «Современное китайское кино: путь успехов и открытий», и др. Член Ассоциации гидов-переводчиков Санкт-Петербурга.

² *Бурлацкий Ф. М.* Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. М., 2002. С. 64.

³ *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. Т. 3. С. 15.

восприятие марксизма, произошел переход от идеологической пропаганды философских идей Мао Цзэдуна к научному изучению марксистской философии. В 1982 году на XII съезде КПК Дэн Сяопин провозгласил курс на модернизацию страны: «При осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая... Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой — таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длительного исторического опыта»¹.

Многие западные политики утверждают, что Китай свернул с пути, выбранного Мао Цзэдуном, когда в конце 1970-х Дэн Сяопин инициировал политику реформ и открытости и особенно когда на XIV съезде КПК открыто заявил о строительстве социалистической рыночной экономики. По мнению западных ученых, социализм с китайской спецификой является всего лишь пропагандой и почти лишен марксистского содержания, а включает в себе лишь китайский прагматизм. Дэн Сяопин в своих выступлениях подчеркивал, что переход к рыночной экономике нельзя рассматривать как отход от принципов социализма и основных положений марксизма-ленинизма. «Начатые в Китае преобразования ведут к одной цели — торжеству идеи социализма, практическому доказательству его преимуществ, которые до сих пор не были выявлены. Ведущая роль в экономике сохраняется за государственной собственностью, а в политике руководящей остается Коммунистическая партия. Рынок и план — это только экономические категории. При капитализме может быть планирование, а при социализме может быть рынок»².

Дэн Сяопин выдвинул модель развития идеального общества — «сяокан» (среднезажиточное общество). Термин «сяокан» заимствован из конфуцианства и в классической трактовке последние две тысячи лет в Китае предполагает общество гармонии и порядка, где регламентированы конфуцианские нормы поведения, морали и долга. Дэн Сяопин придал древнему термину новое «социалистическое» звучание. Провозглашенный Дэн Сяопином курс строительства социализма

с китайской спецификой является логическим продолжением теории классического марксизма и учения Мао Цзэдуна в сочетании с историческим опытом, практикой и объективными условиями развития Китая. Цель идеологических новшеств — не переустройство политической системы, а ее адаптация к новым реалиям и требованиям экономического развития.

Второй стратегией развития стала концепция «тройного представительства» Цзян Цзэминя (1989–2002), согласно которой «Коммунистическая партия Китая должна представлять интересы развития передовых производительных сил Китая, передовой китайской культуры, коренные интересы широких слоев китайского населения»³. В процессе дальнейшего продвижения теории социализма с китайской спецификой в 2002 году Ху Цзиньтао выдвинул стратегию «научной концепции развития». Ее теоретическую основу составили взгляды Дэн Сяопина на марксизм и социализм, осознание специфики Китая, а также направленность преобразований, необходимых стране.

«Научная концепция развития» — это курс на установление социальной гармонии в соответствии с принципами конфуцианства. Он предполагает внимание к социальному равноправию, единству интересов представителей различных слоев общества, социальной защите малоимущих слоев общества и уменьшению различий между городом и сельской местностью, а также между экономически отсталыми и экономически развитыми восточными регионами. Теория строительства социализма с китайской спецификой является китайской моделью развития, разработанной на основе практического применения марксистской идеологии, конфуцианских воззрений о гармоничном обществе, а также реформирования социалистической рыночной экономики. Многие исследователи считают, что марксизм в Китае является только брендом, за которым ничего не стоит. Несомненно, марксизм в Китае служит брендом, но лишь в понимании его как модели политической системы в многообразном современном мире. Марксизм в Китае — это мощная идеологическая сила, для Коммунистической партии Китая это идеологический маяк и основной принцип, которым она руководствуется в процессе проведения модернизации страны.

¹ Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1994. Т. 3. С. 3.

² Там же.

³ Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М., 2004.

И. И. Докучаев¹

МАРКСИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Основным своим вкладом в науку и философию Карл Маркс всегда считал концепцию материалистического понимания истории. Эта концепция была призвана объяснить процесс исторической динамики культуры, изменений в сути того или иного исторического периода, а также механизм истории в целом. Кратко эта концепция была сформулирована следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»². Таким образом, основной динамической силой культуры оказывается совокупность производительных сил, включающих средства производства и самих производителей, то есть материальная культура. Уровень ее развития формирует производственные отношения (базис), а затем — и политико-правовые (надстройку первого типа). Независимо от последних производственные отношения формируют общественное сознание, включая его научные, художественные и религиозные составляющие (надстройку второго типа, сохраняющую определенную независимость от базиса и даже имеющую некоторое влияние на него и производительные силы). Именно к надстроечным формам истории относятся ценности, которые содержатся прежде всего в религиозных и политико-правовых формах культуры.

Сегодня эта схема в ее последовательном и жестком варианте представляется формой редукционизма, упрощающего реальную историческую динамику. Преодолению этого редукционизма в значительной мере способствовали исследования немецких социологов и философов рубежа XIX–XX веков, таких как Макс Вебер и Генрих Риккерт, обративших внимание на существенную роль ценностей в качестве динамической силы истории. Производительные силы с учетом этой коррекции оказываются одной из таких динамических сил, а именно инновационной, которая корректируется другой силой — традиционной, связанной с ценностями. Ценности стабилизируют и тормозят эволюцию, культуру, общество и научно-технический прогресс. Наука оказалась сознанием технического прогресса, придавшим ему цель и смысл, а также существенным

образом изменившим природные условия бытия человека. В этом контексте марксизм оказывается ценным вкладом в разработку проблем истории культуры только с учетом указанных коррекций. Попробую кратко представить эту сложную картину, учитывающую как марксистский, так и корректирующий его когнитивно-ценностный подход к проблеме эволюции культуры.

Формирование ценностей происходит параллельно с их переоценкой. Подготовка нового тезауруса вызревает в недрах культуры, а затем определенные внеценностные силы приводят к переоценке ценностей. Таким образом, на культуру оказывают влияние артефакты многих типов. Одни изменяют ее содержание, а другие его определяют. Ценности есть порождающие или стабилизирующие силы культурогенеза, а его динамику определяют техника и наука. Первая оказывает это влияние всегда, а вторая присоединяется к первой в эпоху креативной культуры.

Важнейшим динамическим фактором и движущей силой изменений исторических типов культуры выступает техника как совокупность способов преобразования природы, рождающая способы хозяйствования, которые меняются в зависимости от внутренних и внешних стимулов их эволюции. Техника всегда может улучшаться, а наука — развиваться, — такова их практическая природа. Ценности же не могут быть улучшены, а могут быть только переоценены или отменены.

Архаическая культура основывалась на присваивающем способе хозяйствования, включавшем в свое синкретическое целое три основные технологии присваивания: охоту, собирательство и производство элементарных орудий труда, куда относились также одежда и жилище. Традиционная культура основывалась на производящем хозяйствовании, причем ее варианты были эволюционными следствиями трех отраслей присваивающего хозяйствования. В результате неолитической революции из охоты произошло скотоводство, из собирательства — земледелие, из элементарного производства орудий труда (для себя) — ремесло (производство орудий труда для других, хотя и вручную) и торговля. Скотоводческая культура оказалась тупиковым путем исторической эволюции. А на основе синтеза земледельческой и торгово-ремесленной культур возникла каноническая, рационализированная средневековая культура. Торгово-ремесленная культура древности была первым универсальным кризисом традиционной культуры, который, однако, не привел к возникновению креативной, но существенно повлиял на этот процесс.

Рационализированный характер средневековой культуры, богатство накопленного в ее условиях опыта спровоцировали ее необратимый переход в состояние креативной культуры. Этот переход и есть эпоха Возрождения — первая эпоха креативной культуры. Каждая средневековая субкультура переживала своеобразный вариант перехода, но все они были связаны с утверждением новых типов ценностей — чело-

¹ Заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Международного банковского института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Ценность и экзистенция: основоположения исторической аксиологии культуры», «Феноменология знака: избранные работы по семиотике и диалогике культуры», «Эдмунд Гуссерль», «Феномены “мертвого корпуса” и “живой плоти” в структуре экзистенциального опыта тела» и др. Член Президиума Научно-образовательного культурологического общества.

² Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 13. С. 6–7.

века, рационального познания и творчества, которые пришли на смену ценностям общества, религиозного откровения и традиции. Народная субкультура постепенно вытеснялась и сливалась с городской, переживавшей такой тип перехода — назовем его собственно Ренессансом, — который был основным и заключался в художественном и научно-промышленном перевороте, направленном на создание новых способов светского отражения бытия и промышленного (на основе механических станков) преобразования природы. Религиозная субкультура отражала переход — Реформацию, заключавшийся в рационализации религиозных ценностей и исключения из сферы общения с Богом посредников в виде церкви или Священного предания. Аристократическая субкультура Средневековья подверглась наступлению со стороны буржуазии, а затем и пролетариата, пережила ряд революций, но, прежде чем погибнуть, создала два варианта креативной культуры, основанных на возвращении к ценностным принципам традиционной культуры: эпоху собственного утверждения (классицизм и барокко) и эпоху собственной критики и распада (Просвещение).

Эти эпохи представляют собой первую версию тоталитарной культуры — по форме традиционной, утверждающей ценности социума (сословия, класса, нации, религиозного сообщества, партии), культивирующей веру (не обязательно религиозную, но всегда утверждающую ценность идеального прошлого или будущего). Тоталитаризм всегда сопровождал становление креативной культуры, будь то в Западной Европе (феодальный абсолютизм, фашизм), в России или Китае (коммунизм) или в исламском мире (фундаментализм).

Эпоха Просвещения представляет собой первый опыт кризиса тоталитаризма и его отмены, однако ее результаты также не вызвали оптимизма, ибо основные ценности креативной культуры не реализовались в дан-

ных условиях, хотя основные ценности традиционной культуры были уже утрачены. Возникла эпоха массового разочарования — эпоха романтизма. Однако работа по утверждению ценностей креативной культуры продолжалась и завершилась в эпоху позитивизма — период возникновения демократического общества массового благосостояния. Появление этого общества оказалось возможным благодаря изобретению новых источников энергии — сначала тепла, затем электричества и атома, заменивших механический малоэффективный труд рабочих на автоматизированный труд инженеров.

Эпоха модернизма представляет собой период нового и самого радикального кризиса только что окончательно утвердившихся ценностей креативной культуры. Кризис переживают все ее ценности. Кризис ценности творчества выражается в возникновении обезличенной массовой субкультуры, основанной на стереотипном воспроизведении артефактов, подчиняющемся законам рынка и моды, а также в возникновении элитарной субкультуры, основанной на стремлении к протестному усложнению своих артефактов, их эпатажирующей оригинальности ради оригинальности. Кризис ценности личности проявляется в ее тотальном одиночестве, в распаде всех социальных институтов и их замене различными формами социального нарциссизма, группового противостояния, самоутверждения отдельных лиц за счет прав большинства, в ее массовизации, тоталитаризме, попрании элементарных прав человека, терроризме. Кризис рациональности выражается в том же тоталитаризме, угрозе техногенных и ядерных катастроф, глобальных войн и террористических акций, демографических и экологических трагедий. Эпоха постмодернизма намечает пути выхода из этого кризиса, утверждая права всех на все, синтезируя различные традиции, индивидуализируя культуру, однако подлинного разрешения кризиса она пока не находит.

Н. С. Зеликина¹

К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ИДЕЙ МАРКСИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ К ДОГМАТИЗАЦИИ

Российская интеллигенция откликнулась на интеллектуальное обаяние концепции К. Маркса, предложившей новый взгляд на тенденции развития человечества, в момент ее зарождения. Не случайно издания переводов на русский язык основного экономического произведения К. Маркса сопровождалось широкими теоретическими дискуссиями (см. предисловие к изданию «Капитала» ответственного редактора и переводчика В. Чеховского). Большинство предста-

вителей российской интеллектуальной элиты рубежа XIX–XX веков прошли через период увлечения идеями «экономического материализма», хотя сторонниками их оставалось в конечном итоге меньшинство. При этом знание основ марксизма было естественной частью интеллектуального багажа российского интеллигента начала XX века.

Приход к власти в октябре 1917 года партии большевиков, являющейся одной из многочисленных марксистских европейских социал-демократических организаций, не мог не повлиять на распространение и развитие идей марксизма в нашей стране. Приступая к управлению страной, большевики особое внимание уделили теоретическим «поискам нового мира». Один из первых руководителей советской науки М. Н. Покровский в 1921 году писал: «Будущий историк отме-

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор около 120 научных публикаций, в т. ч.: «История становления и развития нефтегазового комплекса Коми края (к истории освоения европейского северо-востока России)» (в соавт.), «Система ценностей послереволюционной российской интеллигенции в эмиграции и внутри страны: общее и различия», «Философская публицистика 1920-х гг. о проблемах идеологии», «Феномен культурного frontiera: периодические издания русского зарубежья во Франции» и др.

тит, что русский коммунизм принялся за научное творчество и научную пропаганду буквально на другой же день после того, как пролетариат в России встал у власти»¹. Уже с 1918 года начала складываться система научных центров изучения и распространения марксизма. Среди них — Коммунистическая (до 1924 г. — Социалистическая) академия, Институт Маркса и Энгельса, Институт истории партии, Институт красной профессуры и т. д. Наименее исследованной остается работа институционального центра складывающейся политической системы — Социалистической (Коммунистической) академии. Многие из первых членов Социалистической академии были либо репрессированы (Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский, Н. Осинский, Г. Х. Раковский и др.), либо посмертно обвинены в неверных и политически вредных теоретических взглядах (например, М. Н. Покровский и А. А. Богданов). В советское время это обстоятельство делало изучение оригинальной научной организации политически нежелательным, а в постсоветский период — конъюнктурно невыгодным. Между тем анализ деятельности Академии помогает понять динамику развития марксизма в условиях попыток превращения этой теории в господствующую идеологию (что, по сути, противоречило самому духу марксизма).

Социалистическая (с 1924 г. — Коммунистическая) академия была создана постановлением ВЦИК в мае 1918 года (устав утвержден СНК 15 июня 1918 г.). Среди основных задач были указаны развитие и пропаганда идей научного социализма, издательская работа, проведение «социальных исследований». Первоначально Социалистическая академия рассматривалась скорее как учебное и просветительское учреждение: так, на X съезде партии научные силы Социалистической академии предлагалось использовать для воспитания молодых коммунистов, «написания коммунистических учебников», организации курсов по теории, истории и практике марксизма. Однако уже в августе 1922 года потребовалось «оживление работы Социалистической академии», для чего предлагалось «поднять работу научно-коммунистической мысли»². А в апреле 1923 года на съезде РКП(б) была высказана идея о том, что Социалистическая академия должна «расширить объем деятельности за пределы общественности». Целью этой работы ставилось превращение Академии в «научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу».

Организационная структура Академии формировалась постепенно: к 1928 году в ее составе было девять секций (экономическая, аграрная, кооперативная, общей теории права и государства, изучения теории и практики женского движения, философская, естественных и точных наук, методологии, литературы), три института, три общества³. Коммунистическая академия вела активную издательскую деятельность. К первым достижениям Академии можно отнести создание одной из крупнейших российских библиотек: если в 1920 году в фонде насчитывалось около

200 тыс., то к январю 1928 года — более 1 млн книг⁴. В библиотеку поступало 1304 русских и 874 зарубежных журналов⁵.

Проходившие в Коммунистической академии дискуссии демонстрировали свободное столкновение идей, взглядов, концепций, характерных для сторонников марксистской теории. При этом интересно, что представители оппозиционных «генеральной линии партии» течений не только участвовали в полемике, но и делали основные доклады.

Так, в 1923 году с основным докладом «Экономические кризисы при нэпе» выступал представитель оппозиции Е. А. Преображенский, в 1926 году о положении с валютой делал доклад В. М. Смирнов, в дискуссии о контрольных цифрах Госплана приняли участие Г. Я. Сокольников, И. Т. Смилга, Е. А. Преображенский, В. Л. Пятаков, К. Радек и ряд других политиков и ученых, оппозиционных большинству ЦК⁶. При этом практически не участвовали в этих дискуссиях политические руководители страны. Однако уже в 1926 году появляются замечания о необходимости давать «решительный отпор намечающимся теоретическим уклонам»⁷. Тогда же был разработан новый Устав Академии, ставивший своей задачей «борьбу с извращениями марксизма... как в обществоведении, так и в естественных науках»⁸. В принятом в июле 1927 года постановлении ЦК партии «О работе Коммунистической академии» она рассматривалась как партийное (а не государственное) учреждение, обязанное при публикации дискуссий «излагать точку зрения партии»⁹. Разъясняя это постановление на страницах ВКА, председатель Президиума Комакадемии М. Н. Покровский писал: «Академия не думает понимать “дискуссию” исключительно в партийном смысле этого слова — все и всякие спорные вопросы всегда найдут себе одинаковое внимание со стороны Академии... Но “парламентное мнение” Академия быть не собирается, допущение дискуссии на страницах академических изданий теперь становится равносильно обязательству Академии неуклонно разоблачать все антиленинские мысли и взгляды, если они имеют претензию на теоретическое обоснование. Выбить это основание из-под ног авторов, пытающихся “поправить” ленинизм — в этом весь смысл *допущенной ЦК* (курсив наш. — Н. З.) в Коммунистической академии дискуссии»¹⁰.

Такое объяснение не оставляет каких-либо сомнений в тенденции развития: любая теоретическая дискуссия по вопросам общественности должна была закончиться «разгромом антипартийных (в тех условиях — уже и антисталинских) выступлений». Пространство теоретических поисков сузилось, ограничившись рамками политической борьбы. Ярким подтверждением этого является постановление ЦК ВКП(б) о работе Комакадемии 1931 года. В по-

⁴ Деятельность Коммунистической академии. С. 6.

⁵ ВКА. 1926. Кн. 17. С. 316.

⁶ См.: ВКА. 1924. Кн. 8. С. 342–350; 1926. Кн. 17. С. 302.

⁷ ВКА. 1926. Кн. 17. С. 30.

⁸ Деятельность Коммунистической академии. С. 7.

⁹ Справочник партийного работника. М.; Л., 1928. Вып. 4.1. С. 687.

¹⁰ Покровский М. Н. О деятельности Коммунистической академии // ВКА. 1927. Кн. 22. С. 18.

¹ Известия ВЦИК. 1921. 6 нояб.

² КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 359, 360, 392.

³ См.: ВКА. 1926. Кн. 17. С. 314.

становлении зафиксирована необходимость «преодоления отмеченного тов. Сталиным отставания научной работы от практики социалистического строительства», подчеркнуты усиление классовой борьбы «на теоретическом фронте» и важность «искоренения существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние»¹. Следствием такого положения явились исчезновение со страниц периодических изданий Академии дискуссий, начало идеологических суждений над названными в упомянутом постановлении теориями и учеными (Н. Рубиным в экономике, А. Дебориным в философии, Н. Переверзевым в литературоведении), разгром «школы М. Н. Покровского» — одного из создателей Ком-академии. При этом критика «методологических оши-

бок» тех или иных ученых чаще всего заменялась их политическим шельмованием, активизировалась апологетика принимаемых партийных решений. Такое положение означало прекращение развития марксизма как науки и переход от научной идеологии к догматам, изменению самой природы теории социализма.

Таким образом, на рубеже 1920-х годов произошел отход от положения, характерного для ранних этапов существования партии большевиков: недопущение смешивания теоретической дискуссии и политической борьбы. К концу периода (начиная с 1926–1927 гг.) происходит полное слияние дискуссий в области теории и идеологической борьбы. Сложнейшие теоретические вопросы решались теперь путем политических обвинений и голосований, что, безусловно, свидетельствовало о догматизации марксизма в СССР.

О. П. Зубец²

БУДУЩЕЕ КАК ПОДЛИННОЕ БЫТИЕ: АРИСТОТЕЛЬ И МАРКС

Обращение одного мыслителя к другому, даже отдаленному от него тысячелетиями истории, оборачивается их взаимной актуализацией в настоящем. Более того, они могут оказаться в одном интеллектуальном и нравственном ряду, когда речь идет об идеальном видении будущего: так, например, Марксово видение коммунистического будущего во многом воспроизводит представления Аристотеля о полисе как пространстве свободного общения, пространстве поступка. И это содержательное совпадение становится еще более явным при понимании того, как много Аристотель значил для Маркса и как был близок ему.

Маркс очень ценил, даже любил Аристотеля. Это отношение выходило далеко за пределы того интереса, который питает исследователь, пишущий об античности, — а в своей диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1840–1841 гг.) он около ста раз обращается к Аристотелю и как к источнику знания о других античных философах, и как к притягивающему его мыслителю. Для Маркса Аристотель — достойный собеседник, источник идей и понятий, а также человек, идеи которого и их верное понимание он отстаивает с той же страстью и последовательностью, что и свои собственные. В одном из писем Маркс говорит: «Я всегда питал особую любовь к этому философу (Гераклиту. — О. З.), которому я из древних предпочитаю только Аристотеля»³.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 266.

² Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в том числе: «Сознательный выбор и решение о поступке: *προαίρεσις*», «Величавый Аристотель: странный текст и великая идея», «Что презирает и что превосходит добродетельный человек», «Боги не лгут», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте».

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981. Т. 29. С. 445. Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте в скобках с указанием тома и страницы.

Для него Аристотель — тот философ, который переворачивает взгляд на античную мысль, делает ее взрослой, то есть современной самому Марксу: «Чтобы греки не вышли из своей роли детей, необходимо, чтобы Аристотеля никогда не было на свете...» (3; 128). Не сказать об Аристотеле — значит поместить Античность в детство человечества, не вступить с ней в диалог на равных, а это именно то, к чему стремится Маркс. Для него Аристотель — близкий по мысли собеседник, и он не хочет «сделать из истории древней философии историю древности» (3; 128), она предельно актуальна.

Та особая интонация, с которой он говорит об Аристотеле, может быть, по-видимому, определена словом *близость*. Аристотель родственен ему по образу мыслей, и именно поэтому мысль Маркса движется в понимающем диалоге с античным философом. Х. Арендт, чьи работы теснейшим образом связаны с аристотелевскими понятиями и идеями, отмечает: «Влияние Аристотеля на стиль и часто также на содержание мысли Маркса мне представляется несомненным и, возможно, не менее важным, чем влияние гегелевской философии»⁴.

Понимание связи направления мысли двух мыслителей позволяет глубже проникнуть в философско-этическое содержание учения Маркса. Есть серьезное основание для того, чтобы среди многих этических понятий и идей, связывающих Аристотеля и Маркса, принять в качестве ключевого понятие *πρᾶξις*, хотя бы в силу того, что оно, будучи базовым в философии Маркса, которая чаще всего именуется именно философией практики, является основополагающим также для аристотелевской этики. Для Аристотеля одним из исходных утверждений его этического учения является принципиальное противопоставление понятий поступка (*πρᾶξις*) и творения (*ποίησις*): поступок отличается имманентностью цели и бытием действующе-

⁴ Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. СПб.: Алетей, 2000. С. 337.

го в действии, смысл же и цель творения заключается в его внеположенном ему результате. Многие авторы делают акцент на том, что Маркс опирается на идею творения, изготовления, производящей деятельности человека, или полностью отказываясь от аристотелевского $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, или как бы встраивая $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ в $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$. Так, Х. Арндт отмечает: «Маркс, всего откровеннее занятый лишь “производительностью”, понимает как действие, так и труд в смысле изготовления»¹. Если воспользоваться выражением Д. Пиларио, «Арндт предлагает нам аристотелевскую критику марксистской парадигмы»².

Стоит отметить, что у Аристотеля разведение творения и поступка, хотя и исключительно акцентировано и теоретически принципиально, тем не менее не столь просто: человек ценит и бытие своего творения, принимая его как собственное. В то же время критика Марксом труда, его теория отчуждения во многом близка тому критическому настрою, с которым Аристотель описывает $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$, а идея бытия самим собой, общая для античности, просвечивает в Марксовом понятии неотчужденного бытия. Но есть ли вообще у Маркса понятие праксиса как индивидуального ответственного (морального) поступка (как самодостаточного, цель которого содержится в нем самом и в котором бытийствует человек как самое себя), а не как общественно-исторической практики? Аристотелевское понятие поступка воспроизводит аристократический идеал, задает асимметрию, в которой доминирует, превосходит в поступке человек поступающий, активный, действующий, властно принимающий решение. Казалось бы, это ставит некую идейную преграду между Аристотелем и Марксом. Но ведь аристократическое начало радикально противостоит буржуазному, против которого так заострен ум Маркса. И в этом противостоянии буржуазному началу Маркс оказывается открыт аристократическому идеалу Аристотеля, идеалу нетрудающегося, не-производящего, но бытийствующего в свободном пространстве полиса, в праздности, а не в необходимой деятельности по воспроизводству условий своего существования и рода, в неотчужденном общении человека. Антибуржуазный марксистский идеал преодоления труда, перехода из мира необходимости в мир свободы есть идеал возвращения человека к аристократическому пониманию поступка как формы неотчужденного бытия самим собой.

Античная мысль нацелена на поиск человеком самого себя, Аристотель находит самое себя человека в его бытии началом поступка. Маркс описывает отчуждение человека от своей самости, овеществление самого себя, приобретающее отчужденную форму, историческое преодоление которого он считает важнейшей перспективой истории и важнейшим предметом теоретической мысли. Его идеи снятия труда и преодоления государства непосредственно означают прорыв в пространство свободы, свободного времени, праздного общения, в котором человек предельно активен, но не занят профессиональным трудом, то есть празден: он может, например, писать картины, но при

этом не становится живописцем, то есть не отчуждает самого себя в профессию, не задан ей. Маркс в сущности говорит об утверждении человеческой деятельности как поступка и превращения человеческого общежития в полис, в котором отношения людей есть дружба, то есть они не опосредованы ни вещными отношениями, ни государством. Именно зачатки такого полисного бытия-дружбы-общения описывает он в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «...у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью... Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение...» (42; 136).

Капиталистический труд для Маркса есть $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ — деятельность, цель которой полностью находится в продукте, результат которой отчужден от нее, а деятель отчужден от самого себя в продукте, в результате. Но именно такой труд Маркс жаждет преодолеть, вернуть человека в деятельность, цель которой в ней самой и осуществляется в самом процессе человеческой активности. Иными словами, преодолеть $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ и вернуть человека в $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$, то есть восстановить его бытие в поступке.

Для Маркса центральной проблемой является отчуждение человека от его собственных способностей и возможностей (от своей сущности), которые сформированы практикой (у Аристотеля — поступками), но уже не принадлежат ему, не есть он сам. Именно поэтому понятие индивидуально-ответственного поступка может быть теоретически задано им в перспективе коммунистического идеала преодоления отчуждения и утверждения бытия человека в поступке как самодостаточной деятельности. Речь идет о том, в чем заключается возможность бытия человека самим собой, возвращение ему его сущности, которая не в вещах, не в отчужденных продуктах, но в том, что он есть начало своего поступка, то есть моральное существо. По сути, коммунистический идеал оказывается идеалом возвращения к бытию человека самим собой — не производящим, но моральным существом. В самом глубоком и точном виде это можно было бы сформулировать так: творение становится поступком, то есть способом бытия человеческого самого себя. Надо заметить, что, хотя Аристотель принципиально разводит $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ и $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$, он тем не менее отмечает, что творец любит свое творение, как отец любит сына, и в этом признает его бытие своим. Слияние $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ и $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ через преодоление отчуждения, в сущности, означает превращение всего человеческого пространства в пространство поступка, очень близкое тому, как его видит Аристотель.

Итак, главным для понимания соотношения понятий $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ и $\lambda\omicron\iota\iota\eta\varsigma$ у Аристотеля и Маркса является понимание близости аристотелевского понятия поступка как способа самодостаточного бытия человека и коммунистического идеала Маркса как идеала неотчужденного бытия человека в деятельности, связанного с преодолением разделения труда, отчуждения результата, продукта, самой деятельности и самости человека от него самого. Именно в их родстве, а не в сопоставлении индивидуально-ответственного поступка

¹ Арндт Х. Указ. соч. С. 408.

² Piliario D. F. Back to the rough grounds of praxis. Leuven University Press, 2005. P. 73.

с общественно-исторической практикой Маркса, раскрывается мыслительная и этическая близость двух философов.

Современное состояние общества можно описать как лишенное устремленности к будущему, безразличное к его идеалу и неспособное выработать его, не готовое пока пойти далее осознания краха основ цивилизации,

пережить саморазоблачение социума, науки, культуры, права, морали через соучастие в катастрофе середины прошлого века. Но это саморазоблачение не только не разрушает идеального образа человека и общества, который мы находим у Аристотеля и Маркса, но заставляет обратиться к нему как к возможности снова помыслить будущее.

В. М. Капицын¹

МАРКСИЗМ И ПОИСК УНИВЕРСАЛЬНОГО ГЕНОКОДА ЭТАТОГЕНЕЗА

В исследовании этатогенеза и преобразования государств междисциплинарный подход позволяет выявлять точки соприкосновения философии, политологии, антропологии, географии, культурологии. Такой подход демонстрировали классики марксизма (Маркс К. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Энгельс Ф. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.). Изучение социогенеза и политогенеза в догосударственных сообществах дает материал для изучения современных государств, в которых продолжают функционировать в модифицированном виде структуры, возникшие еще в древних полициях.

Для типологии этатогенеза полезно различение эволюции древних народов, которое проводили Л. Г. Морган, Т. Момзен, Б. Г. Нибур, К. Маркс, Ф. Энгельс, а позднее — П. Скальник, Р. Карнейро, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. С. Васильев, Э. Д. Фролов, Э. Саутхолл и др. Особенно интересен в этом плане анализ политических переходных форм (вожеств, городов-государств, ранних государств). Продвигаясь в этом направлении, предложим развернутое определение понятия «этатогенез». Это зарождение и становление институтов и символов, воплощающих у разных народов определенный универсальный генокод в культурно обусловленной интеграции социально-территориальных сообществ, достигающих целостной политики с устойчивой властной иерархией, способной поддерживать внешний баланс сил между полициями, а также легитимное господство политических элит в конкретных сообществах.

Соотношение социогенеза, политогенеза и этатогенеза было раскрыто Ф. Энгельсом при изучении истории древних греков, римлян и германцев, а также народов Месопотамии, норманнов, индейцев Северной и Южной Америки и др. Он делает вывод об универсальности существенных перемен в развитии родового строя и формировании государственных форм организации общественной жизни: «...у объединявшихся в народы германских племен существовала такая

же организация управления, как та, которая получила развитие у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей... Стоило обществу выйти из рамок, внутри которых эта организация управления удовлетворяла своему назначению, наступал конец родовому строю, он разрушался, его место заступало государство»².

Опираясь на труд Л. Моргана, Ф. Энгельс последовательно анализирует *социогенез* как формирование и изменение коллективов людей в процессе совместных действий, приспособляющих природные факторы для выживания, а затем создания устойчивых условий жизни. Впоследствии ученые показали, что в долинах Евфрата и Тигра образовались низменности, перспективные для хозяйствования, но сложные для жизнедеятельности. Потребовалось коллективное строительство каналов и дамб для судоходства и земледелия³. Все это формировало приспособительные и защитные социальные механизмы⁴.

Ф. Энгельс рассматривает социогенез как изменение форм семьи и брака, накопление опыта организации хозяйствования и управления, закрепление частной собственности, связывая их с разложением родового строя и в конечном итоге — с этатогенезом. Впоследствии Т. Парсонс выделил в качестве ядра социогенеза функции «сохранения образца институционализированной культуры на уровне ценностей и интеграции», роль которых возрастает в связи с демографическими факторами, расширением контролируемых территорий и народов. Сохранение образца и интеграция выражаются во «взаимодействии единиц на основе их взаимной совместимости и их взаимного усиления»⁵. Наряду с экономическими и демографическими факторами это способствовало тому, что диффузная матрица, содержащая данные функции, порождает *политогенез*.

Политогенез означает становление и усложнение сообществ под влиянием территориальных, демографических, этнических, религиозных, экономических факторов. В его рамках зарождается *этатогенез*, что приводит (хотя и не всегда) к образованию раннего государства. Существенным признаком государства

¹ Заместитель заведующего кафедрой сравнительной политологии МГУ им. М. В. Ломоносова по науке, доктор политических наук, профессор. Автор более 320 научных и учебно-методических трудов, более 200 научных статей, в т. ч.: «Референдум в Крыму 16 марта 2014 года и апретид российской идентичности», «Состоятельность государств: становление понятия в политической теории и теории международных отношений», «Форматы регулирования насилия в международных отношениях», «Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации)» и др. Член Российского общества социологов, Российской ассоциации политической науки, Российской ассоциации международных исследований.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1986. С. 107.

³ Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 133.

⁴ Емельянов В. В. Гильгамеш. Биография легенды. М.: Мол. гвардия, 2015. С. 18.

⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академ. проект, 2002. С. 585, 696.

Ф. Энгельс называл «публичную власть, отделенную от массы народа». Его отличали также право власти на легитимное насилие, борьба между имущественными группами, а позднее — между свободными и рабами¹.

Понимание социального развития как сохранения образца ценностей и интеграции не противоречит тому, что в обществе шла социальная дифференциация. Разные группы населения стремились повысить свой статус в политической борьбе, но вынуждены были согласовывать позиции, идти на уступки, заключать союзы, расширять участие в политике. Социальная напряженность обуславливала выделение *политической функции*, обеспечивающей функции сохранения образца и интеграции новыми механизмами регулирования, целеполагания, разрешения конфликтов. В определенных условиях усложнение политики сопровождалось зарождением предгосударственных форм. Возникают племена как союзы общин, союзы племен, «вождества, а с ними появляются приметы будущей ранней государственности»².

Этагогенез ослаблял эгалитарные отношения и суверенность общин и племен, надстраивая уровни принуждения. Формирование над-общинных политических институтов — универсальный маркер этагогенеза, проявлявшийся в разных формах в восточных деспотиях, античных полисах, в Мезоамерике и даже у кочевников. Такой вывод приближает нас к выявлению универсального генокода этагогенеза. Но необходимо исследование политогенеза не столько в структурном, сколько в функциональном плане. Сообщества переходили к самотрансформации политических процессов, способствовавшей сохранению образца и дальнейшей интеграции обществ, но при участии значительно измененной политической функции. В функциональном плане этагогенез включал в себя наряду с усложнением структур также редукцию политических механизмов,

ограничивающую пространство политической борьбы для эффективного обеспечения политико-административных функций в ситуациях вызова (для умирения смут, мобилизации подданных в ходе войн и др.). Достигалось это путем поддержания баланса сил противоборствующих политий и легитимного закрепления «устойчивого неравновесия» интересов элит и подданных. Происходила концентрация политической власти в определенных центрах, монополизация регуляторов насилия в руках отдельных групп.

Итак, этагогенез — это прежде всего изменение политических механизмов поддержания равновесия сил, позволявшего установить первичные (базовые) правила, которые регулировали «вклад» членов сообщества в сохранение образцов и интеграцию. Формировался специальный аппарат с общезначимой функцией для регулирования как реального применения административного принуждения, так и «отложенного насилия» в целях сохранения образца и интеграции (ответственности за целостность политий). Регуляторы «отложенного насилия» — важнейший признак этагогенеза, который, как правило, вел к парадоксальному балансу сил между противодействующими политиями (сообществами), поддерживающему устойчивость легитимной асимметрии интересов внутри этатизирующей политии («устойчивое неравновесие интересов» элиты и масс) и защищаемому специальным аппаратом и законом. Анализ такого функционального изменения выявляет универсальный генокод этагогенеза, который важен для исследования не только ранних политий, но и вестфальских государств, последующих их изменений в Новое и Новейшее время (наглядно это показал К. Маркс, изучая бонапартистский переворот). Исследования К. Маркса и Ф. Энгельса открывают перспективы для изучения универсального кода государствообразования и динамики государств.

П. Н. Киричек³

ОРБИТА КУЛЬТУРЫ: В ПЕРИГЕЕ — ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Орбита движения культуры как духовно-практической сферы жизнедеятельности общества имеет различные конфигурации в разных социально-экономических формациях. В каких условиях существует «вторая (рукоотворная) природа» человека при капитализме, Карл Маркс видел воочию и утверждал с категоричной ясностью: «Капиталистическое производство

враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»⁴. И к тому, чтобы опустить сферу культуры в точку перигея, в тогдашней повседневной жизни находились все объективные основания, заложенные в природе общественного строя с частнособственническим модусом бытия и адекватным ему типом сознания.

Известно, что в любом акте разумной деятельности людей наличествует возможность воспроизводства материальной и духовной культуры с целью самосохранения и развития человека, который испытывает постоянную потребность в соитии с первой (естественной) и второй (рукоотворной) природой. При этом решающим условием успешности или неуспешности становится генеральный концепт общественного целеполагания и целедостижения: он связывается с ментальной

¹ См.: Энгельс Ф. Указ. соч. С. 78–80.

² Ильин М. В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. 2015. № 1 (76). С. 95.

³ Профессор кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета «Дубна», доктор социологических наук. Автор 280 научных публикаций, в т. ч. монографий «Информационная культура общества» и «Информация в универсуме культуры», учебника «Этика массмедиа», курса лекций «Массовая информация в социокультурном управлении». Член Российского культурологического общества, Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Республики Мордовия.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1962. Т. 26, ч. 1. С. 280.

идентичностью народа и базируется на многомерном или одномерном центризме теоретических замыслов и практических действий власти.

Идеальным для устойчивого социального прогресса считается универсальный концепт, учитывающий многозначную сущность человека и соответствующий трем его ликам, трем ипостасям его личности, трем сферам его бытия — экономике, политике, культуре, а также трем подструктурам целостной структуры индивида — биогенезу, социогенезу, психогенезу. Однако при капитализме такого концепта в принципе быть не может: здесь безоговорочно доминирует «экономический центризм». А он редуцирует (упрощает) генерализованные формы бытия и сознания социума конвейерно воспроизводимым однообразием массовых меркантильных интересов и запросов, чего явно недостаточно для полноценной жизни человека. По всем канонам «общества потребления» экономикоцентризм односторонне педалирует главным образом биогенез в человеке и фактически замыкается на материальных началах его повседневной жизни, которые получают безусловный приоритет над духовными началами. В итоге все сферы повседневной деятельности общества и государства, в том числе культурная, образовательная, воспитательная, информационная, коммуникативная и др., приобретают материально-практический «флюю». Это делает общее социально-политическое устройство весьма уязвимым перед недовольством широких масс людей, недополучающих требуемого объема духовных ценностей и благ.

Экономикоцентризм общественной жизни представляет собой одномерный вариант идеолого-технологической конструкции бытия и сознания социума. И он никоим образом не отвечает универсальной (полифонической) природе человека, поскольку формирует крайне негативную тенденцию в периметре социокультурной динамики: в этом случае в общественной жизни постоянно воспроизводится ситуация перепотребления людьми материального начала и недопотребления ими духовного аналога. В результате постоянного, входящего в норму воспроизводства устойчивого профицита вещей и зеркального ему дефицита идей наносится большой урон процессу гармоничного развития страны и ее граждан. Неслучайно в наше время «общество потребления», где царствуют в умах нескончаемые товары, перестает быть безусловной общечеловеческой ценностью.

Экономическая узость бытия и сознания людского сообщества как не отвечающий многомерной природе личности принцип повседневной жизни в конечном итоге не выдерживает проверки временем и подвергается тотальному переосмыслению в имплицитной и эксплицитной формах массового сознания. В публичной сфере на повестку дня сейчас выходит критический дискурс рисков и угроз для человека со стороны либерально-олигархического экономикоцентризма, который российская власть и олигархат буквально насаждают в стране всеми доступными средствами с начала 1990-х годов. Россия второй раз в своей истории наступила на капиталистические грабли, причем главенствующим назначила финансово-банковский, а не про-

изводственный капитал, то есть поставила телегу впереди лошади. В культуре страна обратилась: а) к автономности духовной сферы жизни и ее переводу в русло либерализма; б) к минимальной «зависимости» науки и образования от расходной части госбюджета; в) к удалению большинства граждан из повседневности общественного (идейно-политического, трудового, нравственного) воспитания; г) к модернистскому подходу к «свободе» художественного и самодетельного творчества людей; д) к отлучению от государственной поддержки литературы, кино, театра, книгоиздания, качественной прессы, народных промыслов и др.

Сползание отечественной культуры с горы духовности в яму бездуховности не является чем-то неожиданным: корни этой негативной тенденции кроются в социальных причинах, а именно в духовно-практическом реверсе всей общественной жизни России с начала 1990-х годов по сегодняшний день. Есть объективно действующий закон равновесия между уровнем духовности общества и качеством культурного продукта, который еще никто не отменял. Для высоких идей и дел, которыми люди жили при социализме, требовались талантливые творцы и высокохудожественные произведения. И они появлялись по ментальному общественному заказу на повышающий вектор социализации граждан по канонам всесторонне развитой личности, что позволяло тогдашней культуре находиться в апогее развития.

Подводя итоги, можно сказать, что для общества XXI века требуется иной генеральный концепт целеполагания и целедостижения: если сам человек считается мерой всех вещей, значит, и сами вещи должны быть «очеловеченными» в унисон с его идентифицирующей и самореализующейся личностью. Этот концепт можно определить как социокультуроцентризм: в своей исходной посылке он не редуцирует, а, наоборот, диверсифицирует (усложняет) генерализованные формы бытия и сознания социума путем непрерывно воспроизводимого разнообразия материальных и духовных интересов и запросов, а также способов их удовлетворения. Он реально устраняет в повседневной жизни страны и ее граждан как материально-практический, так и духовно-практический «флюю», при этом сводит материальное и духовное начала в единое гармонизированное целое, устраняя в зародыше возможный потенциал массового недовольства и поддерживая на оптимальном уровне социальное самочувствие людей.

Одномерный человек, как социокультурный объект и субъект (и, конечно, продукт), в современных условиях бытия становится анахронизмом. По прогнозу А. С. Панарина, «общая цивилизационная перспектива указывает нам на постэкономического человека — личность, в системе приоритетов которой на первое место выходят ценности культуры, духа, творческой самореализации, качества жизни. Симптомы присутствия постэкономического человека в России ощущались уже давно и, возможно, значительно сильнее, чем на Западе»¹. В XXI веке происходит полное становление многомерной личности, которая в большей степе-

¹ Панарин А. С. Философия политики. М. : Новая школа, 1996. С. 421–422.

ни соответствует реалиям постиндустриального общества. Последнее в силу когнитивной архетипичности напрочь отвергает идеологическую и технологиче-

скую односторонность и ограниченность бытия, какой бы она ни была — экономической или политической, материальной или духовной.

С. С. Комиссаренко¹

КАРЛ МАРКС И ПИТИРИМ СОРОКИН: ДВА ВЗГЛЯДА НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Развитие культуры может рассматриваться с применением различных подходов, о чем свидетельствует культурологическая мысль как прошлого, так и настоящего. Данные подходы могут не только дополнять, обогащать, но и взаимоисключать друг друга. Проблема сравнения взглядов на развитие культуры двух великих представителей социально-философской мысли прошлого — П. А. Сорокина и К. Маркса — заключается, во-первых, в том, что их взгляды на тот или иной предмет исследования демонстрируют взаимоисключающие позиции. Во-вторых, любые культурологические теории имеют право на существование независимо от государственно-идеологических доктрин того или иного времени. Здесь примером является Россия в 1990-е годы. Именно это время демонстрирует нам «интеллектуальные метания», когда российское общество переживало период переосмысления социально-гуманитарного наследия прошлого. С одной стороны, времена перемен в российском обществе позволили вернуть в страну идеи всемирно известных ученых, чьи имена за годы советской власти рассматривались лишь в контексте «зарубежной критики». Они были представлены целым «пантеоном» мыслителей русского зарубежья, где имя П. А. Сорокина занимало одно из главных мест. С другой стороны, в это же время отметалось все, что не соответствовало либерально-демократическому курсу, выбранному для нашей страны. И только после двадцати лет перемен гуманитарная мысль России вновь возвращается к научным идеям марксистской философии, ибо, как сказал профессор В. М. Межуев, «без Маркса нельзя понять мир, в котором мы живем и который хотим изменить»². И наконец, в-третьих, сравнительный анализ взглядов на развитие культуры П. А. Сорокина и К. Маркса расширяет наши представления о культурологическом знании, что, безусловно, не только обогащает его, но и углубляет наши представления о различных подходах к рассмотрению проблемы развития культуры в целом.

Из многообразного наследия научных интересов П. А. Сорокина и К. Маркса подчеркнем еще раз, что лишь аспект *развития культуры* нагляднее всего раскрывает их взгляды и в наибольшей степени отражает их разнонаправленность. Здесь необходимо отметить,

¹ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Пушкин в культурном мире русского дворянства», «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Элита российской культуры», «Культурные традиции русского общества» и др.

² Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 265.

что вопросы культуры не выделялись К. Марксом в самостоятельную сферу научного исследования, а пронизывали все его научное наследие, где исторический и диалектический материализм был доминирующим. «Особенность диалектики как науки состоит в том, что она отражает наиболее общие законы развития, действующие и в природе, и в обществе, и в мышлении... они действуют и в обществе в любую историческую эпоху, они являются и законами мышления в любой области познания: в математике, физике, химии, биологии, политической экономии, эстетике и т. д.»³.

Фундаментом же исторического и диалектического материализма выступает экономический материализм. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени их материальных производственных сил»⁴. Именно материальное производство создает надстройку, к которой К. Маркс относит культуру. Культура формируется, таким образом, по экономическим законам общества и направлена на постоянное развитие от низших форм к высшим, то есть к коммунистическому обществу, в котором она должна была бы достичь своего наивысшего расцвета, поскольку в обществе не будет существовать противоречий. Идея диалектического развития К. Маркса определяет культуру лишь в виде надстройки над основным базисом общества «как совокупностью экономических отношений между людьми, складывающихся в процессе материального производства»⁵. Таким образом, К. Маркс отказывает культуре в ее самодостаточном развитии и самоценности. Не культура определяет общественную жизнь социума, но только материальное производство способно порождать те или иные формы культуры. Если культура есть постоянно развивающееся явление от низшего к высшему, тогда почему культурные достижения античного мира и последующих веков могли как развиваться, так и приходиться в упадок? Значит, культура развивается по своим циклическим законам, которые не могут быть объяснены в рамках заведомо не относящейся к ней концепции материального производства. Становление и развитие культуры нельзя рассматривать как поступательное движение от низшего к высшему или от высшего к низшему. Здесь отсутствует вертикальная ось, то есть пирамидальное направле-

³ Основы марксистской философии. М.: Политиздат, 1958. С. 231.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин об историческом материализме. М.: Политиздат, 1966. С. 191.

⁵ Основы марксистской философии. С. 441.

ние, так же как и обратное движение. Справедливости ради следует заметить, что К. Маркс и Ф. Энгельс объясняют наивысшие достижения развития культуры в Древней Греции «трудностью общей формулировки» противоречий античного мира. В итоге они приходят к выводу, что культура того времени отражает «незрелые общественные условия, при которых она возникла, и только и могла возникнуть, [и которые] никогда не могут повториться снова»¹. Однако мы знаем, что эпоха европейского Возрождения, особенно итальянская культура в XIII–XVI веках, не только достигла высот культуры греков, но и во многих видах искусства их превзошла. Культурное наследие итальянских мастеров того времени не только осталось непревзойденным во времена жизни самого К. Маркса, но и остается таковым вплоть до нынешнего дня.

В отличие от К. Маркса, П. А. Сорокин не только исследовал социальную и культурную динамику в исторической ретроспективе, но и создал «циклически-волновую концепцию» развития культуры. Она развивается по законам социокультурных флуктуаций как процессов, «время от времени повторяющихся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории»². Развитие культуры рассматривается ученым в виде процесса, понимаемого как движение, модификацию, преобразование, перестройку, эволюцию. Развитие культуры не имеет социальной динамики с точки зрения ярко выраженного прогресса, понимаемого как наивысший подъем, духовный расцвет и бесконечное обновление. Поскольку за прогрессом всегда следует упадок, происходит истощение духовных запасов общества и наступает деградация его человеческих ресурсов.

Своеобразие развития культуры заключается в доминировании механизмов саморегуляции. Культурная система имеет собственную логику функционирования

и «свою собственную судьбу», которые являются результатом «не только внешних условий, но ее собственной природы. Любая внутренне интегрированная система является автономным саморегулирующимся, самоуправляемым, или, если угодно, «сбалансированным» единством. «Имманентной саморегуляцией и самоуправлением»³.

Последовательная смена циклов в развитии культуры образует плотину, преграждающую путь разрушительным тенденциям, и обеспечивает ее самосохранение. В периоды революционных потрясений культура должна не только выстоять сама, но и выполнять свою основную миссию — сохранить само общество. Поэтому идеи марксизма, положенные В. И. Лениным в основу классовой борьбы, принесли больше разрушений, чем созидания.

Таким образом, взгляды на развитие культуры в общественных процессах показывают нам, что интегральный подход П. А. Сорокина качественным образом отличается от экономического подхода К. Маркса. Собственно, они имеют различные онтологические основания, в которых найти точки соприкосновения довольно трудно. Однако, сравнивая их взгляды, можно отметить, что культурология развивается именно в проблемном поле несовместимых идей, которые и являются отправными точками ее дальнейшего развития. Именно несовместимость может в данном случае стать механизмом развития культурологической мысли, а не ее тормозом, проявляющимся в виде запретов и табу. Нельзя наложить «вето» на научную мысль, даже если она не совпадает с идеологическими установками времени. Идеи К. Маркса так же необходимы сегодня, как и идеи П. А. Сорокина. Можно не соглашаться с тем или иным подходом, но несогласие должно быть направлено на переосмысление прошлого и поиск нового в настоящем.

П. Н. Кондрашов⁴

КАТЕГОРИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В ФИЛОСОФИИ К. МАРКСА

В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения одного из величайших мыслителей человечества — Карла Маркса. Однако, несмотря на столь внушительный юбилей и на неизмеримое количество исследований его творческого наследия, в творчестве немецкого мыслителя до сих пор постоянно обнаруживаются все

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин об историческом материализме. С. 319

² Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Санова. М.: Академ. проект, 2017. С. 95.

³ Там же. С. 19.

⁴ Старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Понятие экзистенции в философии Карла Маркса», «Философия праксиса Карла Маркса», «Онтологические структуры историчности: исследование философии истории Карла Маркса», «Диалектика повседневности: попытка марксистского анализа» (в соавт.), «Наброски к праксеологическому истолкованию материалистического понимания истории» и др.

новые стороны, аспекты, моменты его учения. И в этом плане Маркс *неисчерпаем*.

Проблема телесности в современной культуре стоит очень остро. Сегодня «забота о теле» становится одним из самых востребованных трендов общества. Это и широкое распространение фитнес-центров, и вопросы здорового питания, и проблема фальсифицированных лекарств, и обсуждение возможностей крионики, и проблема пересадки органов и торговли ими, и проблема смены пола и гендерной идентичности, и проекты трансгуманизма и создания искусственного интеллекта, и последствия тотальной компьютеризации, роботизации и машинеризации, когда тело человека лишается возможности выполнять свои прямые физические, психические и моторные функции. Встает серьезнейший вопрос: если человеческое тело может столь радикально изменяться, то что же тогда остается от собственно человека? В предла-

гаемых тезисах мы попытаемся выявить некоторые моменты учения К. Маркса о *человеческой телесности* — теме, которая в историко-философском отношении почти не освещалась, — и ответить на вопрос: *будет ли существо трансгуманистического общества человеком?*

Тотальность и родовая сущность человека. В своей философии К. Маркс исходит из фундаментальной идеи о том, что человек представляет собой диалектическое *единство (тотальность) материального (тела) и идеального (сознания)*, которое обнаруживает себя в свойственном только человеку способе бытия в мире — *праксисе*¹, который и оказывается родовой сущностью человека, представляющей собой амбивалентную структуру: с одной стороны, имеется инвариантная сущность, представляющая собой *сознательную, целеполагающую и целереализующую деятельность (праксис)*, которая *у всех людей и во все исторические эпохи одинакова*; с другой стороны, люди, осуществляющие свою деятельность, погружены в *уникальную* сеть общественных и индивидуальных отношений, определяемых как конкретной исторической и социальной ситуацией, так и их собственными действиями и решениями, поэтому сущность человека, понимаемая как «ансамбль его общественных отношений», оказывается *уникальной у каждого конкретного человека*.

От потребности к жизни. Но всякий праксис, по Марксу, является *динамическим*, а потому имеет некоторую *движущую силу* (или, как выражается Маркс, *treibendes Motiv*)², — следовательно, внутренний источник праксиса надо искать в феномене, который бы заключал в себе этот момент *инициации человеческой преобразующей активности*. Такой категорией, безусловно, является категория *потребности*, играющая у Маркса фундаментальную роль, ибо она — *движущая сила деятельности*.

Проблема телесности. Концептуально развертывая Марксово понятие *жизни*, мы непосредственно подходим к проблематике *живого тела*. Эта проблема во многих текстах Маркса (и Энгельса) стоит очень остро, а в некоторых случаях оказывается онтологически (философско-антропологически) *фундаментальной*. Можно выделить, по крайней мере, следующие смыслы обращения Маркса к феномену человеческой телесности.

1. Тело понимается как *основа индивидуального бытия*, и в этом смысле Маркс постоянно говорит о «действительном, телесном человеке»³ как «природном, чувственном, телесном, предметном существе»⁴. Тело — основа человеческой *чувственности*, которую надо рассматривать «как практическую, человечески-чувственную деятельность»⁵, которая в форме «*продук-*

тивной жизни» [*produktive Leben*] есть *родовая сущность человека*⁶.

2. Тело человека есть *часть природного тела, а природа есть внешнее тело человека*. Человек понимается Марксом как тотальность его собственного тела и духа в единстве с внешней природой и предметностью. «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело»⁷.

3. Тело — это *основа связи с внешним миром*, с которым человек в структурах и механизмах праксиса положен в качестве тотальности, ибо человек, по Марксу, «существует двойко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно — в этих природных, неорганических условиях своего существования», ибо «природа есть неорганическое тело человека, а именно природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело»⁸.

4. Телесность человека берется Марксом не в абстрактной, «теоретической», а в *чувственно-практической предметной форме*. «То, что человек есть *телесное*, обладающее природными силами, живое, действительное, чувственное, предметное существо означает, что предметом своей сущности, своего проявления жизни он имеет *действительные, чувственные предметы*, или что он может *проявить* свою жизнь только на действительных, чувственных предметах»⁹.

5. Телесная организация выступает как *основа социальности*. «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — *телесная* организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их *телесной* организацией»¹⁰ (курсив наш. — П. К.).

6. Тело — это не только то, что соотносится с миром природы, культуры и миром других людей; тело человека, взятое в его тотальности с ментальными, эмоциональными и когнитивными структурами, есть *основа человеческого отношения к миру (menschlich Verhältnis zur Welt)*. Именно на этой категории были предприняты некоторые экзистенциальные прочтения философии К. Маркса (Ж.-П. Сартр, В. Ф. Шелике, П. Н. Кондрашов).

7. Наконец, если телесность человека понимается Марксом как носитель его сущностных сил, то соответ-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 565–566.

² Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23. С. 605.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 630.

⁴ Там же. С. 631

⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 2.

⁶ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 565.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 480, 565.

⁹ Там же. С. 631.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 19.

ствующее усечение полноты предметного бытия этой телесности приводит к *телесному и духовному уродованию, калечению человека*. В «Капитале» Маркс шаг за шагом вскрывает сами механизмы уродования человеческого тела, когда разделение труда в мануфактуре формирует частичного человека, который на протяжении всей своей жизни выполняет одну и ту же частичную операцию с помощью частичного инструмента, и поэтому тело рабочего превращается в «автоматически односторонний орган. Более того, в машинном производстве телесность человеческого существа переносится на сами машины, человек воплощается в машинности»¹.

Таким образом, родовую сущность человека Маркс определяет в нескольких аспектах: в философско-антропологическом — как *праксис* (единство материаль-

ной и духовной преобразующей активности); в социально-философском — как *ансамбль общественных отношений*; в экзистенциальном — как *способность к симпатическому (неравнодушному) переживанию своего бытия-в-мире*; в онтологическом — как *универсальность*, то есть независимость от ограничений, налагаемых природой и инстинктами. Исходя из этих характеристик, конституирующих человека как *человека*, можно сказать, что с точки зрения классического марксизма возможное будущее трансгуманистическое общество останется *человеческим и человечным*, если сохранит в своем арсенале *праксис, общественные и индивидуальные непосредственные телесно-контактные отношения, способность к симпатическому сопереживанию и взаимопомощи и свою универсальность*.

Т. В. Кузнецова²

МАРКСИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ

Марксизм, явившийся революционным переворотом во всех отраслях общественной мысли и культуры, поставил одну из важных проблем эстетики — проблему народного искусства — на твердую научную почву. Он впервые выработал научно обоснованное понятие «народ» и «народные массы». Марксистское решение этой проблемы следует рассматривать в общем контексте научного познания, а также учения о роли народных масс в истории, так как народ, согласно социально-философской концепции исторического материализма, является носителем общественного прогресса.

Социально-политические катаклизмы, свидетелем которых человечеству довелось стать в преддверии и в самом начале III тысячелетия, указывают на переломный характер переживаемой нами эпохи. Чувствуется, что мир находится на пороге драматических событий, имеющих фундаментальное историческое значение. Привычные термины, при помощи которых до сих пор описывались взрывные процессы в обществе, в том числе классическое марксистское понятие социальной революции, возможно, являются недостаточно сильными для обозначения грядущих перемен. Судя по всему, у нас на глазах происходит не просто смена общественного устройства, а глубинная трансформация самих основ цивилизации. Один из больших

циклов истории, в рамках которого действовали определенные парадигмы человеческого бытия и определенные законы развития, подошел к концу. Цивилизация, завершающая свой исторический путь, предстает перед нами в фактически завершенном виде, реализовав все свои внутренние интенции, которые еще 20–30 лет назад могли вызывать споры и казаться недостаточно определенными.

И в этой специфической ситуации впервые становится возможным до конца прояснить для себя смысл привычных, но так и не ставших полностью отчетливыми концептов, из которых складывается то, что можно назвать самосознанием культуры. Прояснить, чтобы выявить их реальные (а не иллюзорные) функции и попытаться понять, какие идеи, на протяжении долгого времени владевшие умами человечества, сохраняют свое значение в будущем, какие продолжают свое историческое бытие, но уже в новой роли и с новым функциональным наполнением, а какие останутся лишь в архивах человеческой мысли.

Один из важных концептов, под знаком которых шло формирование сознания и культуры новоевропейского типа (именно этот тип мы обычно явно или неявно отождествляем с «современной цивилизацией» вообще), — это «народ» вместе со всей совокупностью его смысловых производных, таких как «народный», «народность» и т. п. Какие трансформации в культуре, эстетической теории инициировало это семейство понятий? Чтобы рассмотреть этот вопрос, необходимо понять основы и традиции современной культуры и динамику ее развития.

«Народное» применительно к культуре и искусству — это определение конкретной эпохи (соответственно «народность культуры», «народность искусства»), в отличие от таких эстетических категорий, как «прекрасное», «комическое» или «возвышенное», которые не принадлежат какому-то отдельному периоду истории, а представляют собой своего рода универсаль-

¹ См. более подробно: *Wendling A. Karl Marx on Technology and Alienation*. N. Y., 2009.

² Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 80 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика универсального и эстетика своеобразия», «Национальная политика и традиционная культура», «Парадигма народности в эстетической теории», «Категория истины и проблема художественной правды», «Мода и гламур: тенденции современной повседневной культуры», «Культура и цивилизация», «Понятие культуры в системе категорий», «На пороге современной цивилизации: pro et contra» и др. Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета». Заместитель председателя Московского отделения Российского философского общества, член Философско-экономического собрания. Награждена почетными грамотами Министерства образования и науки РФ.

лии культуры. Универсальные категории составляют базис культуры на протяжении всей ее истории, хотя они, безусловно, не остаются неизменными, а развиваются вместе с обществом. Зато «народное» с присущей ему привязкой к определенной эпохе всемирной истории может рассматриваться как модельное понятие, в котором как бы сфокусированы наиболее специфические социокультурные черты эстетического сознания новоевропейского типа, отличавшие его на протяжении, по крайней мере, двух столетий — с середины XVIII вплоть до 1980-х годов, когда западная, а чуть позже и российская культура вступили в фазу так называемого постмодерна и, в сущности говоря, утратили определенность ценностей и ориентиров (на время или навсегда — это вопрос особый, выходящий за пределы настоящего исследования).

Генезис и закономерности развития обществ современного типа (современного в широком смысле, соответствующем по содержанию англоязычному термину “modernity”) нельзя до конца понять, руководствуясь лишь долгое время доминировавшей у нас пятичленной формационной схемой развития общества. Против этой схемы говорит не только историческая судьба советского государственного социализма и мировой социалистической системы, но и теоретические тупики, в которые зашли советские и зарубежные марксисты, обсуждая разные аспекты диалектики социально-исторического развития (например, конкретные проблемы соотношения рабовладельческого строя и феодализма с так называемым азиатским способом производства).

Однако у Маркса была и другая, отличная от привычной «пятичленки», модель стадийности обще-

ственного развития, которая была им лишь намечена, но не получила дальнейшего развития в силу целого ряда причин идеологического характера. Эта модель основана на различении всего двух формаций, которые Маркс назвал первичной и вторичной. Первая из них охватывает все типы общества, основанные на личной (личностной) связи (зависимости) индивидов, вторая — на вещной связи и вещной форме отчуждения. Генезис вторичной формации в этом понимании совпадает с эпохой становления буржуазных отношений, национальных рынков, развитых кредитно-денежных систем и применения во всевозрастающих масштабах механизированного наемного труда.

Обоснованная Марксом периодизация теории, основанная на различении первичной и вторичной формаций, хорошо объясняет разнообразный спектр исторических трансформаций последних трех-четыре десятилетий и вместе с тем создает концептуальную основу для понимания многих особенностей российской истории. В нее, в частности, естественно и органично вписывается такое важное и продуктивное в современных условиях понятие, как «модернизация», введенное в социальную философию уже в середине XX века (первоначально — для объяснения так называемого «догоняющего развития»), но получившее в ретроспективе более общий теоретический смысл). Модернизация с данной точки зрения и есть процесс постепенного прогрессивного преобразования традиционных обществ и их культуры, поэтапное прорастание и укоренение в них безличных связей, опосредованных вещным обменом, развитие поддерживающих эти связи социальных институтов.

С. И. Магдеев¹

ФИЛОСОФИЯ И ДЕМОКРАТИЯ В КОНЦЕПЦИИ АЛЕНА БАДЬЮ: МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Говоря о марксизме, не стоит забывать, что, помимо социально-политической и экономической составляющих учения, которые обычно соотносятся с марксизмом в массовом сознании, это еще и философская доктрина. Но что значит философская, в чем отличительные особенности марксизма именно как философии, в чем его «философскость»? По этому вопросу существуют различные мнения, но тем не менее большинство сходится в том, что квинтэссенцией марксистской философии являются «тезисы о Фейербахе» Карла Маркса, и прежде всего — заключительный одиннадцатый тезис: *«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы из-*

*менить его»*². Это положение, которое переворачивает традиционные представления о философии, обращая ее от абстрактной теории к конкретной практике политического действия, само нуждается в объяснении, и потому оно стало фокусом основных споров об отношении Маркса к философии.

Современный французский философ Ален Бадью дает свой ответ на вопрос о том, чем становится философия, превращающаяся в практику по изменению мира, и что происходит с миром (обществом), являющимся воплощенной философией. В данном докладе нам хотелось бы обратить внимание на трактовку, которую Бадью дает понятию «демократия», соотнося ее с принципом философствования. Анализ, который он производит, по сути, является марксистским. Материалом для рассмотрения станет работа Бадью «Загадочное соотношение философии и политики»³.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3. С. 4.

³ Бадью А. Загадочное отношение философии и политики / пер. с фр. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2016. (Далее текст цитируется с указанием страниц данного издания.)

¹ Аспирант кафедры истории социально-политических учений МГУ им. М. В. Ломоносова, магистр политических наук. Автор ряда научных статей, в т. ч. «Концепция национального государства в творчестве Ортеги-и-Гассета», «Социальные основания революции (Анализ концепции Хосе Ортеги-и-Гассета)», «Противоречие “Тезисов о Фейербахе”», «Кризис цивилизации и перспективы человека (Ортега-и-Гассет об антропологических основаниях кризиса цивилизации)», «Концепция государства Хосе Ортеги-и-Гассета» и др.

У философии, согласно Бадью, есть две отличительные черты, а именно: свобода выражения мысли и универсальность ее оценки. Начнем с первой. Свобода выражения — возможность изложения своих представлений любым субъектом в любой ситуации. То есть буквально каждый может философствовать независимо от социальной, экономической, политической или иной деятельности, которой занят человек. Круг философии ничем не ограничен. *«Это дискурс, не зависящий от места того, кто говорит»* (с. 25). Эта отличительная черта — инклюзивность — являет собой сущностную черту философии, то есть в своей основе философия демократична: *«философия совершенно безразлична к социальной, культурной или религиозной позиции того, кто говорит или мыслит»* (с. 26); *«кто угодно может быть философом или слушателем философа»* (с. 26).

При рассмотрении нельзя забывать и о другой сущностной черте философии — универсальности. В философском дискурсе субъекты, стремясь достигнуть истины, в своих суждениях должны придерживаться норм, правил, то есть *«существует свобода обращения, но также есть необходимость строгого правила суждения»* (с. 27). Это разница между мнением и истиной, которую отмечал еще Платон в своем «Государстве» (с. 27). Философия объединяет и *«противопоставляет единство и универсальность истины множественности и относительности мнений»* (с. 28). Субъект может быть любым, но его высказывания должны соответствовать строгому протоколу суждений, логике, границам разума и тому подобному, быть направлены на поиск истины.

Имея в виду такие сущностные особенности философии, мы можем выстраивать философский дискурс о политике, то есть наравне со свободой высказывания должны искать политическую истину. *«Можно сказать, что равенство и универсальность — это характеристики политики, значимой в поле философии»* (с. 30).

В политической мысли только один феномен подходит под данную характеристику. Таким политическим феноменом является «справедливость», то есть *«справедливость — философское имя политики как истины коллектива»* (с. 30). Но, говоря о справедливости, следует отметить один примечательный факт: *«в идее справедливости равенство намного важнее свободы»*¹, потому что сущностное основание свободы в политике отличается от философского.

Однако современное западное привычное обывателю понятие демократии полностью противоречит идее свободы в философии, одновременно являясь ее

сущностной чертой. Поэтому для достижения истины политики нам следует обратиться к другой сущностной черте справедливости — универсальности, которую мы должны признать феноменом, ради которого должна проводиться политика. Но, сделав акцент и обосновав выбор универсальности как той сущностной черты, ради которой должна проводиться политика, нельзя отодвигать в сторону свободу, демократичность философии. В то же время нам не следует рассматривать ее в обыденном толковании, превратив в идеальный тип государственного устройства с такими отличительными особенностями, как разделение властей, избранное представительство, сменяемость властей и т. д. Демократия может и должна быть представлена как форма общего действия, активность масс и всего общества, следовательно, осознанная деятельность для достижения чего-либо, а именно политической истины. *«Демократия — не политическая истина, а одно из средств нахождения истины»* (с. 32). С точки зрения философии демократия — форма народного освобождения. *«Мы не можем очевидным образом перейти от философии к демократии, и при этом демократия является условием философии»* (с. 27). Высвобождая народные массы, демократия как действие сама создает условия для дальнейшего развития философии, то есть постоянно воспроизводит свободу — сущностную характеристику философии. Тем самым демократия порождает еще больше возможностей для философии и философствования, создавая следующую зависимость: демократическое высвобождение, свобода, философия, политическая истина, демократическое высвобождение... Тем самым можно понять, почему на период Французской революции приходится деятельность столь большого количества выдающихся мыслителей, ведь свобода была тогда одной из главных целей политической деятельности. Таким образом, мы можем сказать, что демократия — начало и итог философии.

Такова в кратком изложении своеобразная точка зрения Алена Бадью, которая замечательна тем, что представляет философию и демократию в едином комплексе, во взаимных переходах. Бадью говорит уже не просто об изменении мира при помощи философии, как предлагал Маркс, но саму философию рассматривает как политическое действие, а политическое действие — как философию. В рамках этого взгляда, суть которого состоит в том, чтобы обнаружить философию и демократию в качестве органичных моментов общественной практики, философия оказывается своего рода сознанием демократии, а демократия — действительностью, образом жизни философии.

¹ Еще Аристотель говорил: «Справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство (to ison)» (Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 324).

И. В. Малыгина¹

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ПОСТКУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Каждому, кто сегодня обращается к учению Маркса, придется столкнуться с его многочисленными интерпретациями и модификациями. Оппоненты и противники в своей критике доходят до крайних выводов, отказывая марксизму в статусе научной теории, сводя его к идеологической декларации и политической мифологии. Сторонники и последователи Маркса, напротив, возвели его учение в ранг практически универсального, идеального объяснительного принципа исторических процессов и социально-экономических отношений. Как писал А. Лефевр, один из самых ярких представителей французского неомарксизма: «К сожалению, Маркс доходит до нас через марксизм, через отобранные тексты, выбранные с чистой совестью и благими намерениями»². Но при всей противоречивости интерпретаций отдельных аспектов марксизма его системное обоснование социально-экономической детерминированности культурных явлений и процессов сформировало методологическую базу и теоретический фундамент исследований культуры.

Дихотомия «культура–экономика» как устойчивый лингвистический и социокультурный конструкт уверенно обосновалась в актуальной повестке российского научного и публицистического дискурсов последних десятилетий, обнаруживая значительные изменения в расстановке сил основных игроков этой диспозиции, представлениях о статусе и «социальной полезности» культуры, которые произошли в «постмарксистскую», «постистматовскую» эпоху российской истории.

Суть этих изменений в самом общем виде можно охарактеризовать как отказ культуре в ее безоговорочной самооценности. Культура больше не рассматривается как продукт социально-экономических условий — она сама становится «служебной функцией», ресурсом и инструментом решения внешних по отношению к культуре социально-экономических проблем.

Своеобразный «экономический поворот» в описании и конструировании культурной реальности, который произошел в новейшей (постперестроечной) истории России и изменил представления о «социальной полезности» культуры, не остался незамеченным. В условиях новой рыночной экономики культура

была объявлена товаром или услугой. Теперь ее значимость стала определяться не столько ценностным фондом народа, не масштабом «собственных имен» отечественной культуры и даже не сиюминутными или отложенными социальными эффектами. Оказалось, что в предлагаемых экономических обстоятельствах культура легко конвертируется и измеряется в денежных эквивалентах.

И если массовое сознание с новой реальностью примирилось достаточно быстро, то в сфере отечественного социально-гуманитарного знания этот «экономический поворот» до сих пор адаптирован слабо, а культурологи по-прежнему неохотно говорят о культуре в терминах экономической целесообразности.

Между тем авторы *экономических* теорий, как зарубежных, так и российских, все чаще акцентируют внимание на потенциале социальных и культурных факторов в достижении экономических эффектов. Данная тенденция в западных исследованиях обозначена как «культурный поворот» (Н. П. Безуглова), «новая экономическая география» (П. Кругман), в отечественных — как «экономика символического обмена» (А. Б. Долгин).

Таким образом, пока теоретики и практики культуры пребывали в оцепенении, явно или «по умолчанию» продолжали культивировать право культуры на свободу от любого рода «экономических обременений», западные и отечественные экономисты уверенно осваивали новое для себя пространство, создавали объяснительные модели, оттачивали экономические механизмы и маркетинговые технологии, посредством которых стало возможным использование культуры в качестве своеобразной «служебной функции», ресурса и инструмента решения внешних по отношению к самой культуре социально-экономических проблем (Т. В. Абанкина).

Поскольку и культура, и экономика исторически и социально обусловлены, они в полной мере отвечают запросам современного общества потребления. Сформировавшееся в XX столетии в условиях массового индустриального производства общество потребления по сей день не исчерпало ресурсов собственного воспроизводства, поскольку в его недрах сформировался субъект/объект новой культурно-экономической реальности, особый тип личности — «человек потребляющий», чье рациональное, разумное, основанное на принципах меры и ответственности отношение к миру поставлено под сомнение, для которого ориентация на «расточительное потребление» оборачивается «волей к саморазрушению», прежде всего интеллектуальному и нравственному.

В значительной мере обоснованность подобного оценочного суждения подтверждается формированием нового тренда в мировой экономике, которая все больше делает ставку на иррациональные структуры человеческой психики. Эта новая тенденция, зародив-

¹ Профессор кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук. Автор более 130 публикаций, в т.ч.: «Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии», «Региональные измерения российской идентичности: между культурой и экономикой», «Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”», «Между “быть” и “казаться”: Дискурсы и соблазны самоидентификации в современной культуре» и др. Член Президиума Российского научно-образовательного культурологического общества.

² Цит. по: *Шихардин Н. В.* Французский неомарксизм: противостояние гуманизма и сциентизма. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. С. 30.

шись на Западе, в последнее десятилетие «проросла» и в российских экономических теориях. В концепциях западных экономистов это явление фиксируется как «новый экономический переход» от экономики услуг к «экономике впечатлений» (Д. Б. Пайн, Д. Х. Гилмор) или, в отечественной версии, к «экономике желаний» (Т. В. Абанкина).

Аргументация отечественных экономистов находится в этой же плоскости: в ситуации перенасыщения потребительских рынков дефицитом оказываются только желания, которые необходимо стимулировать, реализовывать, а затем конвертировать в деньги. Экономика желаний ориентирована именно на культуру, а ее основные принципы и технологии определяются несколькими базовыми императивами: сформировать у людей чувство сопричастности культуре и искусству, желание участвовать в их сохранении и развитии; сделать культурное наследие и актуальное искусство «сочасными семейному кошельку» миллионов людей, которые таким образом будут принимать участие в софинансировании и с удовлетворением осознавать собственную причастность к сохранению и развитию культуры; превратить культурные ресурсы в товары и услуги, научиться и не стесняться продавать их «в розницу и по мелочам», при этом постараться не разрушить целостность культуры и не поставить под сомнение неисчерпаемость ее ресурсов (Т. В. Абанкина).

При наличии некоторых различий объединяют «экономику впечатлений» и «экономику желаний» два важных момента: во-первых, апелляция не к материальным потребностям, а к социально-психологическим ценностям, мотивам, желаниям и потребностям (успешность, имидж, статусность, престижность, социальное признание, творческая самореализация и как следствие — позитивная идентичность); во-вторых, ориентация на сферу культуры, которая обладает особыми возможностями для реализации этих потребностей, поскольку, как утверждает Т. В. Абанкина, в отличие от реальной экономики, экономика культуры — во многом «экономика символов» или, в лексике А. Б. Долгина, экономика «символического обмена».

Отражением этой тенденции в России стало развитие целой отрасли культуры с характерным названием «культурные (или творческие) индустрии», смысл которых заключается в том, чтобы культурно-символические ресурсы «места» — определенного региона или территории — превратить в «творческий продукт» с целью позитивных изменений культурной среды данной территории, формирования ее положительного имиджа и, что не менее важно, инвестиционной при-

влекательности. Результатом данных процессов в России стало повсеместное, почти синхронное появление так называемых «территориальных брендов». Бренд — типичный продукт экономики впечатлений и экономики желаний, стратегический ресурс, позволяющий получать экономические выгоды от символических атрибутов, в которых отражены важнейшие для данной территории конвенциональные ценности, формирующие коллективные образы идентичности (мифы, традиции, культурные тексты, культурные герои, исторические события, элементы репутации и т. д.).

Однако, как показала практика, опыт реализации экономики впечатлений далеко не всегда и совершенно не обязательно оказывается продуктивным, а нередко стимулирует деструктивные явления и процессы. Реализуя новые экономические стратегии и технологии в сфере культурного развития, важно помнить: культура — слишком сложное явление, чтобы ее легко можно было подчинить интересам экономики, не считаясь с законами ее собственного развития, не учитывая синергичный эффект социокультурных трансформаций, оставаясь нечувствительным к специфике актуальной социокультурной ситуации.

Между тем постоянно нарастающее социальное и культурное разнообразие на фоне деконструкции или крушения «больших нарративов», эмансипация человека от социальных и культурных общностей, пугающий своей стремительностью рост степени свободы от традиционных ценностных систем и многие другие процессы порождают особую культурную ситуацию, которая в гуманитарных исследованиях нередко артикулируется в характеристиках тревожных — как кризис культуры; и вовсе безутешных — как антропологическая катастрофа. Так или иначе, но все говорит о том, что современная культура все еще описывается в терминах неклассического дискурса — как феномен постистории, эпохи постлогоцентризма, как нечто, что может быть осмыслено, только если будет просеяно сквозь сито постмодернистского релятивизма, оказываясь в результате «посткультурой». Посткультура — это культура с пустым центром, симулякр культуры. Это разрыв в ее линейной динамике, возникший в момент глобализационной бифуркации, «уплотненный хаос» (В. В. Бычков), который в свернутом виде содержит в себе множество возможных сценариев, и совершенно непонятно, какой из них уже завтра развернется с силой расправленной пружины, отзываясь в том числе на новые экономические тренды и в очередной раз актуализируя попытки разгадать сложную диалектику взаимообусловленности экономики и культуры.

К. Х. Момджян¹

ЧТО УСТАРЕЛО, А ЧТО ВЫДЕРЖАЛО ПРОВЕРКУ ВРЕМЕНЕМ ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К. МАРКСА

Рассуждая о том, что прошло и не прошло проверку временем в социальной доктрине Маркса, я буду иметь в виду *рефлексивную* компоненту этого учения, связанную с *познанием* социальной реальности — попыткой понять собственную логику ее бытия, которая дана субъекту познания принудительно, не зависит от его ценностных предпочтений.

В доктрине Маркса существует иная *валюативная* компонента, которая связана не с познанием, а с *осознанием* социальной реальности, стремлением соотносить ее с потребностями человека и оценить в категориях «желанное–нежеланное», «должное–недолжное», «справедливое–несправедливое» и т. д. В отличие от познания, говорящего на языке суждений истины, осознание мира основывается на суждениях ценности — мотивационных предпочтениях людей, связанных с выбором конечных целей существования в мире.

Валюативная компонента Марксова учения выступает как ценностная основа марксистской идеологии. В этическом ключе она противоположна меркантилизму и торгашеству, имеет последовательно антибуржуазный характер, если понимать под буржуазностью то, что в «Манифесте Коммунистической партии» называют «идеологией чистогана», «ледяной водой эгоистического расчета», который основывает связь между людьми на прагматическом интересе. Смысл жизни человека Маркс видит не в накоплении и потреблении, а в жертвенном прометеевском служении общему благу, счастье — в борьбе, а несчастье — в подчинении. Валюативная доктрина Маркса имеет последовательно *эгалитарный* характер: на первое место в системе человеческих ценностей она ставит ценности социального *равенства* и социальной *справедливости* и подчиняет им все прочие ценности, в том числе ценность индивидуальной свободы, если и когда воинствующий индивидуализм противоречит интересам большинства.

Рефлексивная компонента учения Маркса основана на суждениях истины и представляет собой научный анализ общественной жизни людей, рассмотренной в ее целостности, всеобщности и исторических типах осуществления. Это исследование осуществляется Марксом на *трех уровнях: социально-философском, общесоциологическом и историко-типологическом*, которые связаны между собой отношениями перехода от мыслительно-абстрактного к мыслительно-конкретному.

¹ Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор МГУ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Введение в социальную философию», «Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества и истории», «Социально-философский анализ феномена свободной воли», «Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории», «Универсальные потребности и родовая сущность человека» и др. Редактор-консультант международного философского журнала *Wisdom* (Ереван, Армения). Награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

Объектом *социально-философского исследования* является анализ одной из подсистем окружающего нас мира — надорганической социальной реальности (социальной формы движения), создаваемой деятельностью родового человека. Деятельность рассматривается Марксом как способ существования (образ жизни) общественного человека и субстанция общественной жизни, порождающая «из себя и для себя» все ее многообразие. Специфику деятельности, ее отличие от природных процессов Маркс связывает с особенностями ее информационного обеспечения и адаптивной организации. В первом случае речь идет о наличии абстрактно-логического вербально-понятийного *мышления*, которое порождает целый ряд уникальных индивидуальных и коллективных особенностей человеческого образа жизни, включая *свободу воли* (способность выбирать поведенческие реакции на безальтернативные влечения), *культуру* как совокупность символических программ мышления и чувствования, особый тип *солидаристских интеракций* и др. Во втором случае мы имеем дело с особым типом активного приспособления к среде, связанным с *орудийным отношением* к ней. Маркс рассматривает человека как предметное существо, способное создавать, хранить и многократно использовать средства труда, отличные от органов собственного тела.

Центральной проблемой социально-философской доктрины Маркса, ее «основным вопросом» стал вопрос о роли сознания в деятельности людей. Маркс исходит из убеждения, что сознательный характер деятельности, колоссальная роль сознания в ее осуществлении не исключает наличия в ней имманентных *законов* — повторяющихся, объективных и необходимых связей, которые определяют ход социальных событий, но не предопределяют его. В этом плане детерминистическая позиция Маркса радикально отличается от позиции волонтаристической и фаталистической (позиции историзма, которую приписывал Марксу К. Поппер).

Первоисточником объективных законов общественной жизни, по Марксу, являются не имманентные законы сознания, а *материальные* факторы деятельности, существующие до сознания, вне сознания, независимо от него и определяющие его содержание. Я высоко оцениваю эту идею Маркса при одном условии — правильной локализации материального, идеального и реального в деятельности людей. Критериям материального в деятельности людей соответствуют лишь *потребности* социального субъекта, представляющие собой свойство последнего испытывать необходимость в том, без чего невозможно сохранение факта жизни и поддержание ее качества. Именно потребности, говоря словами Маркса, «насилуют» человека, именно от потребностей, а не от мышления, как утверждал Ф. Энгельс, должно отталкиваться научное объяснение человеческих действий.

На втором — *общесоциологическом* — уровне анализа объектом рассмотрения Маркса выступает уже не социальная реальность как таковая, а *общество* как организационная форма ее существования. Маркс трактует его как самодостаточную группу людей, способных производить и воспроизводить все условия своего существования, в том числе формировать людей как социальных существ. Так понятое общество Маркс рассматривает как систему органического типа, анализируя ее в трех взаимосвязанных аспектах — *структурном, интегративном и динамическом*.

Задачей структурного анализа являются выделение и классификация частей — подсистем, компонентов и элементов, образующих общество. Выдающимся вкладом Маркса в структурный анализ общества я считаю *концепцию всеобщего производства*, в рамках которой выделяются четыре типа производственной деятельности людей, обеспечивающей самодостаточное существование. Эти типы производства создают необходимые элементы социальной ткани (вещные, организационные, субъектные и информационные) и становятся основой четырех *подсистем* любого и всякого общества, именуемых сферами общественной жизни.

Речь идет о: 1) *сфере хозяйства*, в рамках которой люди создают вещные элементы социальности — предметы практического назначения, с помощью которых физически изменяют природную и социальную среду существования; 2) *организационной сфере*, задачей которой являются создание и регуляция «форм общения» людей — связей и отношений между ними (часть такой организационной сферы — политика как вид социального управления); 3) *социальной сфере*, выступающей как область производства субъектных элементов социальности, «непосредственной человеческой жизни»; 4) *духовной сфере*, в рамках которой создаются информационные элементы социальности — знаково-символические объекты, с помощью которых люди изменяют не сам мир, а свое представление о мире, программируют и координируют свои цели.

Еще один блок общесоциологических идей К. Маркса связан с проблемами «социальной динамики», или динамическим аспектом анализа общества, ищущего ответ на вопрос: почему и как оно изменяется? И в этом разделе науки Маркс сформулировал ряд глубоких идей, сохраняющих свою актуальность. Речь идет об идее возрастания человеческих потребностей, которая фиксирует наиболее глубокую причину общественных изменений; об идее соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил, которая раскрывает универсаль-

ный механизм социальных трансформаций (в частности, объясняет причины распада «реального социализма», в котором дурные производственные отношения, не создававшие стимулов к труду, тормозили развитие производительных сил). Сохраняют свою силу многие идеи Маркса, связанные с анализом эволюционных и революционных форм общественного изменения, суждения Маркса о противоречивой природе и критериях общественного прогресса и т. п.

Таким образом, я признаю полную сохранность социально-философских и общесоциологических идей К. Маркса, образующих теоретический фундамент его доктрины. Сложнее обстоит дело с более конкретными философско-историческими идеями, ряд которых, как уже было сказано, нуждается в серьезной коррекции. Критику вызывает главным образом понимание Марксом современного ему капиталистического общества и прогнозы на его будущее. Маркс справедливо полагал, что антагонистическое противодействие социальных групп возникает в ситуации, когда классовое общество исчерпало свой жизненный ресурс и вступило в фазу распада (как это произошло с феодальным строем в Европе). По сути, Маркс принял родовые муки нарождающегося цивилизованного капитализма за его агонию. Исторический прогноз Маркса оказался неточным в отношении не только буржуазии, но и промышленного пролетариата, на который возлагалась задача революционного переустройства общества. Не подтвердились суждения Маркса о численном росте этого класса, его абсолютном обнищании и пр. Можно утверждать, что Маркс переоценил негативные тенденции в развитии современного ему капитализма, сочтя их главным трендом, ставящим в повестку дня революционное переустройство общества, связанное с ликвидацией парцеллярной частной собственности на решающие средства производства. Последующий ход истории показал ошибочность этой идеи и доказал, что буржуазный способ производства в обозримой перспективе сохранит свою эффективность, которой не оказалось у советского общества, основанного на государственной (а не общенародной) собственности на средства производства.

Впрочем, не следует возлагать на Маркса ответственность за неудачу советского эксперимента, поскольку немецкий мыслитель не верил в способность полуфеодальных обществ самостоятельно построить социализм, отличный от политарных форм общественной организации — того самого «азиатского способа производства», который Маркс описал и который возродился в XX веке на промышленной, а не на сельскохозяйственной основе.

А. Н. Мосейко¹

К ИСТОРИИ МАРКСИЗМА В АФРИКЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ КУЛЬТУРЫ

Свидетельства присутствия марксизма в Африке обнаруживаются еще во второй половине XIX века. В 1854 году в южноафриканском издании появилась статья Маркса, написанная им специально для этого случая². Известно также, что Маркс находился в Алжире с 20 февраля по 2 мая 1882 года и отправил оттуда 16 писем³. В марксизме впервые были сформулированы принципы комплексного рассмотрения колониальной проблемы в связи с анализом капитализма и учетом специфики местных обществ. Маркс изучал опыт первых массовых выступлений в колониях Африки: народной войны за независимость Алжира 1832–1847 годов под руководством Абд аль-Кадира, восстаний египетского народа 1879–1882 годов, войны зулусского народа (Южная Африка) против британских войск. В марксизме выступление против колониальной политики впервые было определено как одна из задач европейского пролетариата. Маркс выдвинул тезис: «Народ, порабащенный другой народ, кует свои собственные цепи»⁴.

С марксизмом передовая интеллигенция Африки познакомилась на рубеже XIX–XX веков. Более широкое ознакомление африканцев с марксизмом началось после Первой мировой войны, особенно после Октябрьской революции. В 1920-х годах в Африке возникли первые марксистские коммунистические организации. В 1921 году создана Южноафриканская коммунистическая партия (ЮАКП), которая активно действует до сих пор в сотрудничестве с правящей партией «Африканский национальный конгресс» (АНК).

Первая волна марксизма в Африке оказала огромное влияние на развитие национально-освободительного движения. В период обретения независимости в Африке началось изучение марксизма широкими кругами интеллигенции. Революционное движение на основе марксизма зарождалось и распространялось в рядах прогрессивной интеллигенции, которая остро и болезненно ощущала расовую дискриминацию, унижение человеческой личности, духовное рабство, которые нес колониализм, страдала от унижения и раз-

рушения африканской культуры, которая объявлялась варварской и примитивной. Для африканской интеллигенции был важен поиск собственной идентичности и самоутверждения в области культуры. В национально-освободительном движении на первый план выдвигались идеи духовной деколонизации на основе ценностей собственной культуры, которая объявлялась более высокой, чем машинно-прагматическая европейская культура⁵.

Специфика Африки заключается в устойчивости общинных структур, трибализме, практически стопроцентной религиозности населения, в слабости, а местами — в отсутствии рабочего класса. В Африке общинные формы жизнедеятельности были и остаются влиятельными и тесно связаны с традиционной культурой. Сложности возникали в восприятии африканцами марксистского понимания духовной культуры, прежде всего его отношения к традиционным мифо-религиозным формам. Даже лидеры стран, стоявших на позициях некапиталистического развития, в вопросах религии не были согласны с марксизмом. «Что касается философского материализма, который отрицает существование Бога и превосходство духа, то гвинейская революция не одобряет его <...> потому что философия ислама, которой глубоко привержен гвинейский народ, утверждает существование Бога» (Ахмед Секу Туре, президент Республики Гвинея)⁶.

Широкое распространение получили разные формы приспособления марксизма и научного социализма к реалиям традиционной культуры. Так, в Танзании ориентация на социализм была названа «уджамаа» (братство), что означало приспособление традиционных культурных ценностей — коллективизма, справедливости, солидарности, равенства, взаимопомощи — к новым марксистским идеям. Ж. Эдуарду душ Сантуш, Президент Народной Республики Ангола (страны, где силами МПЛА — Партии труда — активно распространялся марксизм) по вопросу о применимости марксизма к ангольской действительности говорил, что речь не идет о том, чтобы копировать все, что происходит в других социалистических странах: «Мы стараемся сообразовывать марксистские принципы с ангольской действительностью. Мы прежде всего африканская страна, имеющая свои специфические особенности по сравнению с Европой»⁷. Африканскими революци-

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности»; статей: «Формирование цивилизационной идентичности в современной Африке (проблемы и противоречия)», «Проблемы цивилизационной идентичности России в исторической ретроспективе: вызовы времени и поиски ответов», «Кризис идентичности и духовные искания африканской интеллигенции», «Человеческое измерение современного цивилизационного кризиса в свете исторического опыта “русского мира”», «Африканская метафизика: развитие религиозного опыта и мифологическое миропонимание» и др. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы», грамотами Российской академии наук.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955–1981. Т. 10. С. 17–27.

³ Там же. Т. 35. С. 32–48, 237–238, 241–248, 249–252, 254–260, 262.

⁴ Конфиденциальное сообщение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 438.

⁵ Культурная самобытность африканцев объяснялась различием психоментальных характеристик. Европейцу свойственны жестокость и индивидуализм, конкуренция и воинственность, материализм и культ науки. Африканцу присущи естественность и доброжелательность, коллективизм, солидарность и сильное духовное начало, которого так не хватает европейцу.

⁶ Выступление в гвинейской газете «Хоройя» на международном идеологическом коллоквиуме в Конакри (Colloque ideologique international de Conakry sur le theme: Afrique en marche. Conakry, 1978. P. 254).

⁷ См.: Сантуш Э. Ж. душ. Авангардная роль партии на нынешнем этапе ангольской революции. Цит. по: Распространение марксизма-ленинизма в Африке (вопросы истории, теории и практики). М., 1987. С. 55.

онерами марксизм воспринимался как учение, на основе которого можно анализировать собственную реальность. Ученый из Танзании И. Шива считал, что самым большим вкладом марксизма является методология, конкретное применение которой к определенной ситуации давало конкретные результаты¹.

В то же время глубинная сущность марксизма не всегда была понята африканцами. Прежде всего это касается понимания культуры и ее роли в обществе. Согласно марксизму, нельзя понять культуру, абстрагируясь от социально-производительного опыта человека, в котором она формируется и развивается. В марксизме развитие культуры понимается не как односторонне детерминированный процесс, а как диалектическая взаимосвязь производства и культуры, где культура играет существенную роль, влияя на характер общественных изменений.

Иное понимание культуры встречаем у Леопольда Седара Сенгора: «Культура составляет основу, сущность и форму всей человеческой деятельности; это дух, который вселяет в нее жизнь». Культурная независимость является «необходимой предпосылкой независимости в других сферах: политической, экономической, социальной»². Л. Сенгор утверждал, что в Сенегале будет построен «африканский социализм», в котором первое место будет занимать культура, и критиковал СССР, где социализм, по его мнению, был построен в ущерб «душе и вере».

Разрушение СССР и социалистической системы, отказ от марксизма оказали крайне негативное воздействие на Африку. Были потеряны ориентиры; многие страны оказались в идеологическом вакууме, который был заполнен западными советниками, деятельностью международных банков и коммерческих организаций, которые предлагали африканцам новые экономические идеи и проекты. Проекты модернизации провалились; Африка была ввергнута в кризис, последствия которого многообразны и драматичны.

Помимо экономической отсталости, политической нестабильности, бедности, голода, эпидемий, в африканских странах были запущены механизмы рыночной экономики, которые породили коррупцию, стяжательство, эгоизм. Последствием кризиса стала волна насилия и гражданских войн, прокатившихся по Африке. Экстремальные условия продемонстрировали устойчивость традиционных культур, ритуалов и символов в сознании народа. Это ярко проявилось в либерийских войнах, в которых участвовали боевики, происходящие в основном из глухих лесных районов страны. Воины, идущие в бой в женских париках, увешанные амулетами из человеческих костей, собачьих хвостов и петушиных голов, производили впечатлительные безумцев, однако они использовали атрибуты магических ритуалов, которые, как они верили, защитят их в бою³. Эти процессы повлияли на культуру — способствовали разрушению традиционных отношений и ценностей: коллективизма, солидарности, взаимопомощи. Конголезский исследователь Франсуа Ндебани пришел к выводу, что в Африке могут работать только те модели модернизации, которые доступны пониманию африканцев и не разрушают традиционные связи⁴. В XXI веке появился новый африканский проект — «Африканский ренессанс»⁵ — как возрождение и развитие культурных аспектов «африканского мира», которые будут способствовать современному развитию. Ганский ученый Квези Пра, работающий в Кейптаунском университете, отметил, что надо иметь мужество отказаться от некоторых неэффективных и не соответствующих культуре Африки институтов и структур, скопированных у Запада⁶.

Мы видим, что в Африке идеи развития и возрождения традиционной культуры сочетаются с идеями марксизма. Несмотря на ослабление позиций марксизма в странах африканского континента после распада Советского Союза, эти идеи в Африке до сих пор популярны и влиятельны⁷.

¹ Shingi I. J. Two Essays of Tanzania. Dar es Salaam, 1973. P. 108.

² Senghor L. S. On African Socialism. L., 1964. P. 80.

³ Денисова Т. С. Использование традиционных религиозных практик во время гражданских войн (опыт Либерии) // Цивилизационные альтернативы Африки. М., 2016. Т. I, ч. I. С. 101–105.

⁴ См.: Высоцкая Н. И. Африканская культурная самобытность: преодоление кризиса и развитие межафриканской интеграции // Африка: поиск идентичности : Учен. зап. Института Африки РАН. М., 2001. Вып. 24. С. 11–13.

⁵ Инициатор проекта — Табо Мбеки, в то время президент ЮАР.

⁶ Прокопенко Л. Я., Шубин В. Г. Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности. М. : Ин-т Африки РАН, 2001. С. 29–30.

⁷ См. об этом подробно: Тетекин В. Коммунисты ЮАР всегда на передней линии борьбы // Официальный сайт КППФ. URL: <https://kprf.ru/international/capitalist/167995.html>

С. Б. Никонова¹

МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Значение концепции Карла Маркса для понимания экономической и политической структуры общества огромно. В первую очередь предметом марксистского анализа стало западноевропейское буржуазное общество периода его становления и расцвета в XVIII–XIX веках. Марксистская интерпретация не удовлетворяется описанием поверхностных явлений, а углубляется в анализ скрытых механизмов исторического процесса. Характеристика, даваемая Марксом, оказывается значимой и культурологически. Он описывает определенный тип культуры и связывает с его базисными особенностями широкий спектр проявлений. Представителям данной культуры они кажутся само собой разумеющимися и благими, однако Маркс не только включает их в историческую перспективу, где они приобретают оттенок условности и относительности, но и — в плане некой герменевтики подозрения — выявляет положительные достижения культуры как обратную сторону ее негативных черт. Этим он призывает не к тому, чтобы дискредитировать данные достижения, а лишь к тому, чтобы, поняв их основания, уметь более взвешенно и осознанно использовать их позитивный потенциал.

Обратимся к такому знаменитому программному тексту К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии» (1848). На основе этого политического высказывания мы можем увидеть глубину предоставляемого классиками марксизма анализа культурной ситуации.

Первое, что Маркс и Энгельс определяют в данном манифесте, — это историческая роль буржуазии в качестве общественного класса, возникшего в определенный период времени, в определенных условиях на основе формирования определенного способа производства. Отношение авторов к буржуазии далеко не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Они пишут: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль»². И действительно, помимо того, что буржуазия достигает власти посредством революционных переворотов, активного свержения предшествующих общественных установлений, она производит самые кардинальные преобразования в структуре общества в целом, неведомые ни одной из предшествующих эпох: разрушает сословные иерархии, подвергает критике религию, выводит на передний план индивидуальную деятельность человека — и все лишь затем, чтобы легитимировать свое право на эксплуата-

цию. При этом главное достижение буржуазии в отношении эксплуатации состоит в том, что эксплуатация, скрытая множеством смягчающих ее общественных институтов и практик, становится эксплуатацией «открытой, бесстыдной, прямой, черствой»³. Безусловно, это увеличивает накал классового антагонизма, однако, по сути дела, в первый раз делает этот антагонизм осознанным.

Критическая рефлексия — одно из главных достижений буржуазного общества — нужна буржуазии, то есть среднему классу, для легитимации своей претензии на власть. Предшествующие правящие структуры имели возможность легитимировать свое право на власть посредством отсылки к религии, к сакральному дару, к мировому метафизическому распорядку. Возможно, некогда этот «дар» был добыт силой, однако сама сила несет в себе оттенок сакральности, ведь она внушает ужас и принуждает к подчинению — она словно бы сама несет в себе нечто божественное. Ничем подобным средний класс не располагает. Он просто накапливает капитал, его сила — в умении и хитрости (по этой причине Ф. Ницше позже назовет буржуазное общество обществом победы рабской морали). И все же, чтобы утвердить свою власть, средний класс прибегает к обращению к разуму — и не просто к разуму, а к всесторонней и всепоглощающей рациональной рефлексии над любыми ценностями и утверждениями.

В итоге происходит либерализация общественной жизни и демократизация политической структуры общества, которая была нужна буржуазным идеологам просто для утверждения легитимности своего господства. Не имея никаких «положительных» сакральных привилегий, средний класс может опираться на равенство возможностей при дальнейшем расхождении в их осуществлении. Расхождение измеряется количественно, через накопление капитала. Но в итоге, поскольку именно финансовое превосходство будет решающим моментом при распределении властных функций, демократия оказывается инструментом на службе эксплуатации⁴. Тем не менее в процессе легитимации власти буржуазии приходится радикальным образом революционизировать сознание всех слоев общества. Что и фиксируется авторами «Манифеста» в нескольких любопытных тезисах относительно национальной, культурной и образовательной политики.

Сначала авторы указывают на принципиально космополитический характер буржуазного производства и потребления. Они отмечают, что буржуазия «вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем»⁵. Посредством усовершенствования орудий про-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, член Ученого совета СПбГУП. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Common place, 2013. С. 31.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 32.

⁴ См.: Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 42–43.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 33.

изводства и средств сообщения (то есть посредством технического прогресса) и вытекающей отсюда дешевизны товаров буржуазия «под страхом гибели заставляет... все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию»¹. Иначе им нечего делать на сцене торговой конкуренции, и они сами обратятся в товар.

Этот процесс, как утверждают Маркс и Энгельс, касается не только материального, но и духовного производства — и вот уже «плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием... и множества национальных и местных литератур образуются одна всемирная литература»². При этом процесс создания всемирной литературы — это не процесс устранения национальных различий, но процесс включения многочисленных достижений в единую сокровищницу мировой культуры, их узнавание, анализ, перевод, ознакомление, понимание.

Но далее в «Манифесте» выявляется новое основание национальной политики в космополитическом пространстве буржуазного общества, которое становится опорой формирования идеи национальной идентичности как таковой. Обнаруживается оно, с одной стороны, в монополизации буржуазией средств производства, с другой стороны, в конкурентной борьбе между буржуазиями разных стран. Следствием монополизации и устранения раздробленности, создания единой структуры хозяйства становится политическая централизация и формирование государств, сплоченных «в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»³.

Итак, мы обретаем космополитическое пространство, разделенное на национальные государства, в которых власть централизована посредством деятельности буржуазной монополизирующей структуры, опирающейся в качестве идеологической доктрины на идею равенства граждан и на демократический принцип. В этом пространстве все имеют равный доступ к достижениям мировой культуры, что одновременно поддерживает релятивизм, критический настрой и недоверие к старым традициям, единственным противовесом которым выступает количественный и механистичный национализм буржуазного производства.

И вот здесь поднимаются вопросы образования и национальной идентичности, тесно связанные между собой. Дело в том, что национальная идентификация нужна именно для успешного осуществления конкурентной борьбы между буржуазными монополиями разных стран. В этой борьбе, по мысли Маркса и Энгельса, буржуазии нужна поддержка пролетариата и вообще всех слоев общества, которые в случае необходимости возьмут в руки оружие, чтобы защитить свое государство. Однако при низвержении всех старых традиционных и сакральных связей какая-либо возможность обосновать для эксплуатируемых слоев общества необходимость защищать свое национальное государство исчезает. В конце концов, пролетарии и все эксплуатируемые классы, с точки зрения теорети-

ков марксизма, должны осознать совершенное безразличие к тому, буржуазия какого именно государства их поработает. С чем и связан призыв: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»⁴.

Пролетариям конкуренция не нужна, им нужно объединиться в борьбе с буржуазией — причем буржуазия сама, развивая средства сообщения и информирования, необходимые ей для налаживания торговли, дает пролетариям орудия для такого объединения. Однако буржуазии нужно, напротив, разъединить эксплуатируемые классы — для чего и создается национальная идеология. Идея нации становится новой почвой для объединения всех слоев общества в том или ином государстве и новым основанием патриотического порыва. Но для того чтобы эта идеология работала, она должна быть, во-первых, доведена до широких масс населения — это осуществляется посредством распространения образования, — а во-вторых, национальные различия должны всячески изучаться и выявляться. Именно так можно объяснить начавшийся в XIX веке бум исследования фольклора, восстановления национальных языков, исследования традиций и т. п. Все это привело к становлению определенной системы конкурентоспособных национальных государств, в конечном счете вступивших между собой в мировую войну. Но также это привело и к становлению и развитию гуманитарных исследований, истории, филологии, лингвистики, антропологии, этнографии.

Мы уже видели, что с самого начала буржуазия шла просветительским путем — не случайно именно к эпохе Просвещения относятся основные буржуазные перевороты. Этот новый тип общества держится на возрастании сознательности, рефлексивности, рациональности, на критическом мышлении, на распространении политических знаний, утверждении прав и свобод. В то же время Маркс и Энгельс показывают, как все эти достижения оказываются на службе у возрастающей капиталистической эксплуатации: давая эксплуатируемым классам образование, буржуазия кует оружие против самой себя; делая эксплуатацию открытой и явной, она порождает сомнение в ее справедливости; сообщая знания, дает возможность для борьбы. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя гуманитарные знания поощрялись ради подкрепления национальной идеологии, они сформировали наднациональное пространство многообразия. И рыночная экономика — последний прагматический оплот «реальности», препятствующий утопической феерии различий⁵.

В современных условиях глобальная экономическая конкуренция с уровня борьбы национальных государств переходит на уровень противостояния геополитических интересов. Степень вовлеченности масс в идеологию национальных различий, а стало быть, и прагматический интерес к гуманитарному знанию резко понижаются. Это может вызвать политическую апатию, но, вероятно, сохранит прагматический порыв к углублению гуманитарного образования как средству противостояния эксплуататорским тенденциям современного общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 34.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 68.

⁵ Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. С. 96.

К. С. Пигров¹

К. МАРКС О ГЕНЕЗИСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСЦЕССОВ: ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ²

1. Социальные эксцессы, катастрофы, природные катаклизмы с ростом населения земного шара становятся все более острыми, опасными и кровопролитными. Проблема развития и тесно связанная с ней проблема человеческого творчества привлекает внимание не только философов, но и математиков, и естествоиспытателей, которые стремятся своими средствами дополнить и конкретизировать историософские сценарии (В. И. Арнольд, Р. Том, М. Эйген, Г. Хакен, И. А. Евин, А. И. Яблонский и др.). Однако модели развития, разрабатываемые в математике и естествознании, используют далеко не все теоретические возможности, накопленные в философии. В частности, в связи с изменениями научной и философской моды, некоторые глубокие идеи К. Маркса оказались забытыми. К сожалению, в тени остаются те черты философии Маркса, которые раскрывают самую суть эксцессов в социокультурном развитии. Задачей данного доклада, продолжающего наши исследования³, будет выявление методологической роли некоторых положений Маркса в познании внутренней структуры скачкообразных форм развития, которые зачастую носят характер не только процессов, но и эксцессов.

2. Понять историческое развитие можно, если учитывать «оборачивание метода», непосредственно исследованное Марксом в «Математических рукописях»⁴. Смысл оборачивания метода состоит в том, что вторичное, нечто производное, несамостоятельное, результат, зависящий от некоторого исходного субстрата, превращается в свою противоположность и тем самым становится исходным самостоятельным пунктом нового процесса, своего рода независимой переменной, а то, что ранее выступало в качестве исходного пункта, было первичным (в старом методе), наоборот, становится чем-то вторичным, своего рода зависимой переменной⁵.

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самостоятельного философствования», «Бытие и возраст. Монография в диалогах» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

² Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скрипизации бытия».

³ См.: Пигров К. С. Оборачивание метода и превращенные формы в процессе исторического творчества // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л., 1984.

⁴ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.

⁵ См.: Черняк В. С. Диалектический закон оборачивания метода // Диалектика научного познания: очерк диалектической логики. М., 1978. С. 222–254.

Такое оборачивание метода дает законченность творческим процессам в истории. Акт творчества как «атом» исторического развития приводит к превращению первоначально внешнего, нового, случайного и несамостоятельного в значимое, следовательно, в самостоятельное, устойчивое, необходимое внутреннее качество. Марксово исследование математического творчества может объяснить всякое развитие вообще. В любой органической системе, которая способна достраивать себе недостающие органы, высшие элементы, раз возникнув, начинают активно действовать на низшие, подчиняя их своим законам⁶. Возникнув из своих предпосылок, динамически устойчивый момент затем воспроизводит в собственном развитии необходимые для себя предпосылки. Принцип оборачивания обозначается формулой «раз возникнув», которая постоянно встречается в трудах Маркса и Энгельса⁷. Сознательный, рефлексивный и целеполагающий человек есть результат исторического развития и в то же время — его предпосылка.

Общественное сознание, поскольку оно дифференцируется как особая система социальных институтов, порождает духовную жизнь, внутри которой появляются свои собственные объективные отношения, не зависящие прямо и непосредственно от производственных отношений материального производства. Здесь мы сталкиваемся с одним из наиболее важных проявлений принципа оборачивания. Раз возникнув как отражение бытия, общественное сознание обретает свое собственное бытие, представляющее как неотъемлемая и все более значимая часть общественного бытия в целом. Таким образом, возникает новый уровень развития социальной материи.

Становление сознания в своем исходном пункте было связано с необходимостью выжить, но в результате становления цивилизации — после «осевого времени» (К. Ясперс) — постепенно сложилась новая система идеалов, отражающих качественно более высокий уровень социальной реальности: цивилизованный человек живет, чтобы действовать сознательно, а не сознает, чтобы выжить, — не столько творит, чтобы биологически существовать, сколько существует, чтобы творить, — жить духовной жизнью.

3. Возможности безграничного опредмечивания сущностных сил человека на пути прогресса таят в себе опасности овеществления, ведущие к стихии эксцессов. Создающееся в творческом процессе новое не удерживается в рамках подлинной значимости и вступает в единство с ее ложными формами, поскольку

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1968. Т. 46, ч. 1. С. 229.

⁷ Например, «раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке». Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 313.

ку последние бытийствуют самостоятельно, наравне с действительной значимостью. Ложные формы значимости возникают в связи с тем, что сложная органическая система, каковую представляет собой цивилизованное общество, способна к рефлексии, то есть создает развернутое представление о самой себе, о своем способе производства и образе жизни в целом. Эта гигантская модель служит императивом («порождающей моделью») для практической деятельности людей, для их духовно-практического творчества, которое задает систему социокультурных значимостей, регулирующих практическую деятельность.

Согласно Марксу, частнособственнические отношения, вместе с которыми впервые возникает цивилизованное общество, неизбежно предполагают эксплуатацию. Это «действительно существующее извращение» порождает «извращенные формы». Они воспроизводятся в представлениях способа производства¹. Маркс, строя теорию такого воспроизведения, использует концепт «превращенных форм»². Превращенная форма обнаруживается в прибыли и в капитале, приносящем проценты. Капитал, а не рождающее его производство, «все больше и больше приобретает вещный облик, все больше из отношения превращается в вещь, но в такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо»³. В результате превращенные формы и становятся ложными значимостями, которые отчуждают творческие процессы в цивилизованном обществе, превращая их в эксцессы, несуществующее принимается за значимую реальность. Цивилизованное общество, основанное на концепте частной собственности, в связи с возникновением в нем системы превращенных форм, ложных значимостей попадает в ситуацию хронической неспособности выполнять поставленные перед собой задачи. Превращенные формы оказываются источником воспроизводящейся и растущей стихийности в социальном мире, создаваемой сознательными людьми.

Обеспечивая видимость устойчивости в малом историческом масштабе, превращенные формы влекут за собой катастрофу в будущем, в большом историческом масштабе. Отсюда известный факт цикличности развития отдельных цивилизаций. Цивилизация, не направляемая сознательно, оставляет после себя пустыню, чтобы потом «начать все сначала». Если люди в своей творческой активности исходят из неотрефлексированных превращенных форм, то на определенном уровне сложности общество неминуемо должно рухнуть. Превращенные формы, которые видятся «вечными», ведут к катастрофообразной неустойчивости целого.

Философско-теоретическим обеспечением устойчивости процесса развития является постоянная реф-

лексия превращенных форм. Недостаточно признать «первичность» орудий труда как некоторых предметов (или овеществленности). Материальна у них только форма, а содержание по сути духовно. Нельзя смешивать материальные формы артефактов культуры и материальное содержание объективных закономерностей общества. Допускающие такое смешение экономический материализм и техницизм фактически противоположны историческому материализму Маркса. Вещественные производительные силы играют определяющую роль вовсе не как «совокупность вещей». «Сами по себе» они могут быть только мертвыми превращенными формами. Согласно Марксу, в конечном счете определяет духовную жизнь процесс живого соединения используемых орудий с работниками — способ производства в целом.

Негативность превращенных форм не является обнаружением какой-то фатально злой природы человека. Эта негативность возникает в результате человеческого творчества. От риска негативных эксцессов невозможно избавиться раз и навсегда. С ней следует научиться жить, постоянно отражая ее атаки. Историческое творчество — это не только производство новых и значимых идей, не только самореализация творца, но и *продуктивность ответственности* — ответственная продуктивность, соотношенная с действительными значимостями, на горизонте которых маячат темные силуэты их превращенных форм. Те цивилизации, субъекты которых не смогли взять на себя ответственность за происходящее, которые не сумели снять в рефлексии превращенные формы, рухнули. И современная цивилизация вряд ли может найти стопроцентную гарантию своей развивающейся устойчивости. На смену стихийной изменчивости (*die Veränderlichkeit*) должна прийти сознательно регулируемая изменчивость (*die Veränderbarkeit*)⁴.

Подведем некоторые итоги. Если марксов материализм есть метод, то одним из существенных его моментов, раскрывающим генезис специфической социальной материи в ее восходящем развитии, творческий продуктивный принцип оборачивания, который противостоит превращенным формам, рядящимся в тогу устойчивости, но в конечном счете приводящим к деструктивно-катастрофической изменчивости. Поэтому суть творческого процесса в социально-философском плане может быть понята как единство принципа оборачивания и превращенной формы, где первый выражает начало изменяющейся, сознательно регулируемой устойчивости, а вторая — начало ведущего к катастрофе, не способного к ответам на вызовы самоустраивающегося консерватизма. Как видно, марксизм в его глубоком осмыслении не может дать *гарантий вечного счастья* — «Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идет на бой».

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 26, ч. 3. С. 471.

² См.: Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14–25.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1964. Т. 26, ч. 3. С. 507.

⁴ Pavelzig G. Dialektik der Entwicklung objektiver Systeme. Berlin, 1970. S. 55.

Г. А. Праздников¹

ДВИЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ: КУЛЬТУРНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Важнейшим духовным продуктом марксизма является «антропологический оптимизм» — уверенность в том, что лучшее и справедливое будущее человечества возможно и для его достижения имеются эффективные средства. Совершенно очевидна и консолидирующая сила мировоззрения, «которая не дала русскому народу в момент цивилизационной катастрофы 1905–1920 годов рассыпаться на мелкие группы, ведущие “молекулярную” войну всех против всех». Марксизм «усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, посвященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению»².

Размышления о будущем и механизмах его «приближения» пронизывают все наследие К. Маркса. Но будущее рассматривается философом в эсхатологическом плане — как некое идеальное устройство, которое становится возможным лишь по ту сторону «глобальной революции». Источником развития и движущей силой истории Маркс считал классовую борьбу, которая сводится исключительно к экономическим причинам, игнорируя все иные аспекты общественных конфликтов. «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике»³. А главным источником революции и фактором общественного развития является противоречие между развитием производительных сил и производственных отношений. Маркс и Энгельс отвергали саму идею социалистической революции в «отставших» западных странах, саму возможность такой революции, совершенной угнетенными народами: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как “всемирно-историческое” существование»⁴.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор. Почетный работник высшего образования РФ. Член Союза театральных деятелей РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Театроведение и наука», «Культура в пространстве жизни».

² От марксизма к идеализму: сб. ст. (1896–1903). СПб., 1903. Цит. по: *Соболевская А. А.* Уроки о. Сергия Булгакова: поиски путей социально-экономического устройства России. «Преодоление времени». М.: МГУ, 1998. С. 373.

³ *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1974. Т. 42. С. 117.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. М., 1955. Т. 3. С. 33–34.

Сегодняшняя «революционная динамика» мира в значительной степени подтверждает эти мысли Маркса. В истории не было столь радикальных трансформаций в сравнительно короткий промежуток времени, многие из которых воспринимаются (не без оснований) как катастрофические: отказ от традиционной системы ценностей, ошеломляющие движения в области науки, технологическая революция (несводимая к сфере техники), утрата устойчивых идентичностей в области образования, спорта, искусства. «Мы переживаем этап, подобный возникновению жизни на Земле», — такие слова прозвучали на недавнем Международном форуме культуры в Петербурге. Не только слово «будущее» оказалось наиболее употребительным, но и обозначаемое им содержание обрело не совсем привычный смысл. Фонд Гайдара провел цикл лекций «Экономика наступившего будущего»; театральные фестивали в Хеллерау (Германия, 2017) назывались «Реконструкция будущего»; недавняя статья, опубликованная в известной газете, озаглавлена «Память будущего». Конечно, во всех этих наименованиях присутствует метафорический смысл, но все они объединяются ощущением будущего как некой осуществленной *данности*.

Разумеется, это не так. Будущее не есть объект, наделенный уже существующими реальными свойствами, которые откроются в результате краткого или долгосрочного движения к нему. Будущее и есть процесс его реализации, становления, спонтанного самотворения. Любое прогнозирование, особенно глобальное, не имеет непреложных результатов — только ориентировочные. Развитие — не линейное восхождение. Качественные изменения могут быть как прогрессивными, так и регрессивными, а также на одном уровне организации. Возможны взрывные скачки, тупиковые ответвления, отмена прежней логики процесса, его возвратная направленность.

Но человек разумный не может существовать вне прогнозирования и планирования своей жизни. Давняя очень простая и хорошо сформулированная мысль Маркса об отличии самого плохого архитектора от самой искусной пчелы: прежде чем построить ячейку из воска, человек уже построил ее в своей голове. Образ желаемого и возможного будущего, пусть не вполне заверченный, существующий в виде контура, на протяжении всей человеческой истории выступал содержанием мифов, утопий и антиутопий, визионерских открытий, фантазий художников и предсказаний теоретизирующих футурологов. В развитом цивилизованном обществе эту роль целеполагания деятельности, неотделимую от осознания системы отношений людей друг к другу и к миру в целом, осуществляет идеология будущего. Серьезное понимание настоящего невозможно не только вне постижения прошлого, но и без учета тенденций развития, предвидимых наукой и образно представленных искусством. На уровне переживания, вкусовых предпочтений есть жизненные пози-

ции пессимизма (пристрастного отношения к прошлому), презентализма (преимущественной ориентации на нынешний день), футуризма (обращенности к будущему в ущерб настоящему и прошлому), часто подкрепленных остроумными наблюдениями, меткими афоризмами и цитатами. Однако в реальном историческом процессе отношения старого и нового не представляют собой самоочевидную хронологическую последовательность, но в большом историческом времени и на огромном планетарном пространстве обнаруживают некую смысловую общность, с особой устойчивостью открывшуюся в XX веке.

В диалоге культур открываются различия в явлениях внешне сходных и смысловое единство — в различиях. Мировая культура строится на базисных, фундаментальных основаниях человеческой жизни, она воплощает их и одновременно участвует в порождении и закреплении смыслов истории. Человеческая жизнь «человекообразна» и в своих главных качествах определяется экзистенциально-нравственным выбором: возможно «увеличение» жизни (по Л. Толстому — «движением от себя к Богу»), равно как и ее «сокращение» — глупым, бесформенным, бессмысленным, безответственным проживанием. Бытие человека сплошь проблематично: постоянно решается вопрос соответствия его существования сложному, противоречивому миру, где неразрывно связаны естественное и искусственное, духовное и телесное, биографическое и биологическое, порядок и хаос, преднамеренное и непреднамеренное, полезное и вредное; одновременная жизнь — и в природе, и в культуре.

Движение в будущее, конечно, определяется объективно формирующимися в истории детерминантами (мир развивается сам по себе), но историческая необходимость не дана человеку вне его внутренней свободы, вне активного выбора. Вместе с тем надо осознавать, что органичное проживание прошлого («любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»), равно как и заинтересованная обращенность в будущее, — не предикаты естественно-органического существования жизни, но следствие укорененности в человеческом мире, в мире культуры. При всей сложности исторического процесса и многомерности его оценок смыслообразующим началом истории является

совершенствование человека и его жизни. Очеловечивание мира есть главная цель человеческого бытия. Вне решения этой задачи нет *человеческого будущего*. Humanitas, человечность — равносущностная характеристика человека и оценочный критерий его развития, и в этом качестве она все больше утверждается в культуре. Время простых идентичностей, конечно, прошло, но тем не менее что-то позволяет нам отнести те или иные явления к определенной сфере человеческого мира. Что составляет эту «чтойность»? Кризис идентичности не обошел и самого человека. Мы сегодня не очень ясно понимаем не только что такое искусство, образование, художник, но и что такое человек. А что такое «постчеловек», «постчеловечество», «посткультура»? Если «пост-», то почему в этом словосочетании после приставки остаются «человек», «человечество» и «культура»? По предположению Рэймонда Курцвейла, в какой-то момент (по его мнению, уже близкий) небиологическое в человеке будет превалировать, а биологическое, возможно, совсем уйдет. Останется ли тогда человек?

Разумеется, эта проблема нуждается в серьезном анализе, и работ такого рода достаточно много в России и за рубежом. В одном из интервью середины 1980-х годов Д. С. Лихачев, отметив «зарождающуюся и все набирающую силу тенденцию гуманизации всей нашей жизни», предложил понятие «гомосфера» («человекосфера»), содержащее в своей основе человечность, гуманность, одухотворенность. Дмитрий Сергеевич пояснил, что пока это только штрихи, знаки, намеки, но благодаря им «уже вполне обозримо будущее»¹. Представляя «идеальную модель человека будущего», которого надо формировать уже сегодня, М. С. Каган говорил о еще не известном истории психологическом типе человека, «в чьем мировоззрении уравниваются рациональная и эмоциональная энергия его духовного мира», а высокая образованность органично соединяется с развитым нравственным сознанием². Завершаю доклад этими цитатами не только потому, что уместно еще раз отдать дань памяти выдающимся ученым, чьими именами освящены нынешние Чтения, но и по глубокому убеждению, что вне духовно-нравственных оснований человека и его культуры ни о каком будущем говорить невозможно.

¹ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 16

² Каган М. С. О времени — о людях — о себе. СПб., 2005. С. 300.

В. В. Прозерский¹**СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКСИЗМА
В КОНЦЕПЦИИ М. С. КАГАНА КАК НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА ФИЛОСОФИЮ КУЛЬТУРЫ И ЭСТЕТИКУ**

В середине XX века в Советском Союзе активно развивалась философская традиция, которую принято называть марксистско-ленинской. Эта традиция не может быть отвергнута как чисто идеологическая: в ней сложился особый стиль и характер исследования, особый подход к проблемам философии, который оказывается значимым до сих пор и рассматривается как в отечественной, так и в зарубежной науке в качестве самостоятельного, вызывающего большой интерес явления. На основе марксизма сложился новый системный подход к анализу проблем, связанных с культурой и обществом.

Кроме того, в рамках этой традиции сформировалась специфическая линия советской марксистской эстетики, которая обладает важными особенностями, резко отличающими ее от эстетических теорий западного неомарксизма. Одним из важнейших представителей этой традиции в эстетической мысли является Моисей Самойлович Каган. За рубежом он известен с 1970-х годов как авторитетный представитель марксистской эстетики.

Нужно сказать, что М. С. Каган был одним из первых ученых в Советском Союзе, обратившихся к проблемам философской эстетики, которая оказалась совершенно новой сферой для марксистской идеологии того времени. С начала 1960-х годов и до своей смерти в 2006 году М. С. Каган продолжал развивать идеи марксистской эстетики и стал признанным лидером в этой сфере, как и в сфере философии культуры. Но чтобы понять логику философских нововведений М. С. Кагана, мы должны прежде всего обратиться не к его эстетике, а к теории человеческого действия и философии культуры, где впервые был сформулирован его системный и синергетический подход к решению философских проблем.

Согласно М. С. Кагану, культура есть негенетическая, ненаследственная программа человеческого поведения, создающая новую рукотворную окружающую среду на базе среды естественной. Культура существует как процесс функционирования, а также совершенствования материальных предметов и человеческих качеств, повышения их материальной и духовной ценности. Культура — самоорганизующаяся система высокой сложности, которая включает в себя процессы разрушения и восстановления. Это и объясняет тот факт, что исследования культуры, по мысли М. С. Кагана, должны обращаться к синергетическим идеям.

¹ Профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Позитивизм и эстетика», «Критический очерк эстетики эмотивизма», «Концептуализация Homo aestheticus: история и рефлексия» (гл. «Эстетизм и эстетика в культуре XVIII века»); учебных пособий: «История эстетики», «В мире этики, эстетики, культуры и искусства. Учебная программа профильного курса»; статей: «Топологическая эстетика ландшафтов», «Чувства на пути к разуму» и др.

Таким образом, теория культуры М. С. Кагана представляет собой модификацию марксистского взгляда на культуру при помощи синергетических идей. Синергетика предполагает анализ соотношения порядка и хаоса в сложных самоорганизующихся системах, для которых характерны нелинейное развитие, а также значимость роли случая в точках бифуркации, когда избирается новое направление развития. В отличие от предшествовавших марксистских теоретиков, М. С. Каган, задействуя синергетику, настаивает на том, чтобы учитывать роль аттракторов в ситуациях преодоления хаоса и достижения нового уровня самоорганизации, а также роль персонального вклада личности в социальные и культурные процессы во всех сферах человеческой деятельности.

М. С. Каган рассматривает культуру через трехстороннее соотношение субъекта, объекта и деятельности. Субъект (человек или социальная группа) направляет на объект свою деятельность. Деятельность подразделяется на три основных вида. Во-первых, это трансформация объекта, придание ему нового состояния — практическая деятельность. Это может быть трансформация природы, общества или человека. Трансформация человека — это его социализация, превращение его в активного члена общества. Во-вторых, это познание, получение практических или теоретических знаний об объекте. В-третьих, это ценностная активность, придание объекту ценностного содержания. М. С. Каган называет деятельность по оцениванию аксиологической. Она направлена на установление отношений между субъектом и объектом и создает информацию не об объекте, а о значении объекта для субъекта. Еще одним аспектом субъектно-объектной дихотомии является возможность интеракции между субъектами. Если наше внимание обращается не на объект, а на взаимодействие субъектов, мы сталкиваемся с коммуникативной деятельностью. Каган выделяет несколько типов коммуникации, соответствующие типам отношений партнеров коммуникации, то есть людей. Первый тип — коммуникация реальных партнеров, или человека с человеком. Второй тип — коммуникация между человеком и воображаемым партнером, или квазисубъектом. Это может быть коммуникация с домашними животными, воспринимаемыми как субъекты, или с литературными персонажами, воспринимаемыми как квазисубъекты, или же с мифологическими и религиозными фигурами, богами или Богом. Будучи марксистом, М. С. Каган был атеистом и не верил в реальность сакрального, предполагая за ним воображаемый статус. Суммируя, мы обнаруживаем четыре главных вида человеческой деятельности по М. С. Кагану: практика, познание, оценивание и коммуникация. Описания этих видов деятельности достаточно, чтобы выстроить на их основе целостную систему культуры.

Но помимо этих четырех форм деятельности М. С. Каган выделяет пятую, которая вбирает в себя все перечисленные. Эта удивительная форма деятельности есть деятельность художественная. Всякое произведение искусства — сложная система, включающая в себя познание, ценность, воображаемое творчество и коммуникацию. Каждая форма искусства имеет свой язык, соответствующий ее природе, поэтому М. С. Каган уделял большое внимание исследованию особенностей разных художественных языков.

Каган проводит строгое различие между эстетической и художественной составляющими искусства. Слово «эстетический» указывает на ценностно-ориентированную деятельность, направленную на все чувственно воспринимаемые феномены и процессы как в природе, так и в социальном мире. Он сурово критикует позицию, согласно которой красота природы рассматривалась как материальное свойство объектов окружающего мира. В его концепции красоты предполагается существование двух полюсов: реального и идеального. Красота появляется, когда нечто реальное (искусственный или естественный объект) совпадает с идеалом. Слово «идеал» означает в данном контексте, строго говоря, образ желаемого социального будущего

Один из наиболее важных принципов эстетики М. С. Кагана — положение о том, что внутренняя организация и цель искусства не являются эстетическими. Причиной такого утверждения была его уверенность в том, что искусство нельзя ограничивать созданием эстетических ценностей. Внутренняя сущность и цель

искусства состоят не в том, чтобы создавать изящные формы, но в том, чтобы функционировать как самосознание культуры в целом. Другими словами, искусство есть зеркало культуры.

Как мы уже говорили, культура рассматривается М. С. Каганом на основе принципов синергетики, которые позволяют установить соотношение между порядком и хаосом в нелинейных процессах культурной динамики, отметить роль аттракторов в ситуациях выбора путей преодоления хаоса и достижения нового уровня самоорганизации. Становится ясно, что культура и искусство определены не только внешними силами, исходящими из экономики, политики и социальных институтов, но также внутренними, глубинными факторами. Таким образом, можно увидеть, что, обращаясь к философии культуры, эстетике и философии искусства, М. С. Каган переосмысливает традиционное понимание соотношения базиса и надстройки, прежде не критично принимавшееся советской идеологией, для которой надстройка была однозначно вторична и полностью детерминирована социально-экономическим базисом. Концепция развития культуры как внутренне мотивированного и целеориентированного процесса стала новым словом в советской марксистско-ленинской философии и эстетике. Такое соединение советской версии марксизма с синергетикой, а также специфический характер обращения к культурным процессам, следующий из формирующегося в итоге этого сочетания системного подхода, являются важными достижениями в области осмысления культурных и художественных процессов.

М. А. Рахманинова¹

СЦИЕНТИСТСКИЙ АСПЕКТ МАРКСИЗМА И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ СНЯТИЕ УТОПИИ (На примере рецепции советской фантастики)

Рассмотрим марксистский проект с точки зрения лежащих в его основе просвещенческих гносеологических установок, произведя анализ как на примере советской рецепции марксистской технократической утопии, так и на материале критики самого марксизма «слева». В центре нашего внимания — феномен советской научной фантастики, двойственное положение которой в советском мире (официально разрешенная, с одной стороны, и отчасти исключенная — с другой) можно расценить как основание для поиска аналогичной двойственности в самом проекте, к которому дан-

ный феномен восходит, а также его значения для марксистского проекта в целом.

Установка гносеологического оптимизма, вокруг которой концептуально выстроился весь просветительский проект, примечательна, среди прочего, исторической траекторией своего развития. Так, через марксистский проект, в числе других оказавший заметное влияние на западную мысль (и в целом реальность) XIX века, она проникла в идеологию большевизма, определившую судьбу значительной части земного шара на целый век вперед. Лежащий в основе гносеологического оптимизма сциентизм как нельзя кстати пришелся к месту там, где зазвучали политические требования создать систему, антагонистичную отсталому аграрному миру. Подхваченный фантазиями футуристически настроенных авангардистов, пафос сциентизма проник в большинство сфер культуры раннего СССР: в искусство, литературу, инженерное творчество, архитектуру, науку, кинематограф, промышленность. Представление о прогрессе совпало

¹ Доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета, кандидат философских наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Дух и буква революции: критика становления революционного субъекта с позиций левых учений», «Власть как объект исследования: специфика описания, основные проблемы анализа, стратегии продуктивности», «Язык власти в социальной повседневности: основные стратегии», «Объективация как категория власти в феномене проституции: социалистический и либеральный подходы. Научное мнение», «Генеалогия экологического кризиса: проблема антропоцентризма как вектора западноевропейской рациональности» и др.

с представлением о техническом прогрессе, прогрессе материально-производительных сил (согласно марксистской формационной теории).

Индустриальная стадия должна быть достигнута, а затем преодолена — только так станет возможным приближение к коммунизму, невозможное без прохождения этапов капитализма и социализма. В этой концепции индустриальный мир — своего рода «ворота» в мир светлого будущего, где производство автоматизировано и уже началась колонизация счастливым человечеством других планет. Такая постановка вопроса во многом определила горизонт советских режимов эстетического, свидетельства которых по сей день присутствуют в городском пространстве и памятниках культуры.

Одно из таких свидетельств — популярный советский жанр научной фантастики, ярчайший артефакт эпохи. С одной стороны, он вобрал в себя характерные сциентистские фантазии, порожденные марксистским проектированием истории, и в этом смысле вполне отвечал как формальным требованиям, предъявляемым идеологией к советской массовой культуре, так и запросам своих адресатов, социализированных в духе тотального исторического (технократического) оптимизма. С другой стороны, одновременно в рамках этого жанра парадоксальным образом сформировались и каналы «инакомыслия», а сам язык научной фантастики стал в известной степени эзоповым языком, позволяющим ставить политические, социальные и философские проблемы, не нарушая формальных идеологических границ. Фактически жанр фантастики оказался единственным средством обратиться к широкому читателю с вопрошанием о должном и сущем советского мира.

Впрочем, даже эта сравнительно безопасная мера не всегда оказывалась действенной. Так, в 1970 году «Час быка» И. Ефремова был запрещен и изъят из продажи. Сам И. Ефремов также оказался под запретом — и в качестве писателя, и в качестве ученого. По мнению советской цензуры, он покинул пределы допустимого декоративного и оптимистичного фантазирования о техногенном будущем и задался слишком опасными философскими вопросами — например, о том, действительно ли коммунизм неизбежен (при условии развития техники), или существует вероятность разворота мощного технического развития в сторону так называемого «общества потребления» либо и вовсе диктатуры — без шансов на коммунизм.

Так мы подошли к тезису о принципиальной двойственности феномена советской фантастики, заключающейся, с одной стороны, в ее производном характере (от сциентистской логики марксистской философии истории), с другой — в ее опасном диссидентском потенциале, обусловленном содержательной необходимостью творческого взгляда, в свою очередь побуждающего автора напряженно всматриваться в пропасть между сущим и должным.

Откуда происходит и в чем заключается природа этой двойственности (и в конечном счете — самого феномена советской научной фантастики)? Многочисленные современные (второй половины XX и нача-

ла XXI в.) исследования просветительских проектов (в том числе марксистского) проливают свет на этот вопрос и позволяют сделать некоторые предположения. Так, в своем исследовании классической европейской рациональности З. Бауман приходит к умозаключению, что в самой ее основе лежит логика, по своей сути чреватая бюрократией и, как следствие, тоталитаризмом. Для иллюстрации своего тезиса он обращается к характерному для этой логики (и языков ее вербализации) образу садовника, ухаживающего за садом, в котором присутствуют различные виды растений, требующие контроля, учета и пристального культивирования¹. Экспертное знание такого «садовника», предполагаемое марксистским проектом (по крайней мере, на время так называемого «переходного периода», спор о котором стал причиной раскола Первого интернационала на марксистскую и анархистскую фракции) и воплощенное как в марксистской концепции истории, так и в большевистской политике, неоднократно подвергалось подобной критике и со стороны других авторов², усматривающих в нем противоречивое зерно воспроизводства системной власти (а отнюдь не ее преодоления).

С другой стороны, в той мере, в какой расширение границ реального требует от человека включения фантазии (чего пока не может техника), его участие в техническом прогрессе всегда сопровождается риском выхода за границы сугубо бюрократического порядка требуемых для этого прогресса процедур. Поскольку фантазия трансцендентна собственно технике, а ее процессы выпадают из алгоритмов принципа как производительности (по Маркузе), так и реальности (по Фрейдю), обращаясь к ней, исследователь попадает в поле, свободное от регламента и контроля, и благодаря этому занимает метапозицию, позволяющую критически наблюдать и, возможно, регистрировать (подобно И. Ефремову и другим авторам) расхождение между реальностью и ее официальными репрезентациями.

В той мере, в какой оба эти обстоятельства происходят из марксистского проекта, марксизм сам по себе оказывается диалектичным. Если принять за тезис то, что основу сциентизма составляет творчество, запускаемое фантазией, то антитезис — это бюрократически и иерархически организованная матрица экспертного знания, своего рода технократическая сетка, производящая механическую разметку захватываемого пространства своими регламентирующими знаками. В этом случае диалектическое снятие антагонизма происходит в акте цензурирования и подавления творчества (например, в запрете произведения и/или автора или прямых репрессий), что заводит весь проект в тупик, так как тезису нового порядка взяться уже неоткуда.

Если же, напротив, принять за тезис механистический, технократический принцип организа-

¹ Бауман З. Актуальность Холокоста. М. : Европа, 2013. С. 29.

² Скурда А. Социализм интеллектуалов. Париж : Громада, 2003 ; Вольский А. Умственный рабочий. Нью-Йорк ; Балтимор : Международное литературное содружество, 1968 ; Рублёв Д. И. Диктатура интеллектуалов? Проблема «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX века. М. : МГУП, 2010 ; и др.

ции мира, постулируемый марксистским проектом, а за антитезис — творчество, необходимое для расширения границ реального от действительного к возможному, то в акте снятия исчезает бюрократический аппарат, жидущийся на институте экспертного знания и известных принципах регламентации, что, в свою очередь, означает выход за пределы марксистского проекта — в анархистский (восходящий к М. А. Бакунину).

Таким образом, марксистский проект с необходимостью снимает собственную возможность: либо становясь преградой собственным движущим силам, либо преодолевая это противоречие, выходя за собственные пределы в антагонистичный проект, и потому как бы диалектически снимая сам себя. К такому выводу нам позволяет прийти анализ одного из феноменов как собственно марксистской логики, так и яркого примера ее рецепции советской традицией.

В. Ш. Сабиров¹

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К. Маркс сам дал повод к отрицанию в своем учении философии, называя себя историком, а также фактом написания великого «Капитала». Однако такое отрицание совершенно неуместно: если бы это было так, то невозможно объяснить тот несомненный факт, что К. Маркс лично и марксизм в целом повлияли на многих философов и философские течения XIX и XX веков: русских философов Серебряного века (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова и др.), Ж.-П. Сартра, Франкфуртскую школу, психоанализ (фрейдомарксизм), теологию освобождения и т. п.

Несмотря на то что Маркс не создал детально разработанного философского учения, он все же сформулировал некую целостную философскую концепцию, которую можно смело назвать праксиологией, ибо понятие практики объединяет его гносеологические, антропологические, социально-философские и философско-исторические воззрения.

В гносеологии Маркс, развивая идеи немецкой классики об активном характере познающего субъекта, пришел к выводу о решающей роли практики в познании. Практику он определяет как целенаправленную материально-преобразующую деятельность общественного субъекта. Именно в процессе практики человек, понимаемый не столько как индивид, сколько как человечество, постигает мир и формирует о нем свои понятия. С точки зрения Маркса, введение практики в гносеологию снимает полемику сенсуалистов и рационалистов об источнике познания. Согласно Марксу, практика является не только источником и основой познания, но и условием единства чувственного и логического в познании.

Одним из основных в гносеологии является вопрос о критериях истины. По Марксу, основным критерием истинности знаний может быть только практика, поскольку именно она окончательно подтверждает или опровергает истинность знаний.

Придя к выводу о решающей роли практики в жизни человека, Маркс обратил особое внимание на такой вид практической деятельности человека, как труд, ставший ключевым понятием в его антропологии. Исследуя трудовую деятельность человека в условиях капиталистического производства, автор «Капитала» пришел к выводу, что она носит отчужденный характер. Проблему отчуждения труда Маркс рассматривает в одной из своих ранних работ «Экономическо-философские рукописи 1844 года». По Марксу, при капитализме отчуждение носит тотальный характер, поскольку: во-первых, оно означает, что от человека отделяется продукт его собственного труда. Производитель продукта зачастую не является его владельцем, собственником, более того, у него иногда нет денег на то, чтобы приобрести то, что он сделал сам; во-вторых, отчуждение труда проявляется как превращение трудовой деятельности в пытку и наказание. Труд становится не игрой физических и интеллектуальных сил человека, а изнурительным и мучительным процессом. Вот почему от труда бегут как от чумы, как только заканчивается рабочая смена; в-третьих, в процессе капиталистического производства происходит отчуждение человека от человека, и люди становятся враждебными по отношению друг к другу. Причем это состояние наблюдается не только между капиталистом и наемным работником, но и между рабочими, так как они, являясь товаром, находятся в постоянной конкуренции друг с другом; в-четвертых, при капитализме происходит разделение родовой сущности человека и его существования. По своему предназначению человек — это творческое, созидательное и свободное существо. В действительности же человек, вовлеченный в процесс капиталистического производства, превращается в подневольного работника, становясь частичным и несчастным существом.

Таким образом, особенность антропологии Маркса заключается в том, что он пытается понять человека в контексте его трудовой деятельности и применительно к конкретному общественному строю. Сущность человека он трактует не как абстракт, присущий отдельному индивиду, а как совокупность всех общественных отношений, где решающую роль играют отношения между людьми в процессе производства. Сле-

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Основы философии» (в соавт.), «Стереотипы философского знания» (в соавт.), «Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема эпохи информационных войн», «Живая историософия Ф. А. Степуна» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.) и др.

довательно, антропология Маркса неотрывна от его социальной философии.

К. Маркс понимает общество не как совокупность людей, а как совокупность отношений между ними. Эти отношения не остаются неизменными, следовательно, и общество претерпевает количественные и качественные изменения. Качественно своеобразное состояние развития общества Маркс связывает с понятием «общественно-экономическая формация» (ОЭФ). ОЭФ — это общество, взятое на конкретной стадии своего развития. Капитализм, который особенно тщательно исследовал Маркс, — одна из общественно-экономических формаций. ОЭФ имеет свою структуру. В ее основе лежит способ производства, представляющий собой единство производительных сил и производственных отношений. Способ производства определяет все остальные сферы общественной жизни. Каков способ производства — такова и социальная структура общества, куда входят классы, социальные группы и слои. При феодальном способе производства основными классами являются крепостные крестьяне и помещики, при капиталистическом — наемные работники и буржуазия и т. д. Господствующий класс формирует свою политическую систему, основным элементом которой является государство. Государство проводит политику в интересах экономически господствующего класса. Наконец, завершает ОЭФ духовная сфера (религия, мораль, искусство, философия и др.), которая в конечном счете детерминируется господствующими в обществе отношениями собственности, типом государства. Экономический строй общества составляет его базис, а политическая система и духовная жизнь общества именуется Марксом надстройкой над этим базисом. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями <...> с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. <...> Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹.

Противоречия между *производительными силами* и *производственными отношениями* проявляются через борьбу классов — больших групп людей, отличающихся друг от друга отношением к собственности и ролью в общественном производстве. Чем острее противоречия в способе производства, тем ожесточеннее классовая борьба, которая в конечном счете приводит к смене ОЭФ. Маркс выделяет первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую

формации, которые составляют основные этапы всемирной истории.

В философии истории Маркс исходит из идеи прогресса. Последней ОЭФ, с которой начнется подлинная история человечества, по Марксу, будет коммунизм. Все предшествующие коммунизму ОЭФ составляют лишь предысторию человечества. Они суть царство естественной необходимости, то есть состояние общественного развития, когда человек еще не стал субъектом истории, способным контролировать и регулировать общественные процессы. На первой стадии коммунистической ОЭФ, то есть при социализме, который Маркс называет царством осознанной необходимости, человек начинает контролировать производительные силы и производственные отношения, целенаправленно их развивать и совершенствовать. На второй стадии коммунистической ОЭФ, которую Маркс определяет как царство свободы, уже действует свободная человеческая индивидуальность. Человеку подчиняются законы общества, и всю свою деятельность он направляет на развитие своей творческой индивидуальности. Человек творит себя как универсальную личность, которая относится к миру не утилитарно, а создает его по законам красоты. При коммунизме полностью снимается отчуждение, труд снова становится аренной реализацией творческих сил человека, родовая сущность и существование человека совпадают.

Нельзя также не отметить, что К. Маркс, по сути, не проявлял интереса к онтологической проблематике. Ею преимущественно занимался его соратник — Ф. Энгельс, который не имел университетского образования и в философии был фактически самоучкой, что не могло не отразиться на его взглядах. Именно ему мы обязаны диалектическим материализмом — некой вульгаризацией философской проблематики.

Несмотря на некоторые достоинства, марксистское учение не лишено ряда серьезных недостатков, которые в полной мере обнаружались при его реализации на практике.

1. Выделение экономического базиса общества в качестве определяющего фактора и критерия общественно-исторического развития фактически создало предпосылки для нивелирования культурных различий между народами и для их деления на передовые и отсталые. Этот селекционный принцип проявился и в отношении разных классов и социальных групп. Особенно трагическим для нашей страны оказалось отрицательное отношение Маркса к крестьянству, которое он характеризовал как отсталый класс с мелкобуржуазной собственнической психологией и деревенскими предрассудками.

2. Маркс уповал на пролетариат как гегемон коммунистической революции. Он считал, что диктатура пролетариата будет последней формой государства, которая создаст предпосылки для исчезновения классов и отмирания государства вообще. Еще М. Бакунин предупреждал, что попытка применить на практике марксистскую классовую теорию обернется усилением роли государства и рабством граждан. Диктатура пролетариата на деле оказалась тоталитарным государством.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1970. Т. 1. С. 537.

3. Маркс односторонне и неглубоко понимал феномен человека. Человек для него — социальное существо, личность — не более чем слепок определенной формы общества, всецело зависящий от установившейся в том или ином социуме системы связей и отношений. Именно с этим связано то, что Маркс недооценил человека как физически-телесное и духовное существо. Он ошибочно полагал, что, изменив к лучшему общественный строй, можно радикально улучшить духовную и нравственную сущность человека. Однако, как говорил Ф. М. Достоевский, зло в человеке укоренено значительно глубже, чем полагают некоторые господа социалисты. По-видимому, моральное и социальное зло будет существовать до конца времен, и поэтому рай на земле невозможен.

4. Маркс чрезмерно уповал на практику, но не принимал во внимание тот факт, что сама практика может быть глубоко порочной. Это в полной мере подтвердилось, когда теория Маркса начала претворяться в жизнь в России и других странах. К. Маркс, написавший в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹, по существу, обозначил две основные задачи философии. Первую (объяснительную) он приписывал всей предшествующей философии. Вторую (практическую) связывал прежде всего со своим учением. Однако конструктивное изменение мира невозможно без преобразования человека, одухотворения его жизни.

Теория Маркса — это разновидность хилиастического учения, культурно и психологически связанного с иудейским мессианизмом и апокалиптикой с той лишь разницей, что место богоизбранного народа занимает самый «передовой» класс — пролетариат, а Царство Божие на земле обозначается как коммунизм.

Следуя традиции Л. Фейербаха, Маркс понимал Бога как образ и подобие человека. Бог — это не что иное, как отчуждение от человека его родовой сущности вследствие разорванности его эмпирического существования. Коммунизм устранил противоречие между родовой сущностью и существованием человека. Однако может ли актуализироваться в человеке его родовое начало, то есть самое глубокое начало, без религиозных переживаний? Атеистическая мечта о родовом человеке превращается в культ абстрактного человека. Религия человекобожия есть путь к уничтожению человека.

Религиозный, вероучительный компонент марксизма, по мнению С. Н. Булгакова, значительно усиливался его наукообразной формой. «Благодаря этому он может под внешней оболочкой научности не только давать удовлетворение запросам разума, но и утолять религиозную жажду абсолютного»². Марксистская «наука» стала предметом веры и упований значительной части русской интеллигенции, которая некритически приняла его основные положения. Это было обусловлено, с одной стороны, ее философской неискушенностью, а с другой — архаизмом самой марксистской методологии, оставшейся во власти докантовских представлений о бытии и познании.

Таким образом, можно констатировать, что в марксизме как в особом типе философской культуры имеются свои несомненные достоинства и серьезные заблуждения, что действительно требует от нас восприятия марксистского учения прежде всего как академической дисциплины, но никак не руководства к практическому преобразованию действительности. Об этом всегда следует помнить в свете глубокого системного кризиса современного общества и пробуждающегося на этой основе интереса к учениям левых, в том числе к марксизму.

А. М. Сидоров³

ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН: МАРКСИСТСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

Культурное производство находится в центре интересов западных неомарксистов от Г. Лукача и Франкфуртской школы до Т. Иглтона и Ф. Джеймисона. На первый взгляд это кажется неожиданным, потому что Маркс и Энгельс не изучали специально культурные феномены, ограничиваясь отдельными замечаниями, а само понятие «культура» основоположники марксизма практически не употребляли. В марксистской теории явления культуры относятся к надстрой-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 4.

² Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб., 1904. С. IX.

³ Доцент кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Дискурс тела в философии Шопенгауэра», «Фрагментарный императив романтизма», «Искусство и истина (об эстетической теории Т. Адорно)», «Онтология кинематографического опыта и становление самосознания в философии кино Стэнли Кэвелла», «Секуляризация и онтология» и др.

ке, которая вырастает на экономическом базисе и служит его воспроизводству. Культурные формы всегда возникают в определенных исторических ситуациях и идеологически легитимизируют классовое господство. Но свои интеллектуальные и политические силы основатели марксизма направили на анализ базиса — капиталистического способа производства — и на политическую борьбу.

Тем не менее, как отметил английский марксист П. Андерсон, уже с 1920-х годов «усилия и талант западных марксистов были направлены на искусство»⁴. Андерсон связал эти перемены с разочарованием в политике после крушения европейских революционных движений и возникновения фашизма. Но такой поворот к культуре в марксистской теории был бы невозможен, если бы в марксизме изначально не была заложена

⁴ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 87.

плодотворная идея культурного анализа, позволяющего не только взглянуть на общество в целом за счет соотнесения культурных форм со способами воспроизводства материальной жизни, но и предпринять герменевтическое исследование этих форм, скрывающих свою связь с экономическими и социальными основаниями.

Американский марксист Ф. Джеймисон впервые проанализировал культуру постмодерна в марксистском ключе в ряде своих работ, главной из которых является «Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма». В то время как предшествующие теоретики говорили о постмодернистской архитектуре или поэзии как о только эстетических явлениях, Джеймисон связал постмодернистскую культуру в целом с новой стадией господствующего способа производства. Если, например, Ж.-Ф. Лиотар — другой знаменитый теоретик постмодерна — отверг «метанарративы» об истории, то Джеймисон полагал, что культурные феномены могут обрести смысл, будучи помещенными в контекст марксистского «большого повествования». «Только марксизм может дать нам адекватное чувство сущностной тайны культурного прошлого <...> Эти явления могут восстановить свою актуальность для нас, только если будут пересказаны в единстве одной великой коллективной истории»¹. Для Джеймисона постмодернизм — периодизирующий концепт, обозначающий нынешний этап этой истории и устанавливающий связь между новым типом социальной жизни и новым экономическим порядком (постиндустриального или потребительского общества, общества массмедиа или спектакля, транснационального капитализма и т. д.) с новыми формальными особенностями культуры.

Постмодерн, согласно Джеймисону, является выражением на эстетическом и текстуальном уровне динамики «позднего капитализма», современной стадии развития капитализма, начавшейся после Второй мировой войны. Поздний капитализм имеет собственную экономическую логику, во многом отличную от логики старого капитализма XIX века. Это транснациональный капитализм с международным разделением труда и международными финансовыми спекуляциями, с медиакорпорациями, компьютеризацией, технологическими инновациями, преобладанием символического обмена над производством и т. п. Эти процессы изменяют все аспекты жизни общества, но решающее изменение происходит с культурой. Экономической логике позднего капитализма соответствует логика культуры, которую называют постмодернизмом — в эту эпоху культура не просто становится «надстройкой», как в классической марксистской теории, а обретает такой же завершенный характер, как экономика, сливается с экономикой, так что каждый товар или услуга являются знаками, а сама культура становится в полном смысле слова второй природой, впервые окончательно заслоняя собой Реальное, то есть саму историю, и создавая симулятивную реальность.

Особое внимание Джеймисон уделяет тому, как механизмы культуры и идеологии создают новый тип субъекта. Именно поэтому Джеймисон может совме-

щать марксистский анализ с постструктуралистским и психоаналитическим дискурсом — ведь символические и лингвистические процессы являются по отношению к субъекту такими же бессознательными, как экономические, и определяют конфигурацию субъективности. Общий результат этой логики, характеризующий культуру постмодерна в целом, Джеймисон называет *отсутствием глубины*, соответствующим ее герметичности, и невозможностью выхода вовне (к внешней или внутренней реальности), который мог бы создать впечатление глубины, второго плана («культура плоскости», как он ее еще называет), а отдельными ее проявлениями выступают *исчезновение индивидуального субъекта, пастиш, кризис историчности, шизофрения и истерическое возвышенное*.

Постмодернистское искусство не способно инициировать герменевтический акт соотнесения образа с живым контекстом реальности и внутреннего мира. Без такого контекста художественный опыт становится анонимным, не обращенным к индивидуальному значению или суждению. Вследствие этого возникает новая модель художественной практики — *пастиш*. Это понятие, возникшее в эпоху барокко и означавшее тогда оперу, составленную из отрывков других опер, в современной теории обрело новую жизнь в качестве обозначения постмодернистской эклектичности. Можно рассматривать пастиш, нейтральную мимикрию как один из аспектов исчезновения индивидуального субъекта. В культуре постмодерна опыт и идеология уникальной самости, сформировавшие художественную практику классического модернизма, теряют свою значимость. «Старые модели (П. Пикассо, М. Пруст, Т. С. Элиот) больше не работают, поскольку никто уже не обладает уникальным внутренним миром и стилем, который нуждается в выражении»². Эклектично используя формы разных эпох, пастиш создает поп-образы и симулякры прошлого, но живой опыт истории становится отныне невозможным.

Отсюда следует *кризис историчности* — вытеснение живой связи модусов времени симулятивными ретро-образами, образующими эклектичные и фрагментарные сочетания. Новый субъект утрачивает активное чувство истории, довольствуясь суррогатами темпорального. Джеймисон интерпретирует понятие симулякра преимущественно в терминах визуальных образов вслед за Г. Дебором, который описал «общество спектакля» как высшую стадию товарного овеществления. Визуальная культура постмодерна, располагая все перед взглядом зрителя-потребителя на экране кинотеатра, телевизора или компьютера, следует логике пространства, вытесняющей логику темпоральности, историчности.

Множественность, фрагментарность и децентрированность субъективного опыта как характеристики культуры постмодернизма названы Джеймисоном *шизофренией* с отсылкой к концепции французского психоаналитика Ж. Лакана. По Лакану, опыт времени, памяти, идентичности является результатом взаимодей-

¹ Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act. L. ; N. Y., 1981.

² Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления ; Он же. Марксизм и интерпретация культуры. М. ; Екатеринбург, 2014. С. 294.

ствия означающих языка. Поскольку у шизофреника нарушается языковая артикуляция, у него нет опыта временной непрерывности, что ведет к отсутствию устойчивой идентичности и к распаду опыта на множество изолированных дискретных материальных означающих. Так и постмодернистский субъект, согласно Джеймисону, утрачивает способность связывать прошлое и будущее в единый контекст живого опыта, что приводит к замене непрерывного процесса времени разрозненными точечными моментами настоящего. «Конец буржуазного эго», представлявшего собой единую конструкцию, приводит к «угасанию аффекта», связанного с распадом «я». Трагически-напряженная чувственность модерна с его поисками «глубинного» смысла сменяется истерической симуляцией интенсивности с целью скрыть внутреннюю бесчувственность. *Истерическое возвышенное* — опыт постмодернистского субъекта, связанный уже не с природой, как у Канта, а с техникой. Глобальная технологическая матрица превосходит человеческие познавательные способности и категории, и именно этот искусственный мировой «спектакль» вызывает вялотекущую и бесвязную эйфорию постмодернистского зрителя и потребителя.

Отличие ситуации постмодерна от культуры модерна заключается не в радикальном изменении содержания, а в изменении взаимоотношений между культурной продукцией и общественной жизнью. Если культура модерна, как указывает Джеймисон, была только «анклавом», и это выражалось в ее элитарности и антагонизме по отношению к экономическому порядку, то постмодерн обладает гегемонией, охватывает все пространство культурного производства и сливается с рынком. Эта культура уже не может быть понята как идеология, скрывающая экономические механизмы, поскольку она сама становится успешной экономической деятельностью. За таким часто называемым признаком постмодерна, как стирающие границы между высокой и массовой культурой, стоит стирание границы между культурой и экономикой. Но, несмотря на критический анализ культуры постмодерна, Джеймисон отвергал ее моралистическое или идеологическое отрицание. Поспешному занятию позиции «за» или «против» следует предпочесть проект марксистского системного анализа современной стадии неограниченного капитализма, и достигнутое понимание может создать условия для коллективного действия.

О. С. Соина¹

ЧАРЫ МАРКСИЗМА

К сожалению, многие современные философы, в особенности — старшего поколения, до сих пор совершенно искренне полагают, что марксизм есть высшая форма философского знания, а диамат и истмат — перлы создания и венец творения, и посему не представляют себе действительности вне всем известных клише: «бытие определяет сознание», «соответствие производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», «базис определяет надстройку» и т. п. При этом есть среди них и вполне «продвинутые», которые на старости лет крестились в православном храме, и их «марксистская парадигма» чудесным образом переплелась с якобы христианскими ценностями и представлениями.

В своем докладе мне хотелось бы рассмотреть несколько наиболее типичных стереотипов прежнего советского знания, к сожалению, не изжитых и поныне и так часто встречающихся в современных учебниках по философии, в статьях, монографиях и даже в кандидатских и докторских диссертациях.

Так, в среде профессиональных философов устоялось в принципе правильное утверждение о том, что философия есть мировоззрение. Однако вслед за этим

утверждением чаще всего всплывает пресловутый *партийный принцип* в философии, делящий философов на материалистов и идеалистов, который, в свою очередь, упирается в одиозный основной вопрос философии, с одной стороны, разделяющий мыслителей на два больших идейно противостоящих направления, а с другой — смешивающий и обезличивающий философов и их воззрения на мир. До сих пор многие преподаватели философии ищут и «находят» борьбу материализма и идеализма в античной философии, все еще по-советски выделяя «линию Демокрита» и «линию Платона». Между тем сама идея атома в греческой философии появилась отнюдь не для того, чтобы как-то обосновать материализм, но для того, чтобы преодолеть «дурную бесконечность» материального мира, то есть бесконечную делимость пространства в апориях Зенона Элейского. А какая могла быть борьба между материализмом и идеализмом в средневековой философии, тотально религиозной? Тем не менее и здесь «пытливый ум» нашего брата ухищряется обнаружить материалистические тенденции в философии Оккама или же номиналистов в целом и т. д. и т. п. Словом, разделяя философов на сугубо идеологических по сути оснований на материалистов и идеалистов, мы не только искажаем существо философских учений прошлого и настоящего, но и отказываемся от труда их вдумчивого изучения, а значит, сами себя обрекаем на поверхностный, верхоглядский, вопиюще упрощенный подход к философии, делая ее для одних банальным и легкодоступным знанием, а для других — бессмысленной, схоластической игрой понятий.

¹ Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Основы философии», «Стереотипы философского знания», «Экзистенциальная философия права Ф. М. Достоевского», «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» и др. Награждена дипломом и золотой медалью Ди Мерито (Diploma di Merito) Европейской научно-промышленной палаты.

С нашей точки зрения, более продуктивным и справедливым по отношению к изучаемым философам был бы не партийный принцип, но *персоналистический подход*. Если философия есть мировоззрение, то она является не чем иным, как личностным, в высшей степени субъективно окрашенным знанием, по сути дела, представляющим собой не что иное, как особое, теоретически обоснованное видение мира и отношение конкретного мыслителя к бытию, социуму и человеку, и в этом своем особом качестве глубоко и неповторимо интересно. И только тогда по-иному предстанет и *основной вопрос философии*. Поставленный в общей (вульгарно партийной) форме, он теряет свою эвристическую и герменевтическую значимость, в то время как основной вопрос философии того или иного конкретного мыслителя, он побуждает к подлинному, лично-стно выверенному восприятию его творений, и этот взаимный творческий диалог учителя и ученика безусловно будет способствовать возрождению новой интеллектуальной культуры.

Далее, как ни прискорбно это констатировать, многие наши коллеги до сих пор совершенно искренне убеждены, что идеализм — это плохо, ибо он «ненаучен», а вот материализм — это хорошо по определению, в силу того, что он якобы в высшей степени согласуется с достижениями научного знания. «Материализовав» все «до основания», советская философия, как это ни парадоксально, оставила нетронутыми глубинные пласты сознания русского человека, и духовный и гражданский идеализм, казалось бы, напрочь вытесненный из сферы мысли, мощно заявил о себе в созидательной практике, ибо надо было воевать, восстанавливаться, строить и жить дальше — а куда тут без идеализма?

Кстати сказать, одним из важнейших симптомов того, что в вузах до сих пор преподается не философия во всем многообразии ее исторических форм и типов, но в основном все тот же *диалектический материализм*, правда, стилизованный и оформленный под «веяние времени», является акцентированное использование в содержании курса философии понятий диалектики и диалектического метода познания, которым до сих пор совершенно начетнически придается некий вневременной и универсальный характер — вопреки самому принципу конкретности все той же диалектики.

Здесь стоит упомянуть, что *диалектический метод* как систематизированное знание универсального характера представил Г. В. Ф. Гегель, в силу чего сама диалектика Гегеля — это *философская теория и философская методология*, разработанная именно в контексте его *философской* системы, то есть развернутого теоретически отрефлексированного мировоззрения, принадлежащего именно этому великому немецкому философу. Поэтому диалектику Гегеля никоим образом нельзя отрывать от его философской системы и онтологизировать, то есть придавать ей статус объективных законов мироздания. Более того, если попытаться представлять диалектику не как теорию конкретного мыслителя, а как совокупность непрекаемых онтологических законов, то вообще отпадает всякая потребность

творческого исследования социальных или гуманитарных проблем. Между тем пресловутые три закона диалектики, хорошо известные всем выпускникам советских вузов (закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания), есть в чем-то трюизм или банальность типа констатации перехода дня в сумерки и затем в ночь, зимы в лето и т. п., а где-то есть просто вульгаризированная схема, совершенно не совпадающая со сложными реалиями природной, социальной, технической действительности.

Однако нам бы не хотелось, чтобы нас воспринимали как гонителей диалектики и диалектически мыслящих людей. Мы далеки от мысли отрицать диалектику вообще, тем более запрещать ее преподавание в качестве одной из фундаментальных тем философского курса.

Другое дело, что для того, чтобы осмысливать существо диалектического способа мышления, надо наконец прекратить онтологизировать диалектику того или иного философа, и тем более забивать этой онтологизацией сознание студентов. Своя диалектика была у Сократа, Платона, Николая Кузанского, Маркса, В. С. Соловьева, Б. П. Вышеславцева, о. П. Флоренского, А. Ф. Лосева и многих других весьма значительных мыслителей. Это значит, что в каждом конкретном случае можно успешно применять тот или иной вариант диалектики. Неужели не настанет время, когда предельно универсализированные и в силу этого безжизненные и ритуализированные интеллектуальные схемы не изживут себя окончательно и не сменятся качественно другой мыслительной парадигмой?

Мир очень изменился со времен К. Маркса, а если учесть тот факт, что его учение, несмотря на несомненные достоинства в плане понимания сущности и критики капитализма, содержало в себе множество роковых ошибок и утопического прожектерства, то сейчас тем более безрассудно оперировать марксистскими категориями как незыблемыми и почти вечными истинами. Собственно, дело не в Марксе, а в нас, трактующих его наследие крайне превратно, подпавших под обаяние его личности и мощи интеллекта. Клишированными «марксистскими» формулами мы просто прикрываем свою интеллектуальную беспомощность, лень и отсутствие творческого дерзновения в постижении современного раздираемого противоречиями и конфликтами мира, который должен быть осмыслен в совершенно иных категориях и понятиях.

Тем более нам, живущим в России, стоило бы обратиться к отечественному философскому наследию, вместо того чтобы искать ответы на свои вопросы в учениях, созданных в позапрошлом веке и на чужой почве.

Что же составляет основную духовную и интеллектуальную интенцию русской философской мысли, и насколько она может быть востребована сегодня в качестве концептуальной и мировоззренческой альтернативы современному, упрямо насаждаемому в вузах гибриду советской и псевдолиберальной теоретической парадигмы, грубо «материализующей» сознание и волю студентов и, по сути, воспроизводящей из них

очередных Иванов, родства не помнящих? Ф. А. Степун так ответил на этот вопрос: «Сравнительно поздние окрепшая на Западе в борьбе с идеалистической метафизикой экзистенциальная философия была в России искони единственной формой серьезного философствования. Если отвлечься от некоторых, в общем малооригинальных явлений университетского философствования, то можно будет сказать, что для русского мыслителя, как и русского человека вообще, философствовать всегда значило по правде и справедливости устраивать жизнь, нудиться Царством Небесным, что и придавало всем философским прениям тот серьезный, существенный и духовно напряженный характер, которого мне часто не хватало в умственной жизни Западной Европы»¹. Если исходить из того, что магистральным духовно-теоретическим устремлением русских философов была идея спасения и преображения человечества, понимаемая в предельно широком контексте — от спасения личности в ее земном и последующем бытии до преображения и спасения человеческой цивилизации в целом (что, согласитесь, звучит необычайно актуально в настоящее время, когда она столкнулась со множеством тяжелейших глобальных проблем, угрожающих самому ее существованию), породившая и особый, неповторимо своеобразный тип философствования, и оригинальность тематической избирательности, и широкую, поразительно богатую панораму национально-творческой мысли, где решительно всему есть «время и место» — будь то задачи

государственного строительства, поиск национальной идеи, взаимоотношения с европейским Западом и, наконец, проблемы любви и брака, взаимоотношения полов и воссоздания христианской семьи в эпоху претерпевающего апостасию человечества, — то почему она не может быть положена в основание осмысления новых реалий, в которых оказалась человеческая цивилизация, и внутреннего преображения человека, преодолевающего соблазны потребительского общества, разрушающего «родовую сущность человека»?

В сегодняшней ситуации апелляция к учению Маркса кажется совершенно непродуктивной, ибо нет и не предвидится передовых классов, способных возглавить движение за справедливое устройство жизни на Земле. К тому же основное противоречие эпохи разворачивается сейчас не столько на социальном фронте, сколько в духовном мире каждого человека: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»².

А парадокс современного философствования в стенах вузовской аудитории заключается в том, что *по сути преподаватели философии отвечают на вопросы, которые студенты им не задавали! И задать не могут*, ибо они жили и росли в другую эпоху, в горькое и трудное время, и если задумывались о чем-то, так о реальном и насущном, а не забивали себе голову очередными фантомами. Так стоит ли вновь подчинять их сознание и волю утратившим смысл мыслительным схемам или новейшим теоретическим гибридам?

О. И. Ставцева³

КРИТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО ПРОЕКТА

Широко известно определение К. Маркса, который рассматривал идеологию как ложное сознание, которое преломляет реальный мир под углом ценностного постижения, создает иллюзорное видение мира, его тенденциозное описание. Выдающийся немецкий философ, создатель концепции коммуникативного действия Ю. Хабермас определяет идеологию как систематически искажаемую коммуникацию, находясь, таким образом, в русле марксистского понимания идеологии.

Несмотря на заявления о «смерти идеологии» (Д. Белл), «конце идеологии» (Ф. Фукуяма), многие современные авторы продолжают критику идеологических компонентов культуры и общества. Особен-

но привлекает внимание отличающийся ярким стилем и примерами из популярной культуры представитель Люблянской школы психоанализа словенский философ Славој Жижек, критикующий такие формы современной идеологии, как либерализм и мультикультурализм, а также толерантность как их главный принцип⁴. С. Жижек в своей работе «О насилии» связывает Антиномии толерантного разума с невозможностью разрешения вопроса: «Каковы пределы толерантности в отношении нетерпимости другого?»⁵. За европейской толерантностью и уважением к правам «другого» Жижек небезосновательно подозревает культурное превосходство и империализм, стремление сохранить покровительственную позицию, опекающую и господствовать⁶.

¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.: СПб., 1995. С. 205.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 100.

³ Заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), статей «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения... Понятие “экзистенция” у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

⁴ Мы уже рассматривали современный дискурс толерантности в ряде статей: Ставцева О. И. Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм // Теория и практика мультикультурализма и проблемы диалога культур : сб. ст. СПб. : Эйдос, 2013. С. 383–393 ; Она же. Классическое обоснование толерантности и его пределы // Психолого-педагогические проблемы формирования единого евразийского пространства : материалы Евразийского науч. форума, 21–23 ноября 2013 г. СПб. : МИЭП, 2013. Ч. 2. С. 135–141.

⁵ Жижек С. О насилии. М. : Европа, 2010. С. 101.

⁶ Там же. С. 91.

Жижек предлагает решить антиномию толерантного разума по-марксовски, то есть признать существование насилия в обществе и сконцентрироваться на решении этой проблемы. Для этого нам требуется отбросить лживую политкорректную риторику толерантности, перестать относиться к другому покровительственно, уважая его предпочтения как причуды и странности; следует относиться к нему как ко взрослому, ответственному за свои суждения, и серьезно критиковать их. Но современная идеология в виде такой базовой для либерального мультикультурализма операции, как культурализация политики, не позволяет это сделать, осознать насилие, неравенство, эксплуатацию общества, нивелируя их требованиями толерантности к различиям.

Культурализация политики состоит в том, что политические, экономические и социальные различия представляются только как культурные, исторические и цивилизационные и таким образом сглаживаются. Причина культурализации политики — отказ от прямых политических решений, революционных освободительных проектов и идеи государства всеобщего благосостояния¹. Заместителем активных политических действий становится толерантность. Либеральный дискурс добивается толерантности расщеплением индивида на универсальное (человек вообще) и конкретное (представитель локальной культуры), на публичное (сфера разумности) и частное (сфера обычаев); к последнему относится и культура как образ жизни, набор верований и практик². Философским базисом этой процедуры Жижек считает картезианского субъекта в кантовской версии, который абсолютно независим и универсален, свободен от укорененности в определенной культуре, мультикультурен и толерантен, то есть, по Канту, является свободным существом, пребывающим в универсальности Разума.

Рассуждая в марксистском стиле, Жижек разоблачает скрытое за этой идеологией толерантности насилие и эксплуатацию. Либерализм, утверждая таким образом принцип толерантности, то есть приверженность своей культуре в частной сфере и преданность универсальным ценностям в публичном пространстве как сфере солидарности и социального взаимодействия, на самом деле отдает предпочтение одной культуре — культуре современного Запада³: «защищая права человека, он склонен навязывать другим собственное понимание этих прав»⁴; «субъект свободного выбора» в западном «толерантном» мультикультурном смысле возможен только как «плод предельно насильственного процесса вырывания из личного универсума, отрезания от корней»⁵. Универсальной силой, скрывающейся за этой идеологической операцией, является капитализм как свободная от любых культурных предпочтений рациональная машина получения прибыли. Мультикультурализм оказывается завесой для действия

законов рынка, уравнивающих представителей разных национальностей и культур в виде потребителей. Любые культурные различия допустимы, если они не противоречат экспансии рынка. Либерализм оказывается капиталистической идеологией.

Вопреки капиталистической, настоящей, подлинной универсальностью является, по мнению Жижека, «опыт негативности, неадекватности себе, конкретной идентичности»⁶. Идею некапиталистической универсальности Жижек берет у А. Бадью, призывая конкретных людей в их своеобразии объединиться не в толерантности, а в нетерпимости, в единой битве с насилием, подавлением, угнетением, эксплуатацией страдающих «частей» каждой культуры. Борьба против насилия, скрытого внутри каждой цивилизации, — такова подлинная основа солидарности различных людей и культур. И в этом Жижек сохраняет марксовский пафос поиска и построения лучшего социального устройства. Следует отметить, что критика идеологии Жижеком является не только научным, но и политическим явлением⁷.

В философском анализе во второй половине XX века явно наметилась тенденция рассматривать идеологию как эстетический феномен. Особенно это касается работ французского философа-структуралиста, марксиста Л. Альтюссера и британского неомарксиста, культуролога и литературоведа Т. Иглтона. Как отмечает российский исследователь Г. Мусыхин, «идеология — разновидность дискурса, обязательно проявляющегося во внешних эффектах»⁸. Путем мобилизации сильных и глубинных аффектов идеология позволяет субъекту ориентироваться в политической реальности. Т. Иглтон, размышляя об эстетическом компоненте идеологии, отсылает к Платону, который указывал на значимость искусства в политической сфере.

В русле этой линии рассуждений при анализе идеологии движется и С. Жижек, выявивший идеологию в массовом кино. В ряде статей, книг, а также в фильмах Жижек анализирует массовый кинематограф, применяя философский инструментарий Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса, З. Фрейда, Ж. Лакана. Борьбу с идеологией Жижек считает борьбой с собственной природой. Это болезненный опыт, который разрушает основание нашего психического мира, опыт не освобождения, а потери. Идеология доставляет человеку эрзац-удовольствие, представляет собой наши мечты и желания, фантазии, которые помогают нам встроиться в структуру реальности и принять ее. Голливуд, по Жижеку, — максимально идеологическая машина⁹. Так, любые травмирующие исторические события Голливуд превращает в фон для любовных историй, заставляя людей мечтать о любви. Известный фильм Дж. Кэмерона «Аватар» Жижек интерпретирует как историю о белом мужчине, который женится на туземной принцессе. Несмотря на привлекательный образ туземцев, которые экологичны, живут в согласии с природой,

¹ Об этом же явлении ведут речь и другие современные философы, см.: *Рансьер Ж.* Этический поворот в эстетике и политике // Критическая масса. 2005. № 2; *Бадью А.* Этика. Очерк о сознании зла. СПб., 2006.

² Жижек С. Указ. соч. С. 111.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 114–115.

⁶ Жижек С. Указ. соч. С. 122.

⁷ Мусыхин Г. И. Очерки теории идеологии. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2013. С. 15.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Жижек С. Киногид извращенца: кино, идеология и философия: сб. эссе. Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 462.

духовны и обладают чудесными способностями, истина, которую несет этот образ, не так светла — туземцы полностью во власти белых людей: «они могут выбрать либо роль несчастной жертвы империалистической реальности, либо отведенную им роль в фантазии белого человека»¹. Более ранний блокбастер Дж. Кэмерона «Титаник», по Жижек, повествует не о судне, гибнущем от столкновения с айсбергом, а о сохранении иллюзии любви. Именно гибель парохода предотвращает настоящую катастрофу — гибель любви от обыденности и социальных различий влюбленных. За поверхностным голливудским марк-

сизмом Дж. Кэмерона Жижек видит эксплуататорское отношение к представителям бедных классов, их бессердечное использование.

Таким образом, идеология, скрытая в кинематографической продукции, а также в дискурсе мультикультурализма, толерантности и культурализации политики, представляет собой систему, оправдывающую существующие в социальной реальности отношения господства. Критика идеологии, определение ее внутренней цели и смысла способствуют раскрытию, критике насилия и посредством этого — изменению общества.

В. Н. Томалинцев²

МАРКСИЗМ КАК ЭТАП ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

От внимательного взгляда на историю не укроется тот факт, что происходящие в ней события готовятся исподволь, зарождаются скрытно, протекают неспешно, подходя к своей кульминации постепенно и поэтапно. Об этом свидетельствует все происходившее в России накануне и непосредственно в период самой Русской революции 1917 года.

Страна втягивалась в происходящие события подспудно, незаметно на фоне затяжной мировой войны, в условиях мощнейшего революционного движения. Первоначально в обществе возникло вкрадчивое искушение, а затем — все более острый соблазн освободиться от слабого, нерешительного, по мнению оппозиции, царя, передав монархическое правление в руки его единственного сына — цесаревича Алексея. Но поскольку наследник оказался серьезно болен (страдал гемофилией), Николай II, как любящий отец, не решился возложить на сына дополнительное бремя державной власти. В этом случае выбор пал на брата царя — великого князя Михаила Александровича. Тот передал право окончательного решения по данному вопросу Учредительному собранию, до созыва которого вся власть в стране переходила ко Временному правительству. В дальнейшем неуклюжие действия Временного правительства во главе с Керенским привели к тому, что заседание Учредительного собрания было сорвано, власть в стране была утрачена вследствие большевистского переворота и к руководству Россией пришли сторонники кардинальных мер, возглавляемые В. И. Лениным.

Таким образом, в результате предательства своего монарха, в то время главнокомандующего русской армией, ведущей войну, совершенного отдельными чле-

нами Государственной думы и генералитета, Россия все глубже втягивалась в новый социальный эксперимент, к реализации которого тут же приступили допущенные к руководству страной большевики, вооруженные марксистско-ленинской программой действий и начавшие преобразования общества на социалистических началах.

Появление марксизма, победа его идеологии в России — события всемирно-исторического значения, оказавшие большое влияние не только на Россию, но и на весь мир. Они не стали локальным эпизодом истории. Напротив, русская революция оказала мощнейшее воздействие на весь ход дальнейших событий в мире, в том числе на мир капитала. Главное — стало понятно, что без обращения к трудовым классам, без уважения их требований дальнейшее развитие невозможно и чрезвычайно опасно для руководящих элит. Именно практическая реализация марксистско-ленинских идей и социалистических принципов заставила мировой истеблишмент более щедро делиться с другими социальными слоями и группами, подойти к созданию необходимых форм социальной защиты безработных и неимущих. По всей Европе возникло социал-демократическое движение, которое после Второй мировой войны буквально преобразило общество. Благодаря идеологической борьбе со странами социалистического лагеря возникали островки социально-экономического благополучия, во всех частях света создавались «витрины» рыночной экономики.

Не случайно по воле хитроумной Истории столь серьезный социальный эксперимент (социалистические преобразования), обусловивший смену эпох, способствовавший падению мировых империй, уничтожению мировой колониальной системы, обрел свое начало именно в России, к тому времени наибольшей по территории, достаточно многолюдной, многонациональной и многоконфессиональной стране, с многоукладной экономикой, обладающей множеством климатических зон, часовых поясов и несметными запасами природных богатств.

Такие качества социума, ставшего одновременно объектом и субъектом экстремального историческо-

¹ Жижек С. Киногид извращенца... С. 468.

² Старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма», «Экстремальность России: прогноз развития», «Острые мысли: тематическое собрание афоризмов и изречений», «Типы личности и война между ними...», «Самопознание таланта», «Социальный экстремизм в системе координат культуры», «Введение в социальную экстремологию» (учеб. пособие) и др. Член Дома ученых Санкт-Петербурга (секция культурологии). Награжден грамотой Министерства образования и науки РФ.

го перелома, содержат как преимущества (трудовые, природные и иные ресурсы), так и опасности (различия культурного и религиозного укладов, темперамента и менталитета населяющих его народов). Поэтому не случаен и тот факт, что на рубеже эпох (в конце XIX — начале XX в.) Россия привнесла в мировое общество не только идею общественно-экономических преобразований, но и такие парадоксальные, противоречивые явления, как русский авангард в искусстве и русский терроризм в политической борьбе, определившие новый крутой поворот в дальнейшем историческом развитии культуры и всей человеческой цивилизации. Во многом это выявило наличие двух основных полярных направлений в развитии человеческой жизнедеятельности, нашедших свое выражение в творческой экстремальности и экстремизме.

Необходимо признать, что, несмотря на неоспоримые успехи советской России, такие как победа в Великой Отечественной войне над фашистской Германией, первый в истории полет человека в космос, овладение боевым и мирным атомом и многие другие, при условии достигнутого всеобщего уровня среднего образования, общедоступной медицины, страна не получила заслуженных дивидендов. Более того, пережив период перестройки 1990-х годов, она оказалась на обочине мировой истории. В значительной мере это стало закономерным итогом утраты советским руководством веры в социалистические идеалы, потери способности к стратегически глубокой теоретической мысли. И здесь также не обходится без подспудной подготовительной работы Истории. Вспомним череду болезней и уходов из жизни генеральных секретарей ЦК КПСС, сопровождаемую экономическим застоем, и то же предательство крупных партийных функционеров и государственных чиновников, подстрекаемых извне.

Однако и распад Советского Союза — второй сверхдержавы мира, цитадели социализма, как и распад Российской империи, не прошел для мира бесследно, ибо это сразу нашло отражение в очевидном социальном движении вспять.

Сегодня отход от социальных завоеваний масс, как и все в истории, происходит подспудно, исподволь. Поворотом в данном направлении оказался перенос производственных предприятий из высокотехнологичных стран в государства с дешевой рабочей силой. В то же время в высокоразвитые страны идет приток эмигран-

тов — беженцев со всех частей света (Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии), которые играют там роль гастарбайтеров, формируя рынок дешевой рабочей силы.

В Европе набирает обороты проповедь антисемейных, антирелигиозных ценностей (ювенальная юстиция, запреты на рождественские елки, ношение христианских нательных крестиков и т. п.).

Пропаганда гомосексуализма, с одной стороны, и шельмование правых и виноватых по поводу сексуальных домогательств — с другой, имеют одну подоплеку — стремление к снижению рождаемости. Данные тенденции недвусмысленно указывают на то, что современная буржуазная элита стремится к замене населения своих стран, которое научилось защищать свои права и интересы, на новых невольников.

Очевидно, поступательное движение истории подготавливается опосредованно, продвигаясь галсами, используя различные векторы развития. При этом сегодня серьезные опасения вызывает тенденция обострения линии, заложенной со времен Нового времени, эпохи Возрождения, пролегающей через такие этапы личностного развития, как гуманизм, антропоцентризм, эгоизм.

В какой-то степени крайностям вульгарно понятого гуманизма, воспринимаемого как эмансипация человека от Творца, противостоял марксизм, пусть тоже с атеистическими принципами, но построенными на основе коллективизма и интернационализма. Теперь, в критический фазе возродившегося эгоцентрического тренда, не приходится удивляться возобновляющейся войне «всех против всех» со стремлением к мировому доминированию в рамках политики глобализации, что сопровождается приступами русофобии и связанным с ними переписыванием истории.

Возможно, уже в ближайшем будущем грядущая эпоха робототехники, искусственного разума в момент, когда машины и техника вытеснят человека не только из сферы производства, но и из сферы услуг и даже армии, вновь еще более остро поставит вопрос о социальной защите населения, гуманитарной составляющей взаимоотношений различных социальных групп, принципах социального планирования.

Сегодня приходится признать, что пока конечный исход истории неясен, прежде всего потому, что мы не можем постичь всей глубины ее иронии.

Е. Н. Устюгова¹

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОВЕТСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ЭСТЕТИКЕ И ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ: ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ М. С. КАГАНА

С конца 1950-х годов советская культура устремилась к тому, чтобы освободиться от идеологического пафоса сталинской эпохи и утвердить новые культурные идеалы. Это время было переходным периодом от жесткого идеологического канона схематически интерпретированного марксизма к новым горизонтам, в которых появились такие проблемы гуманистического содержания, как роль творческой личности, целостность человека и его мира.

В 1960 году одновременно в Московском, Ленинградском, Уральском (Свердловск) и Киевском университетах были созданы кафедры эстетики, которые назывались тогда кафедрами марксистско-ленинской эстетики. Таким образом, эстетика в советских университетах получила право стать одним из фундаментальных направлений развития философской мысли. До этого философские факультеты занимались только проблемами исторического и диалектического материализма и марксистской политологии.

Но в 1960-е годы наметился интерес к человеку как к объекту философского исследования. Вновь были изданы труды одного из основателей советской психологии С. Л. Рубинштейна (например, «Человек и мир»), где сформулирован принцип единства сознания и деятельности, сочинения философски ориентированного психолога Л. С. Выготского, который не только оригинально интерпретировал идеи Маркса и ассимилировал некоторые современные западные идеи, но и сохранил связь с русской культурой Серебряного века. Тогда же были опубликованы концептуальные труды М. М. Бахтина, в которых он анализировал сложные отношения культуры и искусства.

Молодые философы 1960-х годов пытались понять, как можно по-современному, творчески интерпретировать марксизм (о возможности иной мировоззренческой основы тогда еще не могло идти речи) и какая методология гуманитарного знания может прийти на смену старым догматам. Эстетиков привлекли некоторые положения ранних работ Маркса, прежде всего «Экономическо-философских рукописей», о творческом характере деятельности «по законам красоты», о том, что личность интегрирует в себе целый ансамбль социокультурных отношений, а не является прямой проекцией классовой структуры общества.

Новое движение в советской философии и эстетике в 1960–1980-е годы началось с того, что в центре внимания оказались проблемы творческой сущности человека, для которого формирование мира «по законам красоты» есть яркое проявление его человеческо-

сти. Таким образом, философы 60–80-х годов XX века заново вышли к тем же проблемам человека, творчества, культуры, что и русские философы первой половины XX столетия, пытавшиеся выразить культурные смыслы философии. Темы философской антропологии, философии истории и исторической макросоциологии, исторической динамики культуры, роли личности в истории были лейтмотивом всего XIX — начала XX века русской истории.

Между русской философией первой и второй половины XX столетия нет принципиальных различий в философской тематике, есть различия в подходах, в выделении определенных ракурсов проблем. Размышления о различных смыслах субъектности образуют философское пространство, которое связывает русскую философию в нечто целостное. Если в 1930–1950-е годы субъект трактовался только как социальный и гносеологический, то в 1960–1980-е годы наметилась тенденция к выявлению в нем разнообразного содержания: ценностных, нравственных, религиозных, философских, психологических. Постепенно формируется представление о человеке как об активном субъекте творчества культурного, исторического мира.

Отечественная философская мысль 1960–1970-х годов стала временем дискуссий по проблеме понимания и определения сущности феномена культуры. В конце 1960-х годов в Москве, Ленинграде, Свердловске, Ростове, Тбилиси, Ереване и других городах Советского Союза возникли научные центры, занимающиеся теоретическим изучением проблем культуры, увеличилось число научных публикаций на эти темы, были созданы первые учебные пособия по теории культуры. Огромное влияние на эти разработки оказали идеи М. М. Бахтина, которые были сформулированы еще в 1920–1940-е годы, но стали широко известны и начали ассимилироваться теоретиками лишь в 1960–1970-е годы.

Среди множества концепций культуры, предложенных в 1970-е годы, особо выделяется та, в которой культура соотносена с системой человеческой деятельности. Одной из первых попыток решения этой задачи стала книга М. С. Кагана «Человеческая деятельность: опыт системного анализа» (1974). Каган определяет культуру как продукт и одновременно как способ человеческой деятельности. Главное в этой концепции — выделение в общей системе культуры ее различных подсистем: материальной, духовной и художественной. В материальную культуру включаются результаты преобразовательной и коммуникативной деятельности, в духовную — наряду с ними результаты познавательной и ценностно-ориентационной деятельности; а художественная культура образует в этом ряду особую сферу сосуществования всех этих видов деятельности. В наиболее законченном виде данная культурная систематика представлена в фундаментальном труде М. С. Кагана «Введение в историю мировой

¹ Профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографии «Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля»; статей: «Глобализация и культура. Исторический контекст», «Стиль петербургской культуры», «Style as an Aesthetic Image of Ego in Post-Modernist», «Экология человека в городском пространстве», «Морфология искусства» М. С. Кагана как открытая система» и др.

культуры» (2003). Восприняв развиваемый Иоффе подход к анализу искусства в целостной системе культуры, Каган пытался преодолеть гносеологическую трактовку искусства как прямого отражения окружающей действительности. От курса «Теория искусства», который он начал читать в 1946 году, Каган перешел к эстетике и стал одним из тех, кто возродил эстетику в нашей стране (в которой с 1937 г. не вышло ни одной книги по эстетике).

В это время советская философия и эстетика после долгого перерыва включили в свое концептуальное поле аксиологию. М. С. Каган был активным сторонником этого подхода, особенно в эстетике. В курсе лекций по эстетике, который он читал на философском факультете Ленинградского университета, Каган отстаивал идею о том, что художественный образ выражает ценностное отношение субъекта к миру, на основе которого конструируется новая художественная реальность, выражающая творческую интеграцию субъективного, объективного, духовного и материального, индивидуального и общечеловеческого. М. С. Каган определял место искусства в культуре через его специфическую культурную функцию — быть зеркалом, кодом культуры и ее самосознанием. В одной из своих поздних работ «Се человек» (2003) он рассматривает мировую историю изобразительного искусства как один из присущих культуре способов выражения и познания сущности человека, как образное осмысление становления личности, смерти и бессмертия, возрастного развития человека от детства к старости, отношений между мужчиной и женщиной, восточного и западного мироощущений.

Проблема примата *цельности и организованности бытия* перед стихийностью и спонтанностью была сквозной в российской философии в XX веке. Марксизм — это ведь тоже системное мышление, и не случайно именно в России принципы тотальности мышления были восприняты и утвердились и в общественном сознании, и в научных концепциях. Главной заслугой М. С. Кагана было применение методологии системного подхода к исследованию исторического развития культуры и искусства. Его эстетическая и культурологическая концепции опирались на тщательное изучение истории эстетических учений, богатейший материал искусства, осмысленный в истори-

ческом и современном развитии. Это нашло свое отражение в ряде коллективных работ, написанных в 1970–1980-е годы сотрудниками кафедры этики и эстетики Ленинградского университета по инициативе, под концептуальным научным руководством и при участии М. С. Кагана. На принципах системного подхода было построено структурно-типологическое исследование истории мировой художественной культуры, выработаны принципы исторической типологизации, методологии системного исследования искусства. В основу была положена трехчастная модель, состоящая из трех ракурсов измерения художественной культуры: информационного (духовно-содержательного, стилевого), институционального (организационно-функционального), морфологического (системы видов и жанров искусства).

Идеи и принципы соединения структурного и исторического подходов к эстетике М. С. Каган воплотил в своей монографии «Морфология искусства». Здесь он вновь продолжил направление эстетических исследований И. И. Иоффе, который хотел охватить все виды искусства (живопись, театр, музыку, литературу, кино) в их взаимосвязи. М. С. Каган впервые дал наименование этой области эстетики — *морфология искусства*. В этой книге, которая имела подзаголовок «Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств», Каган реализовал свое представление о задачах современной эстетики — не только рассматривать отдельные аспекты теории искусства, но и осмыслять и объяснять всю историю художественной культуры, опираясь на методологические возможности системного подхода. Это исследование стало одним из фундаментальных в эстетике. В нем раскрываются общие законы взаимосвязи отдельных видов искусства и образование из отдельных видов целостной системы.

На протяжении всей своей творческой деятельности М. С. Каган оставался верен фундаментальным идеям марксизма об определяющей роли общественного бытия в процессах развития духовной культуры, о взаимосвязи общества, культуры человека. При этом он творчески развивал марксистские принципы, обогащая их гуманитарным содержанием, которое Каган раскрывал в своих системных исследованиях человеческой деятельности и художественной культуры.

А. Н. Фатенков¹

КАРЛ МАРКС КАК ВСЕ-ТАКИ НЕРЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП

Мне, стороннику экзистенциальной философии, Карл Маркс идейно не очень близок. Вызывают озадаченность присутствующие в его учении тенденции к экономическому детерминизму и социологизаторству (увы, ненадуманные). И если первую он намерен был переломить (эмансипация человека и означает выход из-под гнета экономической зависимости), то вторую намеренно поощряет (эмансипированный индивид и есть, дескать, существо собственно социальное). Имеется еще несколько существенных черт марксизма, которые, ставя его в ряд типично нововременных теорий, не вызовут симпатий у экзистенциалиста.

Однако — вот она, диалектика жизни, — сегодня Маркса нередко защищают. Прежде всего, по трем позициям (не считая общественно-политической — антикапиталистической): 1) как диалектика (насколько он действительно таков); 2) как неидеалиста (насколько его неидеализм последователен); 3) как светского, секулярного мыслителя (насколько он опять же таковым является). Ясно, что пункт 3 невозможно отстоять, не подкрепив его пунктами 1 и 2.

Мое неприятие религиозно-церковного мировоззрения (точнее, наверное, моя удаленность от него) проистекает из личного жизненного опыта, счастливо советского семейного воспитания, исходного естественно-научного образования. И, разумеется, не в последнюю очередь подчеркнутая нерелигиозность обусловлена особенностями восприятия философии, понимания ее культурной специфики, целей, задач, ее притягательности, наконец. В рамках религиозной парадигмы человек есть существо если и не падшее, то ведомое: без помощи свыше ему не обойтись. Философия учит принципиально иному — самостоятельности, неэффемерной свободе человека, как бы трудно та ему ни давалась. Без самостоятельности нет и уникальности, на утверждение и обоснование которой ориентирован экзистенциализм. Его нерелигиозная версия в этом плане очевидно плодотворнее, нежели религиозная, где уникальность человека в лучшем случае есть аналог уникальности Бога.

С античных времен известно: свободен тот, кто, избавившись от внешних господ, господствует над собой. Диктатура вождя, партии, государства, закона (морального, юридического, естественно-научного) — того же, стороннего, профиля, что и власть трансцендентного личностного абсолюта. Маркс, начиная с ранних работ, настаивает (причем справедливо): политико-юридические права и свободы не приведут к реальному

освобождению индивида, пока и если не ликвидирован религиозный диктат. При этом устранение теистического прессинга автоматически не снимет антагонизмов гражданского (буржуазного) общества. Наоборот, только последовательная мирская эмансипация способна обеспечить снятие религиозных оков.

Приведенная в реконструкции выкладка сразу говорит, во-первых, о критическом настрое Марксова мышления (кантовского или некантовского происхождения этот критицизм — не так уж важно); во-вторых, о его неидеалистическом векторе при констатации значимости сферы идеального (религия как одна из форм сознания, как форма искаженного сознания, вторична по отношению к событиям исключительно земной жизни); в-третьих, о его диалектической склонности.

В диалектической ориентации К. Маркса и его теоретической состоятельности вообще усомнился русский религиозный философ С. Н. Булгаков. Его полемический этюд — с броским заголовком («Карл Маркс как религиозный тип») и торопливыми суждениями кающегося отступника — станет фоновым предметом наших дальнейших разбирательств. Собственно, ему изначально была отведена эта роль. Претенциозный, с расчетом на внешний эффект, заголовок после прочтения всего булгаковского текста оставляет неприятный осадок софистики. Заманивая потенциального читателя нетрадиционным, парадоксальным, на первый взгляд, толкованием позиции видного материалиста и атеиста, на деле автор играет на возможном смешении привычной, узкой трактовки религиозности с ее неоправданно расширительной трактовкой, когда речь идет о всяком обращении к высшим и последним ценностям, которые человек ставит над собой, выше себя. Возражение напрашивается незамедлительно: отнюдь не обязательно — ни логически, ни этически — основание и высоты бытия уравнивать со сверхъестественным, трансцендентным. В булгаковской статье постепенно разъясняется, конечно, что о религиозности Маркса можно говорить только в особом, расширенном контексте, а в обычном он остается атеистом (если не считать марксизм элементарной разновидностью «низкосортной» фейербахианской религии человекобожия). Но ведь заголовок-то не подразумевает исключительно или даже преимущественно особого контекста прочтения.

Очертим круг высказанных в этюде претензий к немецкому философу и сконцентрируемся на контраргументах, ставя целью обосновать его сущностную нерелигиозность, светскость в сколько-нибудь значимых социально-культурных ракурсах (с акцентом на их философский сегмент). Что до квази-псевдо-религиозного (хилиастического) характера социалистических идей, то и хилиазм, несомненно, вторичен, и не только по отношению к теистическому канону, но и, согласно светским представлениям, к нереализованным чаяниям земной жизни. Да и за рамками светского мировоззрения, если не упереться в догматизм, априори не получится, генеалогически проранжировав, причин-

¹ Профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике», «Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю», «Феномен выбора под подозрением», «Революция и экзистенция (этюды разного настроения)», «Человеческое существование в галерее превращенных и отчужденных форм» и др. Член редакционного совета журнала «Философская антропология», член Российского философского общества.

но привязать друг к другу упомянутые (библейскую и оппонирующую ей) доктрины. Ф. М. Достоевский, например, прямо ставит на одну доску вопрос о Боге и вопрос о социализме в спорах «русских мальчиков». У С. Н. Булгакова в работе «Апокалиптика и социализм (религиозно-философские параллели)» — все иначе, удручающе догматично: иудейский, исходный, «чувственно-исторический» хилиазм хуже его христианской, последовательно спиритуалистической рецепции; социализм, умягчающий эсхатологию до исключительно земных ее этапов, хуже и иудейского хилиазма, секуляризованной версией которого является. Булгаков полагает, что Маркс лишь чисто внешне копирует (или даже пародирует) диалектические гегелевские структуры, что он не диалектик и не гегельянец в любом ином смысле, что марксизм вовсе чужероден немецкому классическому идеализму. Опрометчивое, без особого труда опровергаемое заявление. Теперь отвечаем по порядку.

Маркс — диалектик-гегельянец (с достоинствами прототипа и некоторыми его недостатками). У обоих диалектика не только служит гносеологическим, методологическим инструментом, но и выступает стержнем и нервом онтологии: у Гегеля — идеалистической, насколько абсолютная идея в его философии по преимуществу идеальна; у Маркса — материалистической, насколько человеческая история в его концепции приоритетно подчинена материальным факторам. В материалистической философии истории (социальной онтологии) обнаруживаем: общественную формацию (бесклассовое общество) с низким уровнем производительных сил, которая сменяется экономической формацией (классовым обществом — рабовладельческим, феодальным, капиталистическим), последняя, в свою очередь, сменяется общественной формацией (бесклассовым коммунистическим обществом) с высоким уровнем производительных сил.

Опираясь на диалектическую логику, Маркс, качественно преодолевая идеализм, вместе с тем удерживает преемственную связь с ним и отчасти с его кантовской версией. Впрочем, нынешние попытки «дополнить» марксизм кантовством с очевидностью контрпродуктивны. Они осознанно или неосознанно ведут к либерально-эстетскому канализированию, забалтыванию революционного ядра и настроя «научного социализма» (научного по объективистским меркам XIX столетия).

Нельзя не признать, разумеется, что в требовании активности субъекта Маркс и Кант схожи. И все-таки гегельянец кантовцу в философии не товарищ. Как бы ни критиковал Кант догматизм, как бы ни «шерстил» рациональные доказательства бытия Бога, место для трансцендентной инстанции априори наличествует в его гносеологизируемой онтологии. Это та вещь-сама-по-себе, та единственная, которая никогда не станет вещью-для-нас, не войдет полностью в человеческий опыт. Гегель, отрицая наличие какой бы то ни было непознаваемой вещи-самой-по-себе, дает понять, что место для Бога в его картине мира отсутствует. Человеческий разум, пусть лишь разум одного-единственного «абсолютного философа», способен вскрыть любые трансцендентные схроны. Имплитный атеизм Гегеля не ускользает от внимания Маркса и в XX веке — Кожева. Правда, в отличие от Гегеля, Маркс заметно осторожнее в оценках возможностей индивида. В том числе по причине того, что, с его точки зрения, история отнюдь не завершается — скорее, наоборот, только вступает в свою подлинную фазу. Материализм, в противовес абсолютному и объективному идеализму, обречен на изрядную долю неопределенности. История, сбросившая с себя нематериальное покровительство, не дает гарантий безошибочности. Для диалектического идеалиста Гегеля религиозное сознание — еще расколотое, больное; а философское — уже преодолевшее раскол, здоровое. Для диалектического материалиста Маркса и философское мышление не без трещин, не без «взгляда со стороны». Отсюда неудивительно: атеизм Гегеля — уравновешенный, скрытый; атеизм Маркса — нервный, воинствующий.

Главный аргумент в пользу сущностной нерелигиозности К. Маркса — довод, прибереженный, по законам жанра, напоследок, — отсылает нас к ценности и оценкам общественной практики. Для носителя теистического мировоззрения труд — наказание за «первородную» греховность человека, что вольно или невольно легитимирует любую форму социально-экономической эксплуатации. Для Маркса, напротив, труд есть деятельность, которая только и позволяет исчерпывающим образом актуализировать эмансипированную человечность.

Г. Г. Филиппов¹

КОНЦЕПЦИЯ ЗАСТОЙНОГО ХАРАКТЕРА ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ К. МАРКСА И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Идеи застойного характера восточной культуры сложились в работах К. Маркса в ходе создания материалистического понимания истории. Выработка центрального понятия — понятия общественно-экономической формации — потребовала выделения сущности способа производства материальных благ, закономерностей его становления и развития. Начальным шагом на этом пути стал вопрос о том, какой способ производства и, соответственно, какая общественно-экономическая формация были первичными при переходе от первобытного общества к цивилизации. Конкретнее: из каких объективных предпосылок родилось рабовладельческое общество, почему процесс рождения длился разное время в различных регионах Земли (от столетий до тысячелетий) при одинаковом, в принципе, результате.

Эту проблему К. Маркс рассматривал в подготовительных работах к «Капиталу» («Формы, предшествующие капиталистическому производству», «К критике политической экономии») и в самом «Капитале». В них впервые появились понятие «азиатский способ производства» и его общие характеристики. В дальнейшем при анализе колониальной политики европейских держав в Индии, Китае и на Ближнем Востоке К. Маркс уточнил и детализировал особенности становления и содержания первичной (архаической) формации в этих регионах на эмпирическом основании исследований историков и этнографов Л. Моргана, Дж. Фири и других и статистического материала колониальной экономики в Индии, на Цейлоне и в Китае («Британское владычество в Индии»; «Будущие результаты британского владычества в Индии»; «Китайские дела»; «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич»; «Конспект книги Дж. Фири»; «Письмо Ф. Энгельсу от 14 июня 1853 г.» и др.).

Эта архаическая формация (там, где она была) представляла совокупность изолированных земледельческих общин (микросистем), скрепленных государственной деспотической властью. Восточная земледельческая община базировалась на ирригационном способе производства, при котором плодородная земля нуждается в систематическом орошении. Для этого необходима разветвленная сеть магистральных и локальных каналов, от которых отходят мелкие каналы и каналы. Необходимы также дамбы, плотины, искусственные водоемы и другие гидротехнические сооружения. Создание, ремонт и поддержание в рабочем состоянии всей этой сложной системы требует кооперированной

деятельности всех членов общины. Личные интересы и способности каждого человека должны строго подчиняться задачам общины.

Ирригационное земледелие, хотя бы на уровне простого производства продовольствия, предполагает двойную основу. Во-первых, отсутствие частной собственности на землю, а во-вторых, деспотическую (предельно централизованную и жесткую) власть государства. Отсутствие частной собственности на обрабатываемый участок земли означает отсутствие у земледельца права на какие-либо изменения в технологии его использования. Он фактически арендатор без права вносить неотъемлемые улучшения. Земля принадлежит общине, но это владение имеет специфическую форму, что породило и порождает длительные бесплодные дискуссии о характере собственнических отношений в восточной общине. Они то ли рабские — поскольку крестьянин находится в полной внеэкономической зависимости от главы общины или главы союза общин, то есть от официального владельца всех участков; то ли феодальные, поскольку земледelec имеет надел, с которого кормится, но на правах только пользователя, а владелец (феодал) обладает правом полного владения — и на земледельца, и на его участок; то ли капиталистические, поскольку зависимость земледельца от главы общины (владельца земли) проявляется через налоги, арендную плату и штрафы.

В данном дискуссионном вопросе исследователи не обращают должного внимания на неоднократные замечания К. Маркса о том, что азиатской ирригационной общине присущ дуализм в ее сущности, а именно: сосуществование личного и вещного факторов. «Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще отношения, определяемые природой. В тех же формах общества, где господствует капитал, преобладает элемент, созданный обществом, историей» [5, с. 44]. Характер природных условий в обществе ирригационного земледелия видоизменяет владение собственностью. Здесь еще нет принуждающего давления экономических отношений, но его функцию выполняет понуждающая и принуждающая сила природы. Подчинение нормам, правилам и обязательствам в кооперационной деятельности общины диктует природа: нарушение установленного веками порядка деятельности всех и каждого карается зримо и жестоко засухой, потерей урожая, голодом и в конечном итоге — массовой гибелью. В то же время дуализм, присущий строю земледельческих общин восточного типа, «может служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих» [3, с. 418–419]. Однако специфика этих отношений такова, что строго стандартизованная жизнь общины не дает ее членам возможности личностного развития.

¹ Профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Социальная организация и политическая власть», «Как учили философии полвека назад», «О природе манипулятивного управления и его месте в обычной управленческой деятельности», «На пути к закату и заходу», «Неиспробованный еще вариант общественного развития», «Социальная организация в докапиталистическую эпоху», «Новые организационные технологии — управляемая дезорганизация» и др.

Если вдруг предположить, что следует повысить производительность труда и валовой продукт общины, это значит, что нужно создать новые способы труда, новые инструменты трудовой деятельности, дать людям новые квалификационные навыки. Но это повлечет подрыв прежних традиционных условий жизни общины и разрушение основ ее существования. «Чем дольше сохраняются традиции в самом способе производства, тем устойчивее старые формы собственности и сама община» [4, с. 484].

Сохранение традиционного способа производства обеспечивается централизованной государственной властью. Она выступает не только как неумолимая карающая сила, но и как сакральное могущество. Именно так воспринимается власть деспота как главы союза общин — как независимого владельца земли, как всемогущего судьи, как непререкаемого авторитета во всех вопросах жизни общины. Закономерно, что такое законсервированное общество не имеет побудительных объективных причин к историческому прогрессу и воспроизводит себя из года в год, из века в век по одним и тем же социокультурным матрицам. Застойность культуры обеспечивает жизнеустойчивость и жизнеспособность такого социума [4, с. 483].

Таким образом, материалистическое понимание истории К. Маркса включает концепцию особенного характера развития древневосточного общества, основанного на ирригационном земледелии и существующего через деятельность самостоятельных изолированных общин. Главными субъектами исторического процесса в этом обществе являются сельские общины восточного типа. Они жизненно заинтересованы в самосохранении и потому не имеют причин для изменения и развития. Неизменный способ производства, оптимально приспособленный к не изменяющимся природным условиям, многократно воспроизводит социальные и политические формы своего существования. Это представляет собой исторический застой в смысле длительного медленного повторения (*zu lange stehenbleiben*) без изменения сущности, но с периодической сменой видов формы власти, вариантов господства над земледельческими общинами. Застой в данном случае понимается не как неуклонная деградация или разложение, не как тянущееся гниение (*Flauheit*), а как постоянное воспроизводство по той же самой социально-культурной матрице.

Длительный застойный характер в ряде крупных азиатских регионов является подтвержденным историческим фактом. Он не объясним случайными обстоятельствами или субъективными факторами, что выявилось в ходе и результатах колониальных захватнических войн европейских держав на территориях Индии, Китая, Ближнего Востока.

Концепция К. Маркса о связи способа производства материальных благ с застойностью культуры в восточной общине и прогрессирующей культурой в античной и германской общинах может быть использована в качестве методологии при рассмотрении истории современных обществ. Так, экономический застой в брежневскую эпоху утвердил и тиражировал застой в официальной культуре, но породил и протестную, подпольную и полуподпольную культуру. Сложившийся в современной России торговый способ производства (через продажу природных ресурсов) породил культуру потребительства и развлечений, которая удовлетворяет большую часть населения и обеспечивает стагнацию страны.

Утвердившееся постиндустриальное общество и продвигающееся к нему запаздывающее индустриальное общество предопределило характер наступившей культуры. Как фиксирует Ф. Фукуяма: «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя» [6, с. 148].

Литература

1. *Маркс К.* Британское владычество в Индии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М., 1957. — Т. 9.
2. *Маркс К.* Конспект книги Дж. Фира «Аравийская джунгли в Индии и на Цейлоне» / К. Маркс // Народы Азии и Африки. — 1964. — № 1.
3. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М., 1961. — Т. 19.
4. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М., 1968 — Т. 46, ч. 1.
5. *Мухаметзянов Р. Р.* Типология культуры древнего и средневекового Китая / Р. Р. Мухаметзянов. — Казань : КГУ, 2005.
6. *Фукуяма Ф.* Конец истории / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. — 1990. — № 3.

Н. А. Хренов¹

ОТ ЭСТЕТИКИ К КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ ГЕОРГОМ ЛУКАЧЕМ МАРКСИСТСКОГО ВАРИАНТА ЭСТЕТИКИ

Георг Лукач — ученый, рецепция идей которого в XX веке весьма прихотлива. В биографии Лукача имеют место периоды признания и периоды забвения. То обстоятельство, что Лукач был не только ученым академического толка, но и политиком, в еще большей степени усложняет его научную биографию. Первая половина XX века для Лукача — это эпоха признания и популярности, о чем свидетельствуют публикации его работ, в том числе книги «История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике», появившейся на становление той философской системы в западной философии, которую называют Франкфуртской школой. В России эта книга была опубликована лишь в 2003 году. Если говорить о публикациях Лукача в нашей стране, в советских периодических изданиях, то он часто печатался в не совсем официальном журнале «Литературный критик». Показательна, например, публикация статьи Лукача о романе в «Литературной энциклопедии», которой предшествовал его доклад в секции литературы Института философии Коммунистической академии, послуживший поводом для шумной литературной дискуссии, опубликованной в журнале «Литературный критик».

Лукач воспринимается последовательным марксистским теоретиком, хотя его единомышленники — марксистские идеологи — постоянно называли его «путаником» и «уклонистом». Забвение Лукача (имеется в виду лишь ситуация в России) объясняется угасающим интересом к марксизму вообще, связанным с осознанием политической катастрофы в России как следствия марксистских идей. Возможно, в данном случае проявляется расхождение между реальным Лукачем и рецепцией Лукача, как и его сочинений, что, естественно, всегда является проблемой применительно к любому ученому, в том числе к Бахтину.

Фундаментальное сочинение по эстетике было задумано Лукачем еще в начале своего творческого пути, но по разным причинам не осуществилось. Так, во вступлении к «Эстетике» он пишет, что первый ее набросок сделал еще в 1911–1912 годах, будучи во Флоренции, и приступил к его разработке в 1912–1914 годах в Гейдельберге. Но если просмотреть биб-

лиографию его трудов, можно увидеть, что многие его публикации посвящены эстетическим вопросам. На этом основании можно заключить, что на протяжении всей жизни он работал над своей системой. Но окончательно оформить ее смог лишь в 1960-е годы.

Лукач не страдал догматизмом, что было присуще многим эстетикам 1930-х годов — периода, когда его теория романа подвергалась критике со стороны философов-марксистов. «Но если бы в собранных вместе и расположенных в систематическом порядке высказываниях классиков марксизма, — пишет он, — сохранилась развернутая система эстетики или хотя бы ее завершенный остов, осталось бы только снабдить собранные материалы добротным сопроводительным текстом — и марксистская эстетика предстала бы перед нами в готовом виде. Но об этом и речи быть не может»².

На протяжении всей истории науки Лукач прослеживает тенденцию к дезантропоморфизации, которая в Новое время получает качественный скачок и в XX веке развертывается в специфической социальной среде с присущей ей дегуманизацией³. Реальность второй половины XX века свидетельствует, что параллельно с прорывом в гуманитарной сфере, чему немало способствовало оживление в искусстве эпохи «оттепели», в рефлексии об искусстве активизировалась позитивистская установка. Так, третье рождение социологической рефлексии об искусстве, сопровождавшееся конкретно-эмпирическими исследованиями, свидетельствовало об активизации позитивизма.

В своей системе эстетики Лукач сопоставляет роман как жанр и существующую с эпохи Винкельмана эстетику, которую он хорошо знает и с позиции которой аргументирует свои основные идеи. Лукач убежден, что роман — это форма, получившая свое полное развитие лишь в эпоху капитализма и уходящая с этой эпохой в прошлое. С этой точки зрения Лукачу приходится, подчас даже вопреки историческим фактам, доказывать, что вся предшествующая история романа — лишь движение к этой эпохе. То обстоятельство, что роман — лишь поздняя форма литературы, доказывает, как считал Лукач, и тот факт, что существующая со времени Винкельмана эстетика, для которой единственным образцом является античная эстетика, этой литературной формы не замечает⁴. В соответствии с лукачевской логикой, до эпохи капитализма истории романа не было, а было лишь движение к этому жанру в его окончательном и завершенном виде.

Лукач не был поклонником авангардного искусства, и в этом отношении разделял заблуждения, присущие марксистской эстетике в целом. Но в новом искусстве он, как философ, угадывает главное. В частности, в авангардных художественных течениях он за-

¹ Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «Человек играющий» в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Ответственный редактор периодических выпусков сборника «Теория художественной культуры». Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

² Лукач Г. Своеобразие эстетического. М., 1985. Т. 1. С. 8.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 19.

мечает то, что бессильны выявить в них поклонники и противники марксистской эстетики. «Между тем, как мы видим — именно в новейшем искусстве, и именно в его крайнем, самом авангардном крыле, все больше обнаруживается господство фундаментальных стилистических принципов искусства, связанного с религией, и тем самым намечается разрыв с образно-предметными традициями развития западноевропейского искусства»¹. Это замечание не противоречит сказанному Лукачем о том, что авангардистское искусство служит художественным выражением анархического, нигилистического индивидуализма². Более того, сам Лукач считает, что такой индивидуализм не может скрыть того, что «переживания, лежащие в основе главных существенных произведений авангардизма, возникли из религиозной потребности, а форма этих произведений определяется содержанием данных переживаний»³.

Этот вопрос настолько занимает Лукача, что он снова и снова повторяет эту мысль и подробно на этом останавливается. Он сочувственно цитирует мысль Т. С. Элиота о том, что без религии никакая культура невозможна. Вспоминая С. Кьеркегора, А. Камю с его образом Сизифа и Л. Толстого, Лукач говорит, что Достоевский «пророчески увековечил в различных художественных типах проблематику религиозного атеизма задолго до того, как его кризисность стала очевидной». Лукач подчеркивает, что пережитками прошлого эту религиозную потребность не объяснить. «Религиозная потребность наших дней — это (с общественной точки зрения) субъективно необходимая потребность, следовательно, нечто, неизбежно вызываемое существенными, действительными социальными силами эпохи, независимо от того, насколько искаженно отражает способ их проявления производимую и воспроизводимую ими действительность и насколько искаженно он на нее реагирует»⁴.

Нарастание процессов дезантропоморфизации в истории Лукач считает частным проявлением социальных форм отчуждения, которые впервые становятся предметом осмысления у Гегеля (ему Лукач посвятил исследование, а в нем — специальную главу об отчуждении), затем у Маркса. В 1960-е годы, в момент завершения труда Лукача по эстетике и публикации ран-

них рукописей Маркса, проблема отчуждения становится весьма актуальной. В «Эстетике» Лукачу важно представить творческий акт как диалектический: одновременно и отчуждение, и воссоздание объективной картины мира в произведении искусства, и снятие отчуждения с помощью субъективности, очеловечивания этой картины мира.

В последний период своего творчества Лукач создал фундаментальное, но пока не оцененное по достоинству в нашей стране четырехтомное сочинение, имеющее отношение уже не к литературе. Это философское сочинение по эстетике «Своеобразии эстетического». Конечно, в марксизме были попытки создания аналогичного труда по философии искусства (от Плеханова до Лифшица). Однако данное сочинение Лукача превосходит аналогичные марксистские труды. Сочинение Лукача по эстетике можно сопоставить лишь с сочинением по философии искусства Гегеля, которого Лукач хорошо знал и на чьи идеи часто ориентировался. В первом томе своей «Эстетики» он прямо пишет о том, что «философский универсализм концепции Гегеля, присущий ей исторический и систематический синтез остается образцом для любого построения эстетики»⁵.

Лукач — не единственный теоретик-марксист в области литературы и искусства. Но его поздняя работа по эстетике — единственная марксистская работа, которая вполне приемлема и для нашего времени⁶. В своем позднем фундаментальном труде он впервые предпринимает изложение эстетики как научной системы. В России эта книга была издана в период угасания интереса к марксистской мысли, в связи с чем не получила того широкого признания, которого, несомненно, заслуживает. Видимо, осознание значимости этого труда еще впереди. В настоящее время вышло его второе издание. Это оправданно.

Говоря о второй половине XX века как времени забвения Лукача, мы имеем в виду, разумеется, лишь Россию. Иное дело — восприятие Лукача на Западе. Молодежные волнения конца 1960-х годов пробудили интерес к марксистской теории и соответственно — к наследию Лукача. В данном случае, так же как и в случае с Бахтиным, можно говорить о новом рождении Лукача, его признании и понимании.

¹ *Земляной С.* Победоносное поражение. Ненаписанная книга Георга Лукача о Достоевском // Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 15.

² *Лукач Г.* Своеобразие эстетического. М., 1987. Т. 4. С. 372.

³ Там же. С. 402.

⁴ Там же. С. 457.

⁵ *Лукач Г.* Своеобразие эстетического. М., 1985. Т. 1. С. 8.

⁶ Нам довелось организовывать издание учебного пособия по эстетике и теории искусства XX века и хрестоматии к этому пособию. Пришлось думать о том, включать ли в хрестоматию тексты теоретиков-марксистов, представлять ли вообще марксистскую мысль в эстетике XX века, в том числе и текст Лукача. Мы так и не решились это сделать. Сегодня приходится сожалеть, что в эту хрестоматию не был включен фрагмент из его работы «Своеобразие эстетического», касающийся понимания катарсиса.

Я. Г. Шемякин¹

ПРОЦЕСС СМЕНЫ ПАРАДИГМ В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ: РОССИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В УНИВЕРСАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Проблема парадигмы есть не что иное, как определение общих духовных координат деятельности человека. Научная парадигма — общепринятый образец, точнее, способ построения теории. В этой сфере человеческого духа в последние десятилетия наблюдаются глубинные сдвиги, причем отнюдь не только в нашей стране: то, что происходит у нас, — отражение общемирового процесса.

Как известно, в советский период в отечественных общественных науках безраздельно господствовала формационно-классовая парадигма. Причем во вполне определенной версии: суть того подхода к общественной жизни, который доминировал на протяжении советского периода, точнее всего отражает термин «формационный редукционизм», то есть стремление сводить все многообразие «мира людей» к формационно-классовым характеристикам. Данная парадигма уже достаточно давно перестала удовлетворять исследователей, поскольку не могла дать ответ на многие принципиально важные «почему?», которые любой мыслящий историк задавал себе еще со студенческой скамьи. Почему, начав с единой стартовой отметки 35–40 тыс. лет назад (примерное время появления человека современного типа — *Homo sapiens*), разные человеческие общности пришли к поразительно несхожим результатам? Почему представители одних сообществ так и остались на протяжении десятков тысяч лет охотниками и собирателями, в то время как потомки других приплыли к ним в XVI–XVIII веках на каравеллах и фрегатах? Почему так отличаются друг от друга различные культуры и цивилизации? Формационно-редукционистский подход не мог дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения ни очевидной альтернативности и многовариантности истории, ни многообразию «мира людей».

Одним из основных направлений, по которым развивался процесс преодоления формационного редукционизма, стало обращение к цивилизационной проблематике. Понятие «цивилизационный подход» к 1990-м годам превратилось в своего рода символ поисков новых мировоззренческих ориентиров в наших гуманитарных науках.

Начало формирования цивилизационного подхода в советской науке относится к рубежу 1960–1970-х годов. Новое научное направление впервые заявило

о себе в работах тех, кто отстаивал творческий подход к марксистской теории, прежде всего, в оригинальных версиях формационного подхода, непосредственно опиравшихся на не востребованные в предыдущий период элементы наследия К. Маркса. Постепенная кристаллизация цивилизационного подхода как особого научного направления наблюдается в первой половине 1980-х годов. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов складываются различные течения в его рамках.

Кризис старой парадигмы в общественных науках не означал полного исчезновения методологии формационного редукционизма. Его влияние (как прямое, так и — в особенности — косвенное) на практику научных исследований сохраняется и по сей день, в том числе в работах, авторы которых декларируют разрыв с марксизмом. Это свидетельствует о том, что формационный редукционизм — явление более глубокое, чем просто следствие идеологической конъюнктуры. Это частный случай особого, редукционистского типа построения научной теории. Существуют и иные виды редукционизма, получившие широкое распространение в гуманитарных науках в 1980-е — начале 1990-х годов. Основными из них являются духовный (сведение всего многообразия социальной жизни к явлениям духовной культуры) и «природный»² (его представители рассматривают общество и человека лишь в качестве естественных, природных феноменов) типы редукционизма. Редукционистский тип построения научной теории — проявление старой общенаучной парадигмы, которая основывалась на достижениях классического естествознания, «ньютоновской» науки в том виде, как она сложилась в XVII–XIX веках. Суть данной парадигмы (по И. Пригожину и О. Тоффлеру) — утверждение принципа однозначной запрограммированности развития заданными начальными условиями, механическая картина мира, исключение из нее фактора случайности, в том числе отрицание альтернативности и многовариантности человеческой истории.

Определяющая особенность гносеологической ситуации в современной мировой науке в целом — драматический процесс смены общенаучных парадигм. Новая парадигма формируется в рамках ряда направлений, прежде всего Брюссельской школы, основанной И. Пригожиным. Основные ее особенности: качественно иное соотношение между необходимостью и случайностью, признание чрезвычайно высокой роли последней, отрицание (для большинства случаев) принципа однозначной запрограммированности развития изначально заданными условиями, включение в качестве необходимого компонента представления об альтернативности и многовариантности развития подавляющего большинства систем нашей Вселенной,

¹ Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор 220 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; статей: “Spatial-Temporal Framework of the Process and Main Contours of the Semantic Field of the Concept of Globalization”, «Пространственно-временные рамки процесса и основные контуры смыслового поля понятия глобализации», «Взаимосвязь универсального и локального в глобализирующемся мире», «Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей» и др.

² См., например: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1989; и др.

в том числе человеческих обществ (концепция «точки бифуркации»)¹.

Существует коренное противоречие между любым редукционизмом и общенаучным принципом дополнительности (Н. Бор), в соответствии с которым ни одна теория в принципе не может описать объект исследования столь исчерпывающим образом, что исключит возможность альтернативных подходов. В этом ракурсе крах претензий формационного редукционизма на обладание истиной в последней инстанции — одно из конкретных проявлений кризиса старой научной парадигмы. Преодоление любых видов редукционизма — предпосылка становления новой парадигмы в отечественном обществознании. В основу ее должен быть положен принцип дополнительности.

В сложившихся в России конкретно-исторических условиях особое значение, по моему убеждению, имеет утверждение принципа дополнительности цивилизационного и формационного (в его нередукционистской версии) подходов. «Разведение» этих научных направлений, определение присущей каждому из них сферы исследовательских задач — одна из главных проблем при становлении новой парадигмы в сфере гуманитарных наук. Предлагаю следующий вариант ее решения.

Если речь идет о формационном анализе, то либо все человечество, либо та или иная региональная общность, либо личность рассматриваются в стадийном «разрезе», с точки зрения отнесения их к определенному этапу развития общества. Данный исследовательский подход предполагает анализ законов развития, основывающийся на выявлении тех противоречий, которые движут общество, и, следовательно, на познании этого общества в его внутренней расчлененности, на рассмотрении социальной «анатомии» взаимодействующих и борющихся сил, на исследовании в первую очередь того, что их разделяет. Если же в фокусе нашего внимания оказывается цивилизационный подход, то те же самые «таксономические единицы», на которые делится «мир людей», рассматриваются как типы целостности, в каждом из которых действуют законы (закон), интегрирующие то или иное общество в целостность и качественно отличные от законов формационного развития.

Цивилизация представляет собой тип целостности потому, что служит способом разрешения фундаментальных противоречий человеческого существования. Исходным является противоречие между различными ипостасями человеческой природы: в одной из них человек предстает как смертное и тленное, конечное, жестко ограниченное определенными пространствен-

но-временными рамками существо; в другой — как личностное воплощение вечности и бесконечности Вселенной. Эта двойственность человека обуславливает колоссальное напряжение между мирским и сакральным измерениями бытия, по-разному проявляющееся в различных сообществах. Разрешая данное исходное противоречие, человек осмысливает пределы собственного существования. Эта проблематика — то есть проблематика экзистенциального предела — главная для любой человеческой общности. Именно здесь, перед лицом смерти, люди делают первичный ценностный выбор, определяющий и пути решения остальных коренных проблем — противоречий их бытия: между обществом и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры (их соотношение фиксирует темпоритм той или иной цивилизации).

Избранные обществом способы разрешения фундаментальных противоречий человеческого существования фиксируются в определенном типе экзистенциальной ориентации, то есть ориентации человека как во внешнем мире, так и в мире собственной души. Без создания системы подобной ориентации (она отражается в типичной для определенной культуры картине мира) человек не может жить так же, как без пищи и воды. Специфика разрешения коренных противоречий существования детерминирует все основные черты любой цивилизационной целостности. В то же время способы их разрешения представляют собой чрезвычайно удобные параметры для сравнения разнородных человеческих общностей.

Закон целостности цивилизации реализуется в действии различных интеграторов общества. Главными из них в истории выступают: система ценностей, экономическая деятельность (прежде всего в сфере производства и обмена) и государство. Ценностные ориентации людей воплощаются в институтах, структурирующих общество. В зависимости как от набора, так и (в особенности) от иерархии ценностей в различных цивилизациях на первый план выдвигаются те институты, которые приобретают характер базовых (как, например, касты в Индии).

Итак, осуществить цивилизационный анализ означает, во-первых, определить, каким образом решаются определенным человеческим сообществом коренные экзистенциальные проблемы; во-вторых, выяснить, каковы соотношение и специфика различных интеграторов; иными словами, выявить особенности действия «закона целостности» рассматриваемой цивилизации.

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1980. С. 14–16, 28–29, 226–227, 269.

М. Г. Юнусова¹

О МАРКСОВОМ ВАРИАНТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КАК «КАРТИНЕ СИСТЕМЫ»

Среди множества методов исследования культурно-цивилизационного процесса особое место занимает метод типологии, предполагающий системный подход к изучению культуры. К методу типологии прибегали (и прибегают ныне) представители самых разных историко-философских и методологических школ. Об этом свидетельствуют знаменитая «триада Гегеля», повороты «колеса истории» Д. Вико, «идеациональная», «идеалистическая» и «чувственная» культуры П. Сорокина, культурные «прафеномены» О. Шпенглера.

В самом общем виде присутствующие в науке варианты типологического реконструирования можно рассмотреть, отталкиваясь от их философско-теоретического основания и соотнося их с линейно-стадиальной или дискретно-циклической моделью истории (речь идет о «линии» Гегеля и «линии» Вико).

Как известно, советские историки и историки культуры пользовались (за незначительными исключениями) марксистской типологией исторического и историко-культурного процесса, созданной на основе философско-теоретического наследия К. Маркса, восприимчива и продолжателя многих идей Гегеля. Несомненно, К. Маркс был не просто механическим «восприимчивником» и «комментатором» гегелевской философии. Будучи уверенным, что «каждая система философии... принадлежит своей эпохе и разделяет с ней ее ограниченность»². Говоря словами Гегеля, К. Маркс не устоял перед «соблазном перечеканить» гегелевскую философию в свою «форму рефлексии»³. «Перечеканке» подверглось и то основание, на котором покоилась гегелевская типология культурно-исторического процесса.

Несомненно, переход К. Маркса к иному, «базисному» основанию типов — «ступеней» истории — имел радикальный характер. Отталкиваясь от «родовой» особенности человека, отличающей его от других живых существ тем, что эта особенность основана на «переработке предметного мира», К. Маркс выводит типы — «ступени» — всемирной истории (и, соответственно, истории культуры) из способов «переработки» этого «предметного мира» и из типов отношений между людьми в процессе «переработки». Преодолевая свою самую раннюю типологию-периодизацию, сделанную еще «по Гегелю» (в ней указаны «период несвободы», то есть рассудка, и «период свободы», то есть разума), К. Маркс переводит это деление миро-

вой истории на новое основание и выделяет «доклассовую» (ей соответствует первичный тип культуры) и «классовую» фазы (с соответствующим ей вторичным типом культуры). При этом первобытность определяется им как «действительная» общность, а цивилизация — как общность «мнимая», «иллюзорная»⁴.

Далее в соответствии со своим новым взглядом на историю К. Маркс переоформляет деление исторического процесса на «действительные» и «иллюзорные» ступени, добавив к этой дихотомии еще одно звено. В итоге речь идет уже о «трехтактной», «триадической» модели всемирной истории: а) первичная формация (родовой строй, азиатский способ производства, античный мир, феодализм); б) вторичная экономическая формация (капитализм); в) общество, преодолевающее экономическую формацию (коммунизм). Этим формациям и не-формациям соответствуют три типа межличностных (социальных) связей: а) лично-зависимый человек; б) вещно-зависимый человек; в) свободная индивидуальность (которую К. Маркс называл еще «универсальным индивидом» или «историческим человеком»)⁵.

Наконец, завершением этого процесса «перечеканки» гегелевского основания типов-ступеней истории стала Марксова типология-периодизация истории по сменяющим друг друга способам производства; в основу исторического моделирования был положен формационный принцип. Отныне речь шла о культурах первобытности, эпохи рабовладения, феодализма, капитализма, грядущего социализма.

Марксово основание для типологии культурно-исторического процесса подверглось в дальнейшем двойному «развенчанию» — как в трудах принципиальных противников марксизма (позитивистов, «виталистов», неокантианцев и пр.), так и в результате примитивно-догматической переинтерпретации Марксовых идей «воинствующими книжниками» от марксизма.

Первое развенчание — это «великое опровержение», объявленное марксизму представителями иных философско-теоретических школ. Это развенчание осуществлялось и осуществляется в процессе очередной мировоззренческой «перечеканки» и свидетельствует лишь о том, что «философия есть развивающаяся система». По Гегелю, ни одна «система философии» не может быть «опровергнута», ибо «новейшая философия есть результат всех предшествующих принципов»; соответственно может быть «опровергнуто лишь предположение», что данный принцип есть окончательное абсолютное определение»⁶.

Что касается «развенчания» Марксова основания типологии культурно-исторического процесса посредством самого марксизма, то это произошло в резуль-

¹ Доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат исторических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Гуманитарные дисциплины как ресурс модернизации», «Межкультурный диалог в искусстве: теория и практика», «Соотношение науки и искусства в контексте истории западноевропейской культуры», «Исламо-христианский межкультурный диалог в художественной культуре Татарстана», «Теория и история культуры» и др.

² Антология мировой философии : в 4 т. М. : Мысль, 1971. Т. 3. С. 391.

³ Там же. С. 389.

⁴ Маркс К. Фейербах // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М. : Политиздат, 1985. Т. 2. С. 11–76.

⁵ Культура, человек и картина мира. М. : Наука, 1987. С. 82.

⁶ Антология мировой философии. С. 384.

тате нетворческого, догматического истолкования наследия К. Маркса так называемыми «марксистами». Уже Ф. Энгельс видел опасность одностороннего недиалектического восприятия Марксовых идей, опасность, выразившуюся в «экономическом детерминизме»: «Маркс и я отчасти сами виноваты, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находились время, место и возможность отдавать должное моментам, участвующим во *взаимодействии*»¹.

Внимательное чтение работ К. Маркса и Ф. Энгельса позволяет обнаружить и в раннем, и в позднем марксизме идеи, касающиеся оснований типов-ступеней всемирной истории, которые напрямую свидетельствуют об узости экономического детерминизма (выведенного якобы из Марксова понимания истории). Об этом свидетельствует, в частности, текст «Писем об историческом материализме», где, в частности, утверждается, что «политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. *Дело обстоит совсем не так, что только экономические отношения являются причиной, и только они являются активными, а все остальное лишь пассивное следствие*»².

Таким образом, Марксово основание типов-ступеней всемирной истории предполагает системный и диалектический подходы к этому основанию. Таким основанием является не «голый» базис, а некое системно-диалектическое единство, имеющее тенденцию к «соотносительному переворачиванию» своих структурных компонентов во времени. Именно такая постановка вопроса позволяет дать удовлетворительное объяснение (с марксистской точки зрения) тем периодам культурной истории, которые демонстрируют несовпадение масштабов и типа духовной жизни ее социально-экономическим параметрам. Подобное несовпадение типов культурной деятельности и базисного основания может возникать в различных формах — от кратковременного запаздывания или опережения до возникновения экстремальных «ироничных» ситуаций, когда «мир жизни» и «мир культуры» как бы перечеркивают, отрицают друг друга.

Тенденция к «соотносительному переворачиванию» структурных компонентов во времени (присущая Марксову основанию типа-ступени культуры) может быть пояснена при помощи идеи «двух корреляций» М. А. Барга. Исходя из генетического истолкования формулы «бытие определяет сознание», мы можем представить себе рожденный материей «дух» и само бытие изначально «скованными одной цепью». Но эта «родовая пуповина» ослабевает по мере «раскручивания» человеческой истории; одновременно возрастает мера «свободы духа», его ответного воздействия на мир. М. А. Бург предлагает описать этот процесс при помощи категорий параллельной (жесткой) и «плавающей» (мягкой) корреляции. «Жесткая» корреляция культуры соответствует общей логике смены формаций; «плавающая» корреляция свидетельствует о специфике связи культурно-исторического типа со своим базисом. Причем в целом тяготение к «плавающей» корреляции усиливается по мере продвижения человеческой истории от ее начала к современности.

Отгалкиваясь от идей М. А. Барга и Ф. И. Шмита, можно заключить следующее: чем ниже уровень общеисторического развития, тем больше человеческий коллектив находится в зависимости от окружающей среды, природы, материальных условий; тем медленнее развивается человеческая общественность, искусство, тем сильнее тяготеет последнее к традиции и канону в рамках привычной ситуации; чем более развит дух и секуляризована духовная деятельность, тем выше степень свободы духовной жизни.

Завершая рассмотрение проблемы «великого опровержения» Марксова основания типологии всемирной истории и культуры, небезынтересно отметить, что на Западе наравне с прочими существует образовательно-методическая система так называемых «великих книг», предложенная одним из сподвижников «академического рационализма» Р. Хатчинзом. В перечень имен, произведения которых с равным и беспристрастным вниманием должны изучать студенты, включены Ч. Дарвин, З. Фрейд, А. Эйнштейн, М. Ганди, П. Пикассо и др. Имя К. Маркса в этом списке стоит вторым. В предъюбилейные дни уже звучат утверждения, что К. Маркс является первым философом-мыслителем прошедшего тысячелетия.

¹ Энгельс Ф. Письмо к Й. Блоху // Энгельс Ф. Избранные сочинения. М. : Политиздат, 1987. Т. 6. С. 514.

² Там же. С. 530.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Ю. Д. ГРАНИН	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
И. И. ДОКУЧАЕВ	заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Международного банковского института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Н. С. ЗЕЛИКИНА	доцент СПбГУП, кандидат исторических наук
В. М. КАПИЦЫН	доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
С. С. КОМИССАРЕНКО	профессор СПбГУП, доктор культурологии
П. Н. КОНДРАШОВ	старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат философских наук
В. А. КОНЕВ	профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
Т. В. КУЗНЕЦОВА	профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
И. В. МАЛЫГИНА	профессор Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук
А. П. МАРКОВ	профессор СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор СПбГУП
С. Б. НИКОНОВА	профессор СПбГУП, доктор философских наук
О. И. СТАВЦЕВА	заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент СПбГУП, кандидат философских наук
А. Н. ФАТЕНКОВ	профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Дорогие друзья, начинаем работу секции «Марксизм и культура». Хочу предоставить слово Александру Сергеевичу Запесоцкому, члену-корреспонденту Российской академии наук, ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, руководителю Организационного комитета Международных Лихачевских научных чтений. Обычно работу форумов такого уровня координируют оргкомитет, который организует всю работу, и программный комитет, определяющий проблемное поле и задающий идейное содержание конференции. Но уникальный и единственный случай в мировой практике, когда программный и организационный комитеты сочетаются в одном лице — Александра Сергеевича Запесоцкого.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович. Дорогие друзья, хочу поприветствовать вас от имени Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений. В этот день, когда проходят секционные заседания, у меня специфическая миссия — я хожу по аудиториям, где проводятся заседания, и приветствую участников от имени Оргкомитета. В XVIII Лихачевских чтениях одновременно принимают участие полторы тысячи человек. Примерно 100 человек — международная группа под эгидой МИД — заседают в отеле «Рэдиссон». В Театрально-концертном зале им. А. П. Петрова СПбГУП в 14 часов соберутся 750 старшеклассников со всей России, которые будут обсуждать итоги своей научной работы за год — они прислали доклады, в которых осмысля-

ется духовное и нравственное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Я хочу пожелать успехов в работе вашей секции. С моей точки зрения, тематика заседания обозначила важное направление работы нашей конференции. Среди участников — известные гуманитарии и крупные специалисты. В частности, руководитель секции — выдающийся философ, академик А. А. Гусейнов. Уверен, что более квалифицированного руководства сегодня нельзя обеспечить. Я горжусь тем, что все годы проведения Чтений научные дискуссии в каждой секции ведут личности такого уровня.

Двухсотлетие Карла Маркса — повод для того, чтобы еще раз обсудить гуманитарное наследие классика и его актуальность в современном мире. К сожалению, в момент развала Советского Союза мы пережили этап нигилизма, когда по идеологическим соображениям у нас стали критиковать всех — Сталина, Ленина, Маркса. Конечно, эти фигуры разные, но их выдающаяся роль в истории Российского государства очевидна. Карла Маркса я поставил бы в ряд ведущих мыслителей истории человечества. К сожалению, за последние десятилетия, и особенно к 200-летию юбилею, буржуазная пресса, принадлежащая олигархам, породила лавину статей, которые укладываются в формулу «Карл Маркс мертв». На самом деле устарел капитализм, а Маркс, по моему глубоко убеждению, — нет, и его наследие будет жить в вечности.

Другое дело, что он писал свои работы в определенную эпоху, осмысляя то, что происходило в современном ему обществе XIX века. В этом Маркс добился успехов, но в прогностическом смысле он не мог предвидеть нюансы будущего. Например, в его эпоху трудно было представить себе, какие фундаментальные трансформации произойдут во второй половине XX века: научно-техническая революция, информатизация, изменение структуры рынка, уход классического рынка из сферы экономики и т. д. Все эти детали трудно было предвидеть. Но философское видение мира, которое выработал Карл Маркс, остается одним из важных для понимания сегодняшних реалий.

К сожалению, марксистское наследие не востребовано современной системой образования. Признаюсь, я был неприятно удивлен, когда 5–7 лет назад в беседе с заведующим кафедрой философии одного из крупнейших московских вузов на мой вопрос, какое место в ваших программах занимает Карл Маркс, он ответил: «Никакого. Есть много более интересных философов, которыми мы не хотим жертвовать, выстраивая наши учебные программы». После этого я более внимательно ознакомился со структурой и содержанием образовательных программ и выяснил, что в учебную программу всего лишь одной кафедры одного университета в нашей стране включен «Капитал» Карла Маркса.

Сегодня в мировой науке наблюдается возрождение интереса к Карлу Марксу, что продиктовано потребностями практики, стремлением понять, что происходит с нами и миром. В частности, сегодня активно дискутируется вопрос о том, что социализм не потерпел стратегического глобального поражения, особенно когда

мы смотрим на развитие государств в Западной Европе, опыт построения социальных обществ в Германии, Франции, Скандинавии. Мы видим движение в сторону социализма, расширение использования принципов социалистического мироустройства. Даже в США, самом либеральном государстве по экономическому и общественному устройству, процессы развиваются в том же направлении. Весь мир с большим интересом смотрит на Китай, который демонстрирует торжество теории конвергенции: не отказываясь от социализма, страна демонстрирует потрясающие темпы экономического развития.

В общем, у нас сегодня есть много конкретных и важных оснований относиться к учению Карла Маркса как к живому и перспективному. Мой совет студентам — не упускайте методологию мышления и идеи Карла Маркса из своего поля зрения.

Абдусалам Абдулкеримович, Вы представили блистательный доклад на пленарном заседании. Я прошу Вас в конце дискуссии развернуто сформулировать свое видение ситуации. Нам важно (в том числе для сборника Чтений) зафиксировать панораму того, на что в будущем необходимо обратить внимание. Наши научные поиски не ограничиваются работой этой секции — мы будем публиковать интересные доклады и материалы дискуссии в научных журналах.

И в заключение мне хотелось бы сделать технологическое замечание: я прошу не повторять доклады, опубликованные на сайте. Смысл работы секций — акцентировать самое главное, взглянуть под иным углом зрения на те идеи, которые были высказаны в ваших статьях. Уверен, под руководством Абдусалама Абдулкеримовича в секции найдется место для вопросов, обмена мнениями, реакции на выступления друг друга. В этом и заключается смысл нашего общения — посмотреть друг другу в глаза, с чем-то не согласиться, о чем-то поспорить. Успехов!

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич. Мне хотелось бы, чтобы с учетом формата конференции, ограниченности времени и заявленных тем у нас состоялся продуктивный разговор о Марксе. Предлагаю выступающим сосредоточиться именно на Марксе, на том, что предлагал этот великий мыслитель применительно к культуре, тем или иным аспектам нашей жизни.

Карл Маркс — необычная фигура. Если назвать пять имен духовной и интеллектуальной истории Европы, то в этом списке обязательно будет Маркс. Это выдающаяся личность не только в интеллектуальном, но и в духовном, социальном развитии человечества. В последние годы отношение к Марксу стало индикатором революционности, подъема общественного сознания. Достаточно сказать, что кризис 2007–2008 годов усилил интерес к личности Карла Маркса и увеличил тиражи «Капитала».

В истории нашей страны марксистское наследие сыграло особую роль. Осмысление современного состояния России, ее перспектив в значительной мере сопрягается с нашим отношением к советскому, социалистическому прошлому, со стремлением понять, что

там было хорошего и плохого. В какой мере мы наследуем идеи марксизма, в какой отрицаем их — вне этого сравнения мы в принципе не можем помыслить ни собственное существование, ни наше будущее. Вся советская история была связана с именем Маркса, осуществлялась под знаменем его идей и мыслей. В этом смысле отношение к Марксу и его теоретическому, идейному революционному наследию органично входит в процесс нашего национального самосознания.

Наряду с неугасаемой общественной актуальностью есть собственно интеллектуальные причины интереса к Марксу — глубокому мыслителю и выдающемуся философу, который заложил собственную традицию философской мысли. Размышления о духовном наследии Маркса актуальны и для молодого поколения, которое представлено аудиторией в нашем зале. Маркс для современной молодежи не является той фигурой, какой он представлялся нашему поколению: я входил в сознательную жизнь и воспринимал Маркса в качестве учителя.

Для усиления дискуссионной атмосферы предлагаю начать нашу работу с двух докладов, в которых представлены различные взгляды на Маркса и его интеллектуальное наследие. Первый — доклад Алексея Николаевича Фатенкова «О Марксе как человеке европейской культуры и рецепции его идей в России». После него выступит Александр Петрович Марков с докладом «Марксизм как теория и религия: эпоха заката».

Алексей Николаевич, Вам слово.

А. Н. ФАТЕНКОВ: — Уважаемые коллеги, о Марксе мне говорить легко, потому что я никогда не был ни горячим поклонником этого немецкого философа, ни его хулителем. По своим философским предпочтениям я придерживаюсь экзистенциалистской традиции, поэтому для меня априори существует некая дистанция от марксистской традиции. Но сегодня, как ни удивительно, мне, человеку секулярной, светской культуры, оказавшемуся в социально-культурной ситуации реставрации религиозно-церковных ценностей (ситуации для меня не очень приятной), имеет смысл защищать Маркса именно как человека секулярной, светской культурной направленности. Надо добавить, что по своему первому образованию я естествовед. И если я поверю в то, что каждый год в апреле-мае в Иерусалиме сверхъестественным способом зажигается благодатный огонь, то должен с извинениями положить университетский диплом на стол, отказаться от него, чего категорически делать не собираюсь.

Из текста своего сообщения, размещенного на сайте, хочу привести сейчас только главный тезис, предварительно отметив, что заголовок сообщения сформулирован в пику известной статье Сергея Николаевича Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип». У меня — напротив: «Карл Маркс как все-таки нерелигиозный». Почему я на другом полюсе? Главный аргумент — отношение к труду. Для человека религиозного мировосприятия труд — это наказание за так называемый «первородный грех». По Марксу все иначе: труд — та сфера, в которой человек только и способен актуализировать свою эмансипированную человек-

ность. И для меня это очень важно, несмотря на здравое осознание того, что далеко не все виды (формы) отчуждения, возникающие в процессе трудовой деятельности, могут быть сняты, преодолены.

Представляется целесообразным сказать несколько слов о Марксе как интеллектуале, чьи идеи хорошо укладываются в стратегию развития философской мысли Нового времени (с частичным охватом возрожденческой мировоззренческой установки). Нетрудно показать, что базовые принципы учения Маркса являются основополагающими для всей новоевропейской культуры и образованности. В связи с этим сегодняшние перспективы аутентичного марксизма во многом зависят от общекультурных перспектив мирового развития.

Итак, о точках идейного сопряжения Маркса и нововременной парадигмы. Во-первых, это принцип строгой рациональности, научности. Я достаточно критично отношусь к данной установке: не одним интеллектом жив человек, и незачем рассудочно иссушать чувства, далеко не все страсти следует гасить, даже занимаясь интеллектуальным трудом. Маркс был одним из тех, кто хотел превратить философию в строгую науку. На мой взгляд, в этом нет большого резона. Пусть философия и наука останутся двумя видами сверхобыденной интеллектуальной, культурной практики. У них, несомненно, есть что-то общее и что-то отличное: и в содержательном аспекте, и в плане языка, и в методологическом ракурсе. Не исключено (а скорее всего, так оно и есть), что ныне наука (новременная наука — хоть классической, хоть постклассической стилистики), исчерпав свой эвристический потенциал, вступила в полосу глубокого кризиса. Его зримым проявлением является наукообразная цифровизация важнейших сфер человеческой жизнедеятельности. Но нет: исчисляющее, калькулирующее мышление примитивно и убого в сравнении с мышлением понимающим. Тут экзистенциалиста не переубедить.

Во-вторых, Маркс — прогрессист. Он, как Тюрго и Кондорсе, отчасти как Гегель, считал, что сегодня (если говорить упрощенно) лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь Маркс тоже предстает типичным европейцем нововременной формации. Мировые катастрофы XX века подорвали веру в прогресс. Угрозы человеческой свободе и человеческому естеству, исходящие от сциентистско-технократических проектов, не прибавляют оптимизма. Иначе говоря, обоснование прогрессизма сейчас сталкивается с куда большими трудностями, нежели во времена Маркса.

В-третьих, Маркс — гуманист, по крайней мере, гуманист возрожденческого толка. Не следует умалять гуманизм, но не стоит и предъявлять к нему повышенных требований, что нередко имеет место в отечественной социально-культурной традиции. Часто под гуманизмом мы понимаем человеколюбие: быть гуманистом — значит любить людей. Однако возрожденческий гуманизм не поднимает планку столь высоко. Достаточно уважительного отношения к человеку как к уникальной личности или даже индивидуальности — и ты находишься на позиции гуманизма. Тут возможны весьма странные ситуации. Можно быть гумани-

стом, но не любить людей, ни одного из них. Человек, которого любовь обошла стороной, без сомнения, несчастен. А можно любить, наверное, не всех, кого-то, пусть даже одного-единственного человека, и не быть гуманистом, если твердо уверен, что далеко не все люди заслуживают уважения, а некоторые и того, чтобы зваться людьми. И все-таки, как ни уязвим гуманизм по некоторым позициям, это плацдарм для сопротивления религиозному и сциентистско-технократическому фанатизму.

В-четвертых, Маркс, будучи аутентичным новоевропейским мыслителем, уделяет повышенное внимание проблеме времени. Всех философов, особенно онтологов, имеет смысл разделять на «временщиков» и «пространственников». На мир можно смотреть преимущественно в аспекте времени, а можно — в аспекте пространства. В русской философии приоритетная проекция — пространственная, в европейской — временная. Нам в России ближе те европейцы, которые склоняются к пространственным предпочтениям. Тем любопытнее феномен Маркса-«временщика», влияния на нас его идей.

Возможно, они подкупают пафосом свободы. Что есть свобода для Маркса? Гносеологически — познанная необходимость. Онтологически же свобода, по Марксу, есть свободное время. Человек, с его точки зрения, станет существом свободным, эмансипированным тогда, когда перестанет быть существом экономическим и станет собственно социальным. По первой части тезиса — никаких возражений. Действительно, перестать быть существом экономическим означает, что необходимо перестать работать только для того, чтобы поддерживать элементарное физиологическое существование и минимальную социализированность. Работать, ориентируясь не на пресловутую «эффективность», а, быть может, и с «перебором», получая удовольствие или хотя бы удовлетворение от того, что и как ты делаешь. Это и означает: перестать являться существом экономическим. Но со второй частью тезиса: когда человек станет существом собственно социальным — всё, свобода достигнута, а с ней и счастье, — экзистенциалист не может согласиться. И советский опыт — тому подтверждение. Обычно я привожу в пример фильм Андрея Смирнова «Осень» середины 1970-х годов. Люди моего поколения хорошо знают и помнят эту кинокартину. Молодым людям, присутствующим на конференции, советую ее посмотреть. Герои, мужчина и женщина, которым чуть за 30, знакомы со школы, у них был роман, потом судьба их развела, а затем случайная встреча в пельменной. И они, бросив все, уезжают вдвоем на неделю в Карелию. И что там за бортом — социализм или капитализм — в данном случае не имеет никакого значения. Главное — останутся они вместе или нет. Ни один общественный строй не осчастливит человека, если у того нет близких отношений с другим человеком.

Однако и принижать роль социальности, разумеется, не следует. Касательно того, что марксизм, так или иначе усвоенный советской традицией, дал мне, немарксисту, могу указать на качественное образова-

ние. Мы получили систематическое образование, и это замечательно. Потому что критический стиль мышления может сформироваться только как реакция на некую систематику, и люди моего поколения критическим мышлением, несомненно, обладают. У нынешней молодежи (извините, если кого-то обижу) уровень критического мышления невысок, и это при огромном массиве легкодоступной информации. Почему? Да потому, что в современной средней школе превалирует не систематика, а эклектика; и то же самое «образовательная реформа» пытается внедрить в вузах. На базе эклектики никогда не сформируется критическое мышление. На базе эклектики может возникнуть только эклектика второго порядка, и ничего более. Именно это и нужно властям предержащим. Легче руководить теми, кто не способен самостоятельно, трезво мыслить.

Наконец, о справедливости. Безусловно, это решающая характеристика социальности. Вчера на пленарном заседании были озвучены цифры, которые можно назвать ужасающими: 0,5 % населения страны присваивают 60 % национального дохода. Но дело даже не в цифрах, а в ощущении. Справедливость налицо только тогда, когда есть ощущение справедливости. А сегодня этого ощущения нет. Маркс боролся за социальную справедливость, и этого у него не отнять.

Завершающая реплика по поводу неопределенности, о которой вчера тоже шла речь. Необходимо разобраться, какова в этой неопределенности доля объективной и субъективной компонент. Действительно ли мир хаотически усложнился или этот хаос просто у нас в головах? Перестал ли мир быть миром идеологии или идеология лишь спряталась за имагологию (о ней немало любопытного сказано в известном романе Милана Кундеры)? Маркс разоблачал идеологию как ложное сознание. Но когда дело касается имиджа, граница между истинным и неистинным оказывается крайне зыбкой. К уровню философской критики, стало быть, должно предъявлять повышенные требования.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Теперь с докладом «Марксизм как теория и религия: эпоха заката» выступит Александр Петрович Марков, профессор СПбГУП.

А. П. МАРКОВ: — Свой критический пафос, который обозначен уже в названии сообщения, я постараюсь компенсировать высокой оценкой интеллектуального наследия Маркса — великого мыслителя XIX века, сотворившего невероятный по масштабу и качеству интеллектуальный и духовный проект. К заслугам Маркса можно отнести его антропокультурный и цивилизационный оптимизм: уверенность, что лучшее и справедливое будущее человечества возможно; утверждение человека в качестве творца истории; универсальную методологию анализа истории. По оценке известного американского исследователя Т. Рокмора, «Маркс — создатель самой впечатляющей общей теории современного мира, которая не имеет полных конкурентов». Не случайно марксизм оказался самым популярным интеллектуальным концептом XX века.

Но его «живучесть» нельзя объяснить лишь теоретическим вкладом классиков в гуманитарную мысль: ключевые позиции марксизма сегодня выглядят базовыми и несостоятельными. И в советское время, и сегодня «аргументы» сторонников марксизма в пользу величия марксистских метода и теории напоминают религиозные мантры, которые исключают какие-либо доказательства. Можно обозначить три фактора «живучести», которые находятся за гранью марксизма как теории.

Первый и главный фактор исторической устойчивости и популярности марксизма — его псевдорелигиозный характер: это единственное интеллектуальное учение, название которого происходит от имени его создателя (наравне с буддизмом, конфуцианством, христианством). Именно религиозность марксизма стала причиной «любви» к нему со стороны русского идеократического сознания. Но здесь требуется некоторое уточнение: что именно в марксизме придает ему характер религии и какой именно? В Сети на этот счет много публикаций — есть версии о социал-сионистских истоках марксизма, иудейских корнях и т. п.

Совершенно очевидно, что все «брендообразующие» тезисы учения Маркса, вброшенные в массовое сознание, представляют собой интеллектуальную модификацию христианских ценностей (известно, что Маркс хорошо знал Писание — оба его деда были раввинами). Но при этом его работы проникнуты антихристианским пафосом (особенно те, где Маркс подвергает религию жесткой и глубоко несправедливой критике). Это дает основание предполагать, что ассоциативная связь ключевых посланий марксизма с Нагорной проповедью осуществлялась целенаправленно — этот прием позволил выработать в массовом сознании резонанс марксизма и имени его творца с антропологическими основаниями Нового Завета. В социально-коммуникативном плане такой ход можно рассматривать как высокоэффективный проект брендинга, в результате которого христианские матрицы европейского мира (включая русскую интеллигенцию) откликнулись и приняли марксизм как свое, родное на глубинном, неосознаваемом уровне.

Обнаруживают себя четыре базовые ассоциации марксизма с христианством. Во-первых, религиозность уже встроена в ключевой 11-й тезис Маркса «Тезисы о Фейербахе» (который блестяще обыгрывает в своем докладе А. А. Гусейнов): «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это глубоко христианский тезис: Маркс дает свою версию начальных строк Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» — этой великой формулы Нового Завета, утверждающей онтологический статус Слова-Логоса как средства творения и преображения человека и мира. В этом тезисе Маркс, по сути, эксплуатирует духовную доминанту логоцентричной европейской культуры. Вот где надо искать истоки любви русской интеллигенции к Марксу — христианский логоцентризм, который стал ключевой матрицей православного духа русской цивилизации, почувствовал в марксизме родное и духовно близкое.

Во-вторых, христианский дух лежит в идее социальной «реабилитации» мира обездоленных и отверженных. В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило слабых, бедных, тех, кому отказали в сочувствии и кто стал «носителями новой человеческой надежды». И душа русских гуманитариев не могла не принять и не поддержать идею возвышения наиболее уязвимого в социальном плане класса — русская цивилизация всегда была «империей, открытой сердцем для нищих духом» (А. Панарин).

В-третьих, учение Маркса системно и убедительно позиционирует христианский универсализм, формула которого — в известном лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (не случайно эти строки высечены на памятнике Марксу в Москве). Пролетариат обретает вселенский характер — у него нет ни национальности, ни Отечества. Но разве не эту идею сообщает миру в своем послании апостол Павел: «Нет ни еллина, ни иудея, ни... раба, свободного, но все и во всем Христос»?

В-четвертых, христианский дух марксизма — в декларируемом принципе социальной справедливости (скорее, в ее ветхозаветной версии), которая должна утвердиться в мире в результате упразднения частной собственности на средства производства и создания условий для всестороннего развития личности.

Второй фактор исторической живучести марксизма — глубокая критика Запада, которая легла в основу «образа врага» для многих незападных стран, и прежде всего для России, у которой с Европой всегда были непростые отношения. Капитализм у Маркса ассоциируется с западной цивилизацией в целом, и борьба с капитализмом становится отрицанием институциональных и экзистенциальных основ Запада. Антикапиталистический пафос и антизападный дух марксизма, который дал существенный моральный аргумент для критики западного мира, также лежит в основе симпатий русской интеллигенции к Марксу.

Третий фактор «бессмертия» марксизма — многоликость Маркса, где у каждого «лика» своя правда, причем эти «правды» нередко взаимоисключают друг друга: в одном случае Маркс — философ (который также делится на «раннего» и «позднего»), в другом он — представитель самодовольной европейской цивилизации, не скрывающий своего презрительного отношения к другим народам и культурам. Но есть еще и «третий» Маркс, который, в свою очередь, распадается на несколько версий — в виде трактовок его наследия в марксизме, а точнее, в марксизмах: в русском, корейском, китайском, камбоджийском и т. д.

В XX веке европейским «интеллектуальным авангардом» вокруг наследия Маркса была создана целая марксистская «индустрия», которую уже не заботили дух и буква учения классика. И «лики» этого Маркса до сих пор доминируют в околонуточном дискурсе, о чем свидетельствуют дискуссии последних недель на ТВ (участники которых, в том числе известные российские гуманитарии, навязчиво повторяли несостоятельные в научном плане тезисы о глубине и масштабе учения, сформулированные еще во времена коммунистического прошлого).

Ключевой тезис моего выступления — гипотеза о неизбежном закате марксизма в силу несостоятельности ключевых положений этой теоретической конструкции, а именно: а) формационной теории Маркса; б) его обоснования механизма мировой динамики в виде борьбы производительных сил и производственных отношений; в) несбывшегося прогноза относительно «человечности» посткапиталистического общества.

Первое. Очевидна методологическая несостоятельность формационной теории, которая в качестве критерия и энергии прогресса рассматривала динамику производительных сил. В реальности все не так: парадигмы технического развития задает культура. В частности, «протетеевский» дух (Ясперс) и «фаустовская» культура (Шпенглер) породили соответствующий «технологический империализм» Европы с характерным для него отношением к природе и обществу как средству, площадке для эксплуатации и извлечения прибыли. Человечество меняется в результате революций в сфере человеческого духа, и попытки понять источники и объяснить движущие силы смены цивилизаций встречаются у Н. Данилевского, О. Шпенглера, К. Ясперса, М. Вебера, А. Пелипенко и многих других. Но марксисты и сегодня навязчиво и некритично повторяют нелепости формационной теории, как будто и не было этих великих мыслителей.

Второе. Ограниченность обнаруживает марксистская трактовка механизмов мировой динамики, основу которой составляет борьба производительных сил и производственных отношений. Маркс считал, что развитие производительных сил взорвет капиталистическую оболочку — производственные отношения: «Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. ... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». Однако реальность не вписывается в эту формулу. Сегодня происходит деградация «капиталистических отношений» вне связи с производительными силами. Мир переходит в новую стадию — посткапиталистическое общество (об этом — в докладах Римского клуба 2017 г. и Ялтинского цивилизационного клуба 2018-го).

Производительные отношения (в классическом виде) сегодня уничтожает, во-первых, вирус виртуальной экономики, связанной с деятельностью фиктивного капитала. Теневая и фиктивная экономика формирует химерическую модель капиталистических отношений — монстра, пожирающего самого себя, чудовище, представить которое во времена Маркса было невозможно. Возникает новая форма эксплуатации, которую создает интернациональный и оторванный от производства фиктивный, спекулятивный капитал. Он уже не желает довольствоваться традиционной прибылью 5–7 %, которую можно получить в рамках производительной экономики, а претендует на десятикратное и более увеличение (А. Панарин). Его окончательный крах неизбежен — это «виртуальное богатство» испарится в результате финансовых потрясений, которые заложены в его основу. Во-вторых, окончательная ликвидация «капиталистических отношений» (включая их инфраструктуру, которую составляют правовые и фи-

нансовые институты, обеспечивающие частную собственность и функционирование рынка) произойдет в результате самоуничтожения ключевых атрибутов классической модели производительных сил. Технологический переворот в результате начавшейся промышленной революции (основой которого является цифровая, роботизированная система производства) в недалеком будущем существенно изменит формы частности собственности, модифицирует «человеческий фактор» бизнеса, до предела минимизирует человеческое участие в системе производства. В связи с этим иллюзией выглядит марксистская идея о грядущей классовой солидарности рабочих: в результате промышленной революции человек может исчезнуть как субъект труда.

Третье. Заблуждением оказалось прогноз относительно посткапиталистического общества, которое Маркс представлял «царством свободы». В основе такого «прогноза» — примитивизация труда как инструмента отчуждения и отупления человека и переоценка конструктивных возможностей досуга. Посткапиталистическое общество несет немалые риски, которые катастрофичны для культуры и человека: в глобальном масштабе происходит активное разрушение духовно-нравственной инфраструктуры человеческой цивилизации; в свои права вступила эпоха постмодерна, сохраняющая индивидуалистическую и гедонистическую парадигму модерна и при этом реабилитирующая аморальные и деструктивные девиации древних времен язычества.

Таким образом, события XX века и сегодняшние реалии свидетельствуют о теоретико-познавательной несостоятельности ключевых принципов марксистской методологии и теории: практическим опровержением и отрицанием Маркса стали русские революции 1917 года; свою несостоятельность в предсказании и объяснении кризиса советского общества обнаружила марксистская методология советского обществоведения; в прогнозы Маркса не вписываются сегодняшние реалии мира, не говоря уже о его посткапиталистических перспективах.

Марксизм не только теоретически уязвим, но и теряет нравственную легитимность: против Маркса «работают» его неоднозначные с моральной точки зрения мысли и высказывания. В частности, открытая защита «прогрессивного» капитализма, развитие которого — в интересах «господствующих народов»; жесткий европоцентризм — убежденность в том, что мировая пролетарская революция откроет дорогу большим «историческим» нациям, а другие народы, не принадлежащие к числу прогрессивных, то есть революционных, должны погибнуть в «буре мировой революции». Показателями прогрессивности народа являются его способность угнетать другие народы и «подлинная революционность», то есть не продиктованная эксплуататорской алчностью, порождающей нищету и человеческие страдания.

В текстах Маркса можно обнаружить мысли, которые нельзя трактовать иначе, как откровенный шовинизм: вышеупомянутая доктрина прогрессивных и реакционных наций, представления об избранных и отвергнутых народах. И, конечно, вызывает протест

крайне отрицательное отношение к славянам, «русским азиатам». Маркс считал Россию «хищной деспотической силой», бросающей вызов прогрессивным силам мировой цивилизации, а Российское государство — реакционным, потому что оно опирается на силы и институты, выступающие главными генераторами реакционного духа: «религию, патернализм, общинное крестьянство, нерыночную уравнительную психологию» (С. Кара-Мурза).

Мой заключительный вывод таков: концептуальная исчерпанность теоретико-познавательного метода Маркса и «моральные издержки» его творчества станут основными причинами неизбежного заката марксизма.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Хотел бы сказать несколько слов по поводу программного доклада Александра Петровича. Извините за промежуточный комментарий, но доклад был слишком дерзким. У меня двойное впечатление. Первое — я категорически не принимаю этот доклад ни в общем духе, ни в отдельных его утверждениях. И второе — я считаю его совершенно правильным. Объясню свою позицию.

Сколько ни смотри в зеркало, ты видишь там свое лицо — и больше ничего. Александр Петрович смотрел работы Маркса, но ничего другого, кроме своего лица, он там не увидел. То, что мы сегодня услышали, — общая схема мышления А. П. Маркова, которую он демонстрировал и на предыдущих заседаниях, схема, в рамках которой Данилевский, славянофилы и евразийские авторы — источник непререкаемой истины, а русская цивилизация существенно выше деградирующей западной. Эта схема мышления была подтверждена на материале анализа Маркса: профессор Марков нашел у Маркса какие-то положения, которые как бы подтверждают правоту его мышления. Хотя, например, мне бросились в глаза два взаимоисключающих тезиса: в одном месте доклада он показал, что Маркс фактически повторяет христианские истины, и можно было понять, что марксизм — это христианство нашей эпохи, представленное в брэндах и слоганах марксизма. А потом было сказано, что все наоборот — марксизм является глубоко нерелигиозным по духу учением. И такого рода утверждений в докладе было немало, их надо отдельно рассматривать.

Прав Александр Петрович вот в чем: недавно в беседе с одним выдающимся коллегой я задал ему вопрос: «Как Вы думаете, что мы потеряли вместе с марксизмом, с тем фактом, что марксизм выпал из нашего публичного дискурса?» «Мы потеряли европейскую культуру», — ответил он. И это правда. Александр Петрович нам доказал, что вместе с марксизмом мы потеряли Европу и европейскую культуру.

Кто готов продолжить обсуждение в рамках той поллярности, которая обнаружилась? Алексей Николаевич показал нам, что Маркс — это продолжение традиций просвещения, гуманизма, идеала научности. А пафос Александра Петровича совершенно противоположно-го рода.

К микрофону приглашается профессор Николай Андреевич Хренов.

Н. А. ХРЕНОВ: — Уважаемые коллеги, всем известно, что социализм в России потерпел неудачу. Как утверждал Н. Бердяев, в истории, и не только в нашей, благие начинания часто терпят фиаско. Это произошло с Ренессансом, с Французской революцией и т. д. Такая же судьба постигла и социализм. Эта неудача побуждает нас к критическому анализу марксизма, поскольку воспринимается в том числе и как поражение Маркса. Раз теорию невозможно реализовать в жизни, значит, идеи ученого ошибочны. Более того, утопичны. Но социализм в какой-то мере и был утопией. На Маркса и на марксизм можно посмотреть и с другой точки зрения.

Я сейчас выслушал блистательный доклад одного из ведущих теоретиков-культурологов Александра Петровича Маркова, в котором опровергались идеи Маркса. Александр Петрович сделал это со знанием дела, очень эмоционально. Я высоко оценил выявление им, например, религиозного комплекса в теории Маркса. Видимо, этот момент в его концепции имеет место. Ну а почему бы не прочитать Маркса критически? Но я думаю, что Александр Петрович сделал это еще и сознательно, будучи ответственным за организацию сегодняшней дискуссии. Такое талантливое ниспровержение Маркса сделано им для провоцирования дискуссии. И, конечно, в таком ниспровержении Маркса чувствуется осознание краха русского социализма. Мы ведь еще не перестали об этом размышлять. Слишком тяжелы оказались последствия революционной катастрофы.

Если посмотреть на Маркса с точки зрения конфликтологии, которой в России в последние десятилетия уделяется большое внимание, то это и будет предметом критики. У Маркса было особое понимание конфликта. Для него социальный конфликт непременно должен разрешиться с помощью революции, и никак иначе. Здесь, возможно, Александр Петрович тоже прав, улавливая у Маркса религиозный, даже апокалиптический пафос революции. Возможно также, что именно этот пафос и объясняет, почему Марксова теория соответствовала настроениям масс. По поводу конфликта есть и другие точки зрения. Например, Г. Зиммеля, который в социальном конфликте улавливал позитивное начало, способствующее развитию и совершенствованию общества. Возможно, западный мир, породив идеи Маркса, сам придерживался позиции Г. Зиммеля и потому преуспел больше.

Тут, конечно, следует сказать, что как мыслитель К. Маркс раздваивается на Маркса-политика и Маркса-философа. Что касается Маркса-политика, то этот образ во второй половине XX века в связи с катастрофой социализма в России весьма потускнел. Казалось, что Маркс скомпрометирован навсегда. Но есть еще его философская ипостась, и с этим Марксом считаются, прежде всего на Западе. Напомню в связи с этим суждение М. Хайдеггера. Великий немецкий философ XX века заметил, что лучшего определения такого философского понятия, как отчуждение, пока лучше Маркса никто не сделал. Неслучайно к ранним философским рукописям Маркса, которые впервые были напечатаны в 1960-е годы, в свое время был такой огром-

ный интерес. Ведь Марксово определение позволило советским философам участвовать в спорах об экзистенциализме.

Да, социализм в России не реализовался, но влияние Маркса было здесь очень сильным. Его идеи ассоциировались с архетипическими и даже апокалиптическими образами. Прежде всего разрушительные идеи Маркса затронули массовое сознание. Феномен «разиновщины», часто повторяющийся в российской истории, особенно во смутные времена, стал психологической основой распространения идей Маркса, а может быть, и специфического их понимания. Потому в России и произошла такая катастрофа, что Марксово учение здесь стало выражением тех комплексов, которые в российской истории были давно сформированы и с помощью Маркса оказались разбуженными. А раз эти идеи могли затронуть сознание и подсознание масс, то не исключено, что в будущем такая катастрофа тоже возможна. Она еще возможна. Возможен и «ренессанс» идей Маркса или какого-то другого мыслителя — его последователя. Я в данном случае делаю акцент не на сути идей, а на том, как они были восприняты. Все еще может вернуться. Да, кажется, уже и возвращается.

Но я хотел бы обратить внимание еще на один аспект, связанный с резонансом идей Маркса. В еще большей степени они затронули тот социальный слой, который мы называем интеллигенцией. Тут появляется тема для специального обсуждения. Почему интеллектуалов легко вовлечь в массовые движения? На этот вопрос интересно отвечала Х. Арндт, исследуя характер тоталитаризма. Как говорится, из песни слова не выкинуть. И Маркса, и марксизм из истории России XX века тоже не выкинешь. К этому еще будут возвращаться.

Вот я и подошел к теме моего доклада, посвященного Георгу Лукачу, который, несмотря на разные ситуации в судьбах марксизма в XX веке (а здесь имело место не только восторженное восприятие, но и разочарование), всю жизнь оставался программным марксистом, о чем не раз заявлял публично. Правда, следует сделать одну оговорку. Сам-то Лукач себя считал последовательным марксистом, но не все это мнение разделяли, называя его подчас «путаником» и «уклонистом».

Лукач — философ венгерского происхождения, программный марксист, никогда марксизму не изменявший и от него не отрекавшийся. Более того, Н. Бердяев писал, что это самый умный из коммунистических писателей. Любопытно, например, что Лукач с 1929 по 1945 год работал в Советском Союзе. Да, было время, когда многие западные интеллектуалы с надеждой смотрели на русский социализм. Некоторые из них охотно приезжали в Россию и жили здесь. Лукач в их числе. Он сделал замечательный вклад в разработку марксистской эстетики как научной дисциплины. Конечно, Лукач занимался не только искусством, но и общими вопросами философии. Так, в 1942 году в Москве в Институте философии он защитил докторскую диссертацию «Молодой Гегель». Публиковался в журнале «Литературный критик», который нельзя назвать официальным. Одно время Лукач даже был в Венгрии ми-

нистром культуры. Вообще считается, что он повлиял на философов так называемой Франкфуртской школы.

Но мне Лукач более всего интересен как создатель фундаментальной системы эстетики. Это очень объемный труд под названием «Своеобразие эстетического», изданный в нашей стране в середине 1980-х годов в четырех томах. В то время, как вы понимаете, нам было и не до Лукача, и не до марксизма. Мы решали проблему выживания. И, в общем, как я думаю, издание лукачевской эстетики не имело того резонанса, которого заслуживает. Что вовсе не умаляет значения этого труда. Конечно, марксистскую эстетику создавал не один Лукач. Это целая традиция, которая начинается с Плеханова и продолжается М. Лифшицем и М. Каганом. Эстетика преподавалась в высших учебных заведениях. Я, например, сдавал эстетику в институте, изучая учебник М. С. Кагана. Он так и назывался — «Лекции по марксистско-ленинской эстетике».

Вопреки убеждению многих отечественных марксистов, уверенных в том, что марксистская система эстетики уже создана и существует, Лукач утверждал, что марксистской эстетики в ее окончательном виде еще не существует. Существует только ее идея, а саму эстетику еще предстоит создать. В этом направлении он и работал, оценивая свой труд с точки зрения марксизма, а на самом деле, как мне представляется, возвращал марксистскую мысль к Гегелю, которого высоко почитал. Он много размышлял об этом философе и даже говорил, что универсализм эстетической системы Гегеля может служить образцом для любого построения эстетики. Вариант эстетики Лукача — это, пожалуй, следующее после Гегеля посвященное проблематике эстетики фундаментальное сочинение. Точнее, проблематике эстетики в ее марксистском варианте. Вполне допускаю, что к этой идее еще будут возвращаться.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Кстати, Николай Андреевич говорил, что Георг (Дьёрдь) Лукач — действительно выдающийся интеллектуал, неомарксист — с 1929 по 1945 год жил в России и работал в нашем институте старшим научным сотрудником. Это был период, когда передовые интеллектуалы Европы приезжали в Россию как в Мекку, уверенные, что здесь кипит мысль, рождается новое в жизни, в теории, в науке. Вот почему он оказался в России в конце 1920-х годов.

Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Комиссаренко.

С. С. КОМИССАРЕНКО: — Мое выступление — это скорее некая рефлексия в связи с высказанными мыслями, с одной стороны, Александра Петровича Маркова, с другой — Николая Андреевича Хренова. Начав разрабатывать свою тему о взглядах Питирима Александровича Сорокина и Карла Маркса на развитие культуры, я подумала о том, что благодаря советской системе образования мы все работали с первичными трудами Карла Маркса, читали и конспектировали его труды. Можно сказать, что мое поколение вышло из «марксово-шинели».

Первое, что приходит на память для сравнения идеей Карла Маркса, так это, конечно, идеи Макса Ве-

бера. Это очень удобно — сравнивать взгляды Макса и Маркса с социально-философской позиции. Но такое сравнение лежит на поверхности, поскольку многие ученые уделяли ему внимание. Поэтому от данного ракурса надо было отказываться и идти дальше, ибо сравнение этих двух мыслителей стало уже традиционным. Надо было искать того мыслителя, который, с одной стороны, был бы сопоставим с масштабом личности Маркса, а с другой — имел бы очевидно противоположные взгляды на развитие культуры. И такой ученый нашлся: Питирим Александрович Сорокин. Эти два философа жили в разное время и имели разные воззрения, и хотя Питирим Александрович увлекался в молодости марксистскими идеями, он никогда не говорил о Марксе как об ученом и не писал специальных трудов о нем. Однако теория развития культуры Сорокина была диаметрально противоположна взглядам Карла Маркса, что и указывало на актуализацию темы сравнения. Не все согласятся с тем, что личность Сорокина имеет такой же потенциал воздействия, как и Карл Маркс, но в данном случае присутствует субъективный взгляд на предложенную тему. При этом возникает правомерный вопрос: надо ли сегодня рассматривать взгляды на развитие культуры столь разных ученых? Прежде всего, это диктуется тяжелейшим чувством, которое появляется от нарушения интеллектуальной традиции России, доминирующей в отечественной культуре. Мы слишком часто «разрушаем» до основания» и быстро привыкаем отказываться от всего, чему поклонялись совсем недавно.

Конструируя новые доктрины и развивая марксизм-ленинизм 70 лет, мы поклонялись ему как культуре. Спасибо, Александр Петрович, что Вы говорите об этом сегодня. А потом мы с таким же энтузиазмом отбросим все, что не укладывается в новые матрицы. Я называю это умственными метаниями, от которых мы никак не можем освободиться. В пафосе критической мысли мы так же быстро «отбросили» идеи Карла Маркса. Об этом свидетельствует тот факт, что когда я пошла в библиотеку, чтобы взять труды Маркса, то оказалось, что доступен только «Капитал», остальное наследие было где-то в запасниках. Вы правильно говорили, Александр Петрович, что от поклонения ему мы пришли к его полному забвению. При этом возникает вопрос: почему в 1990-е годы мы вернули целый пантеон мыслителей, в том числе Питирима Александровича Сорокина, пусть и не все его труды, но все же на родину вернулось его имя и основные произведения. При этом как-то исчезли из научного оборота любые упоминания о трудах Карла Маркса.

Возвращаясь к заявленной теме выступления о сравнительном анализе взглядов на развитие культуры Карла Маркса и Питирима Сорокина, надо сказать, что трудность состояла в том, что Карл Маркс никогда не писал отдельно о развитии культуры. Его мысли о культуре как таковой можно найти в трудах на другие темы. Тем не менее следует подчеркнуть, что основная мысль заключается в том, что он рассматривает культуру лишь в виде надстройки к той или иной общественно-политической формации. Маркс отказыва-

ет культуре в самодостаточности и саморазвитии. Это необходимо признать сегодня. Его понимание развития культуры можно представить как движение от низшего к высшему. И только в коммунистическом обществе культура наконец расцветет во всей полноте и многообразии. Сорокин говорит обратное: культура не может развиваться диалектически. Действительно, Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом, рассматривая расцвет культуры в Античности, слишком просто объясняют ее величие несостоятельностью, бедностью общественных отношений. На мой взгляд, это упрощенное понимание культурных процессов. Мнение Питирима Сорокина на развитие культуры иное. Он объясняет ее развитие в зависимости от циклов: напряженные, активные циклы сменяются пассивными. Однако даже при пассивном развитии культура саморегулируется путем накопления внутренних ресурсов для следующего активного цикла. Такое волноциклическое развитие культуры свойственно всем эпохам.

Ключевой пафос моего выступления заключается в следующем. Право на существование должна иметь любая идея, даже если она не согласуется с идеями культурной политики дня нынешнего. Почему у нас философские, культурологические идеи должны обязательно отвечать на сиюминутные вызовы, а не устремляться вперед, опережая время. Однако стратегическое мышление должно быть востребовано во имя будущего. Поэтому идеи Маркса надо знать, изучать, критически анализировать и подходить к наследию прошлого не только с точки зрения востребованности «здесь и сейчас», но и с позиции временной перспективы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Полагаю, после этого выступления мы заслужили право говорить и спорить о Марксе. Предоставляю слово Петру Николаевичу Кондрашову. Тема доклада — становление учения Маркса о родовой сущности человека.

П. Н. КОНДРАШОВ: — В сегодняшней литературе речь обычно идет не о Марксе, а о марксизме. Однако в одном из писем Маркса Фридриху Энгельсу есть странная фраза: «Если эти граждане марксисты, то я не марксист». В связи с этим предлагаю обратиться к некоторым мифам.

Первый миф, распространенный как в учебниках, так и в философской и обществоведческой литературе в России и на Западе, заключается в том, что Маркса смешивают с Энгельсом. Однако надо четко разделять философа Маркса и философа Энгельса. В свое время академик Гусейнов ввел даже особый термин «энгельсизм». Да, у них были совместные работы, но Маркс в рамках своей философской системы занимался проблематикой, связанной с человеком, обществом и историей. Она имплицитна, ее надо искать в текстах, тем не менее она существует.

Другой миф состоит в том, что философия Маркса представляла собой синтез диалектического и исторического материализма и научного коммунизма. Особенно на этом настаивали авторы учебников философии в 1950–1970-х годах. На самом деле вы не найдете

у Маркса никакого диалектического материализма, он не писал на эти темы вообще.

Еще один миф: Маркс был воинствующим атеистом, как Ленин или Ярославский, призывал вешать священников, взрывать церкви и т. п. Это тоже неправда. Вы, как культурологи, должны оценить два высказывания Маркса о религии: «Религия — это вздох угнетенной твари» и «это сердце бессердечного мира». Здесь Маркс атеист, он говорит «сердце», но он употребляет немецкое слово Gemüt — «душа». Так вот, Маркс никогда не был атеистом, тем более воинствующим.

Следующий миф связан с неточностью некоторых переводов. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс якобы пишет, что «родовая жизнь есть производственная жизнь». Однако он считал иначе, а именно: родовая жизнь человека есть его продуктивная, творческая свободная жизнь.

Еще один миф, который я сейчас попытаюсь развеять. В свое время, особенно в СССР до середины 1950-х годов, считалось, что в трудах Маркса нет никакой философской антропологии, а свои философско-антропологические идеи он изложил лишь в ранних работах до Манифеста Коммунистической партии. Однако Маркс занимался проблемами человека и в течение всей жизни, начиная с 17-летнего возраста исследовал вопрос, в чем заключается сущность человека. Теории Маркса о сущности человека можно разделить на три раздела. В ранних работах он обычно определяет сущность человека в статической форме, в работах среднего периода — динамически, и в «Капитале» синтезирует статические и динамические определения. В 1843 году Маркс пишет, что сущность человека есть истинная общность людей. Далее, в 1844 году, он определяет родовую сущность как праксис — концепт, означающий свободную и продуктивную деятельность, о которой он писал чуть позже. Маркс говорит, что родовая сущность человека не есть абстракт, а есть ансамбль общественных отношений. В 1847 году он буквально пишет следующее: «Вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы». В 1858 году Маркс пишет, что родовая сущность человека есть итог развития всего человечества. А в 1867 году в «Капитале» объединяет статическую и динамическую позицию: «Надо знать, что такое есть сущность человека вообще, и то, как она себя модифицирует в различной исторической эпохе». Это означает, что сущность человека есть праксис, деятельность, которая свойственна всем людям — и первобытным, и современным, и людям будущего.

Однако, преобразуя мир, человек, естественно, преобразует и самого себя. Эта деятельность всегда погружена в различные исторические, климатические и иные условия. Да, все люди одинаковы в том смысле, что обладают единой суетной родовой сущностью как деятельностью, праксисом, но все мы различаемся тем, что живем в разные исторические эпохи в разных географических и других условиях.

В заключение попытаюсь показать, какое место занимает философская антропология Маркса в истории философской антропологии. Жан-Поль Сартр в свое время выдвинул теорию, что существуют две генераль-

ные концепции сущности человека. Одну он назвал эссенциализмом, другую — экзистенциализмом. Сущность эссенциализма заключается в том, что эссенция (сущность) предшествует существованию, то есть некоторое существо рождается с уже определенной сущностью. Экзистенциализм же утверждает обратное: экзистенция (существование) предшествует сущности — эссенции. Сначала мы рождаемся, и только процессе своей жизнедеятельности обретаем то, чем становимся. Так вот, теория Маркса, с моей точки зрения, является синтезом экзистенциализма и эссенциализма. Эссенциальная сторона — это то, что все мы обладаем праксисом, а экзистенциальная заключается в том, что каждый из нас оказывается в индивидуальной исторической, биографической, биологической и иной ситуации. Поэтому Марксова теория человека синтетична: у всего человечества есть общая сущность, но все мы индивидуальны и уникальны. Надо читать самого Маркса.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Юрию Дмитриевичу Гранину. Тема его выступления — «Концептуализация через коммунизм в творчестве Маркса».

Ю. Д. ГРАНИН: — Уважаемые коллеги, я хочу поддержать предыдущего докладчика, который обратил внимание на то, что существует много мифов о Марксе. Эти мифы часто можно услышать не только с телевизионных экранов, но и в академической среде. Наиболее распространенный миф, о котором пока не шла речь, — характеристика коммунистического проекта Маркса как деспотической, антигуманной утопии.

Здесь любопытно даже не «ирония судьбы»: то, за что некогда Маркс критиковал идеологов социализма и коммунизма, теперь инкриминируют ему самому. Но аргументов для такой оценки явно недостаточно, чего авторы, судя по всему, не замечают. Ибо сплошь и рядом смешивают проблему истинности доктрины и созданного на ее основе прогноза с проблемой их научности. Да, всемирная история во многом (но не во всем!) разошлась с прогнозом Маркса, и его замысел грядущего общественного устройства так и не был нигде осуществлен. Но при чем здесь утопизм? Ведь утопичность любой концепции устройства общества состоит отнюдь не в кажущейся неточности и нереализуемости, а в самом способе продуцирования, суть которого — произвольное конструирование образа идеального социума. То есть это такое конструирование, где образ желаемого будущего подчиняет себе процедуры строгого анализа тенденций развития современности. А уж в произволе мышления, в отсутствии аналитизма Маркса никак нельзя упрекнуть. Кроме того, вы не найдете ни одной теории, тем более теории социальной, которая полностью подтверждалась бы практикой. А это важно.

Не менее важно и другое: начиная как философ и будучи им, Маркс впоследствии встал на стезю современной ему науки. И конечно, его философское творчество никак нельзя отнести к области религиозно-

окрашенных размышлений. Ранний Маркс был младогегельянцем, затем последователем Фейербаха, то есть критиком христианского мировоззрения. Но одновременно он выступил и как критик современной ему философии истории, основанной на постулате о первичности «идей». Не случайно 11-й тезис Маркса о Фейербахе гласит: «Философы различным образом объясняли мир, задача состоит в том, чтобы изменить его». То есть здесь и речи нет о первичности «слова», как утверждает Александр Петрович, а говорится о необходимости изменения мира не «словом», а «делом», то есть практикой.

А. П. МАРКОВ: — Маркс говорил об изменении реальности не практикой, не лопатой, не топором и ружьем, а Логосом, Словом, способным творить этот мир. Философы не умеют и не имеют права копать землю и строить баррикады. У них другая миссия. Но именно таков онтологический статус Слова в упомянутых мною строчках Евангелия от Иоанна.

Ю. Д. ГРАНИН: — Да, конечно. Их миссия (его и Энгельса), полагал Маркс, состоит в критике современных им объяснений движущих сил человеческой истории, суть которых как раз и заключалась в акцентировании внимания на приоритете «слова», то есть «идей» и «социальных концепций», которые будто бы сами по себе способны изменить существующий социальный порядок. Маркс с этим не согласен. Для этого, справедливо считает он, нужны субъекты исторических изменений. Он полагает, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами — реальными субъектами исторического процесса, изменяющими действительность в процессе материального и духовного производства. Совокупная деятельность объединенных в большие социальные группы людей (классы), отстаивающих свои интересы, интерпретируется Марксом как «практика», в ходе реализации которой естественно-историческим образом возникают новые формы социальной жизни. Но они возникают только тогда, когда появляются субъекты исторических изменений, готовые, не щадя собственной жизни, революционным путем свергнуть существующий общественный строй.

Таким новым классом, полагал Маркс, является пролетариат. Все социальные революции до его появления были частичными: менялся политический строй, но никогда дело не доходило до «социальной эмансипации» — устранения частной собственности. Именно пролетариат — тот класс, который может осуществить «радикальную революцию» и «общечеловеческую эмансипацию». Способность этого класса на радикальный освободительный прорыв в будущее гарантирована, по мнению Маркса, его объективным положением: это класс гражданского общества, который, по сути, уже не есть класс гражданского общества. Это класс, скованный «радикальными цепями» и «универсальным страданием». Его появление возмущает фактическое разложение существующего миропорядка. Требуя «отрицания частной собственности, пролетариат лишь возводит в принцип общества то, что общество возве-

ло в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества».

Надо заметить, что Маркс и Энгельс идеализировали современный им пролетариат. В лице Парижской коммуны они идеализировали также «пролетарскую революцию», не замечая многих ее негативных черт и последствий. Для ученого, каковым себя считал Маркс, это было довольно странно. Еще более странным было то, что проект будущего коммунистического устройства на протяжении десятилетий не претерпел в марксизме каких-либо существенных изменений. Невзирая на прижизненную критику выдающихся современников, несмотря на то что последняя четверть XIX столетия демонстрировала бурный рост индустриального капитализма, успехи профсоюзного движения, возможности снятия социальной напряженности нереволуционными средствами, программа революционного перехода к коммунизму через «диктатуру пролетариата» и проект его построения остались без существенных корректив.

Чем объяснить такую поразительную устойчивость? Во-первых, надо понимать, что «коммунизм» для Маркса — это не коммунизм в «отдельно взятой стране», а «обобществившееся человечество», и возможен этот коммунизм в далеком будущем и в мировом масштабе. Это то, чего никак не мог понять и принять Ленин. Во-вторых, одно из возможных объяснений состоит в универсализме и «внутреннем совершенстве» общенсторической концепции марксизма. Это означает, что решающим условием убежденности Маркса и Энгельса в истинности их теоретической интерпретации общественного развития и его перспектив была, по-видимому, не столько эмпирическая обоснованность, сколько «внутреннее совершенство» самой концепции: соответствие собственным основаниям, то есть изначально данной в философской онтологии общей теоретической модели («картине») социального мира и принятым в то время эталонам научности. Критерий научности теории по Марксу состоит в ее способности выразить ту практику, которая презентует ведущую тенденцию (закон) истории. А так как эта тенденция уже обоснована в самой марксистской концепции всемирной истории, в философские основания которой входит идея свободы как общечеловеческой ценности, то истинность и научность теории гарантируются в конечном счете ее самосогласованностью (когерентностью).

Отмечу, что когерентная концепция истины и принцип соответствия социальной теории своим основаниям, а последних — общечеловеческим ценностям (носителем которых у Маркса выступает пролетариат) имеют большое значение для обществознания уже потому, что в каждом отдельном случае мы не имеем (и никогда не будем иметь) ни времени, ни возможности для строгой экспериментальной проверки теоретических положений. Более того, строгое экспериментальное подтверждение правильности долгосрочного прогноза невозможно и по некоторым методологическим соображениям, в частности из-за того, что фундаментальный для современного естествознания по-

стутат о воспроизводимости эксперимента неприменим при познании общественных явлений. Дело в том, что этот постулат базируется на онтологическом допущении неизменности законов природы, в то время как специфика социальной действительности состоит в перманентной изменчивости и формы осуществления, и содержания социальных закономерностей, что, по мнению специалистов, существенно ограничивает средства эмпирического оправдания и экспериментальной проверки социальных теорий и прогнозов.

Единой для всего человечества общецивилизационной практики нет, вместо нее наличествует разнообразие культурно-исторических и, главное, незавершенных «опытов», когда мы не можем надежно, то есть экспериментально, определить меру истинности (ложности) выводов теоретика. В этих условиях целостность и самосогласованность социальной теории есть одна из необходимых гарантий ее научности. И это относится не только к общеисторической концепции Маркса, но и ко всем «всеохватывающим» теориям социогуманитарного цикла. Все они принципиально неточны, эмпирически строго не обоснованы, да и построены в большой мере гипотетико-дедуктивным способом. Таковой была и остается общесоциологическая концепция Маркса.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Профессор Владимир Александрович Конев, Вам слово.

В. А. КОНЕВ: — Карл Маркс невероятно масштабен, и можно выделить много разных аспектов, изучая его наследие. Мишель Фуко, известнейший французский философ, сказал, что есть две фигуры, которые определяют интеллектуальное (и не только) развитие в XX веке, — Маркс и Фрейд. Без их учений ничего нельзя понять из происходящего в XX веке. Конечно, Маркс прежде всего ученый-политэконом, но его политэкономическое учение, на мой взгляд, есть чисто философская конструкция. Философия, начиная с Канта, существует только как критическая философия, для Канта это критика оснований действия разума. Маркс же создает другой тип критики. Вспомните, как называется его главный труд: «Капитал», а подзаголовок — «Критика политической экономии». И вся работа Маркса — это выявление оснований человеческого поведения и сознания. Маркс показал, что сознание не суверенно, оно зависит от условий, в которых действует. Фрейд также считал, что индивидуальное сознание не суверенно, вот почему Фуко поставил их в один ряд.

Маркса часто упрекают в том, что он создал такую теорию, которая не подтверждается действительностью. Маркс говорил о капитализме одно, а мы видим совсем другое. Оправдывая Маркса, его сторонники возражают: несовпадение возникает оттого, что никакая теория не в состоянии описать действительность с исчерпывающей точностью. Но теория Маркса не совпадает с капиталистической действительностью, современной нам, потому что эта теория повлияла на действия людей. Капитализм, который мы видим сейчас, стал возможен благодаря Марксу.

На мой взгляд, главное достижение Маркса заключается в том, что он показал: в истории, несмотря на всю ту свободу, которой обладает человек, существуют некие закономерности, она обуславливается определенными ситуациями, а главное — тем, что человек всегда попадает в ситуацию, которая заставляет его действовать определенным образом.

Петр Николаевич говорил о том, что такое человек по Марксу. Да, человек вырастает из действительности вокруг него. Человека конституирует цивилизация, культурная и социальная действительность. Вчера на пленарном заседании красной нитью проходила мысль, что сейчас мы живем в турбулентном мире, где все меняется, идут процессы, заставляющие человека растерянно и недоуменно оглядываться вокруг.

Но давайте посмотрим, что именно меняется. Чем был человек раньше? Личность формировалась той культурой и обществом, в котором он жил. Что было главным в том типе существования? Если свести ответ к одной фразе, то это, на мой взгляд, будет мудрость Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать». Культура Просвещения! Будут знания — будет счастье и свобода, потому что свобода — это осознанная необходимость. Будешь знать — будешь уметь. И это знание было в книгах. В каждом доме была библиотека.

А что сейчас? Сформировался мир «Фейсбука». Это же тоже книга, но книга лиц, книга присутствия. Галактика Гутенберга сменилась галактикой Цукерберга. Это другая действительность, новый мир, предъявляющий новые требования к человеку.

Современная культура — это культура не представлений о чем-то, что существует где-то вне человека, не зависит от него и требует познания, а это культура, которая требует от человека присутствия в этом мире, здесь и сейчас, и ответственности за свое присутствие.

Михаил Михайлович Бахтин выразил это философским термином «не-алиби в бытии»: я не могу сказать, что меня не было в бытии, я всегда здесь, и я за это отвечаю. Если угодно, это модификация чистого марксизма в XXI веке, который был философией действия. Направленность деятельности современной культуры выстраивается так, чтобы постоянно ставить человека в ситуацию присутствия, где он вынужден заявить себя и выбрать адекватное данной ситуации поведение. Поскольку ситуации всегда конкретны, всегда чем-то различаются, то поведение человека не может строиться на основе устоявшихся норм, трафаретов. Оно требует гибких алгоритмов, изобретательности, инноваций, проникновения в смысл данной ситуации, понимания данной ситуации как точки здесь-и-сейчас, где сходятся в это мгновение все силы мира. Конкретность ситуации (окружения) ставит перед действием вопрос не «что?», а «как?». Индивидуальность как характеристика личности, а также уникальность, оригинальность как характеристика произведений культуры приобретают статус ценности в культуре присутствия.

Становление ценности индивидуальности в современной культуре открывает ее исторический смысл. Культура присутствия должна быть понята как реали-

зация нового варианта культуры модерна. Это не то, что принято называть постмодерном. Постмодернизм возник как определенное стилевое направление, отставшее от «чистоты» стиля, — это мозаичность стиля. Современный этап развития европейской культуры (а российская культура является ее национальной формой) начался не с появления постмодернистских произведений, а гораздо раньше. Становление современного состояния культуры, которая модифицирует идею частного интереса человека культуры модерна в идею личностного, индивидуального устремления человека культуры нового модерна, происходит в форме новой культурной революции, которая подобна новоевропейской революции, утвердившей культуру модерна.

Первый шаг новой культурной революции — возрождение идеи свободы человека, не скованного никакими ограничениями. Эту идею свободы разрабатывает Фридрих Ницше, она получила свою реализацию в искусстве авангарда начала XX века. Новая культурная революция знает и свою Реформацию, которая должна расшатать изнутри прежде господствовавшую культурную доминанту. Доминантой культуры Просвещения была наука, идея единой истины, поэтому именно в науке должно было появиться сомнение в возможности единственной истины. И это произошло. Теория относительности и квантовая физика демонстрируют, что единой истины нет, сама наука показала: то, что логично для макромира, оказывается не логично для мира элементарных частиц. Физики начала XX века выступили не просто реформаторами науки, но реформаторами самой сферы сознания, что было подхвачено искусством и литературой. Не случайно художники и писатели той эпохи постоянно ссылаются на достижения новой физики.

Что же станет третьим шагом утверждения культуры нового модерна? Какая институция или сфера культуры возьмет на себя ответственность за утверждение индивидуальности как новой ценности, как доминанты новой культуры? Свобода — вот поле утверждения личностного своеобразия. Культура первого модерна (культура Просвещения) открыла свободу как осознание и осмысленное использование необходимости. Для культуры нового модерна свобода — это вызов, призыв к испытанию себя. Опыт свободы приобретает тогда, когда человек ставит свои действия в отношении к пределу, к преодолению границ как испытанию своих возможностей и способностей. Для нового варианта культуры модерна — для модерна не в варианте представления, а в варианте присутствия — ответ на вызов свободы укоренен в том опыте свободы, которым владеет человек. Как тут не вспомнить слова Маркса: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляет Илье Игоревичу Докучаеву, который сообщит нам о специфике марксистской концепции исторической типологии культур.

И. И. ДОКУЧАЕВ: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы поговорить об одной из двух составляющих нашей сегодняшней темы, а именно о том, какую роль марксизм сыграл в современной культуре. Выступление Владимира Александровича как раз о том, что марксизм сыграл конструктивную роль в собственном преодолении и формировании современной культуры. Но у марксизма есть и другая сторона, вполне традиционная — не перформативная, а дескриптивная. Речь идет о том, что марксизм позволяет описывать в современной культуре. Мы чаще всего обращаемся именно к этому значению марксизма — как совокупности концептов, посредством которых описываем наше прошлое и смотрим, насколько марксизм был адекватен в своих претензиях на то, чтобы описать будущее.

И здесь мы обнаруживаем, что марксизм все же не вполне адекватен в своих претензиях на описание как прошлого, так и будущего. Но можем ли мы при этом сказать, что он совершенно не адекватен? Помоему, ответ будет отрицательным. Неадекватность марксизма, наверное, связана с таким ключевым свойством классической науки XIX — начала XX века, как монистический редукционизм. Это попытка найти некое «архэ» — первый элемент наподобие воды Фалеса, но только в историческом процессе, и с его помощью объяснить всю сложную динамику истории человека, общества, культуры, объяснить не только динамику, но и содержание каждого из этапов истории.

Мы можем много спорить о том, какова на самом деле концептуальная структура марксизма, но Маркс — сложный философ, писавший на протяжении длительного периода, — менялся с годами. Я воспользуюсь фразой самого Маркса, который попытался сформулировать эту квинтэссенцию в виде итога своих воззрений и главного вклада в науку и философию: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».

Говоря о марксизме и культуре, эту цитату необходимо помнить, потому что здесь выстраивается такая иерархия производных и производящих, которую необходимо учитывать, описывая историческую динамику и каждый культурно-исторический тип. В основе лежит уровень производительных сил, к которым относятся средства производства и люди, использующие их в процессе производства. Термин «соответствуют» предполагает все же некоторую зависимость, в которой есть первичная и вторичная составляющие. Так вот, над всем этим в качестве производного находятся производственные отношения, а внутри них, в свою очередь, — двухуровневая структура: базис и надстройка. Базис — это собственно экономические отношения, а надстройка — их юридическое и политическое оформление. А немного в стороне вырисовыва-

ются формы общественного сознания, к которым относятся наука, религия и искусство — знаменитая триада из «Философии духа» Гегеля. Если мы спросим сейчас, что же из всего этого относится к культуре, понимая культуру как весь тот искусственный мир, который создан человеком, то очевидно, что к культуре относятся прежде всего производительные силы (то, что мы можем назвать материальной культурой), а также формы общественного сознания (духовная культура).

В сегодняшней терминологии, которая присутствует, наверное, в 100 % учебников по культурологии, мы почти не заметим марксистского подхода, как и ведущей, фундаментальной роли производительных сил, на которую указывал Маркс. И здесь я должен согласиться с профессором Марковым, что и важнейшая идея Маркса должна быть пересмотрена в этом своем фундаментальном статусе. Вместе с тем я не согласен, что она должна быть напрочь отвергнута и что она вообще ничего не объясняет. Если мы вчитаемся в содержание этих терминов, то увидим, что часть из них в значительной мере связана с марксистским описанием истории. Прежде всего это касается так называемой традиционной культуры. Чем глубже в историю, тем лучше марксизм объясняет жизнь. И чем дальше мы от архаики, от первобытности, от традиционной культуры, чем ближе к капитализму и нашим дням, тем хуже, с моей точки зрения, работает марксизм. Но если рассуждать в терминах Возрождения, Просвещения, романтизма, позитивизма, то здесь, конечно, марксизм не в состоянии предложить нам инструмент для понимания смысла этих терминов. Хотя известны концепции, где это сделано, и одна из самых монструозных, с моей точки зрения, — концепция, в которой Алексей Федорович Лосев пытался увязать марксизм и неоплатонизм, создав свои конструкции античной культуры.

Мы понимаем, что динамика производительных сил — решающий фактор в объяснении истории культуры, но монизм и редукционизм здесь неприемлемы. Поэтому различные авторы его дополняют, начиная с Макса Вебера, который пытался в качестве важнейшего фактора, объясняющего динамику и содержание культурно-исторических типов, привлечь этику и религиозные ценности. Вебер написал замечательную серию работ, которая так и осталась незавершенной, — «Хозяйственная этика мировых религий», где, по сути, дополнил ценностным критерием марксистские представления о производительных силах. Наконец, в XX веке становится понятно, что динамика производительных сил не может быть описана так спонтанно, как она представлена в марксизме, и благодаря науке она приобретает целеустремленный и оформленный характер. Наука становится важнейшим производственным фактором и формой производительных сил.

В связи с этим необходимо, на мой взгляд, вспомнить замечательную работу Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество». Ее часто критикуют, но там масса интересных идей, связанных с ролью марксизма в объяснении современной культуры и общества. В книге огромное количество цитат из Маркса, показывающих, насколько он недооценивал роль науки

в динамике производительных сил, помещая ее в «надстройку». Сегодня понятно, что наука является решающим фактором, а не тем, что имел в виду Маркс, когда объяснял историю.

Наверное, сегодня было бы неправомерно использовать монистические конструкции для описания исторического процесса. Однако скажу несколько слов в защиту Маркса. Немонистическая научная конструкция представляет собой комбинацию, которую в современной философии и науке называют совокупностью гипотез. Например, когда появляются противоречащие теории факты, то привлекаются дополнительные гипотезы, которые увязывают одно с другим. И когда мы рассматриваем концепции Маркса на базе различных теорий и позитивистских концепций, то, наверное, утрачиваем научный пафос марксизма, который стремился найти единый принцип для описания истории. Именно в этом пафосе — ценность и важнейший реабилитирующий фактор марксизма.

В. А. КОНЕВ: — Можно небольшую реплику? У Маркса вообще сложное отношение к термину «культура». В предметном указателе к 39-томному собранию сочинений Маркса и Энгельса слово «культура» употребляется считанное число раз. Это значит, что понятие культуры не имело для них теоретического смысла. Маркс считал важным понятие «общественно-экономическая формация» — вот что он считал социальным организмом. А начиная с ученика Канта Гердера, впервые представившего историю культуры, культура становится практически тождественна обществу. В западной истории термин «культура» выполнял ту функцию, которая в марксистской концепции отдана «общественно-экономической формации».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Владимир Александрович, за интересное наблюдение. Действительно, что означает «культура» именно в концепции собственной теории Маркса? Это тема, заслуживающая отдельного обсуждения.

Несколько замечаний относительно выступления Ильи Игоревича. Во-первых, то, что наука становится непосредственной производительной силой, — это тезис Маркса. Во-вторых, в связи с наблюдением, что схема исторического материализма подходит к ранним стадиям развития общества, но начиная с Нового времени не работает, хотел бы обратить внимание на одно соответствие. Характеризуя современную культуру, мы часто употребляем термин «массовая культура», а говоря об экономике и производственных отношениях, используем словосочетание «потребительское общество». По-моему, очевидна связь между этими понятиями, которые, однако, укладываются в схему исторического материализма.

А теперь я предоставляю слово Владимиру Михайловичу Капицыну. Тема сообщения — марксизм и проблемы этатогенеза.

В. М. КАПИЦЫН: — Я остановлюсь на тех составляющих марксистской теории, которые связаны с вопросами развития государства и общества. По мне-

нию некоторых философов и политологов, Маркс уделял этой сфере меньше внимания, чем философской и экономической, но это не совсем так — достаточно вспомнить его работы «Критика Готской программы», «К критике гегелевской философии права», «Манифест Коммунистической партии» (в соавт. с Ф. Энгельсом), «Гражданская война во Франции», «Капитал» и др.

Чтобы охарактеризовать вклад К. Маркса в развитие учения о политике и государстве, приведу следующие тезисы. Первый тезис: марксизм — это системное учение. Не случайно в советское время он изучался экономистами, философами, историками, теоретиками научного коммунизма, специалистами по этике, эстетике, теории познания, антропологии и др. Опираясь на философскими, экономическими, политическими понятиями, они вырабатывали совместные подходы. Это было продуктивно, поскольку различные аспекты марксизма дополняли друг друга и обогащали учение в целом.

Такой подход наблюдается во многих произведениях самого Маркса, в том числе в «Капитале», «Экономическо-философских рукописях 1844 года», «Критике Готской программы», в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Рассматривая явления и процессы с точки зрения философа, Маркс развивал политэкономический подход к исследованию общества и государства, что отразилось и в учении исторического материализма. При рассмотрении политических и государственных аспектов Маркс прежде всего вскрывал социальные противоречия и их отражение в политике, не отходя при этом и от понимания человека, в том числе человека в политике. Например, в письме к А. Руге (май 1843 г.) он переходит от политических аспектов демократии к пониманию человека («человеческому миру демократии»), а в работе «К критике гегелевской философии права» связывает демократию с социальными аспектами, «самоопределением народа».

В современных условиях при подготовке политологов и социологов важно, чтобы они изучали именно такой подход к исследованию политики и государства. Студенты и аспиранты могут и должны изучать эти вопросы в их взаимосвязи, осваивая курсы, связанные с политэкономией, экономической теорией, культурой, искусством, литературой.

В дополнение к первому тезису отмечу еще один момент. Когда мы говорим о марксистском учении как о системе, необходимо упомянуть о взаимном обогащении отдельных направлений этого учения благодаря творческому развитию идей Маркса последующими поколениями марксистов. Добавлю, что отделять вклад Энгельса от вклада Маркса необходимо, но при этом нужно учитывать, что они теоретически и духовно дополняли и взаимно обогащали друг друга. Так, Маркс интерпретировал, в частности, работу Энгельса «Крестьянская война в Германии». Благодаря Энгельсу вышли 2-й и 3-й тома «Капитала».

Из вышесказанного следует второй тезис. В марксизме достаточно подробно освещено взаимовлияние социальной жизни (социогенеза), политики (политогенеза) и государствообразования (этамогенеза). Соотношение социогенеза, политогенеза и этамогенеза было раскрыто Ф. Энгельсом при изучении истории древних

греков, римлян и германцев, а также народов Месопотамии, норманнов, индейцев Северной и Южной Америки и др. Он делает вывод об универсальности существенных перемен в развитии родового строя и в создании государственных форм организации общественной жизни. Особенно интересен у Энгельса анализ политических переходных форм (вождейств, городов-государств, ранних государств).

Процессы социогенеза, политогенеза и этамогенеза не располагаются в некой последовательности, они происходят параллельно и взаимно влияют друг на друга. Государство влияет на политику и общество, они, в свою очередь, оказывают на него обратное воздействие. Именно так К. Маркс и Ф. Энгельс смотрели на общество, когда отмечали обратное влияние надстроечных явлений — политики, морали, государства, науки — на экономику и социальную сферу.

Впоследствии Толкотт Парсонс, один из трех великих социологов наряду с Марксом и Дюркгеймом, выделил в качестве ядра социогенеза функции «сохранения образца институционализированной культуры на уровне ценностей и интеграции», роль которых возрастает в связи с демографическими факторами, расширением контролируемых территорий и народов.

Социогенез — это система взаимодействия людей. Люди живут вместе, ведут совместную хозяйственную деятельность, создают семьи, растят детей. В процессе совместных действий происходит формирование и изменение коллективов людей, они приспособляют природные факторы для своих нужд, создавая что-то необходимое сначала для выживания, а потом для налаженной стабильной жизни. Если говорить о культуре, то в процессе социогенеза возникают условия для создания общественных ценностей: это этические принципы, символы, божества. Благодаря этим единым для всех ценностям общество консолидируется, разрешаются конфликты между отдельными группами.

Диффузная матрица социогенеза, содержащая функции сохранения образца и интеграции, порождает политогенез, а затем и этамогенез. Как в прошлом, так и в настоящем, политика одних сообществ приводит к возникновению государства, а других — к разрушению государственных основ. Вместе с тем разные сообщества то помогают друг другу создавать государства, то, наоборот, разрушают и завоевывают друг друга.

Этамогенез — зарождение и становление институтов и символов, воплощающих у разных народов определенный универсальный генокод в культурно обусловленной интеграции социально-территориальных сообществ, достигающих состояний целостных политий с устойчивой властной иерархией, способной поддерживать как внешний баланс сил между политиями, так и легитимное господство политических элит в конкретных сообществах.

Третий тезис: марксизм дает свое понимание государства, трактовку политической жизни как посредника между социогенезом и этамогенезом, повседневной жизнью людей и деятельностью государства. Ее можно рассмотреть как некий резервуар, который наполняют

сигналы общества — например, сигналы недовольства тех или иных социальных групп. Все, чем люди недовольны, они переносят с помощью различных механизмов, в том числе, как, например, сейчас, социальных сетей, в этот резервуар. Через него усиленные сигналы влияют на «структуры» (государство и государственную политику). Точно так же государственная политика, реагируя на поступающие сигналы, через политическую жизнь воздействует на повседневную жизнь общества.

Таким образом, марксизм открыл универсальный код этатогенеза и политики, связанный с балансом сил в обществе и интересами социальных групп и опирающийся на вертикаль власти. Именно благодаря ему общество как система, возглавляемая государством, может и противостоять внешним силам, и обеспечивать так называемое устойчивое неравновесие сил и интересов элиты и масс внутри самого общества. Важнейший признак этатогенеза — регуляторы «отложенного насилия», которые, как правило, парадоксальным образом обеспечивают баланс сил. Это, во-первых, баланс между противодействующими политиями (сообществами, государствами); во-вторых, поддержание устойчивой легитимной асимметрии интересов внутри этатизирующей политии («устойчивое неравновесие интересов» элиты и масс), защищаемой специальным аппаратом и законом. И благодаря такому функциональному подходу к государствообразованию (этатогенезу), проявленному в марксизме, можно находить ответы на ряд вопросов.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Ирине Викторовне Малыгиной. Тема доклада — «Экономическое обоснование посткультуры».

И. В. МАЛЫГИНА: — Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемые студенты. Я постараюсь объяснить присутствующим здесь студентам, почему им стоит изучать сегодня Маркса, который, как я понимаю, в большинстве учебных программ остается «фигурой умолчания». Вы можете спросить, зачем вам это нужно, если ученые никак не могут договориться между собой: марксизм — это хорошо или плохо?

Прежде всего, чтобы вас успокоить, скажу, что в истории передовой человеческой мысли отнюдь не только учение Маркса вызывало такую обширную палитру неоднозначных оценок. Сегодня уже проводили параллели между Марксом и Платоном. А Платона очень серьезно критиковали. Граф Петр Алексеевич Кропоткин сказал: «Платон создал модель тоталитарного государства. Это плод дряхлеющего ума». А Курт Хюбнер, немецкий философ, историк, сказал: «Платона надо читать: а) в оригинале и б) между строк. Если вы разглядите вторые, третьи смыслы, то поймете, что на самом деле никакой серьезной теории он не пытался создать». Это всего лишь то, что позднее стали называть «утопия», как, например, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы.

Я не имею в виду, что Маркс тоже создавал некую утопию, но, скорее всего, он не рассчитывал на такую мощную реакцию. Он вряд ли ожидал, что его учение

возведут в статус универсальной, всеобъемлющей объяснительной парадигмы.

Профессор Гусейнов совершенно справедливо отметил, что в свое время мы изучали марксизм как догму. Вашему поколению марксизм, вероятно, преподносится как фигура речи, как миф, который, впрочем, больше ничего не объясняет. Марксизм исключен из учебных программ и пособий и практически не востребован сегодня отечественным научным дискурсом. Есть ли шанс его вернуть, и главное, нужно ли это делать? Насколько он адекватен современному этапу экономического и культурного развития общества, насколько востребован современными поколениями интеллигентов и способен ли вызвать к жизни новое поколение марксистов?

Вчера на пленарном заседании прозвучала мысль о том, что в цифровую эру только с помощью цифровых технологий можно дать ответы на вызовы современного мира. В каком-то смысле это, видимо, так. Но и издержки «цифровой революции» становятся все более очевидными. С одной стороны, каждый из вас сегодня легко может стать условным «марксистом» или обладателем этого знания, по крайней мере его базовых положений. В условиях цифровой культуры потребитель знания (а это прежде всего вы — поколение, которое сформировалось в контексте цифровой реальности, молодые люди, получившие в современной теории поколений непритязательную и малоговорящую маркировку «Y» или «Z») и производитель знания (ученый, философ) оказываются практически равными друг другу в обладании этим знанием.

Прошу простить это намеренное упрощение, но такая проблема действительно есть. Ведь для того, чтобы овладеть знанием, уже не обязательно совершать череду трудоемких мыслительных процедур. Этот процесс для «игреков» и «зетов» становится обременительным. Ведь можно просто присвоить знание в готовом виде с помощью гаджета или, проще говоря, скачать. Знание становится побочным и необязательным продуктом информационного обмена. Ваша задача — вновь развернуть эту свернувшуюся до размеров точки спираль. Уже Анри Лефевр, один из самых ярких представителей французского неомарксизма, сетовал по поводу того, что Маркс доходит до нас через марксизм, иными словами, через проинтерпретированные тексты, хотя и отобранные «с чистой совестью и благими намерениями».

Но при всей противоречивости интерпретаций отдельных аспектов марксизма его «общим местом» стало обоснование экономической детерминированности культуры и культурной динамики. И, что еще важнее, поиск возможностей ее преодоления. Благодаря этому становится понятно, зачем вам сегодня Маркс и марксизм. Дело в том, что в российском научном и публицистическом дискурсах последних десятилетий лингвистический и социокультурный конструкт «культура–экономика» все чаще используется для описания серьезных сдвигов, которые произошли в представлениях о статусе и «социальной полезности» культуры в постмарксистскую, «постистматовскую» эпоху российской истории.

Для постперестроечной России эти изменения оказались наиболее чувствительными: в условиях новой (и неожиданной) для России рыночной экономики культура была объявлена товаром или услугой. Ценность культуры, прежде осознаваемая почти на сакральном уровне, оказалась легко конвертируемой в денежный эквивалент. И если массовое сознание с новой экономической реальностью примирилось достаточно быстро, то в научном гуманитарном знании эти изменения до сих пор еще не осмыслены в полной мере.

И дело не в том, что своеобразный «экономический поворот» в описании и конструировании культурной реальности остался не замеченным отечественными гуманитариями. Просто философы и культурологи неохотно говорят о культуре в терминах экономической целесообразности. Но пока философы, теоретики и практики культуры продолжали защищать право культуры на свободу от любого рода «экономических обременений», западные и отечественные экономисты уверенно осваивали новое для себя пространство приложения сил, оттачивали экономические теории и маркетинговые технологии. В концепциях западных экономистов подобные усилия были зафиксированы как новый экономический переход от экономики услуг к «экономике впечатлений» (в отечественных исследованиях — «экономика желаний»). Смысл новой экономической парадигмы заключается в том, что впечатление признается «отдельным экономическим предложением» и рассматривается как условие экономического государственного развития и роста благосостояния населения на ближайшее будущее. Такова логика западных экономистов.

Аргументация отечественных экономистов близка по смыслу: в ситуации перенасыщения потребительских рынков дефицитом оказываются только желания, которые необходимо стимулировать, реализовывать, а затем конвертировать в деньги. «Экономика желаний» ориентирована именно на культуру, а ее основные принципы и технологии сводятся к следующему: необходимо формировать у людей чувство сопричастности к культуре и искусству, желание участвовать в их сохранении и развитии; культурное наследие и актуальное искусство надо сделать соразмерными доходам большинства людей, чтобы они могли внести свою лепту в его сохранение и развитие; культурные ресурсы необходимо превратить в товары и услуги, научиться продавать их «в розницу и по мелочам», но так, чтобы сохранялись целостность и неисчерпаемость культуры. Подтверждением этой тенденции стало развитие в России целой отрасли культуры — «культурной индустрии» и так называемых территориальных брендов, направленных на формирование положительного имиджа территории, позитивной местной идентичности и повышение ее инвестиционной привлекательности.

Вот такая культура вам досталась, и выбор за вами — подчиниться инерции и надеяться на лучшее или искать возможности продуктивного сосуществования культуры и экономики. Кто знает, может быть, именно в учении Маркса вы найдете подсказки.

— Скажите, пожалуйста, «человек потребляющий» — это то же самое, что и «человек производящий», или нет? (вопрос из зала)

И. В. МАЛЫГИНА: — Совершенно не обязательно. Другое дело, что спрос по-прежнему рождает предложение, а социальный и культурный запрос рождает соответствующие тренды в экономике. Потребление ориентировано не только на материальные блага, но и на информацию, услуги, а сегодня еще и на впечатления.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Приглашаю выступить Татьяну Викторовну Кузнецову с докладом на тему «Влияние марксизма на учение А. А. Богданова».

Т. В. КУЗНЕЦОВА: — Сегодня для нас не является необычным обмен идеями между марксистской философией и другими философскими школами и направлениями. Мне хотелось бы поделиться теоретическим наследием Александра Александровича Богданова и влиянием марксизма на формирование этого русского мыслителя. Он жил в эпоху, когда философия была не слишком популярна в социал-демократическом движении. Богданов, напротив, довольно рано проявил склонность к конструированию всеохватывающей философской системы, дающей целостную картину мира и определяющей отношение к нему человека. Нащупывая пути, ведущие к этому грандиозному философскому синтезу, Богданов пришел к выводу, что его основой должен стать социальный материализм Карла Маркса, создание которого русский мыслитель признавал революционным переворотом во взглядах на общество в целом, на культуру, философию, историю и т. д. В этом смысле Богданов считал себя «правовверным» марксистом и отвергал иные оценки и характеристики своих взглядов. Однако марксизм он понимал своеобразно, уделяя особое внимание его методологическим функциям. Марксизм стал для Богданова некой матрицей, в которую должно было отлиться новое мировоззрение, — то есть материалом для ее заполнения должны были стать новейшие течения мысли.

Если, с одной стороны, абстрагироваться от политической биографии Богданова, а также от духовной атмосферы тогдашней России, в которой увлечение марксизмом в интеллигентской среде было чрезвычайно сильно, а с другой стороны, принять во внимание лишь теоретические мотивы его обращения к философским идеям Маркса, то легко увидеть, что он рассматривает эти идеи как средство решения внутренних проблем иного философского учения — махизма. Богданов увлекался философией Маха и Авенариуса, в которой видел наиболее законченное воплощение познавательного отношения к действительности. Поэтому, рассматривая понятие социально-организационного опыта, Богданов выводит на первый план идею социально-исторической обусловленности познания. И в этом контексте у него возникает потребность использования концептуального аппарата марксизма. Ссылаясь на идеи Маркса и Энгельса, Богданов трактует процесс познания как смену идеологических

форм, характеризуя при этом в рамках собственной философской системы идеологию современного технического процесса. Он рассматривает идею принципиальной однородности физического и психического опыта, и в связи с этим говорит о миропонимании пролетариата, которое противостоит классовому сознанию буржуазии и ее индивидуалистическому социальному опыту, сконцентрированному вокруг личного «я».

Нужно отметить, что Богданов не просто дополняет марксистские идеи махистскими — он как бы одновременно пребывает в двух теоретических плоскостях. Такой тип «маргинального теоретика» в те времена встречался очень редко, но уже со второй половины XX века стал довольно распространенным и проявил себя в сочетаниях марксистских и экзистенциалистских, марксистских и структуралистских, марксистских и феноменологических теорий.

Это «маргинальное философствование» представляется очень важным для понимания того, как менялись модели развития марксизма, и закономерностей историко-философского процесса в целом. Поэтому анализ теоретического наследия Богданова в немалой степени способствует формированию такого специфического явления, как философская культура.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, Татьяна Викторовна, Вы действительно обратили внимание на очень важный аспект, что едва ли в философии после Маркса, особенно в философии XX века, есть фигура, которая не испытала бы прямого или косвенного влияния Маркса, не говоря уже о неомарксистах.

К микрофону приглашается Нина Самуиловна Зеликина. Тема доклада — «Марксизм как наука и идеология (взгляд из российской истории)».

Н. С. ЗЕЛИКИНА: — Уважаемые коллеги, несмотря на то что я отношусь к тому поколению гуманитариев, которое получило образование в советское время, хочу все же поспорить с некоторыми из вас. Может быть, мне просто повезло с университетом — я заканчивала исторический факультет нашего Санкт-Петербургского, в те времена Ленинградского, университета, — но, во всяком случае, мы всегда воспринимали марксизм не как догму, а исключительно как руководство к действию. Помнится, у меня еще тогда возник вопрос: могла ли идеология, которая определялась Марксом как ложное сознание, быть научной? Как мне кажется, дихотомия «наука—идеология» сохраняет важное значение до сих пор, но мне бы хотелось остановиться только на одном небольшом аспекте.

Сложилась несколько парадоксальная ситуация: Марксу и повезло, и не повезло с Россией. Казалось бы, это единственная страна, которая в течение 70 лет развивалась под влиянием идей марксизма (хотя и с добавлением «ленинизма»). Однако, как только закончилась та власть, которую называли советской, Россия стала-таки единственной страной — из европейских во всяком случае, — которая избавилась от наследия Маркса с такой быстротой, что сейчас в ряде библиотек найти собрание сочинений Маркса,

изданное в свое время миллионными тиражами, — непростая задача. Это тем более парадоксально, что, как вы помните, первый том «Капитала» Маркса был впервые переведен именно на русский язык. И Маркс в своей переписке с русскими мыслителями подробно объясняет все и о своей теории, и об особом пути России. Но при этом он категорически против того, чтобы его идеи использовались «в качестве универсальной отмычки, позволяющей объяснить любой исторический феномен», — это прямая цитата из его письма. Он не был русофобом, совсем наоборот. В период отмены крепостного права к нему обратились русские революционеры с вопросом о том, насколько применимы его идеи к России. Он им объяснил, что говорил прежде всего о Западной Европе и что он категорически против того, чтобы его «исторический очерк пытались превратить в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы». Более того, он отмечал особую роль России, которая может избежать капиталистического пути, и говорил, что крестьянская община, на которую опирались в своих теориях народники, сможет прекрасно развиваться и без капитализма. Россия действительно обошлась без капитализма, но несколько в ином смысле, чем предполагал Маркс. Знаменитой революционерке Вере Засулич он писал, что России не нужно «торопиться в капитализм». Что сделали русские революционеры? Спрятали это письмо, не стали публиковать. Обо всем этом стало известно уже гораздо позже.

Проблема еще и в том, что когда к власти пришли революционеры, именовавшие себя марксистами, они стали всячески популяризировать марксизм, но по большей части среди абсолютно безграмотного населения. Поэтому марксистские теории пришлось очень сильно упрощать (примером может служить, например, «Азбука марксизма» Н. Бухарина). Но наряду с этим была создана еще и Социалистическая академия, деятельность которой до сих пор никем не изучается. А ведь там работал и уже упомянутый Георг Лукач, и в целом шло теоретическое развитие марксизма. Но массовое сознание это не затронуло. Более того, к концу 1920-х годов все дискуссии в Социалистической академии были свернуты и было заявлено, что несогласие с теми или иными положениями марксизма приравнивается к борьбе с Советской властью. Осталась Академия наук, в которой марксизм продолжал изучаться, но массовое сознание базировалось на шаблонах, на так называемом марксизме-ленинизме, который ни к Марксу, ни к Ленину не имел почти никакого отношения. Истинную ценность трудов Маркса стало возможным оценить только многие десятилетия спустя. Думаю, что Маркс, как всякий великий мыслитель, создавший непротиворечивую систему, по-прежнему будет привлекать к себе все новые умы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — С докладом выступает Светлана Борисовна Никонова. Ключевой тезис ее выступления — марксистская интерпретация стратегий гуманитарного образования.

С. Б. НИКОНОВА: — Я была несколько удивлена, услышав от коллег, что Маркса забыли, что его не читают, что отношение к нему по большей части негативное. По моим наблюдениям, все наоборот: Маркса много читают, он крайне популярен. Уже говорилось о западном характере марксизма. Добавлю от себя, что в западной философской традиции Маркс — одна из ключевых фигур. Поскольку я специализируюсь на современной западной философии, мне так или иначе приходится соприкасаться именно с этой традицией. И могу сказать, что если марксизм и утратил популярность, то лишь в отечественной мысли. Причиной является тот факт, что в советские времена он был принят в качестве государственной идеологии, в которой от него как такового почти ничего не осталось. Революция в России произошла под знаменем марксизма, но уже сильно видоизмененного. А после нее от марксизма осталось фактически одно название: при Сталине страна вернулась скорее к принципам самодержавия, которые — пусть даже в какой-то мере — были действительными, но уже не имели совершенно никакого отношения к Марксу. А слово «марксизм» стало ассоциироваться с государственной машиной. Потому его и хотят вытеснить как инструмент подавления. Но во всем остальном мире Маркс — значимая фигура, его влияние сопоставимо с влиянием Канта, Гегеля и Ницше. Многие течения современной философии опираются на Маркса.

Отдельно хотелось бы сделать несколько замечаний к докладу Александра Петровича. Он говорил, в частности, о том, что Маркс негативно относился к труду, считал, что «коммунизм — это царство досуга», отвергал христианское понимание труда. Но тут нужно сделать поправку, что речь идет не об общехристианском отношении к труду, а лишь о протестантском, когда труд считается самоценным. Маркс отвергает протестантское отношение к труду — но то же самое делают и нынешние его противники. А «христианское допротестантское понимание царства Божьего», о котором он говорит, — это не труд, а скорее его противоположность, досуг. На самом деле Маркс ценит труд, у него коммунизм — это царство труда. Но это не отчужденный труд, как в современном ему обществе, — это творческий труд. Коммунизм, по Марксу, представляет собой некое эстетическое состояние, в котором все люди являются художниками и не столько трудятся, сколько творят.

Кроме того, марксизм обосновывает необходимость гуманитарного образования в современном мире — эстетического, плюралистического, творческого образования, которое не должно быть подкреплено экономической буржуазной необходимостью. Иными словами, гуманитарное образование с точки зрения марксизма — это средство борьбы с капиталистическим обществом в его современном виде, то есть с «экономикой потребления».

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Да, существует известное высказывание Маркса о том, что царство свободы начинается по ту сторону труда. Ольга Ивановна Ставцева, Вам слово. Вы обозначили тему своего выступле-

ния так: «Критика современной идеологии как развитие марксистского проекта».

О. И. СТАВЦЕВА: — Прежде всего я хотела бы ответить на очень интересное, полемическое выступление Александра Петровича Маркова, задавшее тон нашей сегодняшней дискуссии. Мне в принципе понятна обида мыслителей консервативного направления, которое, как мне кажется, представляет Александр Петрович, на Маркса, поскольку у консервативных мыслителей иной концептуальный аппарат, иной образ будущего, иной образ человека, нежели тот, который предлагает Маркс. Консерваторы говорят о самобытности, культуре, цивилизации, традиционных ценностях, уникальности русской традиции, российской исключительности. Все эти концепты практически не соотносятся с тем, о чем говорит Маркс, — о классовой борьбе и экономическом детерминизме. Маркс не говорит о национальном, он говорит больше о классовом. И о народе он тоже не говорит.

С другой стороны, я всецело присоединяюсь к мнению Светланы Борисовны о том, что в нынешнем деидеологизированном пространстве отношение к Марксу перестало быть негативным, оно чисто исследовательское, как отношение к Ницше или Фрейдю. И, разумеется, в современной философии продолжают сохраняться марксистский нарратив, марксистская теория. Развивается марксистская теория искусства. Особенно интересна марксистская теория и практика кино, которую стоило бы уже выделить в особый тип дискурса. Мои тезисы, в частности, представление о марксистской теории кино, основаны на критике современной либеральной идеологии Славоем Жижекком и на трудах ныне живущего московского философа, политика, исследователя и пропагандиста Маркса — Алексея Цветкова. Именно он написал предисловие к «Капиталу» Маркса, изданному к его двухсотлетию. Он же автор работ «Поп-марксизм» и «Маркс, Маркс, левой!», а также сборника художественных произведений «Король утопленников».

Конечно, марксистскую теорию культуры надо начинать с произведений самого Маркса, который понимал художественное творчество как неотчужденный труд. Поэтому он считал, что нам могут поведать что-то важное и творцы из других эпох, например Шекспир или какой-либо другой мыслитель или поэт. Они более значимы для нас, поскольку занимаются именно свободным художественным трудом. Кроме этого, конечно, необходимо читать работы Плеханова, Ленина, Лукача и его ученика и идейного наследника Михаила Александровича Лифшица, а также наследника архива Лифшица — Виктора Григорьевича Арсланова.

Нужно отметить, что во второй половине XX века в марксистской теории культуры происходит переворот: отказ от мышления в жестких рамках схемы «базис–надстройка», когда вся культура понимается как часть тотального производства. Об этом говорит сегодня Паула Берно, об этом пишут Адорно и Хоркхаймер в «Диалектике просвещения» и «Эстетической теории». Сегодняшние теоретики марксизма в сфере культуры — это прежде всего Фредерик Джеймисон, Тер-

ри Иглтон, Ги Дебор, Франко Моретти. Можно назвать еще множество других имен.

И в заключение, отвечая на вопрос, как подойти к Марксу студентам, могу дать совет: надо пойти в кино и посмотреть фильмы Ларса фон Триера, Луиса Бунюэля, Жан-Люка Годара. Все они марксисты, причем одновременно и теоретики, и практики кино. Это же относится к нашему выдающемуся режиссеру Сергею Эйзенштейну. Он не только снимал кино, он, в частности, создал еще и культурный манифест «Монтаж аттракционов». Он пишет: «Кино — это прямой способ проникновения диалектики в мозг. Кино — это лучший способ организации массовых эмоций». Когда мы читаем литературный текст, мы включаем воображение. Кино не требует работы воображения — нам все показывают. Что при этом происходит с восприятием? Часть зрителей начинает рефлексировать — это те немногочисленные философы, теоретики кино, которые думают о том, как превратить его в нарратив. Но большая часть идентифицирует себя с каким-либо персонажем и переживает его опыт, показанный на экране. Таким образом становится возможным трансформировать исторический опыт и в результате способствовать тому прогрессивному праксису, о котором говорит Маркс. Кроме того, марксистский нарратив непосредственно представлен в кино, поскольку марксизм по сути дела драматургичен: он говорит о диалектике, противоречиях, классовой борьбе. Поэтому многие современные фильмы можно представить в виде марксистского повествования.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо, очень интересные замечания о марксизме. Да, люди консервативных взглядов, конечно, не могут ни понять, ни принять Маркса. Маркс — это революционер, Маркс — это критик. Как уже говорил Владимир Александрович, «Капитал» — по сути критика политической экономики. Маркс не просто исследовал капитализм, он стремился понять, как капитализм может быть преодолен, какие враждебные ему силы зарождаются внутри него. Он не сторонник экономического детерминизма, он исследует, каким образом человечество может выйти за пределы существующей экономической формации, перейти от предьстории к истории. Конечно, это другой взгляд, другой мир, отличный от консервативных представлений.

Справедливо и то, что, говоря о марксизме, сегодня уже недостаточно апеллировать только к текстам. Конечно, это основная база марксизма, но он давно вышел за пределы этих текстов и вошел в плоть нашей культуры, нашей жизни. Я думаю, что помимо примеров из области кино можно привести примеры из многих других сфер человеческой жизни, которые вобрали в себя многое из марксизма, — прежде всего из русского авангарда начала XX века, совершенно блестящей эпохи в истории современной цивилизации.

О Марксе и марксизме нельзя говорить абстрактно, только как об учении, запечатленном в соответствующих авторских текстах. Для адекватного суждения о них надо учитывать практический опыт их сознательного применения в качестве направляющей осно-

вы общественно-политической деятельности партий, народов, государств. Мы в России в этом отношении имеем уникальные возможности и, можно даже сказать, преимущества. Ведь мы как народ и государство более 70 лет жили по Марксу, выверяли свои общественные преобразования и идеалы по его учению, конечно, обогащенному и конкретизированному его великими русскими учениками, прежде всего Лениным, но в своих принципиальных основах и ключевых положениях разработанному им. И мы же уже более 30 лет стремимся освободиться, если можно так выразиться, от марксистского наваждения.

Оставим сейчас в стороне то великое и трагическое 70-летие: мы, надо честно признаться, не готовы еще для трезвого и вдумчивого разговора о нем, потому что, с одной стороны, пепел предков стучит в сердца многих наших сограждан и мешает им быть рассудительными, когда речь заходит о той горячей эпохе, а с другой — сегодняшние хозяева жизни боятся как огня возврата в те годы плебейской справедливости и весьма преуспели в клевете и опощлении советского прошлого, его идейных основ. Давайте рассмотрим, много ли мы выиграли, отказавшись от марксизма как «единственно верного учения». Мы несомненно выиграли, освободившись от идеологической предзаданности и догматической скованности мышления, наш интеллектуальный и духовный взгляд стал более раскованным, а тем самым — и более широким и богатым. Правда, мы одновременно потеряли и некий идейный и интеллектуальный стержень, объединяющий и делающий народ единым целым. Отказ от марксизма означал отказ от исторического взгляда на развитие общества и от принципа классовой борьбы как его движущей силы. На смену им пришел так называемый цивилизационный подход в геополитической упаковке. Но привела ли эта смена методологических и теоретических приоритетов к более глубокому и точному пониманию того, что происходит в современном мире?

Далее, отказ от марксизма означал также отказ от коммунизма как идеи и исторической перспективы. Возникает вопрос: не потеряли ли мы вместе с коммунизмом также само будущее, историческую надежду на возможность социально справедливого человеческого общежития? Говорят, что марксизм вносил в общество раскол по социальному признаку, санкционировал и стимулировал классовую ненависть и социальную борьбу, выступая тем самым в качестве деструктивной силы. Оказалось, однако, что отказ от марксизма не привел к сплочению и сближению в обществе, а многократно умножил конфликты, борьбу, дезинтегративные процессы. Словом, сама судьба марксизма подтверждает важную марксистскую истину, согласно которой завоевания и потери, положительные процессы и негативные следствия идут в истории рука об руку.

Завершая наш сегодняшний интересный разговор, хочу сказать, что мы только наметили некоторые актуальные аспекты в учении Маркса и едва затронули нашу общую тему «Марксизм и культура», а между тем она заслуживает самого пристального изучения. Марксизм, как мне представляется, не просто содер-

жит в себе цельное представление о культуре — он означает новый подход к пониманию культуры. У Маркса есть знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе, который сегодня уже цитировали: философы различным образом объясняли мир, но задача состоит в том, чтобы изменить его. Собственно, это формулировка марксистского учения о бытии в целом. О чем здесь говорит Маркс? Он говорит о том, что прежняя философия рассматривала саму себя как некую самодовлеющую сущность и изучала бытие в отрыве от мыслящего человека. Нужно создать такое учение о бытии, которое включает и мыслящего человека, и самого философа как мыслящий орган бытия. То есть Маркс интерпретировал бытие как общественное бытие, практику, деятельность — не нечто природное, что существует до человека, независимо от человека и что мы можем познать, лишь изучая со стороны. Нет, бытие — это нечто, включающее нас самих в качестве мыслящих существ. Бытие есть наша деятельность. Но если мы понимаем бытие как деятельность, то в значительной степени понимаем его как культуру. В этом состоит отличный от прежних взгляд на культуру. Как мы традиционно понимаем культуру? Это то, что отлично

от природы. Это та форма, в которую мы преобразуем природу. А в представлении Маркса, отраженном в его одиннадцатом тезисе, противоположность природы и культуры снимается. Оказывается, что культура не может существовать вне природного вещества и природное вещество не существует вне культуры. Это, конечно, другой подход, требующий серьезного концептуального осмысления.

И если мы с учетом именно философских корней учения Маркса рассмотрим его основные экономические понятия: производительные силы, производственные отношения, базис, надстройку, формы общественного сознания, то это окажется лишь конкретизацией более общезначимых вещей, уже входящих в понятие культуры. Это еще одно подтверждение того, что в учении Маркса заключен огромный теоретический потенциал не только для понимания исторического развития общества, его социальной структуры, но и для понимания самой культуры, для развития культурологии.

Большое спасибо всем участникам сегодняшнего обсуждения, которое интересно не только своими результатами, но и самим фактом того, что оно состоялось.

Секция 3 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

18 мая 2018 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- Ю. Л. ВОРОТНИКОВ   заведующий отделом грамматики и лексикологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
- С. Н. ИКОННИКОВА   профессор СПбГУП, Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ   главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- Л. М. МОСОЛОВА   заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

О ВОЗМОЖНОСТЯХ И ПРЕДЕЛАХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (Посвящается Франко-российскому году языка и литературы)

О пользе диалога культур сказано и написано много, пожалуй, даже чересчур много. Принято считать, что взаимопроникновение традиций, мировоззрений, обычаев, искусств, научных школ помогает взаимопониманию между народами и государствами, отчасти снижает международную напряженность, обогащает духовный мир человека за счет приобщения к иному. При этом полагается, что условиями успешности диалога являются взаимный интерес, взаимоуважение и равноправие. М. С. Каган, посвятивший много времени и сил этой теме, писал, что структура коммуникации монологична, тогда как структура общения диалогична; передаваемое объекту сообщение необходимо запомнить, а направленное собеседнику послание предполагает его интерпретацию. В диалоге каждый партнер уникален и принципиально равен другому (другим)². Проиллюстрируем эти утверждения на примере взаимоотношений России и Франции.

¹ Главный редактор издательства «Наука и культура» (издательский дом «Панорама»), кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизации России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: “экономический век” и “общинный социализм”» и др.

² Каган М. С. Мир общения. М., 1988. С. 150–152.

Франко-русские культурные связи имеют не очень длительную, но достаточно позитивную историю, значительная часть которой пришлась на послевоенный период. (Контакты времен Московского царства и Российской империи, хотя и были достаточно многочисленными, но ограничивались с обеих сторон в основном официальными дипломатическими каналами и кругом аристократии, а потому к собственно диалогу *народных* культур могут быть отнесены с большой долей условности.) Общеизвестные факты: существование Франко-русского союза в 1891–1917 годах; визит французской военной эскадры в Кронштадт 11 (23) июля 1891 года, когда в Петергофе во время торжественного обеда была исполнена «Марсельеза» (что произвело впечатление на петербургскую публику); прием русской эскадры адмирала Авелана в Тулоне; визиты Александра III во Францию; самый элегантный мост Парижа был назван в его честь, тогда как в Петербурге президент Феликс Фор участвовал в освящении начавшегося строительства по проекту французской фирмы «Батиньоль» Троицкого моста через Неву 12 августа 1897 года. Однако эти действия носили скорее военно-политический и технико-экономический характер, тогда как диалог культур, по нашему мнению, характеризуется массовым общением, взаимопроникновением и взаимообогащением нравов и обычаев.

Эти контакты не прерываются и в нынешней неблагоприятной международной обстановке. Как известно, 2018-й объявлен Франко-российским годом языка и литературы. Посольство Франции в России подготовило насыщенную программу литературных событий для российской публики. В этом году предпочтение отдано принципу трансверсальности — пересечению культурной, обучающей, образовательной и научной составляющих, их связь с литературой лежит в основе его идеологии. Особое место занимают проекты, посвященные искусству перевода; запланированы дискуссии с участием писателей и исследователей в области гуманитарных наук.

По сообщению французской стороны, намечены три основных направления литературной программы: расширение программы содействия издательскому делу «Пушкин», в рамках которой поддержку по авторским правам и в издании получают двадцать издательских проектов; программа обмена опытом между французскими и российскими литературными музеями с целью проведения французских тематических выставок в России и российских выставок во Франции; выступления тридцати французских писателей в Москве и российских регионах на протяжении 2018 года при поддержке тринадцати представительств «Альянс Франсез» в России и фестивалей и литературных салонов «Non Fiction», «Бумфест» и Красноярской ярмарки книжной культуры.

Программа этого перекрестного года предполагает также серию писательско-хореографических перформансов проекта «Конкорданс», выступления Леонор де Рекондо и певицы Клер Лефийятр (средневековая поэзия и музыка), цикл лекций Гаэля Жосса, Жилиа Бастиянелли и Эрика Рейнгарда об искусстве и живописи в литературе, выступления Жан-Поля Дельфино о футболе в кино и литературе¹.

Со своей стороны Россия отметила начало перекрестного года участием в Парижском книжном салоне. 15 марта посол Франции в России госпожа Сильви Берманн присутствовала на открытии российского стенда Послом России во Франции Алексеем Мешковым и заместителем руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимиром Григорьевым.

На стенде России, почетного гостя книжного салона, побывали около 40 тыс. посетителей. Тридцать восемь российских писателей приняли участие в мероприятиях книжного салона, было продано более 10 тыс. книг².

Программа перекрестного года не ограничивается столицами, в ней участвуют все тринадцать представительств «Альянс Франсез» в России. Стоит отметить один из них — самарский «Альянс Франсез», вступивший в 2018 год с новым директором Пьером Мансини. Как известно, самарский «Альянс Франсез» — первый

в России, он был открыт летом 2001 года лично президентом Франции Жаком Шираком. Сегодня в нашей стране существуют тринадцать «Альянсов», но нельзя не отметить, что Самарская область — единственная, где работают сразу два представительства (в Самаре и Тольятти).

В этом году самарский «Альянс Франсез» продолжит знакомить всех желающих с французским языком и культурой, при этом языковая составляющая будет оставаться основной.

Традиционно в начале весны прошел Фестиваль франкофонии, в рамках которого состоялись конкурс французской песни, конкурс чтецов, фестиваль франкофонных театров, лингвистический конкурс и многое другое. Но межкультурный диалог наших стран находится под постоянной угрозой при видимом соблюдении приличий. Что же служит тому причиной?

Полагаем, что из упомянутых в начале принципов успешности диалога культур (взаимный интерес, взаимоуважение и равноправие) наиболее проблемным является первый. При всем уважении к истории и культуре России, ее традициям Франция дает четко понять: отношения с западными союзниками для нее однозначно важнее, чем возможность культурного обмена с нашей страной. Взаимный интерес ограничивается общением групп энтузиастов с обеих сторон, отчасти профессиональными контактами.

Хотя наши народы имеют достаточно много точек соприкосновения (христианство, приверженность европейской культуре и пр.), мы остаемся очень разными. Русские многое воспринимают сердцем, французы — разумом, и это всех устраивает. Мировоззренчески европеец ориентирован скорее на пользу, русский — на самовыражение. Изменить это теоретически можно, сделав межкультурные контакты массовыми и повседневными, с интенсивностью обыденного общения, что является, на наш взгляд, утопией — просто потому, что для этого нет ни технических условий, ни необходимости. Поэтому диалог культур между нашими странами — скорее диалог профессионалов и энтузиастов, но никак не диалог культур в подлинном, *народном* смысле слова. Подводя итог, обратимся к основополагающему документу международного права, регулирующему культурный обмен, — Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах.

Положения данного Пакта, сыгравшего положительную роль в международном культурном праве, были творчески переосмыслены и развиты авторами другого документа — «Декларации прав культуры», подготовленной под руководством академика Д. С. Лихачева. Статья 5 Декларации гласит, что «участие в культурной жизни есть неотъемлемое право каждого гражданина, поскольку человек является творцом культуры и ее главным творением. Свободный доступ к культурным объектам и ценностям, которые по своему статусу являются достоянием всего человечества, должен быть гарантирован законами, устраняющими политические, экономические и таможенные барьеры»³. В ст. 6 говорится, что «культу-

¹ Франко-российский год языка и литературы. URL: <https://ru.ambafrance.org/Franco-rossijskij-god-yazyka-i-literatury> (дата обращения: 20.03.2018).

² Посещение послом Франции Парижского книжного салона. URL: <https://ru.ambafrance.org/Poseschenie-Poslom-Francii-Parizhskogo-knizhnogo-salona-15-marta-2018-g> (дата обращения: 20.03.2018).

³ Декларация прав культуры. URL: <http://www.lhachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123> (дата обращения: 20.03.2018).

ра каждого народа имеет право на участие в гуманитарном развитии всего человечества. Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн¹. Таким образом, хотя и в форме декларации, указывается на необходимость принятия государствами законов, обеспечивающих *подлинный* диалог культур, и признается его решающая роль в деле оздоровле-

ния международных отношений. К сожалению, этот документ признан и принят международным сообществом лишь частично.

Поэтому пока народы стран мира и правительства национальных государств не осознают важности роли культуры в системе международных отношений, межкультурный диалог по-прежнему будет «заложником» политических, экономических и военных амбиций и не сможет противостоять стихийному, слепому и жестокому насилию.

Ю. О. Азарова²

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И «ПОЛИТИКА РАЗЛИЧИЯ»: PRO ET CONTRA

Мультикультурализм — это новая концепция развития мира в условиях глобализации. Мультикультурализм позиционирует себя как мировоззренческая парадигма, ориентированная на социальный консенсус. Это теория и практика неконфликтного существования культур в рамках общего жизненного пространства.

Мультикультурализм — это способ взаимодействия государств, этносов и наций на международной арене. Он связан с такими идеалами, как «свобода», «демократия», «право каждого человека на самоопределение». Мультикультурализм призван сохранить культурное многообразие планеты.

Мультикультурализм — сложный и неоднозначный феномен. С одной стороны, он предотвращает столкновение цивилизаций путем создания единых правовых норм. С другой — порождает квазинационализм, разрушающий основы нации, нивелирующий вековые устои, обычаи, традиции.

Мультикультурализм имеет свои достоинства и недостатки. Решая одни проблемы, он порой создает другие. В начале XXI века стали очевидны положительные и отрицательные черты мультикультурализма. Соответственно, вопрос о его перспективах, об аргументах «за» или «против» данной программы сегодня чрезвычайно актуален.

К наиболее значимым достоинствам мультикультурализма относятся следующие.

Во-первых, он сохраняет многообразную этническую, языковую, религиозную картину мира. Включая большие и малые страны в общую систему коммуникации, он обеспечивает равное или пропорциональное участие всех народов в историческом процессе.

Во-вторых, мультикультурализм анонсирует справедливое отношение к каждому человеку, признание прав национальных меньшинств, успешную реализацию политики «открытых дверей». Культурные разли-

чия народов не игнорируются, а изучаются, учитываются и принимаются во внимание.

В-третьих, мультикультурализм создает для меньшинств равные условия развития, компенсирующие их интеграцию в широкое культурное пространство путем социальной и экономической поддержки. Предоставление им льгот на ипотеку, квот на образование, грантов на научные исследования гарантирует стабильность общества.

Например, финансирование национальных школ, журналов, прессы, театров, творческих коллективов, музыкальных конкурсов и фольклорных фестивалей существенно снижает уязвимость меньшинств по отношению к большинству или обеспечивает паритет между группами.

В-четвертых, мультикультурализм (либо осознанная стратегия культурного плюрализма) имеет преимущество по сравнению с такими вариантами политики в отношении мигрантов или меньшинств, как ассимиляция, сегрегация, исключение. Мультикультурализм противостоит ксенофобии, расизму, апартеиду.

В-пятых, мультикультурализм минимизирует маргинализацию иммигрантских сообществ. Сглаживая социальные и религиозные конфликты, он служит альтернативой гражданским, информационным, культурным войнам, сдерживает этнический сепаратизм.

Недостатки или издержки мультикультурализма обусловлены следующими факторами:

Во-первых, он подрывает культурную унификацию как основу нации. Формирование смешанных или космополитических идентичностей ведет к расколу нации, ослабляет этнические связи, усиливает релятивизм, нивелирует историческую специфику регионов.

Во-вторых, мультикультурализм угрожает политическому единству страны. Подмена гражданского общества совокупностью автономных или конкурирующих друг с другом этнических групп иногда приводит к дезинтеграции сообщества, возникновению внутри него опасных анклавов.

В-третьих, мультикультурализм сопровождается таким побочным явлением, как «категоризация» меньшинств. Постоянная финансовая, государственная, административная поддержка меньшинств в известной мере ущемляет интересы большинства, которое долж-

¹ Декларация прав культуры.

² Доцент кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина), кандидат философских наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Культуротворческие интенции деконструкции Деррида», «Культура постмодерна», «Сучасна світова культура», «Філософія мистецтва XIX–XX ст.: теорії, проблеми, концепції», «Гегель и Деррида: философия, язык, рефлексия». Член Харьковского философского общества.

но проявлять толерантность независимо от того, проявляют ли ее меньшинства.

В-четвертых, мультикультурализм часто выступает как экспансия западных ценностей. Навязывание европейского или американского образа жизни приводит к утрате уважения к другой (африканской или азиатской) картине мира. Под видом глобализации осуществляется вестернизация культуры.

Кроме того, мультикультурализм создает ряд серьезных проблем.

Во-первых, неравномерное цивилизационное развитие стран Востока и Запада приводит к «столкновению культурных миров». Западная Европа и США уже вступили в «постнациональную стадию», тогда как многие страны Азии, Африки и Латинской Америки пока еще только переживают процесс «этнизации» или «образования нации».

Во-вторых, внешняя иммиграция способствует образованию анклавов внутри Европы, которые принадлежат к совершенно иным «культурным мирам». Например, алжирцы во Франции, вьетнамцы в России, сирийцы в Германии, марокканцы в Испании. Мигранты разрушают европейскую культурную среду и создают напряжение в геополитике.

В-третьих, для многих стран Западной Европы возникает проблема защиты от нашествия иммигрантов, культура и социальная практика которых противоречат законам и моральным нормам страны. В результате коренное население Европы ощущает себя «чужестранцами на своей земле».

Острота и насущность данных проблем порождают амбивалентное отношение к мультикультурализму как среди экспертов, так и среди населения. Главные претензии к этой доктрине можно резюмировать в трех положениях: 1) мультикультурное сообщество уязвимо в отдельных аспектах, трудно управляемо и непредсказуемо (Б. Колер); 2) сомнительна сама возможность создания интернациональной культуры с локальными вариантами в общем русле (Б. Хайден); 3) мультикультурализм может привести к уничтожению или гибридизации национальных культур (П. Кивисто).

В ходе дискуссии о мультикультурализме важно уточнить, имеется ли в виду факт культурного многообразия (связанный с этнической, языковой, религиозной разнородностью общества) или политика государства по отношению к нему.

Если имеется в виду первое, то здесь нет предмета для спора, ибо культурное многообразие очевидно. Если второе, тогда обсуждению подлежит, каким об-

разом культурное многообразие должно быть организовано. Программу такой организации можно назвать политикой различия.

Политика различия предполагает институционализацию культурных различий, когда их признание не ограничивается уровнем законодательной риторики, а проводится на уровне административной практики, то есть осуществляется не только де-юре, но и де-факто.

Различие между «риторикой» и «политикой» чрезвычайно важно, так как в основе политики различия лежат не абстрактные тезисы, а конкретное, практическое действие, которое предотвращает появление «этнического андеркласса», дискриминируемых групп.

Политика различия прекрасно работает, когда государство желает включить мигрантов в социум. Например, в малых странах Южной и Северной Европы государство оказывает финансовую поддержку мигрантам не потому, что ценит плюрализм культур, а потому, что это способствует интеграции мигрантов в сообщество.

Политика различия также хорошо работает, когда государство, акцентируя плюрализм культур, стремится снизить социальное напряжение (пример Западной Европы). Поощряя солидарность на основе культуры, а не на основе классов, власть снижает активность протестных рабочих движений и профсоюзов.

Прагматизм политики различия не противоречит принципам гражданской интеграции и плюрализма. Поэтому политика различия служит практической платформой в реализации мультикультурализма, обеспечивая ему положительный результат.

Таким образом, практика мультикультурализма имеет как плюсы (сохранение мира, ликвидацию сепаратизма, признание прав меньшинств, устранение шовинизма), так и минусы (разрушение нации, политическую дезинтеграцию, анклавов, категоризацию меньшинств).

Мультикультурализм весьма продуктивен в решении конфликтов и разногласий, поскольку позволяет каждому из нас взглянуть на свою страну, историю, традиции глазами другого человека и, получив более объемную картину мира, преодолеть веру в собственное превосходство.

Важную роль в этом процессе играет «политика различия» — комплекс реальных административно-практических мероприятий, работающих в условиях культурной гетерогенности. «Политика различия», где дух сотрудничества преобладает над духом соперничества, способствует позитивной динамике развития мультикультурализма.

О. Н. Астафьева¹

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА ЕЕ ЦЕЛОСТНОСТИ

Дискуссионность вопроса о сохранении культурных ландшафтов территорий, необходимых для поддержания исторической памяти и национального самосознания, актуализирует идею гармонизации представлений о городе как социально целесообразном организме и культурно-символическом пространстве. Игнорирование особенностей культурного наследия «при реконструкции городов, трансформации сельской местности, развитии промышленных районов может привести к деградации уникальной природной и историко-культурной среды и тем самым обесценить имеющиеся там ресурсы»². Это чревато распадом целостности города как сложной системы с единством пространства и времени, смыслов и ценностей, с особым типом культуры, в котором различные области «освещают друг друга перекрестным светом, будучи в реальном бытии культуры города разными проявлениями единых духовных устремлений»³.

Каждый город самоценен своей метафизикой, неразрывной связью с искусством как контекстом городского бытия, неповторимым хронотопом, запечатленным в культурном наследии. М. С. Каган, объясняя сложную взаимосвязь модальностей культуры — духовно-человеческой, процессуально-деятельностной — и предметно развернутого мира, видел их соединение «в культурном бытии города»⁴.

Культурная среда города любой эпохи вбирает в себя комплекс изменений (политических, экономических, культурологических, художественных и др.), усиливая внутреннюю многоплановость и противоречивость и создавая предпосылки появления новых типов философствования, художественного творчества, способов выражения в искусстве. Так, по мнению М. С. Кагана, Петербург XIX века выступил благоприятной почвой для появления новых социально-философских воззрений, экспонированных в полифоническом по своей

природе творчестве Достоевского, «подобно тому как в предыдущей фазе своей истории этот город породил творчество Пушкина и Гоголя»⁵. Позже диалогизм стал одним из стиливых признаков творчества художников, композиторов, хореографов⁶, упрочился как принцип организации городской культурной среды.

Современные городские локусы культуры, образующиеся совокупностью географически-природного, социально-статусного и деятельностного факторов, предполагают обеспечение *взаимоуязвимости сохранения историко-культурных ландшафтов городов с новыми архитектурными решениями пространственного развития территорий*. Это одна из сложнейших задач культурной политики, актуализирующая обращение исследователей к изучению городских ландшафтов.

Широкие возможности культурного наследия в укреплении культурологического ядра образовательного процесса, определяющего пути духовного становления новых поколений граждан страны и воспроизводства интеллигенции⁷, выступают ресурсным потенциалом социально-экономического развития России⁸.

В число приоритетных направлений культурной политики в стратегиях территориального развития должны быть включены:

— сохранение целостной структуры культурной среды территорий, где расположены объекты культурного наследия;

— развитие исторических поселений и воспроизводство их среды через поддержку нематериального культурного наследия;

— формирование современных туристских дестинаций за счет материального и нематериального потенциала культурного наследия⁹.

Пространственная архитектура современных городов меняется очень быстро, придавая им свое неповторимое фрактальное измерение. Об этом свидетельствует подвижность и децентрализация городских культурных зон, где при сохранении исторических мест (зон «сакрально-светской власти»), жилищных зон, деловых центров преобладают общественные места, открытые для масштабных массовых зрелищ. Не случайно потоки городского населения все чаще растекаются в разные стороны от традиционного центра в эти «третьи пространства».

Онтология восприятия социокультурного пространства современного города включает такие герменевтические характеристики, как *способность жителя быть участником общественных коммуникаций*, его рефлексии относительно *поиска смысла и стиля про-*

¹ Директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Культурная политика как теоретическое понятие и вид управленческой деятельности», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке» (в соавт.), «Революция и культура: сквозь призму времени» (в соавт.), “Instability of cultural identity in the modern world and its projections in creative industries”, «Социокультурные кластеры как модель управления региональным развитием» и др. Член Союза композиторов России, Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества. Лауреат премии Правительства РФ в области культуры. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

² Ведин Ю. А. География наследия: территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 11.

³ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры // Каган М. С. Избр. труды: в 7 т. СПб.: Петрополис, 2013. Т. 6. С. 287.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Каган М. С. Указ. соч. С. 447.

⁶ Там же. С. 449–459.

⁷ Каган М. С., Кайсаров Е. А. История культуры Петербурга: учеб. пособие. 4-е изд. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 315.

⁸ См.: Ведин Ю. А. Указ. соч. С. 11–13.

⁹ См. об этом: Материалы круглого стола на тему «О механизмах и мерах поддержки развития исторических поселений». М.: Совет Федерации Федерального собрания РФ, 2018. С. 108–168.

живания, включенность в открытый диалог с творцами городского текста.

Отметим, что в развитии культурной среды особенно важны *разновекторность* и *доступность*. С одной стороны, это актуализирует проблему публичного пространства городской среды, которое, оставаясь «по своей сути отчужденным, обезличенным и внешним, воспринимается горожанином как свое собственное, осознается и ощущается в качестве места и точки развертывания его индивидуального бытия»¹. С другой — все чаще приводит к осознанию временной структуры городской среды, ее соотносительности с историей человеческой жизни, поскольку «течение городской повседневности включается в становление и развертывание жизни личности»².

В настоящее время концепция «общественных мест» только складывается: к ним относят культурно-развлекательные центры, парковые зоны, площади и тротуары; все чаще они стихийно формируются вокруг торговых центров, которые претендуют сегодня на замещение культурных комплексов. Их низкая эстетическая ценность и нерешенность вопросов безопасности, доступности и разнообразия предлагаемых видов деятельности зачастую заставляют усомниться в адекватности таких притязаний³.

Качество культурной среды современного российского города — актуальная культурологическая проблема, предполагающая подход к городскому пространству как к «многомерной фрактальной “матрице”, в которой на разных уровнях городской пространственной структуры пересекаются и накладываются геометрическая, “географическая”, диахроническая и социокультурная модели фрактальности»⁴.

Идея многомерности позволяет представить современный город как открытое целое, но порой затрудняет восприятие его образа как завершенного, поскольку для сохранения идентичности и уникальности города «разветвленность» его мифологии противоречит подлинной культурной истории города. С одной стороны, текст города в целом «актуализируется всегда индивидуализированным эстетическим восприятием, осуществляющим избирательную направленность интерпретаций в поле потенциальной полноты диахронии культурных и исторических смыслов»⁵. С другой — возобновленные традиции могут послужить основой для культурного диалога, ценностными ориентирами в выборе образа и стиля жизни, достижения качества культурной среды города, укрепления коллективной идентичности его населения.

Н. Г. Багдасарьян⁶

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИИ

Следует признать: в стремительном, транзитивном, «ускользающем» (Э. Гидденс) мире, мире «дисперс-

¹ Политов А. В. Хронотоп отечественной городской культуры второй половины XX века // Обсерватория культуры. 2017. № 2. С. 142.

² Там же.

³ См.: Андерхилл П. Место действия — торговый центр : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 22; Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов : пер. с англ. М. : Новое изд-во, 2011; и др.

⁴ Николаева Е. В. Фракталы городской культуры. М. : Страта, 2014. С. 23.

⁵ Устюгова Е. Н. Стиль Петербурга как гарант его идентичности // Санкт-Петербург как эстетический феномен : сб. ст. СПб. : СПбФО, 2009. С. 106.

⁶ Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 230 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий: «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения», «Энергия прорыва», «Завод Императорского училища»; статей: «Инженерное образование: между миссией и стандартом», «Политика памяти: прошлое как продукт интерпретации», «НБИК-технологии как вызов образованию» (в соавт.), «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий?» (в соавт.), «Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера» (в соавт.) и др.; учебников: «Культурология», «Социология» (гл. ред.), «История, философия и методология науки и техники» (гл. ред.). Член редколлегии ряда журналов, главный редактор журнала «Вестник университета “Дубна”» (серия «Науки о человеке и обществе»). Член Экспертного совета по международным делам при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

ной или сетеобразной модернити» (З. Бауман) теория катастрофически отстает от практики, открывающей, развивающей и оформляющей в паттерны еще не названные явления. В этом смысле социальная наука дает большой простор для выявления новых смысловых траекторий, в т. ч. по отношению к процессам глобализации, которая «подчеркивает резкое снижение, если не полную утрату, контроля индивидов над процессами и событиями, влияющими на их судьбы. События в мире носят квазистихийный, непредвиденный, спонтанный и случайный характер»⁷. В настоящее время нет эффективного инструментария ни для измерения текущей ситуации, ни для оценки ее перспектив.

В качестве примера приведем последние выборы президента России (2018), в ходе которых отечественные и зарубежные оппоненты и прямые противники действующего президента организовали ряд санкционных акций и разоблачений с целью негативного влияния на ход голосования. Между тем 76,69 % (56,43 млн человек) отданных за него голосов продемонстрировали неслыханную для посткоммунистического периода жизни страны солидарность.

Подчеркнем: несмотря на универсализующие тенденции в сфере науки и техники, экономики и массовой культуры, нивелирующие повседневную жизнь народов, глубинные, архетипические культурные коды продолжают конструировать специфические культурные практики. Вот почему слабо предсказуемы послед-

⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. С. 152.

ствия тех или иных способов воздействия на массовое сознание народов, особенно если в качестве объекта выступают граждане несостоятельной страны. Раз за разом обнаруживается несостоятельность политтехнологических конструкций, разрабатываемых по стандартным алгоритмам, но неспособных подняться до методологических вершин культурологического дискурса. Следом за П. Бурдые отметим необходимость уделять самое серьезное внимание методу: «Что на самом деле имеет значение, так это строгость конструирования объекта»¹. Посредством утилитаристских подходов невозможно объяснить феномен доверия избирателей власти в кампании 2018 года. За таким доверием стоит нечто большее. В символическом универсуме индивидуальная история, конечным пунктом которой является смерть, обретает смысл в единой коллективной судьбе.

Не политические решения, порой приводящие к военным действиям, не смещение центров финансового противостояния, не экономические и дипломатические санкции, а именно культура выступает конституирующим фактором социальных изменений. Впрочем, сторонники институциональной школы Д. Аджемоглу и Д. Робинсон, выступая против «культурных детерминистов», на исторических примерах показывают, что вовсе не культура, а институты являются фундаментальной причиной и бедности, и богатства².

Соглашаясь с этими авторами, зададимся вопросами, почему же столь разнятся социальные институты, что влияло и продолжает влиять на их становление и трансформацию. Ответ на этот вопрос, данный М. Вебером в «Протестантской этике...», на наш взгляд, вовсе не утратил актуальности. Добавим, что именно в культурных практиках происходит стихийное конструирование символического универсума (П. Бурдые), ценностное ядро которого аккумулирует историческое прошлое в коллективной памяти, служит точкой отсчета для конструирования будущего. Отсюда и специфика легитимации членами сообществ определенного типа политического, экономического и социального устройства, как это сегодня проявляется, в частности, в парадоксальном оправдании частью электората политики сталинизма, принятии коррупционной практики как российской неизбежности и практики собственной повседневной жизни, в гипертрофированных формах неприятия «европейских ценностей».

Надо признать, что и сами западные интеллектуалы не удовлетворены изменениями в системе европейских ценностей. Так, чешский блогер Д. Ниел с нескрываемым сарказмом пишет о «т. н. европейских ценностях», перекаривающих «устаревшие ценности наших предков: построй дом, роди сына и посади дерево»³.

Между тем обращение к истории нации, социальной памяти, семейной биографии, споры вокруг

концепции отечественной истории, преподаваемой в школе, — симптомы ослабления легитимации существующего порядка. В целях ее укрепления многочисленные книги, художественные и документальные фильмы обращают людей к тем временам, когда «кровь народа смешалась с почвой Отечества». В политической риторике педалируется такое понятие, как «русский мир» (по мнению В. А. Тишкова⁴, подобными «мирами» обладают наряду с Россией лишь Испания, Португалия, Франция, Китай и Великобритания с Ирландией⁵).

И дело не только в численности людей, выехавших за пределы Отечества. Так, понятия «индийский мир» не существует, несмотря на огромную внешнюю эмиграцию. Причина этого в том, что владение иммигрантами из Индии английским — одним из двух государственных языков в этой многоязычной стране — позволяет им «раствориться» в любой культуре.

О консолидации наших соотечественников можно судить по их активности во время голосования на выборах президента в марте 2018 года. Предполагаем, что голосование это протестное, его причина — в желании поддержать Отечество в ситуации давления на него со стороны бывших союзников, обусловленном чувством принадлежности к символическому универсуму за пределами государственных границ. Возможно, подобные моменты актуализируют психологическую потребность в защите родового универсума от внешних угроз. В этом смысле не имеет значения конкретное имя кандидата в президенты, хотя процентный расклад в голосовании за рубежом в некоторых случаях сильно отличается от среднего итогового. Так, в Амстердаме из 1093 проголосовавших за Путина отдали свои голоса 49,12 %, за Собчак — 27 %, за Грудинина — 8,2 %; в Копенгагене из 931 человека за Путина — 62,3 %, за Собчак — 14,72 %, за Грудинина — 10,96 %; в Лондоне из 3721 человек за Путина — 51,79 %, за Собчак — 23,42 %, за Грудинина — 8,88 %; в Тель-Авиве из 2069 проголосовавших за Путина — 68,76 %, за Собчак — 16,34 %, за Грудинина — 5,46 %; в Гонконге из 411 человек за Путина — 54,74 %, за Собчак — 19,46 %, за Грудинина — 10,95 %⁶.

Учитывая, что конструкция символического универсума не является неизменной, исследовательской культурологической задачей становятся выявление и объяснение факторов, влияющих на его динамику. К их числу относятся и фактор принципиального изменения научно-технического ландшафта культуры, и взаимодействие с носителями других культур, и напряженность политического окружения. Именно тогда междисциплинарная методология культурологического подхода способна реализовать свой потенциал.

¹ Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии. URL: bourdieu.nape/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii

² Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

³ Niel D. Evropské hodnoty. URL: <http://czechfreepress.cz/blogy/evropske-hodnoty.html> (цит. по: <https://inosmi.ru/social/20160625/236978059.html>).

⁴ Тишков В. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v_stranah_sng_i_baltii.html

⁵ Niel D. Op. cit.

⁶ <http://www.the-village.ru/village/business/figures/305931-zagranitsa-golosuet>

В. Н. Балмаев¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ²

Изменения, происходящие в современном мире, выводят его проблемы, противоречия и парадоксы на иной уровень, открывая новые горизонты знаний и новые ориентиры его будущего развития, в том числе культурного.

Взаимодействие культур в современном мире характеризуется все возрастающим динамизмом. Актуальной становится проблема диалога культур, который как тип их взаимодействия представляет собой общение на равных на основе взаимопонимания. Именно данный тип взаимодействия культур позволяет снять многовековой дихотомизм Запада и Востока.

В связи с этим представляется, что современная культурология призвана предложить философско-культурологическое обоснование диалога «Восток–Запад» как новой гуманитарной научной картины мира, необходимой для гармоничного существования всех мировых культур, цивилизаций и человечества в целом.

Объективная историческая картина мира в XXI веке является мозаичной, сложносоставной и уже не может быть только «европоцентристской». По этой причине в наши дни в научных кругах Запада и России растет интерес к разработке философского, культурного наследия Запада и Востока мыслителями незападного направления, к исследованиям незападных культур и цивилизаций.

В условиях кризиса глобальной экономики и модели однополярного мира вновь возрождаются идеи равноправного диалога. Темпы и специфика интеграции должны быть приведены в соответствие с особенностями каждой участвующей в ней страны. Особого внимания заслуживают взаимоотношения «Запад–Восток», «Запад — не-Запад», которые имеют долгую историю эволюции и приобретают сегодня новые характеристики. Они могут быть осмыслены с учетом интеллектуально-духовных реалий современной жизни, а именно в дискурсе незападной современности. В незападных странах процесс адаптации к постоянно меняющимся условиям характеризуется своими особенностями.

В этом смысле проблема философского осмысления культурной самобытности восточных культур и обществ как целостности в контексте теории «незападной современности» представляет чрезвычайную методологическую важность. При характеристике «незападной» современности оперируют такими терминами, как «плюральные современности» («многообразные модерности»), «альтернативный модерн (со-

временность)», «локальная современность» и др. Как известно, понятие «незападная современность» основывается на той идее, что национальная социокультурная традиция обуславливает вариативность процессов «современивания» в мире, что конституирует неприменимость к ней «западноевропейской матрицы». Для теоретизации незападной современности необходимо изменить угол зрения: вновь рассмотреть современность в зеркале незападных обществ, а незападные общества — в зеркале современности. Понятие «незападная современность» нацелена на понимание отношений «незападные общества — современность»³.

Восток для России — важная составляющая самой российской цивилизации. Восточные корни и их влияние прослеживаются во многих аспектах культуры не только у тех народов России, которые традиционно относятся к восточным, но и у других, в том числе русского. И поэтому российское востоковедение — это самопознание евразийской России, осмысление исторического прошлого, настоящего и будущего ее народов.

Здесь важен особый исследовательский ракурс — сквозь призму взаимоотношений России и восточного мира необходимо обратиться к мироощущению, самоидентификации России. Можно отметить, что российское общество находило и находит в востоковедном знании важный компонент своего социального и культурного бытования, уравновешивающий вектор европейского развития страны.

В данном контексте для современного культурологического знания эвристическое значение имеет межкультурная философия диалога, причем диалог как средства не только достижения взаимопонимания и взаимоуважения между народами и культурами, но и нахождения новых эффективных способов совместного решения мировых проблем, стоящих перед всем современным человечеством.

Появление в 1980–1990-е годы межкультурной философии как нового направления в гуманитарном знании во многом было связано с развитием философского востоковедения и эволюции философской компаративистики, когда европоцентристская позиция, согласно которой «мерилом» философии являлась исключительно западная мысль, была подвергнута критике и пересмотру. Новое направление предполагало трансформацию философии, исходя из принципа «когнитивной скромности», то есть признания того, что западный тип философствования не может быть единственным⁴. При этом активному и успешному участию в развитии межкультурной философии способствуют, помимо индивидуальных склонностей и убеждений самого философа, и объективно имеющиеся к этому предпосылки в наследии той или иной культуры⁵.

³ Рзаева Р. О. Дихотомия «Запад — не-Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 86–95.

⁴ Степанянц М. Т. От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 150–162.

⁵ Степанянц М. Т. Предпосылки к развитию межкультурной философии (опыт Индии) // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 20–29.

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Eurasianism as a 'philosophy of nation'», «Мультикультурализм и толерантность: вызовы современного мира», «Евразийская идея и вызовы глобализирующегося мира», «Глобальный мир и культурное многообразие: контуры будущего», «Буддийская этика и "дух капитализма" (о роли буддизма в социально-экономическом развитии и модернизации Японии)» (в соавт.). Член Российской философской общности.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-23-03002.

В связи с этим интересной представляется идея о «коллективном когнитивном бессознательном» (А. В. Смирнов), которое воплощается в логике культуры, «определяя систему ценностей и картину мира, разворачиваясь далее в нормативных системах (этика и право), в теориях политического устройства и т. д.». При этом «коллективное когнитивное бессознательное, сжимаясь, как пружина под натиском... противоречащих ему идей, рано или поздно отыграет назад»¹. Полагаем, что данная идея о коллективном когнитивном бессознательном может послужить методологической основой исследования межкультурного диалога.

Одним из результатов активно ведущегося в наше время диалога культур можно считать возрастающее понимание необходимости расширения горизонтов философии и науки. Здесь следует отметить состоявшуюся встречу российских ученых с Его Святейшеством далай-ламой XIV в рамках программы «Фундаментальное знание: диалог российских и буддийских ученых» (Дели, 7–8 августа 2017 г.) и круглый стол «Буддизм и наука» по его итогам в Институте философии

РАН (31 октября 2017 г.). В центре их внимания находились такие вопросы, как диалог о природе сознания, преодоление разрыва между наукой и восточной философией, возможность философии стать мостом между буддизмом и наукой.

По мнению одного из участников встречи — члена-корреспондента РАН К. В. Анохина, «Россия может стать важным мостом между восточной философской традицией и западной наукой, так как занимает особое место и с культурной, и с географической точки зрения. <...> Именно такой микс может сыграть очень важную роль в продвижении на пути соединения двух традиций — научной и созерцательной»².

Человечество находится в такой ситуации, когда различные культуры, цивилизации должны научиться жить рядом в мире, учась друг у друга, взаимно обогащая жизнь. Диалог между культурами и цивилизациями подразумевает «обмен пониманием», а не «обмен непониманием», который ведет к конфликту. И международный порядок, основанный на диалоге, является самой надежной мерой предупреждения столкновения цивилизаций.

М. Г. Борозна³

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В конце марта 2018 года в Париже в Центре Помпиду открылась выставка «Шагал, Лисицкий, Малевич... Русский авангард в Витебске 1918–1922», экспонировавшая работы из общественных и частных собраний России, а также из Амстердама, Парижа, Лодзи, Мадрида, Минска, Витебска и др. Таким образом, Витебский творческий эксперимент получил широкое признание и высокую международную оценку.

Город на Двине, ныне областной центр Республики Беларусь, Витебск четыре года (1918–1922) был одной из столиц русского авангарда. Рядом с ним находится древний Полоцк, где в 2017 году рядом с Софийским

собором был установлен монументальный памятный знак «Полоцк — колыбель белорусской государственности». С Витебщиной связано развитие многих традиций народного белорусского искусства.

Несомненно, выставка, о которой идет речь, — выразительный информационный повод международного масштаба. Но хотелось бы подчеркнуть, что в контексте становления и развития Республики Беларусь модель художественной культуры Витебска начала XX века, будучи уникальной, в то же время характерна для нашего культурного пространства и продолжает поддерживаться нынешней культурной политикой страны. В Беларуси всегда работали мастера искусств разных национальностей, приверженцы различных эстетических взглядов и концепций.

О международном признании достижений культурной политики государства свидетельствуют крупные международные культурные мероприятия: Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», Минский международный кинофестиваль «Листопад», Международный театральный фестиваль «Белая вежа» в Бресте, Минский международный фестиваль циркового искусства, Международный фестиваль Юрия Башмета в Минске, Международный фестиваль современной хореографии в Витебске, Международный фестиваль духовной музыки «Магутны Божа» в Могилеве.

Заметной стала инициатива по развитию искусства со стороны негосударственного сектора. Ежегодный художественный «Осенний салон» привлекает к участию многих молодых художников. Широко демонстрируют-

¹ Смирнов А. В. Коллективное когнитивное бессознательное и его функции в логике, языке и культуре // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 873.

² <https://special.theoryandpractice.ru/dalai-lama>

³ Ректор Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения, доцент. Автор более 200 научных и критических публикаций, в т. ч. книг: «Белорусская книжная графика 1960–1990-х годов», «Белорусская живопись 1920–1970-х годов», «Мастацтва кнігі Беларусі XX стагоддзя», «Гісторыя выяўленчага мастацтва Беларусі XX стагоддзя», «Кніжная графіка Беларусі XX стагоддзя», «Выяўленчае мастацтва Беларусі XX стагоддзя»; статей «Пластыка і авангард», «Плакат», «...Чтобы увеличить славу и блеск...», «Современное белорусское искусство», «Творческая интеллигенция Беларуси» и др. Член Национальной комиссии РБ по делам ЮНЕСКО, Геральдического совета при Президенте РБ, председатель художественного совета Министерства информации РБ, экспертной комиссии фонда Президента РБ по поддержке культуры и искусства, председатель Республиканского художественно-экспертного совета по монументальному и монументально-декоративному искусству, заместитель председателя подкомитета по Государственным премиям РБ в области литературы, искусства и архитектуры. Почетный член Российской академии художеств. Лауреат Специальной премии Президента РБ в области критики и искусствоведения.

ся корпоративные коллекции изобразительного искусства. В центре белорусской столицы Белгазпромбанк открыл для массового зрителя свою коллекцию Парижской школы, в которой представлены приобретенные произведения всемирно известных выходцев из Беларуси — Л. Бакста, Х. Сутина, М. Шагала, О. Цадкина.

Масштабное представление отечественной художественной культуры на международных мероприятиях содействует формированию положительного имиджа нашего государства, восприятию его как динамично развивающегося, с высоким уровнем культуры. Приведу выразительные факты: Национальная библиотека Беларуси в рамках проекта «Беларусь сегодня» ежегодно передает пяти крупнейшим библиотекам мира лучшие отечественные издания о нашей стране; Белорусский государственный заслуженный хореографический ансамбль «Харошкі» успешно выступает в Германии, Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. Государственный ансамбль танца Беларуси показывает свои программы в Латвии, Литве, Эстонии. Заслуживают внимания такие события последних лет, как выставки Национального художественного музея Республики Беларусь, «Иконопись Беларуси XVII–XXI веков» в Музее Ватикана и «Белорусские иконы. Таинство времени и духа» в музее Эль Греко (Толедо, Испания). В 2015 году в художественной галерее Salwa Zeidan Gallery в Абу-Даби с большим успехом прошла выставка картин известного художника, заслуженного деятеля искусств Республики Беларусь, профессора В. Зинкевича. В 2017 году в рамках празднования 500-летия белорусского книгопечатания ведущим библиотекам мира был передан комплект факсимильных изданий «Книжная спадчына Францыска Скарыны» («Книжное наследие Франциска Скорины»). С 2009 года традиционным стало участие страны в Венецианской биеннале искусств. Гастроли Национального академического большого театра оперы и балета Республики Беларусь, отмечающего в этом году свое 85-летие, с успехом проходят на площадках мира.

Инфраструктура для организации творческой деятельности после 1991 года была не только сохранена, но и приумножена. Продолжается активная политика усовершенствования материально-технической базы учреждений культуры — реконструкция и модернизация. Современная художественная культура Республики Беларусь представляется в мире в разнообразных формах, с использованием современных технологий. Завершена модернизация знаменитой на постсоветском пространстве Национальной киностудии «Беларусьфильм», ставшей одной из ведущих восточноевропейских студий с законченным циклом производства и выпускающей высококлассные фильмы.

Не стоит забывать, что успехи современной художественной культуры страны достигнуты в небы-

вало короткий срок — после обретения в 1991 году Республикой Беларусь государственного суверенитета. На начальном этапе возникло немало сложностей финансово-экономического характера. Отсутствовали надлежащие управленческие подходы к сохранению и продвижению культуры. Новые тенденции зачастую пробивали себе дорогу в противодействии с наследием советской эпохи с ее жесткой регламентацией культурной жизни. Росло количество выставок, концертных выступлений, публикаций литературных произведений представителей андеграундной и нонконформистской художественной культуры 1970–1980-х годов, которым предоставлялись концертные и выставочные площадки, ранее совершенно недоступные. Интерес общества к религиозной жизни легализовал художников, работающих в области сакрального искусства (В. Янушкевича, Ф. Янушкевича, В. Довнара, В. Кондрусевича и др.).

Заметный след в художественной культуре страны оставил Чернобыль — трагедия 26 апреля 1986 года, произошедшая недалеко от границы Беларуси и получившая отражение в белорусском изобразительном искусстве и литературе. Через год после аварии группа художников (В. Шкарубо, В. Барабанцев, В. Кожух, В. Баранов) организовала пленэр в Чернобыльской зоне. Живописец и искусствовед В. Шматов посвятил большой цикл произведений покинутым местам Полесья. В западных странах был показан международный фотопроjekt «Эхо молчания». Пронзительные фоторепортажи А. Клешука экспонировались на многочисленных выставках в Европе и Америке. Актуальным становится искусство, вдохновляющее на веру, надежду, уверенность в завтрашнем дне. Индикатором изменений в общественном сознании стал массовый интерес зрителей к выставке А. Исачева.

Сегодня важным условием присутствия на мировой художественной сцене является высокий уровень образования в сфере искусства. Сохранена и эффективно работает многоуровневая система непрерывной подготовки творческих кадров в Белорусской государственной академии искусств, Белорусской государственной академии музыки, Белорусском государственном университете культуры и искусств.

Витебск и сегодня привлекателен своей аурой, созданной творчеством М. Шагала, Ю. Пэна, Л. Лисицкого, К. Малевича. В начале февраля 2018 года на улице Марка Шагала в областном центре был открыт Музей истории Витебского народного художественного училища. В музее воссоздана атмосфера, в которой работало уникальное сообщество художников, дизайнеров и теоретиков искусства 1920-х годов, прославившее Витебск на весь мир.

О. В. Бузыкина¹

«КУЛЬТУРНАЯ ДИФФУЗИЯ» КАК МОДЕЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (На материале этнокультурной динамики мордовской диаспоры)

Каждая культура порождает свое «археологическое пространство», которое наделяется сакральными, религиозно-мифологическими характеристиками. Оказываясь в отрыве от своего исходного «хронотопа», «живая» культура вторично воссоздает (реконструирует) свое культурное своеобразие, включая в него этнографический материал «новой родины», систему ценностей «большой культуры», природный универсум. Этнографическая и культурологическая наука выработала систему категорий, с помощью которых анализируется взаимодействие культур как обмен жизненным опытом народов. К таким категориям относятся: диффузия, ассимиляция, аккультурация, аккомодация, интеграция, культурная экспансия, культурный изоляционизм, открытость культур, «культурный лаг» и др. Ключевым условием конструктивного взаимодействия культур является открытость культур — именно при диалоге происходит процесс диффузии. Под диалогом понимается взаимодействие культурных систем (явлений), в результате которого каждая культура осознает и обретает свою индивидуальную самобытность².

Менее разработан в культурологической литературе феномен «культурной диффузии», который имел широкое распространение в национально-культурном мире русской цивилизации. Диффузия — это процесс, в ходе которого культурные характеристики распространяются от одной социальной системы к другой. Само понятие «диффузия» было заимствовано из физики, где оно означает «растекание», «проникновение». Исходя из этого, ученые разработали и обосновали понятие «культурной диффузии» (стихийное распространение) — это взаимное проникновение культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении. Тем самым можно подчеркнуть, что диффузионизм — это направление в этнографии, культурологии, социологии, полагающее основой общественного развития процессы заимствования и распространения культуры из одних центров в другие. Диффузионизм, как научное направление, предполагает признание главным содержанием исторического процесса диффузию, контакт, заимствование, перенос и взаимодействие культур. В России и СССР идеи диф-

фузионизма развивались в трудах В. Г. Богораза-Тана и П. Ф. Преображенского.

Рассмотрим специфику «культурной диффузии» как модели межкультурного диалога в полиэтническом пространстве на материале этнокультурной динамики мордовской диаспоры, персистентность культурных традиций которой остается перманентно актуальной проблемой этнографических и культурологических исследований. В частности, этнографы детально изучили ассимиляцию, интеграцию и консолидацию мордовской диаспоры³, однако специфические черты, формы и виды культурной диффузии практически не исследованы.

Мордва относится к народам финно-угорской группы, представители которой населяли большую часть Восточной Европы. Формирование мордовской культуры проходило в несколько этапов, на каждом из которых сказывались активные взаимосвязи с соседними культурами, а с XVI столетия — и с русской культурой. Мордовский край в первой четверти XVIII века был полиэтническим⁴. Все проживающие на его территории национальности были открыты к диалогу культур.

Процесс культурной диффузии среди мордвы возник в первой половине XIX века, но его результаты проявились во второй половине XIX века, после длительного взаимодействия мордвы с русскими, когда создавались сложные механизмы освоения и отторжения достижений через уничтожение традиций и образование новых культурных форм. Так, например, в XVIII веке большинство селений оставались одноплеменными, хотя случаи совместного проживания мордвы, русских и татар уже встречались. Например, 23 русско-татарские деревни находились на территории Темниковского уезда⁵. Для одобрения и принятия нововведения потребовалось временное пространство и длительный процесс взаимодействия культур в контексте переселения русских и миграции мордвы. Во второй половине XIX века у мордвы появились новые элементы культуры, которые проникли извне, носили горизонтальный, а не вертикальный характер и в дальнейшем ассимилировались. Культурная диффузия завершилась в 1920-е годы, когда «советская власть стала осуществлять политику, направленную на формирование мордовской нации»⁶ путем укрепления национальной культуры мордвы.

³ Так, профессор Л. И. Никонова в своих работах раскрыла четыре типа межэтнических культурных контактов: адаптацию, ассимиляцию, аккультурацию и интеграцию. См.: Никонова Л. И. Современные этнокультурные процессы // Народы Мордовии: ист.-этнограф. исслед. Саранск, 2012. С. 357–362.

⁴ История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века / под ред. Н. А. Арсентьева, В. А. Юрченкова. Саранск, 2001. С. 179.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Мокшин Н. Ф. Этноструктура и ее консолидация в нацию // Мордва. Очерки по истории этнографии и культуре мордовского народа / под ред. Н. П. Макаркина. Саранск, 2013. С. 91.

¹ Доцент кафедры гуманитарного образования Мордовского республиканского института образования (Саранск), кандидат исторических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Фотоиллюстрации — основа визуального отражения культуры народных традиций мордвы и русских», «К вопросу о численности мордвы и русских в социокультурном и образовательном пространстве диалога культур», «Окраинная Россия и поликультурная среда: переселенцы, адаптация и общественно-культурные организации», «Организация проектной деятельности студентов как необходимое формирование правовой компетенции студентов СППЭЖ», «Исследовательская деятельность студента как фактор его личностно-профессионального становления» и др. Директор Республиканского центра олимпийского движения.

² Аксенова Т. В., Кандрина И. А., Попова С. В. Русские обряды и праздники в диалоге культур народов региона // Региология. 2007. № 3. С. 326.

Несомненно, на формы и виды культурной диффузии оказала влияние дисперсность расселения мордвы. В местах компактного расселения мордвы культурная диффузия протекала медленными темпами и носила латентный характер. Некоторые группы мордвы, как отмечает профессор Л. И. Никонова, мигрировали в удаленные малозаселенные районы по разным причинам, где данный процесс замедлялся. Так, в правобережье Волги мордва проживала в основном в этнически однородных селениях. Культурная диффузия проявилась в быте мордвы, проживавшей в Саратовской области¹.

В процессе взаимодействия русских и мордвы наблюдалось распространение русских элементов культуры питания в особой системе питания мордовской диаспоры. Заметное влияние как на повседневную, так и на празднично-обрядовую пищу мордвы оказало православие. После принятия христианства в течение года мордва Саратовской области стала соблюдать посты, как многодневные, так и однодневные. Рацион питания пополнился новыми блюдами: постным супом, киселем, хлебом, кашей, вареными и сырыми овощами².

Культурная диффузия среди мордовской диаспоры выразилась в речи, письменности, нормах поведения, элементах сознания, национальной одежде, национальной пище и утвари. По сравнению с предметами материальной культуры язык, как этнический признак, наиболее устойчив в процессе взаимовлияния и взаимопроникновения культур. Для дореволюционной мордвы был характерен широкий мордовско-русский билингвизм³. Причем, как подчеркивает Н. Ф. Мокшин, грамотность среди мордвы была низкой и распространялась исключительно на русском языке, а интерес к родному языку только стал пробуждаться. Следовательно, в местах компактного проживания мордвы не только сохранила свой язык, но и смогла принять и освоить язык русских. Элементы культурной диффузии проявились в национальной одежде мордвы. Явным примером односторонней культурной диффузии стал мордовский мужской костюм, который сильно ру-

сифицировался. И только женская одежда сохранила яркую национальную специфику.

В результате христианизации, которая завершилась у мордвы в середине XVIII века, произошли многоаспектные культурные изменения, распространившиеся на сознание и поведенческие нормы, на обряды и ритуалы, на повседневную и празднично-обрядовую пищу мордвы, а также на ее социальное положение. Мордва стала участвовать в церковном богослужении, исповедоваться, осваивать систему церковного покаяния, то есть вошла в православное пространство органично и навсегда⁴. Одновременно православие, распространяясь, определило изменения в образе жизни мордовской диаспоры. Кроме того, принятие христианства означало социально-правовое уравнивание мордвы с русским населением, способствовало развитию между ними различного рода контактов, привлечению части мордвы на более престижную и сравнительно обеспеченную государственную службу.

Таким образом, процесс культурной диффузии характеризовался многоаспектностью и затрагивал все сферы жизни мордовской диаспоры. Мордовская диаспора как в силу своей территориальной распыленности, так и в силу исторических событий адаптирует традиционные формы национальной культуры и трансформирует ее систему ценностей за пределами своей исконной территории проживания. Одновременно мордва сохраняет своеобразие национальной культуры на исконной территории своего проживания, вступая во взаимодействие с представителями других национальностей. Интенсивность данного процесса зависела от временного и территориального пространства, миграционных процессов, системы ценностей народов, государственной политики. Активное взаимодействие русских и мордвы определило не только распространение элементов русской культуры в традиционном национальном образе жизни, но и органичное встраивание этнокультурных традиций мордовской диаспоры в культурный универсум Российской империи.

¹ Мордва Саратовской области / Л. И. Никонова [и др.]. Саратов, 2013. С. 15.

² Там же. С. 104.

³ Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 97.

⁴ История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. С. 307.

В. В. Василенко¹ОБЩЕНИЕ КАК ОПТИМАЛЬНАЯ ФОРМА
КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В 2018 году одна из секций XVIII Международных Лихачевских научных чтений посвящена памяти М. С. Кагана, что весьма символично. Сохранился фотодокумент, опубликованный в 2006 году в канун 100-летнего юбилея Д. С. Лихачева². На нем запечатлена встреча, проходившая 10 апреля 1996 года во дворце Белосельских-Белозерских, на которой обсуждалась «Декларация прав культуры». На первом плане — академик Д. С. Лихачев (1906–1999), выше, во втором ряду — профессор кафедры культурологии СПбГУП М. С. Каган (1921–2006). 1996 год был знаменательным. Широкой общественности представили «Декларацию прав культуры»³, подготовкой которой руководил Лихачев; был опубликован фундаментальный труд Кагана «Философия культуры»⁴.

В описываемый период (конец 1990-х гг.) статус отечественной культурологии как широкой области знания уже был определен. Ее проекция в виде обязательной учебной дисциплины была введена во всех высших учебных заведениях. В регионах открывались кафедры культурологии, активно разрабатывались теоретические проблемы культуры. Но научным центром, где формировались передовые идеи, оставался Санкт-Петербург. Не случайно именно в нем на базе СПбГУ был создан Российский гуманитарный институт как центр переподготовки кадров для вузов страны. Не будет преувеличением сказать, что в профессиональном сообществе тех лет наибольшим научным авторитетом обладали Д. С. Лихачев и М. С. Каган.

Были, конечно, и оппоненты. Некоторые из них считали, что сугубо культурологических трудов два этих ученых не создали, что теоретические проблемы культуры первый решал весьма поверхностно, а второй, наоборот, настолько детально анализировал культуру с точки зрения деятельностного подхода, что полностью его исчерпал⁵.

В последние годы жизни Каган предложил различать несколько уровней познания культуры: философию культуры, культурологию и частные культуроведческие науки. На это обратила внимание Л. М. Мосолова в своем вступительном слове к сборнику материалов

VI Кагановских чтений (2013), отметив, что «в своих последних выступлениях и публикациях М. С. Каган пришел к убеждению, что в исследованиях культуры существует несколько уровней познания, которые ни он, ни многие его коллеги прежде не различали»⁶. Данное наблюдение позволяет уточнить индивидуальный вклад в развитие отечественной культурологии и самого М. С. Кагана, и Д. С. Лихачева.

Как известно, культурология — это обширная область знаний о целостном феномене культуры. Она представляет собой интеграцию ряда частных наук. И если М. С. Каган работал в предметной области философии культуры, то Д. С. Лихачев развивал частные культуроведческие науки (историю литературы, историю культуры и др.), которые к концу XX века в своем синтезе и породили отечественную культурологию.

Размышления о современном этапе развития отечественной культурологии, о сложностях, которые она сегодня переживает, и о тех вызовах, на которые необходимо найти ответ, иногда приводят к мысли, что предшествующие наработки и достижения во многом позабыты.

Одной из таких забытых проблем, ныне требующей актуализации, является проблема общения в широком его понимании. На первый взгляд, может показаться, что данная проблема давно исчерпала себя, так как широко разрабатывалась представителями отечественной марксистской методологии еще в прошлом веке. С другой стороны, современное общество претерпевает настолько серьезные изменения, что порой уже не просматривается «эволюционный ориентир в дальнейшем развитии человеческой цивилизации»⁷. Мы живем в новой реальности, где изменен формат жизни, где огромные массы людей втянуты в совершенно новые, неизвестные ранее формы коммуникации через глобальные социальные сети. Чем громче звучат призывы поиска путей устойчивого развития общества и повышения качества культуры, сохранения родовой специфики человека, тем важнее становится проблема общения.

«Общаясь, люди создают друг друга», — утверждал Д. С. Лихачев. Если общение подменяется простой коммуникацией, то каковы дальнейшие перспективы общества и культуры? В связи с этим возникает необходимость осмысления проблемы общения как феномена культуры.

Именно под таким углом зрения и рассматривал общение М. С. Каган. Напомним, что ему удалось создать системную методологию на основе «философского осмысления отношений культуры и общества, куль-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Ставропольского государственного педагогического института, доктор исторических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «П. А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии», «Методологические поиски российской дореволюционной социогуманитарной мысли и современная культурология», «Культурологическая экспертиза и ее значимость в современной социокультурной практике», «М. М. Ковалевский и его выдающийся ученик П. А. Сорокин о духовном построении общества» и др. Член Президиума Научно-образовательного культурологического общества (НОКО), председатель Ставропольского филиала НОКО. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Лихачев Д. С. Университетские встречи. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 11, 92.

³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб. : СПбГУП, 1996.

⁴ Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.

⁵ Философия культуры. Становление и развитие. СПб. : Лань, 1998. С. 423.

⁶ Мосолова Л. М. [Предисловие] // Историческая культурология как научная и образовательная дисциплина (Памяти М. С. Кагана): материалы коллоквиума, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 18 мая 2012 г. СПб. : Астерион, 2013. С. 7.

⁷ Духовная культура: стратегия жизни и мира. М. : Дельфис, 2015. С. 17.

туры и человеческого бытия»¹. Культуру он понимал как специфическую форму бытия, как систему, образующую комплекс элементов: качествами самого человека как субъекта деятельности; способами деятельности; многообразием предметов; вторичными способами деятельности; «вновь человеком» и общением².

Общению на всех его уровнях (межличностном, надличностном) и во всех его проявлениях (практическом, духовном)³ Каган придавал первостепенное значение. Теме общения он даже посвятил специальный труд «Мир общения»⁴.

В контексте авторской теории получается, что если культура является атрибутом всякого общества, то общение — неотъемлемым атрибутом культуры.

Обращает на себя внимание тот факт, что Каган настаивал на различии общения и коммуникации, их неотжественности. Общение он характеризует следующими признаками. Во-первых, равноправие партнеров взаимодействия. Во-вторых, целью общения, с точки зрения Кагана, является общность. В-третьих, закономерность общения состоит в возрастании передаваем-

мой информации, обогащающей духовный мир партнеров. В-четвертых, общение складывается лишь в случае свободного вхождения участников в этот процесс. И наконец, общение по своей сути интенционально, оно строится на учете индивидуальности партнеров, особенностей их характеров и мировоззрения⁵.

С точки зрения Кагана, взаимодействие на основе общения будет тем эффективнее, «чем выше степень согласия, взаимопонимания, духовного единства»⁶. Естественно, что одним из аспектов общения, по его мнению, являются ценности⁷. Именно на основе общих ценностей в общении и порождается новая целостность, которая выступает осмысленным результатом взаимодействия. В этом заключается творческая природа общения.

Таким образом, в системной методологии М. С. Кагана обнаруживается теория оптимального культурного взаимодействия через общение. Общение выступает как форма существования и развития культуры, проявление духовной активности человека, социальной группы, общества.

М. Н. Ветчинова⁸

Д. С. ЛИХАЧЕВ О РОЛИ РОССИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР

Современная мировая цивилизация находится в состоянии перманентного кризиса. Процесс глобализации высветил проблемы, к которым человечество оказалось совершенно не готово. Угроза применения ядерного оружия, международный терроризм, религиозная конфронтация, разрастание вооруженных конфликтов, изменение климата и экологические катастрофы, непредвиденные последствия научного прогресса входят в число наиболее серьезных вызовов, которые стоят перед странами и народами.

Для выработки возможных вариантов решения перечисленных проблем необходимо обратиться к идеям Д. С. Лихачева, который предложил конструктивные пути разрешения межнациональных противоречий, выявил важную роль нашей страны во взаимодействии культур.

¹ Каган М. С. О времени и о себе... СПб.: Петрополис, 1998. С. 153.

² Каган М. С. Философия культуры. С. 42.

³ Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 65.

⁴ Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебно-методических пособий: «Ретроспективный анализ учебников по французскому языку (вторая половина XIX — начало XX века)», «Иностранные языки в школе», «Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и диалога культур», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования» и др. Член Научного совета РАО по проблемам истории образования и педагогической науки.

Дмитрий Сергеевич был убежден в исторической миссии России, которая всегда «служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным»⁹. Однако он предостерегал, что «этот мост, облегчая общение, облегчает одновременно и вражду» и боялся в связи с этим злоупотреблений власти.

Ученый был убежден, что Россия — страна с тысячелетней культурой, обогатившей мир бессмертными произведениями искусства — способна решать межкультурные противоречия. Именно культура, по его мнению, привлекает интерес к России во всем мире, а «культурная великость России не может вызывать враждебности к ней»¹⁰.

Рассуждая о России как о стране, которой принадлежит особая роль в решении мировых проблем, Лихачев обосновывал это многообразнейшими связями русской культуры с культурами многих других народов Запада и Востока¹¹.

Дмитрий Сергеевич прекрасно осознавал, что для выработки положительного отношения к межкультурным различиям нужно преодолеть культурную обособленность, которая и порождает негативное отношение к чужому, неизвестному. Он мечтал о мирном соседстве с другими странами, а также о том, чтобы «разнообразие никого не ущемляло, но обогащало»¹².

⁹ Лихачев Д. С. Мифы о России старые и новые // Раздумья о России. СПб.: Logos, 2006. С. 55.

¹⁰ Великая культура примирительная по своей сути. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/velik_kult_1997.pdf

¹¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Раздумья о России. С. 627.

¹² Там же. С. 630.

Отстаивая идею европейского характера русской культуры, Лихачев вместе с тем считал ее, а также саму Россию личностью, индивидуальностью, которые «не терпят одиночества и замкнутости в себе»¹.

В то же время неразрывная связь России с миром, культурная открытость требуют мер по защите собственных интересов. Понимая это, ученый говорил о том, что для выполнения своей миссии нужна сильная Россия, но великая прежде всего именно в силу великой культуры².

Размышляя о будущем, академик указывал на важность развития и всяческой поддержки культуры, чтобы и «впредь быть страной подлинно великой и “желанной” для всего человечества»³. Для этого он настоятельно рекомендовал не забывать свою историю и считал, что культура сильна традициями, памятью о прошлом. Такое наставление связано с его глубокой убежденностью в том, что будущее коренится в прошлом. В его размышлениях о взаимодействии культур важна мысль о том, что «не только культура прошлого влияет на культуру современности, вливается в нее, участвует в “культурном строительстве”, но и современность, в свою очередь, в известной мере “влияет” на прошлое... на его понимание»⁴.

Настоящее для Лихачева — это результат, итог прошлого. Он подчеркивал, что интерес к истории должен быть духовной потребностью человека «искать свои корни, ощущать в нашем шатком мире стабильность, прочность, свое место и предназначение»⁵. И далее, продолжая свою мысль, говорит о важности знания прошлого, поскольку это учит уважению к другим народам, другим культурам и одновременно самоуважению. Никогда не потеряет актуальности уверенность Д. С. Лихачева в том, что «ощущать себя наследником прошлого — значит осознавать свою ответственность перед будущим»⁶. Он обращал особое внимание и на то обстоятельство, что рядом с «культурой прошлого» в отечественной культуре всегда присутствовала «устремленность к будущему»⁷.

Отчетливо осознавая важную роль России в мировой цивилизации, Д. С. Лихачев призывал сконцентрировать усилия на образовании человека, потому что оно формирует личность, гражданина. Называя культуру «всемирной, не закрытой» «эстетической системой», он выступал за предоставление человеку широкого доступа ко всем сокровищам мировой культуры, за сохранение языка и фольклора малых народов, их национального лица.

Веруя в то, что именно отечественная культура делает нашу жизнь «осмысленной и одухотворенной», он рекомендовал для ее защиты «беречь библиотеки, му-

зеи, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России “толстые” журналы), наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты»⁸. Первостепенную задачу он видел в развитии университетского образования.

Лихачев настаивал на усилении преподавания истории, литературы, искусств, других предметов гуманитарного цикла, которые открывают удивительный мир человеческих отношений, переживаний, размышлений, поступков. Прав он и в том, что познание чужой культуры или культуры прошлого имеет своим результатом не внешние заимствования, а «общий подъем уровня собственной культуры, развитие ее познавательных способностей, “познавательной гибкости”, увеличение диапазона возможностей, диапазона творческого выбора»⁹.

Лихачев прекрасно осознавал, что непонимание национально-культурных различий народов, значимости культуры каждой нации, народности приводит к усилению национальной вражды. Дмитрий Сергеевич предостерегал: «Терпимость необходима, иначе невозможно существование общества без насилия»¹⁰. Однако добавлял, что одной терпимости недостаточно, необходимо взаимопонимание, которое заключается в «понимании духовной жизни другого, признании за ней некоей правды, хотя бы и неполной»¹¹.

В деле сохранения, обогащения и развития культуры он возлагал большие надежды на государство и советовал выделять на это достаточно средств, поскольку понимал, что культура дает свой невидимый «доход» в виде роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни, уважения со стороны других государств. Своевременной является мысль Дмитрия Сергеевича о том, что «великая культура примирительная по своей сути»¹².

Одновременно он считал необходимым, чтобы государство всячески способствовало установлению международных контактов и сотрудничества в области сохранения и развития культурных богатств, осуществляло и развивало международное и культурное сотрудничество на основе признания права культуры каждого народа и этноса на самобытность и целостность.

Вера в великую силу культуры в формировании личности и организации жизни общества позволила Лихачеву сделать заключение о том, что «общество только тогда общество, а не толпа, не “население”, когда оно состоит из личностей, обращенных друг к другу, способных охотно понять друг друга»¹³.

Дмитрий Сергеевич верил, что гуманитарное сотрудничество, научные и общественные связи позволят услышать друг друга представителям разных культур, будут способствовать поиску решений насущных проблем современности, видению возможных векто-

¹ Лихачев Д. С. Статьи о культуре России // Раздумья о России. С. 20.

² Лихачев Д. С. Россия никогда не была Востоком // Там же. С. 15–16.

³ Великая культура примирительная по своей сути.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Раздумья о России. С. 366.

⁵ Лихачев Д. С. Отдельные мысли на исторические сюжеты // Там же. С. 451–452.

⁶ Там же.

⁷ Лихачев Д. С. Мифы о России старые и новые. С. 59.

⁸ Лихачев Д. С. Россия никогда не была Востоком. С. 16.

⁹ Лихачев Д. С. Отдельные мысли на исторические сюжеты. С. 468.

¹⁰ Лихачев Д. С. Русский исторический опыт и европейская культура // Раздумья о России. С. 30.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Великая культура примирительная по своей сути.

¹³ Лихачев Д. С. Русский исторический опыт и европейская культура. С. 30.

ров развития будущего. Сегодня его мысль о том, что «сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии,

условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»¹ звучит как призыв ко всему мировому сообществу.

Ю. К. Волков²

ДИСПОЗИЦИЯ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФОРМАХ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Понимание культуры как системы надбиологических программ³ или способа жизнедеятельности, проявляющегося в общественных достижениях⁴, в условиях предметной идентификации культурологического знания⁵ актуализировало трудности, связанные с попытками разграничения понятий «общество» и «культура»⁶. В то же время приобретенный опыт разведения двух универсальных форм человеческой активности позволил яснее определить онтологическую специфику граней бытия⁷, способных выступать ценностными основаниями рационально или иррационально опосредованной мотивации социальных действий⁸. Другим обстоятельством, сужающим предметную область выделения культурных артефактов, стал повышенный интерес к языковым и неязыковым особенностям знаковой функции культуры.

Содержательно-смысловым выражением глубинных пластов семиотики ценностного сознания могут стать устойчиво воспроизводимые в разных культурах архаические бинарности⁹. Одной из таких бинарных конкретизаций фундаментальных противоречий бытия

является диспозиция «свой–чужой», которая в разных смысловых вариантах («внутреннее», «наше», «внешнее», «другое», «иное», «их» и т. д.) способна выступать главным способом культурного моделирования мира¹⁰. Именно в рамках указанного сопоставления результаты и способы форм социальной активности приобретают функциональную способность дифференцироваться и оцениваться как культурные, некультурные и антикультурные идентичности. С этой точки зрения инвариантность диспозиции «свой–чужой» может служить содержательным маркером для определения видовой специфики различных циклов, стадий и форм культурной динамики, включая такую интересующую нас форму, как культурное взаимодействие.

Культурное взаимодействие, которое чаще всего определяется как особый вид отношений и взаимных влияний, возникающих по меньшей мере между двумя культурами¹¹, может принимать разнообразные формы, меняющиеся в зависимости от выбранного формобразующего критерия. Таким основанием могут быть соотношение общего и особенного¹², религиозная специфика картины мира¹³, непосредственный или опосредованный характер взаимодействия¹⁴ и другие характеристики культур. Однако чаще всего в теории культуры учитываются показатели направленности процессов и результатов культурного взаимодействия (синтез, симбиоз, ассимиляция, интеграция, аккультурация и т. д.), типичность и повторяемость которых зависят от генетической устойчивости институциональных связей.

Исходя из архетипической природы диспозиции «свой–чужой», в качестве интеграционных форм культурного взаимодействия могут быть предложены сложившиеся в рамках традиционного общества формы знаково-предметной интеграции: реципрокный обмен, редистрибутивные отношения и товарный обмен¹⁵. Все три указанные формы обладают способностью обеспечивать интегративную функцию благодаря наличию

¹ Декларация прав культуры и ее международное значение.

² Профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Природа социального зла: историко-типологический уровень социально-философского исследования», «Научные исследования: информация, анализ, прогноз» (в соавт.) и др.; статей: «Концепция зон обмена как новая разновидность умеренного экстернализма», «О философских революциях, их идеологических последствиях и статусе философского знания (размышления над книгой В. А. Кутырева "Последнее целование. Человек как традиция"», «Эпистемологический статус современного общественного сознания: от идеала научной объективности к самореференциям культуры» (в соавт.), «Идея В. С. Соловьева об автономности нравственной жизни человека и проблема естественных оснований этики добра» и др. Член Российского философского общества, Нижегородского религиозно-философского общества.

³ Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 341.

⁴ Философская энциклопедия : в 5 т. М. : Сов. энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 118 ; Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. С. 292.

⁵ Культурология как наука: за и против (материалы обсуждения) // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–31 ; Режабек Е. Я. Додисциплинарное культурологическое знание — одна из предпосылок становления философии // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 101–110.

⁶ Витань И. Общество, культура, социология. М. : Прогресс, 1984. С. 94–99.

⁷ Запесоцкий А. С. Философия и социология культуры : избр. науч. тр. СПб. : СПбГУП : Наука, 2011. С. 19.

⁸ Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 628.

⁹ Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М. : Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 1. С. 19.

¹⁰ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 175–178.

¹¹ Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 1. С. 120.

¹² Библиер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. С. 350–351.

¹³ Померанц Г. С. Диалог культурных миров // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 170–174.

¹⁴ Ларченко С. Г. Социальные детерминации этнокультурного развития. Новосибирск : Ин-т философии и права СО РАН, 1999. С. 164.

¹⁵ Полань К. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2010. С. 43.

в обществе симметричных статусов. Культурная интеграция как состояние внутренней целостности культуры и процесс взаимосогласования между ее различными элементами¹, оцениваемая с позиции дихотомии «свой–чужой», в трех традиционных формах интеграции будет выглядеть следующим образом.

В реципрокных формах обмен подчиняется правилу эквивалентности дарения, необходимым условием которого является наличие симметрии между прочными объединениями «своих» и «чужих». При этом носители «чужих» культур в процессе их интеграции могут превращаться в «своих», сохраняя прежний генетический статус. Отношения редистрибуции применительно к процессу культурной интеграции складываются там, где возникает некоторый центр перераспределения культурных ценностей. При таком понимании редистрибутивных отношений их интеграционный потенциал будет заключаться в культурном разнообразии и сплоченности групп «своих», позволяющих им успешно существовать в масштабе «чужого» культурного центра. Наконец, обмен, для реализации которого необходима такая экономическая форма, как рынок, чтобы стать условием интеграции, должен исключить объективно существующие предпосылки для враждебности, возникающей при колебании цены на культурные артефакты.

Вместе с тем последовательно перечисленные особенности форм культурной интеграции не означают временной последовательности их действительного существования. Все три формы могут существовать одновременно на разных стадиях социальной динамики, а потому успешно используются для изучения интеграционных процессов, протекающих в неэкономической сфере жизни современного социума². Другое дело, что в обществах разного исторического типа изменяется смысловое содержание диспозиции «свой–чужой».

В отличие от типичной для традиционного социума оппозиционности сравнений «своего» и «чужого», в современном сложно дифференцированном и открытом обществе формируется индифферентный тип отношений к достижениям разных культур. Особенно быстро меняется опыт общения с представителями других культур в условиях глобальной урбанистической цивилизации, где «чужие» становятся все менее заметными³. С другой стороны, присущая наступающей постсовременности тенденция к имплозии⁴ и симуляции социальных смыслов⁵ приводит к тому, что диспозиция «свой–чужой» утрачивает симметрично групповой статус и постепенно замещается индивидуализированными отношениями симпатии и антипатии⁶.

В. С. Глаголев⁷

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Во взаимодействии культур существуют *непосредственные* и *опосредованные* типы контактов и взаимовлияний. Последние осуществляются через артефакты культуры и их трансформацию теми, кто принимает уже сложившиеся формы этих образований.

В современных условиях путь *непосредственного* взаимодействия с чужой культурой обеспечивает прежде всего миграция — временная или на постоянное место жительства. Здесь уровни освоения культуры принимающей стороны определяются в первую очередь статусом и претензиями мигранта, его ценностными установками и смысложизненными ориентациями.

¹ Культурология. XX век. Т. 1. С. 252; Кравченко А. И. Культурология: слов. М.: Академ. проект, 2000. С. 274.

² Например, в эпистемологии активно обсуждается галисовская концепция зоны обмена, в которой использованы идеи культурного многообразия науки, а также заимствованная из экономической антропологии аналогия неэкономических форм культурного обмена (Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91).

³ Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 48.

⁴ Имплозия (*фр.* implosion) — термин неклассической философии, обозначающий феномен разрушения классических стереотипов восприятия, превращающий реальный мир в виртуальный симулякр.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Тула: Тульский полиграфист, 2013. С. 115–116.

⁶ Штихве Р. Указ. соч. С. 50.

Одно дело, когда он представляет культурную элиту собственной страны, активно вступая в содержательный диалог культур⁸ (например, участие в литературной жизни Франции начала XX в. эмигрантов из России И. Э. Эренбурга, И. Зданевича).

Другим типом непосредственного взаимодействия культур является освоение опыта научной и технологической деятельности⁹. Здесь элитарная часть мигран-

⁷ Профессор кафедры философии МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Герметичность религии как проблема социологического исследования», «Религия караймов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Реализм анализа — исходное условие научной перспективности», «Ценность личности и ее творческий потенциал», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Уроки русских революций 1917 года», «Религиозно-духовная культура в профессиональном образовании современного дипломата», «Cooperation of technological and scientific knowledge in development of European culture» и др. Член Российского философского общества.

⁸ Занесоцкий А. С. Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок: VII Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 9–11.

⁹ Glagolev V. S. Cooperation of technological and scientific knowledge in development of European culture // European Science and Technology materials of the VI International research and practice conference. 2013. P. 171–174; Шестопал А. В., Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современ-

тов нередко привносит в научно-технологические сферы новаторские фундаментальные идеи и навыки их реализации на стадии лабораторных экспериментов.

Третий тип миграции — люди, представляющие усредненную массу исполнителей, готовых взяться за однообразную работу, чтобы обеспечить благополучие своей семьи. Выбирая путь успешной адаптации, они вынуждены сохранять маску среднего обывателя. Здесь стартовые позиции в освоении местной культуры носят локальный характер, ограниченный средой общения, ее предпочтениями и интересами.

Для четвертого типа миграции смена места жительства — долгосрочный проект «большой семьи», клана или этнической общины. Судьба этих мигрантов, не имеющих ни образования, ни профессии, — начинать с разнорабочих, нижних ступеней сферы обслуживания. Однако наиболее способные члены общины получают бонус — финансовую и организационную поддержку в получении образования и продвижения на престижные места. Община ревниво следит за образом жизни молодого поколения, адаптирующегося к новой среде, и жесткость подобного контроля приводит к конфликтам и стрессовым ситуациям, питающим ксенофобские процессы. В свою очередь, население принявшей страны рассматривает приезжих этого типа как нахлебников, и эта ксенофобия провоцирует ксенофобские процессы у самих приезжих¹. О диалоге культур в данном случае говорить не приходится.

Что касается *опосредованного* взаимодействия культур, то оно в немалой степени определяется привлекательностью тех культурных феноменов, которые являются внешними и достаточно своеобразными для культурных традиций воспринимающей их стороны. Доступность привлекательных культурных артефактов приобрела в условиях использования Интернета истинно всеобщий характер. Владение иностранными языками обеспечивает бесспорные преимущества тем, кто способен читать на них. Остальной публике придется принимать на веру суждения тех, кто пережил катарсис в результате знакомства с литературной новинкой, и ожидать ее перевода на свой язык. Экранизация литературно-художественных произведений, безусловно, обеспечивает их популяризацию в более широких кругах, чем чтение подлинника и даже перевода. Но ракурсы видения содержания художественного произведения сценаристом, режиссером и актерами, следующих установкам сценария и режиссуры, как правило, создают особый мир, резко отличающийся от художественного мира литературного подлинника. Такова, на-

пример, первая экранизация «Доктора Живаго» в США в 1965 году (через семь лет после вынужденного отказа Б. Л. Пастернака от Нобелевской премии).

Опосредованное освоение чужой культуры за пределами породившей ее страны, если оно не преследует профессиональной задачи, носит, как правило, фрагментарный характер. К тому же эти фрагменты в большинстве случаев вырваны из контекста непрерывного изменения, равно как и сознательно осуществляемой корректировки смыслов под влиянием социально-политических, социально-культурных, соционациональных, этнических, социально-религиозных и других задач, непосредственно связанных с жизнью того народа и даже группы народов, которым служит данная конкретная система сохранения традиций, их воспроизводства, обновления и пересмотра в социокультурных и социально-психологических условиях.

Те, кто не включен в эту жизнь повседневно и вместе с тем связан с ней множеством семейных, бытовых, социально-организационных и других отношений, имеют иную призму восприятия смыслов новых культурных феноменов и устоявшихся традиций страны, на почве которой эти смыслы и феномены создаются и видоизменяются. Здесь граница «своего» и «чужого»² в большинстве случаев пролегает по линиям государственно-административных и культурно-национальных дифференциаций. В ряде случаев их преодолевают люди, наделенные способностью к эмпатии (сопереживанию) и включению в исторически чужую для них реальность. Это способствует диалогу культур, но в большинстве случаев является скорее исключением, чем правилом.

Разумеется, общение с представителями данной культуры тех, кто опосредованно воспринимает ее, до известной степени амортизирует и сокращает сложности постижения смыслов и значений осваиваемых феноменов. Однако незримая дистанция имитатора культурных норм принципиально отличается от свободы пользования ими тех, для кого они являются родными. Не случайно поэтому для актера и разведчика-нелегала всегда существует риск провала: исполняемые ими роли по определению не могут предусмотреть всех нюансов конкретных исторически сложившихся культурных контекстов. И напротив: культура, полноценно освоенная социализированной личностью на основе опосредованных и непосредственных контактов, дает возможность двигаться и дышать не «по сценарию», а естественным образом, на основании объективных предпосылок взаимодействия.

ная теория и практика : материалы VII Конвента РАМИ / отв. ред. А. В. Мальгин. М., 2013. С. 10–16.

¹ Дианина С. Ю. Интеграция как социально-философская проблема: опыт Скандинавии // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 7 ч. М., 2014. С. 31–34.

² Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «своей» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 362–365.

А. В. Голубев¹**«МИРОВАЯ С МЕДВЕДЕМ»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДА**

Образ России на Западе (куда российское сознание обычно включает страны Западной и Центральной Европы и Северной Америки), а также образы Запада в России — тема многих исследований. В разные эпохи, в различных регионах эти представления претерпевали существенные изменения. Но есть одна довольно устойчивая тенденция, которую мы и попытаемся проследить в историческом контексте на примере внешнеполитических стереотипов.

Как известно, в критических ситуациях не только общественность, но и значительная часть политической элиты, не успевая воспринимать и осмысливать все нарастающий поток новой информации, автоматически начинает руководствоваться прочно и давно усвоенными примитивными стереотипами. Как показали недавние события на Кавказе, Украине, Ближнем Востоке, когда речь заходит о России, эти автоматически воспроизводимые на Западе стереотипы являются большей частью негативными.

Впрочем, и в российском массовом сознании, как и в сознании элиты, в аналогичной ситуации воспроизводятся подобные представления о Западе, восходящие не только ко временам холодной войны, но и к намного более ранним.

Современная Россия с точки зрения своего внешнеполитического имиджа, как и во многих других отношениях, является преемницей не только СССР, но и Российской империи, и даже Московской Руси. Если остальные постсоветские республики в 1991 году начали формировать свой имидж «с чистого листа» (одни из них никогда не были самостоятельными государствами, другие были таковыми слишком давно или слишком недолго), то Россия унаследовала все исторически сложившиеся негативные внешнеполитические стереотипы, относившиеся к предшествующим периодам истории государства.

Формирование антироссийских стереотипов начинается не позднее XV–XVI веков. Прежде всего важную роль здесь сыграла политика Польши (позднее — Речи Посполитой), которая претендовала на контроль над Восточно-Европейской равниной и вследствие этого была крайне заинтересована в том, чтобы в данном противостоянии Запад оставался на ее стороне в борьбе против «московского варварства».

Но намного более важным фактором явилось само «открытие России» первыми представителями Запада, которые руководствовались «античной матрицей», закреплявшей за Востоком статус варварской и враждебной Европе территории. «Иное» в результате автоматически воспринималось не только как «варварское», но и как враждебное.

Конечно, «античная матрица» действовала и в отношении других стран — Оттоманской империи, Персии, Китая. Но применительно к России ее действие усиливалось своеобразным «синдромом обезьяны». Суть его проста: слон или кенгуру, например, настолько не похожи на нас, что вызывают скорее удивление. Обезьяна же воспринимается именно как пародия на человека и может вызвать либо смех, либо отвращение.

Российская цивилизация в глазах Запада была «почти европейской» и «почти христианской», и именно потому к ней предъявлялись намного более высокие требования, чем к иным, экзотичным, культурам. Р. Киплинг выразил это отношение афористично в своем стихотворении «Мировая с Медведем», в котором рефреном повторялось строка: «Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы» (в переводе А. И. Оношковиц-Яцына).

В эпоху Петра Европа была склонна с большей снисходительностью относиться к Российскому государству, хотя русская культура в целом продолжала считаться варварской, за исключением Петербурга. Архитектуру же допетровской Руси относили в лучшем случае к азиатской (характерно, что французы в 1812 г. считали московские церкви мечетями), чаще же вообще не признавали явлением искусства.

Возросшая роль России в Европе после победы над Наполеоном привела к резкому ужесточению ее негативного восприятия не только в культурном, но и в политическом отношении. Она теперь представлялась не только как отсталое и потенциально враждебное государство, но и как непосредственно угрожающее Европе. Квинтэссенцией подобного восприятия Российской империи явилась книга де Кюстина (1839); апогея же ее негативные оценки достигли в эпоху Крымской войны.

Однако после Крымской войны ослабленная и униженная Россия уже не казалась угрозой, к тому же в ней начались серьезные реформы, казалось бы, приближающие ее к западному обществу. А затем в Европе стали возникать различные коалиции, каждая из которых была заинтересована в новых союзниках. Да и русская культура постепенно «завоевывала» Европу.

Накануне и в ходе Первой мировой войны отношение к Российской империи как к важному союзнику в странах Антанты быстро менялось в лучшую сторону. Россия же советская вызвала прежде всего вспышку инстинктивной вражды, но затем — обостренный интерес, поскольку в конце 1920-х — 1930-х годах предложила охваченной кризисом Европе многообещающую альтернативу. Отсюда сравнительно лояльное восприятие Западом сталинского режима.

¹ Руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, кандидат исторических наук, доцент. Автор около 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (в соавт.), «Взгляд на землю обетованную: из истории советской культурной дипломатии», «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы», «Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн» (в соавт.), «Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг.» (в соавт.), «Подлинный лик заграницы»: Образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг.»; ряда учебных пособий и художественных произведений. Главный редактор серии сборников «Россия и мир глазами друг друга».

Победа над фашистской Германией привела к новому росту внешнеполитического могущества СССР и его мировой популярности. Но одновременно началась холодная война, сопровождавшаяся воспроизводством внешнеполитических стереотипов XVI–XIX веков.

Перестройка вызвала повышенный и в целом благожелательный интерес к СССР. На фоне этого интереса и попыток советского руководства улучшить свой имидж негативные стереотипы прошлых лет на время потеряли актуальность.

А вот 1990-е годы в этом отношении оказались потерянными временем. Постсоветская Россия уже не представляла собой явной угрозы Западу, и привычные стереотипы оставались на втором плане. Однако претензии России на хотя бы частичное восстановление прежнего международного статуса вновь привели к их оживлению. Неудивительно, что постепенное охлаждение отношений Российской Федерации и Запада на протяжении 2000–2014 годов в настоящее время почти достигло «точки замерзания».

Проблема корректировки российского имиджа на Западе не имеет простых решений, и далеко не все здесь зависит от самой России. Конечно, демократизация политической жизни страны, рост благосостояния граждан, снижение уровня коррупции могут прибавить позитива в восприятии Российского государства. Однако необходима целенаправленная политика, использующая в качестве ресурса колоссальный культурный и человеческий потенциал страны. Осуществление не только осторожной и взвешенной внешней политики, но также рациональной и целенаправленной культурной дипломатии — необходимые условия улучшения имиджа государства.

Заметим, что «антизападные» стереотипы россиян касаются США, Великобритании как традиционно-го соперника России, Германии как противника в двух

мировых войнах, Польши в силу исторического наследия... А большинство европейских стран или Канада вызывают либо симпатию, либо просто безразличны россиянам. Однако антироссийские стереотипы существуют в любой западной стране.

На этом фоне происходят и иные, противоположные процессы. Многообразие источников информации, плюрализм в западных СМИ, возможность реальных контактов и просто смена поколений ведут к тому, что процесс размывания старых стереотипов ускоряется и Россия теряет свою «мифологическую составляющую», по крайней мере среди части западного общества.

Вместе с тем вышесказанное отнюдь не отменяет закономерностей стереотипизации как массового, так и индивидуального сознания. Вопрос о том, в какой степени возможно освободиться от стереотипов, остается открытым. Если речь идет о преодолении всех стереотипов как формы мышления, то это, конечно, невозможно. В то же время в отдельных узких (профессиональных) сферах деятельности их влияние может быть сведено к минимуму. Что касается массового сознания, тут можно говорить лишь о преобладании на данном этапе тех или иных тенденций.

Подведем итоги. Если в последние десятилетия при всей сложности общественно-политической и социально-экономической ситуации в массовом сознании российского общества происходило постепенное размывание многовековой мифологической составляющей образа Запада (сейчас, к сожалению, происходит обратный процесс), то подобные процессы на Западе протекали и протекают намного медленнее. Старая традиция преимущественно негативного восприятия России, прежде всего в сфере внешнеполитических стереотипов, пока никуда не исчезла. Она никогда не была всеобъемлющей, но тем не менее в современном западном сознании по-прежнему является определяющей.

П. С. Гуревич¹

МНИМЫЕ ЭТНИЧНОСТИ

Традиции этнической психологии

Было время, когда европейскому миру открылся невероятный спектр этнических общностей, обширный арсенал традиций, обычаев, ритуалов и мифов, хранимых многочисленными народами. Обозначился горизонт необычных типов поведения, ментальных навыков, бытовых подробностей. В этом многообразии исследовательская мысль стремилась обнаружить единую логику человеческого существования, общее и особенное. Возникла надежда, что, может быть,

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор социологии Калифорнийского университета, доктор философских наук, доктор филологических наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч.: «Грани человеческого бытия» (в соавт.), «Размежевания и тенденции современной философской антропологии» (в соавт.), «Философия культуры» (в соавт.), «Философское толкование человека», «Расколотовость человеческого бытия», «Культурология в системе современного гуманитарного знания» и др. Президент Московской ассоциации психоаналитиков. Награжден медалью «За вклад в развитие философии».

в этом кружеве жизненных эталонов обнаружится нечто, раскрывающее тайну человеческой природы. Как объяснить различия в социальной деятельности многих общностей? Нельзя ли положить в основу распознавания культурных процессов философское постижение человека?

Разные аспекты межэтнических отношений породили различные блоки знаний. Они и назывались по-разному: «психология народов», «психологическая антропология», «сравнительно-культурная антропология», «кросс-культурная антропология». К примеру, тот блок знаний, который в нашей стране называется культурологией, в США именуется «социальной» или «культурной» антропологией, этнологией или даже психоисторией. Прикасаясь к иному этническому материалу, исследователи понимают, что при изучении чужой ментальности они должны сохранить должную дистанцию. С одной стороны, опасность состоит в том,

чтобы не раствориться в незнакомой самоидентичности, с другой — столь же неприемлема оценка другой ментальности по лекалам европейской культуры.

Известно, что классическая философия и психология были направлены на поиск тождества окружающих нас явлений. За множеством свойств и особенностей исследователи всегда искали общее основание, позволяющее выявить единство этих процессов. Постмодернисты же, борясь с центризмом, ввели понятие «следа» и «различия».

Постоянное подчеркивание отличий не может быть абсолютной мировоззренческой установкой и правомочно только в определенном философском контексте. Следовательно, сложившееся в этнопсихологии стремление во что бы то ни стало указать на уникальность традиций, языка, менталитета не может рассматриваться как окончательная цель изыскания.

Культуры отличаются друг от друга и по тайне своего происхождения, и по традициям, и по внутренним особенностям. Но этнопсихология не может представлять собой некую мозаику несовместимых друг с другом этнических идентификаций по принципу «сколько этносов, столько и картин мира». Последовательное различение предполагает и отыскание общих черт, сведение их в некую целостность. Этнос стремится сохранить устойчивое внутреннее ядро, и этот процесс предполагает как отталкивание от чужого образца, так и сближение с ним.

Оценивая первые шаги этнической психологии, Густав Шпет писал: «Культурное явление как выражение смысла объективно, но в нем же, в этом выражении, есть сознательное или бессознательное отношение к этому “смыслу”, оно именно — объект психологии»¹.

Этническая психология располагает необъятным материалом, но, по словам Шпета, отличается большей неясностью и в определении своих задач, и в установлении собственного предмета. Наблюдения этой науки столь же древние, что и наблюдения родственной ей этнологии, и тексты Геродота, Ксенофонта, Цезаря, Тацита, Страбона, Плиния должны быть названы, по видимому, среди первых источников этнической психологии. Уже Гиппократ пробует связать особенности народных характеров с различиями климата и географических условий.

Антропология конца XVIII — начала XIX века тесно связывала себя с философией. Огромное значение имела идея «духа» и «народного духа», с одной стороны, введенная философией истории Вегелина и Гердера, с другой — превращенная романтиками в ходовое понятие, позже популяризированное «исторической школой» и углубленное Гегелем. Эта идея получила своеобразное толкование в школе новой психологии Гербарта, последователи которого заложили фундамент современной этнической психологии.

Этнические миражи

Современный мир столкнулся с новой тенденцией: настойчиво заявляют о себе так называемые этнические мнимости, получившие основательную разработку

в книге С. Жижека «Щекотливый субъект»². Он показал, что глобализм относится ко всякой локальной культуре так же, как колонизаторы — к коренным жителям колоний, нравы которых следует внимательно изучать и «уважать». Внимание к другим этничностям в ходе глобализации легко принимает характер колониализма.

«Мультикультурализм, — отмечает Жижек, — это дезавуированная, превращенная, самореференциальная форма расизма, “расизм с определенного расстояния” — он “уважает” идентичность Другого, рассматривая Другого как замкнутое подлинное сообщество, по отношению к которому он, мультикультуралист, поддерживает дистанцию, отражающую его привилегированную всеобщую позицию»³.

Именно здесь и рождается механизм этнической мнимости. Парадокс заключается в том, что этносы продолжают существовать как таковые, они даже сохраняют собственную идентичность. Однако в глобализирующем потоке сохранность идентичности радикально нарушается. Если евроцентризм унижает этническую идентичность, то это вызывает протест и мобилизацию самоидентичности. Но нейтралитет мультикультуралиста фальшив, поскольку в его позиции молчаливо отдается приоритет евроцентристскому содержанию.

Мультикультуралист доброжелательно относится к другому этносу. Однако этот Другой уже утратил черты подлинности. Он стерилен. Глобалисты поддерживают внешние формы культурной идентичности. Они не жалеют средств для того, чтобы показать мнимую выхолощенность чужой культуры. Повсеместно ведутся политкорректные битвы за права этнических меньшинств, за различный образ жизни. Но при этом капитализм продолжает свое триумфальное шествие, выветривая, обескровливая фактическое содержание этнической идентичности.

Борьба за политизацию множества этнических, сексуальных и других идентичностей разрушает все каноны. Возникает масса гибридных состояний, открываются возможности для произвола, даже факты обыденной жизни приобретают иллюзорность. Глядя на телевизионный экран сегодня, мы думаем не столько о том, верно ли трактуются факты и события, сколько о том, произошли ли они на самом деле или являются произвольным вымыслом. Выветриваются идеи, теряя смысл. Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Телевидение продолжало бы творить образы, даже если бы человечество исчезло. Все сексуально, политично, эстетично. Но где же подлинность? Поток изображений, поставляемых средствами массовой коммуникации, никогда не иссякает: «картинки» сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. При этом мы все основательнее катапультируемся в виртуальную реальность. Была ли война в Персидском заливе? Были ли ядерные испытания в Иране? Использовалось ли химическое оружие в Сирии? Из средств массовой коммуникации вы получите самые причудливые ответы на эти вопросы.

² Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Шукиной. М.: Дело, 2014.

³ Там же.

¹ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 475–574.

Ж. Бодрийяр приводит пример того, как конструируется призрачная реальность, выдаваемая за протокольность жизни. В 1971 году мир узнал о том, что в филиппинских джунглях обнаружено племя тасадаи, которое на протяжении тысяч лет не вступало в контакт с другими людьми и живет фактически в каменном веке. Спустя некоторое время выяснилось, что мир имел дело с мистификацией: первобытное племя было «сыграно» крестьянами из деревни, расположенной неподалеку. Анализируя эту историю, французский философ показывает, что в современной идеологической практике невозможно отыскать абсолютный уровень реального. Иллюзия больше невозможна, потому что больше невозможна реальность: все происходящее стало «набором знаков, предназначенных исключительно для своего повторения как знаков, а не для “реальных” целей»¹.

Было бы наивно рассматривать пример с филиппинским племенем только как этнический курьез. Па-

радокс проблемы в том, что ни один эксперт не предвидел некоторых последствий глобализации. Предполагалось, что в ходе развертывания информационного общества индивидуальные черты локальных культур будут утрачиваться. Не исключалось также, что этносы противопоставят глобализирующей тенденции стремление удержать, сохранить традиционный уклад. Однако выявилась еще одна тенденция. Многие народы не стали заботиться о своей этнической сохранности, но не отправились и в «плавильный котел». Вместо этого родился феномен мнимых этничностей. В рамках конструктивизма стали возникать и заявлять о себе всевозможные миражные образования. Началось сотворение мнимых этничностей с привлечением тенденциозно трактуемых исторических фактов, а в еще большей степени иллюзорных идеологических конструкций. Эта тенденция приобретает сейчас особую актуальность и требует критического рассмотрения.

А. Ю. Демшина²

АРТ-ПРОЕКТ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В начале XXI века очевидна необходимость преодоления системных кризисов, связанных с глобализационными процессами. Человечество находится в состоянии поисков новой идеологии или идеологий, адекватных сложности и нелинейности культуры. Современность вырабатывает формы и способы взаимодействия представителей различных культурных локусов как по вертикали, так и по горизонтали. С одной стороны, активизируются процессы мировой унификации культуры, вырабатываются универсальные стратегии и социальные формы. С другой — возникают проблемы, связанные с необходимостью взаимодействия представителей различных религиозных, культурных и социальных традиций.

Открытость современной культуры предлагает новый спектр возможностей для самореализации, но в то же время основана на технологизации многих сфер человеческой жизнедеятельности, в том числе художественной. Любая публичная автопрезентация основана на жажде признания, то есть современная личность желает быть оцененной и идентифицированной. Мода на социальные сети, выкладывание фотографий в интернет-приложения (Instagram, YouTube, Facebook и др.) во многом связана с желанием получать признание, без которого «я» эпохи постинформационного общества не ощущает себя существующим.

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.

² Доцент кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Визуальные искусства в ситуации глобализации культуры: институциональный подход», «Трансформации советской мифологии в функциоколлажах Вадима Войнова», «Игры с архетипами в современном искусстве: интерпретации образа Арлекина в творчестве Тима Бертона», «Диалогическое построение арт-пространства как форма развития современной культуры», «Мода в контексте визуальных искусств XX–XXI веков» (в соавт.) и др.

Сегодня индивидуальность должна рассматриваться в соотношении с чем-то. Ю. Хабермас считает, что в Новое время не получается реализовать себя в одиночку, как было возможно прежде, с помощью молитвы. Со смещением вертикали молитвы в горизонталь человеческих коммуникаций успешность или неуспешность собственной истории стала зависеть от «да» или «нет» другого; индивидуальность теперь формируется в интеракции, то есть в диалоге, во взаимодействии с другими³.

Искусство со второй половины XX века одной из своих сфер реализации видит участие в социокультурной практике. Через арт-проект возможно привлечь внимание аудитории к глобальным мировым проблемам и к уникальному единичному опыту, способствовать саморазвитию и самоидентичности личности. Сегодня актуальное художественное событие, его концепция часто выходят за рамки исключительно художественной сферы. Со времен авангарда искусство все сильнее пытается стереть границу между искусством и жизнью, разрушить стену между обыденностью и творчеством. Творчество становится важной частью жизненного мира, а жизненный мир — темой для искусства. Интерактивность, соучастие потребителя в создании произведения искусства — направления, активно развивающиеся в искусстве со второй половины XX века. Искусство исследует возможности творчества в решении культурных проблем, в поиске направлений для саморазвития личности в ситуации «падения метанарраций в жизненный мир» (Ж. Лиотар). В то же время, как отмечают исследователи, к началу XX века произошел отход от фордистской индустриальной системы организации городского простран-

³ Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35–41.

ства: «Город Форда предполагает явное разделение друг от друга трех зон жизнедеятельности: место работы, место личной жизни и сна, публичное место»¹. Сегодня очевидно, что креативный потенциал горожан, комфортность и разнообразие форм самореализации — залог не только культурного, но и экономического развития города.

Арт-проект в начале XX века становится зоной формирования особого культурного опыта. Расширение границ понимания искусства, доступность различных видов творческой активности для больших масс населения стали одними из факторов развития креативных кластеров. Чаще всего местом размещения арт-проекта становится арт-пространство. Концепты «арт-пространство», «креативное пространство», «креативный кластер» часто употребляются как синонимы. Из отечественной практики видно, что подобные площадки обычно сочетают в себе разнообразные направления. Главное — это особая, уникальная атмосфера этого пространства. К предыстории арт-пространств можно отнести самоорганизованные художественные объединения, заложившие традиции сквоттерства и формирование художественных и околохудожественных форм досуга в общественных местах. В советский период такими неофициальными местами становились кафе («Сайгон», «Эльф») или открытые пространства («Треугольник»), квартирные встречи (например, знаменитая квартирная выставка «На Бронницкой» или квартирники Г. Михайлова или С. Ковальского) и сквоты. В Санкт-Петербурге примером сквота, трансформировавшегося из нелегальной площадки в официально признанное арт-пространство, может считаться арт-центр «Пушкинская-10». Это сквот, ставший на сегодня авторитетной институцией, в которой представлены различные формы и виды творческой жизни: от музея и галерей до мастерских, студий и клубов. Подобную историю имеет «Республика Ужупис», творческий район в Вильнюсе, который часто сравнивают с Монмартром в Париже. Формирование сквотов связано с протестной и партизанской деятельностью, противостоянием официальным институциям и закону. Арт-пространство — это среда, включенная в легитимный социокультурный ландшафт. Параллельно с физически существующими арт-пространствами можно говорить о формировании подобных сообществ в виртуальном мире. Большинство арт-пространств имеют не только свои интернет-сайты, но и страницы в социальных сетях.

Арт-пространство — доступная городская среда, в которой в рамках коммуникации человек выступает не как служащий или посетитель, но как творец. Цель креативных арт-пространств — самореализация, саморазвитие личности в интересном для нее направлении. По мнению Д. Н. Суховской, поддержание и развитие творческой активности возможно при условии проектирования «духа сотрудничества», который в полной мере позволят создать современные многоструктурные креативные городские пространства, такие как лофты, зоны коворкинга и арт-территории,

¹ <http://www.pekar.in.ua/Creative%20City.htm>

арт-кварталы, дизайнерские ритейл-стрит, центры современного искусства².

К началу XXI века можно выделить несколько типов арт-пространств, их особенности влияют на формы арт-проектов. Ряд из них настроены на консолидацию творческих личностей, интересующихся или занимающихся тем или иным видом искусства. Формат деятельности подобных площадок сочетает традиционные формы институализации искусства с интерактивными: выставками, семинары, мастер-классы. Другие своей целью ставят создание зоны для творчества и разнообразного досуга: от просмотра фильмов и чаепитий, настольных игр до мастер-классов и лекций. Отдельный вариант — это создание креативной среды, в которой творчество совмещается с коммерческой деятельностью. Элементы интерактивности используют и художественные институции: организуют квесты, флешмобы, тематические вечера. Важным становится использование подобных пространств для создания стартапов. Арт-пространства сегодня становятся местом не только творческой самореализации, но и площадкой для консолидации вокруг конкретных проектов, самоорганизации граждан в волонтерских, коммерческих или творческих целях. Разнообразие форм и направлений деятельности подобных площадок хорошо прослеживается на примере Санкт-Петербурга. В нашем городе активно функционируют несколько десятков подобных площадок. Креативное пространство «Ткачи» — центр культуры, образования и отдыха. Пространство «Тайга», по идее создателей, должно объединять творчески мыслящих профессионалов, относящихся к труду как к свободной и полезной деятельности, «Легко-легко» — креативное пространство помощи и поддержки семей. Gallery Mi&Ro развивает формат, сочетающий галерею, кафе и место досуга. Вокруг театральной деятельности построена «Театральная гостиница VINCI». «K7» — творческое пространство, работающее в формате лофта. Разместившись на территории бывшего завода, оно развивает множество творческих и ряд коммерческих направлений.

Арт-пространства, как творческие кластеры, становятся фактором преобразования городской среды, создания благоприятной атмосферы как для жителей городов, так и для туристов. А. Амин и Н. Трифт в своей работе «Глобализация, институциональное и региональное развитие в Европе» указывают на то, что урбанистическое творчество — это способ любого жителя города рассказать о себе в рамках саморазвивающегося городского пространства. Подобное творчество возникает в открытых (парки, фестивали) и в закрытых локациях. Это отражает художественное творчество и особенности мировосприятия городских жителей. Сам город также является материалом для творчества³.

Для реализации арт-проектов территория арт-пространства может становиться и игровой площадкой, и моделью мира. Искусство в таком случае способно выступить интегрирующим фактором, созда-

² Суховская Д. Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 650–652.

³ См.: Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002. P. 13.

ющим поле для диалога представителей различных культурных групп, саморазвития или самореализации в различных, не только художественных направлениях. Основой коммуникации в данной форме активности становится диалог.

С такой позиции арт-проект может восприниматься как хронотоп, существующий в особом пространственно-временном континууме. В рамках хронотопа не действуют объективные пространственно-временные схемы. Ведь, находясь на выставке или в музее, мы фактически погружаемся в особое пространство, особую духовную атмосферу, не связанную с пейзажем за окном или актуальными политическими событиями. Арт-проект — место, где при

условии выстраивания диалогического пространства могут не просто общаться, но активно взаимодействовать представители различных культурных страт и профессий.

Благодаря сочетанию культурной и коммерческой функций арт-проекты обладают потенциалом для преобразования современной городской среды. В то же время арт-пространство может выступать и как форма мягкого властного давления — ведь подобная среда формирует и несет определенную идеологию и ценности. Выстраивание возможностей для самоорганизации людей — это перспективная форма решения культурных проблем на уровне общества, возможность для самореализации конкретных личностей¹.

Г. В. Драч²

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Этнокультурное разнообразие современного мира, нарастающие изменения в сферах политики, бизнеса и международных отношений делают остро актуальными вопросы межкультурных взаимодействий. Сформулируем проблему: ведет ли мировое культурное развитие к противостоянию и конфликту или оставляет возможность взаимопонимания и выработки некоторых новых стандартов мышления. Что нас ожидает: противостояние и антагонистическая поляризация или взаимная адаптация и консолидация?³

Проблема культурных взаимодействий требует погружения в культурные рефлексии повседневной жизни. Само культурное взаимодействие многообразно и достаточно хорошо изучено в культурной антропологии (диффузия, окультуривание, подчинение, заимствования и т. д.). Несмотря на то, что целый ряд стран реализовал возможность трансплантации науки и наукоемкого производства в инокультурную среду, актуальным остается противостояние Востока и Запада, развитых (использующих науку) и развивающихся стран.

Дискурс о культурных взаимодействиях не может элиминировать теорию коммуникации. Теория переговоров и концепция «сохранения лица» С. Тинг-Туми проливают свет на ряд вопросов. Через коммуникацию культура усваивается, модифицируется и передается от поколения к поколению. Культура оказывает влияние на коммуникацию, а коммуникация — на культуру. Люди с независимым типом личности в условиях опасности «потерять лицо» склонны использовать оборонительные и конфликтные стратегии⁴. Надо подчеркнуть, что в этой концепции приоритеты отдаются внутренней коммуникации, но не затрагиваются проективные, прогностические аспекты.

Что касается вопроса о «внебиологически выработанной системе значений», то он должен найти применение в самой практике культурологического исследования. В поисках ответа на поставленные вопросы обратимся к концепции культуры М. С. Кагана, которую отличает системный подход, методологически фундированный целым рядом философских категорий, в том числе категорией «бытия»⁵. Бытийственность культуры характеризует ее как одну из форм бытия наряду с природой, обществом и человеком. Системность культуры позволяет объединить все три сферы и вписать за счет этого систему культуры в систему бытия. Именно в системе культуры человек обретает то, что не дано ему от природы, что требует обучения. Вместе с тем Каган уделяет должное внимание коммуникационной функции культуры, характеризуя общение как способ трансляции культуры. А. С. Кармин справедливо считает, что Каган «в своем понимании культуры исходит из понятия человеческой деятельности и относит к культуре все, что производно от нее»⁶.

¹ Демшина А. Ю. Диалогическое построение арт-пространства как форма развития современной культуры // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 2 (31). С. 44–48.

² Научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч.: «Рождение античной философии и начало антропологической проблематики», «Наука о культуре в эпоху постмодерна», «Культурология как научная и учебная дисциплина в свете инновационного потенциала», «Агонистика и человек агональный в культуре Древней Греции», «Культурология: на пути самообретения», «История философии и теория культуры» и др. Член Президиума ФУМО по укрупненной группе специальностей «Философия, этика, религиоведение», член президиумов Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества. Лауреат Национальной премии «Профессор года» (2018).

³ Дахин В. А., Хельфрих Х. Введение // Влияние культуры на взаимоотношения людей: конфликт или шанс? Н. Новгород : ННГАСУ, 2008. С. 16.

⁴ Ting-Toomey S. Translating Conflict Face-Negotiation Theory Into Practice // Handbook of intercultural training / ed. by D. Landis, J. M. Bennett, M. J. Bennett. USA : Sage, 2004. P. 218.

⁵ Каган М. С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. С. 36–54.

⁶ Кармин А. С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб. : Лань, 1997. С. 466.

Многое поясняет осуществленный Каганом антропологический поворот в понимании культуры, ее человеко-размерности: «развернутость вовнутрь» (стремление выразить особенности своего типа человека) и «развернутость вовне» (открытость всем другим человеческим группам), но не в статике культуры, а в динамике, в способах ее воспроизводства и возобновления, что и характеризует жизнь культуры как живое взаимодействие множества субкультур¹.

Выделим три позиции в концепции Кагана. Во-первых, человек центрирует отношения природы и общества. Отличаясь внебиологическими механизмами передачи социального опыта, человек тем не менее не отрывается от природы. Благодаря культуре человек обладает удивительной способностью связать биологическую, социальную и культурную ипостаси. Происходит постоянный культурогенез, человек распредмечивает и опредмечивает мир культуры, являясь «прямым культурогенным субъектом»².

Во-вторых, Каган подчеркивает роль разума, выделяющего человека из мира природы, но не противопоставляющего его ей. Сознательные действия, «мера сознательности», общественная организация — «это не столько продукт деятельности людей, сколько форма объективации самой этой деятельности»³. Искусство, наука, религия — все это подсистемы, раскрывающие способности человека. Взаимодействие подсистем культуры выражается во взаимном опосредовании материальной, духовной и художественной деятельности⁴.

В-третьих, свобода выступает как исторический выбор, как «универсальный принцип деятельности» и «внутренняя основа культуры»⁵. Подчеркивая значение духовного фактора в человеческой жизни, Каган рассматривает творчество и саморазвитие как внутренние детерминирующие факторы: за человеком остается «свобода непрерывного изменения своей поведенческой программы ради ее совершенствования», с чем и связана эволюция материальной культуры⁶.

При таком подходе основная роль отводится взаимодействию культур (внутреннему и внешнему), понимаемому гораздо шире, чем коммуникация, — как самоопределению и свободе в выборе аттрактора. По-

нимание культуры как развивающейся и прогрессирующей системы уместно было бы сравнить с исследованиями в области культурной антропологии. Э. С. Маркарян, обосновывая адаптационную роль культуры, обращался к работам Л. Уайта⁷. Уайта интересует увеличение количества преобразований, обеспечиваемых культурой при данном количестве энергии. Он характеризует эволюцию культуры как «захватывающую историю приключений и прогресса»⁸, а человека — как «материальное тело, которое должно совершать определенные действия для поддержания своего положения в космической материальной системе»⁹. Такая позиция несовместима со взглядами Кагана, который рассматривает культуру изнутри, как самозначащее образование, и мерой ее развития выступает в этом случае человек.

Актуализируется вопрос о «человеко-размерности» культуры и внутренних законах ее развития, об особой роли культурологии в социогуманитарном знании. Этот вопрос поднимается в трудах Д. С. Лихачева. О культурологической значимости конкретного гуманитарного творчества как горизонта поиска и направления исследования, о «человеко-размерном характере» гуманитарного знания пишут А. С. Запесоцкий и Ю. М. Шор¹⁰.

Взаимодействие, рассматриваемое как фактор социальной и исторической динамики, не только объясняет многообразие культур, но и позволяет восстановить контекстуальность культурных коммуникаций, что дает возможность взаимопонимания. Культурологическая позиция М. С. Кагана сохраняет антропологический пафос исследования и показывает продуктивность обращения к философии культуры. «Человеко-размерность» выступает как категория и императив взаимодействия культур и культурного развития, лежащего в основании современного мира. Культура находится в точке пересечения индивидуального «я» и коллективного «мы». Культурологический поиск в данном направлении характеризует культурологию как науку, не порывающую с философией культуры, отыскивающую основания общечеловеческого взаимодействия, и позволяет обосновать преимущества культурологии в пространстве междисциплинарного научного дискурса.

¹ Каган М. С. Указ. соч. С. 116.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 97–98.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ Там же. С. 321.

⁷ Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М. ; СПб. : Центр гуманит. инициатив, 2014. С. 174–176.

⁸ Уайт Л. Избранное: наука о культуре. М. : РОССПЭН, 2004. С. 417.

⁹ Там же. С. 418.

¹⁰ Запесоцкий А. С., Шор Ю. М. Предмет культурологии как теоретическая проблема // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания. СПб. : РХГА, 2008. С. 53–63.

Н. В. Дымченко¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫЙ ИМИДЖ ПМР:
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

С момента провозглашения Приднестровской Молдавской Республики (ПМР, Приднестровье) 2 сентября 1990 года начался процесс создания государственных структур, а вместе с ним — культурные преобразования в стране. История создания ПМР и современное государственно-политическое устройство Приднестровья определили задачи в области возрождения, сохранения и трансляции культурного наследия. В их числе — охрана памятников археологии, истории, архитектуры, развитие профессионального искусства и самостоятельного творчества, которые наряду с государственной символикой являются визитной карточкой Приднестровья.

Вместе с политическим и социально-экономическим становлением на протяжении почти 30 лет формировался и культурный имидж Приднестровья. Целенаправленно создавался образ ПМР как государства с многогранными культурными традициями, имеющими глубокие исторические корни и возрождающимися в новых реалиях. Земля левобережья Днестра хранит наследие киммерийцев, фракийцев, скифов, сарматов, славян, живших здесь в древнейшие времена.

Развитие культуры региона во многом определяется его географическим положением. Приднестровье располагается на стыке двух великих культур — романской и славянской. На протяжении столетий здесь происходили процессы миксации, ассимиляции, консолидации различных этносов, что обусловило пестрый национальный состав населения региона. Население имеет особый интернациональный менталитет, что проявляется в широком использовании трех основных языков — русского, молдавского и украинского². Несмотря на полиэтничность, регион всегда был ориентирован на Россию и входил в ее состав с конца XVIII века.

Приднестровье является родиной выдающихся деятелей науки и культуры — академиков Н. Д. Зелинского, Л. С. Берга, Е. К. Федорова, К. К. Гедройца; художника-авангардиста, создателя «лучизма» М. Ф. Ларионова; профессоров Л. А. Тарасевича и Н. В. Склифосовского; композитора А. Г. Рубинштейна и др.

¹ Проректор Тираспольского межрегионального университета, заведующий кафедрой общегуманитарных и правовых дисциплин, директор Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья, доктор философии (Ph. D.), кандидат культурологии, профессор. Автор более 150 научных работ, в т. ч. монографий: «Страницы культуры Приднестровья: очерки и статьи», «Культурное пространство Приднестровья: истоки, реалии, тенденции» (в соавт.), «Очерки православной истории и культуры Приднестровья», «Культурно-просветительная деятельность в поликультурном пространстве Приднестровской Молдавской Республики: организация, динамика, тенденции (1990–2005 гг.)», «Грани приднестровской культуры» и др. Председатель Геральдического совета при Президенте ПМР. Член Русского географического общества, Союза краеведов России, Императорского православного палестинского общества. Награжден медалями Пушкина и «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества» (Россия) и др.

² Дымченко Н. В. Россия и Приднестровье: геополитические интересы и культурно-образовательные контакты // Вестник РГТЭУ. М., 2011. Вып. 1 (50). С. 147.

Поэтому сохранение культурного наследия Приднестровья было и остается одним из приоритетных направлений культурной политики государства.

Исследование показало, что защита и сохранение культурной самобытности народов, проживающих на территории ПМР, является неременным условием прогресса и развития приднестровского общества, а взвешенная и обоснованная культурная политика служит фактором устойчивого развития края, позволяющим говорить о культурном имидже ПМР. Законодательство в области культуры Приднестровья предусматривает, что сохранение и возрождение историко-культурного наследия — приоритетное направление в государственной культурной политике Приднестровья.

Государство уделяет большое внимание сохранению историко-культурного наследия края: подготовлена соответствующая законодательная база, приняты отраслевые целевые программы развития библиотечных фондов, музейных учреждений, охраны памятников. Приняты законы ПМР «О культуре», «О библиотечном деле», «Об охране и использовании памятников археологии, истории и культуры», «О музейном фонде» и т. д.

Большое значение для формирования имиджа ПМР имеет деятельность СМИ Приднестровья. Так, еще в 1992 году было создано радио ПМР, а телевидение Приднестровья получило свой канал. Вещание ведется на русском, молдавском и украинском языках.

В Приднестровье выходят три республиканские газеты: «Приднестровье» — на русском языке, «Адевр-ул Нистрян» — на молдавском и «Гомін» — на украинском. В республике развита сеть государственных и частных издательско-полиграфических предприятий. Издается более 100 наименований периодических изданий (альманахи, журналы, газеты, бюллетени, дайджесты) на разных языках, в основном на русском.

Многоязычный состав Приднестровья дал толчок развитию национальных культур. В республике работают общества русской, молдавской, украинской, болгарской, белорусской, немецкой, армянской, еврейской, польской, цыганской культур. Плодотворно развиваются национальные культурные традиции, этому способствует деятельность Союза русских общин Приднестровья, Союза украинцев и Союза молдаван ПМР. Национальные союзы и общества ведут большую культурно-просветительную работу, реализуют культурные программы, проводят международные встречи и художественные выставки, способствуя диалогу культур.

Развитие всесторонних связей с Россией является первостепенным направлением внешней политики ПМР. Активное политическое, экономическое и культурное сотрудничество с Россией отвечает интересам приднестровского народа, способствует укреплению позиций Приднестровья на международном уровне.

Следует учитывать, что на территории Приднестровья проживают около 220 тыс. граждан России. Понятно, что Приднестровью необходимо отстаивать свои государственные интересы с учетом интересов России.

В Приднестровье созданы многочисленные профессиональные творческие коллективы и объединения. Художники, писатели, дизайнеры, музыканты, артисты представляют свое творчество в ближнем и дальнем зарубежье, тем самым способствуя формированию культурного имиджа ПМР.

Крупной общественной организацией ПМР стала учрежденная в Тирасполе в 1993 году Международная ассоциация работников культуры и искусства (МАРКИС). Уже 25 лет под девизом «Через культуру — к миру и согласию народов!» ассоциация объединяет учреждения и деятелей культуры и искусств из России, Белоруссии, Украины, Болгарии, Молдовы и ПМР. Основные цели ассоциации — координация и развитие в области культуры и искусства, народного творчества, укрепление культурных связей и дружбы между народами; сохранение, поддержка и развитие художественного творчества, народных обычаев и обрядов; расширение сотрудничества и установление новых контактов в области культуры и искусства, обмен творческими коллективами и делегациями; активное содействие в сохранении и возрождении историко-культурного наследия, проведение международных фестивалей, конкурсов, праздников, выставок и т. п.

Современное общество все больше нуждается в новом мировоззрении, интеграции культур и народов с целью их дальнейшего процветания и духовного обогащения. Особенность Приднестровья — государственность, основанная на поликультурности и полиэтничности края.

Большим событием в духовной жизни Приднестровья стало посещение края Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в 2013 году, который обратился к православным жителям Приднестровья на площади им. А. В. Суворова в Тирасполе.

Можно констатировать, что за неполные три десятилетия существования Приднестровской Молдавской Республики в качестве независимого государства сформировалась особая приднестровская надэтническая идентичность¹.

В Приднестровье сложилась своеобразная полиэтнокультурная парадигма, ориентированная на Россию. Общее историческое прошлое, русский язык и культура, православие являются духовными скрепами, соединяющими Приднестровье и Россию.

Таким образом, культура Приднестровской Молдавской Республики находится в процессе непрерывного развития и имеет огромный потенциал. Она связана с лучшими культурными традициями России и всегда будет служить дальнейшему формированию диалога культур и положительного имиджа ПМР как государства, обладающего богатым культурно-историческим наследием.

Т. И. Ерохина²

ФЕНОМЕН ДИАЛОГА В МАССОВОЙ И ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРАХ³

Диалоговое мышление и принципы диалога как феномена культуры в современной гуманитарной парадигме приобретают особое значение. Диалог культур как особого рода система имеет фундированную теоретико-методологическую базу (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Леви-Стросс, М. Бубер, К. Ясперс, Н. Трубецкой, Л. Гумилев, М. Бахтин, М. Каган, В. Библер, Ю. Лотман и др.).

Принципиальный переход от «философской монологизации» к диалогичности, а затем полифоничности художественного текста (М. Бахтин), понимание текста как формы общения культур, осознание того, что культура живет и развивается на грани культур (В. Библер) и диалог имеет онтологическую значимость в понимании культуры как системы диалогических (полифонических) текстов (Ю. Лотман) создают принципиально новые подходы к формированию интерпретационных моделей современной культуры.

Соглашаясь с мнением М. С. Кагана, что диалог культур — это одна из возможных позиций анализа текстов культуры наряду с монологическими позициями «подчинения настоящего прошлому», а также с его утверждением, что ситуация постмодернизма — это «наступление эпохи *многомерного диалога*»⁴, можно предположить, что диалогичность становится не только принципом анализа художественного текста, но и способом моделирования, бытования и функционирования культуры.

Соглашаясь с мнением М. С. Кагана, что диалог культур — это одна из возможных позиций анализа текстов культуры наряду с монологическими позициями «подчинения настоящего прошлому», а также с его утверждением, что ситуация постмодернизма — это «наступление эпохи *многомерного диалога*»⁴, можно предположить, что диалогичность становится не только принципом анализа художественного текста, но и способом моделирования, бытования и функционирования культуры.

¹ Актуальные вопросы внешней политики Приднестровья (2012–2013). Тирасполь : МИД ПМР, 2014. Вып. 1. С. 5.

² Первый проректор Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры», «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах» (в соавт.), «Исторический город русской провинции как культурный универсум» (в соавт.), «Православие и русская культура» (в соавт.) и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Эксперт Аналитического центра при Правительстве РФ.

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 14–18–01833-П «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс».

⁴ Каган М. С. Философия культуры. СПб. : СПбГУ, 1996. URL: <http://topuch.ru/uchebnoe-posobie-sankt-peterburg-1996-g/index28.html>

нирования, способом презентации и репрезентации явлений современной культуры.

В этом контексте диалогичность будет рассмотрена нами как черта массовой и элитарной культур.

На сегодня в культурологии устоявшимся является представление, что массовая культура ориентирована на искаженное воспроизводство артефактов и смыслов, порождаемых элитарной культурой (Т. С. Злотникова, М. С. Каган, И. В. Кондаков, А. В. Конева, Г. Тульчинский, А. Я. Флиер и др.). В центре нашего внимания — феномен диалога в массовой и элитарной культурах.

Диалог в своем не бытовом, а научно-философском смысле — «информационное взаимодействие людей как субъектов, независимо от речевых или иных семиотических средств, целью которого является повышение степени их духовной общности или достижение этой общности»¹. Таким образом, диалог рассчитан на передачу информации одним лицом и потребление этой информации другим, а также на взаимообогащение при этом².

Массовая культура ориентирована в первую очередь на диалог в его обыденном понимании — простую передачу информации, в то время как диалог в элитарной культуре порождает новые смыслы, не тождественные содержанию сообщения. В то же время, по Ю. Лотману, любой диалог предполагает «наращивание» смыслов. Диалогический характер массовой и элитарной культур обусловлен спецификой адресата и первичным (изначальным) содержанием текста.

В ситуации постмодернизма допустимо сосуществование двух типов диалога, каждый из которых реализуем в рамках единого текста художественной культуры.

Коммуникативность как важнейшее свойство культуры подчеркнута в концепции диалогичности текстов М. Бахтина. Принципиальную непереводаемость текстов он объясняет не просто диалогичностью, а полифоничностью культуры, в которой звучат «голоса иногда бесконечно далекие, безыменные, почти безличные, <...> почти неуловимые, и голоса близко, одновременно звучащие»³.

Участники диалога (адресант и адресат) пользуются не одним общим, а различными, но в определенной степени пересекающимися кодами (Ю. Лотман). Данная схема коммуникации приводит к появлению идеального адресата (адресата элитарной культуры), на которого рассчитано закодированное адресантом сообщение, и реального адресата (адресата массовой культуры), воспринимающего сообщение посредством своего кода. Безусловно, элитарная культура может иметь и имеет реального адресата, в то время как массовая культура выстраивает диалог с идеальным адресатом. Двойственность (бинарность) адресата приводит к двойственности процесса коммуникации, вариативность которого обусловлена общением адресата

с адресантом, культурной традицией, культурным контекстом.

Наиболее репрезентативно амбивалентность диалога массовой и элитарной культур представлена в современном театральном искусстве, которое тяготеет к моделированию диалога в горизонте массовой культуры и пытается создать диалог в аспекте элитарной культуры, претендуя на разрушение стереотипов, оригинальность и уникальность созданного текста и на сотворчество со зрителем (адресатом).

Амбивалентность диалога культур обнаруживается в театральном пространстве независимо от методов, направлений, стилистики, форм и видов театра: диалог моделирует практически все уровни режиссерского замысла. Так, спектакли по классическим произведениям — это историко-культурный диалог современных постановок с постановками предыдущих лет. Его парадоксальность заключается в тернарном (как минимум) характере — автор/режиссер/зритель, и этот уровень диалога свойствен массовой культуре. В элитарной культуре многомерность диалога формируется за счет включения в него постановок предыдущих лет, в том числе того же самого режиссера, постановок на сцене одного и того же театра. Соответственно, информативный характер диалога в элитарной культуре теряется, уступая место «многомерному» диалогу культур.

Диалогический характер приобретает работа с текстом пьесы: авторский текст становится своего рода метатекстом, который не только создает интертекстуальное диалогическое взаимодействие текстов, но и моделирует онтологически значимый смысловой конструкт. Метатекстовый характер пьесы обнаруживается, прежде всего, на уровне работы режиссера: редакция, новая компоновка, сокращения, цитаты, повторы; на уровне новых ассоциативных связей: пушкинская тема, лермонтовская, кавказская и другие; на уровне расширения текста до культурных кодов.

Парадоксальность диалога в массовой и элитарной культурах в данном контексте заключается в том, что современный массовый зритель зачастую воспринимает текст театральной постановки как аутентичный текст пьесы, следовательно, возникает ситуация «псевдодиалога», в то время как диалогичность элитарной культуры базируется на метатексте и формирует новый уровень полилога.

Актуальной формой диалога является диалог с современностью, который становится онтологически значимым как для массовой, так и для элитарной культуры. Он может возникать как «вынужденно», благодаря новым техническим возможностям сцены, так и сознательно — на уровне вторжения современности в текст постановки (аллюзии на современные события и т. д.). Диалог с современностью, как правило, актуализирован в массовой культуре на уровне эмоционального восприятия, злободневной и шаблонно-стереотипной модели современности, в элитарной культуре обращение к современности востребовано в контексте формирования «культурной памяти».

Таким образом, обозначение основных процессов коммуникации позволяет нам подчеркнуть роль аудиотории, которая выступает не только как дешифровщик

¹ Каган М. С. О педагогическом аспекте теории диалога. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1040

² Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/07.php

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 303.

текста, но и как участник диалога. Феноменом диалогичности становится изначально заданная амбивалентность диалога массовой и элитарной культур, что,

в свою очередь, приводит к появлению нового уровня диалога — диалога пограничности смыслов и культурных кодов.

А.-К. И. Забулионите¹

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ МИГРАЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Настоящее и будущее: новые факторы всемирной истории. Проникновение европейских форм науки и техники практически во все цивилизации человечества стало самым существенным результатом XX века в мировой истории. Научно-техническую эпоху еще в середине XX века К. Ясперс определил как новое основание единства человечества². Она стала «предпосылкой и возможностью всемирного общения»³. Но Ясперс видел основу этого единства не в унификации, а в экзистенциальной коммуникации уникальных культур. Радикально иными оказались интерпретации интеграционных процессов и единства человечества в теориях глобализации, которые появились в последние десятилетия XX века (идея Р. Робертсона о мире как «едином месте» (a single place) и «глобальном человеческом состоянии» (global-human condition)⁴). В это же время появились труды, усматривающие мировоззренческие истоки глобализма в идеях Просвещения. В них полагалось, что идеал прогресса уже достигнут в ведущих странах глобализации. И в этом смысле дальше идти некуда — конец истории наступил. На смену истории должна прийти трансформация всех запаздывающих культур по образцу ведущих стран глобализации.

Транскультурная миграция и особенности культурогенеза в перспективе XXI века. До научно-технической эпохи как нового основания единства человечества многообразные цивилизации, хотя и имели контакты, но все же в высокой степени сохраняли обособленность своего исторического развития. Поэтому культуры в своих пространственно-географических границах демонстрировали высокую степень цельности, которая несколько размывалась на границе. Но ядровые структуры можно было достаточно легко охватить теми или иными теоретическими конструктами (философии культуры или теории культуры). Однако ситуация принципиально меняется в современном мире, в котором человечество, интегрированное на но-

вом уровне, обретает не только возможность всемирного общения, но и сталкивается с опасными тенденциями. Одна из них — транскультурная миграция, в том случае если она становится массовой. Она влияет как на «принимающую» культуру, деформируя ее мировоззрение и актуализируя этнические компоненты ментальности, так и на «проникающую», лишая ее полноценного культурогенеза. Оторванные от собственной почвы индивиды в чужом культурном ареале пытаются создавать анклав своей культуры, которые неизбежно ограничены по возможностям культурогенеза. Как известно, И. Тэн еще в XIX веке отмечал связь трех детерминант полноценного культурогенеза: общая земля, язык и историческая судьба. Только это создает условия для полноценного развития организма культуры.

В XXI веке сосуществование в одном пространстве разных культур становится общим местом. В одном цивилизационном пространстве соприкасаются фрагменты (и языки) разных цивилизаций и культур. Казалось бы, такое культурное пространство напоминает семиосферу Лотмана, всю избородженную границами, на которых и рождаются новые смыслы («тексты культуры»). Но в нашем контексте этого не происходит. Следует иметь в виду, что у Лотмана речь идет о внутренних границах⁵, на которых происходит рождение новых смыслов, и о целостности семиосферы. В ситуации транскультурной миграции проблемой становится не описание ситуации диалога, а его отсутствие. Закрытость от диалога — формирование в одном цивилизационном пространстве замкнутых культурных анклавов, не вступающих в коммуникацию. Культуры как бы не видят друг друга, а процессы культурогенеза в таком пространстве протекают в параллельных, не пересекающихся мирах. Все пространство избороджено границами, но эти границы не внутренние, а внешние, непроницаемые.

Ни глобальной, ни мультикультурной культуры не бывает. Диффузное проникновение чужеродной культуры само по себе не приводит к взаимодействию, но способно серьезно осложнить естественный процесс культурогенеза. Практика миграционной политики в Европе, которая не дала ожидаемого результата, сегодня красноречиво доказывает эту истину для тех, кто сомневался в аргументе философской мысли.

Целостность культуры и анализ на микроуровне: потенциал неклассической культурологии. Культурфилософская и культурологическая мысль в России изначально была ориентирована на понимание куль-

¹ Доцент кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор около 60 научных публикаций, в т. ч.: «Культура как историческая целостность: алгоритм научного познания», «Становление дисциплинарной структуры культурологии: от описательности к типологическому моделированию», «Философия науки, философия культуры, культурология: взаимный интерес», «Миракль как содержательная форма», «Культура как целостность в дисциплинарном проекте культурологии» и др. Председатель секции философии культуры и культурологии Дома ученых им. М. Горького РАН.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 53.

³ Там же. С. 95.

⁴ Robertson R. Globalization: social theory and global culture. L.: Sage Publications. 1992. P. 27, 182.

⁵ Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 17.

туры как уникального, самоценного и самоцельного исторического образования, которое традиционно выражалось понятием «тип». Поэтому основные концепты классической культурологии были ориентированы на выражение целостности культуры и разработку соответствующего методологического аппарата. Но в современной ситуации культуры, когда ее целостность становится проблемой, концепты классической культурологии не во всех ситуациях оказываются продуктивными. Это не означает отказа от идеи целостности и уникальности культуры, но говорит о том, что процессы культурогенеза в перспективе усиливающихся тенденций интеграции и унификации нуждаются в новых эвристических методах познания. Перед философией культуры и культурологией ныне стоят задачи переосмысления принципа историзма и реновации дисциплинарной структуры культурологии. Одной из попыток решения этих задач стала разработка алгоритма культурологического познания в неклассической культурологии¹.

Неклассическая культурология формируется, не теряя связей с классической. Однако она формируется как ответ на обнаружившиеся апории последней (верховенство логического принципа над свободой и теоретической схемой над уникальным событием). Чтобы решить эти проблемы познания, в неклассической культурологии перестраивается дисциплинарная структура познания. Как известно, классическая культурология в осмыслении артефакта культуры идет от теории, от логической схемы к событию. Ее теоретический конструкт выражает целостность, а факт она рассматривает как проявление некоей закономерности.

Неклассическая культурология переворачивает ситуацию познания. Она исходит из приоритета события перед логической схемой и рассматривает событие как проявление свободы, то есть как аномалию, а не закономерность. Уникальный факт она раскрывает с точки зрения того, как в нем реализовалась свобода, творческий порыв человека. Центр ее тяжести перемещается в историческую культурологию, которая не есть история. Она работает с априорным знанием, то есть обращается к методам философской реконструкции бытийного горизонта. Но в то же время она не является чистой философией, ибо обращается к артефактам культуры, усматривая в них метафизические параметры (уникальный бытийный горизонт). Работа с метафизическим измерением культуры — это не роскошное излишество для культурологического исследования, ибо только в перспективе бытийного горизонта аномалия предстает как ожидаемое, возможное. Ее мы можем вписать в определенный горизонт смыслов конкретной культуры.

В тех случаях, когда человек — носитель конкретной культуры — отрывается от своей культурной почвы, он не лишается бытийного горизонта культуры, несмотря даже на то что в нем происходит трансформация. Бытийный горизонт остается той системой координат, которая позволяет уловить смыслы поведения и деятельности человека. Бытийный горизонт (метафизический уровень) определяет и межкультурный диалог, возможность понимания. Встреча культур возможна на уровне смыслов и горизонтов. Если измерение бытийных горизонтов не будет участвовать в диалоге культур — их встреча не состоится.

С. Ю. Иванова²

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ³

XXI век начался как эпоха острых глобальных конфликтов и противостояния военных блоков, политиче-

¹ О дисциплинарности и алгоритме неклассической культурологии см.: *Забулоните А.-К. И., Коробейникова Л. А.* Культура как целостность в дисциплинарном проекте культурологии // Вестн. Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 47–60.

² Главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Современный российский патриотизм» (в соавт.), «Русский человек в ситуации диалога и конфликта культур: проблема ценностного самоопределения», «Идеология и воспитание: поиск основ», «Национализм как угроза устойчивому мировому развитию», «Молодежь и проблемы модернизации», «Гуманитарная безопасность в полиэтничном регионе», «Проблемы формирования патриотических убеждений в современной России», «Проблема патриотизма в поликультурных государствах», «Мультикультурализм и идентификационные процессы в полиэтничном социуме: российский опыт и проблемы», «Потенциал системы образования в гражданской консолидации полиэтничного социума», «Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения». Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Президиума РАН.

ских доктрин и мировоззрений. В этот период истории люди, как никогда прежде, должны осознавать общечеловеческое родство и взаимосвязь своих судеб. В начале II тысячелетия потрясающие мир межнациональные противоречия и этнические конфликты представляются болезнью, которую человечеству предстоит преодолеть, чтобы подняться на новый уровень этнополитической и культурной консолидации в интересах всех народов и каждого человека. Речь идет об осознании людьми своей принадлежности к широкой, наднациональной общности — общечеловеческой.

В связи с этим становится актуальной проблема становления единой общечеловеческой культуры, развивающейся через взаимодействие и взаимообогащение ее национально-этнических форм, через диалог. Диалог культур как реалия современной жизни определяется пониманием сущности бесконечного разнообразия культурных проявлений, причин различия и схождения культур разных народов.

³ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 год, гос. рег. проект № АААА-А16-11602610051-6.

В культуре нового века под влиянием глобализации нарастает количество единообразных элементов. К общечеловеческим нормам, ценностям, формам восприятия и оценке мира человечество приходит в результате развития и взаимовлияния национальных культур. Рационально, логически последовательно, однозначно охарактеризовать этническую культуру невозможно. У нее нет строго определенных, исчисляемых признаков — напротив, все ее признаки носят психологический, мирозерцательный характер. Этнический характер культуры можно почувствовать, выразить художественно, эстетически, интуитивно. Научно его можно описать лишь в ограниченной степени. Трудности познания и анализа этнической культуры вполне сравнимы с трудностями познания личности. Такое сравнение правомерно, если рассматривать этнос как «коллективную личность».

Каждый народ, отражая общечеловеческие черты, обладает неповторимыми качествами, «тайной национальности», по словам Н. А. Бердяева¹. Этнические ценности, этноопределяющие символы и этноспецифические формы и способы социального взаимодействия в современном мире становятся базой для этнической консолидации. Рост национализма порождает проблемы, связанные с поиском оптимальных этнокультурных взаимоотношений в мировом пространстве.

Ни один этнос не может вступать в межэтническое общение, не осознав своего внутреннего «я» и не определив своего отношения к окружающим его общностям. Сформированное этническое самосознание является условием гармоничных межэтнических отношений, в том числе на личностном уровне. По образному выражению Расула Гамзатова, «каждый человек смолodu должен понимать, что он пришел на землю для того, чтобы стать представителем своего народа, и должен быть готовым принять на себя эту роль»². Каждый человек должен впитать все подлинно народные традиции, социальный опыт и историю родного народа в его взаимоотношениях с другими нациями и этносами.

Все возрастающее этнокультурное и этноконфессиональное многообразие социумов во многих странах под влиянием, в первую очередь, набирающих силу миграционных процессов способствует возникновению напряженности между большинством и национальными меньшинствами, коренным населением и иммигрантскими группами, которое особенно опасно для многонациональных государств возникновением стихийных этнических конфликтов. Действенных рецептов примирения и унификации на ценностном уровне современный мир еще не выработал. Он лишь пытается придать модному сегодня различию безопасную, предсказуемую, контролируруемую музейную форму выставки, фестиваля, мультикультурной антологии и тому подобного, основанную на консервации и запирающую меньшинства в раз и навсегда заданные этнические ячейки. Но осознание важности межкультурного диалога, его роли в достижении гуманитарной безопасности набирает силу.

Укрепление гуманитарного пространства — сложный мировой проект, реализация которого невозможна без поиска путей обеспечения безопасности человечества, личности, каждого человека на планете.

В современных обществоведческих научных исследованиях актуализировался интерес к новому феномену — политике гуманитарной безопасности, которую можно определить как систему способов и процедур обеспечения безопасности человека, структур его жизнеобеспечения в кризисно-конфликтных условиях, а также в период стабилизации и реабилитации после выхода из кризиса (постконфликтное миростроительство)³.

Эта общемировая парадигма имеет несколько ключевых измерений, среди которых принципиальное место занимают региональные аспекты, т. к. после разрушения двуполярного мира силовое противостояние сверхгосударств ушло в прошлое и военно-политическая нестабильность и конфликтность «опустились» на региональный и локальный уровни.

Если гуманитарная безопасность есть определенное состояние защищенности, то, наверное, существует опасность для этой защищенности? Откуда исходят эти угрозы культуре, вере, образованию, свободам, правам? Если говорить о гуманитарной безопасности, то в первую очередь следует выяснить, что за опасности она подразумевает. Следовательно, в первую очередь необходимо выделить объективные причины снижения уровня гуманитарной безопасности, к числу которых относятся: экономические; вызовы глобализации; все возрастающее влияние на личность информационного пространства; глубокие объективные цивилизационные изменения.

Россия оказалась в эпицентре этих столкновений, что приводит к размыванию некоторых культур. Как управлять сложными и динамичными гуманитарными процессами? Есть ли возможность в принципе противодействовать этим угрозам? Какими силами, средствами? В основе гуманитарной безопасности должна лежать национальная идея как объяснение того, что ожидает народ, проживающий в этом государстве. В качестве угрозы гуманитарной безопасности следует рассматривать деградацию человеческого капитала, снижение общекультурного уровня в области образования, науки, здравоохранения, в области качества жизни.

К числу субъектов как обеспечения гуманитарной безопасности, так и создания угроз ее достижению можно отнести средства массовой коммуникации. Силовой компонент в эпоху информационных войн занимает лишь пятое место. На первом месте — организационно-концептуальные рычаги, на втором — идеологические или традиционные, то есть то, что существует на уровне архетипов или генотипов, память предков (это самое недоступное для поражения противником), на третьем — информационные, на четвертом — финансово-экономические, которые идут впереди силовых. И только за ними следует политика и внешне-экономический инструментарий. Не меньшую угрозу

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 87.

² Гамзатов Р. Мой Дагестан // Гамзатов Р. Собр. соч. М., 1991. Т. 3. С. 24.

³ См.: Сухарев А. И. Политика гуманитарной безопасности (к вопросу о теории политики и практике безопасности) // Безопасность Евразии. 2000. № 1.

представляет Интернет, потому что эта сфера быстро развивается и по сути своей не подвержена тотальному контролю.

Задачу обеспечения гуманитарной безопасности и стабилизации межнациональных отношений невоз-

можно эффективно решить без восстановления единого информационного и культурно-образовательного пространства — основной предпосылки осуществления реального диалога культур, способствующего укреплению мира и стабильности.

С. Н. Иконникова¹

ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В XXI ВЕКЕ

Рубеж III тысячелетия неизбежно настраивает ученых и практиков на размышления о перспективах развития культуры, изменении ее социального статуса, выявлении приоритетных направлений и тенденций. Но, как и любой прогноз, эти перспективы имеют вероятностный характер, очерчивают лишь приближительные контуры, опираются на предчувствия и предвидение будущего, нежели на точное знание. Именно поэтому оказалось столь приемлемым понятие вектора, которое принадлежит математике, но используется в социальном и культурном значении. Вектор характеризует направление развития, продолжительность действия данной тенденции, скорость возможных перемен. В культурах общественных систем могут возникать несколько векторов, в совокупности образующих векторное пространство. В нем могут действовать векторы длинной или короткой дистанции, параллельные друг другу или пересекающиеся, одинаково ориентированные или имеющие противоположное направление. Это создает возможность проектирования векторной диаграммы, в которой представлены различные направления развития культуры в прогнозируемом будущем. Новая ценностная ориентация, возникающая в культурном социуме, оказывает влияние на семиотику векторного знака, меняет смысл или прекращает его действие. Векторное пространство отражает процессы интеграции и дифференциации, подъема и спада, согласия и конфликта, гармонии и дисгармонии культуры; характеризует динамику социального и культурного развития цивилизации.

Современный мир все чаще называют многополярным. Это означает, что процесс модернизации не порождает универсальной цивилизации с едиными культурными ценностями, а характеризуется множеством векторов, отражающих как общие, так и особые тенденции. Меняется соотношение сил между Западом

и Востоком, появляется иной вектор развития культуры Севера и Юга. Влияние вестернизации значительно уменьшается, американизация культур вызывает негативное отношение народов.

Восточные цивилизации переживают подъем, наращивают свое экономическое, политическое и религиозное влияние, порождают феномен «родственных стран» с общей, но отличной от других идентичностью самосознания и национальной самостоятельностью. Формируется мировой порядок, в котором страны со сходной культурой стремятся к сотрудничеству друг с другом и группируются вокруг ведущих государств своей цивилизации. Претензии на универсализм приводят к столкновениям между цивилизациями. Поэтому предотвращение локальных конфликтов в значительной степени зависит от возможности Запада утвердить свою идентичность как достаточно самобытную, но не универсальную для модернизации других стран с особой культурой и историей.

В XXI веке западный путь развития как вариант однополярности постепенно утрачивает привлекательность для других стран, и ему на смену идет многополярный мир равноценных и равноправных цивилизаций. Это означает, что однополярный социум становится анахронизмом и постепенно уходит в историю. Наступает фаза интенсивного устойчивого взаимодействия всех цивилизаций и взаимного обогащения культур. Растет интерес к истории, языку, традициям, религии, искусству, философии, нормам общения, обычаям повседневной жизни, отношениям между родителями и детьми, мужем и женой, между молодыми и пожилыми, бедными и богатыми, больными и здоровыми в разных странах и регионах. Эта палитра различий весьма многоцветна и не может стать ни одномерной, ни однотонной, иначе человечество утратит свою привлекательность. Культурный мир интересен в своем разнообразии.

В современных условиях особое значение приобретает выявление условий и перспектив для позитивного диалога культур и определение технологий и социальных механизмов устойчивого и мирного взаимодействия. Россия располагает огромными возможностями для развития культуры и участия в мировом сообществе. Геополитическое положение, природные ресурсы, территориальное разнообразие, множество этносов и субкультур, мощь государственного устройства, религиозная веротерпимость, национальное своеобразие искусства и литературы создают благоприятную основу для духовного развития российской цивилизации.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контур истории культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония "цветущей сложности" — союз этики и эстетики», «Теория культуры», «Культурология», «История культуры повседневности» и др. Член редколлегии журнала «Вопросы культурологии». Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

Не претендуя на полноту описания, отмечу наиболее значимые тенденции и векторы, оказывающие влияние на развитие культуры России в XXI веке.

1. Происходит уплотнение информационного поля и увеличивается свобода выбора источников информации. Небывалое в истории общества нарастание объема информации в различных формах — книжной, журнальной, газетной, в интернет-источниках — буквально обрушивается на человека.

Но наряду с достоинствами свободной информации появились новые проблемы: зависимость от финансовых источников, вытеснение отечественной и зарубежной классики, засилье «желтой прессы», массовое распространение порнографии, преобладание детективного жанра, мистики, популяризация зла и насилия.

2. Возникает новая социально-культурная стратификация человечества. Культура общества на любой стадии развития характеризуется как целостность с преобладанием ценностей, составляющих ее уникальное ядро и особую семиосферу. Механизм интеграции создает основу социальной и культурной идентификации, обеспечивая трансляцию духовного опыта поколений, их взаимопонимание и устойчивое взаимодействие. Благодаря целостности происходит постоянное наслаивание глубинных пластов, пронизывающих историческую ткань культуры. Универсальные константы бытия, нормы и стереотипы поведения, верования и стиль общения, архетипы фольклора и символы, формы хозяйственного уклада и повседневной жизни составляют основу исторического субстрата культуры. По внутренним вертикальным «лифтам» они перемещаются в современность по принципу сообщающихся сосудов. Целостность культуры составляет основу национальной и личной идентификации, делает ее узнаваемой на карте мировой культуры.

Но в культуре происходят постоянные изменения, она не терпит стагнации, застоя. Перемены возникают в процессе образования субкультур. Существование субкультур связано с внутренней неоднородностью общества и включает, помимо основного ядра, группы со специфическими этническими, сословными, конфессиональными, функциональными и иными признаками. В современной ситуации возникновение субкультур отражает процессы формирования гражданского общества, появления новых форм интересов, увлечений. В то же время оно свидетельствует о негативных сторонах демократизации — появлении коррупции, корпоративной культуры закрытых сообществ, мафии, наркоманов, бомжей, нищих, групп сексуальных меньшинств.

Множественность субкультур характеризует нестабильность социального развития, появление разнородных векторов развития. Постепенно на их основе может сложиться новый доминирующий тип культуры. Но субкультуры могут также сыграть роль детонатора конфликта, стать «горючей смесью» для социального взрыва, поскольку расслоение людей по уровню дохо-

дов изменило для них возможность приобщения к образованию, здравоохранению, науке, искусству, увеличилось дистанцию между людьми.

3. Культура становится фактором интеграции и консолидации народов, сплочения общества, преодоления тенденций изоляционизма, формирования национальной идентичности и самосознания, чувства причастности к модернизации общества и сохранения самобытности и самостоятельности.

Следует отметить, что первое десятилетие реформ отличалось высоким уровнем политизации, а проблемы культуры были отодвинуты на второй план. Начало второго десятилетия обнаруживает изменение вектора. Следует отметить утверждение государственной символики, подготовку к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга, принятие Федеральной программы патриотического воспитания молодежи и др. Торжественные юбилеи деятелей искусства и культуры, международные фестивали и спортивные состязания, изменение отношения государства к религии и церкви (как православной, так и других конфессий), забота о сохранении культурного наследия, возрождение исторических центров городов — все это свидетельствует о переменах в отношении к культуре.

Можно надеяться, что это только начало позитивных изменений. Как справедливо отмечал академик Д. С. Лихачев, XXI век должен стать веком гуманитарной культуры. Он придавал культуре широкий мировоззренческий смысл. Искусство, наука, философия, религия, мораль, образование, спорт образуют фундамент духовного развития личности, способствуют доброжелательности, милосердию, толерантности в отношениях между людьми, народами, государствами. Без гуманитарной культуры невозможно и развитие точных наук, требующее большого интеллектуального напряжения, эмоциональной поддержки, предвидения культурных последствий осуществляемых проектов. Гуманитарная культура способствует преодолению технизма и профессиональной ограниченности, открывая духовный мир народов во всем их многообразии. Этому содействует развитие культурных контактов и туризма, смягчение визовых режимов. Люди познают другие культуры, у них возрастает интерес к различным формам культурной жизни, происходит культурная интеграция народов, постепенно стирается в сознании деление на «наших» и «не наших», своих и чужих. Культурные контакты способствуют возрождению традиций, обычаев, самобытных видов искусства, народных промыслов, игр и состязаний, национальной кухни, сохранению исторических древностей и уникальных ландшафтов, традиционных способов лечения, сохранения здоровья и красоты. Разрозненный мир обретает единство в многообразии культур. Человечество, как никогда прежде, ощутило потребность в диалоге, общении и взаимопонимании, интеграции культурного пространства при сохранении самобытности и уникальности исторического наследия, пути развития в прошлом и настоящем.

Е. А. Кайсаров¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ДВОЦЕНТРИЕ РУСИ–РОССИИ

На рубеже XVIII–XIX веков в общественное сознание вошла проблема «Петербург–Москва». «Ничто в мире не существует напрасно: если у нас две столицы, — писал В. Г. Белинский, — значит, каждая из них необходима, а необходимость может заключаться только в идее, которую выражает каждая из них»². Бинарность стала системообразующим фактором российской цивилизации на протяжении всего ее существования. Она проявляется в государственной, общественной сферах, но в еще большей мере — в области культуры. Тысячелетняя история русской культуры убедительно показывает: сущность национального менталитета русской культуры заключается в двусоставности ее ядра, являющего собой буквальное единство противоположностей или, может быть, «раздвоение единого». При этом каждая из «половинок» противоречивого целого утверждается за счет постоянного противоборства со своей противоположностью; без этого перманентного спора теряет смысл само существование каждого из двух противостоящих друг другу полюсов — они взаимодополнительны, и победа одного нарушает равновесие всей бинарной системы, что приводит к катастрофическим последствиям для целого³.

Бинарность, диалогизм отношений двух центров порождают постоянную конфликтность противоположных тяготений, потенциальную нестабильность системы, непредсказуемость ее саморазвития, ее исключительный динамизм и внутреннюю напряженность. Отсюда же не только потенциальная готовность русской культуры и общественной жизни к конфронтациям и расколам, начиная с религиозного и политического и заканчивая литературными, стилевыми, — но и настоятельная потребность в их преодолении, в достижении обобщающего в себе все противоречия «всеединства».

Двоецентрие стало генетически наследуемой чертой Руси–России. У истоков нашей государственной, культурной, вероисповедальной истории стояли Киев и Новгород — два крупнейших центра не только Руси, но и средневековой Европы. Единство северного и южного центров, которое наметилося на начальных этапах становления Руси, отчетливо прослеживается вплоть до татаро-монгольского нашествия. В 882 году, пройдя с севера на юг, Олег захватил власть в Киеве, убив Аскольда и Дира, и стал киевским князем. Тогда же произошло объединение восточнославянского пространства вдоль знаменитого торгового пути «из варяг в греки». На двух концах пути этой ранней эко-

номической и политической оси восточных славян находились Новгород и Киев. Новгород контролировал вход в Балтийское море, а Киев — в Черное. Уже само географическое расположение городов на этом торговом пути диктовало этим двум центрам необходимость жить в тесном единстве, поскольку они органично зависели друг от друга, а от них зависело раннее государственное пространство Руси. Объединение севера и юга Руси дало совершенно новое качество: Южная Русь укрепила систему крепостей, что обеспечило ей защиту от печенежских орд, которые вторгались в ее пределы, достигая Киева. Оборонительная линия была обустроена также на северо-востоке и севере Руси — в Ростове и Новгороде. В целях обеспечения безопасности этих земель осуществлялись походы на беспокойных соседей Руси⁴.

В Киеве и Новгороде практически одновременно было принято православное христианство. Киев стал центром митрополии с кафедральным Софийским собором. Этот храм стал духовной опорой Древней Руси, при нем была основана библиотека Ярослава Мудрого, первая на Руси, которая, по подсчетам наших историков, насчитывала около тысячи томов, причем не только богослужебной, но и учительной литературы. После завершения Софии Киевской строительная артель была переведена в Новгород для строительства Софии Новгородской. О том, что Киев и Новгород являлись сакральными центрами Руси, свидетельствует особое отношение в них к культу Бориса и Глеба, а также Владимира Святого. Новгородцы понимали, что это их корни, с которыми у них существует глубинная связь. Несмотря на то что новгородские бояре часто конфликтовали с князьями, приходившими из Киева, общая духовная память объединяла эти два центра на протяжении всей древнерусской истории⁵.

Двоецентрие во многом связано с дискретным характером социокультурной истории России. Н. Бердяев считал, что история русского народа развивается через «прерывность» и «изменение типа цивилизации». Он насчитывал в истории России пять «разных Россией». Каждый из периодов характеризуется социокультурным своеобразием и внутренним единством. Переход от одного социокультурного этапа к последующему оказывается невозможно совершить постепенным, эволюционным путем: каждый раз происходит резкая, своего рода революционная смена культурно-исторических парадигм. При этом общий тип российской цивилизации на самом деле не менялся, но находился в процессе непрерывного становления, эволюции. Противоречия между социальными и культурными явлениями возникали в результате наложения друг на друга культурно-исторических этапов: один этап еще не завершился, в то время как другой уже начался. Подобное историческое наложение этапов встречается и в других мировых культурах, но в российской

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Белинский В. Г. Петербург и Москва // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 393.

³ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 537.

⁴ Толочко П. П. Киев и Новгород: у истоков Древней Руси. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 12.

⁵ Там же. С. 14.

цивилизации оно становится постоянной типологической чертой. Как бы ни отличались друг от друга социокультурные типы, между ними есть нечто общее, узнаваемое — это именно этапы истории российской, а не какой-либо иной культуры.

М. С. Каган выделял в истории русской культуры два решающих поворота, две «культурные революции»: принятие христианства на Руси и основание Петербурга. В обоих случаях обширное и могучее государство, лежащее на евразийском континенте, между Востоком и Западом, волей его правителей разворачивалось лицом к Европе: первый раз — к господствовавшей там христианской религии, второй раз — к светской культуре Просвещения. Кто бы и как бы ни расценивал эти два переломных для судеб отечественной культуры события, объективно они стали главными вехами на пути ее развития — психологического и политического, нравственного и художественного. Сотворенный волей Петра Петербург стал носителем новой, светской культуры, в противовес церковной, центром которой на тот момент была Москва. Это вызвало резкую неприязнь к нему — вплоть до пожелания гибели городу со стороны ортодоксальных и фанатичных приверженцев приоритета религии в национальном самосознании русского народа¹. Так появился новый бицентризм русской культуры: Москва–Петербург, который стал результатом наложения светского культурно-исторического этапа на религиозный.

В 1990-е годы в окружении Б. Н. Ельцина появилась формула: «Петербург — культурная столица». Петербуржцам лестно и приятно слышать: они жители «культурной столицы». Но никто при этом не задает вопрос: «А что такое Москва?» Бескультурная, не-

культурная столица? И как представляют себе культуру России без Москвы как носителя русской культуры? В своих книгах и многочисленных статьях, посвященных Петербургу, М. С. Каган принципиально настаивал на том, что Россия — единственная страна в мире, в которой на протяжении трех веков при одной юридической столице (двух юридических столиц в стране быть не может) есть две культурные столицы. Вся история русской культуры последних трех веков — это история духовного бицентризма. В истории великой русской литературы было не просто два титана — Достоевский и Толстой, с индивидуальными особенностями творчества того и другого, но представители двух ипостасей русской культуры, ибо «петербургской» природе творчества Достоевского противостоит «московская» природа творчества Толстого. То же самое происходило и в истории русской музыки, живописи, философии².

Но все же конфронтация двух столиц уходит в прошлое, а перспектива развития лежит в сфере диалога, то есть такой формы духовного общения людей и культур, участники которого, сохраняя каждый свою индивидуальность, стремятся к достижению возможно более глубокого единства их базовых ценностей, необходимого для взаимопонимания и эффективности совместной деятельности.

Каким должно быть наше отношение к двоецентрию отечественной культуры? Как к данности, своеобразию, нашему достоинству и богатству. Исчезновение одного из центров станет катастрофой для всей отечественной культуры. В интересах России сохранить культурные особенности главных ее городов и такие их связи, благодаря которым достигается единство различного.

О. В. Каширина³

ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современном мире параллельно развиваются две противоположные тенденции — глобализации и локализации. Первая приводит к возникновению кризиса всех существующих форм идентичности, когда ни одна

¹ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 31.

² Каган М. С. Перспективы развития культуры Петербурга в XXI веке // История культуры Петербурга и современности. СПб.: СПбГУИ, 2006. С. 9–10.

³ Профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Диагностика времени в контексте открытий естественных наук», «Глобальный вызов цивилизационного времени молодому поколению: стратегическая нестабильность», «Становление молодежной экстремологии в структуре гуманитарной кризисологии» (в соавт.), «Научно-образовательная сфера: приоритеты междисциплинарного взаимодействия» (в соавт.), «Resolving Ethno-Social Conflicts in the North Caucasus: Pathway to Peace and Integration» (в соавт.), «Преемственность смыслов и форм патриотизма в контексте социального времяведения» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Научно-образовательного культурологического общества, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

из традиционных границ самоидентификации — по половому, возрастному, образовательному, профессиональному, религиозному, культурному, национально-государственному и другим признакам — не гарантирует человеку осознания его современности. Вторая очерчивает процессы увеличения многообразия, степени фрагментарности мира, роста национального самосознания и усиления культурной дифференциации народов, возрождения традиционных ценностей и расширения локальных националистических устремлений, приводящих к конфликтам. Главное место среди признаков самоидентификации, как отмечают исследователи, принадлежит в последние два столетия признаку национальному⁴.

Диалектика противоречий между первыми процессами, происходящими на макро-, и вторыми, развивающимися на микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на ре-

⁴ Нарочницкая Е. А. Развитие интеграционных процессов в Европе и России. М., 1997. С. 170.

гиональном — пограничном, промежуточном уровне. «Регионализация — это путь к равновесию общепланетарной системы»¹.

Проблема региональной самоидентификации на Северном Кавказе не просто актуальна — она злободневна.

Регион, как цивилизационная субстанция, как феномен культуры, может развиваться лишь в том случае, если субъект идентифицирует себя на основе слияния всех трех измерений цивилизационного времени: прошлого как традиции (преемственности), настоящего как действительного образа жизни (целостности) и будущего как реализации фундаментальной цивилизационной эволюции (целесообразности).

В этом симбиозе цивилизационного времени с цивилизационной субстанцией и проявляется цивилизационный детерминизм, который, в отличие от экономического детерминизма, определяет не объект-субъектную, пространственно-временную зависимость, а субъект-объектную, временно-пространственную сущность личностной, этнической, региональной самоидентификации как разновидностей самоидентификации цивилизационной. Цивилизационный детерминизм, таким образом, исходит из функциональной первичности цивилизационного времени, в котором разворачивается цивилизационная субстанция.

Современная реальность такова, что цивилизационный детерминизм, определяющий движение Северного Кавказа от прошлого к будущему, прокладывает пути этнической, региональной и цивилизационной идентичности его народов вместе с судьбой России как высшим смыслом.

Региональное консолидирование не только тесно связано с глобальными процессами, но в значительной степени является их прямым следствием. Поэтому помимо взаимосвязи глобальных и региональных процессов региональная солидарность — это реакция на глобализацию. В основе региональной солидарности обычно лежат самые очевидные критерии. Например, традиционно выделяются западная и восточная части пространства как элементы цивилизационной целостности. Под влиянием глобализации классическая антитеза Запад–Восток все чаще заменяется антитезой Север–Юг.

Одной из важных особенностей Северного Кавказа, накладывающих существенный отпечаток на все без исключения сферы его жизнедеятельности, является многонациональный характер населения. Население региона и его территория составляют объективную сторону цивилизационной субстанции как феномена культуры. Однако цивилизационная среда региона образуется лишь в единстве и взаимозависимости этой объективной стороны с самостью цивилизационного субъекта — будь то отдельный человек или социальная общность любого масштаба. *Цивилизационный субъект — это генерализованная реальность,*

а не отдельный индивид, и поэтому он может восприниматься через абстракцию. Но эта абстракция выражает объективную сущность. В связи с этим отдельный индивид обретает новые качества — представителя семьи, тейпа, этноса, национально-государственного образования, определенного региона, страны-цивилизации, человечества в целом — то есть качества цивилизационного субъекта. Цивилизационный субъект приобретает свою самость лишь в цивилизационной среде, формируя эту среду при помощи культуры исторического, актуального и прожективного самосознания. В процессе этого формирования и создается особая реальность — цивилизационная субстанция как реальное соответствие самости цивилизационного субъекта и объективных условий его «сегодняшнего» существования. Эта особая реальность и представляет собой философскую сущность, которую мы, часто не задумываясь об этом, называем простым словом «современность».

Соответствие самости цивилизационного субъекта и объективности цивилизационной среды его формирования, то есть современность, уже само по себе представляет огромную социальную ценность. Ведь по существу процесс самоидентификации цивилизационного субъекта и есть процесс установления такого соответствия, то есть осознания своей современности. На его основе цивилизационная субстанция обретает свою действительность, поскольку превращается в сферу осознания правил жизни, в которых фиксируются и оцениваются поступки человека. Именно эта действительность демонстрирует коллективно-пространственную горизонталь цивилизационного времени, переживаемого цивилизационным субъектом, которую мы часто квалифицируем как большую и малую Родину.

Таким образом, первая серьезная сегментация образа Родины означала ее регионализацию, строившуюся прежде всего на этническом основании. Следовательно, регионализация как способ самоорганизации жизнедеятельности цивилизационного субъекта может играть и позитивную, и негативную роль для настоящего и будущего самого цивилизационного субъекта. Это зависит от того, как развивается культура исторического, актуального и прожективного самосознания субъекта. Разрыв прошлого, настоящего и будущего в цивилизационном времени субъекта ведет к духовному кризису, деградации, деформации коллективно-пространственных и индивидуально-временных параметров цивилизационной среды — то есть начала начал всех жизненных показателей цивилизационного субъекта, его цивилизационной субстанции. Однако устремленность в прошлое, слепое следование традициям вызваны временными причинами. Сам процесс региональной самоидентификации — это не случайный, а закономерный процесс, возникший как ответ на безудержное стремление глобалистов к мировому господству.

¹ Симонян Р. Х. От национально-государственных объединений к региональным (проблемы мезоуровня в организации общественных систем) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 24.

И. В. Кондаков¹

МАССОВАЯ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Представление М. С. Кагана о культуре как саморазвивающейся системе и структурно-функциональном единстве, реализующемся на всех уровнях ее становления и развития, положено в основание настоящей концепции.

Массовая культура в рамках «большого времени»

Массовая культура (МК) существовала всегда, но исторически менялась, приобретая в каждую культурную эпоху специфические структурно-функциональные черты — вместе с изменением представлений о массах и культуре в целом. Общими (метаисторическими) функциями МК во все культурные эпохи остаются одни и те же: общеинтересность содержания, доступность (клишированность, формульность) изложения, динамизм тематического развития, универсальность и простота жанров, увлекательность для восприятия массовым реципиентом, развлечение и психологическая разрядка потребителей как цель. Но главное — максимально широкая распространенность текстов МК среди носителей данной культуры.

МК выделилась из традиционной («народной») культуры и всегда в той или иной мере сохраняла с ней связь.

Однако общая всемирно-историческая тенденция — убывание связи МК с фольклором и традиционной культурой. При этом отношения МК с архаикой, мифологией, ритуалами и тому подобным в различных формах сохраняются в дальнейшем и носят циклический характер. В результате утрачиваются текстуальные связи МК с фольклором и мифологией, но остаются структурно-функциональные связи с архаическими компонентами культуры как глубинными элементами текстов МК.

Каждая разновидность МК в той или иной мере сохраняет свою этнонациональную и цивилизационную идентичность, что обеспечивает ее массовую узнаваемость и востребованность населением той или иной страны. Однако этнонациональная (и шире — локальная) идентичность МК сохраняется в контексте чужих

культур в качестве «этники», то есть своего рода мотивно-тематической экзотики.

В то же время все этнонациональные разновидности МК обладают определенной совокупностью общих черт, обусловленных общностью социально- и культурно-исторических условий, что обеспечивает универсальность и надэтничность МК. Сочетание в каждой этнонациональной или культурно-исторической разновидности МК локальных и глобальных черт индивидуально и неповторимо. Но именно от этого зависит ее распространение и актуальность в больших или меньших масштабах прежде всего как глобального феномена.

Архитектоника массовой и элитарной культуры

МК всегда существует и функционирует в общем контексте культуры как ее составляющая, а значит, сохраняет определенные отношения с элитой и элитарной культурой (ЭК). Это может быть взаимное отталкивание, параллельное сосуществование или совмещение массовости и элитарности в тех или иных формах. В содержательном плане МК может находиться с остальными частями данной культуры в качественно разных отношениях: критики, одобрения, подражания, стилизации, пародии, иронического острашения, гротеска и т. д.

В общем виде архитектоника актуальной культуры каждой исторической эпохи включает несколько уровней, располагающихся ступенчато — по ценностно-смысловой «вертикали» сверху вниз:

- «высокая» (элитарная) культура (ЭК) —
- «популярная» («средняя») культура —
- «массовая» («низовая») культура (МК) —
- «народная» (традиционная) культура —
- «забытая» («снятая») культура.

Между этими уровнями складываются динамические отношения, предполагающие историческое перемещение культурных текстов и их авторов с одной ступени на другую — как «вверх», так и «вниз» по ценностно-смысловой шкале. Так, тексты МК могут со временем стать «народными», утратив авторство, или вообще быть забыты своими реципиентами; но эти же тексты МК могут «возвыситься до «популярных», широко распространенных среди разных субкультур и культурных разновидностей, и даже стать высокой классикой, завоевав своего рода статус «элитарности».

В то же время культурные тексты, первоначально принадлежавшие «высокой», элитарной культуре (ЭК) своего времени, постепенно могут перейти в категорию «популярных» и даже опуститься на уровень МК или стать «народными», утратив авторство и стиливую индивидуальность. Границы между «высокой классикой» и «популярной», а также «массовой» культурой постоянно размываются, а некоторые из ценностей культуры вообще перестают быть ценностями и предаются забвению. В лучшем случае «забытые» тексты

¹ Профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч.: «Культура России: краткий очерк истории и теории», «Русская литература XX века» (в соавт.), «Культурология: история культуры России», «Культурология: история мировой культуры» (в соавт.), «По ту сторону» западничества и славянофильства», «Глобалитет России (к постановке проблемы)», «У истоков русской культурологической мысли (Нил Сорский и Иосиф Волоцкий)» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН «История мировой культуры», член Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, член Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества РФ. Председатель редколлегии серии коллективных научных трудов «Россия на перекрестке культур». Член редколлегий научных журналов «Общественные науки и современность», «Вопросы культурологии», «Интеллигенция и мир», «Личность. Культура. Общество» и др.

культуры сохраняют свою культурно-историческую ценность как специфический предмет исследования, интересный лишь для специалистов.

Ведущим элементом, определяющим эту динамику, является именно МК, выдвигающая из своей среды «сверхценности» ЭК или поглощающая, растворяющая в себе, нивелирующая их. МК вырабатывает — по отношению к своему культурно-историческому «окружению» — основные механизмы социокультурной динамики.

Историческая и социокультурная динамика культуры

Исторические изменения МК и ЭК происходят в зависимости от:

- трансформации социально-исторического и культурно-исторического контекста;
- изменения места и роли (социокультурного статуса) МК и ЭК в составе данной культуры;
- изменения условий и форм функционирования МК и ЭК в рамках той или иной культурно-исторической эпохи.

Изменения МК и ЭК касаются: тематики и проблематики произведения, его «героев», ситуаций и сюжета, жанрового состава, использования оптимального «языка культуры», востребованных форм и видов творчества — в качестве средств репрезентации МК или ЭК, общего эмоционального тона, сопровождающего как создание, так и потребление текстов массовой и элитарной культуры.

МК преимущественно живет в формах художественной культуры (литературы и искусства), но в той или иной мере затрагивает средства массовой коммуникации — журналистику, публицистику, критику, рекламу, моду и т. п.

В меньшей степени масскультом бывают охвачены другие сферы культуры — религия, философия; менее всего — наука и техника. В той мере, в какой научные идеи и концепции, а также технические явления оказываются освоены МК, наблюдается их вульгаризация, профанация и дискредитация. Вместе с тем наносится ущерб научному и техническому знанию как таковому (ЭК), которое низводится до уровня обыденного сознания — паранауки, парапсихологии, «народной» этимологии и т. п. Философия остается разновидностью ЭК.

В том случае, когда автор или эпоха, к которой он принадлежит, не может сделать решающий выбор

в пользу массовости или элитарности, создаваемые культурные тексты отличаются сложной многослойностью и принадлежат одновременно массовой, популярной, элитарной и, может быть, еще и традиционной культуре, соприкасаясь с различными сегментами актуальной культуры своими разными гранями. В подобных многозначных культурных текстах поверхностные слои (структуры) относятся преимущественно к массовой, популярной или традиционной культуре, а глубинные слои (структуры) — к элитарной или соответствующим образом препарированной традиционной культуре (мифологические архетипы и фольклорные аллюзии, религиозные образы и концепты и т. п.).

Другая версия такой сложности культурных текстов представляется как двухслойная (как минимум) «амальгама»: на поверхности — культура повседневности (МК), а в глубине — культурфилософский, религиозно-философский или мифопоэтический подтекст (ЭК). Подобная «амальгама» несет в себе напряженную амбивалентность, конфликтность ценностно-смыслового контекста, а также стоящую за ним интертекстуальность самого текста культуры, в том числе понимаемого как своеобразный гипертекст или метатекст.

В случае такого двойственного строения актуальной культуры, включая и МК, авторская текстовая стратегия приобретает игровой характер и опирается на двойной код, соединяющий метанарративные и иронические дискурсы и обладающий функциональной универсальностью по отношению к МК или ЭК.

Амбивалентный феномен культуры, возможный в любую культурно-историческую эпоху, обращен разными своими гранями к различным слоям и интересам аудитории, характеризующимся различной степенью приобщенности к культурным практикам и ценностям разного порядка (массового и индивидуально-го), и функционирует одновременно как срез МК и ЭК, что создает особый «мерцающий» эффект «массовости/элитарности».

Культурные явления, возникающие на границе МК и «снятой» культуры и рассчитанные на кратковременный успех (в частности, коммерческий) у массовой аудитории, характеризуются смысловой бедностью и однозначностью своего содержания и выражения, а значит, в принципе не обращены к ЭК в каких-либо ее аспектах и потому обречены на скорое и необратимое забвение.

Н. П. Копцева¹

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУРЫ НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА И ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (На материале анализа Красноярского края)

Актуальной задачей в современной России является модернизация государственной национальной политики, освоение современных способов изучения и предотвращения межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов². Разумеется, в различных регионах Российской Федерации данные виды конфликтности весьма варьируются по степени напряженности³. Однако современное российское общество поликультурно и поликонфессионально, что само по себе ставит задачу постоянного экспертно-аналитического сопровождения деятельности органов региональной власти, органов местного самоуправления в части принятия ответственных политических решений⁴.

Так, Красноярский край является полиэтничным и поликонфессиональным регионом, хотя, по данным последней Всероссийской переписи населения, 89 % из 2 852 810 людей назвали себя русскими. Одновременно Красноярский край исторически складывался как культурное пространство, где сосуществуют христианство, ислам, в меньшей степени представлены буддизм и различные формы национальных религий. Красноярский край — это родина коренных малочисленных народов. В регионе проживают азербайджанцы, узбеки, таджики, латыши, армяне, молдаване, эстонцы — всего 140 различных народов. Люди, про-

живающие здесь, потенциально обладают сложными этническими идентичностями, их историческая культурная память содержит знаки, образы, символы, ценности, традиции, которые достаточно непростыми комбинациями предопределяют их актуальный социальный опыт⁵.

Начиная с 2010 года в Сибирском федеральном университете запущен научно-просветительский проект «Диалог культур в пространстве Красноярского края». Данный проект создан по инициативе ученых, аспирантов, студентов, обучающихся по направлению «Культурология». Понимание необходимости постоянного мониторинга межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, сложности современных социальных коммуникаций должно приводить к будущим культурологам и через изучение теоретических концепций, и через участие в реальных исследовательских проектах⁶.

Понятие сложной социальной идентичности в 2002 году ввели ученые С. Роккас и М. Брюер⁷. Ее основой является отчетливое понимание человеком своей принадлежности не к одной социальной группе, а к двум и более. Человек понимает, что идеалы, ценности, нормы этих социальных групп различны, но при этом разделяет идеалы, ценности, нормы всех социальных групп, к которым он принадлежит. Ученые отмечают, что в ситуации стресса, экстрима сложная социальная идентичность значительно упрощается. Однако в реальной ситуации в конкретном культурном пространстве на психологические процессы действует большое количество факторов, которые предопределяют комплексность социальной идентичности человека.

Сложная социальная идентичность предполагает развитие таких качеств, как открытость переменам, приверженность ценностям универсализма, меньшая значимость консерватизма, высокая толерантность к разнообразию. Комплексная социальная идентичность связана с тем, что люди как бы инвестируют в свою принадлежность к определенной группе, приобретают социальный капитал, когда группа может обеспечить человеку чувство безопасности и позитивной идентичности. С. Роккас полагает, что есть определенные наложения друг на друга различных групповых идентичностей. Исследования показывают, что чем более сложной является социальная идентичность отдельного человека, тем более обоснованные и про-

¹ Заведующая кафедрой культурологии Сибирского федерального университета (Красноярск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций», «Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения», «Теория культур», «Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема», «The Cultural Aspects Of Advertising Communications In Modern China», «Truth In Martin Heideggers Fundamental Ontology» и др. Директор Красноярского филиала Российского научно-образовательного культурологического общества. Член Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии.

² Колесник М. А. Специфика общероссийской и региональной культурной идентичности студентов Сибирского федерального университета на основе результатов ассоциативного эксперимента со словом «Родина» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 595; Лузан В. С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011.

³ Горелова Ю. Р. Образ территории как условие формирования позитивной культурной идентичности и приоритетная задача региональной культурной политики // Kant: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 1 (1). С. 24–32; Каримов Р. П. Общероссийская гражданская идентичность как фактор формирования позитивного национального образа страны // Вестник Башкирского ин-та социальных технологий. 2014. № 3 (24). С. 42–46; Ливоев В. М. Идентификационные процессы в условиях модернизации в Республике Карелия // Философские науки. 2012. № 7. С. 32–41.

⁴ Осколкова Т. Л. О проблеме соотношения национального и наднационального в идентичности личности в поликультурном обществе // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3, № 5. С. 128–132; Резникова К. В. Значение кинематографа для формирования общероссийской национальной идентичности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 416.

⁵ Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // New German Critique. 1995. P. 125–133.

⁶ Kistova A. V., Kushnareva A. V. Forming All-Russian National Identity in the Process of Artistic Image Development. Analysis of the Artistic Painting by Vasily Ivanovich Surikov “Boyarynya Morozova” // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4, № 12. P. 1669–1683.

⁷ Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6, № 2. P. 88–106.

думанные моральные решения он принимает¹. Осознание человеком сложности, комплексности своей социальной идентичности в конечном итоге благоприятно сказывается на его собственной моральной позиции². Обсуждение и фиксация сложности социальной идентичности являются благоприятными социальными факторами. Подчеркивание сложных социальных

идентичностей, прояснение различий, существующих между группами, к которым люди принадлежат одновременно, акцентирование различий идеалов, ценностей, норм, традиций, моральных кодексов разных этнокультурных групп в целом увеличивают социальную солидарность, следовательно, являются социальным благом.

А. В. Костина³

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ И КОНФЛИКТОГЕННОМ МИРЕ: СТРАТЕГИИ И ЦЕЛИ

Взаимодействие культур, которое складывается на основе непосредственных отношений между культурами и проявляется в их взаимном влиянии и взаимных трансформациях, выступает как ведущий принцип их функционирования в глобальном мире. Воздействие одной культуры на другую осуществляется через средства массовой коммуникации, образование, культурный туризм, путем трансляции лучших образцов искусства и интеллектуальной сферы, распространения идеалов и ценностей, которые представляются привлекательными иным участникам культурного взаимодействия.

В современном мире все эти механизмы становятся составляющей инструментария «мягкой силы» как неотъемлемой части современной международной политики. Введенное в 1990 году профессором Гарвардского университета Джозефом Наем понятие «мягкая сила» (*англ.* soft power) означало форму внешнеполитической стратегии, предполагающей отказ от принуждения и добровольное принятие образа любой из стран — участниц мировой политики и деловых связей, основанного на симпатии и привлекательности. В качестве наиболее мощных инструментов «мягкой силы» Наем рассматривались язык и культура.

В России понятие «мягкой силы» как направление внешней политики активно используется с 2012 года, когда в статье Президента России В. В. Путина «Россия и меняющийся мир» было дано определение «мягкой силы» как комплекса «инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»⁴. Одновременно отмечалось, что эти методы могут применяться и для противоположных целей — «вращения и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств»⁵. То есть «мягкая сила», несмотря на несиловые методы ее воздействия, является мощным инструментом влияния и может быть использована государствами, стремящимися к активному воздействию на страну-противника.

К трактовке «мягкой силы» как инструмента национальной политики, ее технологий и последствий применения существует целый ряд подходов: технологический, психологический, коммуникативный, манипулятивный, конструктивистский, ресурсный, силовой, инструментальный и др.⁶ Однако основными становятся два:

1) позитивное восприятие «мягкой силы» в качестве средства, способствующего культурному обогащению народов и улучшению их взаимопонимания; продвижению национальных интересов без политики их навязывания в качестве универсальных; выстраиванию курса государства как миролюбивой политики, учитывающей ценности и интересы всех участников политического процесса;

2) понимание «мягкой силы» как средства дестабилизации государственного управления, как орудия смены власти неконституционным путем, как фактора максимального ослабления государства вплоть до его превращения в несостоятельное и последующего разрушения⁷.

В политике современной России «мягкая сила» используется как средство улучшения имиджа России

¹ Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Шайгерова Л. А. Принцип формирования толерантности и управление рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 60–79.

² Hindriks P., Verkuynen M., Coenders M. Interminority Attitudes The Roles of Ethnic and National Identification, Contact, and Multiculturalism // Social Psychology Quarterly. 2014. Vol. 77, № 1. P. 54–74.

³ Директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор 280 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Массовая культура как феномен постиндустриального общества», «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе» (в соавт.), «Теоретические проблемы современного культурологического знания: методы, подходы, концепции, понятия», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики», «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: “баланс интересов” в современном обществе», «Теоретические проблемы современной культуры: идеи, концепции, методы исследования» и др. Главный редактор журнала «Ученый совет», член редакционных коллегий журналов «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: Философия о мире и человеке», «Politbook».

⁴ Путин В. В. Россия и меняющийся мир (см.: putin2012.ru).

⁵ Там же.

⁶ Наумов А. О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 73–86.

⁷ Понкин И. В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111.

за рубежом, на что, в частности, направлена деятельность Россотрудничества — Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. В Концепции внешней политики РФ отмечается, что применение «мягкой силы» связано прежде всего с использованием «возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий в дополнение к традиционным дипломатическим методам»¹.

Особое понимание «мягкой силы» демонстрируют практически все не англосаксонские страны, среди которых особое место занимает Китай, впервые озвучивший теорию «культурной мягкой силы» на XVII съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2007 года и последовательно ее реализующий. Китай делает упор на культурную составляющую этой концепции. Одним из элементов этой политики стало открытие по всему миру Институтов Конфуция, продвигающих китайскую культуру и язык.

В Концепции внешней политики РФ, утвержденной в 2013 году, отмечается, что политика применения «мягкой силы» выступает зачастую как противоположная: «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы” и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»².

Именно такой подход к трактовке «мягкой силы» (как «жесткой силы») практически не отличается от вооруженного конфликта или экономической войны, направленной на разрушение государственного, экономического, военно-политического управления, на дестабилизацию духовной и социальной жизни государства³. В такой трактовке данная стратегия оказывается тесно связана со стратегией информационной войны, включающей технологии психологического воздействия на массовое сознание при помощи средств массовой коммуникации с целью навязывания сначала новых стереотипов, затем — целей и ценностей.

В трактовке С. Хелемендика, *Soft Power* — это не мягкая сила, и «тем более не мягкая власть», она «используется США для отъема собственности у страны, где применяется эта технология», это «американская технология взятия власти в чужой стране и ее передачи нужным в данный момент людям. Технология переворотов. Технология ненасильственная — и это главное, что отличает *Soft Power* от революции

со штурмом Зимнего дворца... *Soft Power* используется для того, чтобы, взяв власть ненадолго, забрать ответственность надолго, а еще лучше навсегда»⁴.

Именно в целях геополитических рокировок используют этот технологический ресурс США, выработавшие и апробировавшие стратегию ненасильственной смены политических режимов. Одним из авторов этой стратегии является профессор политологии Массачусетского университета Джин Шарп, фактически разработавший технологию «цветных революций». Важно, что Шарп обосновывает актуальность своего исследования вполне благими намерениями — стремлением сломить «диктаторские режимы», расширить демократизацию и свободу в мире» ненасильственными методами — такими, как вызов власти и отказ от повиновения.

Эта технология была апробирована в 2000–2014 годах в ходе «цветных революций», проведенных по данному сценарию на постсоциалистическом пространстве, — в «бульдозерной революции» в Сербии, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» на Украине, «тюльпановой революции» в Кыргызстане, «жасминовой революции» в Тунисе и «революции 25 января» в Египте⁵. Политологи, анализируя структуру «цветных революций», выделяют один и тот же алгоритм действий, находя детальные совпадения в ходе их развития.

Эти технологии информационного воздействия чрезвычайно разрушительны, так как действуют прежде всего на культуру, изменяя ее код через трансформацию ценностей и целей граждан. Они действуют на сознание людей, определяя стратегию и тактику их действий. Именно на противодействие этим тенденциям направлено обеспечение государством суверенитета России посредством защиты российского общества «от внешней идейно-ценностной экспансии», от различных форм деструктивного информационного и психологического воздействия.

Можно вполне определенно выстроить те сферы, которые являются системообразующими в процессе противодействия любого государства стратегиям «ненасильственного» захвата власти. Это продуманная система образования, направленная на формирование целостной личности, способной к рациональному восприятию мира, к критическому отношению к внешнему целенаправленному воздействию, готовой к самостоятельному анализу глобальных и локальных общественных процессов. Это также обеспечение экономической, политической, финансовой, экологической безопасности, продуманная национально-этническая и миграционная политика, учитывающая законы развития культуры, определяющие факторы сохранения ее культурного ядра, политика, направленная на предупреждение распространения потребительских ценностей и формирование позитивных ценностей, связанных как с традицией и историей, так и с проективным развитием.

Но прежде всего это прочная гражданская и национально-культурная идентичность, основанная на гордости за свое историческое прошлое и настоящее,

⁴ Хелемендик С. *Soft Power* — мягкая сила “made in USA”. URL: http://expert.ru/2009/02/6/Soft_Power/

⁵ См. подробнее: Наумов А. О. Указ. соч.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. (см. официальный сайт Президента России www.kremlin.ru).

² Концепция внешней политики РФ : утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. (в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 утратила силу) (см.: <http://www.mid.ru>).

³ Демидов А. В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 88.

на идентификации с теми целями и приоритетами развития, которые стоят перед страной, на готовности включаться в реализацию этих целей.

Все сказанное позволяет говорить о том, что диалог культур должен протекать только в рамках гуманитарных, дипломатических, информационных взаимодействий, связанных с принципами гражданского

общества. При этом важнейшей задачей государства становится, с одной стороны, защита своей культуры от внешней идейной и ценностной экспансии, пропаганды идеологии насилия, религиозной и межнациональной розни, с другой — формирование такой формы взаимодействия и развития культур, как диалогическая коммуникация.

В. В. Кравченко¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В СВЕТЕ ЭТНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ

Взаимодействие культур традиционно рассматривается в социальном, политическом, деятельностном и других аспектах. Предлагается новый подход, рассматривающий взаимодействие различных культурных сред, представляющих собой «поля» особого социокультурного «напряжения». В нашем философско-культурологическом исследовании понятие поля связано с проблемой целостности психики человека и анализом распределения сил в динамическом культурном поле.

В предлагаемой концепции «культурного поля» подчеркнут *энергетический* социально-культурный аспект человеческого поведения, коммуникации и деятельности, связанный с существованием и развитием конкретного этноса. Опираясь на концепции В. И. Вернадского об энергии биомассы, Дж. Г. Беннета о структуре вселенских энергий, Р. Коллина о космических влияниях, а также теорию пассионарности Л. Н. Гумилева, мы рассматриваем этнос как особую сферу существования и взаимодействия разнообразных энергий в особым образом структурированных человеческих коллективах. Этнотипы «рождаются» в результате «пассионарного толчка» («энергетического взрыва») и затем формируются за счет особого энергетического взаимодействия между людьми, проявляющегося прежде всего в эмоциях и чувствах. При этом культурное поле, то есть уникальная жизненная среда человеческих коллективов, формируется и существует за счет биоэнергии каждого члена этого коллектива и разнообразных энергетических взаимодействий внутри коллектива.

«Культурное поле» в энергетическом плане — это непосредственно воспринимаемая и действенная часть культурного бытия человечества, продуцируемая и поддерживаемая эмоциями, переживаниями и чувствами конкретного этноса. Культурное поле ма-

териально, однако эта материальность носит не столько вещественный, сколько полевой характер, аналогично электрическому и магнитному полям. Культурное поле оказывается не просто совокупностью артефактов (искусственно созданных человеком предметов), а особой энергетической средой, которая, в отличие от природного ландшафта, предполагает уникальные человеческие взаимодействия, иначе говоря, особое культурное «напряжение».

Поле культуры реально формируется действиями и взаимодействиями людей, вызванных и бессознательными, и рационально мотивированными целями, а также сложившимися культурными стереотипами, установками, ориентациями или идеалами.

Для нормального функционирования и развития культурного поля необходима постоянная «обратная связь», непрерывный «диалогизм» культурного поля с природной средой, взаимодействия различных культурных полей (и микрополей) между собой, постоянное и действенное поддержание энергетического «напряжения» всех уровней культуры.

Предлагается классификация членов этноса («по энергиям»): суперстрастные (пассионарии в терминологии Л. Н. Гумилева), «страстные» (с меньшей пассионарностью), «обычные» (гармоничные), «инертные» (субпассионарные). Каждый энерготип определяется значительным разнообразием индивидуальных психических организаций, жизненных и социокультурных позиций, способов деятельности и т. п.

На разных этапах развития этноса (фазах этногенеза, по Л. Н. Гумилеву) его общий «энергетический запас» неодинаков. Трансформация базовых эмоций в человеческие/культурные эмоции и переживания, формирование и функционирование чувств у каждого энерготипа кардинально различны, поскольку, во-первых, различна индивидуальная «энергоемкость», а во-вторых, неповторимы социокультурные условия (фаза развития этноса), необходимые для реализации жизненной энергии.

Как доказано в многочисленных исследованиях, человек может становиться и оставаться собственно человеческим существом только в среде себе подобных при обязательном условии разнообразных культурных взаимодействий. **Культурное поле** — это, в первую очередь, культурное напряжение, прямые и непосредственные энергетические взаимодействия человека

¹ Профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук. Автор более 60 публикаций, в т. ч.: «Симфония человеческой культуры», «Космические основы понимания “Природы” в ее взаимоотношениях с “Культурой”», «Философия П. Я. Чаадаева как современная теоретическая проблема», «Экстра-планетарная культура и контуры будущего диалога космических человеческих цивилизаций», «Владимир Соловьев и София», “Vl. S. Solovyov’s oeuvre reflected in foreign philosophy” и др. Член Российского философского общества, Международного центра изучения русской философии при Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета.

с себе подобными и культурно значимыми предметами и объектами, а не просто физическое существование человеческого существа среди людей и материальных культурных объектов.

Общение, коммуникации, воспитательное воздействие, стимуляция и выработка культурных навыков, трансформация биологических инстинктов и эмоций в культурные — вот что такое в первую очередь **культурное поле**, которое является единственной возможностью «возделывать», очеловечить биологический материал «хомо сапиенса», сохранить и усовершенствовать человека.

Во взаимодействии различных культурных полей, которое является важнейшей формой самовыявления, развития и трансформации конкретного этноса, наиболее ярко проявляются особенности культурного поля, среди которых:

- неравномерность и актуальность;
- трансформация биологической природы человека;
- наличие общекультурных и универсальных чувств.

Универсальные чувства — любовь, совесть, вера — способны продуцировать уникальные виды человеческой и только человеческой энергии. Они являются ос-

новой «полевого» взаимодействия культур, воплощая наиболее желанные цели, к которым должны стремиться люди, осознавая именно эти чувства как высшую духовную ценность. Это дает возможность обществу существовать как объединению людей, не скатываясь к вырождению. Универсальные чувства определяют соединение культур различных этносов в общечеловеческую культуру. Они открывают возможности деятельности зрелому творческому человеку — подлинно уникальному космическому живому существу. Историческая состоятельность того или иного этноса определяется культурной зрелостью, «освоенностью» универсальных чувств и многообразием способов обмена ими как внутри своего культурного поля, так и с другими энергетическими полями.

Универсальные чувства направляют культуру всего человечества (как интегрированную совокупность всевозможных взаимодействующих культурных полей) к совершенствованию и формированию человеческой «космосферы» (в учении В. И. Вернадского — «ноосферы»).

Литература

Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры : моногр. / В. В. Кравченко. — М. : Аграф, 2017.

Л. К. Круглова¹

БИНАРНЫЕ И ПОЛИАРНЫЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

С точки зрения синергетики культуру можно рассматривать как аттрактор, то есть систему, благодаря которой из хаоса творится порядок. Однако она может сыграть и прямо противоположную роль. Это происходит в тех случаях, когда в самой культуре преобладают стихийные, разрушительные процессы. В этом смысле время, которое мы переживаем, имеет решающее значение: или человечество осознает необходимость выработки новых принципов культуротворчества и направит свои практические усилия на то, чтобы воплотить их в жизнь, или разразится мировая катастрофа.

Одно из направлений поиска новых принципов культуротворчества — это сфера взаимодействия культур. Представляется, что одной из продуктивных форм взаимодействия культур является воплощение в жизнь идеи бинарных и полиарных моделей культуры². Под

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор философских наук. Автор около 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология», «Человек и культура», Избранное: «Антропологический принцип в культурологии: теория и практика» и др.; учебников и учебных пособий: «Основы культурологии», «Социокультурная антропоэкология», «Культурология» и др. Член Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества. Награждена медалями «Ветеран труда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «300 лет Российского флота». Лауреат премии Российского философского общества «Вторая навигация».

² *Круглова Л. К.* Бинарные и полиарные модели этнических культур // Смыслы культуры : материалы Междунар. конф. СПб. :

бинарными и полиарными моделями культур в данном случае имеется в виду их двухосновность или многоосновность в этническом смысле, то есть включение в культуру одного этноса достаточной весомой доли культуры другого или других этносов.

В пользу бинарной модели развития культуры в первую очередь можно привести аргументы «от личности». Как известно, чувство общности со своим этносом — одна из наиболее сильных человеческих эмоций, этническая культура живет не только в сознании, но и в подсознании человека, и тот, кто старается выкорчевать ее оттуда, лишает человека основы его жизнедеятельности. Кроме того, этническая культура важна для человека и в том отношении, что она является основой развития его сущностных сил, обозначаемых категориями «личное» — «общественное». Если чувство хозяина — источник личного развития и связано с потребностью самовыражения, то чувство общности связано с потребностью в безопасности, то есть в том,

СПбГПУ, 1997 ; *Круглова Л. К., Султанов К. В.* Бинарная модель культуры и дети Севера // Ребенок в современном мире : докл. и сообщ. IV Междунар. конф. СПб. : РХГИ, 1997 ; *Круглова Л. К.* Бинарные и полиарные модели развития этнических культур: синергетический аспект // Научно-методическая конференция : тез. докл. СПб. : СПбГУВК, 1998. Ч. I ; *Она же.* Мультикультурализм, патриотизм, бинарные и полиарные модели культуры как ориентиры культурной идентификации молодежи в условиях глобализации // Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 225–228.

что обеспечивает не только развитие, но и саму жизнь. В этом смысле этническая общность является коллективом, принадлежность к которому очень значима для человека. Кроме того, благодаря культуре человек ощущает свою общность с бесчисленными поколениями ранее живших людей. Таким образом, этническая культура — один из самых мощных корней, благодаря которым человек «врастает» не только в современность, но и в толщу веков.

Однако именно в логике аргумента «от личности» правомерным будет и утверждение о необходимости выхода представителей отдельных этносов на просторы мировой культуры. Это многократно усиливает чувство укорененности личности в этом мире за счет принадлежности не только к своему, но и к другому этносу, ко всему человечеству.

В пользу бинарной модели можно привести и аргумент «от культурологии». Гармоничность развития мировой культуры, как и любого другого объекта, возможна при наличии двух необходимых признаков: разнообразия и внутреннего единства составляющих его элементов. Применительно к мировой культуре это означает необходимость не только развития культуры всех этносов Земли, но и укрепления их единства.

Особое значение идея бинарных и полиарных моделей культуры имеет для решения проблем, возникающих в жизни малочисленных народов и их отдельных представителей.

Следует подчеркнуть, что идея бинарности развития культуры малочисленных народов не содержит в себе никакого тайного смысла, заключающегося в признании какой-либо их неполноценности. Дело в том, что бинарность развития культуры характерна и для крупных этносов: достаточно указать на англосаксонскую, франкоманскую, германосаксонскую, характерные для России в разные периоды ее развития, на тот бум, который имеет место в настоящее время в связи с изучением английского языка, дающего выход на те области культуры, которые оказались недостаточно развиты в нашей стране. Более того, можно утверждать, что бинарность — необходимое условие развития любой этнической культуры. При этом самые развитые культуры не ограничиваются бинарностью и смело используют принцип полифонии или полиарности, сохраняя при этом свою идентичность.

Видимо, есть основания предполагать, что крупные этносы как раз и образовались из тех малочисленных этносов, которые оказались достаточно открытыми влиянию других этнических культур.

Экстраполируя эту закономерность на будущее, вполне правомерно утверждать, что бинарность и тем более полиарность этнической культуры — залог ее жизнеспособности.

Принцип бинарного или полиарного построения этнических культур может быть использован и используется не только в процессе взаимодействия культур, относящихся к одной цивилизации, но и в процессе взаимодействия культур, относящихся к различным цивилизациям. Здесь имеется в виду достаточно успешный опыт Китая и Японии. В результате «при-

вивки» западной культуры они получили мощный импульс развития.

Представляется, что воплощение в жизнь идеи бинарных и полиарных моделей культуры может существенно способствовать нейтрализации негативных последствий такого заметного явления современности, как мультикультурализм. Наиболее опасными из них являются фрагментация общества по этническому принципу и, как результат, нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях.

Конструктивный потенциал идеи бинарных и полиарных моделей культуры может быть в значительной мере увеличен за счет дополнения ее идеей патриотизма. Здесь имеется в виду патриотизм как гражданское чувство, то есть как любовь и преданность стране, гражданином которой человек является. Другое и необходимое проявление патриотизма — это деятельность, направленная на благо любимой страны.

Патриотизм как чувство помогает человеку, любящему свою родину, понять другого человека, испытывающего такие же чувства по отношению к своей стране; патриотизм как деятельность способствует увеличению того вклада, который вносит та или иная страна в развитие всего человечества, и тем самым усиливает позитивные и нейтрализует негативные моменты как мультикультурализма, так и глобализации.

Это имеет прямое отношение к другой важной проблеме современности — проблеме культурной идентификации молодежи. Как известно, в настоящее время она осложнена именно вышеупомянутыми факторами — глобализацией, стирающей культурные различия, и мультикультурализмом, являющимся основой сохранения разнообразия культур.

При этом глобализация, позволяя расширить свою культурную идентичность до масштабов мировой культуры, грозит лишить молодого человека этнических корней, а мультикультурализм, напротив, неправомерно ограничивает культурную идентичность этническими рамками. В таких условиях поиски молодыми людьми своей культурной идентичности принимают порой весьма драматические формы.

Представляется, что воплощение в жизнь идей бинарных и полиарных моделей культуры, включающих в себя патриотизм в качестве системообразующего принципа, помогает преодолеть негативные крайности как глобализации, так и мультикультурализма.

Обсуждая идею бинарных и полиарных моделей культуры, нельзя не отметить примеры ее реального воплощения. Представляется, что фактически полиарной была советская культура, такой же является современная российская культура. Речь может идти только о дальнейшем совершенствовании реально действующей модели.

Нельзя пройти и мимо такого явления, как город Санкт-Петербург, в котором в большей мере, чем где бы то ни было в России, представлена западная культура и который в то же время ярко демонстрирует наиболее существенные черты русской и российской культуры.

Е. А. Кульков¹**КОММУНИКАТИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
МАССМЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Для характеристики ключевых признаков современной цивилизации используется концепт «информационное общество». К его существенным характеристикам относят: стремительное расширение функций информации и знаний; «высокие» информационно-коммуникационные технологии и программные средства, обеспечивающие в глобальном масштабе свободный обмен, производство и распространение информации, рождающие глобальные «узлы коммуникаций» и «новую онтологию»²; переход на модель «экономики знаний», опирающейся на наукоемкие отрасли промышленности и рождающей «точки концентрации» капитала и информации; экспансия виртуальной реальности, обладающей независимым от «создателя» пространством-временем и специфическими законами существования, способностью создавать параллельный действительности иллюзорный мир, меняющий ключевые характеристики жизнедеятельности человека и общества.

Информационные и коммуникационные технологии активно внедряются в различные сферы жизнедеятельности общества, а их возможности в культурных, социально-экономических и политических преобразованиях становятся предметом интереса философов, культурологов, социологов, политологов, психологов, педагогов³.

Основными элементами медиаимперии, сформировавшейся на основе электронных и цифровых средств коммуникации, являются конвергентные средства массовой коммуникации, объединяющие традиционные СМИ, интернет-онлайновые формы, блогосферу, сетевые сообщества. Прорыв в области информационно-коммуникативных и мультимедийных технологий связан с созданием глобальной сети Интернет и формированием на базе ее ресурсов «вселенной медиамира», которая существенно скорректировала и расширила функции традиционных коммуникационных практик, превратив их в средство ин-

культурации и социализации с очевидной антропотворческой доминантой.

«Жизненной артерией» информационного общества становятся глобальное виртуальное пространство и различные сетевые структуры, образуемые средствами связи, массмедиа, транснациональными корпорациями, религиозными и политическими организациями, НКО, спецслужбами государств, которые постепенно интегрируются в единую и чрезвычайно гибкую систему, где «в прямое соотношение между собой вступают элементы, которые никогда прежде не соприкасались»⁴. Отличительными особенностями онлайн-информационно-коммуникационных структур являются отсутствие границы между автором и аудиторией и возможность каждого участника выступать одновременно в двух ролях, создавать виртуальные группы с общностью политических пристрастий, интересов и личностных проблем.

В этом смысле можно говорить об институте «социальной медиа», которые выступают уникальным источником информации, инструментом формирования общественного мнения и политической мобилизации граждан, становятся эффективным средством репрезентации актуальных социальных проблем и достижения внутреннего мира, значимой для личности средой общения и площадкой самореализации, выполняют функции социализации, компенсируя дефициты традиционных институтов. Сетевые формы коммуникации обретают статус самостоятельного социально-культурного института, принципиально отличающегося от традиционных структур своей нелокализуемостью, динамичностью, открытостью для отработки новых технологий и осуществления любых замыслов; свободой коммуникационных взаимодействий и низким уровнем подконтрольности; значительным мобилизационным потенциалом, способствующим социальной самоорганизации граждан; отсутствием единого центра управления; способностью мгновенно реагировать на внешние ограничения и генерировать новые формы и инструменты сетевого мира.

Сетевая организация, соответствующая постиндустриальной стадии цивилизации, «замещает» собой сакральные структуры традиционного общества и рациональные структуры общества модерна — государства, политические институты, системы производства (А. Дугин). Специфика массмедийного дискурса характеризуется статусно-ролевой неопределенностью субъектов коммуникации; эмоциональной выраженностью и доминированием манипулятивной энергетики; субкультурным характером практик и форм самопрезентации; синтезом вербальной и образно-символической составляющей; маркетинговым характером производства и потребления информационных продуктов. Массмедийный дискурс является формой нерегламен-

¹ Советник губернатора Сахалинской области по вопросам взаимодействия со СМИ, профессор-консультант кафедры журналистики СПбГУП. Кроме массмедиа, имеет опыт работы в маркетинге, связях с общественностью и книгоиздательском бизнесе (был главным редактором издательства «Популярная литература»). Работал с разными федеральными и региональными СМИ, публиковался в информационном агентстве Associated Press, «Комсомольской правде», журналах GQ, NME.

² Драйвером информационного общества являются «высокие технологии» («хай-тек»), опирающиеся на наукоемкие отрасли промышленности, которые «все больше проникают в “тело” социума и культуры», порождая «новую онтологию и глобальные “узлы коммуникаций”»; они «не только выполняют инструментальную функцию, но и трансформируют субъект изнутри, меняя его ценности, когнитивные познавательные схемы и саму структуру деятельности». См.: Середкина Е. В. Диалог культур в эпоху «хайтек» и гаджетов: возможности и пределы // Диалог культур в условиях глобализации: XI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 12–13 мая 2011 г. СПб.: СПбГУП, 2011. Т. I: Доклады.

³ Не случайно в язык внедрились различные концепты, фиксирующие новые «культурные реалии», такие как медиасфера, медиакультура, медиаиндустрия, медийное лицо, медиазависимость, медиафобия и т. д.

⁴ Сетевые войны. Аналитический доклад А. Дугина при участии В. Коровина и А. Бовдунова. URL: <http://dynacon.ru/content/articles/2319>

тированного социально-коммуникативного взаимодействия, способом соревновательного и публичного обмена информацией. Его участники преследуют цели «максимизации выгоды» в виде наращивания «символической власти», свидетельством которой выступают знаки социального признания и популярности («лайки», просмотры и т. д.).

Социальная база сетевых форм коммуникации раскалывается на отдельные фрагменты, каждый из которых образует особый мир со своей иерархией ценностей, стилем и образом жизни, символикой и ритуалами, правилами и запретами. Однако в глобальном измерении мировоззренческая база и поведенческие сценарии утверждаемых институтом массмедиа жизненных стратегий с доминированием социально-статусных атрибутов и потребительской идеологии проти-

воречат антропологическим матрицам национальной культуры¹. Стремительно расширяется сегмент носителей «языческой» системы ценностей, основу которой составляют гедонизм, богатство, сила, власть, слава, успех. Кроме того, начинает торжествовать «негативистская антропология», экспансия которой нарастает на этапе вхождения в «постнеклассическое» общество и знаменуется ростом числа социальных акторов, утверждающих пессимизм, аморализм и хаос, отрицающих ключевые качества и способности человека — познавать истину, жить по совести, осознанно жертвовать материальным во имя духовного. Происходящие в массмедийном пространстве процессы свидетельствуют о глобальном антропологическом кризисе, который является ключевым свидетельством перехода современной цивилизации в культурную эпоху постмодерна.

В. А. Кутырев²

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР?³

При первом взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Но реальное осуществление некогда желанных целей часто порождает больше проблем, чем решает.

Превращение человечества в единое целое амбивалентно для его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то сферы жизни, где самоценны различия, деградируют. В дальнейшем, в отсутствие противонаправленных усилий, процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты становятся одинаковыми, а вся система — гомогенной. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей и их культур на планете, заставляющее говорить о формировании глобальной цивилизации.

В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Везде одно и то же носят, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и «Макдоналдс». Своеобразие наро-

дов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Многообразное до противоположности, пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное, стандартное монопространственно-временное цивилизационное образование.

Формирующийся одинаковый образ жизни — не равновесное смешение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур и политических институтов с заимствованием в каждом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской, культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас втягивают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически порождаются западной, либерально-рыночной цивилизацией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, и не согласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгой». На Земле оста(н)ется одна-единственная — глобальная — современно-западная цивилизация. При этом в ней господствуют такие ценности, благодаря которым сам Запад тоже вырождается, и не только духовно.

Стоит ли, однако, драматизировать ситуацию? Ведь любые существующие ныне этносы и культуры — продукт взаимодействия и интеграции более мелких. Народности образовывались из племен, нации возникали в результате переплавки в тигле истории народностей с потерей их оригинальных обычаев, искусства, языков. В еще большей мере это относится к экономическим и государственным формам. Глобализация завершает данный процесс. С этим следует согласиться,

¹ Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. СПб., 2017. С. 192, 214.

² Профессор кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Культура и технология: борьба миров», «Бытие или Ничто», «Время Mortido», «Последнее целование», «Унесенный прогрессом» и др. Член-корреспондент Международной славянской академии науки, образования, искусств и культуры. Награжден серебряной медалью С. Н. Булгакова (МГУ), благодарственной грамотой главы Республики Марий Эл, благодарственным письмом Правительства Нижегородской области. Дважды лауреат премии г. Нижний Новгород.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335.

но в этом же и проблема. Завершение — не продолжение. Если до сих пор происходило укрупнение культурных единиц, то дальше укрупняться нечему. Между тем разнообразие является условием выживания организмов в быстро меняющейся среде. Совершенствование невозможно без отбора, а для него нужен материал. Законы эволюции относятся как к биологическим, так и к любым другим системам. Становление монокультуры, а фактически цивилизации означает сужение базиса развития человечества. При коренных изменениях — войне, природных, техногенных катастрофах и т. п. — не будет заготовок и моделей для соответствующей адаптации, не окажется ростков, способных дать всходы в новых обстоятельствах.

И все-таки трактовка глобализации мира как потери его культурного разнообразия недостаточно глубока. Это пока драма. Трагичность положения культуры в глобальном мире в том, что она вырождается, исчезает вообще, вытесняется другим способом воздействия на духовную и социальную жизнь. Несмотря на споры по поводу определений, культура немислима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы. Это ценностно-рациональное отношение к миру. Оно ограничивает свободу индивида, его личные интересы, требуя «служения» чему-то внешнему, высшему — социуму или Богу, что несовместимо с идеалом открытого гражданского общества. Принципы служения общепонимаемому благу закрывают его, делая традиционным, тоталитарным. Правовое государство тоже стремится преодолеть остатки ценностного подхода к социальным проблемам вплоть до провозглашения «приоритета права над благом». Цивилизационная открытость общества предполагает, что люди в нем действуют, руководствуясь принципом полезности и личной выгоды, опираясь на расчет. Все его члены — разумные эгоисты, механизм их взаимосвязи — эквивалентный обмен услугами. Это целерациональное регулирование жизни. В пределе, если исключить «пережитки культуры» и брать рациональность в действии, это ситуация, когда все вопросы решаются технологически (социо- и психотехникой, сексуальными технологиями, техникой общения и т. п.). Такое общество лучше называть Техносом. *Глобализм — это универсальный технологизм.*

Технос — не просто сфера наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как некогда культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Человеческое общение вытесняется юридическими отношениями, «гуманитарной техникой». Все решается «извне», в том числе в сфере идеального. Вместо воспитания личности к ней начинают применять психопрограммирование вплоть до применения Ни-Нуме, деконструкции и перекодирования.

Таким образом, по мере роста возможностей технологического манипулирования людьми духовность = культура как ее институционализованная форма, как механизм поддержания их социальности устаревает, становится ненужной. Отмирает и личность, даже «актор» (функциональный, но самостоятельный делец),

на смену которому идет то, что от них остается: «человеческий фактор» (социотехнической системы) или агент (компьютерных сетей). Взаимодействие между ними осуществляется не в формах культуры и личного общения, а технологически, виртуальной коммуникацией.

Глобальная цивилизация — это посткультурное общество.

Идеальной моделью посткультурного состояния общества является Интернет. Виртуальное пространство и в самом деле не делится на свое и чужое, здесь не важна ни государственная, ни этническая, ни половая, ни социальная, ни возрастная, вообще никакая принадлежность пользователя, кроме содержания коммуникации, обозначаемого условным адресом. Человек-кочевник, номад, не принадлежащий ни к одной культурной группе, кроме, может быть, какой-либо профессиональной корпорации. «Человек без свойств», агент сетей — и не больше — вот результат глобализации, доведенной до своего логического завершения. А разве бывают вещи и тела «без свойств»?

Глобализм — это конец истории, точнее, *конец культурной истории человечества*, в ходе которой сформировался традиционный Гомо сапиенс как разумное, но телесное, чувственное, ценностно-духовное, а не виртуально-информационное существо. Очевидно, что все, считающие себя представителями этого типа бытия, за сохранение культуры должны бороться. Объявивший «конец истории» Ф. Фукуяма совершенно логично доводит его до провозглашения «конца человека». «Биотехнология предоставит нам средства, позволяющие завершить то, чего не удалось специалистам по социальной инженерии. И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим “человеческие существа” как таковые. *И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого*»¹.

По отношению к глобализму культуры и их взаимодействию друг с другом находится в том же положении, что и природа. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской идеологии стираются, подавляются даже контуры культурного многообразия мира, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать. Общесистемным ядром разрешения противоречия между глобальными тенденциями развития цивилизации и существованием культур, ставшего критическим для современного мира, является «принцип Троицы» — «неслиянно и нераздельно». Это синтез принципов механизма и организма, «живой комплекс», отношения между элементами которого не функциональные, а коэволюционно-синергические. В политическом плане позитивной альтернативой глобализму является идея многополярного мира. Ее разделяет большинство государств планеты, и предотвратить нарастающую опасность «столкновения культур/цивилизаций» в ближайшей перспективе способен именно этот подход.

Собственно культурная политика должна быть направлена на защиту традиционных, специфических для данного общества форм искусства, образа жизни,

¹ Цит. по: *Вирлино П.* Информационная бомба. М., 2002. С. 173.

быта — «различий», того, что делает их интересными друг для друга, создает основу для взаимного диалогического существования. Не «толерантность», содержание которой — «ненавижу, но терплю», а культивирование дружеского взаимодействия народов, радости от разнообразия человечества. Поддержание культурной идентичности этносов служит не только их сохранению самих по себе, но «человека со свойствами», че-

ловека как такового. Сознательной целью существования политических образований, этносов и культур в таком случае должно быть культивирование ими своей тождественности, идентичности — «выживание». И права на него — у всех. Скажем «нет» космополитичной глобалистско-технологической цивилизации и «да» интернациональному взаимодействию культур в глобальном масштабе.

И. В. Леонов¹,
В. А. Соловьева²

МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРОПОЦЕНТРИСТСКИХ КОНЦЕПТОВ МАКРОИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные культуры, подверженные процессам глобализации, сталкиваются со множеством новых тенденций и явлений, затрагивающих практически все сферы жизни человека. Одну из таких сфер представляют когнитивные практики мировоззренческого уровня, направленные на понимание мира в его статике и динамике. Данные уровни реальности О. Шпенглер именовал соответственно «мир-как-природа» и «мир-как-история», отмечая, что первая стратегия характеризуется тем, что «... человек высоких культур сообщает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств»³. Вторая стратегия опирается на то, что фантазия познающего субъекта «... стремится постичь живое бытие мира»⁴. Анализ современного состояния данной сферы показывает, что на волне глобализации определенные изменения претерпевают европоцентристские идеи историко-культурного процесса, занявшие господствующее место в сознании европейцев со второй половины XVIII века и, несмотря на их критику многими выдающимися учеными, удерживающие свое лидирующее положение в сознании современников, включая сферу научного знания.

Данное обстоятельство делает актуальным ряд вопросов, раскрывающих глубинные закономерности

отмеченных изменений. *Каковы контекстуальные обстоятельства и когнитивные закономерности формирования европоцентристских теорий? Чем обусловлены «мутации» идей европоцентризма, а также отказ от них? На какой основе и каким образом формируются альтернативные европоцентризму взгляды на мир-как-историю? Насколько сильны позиции европоцентристского подхода в XXI веке?*

Приступая к рассмотрению материала, сразу отметим, что многие из фиксируемых ниже когнитивных закономерностей, выраженных в формировании и изменении представлений о мире в его макроисторических проекциях, обнаруживали себя не только в развитии знания Новейшего времени⁵. Их содержание затрагивает логику морфогенеза макроисторических концептов в целом, в случае их направленности либо на один «центр» истории, либо на различные формы их множественности, а также «переключения» с одного из отмеченных векторов на другой.

Итак, на какой почве сформировался европоцентризм? Основу данного концепта составили представления о том, что бурно развивающаяся и изменяющаяся Европа постренессансного периода находится в «эпицентре» истории. Динамика преобразований и научно-технический прогресс данной культуры были настолько сильны, что выработали у многих европейцев ощущение правильности и даже безальтернативности собственного историко-культурного пути. Данные убеждения получали дополнительное обоснование на фоне растущих контактов с другими, «отстающими», культурами. По мере расширения ареала западно-европейской культуры данный «центр истории» преобразовывался, обретая форму западоцентризма.

Однако концепты, основанные на наличии одного центра истории, могут формироваться не только в таких обстоятельствах. Их катализатором порой служит «оторванность» и «закрытость» многих культур, находящихся в «центре мира», реализующих свой уникальный исторический путь.

Анализ фундаментальных предпосылок познания в рассматриваемой сфере показывает, что фокусировка на одном центре истории порождает тему отстаю-

¹ Доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии. Автор научных публикаций, в т. ч.: «“Миры” макроистории: идеи, паттерны, гештальты», «Идентичность как навигатор сознания» (в соавт.), «Интерпретации пространства в различных историко-культурных гештальтах», «Исследовательские горизонты» и типологии культурных индустрий» (в соавт.), «“Новодел” как форма воспроизведения старины в современной культуре» (в соавт.) и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Дома ученых.

² Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «“Женский вопрос” в социокультурном развитии шведского и норвежского общества в конце XIX — начале XX в.», «Проблемы, тенденции и факторы развития промышленной культуры Кольского Севера: вторичный анализ статистических данных», «Промышленная культура Кольского Севера и культурные индустрии», «Культурные индустрии как средство глобализации современного общества» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Васьяна. М.: Эксмо, 2006. С. 163.

⁴ Там же.

⁵ См.: Леонов И. В. «Миры» макроистории: идеи, паттерны, гештальты: моногр. СПб.: Астерион, 2013.

щей периферии, которая в идеале должна быть втянута в его орбиту либо служить своеобразным фундаментом для развития центра, несколько реже данная периферия просто игнорируется. Основу макроисторических ритмик историко-культурного процесса, содержащего некий «эпицентр», как правило, составляют линейные стадийные модели, ориентированные на прогресс. В свою очередь, идеи циклизма не получают широкого распространения, будучи достоянием «замкнутых» традиционных культур, ставящих себя в центр мира. Еще одной характеристикой рассматриваемых концептов является наличие ярко выраженных идейных (философских, историософских, идеологических, религиозных) оснований, раскрывающих смысл движения от прошлого к будущему. Наконец, логика стадийной истории центра переносится на другие историко-культурные пространства и периоды, а также на историю мироздания в целом.

В рассматриваемом вопросе показательной является приверженность идеям европоцентризма и формационной теории М. С. Кагана, пронесшего их через все периоды своего научного творчества, включая классический, неклассический и постнеклассический периоды (по аналогии с парадигмальной последовательностью В. С. Степина¹). Так, опираясь на формационный подход, который, к слову, на западноевропейском материале имеет явное соответствие историко-культурной реальности, вплоть до четвертой формации (а возможно, и далее), М. С. Каган адаптировал его к системным, а позже к синергетическим исследованиям, отстаивая европейские приоритеты развития культуры². Кроме того, ученый наряду с Э. С. Маркаряном разработал и обосновал деятельностную концепцию культуры, ориентированную на марксистско-ленинское понимание исторического процесса и значительно обогащающую его³. При этом М. С. Каган представил европейский личностно-креативный путь развития, основанный на ремесле, как наиболее перспективный⁴.

В свою очередь, на фоне глобализации происходит постепенное «размывание» европейского связующего центра истории, ведущее к преобразованиям историко-культурных концептов. Данное «когнитивное переключение» рождает представления о макроисторической реальности как о многополярной. В результате популярность набирают идеи неких «эпицентров» истории, которые, конкурируя и наслаиваясь, постепенно сменяют друг друга, рождая новые реалии однополярных или многополярных исторических миров (например, Ф. Бродель, И. Валлерстайн).

Особенностью полицентричных концептов истории является применение циклических ритмик, раскрывающих логику смещения центров, а также порядок их внутренних преобразований, суть которых, как прави-

ло, сводится к биологизаторским представлениям об их росте, расцвете, упадке и кризисах (П. А. Сорокин). В результате на фоне господства циклической стадийности популярность линейных и прогрессивных интерпретаций истории ослабевает.

Еще одной преобладающей чертой полицентричных концептов истории является слабый уровень их идейной, точнее идеологической, насыщенности. Речь идет скорее о фиксации некоторых моделей и закономерностей развития, а также о феноменологическом многообразии конкурирующих и сменяющих друг друга цивилизаций или историко-культурных типов. При таком взгляде на историю особую притягательность получает ее восприятие как своеобразной «игры престолов» между цивилизациями, полной событий, «человеческих отношений» и неожиданных поворотов.

Другой тенденцией полицентричного восприятия мировой истории, которая находит яркое выражение в контексте глобализации, является популярное на Западе и в России направление «Большой истории» (Д. Кристиан, Ф. Спир, С. Браун, К. Понтинг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, А. П. Назаретян и др.), представители которого сосредоточивают внимание на изучении системно-синергетических алгоритмов развития природы и историко-культурной реальности. Однако в данном случае, как и в отношении цивилизационного подхода, схематизм и математическое моделирование явно перевешивают идейное содержание концептов, раскрывающих историю различных культур и их центров как составные звенья цепи, основанной на реализации макроисторических алгоритмов развития, имеющих естественнонаучное обоснование.

Тем не менее, несмотря на обозначенные познавательные тенденции, в контексте процессов глобализации шлейф европоцентристских интерпретаций макроистории культуры в современной науке проявляет себя достаточно сильно. Одной из причин этого является примат идей европоцентризма в образовании, историко-культурные дисциплины которого построены на соответствии основным закономерностям историогенеза данного типа культуры.

Другая причина заключается в том, что глобализация развивается неравномерно и при значительном приоритете распространения достижений культуры Запада. В таком контексте глобализация фактически сливается с вестернизацией. Отсюда западноевропейский центр получает особый статус в различных регионах мира, самобытность которых достаточно состоятельна, и их явная привязка к истории Европы не имеет под собой выраженных оснований, а порой и вовсе не целесообразна.

Кроме того, не стоит забывать о том, что западноевропейский тип культуры, несмотря на прогнозы О. Шпенглера, Н. Я. Данилевского, П. А. Сорокина и других авторов, продолжает оставаться достаточно весомым структурирующим центром мировой истории, имеющим серьезное влияние на многие культуры, включая Россию. Данное обстоятельство актуализирует в ее пространстве давний научно-идеологический спор сторонников европейского центра истории

¹ Степин В. С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки : сб. ст. / отв. ред. Е. А. Мамчур. М. : ИФ РАН, 1992. С. 14.

² См.: Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание : избр. ст. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991 ; *Он же*. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996.

³ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М. : Политиздат, 1974.

⁴ См.: Каган М. С. Введение в историю мировой культуры : в 2 кн. 2-е изд. СПб. : Петрополис, 2003.

с приверженцами многополярного мира, состоящего из самобытных культур и макрорегионов.

Таким образом, обозначенные способы восприятия макроистории культуры, конкурирующие в развитии знания уже несколько столетий, получили новый импульс на волне глоболизирующейся реальности, по-

зволяя воспринимать ее через объединяющий западноевропейский центр либо через их множество. Тем не менее ни один из данных способов на современном этапе так и не стал приоритетным, во многом оставаясь «делом вкуса» и, в терминологии Дж. Холтона, «тематических предубеждений»¹ различных исследователей.

Л. Ю. Лепешкина²

САМОБЫТНОСТЬ, УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ, И ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

В условиях глобализации взаимодействие культур становится одним из ключевых принципов мирового развития. В трудах В. С. Библера, Ю. Хабермаса, М. М. Бахтина, П. С. Гуревича, М. С. Кагана и других авторов этот процесс представляется как взаимный обмен идеями и ценностями между двумя и более культурами, где раскрывается своеобразие чужой культуры и происходит осознание особенностей своей. Подобного рода взаимодействие всегда предполагает взаимное влияние, которое может быть сведено к следующим вариантам: диалог (активный обмен идеями, концепциями, взглядами на образ жизни), интеграция (синтез), стремление к изоляции, взаимодополнение, конфликт, параллелизм в развитии.

Важную роль в упомянутом процессе играет представление о нравственности, особенно в современную эпоху. В статье Д. С. Лихачева «Экология культуры» понятие нравственности — индикатор разумности, ибо «это то, что превращает “население” в упорядоченное общество, смиряет национальную вражду, заставляет “большие” нации учитывать и уважать интересы “малых” (вернее, малочисленных). Нравственность в стране — самое могучее объединяющее начало»³. Но когда нравственность отсутствует или ее понимание обретает искаженный характер, возникают конфликты на этническом, национальном и цивилизационном уровнях.

В разных вариантах взаимодействия культур особым образом переосмысливается понятие самобытности. Самобытность может проявляться как «самобытность в условиях открытости», предусматривающая комфортное сосуществование двух и более культур, «самобытность как форма закрытости», предполагающая противопоставление своих ценностей чужим, и «самобытность, устремленная в будущее», представляющая собой смешение различных культурных

кодексов и символов⁴. Как пишет испанский социолог Мануэль Кастельс, третья форма самобытности возникает из сопротивления некоторых членов общества системе социальных институтов, сложившихся в период индустриализации и до сих пор функционирующих под «яркими знаменами и писаными прокламациями»⁵. Примерами самобытности, устремленной в будущее, могут быть все более активно распространяющиеся в последнее время движения экологов, феминисток, сексуальных меньшинств, националистов, религиозных деятелей.

В этой ситуации возникают вопросы: насколько необходимо при росте такой самобытности рассуждать об экологии культуры как учении об ответственном и бережном отношении человечества к культуре-дому? Не приведет ли бурное сопротивление новых социальных движений устоявшимся правилам к утрате таких фундаментальных ценностей, как доброта, сострадание, милосердие, бескорыстие, любовь?

В настоящее время самобытность, устремленная в будущее (project identity) и являющаяся порождением активного межкультурного взаимодействия, воспринимается как нечто прорывное, исключительное, отвергающее строгие каноны. Например, западная культура закрыла для себя «книгу-корень», имитировавшую «образ дерева-мира», отказалась от европоцентризма, подменив его принципами безграничной толерантности и либерализма. Как следствие, стала востребована иная структура развития — ризоморфная.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари пишут: «Мир потерял свой стержень... Мир превратился в хаос, но книга остается образом мира, хаосмос-корешок на месте космоса-корня»⁶. Ризома (от *фр.* rhizome — *корневище*) — это образ современного мира, который децентрализован, хаотичен и асимметричен, для него потеряли свое значение прежние идеалы и авторитеты. Современное общество блуждает по лабиринту, не имеющему ни входа, ни выхода, поэтому его попытки найти новую, приемлемую для существования нишу зачастую заканчиваются провалом. Происходящие

¹ Холтон Дж. Тематический анализ науки / пер. с англ. А. Л. Великович, В. С. Кирсанов, А. Е. Левин; общ. ред. и посл. С. Р. Микулинского. М.: Прогресс, 1981. С. 10–11.

² Доцент кафедры философии, истории и правоповедения, старший научный сотрудник управления научных исследований Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти), кандидат исторических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Обряды жизненного цикла как феномен повседневной культуры», «Обряды жизненного цикла как алгоритм преодоления критических ситуаций», «Роль традиционных обрядов в восприятии жизни и смерти народами Среднего Поволжья», «Эколого-правовая культура Поволжья: история и современность» и др. Член Русского географического общества.

³ Лихачев Д. С. Экология культуры // Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 94.

⁴ Астафьева О. Н., Аванесова Г. А. Взаимодействие культур. URL: <http://рос-мир.рф/node/2366>

⁵ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_nov_post_volna/10.htm

⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома («Тысяча плато», гл. 1) // Альманах «Восток». URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm

в последние десятилетия войны и революции — это следствие взрывов «кочевого» сознания, отказавшегося подчиняться законам традиционного общества — оседлого, замкнутого, территориально ограниченного. Современный человек — это кочевник, раздвигающий границы и не имеющий принадлежности к определенной территории¹.

На повседневном уровне самобытность, устремленная в будущее, помимо примеров, которые анализирует М. Кастельс, выражается через выставляемые напоказ девиантные формы поведения (сексуальные извращения, осквернение исторических памятников и религиозных символов и т. д.). Вероятно, подобные способы поведения надо рассматривать не как девиантность, а как поиск новой самобытности.

Возвращаясь к статье Д. С. Лихачева, необходимо подчеркнуть, что воспоминание о нравственности как показателе разумности делает человека личностью, раскрывает его человеческую сущность. По мнению ученого, «конечная цель человеческой деятельности — преобразование мира»². Поэтому формирование самобытности, устремленной в будущее, не должно угнетать, подавлять и высмеивать то, что было создано и накоплено предыдущими поколениями. Экология культуры прежде всего ориентирована на воспитание уважения человека к окружающему миру — к его прошлому и настоящему. Без ответа на делёзовские вопросы: «Куда вы идете? Откуда вы выходите? Куда вы хотите прийти?»³ невозможно строить будущее и стать подлинным творцом своего бытия.

В. Е. Лепский⁴

ГАРМОНИЯ КУЛЬТУР В САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕФЛЕКСИВНО-АКТИВНЫХ СРЕДАХ (От техногенной к социогуманитарной цивилизации)

Гармония культур и проблема российского развития

В начале XXI века предпринимались многочисленные попытки перевести Россию на курс развития (создание национальной инновационной системы, система национальных проектов, система федеральных программ, курс на модернизацию, государственно-частное партнерство, стратегическое планирование, проектное управление, цифровая экономика и др.). Анализ этих безуспешных инициатив позволяет утверждать, что главная проблема связана с бессубъектностью российского развития, с явной незаинтересованностью коррумпированных чиновников и олигархов, а также ориентированных на Запад представителей финансово-экономической элиты в изменениях сложившейся, очень удобной для них ситуации. Как следствие — не удается сформировать пространство доверия в треугольнике «государство—общество—бизнес», столь необходимое для консолидации общества в интересах интенсивного развития. Эта важнейшая практическая задача определяет актуальность научно-прикладной *проблемы формирования и сборки субъектов российской*

*ского развития*⁵, решение которой органично связано с созданием гармонии развития *представителей различных культур как России, так и евразийского пространства*. В настоящее время решить эту задачу в рамках рассмотрения автономного развития России крайне сложно в силу того, что Россия оказалась втянутой в активные действия на двух фронтах, на которых действия ее противников хорошо согласованы.

Первый фронт — внешний — нарастающие агрессивные действия Запада против России с нарушением исторически сложившихся базовых регуляторов международных политических, экономических и правовых отношений.

Второй фронт — внутренний — сплоченные действия части «властной элиты», ориентированной на Запад, тормозящие процессы российского развития. Фактически в стране наличествует латентная форма гражданского противостояния.

Для сохранения суверенитета и развития России требуются реформирование механизмов ее стратегического управления и развития, поиск новых философско-методологических оснований видения и воплощения в реалии будущего, которое обеспечило бы гармонию и справедливость в масштабах не только России, но и всего человечества. Будущее России оказывается неразрывно связанным с ее становлением как мировоззренческого лидера планеты. В условиях процветания в стране уродливой формы грабительского «капитализма» с невероятным уровнем коррупции и рекордным расслоением на бедных и богатых предлагаемое будущее представляется утопией. Однако когда речь идет о выживании страны, только утопия и может быть спасительным вариантом, более того, у этой

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии. URL: <http://prometa.ru/lib/13>

² Лихачев Д. С. Экология культуры // Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 101.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома.

⁴ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч. монографий: «Аналитика сборки субъектов развития», «Социогуманитарные аспекты ситуационных центров развития» (в соавт.), «Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)», «Рефлексивно-активные среды инновационного развития», «Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию», «Моделирование и поддержка сообществ в Интернете» (в соавт.), «Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности»; учебного пособия «Проблема субъекта (междисциплинарный анализ)» и др.

⁵ Лепский В. Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. URL: <http://www.reflexion.ru/Library/Lepskiy2016.pdf>

утопии имеются достаточно рациональные основания и убедительные исторические примеры из прошлого нашей страны.

Философско-методологические основания становления России лидером развития

Философско-методологическими основаниями могли бы стать идеи постнеклассической научной рациональности (академик В. С. Степин)¹. Эта рациональность задает четыре важнейших основания гармонии субъектов развития. Во-первых, методологически обоснованное совместное представление субъектов, средств и объектов в процессах познания и деятельностной активности. Во-вторых, включение в процессы познания социальных ценностей и целей наряду с внутринаучными ценностями. В-третьих, введение в научную и управленческую деятельность этических регуляторов и *принципиально важных связей с культурой*. В-четвертых, понимание постнеклассической рациональности не только как специфического вида рациональности, но и как рамочной методологической конструкции, органично включающей классическую и неклассическую рациональности.

В прошлогодних Лихачевских чтениях в выступлениях ведущих философов было уделено много внимания вызовам и угрозам, порождаемым спецификой техногенной цивилизации, необходимости поиска перехода к новому типу цивилизационного развития. В первую очередь это связано с игнорированием техногенной цивилизацией базовых ценностей сохранения и развития:

- человека;
- человечества;
- биосферы;
- техносферы, в которой все большую роль играют цифровая и гибридная реальности.

Именно такие ценности могут позволить преодолеть рыночный эгоизм в масштабах человечества и *обеспечить гармонию представителей разных культур*. Учет этих ценностей не включен в механизмы господствующей в современном мире техногенной цивилизации, инициатором и творцом которой явился Запад. Переход к социогуманитарной цивилизации неразрывно связан с формированием субъектности развития человечества. Этот переход неизбежен, ибо в противном случае человечество будет нарастающими темпами приближаться к катастрофе.

Как следствие — возникает проблема закрытия стигматической, неконтролируемой человечеством техногенной «возгонки» по технологическим укладам через переход в седьмой социогуманитарный технологический уклад², с позиций которого будет происходить управление предыдущими и будущими техногенными укладами в интересах развития человечества³.

¹ Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

² Лепский В. Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад — адекватный ответ технологическим вызовам XXI века // *Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии*. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 1010–1021.

³ Лепский В. Е. Седьмой социогуманитарный технологический уклад — контуры будущего человечества // *Глобальный мир: Системные сдвиги, вызовы и контуры будущего*: XVII Междунар.

Россия как саморазвивающаяся полисубъектная среда гармонии культур

В соответствии с логикой постнеклассической научной рациональности механизм развития представляется как саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда гармонии культур⁴.

Первоочередные задачи, решаемые в саморазвивающихся полисубъектных средах:

- создание условий для учета и гармонии базовых ценностей при организации процессов стратегического целеполагания;

- консолидация субъектов развития на основе проектной идентификации;

- организация субъектно-ориентированной информационной платформы (цифровой среды), обеспечивающей полноту рефлексивных процессов и потенциальную возможность включенности всех субъектов в проектное управление (на основе системы адекватных онтологий саморазвивающейся среды);

- организация пространства коммуникаций и доверия субъектов развития, представителей разных культур;

- обеспечение гармонии и сборки субъектов развития (отказ от рыночного эгоизма и принципа максимизации прибыли);

- поддержка целостности и развития субъектов в условиях гибридной реальности;

- обеспечение соответствия сложности системы и объекта управления (совершенствование механизмов демократии с доминированием прямой демократии, с учетом социальной активности, заслуг перед обществом и компетентности граждан);

- обеспечение гармонии этических регуляторов: этики целей, коммуникативной этики и этики стратегических субъектов;

- создание условий для формирования элиты развития и организации социальных лифтов с учетом активности и результативности субъектов развития, в частности организация саморазвивающейся среды «опережающего образования и патриотического воспитания» с целью формирования будущих специалистов и подготовки элиты развития;

- совершенствование концептуальных основ и механизмов безопасности (гармония оборонной безопасности и безопасности развития)⁵;

- организация интегрированной системы стратегических контуров управления и развития (федеральный, региональный, местный, отраслевой и корпоративный уровни) на основе системы распределенных центров развития (консолидация администрации, бизнеса и общества)⁶.

Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 357–360.

⁴ Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf

⁵ Лепский В. Е. Развитие и национальная безопасность России // *Экономические стратегии*. 2008. № 2. С. 24–30.

⁶ Ситуационные центры развития в полисубъектной среде / А. А. Захаринный [и др.] // *Проблемы управления*. 2017. № 5. С. 31–42.

Россия — лидер становления управленческой проблематики гармонии культур

В настоящее время имеется современный отечественный научно-методический задел для организации саморазвивающихся полисубъектных сред (в основном созданный в советский период при проектировании автоматизированных систем управления страной), который можно относительно быстро развить до использования в пилотных проектах. Базой научного обеспечения может выступить создаваемая в настоящее время постнеклассическая кибернетика саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. Это социогуманитарная кибернетика третьего порядка, создаваемая в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка, по Н. Винеру) — классической научной рациональности — к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка, по Х. фон Фёрстеру) — неклассической научной рациональности — и далее к социогуманитарной кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных сред» (третьего порядка) — постнеклассической науч-

ной рациональности¹. Уточнение сходства и различия философских оснований видения кибернетики будущего на Западе и в России было проведено на мировом конгрессе WOSC 2017 (Congress of World Organisation of Systems and Cybernetics) в январе 2017 года в Риме и на XI Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» в октябре 2017 года в Москве (в Институте философии РАН). В международном научном сообществе одобрены предложенные нами идеи. Запланировано проведение Всемирного конгресса по системному подходу и кибернетике WOSC 2020 в сентябре 2020 года в Москве.

Есть основания полагать, что постнеклассическая кибернетика третьего порядка могла бы стать локомотивом перехода к социогуманитарной цивилизации и седьмому социогуманитарному технологическому укладу, что способствовало бы развитию России, а также повышению ее роли в разработке и реализации новых подходов к решению проблем обеспечения международной безопасности и развития человечества на основе гармонии культур.

Ю. В. Лобанова²

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАУК В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРНЫХ ЭПОХ XIX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Проблема взаимодействия, взаимосвязи, взаимозависимости не просто значима для науки о культуре — она является смысловым стержнем большинства исследований, которые можно назвать культурологическими. Одна из самых притягательных черт культурологии заключается именно в предрасположенности этой науки к «синтетическому» мышлению, стремлении находить связи между явлениями, фактами, сферами (в том числе научными).

Культуролог пытается не только диагностировать и описать существующие связи, но и *вскрыть определенные тенденции, ритмы в их развитии*. Что касается критериев, позволяющих судить об истинности той или иной выявленной тенденции, то для связей, рассмотренных в диахронном срезе, ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден: если некая тенденция существует, то ее действие должно распространяться как на прошлое, так и на настоящее и будущее (при допущении факта непрерывности и неоднолинейно-

сти исторического процесса)³. Однако еще в середине XX века Ф. Бродель был вынужден признать: «Еще вчера говорили, что без предсказания нет науки: она должна быть либо пророческой, либо не быть... Сегодня мы сказали бы, что ни одна из социальных наук, включая историю, не должна предвидеть, и, следовательно, согласно прежним правилам игры, ни одна из них не имеет права на прекрасное имя науки»⁴. Что в середине XX века заставляло историков критически пересматривать подходы к своей дисциплине? Представляется, что причина этого кроется в смене культурных эпох, как раз происходившей в указанное время. Рождался новый — постмодернистский — тип культуры, и Бродель подчеркивал: «...как сегодняшние историки, мы чувствуем свою принадлежность к другому веку, к другим приключениям духа»⁵.

В этом тексте чувствуется растерянность и неспособность автора, несмотря на изменившиеся условия, отказаться от высокой оценки деятельности своих предшественников — Ж. Мишле, Л. фон Ранке, А. О. Курно. Бродель не без сожаления признает отсутствие уверенности том, что «мы охватываем всю сущность истории»⁶. Тем самым подчеркивается, что у вышеназванных историков предшествующих поколений такая уверенность была. В качестве подтверждения можно привести известное высказывание Ранке: «Только наш век мог выработать понятие о всемирной

¹ Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2018. Vol. 47, iss. 2. P. 249–261. URL: <https://doi.org/10.1108/K-03-2017-0120>

² Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор около 70 научных публикаций, в т. ч.: «Культура города и человек: проблема теоретического осмысления», «Образ города в искусстве: психологический и историко-культурный аспекты», «Теоретические основания исследования художественной культуры Санкт-Петербурга. К юбилею издания монографии М. С. Кагана “Град Петров в истории русской культуры”», «История глазами культуролога: методологический аспект», «Проблема стиля городской культуры (на материале Санкт-Петербурга)» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества.

³ Бродель Ф. Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. М.: Академ. проект: Альма Матер, 2015. С. 16–17.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

истории в смысле изображения явлений жизни всех народов, во все времена, в их взаимной связи, насколько эти явления, сосуществуя друг с другом или следуя одни за другими в тесном преемстве, действительно образуют единое живое целое»¹.

Представляется, что потребность в поисках взаимосвязей, которую продемонстрировал Ранке, не в последнюю очередь определялась тем, что он, так же как и Мишле и другие вышеназванные авторы, сформировался в эпоху романтизма — период, отличавшийся чрезвычайной подвижностью, высокой степенью присутствия в культуре иррационального начала. Искусство таких периодов тяготеет к различным формам синтеза, проявляющегося и в повышенном интересе к символике как инструменту художественного самовыражения, и в востребованности таких крупных, объединительных в своей основе феноменов, как стиль или направление. То же можно сказать о движении научной и философской мысли, которая в ситуации «культурного хаоса» демонстрирует стремление к масштабным, концептуальным построениям, предполагающим наличие явных или опосредованных связей между различными элементами большого целого.

В подобные периоды активизируется поиск закономерностей, которые так или иначе связаны с идеей движения, развития природы, общества, культуры. Яркий пример — открытие Гегелем законов диалектики как раз в момент преобладания в духовной и художественной атмосфере Европы романтических тенденций. В этом отношении закономерна связь, с одной стороны, культур Античности, Возрождения, Просвещения, второй половины XIX столетия (эпохи позитивизма, или сциентизма), а также второй половины XX — начала XXI века (эпохи постмодернизма), а с другой — таких периодов, как Средневековье, XVII век (эпохи барокко), эпох романтизма и модернизма.

Поэтому внимание Броделя — историка эпохи модернизма — к опыту историков-романтиков с их потребностью в обобщениях и поисках взаимосвязей отнюдь не случайно, как не случайна идея движения, развития, заложенная в работах его современников О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, К. Ясперса или П. А. Сорокина.

Можно предположить, что культуры, являющиеся звеньями в цепи «Возрождение–Просвещение–позитивизм–постмодернизм», также будут иметь нечто общее в своем характере. Сенситивная доминанта, присущая, согласно представлениям П. А. Сорокина, Западной Европе начиная с XV века, в них выражена с наибольшей полнотой. В такие эпохи — по нарастающей — особенно авторитетным становится знание, истинность которого может быть подтверждена опытным путем. Названные культуры имеют ярко выраженное рациональное и светское начало, что часто заставляет их представителей сосредоточиваться главным образом на проблемах современности, рассматриваемой к тому же с позиций практичности и утилитарности и оптимистично оцениваемой не как миг «между прошлым и будущим», а как одна из высших фаз развития мировой истории. *Акцент делается на систематизации, а не на обобщении; идея синтеза сменяется потребностью в дифференциации, применяемой в том числе к научной сфере.* Профессионалом от науки считается специалист, не выходящий за рамки области конкретного знания; попользования тех, кто пытается строить исследования на принципах диалогичности, междисциплинарности, взаимодействия, наталкиваются на непонимание и осуждение.

С непониманием такого рода в период становления тенденций постмодернизма столкнулся Ф. Бродель. В похожем положении сейчас оказалась и культурология. Бурно развивавшаяся в ситуации социокультурных изменений (то есть в контексте, близком романтическому), выхода за пределы «железного занавеса» и процесса осмысления себя и мира на новом этапе, в настоящее время она столкнулась с теми же тенденциями, которые, проявившись в эпохи Просвещения и позитивизма, перешли в наше родственное им время. Эти тенденции (одна из которых выражается в примате специализированного научного знания, не предполагающего отношения к отечественному (и мировому) социокультурному пространству как системе, все элементы которой находятся во взаимодействии) вызывают тревогу, ставят под угрозу развитие как гуманитарного научного знания, так и человечества в целом.

¹ Цит. по: Юсим М. А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 152.

М. А. Мануильский¹ИДЕНТИЧНОСТИ В ТЕМПОРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Представление о будущем наряду с прошлым и настоящим выступает неотъемлемым элементом личностной идентичности. Темпоральная характеристика — важнейшая составляющая идентичности.

Идентичность — самохарактеристика субъекта, представляющая собой относительно автономное ментальное образование и содержащая *ролевые предписания* (включая требуемые для их выполнения качества, навыки, задатки) и *статусы* (принадлежность индивида к определенной группе с соответствующими правами, обязанностями и символическим капиталом). Набор сконструированных и усвоенных индивидом идентичностей отражает основной репертуар социальных предписаний, образующий общество. В то же время совокупность идентичностей, которых придерживается личность, представляет собой *актуальное самосознание* индивида.

Способность усваивать идентичность и руководствоваться ею в повседневной жизни формируется в процессе социализации личности. Ключевыми механизмами здесь выступает *подражание* образцу и перенос алгоритмов с уже сформированных идентичностей на новые ментальные конструкты. Следует различать: а) системоподдерживающие (социально одобряемые) идентичности; б) идентичности, имеющие превращенную форму («псевдоподдерживающие», когда индивид лишь имитирует приверженность тому или иному образцу); в) идентичности маргинального характера («трикстер», «проказник», «хулиган» — персонажи, санкционированные культурой и выполняющие в ней определенную продуктивную роль); г) неодобряемые идентичности, носителями которых являются представители групп отклоняющегося поведения (бомжи, преступники, заключенные) — групп, с существованием которых социум вынужден мириться. Наконец, как уже отмечалось, идентичности присутствуют на всех этапах *жизненного пути* человека. Последний есть континуум прошлого, настоящего и будущего. Соответственно, следует выделять «накопленную» идентичность (представления, сформировавшиеся на основе жизненного опыта, образования и воспитания); актуальную идентичность (регулятивы, которым личность привержена в текущих обстоятельствах и которые отстаивает как гаранты «самости»); планируемую (проектируемую) идентичность — например, ожидания в профессиональной сфере, возникающие у молодого человека, который собирается поступить в высшее учебное заведение.

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Культурно-антропологические доминанты терроризма», «Мир человека в энциклопедическом формате», «Российский чиновник на работе и дома» и др. Заместитель главного редактора «Социологического журнала».

Не вдаваясь в подробности, подчеркнем различия идентичности и «я-концепции». Последняя в структурном отношении включает многие составляющие идентичности — представления о собственном предназначении, профессиональные и коммуникационные предпочтения и т. д. Но в рамках «я-парадигмы» они предстают в творческо-деятельностном модусе. Кроме того, «я-концепция» позволяет сохранить преемственность настоящего и будущего, то есть адаптировать текущие изменения к новой «надвигающейся» повседневности.

Идентичность — многосоставный феномен, имеющий сложную *иерархическую* структуру. По нашему мнению, система идентичностей субъекта включает следующие основные элементы: родовую идентичность, гендерную (мужскую/женскую), семейно-родственную, поколенческую, национальную (этническую), конфессиональную, гражданскую, профессиональную, экзистенциально-креативную.

Ядро, стержень системы идентичностей образуют представления о человеческой сущности, происхождении человека, его месте в окружающем мире (Космосе), его предназначении в мире. В мифотворческом сознании людей эти представления приобретают форму вопросов: «кто мы? откуда мы? куда мы? зачем мы?» Это жизненно важные мировоззренческие конструкты. Как подчеркивал Г.-Г. Гадамер, «мифы — первомысли человечества». В различных культурах обозначенные вопросы концентрируются вокруг дилеммы добра и зла. Выбор между ними — ключевой механизм идентичности. Именно осознание этих проблем составляет содержание *родовой идентичности*, а свобода (свобода выбора) есть основной ее механизм. Родовая сущность — это абстрактная категория. В реальной жизни существуют мужчины и женщины, и их самоопределение представляет собой *гендерную* идентичность. В современных трактовках содержание понятия «гендерная идентичность» выходит за рамки природно-биологических характеристик человека как родового существа и имеет прежде всего социально-культурный смысл.

Темпоральный аспект человеческого существования выражает *поколенческую* идентичность. Основным возрастным периодам нашего жизненного пути (младенчество, детство, отрочество, юность и т. д.) присущи особые конфигурации самовосприятия, причем содержание последнего на данном этапе не является суммой предшествующих самооценок, но каждый раз представляет собой результат переосмысления пройденного жизненного пути.

Следующий уровень (область) образует *национальная (этническая)* идентичность, интерес к которой сегодня, в условиях глобализации, резко возрос.

Важнейшим культурно-антропологическим видом идентичности выступает приверженность тем или иным религиозным представлениям, или *конфессиональная* идентичность. Высказывается мнение (и не только сторонниками креационизма), что религи-

озное чувство — неотъемлемый атрибут человеческой природы. По нашему мнению, правильно было бы говорить о том, что конфессиональная идентичность — один из самых распространенных регулятивов культуры, если трактовать ее широко, в том числе как приверженность атеизму (агностицизму).

«Замыкают» этот сектор иерархии *семейно-родственные* идентичности. Конечно, сегодня ведущая роль в этом тандеме отводится семье — как ни парадоксально, в силу того, что в эпоху постмодерна институт семьи испытывает кризис. Вместе с тем набирает силу традиция обращения к своим корням. Знание родословной рассматривается не просто как дань уважения предкам, но как важный жизненный ресурс, слагаемое символического капитала.

Для цивилизованного человека большое значение имеет *гражданская* идентичность, осознание личностью своего места в жизни государства, патриотические чувства. Спектр самоощущений может быть самым широким — от «гражданина мира» до приверженности малой родине («мы псковские»).

Профессиональная идентичность. Осознанию себя как труженика, систематически прикладывающего усилия, чтобы добыть средства к существованию, и вместе тем как творца-созидателя посвящены бесчисленные страницы истории культуры, народного бытописания. Сегодня параметры самоидентификации в этой области задают корпоративные традиции, кодексы профессиональной этики. Современный человек рассматривает жизненное пространство, лежащее за пределами деловой активности, профессиональной успешности, как пространство разнообразных творческих возможностей. Возникающие здесь перспективы и представления можно охарактеризовать как *экзистенциально-креативную идентичность*.

Перечисленные виды идентичности наделены разными степенями свободы, возможностью того, что приверженность тем или иным образцам может быть адаптирована к новизне (то есть экстраполирована в будущее). Можно вообразить себя инопланетянином

или считать гражданином мира и уверенно шагать навстречу неизведанному. Вместе с тем многие идентичности считаются (считались) неизменными, данными человеку, что называется, от Бога. Скажем, этническая самоидентификация, на первый взгляд, — непоколебимая константа: человек рождается и умирает русским (французом, китайцем). Однако даже в народном сознании допускаются «варианты». Поговорка «поскреби русского — найдешь татарина» явно возникла не на пустом месте. Подобные аберрации характерны и для других модусов человеческой природы. До середины XX века, когда в широкий обиход вошло слово «гендер», кошунством считалось усомниться в принципиальном различии природы женщин и мужчин. Сегодня за равные права борются не только женщины, но и бисексуалы, транссексуалы, лесбиянки, геи и т. д.

Ясно, что идентичность представляет собой культурно-исторически обусловленный конструкт — если не всецело, то во многом. Трактовка важнейших форм (слагаемых) идентичности менялась вместе с эволюцией основных социальных институтов — семьи, государства, производства, религии и т. д. В процессе исторического развития в разных формах идентичности наслаивались все новые представления и стереотипы. Однако значительным элементом идентификационных матриц всегда оставался историко-культурный опыт. Даже в эпоху радикальных перемен (в 1920–1930-х гг.) в бытовой сфере были широко распространены «старорежимные» порядки. Не менее показательно то, как в начале XIX века с утверждением единоличной власти Наполеона Бонапарта и превращением Франции в империю во французское общество стали стремительно возвращаться привычки и этикет времен Людовика XV.

В целом же темпоральная устойчивость, преемственность личностной идентичности обеспечивается набором основных культурных кодов того или иного общества, среди которых одним из важнейших выступает открытость культуры новому. Последняя, в свою очередь, формируется столетиями.

А. В. Матвеева¹

ОБРАЗ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ²

Процессы информационной и экономической глобализации в начале XXI века актуализировали глубокие противоречия в развитии человеческого сообщества. Согласно концепции типов цивилизационного развития В. Степина, обострились противоречия двух типов цивилизаций — традиционалистского и техногенного, различающихся по культурно-генетическому коду и по смыслу ряда ключевых мировоззренческих универсалий культуры. Эти противоречия выразились в появлении экологического и антропологического кризисов, что предполагает, по мысли автора, возникновение «нового типа цивилизационного развития, третьего по отношению к традиционалистскому и техногенному»³. И только «сценарий многополярного мира... создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров»⁴.

Современные исследователи цивилизационных закономерностей развития выделяют две парадигмы: моноцивилизационную, в рамках которой предполагается линейная эволюция всего многообразия этносов и культур — от низших уровней развития к высшим (Д. Белл, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, О. Тоффлер), и полицивилизационную, декларирующую существование различных «культурно-исторических типов развития»⁵, которые эволюционируют по только им присущим закономерностям и сценариям.

Современные исследователи (Ю. Гущин, О. Платонов, П. Сорокин, Л. Свитич и др.) указывают на возрастающие противоречия двух моделей и типов цивилизации — западной и восточной. Западная основана, с одной стороны, на демократии и ценностях свободы, частной собственности, индивидуализме и рационализме, с другой — на принципах линейного прогресса, базирующегося на научно-технических достижениях и овладении энергией природы как ресурса разви-

тия общества. Восточная цивилизация рассматривается как носитель тоталитарного типа правления во главе с сильным лидером, религиозного самосознания, общинных типов труда, гармонии человека и природы.

Возможно, третий путь развития, о котором пишет В. Степин, будет реализован на основе российской цивилизации, и в этом состоит культурно-историческая миссия России. П. Сорокин так определяет особенности русской нации: «Совокупность основных черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, социальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни»⁶.

В связи с этим крайне важно изучить и понять роль России как особого типа цивилизации в современном историческом процессе. Д. С. Лихачев писал: «Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным». И далее: «Россия — это Восток и Запад»⁷.

Образ страны является системообразующим элементом картины мира человека и общества. Содержание этого образа наряду с представлениями о счастье, смысле жизни и безопасности дает возможность гражданам страны проявлять волю к активной деятельности, творческую инициативу в преодолении неопределенности, порождает состояние национальной гордости. Чувство ответственности, чести и долга по отношению к общественным идеалам и культурным традициям возникает под влиянием конкретного содержания образа страны.

Позитивный образ страны, родины обеспечивает для каждого из ее представителей на всех уровнях коммуникации и диалога уверенность в себе, чувство защищенности, веру в будущее. Негативный образ рождает противоположные состояния.

В последние 20 лет на российских и международных дискуссионных площадках идет активное переосмысление истории страны, судьбы населяющих ее многочисленных народов, сценариев развития с точки зрения выбора пути, определения национальной идеи и принадлежности к западной или восточной цивилизации. Большой вклад в эту деятельность вносят отечественные СМИ.

⁶ Маслин М. А. О России и русской философской культуре: философия русского послеоктябрьского зарубежья: антол. М.: Наука, 1990. С. 472.

⁷ Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. СПб.: АРС, 2006. Т. 2. С. 66–67.

¹ Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор около 180 публикаций, в т. ч. 26 монографий: «Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия» (в соавт.), «Методология и методика обучения навыкам коммуникативной компетентности в режиме видеотренинга», «Психология коммуникаций: методология, модели, методы», «Психология ведения переговоров» (в соавт.), «Современный образ России: перспективы развития» (в соавт.); «Информационная и психологическая безопасность в СМИ» (в соавт.); статей: «Воздействие компьютерных игр на детей и подростков в аспекте информационно-психологической безопасности» (в соавт.), «Содержание новостного дискурса и представление человека об опасности» (в соавт.), «Субъект в информационной коммуникации: закономерности психологического воздействия СМИ» и др. Член Экспертного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка, член Международной академии телевидения и радио. Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01156.

³ Степин В. С. XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 186.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 113.

Современные люди, особенно молодежь, фактически окружены искусственной информационной средой, для создания которой используются огромные финансовые и научно-технические ресурсы. Картина мира человека становится крайне зависима от содержания информационных потоков.

В нашей работе мы предприняли попытку сравнительного анализа категориальной структуры образа России, представленной в картине мира журналистского корпуса, формирующего информационный контент ведущих телеканалов страны, и в группах молодежи из разных городов: Москвы, Перми и Новосибирска, представляющих европейский и азиатский регионы страны¹. Исследование проводилось методом психосемантического шкалирования с последующей обработкой результатов факторным анализом. Этот метод позволяет выявить базовые категории, по которым в картине мира представлено субъективное отношение человека или группы людей к содержанию образа страны, осознаваемые или неосознаваемые оценки его различных аспектов.

В группе *московских журналистов* были выявлены семь факторов-категорий, описывающих образ России. Смысловое содержание факторов:

1 — прогрессивная—отсталая, богатая—бедная, трудолюбивая—ленивая;

2 — тип цивилизации — западная, родная, открытая, щедрая, простодушная, прекрасная; на негативном полюсе — восточная, чужая, замкнутая, скучная, хитрая, уродливая;

3 — миролюбивая—воинственная;

4 — могущественная—обессиленная;

5 — добрая—злая;

6 — общинная—индивидуальная;

7 — патриотичная—космополитичная.

По этим факторам измерялись образы: «Россия — моя страна» и «Россия в СМИ». У журналистов эти образы оказались тождественны и по первому фактору заняли среднее положение, близкое к нулевой отметке, то есть прогрессивность развития и трудолюбие не выражены. По типу цивилизации оба образа относятся к западной цивилизации, относительно миролю-

бивые, родные, щедрые и прекрасные. Значения по категориям «злая—добрая», «индивидуальная—общинная» и «патриотичная» четко не выражены. Данные свидетельствуют, что в медиаобразе России не только находят отражение фрагменты объективной действительности, но и выражается авторская позиция журналистов, их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения. Важно, что по цивилизационному фактору они относят Россию к западной цивилизации как позитивному полюсу развития.

Интересно, что, хотя образ России в СМИ у журналистов Москвы относится к западной цивилизации, молодежь европейского и азиатского регионов страны склонна относить Россию к восточной цивилизации, наделяя ее позитивными чертами. В то же время важно, что по большинству категорий образ «Россия — моя страна» у представителей молодежи схож с образом «Россия в СМИ», то есть с тем, что транслируется по информационным каналам страны.

Если России суждено развиваться по сценарию третьего пути, описанного В. С. Степиным, то необходимо, чтобы этот сценарий (или его варианты) был представлен в отечественных СМИ нашими ведущими журналистами. Ценностно-смысловые коды российской цивилизации содержат интенции уважения к природе (мать сыра земля, земля-кормилица), установку на трудолюбие и общинные формы жизнедеятельности, что может стать базой для формирования экологического сознания. Длительный опыт мирного сосуществования на российском пространстве разных народов и конфессий, объединенных сильной властью, позволяет конструктивно решать проблемы, связанные с противоречиями в культурных сценариях развития различных этносов. Формирование «новой матрицы ценностей»² в картине мира жителей страны, особенно молодежи как носителей инноваций, должно быть поддержано в информационном пространстве систематической творческой работой журналистов по формированию ценностно-смыслового содержания цивилизационного наследия России как основы осмысления пути развития страны и эффективного межкультурного взаимодействия.

¹ Категориальная структура образа России и образов других стран в менталитете жителей страны и союзного государства Белоруссии / Л. В. Матвеева [и др.] // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия. Иркутск : ИГУ, 2014. С. 64–112.

² Степин В. С. Указ. соч. С. 188.

А. А. Мельникова¹**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ**

Анализ процесса взаимодействия культур проявляется его различные модусы. Экономика — одна из постоянных сфер культурного взаимодействия, и в настоящий момент экономическая взаимосвязь государств обретает все усиливающийся акцент — миграционный. Интенсификация процессов миграции фиксировалась уже в XX веке, однако сегодня этот феномен стал фактором, определяющим масштабные изменения современного мира. При этом, с одной стороны, миграция — следствие глобализации, с другой — миграция глобализацию усиливает. Последствия миграции все более определяются как факторы взаимодействия культур, обнаруживаясь в самых разных социально-культурных сферах: экономической, социальной, политической, культурно-психологической. Вместе с тем данные последствия носят как позитивный, так и негативный характер. В силу ограниченного объема тезисов остановимся только на некоторых аспектах негативных последствий.

По данным зарубежных исследований, мигранты чаще испытывают проблемы с психическим здоровьем, чем местное население. Так, евреи из Советского Союза демонстрировали более высокий уровень тревожности, чувств беспомощности, низкий уровень самооценки по сравнению с евреями, рожденными в Израиле [6]. В Великобритании у ирландских мигрантов был обнаружен более высокий уровень суицидального поведения по сравнению с коренными британцами [3]. Согласно исследованиям А. Столлер, Я. Крупински (1973), у мигрантов значительно выше частота возникновения стресса и депрессивных симптомов по сравнению с местным населением.

В связи с тем, что для большинства мигрантов в качестве ведущих выступают экономические мотивы, наряду с психологической и социокультурной адаптацией особое внимание среди исследователей миграционных процессов уделяется изучению особенностей экономической адаптации мигрантов. Под экономической адаптацией традиционно понимается наличие или отсутствие работы, удовлетворенность работой, уровень профессиональных достижений в новой культурной среде [1]. Зарубежные исследователи адаптации мигрантов подчеркивают, что мигранты часто сталкиваются с безработицей, вынуждены трудоустроиваться не в соответствии с тем уровнем профессиональной квалификации, который имели на родине. На-

пример, в исследовании Н. Сван, Л. Ауэр, Д. Ченард, А. де Плайя, А. де Силва, Д. Палмер, Д. Серьяк (1991) было выявлено, что в Австралии мигранты из Турции, Югославии и Восточной Европы обладали более низким уровнем дохода по сравнению с коренным населением. Исследование З. Айкан, Дж. Берри (1996) показало, что турецкие мигранты в Канаде через 6 месяцев после приезда имели почти вдвое меньший доход, чем до иммиграции, спустя несколько лет он превысил их доход на родине, в отличие от профессионального статуса.

Поэтому вполне закономерно, что среди основных проблем мигрантов в процессе адаптации большинство исследователей отмечают трудности в коммуникативной сфере и проблемы, связанные с профессиональной самореализацией. Что касается последней, то с наибольшими сложностями сталкиваются мигранты с высоким уровнем образования, у которых основополагающим для дальнейшего трудоустройства становится вопрос признания их профессиональной компетентности со стороны работодателей. Мигранты с высоким уровнем образования (и соответствующими притязаниями), оказавшись в стране с более высоким уровнем жизни, по-другому оцениваются на рынке труда, в связи с чем у них возникает чувство некоторой второсортности, усиливающееся из-за дискомфортного ощущения себя в другом этносе чужаком [2]. Это подкрепляет тенденцию к консолидации с такими же мигрантами и в то же время ведет к психологической отстраненности от представителей принимающей культуры. В связи с этим возникает повсеместно наблюдаемый феномен: мигранты концентрируются в определенных местах проживания по этническому и территориальному признакам. Изоляция группы, в свою очередь, приводит к сплоченности внутри нее, к росту группового давления. Развивается феномен «группового мышления», включающий размывание ответственности, недооценку последствий, туннельное видение, а также групповую поляризацию, при которой возрастает вероятность принятия рискованных, экстремальных групповых решений [4].

В то же время психологический дискомфорт побуждает найти причину такого положения дел, и наиболее простой формой становится приписывание ответственности за свое низкое социальное положение членам принимающей культуры, которым присваиваются негативные характеристики. В этом случае самоидентичность мигранта выстраивается через отрицание ценностей и норм, доминирующих в стране, куда он приехал [5]. Эти настроения используются радикальными группами, которые активно рекрутируют мигрантов для совершения диверсий и террористических актов.

Таким образом, миграционные процессы являются напряженной точкой культурного взаимодействия, что диктует необходимость не только теоретического изучения данного вопроса, но и создания практических

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии, кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. монографий «Язык и национальный характер: взаимосвязь структуры языка и ментальности», «Психология кросс-культурной адаптации» (в соавт.), а также публикаций «Политика глобализации и глубинные основания культуры», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

инструментов работы по адаптации мигрантов, при которой указанные деструктивные тенденции минимизируются. Например, одной из техник продуктивной адаптации мигрантов является культурный ассимилятор, обучающий человека видению ситуации с позиции представителя другой культуры. Начало разработок подобного типа было положено в 1960-е годы Г. Триандисом, под руководством которого моделировались предназначенные для американцев ситуации, описывающие взаимодействие представителей двух культур. К описанию прилагались четыре варианта трактовки причин именно такого поведения представителя другой культуры (иранца, араба, тайца, грека и пр.). Выбирая из предложенных альтернатив (составленных исходя из этностереотипов и типичных ролевых ожиданий), человек начинал осознавать как клишированность своих представлений о людях данной культуры, так и их ошибочность. Эффективность использования ассимилятора как средства, передающего информацию о свойственных разным культурам, основанных на ценностях поведенческих сценариях, подтверждена в ходе его многолетнего использования.

Соединение разработок подобного вида в общий банк, их адаптация к специфике конкретных культур

(принимающей и той, к которой принадлежат мигранты) и выстраивание адаптированных методик в единую программу по оптимизации межкультурного взаимодействия будут способствовать минимизации описанных негативных последствий миграционных контактов как формы взаимодействия культур.

Литература

1. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию : учеб. пособие / Н. М. Лебедева. — М. : Ключ-С, 1999.
2. Петухов В. Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии / В. Б. Петухов. — М., 2009. С. 49–103.
3. Balarayan R. Ethnicity and variations in the nation's health / R. Balarayan // Health Trends. — 1995. — № 27. — P. 1149.
4. McCormick G. H. Terrorist decision making / G. H. McCormick // Annual Review of Political Science. — 2003. — Vol. 6, № 1. — P. 473–507.
5. Nail P. R. Proposal of a four-dimensional model of social response / P. R. Nail, G. MacDonald, D. A. Levy // Psychological Bulletin. — 2000. — Vol. 126. — P. 554–470.
6. Zilber A. Psychological distress among recent immigrants from the former Soviet Union to Israel: Correlates of level of distress / A. Zilber, Y. Lerner // Psychological Medicine. — 1996. — № 26. — P. 493–501.

А. М. Мосолова¹

ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ В ТРУДАХ М. С. КАГАНА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В целом ряде научных трудов М. С. Кагана представлены его размышления о взаимодействии культур с позиций философии культуры, культурологии и искусствоведения. Особенно много внимания он уделял теоретическому объяснению принципиального различия общения и коммуникации, убедительно показав, что общение нельзя растворять в коммуникативной деятельности.

Данное представление легло в основу известных коллективных трудов, посвященных процессу развития художественной культуры в общечеловеческом масштабе, подготовленных под научным руководством М. С. Кагана. Это два первых тома: «Художественная культура в докапиталистических формациях» (ЛГУ, 1984) и «Художественная культура в капиталистических формациях» (ЛГУ, 1987). Что касается третьего тома, «Художественная культура в социалистических обществах», он также был подготовлен, сдан в издательство, рукопись была отредактирована, книга должна была выйти в свет в 1991 году, но не вышла. Види-

мо, издатели сочли публикацию книги о развитии социалистического искусства уже не нужной.

Именно в третьем томе, подготовленном университетскими учеными (М. С. Каганом, Э. П. Юровской, Г. Ф. Суныгиным, В. В. Прозерским, Б. М. Бернштейном, В. В. Селивановым, Е. Н. Устюговой, Л. М. Мосоловой, Г. К. Щедриной и др.), была применена концепция М. С. Кагана о специфике коммуникации и общения. Это помогло исследовать сложный процесс взаимодействия культур многочисленных народов нашей страны в процессе исторического строительства советской цивилизации.

Анализируя человеческую деятельность как систему субъектно-объектных отношений, М. С. Каган выделил два направления активности человека как субъекта деятельности. Во-первых, это *предметная деятельность* человека, когда его активность направлена на *объекты*, которые познаются, оцениваются, преобразуются. Причем *объектом* может быть и человеческая личность, и социальная группа, и целый народ. Во-вторых, это *направленность активности субъекта на других субъектов*. В данном случае имеет место *межсубъектное взаимодействие*, когда личность или общность относится к другой личности или общности не как к объекту.

«Общение, — отмечал М. С. Каган, — есть такая деятельность субъекта, которая устремлена к другому субъекту как к активному, сознательному и самосознательному, свободно целеполагающему и сво-

¹ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология в контексте междисциплинарных исследований», «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века)», «Культурология в системе современного образования: философско-онтологические основания», «Архаика евразийской культуры в свете современной науки» и др. Награждена орденом «Знак Почета».

бодно избирающему способы своих действий уникальному существу, короче говоря — как к равному, как к партнеру, а не пассивному объекту»¹. Духовное общение, по М. С. Кагану, «есть встреча исповедей, есть самораскрытие субъекта другому субъекту, и поэтому здесь может циркулировать не любая информация (как в коммуникации), а только окрашенная субъективностью речь участников общения, ставшая личностным смыслом, если речь идет о межличностном общении»². Если же речь идет об общении этносов, наций, народов, политических партий или религиозных групп, то общение наполняется социально-психологическим смыслом. *Коммуникация по сути своей монологична, а общение по своей природе принципиально диалогично.*

В упомянутом третьем томе книги о развитии советской художественной культуры рассматривается (в том числе и мною) вопрос о *взаимодействии* различных этнических, национальных и региональных культур страны и ценность уникального опыта создания многонационального и единого культурного пространства огромного государства. Кратко отмечу, что на исходном этапе создания социалистической культуры народы страны в своем совокупном состоянии характеризовались многоукладностью, разностадиальностью, разноуровневостью, разнотипностью, полиэтничностью, поликонфессиональностью; традиционные культуры взаимодействовали с урбанистическими, земледельческие — с номадическими, креативно-личностные — с каноническими и т. д.

Беспрецедентно ускоренное развитие разных сфер культуры, в частности художественной культуры, было обусловлено рядом существенных факторов. Обычно к ним относили роль коммунистической партии, идеологию, билингвизм, систему образования, равноправие народов и другие важные факторы. При этом, как правило, не принималась во внимание и не анализировалась *феноменология взаимодействия советских этносов в целом и ведущая форма их взаимодействия — общение.* Мы попытались выявить ничем не заменимую значимость *диалогического общения народов* в развитии советской художественной культуры. Именно благодаря ему возникало их сближение, взаимопонимание, взаимоуважение, взаимопомощь и взаимообогащение.

В настоящее время в контексте провала глобалистской вестернизации, унификации и тиражирования западной идеологии, чреватой разрушительными последствиями для всего мира, советскому обществу и достижениям его культуры дается более взвешенная оценка. Сегодня Россия приступила к новому этапу мощного созидания, и позитивный опыт культурного строительства в многонациональной стране, основанный прежде всего на диалогическом общении ее народов, становится актуальным. Пришло время «реанимировать», обновить, дополнить и издать книгу по советской художественной культуре, полноценно представив сложнейшую *феноменологию взаимодействия культур* разных народов страны, ее векторы и поразительные в историческом масштабе результаты.

Проблема взаимодействия народов и их культур волновала М. С. Кагана всю жизнь. Он полагал, что современное человечество ориентировано на форму диалога, поскольку она оказывается важным инструментом решения глобальных практических проблем. Об этом он размышлял в главе «Образ человека в культурном противостоянии “Восток–Запад”» в книге «Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в волшебном зеркале изобразительного искусства»³. А в заключительной главе своей последней книги «Метаморфозы бытия и небытия» (2006) он писал: «Я готов заключить, что обретение понятием “диалог” статуса категории в культурологических, социальных и гуманитарных науках, а вслед за ними и в самой философии, отражает процесс формирования на наших глазах *нового типа мышления, типа человеческих отношений и взаимоотношений культур, государств, политических партий;* это новое состояние цивилизации и следовало бы назвать диалогическим — такое определение выражает его сущность точнее, чем вошедшие в обиход понятия “постиндустриальная”, “постмодернистская” или даже “информационная” или “информационная”. Если человек, по образному выражению Сартра, “приговорен к свободе”, то в наше время человечество “приговорено к диалогу”, и на политико-дипломатическом уровне, и на уровне культуры»⁴.

Таким образом, М. С. Каган точно указал на очень важный и ничем не заменимый компонент процесса взаимодействия народов в контурах будущего в контексте мирового культурного развития.

¹ Каган М. С. Изобразительное искусство в сфере человеческого общения // Искусствознание и художественная критика. Избранные статьи. СПб. : Петрополис, 2011. С. 169.

² Там же. С. 171.

³ Каган М. С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в волшебном зеркале изобразительного искусства. СПб. : Logos, 2003. С. 113–138.

⁴ Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия: онтология в системно-синергетическом осмыслении. СПб. : Logos, 2006. С. 383.

М. Е. Попов¹

ПОСТТРАДИЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТ КОНФЛИКТОВ К ИНТЕГРАЦИИ

Посттрадиционные трансформации — это структурные изменения современности, вызванные необходимостью модернизации традиционных культур в процессе глобализации человеческой деятельности и перехода современного мира к целерациональности второго модерна. Рефлексивная (рационально-светская) модернизация как источник посттрадиционных трансформаций (У. Бек, Э. Гидденс) становится конфликтогенной в связи с реактивным сопротивлением неорационализма: традиционалистские общества в новом глобализирующемся мире актуализируют культурный партикуляризм, воплощенный в ценностях этногрупповой безопасности и политического изоляционизма.

Э. Гидденс выделяет три магистральные оси посттрадиционных трансформаций в глобальном мире, определяющие структурные изменения культуры, — глобализацию, дотрадиционализацию и рефлексивизацию. По мнению Э. Гидденса, глобализацию не следует понимать только в экономических терминах. Связанная с ней «детрадиционализация» вследствие исчезновения аксиологической «буферной зоны», отделяющей различные социокультурные локальности друг от друга, приводит к исчезновению возможности прямолинейного, «наивного» традиционализма, не задающего вопроса о легитимации собственных положений².

Посттрадиционное гражданское общество не означает общество без каких-либо традиций; это общество вне тотальности «классической» традиции, в котором коллективные традиции становятся глобальными, меняя онтологический и ценностный статус. «В контексте глобализирующегося, космополитического порядка, — отмечает Э. Гидденс, — традиции постоянно вступают в контакт друг с другом и принуждены «объявлять сами себя» (to declare themselves)»³.

Традиция в посттрадиционном мире может оставаться действенной, если она рефлексивно легитимирована: по Э. Гидденсу, «рефлексивизация» — это субстанциональный признак всего проекта модерна, и до сих пор она была связана с рефлексивным принятием или отторжением устойчивых традиционалистских идентичностей (гендера, этничности, религиозности, идеологии). «Рефлексивность» принуждает быстро меняющийся, «текущий» глобальный мир не только выбирать, но и рационально определять, что именно выбирает-

ся («целерациональный» выбор М. Вебера). В элиминации идеологий господства «классического традиционализма» (в форме этнонационализма, фундаментализма, авторитаризма) состоит различие между «простым» и «рефлексивным модерном», вторым модерном как мегатрендом посттрадиционного мира⁴.

Посттрадиционные трансформации как фактор социокультурных взаимодействий изменяют традиционалистское содержание культурных идентичностей (в традиционной иерархической оппозиции «мы—они») посредством ценностной гомогенизации (универсализации) на основе принципов транснациональной интеграции. Существование в посттрадиционной культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к культурному диалогу и интеграции; однако когда гомогенизация культурных различий воспринимается как «посягательство» на традиционную иерархичность и автономность идентичностей, а также декларируется в качестве вызова и угрозы групповой безопасности, возникают затяжные культурные конфликты.

Специфика посттрадиционных мировоззренческих противоречий заключается в том, что они протекают на фоне ценностных трансформаций «человеческих множественностей» посредством универсализации новых идей «глобального человечества» и «глобального гражданского общества». Идентификационные кризисы, завершение проекта первого («национального») модерна, становление второго («космополитического»), «постметафизического») модерна делают ранее гомогенные традиционалистские идентичности требующими глубокой рефлексии и критического переосмысления. «Национальный модерн, ориентированный на фиксацию однородности, — пишет У. Бек, — предельно умалил образующую идентичность силу межнационального, межэтнического, межрелигиозного диалога — силу, часто мучительную и парадоксальную, диалогической фантазии... Тесное сближение чужих идентичностей является неисчерпаемым источником креативности и конфликтов. Без испытания способов урегулирования транснациональных конфликтов в центре национально-государственных, политических и корпоративных организаций может возникнуть угроза предстоящей нам фазы появления рефлексов ренационализации или вступления в постполитическую эру высокой технократии»⁵.

В современном обществе конструирование метакультурной идентичности как способа преодоления идентификационных конфликтов кристаллизуется вокруг региональных и глобальных, транснациональных институтов легитимного господства, в образе которых

¹ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор 160 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликты идентичностей и социокультурная интеграция в современной России», «Социокультурная интеграция как способ разрешения конфликтов идентичностей в современной России», «Роль социокультурной интеграции в урегулировании конфликтов (на примере Северного Кавказа)», «Социокультурная интеграция, гражданская идентичность и проблемы разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе» и др.

² См.: Новицкий В. Anthony Giddens. Beyond Left and Right // Топос. 2007. № 2 (16). С. 129.

³ См.: Там же. С. 130.

⁴ Новицкий В. Указ. соч. С. 130.

⁵ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 77–78.

«глобальное гражданское общество» идентифицирует себя как макроколлективного актора, что способствует росту интеграции и солидарности государств — членов нового глобального миропорядка. Этот подход в исследованиях посттрадиционности связан с политико-аксиологической методологией глобального «космополитического реализма» (У. Бек, Ю. Хабермас). По мнению Ю. Хабермаса, «главное значение имеет уже не самоутверждение коллектива вовне, а сохранение либерального порядка внутри. Так как идентификация с государством трансформируется в ориентацию на конституцию, универсалистские принципы конституции обретают известное преимущество перед партикулярным, ограниченным контекстом национальной истории конкретного государства. Этот отход от восприятия государства как центра и переориентация на конституцию и дают возможность проявиться (еще в национально-государственных рамках) структуре первоначально абстрактной и юридически опосредованной “солидарности среди чужих”. А эта структура, несомненно, способствует транснациональному расширению государственной солидарности»¹.

Посттрадиционная транснационализация может открывать пути для преодоления конфликтов, связанных с политическими, социальными, этническими, религиозными проблемами трансформирующихся обществ. По мнению У. Бека, «национальное оживление политики достижимо только через денационализацию. Существует внутренняя связь между утратой национального суверенитета и приростом транснационального суверенитета, то есть вновь обретенная возможность развития национального суверенитета на пути кооперации, если под этим понимать решение национальных вопросов проблемно-ориентированной полити-

ки... Необходим некий New deal, который по-новому сбалансирует власть политики и экономики и вынудит международный капитал принять иные правила культурного и политического ангажмента, а также транснациональные государства, возрожденные в форме кооперативных государств. Если это не удастся, то нам угрожает осуществление в той или иной форме модернизированной, неофашистской агрессии и дегуманизации. Но именно от этого могут защитить возникшие в “среде благоденствия” свободные культуры солидарного индивидуализма. Образу упадка, который «бродит по Европе» вместе с призраком неолиберализма, до сих пор не противопоставлена напрашивающаяся альтернатива транснационального обновления демократии, социальной справедливости и безопасности, а также экологического мышления и действий за пределами национально-государственной исключительности. Транснационализация предполагает космополитическую открытость общества»².

В современном мире полиэтничность может становиться вызовом посттрадиционным обществам, сталкивающимся с мультикультурным проникновением как результатом роста географической мобильности. В настоящее время проблема глобальной безопасности при продвижении трансформирующихся обществ к либеральной демократии представляет собой одну из наиболее острых социально-политических проблем: традиционализм не готов развивать единственно возможную в полиэтничном сообществе форму «национальной идеи», которая не является конфликтогенной и деструктивной для всех его членов — «гражданский постнационализм» на основе добровольно принятой надэтнической идентичности и метакультурной солидарности.

Г. П. Рогочая³

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И МЕДИАЦИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ

Стабильность и устойчивость Российского государства, успешная реализация стратегического курса на модернизацию страны и переход на инновационную экономику во многом зависят от сохранения и укрепления в обществе гражданского мира, межнационально-согласия, межрелигиозного уважения, терпимости.

В настоящее время межнациональные и этнические противоречия, элементы межконфессиональной

розни и религиозной нетерпимости являются в основном продолжением существующих социально-экономических проблем, которые с особой остротой проявляются на Юге России.

Для разрешения этих проблем необходим межэтнический и межконфессиональный диалог и внедрение диалоговых практик в межкультурную коммуникацию. Семантически кросс-культурный диалог тождествен таким понятиям, как «межкультурная коммуникация», «диалог культур», «межэтническая коммуникация» и т. д.⁴ В рамках кросс-культурного диалога и кросс-культурной коммуникации обычно исследуются процессы, в ходе которых группы и индивиды, принадлежащие к этноконфессиональным общностям, структурируют свои представления и ожидания, ориентируясь на сложившиеся в данных культурах картины мира,

¹ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 72–73.

² Бек У. Указ. соч. С. 241, 264–265.

³ Доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (Краснодар), кандидат философских наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Историческая память как основа государственной идентичности», «Медиация в межконфессиональном и межкультурном диалоге на Кавказе», «Культурные факторы российских революций в осмыслении философов Серебряного века» (в соавт.), «Медиация в урегулировании конфликтов идентичностей», «Этничность как контекст конфликтного взаимодействия: психологический и социально-политический аспекты» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Российской ассоциации политической науки.

⁴ Недосека О. Е. Понятие «кросс-культурная коммуникация» в современном гуманитарном знании // Вектор науки. ТГУ. 2011. № 4 (7). С. 201.

и на их основе строят свое поведение по отношению к социальному окружению.

В России поиск оптимальных способов регулирования всего спектра межнациональных и межконфессиональных проблем приобретает исключительную актуальность в силу специфики этнического и конфессионального состава государства, исторически являющегося многосоставным, а также в силу глубоких системных преобразований и не закончившейся трансформации последних тридцати лет после распада Советского Союза. Сложность решения этой задачи во многом определяется тем, что этнические и конфессиональные конфликты на юге России не являются результатом локальных противоречий, а обусловлены целым комплексом геополитических, социально-экономических, культурных, конфессиональных, демографических факторов. Это своего рода «слоеный пирог» противоречий. К тому же в каждом из региональных конфликтов данные факторы имеют свою специфическую форму. Поэтому выработка универсальных клише не будет иметь никакого практического смысла для урегулирования конфликтов. Свои проблемы в сфере межэтнических отношений существуют не только в южных и кавказских республиках, но и в русскоязычных краях и областях юга России.

По данным экспертного опроса, «на эскалацию этнополитической напряженности в Краснодарском крае этнический фактор оказывает большее влияние, чем конфессиональный. Что касается соотношения веса внешних и внутренних факторов в развитии этнополитической ситуации, то в конфликтных и консенсуальных составляющих этнополитической ситуации региона преобладают в основном внутренние факторы¹. Прежде всего они связаны с мощным миграционным притоком, воздействующим на сложившуюся национальную структуру населения. Проблемы социально-экономической, ментальной, социокультурной адаптации мигрантов к новым условиям жизнедеятельности, с одной стороны, и определенная встречная адаптация коренного населения русских территорий — с другой, выходят на первый план в сфере национальной политики и регулирования кросс-культурных конфликтов и понимания механизмов кросс-культурной коммуникации и кросс-культурного диалога.

Обращаясь к изложению способов регулирования конфликтов, отметим, что при всем их разнообразии эти способы можно свести к трем вариантам: силовому, формально-правовому способам и подходу, основанному на взаимных уступках. Применение последнего из указанных типов конфликтного взаимодействия становится возможным как с участием независимого посредника, например психолога или медиатора, так и сторонами конфликта самостоятельно. Независимый посредник может показать конфликтующим сторонам

возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. В основе своей конфликт ценностей — это не что иное как столкновение различных картин мира, различных типов идентичностей, имеющих в том числе этнически обусловленную специфику. Этномедиация кросс-культурных конфликтов, как одно из направлений медиации, является инструментом реализации данных идей, занимается поиском решений между крайностями, способствует сближению позиций сторон на основе универсальных базовых ценностей. В современном социокультурном пространстве России соприкасаются несколько цивилизационных парадигм, предполагающих различные когнитивные модели восприятия картины мира: премодерна, модерна и постмодерна. В каждой из указанных моделей этничность проявляется по-разному, и медиация, реализуя постмодернистский подход, позволяет осуществить принцип равенства каждой из систем ценностных ориентаций, представленных в данных когнитивных системах. Методологически это соотносится с идеями М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. Бубера, П. Сорокина, отстаивавших идею о том, что любая культура способна развиваться только на стыке с другими культурами, в диалоге с ними. Учет этнических особенностей культурной коммуникации при построении кросс-культурного диалога отвечает принципу единства социальности и культуры.

Медиация кросс-культурных конфликтов дает возможность перевести конфликтное взаимодействие сторон в форму диалога с участием независимого посредника. Именно медиатор-посредник обеспечивает соблюдение процедурного подхода при разрешении конфликтов и поддерживает конструктивную установку, ориентируя стороны на поиск взаимоприемлемых решений. Посредничество является наиболее мягкой формой участия третьей стороны в урегулировании конфликта.

В наиболее концентрированном виде обзор актуальных направлений научных исследований в области медиации и развития медиативных практик был сделан А. Н. Островским. Автор указывает на два основных аспекта интеграции медиации в межкультурные отношения. Это прежде всего «использование медиации в интеграционных процессах экономических пространств, медиация в межкультурных, межэтнических, межконфессиональных конфликтах как способ урегулирования и способ превенции», а также использование медиации и медиативного подхода как способа поддержания межкультурного диалога².

Культурное многообразие всегда являлось особой ценностью, важным фактором конкурентоспособности Российской Федерации, мощным ресурсом развития страны, о чем свидетельствует весь исторический опыт России.

¹ Юрченко И. В., Донцова М. В. Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электроном цикле (на примере Краснодарского края) // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8, № 6/1. С. 38–42.

² Островский А. Н. Актуальные направления научных исследований в области медиации и развития медиативных практик. Обзор материалов научно-практической конференции «Медиация: теория, практика, перспективы развития», 13–14 апреля 2017 г., Москва // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 2. С. 12.

А. П. Садохин¹ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР

В современной практике взаимодействия языков в российских республиках существуют два подхода. Первый опирается на идею лингвистической экологии, согласно которой каждый язык должен сохраняться любыми возможными способами, несмотря на его востребованность в конкретной культурной среде и экономические издержки. Сторонники этого подхода рассматривают этнические сообщества с позиций социобиологического подхода как своего рода коллективные тела, а потому и язык оценивают соответствующим образом. Натурфилософское понимание культурных явлений позволяет относиться к языкам так же, как к вымирающим животным и растениям, и составлять красные книги языков. Между тем культура не есть некий застывший канон. Она постоянно меняется, а равно меняются и языки, их роль, приверженность к ним со стороны представителей разных культурных сообществ.

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах — на отличие и на культурную свободу. Первое право означает, что культурное своеобразие есть неотъемлемое право каждого человека, второе подразумевает, что человек сам вправе выбирать культурные ценности и нельзя их навязывать. То есть *если язык больше не востребуется, сохранить его невозможно*.

В политико-идеологическом плане любой этнический язык сегодня выступает как основа идеологии этнического национализма, рассматривается как своеобразный легитиматор власти и инструмент культурной и политической сепарации общества. Этнические антрепренеры являются самыми активными пропагандистами идеи «язык есть власть», но особенно очевидно такое отношение к языку в республиках, входящих в состав России. Местные этнические активисты сформировали вполне завершённые версии идеологии этнического национализма на базе двух ключевых идей: приоритета «коренного народа» и его особых политических, экономических и культурных прав, а также группового права как способа консервации культурной отличительности.

Социумы в этих республиках рассматриваются этническими идеологами и активистами не как сообщества равноправных граждан, а как иерархически организованные сообщества, представленные в форме пирамиды, на вершине которой находится «коренной

народ», а в основании — «некоренное население». При этом понятие «коренной народ» фактически интерпретируется как «главный народ». А поскольку он «главный», то его культурные ценности, включая язык, есть ценности не только приоритетные, но и интегрирующие: представители всех других этнических групп («некоренное население») должны принять их как свои, и, кроме того, можно навязывать эти ценности с помощью государственных институтов. Поэтому в ряде республик сформировались соответствующие образовательные концепции и практики, а также их правовое оформление. На их основании в Татарстане, Республике Коми, Мордовии, Марий Эл, Чувашии было введено обязательное изучение языков титульных народов, при том что в Коми представители титульного этнического сообщества составляют только 23 % населения республики, а почти 40 % коми во время последней переписи населения назвали русский своим родным языком.

При этом для большинства жителей республик, включая представителей так называемых «коренных народов», русский язык является основным средством общения во всех сферах. Языковые ориентации в последние годы не менялись, несмотря на придание языкам титульных народов статуса государственных, разработку региональных программ развития этих языков, осуществление активных мер их государственной поддержки. Более того, позиции русского языка только усиливаются, что некоторыми этническими антрепренерами рассматривается как процесс русификации меньшинств. На самом деле это усиление есть следствие сознательного выбора огромного количества самостоятельно мыслящих граждан, чьи социальные и культурные ориентации строятся на рациональной основе, а не на алармистских идеях, предрекающих «вымирание» языков.

Сохранение языков меньшинств считается важнейшей политической задачей этнически ориентированных региональных элит. Но поскольку значительная часть этнических сообществ не желает «добровольно» сохранять и изучать «свой» язык, то необходимо, по мнению сторонников «самобытности», во-первых, клеймить «отступников», а во-вторых, найти основания для того, чтобы заставить всех членов «своей» культурной группы изучать их «родной» язык, даже если они признают родным не язык своей этнической группы, а язык культурных соседей.

Чтобы закрепить личность за группой, этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности, но и требуют коллективных санкций против «этнических отступников», причем полагают, что государство должно занять позицию гаранта нерушимости границ между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику региональной этнополитики советской модели фиксации этнической принадлежности

¹ Профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «The Cultural Image of Korea in Russia-Korean Dialogue of Cultures», «Политические ресурсы и инструменты местного национализма в современной России», «Ресурсы этнической идентичности в современной России», «Культурология в лабиринте современных образовательных императивов», «Социокультурные контексты и дискурсы формирования гражданского общества в России» (в соавт.), «Этнический национализм в России: идеология и политические практики (на примере регионов с финно-угорским населением)» (в соавт.) и др. Главный редактор рецензируемого журнала «Культура и цивилизация».

сти личности или модели, которую можно охарактеризовать как «этническое крепостное право».

Сторонники таких взглядов, по сути, отрицают идею субсидиарности, провозглашающую, что права человека являются первичными по отношению ко всем другим правам, должны безоговорочно уважаться и не становиться предметом научных и этнополитических спекуляций, как это часто имеет место сегодня.

Чтобы аргументировать воздействие на государственные институты и побудить их к действиям, которые способствовали бы принятию решений, позволяющих навязывать язык хотя бы членам отдельной этнической группы, часто прибегают к идее так называемых «специальных языковых прав», которыми якобы обладает культурное сообщество в целом. Но сама идея групповых прав противоречит праву как таковому, сущности правового регулирования, ибо языковые и этнические сообщества не имеют четких и стабильных границ и, следовательно, не могут выступать в качестве *субъекта права*.

Данные исследований, проведенных в апреле и мае 2017 года в ряде российских регионов, в том числе в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, показали, что подавляющее большинство родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие. Что же касается изучения языков титульных этнических групп, то, как и ожидалось, за обязательное изучение языков титульных групп высказалось меньшинство опрошенных, а идея полного перевода образования на языки меньшинств вообще не получила поддержки, в том числе и со стороны респондентов и экспертов из числа титульного населения республик.

Важно отметить, что реальные проблемы развития и сохранения языков часто оттеснены на второй план совместными усилиями этнических антрепренеров и региональных филологов, которые пытаются не столько решать проблемы языкового развития, сколько усложнять языковую ситуацию и отношения

между культурными группами. Введение обязательного изучения языков титульных этнических групп привело к открытому конфликту интересов между представителями титульных групп и нетитульным населением, который до сих пор не разрешен полностью. А само языковое развитие рассматривается не только как возможность для местных филологов заработать и получить известность, но и как карт-бланш на проведение языковых экспериментов.

Особую популярность, в частности у филологов из регионов, в которых проживают уральские народы, приобрел пуризм, который, казалось бы, изжил себя еще в XIX веке. В последние 20 лет словарный состав коми, удмуртского, марийских и мордовских языков пополнился многими тысячами новых слов. Простые носители языков уже перестают понимать тот язык, на котором с ними пытаются говорить со страниц прессы и с телевизионного экрана. Но общественным приговором пуризму является прогрессирующее отторжение новояза.

Между тем до сих пор не решена проблема создания единого литературного карельского языка, актуальной проблемой является нормирование многих языков. Ни в одной из республик *нет продуманных и целостных программ формирования имиджа языков титульных этнических групп*, в то время как в мировой практике языковой политики, особенно в сложносоставных сообществах, именно этому направлению уделяется особое внимание. В таких программах на первое место выдвигается задача формирования общественного мнения о престижности языка, но с ней тесно связана и задача так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить языковое поведение носителей недоминантных языков, а сам язык представляется как своеобразный продукт, и в сфере общественного потребления рекламируются преимущества и достоинства этого продукта.

Все вышесказанное означает, что необходимо срочно и радикально менять основополагающие принципы языковой и этнокультурной региональной политики.

Т. Б. Сиднева¹

ГРАНИЦА КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ (В диалоге с М. С. Каганом)

Проблема взаимодействия культур закономерно обуславливает ее обсуждение преимущественно в цивилизационном контексте, что, как правило, приводит

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой филологии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 160 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика»; статей: «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Граница-изоляция и граница-диалог в становлении глобальной музыкальной культуры», «Взгляд со стороны: о границах понимания инациональных художественных традиций в современной культуре» и др. Член Союза композиторов РФ,

к изучению диалога различных этнических, национальных, геополитических, религиозных общностей, их взаимовлияния и взаимопонимания. В то же время не следует забывать, что диалог, как средство межкультурной коммуникации и условие активного «встречного» движения культур, является частью большого проблемного поля культурологии. Изучение диалога как многоканального механизма связи возможно в различных контекстах. Один из продуктивных подходов, фиксирующих не только внешние контакты культурных

Российского философского общества. Награждена почетным знаком «За достижения в культуре».

общностей, но и внутреннее сопряжение их компонентов, связан с категорией «граница».

Современная эпоха представляет собой сложный контрапункт информационных потоков, смыслов, норм, ценностей, образов, национальных языков и традиций. В этом переплетении каждая сфера культуры утрачивает автономность и ограниченность не только внутри локальной культурной общности, но и в процессе межкультурного взаимодействия. Философия, политика, религия, искусство, повседневность неизбежно оказываются вовлеченными во взаимозависимый и взаимообусловленный процесс, в котором разрушаются пределы и преодолеваются рубежи возможного/невозможного, дозволенного/недозволенного, позитивного/негативного.

Сложность охвата «единым взором» поликультурной современной эпохи усугубляется и плотным сосуществованием в ней самых несхожих явлений — традиционалистских и инновационных, западных и восточных (в свою очередь, предельно множественных), национальных и метанациональных, примитивных и высокоразвитых, рафинированно-профессиональных и популярно-дилетантских.

Для адекватного определения механизмов взаимодействия разнонаправленных тенденций постановка вопроса, где пролегал границы культур, сегодня является важной, но не достаточной. Необходимо понять, что такое граница.

О значимости пристального внимания к категории «граница» писал Д. С. Лихачев, отмечая, что «самосознание воспитывается на границах культур». Таинственность и двойственность этого феномена ученый видел в том, что, с одной стороны, граница является наиболее творческой сферой диалога, взаимного обогащения. Но с другой — это «стена», область неприятия «другого». Граница является рубежом, объединяющим и разделяющим, она может быть понята «как путь оформления собственной самобытности, собственной оригинальности»¹.

Граница объемна и нелинейна, она имеет «символическую природу» (определение В. Г. Зусмана) и способна фиксировать «подвижное» состояние культуры. Пронизывая буквально все сферы жизненного пространства, она актуализируется во множестве аспектов: географическом, природном, топографическом, социально-политическом, религиозном, экзистенциальном, ментальном, философско-эстетическом, семиотическом.

Симптоматично утверждение М. М. Бахтина о том, что явления подлинной культуры могут быть только феноменами границы: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее... Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность»².

В таком понимании граница — не черта, рубеж или предел, и даже не вектор постижения суверенных культурных

смыслов и ценностей. Она сама является некой площадкой их апробации, пространством — «территорией», на которой происходят наиболее значимые события, формируются и взаимодействуют различные области и сферы культуры.

Как «культурная универсалия» (определение Ю. М. Лотмана), граница основана на диалектике разделения и соединения, изоляции и диалога. Она одновременно является зоной упорядочивания, стабилизации и зоной хаотизации, разрушения порядка. Диалектическая природа границы открывает в ней мощный эвристический потенциал, позволяющий ей стать пространством поиска, эксперимента, творчества.

Граница «многолика» (определение Н. Т. Рымаря). И среди многих ее «лик» особую значимость имеет опыт границы — «опыт переживания предела, ограничения возможностей, невозможности чужого другого, опыт недоступности другого, недоступности другой жизни»³. Опыт границы неотделим от состояния неудовлетворенности, он провоцирует «поиск других возможностей, желание оспорить, нарушить существующий порядок»⁴. Этот опыт определяет особенности поведения субъекта в зонах взаимодействия разных культур с их суверенными законами и традициями. Он формирует «пограничное сознание» (К. Хаусхофер).

Исходная функция границы — фиксация разделения и различия. «Граница отделяет обжитой и знакомый мир “своего” от непросветленного, страшного мира “чужого”»⁵. Она осуществляет размежевание культурного и варварского, безопасного и враждебного, живого и мертвого, порядка и хаоса.

Наряду с различием и разделением не менее значимым качеством границ является их «проходимость»: способность соединять различное, создавать условия для диалога. Взаимная открытость рядоположенных суверенных пространств, отделенных друг от друга, неизбежность их «встречи», контакта, диалога являются важной смысловой составляющей категории границы. Встречное притяжение суверенных территорий позволило П. А. Флоренскому определить границу как «место встречи сближающихся миров».

Структурная организация «пограничного» пространства основана на диалектике упорядочивания (стабилизации) и хаотизации (разрушения порядка). Таким образом, граница предопределяет интенсивность действий и процессов в «пограничной полосе» различных сфер культуры, поскольку «именно здесь происходят постоянные вторжения в нее извне»⁶.

В современной культурологии «граница» утверждается как сложная иерархическая полифункциональная система, что позволяет трактовать данную категорию как важный методологический ключ к пониманию культуры.

К обсуждению качеств и функций границы неоднократно обращался М. С. Каган. На основе диалектики открытости и закрытости, предела и беспредельности

³ Рымарь Н. Т. Поэтика границы в литературе. Siedlce, 2016. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии / В. Г. Зинченко [и др.]. М. : Флинта ; Наука, 2010. С. 22.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Семисфера. История. СПб. : Искусство-СПб, 2004. С. 267.

¹ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: к 100-летию Д. С. Лихачева : в 3 т. СПб. : АРС, 2006. Т. 3. С. 47.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худ. лит., 1975. С. 25.

ности М. С. Каган говорил о внутренней «подвижности» культурного пространства: «между разными формами, процессами, уровнями духовной активности нет таких жестких границ»¹, которые были бы невыблемыми.

Предметом постоянного исследовательского внимания ученого становится «опыт границы». Культура обладает «удивительной возможностью беспредельно расширять человеческий опыт, раздвигая его пространственные и временные границы»². Преодоление индивидуального пространства посредством опыта воображаемой жизни достигается прежде всего в мифологической, а затем в художественной «реальности».

Искусство, проявляющее повышенную чувствительность к «пределам», «рубежам», «сломам», «переходам», «границам», определяется М. С. Каганом как универсальный инструмент «очеловечивания человека», расширяющий его опыт до общечеловеческого масштаба. Внутренняя структура искусства также отражает «подвижность» границ.

Определенные М. С. Каганом две главные функции искусства в его отношении к культуре также резонируют с проблемой границы. Первая из них — функция самосознания культуры, которую ученый связывает со способностью искусства быть ее «зеркалом»: «Культура смотрит в это зеркало и совершенствуется в зависимости от того, что она в нем видит»³. В этой функции отражена открытость границ искусства, позволяющая ему чутко реагировать на внутренние процессы культуры. Очевидно в этом определении и «встречное»

движение «сближающих миров» — общекультурных событий, питающих искусство.

Вторая функция — способность искусства быть «кодом» каждой отдельной культуры в процессе ее общения с другими культурами. М. С. Каган подчеркивает, что никакая иная сфера культуры «не может обеспечить такого прямого доступа в самую сердцевину культуры народа»⁴. Прозрачность и проходимость границ позволяют искусству выполнять миссию укрепления межкультурного диалога.

Проблема диалога — один из «лейтмотивов» культурологической концепции исследователя. Понимание ученым искусства как диалогической формы культуры, когда каждое полноценное художественное произведение представляется «доверительным и интимным посланием, рассчитанным на его понимание и сочувствие»⁵, вновь отсылает нас к объемности и «нелинейности» границы.

На последних страницах «Эстетики» М. С. Каган, характеризуя переходность и дисгармоничность постмодернистской эпохи, выходит за пределы эстетического знания и формулирует культурологическую задачу, стоящую перед современной наукой: «стремиться найти кристаллизирующиеся в этом хаосе нити, которые ведут в будущее, поддерживаемые и направляемые его аттрактивной энергией»⁶.

Возможно, категория границы является одной из этих «нитей», и дальнейшее ее изучение позволит открыть новые методологические пути исследования структурной и смысловой многосоставности культуры.

М. В. Силантьева⁷

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

В целях совершенствования изучения взаимодействия культур представляется чрезвычайно актуальным проанализировать те блоки, на которых строится современная культурология. Методологическое значение решения вопроса о «парадоксе сравнимости культур»

¹ Каган М. С. *Философия культуры* : учеб. пособие. СПб., 1996.

² Там же.

³ Каган М. С. *Эстетика как философская наука*. СПб. : Петрополис, 1997. С. 313.

⁴ Там же.

⁵ Каган М. С. *Изобразительное искусство в сфере человеческого общения // Критерии и суждения в искусствознании*. М. : Сов. художник, 1986. С. 154.

⁶ Каган М. С. *Эстетика как философская наука*. С. 515.

⁷ Заведующая кафедрой философии МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности», «Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации», «Новые принципы “философии границы” в глобальном мире — десуверенизация или “постсуверенизация”», «“Другой” в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов)», «Проблема границ в современной науке: культура и дипломатия», «Николай Бердяев о “духах революции”»: историко-этические параллели» и др. Член Российского философского общества.

тур», составившем в XX веке одно из оснований «заката» философской культурологии за рубежом и перехода исследований в этой области исключительно на язык позитивного знания, несомненно. Различные области научного знания — антропология, психология, социология и тому подобные — составили золотой фонд науки о культуре. Вместе с тем уникальный опыт, который накопили отечественная культурология и философия культуры в разработке темы взаимодействия культур сквозь призму «парадокса сравнимости», видится не менее ценным и значимым.

Оттолкнемся от хрестоматийного факта: культурология как наука отсчитывает свою «эксплицитную» историю по разным шкалам в зависимости от принадлежности к той или иной исследовательской традиции⁸. И хотя известно, что интенсивное возрождение отечественных исследований культуры пришлось

⁸ Сугай Л. А. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX — начала XX века // *Труды ГАСК*. Вып. II. Мир культуры. М. : ГАСК, 2000. С. 39–53. URL: http://www.pseudology.org/Psychology/Culture_termin.htm (дата обращения: 07.02.2018).

на 1990-е годы, вопрос о содержательном наполнении данной дисциплины напрямую зависит от того, с каким «наследием» ассоциирует себя та или иная отечественная школа. Так, философски ориентированная культурология, наследуя традиции Серебряного века, восходит к работам Д. Мережковского, А. Белого, Н. Бердяева¹ и других создателей отечественной версии «философии культуры», разрабатывавших (параллельно с немецкой линией «В. Дильтей — Г. Зиммель — О. Шпенглер») тему фундаментального осмысления отличия человеческого от природного (где «человеческое» рассматривается сквозь призму понятий «творчество» и «смысл»). Продолжая поиски Просвещения XVIII века, философия этого направления выделяет культуру в качестве «третьей реальности» — не собственно природной и не собственно человеческой².

Если обратиться к зарубежным аналогам культурологии (на фоне сказанного достаточно условным), бросается в глаза тесная связь исследований культуры с развитием антропологии XIX–XX веков, которое привело к расцвету такого направления, как *cultural studies*. Детальное описание и анализ отдельных социальных групп, маркированных особенностями языка и форм поведения, удачно объединены в этом подходе общим понятием «культура». Во многом такие исследования близки этнографии и этнологии, а также социологии и другим направлениям «позитивного знания» (иначе говоря, аналитической традиции в ее лингвистическом, прагматическом и постпозитивистском «изводах»).

Камнем преткновения «позитивной» научной культурологии при этом были и остаются принципиальный запрет на «метафизику» и предпочтение описательной модели познания³. Вместе с тем сами ученые этого типа признают практическую необходимость сравнительного анализа культур, притом что подобное сравнение оказывается здесь под теоретическим запретом, налагаемым исходными установками эмпиризма, составляющего методологическую основу «позитивной» культурологии. Получается замкнутый круг: с одной стороны, для эмпиризма, тяготеющего в случае «жесткого» варианта сравнительной культурологии к номинализму, «сравнивать» бессмысленно: культуры неповторимы, «единичны», несоизмеримы. С другой стороны, сопоставление культур — одна из основных практических задач научной культурологии; мало просто «знать» другие культуры, дело науки — давать обоснованные рекомендации по оптимизации их взаимодействия. Таким образом, проблема сравнимости культур оказывается в центре спора о границах научности, где сходятся пути науки и философии; причем и наука, и философия остаются в этом споре «при своем».

Понятно, что наиболее перспективные решения данной проблемы должны уходить от номинализма

¹ Силантьева М. В. Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности. М. : ГАСК, 2005.

² Доброхотов А. Л. Философия культуры. М. : ИД ВШЭ, 2016. С. 343.

³ Гирц К. Интерпретация культур : пер. с англ. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 10–15.

и в то же время не впадать в непродуктивные обобщения. Одним из нетривиальных способов решения данной проблемы выступает теория «аутопойэсиса» Н. Лумана, описывающая «третью реальность» культуры в качестве самоорганизующейся коммуникативной системы⁴. Интересно, что Луман сохраняет ключевое для философов понятие «смысл», выступающий как «процессирование в соответствии с различиями <...> процессирование себя»⁵ и «различение»⁶. Рецепция идей Лумана на почве отечественной культурологии в настоящее время набирает обороты.

Еще одна оригинальная версия философского понимания культуры представлена в концепции «культуры как способа смыслополагания» А. В. Смирнова. Согласно его точке зрения, культуры различаются способами *различения*, допускающими возможности существования «иначе устроенной смысловой материи»⁷. Изучение таких «способов данности смысла» (Э. Гуссерль) связано с выделением их формальных особенностей, которые могут быть описаны только «изнутри», но это не отменяет перспективы *формального* (а не содержательного) сравнения. По сути, идея О. Шпенглера о «культурной форме» как «единстве гетерогенного» находит в этом подходе наглядное и вместе с тем доказательное раскрытие с точки зрения философии, логики и лингвистики. Стоит отметить, что критика таких понятий, как «культурные универсалии»⁸, наглядно демонстрирует причину провала «содержательной» компаративистики: инварианты культуры — только «горизонт» общезначимого смысла; в действительности смысл всегда вариабелен, существует в одном из конкретных вариантов.

Среди культурологов аналитической ветви все большее внимание отечественных исследователей привлекают работы К. Гирца, стремившегося к совмещению эмпиризма и герменевтики. Опираясь на метафору культуры как «паутины смыслов», на которой «висит» соткавший ее человек, Гирц определяет культуру как «анализ этой паутины» — но не научно-экспериментальный (занятый поисками законов), а интерпретативный (занятый поисками значений)⁹. Говоря об «этнографическом методе» антропологии как «дешифровке кода», заключенного в «насыщенном описании» (Т. Райл) событий, американский исследователь высказывает предположение, что эта деятельность «больше похожа на работу литературного критика»¹⁰. Она состоит в выделении несовпадающих позиций интерпретации с точки зрения расхождения социальных и лингви-

⁴ Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. Т. 3. С. 124; *Он же*. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головиной. СПб. : Наука, 2007. С. 102–108.

⁵ Луман Н. Социальные системы. С. 105.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Смирнов А. В. Культура ислама: от смысла к стилю. Интервью А. А. Абраховой // *Musiqi Dunyasi*. Баку, 2002. № 1–2. С. 169–181. URL: <https://smirnov.iph.ras.ru/win/publicn/texts/md.htm>

⁸ Смирнов А. В. Номинальность и содержательность: почему не критическое исследование «универсалий культуры» грозит заблуждением // Универсалии восточных культур. М. : Вост. лит., РАН, 2001. С. 290–317.

⁹ Гирц К. Указ. соч. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 15.

стических¹ культурных моделей² при тесном контакте, в который они вынуждены вступать. При этом в реальности «множество концептуальных структур» перемешаны «и одновременно чужды» исследователю.

Интерпретация культуры, таким образом, учитывает невозможность элиминировать связанные с этим аберрации, — наряду с необходимостью находить взаимопонимание с целью решения конкретных коммуникативных задач. Культура с этой точки зрения — не «овеществление» и не «психические формы», которые «могут анализироваться формальными методами, принятыми в математике или в логике». Ключ для решения задач коммуникации — «знакомство с той образной вселенной, внутри которой поступки людей являются знаками». Понять при этом нельзя, но можно интерпретировать, то есть попытаться установить диалог, который поможет договориться. Задача исследователя — «расширение границ общечеловеческого разговора»³.

Семиотическая концепция культуры, предложенная Гирцем, в конце концов предполагает считать любые выводы как «по существу спорные»: «то, что в ней улучшается, — это точность, с которой мы поправляем друг друга»⁴. Интерпретация как анализ, максимально близкий к описанию «конкретных жизненных форм», не должна быть отдана на откуп естественным наукам, философии и литературной критике.

Компаративный анализ в интерпретации Гирца близок феноменологическому описанию, призванному максимально демонтировать стереотипы и *услышать* неочевидное. Интерпретация культур — способ, удерживающий философа принципиальной ограниченности всякого понимания. Именно поэтому место «понимания» с его претензией на абсолютное совпадение (хотя бы в перспективе) занимает здесь «интерпретация» — попытка диалога, основанная на знании невозможности такого совпадения.

Итак, попытка современной отечественной культурологии совместить подходы, связанные с научной аналитической традицией и ракурсами, свойственными русской и немецкой философии культуры, в настоящее время обозначила ряд проблем, раскрывающих несоизмеримость этих подходов. Вместе с тем именно их несоизмеримость позволяет, полагаю, изучать культуры именно сквозь призму концепции *различия*. Философия культуры дает возможность подвергать рефлексии методологические установки «позитивно» мыслящих исследователей. Что, в свою очередь, открывает перспективы более корректной реализации их задачи — описания и сравнения культур с целью оптимизации их взаимодействия на современном этапе. Таким образом, изучение взаимодействия культур получает в современной культурологии дальнейшее развитие и релевантный методологический фундамент.

А. В. Успенская⁵

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТОПИКА (Из научного наследия академика А. М. Панченко)

Одному из крупнейших российских литературоведов и культурологов академику А. М. Панченко в 2017 году исполнилось бы 80 лет. Его наследие опубликовано и хорошо известно специалистам, но представляется, что оно еще долго будет привлекать внимание иссле-

дователей. С одной стороны, академик Панченко был филологом в классическом понимании этого слова. Он был талантливейшим учеником и ближайшим соратником Д. С. Лихачева, изучал преимущественно русскую литературу XVII века, совершил в этой области ряд замечательных открытий. С другой стороны, он одним из первых осознал, что особенности современного гуманитарного дискурса должны иметь не чисто литературоведческий, но междисциплинарный характер, базируясь на данных истории, культурологии, социологии, антропологии.

На протяжении всей своей творческой и научной жизни Панченко занимался именно культурологическим конструированием духовного образа интересовавших его эпох, тем, что называют «ментальностью», с которой связаны и такие понятия, как «культурный обиход», «национальный дух», «топика культуры». Причем «культурному обиходу» Панченко прида-

¹ Гирц иронизирует над структурной лингвистикой, согласно которой в языке имеется «направляющий порядок и пред-система форм», организующая дискретные элементы; а задача лингвиста состоит в том, чтобы воссоздать эти исходные формы на основании внешних проявлений (речь и поведение также направляются «глубоко запрятанными пружинами»). Подобные конструкции Гирц считает фантазиями, удобными, но очень далекими от непредсказуемой реальности (см.: *Гирц К. Указ. соч. С. 406–407*).

² Гирц пишет: «В каждом конкретном обществе число воспринятых и постоянно используемых культурных моделей чрезвычайно велико, так что вычленив хотя бы самые важные из них и определить, в каких отношениях они находятся друг к другу, — невероятно трудная аналитическая задача. Задача эта все же немного облегчается тем обстоятельством, что некоторые типы моделей и некоторые виды взаимоотношений между ними повторяются от общества к обществу по той простой причине, что потребности в ориентации, которым они служат, являются общечеловеческими. Проблемы, будучи экзистенциальными, универсальны; их решения, будучи человеческими, разнообразны. Однако именно через контекстовое понимание этих уникальных решений (и, по моему мнению, только таким образом) может быть по-настоящему постигнута природа тех лежащих в основе проблем, которым эти решения отвечают. Здесь, как и в столь многих отраслях знания, путь к важным научным обобщениям лежит сквозь толщу единичных фактов» (*Гирц К. Указ. соч. С. 416–417*).

³ *Гирц К. Указ. соч. С. 20*.

⁴ Там же. С. 37–38.

⁵ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России».

ет особенное значение: «Обиходный слой составляет фундамент слоя событийного. <...> В периоды «спокойного» развития о нем не спорят, носители обихода его как бы не замечают <...>. Но в эпохи скачков обиход превращается в событие»¹.

Чтобы выявить особенные черты, присущие русской национальной культуре, в частности культуре «бунташного» XVII века, необходимо было понять ее схожесть и различие не только с русским культурным обиходом предыдущей и последующей эпох, но и с культурными интенциями Запада. Большой заслугой Панченко как раз и стало открытие, что Петровские реформы явились не сами по себе, силой гениальной личности Петра (эту точку зрения также убедительно опровергал С. М. Соловьев в лекциях, посвященных Петру I). Эти реформы были следствием устремлений самой русской культуры с ее все большей секуляризацией, опорой на самостоятельную и сознательную личность, подспудной жаждой динамизма и новизны, переориентацией с идеального прошлого на будущее. Причем эти явления оказывались присущи как суровым традиционалистам, борцам за старину, вроде протопопа Аввакума, так и новатору — царю Алексею Михайловичу. Для подтверждения этих идей Панченко привлекает разнообразный культурный материал: и содержание фаянцев и народных повестей XVII века, и бытовые, «низкие» рисунки на полях серьезных рукописей, и образы двойничества как «русской проблемы», и древнерусскую традицию веселья, скоморошества — то игнорируемую, то откровенно третируемую церковью.

В то же время выявление и сравнение культурных особенностей проходит не только по вертикали (от древнерусского прошлого к будущему культурному перевороту, совершенному Петром), но и по горизонтали: привлекается широкий пласт иноземной культуры — болгар и поляков, немцев и англичан.

Древняя Русь нам кажется периодом закрытости для веяний Запада, чуть ли не культурной автаркии. В таком случае деятельность Петра I действительно могла бы показаться чем-то чуждым национальному российскому характеру и образу жизни. Одна из главных книг академика Панченко «Русская культура в канун Петровских реформ» на фундаментальном материале призвана развеять это заблуждение. Культурное взаимодействие не прекращалось никогда, но в разные эпохи наполнялось различным содержанием. Если при Иване Грозном оно имело охранительный, реакционный смысл — в своем страхе перед новым царь опирался на иностранцев-наемников, массово приглашаемых в Россию, то в эпоху Алексея Михайловича и тем более его сына Петра усиление межкультурной коммуникации означало изменения ради будущего, ради новизны — бытовой и бытийной. С этой целью приглашались греки для исправления священных и богослужебных книг, ту же цель преследовал и Петр, в гораздо большем количестве приглашая немцев и голландцев.

Таким образом, отталкиваясь от древнерусских текстов, обращаясь к разным аспектам русской куль-

туры как Киевской и Московской Руси, так и границы, Панченко выстраивает концепции, выходящие далеко за пределы «чистой» академической филологии. Речь идет о культурном сближении с Западом как необходимом и естественном процессе, о некоем едином пути, который народы Европы проходят обязательно, каждый в свое время.

Конечно, Панченко был не одинок в своих исканиях. Его идеи были тесно связаны с общими тенденциями в российской филологии 1960–1980-х годов. Прежде всего имеется в виду культурологическое учение Д. С. Лихачева, но следует согласиться с мнением одного из авторитетнейших современных петербургских литературоведов С. А. Кибальника, что, говоря об истории отечественной гуманитарной науки этого времени, никто так ни разу и не сказал о существовании в Петербурге особой научной школы — причем не «школы медиевистики», то есть изучения древнерусской литературы, а именно широкой, основополагающей филологической и культурологической школы, связанной в первую очередь с именами Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, затем позднего Ю. М. Лотмана, с некоторыми оговорками — Г. М. Фридендера, В. Э. Вацуро, Б. Ф. Егорова, А. Х. Горфункеля. Думается, эта школа, если сравнить ее с гораздо более шумной московско-тартуской семиотической школой, громко заявлявшей о себе с помощью ряда конференций и сборников, сделала не меньше (а возможно, и больше) для отечественной науки.

Для этой школы характерно прежде всего сочетание эмпирического и теоретического подходов, строгость, обилие и последовательность научных доказательств. Не в последнюю очередь это связано с методологией одной из ведущих кафедр филологического факультета Ленинградского (ныне — Петербургского) университета — кафедры классической филологии, оказавшей большое влияние и на русистов. И Лихачев, и Панченко учились древним языкам у лучших преподавателей этой кафедры. И мы видим, как в зрелые годы Панченко, чтобы доказать лишь один тезис, перерабатывает целые тома источников.

Второе свойство этой школы — убеждение в европеизме русской культуры. А. М. Панченко, углубляясь в русскую историю, не мыслит ее в отрыве от западной, он лишь показывает, что Россия несколько позже проходит те же культурные эпохи: «Все европейские страны должны были рано или поздно пройти ренессансную стадию развития. Наступил черед Руси, которой суждено было воспринять ренессансные идеи в барочной упаковке»². Говоря о просторечии книги протопопа Аввакума, Панченко соотносит эту особенность с наступившей в Европе эпохой национальных языков. «Этот путь был неизбежен и для России. Его вскоре санкционировал Петр»³.

Наряду с общеевропейской судьбой, которая, как не сомневается Панченко, есть и российская судьба, его всегда интересовало, существует ли «сердце культуры», то есть «некая неотчуждаемая топика, хотя бы то, что принято называть национальным характером»⁴.

² Панченко А. М. Указ. соч. С. 41.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 197.

¹ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 4.

Ученый понимал, что конструирование комплекса *loci communes* (общих мест), а затем проверка их на всем пространстве русской литературы — задача не для одного исследователя. Но и здесь он оставил примечательные заметки. Одна из интереснейших мыслей — о национальной топике, то есть о старых ценностях, выработанных многовековым народным опытом, которые становятся вечными ценностями. Анализируя воинские повести XIII–XVII веков, затем «Полтаву», «Бородино», «Войну и мир», Панченко приходит к выводу, что все эти битвы описаны сходным образом, с помощью одних и тех же литературных средств. Выясняется, что «нация запомнила и сделала символами победы на грани поражений, победы с громадными потерями... Но это как бы окончательные победы. Россия, если можно реставрировать ее символическое мышление по литературе, ставит героизм выше одоления, а самопожертвование и самоотречение выше силы»¹.

Примечательно, что этот комплекс идей в современной науке не имеет безоговорочной поддержки. Один из представителей нового поколения филологов

даже высказывает сожаление, что Панченко занимался «культурным обиходом», «национальным духом», и теперь осуждая это «расхожее и расплывчатое выражение, популярное в фундаменталистских кругах». «В сущности, — утверждает он, — “конструирование комплекса *loci communes*”, присущих определенной эпохе или национальной культуре в целом, есть продолжение стародавнего спора о специфике “русского пути”, о месте России или “славянской цивилизации” в мировом историческом процессе», а эта дискуссия сегодня «кажется малопродуктивной в научном отношении и несколько пугающей в силу своих реальных и потенциальных политических последствий»². Некоторую пикантность ситуации придает то, что приведенное мнение принадлежит сыну академика — А. А. Панченко, безусловно, талантливого ученому. Впрочем, сам Александр Михайлович писал, что эволюция культуры, появление новых точек зрения — «явление не только неизбежное, но и благотворное, потому что культура не может пребывать в застывшем, окостенелом состоянии»³.

М. Н. Фомина⁴

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Под влиянием процессов глобализации изменяется весь окружающий мир, в том числе и его культурная составляющая, так как взаимообмен информацией, культурными знаниями и продуктами является одним из факторов формирования новых культурных ценностей, обеспечивающих будущее человечества. В современном мире каждая культура (локальная, региональная и т. д.) является частью системы «взаимодействие культур — межкультурное взаимодействие — диалог культур», где каждый элемент выполняет смыслообразующую роль. Если взаимодействие культур как исторически сформировавшееся понятие отражает взаимопроникновение (взаимовлияние) культур, существующих в одном пространстве, а межкультурное взаимодействие осмысливается в контексте культурного пространства, которое не имеет географических границ, то диалог культур, как заметил В. С. Библер, мыслимое понятие, отражающее фактор со-участия, со-понимания, со-

причастности. Таким образом, взаимодействие культур становится тем определяющим фактором глобализирующегося мира, который должен обеспечивать, по мнению К. Леви-Стросса, их универсальность и самобытность. Будучи приверженцем культурного релятивизма, противником мировой культуры, он в работе «Структурная антропология» еще в середине XX века определил точки риска для развития культур, находящихся в условиях культурного обмена. Но сегодня практика реальных культурных отношений «задает» новые параметры не только понимания, но и объяснения природы взаимодействия культур.

Исторически в теории культурологии определились следующие индикаторы, соответствующие трем уровням взаимодействия культур (цивилизационному, национальному, этническому): процесс взаимодействия характеризуется длительным протеканием во времени, в него вовлекаются две или несколько культур; взаимодействие проходит в сфере конкретного культурного пространства, где одна культура выступает как «принимающая»; непосредственные отношения и связи предопределяют последующее взаимное влияние культур; результатом взаимодействия становится качественное изменение ценностей, образа жизни, форм деятельности и т. д. Культурологический, философско-культурологический анализ процесса взаимодействия культур диктует необходимость определения его типов и форм реализации в соответствии с природой глобализирующейся культуры. В. А. Колесников считает, что сегодня необходимо выработать новые цивилизационные стратегии⁵, которые будут способствовать осмыслению

¹ Панченко А. М. Указ. соч. С. 201.

² Панченко А. А. От «топики культуры» к «истории обывателя» // Звезда. 2007. № 2. С. 1201. Подробнее об этом см.: Кибальник С. А. Александр Михайлович Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры» // Звезда. 2008. № 2. С. 187–198.

³ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 203.

⁴ Профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: “Cultural security of the transboundary in a globalizing world: a theoretical and methodological analysis” (в соавт.), «Онтологичность диалога культур», “Globalizing culture as the essence and the phenomenon of globalization” (в соавт.), “Strategy Cultural Resources Chinese Version of “Soft Power”” (в соавт.), “Professional Development of Educators in Russia in the Paradigm of European Tendencies of LLL” (в соавт.), “Methodological approaches to investigation: from dialogue to political dialogue” (в соавт.) и др. Член Российского философского общества, Комитета по делам общественных и религиозных организаций при Администрации губернатора Забайкальского края.

⁵ Колесников В. А. От осмысления глобализирующейся реальности — к новому видению образования XXI века // Век глобализации. 2009. № 1. С. 70.

культурной составляющей глобализации. В контексте данного исследования стоит отметить, что глобализация характеризуется антропологичностью (благодаря интеграционным процессам происходит формирование новой человеческой общности), мобильностью, коммуникабельностью, что определяет ее культурологическую направленность.

По мнению В. С. Степина, на техногенном уровне развития высокоразвитые страны предлагают менее развитым восприятие своих ценностей, что модернизирует их образ жизни¹. Результатом культурного взаимодействия становятся новые формы производства и потребления, изменение стиля жизни и жизненных приоритетов, на смену локальным (национальным, этническим) ценностям приходят ценности мировой культуры. Это подтверждается тем, что глобализация культуры не только возникает, но и поддерживается, например, международными институтами воспроизводства культуры (СМИ, Интернетом и пр.). Это способствует, в частности, коммуникационному развитию культурного бизнеса, что, в свою очередь, является одним из проявлений массовой культуры.

Как отмечает А. Н. Чумаков², совпадение культурно-цивилизационных явлений у разных народов способствует активному становлению и развитию атмосферы взаимопонимания и сотрудничества. Поэтому процесс взаимодействия культур может стать причиной «размытости» локального и регионального при-

знаков, так как они становятся полифункциональными; «стирания» национальной или этнической предопределенности, поскольку культуры становятся полиэтничными; «отмирания» отдельно взятых традиционных ценностей, так как начинают превалировать, с одной стороны, общечеловеческие ценности, с другой — ценности мировой культуры. Данное замечание говорит о необходимости формирования исследовательского поля, в котором доминирующими станут проблемы культурного самоопределения, идентификации и сохранения традиционных ценностей, что будет характеризовать культурное взаимодействие в пространстве глобализирующейся культуры.

В свою очередь, культурное взаимодействие способствует тому, что, как отметил В. М. Межуев, «в ходе культурной глобализации национальные символы становятся элементом свободного общения людей в транснациональном масштабе»³. Таким образом, можно предположить, что культурное пространство в современных условиях, расширяя свои мыслимые границы, становится транскультурным — пространством глобальной интеграции.

В завершение стоит отметить, что взаимодействие культур в условиях глобализации представляет не только дискуссионное, но и исследовательское пространство, поскольку, например, ситуация межкультурного взаимодействия в Западной Европе никак не приведет к диалогу культур.

Е. В. Харитонов⁴

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ИЗМЕРЕНИИ (На примере российско-африканских отношений)

Культурное взаимодействие в современной культурологии принято определять как особый вид отношений и взаимных влияний, возникающих по меньшей мере между двумя культурами⁵. Африканский континент демонстрирует миру картину сложнейших культурных влияний и наслоений, которые определяют все

сферы жизни современного африканца. В культурологии выделяют культуру-донора («отдающую») и культуру-реципиента («принимательную»)⁶. С позиции европоцентризма Африка, начиная с колониальной эпохи, безусловно считалась реципиентом, а форма культурного воздействия определялась преимущественно как аккультурация⁷. Колонизацию трактовали как цивилизационный проект, несущий народам Африки благо — религию, образование, технологии и бытовые удобства европейской культуры. В представлении бывших метрополий мало что изменилось и сейчас⁸. Предполагается, что для Африки несомненным благом являются модернизация по западному образцу и отказ от традиционных «примитивных» форм бытия.

Вместе с тем непонимание и обесценивание иной культуры и лежащих в ее основе ценностей и смыслов приводит к затруднению и даже разрушению межкультурного диалога.

⁶ Культурология. С. 71.

⁷ Там же. С. 19–21.

⁸ По данным проведенных автором экспертных опросов, международный бизнес полагает, что Африка нуждается в «доноре» для решения социально-экономических проблем, в технологиях, поскольку собственные отсутствуют, и в интеграции в глобальную экономику на правах рынка сбыта и источника природных ресурсов (см.: Харитонов Е. В. Зимбабве на перепутье // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3).

¹ Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 10.

² Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

³ Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 71.

⁴ Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье. Стратегическая «ниша» России в многополярном мире», «Африканская традиционная этика в контексте современности», «Глобальные вызовы и конфликты в зеркале африканских событий», «Проблемы цивилизационной идентичности России в исторической ретроспективе: вызовы времени и поиски ответов», «Деловые культуры в российско-африканских отношениях (ценностно-смысловые аспекты)», «К вопросу о причинах возникновения африканской зоны нестабильности (два сценария)», «Вопросы выживания цивилизации в условиях системных вызовов. Что делать?» и др. Член Исполнительного комитета Всемирной федерации научных работников.

⁵ Культурология. XX век : словарь : в 2 т. СПб. : Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 71.

В каждой социокультурной общности возникают смыслообразующие контексты¹, основанные на совместном переживании событий, культурных явлений, на общих трагедиях и победах, радостях и разочарованиях, образах врагов и героев. В границах единого ценностно-смыслового контекста возникают условия, способствующие сходному пониманию значений². Это содействует диалогу и выработке эффективных моделей коммуникации. Серьезные проблемы возникают в межкультурных коммуникациях с представителями далекой по «смысловому контексту» культуры или в тех случаях, когда этот контекст разрушен.

Исторический опыт создания единого ценностно-смыслового контекста в российско-африканских отношениях

В истории российско-африканских отношений был период, сформировавший общий ценностно-смысловой контекст. К этому периоду в наибольшей степени применимо понятие культурной интеграции, которая является добровольной с обеих сторон и представляет собой взаимное приспособление групп, признание права каждой из них сохранять культурную самостоятельность.

До сих пор в отношениях России и ряда африканских стран огромную роль играет общее прошлое, связанное с борьбой против империализма и колониализма. Африканские студенты учились в советских вузах и затем у себя на родине занимали высокие государственные посты. Работали центры изучения русского языка и культуры. Существовал опыт совместной антиколониальной борьбы — взаимодействие в военно-политической сфере и в области партийного строительства. Это создавало единый ценностно-смысловой контекст, определявший характер взаимодействия культур России и стран Африки. Этот контекст был связан с привлекательной для африканцев моделью устройства, предлагаемой Советским Союзом, основанной на равенстве, справедливости, отсутствии эксплуатации, что соответствует культурным кодам африканских народов³. На этих ценностно-смысловых понятиях строился фундамент российско-африканских отношений.

И сейчас идеи справедливости ассоциируются в Африке с Россией. Белое население ЮАР, «африканеры», столкнулось с «апартеидом по-черному» и возлагает надежды на поддержку России⁴. Буры помнят о солидарности, проявленной русскими во время Англо-

¹ Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999. С. 375.

² В психологии различаются понятия значения и смысла в коммуникационных системах. Смысл связан с глубинными пластами социокультурного опыта. Значения есть социокультурные инварианты — «социально-кодифицированная форма общественного опыта». Различие «общих» значений и личностно- и культурно-детерминированных смыслов устанавливает пределы понимания между взаимодействующими сторонами как в межличностном, так и в межкультурном диалоге (см.: Леонтьев Д. А. Психология общения. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. С. 139).

³ См. работы, посвященные африканской этике: Мосейко А. Н., Харитонова Е. В. Традиционная африканская этика в контексте современности // Восток. 2015. № 6.

⁴ Южноафриканское движение африканеров сейчас ищет за рубежом поддержку в борьбе с так называемым геноцидом белого населения (см.: Родт Д. Человек имеет право не быть уни-

бурской войны, чтят героев — подполковника Евгения Яковлевича Максимова, председателя Думы Александра Ивановича Гучкова, которые в 1899 году прибыли в Трансвааль и помогли бурам в военных действиях против англичан. Следы культурного воздействия России и ее ценностей живы до сих пор.

Времена меняются, уходит то поколение, которое выработало единый ценностно-смысловой контекст во взаимодействии культур, дети африканских элит учатся в европейских и китайских вузах, а наши бизнесмены под влиянием западной деловой культуры приняли жестко прагматическую модель деловых отношений, далекую от понятия справедливости. Прежний ценностно-смысловой контекст устарел, а основ для нового пока нет. Необходимо искать новые формы взаимодействия наших культур, варианты совместной деятельности в области науки, искусства, образования. Надо просвещать представителей бизнеса относительно специфики культуры африканских партнеров, учить их уважать и понимать культуру африканцев и лежащих в ее основе традиций, ценностей, смыслов.

О специфике деловых культур в африканских странах

Несмотря на процессы модернизации в Африке, глубинные пласты традиционной культуры определяют формирование деловой культуры⁵, поведение и установки африканцев. Важно понимать и уважать корни, кроющиеся в истории, культуре, традициях той или иной страны или региона Африки, иначе может возникнуть чувство превосходства, национализм в форме европоцентризма, а ведь любой национализм — страшное бедствие, как учил Д. С. Лихачев⁶.

Отметим сложный, противоречивый характер культуры африканских стран⁷. Специфика африканской культуры связана с наличием культурно-исторических пластов, которые рожают новое качество культуры настоящего времени. Первый — мощный фундамент традиционной культуры. Второй связан с колониальным прошлым, с наслоениями западной культуры и западных ценностей⁸. Третий — современный: в постколониальную эпоху культурное влияние оказывается через систему образования, СМИ, Интернет, через западных советников, рекомендующих Африке модели модернизации.

В деловом общении наблюдаются проявления «западного» стандарта в стиле так называемой «давосской культуры», которая распространена среди представи-

тыв — даже если он белый // Русский репортаж. 2010. № 42 (170). URL: <http://ycnokoutellb.livejournal.com/395437.html>.

⁵ По мнению Р. Льюиса, деловая культура — продукт... представленный в виде устойчивых ценностей, верований и моделей общения (см.: Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999. С. 50).

⁶ Лихачев Д. С. О разнице между патриотизмом и национализмом (цит. по: <https://www.liveinternet.ru/users/marginalisimus/post342217193>).

⁷ Харитонова Е. В. Российский бизнес на африканском континенте: диалог в условиях мультикультурализма // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб.: СПбГУП, 2012. Т. I. С. 442–443.

⁸ Британских, бельгийских, французских, португальских, а в Намибии — германских.

телей бизнес-сообщества африканских стран, прежде всего ЮАР¹. При этом глубинные культурные особенности партнеров могут быть скрыты под универсальной «западной» оболочкой. Кажущееся сходство внешнего «имитационного», «адаптационного»² пласта деловой культуры африканцев приводит к диссонансу между ожиданиями и реальностью, и если трактовать их поведение как несоответствие стандартам делового общения «цивилизованного» мира, то возникает коммуникационный барьер. Чтобы «понять и простить», необходимо учитывать влияние глубинного пласта традиционной культуры на поведение африканцев.

Социокультурный контекст

Российские специалисты, работавшие в Африке, отмечали неточность в обращении со временем у африканских партнеров: опоздания, несоблюдение принятых сроков. Корни этого лежат в особенностях базисной культуры и напластований, о которых шла речь

выше, в отношении к таким универсалиям, как пространство и время. Они могут иметь разные причины: от традиционного для африканцев циклического восприятия времени³ до «реванша» в отношениях с белым человеком как следствия колониальной травмы.

Каждый африканец, у которого сохранились элементы традиционного культурного сознания, даже если он получил европейское образование и занимает высокий пост в правительстве, экзистенциально переживает, часто неосознанно, основные элементы базисной культуры своего народа.

Таким образом, понимание сущности культуры африканцев (в том числе деловой культуры), лежащих в ее основе базовых ценностей и смыслов является первой ступенью налаживания эффективного диалога. Далее встает вопрос: сможем ли мы опять, в новых условиях и на новом уровне создать единый ценностно-смысловой контекст, который сделает взаимодействие наших культур продуктивным и взаимовыгодным?

О. А. Шемякина⁴

«ТРИАДА ВРАЖДЕБНОСТИ»: ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Слова о том, что легко любить других людей, к тому же непохожих на вас, могут принадлежать либо святому, либо фарисею. На самом деле практически каждым фактом общения мы должны изживать из собственной души «тень» или «демона». Что это такое? Для культуролога это древние архетипы бессознательного, всплывающие на поверхность нашего сознания; для физиолога — биологическая реальность, фиксируемая опытным путем.

¹ *McCarthy J.* Globalisation and Business Culture in South Africa. 1999 (цит. по: *Бернштейн Э.* Глобализация, культура и развитие. Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим? // Многоликая глобализация / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М., 2004. С. 225).

² По мнению Р. Льюиса, такая адаптация не влечет за собой изменений психики: «Мы перенимаем манеры... но к нашей подлинной сущности это внешнее поведение не имеет никакого отношения... То важное, что происходит в нашей душе, остается чем-то глубоко личным, надежно защищенным от внешних влияний. Мы можем внешне меняться перед другими, но при этом внутренне оставаться самими собою, следуя своим целям» (см.: *Льюис Р.* Указ. соч.).

³ См.: *Мосейко А. Н.* Время и пространство в мировоззренческих системах африканских культур // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Ин-т Африки РАН, 1996; *Бондаренко Д. М.* Пространственно-временная «система координат» жителей древнего Бенина (Западная Африка) // Там же.

⁴ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор 35 научных публикаций, в т. ч.: «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «К вопросу о манихейно-гностицистском комплексе в научном дискурсе и конфессиональном тексте», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Древние духовные практики как реальность глобальной истории», «Конфессия-изолят как цивилизационная альтернатива», «У истоков национальной идентичности: русский опыт в сравнительно-исторической перспективе», «Крестьянская культурная традиция в России (опыт изучения)» и др.

Человек, унаследовав от животных досознательные пласты психики, реализует их принципиально иным способом — в системе смысловых знаков культуры, осваиваемой сознанием. Эмоция враждебности психологически концептуализируется, находя опору в механизмах рационализации, в различных мифологических, религиозных и философских системах. Общим в ситуации враждебного отношения к чужаку, независимо от культурного контекста, является не только наличие агрессии в мозге человека, но и характер протекания самой агрессии, а также состав сложной эмоции враждебности (при доминировании тех или иных ее сторон), что создает основу для сравнения.

Гнев, отвращение и презрение, составляющие триаду чувств враждебности, представляют собой эмоциональные механизмы, которые «выключают» чужого из зоны действия принятых моральных норм и катализируют проявление социального зла. Ведь стоит почувствовать, что другой человек не принадлежит к «миру людей», что он «нелюдь» или «недочеловек», к тому же ритуально нечистый либо просто грязный и дурно пахнущий, — как загнанная внутрь агрессия прорывается наружу и может вылиться в преступление.

Из многообразия межэтнических отношений наиболее интересны в этом смысле взаимоотношения человеческих общностей, принадлежащих к разным цивилизационным пластам истории. В таких ситуациях этносоциальные различия наиболее значительны, а уровень неприятия чужой культуры крайне высок.

Ментальность архетипического человека и эмоция гнева

Основные правила, логика мышления, привычные для европейского человека, в первобытном сознании были нарушены. Например, первобытный человек

не догадывался о причинно-следственной связи и всякое поражающее его событие связывал с активностью духов¹.

Что же касается эмоциональной стороны жизни первобытного человека, то для нее характерны сильные аффективные разряды, особенно интенсивные и протекающие с отрицательным знаком при таком столкновении с действительностью, когда возникает угроза разрушения привычной картины мира. Одной из наименее социализированных, а потому исторически более ранних эмоций, входящих в «триаду враждебности», является *гнев* — эмоция, для которой характерно сочетание высокой импульсивности и низкого уровня контроля² и которая поэтому чревата *насильственной* формой агрессии. Этнографы, изучающие племена, которые находятся на стадии первобытности, отмечают высокую степень возбудимости этих людей и быстроту перехода от дружелюбного состояния к агрессивному. Однако когда представители другой культуры оказывались включенными в мифологические представления в качестве «положительных героев», агрессия общества направлялась не на них, а на своих *собственных* «инакомыслящих». Это развязывало руки иноземным завоевателям и было причиной гибели сильных государств.

Имперское сознание конфуцианского Китая и эмоция презрения

Культурно-цивилизационные особенности Китая, где в течение тысячелетий господствовали патриархально-деспотические способы организации социальной жизни, получившие идеологическое обоснование в конфуцианстве, определили исторические судьбы этой огромной страны, эволюционировавшей как бы по «сплюсненной временной спирали». Этот тип общественной системы неслучайно стал своеобразной моделью «традиционных обществ» Востока, в которых традиция из механизма самосохранения, воспроизводства и регенерации родоплеменного общества постепенно превращалась во все более важный элемент государственной политики и национальной культуры, становилась самостоятельной и самодовлеющей силой, значение и авторитет которой со временем не уменьшались, как в Европе, а возрастали.

У правителя Поднебесной была сконцентрирована вся полнота власти и ответственности за установление гармонии во вверенном ему мире. Вверенная ему Небом власть распространялась не только на подданных империи, но и на *все* народы Поднебесной или Вселенной³.

Конфуцианский образ жизни был символом культуры и цивилизованности. Претворение его в жизнь создавало возможность перестроить мир на истинно человеческих (с конфуцианской точки зрения) началах. Мысль о достижимости идеала, основанного на патриархально-деспотических ценностях, предопределяла особую роль Китая, где теплился очаг культуры, по отношению к другим народам.

Но какую же реакцию вызывали ситуации, когда «варвары» наносили урон престижу империи? Тезис об априорном превосходстве китайского государства включал возможность ошибок или промахов, что приводило к политике «сохранения лица». Любые нежелательные для Китая международные эксцессы с помощью казуистики превращались официальной дипломатией в ожидаемые, подкреплялись «высокоморальными» мотивами⁴.

На эстетических, а не рациональных категориях было построено восприятие чужой культуры в Китае и позднее — в XIX веке, в период формирования национального самосознания, что нашло отражение в китайской публицистике. Барственное презрение к пошлomu и «уродливому» во многих случаях определяет их отношение к вещам, европейской (буржуазной) культуре, предпринимательской деятельности, отдельным политическим фигурам.

Чувство превосходства, которое часто обуславливает недостаток внимания к реальным свойствам того объекта, на который направлена эмоция *презрения-неуважения*, является нарциссическим продуктом развития культуры. Оно гораздо опаснее по своим последствиям, чем гнев. Из трех эмоций «триады враждебности» презрение — наиболее *холодное* чувство. В диаграммах эмоций, сопутствующих презрению, интерес находится на периферии графика, следовательно, очень мала значимость эмоции, стимулирующей познавательную активность. Презрение — это отстраненное переживание, побуждающее к агрессии, проявляющейся в *хитрости и обмане*⁵. Кроме того, опасность презрения заключается в устойчивом характере этой эмоции, в отличие от гнева или отвращения. Гнев предполагает достаточно быструю аффективную разрядку, а чувство отвращения способствует переключению внимания на что-либо другое. Человек же, испытывающий презрение, подчас получает *удовольствие*. Поэтому презрение само и связанное с ним поведение легко могут быть возобновлены⁶.

Европейский рационализм и эмоция презрения-отвращения

Обратимся к духовным коллизиям европейского человека, жившего в период конквисты. Иберийская колонизация Нового Света поставила христианские народы Европы перед фактом многообразия культур. Возникла новая картина мира, в которую должен был вписаться невиданный ранее материк с его обитателями. Протоестественные обряды, такие как ритуальные жертвоприношения, непривычные формы брачной жизни; гомосексуализм; виды пищи, одно упоминание о которых способно было вызвать судороги отвращения, — все это и многое другое приводило к мысли об отсутствии у дикарей «цивилизации», то есть морали и обычаев, дающих представление о должном в мире, причастном к христианству. Такие добродетели, данные человеку Богом и вытекающие из «естественного закона», как

¹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. С. 251.

² См.: Изард М. Эмоции человека. М., 1980. С. 292.

³ См.: Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 200.

⁴ См.: Бокциани А. А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 138.

⁵ См.: Изард М. Указ. соч. С. 300.

⁶ Там же. С. 226, 304.

трезвость ума, склонность к добру и долгу, казалось, не существовали в туземном мире.

«Эти гомункулы не только не соответствуют естественному закону, но нарушают его уже одной своей животной сущностью», — писал Х. Хинес де Сепульведа, теолог и правовед, один из сторонников концепции о человеческой неполноценности индейцев. Испания должна была взять на себя роль «нации-искупителя», «очеловечивающей» тот мир, с которым она столкнулась. Мессианские идеи предполагали патернализм, опирающийся на насилие, что логически вытекало из усвоенного античного принципа подчинения *несовершенного совершенному*: власть над неполноценными людьми естественна¹.

Если эмоция презрения завоевала печальную репутацию вдохновительницы массовых репрессий, то приписываемое к ней отвращение к индейцам создавало особую тональность в той гамме чувств, которую испытывала часть европейцев к открытому ими туземному миру. Отвращение является культурным рецидивом древней эмоции, происходящей из представлений о ри-

туально чистом и нечистом, уходящим своими корнями, по-видимому, в *контагиозную магию*. Любопытно, что понятие «*грязный*» является универсальным в разных религиозных системах. Отвращение побуждает человека *отстраниться* от объекта, вызывающего отвращение, или *устранить сам объект*².

Историческая реальность, к которой мы обратились, относится к зоне утихших бурь, и мы сознательно не затрагивали здесь те конфликты, в которые вовлечен человек нашего времени — слишком высока цена ошибки в объяснительных моделях в ситуациях, из-за которых сегодня не только пылают щеки в спорах, но и сгорают человеческие жизни. История идет своим чередом, но типы мышления, о которых шла речь, остались, как продолжают жить мифы, мировые религии, сложившиеся системы рационального знания. И сегодня, зародившись в конкретной ситуации, эмоция враждебности в «поисках смысла» обретает свою основу в тех системах представлений, той ментальности, к которой принадлежит человек данной культуры.

Л. Ю. Яковлева³

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ТОПОЛОГИИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Проблема взаимодействия культур в ракурсе соотношения локального и глобального может быть рассмотрена в рамках пространственного или «топологического» поворота⁴, которым отмечены работы в сфере современной западной культурологии, философии и социологии. Под топологическим поворотом в гуманитарных науках понимается общая для многих междисциплинарных исследований установка на изучение пространственных условий, которые оказывают непосредственное влияние на рассматриваемый феномен, будь то общество, культура или сознание.

В современной отечественной культурологии в качестве важнейших концептуальных решений вопроса о специфике пространства российской культуры могут быть рассмотрены работы Д. Н. Замятина, направленные на исследование геокультуры российского ландшафта, и В. В. Савчука, разрабатывающего метод топологической рефлексии⁵. Феноменологическое описание образов пространства, географии путешествий в лите-

ратуре Д. Замятина позволяет выделить типические образы пространств, которыми отмечен российский культурный ландшафт⁶. В то же время топологическая рефлексия не только позволяет осмыслить пространственную топологию, но и призывает к более широкому рассмотрению пространства культуры, включающего не только географические, но и социальные условия существования культуры, искусства, медиа. Несмотря на различие указанных подходов, как методология Д. Н. Замятина, так и топологическая рефлексия В. В. Савчука позволяют осуществлять поиск локального своеобразия вопреки унифицированной глобальной топологии.

Интерес к локальной топологии обусловлен поиском идентичности культуры и ее репрезентации в таких пространственных образах, которые отличают ее от других культур. Анализ типических образов пространства культуры позволяет выделять те топологические константы, благодаря которым она может быть полноправным участником диалога, взаимодействия с пространствами других культур.

Область, в которой подобные пространства получают особенно яркое воплощение, а российский ландшафт представлен наиболее полно, относится к пласту автобиографической литературы⁷, мемуаристики, путевых заметок. Именно автобиография или путевые заметки могут послужить источником для выявления российских топологических констант, для ана-

¹ См.: Земсков В. Б. Конкиста, полемика XVI века о Новом Свете и истоки латиноамериканской гуманистической традиции // Латинская Америка. 1984. № 12. С. 50.

² См.: Изард М. Указ. соч. С. 296.

³ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор 14 научных публикаций, в т. ч.: «Авангард глобализации: современный небоскреб» (в соавт.), «Ландшафты творчества в метафорике жизненного пути», «Медиаальность картографии», «Медиаальность символического», «Репрезентация времени в современной архитектуре: от материи к технологии» (в соавт.), «Топология таинственного в произведениях Ф. Кафки» и др.

⁴ Günzel S. Spatial Turn — Topographical Turn — Topological Turn. Über die Unterschiede zwischen Raumparadigmen // Spatial Turn: das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / J. Döring (Hrsg.). Bielefeld: Transcript, 2008. S. 219–237.

⁵ Савчук В. В. Топологическая рефлексия. СПб.: Канон +; Реабилитация, 2012.

⁶ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

⁷ Артамошкина Л. Е. Биографический и социокультурный тип в аналитике культурно-исторического дискурса // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Киев: КГУ, 2013. С. 162–165.

лиза их своеобразия и трансформации в зависимости от рассматриваемой эпохи. В этом отношении исследование биографии должно выходить за границы исключительно филологических штудий и может стать объектом культурологии и культурфилософского анализа. Так, если анализ пространства России будет осуществляться на основе мемуаристики и путевых заметок советских и российских писателей, культурных деятелей, то возникнет возможность раскрытия специфики не только исключительно воображаемых мест, но и «реальных». Под «реальностью» топологии здесь не подразумевается нечто независимое от сознания живущего на этой территории человека, но такая топология, которая разделяется многими и через мемуаристику становится объектом и достоянием культурной памяти¹. Тем самым не только поэтический образ пространства, но и репрезентация реального пространства культуры входит в сферу культурологического исследования.

Особое значение приобретает мотив пути и путешествия, которым пронизаны почти все автобиографические работы. Имеется несколько оснований, которые позволяют выделять данный мотив в качестве центрального для аналитики взаимодействия культур как взаимодействия различных пространств. Во-первых, именно в описании пути, в перемене мест, в путешествии или эмиграции в другую страну с особой интенсивностью выступают различия культур на уровне ландшафта. Столкновение пространств приводит к изменению самосознания личности, к попытке прийти к компромиссу культур, найти свою позицию в чуждом и незнакомом ландшафте другой страны. Поскольку самоидентификация человека теснейшим образом связана с тем местом, где он выстраивает порядок собственного жизненного мира, то и изменение топологии выявляет ее специфику и локальность топологии, несводимость и незаменимость одних пространств другими. Таким образом, на основе мемуаристики и путевых заметок мы получаем доступ не только к образам топологии, свойственной для той или иной страны, но и к ее трансформации на протяжении эпох, к выявлению ее неповторимых черт в рамках отдельного исторического периода.

Второе не менее значимое основание для анализа культурного ландшафта на основе темы и метафоры пути имеет отношение к роли пути как особого символа российской идентичности. Путь, по замечанию российского культуролога И. П. Смирнова, написавшего на эту тему исследование *Nomo viator*, отсыла-

ет к нас к длительной и непрерывной вплоть до XX века истории странничества, которое исчезло в качестве субкультуры, но оставило заметный след в выборе образов для описания пространства в художественной литературе и мемуаристике². В то же время фактор пространства, широта и простор давно стали образами российской культуры и утвердились в ней как своего рода клише, непоколебимые константы самоидентификации. Так, русский философ Николай Бердяев использует метафору «география русской души»³, проводя тем самым параллель между типом власти, характером, духовной сферой и непосредственным влиянием на нее особенностей ландшафта.

Показательным в этом же отношении выступает исследование российских филологов, посвященное константам пространственной семантики в русском литературном языке, важнейшими из которых являются образы «простора», «дали», «раздолья», «неприкаянности» и одновременно особого русского, не сравнимого, например, с немецким, понимания домашнего «уюта»⁴.

Для интерпретации образов пути особый интерес могут представлять автобиографии, описывающие изменения в пространстве, происходившие на переломе эпох и в постсоветское время. Несмотря на то что автобиографическое письмо играет меньшую роль в современности, прежде всего в связи с формой новых медиа, с ведением интернет-блогов о путешествиях, тем не менее ряд современных российских авторов — П. Вайль, А. Генис, Т. Толстая, М. Герман, С. Савицкий — по-прежнему посвящают свою прозу и мемуаристику путешествиям и предлагают емкие образы и метафоры пространственной идентичности российской культуры в ее сравнении с европейскими странами или США.

Подобные символы, метафорика пути позволяют заострить проблематику локальности культуры, неповторимости ее ландшафта, вскрыть те опорные точки, в которых чисто пространственные условия оставляют неизгладимый след в поведении, экзистенциальной устроенности населяющего это пространство индивида. Путешествие как связывает, так и разъединяет культуры, позволяет найти вариации таких пространственных символов, как даль–близь, уют–чуждость, дом–чужбина, простор–теснота. Мемуаристика, таким образом, является тем незаменимым материалом для культурологии, который обогащается конкретикой жизненного мира с многообразием граней национального ландшафта.

² Смирнов И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб. : Алетей, 2006.

³ Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой. URL: http://www.odinblago.ru/vlast_prostranstv (дата обращения: 10.03.2018).

⁴ Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 35–45.

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах. М. : Языки славянской культуры, 2004.

О. А. Янутш¹

«ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИ-ГЛОБАЛИСТСКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА НОВОГО ТИПА»: ВЗГЛЯД ИЗ 2018 ГОДА

Проблема, вынесенная в название данного доклада, была сформулирована М. С. Каганом в заключении к одной из его последних работ — фундаментальному труду «Метаморфозы бытия и небытия. Онтология в системно-синергетическом осмыслении»². Тогда, в 2006 году, Моисей Самойлович писал, что диалог — «*сущностный принцип нового исторического типа общественных отношений и культуры, который формируется в нашу эпоху*»³, а «*функционирование Организации Объединенных Наций... убедительно говорит об осознании государственными деятелями большинства стран мира необходимости в отношениях между ними смены насилия диалогом, по той простой причине, что такова альтернатива угрожающей самому существованию человечества новой мировой войне*»⁴. Соответственно, доминантная задача воспитания — формирование «у детей, подростков, юношей и девушек... императивного уважения к самости, суверенности, социальной ценности, свободе Другого, порождающего установку на диалог с ним и потребность в диалоге, перерастающем в полилог, ибо в наше время, определяемое понятием “мультикультурализм”, Другой — это Другие»⁵.

Современная геополитическая ситуация вселяет гораздо меньше оптимизма. Еще в начале 2010-х А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози сделали ряд заявлений о «крахе концепции мультикультурализма»⁶, а в СМИ все чаще говорят о возможности начала новой холодной войны. Можно сказать, что общий уровень уважения к самости, суверенности и свободе Другого сейчас высок, как никогда прежде. Однако, как ни странно, это не порождает установку на диалог и потребность в диалоге. Скорее наоборот: диалог (понимаемый как «*достижение единства с Другим, выработка общего миропонимания*»⁷) практически исчез из современной культуры, уступив место хрупкой в своей формальной конвенциональности системе правил поведения, направленных лишь на достижение минимально необ-

ходимого уровня солидарности и согласия в решении частных вопросов совместного бытия.

Мультикультурализм «гомогенизирует любые различия как одинаково отклоняющиеся от нормы»⁸, в то время как «общество больше не организуется ради реализации культурной идентичности»⁹. Естественной реакцией на это становится острая потребность части субъектов культуры (как индивидуальных, так и групповых) в наличии (обеспечении) постоянной ретрансляции и мультипликации элементов собственного дискурса как гаранта и средства сохранения культурной самоидентичности. В этой ситуации в подлинном диалогическом взаимодействии бессознательно видится риск разрушения столь бережно лелеяемого и охраняемого «минимального узла специфичности»¹⁰.

В свете сказанного вопрос о потенциале образования и воспитания в деле формирования диалогически-глобалистского сознания человека звучит чрезвычайно актуально. Проблема видится в том, что само по себе формирование представлений о многообразии культур и специфике их исторического пути, как и веры в то, что «люди разделяют общие моральные ценности, вне зависимости от культурной идентичности, пола, религиозной принадлежности, национальности, географического местоположения или социально-экономического статуса»¹¹ не является достаточным. В одном случае специфика и уникальность культур превращается в разновидность «объективной информации», передающейся совершенно монологично. В другом — нивелируется значимость различий, теряется чувство исключительности и неповторимости Другого.

Более ста лет назад В. В. Розанов писал: «создание человека... синтетически собранного из элементов всех цивилизаций, есть идея крайне искусственная»¹². Для «новых поколений», на его взгляд, была характерна «странная антикультурность»: «они не только не продолжают своего времени... они и не принадлежат ни к какой другой эпохе, не сочувствуя и не понимая более ни одной из отживших культур»; «ни любители они древности, ни истинные христиане, ни самоотверженные искатели истины — они между всем этим, вне которой-либо из культур, то есть не несут в себе более ни одной из них»¹³. Виной тому являются не какие-то отдельные недостатки в комбинациях предметов или объеме их изучения, а в самих принципах, лежащих в основе образования. Школьное обуче-

⁸ Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбу-та. М.: ГУ — ВШЭ, 2010. С. 182.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ Там же. С. 186.

¹¹ Курдюмова И. М. Глобальное образование: новый учебный предмет // Проблемы современного образования. 2010. № 5. С. 61–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/globalnoe-obrazovanie-novyy-uchebnyy-predmet-v-sredney-shkole-zarubezhom> (дата обращения: 01.03.2018).

¹² Розанов В. В. Сумерки просвещения: сб. ст. по вопросам образования. СПб.: П. Перцов, 1899. С. 19.

¹³ Там же. С. 6–15.

¹ Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор 48 научных публикаций, в т. ч.: «О понятиях “культура” и “образование” в работе Я. А. Коменского “Великая дидактика”», «Культурологические взгляды К. Д. Ушинского», «Взросление как культурно-педагогическая проблема: анализ ожиданий современных российских подростков» (в соавт.), «Концептуальные основы преподавания курса “Мировая и отечественная художественная культура”» (в соавт.), «Юности честное зерцало». Лайф-коучинг для начинающих дворян» и др. Член Научно-образовательного культурологического общества, Российского философского общества.

² Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия. Онтология в системно-синергетическом осмыслении // Каган М. С. Избранные труды: в 7 т. СПб.: Петрополис, 2013. Т. VII: Последние труды, интервью, обращения. С. 11–401.

³ Здесь и далее курсив М. С. Кагана.

⁴ Каган М. С. Там же. С. 365.

⁵ Там же. С. 369.

⁶ Андержанова Г. В. Крах мультикультурализма в Европе // Вестник МГЛУ. Вып. 25 (631). С. 22–34.

⁷ Каган М. С. Указ. соч. С. 364.

ние базируется на упрощении и схематизации изучаемого материала. Все живое, уникальное, истинно прекрасное и великое, что есть в «сюжетах» всех наук, литератур, исторических эпох, — все, над чем столько страдали ряды человеческих поколений, что они так трепетно любили и с таким доверием передали нам», перерабатывается и излагается в школах «на вульгарном скользком языке... бедных “руководств”, с вульгарными, деланными восхвалениями или порицаниями, и чаще всего, для краткости, даже без них»¹.

Ситуация усугубляется, во-первых, высокой степенью «полихронности культурного пространства»: «всякая культура (а российская особенно) состоит из “культурных пластов разной скорости развития” (Ю. М. Лотман), в силу чего “современники в линей-

ном измерении времени могут иметь различный культурный возраст” (А. Я. Гуревич)»²; во-вторых — кофигуративным типом современной культуры, «где и дети, и взрослые учатся у своих сверстников»³.

Таким образом, представляется, что для проектирования методов и технологий формирования умений «налаживать и поддерживать эффективный внутри- и межкультурный диалог»⁴ прежде всего необходимо определить содержательную специфику параметров «эффективности» диалогического взаимодействия в современной культуре, коррелирующей как с внеисторическими идеалами человеческого общества, так и со спецификой актуального бытия различных (возрастных, этнических и пр.) субъектов культуры здесь и сейчас.

¹ Розанов В. В. Указ. соч. С. 11–14.

² Видт И. Е. Полихронность культурного пространства и образовательные модели // Образование и наука. 2004. № 1 (25). С. 4.

³ Мид М. Культура и мир детства: избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост., авт. послесл. (с. 5–30) и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988.

⁴ Курдюмова И. М. Указ. соч.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ
- В. Н. БАДМАЕВ заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук
- В. В. ВАСИЛЕНКО профессор Ставропольского государственного педагогического института, доктор исторических наук
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Ю. К. ВОЛКОВ профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ю. Л. ВОРОТНИКОВ заведующий отделом грамматики и лексикологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук
- Г. В. ДРАЧ научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Н. В. ДЫМЧЕНКО проректор Тираспольского межрегионального университета, заведующий кафедрой общегуманитарных и правовых дисциплин, доктор философии, кандидат культурологии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- И. В. КОНДАКОВ профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ
- В. А. КОНЕВ профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. КРАВЧЕНКО профессор Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- И. В. ЛЕОНОВ доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии
- Л. В. МАТВЕЕВА профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
- Л. М. МОСОЛОВА заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. П. САДОХИН профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Т. Б. СИДНЕВА проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- В. Е. ТРИОДИН профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП

М. Н. ФОМИНА	профессор Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук
О. Д. ШЕМЯКИНА	научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья. Сегодня, я уверен, здесь состоится чрезвычайно интересный разговор по актуальным проблемам развития культурологии. Тема нынешней дискуссии вписывается в общую тему «Контур будущего в контексте мирового культурного развития». Контур будущего — это контур культуры, поскольку сегодня многие глобальные вопросы решаются в рамках наиболее широкого понимания культуры, которое изначально лежало в основе культурологии, — как всего того, что создано разумом и руками человека, накоплено в человеческой истории. Дальше мы можем применять разные подходы уже внутри культурологии: это и ценностный подход, и семиотический подход, и др. И самый современный — подход В. С. Степина: культура как набор программ, по смыслу близкий к генетическим программам развития человечества.

При наиболее широком подходе к культурологии и теории культуры мы предполагаем, что в культуру входит абсолютно все, что создано руками и разумом человека: это и экономика, и юриспруденция, и политология. Мы полагаем, что на сегодня место культурологии в системе наук — между философией, обосновывающей наиболее общие положения, принципы, подходы к человеческой деятельности, и системой частных наук, таких как антропология, филология и др. Это наиболее универсальный подход, которым мы руководствуемся на Лихачевских чтениях. Я еще раз благодарю всех участников, наших замечательных, выдающихся ученых, которые взяли на себя миссию руководства культурным направлением нашей работы. Успехов!

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Александр Сергеевич, большое спасибо за добрые напутствия. Мы начинаем нашу работу. Первый выступающий — профессор Николай Андреевич Хренов.

Н. А. ХРЕНОВ: — Хотелось бы в продолжение вчерашних выступлений сказать несколько слов о замечательном ученом Моисее Самойловиче Кагане. На многих, кто представляет гуманитарную сферу, Моисей Самойлович оказал колоссальное влияние,

в том числе и просто своими человеческими качествами. Его научное наследие огромно, оно сейчас переиздается еще раз, и будущие исследователи становления культурологической мысли в России, конечно, уделят ему достойное внимание. Я коснусь только одного проекта, который он пытался реализовать вместе с созданным им коллективом ученых. Это проект изучения теории истории художественной культуры как отдельной дисциплины. В 1980-е годы, когда эта идея разрабатывалась Моисеем Самойловичем, интерес к ней в ученых кругах был весьма значительным. Удивительно, что сегодня этим практически никто не занимается. На первый взгляд может показаться, что этот проект лежит где-то на периферии культурологии, но на самом деле он является связующим звеном между теорией истории искусства и теорией истории культуры. Без науки о культуре этот проект появиться не мог — это следствие развития общей культурологии. Но без знаний, касающихся теории и истории искусства, он также был бы невозможен. Он создает точки соприкосновения между разными гуманитарными науками, и прежде всего — между культурологией и искусствоведением. Обычно рассматривается влияние культурологии на искусствознание, но нужно рассматривать и обратное воздействие, поскольку искусствознание, как гуманитарная наука, также влияет на культурологию. Необходимо изучать все то, что разрабатывалось в этом плане в России. Здесь можно назвать труды Аверинцева, Лотмана, многих других и, конечно же, Кагана.

Для реализации такого проекта, конечно, нужно обладать знаниями в разных областях, и такими знаниями владел Моисей Самойлович. Он пришел в культурологию, имея за плечами солидные труды по эстетике, в том числе марксистско-ленинской эстетике. С другой стороны, Каган — профессиональный философ. Он пришел из философии в эстетику как раз в тот период, когда последняя возрождалась в Советском Союзе. Марксистско-ленинская философия исключала рассмотрение многих вопросов, особенно касающихся искусства. В новой дисциплине их обсуждение оказывалось возможным. Этот переход из одной науки в другую оказался плодотворным еще и потому, что, как известно еще

со времен Канта и Шиллера, репрезентативной проблематикой эстетики является игра, а игра философии не чужда. Более того, она не дает философии превратиться в сухую науку, о чем писал еще Адорно. Марксистско-ленинская философия игрой как философской проблемой не занималась, это интересовало лишь психологов, занимающихся проблематикой детства.

Подобным же образом произошел переход Кагана из эстетики в культурологию. Й. Хейзинга, констатируя, что в сочинениях Я. Буркхардта о культуре эстетический аспект оказывается первостепенным, утверждал, что наше представление о культуре связано в первую очередь с достижениями в эстетической сфере, с произведениями искусства и литературы.

Словом, Каган очень многое сделал в разных научных сферах, но проект, о котором идет речь, требовал именно синтеза нескольких направлений, оказавшись, таким образом, междисциплинарным. Каган предложил системную модель художественной культуры, в которой выделил морфологический, институциональный и исторический аспекты. Морфологическому аспекту посвящена его известная работа «Морфология искусства». Институциональный был подробно разработан нашими социологами, особенно социологами искусства. Исторический — пожалуй, самое интересное, что было сделано в этом направлении. Сборники трудов, в которых поучаствовали и петербургские ученые, стали основой будущих фундаментальных исследований по истории мировой художественной культуры. Конечно, проект в целом еще далек от полной реализации, но, надеюсь, будет продолжен.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, слово предоставляется профессору Виктории Валерьевне Василенко.

В. В. ВАСИЛЕНКО: — Позвольте поблагодарить вас за возможность выступить для столь широкой авторитетной аудитории. Мой доклад называется «Общение как оптимальная форма культурного взаимодействия». Весьма примечательно, что наши Чтения посвящаются памяти Моисея Самойловича Кагана, создавшего в том числе фундаментальный труд «Философия культуры», изданный в 1996 году. Это был период, когда культурология как интегральная область знания находилась на начальном этапе своей институционализации. А сегодня мы благодаря серьезным работкам ведущих отечественных культурологов, в частности Светлане Николаевне Иконниковой, понимаем культурологию как широкую межотраслевую область знания, включающую в себя теоретическое, историческое и прикладное направления.

В связи с этим хотелось бы упомянуть, что, с точки зрения М. С. Кагана, культурология — это не просто учение о целостном феномене культуры, она предполагает интеграцию частных дисциплин. Каган предложил рассматривать несколько уровней познания культуры: философию культуры, культурологию, частные культуроведческие дисциплины. Многие коллеги ориентировались в своих исследованиях именно на такой подход. Благодаря этой точке зрения мы можем увидеть общее

в концептуальных подходах Моисея Самойловича Кагана и Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Как мне представляется, одной из самых любопытных теорий в этих обширных концепциях является проблема общения в ее широком понимании. На первый взгляд может показаться, что эта проблема уже полностью исследована и исчерпала себя. Тем не менее сегодня, когда утрачивается родовая специфика человека и общение в большей степени становится коммуникацией, есть смысл вновь к ней обратиться. Мы живем в новой реальности, огромные массы людей втянуты в совершенно новые, не известные ранее формы коммуникаций. Социальные сети выполняют ключевую роль в механизме трансляции. И чем громче звучат сегодня призывы найти пути устойчивого развития общества и повышения качества культуры, иными словами, сохранить родовую специфику человека, тем важнее становится проблема общения между людьми. «Общаясь, люди создают друг друга», — утверждал Дмитрий Сергеевич Лихачев. «Человек не только творец, но и творение культуры», — говорил об этом Моисей Самойлович Каган. Я думаю, что сегодня, рассматривая проблему общения, мы должны работать именно с этими посылами.

Хотелось бы также обратить ваше внимание на проведенный М. С. Каганом сравнительный анализ общения и коммуникации. По его мнению, целью общения является не только взаимодействие, но и формирование общности людей. Общение развивается по мере возрастания передаваемой информации, обогащающей духовный мир человека. Общение складывается только там и тогда, где и когда есть интернациональное многообразие и интернациональное взаимодействие. И, конечно, общение строится на учете индивидуальностей и особенностей партнеров, которые вступают во взаимодействие. Моисей Самойлович отмечал, что взаимодействие на основе общения будет тем эффективнее, чем выше степень согласия. Таким образом, в системной методологии Моисея Самойловича обнаруживается теория оптимального культурного взаимодействия через общение. Общение выступает формой существования и развития культуры, проявления духовной активности социальной группы и общества людей.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Александровичу Коневу.

В. А. КОНЕВ: — Уважаемые коллеги, о культуре говорить непросто, потому что культура — это фактически все, что нас окружает. Об изменениях в культуре тоже трудно говорить, потому что есть множество аспектов этих изменений. Мы живем в мире, который кардинально меняется. Это связано с тем, что в культуре происходят перемены. Например, академик Лекторский говорил о том, что усиливается неопределенность, и это заставляет человека по-другому действовать. Профессор Марков отмечал, что современная действительность предоставляет множество моделей действия, и человеку приходится только выбирать, а не изобретать эти модели. Думается, что каждому стоит для себя определить, что же меняется в культуре.

Многолетний педагогический опыт приучил меня доносить до своих слушателей представление, например о философии, через фразу, которая в этой философии значима. Скажи: “*Cogito ergo sum*” — и всякий узнает афоризм Декарта. Что было значимо для той культуры, через которую я проходил в свое время? Как можно выразить одним словом требования той культуры к человеку? Мне на память приходят слова Спинозы: «Не смеяться, не плакать, а понимать». Будешь понимать, осознавать — будешь счастлив и свободен, поскольку свобода — осознанная необходимость. И все это знание дано тебе в книгах. «Всему, что есть во мне, я обязан книгам», — сказал Максим Горький. «Мы жили в галактике Гутенберга», — так выразился Маклюэн. А сейчас вместо книги, которая стоит на полке, появилась другая книга — «Фейсбук». Это ведь тоже книга — «книга лиц», книга присутствия. Галактика Гутенберга сменилась галактикой Цукерберга. Совсем другие требования к человеку предъявляет современная информационная культура. Вспомните, какой вопрос сейчас задают человеку по сто раз на дню? Звонит телефон, и тебя спрашивают: «Ты где?» А ведь это не простой вопрос — в теории диалога его называют «вопросом Бога». Вспомните: после грехопадения Адам услышал шаги Бога и спрятался. И Бог спросил: «Ты где, Адам?» О чем этот вопрос? Не о том, где Адам спрятался. Ведь Бог всеведущ. Он спрашивает: «Где ты теперь, Адам? После того, что свершилось с тобой, что ты отныне значишь, на что ты способен, за что ты будешь отвечать?» Когда я отвечаю собеседнику на этот вопрос, я беру на себя некую ответственность.

В современной культуре ответственность лежит на человеке, а не на книге. Современная культура — это не та культура, которая содержится в знаниях, в текстах. Это культура присутствия человека здесь и сейчас. На философском уровне это очень точно сформулировал Михаил Михайлович Бахтин: «Мое неалиби в бытии». Иначе говоря, человек уже не может сказать, что его нет в этом мире, — он есть, и за все, что вокруг него происходит, он ответствен. Человек берет на себя ответственность любыми своими действиями, точнее, тем, насколько далеко он способен зайти в своих действиях. Был один очень показательный момент в истории современного искусства. Еще в 1976 году Марина Абрамович поставила свой знаменитый перформанс «Ритм 0». Она стояла у стола, на котором были разложены разные предметы. По замыслу художницы, любым из этих предметов каждый мог сделать с ней все что угодно, — а между тем среди них были ножницы, нож и даже заряженный пистолет. Тем самым человеку как бы ставился вопрос: на что он решится, до какого предела дойдет? Современный человек испытывает себя в свободе. Свобода для него — это не осознание необходимости, а опыт того предела, до которого он способен пойти. Современный человек — это человек трансцензуса, перехода, отодвигания границы, а не человек трансценденции, который ищет истину, существующую где-то вне его.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово имеет профессор Игорь Вадимович Кондаков.

И. В. КОНДАКОВ: — Я хочу продолжить интересные размышления Владимира Александровича о возможности выхода за пределы. Свое нынешнее выступление я назвал «Культурные контуры будущего». Почти во всех докладах нашей секции присутствует слово «диалог», но я бы хотел сделать акцент на другое слово — «граница». Надо сказать, что и Дмитрий Сергеевич Лихачев, с которым мне доводилось общаться, и Моисей Самойлович Каган уделяли понятию «граница» большое внимание. В современной культуре границы, конечно, сильно поменялись и к тому же размылись. Это связывают с тем, что в нынешнем культурном мире виртуальная реальность преобладает над материальной. А в виртуальной реальности все границы изначально по определению размыты. Это в равной степени относится к границам между капитализмом и социализмом, развивающимся в духе конвергенции, между массовой и индивидуальной культурой, между достоверной информацией и так называемыми *fake news*, искажающими реальность, между глобализацией и национализацией, непрерывностью и дискретностью развития, между рациональным и иррациональным началом, и т. д. Все эти границы размываются буквально у нас на глазах. Это в значительной степени меняет и условия потенциального диалога, и те факторы, которые могут этому диалогу помешать. Многие мои коллеги говорили о том, какие факторы влияют на культурное развитие: военные, экономические. Я думаю, что за всеми экономическими, социально-политическими, даже антропологическими различиями стоят этнокультурные и ментальные особенности. А они, в свою очередь, обусловлены, с одной стороны, историко-генетической дифференциацией культур, во многом апеллирующей к различным слоям генома человека, а с другой — связаны со своеобразием культурных обстоятельств, которые определяли формирование тех или иных ментальностей.

Наблюдения за развитием современной культуры показывают, что в ней наряду с интегративными тенденциями нарастают дифференцирующие, причем именно последние превалируют. Это говорит о том, что для современного культурного мира характерен рост многообразия, углубление противоречий, повышение общего уровня сложности. С этой точки зрения практически все готовые рецепты, шаблоны, выработанные предшествующим развитием культуры, сегодня не работают. Мы каждый раз попадаем в новую культурную ситуацию, в которой должны находить новые творческие решения в отношении каждого нового культурного явления. В этом смысле та системная методология, основы которой заложил М. С. Каган и которая до сих пор для нас важна, во многом требует от нас пересмотра за счет учета факторов изменчивости различных культурных явлений, их внутренней социокультурной динамики, во многом оказывающейся непредсказуемой. И все это свидетельствует о том, что в мире современной культуры нарастает напряженность.

С другой стороны, эта напряженность может носить не только деструктивный, но и конструктивный характер. В связи с этим наша задача как культурологов — во-первых, отличать конструктивные тенденции,

способствующие развитию и повышению уровня и информативности культурных явлений, от деструктивных, которые необходимо останавливать или ограничивать, но только культурными методами. Надо сказать, что устойчивое культурное развитие — это та мечта, тот идеал, к которому нужно стремиться, но который в настоящее время фактически недостижим. Мы должны отдавать себе в этом отчет.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, я хотел бы предоставить слово профессору Владимиру Евгеньевичу Триодину.

В. Е. ТРИОДИН: — Уважаемые коллеги, сложилось классическое понимание культуры как надбиологической природы человека (определение Семина), или «неприродной природы» человека (определение Гусейнова), или, в широком смысле, всей совокупной деятельности человека, о чем говорил сегодня во вступительном слове Александр Сергеевич Запесоцкий. Но если это так, то нужно еще раз вернуться к пониманию и осмыслению сущности человека. Одна из главных ее характеристик — это амбивалентность, то есть двойственность, противоречивость человека. Дело в том, что человек может одновременно быть и святым, и грешником, и мыслящим волком, и апостолом мысли. Он может быть, как выразился грубо, но точно Маяковский, «и лицом, и ягодицами». Человек не только строит, не только созидает, но и разрушает. Кроме того, если культура — продукт деятельности человека, то его амбивалентность неизбежно проецируется и на культуру. С учетом этого трактовка культуры оказывается слишком широкой — она включает в себя работу и над атомной электростанцией, и над атомным оружием. Физик Роберт Опенгеймер очень точно сказал после взрыва атомной бомбы: «Мы сделали работу за дьявола».

Сегодня я вижу продолжение дьявольской работы в самых разных аспектах: в подмене культуры мира культурой войны, в мощном молодежном движении, которое называется «Арестантское уголовное единство», в «синих китах», которые зомбируют человека и доводят его до самоубийства, в российских подростках, которые устраивают резню и стрельбу в школах, и во многом другом. Особый разговор о телевидении, потому что драки в прямом эфире, проверка ДНК для установления отцовства как главная народная забава, повальная стриптизация стали «знаком качества» многих популярных ток-шоу. Емельян Пугачев перед казнью сказал: «Богу было угодно наказать *Россию* через *мое окаянство*». Сегодня у меня складывается впечатление, что Россия страдает за «окаянство» многих средств массовой информации.

Хочу остановиться еще на одном очень важном аспекте: на стремлении представить сегодняшнюю культуру как услугу. Я оцениваю категорию «услуга» как рыночную, порождающую особый тип человека-потребителя, а также «сервисного человека», который создает особую культурную политику клиента. Услуга изменяет специфику учреждения культуры, превращая его в торгово-развлекательный комплекс с соответствующими «ценностями». И эти торгово-развлекательные

ценности формируют не людей, а «шопоманов». В понятии «шопинг», что характерно, главное — даже не магазин. Это, условно говоря, голова, повернутая в сторону магазина.

Не так давно, 13 января, президент встречался с руководителями средств массовой информации. Главный редактор журнала «Огонек» Сергей Агафонов обратился к нему с просьбой разрешить рекламу водки, потому что «водка — это тоже культура». Президент ответил, что водка — это не культура. Ранее он говорил, что мы все чаще сталкиваемся с культурной нищетой, с «фастфудом от культуры». Если предположить, что культура — это вообще вся деятельность человека, тогда, конечно, и водка, и услуги, и все прочее — это культура. Но мне кажется, президент говорил о совсем другой культуре — о той, которая возвращает человека, делает его совершеннее, лучше. Вот по этой культуре звонит колокол, и именно эта культура ждет сегодня своего точного определения. Достоевский говорил: «Широк человек... я бы сузил», — и точно так же, на мой взгляд, слишком широко современное толкование культуры. Его тоже надо сузить. Надо выработать хотя бы рабочее определение культуры — предположим, как неприродной природы человека, направленной на его возвышение и развитие, и отделить эту культуру от всего того, что иногда называют анти- или псевдокультурой. Центральное понятие культуры — свобода, и вокруг него не утихают споры ученых и деятелей литературы и искусства. У всякой свободы есть пределы. Например, есть пределы научных исследований — в частности, запрещено клонирование людей. Художнику Петру Павленскому предоставили свободу творчества — и он под видом перформансов стал поджигать двери французского банка, привязывать себя обнаженным к забору. Те же «Pussy Riot» восприняли свободу как возможность публичного секса в музее и т. д. Абсолютная свобода — это вседозволенность. Носитель такой свободы опасен для общества, у него надо отнимать спички.

И последний вопрос: а что же делать? На него давались разные ответы. Толстой говорил о непротivлении злу насилеи. Ильин, напротив, говорил о протivлении злу силою. Но в нынешних обстоятельствах ни то ни другое не принесет нужного результата. Поэтому определяющей чертой эпохи является умение договариваться друг с другом. Я хотел бы, чтобы по завершении работы нашей секции мы выработали новый духовный закон, главный принцип которого звучал бы так: «Спротивление злу договороспособностью».

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Владимир Евгеньевич, большое спасибо за интересное выступление. Слово имеет профессор Геннадий Владимирович Драч.

Г. В. ДРАЧ: — Уважаемые коллеги, прежде всего не могу не поделиться личными воспоминаниями о встречах с Моисеем Самойловичем Каганом. Уникальность личности всегда проявляется в ее многогранности. Каждая встреча с Каганом была глубока и интересна — в ней раскрывались те или иные аспекты его многочисленных научных исследований. В част-

ности, во многих наших беседах речь шла об отношении к прогрессу, к культурному развитию. Моисей Самойлович был убежден в том, что культурное развитие остановить невозможно — человеческий разум все равно будет развиваться и преодолевать все те сложности, которые встают на пути человечества.

Обращаясь к недавнему выступлению Владимира Александровича, хочу отметить, что у нас в свое время действительно была целая плеяда людей, которые твердо стояли на тех же позициях. Они представляли интеллектуальную элиту страны, за ними была мощная система образования, была выигранная война, в которой многие из них участвовали. На них держалась наука и, не побоюсь сказать, государство в целом. Среди них, в соответствии с мыслью Спинозы, царил культ знания, уважения к науке, уважения к ученому, высшему образованию. У каждого из них была библиотека, для которой потребовалось бы отдельное исследование. Это был удивительный, неповторимый мир книги. Я вошел в этот мир и остался в нем навсегда. Это и французская, и английская, и немецкая литература, это уровень, который позволял нам формироваться, помогал поддерживать высокие образовательные критерии. Этот мир был реален. А нашу нынешнюю эпоху позднего капитализма многие исследователи, в частности Ф. Джеймисон, характеризуют как сплошную имитацию, «вымывание подлинности».

Возвращаясь к М. С. Кагану, хочу отметить, что, будучи абсолютным сторонником идеологии Просвещения, он в то же время отдавал себе отчет в происходящих вокруг объективных процессах, в тех явлениях, о которых я говорил выше. Он обращался к синергетике как к возможности увидеть контуры нового мира во внезапно обрушивающихся на нас событиях.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Профессор Надежда Гегамовна Багдасарьян, пожалуйста, Вам слово.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — В ответ на предыдущие выступления моих коллег я бы хотела остановиться на трех моментах. Владислав Александрович, вы поставили очень интересный вопрос не просто о соотношении определенностей и неопределенностей, но и о тех вызовах, которыми они сопровождаются. Второй момент, на который я обратила внимание, — то, что говорил академик Наумкин о нынешних культурных мегатрендах: культура не склеивает народы, а, наоборот, разъединяет, что влечет за собой распад коллективности. Игорь Вадимович также говорил о том, что сейчас преобладают тенденции дифференциации, а не интеграции. Мне представляется, что все несколько сложнее. И то и другое явление имеют место. Вопрос в том, в каких формах они проявляются, как соотносятся друг с другом, как влияют на них культура и культурные коды.

Третий момент, на котором хотелось бы заострить внимание, это проблема, о которой говорил в своем выступлении академик Некипелов, — очень слабые институты. Есть книга авторства Робинсона и Аджемоглу, которая называется «Почему одни страны богатые, а другие бедные». Эта книга вышла пару лет назад и стала бестселлером. Авторы — сторонники институциональ-

ного подхода и поэтому критикуют культурных детерминистов, полагая, что дело не столько в культуре, сколько в наличии развитых институтов. Если они работают эффективно, страна богатеет, если неэффективно — беднеет. Вот такой простой ответ на сложный вопрос. Я не отношу себя к культурным детерминистам, но мне не очень близок такой подход. У меня возникают другие вопросы: почему социальные институты так отличаются друг от друга, что лежит в основе этой дифференциации? Где, как не в культурных практиках, конструируется культурный универсум, который посредством культурного кода передается от одного поколения к другому? Почему возникают парадоксальные ситуации — например, наша молодежь все больше оправдывает политику сталинизма? Почему коррупционная практика воспринимается как норма? Говорят: «Какой смысл с этим бороться? В России всегда так было». Почему возникают столь гипертрофированные формы неприятия европейских ценностей? Возможно, в ответ на то, что нам навязывают Болонскую систему образования, тогда как Массачусетский университет, например, берет на вооружение дореволюционные методы обучения, существовавшие в России в Московском Императорском техническом училище. Точно так же российских деятелей науки вынуждают использовать зарубежные базы данных Scopus и Web of Science. По сути, происходит реконструирование не столько системы образования или науки, сколько нашего человеческого потенциала.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Кстати, я месяц тому назад был в Болонском университете и спросил, используют ли они сами Болонскую систему. Оказалось, нет. Болонская система в самой Болонье не используется.

С. Н. ИКОННИКОВА, профессор СПбГУП, Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ: — Давно уже.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово имеет профессор Александр Николаевич Чумаков.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Я также хочу сказать перед своим основным выступлением пару слов о Моисее Самойловиче Кагане. Он сделал поистине очень многое для российской философии. Возможно, кто-то из присутствующих этого не знает, но Моисей Самойлович, в частности, поддержал идею первого Российского философского конгресса, который состоялся в 1998 году здесь, в Петербурге.

А теперь мне хотелось бы сформулировать и обосновать один тезис. Мы много говорили о культуре, но я ни разу не услышал в выступлениях коллег слова «цивилизация». А ведь эти два понятия неразрывно связаны и так тесно переплетены, что их приходится распутывать, иногда очень долго и кропотливо. В частности, мне пришлось это делать, когда я занимался проблемами глобализации. Результатом стала книга «Метафизика глобализации: культурно-цивилизационные контексты». В 2017 году вышло ее второе издание, уже в составе трилогии, посвященной глобализа-

ции. Погружаясь в процессы, связанные с обществом, то есть имеющие глобальный масштаб, мы неизбежно сталкиваемся с проблематикой культуры.

Сделаю небольшое отступление. Когда-то давно возникло такое понятие, как «восход солнца». С помощью этого понятия объяснялось, почему солнце утром на востоке, а вечером на западе. В быту это играло большую роль. Но при этом с бытовой точки зрения не имело значения — Солнце вращается вокруг Земли, или наоборот. Однако человечество взрослело, и в какой-то момент оказалось способным создать ракету для полета на Луну. И вот тогда оказалось принципиально важным, что именно Земля вращается вокруг Солнца, а Луна — вокруг Земли.

Возвращаясь к культуре, можно провести аналогию: понятие культуры значимо, когда мы обсуждаем вопросы того или иного коллектива, города или страны. А вот когда мы переходим на уровень всего человечества и говорим о мировом сообществе как целостной системе, понятие «культура» уже не работает так, как в вышеперечисленных случаях. Оно оказывается перегруженным смыслами, как происходило в Новое время и в эпоху Просвещения. Французские просветители говорили: за океаном живут люди, которые едят друг друга, — это дикари. А есть еще другие, которые ценят только свое, а чужое разрушают, — это варвары. Но мы другие, мы поднялись на более высокий уровень развития и знаем: свобода моего кулака заканчивается там, где начинается нос соседа. Мы говорим вслед за Вольтером: «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать».

И когда эти просветители-миссионеры приплывают за океан и видят, как дикарь съел своих сородичей, они укоряют его со своего уровня: «Нельзя есть людей, это нехорошо». Они считают, что нужно провести с ним беседу о взаимопонимании, об уважении чужих прав и т. д. Он смотрит на них, слушает и кивает. Но им не стоит расслабляться — у него есть дубинка, и он может опять проголодаться.

А теперь давайте посмотрим на современное человечество. На каком уровне оно пребывает? Да в той же дикости и варварстве, даже если не вспоминать ИГИЛ или талибов, разрушивших в 2001 году статуи Будды. На каком уровне цивилизационного развития мы находимся? В каком смысле употребляется слово “civilis” — в гражданском, правовом, общественном? Это тоже культура, только культура чего? Говоря о культуре, мы разделяем ее на материальную и духовную. Понятие культуры появилось в Древнем Риме для того, чтобы отделить созданное человеком от изначально присущего ему.

В настоящее время в ситуации глобального человечества сложилась целостная система мирового сообщества, когда мы должны холистически мыслить и делать выводы не только от частного к общему, но и от общего к частному. Сегодня понятия «культура» и «цивилизация» (если их понимать, как Данилевский, Шпенглер, Тойнби или Хантингтон, который писал о столкновении цивилизаций) не работают. Сталкиваются не цивилизации, а культуры, противоречия возникают на культурном основании. Язык, как мне представляется, является

ся стержнем культуры. Уничтожьте язык, традиции, верования — и не будет культуры, эти три составляющие «рассыплются». Как же культуры будут взаимодействовать? С китайцами я общаюсь на русском языке, если они его знают, или на английском. Если мы говорим на английском, то и я, и китаец погружаемся в другую культуру. Мы общаемся на том уровне, который можно назвать фоном общего опыта. Речь идет о том, в какой мере мы цивилизованны. Таким образом, мы должны говорить не только о культурном контексте: культура нас обособляет, а объединяет уровень цивилизационного развития. Если культуру мы впитываем с молоком матери, воспринимаем начиная с детского сада, то к цивилизованности мы приобретаем посредством образования, просвещения (школа, университет и т. п.). То есть это тоже культура, но нужно говорить о культурно-цивилизационных системах: я, мы, Россия — все это культурно-цивилизационные системы. Цивилизационные основания нас объединяют, здесь происходит взаимодействие, а культурные основания разъединяют.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Уважаемые коллеги, я хочу привлечь ваше внимание к социально-психологическим аспектам. Прежде всего должен выразить свое несогласие с некоторыми характеристиками культуры.

Первый вопрос: состояние агрессии имеет какое-либо отношение к культуре? По всей видимости, большинство из вас скажет: «Нет», но в реальном творчестве имеет. В качестве примера приведу отрывок из стихотворения С. Гудзенко: «Но мы уже / не в силах ждать. / И нас ведет через траншеи / очоленевшая вражда, / штыком дырявящая шею. / Бой был короткий. / А потом / глушили водку ледяную, / и выковыривал ножом / из-под ногтей / я кровь чужую». В этом стихотворении, как и в «Воспоминаниях о войне» Николая Никулина, «Моем лейтенанте» Даниила Гранина, «Записках гадкого утенка» Григория Померанца, агрессия переводится в творческий импульс.

Второй вопрос: война является явлением культуры? Возникнет разногласие мнений, но я попробую ограничить рамки проблемы. Как можно охарактеризовать офицерский состав? Во всех армиях мира это мундиры, петлички, марши, красота строя, порядок, эстетика. Но если посмотреть шире, то мы увидим, что Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах» и последних оценках Кавказской войны в «Хаджи-Мурате» был прав: война — это зверство, лишенное культурных оснований. Культурная подготовка, безусловно, необходима. Здесь возникает некоторое противоречие реальной культуры с тем, что описывается в культурологии, а если реальная жизнь не получает отражения, то начинается сотрясение воздуха утонченными формами абстрактного аргументирования.

Предельно информированный в делах Советского Союза Ю. В. Андропов однажды сказал, что мы в полной мере не знаем страны, в которой живем. Я долго размышлял над этим высказыванием, а потом понял: в нем нет ничего удивительного, если обратить-

ся к другому знатоку скрытой деятельности. Г. В. Плеханов (который и в эмиграции внимательно следил за политической, и особенно духовно-политической, жизнью нашей страны) однажды сказал, что Россия — это страна, порождающая фантастических, несовместимых, взаимоисключающих людей.

Россия, по словам Толстого, в 1861 году была «перевернута» реформами Александра II, проведенными вынужденно, в скором порядке, потому что Крымская война показала, что медлить больше нельзя, иначе — катастрофа. Началось реформирование, которое с небольшими перерывами продолжается до настоящего времени. Любая реформа всегда влечет за собой гетерогенные явления и процессы, вызывающие недоумение. Мы до конца не понимаем реальной жизни культуры и, может быть, никогда не поймем, потому что такова наша судьба в силу антропологической ограниченности, которая выступает параметром нашего существования.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется сопредседателю нашей секции члену-корреспонденту РАН Юрию Леонидовичу Воротникову.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Вслед за Владиславом Александровичем Лекторским хочу сказать, что выступления на пленарном заседании должны стать для нас системой координат. Еще две системы координат заданы в теме нашей секции — «Взаимодействие культур и современная культурология». Хотелось бы услышать, как выступающие представляют себе культурологическую проблематику в рамках системы координат, сформулированной в пленарных докладах и с учетом двух заявленных измерений. Как культуры взаимодействуют, как современная культурология реагирует на эти взаимодействия и как она должна реагировать? Прошу выступающих попытаться ответить на поставленные вопросы.

Дмитрию Сергеевичу Лихачеву принадлежит известный афоризм: краткость — вежливость ученого. Будьте вежливы, дорогие друзья!

Слово предоставляется профессору Марине Николаевне Фоминой.

М. Н. ФОМИНА: — Я представляю поликультурный, поликонфессиональный и полиэтничный Забайкальский край. Нет ни одного народа, который не проживал бы в нашем крае, ни одной культуры, которая не была бы представлена у нас. Продолжая тенденцию, начатую Александром Николаевичем, я хочу сказать несколько слов о культуре и культурном взаимодействии в условиях глобализации.

Забайкальский край, территориально расположенный на приграничной территории, решает проблему трансграничного взаимодействия с Китаем и проблеме, связанную с идентификацией и мировоззрением. Возникает интересная ситуация трансграничья. Когда мы анализируем китайские исследования и практическую деятельность по развитию культурного наследия и потенциала, то, проецируя ее на российскую практику, мы видим не аналогичную теорию развития и практику, а совершенно другое.

Александр Николаевич считает, что на сегодняшний день проблема культуры — главная. Для Китая это не только ключевая проблема, но и руководство к действию. В одном из информационных материалов, посвященных Китайскому форуму культуры, приводится мнение, что китайская государственная политика задает направление развития культуры исходя из того, что китайцы знают свою культуру, следовательно, знают культуру регионов, соседствующих с ними, и мировую культуру. Знать нужно для того, чтобы понимать, а понимать нужно для того, чтобы управлять.

Проблема создания гармоничного общества в Китае связана не только с развитием китайских регионов и китайской культуры, но и с ростом слабого региона за счет сильного. Гармоничное общество, а следовательно, и гармоничная культура — программа не только внутреннего, но и внешнего развития КНР. Именно с такой позиции Китай рассматривает трансграничье с Россией.

Китаю нужно выйти за пределы своей страны и возвестить о себе в мировом пространстве. В мире должны знать о китайских ценностях, которые используются, например, для трансформации западного протестантизма в китайский протестантизм, западного католицизма в китайский католицизм. Если на уровне этих двух ветвей христианства — протестантизма и католицизма — политика определена, то православие трактуется как русское, имеющее распространение у северо-восточных рубежей, непосредственно на границе с Россией. Почему Китай ориентирован на изучение русского православия? Как отмечается в различных документах (начиная с научных исследований и заканчивая государственными актами), чтобы понять православие, нужно знать русскую культуру. А для того, чтобы узнать русскую культуру, необходимо изучать мировоззрение, взгляды, формируемые на основе православия. Данная цепочка реализуется в политике китайского регионализма: я знаю, понимаю, управляю. Эти явления проанализированы.

Также существует проблема идентификации. Вопрос, связанный с идентификацией, достаточно серьезный. Сегодня можно говорить об этнической и культурной идентификации. Идентификация начинается с того, как я себя мыслю и позиционирую. Культурное пространство трансграничного региона можно рассматривать на двух уровнях: мировоззренческом и практическом. На практическом уровне это культурное китайизированное пространство. Мы потребляем и осваиваем китайскую культуру. Следовательно, если материальная культура представляет собой русифицированный образец Китая, то в последующем воздействию подвергнется и мировоззренческий уровень. Благодаря китайским студентам и широкому китайскому контексту в нашем регионе мы начинаем мыслить, как китайцы.

Сегодня в Китае делается основной упор на развитие культуры, причем не материальной, а теоретической, которая формирует сознание, мировоззрение, идеологию. А с чем связано развитие гуманитарного образования в современной России? С сокращением гуманитарного блока. Здесь уместно вспомнить высказывание Платона, что во главе государства должен стоять философ.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — К микрофону приглашается Валерий Николаевич Бадмаев.

В. Н. БАДМАЕВ: — Хочу поделиться с вами мыслями по поводу основной проблемы, которая находится в центре рассмотрения Лихачевских чтений и выступлений коллег.

1. Исследования контуров будущего будут неполными, если мы не обратимся к анализу сложной фундаментальной проблемы — дихотомии «Восток–Запад». Эта проблема имеет давнюю историю, но сейчас в сложном глобализирующемся мире она приобретает новые черты, звучание и характеристики. При этом обращение к Востоку подразумевает еще и процесс самоидентификации евразийской России.

2. В качестве философско-культурологического обоснования этой дихотомии предлагается принцип когнитивной скромности, то есть признание того, что западный тип философствования не является единственным. Данный принцип описан М. Т. Степанянц.

Идея о коллективно-когнитивном бессознательном, разрабатываемая академиком А. В. Смирновым, воплощается в логике культуры и обуславливает систему ценностей и картину мира. Идея о незападной современности предполагает рассмотрение современности в зеркале незападных сообществ, а не наоборот, когда мы рассматриваем незападное общество в зеркале современности.

3. Обращение при анализе будущего, конструировании его контуров не только к рациональным, но и к иррациональным аспектам. Необходимо обратиться к ценностям, опыту, традициям всех культур, конфессий, этносов.

В данном аспекте интерес представляет проведение в Индии встреч российских философов с далай-ламой XIV. Для буддизма не существует отдельно человека и солнца. Есть единое поле опыта — человек, видящий солнце. То есть солнце воспринимается не как нечто внешнее, находящееся над человеком, а как часть личности, включенная в нее через процесс восприятия. То есть не солнце в себе, а солнце, воспринятое человеком.

В рамках наших дискуссий о будущем мы должны понимать не мир, в котором живем, а мир, который мы переживаем, думать не о будущем мире, в котором нам предстоит жить, а о мире, который мы будем переживать.

— Валерий Николаевич, Вы говорите, что в буддистском мире важно переживание. А как можно обозначить отношения между человеком и солнцем в русской православной традиции? (вопрос из зала)

В. Н. БАДМАЕВ: — Я не считаю себя специалистом по православной культуре, но поскольку буддизм является частью российской культуры, буддистская традиция переживания достаточно близка русской религиозной философии (Серебряный век, обращение Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева к идеям буддизма и пр.).

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Участвовать в Лихачевских чтениях, с одной стороны, почетно, с другой — волнительно и сложно. Как бы я ни готовилась к выступлению, после пленарного заседания, на котором выдающиеся мыслители озвучивали свои идеи, всегда путаются мысли, и все, что приготовил до этого, кажется мелким и ненужным.

Мне хотелось бы отметить один факт, на который я обратила внимание. На пленарном заседании, несмотря на то что далеко не во всех выступлениях звучало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева, тем не менее его идеи и идеи, которые вчера озвучивались, очень созвучны. Я переживаю, что труды Дмитрия Сергеевича Лихачева не изучаются в школе, жалею о том, что здесь нет представителей Министерства образования, которые могли бы исправить эту ошибку. В то же время я рада, что в СПбГУП труды Лихачева изучаются — это делает наш мир лучше и добрее.

Вчера Р. И. Нигматулин сказал, что без России мировая цивилизация будет ущербной. В этом же ключе всегда высказывался и Д. С. Лихачев. Он говорил о культурном величии России, о том, что Россия всегда служила мостом, в первую очередь культурным, между народами. Именно культура, по его мнению, вызывает интерес к России. Причину влияния России в мире он видел не только в ее расположении между Востоком и Западом, но и в том, что Запад от Востока отделяет различие культур. Он был убежден в исторической миссии России.

М. В. Шмаков на пленарном заседании сказал, что без культуры не могут развиваться техника и экономика. Дмитрий Сергеевич Лихачев видел обязанность человека в том, чтобы поддерживать культурный климат, который наиболее благоприятен для развития всех форм культуры, а следовательно, техники и экономики.

Вчера прозвучала мысль о том, что, когда обсуждается будущее, речь в первую очередь идет об экономике и политике. Дмитрий Сергеевич, размышляя о будущем, указывал на важность развития и поддержки культуры.

На пленарном заседании была высказана еще одна интересная мысль: мы думаем о будущем посредством своих воспоминаний. Дмитрий Сергеевич настоятельно рекомендовал не забывать свою историю и считал, что культура сильна памятью о прошлом, которое не проходит бесследно, не заменяется настоящим, а продолжается в нем, обновляя формы. Он был убежден в том, что истоки будущего — в прошлом.

П. П. Толочко высказал сожаление, что контуры мирового развития определяются не культурой, а экономическими и политическими интересами. Дмитрий Сергеевич же считал, что культура — это гуманистические ориентиры и критерии развития человека и цивилизации, что вне культуры настоящее и будущее цивилизации, народов, этносов и государств лишено смысла.

Вчера также звучала мысль, что мы перенимаем идеи, которые не приживаются на отечественной почве. Академик Лихачев всегда говорил о диалоге, взаимовлиянии культур и том опыте, который мы перенимаем и отдаем миру. В этом плане, поскольку я яв-

ляюсь представителем сферы образования, доктором педагогических наук, хочу отметить, что опыт Болонского процесса не всегда удачен, о чем сегодня все чаще говорят с высоких трибун.

Никас Сафронов на пленарном заседании напомнил высказывание, что красота спасет мир. Александр Сергеевич Запесоцкий добавил, что она сделает его более милосердным. Именно о милосердии человека всегда говорил Д. С. Лихачев. И если мы будем добрыми и милосердными по отношению друг к другу и к представителям других культур, современная цивилизация все-таки сможет выйти из кризиса, в котором она сегодня оказалась.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Профессор Юрий Константинович Волков, Вам слово.

Ю. К. ВОЛКОВ: — Мне как выпускнику кафедры исторического материализма, возможно, было бы целесообразнее участвовать в работе секции «Марксизм и культура». Однако Маркс, как мне кажется, специально о культуре ничего не писал, все-таки он в большей степени социальный философ.

Представляется, что проблема, которая была затронута профессором Триодиным, является одной из центральных в современной культурологии: это понимание культуры как совокупности всех форм и результатов человеческой жизнедеятельности. В этом плане нужно сравнивать не культуру с цивилизацией, а культуру с социумом, обществом или социальной деятельностью. Эта проблема в плане дефиниций не имеет решения, поскольку возможны сотни определений.

Выход видится только в установлении методологических подходов. Три подхода были обозначены Александром Сергеевичем — лингвистический, семиотический и степинский ценностно-цивилизационный. Это то, что касается общего понимания культуры, но поскольку тема — взаимодействие культур, то речь уже идет о культурной динамике и ее формах. На пленарном заседании были рассмотрены различные ситуативные, конкретные формы культурной динамики, их содержательные аспекты.

Академик Некипелов назвал одну из основных форм социальных взаимодействий — институциональные формы взаимодействия и социальных процессов. Я обратил внимание на его фразу, что если происходит крах институтов, то наступает глобальный всеобщий кризис, имеющий серьезные непредсказуемые последствия. Существуют устойчивые исторические формы социальных и культурных институтов, которые сохраняются при всех трансформациях. В своем докладе я попытался эти формы обозначить (межсистемники их используют при анализе исторического процесса, а Полани определил в своей экономической антропологии): реципрокный обмен, дарообмен, редистрибутивные отношения перераспределения и товарный обмен.

Несмотря на то что существует формальная сторона этой проблемы, имеется и содержательный контекст. Было верно отмечено, что взаимодействие одновременно предполагает наличие противопоставления, границы. Этой границей, в частности, выступает известная пози-

ция идентификации культуры «свой–чужой». Каган называет эту оппозицию «мы–они», но предполагает, что она может измениться на «мы–вы». Эти процессы в современном обществе все более индивидуализируются, хотя индивидуальный контекст своих и чужих отношений возможен только в условиях миграции и урбанистического общества, где человек утрачивает свои корни, отрывается от культурной и социальной общности.

В заключение хочу напомнить, что в романе Ивана Ефремова «На краю Ойкумены» действуют представители разных этносов, рас, которые тем не менее становятся друзьями, потому что отрываются от своей культуры.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Викторовичу Дымченко.

Н. В. ДЫМЧЕНКО: — Сегодня профессор Кондаков говорил о границах культуры, а профессор Триодин — о выборе человека. Я тоже хотел бы высказаться о границах и выборе, но с точки зрения культурных практик.

Я представляю несуществующее государство, которого нет на географической карте, которое не существует де-юре, но есть де-факто, — Приднестровскую Молдавскую Республику, Приднестровье. Наше государство существует уже 30 лет. Не имеет значения, признано оно или нет, — там живут люди со своей культурой, традициями, обычаями. Считается, что Приднестровье создано как ответ на националистическую политику Молдовы, дискриминационный закон о языках. Но это не ответ русских или левобережья. Приднестровье (географически Нижнее Поднестровье) — полиэтничный регион, история которого имеет богатое культурное наследие, о чем писал академик Рыбаков, а также П. П. Толочко, который регулярно приезжает к нам в Тирасполь. Вхождение Приднестровского региона, имеющего полиэтничные и поликультурные особенности, в различные исторические периоды в разные государства (Киевскую Русь, Речь Посполитую, Советский Союз, Республику Молдову) наложило определенный отпечаток и на его культуру.

Если говорить о диалоге культур в Приднестровье, то основные этносы и языки, которые у нас представлены, — это молдавский, русский и украинский (по 30 %), а также болгарский, гагаузский и татарский (10 %). В ПМР проживают 500 тыс. человек 30 национальностей. Кстати, в Приднестровье не употребляется такое понятие, как «диаспора», потому что оно считается унижительным: каждый русский, украинец, болгарин, гагауз, молдаванин считает себя живущим на собственной земле. За почти 30 лет существования ПМР не произошло ни одного внутреннего межнационального, межкультурного конфликта.

Сегодня профессор Глаголев затронул такую проблему, как война и культура. Агрессия 1992 года сплотила людей разных национальностей, проживающих в Приднестровье, позволила преодолеть противоречия между народами, которые живут в Приднестровье. В Конституции ПМР говорится о «многонациональном народе Приднестровья».

Еще одна актуальная проблема — беженцы и культура. Со временем под воздействием политических и экономических факторов менталитет меняется. В 1992 году вследствие военных действий из Приднестровья в Одесскую область в теплушках, как в Великую Отечественную войну, уехали 100 тыс. человек — дети, женщины, старики. Прошло 25 лет, и теперь Одесская область считает Приднестровье плацдармом российской агрессии, гражданам рекомендуют, если они услышат речь человека, говорящего на смешанном русском и ломаном украинском языке, сообщить куда следует, потому что это приднестровец. Это вопрос ментальности: выросло целое поколение, которое не знает, что тираспольцы защищали Одессу, и т. д.

Хотелось бы также сказать о миротворчестве и культуре. Приднестровская миротворческая миссия сегодня считается самой успешной в мировой истории (за 26 лет не было ни одного погибшего, ни одного раненого). Поэтому нет смысла менять ее на миротворческие войска ООН и другие организации. За это время у миротворцев тоже сложилась определенная культура, свои традиции, символика, появились памятники, обряды, церемониалы.

Сегодня вектор устремлений Приднестровья — это Россия: 220 тыс. из 500 тыс. человек Приднестровья — граждане Российской Федерации. На выборах Президента РФ в Приднестровье были открыты 28 избирательных участков. При этом во всем мире около 500 тыс. человек проголосовало на выборах президента за пределами России.

Сегодня многие ученые считают, что в Приднестровье сложилась надэтническая идентичность — единый приднестровский народ, который хочет быть самостоятельным и интегрироваться в российское пространство.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Николай Викторович, Вы затронули интересную тему для культурологов. Пожалуйста, задавайте вопросы.

З. Н. ПОНОМАРЕВА, *доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук:* — Тема Приднестровья касается меня непосредственно, потому что я выросла в Тирасполе и все, что там происходит, для меня важно. Скажите, пожалуйста, в международном плане есть перспективы изменения позиции по Приднестровью или оно все-таки останется обойденным международными средствами информации?

Н. В. ДЫМЧЕНКО: — Мы практически 12 лет находимся в экономической блокаде со стороны Республики Молдова и Украины. Что касается международного признания, то к нам часто приезжают политики и общественные деятели из России, которым это нужно в том числе для карьерного роста. Мы же стараемся сохранять и распространять русскую культуру и историю. Так, на приднестровском рубле изображен А. В. Суворов. В Приднестровье ни один памятник, ни один музей, ни одна школа за 28 лет существования региона не были закрыты. Некоторые молдаване, про-

живающие в Молдове, считают себя румынами, более того, все перешли на латиницу, а молдаване, живущие в Приднестровье, сохранили кириллическую графику.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Николай Викторович, желаем Вам научных успехов, а Приднестровью — мира и процветания. К микрофону приглашается профессор Виктория Владимировна Кравченко.

В. В. КРАВЧЕНКО: — Накануне Лихачевских чтений увидела свет моя книга «Симфония человеческой культуры». Я считаю это добрым знаком. Приятно было услышать вчера на пленарном заседании много идей, которые совпали с моими идеями, изложенными в книге. Это действительно знак времени, очевидно, настала пора менять культурологию и представление о культуре, границах человека и культуры в целом.

Основная идея моей книги заключается в том, что культура имеет несколько уровней, поэтому нельзя сводить это понятие к одному узкому значению и потом выяснять, что в определенном контексте оно не работает. Выделяются космический, мегакосмический, макрокосмический и микрокосмический уровни культуры, потому что каждое определение понятия «культура» — это космос. Космос как отрицание хаоса в древнегреческом и синергетическом, пригожинском смысле — таков посыл моей работы. Поскольку я получила естественно-научное образование, то мне очевидно, что на каждом уровне действуют свои законы: на мегауровне в астрономии — одни, а на планетарном уровне — другие. Точно так же и в культуре.

Культура нашей планеты встроена в мегауровень Солнечной системы. Это положение созвучно некоторым идеям, высказанным на пленарном заседании: сегодня активизируется интерес к космизму, в частности к идеям В. И. Вернадского, который выделил эти уровни в своей книге «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения».

Я попробовала внести свой вклад в развитие современных культурологических представлений за счет понятия «культурное поле». Это не лингвистическое, политическое, геополитическое, а энергетическое поле по аналогии с физическим полем, а энергиями служат культурные эмоции. Кроме культурных, существуют базовые эмоции, потому что человек был и остается живым существом. На этот уровень животного наслаивается человеческий уровень. В этом плане я рассматриваю антропологический подход к культуре именно с точки зрения развития культурного поля.

Если обратиться к теме нашего сегодняшнего заседания — взаимодействию культур, то я его понимаю как энергетическое взаимодействие. Меня заинтересовал доклад Л. М. Мосоловой по поводу общения, в других выступлениях проводилось различие между общением и абстрактной коммуникацией. Коммуницируют неодушевленные предметы: один ударяется о другой — есть результат. А между людьми ведется общение. Для студентов важно сохранение живого общения с преподавателем. Я считаю дистанционное образование трагедией (хотя и сама участвовала в создании некоторых дистанционных курсов) для препода-

давателя, потому что он обращается непонятно к кому, и для слушающего, который видит абстрактную голову на экране телевизора или компьютера. В данном случае есть коммуникация, но нет общения.

В своей книге я обращаюсь к понятию «социальный Маугли». Было снято несколько документальных фильмов о детях, у которых есть папы и мамы, бабушки и дедушки, но они не становятся людьми, потому что с ними не общаются, их не воспитывают, не культивируют, не социализируют. Например, девочка Оксана воспитывалась собакой в будке, которая стояла возле дома, где жила ее пьющая семья. И таких случаев, к сожалению, много. Поэтому я призываю студентов воспитывать своих детей в культурной среде, в общении, любви, социализации и культурном взаимодействии.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я одна из немногих в этой аудитории — не культуролог, а профессиональный психолог. Как и принято в науке, мы проводим исследования. В частности, наше исследование было посвящено тому, как молодежь воспринимает Россию современную и будущую.

С чем наша молодежь сравнивает образ будущей России? Мы исследовали этот вопрос методом психоматричного шкалирования, ввели 48 биполярных шкал, по которым следовало оценить несколько стран: США, объединенную Европу, современную Россию, будущую Россию, Россию в СМИ, Китай, Японию, Турцию, Казахстан. То есть мы рассматривали страны западной и восточной цивилизаций, арабского мира и ведущие страны на постсоветском пространстве. После обработки сведений факторным анализом мы получили любопытные данные.

Приведу цитату Д. С. Лихачева: «Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до 300 народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным». То есть Россия — это не только Восток и Запад, но также Юг и Север.

Нам было важно узнать, на что наша молодежь ориентируется при выборе образа будущей России. Выделяются семь различных категорий. Первая — это богатство, трудолюбие и благополучие. Вторая и третья категории любопытны с точки зрения цивилизационной коннотации — это «свой–чужой» (здесь закладывается нравственно-этическая категория духовности и т. д.). Третья и четвертая категории связаны с цивилизационным фактором, типом цивилизации. Московские студенты (МГУ) считают, что восточная цивилизация — самобытная, нравственная, целомудренная, а западная — безнравственная и развратная. Для молодежи Новосибирска восточная цивилизация — целомудренная, нравственная, общинная, духовная, справедливая, ответственная, а западная — безнравственная, индивидуальная, материальная, предвзятая и безответственная (бо-

лее богатые коннотации, чем у московских студентов). Они духовную антропологическую сущность культуры, культурного кода вкладывают в понятие «цивилизация».

Самым любопытным оказалось другое: образ современной России не соотносится с другой страной, а образ будущей России и в Москве, и в Новосибирске, и в Ханты-Мансийске, и в Перми коррелирует одновременно с Японией, Китаем и Европой. То есть мы хотим жить в восточной цивилизации, но при этом с европейским комфортом — таковы мечты нашей молодежи о будущей России.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — В какой мере ответы студентов соответствуют тому, что представлено в средствах массовой информации?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Также мы исследовали образ страны, который представлен в наших СМИ, у ведущих журналистов, создающих образ России. Журналисты ориентированы на Запад, для них западная цивилизация — родная, открытая, щедрая, простодушная, прекрасная, а восточная — чужая, замкнутая, скучная, хитрая и уродливая. То есть у журналистов сформирован прямо противоположный образ России, чем у молодежи. Вот этот образ и создают в СМИ. Но следует заметить, что здесь не все так однозначно: журналисты признают, что восточная цивилизация все-таки вечная и родная, а западная — чужая. То есть на значимом для журналиста уровне западная цивилизация — хорошая, а на незначимом хорошая — восточная, то есть их сознание амбивалентно.

— Скажите, пожалуйста, проводилась ли дифференциация восточной цивилизации (или это в принципе восточная, в которую включены и Россия, и Дальний Восток)? (вопрос из зала)

Л. В. МАТВЕЕВА: — Были выделены 48 шкал, которые включали различные категории: цивилизационные, культурные (материальной и духовной культуры) и пр. Студенты и журналисты соотносили определенные категории с образами («Моя страна сегодня», «Моя страна в будущем», «Образ России в СМИ»), используя семибалльную шкалу. Потом результаты были обработаны, сформирована категориальная структура и проведен факторный анализ. В результате мы получили семь независимых факторов, объединяющих сознательные (когнитивные) и бессознательные (эмоциональные и мировоззренческие) оценки. И когда определенные шкалы попадали в какой-либо фактор, можно говорить о том, что он сформирован в сознании.

Интересно отметить, что категории «свой–чужой» и «восточная цивилизация — западная цивилизация» наполнены антропологическими культурными значениями. Россия — духовная целомудренная страна, чисто женское начало. Удивительно, что наша молодежь относится к России как к женскому началу. Мне кажется, что все будет хорошо.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Сегодня в Государственной Думе разрабатывается очередной закон о языках коренных народов. В России с 1990-х годов развитие языков коренных народов регулируется отдельным законом, но в реальности он не работает. Более того, этнокультурные и этнополитические процессы, проходящие сегодня в республиках (я имею в виду прежде всего республики с финно-угорским населением), вызывают настороженность. В Удмуртии, Чувашии, Мордовии в свое время были приняты законы о национальных языках, которые обязывают население соответствующих республик изучать язык коренного народа. Это вызвало протесты населения по той причине, что во всех финно-угорских республиках коренное население не является доминирующим, по численности оно, как правило, занимает второе место. Перепись 2010 года показала, что в отношении этих законов и реакции на них населения ситуация выглядит следующим образом. В республиках примерно 40 % (это средняя численность коренного населения) считают себя этнически идентичными коренному населению, но тем не менее используют в общении только русский язык. Другая категория — люди, которые говорят и на русском, и местных языках (примерно около 40 %). Активно поддерживают доминирование местного языка в республиках около 20 %.

Общественные движения, которые ратуют за обязательное изучение в школах и вузах языка коренного населения, увязывают этот процесс с политическими аспектами, в частности с тем, что только представители коренного населения и носители языка могут занимать руководящие посты в органах власти и т. д. То есть коренному населению за счет языкового фактора отдается приоритет по сравнению с остальным населением. Как в этом случае быть с конституционным положением о том, что все люди равны перед законом? На основании закона о национальных языках население республик делится на категории с неравным социальным положением людей: одни становятся доминирующими, вторые занимают подчиненное положение.

Первые попытки введения закона показали, что он исполняется безобразно. Был принят закон, который не обеспечен соответствующими мерами, связанными с внедрением языка в учебный процесс. Не было создано ни учебно-методического обеспечения, ни хороших программ. С самого начала процесс шел ни шатко ни валко. Более того, многие родители в национальных республиках не поддерживают изучение языков коренных народов в школах и всеми средствами сопротивляются этим процессам.

Каким видится решение проблемы? Если ее вернуть в правовые и культурно-исторические рамки, то понятно, что необходимо сохранять и поддерживать языки коренных народов. Это культурное явление и результат объективных процессов. Но поддерживать можно как объективными, естественными средствами, так и принудительным образом.

Принудительный характер изучения языков коренных народов вызывает негативную реакцию. Оно должно быть факультативным, чтобы люди изучали язык по своему желанию, что, собственно, соответствует нормам российской Конституции. Сегодня в ко-

митеты Государственной Думы, насколько мне известно, поступает много предложений по этому вопросу. Почему он настолько важен? Осмелюсь напомнить, что на Украине все проблемы начались с языковой. И если мы не решим этот вопрос цивилизованно, то заложим основу для будущих этнических конфликтов, и рано или поздно эта мина взорвется.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Александр Петрович, как Вы относитесь к идее изменить статью Конституции, касающуюся русского языка? Сейчас по Основному закону у нас и русский язык, и, например, татарский являются государственными. Мы с академиком Челышевым предлагаем изменить эту формулировку: пусть все языки останутся государственными, а русский будет общегосударственным на всей территории России.

А. П. САДОХИН: — Мне нравится эта идея. Если будете обращаться официально, я готов поставить свою подпись.

М. Н. ФОМИНА: — Александр Петрович, как Вы думаете, та проблема, которую Вы сейчас озвучили, — региональная или общегосударственная?

А. П. САДОХИН: — Поскольку проблема возникла в целом ряде республик, она приобретает уже федеральный характер.

М. Н. ФОМИНА: — В Бурятии дети с первого класса изучают русский язык и бурятский, в Эвенкии — русский и эвенкийский, тут проблем нет. Но вот как этот вопрос решен в Китае. Там принята программа развития малых этносов, в которой предусмотрено, что у человека, знающего язык своего этноса, например, язык народности мяо, в паспорте можно написать, что он представитель этого этноса. В этом случае человек получает определенные льготы, например при поступлении в высшее учебное заведение. Вообще китаец мыслит общенациональными категориями, но в некоторых ситуациях не прочь достать паспорт, где указана его этническая принадлежность. Это, на мой взгляд, один из вариантов соотношения этнического и национального.

А. П. САДОХИН: — Китайский опыт, о котором вы рассказываете, коррелирует с тем, что было в Советском Союзе. Представители этнических меньшинств имели некоторые преимущества при получении образования. Один из примеров этой политики — факультет северных народов в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Какие-то цивилизованные формы поддержки действительно нужны, но почему-то они практически забыты.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Приглашаю к микрофону профессора Татьяну Борисовну Сидневу.

Т. Б. СИДНЕВА: — Известный кинорежиссер Андрей Тарковский говорил, что человеку для образования, в сущности, надо не так много — всего 9 книг. Однако чтобы составить этот список для себя, надо прочитать гораздо больше. Гуманитарий, анализирующий совре-

менную культуру, непременно должен включить в этот перечень труды Моисея Самойловича Кагана. Михаил Леонович Гаспаров использует понятие «перечтение», означающее возвращение к ранее прочитанным художественным произведениям. А для ученого очень важно перечтение научных текстов. Для понимания проблемы взаимодействия культур и состояния современной культурологии, безусловно, необходимо перечтение наследия Кагана, так как оно открывает понимание взаимозависимости и взаимовлияния внутренних сфер культуры, взаимодействия отдельных культур с позиции толкования границ — их открытости и закрытости, прозрачности и замкнутости. Неслучайно предметом особого внимания Моисея Самойловича, как сказал Николай Андреевич, является искусство. И не только потому, что сегодняшняя культура выглядит иначе с позиции искусства, нежели с позиции права, политики, экономики. Это не автономная сфера нашей жизни, которая доставляет нам радость и закрывает глаза на многие проблемы. Нет, Моисей Самойлович отмечал две важнейшие функции искусства в культуре. Первая — самосознание культуры. Он говорил, что это зеркало, в которое культура смотрится и совершенствуется в зависимости от того, что она в нем видит. Для современного состояния культуры понимание искусства как самосознания чрезвычайно актуально. И вторая функция искусства по отношению к культуре — то, что оно, как считал Каган, служит кодом отдельных культур.

Моисей Самойлович подчеркивает: никакая иная сфера культуры, кроме искусства, не может обеспечить доступ в самую сердцевину культуры народа. Понимание отдельных культур, отдаленных друг от друга исторически, эстетически, этнически, всегда проходит через ворота искусства, причем искусства в его целостности — единстве классического и современного. Классическое и современное искусство выполняет разные функции. Классика — это память, символ, дающий фундаментальные критерии искусства, апробированные в опыте. Для чего, в принципе, сегодня нужны Моцарт, Бетховен, Чайковский, Толстой, Достоевский? Для того, чтобы возвратиться к искусству и понять его фундаментальные критерии. Искусство, как сложнейшая саморазвивающаяся система, всегда помнит о своем происхождении.

Современное искусство выполняет иную роль: открывает нам неведомые стороны опыта, которые ранее не были открыты. Это эксперимент, поиск, который можно адекватно понимать только в широком контексте. В этом отношении бунтари и традиционалисты, хранители и авангардисты оказываются в едином потоке существования искусства, написания его истории. Говоря о задачах, которые стоят перед современной культурологией, Каган, естественно, обращался к постмодернизму. Он был одним из первых отечественных ученых, кто пытался адекватно оценить постмодернизм, и при этом призывал в хаосе, в непонятности состояния культуры, во всеобщем разрушении искать кристаллизующие нити, поддерживающие и устремляющие нас в будущее. Будущее в искусстве — в его целостности. Только так мы будем знать корни — свои и своего мира.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Александр Сергеевич Пушкин в свое время сказал, что «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Татьяна Борисовна, в какой мере это проявляется в современной поэзии, в сегодняшних линиях искусства?

Т. Б. СИДНЕВА: — Мы знаем и другое замечание: «Поэт в России — больше, чем поэт». А в пассаже Пушкина слышится ирония. Сегодня, риску предположить, от художников больше, чем от политиков, экономистов и ученых разных специальностей, ждут ответа на вызовы времени, ответа на вопросы, что с нами происходит, так что поэт, композитор, писатель сегодня еще и философ. Достаточно почитать интервью Владимира Ивановича Мартынова, где он говорит о философии в широком понимании, пытается оценить все происходящее в мире. Глуповатость — это, извините, лукавство гения.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — А Дж. Уортон, например? Глуповат, ироничен, антикультурен?

— *Просто он коммерсант.* (реплика из зала)

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Допустим, что коммерсант. Но его произведения — глупы, ироничны, контр-культурны?

Т. Б. СИДНЕВА: — Напомню еще один текст, который сегодня также нуждается в перечтении. Это работа Сергея Булгакова «Труд высоты», где он пишет о Пикассо и анализирует его картины: почему на них такие искаженные лица и предметы. Он проходит с нами всю грязь, всю неприглядную действительность, чтобы очиститься, освободиться. И в этом отношении искусство хорошо именно в контексте всей художественной реальности.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Доцент Елена Владимировна Харитонова, прошу Вас.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Перефразируя строчку, которую напомним нам Татьяна Борисовна, скажу: в современных условиях — жестких, полных вызовов и рисков — культуролог в России должен быть в какой-то степени больше, чем культуролог. Впрочем, это относится к любому ученому-гуманитарию. Надо научиться выходить за пределы комфортного пребывания в башне из слоновой кости, профессионального аристократизма, граничащего со снобизмом.

В декабре прошлого года я принимала участие в Генеральной ассамблее Всемирной федерации научных работников. Это федерация была создана в 1946 году учеными, в основном физиками-ядерщиками, в ответ на бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Они восприняли эти события как личную катастрофу, потому что увидели, как их открытия могут быть использованы не на благо человечества, а во зло. Я хотела бы, чтобы наш форум не только на уровне декларации, но и по своей сути отличался от конференции, где зачитываются доклады, тем, что мы можем продуцировать и ге-

нерировать идеи, которые смогут повлиять на происходящее. Идеи, которые нужны в современных жестких условиях, когда мы вынуждены отказаться от лирики и перейти в реальность. Я ставлю вопрос именно так.

Да, физики, химики, биологи осознали свою ответственность, их федерация работает до сих пор по настоящее время и периодически собирается, чтобы обсудить проблемы, в решении которых они могут принять участие, в том числе оказывая влияние на правительство. А что гуманитарии? Ставим ли мы перед собой такого рода вопросы? Вероятно, нет. Мое глубокое убеждение — обязаны.

Как правило, именно гуманитарии создают определенные информационные матрицы. В настоящее время, услышав термин «гибридная война», мы понимаем, что применение оружия, спецоперации, введение войск и тому подобное — это лишь один из уровней, на которых происходит воздействие на противника. Но существуют и другие, например финансово-экономические — в виде санкций, контроля над эмиссионными центрами, регулирования цен на нефть, валютных курсов и т. д. Это также мировоззренческий уровень, на котором идет колоссальная по своим масштабам и разрушительной силе борьба. Это искажение событий прошлого и стирание исторической памяти, происходившее везде и всегда. Яркий пример — убийство Гипатии в Александрии. Геббельс в свое время сжигал книги, а сейчас в разных регионах мира целенаправленно уничтожаются исторические памятники.

Одна из самых известных информационных матриц выражена фразой, которую Катон Старший произносил в каждом выступлении: «Карфаген должен быть разрушен». В чем специфика этой матрицы? Во-первых, она формирует массовое сознание. Во-вторых, создает ощущение фатальности и безальтернативности того сценария, который в ней содержится. И в-третьих, побуждает к действиям релевантных этому информационно содержанию политиков, которые начинают «подтаскивать» ресурсы. Информационная матрица, ставшая мировоззрением, становится действенной силой, в том числе в политике.

Другой пример информационной матрицы — «столкновение цивилизаций». Мы считаем Хантингтона ученым — политологом, социологом, возможно, культурологом, но на самом деле он сотрудник Госдепартамента. И мы должны помнить, что его разработки были взяты на вооружение во время Балканского кризиса и бомбардировки Югославии. Если же посмотреть более внимательно, мы увидим там столкновение именно по цивилизационным разломам. Католическая, православная и исламская цивилизации столкнулись практически так, как описывал Хантингтон. В других точках мира наблюдается аналогичная картина. Понятно, что причиной всех этих событий становятся не идеи, а своего рода информационные матрицы, которые оправдывают себя, особенно если они создаются намеренно. Таким образом, наша задача — формировать позитивные и продуктивные матрицы и, может быть, расшифровывать и развенчивать другие — те, которые ведут к разрушению. Не случайно Виталий Товиевич Третьяков на пленарном засе-

дании сказал, что мы много рассуждаем о благе, добре и красоте, но по каким-то причинам это благо все не наступает. Видимо, потому, что где-то в другом месте не менее умные люди работают более продуктивно. Нам надо приложить большие усилия, чтобы стать тем центром влияния, который ведет мир к добру.

Л. М. МОСОЛОВА: — Слово предоставляется Якову Георгиевичу Шемякину.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Начну с понятия, которое употребляется столь часто, что когда его слышишь, оно проскальзывает мимо сознания. Это глобализация. Слово «глобализация» образовано от прилагательного «глобальный». Меня заинтересовало соотношение понятий «глобальное» и «универсальное», которые в последние десятилетия часто воспринимаются как синонимы, причем не только в массовом сознании и политической лексике, но и в научном дискурсе. По-моему, подобное восприятие до некоторой степени искажает действительность. Семантические поля этих терминов действительно пересекаются, но не совпадают полностью. Глобальное и универсальное — понятия одинакового объема, поскольку и то, и другое охватывает человечество в целом, но несколько разного содержания, так как в них фиксируются качественно различные характеристики этого целого, а именно устойчивость и изменчивость. «Глобальное» — это реальная система связей, которая охватывает весь мир и постепенно формируется в ходе истории. В «универсальном» же фиксируются общие черты, характерные для всех людей независимо от их принадлежности к той или иной эпохе или культуре. То есть глобальна реальность, сформировавшаяся по мере того, как складывалась единая система связей, охватывающая мир людей. Универсальна же реальность изначальная, по крайней мере с эпохи антропогенеза, инвариант человеческой истории. Конкретное проявление универсального — в истории, прежде всего в базовой потребности человека, обусловленной его психофизиологической природой.

Наряду с первичными потребностями, детерминированными биологической организацией человека и общими с животным миром, есть и собственно человеческая потребность упорядочения как своего опыта, так и окружающей действительности. Как показали результаты фундаментальных психологических исследований, это стремление является определяющей бессознательной мотивацией поведения человека. Упорядочить же собственный опыт как окружающую его реальность человек может лишь в том случае, если будет выработан тот или иной подход к решению коренных проблем противоречий человеческого существования между мирской и сакральной сферами бытия, между человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры и т. д. Но только на основе такого решения может быть создана система экзистенциальной ориентации — то есть ориентации не только во внешнем мире, но и в мире собственной души. Без подобной системы ориентации, как без пищи и воды, люди жить не могут. Только создав ее, человек обретает смысл своего существования.

Поэтому в данном случае речь идет о том, что потребность обретения смысла — это фундаментальная потребность человека.

Как известно, с точки зрения семиотики любая культура может быть представлена как текст. Так вот, весь многообразный массив текстов всех культур, по моему убеждению, тяготеет к трем главным парадигмам, трем основным текстам — базовым интерпретациям универсального измерения человеческой природы, каждую из которых отличает свой способ употребления фундаментальной психофизиологической потребности человека в обретении смысла и, соответственно, решения ключевых, коренных проблем, противоречий человеческого существования. Эти три парадигмы — наследие архаики, традиции первого осевого времени по Карлу Ясперсу и традиции второго осевого времени. В концепцию это развернул Шмуэль Эйзенштадт и его последователи. Концепция второго осевого времени — это эпоха модернизации, которая началась с научной революции XVII века и продолжилась промышленной и научно-технической.

Хотя эти парадигмы появились на арене мировой истории в определенной последовательности, речь не может идти о смене одной стадии другой. В основе всех существующих в мире цивилизаций и культур лежит диалог-спор этих трех базовых интерпретаций универсального измерения человеческой природы. Самые большие вопросы вызывает тезис об архаике как универсальном измерении. Но я просто сошлюсь на то, что это результат не моих размышлений и домыслов. В данном случае я опираюсь на разработки Владимира Николаевича Топорова, на его концепцию универсальных знаковых комплексов, на работы московской школы отечественных лингвистов и петербургских ученых. В течение целого ряда лет на базе питерской Кунсткамеры работал семинар «Теория и методология архаики», который вели В. Р. Арсеньев и его последователи. К сожалению, из-за временного регламента я не смогу привести целый ряд высказываний представителей этой школы, иллюстрирующих эту теорию.

Л. М. МОСОЛОВА: — Спасибо большое, Яков Георгиевич, что Вы затронули проблему диалога. Ольга Дмитриевна Шемякина, Вам слово.

О. Д. ШЕМЯКИНА: — Я хотела бы солидаризироваться с мнением коллеги Глаголева, который затронул тему гетерогенности в культуре. Эта тема выводит нас на изучение проблемы механизмов исторической памяти. Каждый цивилизационный тип вырабатывает свои механизмы сохранения наследия прошлого и обращения с ним. Известный специалист по Ренессансу Бабкин писал, что западная культура породила и культурно ассимилировала такой термин, как «забвение». Что такое забвение? Забвение — это то, что было вытеснено из памяти. Этот механизм был запущен в западной культуре эпохой Ренессанса, когда появился человек-бунтарь, традиция недоверия к прошлому, когда возникло протестное мышление, которое может опровергнуть весь предшествующий культурный опыт. На этом человеке, протестующем и опровергающем, для кото-

рого сам процесс изменения и протесты становятся самоцелью, и было построено будущее развитие европейской культуры.

Бабкин писал, что этого термина и самого механизма в русской культуре нет. Как только кого-то начинают забывать, сразу появляются люди, которые начинают «спасать» то, что хочет быть забытым. Почему в творчестве Пастернака так активно присутствует средневековая древнерусская книжная традиция, а в творчестве русских авангардистов — архаика, почему в современном русском политическом дискурсе явно прослеживаются традиции гомилетики — средневековой проповеди, которая деликатна, может быть полна гнева, но при этом не направлена на последовательное опротестование позиций противника. Некоторые вопросы в публичном пространстве даже для тех, кто практикует публичную риторику, неудобны и неуместны. Почему русская традиция барокко гораздо более целомудренна, чем западноевропейская, хотя мы очень много позаимствовали?

Чтобы как-то обобщить этот опыт, на мой взгляд, стоит обратиться к креативному палимпсесту — смыслу-образу, который ввел филолог Тюпа. Палимпсест — это лист пергамента, с которого стерт текст и написан следующий в рамках одного тела культуры. Но следы от прежнего текста невозможно полностью удалить с пергамента. Креативный палимпсест дает объяснение сохранению в русской традиции отношения к прошлому: в одном теле культуры присутствует как прошлое, так и настоящее. Именно эти процессы и запустили механизмы особой гносеологической процедуры. Я имею в виду гносеологию, связанную с кардиогносией — познанием сердца. Побудительная основа познания сердца — удивление, сомнение и страдание, удерживающее прежние смыслы и не опротестовывающие прежнее наследие. Кардиогносия зародилась не в отечественном культурном пространстве, но была воспринята Киевской Русью и удивительно расцвела в период культурного подъема России в XIX веке. Я имею в виду педагогическую школу.

— *Культурологи фиксируют проявления архаики в русской культуре. Насколько они реальны? (вопрос из зала)*

О. Д. ШЕМЯКИНА: — В русской культуре постоянное обращение к архаике, к мифам, к особому ощущению человека в пространстве связано с тем, что не исчезли как специфика русского пространства, так и те скрепы, которые держали этот мир в эпоху, когда господствовала традиционность. Поддерживавшие человека в кризисную эпоху зримые и доступные институты, в которых присутствовало человеческое доверие, выручают, когда наступает эпоха рисков. Поскольку не исчезли механизмы, спасающие человека в период кризиса, архаика является не миражом, а реальностью нашего сознания. Потому что такова русская бытийственность.

Л. М. МОСОЛОВА: — Пожалуйста, доцент Иван Владимирович Леонов.

И. В. ЛЕОНОВ: — Мы работаем над одной и той же темой совместно с Вайдой Линасовной Соловьевой — доцентом Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Нас заинтересовала тема трансформации европоцентристских моделей в контексте глобализации. Мы зафиксировали много различных закономерностей и деталей. Остановлюсь только на одной из них. Если в целом исходить из того, как глобализация изменяет наше представление об универсальной истории, то можно наблюдать общие тренды, которые фиксируются во многих исторических концепциях. На фоне глобализации мир становится многополярным, исторически многообразным, и это приводит к тому, что идея европоцентризма постепенно начинает сдавать позиции, большая история отказывается от единого центра и начинает утрачивать идейные основания.

Какие исторические пути возможны при этом? В первых, основной тренд: на фоне глобализации при утрате единого центра возникает многополярный мир. Он утрачивает идейные основания (как коммунизм в марксистско-ленинской теории), множество разных центров начинают конкурировать друг с другом, и акцент делается не на идею истории, а на ее схему. Акцент на схемах и алгоритмах превращает историю в некую «игру престолов». Направление движения непонятно, но красота исторического процесса выражается в том, что цивилизации конкурируют друг с другом, вступают в интриги. Арнольд Тойнби писал, что исторический процесс — это поток, где есть торосы, ледяные глыбы, водовороты и т. д. И никто не знает, где он остановится, но многообразие событий наполняет историю и делает ее привлекательной.

В то же время при сохранении акцентов на некой идейной направленности истории в ней трудно увидеть многополярность. Если мы видим только идею, то схематизм отходит на второй план. Нас интересует один центр и цель историко-культурного процесса. Мы и сейчас видим, что европоцентризм сохраняется. Есть истории, которые строятся вокруг России и Китая. В этом плане достаточно показательна устойчивость взглядов Моисея Самойловича Кагана. Он во многом ориентировался на Европу как центр развития и пронес эту установку через всю свою жизнь, через все три парадигмы: классическую, неклассическую, постнеклассическую, обогатив свою теорию, по сути информационную, деятельностными основаниями, системным подходом, синергетикой. Каган сохранил идейную направленность историко-культурного процесса, видя его цель в движении по личностно-креативному пути. Между этими двумя крайностями можно найти средний путь, когда авторы говорят, что центров много, но существующее положение дел сохранится еще надолго. К таким авторам можно отнести и Шпенглера, и Данилевского, которые исходили из принципиально многообразия историко-культурного процесса. Правда, это не помешало Данилевскому провести обширное исследование славянского историко-культурного типа. Из современных исследователей следует отметить Валлерстайна и Броделя, они тоже пишут о макроцивилизационных центрах, которые так или иначе могут сме-

щаться. Это одна из закономерностей, которую мы зафиксировали.

— *В чем причина альтернативной хронологии Фоменко, с Вашей точки зрения? Каковы его авторские мотивы?* (вопрос из зала)

И. В. ЛЕОНОВ: — Не знаю, стоит ли вообще говорить о Фоменко. В его теории действительно есть элементы, которые совершенно не укладываются в сознание историков. Но, может быть, исторической науке нужны баламуты, которые ставят под сомнение устойчивые классификации. Исходя из естественно-научных принципов, я мог бы раскритиковать эту теорию в пух и прах. Однако в исторической науке много альтернативных концепций, которые так или иначе заставляют нас не застревать только на одной шкале — формационной, цивилизационной и тому подобных, а смотреть на историю с разных сторон.

Л. М. МОСОЛОВА: — Уважаемые друзья, напоминаю, что наша секция посвящается памяти Моисея Самойловича Кагана. На церемонии прощания с ним мы с коллегами договорились, что будем ежегодно проводить Кагановские чтения в вузах, где он работал: в СПбГУ, в РГПУ им. А. И. Герцена и здесь, в СПбГУП. Я рада, что на заседание нашей секции собралось так много участников. Татьяна Борисовна совершенно верно сказала, что необходимо перечитывать его тексты, а Николай Андреевич напомнил, что Моисей Самойлович создал системную концепцию мировой художественной культуры, правда, я не согласна с утверждением, что он ее не апробировал. Ведь были созданы две объемные книги, рассмотрена художественная культура и Древнего мира, и Средневековья, и Нового и Новейшего времени. До сих пор эти труды имеют очень большое научное значение. Это была не просто теоретическая концепция — она была реализована в образовательных практиках. Мировую художественную культуру в вузах, причем не только в гуманитарных, но и в технических, преподают именно по концепции Кагана, и выпускники этих вузов прекрасно осведомлены об общих проблемах культуры и цивилизации, о взаимодействии искусств между собой, о том, как искусство отражало культуру в целом, потому что только искусство целостно отражает культуру.

К сожалению, последняя работа, в которой системно представлена культура Советского Союза и социалистических стран, соавторами которой были многие мои коллеги, так и не была издана, поскольку наступил 1991 год с известными событиями. Сегодня она была бы очень полезна в преподавательской работе. О художественной культуре того времени вообще нет достойных книг. Это большое упущение. Поэтому я предлагаю восстановить эту работу (а она была подготовлена к изданию) и опубликовать ее, тем более что по прошествии времени все процессы оцениваются более взвешенно и объективно, а не в черно-белой гамме. Было бы прекрасно, если бы к 100-летию Кагана вышла книга по истории XX века «Социалистические страны и Советская Россия».

Когда мы приступали к написанию третьего тома, то занимались проблемами типологии культур. И Моисей Самойлович рассказывал о самых разных типах культур: о культуре господства и подчинения, которая обычно ведет к «дьявольской работе», как образно выразился профессор Триодин, о культуре преклонения и подражания, о культуре игнорирования и вражды. Была разработана типология культур. В Петербурге этой проблематикой также занимался профессор Артановский, и я очень сожалею, что до сих пор не написана книга о типологии взаимодействия культур. Между тем это актуальная тема, так как сегодня в России взаимодействует много культур. Исходная позиция культур в Советском Союзе была невероятно хаотичная: разноразличные, разнотипные культуры, поликонфессиональные, полиэтнические и т. д. Во всем этом надо было разбираться. Сегодня проблема взаимодействия культур в нашей стране теоретически еще не определена, идут споры, но мало кто пытается системно осмыслить эту проблему — одну из самых важных. Я понимаю, почему Александр Сергеевич выбрал тему «Взаимодействие культур и современная культурология». Действительно, пора рассмотреть эти проблемы системно и целостно.

И последнее. У Моисея Самойловича Кагана проведено принципиальное различие между коммуникацией и диалогом. Коммуникация безлична, она подходит для таких типов взаимодействия культур, как господство и подчинение, подражание, слепое преклонение. И даже современные европейцы по-прежнему относятся к другим культурам как к предмету, а не субъекту. Общение отличается от коммуникации тем, что взаимодействуют совсем другие системы. Общение рождается, когда есть эмпатия, равноправие, желание понять друг друга. И когда мы писали последний том по советской культуре, то стремились рассмотреть ее через общение разных культур. Да, коммуникации нужны, но важны субъект-субъектные отношения, в которых участвуют разные типы культур, этносы, конфессии, и все это нужно совместить в труднейшей борьбе, в противоречиях, в конфликтах. Или в России это удалось и мы возвращаемся к жизнеспособному опыту прошлых лет? Конечно, не все надо принимать безоговорочно, но перечитывать и переиздавать необходимо, в этом я согласна с Татьяной Борисовной.

Недавно была переведена на русский язык книга Дорис Бахманн-Медик о культурных поворотах. Эти повороты — лингвистические, цифровые и тому подобные, но совершенно не учитывается художественно-культурологический поворот. По-моему, в нашей стране это было сделано настолько замечательно, что сегодня об этом повороте надо писать и внедрять его в практику.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, часто приходится слышать, что сейчас не время говорить о культуре, потому что вокруг происходит бог знает что, мир стоит на грани всеобщей катастрофы. Как говорится, хочешь мира — готовься к войне. В этом есть некоторая логика. Действительно, человечество переживает критический период, у нас накопилось огромное

количество острейших экономических и политических проблем. При чем тут культура? Может показаться, что культура — для тех, кому больше нечем заняться.

Допустим, Третьяков прав: поскольку побеждает сильнейший, надо стремиться быть сильным. Хорошо, допустим, сильнейший победит. А дальше что? Как жить-то? Будем бесконечно воевать, пока все друг друга не уничтожат? И еще один вопрос: зачем жить?

Так вот, культура за это отвечает. Важны не только средства, но и цели, причем не узкие, локальные, а глобальные. Как писал Достоевский, когда кругом есть хлеба, но человек не знает, зачем жить, то жизнь для него теряет всякий смысл. Культура же задает этот смысл. Человек стал человеком только благодаря культуре, без культуры его бы не было.

Американский писатель и философ Артур Кестлер написал статью «Человек как ошибка эволюции». Он рассуждал о том, что с точки зрения эволюции человек — невозможное существо, он должен был погибнуть, потому что не умеет делать то, что умеют делать остальные живые существа. Но он выжил. Почему? Потому что создал искусственный мир, который дает смыслы, способы понимания мира и выстраивания собственной жизни. С самого начала — мифологии, религии, быта, искусства — все это культура. Сейчас идет речь о будущем мира и судьбе России, мы хотим, чтобы это была прекрасная страна, в которой мы живем и которую любим. А что такое Россия вообще? Территория? Да. Язык? Тоже да. Но главное — русская культура. Если исчезнет культура, даже при том что сохранятся язык и территория, это будет уже другая страна.

Речь идет еще и о судьбе всего мира. Что будет с миром и с человеком? Вот об этом надо думать, а не просто о каких-то предметах, интересных для небольшой группы людей. Сейчас вызов человечеству — это прежде всего вызов его культурным смыслам. Те культурные смыслы, которые определяли жизнь до сих пор, сегодня должны меняться. Как? Приходится меняться, чтобы не потерять то, что мы имели. Что надо делать, чтобы человек не превратился в нелюдя? А ведь сейчас часто приходится слышать, что человек — это нечто устаревшее, в будущем нужен постчеловек. Надо менять человеческое тело, мозг, психику. Я лично знаю людей, которые этим занимаются. Подобные движения существуют во всем мире, есть они и у нас, в них участвуют биологи, физиологи, психологи. Например, движение «2045» исходит из того, что к этому году человек превратится в постчеловека и будет существовать на цифровом носителе. Но где граница человека? Сейчас самое интересное заключается в том, что важные философские вопросы, которые в течение тысячелетий волновали образованных людей, вдруг перешли в практическую плоскость.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Например, бессмертие.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Да. Назову некоторые из тех, что обсуждаются на практическом уровне. Одна из древних, как мир, философских проблем — где иллюзия, а где реальность. Философы обсуждали, а остальным было неинтересно, они и так знали, где

иллюзии. А сейчас все размывается, мы живем в мире иллюзий и не поймем, где же реальность. Сколько можно экспериментировать над человеком, чтобы он не перестал быть человеком? Свобода — великое благо, но где ее границы? Можно экспериментировать с телесностью, с мозгом. Кант, как известно, был философом свободы, но даже он считал, что над человеком экспериментировать нельзя, здесь свобода недопустима. Таковы извечные вопросы: «Что такое человек? Что такое сознание?» Есть масса книг, авторы которых, известные ученые, пишут, что сознание — это иллюзия. Есть физический объект — мозг, в котором идут процессы, постижимые с точки зрения вычислительных процедур.

Таким образом, то, что определяла культура и к чему мы привыкли, сегодня поставлено под вопрос. Это самый роковой вопрос, более сложный, чем все остальные. Другие вопросы тоже важны, мы сегодня их обсуждали, в том числе говорили о культурном взаимодействии. Действительно, это важный вопрос. Культурное взаимодействие бывает разного рода. Линий диалога, культурных конфронтаций, взаимодействий сейчас сколько угодно, навязывание культурных смыслов — тоже проблема нашего времени. Это вопрос теоретический и практический, упирающийся в культуру, и в этом смысле для меня вопросы культуры не периферийные, а насущные вопросы смысла нашего бытия.

Еще раз подчеркну: мы с вами, дорогие друзья, занимаемся очень важным делом — проблемами, которые интересуют не только любителей; от них зависит, что станет со всеми нами. Как сказал один человек, наша цивилизация — цивилизация средств, а не целей. А нам нужны цели, и не сиюминутные, а долговременные, связанные с системой ценностей.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Короткое замечание а ргорос. Моя дочь биолог, она занимается ЭКО — экстракорпоральным оплодотворением. Недавно она защитила кандидатскую диссертацию и теперь собирается писать докторскую, но на этот раз по философии. Потому что для биологов это важный вопрос — где заканчивается человек. И вообще, как относиться к пересадке эмбриона? На каком этапе его можно пересаживать? В какой момент он перестает быть зародышем и превращается в человека? Философские проблемы перешли в практический план. Вы наверняка сталкивались с идеей воплотить наконец мечту человека о бессмертии. Но почему молчит Вселенная? Одно из предположений заключается в том, что все разумные существа перешли на наноуровень, поэтому мы их не видим и не слышим.

А теперь два небольших высказывания. Первое — чиновничье, а второе — с точки зрения ученого. Но не культуролога, поскольку я филолог и работаю в Отделении историко-филологических наук. Как чиновник, я слушал вас с негодованием. Объясню почему. В конце 1990-х годов, когда разрабатывалась новая номенклатура специальностей научных работников, в нее по инициативе Кирилла Эмильевича Разлогова была включена культурология. Через десять лет, в конце пер-

вого десятилетия XXI века, по поводу культурологии все еще ломали копыя. Я работал в обеих комиссиях: в первой — научным секретарем, во второй — председателем. Нужна ли культурология вообще? В номенклатуре Российского фонда фундаментальных исследований культурологии нет до сих пор. Я предлагал ее ввести, но не встретил поддержки.

Повторяю, сегодня я слушал вас с некоторым негодованием. Возможно, это верное решение — не включать культурологию в номенклатуру наук. Во всяком случае, по второй части названия нашей секции — о современной культурологии — к сожалению, ни разумного, ни доброго, ни вечного никто ничего не сказал. Какой новый инструментарий у вас появился, новые методологические принципы, которые вам позволяют оперировать новыми явлениями культуры? Об этом не говорили.

Второе замечание также касается культурологии, но уже с точки зрения филолога. Вы все знаете Кирилла Эмильевича Разлогова. В свое время он часто проводил конференции на темы «Культурология и филология», «Культурология и философия» и т. п. Я с огромным интересом участвовал в этих конференциях. С удовольствием глумился над несчастными культурологами со своей сильной «филологической» позиции. Я даже придумал анекдот и рассказал его на одном из наших мероприятий. Расскажу его и вам. Пришла дева Культурология к бабушке Философии и сказала: «Бабушка, дай методологию». Пришла дева Культурология к маме Филологии и сказала: «Мама, дай методы». Пришла дева Культурология к тете Истории и сказала: «Тетя, дай материал». Пришла дева Культурология к власти и сказала: «Власть, возьми меня». Что дева Культурология получила от власти, мы не знаем, но девой быть она перестала.

Тут, как в любой шутке, только доля шутки. Сейчас культурология — это новое поле, на котором мы должны собирать камни, которые разбрасывали весь XX век. Это новая интегральная дисциплина, на которой лежит огромная ответственность — не только за понимание, что такое примитивная культура, цивилизация и т. д. На этой науке лежит ответственность за интеграцию новой комплексной гуманитарной дисциплины.

Мой учитель академик Юрий Степанов, известный в первую очередь благодаря своему знаменитому Словарю русской культуры, в течение своей жизни несколько раз менял научную ориентацию. Он был то языковедом, то теоретиком языка, то философом языка, а в конце жизни называл себя культурологом. Потому что культурология — это высший уровень профессиональной квалификации гуманитария. Но сегодня мы с вами об этом, к сожалению, не поговорили. Я хотел услышать выступления на эту тему, но теперь я уверен, что не стану председателем новой комиссии по Номенклатуре специальностей научных работников, которая вскоре будет разрабатываться. Тем не менее имейте в виду, что при разработке номенклатуры к культурологии возникает больше всего вопросов, чем к любой другой науке социогуманитарного цикла. Повторяю, на вас лежит огромная ответственность.

Секция 4 ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

18 мая 2018 г. Лекционный зал № 2, СПбГУП

Руководители секции:

- Г. А. ГАДЖИЕВ   судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Г. В. КОЛОДКО   вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ   главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ   директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

А. М. Алексанков¹

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Образование на различных уровнях в любом обществе играет сильную социальную роль, обеспечивая правильное социальное позиционирование человека в обществе, создавая культурные и социальные основы гармоничного сосуществования индивидуумов в социально-экономической и культурной среде. К сожалению, устранение из содержания российского образования сильной идеологической составляющей привело к определенным потерям нации. Формализация критериев качества образования и чрезмерное увлечение количественными показателями без учета качества привели к потерям в оценке качественной составляющей образования, то есть той основы, на которой строится социальная функция образования.

О недостатках современной российской системы высшего образования и о необходимости ее реформи-

рования сказано уже немало, причем экспертные оценки зачастую носят абсолютно полярный характер — от необходимости полностью вернуться к стандартам и принципам традиционной советской высшей школы до предложений глобального реформирования всей системы образования на всех уровнях в соответствии с современными тенденциями и реалиями. Не отрицая глубокой и важнейшей социальной функции образования, следует тем не менее признать, что профессиональная составляющая образовательной деятельности все больше приобретает характер деятельности по совершенствованию качества человеческого капитала, носителем которого является непосредственно сам человек. Именно оно является основой устойчивого развития не только социальной, но и экономической составляющей нации.

Активное развитие в последние годы четвертой промышленной революции и постепенное внедрение в реальном секторе экономики шестого технологического уклада начали вносить кардинальные и принципиальные изменения в парадигму взаимодействия всех элементов системы «человек — средства производства — информационная система» и существенно влиять в перспективе на систему образования и подготовки кадров. Основные тенденции можно было бы охарактеризовать следующим образом:

¹ Директор Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат экономических наук. Автор 65 научных публикаций, в т. ч.: «Организация эффективного взаимодействия образовательных учреждений и промышленных предприятий при реализации научных проектов» (сост.), «Инновационное развитие вуза в международной научно-образовательной среде» (в соавт.), «Интернационализация высшего образования: вызовы и реалии», «Актуальные вопросы международной деятельности» (сост.), «Управление качеством как основа реформирования российских университетов» (в соавт.) и др. Лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего и среднего профессионального образования.

— вертикальная и горизонтальная цифровизация цепочек создания добавленной стоимости, всех производственных, организационных и бизнес-процессов делает информационную систему обязательным участником этих процессов, причем способность информационных систем к самообучению постепенно уменьшает физическое участие человека в принятии решений на операционном уровне, усиливая его роль как контролера и наблюдателя;

— интеграция живого (биологических систем, организмов и пр.) и неживого (станков, оборудования и пр.) с информационными системами создает принципиально новый тип киберфизических систем, определяемых качественно иными свойствами и характеристиками;

— цифровизация и автоматизация производственных процессов существенно ускоряют сами процессы и время принятия решений. В части профессиональной подготовки это приводит к уменьшению срока жизненного цикла профессий, который становится в некоторых областях сопоставимым со сроком базовой подготовки в университете, что может, в свою очередь, приводить к исчезновению профессий к моменту окончания университета и к необходимости перенастройки всех итоговых компетенций под требования работодателя в процессе обучения;

— реализуемые на рынке товары и услуги носят все менее дискретный характер, а все больше представляют собой комплекс «товар–услуга», имеющий неразрывную связь друг с другом. По аналогии в образовании, в свою очередь, уменьшается ценность отдельных дискретных знаний и навыков и повышается ценность интегрированных компетенций;

— комплексный характер производства, появление новых технологий и материалов, необходимость системного подхода приводит к существенному повышению роли междисциплинарности в технологических проектах, что, в свою очередь, ведет к необходимости развития междисциплинарных знаний и навыков и к способности их практического применения;

— физическая удаленность от систем хранения знаний и мест научной и экспериментальной деятельности перестает играть существенную роль в получении доступа к информации, степень открытости которой постоянно увеличивается.

Неизбежно будут происходить дальнейшая дифференциация университетов с концентрацией исследовательской компоненты в ограниченном количестве интегрированных с исследовательскими центрами университетов для повышения эффективности исследовательской деятельности и кристаллизация других университетов, выполняющих функцию проектных центров, бизнес-инкубаторов, центров переподготовки и связи с промышленным сектором, центров дистанционного обучения и развития регионального образования. Такая дифференциация университетов неизбежно приведет к дифференциации требований и критериев качества, инициированных различными стейкхолдерами.

Глобальное внедрение цифровизации в технологические, производственные и организационные процессы значительно меняет карту требуемых от работника компетенций. Одновременно с этим цифровизация образовательного пространства и стремительно увеличивающаяся доступность передовых знаний меняет карту приоритетов и ответственности отдельных университетов. Очевидно, что в ближайшее время «производителями» и «интеграторами» новых знаний станет ограниченное число передовых исследовательских университетов, которые имеют необходимую «критическую массу» для производства новых знаний с точки зрения наличия квалифицированных кадров, финансовых ресурсов, опыта и оборудования, имиджа и внутрипрофессионального сетевого взаимодействия с другими отечественными и международными лидерами в своей сфере.

В этих условиях значительно возрастает роль образовательно-технологических проектов по интегрированию различных технологий, проведению рыночных исследований и экономического моделирования, коммерциализации и продвижению разработок на конкретные рынки.

Другой проблемой может стать тенденция к постепенному замещению работников среднего звена автоматизированными информационными системами и, как следствие, — вымывание среднего звена в сторону либо низкоквалифицированной рабочей силы (вниз), либо кадров высшей квалификации (вверх). Очевидно, что такая тенденция будет нести серьезные и пока скрытые угрозы социального характера, когда масса работников среднего звена, лишившихся работы, достигнет критического для социальной устойчивости уровня.

Специфика преподавательского и научного труда с учетом сильной творческой компоненты предполагает гибкое совмещение формализованных показателей с оценкой качества среды для выявления системных ошибок, не позволяющих достичь планируемых показателей. В целом критически важным является понимание руководством университета реальных целей деятельности своей организации, исходя, с одной стороны, из «рыночного» характера деятельности по подготовке человеческого капитала для рынка труда и обеспечения университетской конкурентоспособности на образовательном рынке, а с другой стороны, формирования социально устойчивого и гармоничного общества, в котором самому университету придется существовать. В такой постановке задачи есть некоторое противоречие, которое заключается в том, что университету часто приходится самостоятельно ставить себе задачи, которые выходят за рамки его функциональной деятельности и должны ставиться и обеспечиваться государством и обществом в целом. Но основным аргументом в такой постановке вопроса может быть то, что университеты всегда, на всем протяжении своей истории, были сосредоточением знаний и культуры, обеспечивающей интеллектуальную и эмоциональную основу развития общества.

Т. А. Баталова¹

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ

С бурным развитием Интернета и внедрением в нашу жизнь результатов новых технологий появился термин «цифровая экономика». «Цифровая экономика — это не отдельная отрасль, это, по сути, уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества, — отметил Президент РФ В. В. Путин. — Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний»².

Вопрос о функционировании «цифровой экономики» не может быть решен без конкретного инструмента. Таким инструментом является цифровое государство со своей правовой системой, включающей Конституцию, законы и подзаконные акты, акты международного права, которые играют значительную роль в функционировании всей правовой системы государства в условиях глобализации, трудовой миграции и прочих явлений современности.

Рассмотрим некоторые аспекты этого актуального вопроса для России и Казахстана. Для решения вопроса о функционировании цифровой экономики, главной задачей которой является повышение благосостояния каждого субъекта в государстве через реализацию его прав и интересов, необходимо как можно быстрее решить задачу оцифровывания работы государственной системы, законодательства и правоприменительной практики.

Как показывает анализ, Россия и Казахстан уже приняли программы по внедрению элементов цифрового государства, поставив во главу угла вопрос об адаптации нормативной базы для цифровой экономики. Важен процесс его внедрения, функционирования и влияния на реализацию прав частных субъектов. Во многом решение этой задачи состоит в адаптации законодательства под бурно изменяющиеся процессы в экономике и создании культуры пользования внедряемыми в обществе элементами цифрового государства в социальной сфере, сфере реализации частных прав. Ряд авторов называет государство операционной системой, и эта система должна иметь новые механизмы для реализации законотворческого процесса и право-

применения, зависящего от правовой культуры общества и отдельных его членов.

Возможности цифрового формата позволяют осуществлять огромное количество сложных процессов по заданному алгоритму без участия пользователя, помогут избежать некоторых ошибок. Процесс роботизации — один из главных трендов современного развития технологий. Однако реализация этих процессов в правовом пространстве при имеющемся уровне правовой культуры имеет свои сложности. Разработка правовых оснований для роботизированных процессов и систем, работающих без участия человека, правовое оформление взаимоотношений между людьми и роботами — одна из главных задач цифрового государства.

Опасность в роботизации функционирования правовой системы цифрового государства кроется в том, что большое количество сложных автоматизированных процессов увеличивает риск сбоев и отклонений от заданной процедуры. Это легко можно устранить при наличии развитых средств мониторинга работы процессов. Для юристов и субъектов права, реализующих права и интересы, он в настоящее время имеет довольно абстрактный характер. Как в будущем каждый субъект станет фактически реализовывать свои права и защищать свои интересы, покажет время.

Ряд шагов в этом направлении уже сделан в России и Казахстане. Россия ввела систему государственных электронных услуг с 1 апреля 2010 года, и количество пользователей сейчас превысило 50 млн человек. В Казахстане вот уже несколько лет действует «Правительство для граждан». На первоначальном этапе по всей территории республики были введены центры обслуживания населения (ЦОН), объединившие услуги по документированию населения, услуги органов ЗАГСа, регистрации по месту жительства и месту пребывания граждан, регистрации объектов недвижимости и сделок с ними, автотранспорта и др. Часть вышеуказанных услуг была перенесена в сферу электронного документооборота при наличии у граждан и организаций электронной подписи. В текущем году в ЦОНах г. Астаны запущен проект по идентификации граждан по фотографии и отпечаткам пальцев (при желании гражданина).

Таким образом, многие частные субъекты двух государств являются активными пользователями государственных электронных услуг. Но актуальным остается вопрос о том, кто и как проконтролирует своевременность и качество этих услуг. Некоторые авторами предлагается введение единой общенациональной системы работы с обращениями граждан, чтобы любой государственный орган мог принять входящее обращение субъекта и в кратчайший срок передать его для исполнения в компетентный орган. В январском 2018 года Послании президента РК Н. А. Назарбае-

¹ Директор Алматинского филиала СПбГУП, доцент кафедры юриспруденции. Автор более 30 научных, учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Отдельные институты публичного права как элементы системы частного права», «Защита прав потребителей», «Некоторые аспекты теории и практики функционирования национальных правовых систем как части правовых культур государств — членов ЕАЭС», «К вопросу гармонизации законодательства России и Казахстана в рамках диалога правовых культур», «О месте предпринимательского права в системе частного права», «Система частных прав граждан и юридических лиц в общей системе права России» и др. Награждена знаками Федерации независимых профсоюзов России, Федерации профсоюзов Республики Казахстан.

² В. В. Путин: «Формирование цифровой экономики — вопрос национальной безопасности РФ». <http://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 20.03.2018).

ва упомянут «Киберцит Казахстана»¹, что указывает на озабоченность государства проблемой защиты концентрируемой государственными органами информации. Особое внимание этому вопросу уделяется и в России.

Таким образом, функционирование цифрового государства — это реальность, которая породила проблему, связанную с защитой личных данных субъектов, составляющих закрытую информацию, собранную в базы как государственными органами, так и частны-

ми организациями. В ближайшее время на государственном уровне эта проблема должна быть решена путем создания специальной службы защиты от несанкционированных проникновений в системы и банки данных частных субъектов с различных сторон частной жизни, неприкосновенность которой гарантирована Конституцией. Однако и частным субъектам необходимо обладать определенным уровнем культуры при использовании государственных электронных ресурсов, проявляя осторожность и осмотрительность.

Е. А. Брылева²

ПРАВО И ЭКОНОМИКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современное состояние миропорядка, переход к информационному обществу, когда экономика переходит на новый уровень (блокчейн), требует и переосмысления сложившихся традиционных подходов. Исследование права и экономики как социокультурных феноменов в настоящее время является особо актуальным, поскольку в России и в мире в целом происходят глобальные изменения, опирающиеся на определенную интерпретацию права и его роли в регулировании общественных отношений.

Это обусловлено тем, что право стало рассматриваться как источник и одновременно инструмент общественных преобразований, как наиболее эффективный регулятор жизни общества.

Понимание права и экономики как социокультурного феномена позволяет глубже и с максимальной объективностью выявить и проанализировать специфическую роль права в жизни общества. Сущность такого подхода заключается в том, чтобы рассмотреть право как элемент социокультурной системы, выявить его связь с другими составляющими.

Согласимся с А. И. Гусейновым в том, что существующие модели правопонимания, делая акцент на институциональной функции права по нормативному упорядочиванию общественных отношений, упускают из вида его культурную природу. Право органично включено в общий, единый нормативно-ценностный комплекс общества³.

¹ <http://www.akorda.kz-10-yanvary-a-2018> (дата обращения: 12.02.2018).

² Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Правовой статус несовершеннолетних в уголовной и уголовно-исполнительной сфере» (монография), «Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем», «Международные стандарты в сфере обращения с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы» (учеб. пособие), «Патриотизм как основная составляющая юридического образования вузов правоохранительной направленности», «Некоторые вопросы профессиональной подготовки тюремных служащих имперской России» и др. Награждена медалями «За отличие в службе» II и III степени, «200 лет МВД России» и нагрудным знаком «За верность долгу».

³ Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 216.

В современных социокультурных условиях, несмотря на некоторое повышение роли права в жизни общества, происходит падение его авторитета в общественном мнении и в решении практических дел. Усиливается былой расчет на власть, которая воспринимается как едва ли не единственное средство обеспечения «безупречного правопорядка» и «строгой законности». Постепенное перемещение права с центра на периферию в системе социального регулирования предполагает осмысление следующих вопросов: каково содержание права, авторитет которого падает, в социальной практике; насколько оно соответствует представлениям о праве людей, живущих в разных социокультурных системах; что заставляет их отказываться от права в пользу власти. Чтобы учесть все многообразие социокультурного мира, необходимо выйти за пределы традиционного юридического позитивизма. Это обусловлено прежде всего сложностью и многогранностью права как социокультурного явления, в исследовании которого всегда имеется перспектива обнаружить новые грани и свойства права — например, право как ценностное отношение, — и, следовательно, прийти к новому его пониманию⁴.

В настоящее время набирает обороты комплексная теория права, которая характеризуется комплексным изучением права с учетом всех имеющихся теорий. «Право нам видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. Думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же самое и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом»⁵.

Право многогранно. Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов. Право — это и защита от насилия, и насилие по принуждению к исполнению норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности,

⁴ Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление : дис. ... д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 117.

⁵ Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть комплексная теория права // Юридическая наука. 2006. № 3. С. 6.

традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право, являясь неотъемлемой составной частью культурного наследия народа, в разных обществах имеет разное содержание. В основе этих различий лежат базовые ценностные постулаты культуры, ориентирующие те или иные народы на свой особый подход к жизни, свой особый взгляд на пути организации своей социокультурной реальности. Ярким примером того, как по-разному понимается содержание, в частности, идеи социальной справедливости, могут служить ее восточный и западный варианты. Так, согласно сложившейся в Японии правовой традиции, судебное разбирательство в этой стране совершенно не соответствует представлению японцев о социальной справедливости. Логический принцип противоречия, по которому одна сторона должна обязательно проиграть дело, если другая выигрывает, что характерно для западного правового мира, не удовлетворяет японцев, всегда ищущих более гибкого исхода. Японец предпочитает судебному разбирательству примирение как более справедливое решение, процедура которого закреплена в Гражданско-процессуальном кодексе современной Японии¹.

Несмотря на глобализацию, национальное право все же строго индивидуально и, безусловно, зависит от культурной традиции. Английское и американское право, например, принадлежат одной англосаксонской

правовой системе, но имеют существенные различия. Другим примером зависимости правовой системы от социокультурных особенностей общества служит скандинавское право, принадлежащее к романо-германской правовой системе, но имеющее существенные черты общего права.

Для восточных цивилизаций характерным является коллективизм, общинность, традиционность; при этом основным источником права выступают нравственно-религиозные сборники, в которых не проводится четкого различия между требованиями религии, морали и права. Нравственно-религиозные истоки китайского, японского, индусского и иудейского права оказались столь глубокими, столь устойчивыми, что даже «европеизация» и «американизация» не смогли коренным образом изменить природу национального права.

Полагаем, что реформирование правовой системы российского общества, в том числе законодательства, требует учета не только достижений мирового опыта развития права, но и специфики эволюции национального права. Основой реформирования должно стать понимание, что российское право — это явление с ярко выраженным духовным механизмом регуляции поведения людей, особым историческим путем развития, ментальностью, своеобразной картиной мира, фиксирующей существующую в России социокультурную реальность.

О. В. Вербовая²

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТА СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ И ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ

В современном мире чрезвычайную актуальность приобрела проблема конструктивного урегулирования конфликтов на любом уровне. Государство стремится адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы, обеспечивать верховенство права, поддерживать стабильность правовых отношений в экономике, повышать уровень управления социальными процессами. Для этого необходим эффективный механизм урегулирования возникающих противоречий либо конфликтов, которые порождаются взаимодействием субъектов в обществе.

Урегулирование возникающих разногласий между участниками конфликта (спора) традиционно является прерогативой судебных органов. Вместе с тем большое количество споров, находящихся в производстве

¹ Гриценко Г. Д. Указ. соч. С. 121.

² Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Актуальные проблемы правовой защиты прав и свобод человека и гражданина: состояние, тенденции, перспективы» (кол. моногр.), «Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан», «Некоторые проблемы квалификации соучастия в террористической деятельности», «Уголовная политика Казахстана и России в сфере борьбы с экологическими преступлениями: сравнительно-правовой анализ», «Проблемные вопросы ответственности за создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности», «Правовые механизмы противодействия глобальным вызовам XXI века» и др.

российских судов, свидетельствует о высоком уровне конфликтности между их участниками и определенной общественной напряженности относительно защиты их прав.

Такая ситуация явно не способствует созданию стабильных экономических отношений, формированию в стране благоприятного инвестиционного климата, гармонизации деловых отношений в предпринимательской среде, укреплению социального партнерства. Очевидно, чем стремительнее меняется структура экономики и экономические отношения, тем чаще появляется потребность в правовой защите субъектов этих отношений. В таких условиях российская экономика и бизнес ждут адекватного современным вызовам правового регулирования экономических отношений, понятных для всех участников рынка правил поведения и эффективных правовых механизмов защиты своих интересов.

Приоритетным и востребованным направлением совершенствования действующих механизмов урегулирования споров и защиты прав и интересов субъектов становится развитие примирительных процедур, одной из которых является медиация, причем как на национальном, так и на наднациональном уровне. Изучение опыта применения медиации в странах мира

показывает, что этот институт в условиях глобализации становится универсальным наднациональным способом разрешения споров.

В России в 2010 году принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который заложил правовые основы урегулирования споров с участием медиатора, а также становления медиации как социально-правового института. Законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также из трудовых и семейных правоотношений.

Однако имеется мнение, что «медиация так и не заняла достойное и положенное ей место в вопросах разрешения споров и тем более не стала фактором снижения конфликтности в обществе и повышения правовой культуры»¹. В странах, где институт медиации успешно работает, во внесудебном порядке рассматривается до 80 % споров. В то же время анализ ситуации в России и Казахстане показывает, что большая часть проблем с внедрением медиации связана с вопросами взаимодействия с судебными и государственными органами, низкой осведомленностью общества о медиации и ее преимуществах — в частности, о том, что соглашение, достигнутое в ходе медиации, удовлетворяет интересы каждой стороны и способствует примирению конфликтующих сторон, в то время как судебное решение может удовлетворить только одну из сторон, и не всегда в полном объеме.

Разделяем мнение, что «разрешение конфликтов на основе насилия и принуждения не соответствует потребностям динамично развивающегося гражданского общества. В данном случае важен учет медиации как фактора, влияющего на состояние правовой культуры, правосознания и правовой грамотности граждан»². Продвигается институт медиации не только в России, но и в Казахстане. В качестве примера приведем следующие данные.

В республике действует более 70 общественных центров медиации, куда входит в общей сложности более 4200 медиаторов, из них профессиональных — 640,

непрофессиональных — 3583. На стадии досудебного разбирательства путем медиации разрешены более семи тысяч споров, причем подавляющая часть — профессиональными медиаторами. На стадии судебного разбирательства разрешено больше споров. Основное количество разрешенных споров составляют социально-бытовые, семейные, имущественные, трудовые и земельные. Также Верховным судом Республики Казахстан в 2017 году запущен пилотный проект по досудебному урегулированию отдельных категорий споров — наследственных, о расторжении брака и разделе имущества, о выселении и по вопросам управления многоквартирным домом, по договорам займа, некоторых трудовых и корпоративных споров, связанных с оказанием медицинских услуг. По завершении пилотного проекта планируются изменения в действующем законодательстве. Созданы центры, в которых прокуроры, адвокаты, нотариусы, психологи, медиаторы оказывают гражданам консультационные услуги на бесплатной основе³.

Мы подошли к медиации с позиции правового инструмента альтернативного разрешения конфликтов и повышения правовой культуры в обществе. Вместе с тем медиация (посредничество) может выступать как межотраслевой институт, механизм взаимодействия субъектов права во всех сферах социально-экономических и даже политических отношений, как одна из технологий глобализирующегося мира. Медиацию совершенно справедливо отнесли к уникальному интегративному феномену, являющемуся одним из ключевых инструментов обеспечения социального равноправия, плюрализма языков и культур в пространстве мирового сообщества⁴. Применительно к российской действительности у медиации имеются большие перспективы и возможности широкого применения в поликультурном социуме.

Таким образом, в современных экономических и политических условиях институт медиации, являясь эффективным инструментом снижения конфликтности и повышения уровня правовой культуры динамично развивающегося российского гражданского общества, гармонизации экономических отношений и укрепления социального партнерства, требует своего дальнейшего развития.

¹ Башкин А. Д. Роль процедуры медиации в снижении конфликтности и повышении правовой культуры в обществе. URL: <http://businesspravo.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=49710>

² Геворкян Т. В. Медиация как один из альтернативных способов разрешения споров и ее влияние на правовую культуру общества // Вестник ВолГУ. Сер. 5 : Юриспруденция. 2014. № 4 (25). С. 155.

³ Нурсейтова Т. В Казахстане растёт армия медиаторов. URL: http://www.inform.kz/ru/v-kazahstane-malo-znayut-o-preimushchah-mediacii-georgiy-kim_a3078716

⁴ Башмакова Н. И., Королева Н. Ю., Рыжова Н. И. Направление развития профессиональной подготовки в гуманитарном вузе в условиях поликультурной социально-образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/117-13459>

Н. П. Веретенников¹,
К. Г. Янковская²

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ

Существующая в настоящее время проблема привлечения инвестиций для развития территорий, имеющих социально-экономические и культурные проекты всемирного наследия, напрямую зависит от инвестиционного климата и условий для стимулирования предпринимательской деятельности, за счет которой и происходит процесс освоения инвестиций. С целью повышения эффективности деятельности органов власти по привлечению инвестиционных ресурсов и формированию условий для ведения инвестиционной деятельности на уровне муниципалитета был сформулирован Стандарт деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата³. Положения Стандарта разработаны согласно требованиям деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионах с учетом опыта привлечения инвестиций на муниципальном уровне и защитой конкуренции и прав инвесторов.

Авторами предлагается методика Национального рейтинга, которая имеет следующие достоинства: во-первых, она является открытой и доступной для просмотра результатов; во-вторых, охватывает большой круг респондентов, а также учитывает мнение экспертов; в-третьих, может дополняться новыми показателями, оценивающими инвестиционный климат, так как результаты рейтинга открыты⁴.

¹ Профессор кафедры прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова-Ленина, доктор экономических наук. Автор 107 научных работ, в т. ч. монографий: «Корпорации: организационные формы, принципы и функции управления» (в соавт.), «Отраслевые корпорации региональный бизнес: интеграция интересов» (в соавт.), «Северо-Восток России: региональная экономика и управление» (в соавт.), «Континуум императивов государства, корпораций и регионального бизнеса» (в соавт.); статей: «Мониторинг и менеджмент рисков социально-экономической системы региона» (в соавт.), «Северный морской путь: транспорт, экономика, геополитика» (в соавт.), «Логистические сети в экономическом развитии арктических коммуникаций», «Экономика и геополитика шелкового пути: арктический маршрут» и др.

² Доцент кафедры экономики, туризма и прикладной информатики Горно-Алтайского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 20 научных работ, в т. ч.: «Влияние инновационного потенциала на формирование человеческого капитала», «Инновации как фактор повышения конкурентоспособности промышленных предприятий» (в соавт.), «Сравнительный анализ инвестиционного климата Республики Алтай и регионов Сибирского федерального округа» (в соавт.), «Влияние инфраструктурных организаций на субъекты малого бизнеса (на материалах Республики Алтай)» (в соавт.), «Сравнительный анализ методик оценки инвестиционного климата территории» (в соавт.).

³ Стандарт деятельности органов местного самоуправления по обеспечению благоприятного инвестиционного климата. <http://www.stpadmin.ru/Economics/investment/standard.html> (дата обращения: 12.04.2018).

⁴ Веретенников Н. П., Янковская К. Г., Бочкарева Н. Д. Сравнительный анализ методик оценки инвестиционного климата территории // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4, ч. 1. С. 306–311.

Разработанная методика состоит из 34 показателей, поделенных на 4 направления: «Регуляторная среда», «Институты для бизнеса», «Инфраструктура и ресурсы», «Поддержка малого предпринимательства»⁵.

В первом направлении характеризуется работа органов местного самоуправления по исполнению переданных им по федеральному закону полномочий, например, выдачи разрешений на строительство. Нами оставлен показатель «эффективность процедур по выдаче разрешений на строительство», включающий такие показатели, как среднее время получения разрешений на строительство, среднее количество процедур, необходимых для получения разрешений на строительство, удовлетворенность деятельностью муниципальных органов по выдаче разрешений на строительство. Также нами было добавлено в требования к данным, что опрос проводится среди предпринимателей и предприятий, которые получали разрешения на строительство не только жилых, но и нежилых объектов. При этом необходимо оценивать по отдельности респондентов, получивших разрешение на строительство по степени сложности строительного проекта. Помимо этого в критерии удовлетворенности включены такие критерии, как доступность информации о процедуре выдачи разрешений.

По направлению «Институты для бизнеса» выделены следующие показатели: эффективность институтов, которые защищают бизнес; административное давление на бизнес; эффективность работы организационных механизмов поддержки бизнеса; качество информационной поддержки инвесторов бизнеса.

Что касается направления «Инфраструктура и ресурсы», то нами были исключены показатели, касающиеся эффективности процедур постановки земельных участков на кадастровый учет, так как в компетенцию органов местного самоуправления данная процедура не входит — это прерогатива органов государственной власти (в нашем случае — Федеральной кадастровой палаты Росреестра по Республике Алтай).

Вместо данного показателя мы включили показатель, касающийся предоставления земельных участков бизнесу в пределах полномочий муниципального образования. По сути, без получения прав на земельный участок ни один предприниматель не сможет получить разрешение на строительство и, соответственно, его начать. Таким образом, земельно-имущественные отношения и градостроительство находятся в прямой взаимосвязи.

По последнему из направлений, по которым проводится оценка, — «Поддержка малого предпринимательства» — выделены показатели «уровень развития малого предпринимательства в муниципальном образовании»; «уровень информационной, организационной, инфраструктурной поддержки малого предпринимательства»; «эффективность нефинансовой поддерж-

⁵ Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Результаты 2015 г. М., 2015.

ки малого предпринимательства»; «качество финансовой поддержки малого предпринимательства».

Из всех показателей Национального рейтинга мы исключаем показатель, оценивающий удовлетворенность субъектами малого бизнеса доступностью кредитных ресурсов, в связи с тем, что органы власти не могут повлиять на политику кредитных организаций самостоятельно.

Показатель оценки информационного портала по вопросам поддержки и развития предпринимательства был уточнен в части возможности оценки не только сформированного информационного портала, но и раздела на сайте муниципального образования, посвященного поддержке и развитию предпринимательства. Это представляется наиболее корректным, так как не все муниципальные образования имеют отдельно действующие информационные порталы, к тому же в муниципальном стандарте не идет речь о формировании помимо инвестиционного портала еще и портала, посвященного предпринимательству.

Таким образом, была сформулирована адаптированная методика оценки инвестиционного климата муниципальных образований, которая имеет ряд преимуществ по сравнению с другими:

— возможность органов местного самоуправления всех уровней влиять на факторы, которые позволяют улучшать значения показателей, а соответственно и рейтинга;

— доступность информации: для всех показателей доступны статистические данные и имеются соответствующие респонденты для опросов.

По предлагаемой методике можно оценить эффективность территориальных образований по внедрению Стандарта, а также проанализировать, какие из территорий имеют наихудшие показатели (результаты), которые, в свою очередь, ведут к ухудшению рейтинга субъекта в целом. Мониторинг инвестиционной деятельности территориального образования по данной методике позволит регулярно контролировать степень достижения соответствующих целевых параметров, оценивать деятельность органов местного самоуправления по созданию условий, стимулирующих инвестиционную и предпринимательскую деятельность, оценивать эффективность принятых управленческих решений, которые направлены на формирование инвестиционной заинтересованности у инвесторов по реализации на территориях регионов инвестиционных проектов.

В. Г. Графский¹

РОЛЬ ПРАВОВОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ

Наиболее общим и незаменимым условием нормального воспроизводства правового и культурного общения является социальный мир и поддерживающий его устойчивый порядок в деятельности самых разнообразных многочисленных учреждений общежительной направленности — индивидуальной или групповой.

Субъектами такого общения на индивидуальном уровне обычно считались и продолжают считаться (вслед за публицистами времен Великой Французской революции) человек и гражданин. Однако трагическая история XX века заставила по-новому размышлять о таком общении под воздействием «неразрешимых проблем и тупиков, в которые забрело человечество»², обратившись, в частности, к проблематике прав личности, уже не сводимых к совокупности прав человека и гражданина, но связанных с этой формулой мно-

жеством схожих ценностных правовых ориентаций и взаимозависимостей. В ценностной иерархии носителей и пользователей правами и свободами человека или группы людей на первое место стал выдвигаться человек как личность, которая, по мнению некоторых комментаторов (философа Г. Померанца и др.), должна стоять выше, чем класс, партия, государство и даже выше, чем народ или какой-либо из догматов распространенной веры.

Какие же перемены в общежительном опыте народов и стран стали в наше время особенно чувствительными и драматичными для восприятия социального общения или индивидуального, эгоцентристского обихода? В силу привычности и всеприсутствия во все времена на первом месте оказывается поляризация бедности и богатства, при которой «бедность плачет, а богатство скачет». Выражаясь сухой научной прозой, имеют место небывалая концентрация материальных, в первую очередь финансовых, ресурсов и связанных с ними возможностей у очень немногих и крайне стесненное положение — у всех остальных. Причем это стесненное положение не просто наличествует в данный момент, но очень надолго гарантировано.

Во взаимоотношениях культуры правового общения с культурой общения в социуме и государстве следует учитывать степень развитости той и другой и одновременно — степень обеспеченности главных духовных и организационно-мобилизационных устремлений участников общения в индивидуальном или групповом

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заведующий сектором истории государства, права и политических учений, доктор юридических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Государство и технократия. Историко-критическое исследование», «Всеобщая история права и государства», «История политических и правовых учений», «About heuristic and others possibilities of Integrative Jurisprudence at the Age of Prolonged Legal Cultural Pluralism», «Права личности: необходимо новое истолкование философско-правовой формулы», «Литература и право в культуре морального, эстетического и иного общения и переживания» и др. Член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ. Награжден Почетной грамотой Председателя Государственной Думы РФ.

² Малюкова Л. Л. Свет из бездны // Новая газета. 2018. 14 марта. С. 24.

воплощении. Именно здесь во всей полноте встает проблема масштабности того или иного вида общения и его результативности в воздействии не только на поведение всех его участников, но также на их воображение, память и, возможно, на корректирование жизненных установок самого общего или, напротив, некоего конкретного характера. Такое воздействие во многом обусловлено воплощаемой на практике социальной, а также материальной и духовной предназначенностью права в виде требований закона или правового обычая.

Помимо конкретного, как правило, эмпирически воспринимаемого результата своего предназначения культура помогает организовать или поддержать недостаточно упорядоченную коллективную жизнь индивидов и групп. Таким образом, в правовом общении можно выделить и при случае фиксировать общежительные свойства правового общения, которые одновременно являются свойствами и особенностями права как помощника социального регулирования в деле поддержания установок на справедливость, на гарантированную убеждением и принуждением воспроизводимость определенных и строго последовательных действий во имя достижения справедливости и других правовых целей и результатов в их иерархической упорядоченности и целевой ориентированности.

Если культура — это накопленные человеком и сохраняемые им материальные и культурные ценностные устремления во имя благотворной и счастливой жизни, то правовое общение — составная часть этого духовного настроя вместе с материальными и сиюминутными заинтересованностями различных ценностных ориентаций и воплощений. Приходится не без сожаления констатировать, что современные общественные науки все еще не содержат достаточно полных исследований ни правового общения как такового, ни его взаимосвязей с общей культурой. Эти недоработки видны, что называется, невооруженным глазом.

Обратимся в качестве примера к человеку как личности в разных ее измерениях (таких как половозрастное, семейное или профессиональное, дополненное политическим или космополитическим). Мы легко убедимся, что всеохватный портрет такой личности остается делом весьма проблематичным. Бытие личности в правовом общении становится труднообразимым не только в силу особой сложности права как социального или духовного компонента общения, но также вследствие того, что при универсалистском восприятии мы должны увязывать существование личности еще и с нашим разумением исторического времени, социокультурного пространства и многих иных, материальных или духовных обстоятельств ее существования.

Культура в ее широком восприятии настраивает нас также на восприятие ее воспитательного и иного родственного ему преобразовательного потенциала (достаточно вспомнить о воспитательном воздействии процесса предварительного следствия или более чем влиятельном в этом ракурсе процессе судопроизводства и вынесения приговора или иного важного решения). Иногда существенное влияние на правовое общение оказывают те или иные масштабные по воздействию сдвиги и радикальные перемены, происходящие в обществе и государстве. Возьмем в качестве примера так называемую сексуальную революцию 1960–1970-х годов, которая вызвала широкий отклик не только в молодежной среде, но также в других социальных группах. Она привела к таким фундаментальным сдвигам, как смена пола (превращение с врачебной помощью мужчины в женщину, и наоборот), к демонстративной оппозиции поколений и некоторым другим.

Проблематика правового общения с полярных позиций, то есть явления со многими социально общежительными плюсами и столь же заметными минусами, до сих пор слабо освоена и редко упоминается. Но это уже тема для специального обсуждения.

М. А. Давыдова¹

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Влияние культурных и религиозных факторов на развитие экономики может быть прямым (запрет ростовщичества в мусульманском праве) или косвенным (формирование ментальных установок, определяющих отношение к труду, собственности, богатству). Разумеется, религиозный фактор не является единственным и определяющим. Более того, в условиях глобализации заимствование международного опыта, удачных моде-

лей правового регулирования в значительной мере нивелирует влияние национальных особенностей на экономическое развитие. Не случайно в рейтинге ведения бизнеса Всемирного банка, оценивающим благоприятность условий для предпринимательской деятельности, лидирующие позиции занимают страны, принадлежащие к совершенно различным конфессиям (1-е место — Новая Зеландия, 2-е — Сингапур, 3-е — Дания, 4-е — Южная Корея и т. д.)². Выявить религиозную составляющую на фоне других обстоятельств, определяющих национальные или культурные особенности общественного сознания, не всегда возможно. Очень ярко это может быть проиллюстрировано на примере современной России.

¹ Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Автор 250 научных публикаций, в т. ч.: «Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое оформление», «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современности: актуальные проблемы» (в соавт.), «Юридическая техника. Общая часть» (учебник), «The main types of professional juridical thinking», «The philosophy of law in modern Russia» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Рейтинг стран // DoingBusiness: оценка бизнес-регулирования. <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 04.04.2018).

С одной стороны, исторически существенное влияние на национальный менталитет оказало православие. Считается, что православие сформировало в русском обществе нравственную ориентацию, которая всегда занимала одно из главных мест в оценке любой, в том числе предпринимательской, деятельности. Христианская нравственность со временем превратилась в культурную традицию¹. В этом смысле поиск взаимосвязей между православной этикой и установками сознания современных россиян вполне правомерен.

С другой стороны, значимость религиозного фактора снижается, если учитывать:

— многонациональный и многоконфессиональный характер российского общества;

— длительный советский этап, который: а) кардинально изменил отношение к религии в обществе и ее влияние на общественное сознание; б) характеризовался резко негативным отношением к предпринимательской деятельности, которое могло отразиться и на ее восприятии современными россиянами.

Для православия, в отличие от протестантизма, характерно отсутствие определенной хозяйственной и трудовой этики². Православная этика говорит не о том, как нужно себя вести, а о том, *каким* нужно быть. В итоге желание трудиться, не покладая рук, ради созидания, брать на себя ответственность за результаты своего труда чуждо массовому сознанию и не вызывает сопереживания. Мотивы стяжательства, корыстного обогащения, наоборот, понятны людям, но являются отрицательными, безнравственными. Отсюда предприниматель воспринимается обществом как «чужой», либо как «свой, но плохой» — ни тот ни другой вариант не предполагает приятия, сопереживания или моральной поддержки.

Подобное отношение к предпринимательской деятельности, безусловно, оказывает влияние на правовую практику. Влияние это имеет смысл рассмотреть как минимум на трех уровнях: *законодательном, правоприменительном и общественном*.

Законодательный уровень регулирования характеризует ряд недостатков, создающих трудности для предпринимательского сообщества:

— отсутствие стабильности законодательства (постоянно изменяющаяся нормативная база выступает фактором неопределенности, препятствуя планомерному развитию бизнеса);

— растущий объем нормативного массива (количество действующих нормативных актов таково, что освоить их даже без учета постоянных изменений крайне сложно);

— избыточность правового регулирования (заурегулированность отношений приводит к тому, что, совершая любое действие, субъект рискует нарушить какую-либо норму).

¹ *Малинина Н. Л., Дударенок С. М.* Православие и этические принципы российского предпринимательства // Сер. «Symposium»: Религия и нравственность в секулярном мире. СПб., 2001. Вып. 20. С. 58. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/malinina-nl/pravoslavie-i-eticheskie-principy-rossiyskogo-predprinimatelstva> (дата обращения: 04.04.2018).

² *Зарубина Н. Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 101–102; *Малинина Н. Л., Дударенок С. М.* Указ. соч.

Следствием этих недостатков становятся многочисленные законодательные ошибки, противоречия и пробелы, которые делают практически невозможным безупречное соблюдение всех действующих правил.

Не случайно в числе критериев, по которым в массовом сознании оценивается социальная роль предпринимательства, законопослушность и соблюдение социальных норм имеют наименьшее значение³. С одной стороны, специалисты связывают это с укоровившейся в народном сознании максимой «не обманешь — не продашь»⁴, то есть отсутствие законопослушности воспринимается как имманентная черта предпринимателя. С другой стороны, играет роль принципиальная невыполнимость многих законодательных требований. На самом деле стереотип об игнорировании предпринимателями требований законодательства не отражает реального положения вещей. Исследования, проводимые в 1990-е, а затем в 2004–2005 годах, продемонстрировали достаточно высокую сформированность правосознания предпринимателей, особенно заметную на фоне общего правового нигилизма: готовность придерживаться правовых норм, зрелость гражданской позиции, уровень правовых знаний предпринимателей по результатам этих исследований оказались выше средних показателей⁵. *Правоприменительный уровень* регулирования предполагает практическую реализацию установленных нормативными актами правил. Сложности, возникающие на этом этапе, также известны:

— административные барьеры (препятствия, которые бюрократическая система создает намеренно или просто в силу своей неповоротливости и безразличия ко всему, кроме поддержания и воспроизводства себя самой). В частности, такие критерии в оценке благоприятности условий ведения бизнеса, как получение разрешений на строительство, подключение к системе энергоснабжения, регистрация собственности, охватывают не столько нормативную сторону проблемы, сколько практическую реализацию существующих правил. Стоит подчеркнуть, что «специфическая российская проблема заключается не в конкретных административных барьерах, а в слабости механизмов по борьбе с ними. В развитых странах роль таких инструментов выполняет судебная система. Жизненно важно, чтобы работал механизм обжалования действий или бездействия государственных органов, их должностных лиц. Тогда те или иные очаги чиновничьего самоуправства, бесполезных требований и административной волокиты будут оперативно гаситься»⁶;

— избирательное правоприменение (когда каждый находится под угрозой того, что именно к нему могут быть применены «спящие» нормы). С одной стороны, уследить за соблюдением бесчисленных правил госу-

³ *Имаева Г. Р.* Теоретико-методологические аспекты изучения социальной роли малого и среднего предпринимательства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 151.

⁴ Там же.

⁵ *Ясюкова Л. А.* Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб., 2008. С. 94–95.

⁶ Знакомьтесь, административные барьеры, или Государственное регулирование бизнеса по-русски / А. Б. Жулин [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2014. С. 171.

дарство оказывается просто не в состоянии. С другой стороны, ему удобно держать всех в статусе потенциальных правонарушителей. Нет сомнений в том, что данную проблему также могла бы решить независимая судебная система.

Все сказанное формирует картину государства, настроенного к бизнесу крайне негативно. Вероятно, в качестве причины подобного отношения можно было бы рассмотреть восходящие к православию особенности российского менталитета. Однако гораздо логичнее и правдоподобнее оно объясняется корыстными мотивами. Предпринимательское сообщество, с одной стороны, является платежеспособной категорией населения, выступающей источником государственных доходов. С другой стороны, предприниматели — это люди, которым есть что терять, поэтому можно обременить их дополнительной социальной ответственностью, обязательствами, которые они примут на себя, стремясь сохранить свой бизнес. Вряд ли государство нуждается в дополнительных этических основаниях такого выгодного для себя «сотрудничества» с бизнесом.

Общественный уровень предполагает оценку массовым сознанием всего происходящего в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности. К сожалению, преобладает в этой оценке пренебрежительно-негативное отношение к предпринимателям, которое и делает возможным и допустимым

государственный произвол. И речь здесь не только об отсутствии или слабости гражданского общества, которое по идее должно встать на защиту предпринимателей от государства, а о значительной доле равнодушия, а иногда и злорадства по поводу того, что происходит на арене битвы предпринимателей с государством.

Итак, в современной России можно обнаружить множество проявлений недоброжелательного отношения к предпринимательству. Часть из них исходит от государства, другая — от общества. Возвращаясь к вопросу об истоках подобного отношения, стоит, вероятно, признать, что в мотивах государства в целом и отдельных его чиновников гораздо проще увидеть корысть и стремление к обогащению (официальному — через налоги и другие платежи и неофициальному — через коррупцию) за счет предпринимательства, чем религиозное презрение к стяжательству. Иначе обстоит дело с гражданским обществом, которое в иных условиях могло бы встать на защиту бизнеса от государства, но не делает этого, так как не воспринимает предпринимателей как «своих», не разделяет их ценностей (истоки такого отношения, вероятно, можно связать и с православной этикой). Именно такое попустительство со стороны общества позволяет государству ощущать свое моральное право на эксплуатацию бизнеса.

А. А. Джагарян¹

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФАКТОР ПРОГРЕССА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Необходимость преодоления имеющей глобальный характер тенденции бюрократического кризиса традиционных отношений публично властвования, преодоления дефицита демократии в функционировании наднациональных структур и устранения деформаций, свойственных государственному народовластию, насущная потребность поиска и отработки новых форм взаимоотношений личности и государства на основе инициирования, активизации, стимулирования социальных инициатив, гуманизации и демократизации экономической системы, формирования интерактивного диалога публичной власти и гражданского общества — все это выдвигает на первый план в обсуждении актуальных проблем мирового развития и осмысления контуров будущего вопросы, связанные с аксиологическим и институциональным сбалансиро-

ванием начал централизации и децентрализации в публично-политической системе, финансово-экономических и социальных отношениях.

Сочетание централизации и децентрализации, синтез между принятием решений сверху вниз и снизу вверх (через принцип совместного управления), достижение на этой основе гуманной соразмерности в отношении труда, государства — намеченный на междисциплинарном уровне путь к здоровому обществу, реализации так называемого нормативного гуманизма². В юридическом, конституционно-правовом плане это означает, что вопросы устройства, функционирования публично-политических, финансово-экономических институтов должны раскрываться с акцентом на приобщение человека к реализации политической, экономической власти как форме выражения его свободы, автономии. В современных условиях утверждения культурного типа человека постинформационного общества очевидным является запрос, в частности, на развитие институтов внутрикорпоративной демократии, расширение прямого участия общественности в принятии и контроле финансово-бюджетных решений, создание инклюзивных инструментов реализации культурной политики как открытой системы общественного диало-

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 170 научных работ, в т. ч. монографий: «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России» (в соавт.), «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» (в соавт.), «Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики)» (в соавт.), «Правосудие: ориентация на Конституцию» (в соавт.) и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

² См.: *Фромм Э. Здоровое общество*. М.: АСТ, 2016. С. 352–353, 373–375.

га, где деликатность не является содержательным препятствием для самовыражения, но налагает формально-процедурные рамки и условности.

В рамках осмысления этой проблематики следует учитывать, что государственная и экономическая эффективность во многом определяются соотносимостью между типом политико-хозяйственной системы и типом национальной культуры, способностью публично-социальных, экономических институтов обеспечивать воспроизводство национального уклада жизни в сочетании с необходимыми инновациями, проистекающими из естественных условий развития национального сообщества. В этом плане в современных условиях принципиально важную роль одного из ключевых институциональных факторов общественного прогресса приобретает местное самоуправление, образующее уникальный сплав власти и свободы местных сообществ, форму публично-территориальной самоорганизации людей по месту жительства для удовлетворения основных жизненных потребностей на основе совместного правопользования.

Следует учитывать, что общественный прогресс, не тождественный перманентному росту, а рассматриваемый как нелинейное, неравномерное, диалектическое усложнение общественных отношений, во многом определяется наличием адекватных типу данного общества институциональных средств выражения и преодоления социальных противоречий. Качество механизма урегулирования социальных противоречий обуславливает качество развития общества. Демократическая культура конституционного общества, основанного на полицентризме, предполагает неограниченные возможности заявления вновь появившихся социальных интересов и достаточную глубину дифференциации институтов, способствующих урегулированию возникающих между такими интересами коллизий. Именно местная, прежде всего городская, среда является сегодня во все большей степени источником новых творческих веяний, экономических стартапов и социально ориентированных проектов, здесь формируется основная повседневность человека. И именно местная среда непосредственно испытывает

на себе наиболее актуальные вызовы глобальных проблем, порождаемых расширением обывательского индивидуального террора, экологическим истощением, транспортным кризисом, миграцией. Продолжающиеся в российских политических и экспертных кругах дискуссии о судьбе местного самоуправления порой обнаруживают конъюнктурное, но от того не менее решительное стремление обозначить разрыв с европейскими ценностями муниципальной демократии, а в конечном итоге — ревизовать конституционную модель местного самоуправления в пользу государственного управления на местах. Манифестируемые принципы «традиционной вертикали власти», «единства управленческой команды» и им подобные слабо соотносятся с конституционным признанием самостоятельности местных сообществ как естественных, полноправных субъектов конституционно-правовой жизни. Насколько учитывается здесь, помимо прочего, что политико-правовая культура, хозяйственный быт России пронизаны идеей общинности в том ее понимании, где порой безудержный в своих формальных проявлениях коллективизм причудливым образом сочетается с той психологической основой личности, которую И. А. Ильин тонко охарактеризовал как «равнинную недисциплинированность» и «славянский индивидуализм»?¹

Финансово-экономическая турбулентность, суровость обстановки не опровергают, а подчеркивают ценность местного самоуправления в системе российской государственности для «очеловечивания» ее функциональных итогов, реального приобщения личности к политическим и хозяйственным аспектам суверенитета. Принципиально важны в этом плане вопросы демократизации, расширения выборности в муниципальной политике, стимулирования свободы в развитии муниципального хозяйства (включая обособление класса муниципально-правовых организаций), расширение социальных функций местного самоуправления как традиционной основы для воспроизводства национальной культуры и коммунального обустройства, налаживания межнационального, межкультурного диалога на принципах равноправия.

¹ См.: *Ильин И. А. Наши задачи* // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2, кн. 1. С. 409.

А. А. Дорская¹

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАВМ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ²

Категория «социокультурное пространство», не являющаяся правовой, стала применяться юристами с XIX века. Так, уже представители исторической школы права рассматривали правовые обычаи и традиции как независимые переменные.

Огромное значение в развитии понятия социокультурного пространства имели работы Мориса Хальбвакса (1877–1945) — ученика Э. Дюркгейма. Благодаря ему такие важнейшие характеристики социокультурного пространства, как социальное пространство и социальное время, стали рассматриваться как социальные конструкции. Он считал, что именно на конструирование пространства и времени, а не на фиксацию отдельных воспоминаний-«ориентиров» направлена главная работа общества по формированию коллективной памяти³.

Дальнейшее развитие науки показало, что социальное пространство и социальное время неразрывно связаны между собой. В рамках данного направления стало развиваться еще одно важное понятие — социальная травма. Возникшее в рамках социологии, оно достаточно быстро стало применяться и в других гуманитарных и общественных науках, в том числе в юриспруденции. Наибольший вклад в развитие категории социальной травмы внесли известный американский социолог Дж. Александер (род. в 1947 г.), который считает, что социальная травма — это культурный конструкт, приписывание обществом какому-то реально произошедшему или вымышленному событию статуса «страшного», оставившего в коллективной памяти неизгладимый след⁴, а также выдающийся польский социолог П. Штомпка (род. в 1944 г.), рассматривающий как травму социальные изменения в целом и определяя ее основной причиной противоречия и даже конфликт культурных ценностей и смыслов социальной реальности⁵.

Роль правового фактора в предотвращении и преодолении социальных травм и их последствий значительна, причем это касается и международного, и на-

ционального уровня. Право, являющееся универсальным социальным регулятором, может рассматриваться как превентивная мера, не позволяющая социальной травме возникнуть или перейти на новый этап развития, и как способ блокировки уже имеющейся социальной травмы.

Например, для мирового сообщества на протяжении долгого времени достаточно «травматичным» было понятие территории в международном праве. Борьба за территории была причиной большинства войн. Идея сотрудничества суверенных государств в рамках ООН как универсальной международной организации, деятельность которой направлена на мирное развитие и обеспечение безопасности, во многом изменила международно-правовые представления о категории «территория». Это нашло отражение в принципах территориальной целостности государств, нерушимости государственных границ и самоопределения народов и наций. На протяжении второй половины XX века поколения, прошедшие Вторую мировую войну, придавали приоритетное значение первым двум принципам, однако в начале XXI века стали предлагаться новые принципы конструирования социального пространства.

К современным социальным травмам, которые отчасти преодолеваются с помощью международно-правового регулирования, относятся события Второй мировой войны. Ее итоги с точки зрения института юридической ответственности были подведены на Нюрнбергском и Токийском трибуналах, Уставы которых долгое время выступали основными документами в определении международных преступлений. Однако в последнее время конструирование социального времени стало проводиться по другим принципам. Терминология Статута Международного уголовного суда отличается от выработанных понятий уставов Международного военного трибунала и Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Преступления против мира трансформировались в агрессию, преступления против человечества — в геноцид и преступления против человечности. Однако ряд стран в национальном уголовном законодательстве сохраняет старые формулировки. Например, преступления против мира, преступления против человечества⁶, характерные для Устава Нюрнбергского трибунала, неизменно сохраняются в разделе XII Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против мира и безопасности человечества».

Но есть и другой подход. Определенные решения Большой палаты Европейского суда по правам человека, в частности по делу советского партизана В. М. Ко-

¹ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности», «Правовые традиции России и развитие права международных организаций» и др. Член Российской ассоциации международного права, Российского историко-правового общества. Награждена медалью и премией Европейской академии.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

⁴ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

⁵ Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

⁶ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. С. 165–172.

нонова против Латвии, обвиненного в геноциде¹, свидетельствуют о пересмотре решений Нюрнбергского трибунала, так как преступником признан человек, сражавшийся против нацизма.

Сейчас наблюдается борьба этих двух тенденций. 16 ноября 2017 года Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН большинством голосов принял российскую резолюцию о борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами дискриминационных практик. За предложенный Россией документ проголосовали 125 государств². Это значительная победа России, поскольку в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 354.1, запрещающая «реабилитацию нацизма», была введена еще в мае 2014 года.

На национальном уровне имеются собственные социальные травмы, требующие правового разрешения. Например, для Российской Федерации, как и для многих стран мира, к социальным травмам относятся, во-первых, развитие терроризма, что нашло свое отраже-

ние в том, что Россия подписала все международные конвенции о противодействии терроризму. Во-вторых, многовековая неурегулированность многих видов общественных отношений нормативным путем, незначительная роль права среди социальных регуляторов породила «законодательный бум» в начале XXI века. Сегодня данное явление также является достаточно травматичным, так как правовая система серьезно усложнилась и оптимального соотношения права с другими регуляторами общественных отношений еще не найдено.

Таким образом, социальные травмы занимают сегодня важное место в конструировании социокультурного пространства, обозначая наиболее болезненные события и явления прошлого и определяя ценностные ориентиры современности. Право является важным регулятором, способствующим преодолению переживаемых обществом социальных травм и предотвращающим возникновение новых.

В. Ю. Дунаев³

СУБЪЕКТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Традиционная концепция идеологии как ложного сознания исходит из того, что идеологические представления о сущности общества становятся частью самой этой сущности, ее структурно необходимым конструктивным элементом. Превращением идеологии в свой собственный симулякр производится инверсия отношения идеологии и реальности. Из «превращенной формы» мышления идеология преобразуется в ее «превращенное основание». Славой Жижек отмечает: «Если пользоваться классическим пониманием идеологии, относящим иллюзию исключительно к сфере «знания», то современное общество выглядит как постидеологическое: преобладает идеология цинизма; люди больше не верят в идеологические «истины»; они не воспринимают идеологические утверждения всерьез»⁴.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 17.05.2010 г. Дело «Кононов (Kononov) против Латвии» (жалоба № 36376/04) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Рос. изд. 2010. № 8. С. 3, 84, 139.

² Лихоманов П. ООН приняла российскую резолюцию по борьбе с нацизмом // Российская газета. 2017. 16 ноября. URL: <https://rg.ru/2017/11/16/oon-priniala-rossijskuiu-rezoliuciiu-poborbe-s-nacizmom.html> (дата обращения: 18.02.2018).

³ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Республика Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. 23 индивидуальных и коллективных монографий: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Философия познания: век XXI» (в соавт.), «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Социокультурное развитие Казахстана в условиях виртуализации информационно-коммуникативных практик» (в соавт.) и др. Награжден медалями «За заслуги в развитии науки», «20 лет независимости Республики Казахстан».

⁴ Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Худож. журнал, 1999. С. 39.

После низвержения традиционных норм общественной нравственности моральным основанием прав человека становится борьба против всевозможных форм дискриминации, то есть процесс легализации/легитимации доселе девиантных форм поведения в соответствии с технологией Окна Овертона. При этом «шарнирами» Окна Овертона являются именно права человека. Поражают стремительность, целеустремленность и безапелляционность, с которыми Окно Овертона распаивается для всякого рода социальных и индивидуальных патологий как «непристойной изнанки» процесса колонизации «жизненного мира» абстрактными системами юридически-правовых отношений, и захлопывается для любых форм протеста против разрушения традиционных социальных норм и ценностей. Идеология в «постидеологическую» эпоху нигде не исчезает, но мутирует, становясь технологией тотальной симуляции политических, социальных, культурных феноменов, инструментом «ошеломляющего манипулирования общественными отношениями»⁵. Если идеологи эпохи Просвещения ставили своей задачей производство и репрезентацию смысла (политического, культурного, социального), то политико-идеологические системы современности озадачены производством социального спроса на смысл, потребности в смысле. Например, как создать и продвигать спрос на либеральные ценности прав человека в странах арабо-исламской культуры, или как создать потребность стран Дальнего Востока в западноевропейской модели правового обеспечения социального порядка?

Дух и практику мультикультурной толерантности современный Запад считает признаками собствен-

⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 130.

ного культурного превосходства, связанного с принципом священности неотчуждаемых прав человека и гражданина. В Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО, утверждается, что толерантность формируется на основе признания универсальных прав и свобод человека. Однако для западноевропейского «идеологического воображаемого» диссонансом звучит тот факт, что нормативные модели социальной солидарности в дальневосточных культурах построены не на *минимально необходимом*, а на *максимально возможном* уровне толерантности.

Высокий уровень толерантности вполне совместим с культурами, несовместимыми с западноевропейским понятием «прав человека». Показательно в этом плане описание «имперской», или «оттоманской» модели толерантности итальянцем Н. Бизани, посетившим Стамбул в 1788 году. Н. Бизани пишет: «Чужестранец, наблюдавший нетерпимость Лондона и Парижа, был бы сильно удивлен, увидев здесь церковь рядом с мечетью и синагогой, а дервиша — рядом с монахом-капуцином <...> Но что еще более поражает, так это дух терпимости, преобладающий среди людей!»¹. Западные хронисты Плано Карпини и Рубруквис отмечали религиозную терпимость ордынского ханства: «Минорит Рубруквис сам был свидетелем, как перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторианские духовные лица, потом муллы магометанские, наконец, языческие жрецы»².

Эпоха постмодернизма характеризуется Жаном Бодрийяром как эра господства чистых, ирреферентных и бессубъектных симулякров. Неразличимость или взаимообратимость истинного или ложного в самореферентном дискурсе, симулирующем интерпретацию событий, — главное отличие мутировавшей идеологии эпохи постмодернизма от идеологии традиционного типа, выдающей себя за истину. Поэтому разоблачения и саморазоблачения идеологии как ложного сознания не меняют ровным счетом ничего в мире симулякров как структурного воплощения смысловой неопределенности реальности.

В пространстве симулякров, по ту сторону истинного и ложного, сводится на нет также рациональное различие правового и неправового. В классической философско-политической мысли претензии идеологических концептов на всеобщность обеспечивались программами очищения интеллекта от предрассудков и аффектов. В современном мире идеология конструирует модель-симуляцию, соотносящуюся не с универсалиями разума, но с групповыми аффектациями. Моралистический модус идеологизации прав человека возникает на фундаменте *argumentum ad personam* по формуле Ницше: надо спрашивать не о том, *что* говорится, а о том, *кто* говорит. Права человека как идеологический симулякр — это то, что отстаивают и защищают «хорошие парни» и нарушают «плохие парни». Разделение на «плохих» и «хороших» является фундаментальной идеологической операцией, находящейся

«свое законченное выражение в такой предельно идеологичной машине, как Голливуд»³.

Понятие «человек» в синтагме «права человека» является ключевым моментом в процедурах ее идеологизации. Кэтрин Макнейли отмечает, что «человек» в концепции прав человека не является «естественным» понятием, как заставляет нас поверить либеральный дискурс, но это «принципиально политическое творение»⁴, созданное в рамках определенной культуры и отражающее связанные с ними режимы и репрессивные дискурсы политической власти. Субъектом прав человека «Века идеологии» выступал картезианский чистый (трансцендентальный) субъект свободного духовно-интеллектуального самоопределения как рациональной основы социально грамотной жизни. Субъектом прав человека современных правовых доктрин является хайдеггеровский *das Man* — ничем не отличающийся от себе подобных человек массы, анонимный и безликий носитель конвенциально принятых норм усредненной повседневности.

Внешнее сходство правового субъекта в этих двух доктринах заслоняет их противоположность по существу.

Статья 2 Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что обладать всеми перечисленными в Декларации правами и свободами должен каждый человек «без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»⁵. Этот «каждый человек» и есть *das Man* как ложный двойник, симулякр просвещенческого субъекта прав человека. *Das Man*, формирующийся через перечисление не принадлежащих ему различительных признаков, не обладая, по словам Ж. Бодрийяра, «ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией»⁶, выступает пустой, бессодержательной абстракцией.

С. Жижек отмечает, что, в соответствии со своим формальным принципом («жестоким актом абстракции»), демократия фундаментально «антигуманна»: она делается не по мерке человека (конкретного, реального) и модели общества как объединения, пронизанного органическими связями (*Gemeinschaft*), но по мерке бессердечной формальной абстракции и по модели общества как внешней механической агломерации атомарных индивидов (*Gesellschaft*). В понятии демократии нет места полноте конкретного человеческого содержания: «Демократия *есть* формальная связь абстрактных индивидуумов», но именно поэтому «она всегда остается привязанной к случайному моменту позитивности»⁷. Постмодернизм сознательно и целенаправленно привязывает право-

³ Жижек С. Аватар: упражнение в политически корректной идеологии // Лаканалия. 2010. № 4. С. 78.

⁴ McNeilly K. After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human // Rights Law and Critique. 2016. P. 15.

⁵ Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

⁶ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 10.

⁷ Жижек С. Глядя вкось. Введение в психоанализ Лакана через массовую культуру. URL: <http://www.read.in.ua/book234643>

¹ Жижек С. Против прав человека. URL: http://www.redflora.org/2012/10/blog-post_23.html

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Кн. II. Т. 3–4. С. 145.

сознание к особенным, контингентным содержаниям прав человека. Идеологическая инверсия естественно-правовых представлений в эпоху постмодерна совершается посредством применения процедуры *pars pro toto*. Отставание прав человека — это отныне борьба

не за равноправие, а за эксклюзивные права. При этом партикулярные права меньшинств, вопреки риторике неолиберального мультикультурализма, не *восполняют* структуру правового поля, а *замещают* собой универсальность прав человека.

С. А. Дятлов¹

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ²

В современных условиях идет формирование новой научно-мировоззренческой парадигмы, возникает и становится стратегической целевой доминантой социокультурный нейросетевой императив развития общества. Под влиянием новейшей соционейросетевой, нанобиотехнологической революции происходят глубинные трансформации всех сфер жизни общества, что обусловлено переходом к цифровой гиперконкурентной стадии развития. В настоящее время разворачиваются процессы новейшей социокультурной и информационно-технологической нейросетевой экономической революции, которая ведет к трансформации целевого императива, научно-мировоззренческой парадигмы, социокультурного кода развития человеческой цивилизации, что приводит, в свою очередь, к новому уровню социально-экономических отношений. Речь идет о динамичном развитии двух взаимосвязанных процессов: нейросетевой технологической революции в экономике и соционейроморфной революции в культуре.

Сегодня под влиянием тотальных цифровых нейросетевых технологий происходит интегративная конвергенция различных сфер (информационных пространств) общественной жизни (культуры, науки, образования, искусства, экономики, политики), границы между ними становятся более проницаемыми, коммуникационные связи — более тесными, методы и инструменты — более гибкими и универсальными. При этом глобальная инновационная гиперконкуренция становится доминантным фактором динамичного развития не только экономики, но и культуры, политики, науки, образования, медицины и искусства.

Следует отметить, что наряду с экономикой в глобальное нейросетевое пространство активно проникают культура, политика, образование, наука, искусство,

которые также производят новый информационный контент и осуществляют свою деятельность в новых гибридных социокультурных нейросетевых формах.

В рамках информационно-сетевой парадигмы социально-экономического развития формулируются фундаментальные принципы и методологические положения, которые могут стать основой для системного исследования целого ряда новых понятий цифровой эпохи. В условиях динамичного развития информационных нейросетевых технологий возникает новое качество жизни, которое может быть названо «сетевой образ жизни», а также экономики — «цифровая нейросетевая гиперконкурентная экономика»³.

Новое интегративное научное направление «цифровая нейросетевая экономика» представляет собой глобальную гиперконкурентную электронно-сетевую, соционейроморфную экономическую систему, имеющую интегративную сложно организованную распределенную многоуровневую структурно-функциональную организацию, институциональная матрица которой включает интегративно-сетевые многоуровневые сообщества производителей, потребителей, посредников и управленцев, а также институты планирования, координации, регулирования и контроля, обеспечивающие получение многообразных нейросетевых эффектов, реализацию гиперконкурентных преимуществ и защиту прав на новые нейросетевые объекты интеллектуально-сетевой собственности⁴.

В новых условиях традиционная структура экономики «сетезируется», гуманизируется, трансформируется и приобретает целый ряд новых свойств. Глобальная цифровая нейросетевая экономика на основе использования наноцифровых, нейросетевых технологий расширяет свои традиционные границы и получает новое сетевое гуманитарно-культурологическое качество.

Нейросетевые технологии трансформируют предмет исследования традиционных наук. В 2003 году возникла новая дисциплина «Нейроэкономика», которая развивается на основе синтеза нескольких наук: информационной экономики, поведенческой экономики, кибернетики, психологии, когнитивной нейробиологии и нейрофизиологии. В широкий научный оборот понятие «нейроэкономика» ввел Пол Глимчер

¹ Профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук. Автор 450 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Энейросетевая гиперконкурентная экономика», «Энтропийная экономика: методология исследования глобального кризиса», «Электронное правительство в цифровой энейросетевой экономике» (в соавт.), «Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование» (в соавт.), «Теория инноваций: инновации в условиях цифровой экономики» (в соавт.), «Основы концепции устойчивого развития» и др. Член Экспертного совета по экономике Российского фонда фундаментальных исследований, эксперт Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ. Награжден почетной медалью им. В. В. Леонтьева «За достижения в экономике», медалью им. В. И. Вернадского, почетной грамотой Российского гуманитарного научного фонда.

² Статья подготовлена при грантовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-02-00531а.

³ Дятлов С. А. Нейросетевая гиперконкурентная экономика: структурные элементы и институты // Инновации. 2016. № 6 (212). С. 18–22.

⁴ Дятлов С. А. Энейросетевая гиперконкурентная экономика. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017.

(Paul W. Glimcher)¹. С 2005 года существует Сообщество нейроэкономистов (Society for Neuroeconomics)². Активные исследования в этой области ведутся, например, в Центре нейроэкономических исследований Университета Джорджа Мэйсона (США), в Высшей школе экономики, НИУ информационных технологий, механики и оптики (Россия).

В современных условиях формируются и реализуются международные и национальные нейросетевые программы и проекты, направленные на достижение гиперконкурентного инновационного развития. В рамках программы Евросоюза *Horizon 2020 — The Framework Programme for Research and Innovation* реализуется десятилетний проект *Human Brain Project*, на финансирование которого выделена сумма в размере 1,2 млрд евро³. В реализации данного проекта участвуют 120 научно-исследовательских коллективов разных стран, представляющих ведущие университеты, промышленные структуры, а также 8 ведущих европейских исследовательских центров. Конечным результатом реализации данного проекта является создание к 2023 году интерфейсов «мозг — компьютер», нейроморфных нанотехнологических систем и прототипа искусственного мозга человека. Важной задачей является разработка этических норм, оценка социальных последствий и возможных рисков от реализации проекта Human Brain Project.

В России в рамках национальной технологической инициативы реализуются нейропроекты и функционируют регулирующие институты, которые основываются на нормативных актах⁴. Координирует исследования, разработку и продвижение указанных форсайт-проектов Министерство образования и науки Российской Федерации, а основные функции — автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив»⁵.

В июле 2017 года была принята разработанная Правительством РФ (Минкомсвязи) федеральная про-

грамма «Цифровая экономика Российской Федерации», рассчитанная до 2025 года. На реализацию этой программы предполагается выделить 100 млрд рублей на ближайшие три года. Программа состоит из пяти направлений, посвященных нормативному регулированию, образованию, кадрам, кибербезопасности, формированию исследовательских компетенций и IT-инфраструктуре⁶. В августе 2017 года было принято постановление Правительства РФ⁷, которое обеспечило нормативную основу для создания российской системы управления и реализации программы «Цифровая экономика», включая создание ряда федеральных правительственных институтов и структур. Для реализации программы создана автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика», которая зарегистрирована в Минюсте России 26 сентября 2017 года.

Следует отметить, что в цифровую эпоху важнейшими задачами являются разработка мировоззренческо-этических норм, оценка социальных последствий, обеспечение информационной и гуманитарной безопасности, оценка возможных рисков для общества и граждан от реализации проектов и программ «Цифровой экономики».

В современных условиях социокультурный нейросетевой императив развития общества задает параметры трансформации всей системы общественных отношений, формирования нового социокультурного кода развития человеческой цивилизации. В целом разработка и реализация концепций, программ, технологических платформ, проектов, институтов реализации социокультурного нейросетевого императива и динамичного развития цифрового конвергентного пространства жизни человеческого общества и всех его сфер являются доминантными целевыми параметрами динамичного инновационного развития в условиях усиления глобальной инновационной гиперконкуренции в XXI веке.

¹ Glimcher P. W., Rustichini A. Neuroeconomics: the consilience of brain and decision // Science. 2004. № 306. P. 447–452.

² <http://www.neuroeconomics.org>

³ Horizon 2020 — The Framework Programme for Research and Innovation / European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020>; Human Brain Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu>.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2015 г. № 1141 «О порядке разработки, утверждения и реализации планов мероприятий (дорожных карт) Национальной технологической инициативы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 44, ст. 6135; Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы».

⁵ Национальная технологическая инициатива. URL: <http://asi.ru/nti>.

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.06.2017 г. № 1632-р.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.08.2017 г. № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».

Г. П. Ермолович¹**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ**

Все страны мира ведут борьбу с коррупцией, ибо это преступление не является локальной проблемой. Международное сообщество постепенно наращивает свои усилия в противостоянии этому преступлению. Первый шаг в данном направлении был связан с разработкой ряда скоординированных действий на глобальном уровне. Эти поиски взаимоприемлемых решений в 1950–1960-х годах привели к осознанию необходимости проведения скоординированной внутренней политики по пресечению коррупции. Ряд стран — Бельгия, Великобритания, Германия, Индия, Корея, США, Сингапур, Португалия, Таиланд, Япония, Франция, Финляндия и другие — предприняли целенаправленные шаги в данном направлении и сделали борьбу с коррупцией одним из приоритетов своей внутренней политики.

В дальнейшем, примерно в 1970-е годы, мир подошел к решению этой проблемы на более высоком уровне. Генеральная Ассамблея ООН в 1975 году приняла резолюцию № 3514, в которой осуждалась коррупция и содержался призыв к странам — членам ООН продолжать усилия в данном направлении.

Вновь к данному вопросу вернулись при обсуждении роли полиции в государстве и ее противостояния коррупционным явлениям. Согласованная позиция стран по данному вопросу была отражена в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1979 года, приложение к ней содержало Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, который призывал сотрудников «всемерно препятствовать таким актам и бороться с ними»².

В третий раз к теме коррупции международное сообщество обратилось в 1980–1990-е годы. В 1996 году Генеральная Ассамблея ООН резолюцией № 51/59 приняла Международный кодекс поведения государственных должностных лиц. В нем были сформулированы общие принципы деятельности для государственных должностных лиц, а именно: сообщать сведения о своих активах, отказываться от подношений и подарков и пр.

Также в 1996 году Резолюцией № 51/191 Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях, в соответствии с которой странам рекомендовалось разрабатывать и применять стандарты и кодексы в области предпринимательской деятельности, признавать преступным незаконное обогащение государственных чиновников и др.

Данные резолюции в каком-то смысле подготовили международное сообщество к принятию еще более решительных мер по борьбе с коррупцией на международной арене в виде международных договоров, к которым можно отнести Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года.

Итоговый шаг в данном направлении был связан с принятием в 2003 году резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в приложении к которой содержалась универсальная Конвенция ООН против коррупции³.

До принятия Конвенции 2003 года в мире выделяли три вида коррупции: в высших эшелонах власти (в политических, финансовых и административных кругах), в аппарате государственного управления (чиновники различного уровня, полицейские, таможенники), в сфере коммерческой деятельности (торговля, банковские служащие).

Конвенция в гл. 3 расширила перечень коррупционных деяний, отнеся к ним злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 18), злоупотребление служебным положением (ст. 19), подкуп в частном секторе (ст. 21), хищение имущества в частном секторе (ст. 22), отмывание, сокрытие доходов от преступлений (ст. 23, 24), воспрепятствование отправлению правосудия (ст. 25), незаконное обогащение (ст. 20) и др.

Параллельно с данными мерами на глобальном уровне в мире шло масштабное противостояние коррупции на региональном и межрегиональном уровне.

Примером функционирования на межрегиональной основе является деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая в 1997 году приняла Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц в международных коммерческих сделках. В соответствии с данной Конвенцией государства-члены обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку во всех вопросах, включая выдачу преступников.

Свой вклад в борьбу с коррупцией вносят и двусторонние договоры, которые призваны детализировать и уточнять многосторонние конвенции. В настоящее время Российская Федерация в лице Генеральной прокуратуры подписала более 60 двусторонних соглашений по борьбе с коррупцией.

Вторым шагом по борьбе с коррупцией можно назвать институционный механизм, чья деятельность связана со всеми субъектами международного права. Наряду с ООН, Интерполом, Европолом заметную роль играют и другие межгосударственные объединения.

Например, выполнение Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года и Европейской конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 года контролирует ряд стран, которые объединились в организацию

¹ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Население и полиция: противостояние преступности в США», «Полиция. Общество. Преступность в США», «Международное право» (учеб. пособие), «Неправительственные организации против преступности» и др.

² Международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. М.: Междунар. отношения, 1993. Вып. 2. С. 462.

³ По состоянию на 2017 год — 181 страна-участница. РФ ратифицировала Конвенцию в 2006 году.

«Группа государств против коррупции» (ГРЕКО). Соглашение об учреждении такой группы было принято в 1999 году. Комитет министров Совета Европы еще в 1996 году принял Программу действий по борьбе с коррупцией, и ГРЕКО контролирует ее соблюдение.

В соответствии с Уставом этой организации, цель Группы заключается в повышении эффективности борьбы с коррупцией. Действуя на многосторонней основе, эксперты стран-участников контролируют соблюдение участниками своих обязательств; выявляют «узкие» места и компенсируют недостатки в национальном механизме борьбы с коррупцией.

Третий шаг в борьбе с коррупцией связан с внутригосударственными проблемами и усилиями по их решению. Несмотря на то, что в отечественных публикациях отдельные меры уже предлагались, хотелось бы их уточнить и дополнить¹.

Во-первых, не стоит забывать, что успех в борьбе с коррупцией во многом зависит от наличия политической воли в стране, от желания руководства государства переломить ситуацию и продемонстрировать не только своим гражданам, но и всему миру, что это не разовая, показательная акция, а долгосрочная стратегия. Примеры Сингапура и более крупных стран показывают, что это можно осуществить даже в такой огромной стране, как Российская Федерация².

Во-вторых, необходимо совершенствование национального законодательства. Полагаю, что в России требуется ратификация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 года. Внятного и убедительного обоснования, почему этого не было сделано в Федеральном законе РФ № 40 от 8 марта 2006 года, пока не прозвучало. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин по случаю 20-летия Конституции РФ отметил: «Значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать, порождает рост коррупции»³.

Думается, что действия Великобритании в 2018 году в отношении изъятия недвижимости, приобретенной на непонятные доходы, стало началом большой работы, которую надо было бы продолжать в России.

В-третьих, стоит обратить внимание на бедственную ситуацию с образованием в России. Пока публикации на эту тему затрагивают, как мне кажется, спорные вопросы: авторы предлагают закрыть все негосударственные высшие учебные заведения, запретить продвижение в науке детей руководителей вузов и т. д. Полагаю, что необходимо изменение коренного подхода к российскому образованию.

В-четвертых, требует совершенствования и уголовное законодательство. Полагаю, что в России требуется внести правовое понятие «рейдерство» и уста-

новить за него ответственность. За последних полтора года из 1800 обращений в Генеральную прокуратуру России 40 % касались попыток отъема бизнеса⁴. Можно было бы обратиться к бизнес-омбудсмену В. Титову по этому вопросу, но полагаю, что это порочная практика. И не только потому, что это не в его компетенции, но и потому, что такой подход необъективен по отношению к лицам других профессий. Почему учителя, врачи и лица других профессий не имеют государственного чиновника по отстаиванию их прав и интересов по всей России? Разве у них нет проблем, которые надо бы напрямую транслировать руководству страны?

В-пятых, реформирование нашей судебной системы очень затянулось. То, что современное состояние организации правосудия в России не отвечает насущным проблемам, кажется, очевидно. Известно, что по данным за 2004 и 2017 годы фонда «Общественное мнение», которое регулярно проводит мониторинг ситуации по актуальным вопросам, волнующим население страны, более 50 % граждан не доверяют судьям в России. Если к этому добавить количество исков к нашему государству в Европейском суде по правам человека, то можно понять, что правовое государство — очень отдаленная перспектива для нашей страны, несмотря на декларацию этого тезиса в уже первой статье российской Конституции.

В-шестых, на пути эффективной борьбы с коррупцией стоят административные барьеры. Зарегулированность, забюрократизированность некоторых процедур — это тоже своеобразная кормушка для чиновников, нечистых на руку. Чем скорее придет осознание этой проблемы, тем более успешными будут результаты в борьбе с коррупцией. Определенные успехи уже есть, но темпы работы (учитывая размеры страны) нуждаются в ускорении. В послании Президента России 1 марта 2018 года не предусматривалось сокращения чиновничьего аппарата. Возможно, это не должно быть самоцелью, но реформа давно назрела. Если в СССР на 10 тыс. человек приходилось 70 чиновников, то в настоящее время — более 100 при том, что размеры страны уменьшились. В прошлом многие наши достижения были связаны «не с числом, а с умением». Может быть, настало время продемонстрировать данные навыки в сфере кадрового аппарата?

И наконец, важным вкладом в противодействие коррупции является борьба с бедностью. Нуждающийся человек в большей степени подвержен соблазну совершить если не противоправное действие, то недобросовестный поступок. Именно малообеспеченные слои общества являются жертвами преступников, которые могут вовлечь их в свои коррупционные схемы и «подставить», чтобы самим уйти от ответственности.

Думается, что решение этих задач — залог нашего успеха в борьбе с коррупцией.

¹ Ермолович Г. П., Ермолович О. Г. Борьба с преступностью как конституционная обязанность государства // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 88–98.

² Так, по данным Transparency International, Россия заняла в 2013 году 127-е место из 177, расположившись между Мадагаскаром и Ливаном.

³ Цит. по: Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебник для академического бакалавриата / отв. ред. Р. А. Каламкарян. М. : Юрайт, 2016. С. 170.

⁴ Аргументы и факты. 2018. № 11. С. 35.

В. В. Зябриков¹**ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕНЕДЖМЕНТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И СКРЫТЫЕ УГРОЗЫ
ДЛЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАЦИИ**

Внедрение нового технологического уклада в экономику страны должно, как правило, сопровождаться инновациями во всех ее составляющих. Цифровое преобразование менеджмента фирмы всегда сопровождает переход на цифровую экономику и сегодня представляется уже не просто средством экономии труда, но своеобразным внешним вызовом для плавно совершенствующейся теории и практики менеджмента, в первую очередь его кадровой составляющей. Его основное отличие от использования популярных в прошлом инструментов менеджмента (аутсорсинг, реинжиниринг, бенчмаркинг) состоит в том, что у фирмы нет возможности выбирать — использовать цифровизацию в практике своего управления или нет. Глобальное внедрение цифровых стандартов обработки и передачи информации меняет управленческую парадигму: удовлетворение потребностей в совершенствовании своего менеджмента за счет поиска подходящих инструментов управления заменяется поиском возможностей внедрения цифровых технологий как обязательного условия сохранения конкурентоспособности фирмы в рыночной среде и генерирования высокой прибыли.

Таким образом, цифровизация задает четкие временные рамки плавному эволюционному совершенствованию методов менеджмента, которые для того, чтобы цифровизация привела к положительным результатам, должны оказаться уже достаточно развитыми к моменту начала перехода экономики на новый уровень развития. В то же время цифровизация менеджмента приводит к снижению профессионализма и культурного уровня персонала фирмы, так как в их знаниях и практических навыках руководство фирмы уже не нуждается — их заменили инновации в производстве.

Приведенные выше выводы подтверждаются данными *Capgemini Consulting* и *MIT Sloan School of Management*, которые демонстрируют, что показатели финансовой эффективности зависят не только от того, как используются цифровые технологии и другие новые методы управления — совместно или по отдельности. Если фирма улучшает кадровый потенциал в системе своего менеджмента классическими средствами без использования цифровых технологий, то наблюдается рост ее прибыли на 9 %, а если одновременно с использованием цифровых технологий — на 26 %. Если же фирма пытается внедрять цифровые технологии

без совершенствования своего кадрового потенциала, то наблюдается не рост, а снижение прибыли на 11 %. При этом вообще игнорировать цифровую трансформацию кадрового менеджмента недопустимо, поскольку в этом случае снижение прибыли фирмы по сравнению с цифровыми конкурентами достигает 24 %.

Следует признать, что в паре «менеджмент–цифровизация» именно менеджмент является первичным. Сначала необходимо усовершенствовать управление, повысить качество кадрового потенциала, а потом — внедрять стандарты цифрового управления. В противном случае вы навсегда закрепите управленческую отсталость (неверно выбранный тип организационной структуры, несовершенные системы мотивации и т. д.).

Таким образом, цифровизация менеджмента — это вовсе не панацея, позволяющая списать недоработки развития менеджмента в фирме в прошлом и начать новую конкурентную гонку, в ходе которой «последние могут стать первыми». Это своего рода испытание степени зрелости менеджмента фирмы, в ходе которого успешные фирмы станут еще сильнее, а неудачники вообще покинут поле бизнеса.

Деловая культура и внедрение инноваций. По оригинальному выражению наиболее известного исследователя национальных деловых культур Г. Хофстеде, культура — это коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других. Поэтому культурный контекст процесса внедрения инноваций очень важен для достижения положительного социального эффекта. По актуальным данным Г. Хофстеде, размещенным на его сайте в Интернете, в России предельно высокая дистанция власти — 93 (в США — 40) и высокое значение индекса стремления избежать неопределенности — 95 (в США — 23). Это задает неблагоприятный культурный фон внедрения инноваций в России, усугубляемый отсутствием спроса на инновации и частой сменой стратегического курса развития страны.

Влияние цифровизации на ролевое распределение власти в менеджменте фирмы. В разработанную автором модель внутренней среды под названием «PEST-атом» включены восемь наиболее важных факторов конкурентоспособности (факторов успеха) фирмы. Внедрение цифровой экономики прежде всего затрагивает технологический сектор фирмы, включающий факторы «Технологии» — «Бизнес-процессы» (в контексте культуры профессионала), но задевает и соседние сектора: «Культура» — «Штат» (культура лидера) и «Капитал» — «Власть» (культура предпринимателя).

В рамках используемой автором единой типологии деловой культуры основную роль в управлении фирмой играют четыре роли бизнесмена: профессионал, лидер, бюрократ и предприниматель. Благоприятный исход внедрения методов цифровой экономики в практику управления фирмой определяется соответствующим

¹ Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч.: «Типология и эволюция организационной культуры», «Русская деловая культура в контексте иностранных типологий», «Единая типология деловой культуры», «Универсальная типология деловых культур» («Universal classification of business cultures»), «Методологические основы типологии национальных деловых культур», «Оптимальная траектория жизненного цикла фирмы», «Систематизация ценностей деловой культуры России» и др.

шим каждой стадии жизненного цикла фирмы распределением власти между этими ролями.

На первый взгляд, цифровизация менеджмента должна вести к росту влияния специалистов по технологиям — профессионалов. К сожалению, цифровизация в России пока сказывается только на росте заработной платы специалистов по цифровым технологиям (включая программистов), имеющих в среднем самую высокую зарплату на рынке труда России. На самом деле в российских условиях цифровизация бизнеса означает не революционную смену власти и ее переход к профессионалам, которые обычно не склонны к доминированию, а, напротив, усиление власти бюрократов, получающих профессионалов к себе («в услужение»). Бюрократический уклон российского менеджмента в период перехода «на цифру» приведет к реинкарнации доминирования школ классического (а не современного) менеджмента, технологической и административной, к реализации доктрины устранения человеческого фактора.

На первые роли в процессе цифровизации необходимо выдвигать профессионалов, которые развивают культуру «взаимозависимости и родственности», обеспечивают ориентацию на людей в их взаимодействии. Такое управление предполагает не ослабление, а, напротив, усиление влияния «человеческого фактора», гуманизацию менеджмента, обеспечивает клиентоориентированность фирмы, ведет к росту уровня доверия в экономике в целом.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. При развитом менеджменте фирмы внедрение цифровых стандартов управления развивает ее успех, в противном случае ведет к закреплению ее управленческой отсталости.

2. Стихийная цифровизация управления фирмой усиливает организационную культуру бюрократического типа в ущерб культуре профессионала, который оказывается «на службе у бюрократа», что неминуемо приводит к постепенной деградации профессионала и к нарушению нормального движения фирмы по естественной траектории своего жизненного цикла.

3. Сопутствующая стихийной цифровизации чрезмерная бюрократизация управления на фирме: а) ослабляет организационную культуру, то есть усиливает расхождение между декларируемыми и фактическими ценностями; б) разрушает организационную структуру посредством системы коммуникации, позволяющей отдавать команды через голову непосредственных руководителей; в) ведет к информационной перегрузке менеджеров и исполнителей, буквально «подавляющей» получателей информации и замещающей человеческое общение сотрудников компьютерными псевдокоммуникациями;

4. В ходе внедрения цифровых методов управления, затрагивающих в первую очередь такие факторы внутренней среды, как «Технологии» и «Бизнес-процессы», следует: а) дозированно и подконтрольно использовать бюрократические методы управления; б) не устранять, а всячески усиливать влияние человеческого фактора путем использования моделей самообучающейся и интеллектуальной организации.

3. Н. Каландаришвили¹

ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭТАПОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

При анализе российской правовой системы следует отметить, что она зародилась, развивалась и функционирует сегодня в сложных перипетиях мирового правокультурного процесса, отчего на разных этапах своего существования включает в себя противоречащие друг другу элементы. Лучше всего эту сложную социокультурную динамику передают критерии, сопряженные с этапами общекультурной периодизации российской правовой жизни. В качестве таких критериев могут выступать ведущие параметры основных правокультурных эпох, образующих юридическую историю России.

¹ Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Генезис и эволюция правовой социализации и правовой культуры молодежи в реформируемом российском обществе (вопросы теории и практики)», «Деформация правовой культуры современной российской молодежи», «Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ», «Правовая культура в системе правового поведения личности», «Особенности конфуцианства в Древнем Китае» и др.

В. Н. Синуков относит к числу таких параметров российского правового поля следующие:

- 1) развитие системы права (отрасли, институты, их предметы, методы, границы);
- 2) характер нормативно-правовой техники законодательства;
- 3) изменение типов (способов) правового регулирования правового статуса личности;
- 4) динамику социальной и духовной ориентированности права, его функций, взаимосвязей с государством и обществом;
- 5) изменения в соотношении национального и наднационального элементов в рецепции правового материала².

В соответствии с названными критериями механизм культурно-исторических изменений российской правовой системы, по нашей мысли, может включать следующие этапы:

² Синуков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. С. 67.

1. Традиционно-обычная правовая система (V–XIII вв.).
2. Русское национальное право (XIII–XVII вв.).
3. Кризис русского национального права (XVIII в.).
4. Культурно-национальная модернизация русского права (XIX — начало XX в.).
5. Право советского периода (1917–1991 гг.).
6. Российская правовая реформация (конец XX — начало XXI в.).

Рассмотрим основные характерные черты этих периодов.

Для традиционно-обычной правовой системы Древней Руси, которая не представляла собой государства в политическом смысле, а состояла из родоплеменных объединений восточных славян, характерно наличие мононормативного регулирования через систему мифологии, традиций и обычаев.

Для русского национального права (XIII–XVII вв.) характерны такие черты, как отчетливость структурной композиции права, простота его содержания и системы, законченность и немногочисленность источников, логическая и духовная осознанность всех деталей законодательства. Этими чертами обладают классические памятники русского права XV–XVII веков — княжеские уставы, грамоты, Судебники, Стоглав, Соборное Уложение 1649 года. Праву этой эпохи присуща также фундаментальная связь со всем образом жизни человека.

Наступление в XVIII веке социальной модернизации на основе насильственной этико-правовой революции связано с глубокими тектоническими подвижками в русской культуре, которые, в свою очередь, предвосхитили будущие великие потрясения правового сознания, воплотившиеся в правовой реформации советского периода. Это явственно просматривается в нормотворчестве Петра I и Екатерины II, в актах которых (особенно именных указах) видно стремление скорее навязать, нежели выявить объективную норму.

К концу XVIII — началу XIX века в российском праве наметилась тенденция к системной модернизации на основе европейской правовой культуры с включением национальных культурологических элементов. Именно к этому времени относится мощный взлет русской культуры и искусства, что связано прежде всего с широким общественным подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 года.

Относительная концептуальность российской правовой модернизации XIX века проявилась в поисках русского духа в европейских правовых формах, попытках через государственно-правовые реформы добиться национальной адекватности режима империи, его правовой системы. Не случайно именно к середине XIX века была сформирована официальная идея российской государственности: православие, самодержавие, народность. Активно шел процесс кодификации законодательства, появились Полное собрание законов Российской империи 1832 года, Уложение о наказаниях 1845 года и т. д. Но в целом корни русской правовой модернизации оказались неглубокими, и этот период продолжался недолго: уже ко второй половине XIX века он постепенно перерос в псевдорусский стиль правового модернизма, для которого было характерно эклектическое соединение национальной формы с заимствованными, в основном через рецепцию романо-германского права, юридическими институтами. Памятниками этого периода русской правовой системы выступают учреждения судебной (1864), земской (1866) и аграрной (1906) реформ, которые — каждая в своей области — ориентировались на внесение в российский жизненный уклад элементов западноевропейской культурной традиции.

Советский этап развития российской правовой системы стал отражением социально-правовой реформации, сознательно и открыто провозгласившей построение нового общества, новой экономики, новой культуры, нового человека, новых государства и права. Создание советской правовой системы — это попытка разрешить социальный конфликт, зародившийся в незавершенных и половинчатых буржуазных реформах 1860–1870 годов и реформ начала XX века. Концептуальная преемственность этого процесса исходно заложена в объективных тенденциях правового развития России в конце XX — начале XXI века.

Правовая система и правовая культура России как целостный феномен хронологически в контексте социокультурного пространства прежде всего есть чередование культурных эпох, каждая из которых представляет собой известное самостоятельное явление, и все они объединены в одну цепь развертывания русского историко-правового смысла. Таким образом, правокультурная история не знает однозначно строго направленного вектора, всеобщей последовательности «прогресса» правовых систем.

С. Н. Касаткин¹

КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ, ПАРОКИАЛЬНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И РЕЦЕПЦИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО ОПЫТА²

Юриспруденция и культура

Право — феномен культуры. Формулируемое теорией понятие права нельзя рассматривать лишь как инструмент, изобретенный учеными для описания и объяснения социальной реальности, как исключительную принадлежность юридической доктрины и практики³. Это элемент общесоциального сознания, используемый для идентификации определенных взаимодействий и регулятивов, обеспечивающих понимание (своего и другого) общества: изучая природу права, мы изучаем собственное самосознание — осмысленные нами неких общественных институтов в качестве правовых. Безусловно, юридическая теория и практика формируют собственные социальные пространства, вводя специальные смыслы общих понятий (иницируя их возможные изменения). Однако данные смыслы всегда так или иначе отталкиваются от последних, ибо объектом общей теории права является представленная в обществе система практик и соответствующие им понятийно-дискурсивные образцы⁴.

«Культурные универсалии» и теория права

В пространстве культуры любой элемент наделяется собственным специфическим статусом, ценностью, функцией, другими свойствами⁵. Разнообразие же культур порождает проблему «культурных универсалий». Выявляемые в различных культурах «общие» черты маркируют, по сути, не идентичность содержания, а сходство классификаций. Свобода, справедливость, счастье, «природа человека» — не константы, но переменные, универсальные постольку, поскольку интерпретируются согласно понятиям той или иной культуры. Универсалии, таким образом, ничего не объясняют, они сами нуждаются в объяснении⁶. Это верно и в отношении права. Культурный плюрализм, с одной стороны, фиксирует различное место права в иерархии социальных ценностей и регуляторов, с другой — подразумевает умножение и релятивизацию понятий пра-

ва, в том числе в современной западной интерпретации. Это в свою очередь обостряет проблему определения / выбора правовой теорией собственных оснований: какое понятие права она использует, в рамках какой логики оно конструируется, какие теоретические и практические задачи позволяет решать. От этого напрямую зависит решение вопроса о «природе» и историко-культурной распространенности права, о его универсальном или пароклиальном (частном, ограниченном) характере, а также оценка «культурной развитости» или прогрессивности конкретного правопорядка и определение путей развития общества.

Правовые доктрины могут занимать различные позиции в этом вопросе. С. П. Синха приводит четыре варианта обхождения классической западной философии права с феноменом культурного плюрализма и неуниверсальностью права. Во-первых, ряд теорий просто постулирует всеобщее существование права (по Аристотелю, истинный / естественный закон одинаков везде, так же как один огонь горит и в Греции, и в Персии). Во-вторых, некоторые теории (концепция Г. С. Мэйна) приписывают более высокой цивилизационный статус западным обществам, поскольку там существует право, полагаемое высшим достижением человеческих обществ (без доказательств этического превосходства или культурной прогрессивности стран Запада). В-третьих, некоторые теории (учения естественного права, теории И. Канта, Г. Гегеля, Р. Штаммлера, К. Савиньи, Л. Дюги, американских реалистов, феноменологические учения) скрыто продвигают концепции идеологического характера, выдавая собственные ценности за философию, открывающую универсальную истину. В-четвертых, позитивистские теории (И. Бентам, Дж. Остин, Г. Кельзен и Г. Харт) вообще исключают ценности из своих определений права, порождая крайний формализм, не способный учесть многообразие феномена права⁷. Таким образом, эти концепции оказываются неудовлетворительными в объяснении и охвате культурного / правового плюрализма либо даже опасными, обосновывая юридический этноцентризм и связанную с этим политическую практику⁸.

Хотя имеются влиятельные доктрины, провозглашающие свою пароклиальность (концепция Р. Дворкина как учение о праве США и Великобритании или учения постмодернистов)⁹, универсальная правовая теория предстает в более выигрышном свете. Однако признание многообразия и нетождественности культур делает обоснование универсальной правовой теории гораздо более сложным и в целом проблематичным. Среди прочего здесь требуется обосновать критерии, согласно которым понятие «право» одной культуры

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук. Автор 160 научных публикаций, в т. ч.: «Теория права в контексте культурного многообразия: проблемы универсальности», «Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики», «Как определять социальные понятия? Аскриптивизм и отменяемость юридического языка в концепции Герберта Харта», «Действие и ответственность в перспективе аналитической философии права», «The Concept of Law Recontextualized: Implications of Hart's 1950's Analytical Methodology for Conceptualization of Law», «Анализ языка и объяснение правовых понятий: философско-лингвистическая методология Г. Харта», «Государство, право и правовая теория: эффекты и вызовы глобализации» и др.

² Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00001.

³ Ср., напр.: Михайлов А. М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016. Гл. 1.

⁴ См.: Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009. P. 27 ff.

⁵ Ср.: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 23 и др.

⁶ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: СПб., 1998. С. 45.

⁷ См.: Синха С. П. Юриспруденция. Философия права в кратком изложении. М., 1996. С. 281–282.

⁸ См.: Там же. С. 278–279. См. также: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

⁹ См.: Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Ma., 1986; Derida J. Force de loi: le «fondement mystique de l'autorite». Paris, 1994.

воспринимается именно как «право» в других культурах, а объяснение права в рамках одной (нашей) культуры будет верным и в отношении другой культуры. Зачастую же принцип универсальности в теории права постулируется или остается за рамками рассмотрения. Одну из заметных попыток обосновать такой универсализм предпринимает Дж. Раз (развивая подход Г. Харта¹). Для Раза, признающего пароклиальность правовых понятий, универсальная теория возможна, если она исследует право, где бы и когда бы оно ни существовало. При этом, однако, необходимым считается восприятие норм сообщества в качестве *правил* собственного поведения (вне зависимости от осознания их правового или иного характера, использования собственного понятия права и пр.), что позволяет правовой теории охватить, к примеру, еврейские религиозные общины, древнеегипетское, индуистское, мусульманское и прочее право². Однако и такой подход не дает принципиального решения проблемы универсализма правовой теории. Во-первых, неясно, можем ли мы вообще употреблять понятие права применительно к «чуждому» ему культурному контексту. (По-видимому, это возможно лишь из инструментальных соображений с пониманием условности такого применения.) Во-вторых, что более важно, изначальная концептуализация понятия права как предельного критерия оценки уже пароклиальна: интерес к такому понятию и связанной с ним проблематике культурно задан (не случайно, что большинство правовых институтов и концепций появляются именно на Западе). Поэтому обоснование универсальной теории права по-прежнему находится в статусе нерешенной задачи.

Проблема рецепции инокультурного опыта

Культурная заданность и пароклиальность понятий порождают проблемы соизмеримости понятий и институтов права различных культур, понимания и оценки разных культур друг другом, а равно проблемы перенятия инокультурного опыта. Культура не просто наделяет свои элементы уникальным смыслом, ценностью, функциями — она есть тот язык, посредством которого только и возможно понимание себя и других³. Правовая рецепция — это всегда принятие иного в собственную культуру средствами самой культуры. Как писал Ю. Лотман, «поступающие из другой культуры тексты — не книги, переставляемые с полки на полку, но топливо, брошенное в топку. Они запускают маши-

ну мысли, и, чтобы выполнить эту роль, им надо согреть, перестать быть собою⁴. Понять «чужака», строго говоря, невозможно, он должен быть в той или иной степени «своим»: для рецепции необходимы схожие по значимым параметрам социокультурные условия, способные обеспечить восприятие, удержание и воспроизводство иного.

В связи с этим нуждаются в корректировке имеющиеся в российской теории права позиции в вопросе восприятия инокультурного опыта — условно говоря, западническая и почвенническая. Первая позиция, связанная с идеалами демократии, естественных прав, правового государства, апеллирует к успехам или простому наличию соответствующих институтов на Западе, отстаивает их универсальность и прогрессивность, а значит, возможность и необходимость их рецепции в России. Вторая позиция, опирающаяся на опыт неудачных либерально-демократических реформ и противостояния «коллективному Западу», обращается к истории страны, народа, к уникальности национальной ментальности и культуры, к аргументу, что существующие институты опираются на традицию, опыт: здесь часто говорится о собственном пути и невозможности (а тем более необходимости) полноценного перенесения инокультурных (западных) идей и институтов на российскую почву.

Обе позиции выступают скорее как идеологические доктрины, их нельзя признать абсолютными и все объясняющими. Если первый подход бездоказательно практикует универсализм и даже этноцентризм в отношении западных правовых институтов, игнорирует социальный контекст восприятия инокультурных образцов и тому подобное⁵, то второй, напротив, абсолютизирует («овеществляет») национальную ментальность как предельную инстанцию, не учитывая ее возможные преобразования. Более того, оба подхода скрывают существование выбора — возможность для общества решать, какие ценности, цели и пути принимать, а от каких отказаться⁶. Выбор же возможен в пользу как инокультурных моделей (модернизация Японии, Турции, стран Восточной Европы в XX в.), так и возрождения своих традиций (исламская революция в Иране). Задача теории права, таким образом, состоит в демонстрации наличия данного выбора, в экспликации его условий и механизмов, а также в обсуждении возможных аргументов в ту или иную пользу.

⁴ Лотман Ю. М. Типология культуры. Взаимодействие культур // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 586. С. 13.

⁵ Ср. с установками «провинциального правосознания»: Пермяков Ю. Е. Провинциальное правосознание: опыт исторической непричастности (к метафизике «формального равенства» В. С. Нерсесянца) // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы V и VI философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца. М., 2011. С. 174–178.

⁶ Ср., напр.: Ромашов Р. А. Право как явление национальной культуры: проблемы соотношения интерпретаций // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Краснодар, 2016. С. 45–53; Каландаришвили З. Н. Специфика и особенности российской правовой культуры в контексте исторических преобразований // Право и государство: культурологическое измерение: II Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 32–34; и др.

¹ Г. Харт осмысливает право как социальный институт, включающий «внутренний аспект», то есть осознание юридических правил в качестве оснований одобрения или критики собственных и чужих действий, без чего нормы не будут существовать как нормы, а право — как право (см.: Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994. P. 239–240).

² См.: Raz J. Op. cit. P. 36 ff.

³ См.: Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 240–251.

В. А. Ковалев¹

НЕОРИМСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Неоримский подход к вопросам соотношения права и свободы был альтернативой либерализму, зародившемуся в XVII веке на Британских островах и в колониях. Впоследствии он ушел в тень политической теории и был снова возрожден в конце XX — начале XXI века, прежде всего в работах Квентина Скиннера² и Филиппа Петита³. Ключевым отличием неоримской идеологии от близкой к ней либеральной были различия в понимании свободы.

Неоримский подход к понятию свободы, восходящий к римским стоикам (особенно Цицерону⁴) и изложенный в трактатах Джеймса Харрингтона⁵, Маркамонта Нидэма⁶, Джона Холла⁷, объяснял это понятие (*libertas, liberty*) одновременно шире и уже, чем либеральный. Если с точки зрения либерализма свобода интерпретировалась как отсутствие внешнего вмешательства и только как отсутствие прямого принуждения, то неоримский подход расширял понятие свободы, указывая, что либеральная трактовка приводит к парадоксу. Если представить себе раба, которого хозяин не ограничивает в действиях и позволяет ему действовать в собственных интересах, то такого раба следует признать свободным. Однако определение «свободный раб» содержит логическое противоречие, следовательно, оно ошибочно⁸. Понятие свободы в рамках неоримского подхода интерпретируется как статусное, обозначающее свободу не только от вмешательства, но и от возможности такого вмешательства.

Таким образом, неоримский подход ставит в центр представлений о свободе понятие статуса свободного человека (*status libertatis*) как человека, живущего в состоянии *in sui iuris*, и противопоставляет его состоянию раба *in potestate domini* и *in alieni iuris*, то есть в том состоянии, которое еще римские моралисты определяли термином *obnoxious* — недостойное⁹.

На связь понятия свободы и международного положения страны также обращали внимание еще древнеримские теоретики. Ливий использует в отношении права народов (*ius gentium*) стандартную юридическую терминологию для объяснения идеи коллективного рабства и описывает сообщества без свободы как живущие *in potestate* — под властью либо господством другого народа или государства¹⁰.

Таким образом, в неоримской идеологии несвободным считался любой народ, проживающий в состоянии возможности вмешательства, то есть в состоянии доминирования со стороны как другого народа или государства, так и со стороны собственных властей.

Тем не менее, закат неоримской теории в XVIII веке привел к торжеству либеральной трактовки суверенитета как неограниченного и сугубо международного феномена, имеющего отношение только к государствам как надличностным структурам, а не «коллективным личностям» наций. Определение Гоббса гласит: «Жители Лукки могут сколько угодно называть свой город *Civitas libera*, но они не более свободны, чем подданные турецкого султана, поскольку свобода государства есть просто его независимость от внешней власти»¹¹.

Применимость неоримского подхода к современным международным отношениям была отмечена в работах современных неоримских (республиканских) авторов, прежде всего Сесиль Лаборд, согласно которой такая концепция свободы «лучше всего соответствует децентрализованной, неоднородной, сетевой природе современной глобальной власти»¹². При этом если подход, сформулированный основателями неоримского подхода — Скиннером и Петитом, рассматривал международную арену как аналог общества с преобладанием частной власти (*dominium*) над публичной (*imperium*), то в работах авторов «второго поколения» анализ сложившейся ситуации и применимости к ней неоримского инструментария выглядит более сложным.

¹ Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 35 научных публикаций, в т. ч.: «Истина мифа власти: континуитет и дисконтинуитет в аккламационных процессиях английских монархов конца XIV — начала XVII века», «Поэтика идентичностей. Памфлетная война вокруг проекта испанского брака принца Карла (1623–1624 гг.)», «Ваши выборы — фарс! Ритуалы *electio* и *collaudatio* в коронациях английских монархов», «Робин Гуд: в поисках национального героя», «На земле свободных: либеральная и неоримская традиции в Первой американской революции», «Политэкономисты поневоле. Ричард Лакман “Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени” и методология неомарксизма» и др.

² Skinner Q. *Liberty before liberalism*. Cambridge: University Press, 1998; *Idem*. *Hobbes and republican liberty*. Cambridge: University Press, 2008.

³ Pettit P. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. N. Y.: Oxford University Press, 1997; *Idem*. *A theory of freedom: from the psychology to the political agency*. Cambridge: Polity Press, 2001.

⁴ Цицерон Марк Туллий. О государстве, I:39 // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М.: Ладомир; Наука, 1994.

⁵ Harrington J. *The Commonwealth of Oceana and a System of Politics* / ed. by G. A. Pocock. Cambridge: University Press, 1992.

⁶ Nedham M. *The Excellency of a Free State, or the Right Constitution of a Commonwealth* / ed. by Blair Worden. Indianapolis: Liberty Fund, 2011.

⁷ Hall J. *The Grounds and Reasons of Monarchy Considered in The Oceana of James Harrington, and his Other Works* / ed. by J. Toland. Proquest: Eebo Editions, 2011.

⁸ См.: Скиннер К. О свободе республик // Современная республиканская теория свободы / под ред. Е. Рошина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2015. С. 25–42.

⁹ См.: Крисп Гай Саллюстий. О заговоре Катилины 20. 6–7 // Гай Саллюстий Крисп. Соч. М.: Ладомир: АСТ, 1999. С. 456; Сенека Луций Анней. О благодеяниях // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Терра 1998. С. 63; Ливий Тит. История Рима от основания города: в 3 т. М.: Наука, 1989. Т. I. 37.53.4.

¹⁰ Ливий Тит. Указ. соч. 5.20.3.

¹¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. I. С. 170.

¹² Laborde C. *Republicanism and Global Justice: a Sketch* // *European Journal of Political Theory*. 2010. Vol. 9, № 1. P. 48–69.

Комплексный подход к многоуровневой системе международных отношений привел к необходимости «реконцептуализации доминирования»¹. Теперь доминирование понимается не как асимметричные отношения между субъектами (государствами, корпорациями, отдельными индивидами), иницируемые волей и способностью доминировать некоторых из них², а как системное или структурное явление, свойственное глобальной системе *per se*, то есть становится продуктом «глобального экономического

устройства» и «новой глобальной политической обстановки»³.

Таким образом, опережающее по отношению к институциональному строительству принятие ценностей республиканизма, основанных на отсутствии частного и структурного доминирования, равно как и произвольного империума, выраженное в принятии декларации республиканского права народов на глобальном уровне, могло бы стать основой реформирования международного права на более справедливых основаниях.

А. И. Котов⁴

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСА

Основой российской экономики должно было стать формирование национальной системы управления инновационным развитием, включающей, в свою очередь, региональные инновационные системы (ИС), а также ИС крупных городов. Игнорирование такого подхода снижает эффективность мер по развитию инновационной деятельности и формированию структуры инновационной экономики, не оставляя в итоге шансов на формирование в России новой модели экономического роста. В контексте исследования данной проблемы большое значение имеет разработка методологии оценки результатов функционирования региональной системы управления инновационным развитием, включающей перечень основных методов компенсации инновационных рисков.

Этим обусловлена попытка автора разработать методический подход, основанный на синхронизации системы целевых показателей, характеризующих достижение целей стратегий социально-экономического развития регионов и схем территориального планирования, с одной стороны, и разработке алгоритма расчета и оптимизации значений целевых показателей — с другой. Принимая во внимание, что в Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года такие показатели в основном определены, первым этапом решения указанной задачи является разработка соответствующих целевых по-

казателей для Генерального плана Санкт-Петербурга, характеризующих достижение соответствующих целей территориального планирования исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов. Следующим этапом решения данной задачи является разработка методики расчета соответствующих показателей на основе многовариантной оптимизации значений целевых показателей территориального развития.

Территориальное планирование реализуется в целях обеспечения устойчивого развития территорий, инфраструктуры и учета интересов граждан, организаций и административно-территориальных образований⁵. В связи с этим целевые показатели территориального развития должны представлять собой количественную характеристику обеспеченности городских пространств объектами социальной, транспортной, коммунальной и иных видов инфраструктуры, выраженную в натуральных величинах на определенном момент времени в настоящем и будущем.

Вместе с тем наряду с обоснованием целевых показателей территориального развития важнейшей задачей, решаемой в рамках методического подхода по расчету показателей инновационного развития городских территорий на примере Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, является задача определения количественных значений указанных показателей, рассчитанных на настоящий или будущий периоды. При этом значения территориальных показателей, полученных на настоящий момент, являются текущими, а на некоторый период в будущем — прогнозными или базовыми⁶.

Базовые значения показателей территориального развития, как и прогнозные показатели, определяются исходя из временных рамок Стратегии экономического и социального развития города на период до 2030 года. При этом важно, что они характеризуют достижимый

⁵ Зеленковская А. А., Котов А. И., Наумов В. Н. О планировании инвестиций в развитие города // Управленческое консультирование. 2016. № 5 (89). С. 81–92.

⁶ Богачев В. Ф., Котов А. И. Национальная инновационная система как институциональная основа экономики знаний // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 8. С. 53–61.

¹ Энрот Х. Возможность свободы на глобальном уровне // Современная республиканская теория свободы / под ред. Е. Рошина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2015. С. 111–136.

² См., напр.: Pettit P. A Republican Law of Peoples // European Journal of Political Theory. 2010. № 9 (1). P. 70–94.

³ О структурном доминировании см., например: Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. 1971. Vol. 8, № 2. P. 81–117.

⁴ Специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Стратегии и адаптация к концепции обучения в течение всей жизни в области малого и среднего предпринимательства», «Формирование региональных инновационных кластеров», «Управление инновационным развитием региона: системный подход», «Формирование механизма управления инновационным развитием мегаполиса», «Научные основы формирования инновационной региональной системы», «Национальная инновационная система как институциональная основа экономики знаний» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

(а не прогнозный) уровень показателей территориального развития на конкретный период в будущем с учетом инвестиционных возможностей. Их использование обусловлено прежде всего ограниченностью инвестиций, необходимых для финансирования создания необходимой городской инфраструктуры. В связи с этим расчет укрупненных затрат, связанных с реализацией прогнозных потребностей территории в объектах инфраструктуры, является начальным этапом для определения базовых значений показателей территориального развития. На следующем этапе производится сравнение совокупных затрат на создание объектов инфраструктуры с возможностями инвестиционного финансирования.

Результаты сравнения могут быть сведены к двум альтернативам: первая — возможности инвестиционного финансирования позволяют реализовать прогнозные потребности территории в объектах городской инфраструктуры; вторая — не позволяют этого сделать. С учетом того, что на практике чаще приходится сталкиваться со второй альтернативой, весьма актуальной становится задача оптимизации совокупности значений показателей территориального развития. Суть задачи оптимизации в этом случае сводится к выбору значений указанных показателей, одновременно удовлетворяющих требованиям достижения целей территориального развития без снижения достигнутого на текущий момент уровня целеполагания в условиях ограниченных инвестиционных возможностей. Выбранные по результатам оптимизации значения показателей территориального развития будем считать базовыми. Алгоритм расчета показателей территориального развития, в свою очередь, может быть сведен к такой последовательности действий:

- 1) сбор текущих показателей социально-экономического и территориального развития за отчетный период по состоянию на определенный момент времени, осуществляемый на основании данных официального статистического учета и специальных методик по расчету показателей;

- 2) расчет параметров относительного уровня достижения целей социально-экономического развития с учетом действующих на текущий момент значений

факторов внешней среды, которые в рамках рассматриваемого алгоритма относятся к исходным данным;

- 3) определение прогнозных значений показателей социально-экономического развития на выбранные в установленном порядке периоды с учетом достигнутого относительного уровня достижения целей социально-экономического развития;

- 4) расчет прогнозных значений показателей территориального развития и оценка возможности их достижения на основе данных о затратах на создание объектов городской инфраструктуры и данных об условиях возможного инвестиционного обеспечения в установленные периоды. Указанные данные также являются исходными для приводимого алгоритма расчета;

- 5) определение сбалансированных значений базовых показателей территориального развития на основе существующих методов оптимизации. Математическая постановка этой задачи может быть сведена, в частности, к задаче максимизации функции полезности, под которой в нашем случае будем понимать эффект от создания новых объектов инфраструктуры города (образовательных, лечебных учреждений, учреждений в сфере культуры, спорта, в социальной сфере и др.).

Использование описанного алгоритма оценки уровня социально-экономического развития региона с точки зрения реализации инновационных проектов относится к классу задач целочисленного программирования. Существуют достаточно эффективные средства для их решения. Оптимизация значений показателей территориального развития на основе максимизации функции полезности позволяет получить вариант распределения инвестиций для обеспечения требуемых значений социально-экономических показателей. С учетом решения задачи устойчивости можно задать интервальную оценку значений показателей, определить их критические значения, таким образом реализовав принятый в последние годы механизм контроля и мониторинга основных социально-экономических процессов региона. Предлагаемый алгоритм оценки уровня социально-экономического развития региона позволит ему повысить свою инновационную и инвестиционную привлекательность.

С. В. Кузнецов¹,
Н. М. Межевич²

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО ИЩТЕ В ПРОШЛОМ. РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Санкт-Петербург — особый город. Культурный капитал столицы империи всегда имел особо прочную экономическую базу. Более того, именно в Петербурге масштабное культурное строительство и мультикультурализм способствовали накоплению экономического капитала. Верно и обратное: солидная экономическая база позволяла привлекать итальянских и французских архитекторов, финских и шведских ювелиров, немецких и бельгийских просветителей и философов.

Транзитно-транспортные связи в силу своей очевидной интернациональности и даже космополитичности оказались в числе тех областей, где интеллектуальный капитал власти и бизнеса, объединившись, вышел на решение стратегических задач развития. «Планирование будущего» — такой формулы не было 120 лет назад, но деятельность такого рода (проектная) осуществлялась.

В Российской империи наиболее эффективные рычаги воздействия на развитие экономики Санкт-Петербурга были найдены городской думой в сфере транспорта и организации внешнеэкономической деятельности. В 1895 году была создана Комиссия по северным железным и водным путям. При ее содействии были реализованы следующие проекты: проведение Санкт-Петербургско-Вятской железной дороги, спрямление транссибирской магистрали, углубление Мариинской системы, развитие Петербургского порта и т. д.

Рыночная экономика в Петербурге развивалась не вполне типично для России. Само основание города и его развитие на протяжении длительного време-

ни было обусловлено решением четко определенных экономических и политических задач. Тенденции, отчетливо обозначившиеся в XVIII веке, оказались настолько органичны для города, что их действие продолжалось и в годы советской власти. Дореволюционный опыт оказался особенно полезным в последние два десятилетия.

Экономические процессы в городе настолько отличались от таковых в других городах России, что попытки сравнения в данном случае были бы некорректны. Не стоит сравнивать Петербурга и с западными городами, так как там естественный ход истории не изменялся социальными революциями.

Важнейшей особенностью Петербурга является то, что этот город возник не за счет естественной «кристаллизации» избыточного сельского населения. Его основание было связано с решением четко поставленных геополитических задач, прежде всего в целях налаживания экономических и культурных связей с Западной Европой.

С момента своего основания вплоть до 1914 года город развивался под воздействием двух противоречивых тенденций: с одной стороны, директивного характера развития его экономической и социальной базы, с другой — постоянного восприятия наиболее прогрессивного опыта западноевропейских городов, в том числе в сфере городского управления и, главное, в области функционирования рыночного хозяйства.

Петербург в известном смысле всегда был «свободной экономической зоной», так как город был лишен ближайшей экономической периферии (сомневающиеся могут взглянуть на экономико-географическую карту, где и сегодня виден «провал» между Любанью и Тверью) но при этом находился на пересечении многих искусственных водных систем, железнодорожных путей и т. д.

Существовавший на территории Петербурга и губернии таможенный округ приносил больше дохода, чем среднестатистический округ по стране. Здесь было сосредоточено 20 % иностранных инвестиций, поступающих в Россию, наиболее высокотехнологичные и наукоемкие производства. В 1894 году таможенные доходы составили 114 млн 461 тыс. 845 золотых рублей³. Среди главных таможен наибольший доход державе давали Санкт-Петербургская (24 млн 513 тыс. 800 золотых рублей), Московская (23 млн 353 тыс. 740) и Одесская (12 млн 931 тыс. 79 золотых рублей)⁴.

В начале XX века городская дума неоднократно обращалась к идее стратегического планирования. Одна-

¹ Директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), руководитель научной лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов ИПРЭ РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 320 научных публикаций, в т. ч.: «Экономическое пространство. Теория и практика» (в соавт.), «Формирование инвестиционной политики в социальной сфере региона» (в соавт.), «Управление социальными процессами развития региональной экономики» (в соавт.) и др. Заместитель главного редактора журнала «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития». Член Экономического совета при губернаторе Санкт-Петербурга, эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации РФ. Академик Европейской академии естественных наук. Награжден орденом Дружбы, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

² Главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор. Автор более 500 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Внешнеэкономические аспекты российской промышленной модернизации», «К вопросу о ключевых историко-географических характеристиках Ленинградской области», «Идентичность и границы: актуальные вопросы теории и реальности восточной части Балтийского региона», «Новые императивы развития российской экономики в условиях взаимных торговых и финансовых ограничений» (в соавт.), «Некоторые аспекты эволюции пространственного устройства Российского государства» (в соавт.), «Международный контекст российской политики хозяйственного освоения Арктики» (в соавт.) и др. Член редакционного совета журналов «Управленческое консультирование», «Балтийский курс», «Балтийский регион», «Восточная Европа: перспективы». Член Русского географического общества.

³ Доклад комиссии Петербургской думы по вопросу о сооружении Петербурго-Уральской и Петербурго-Мурманской железных дорог в связи с водными путями Севера // Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1895. № 3. С. 249.

⁴ Манько А. Россия на мировых рынках. Взгляд в прошлое // Внешняя торговля. 1998. № 10–12. С. 55.

ко первая реальная работа, связывающая перспективы города с внешнеэкономической деятельностью, вышла позже. В 1922 году в Петрограде была издана докладная записка Петроградского Совета «Будущее Петрограда», адресованная Всероссийскому центральному исполнительному комитету. Всем своим содержанием работа подчеркивала кризисное состояние города и возможности использовать в полной мере и развивать его богатейшее наследство. В последующие 68 лет именно концепция опоры на собственные силы, заложенная в этом документе, реализовывалась в нашем городе. Между тем в 1922 году в последний раз прозвучал призыв к движению по пути «город-порт, город-транзит, город промышленности и высокой технической культуры». Тогда же была представлена иерархия задач и последовательность действий:

«1. Местными силами и средствами восстановить город нельзя.

2. Необходимо вернуться к “забытой роли торгового посредника между Западом и Советской Россией”.

3. Промышленность подчинена торговым задачам, а не наоборот.

4. Все, что он (Петроград) получает как транзитный город от заграничного рынка и от всей Советской России... остается в его кошельке»¹.

Фактически автор указывает на то, что перспективы социально-экономического развития России сильно зависят от общей ситуации на Балтике и успеха Санкт-Петербурга и Северо-Запада в выполнении своих транзитных функций. Это историческое послание следует учитывать и сегодня. «Вновь подчеркнут: и на Северо-Западе, и в целом по стране необходимо обеспечить комплексный подход к развитию транспортной инфраструктуры, увязывать строительство таких объектов с текущими и перспективными потребностями бизнеса и граждан, вводом в строй обеспечивающей инфраструктуры. И, конечно, нужно добиться слаженной работы всех уровней власти при реализации наиболее значимых проектов»². Так исторические практики реализуются в современной государственной деятельности.

Завершая данный анализ, отметим, что и сегодня успехи культурной столицы России имеют экономические предпосылки, основанные, в свою очередь, на фундаментальном культурном потенциале.

А. В. Кузьмин³

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В структуре юридической обязанности государства или «подгосударственных» территориальных образований важное место занимает юридическая ответственность. В связи с этим возникает вопрос о мерах наказания в отношении государства или его части. Конечно, государственный суверенитет предполагает верховенство государственной власти. Здесь вопрос о наказании не столь очевиден, однако он и не является предметом данного исследования. Но в отношении субъектов федерации есть внешний суверен — федерация (как вариант — народ). Именно верховная власть может применить к территориальным образованиям (субъектам федерации) санкции, осуществив от имени федерального центра так называемую федеральную интервенцию.

Как представляется, круг негативных юридических последствий, возникающих вследствие неисполнения

субъектом федерации своих юридических обязанностей, необходимо представить следующим образом. *Во-первых*, допускается возможность ограничиться наказанием виновных должностных лиц. *Во-вторых*, допустимой выглядит и реализация последствий выражения недоверия должностным лицам (например, положения ст. 57 Устава Санкт-Петербурга). В конечном счете это повлечет за собой изменение персонального состава государственного органа. *В-третьих*, необходимой санкцией в отношении территориального образования должно выступать публичное извинение за действия любого должностного лица или государственного органа. *В-четвертых*, в качестве политико-правовой санкции можно предусмотреть реструктурирование, реформирование или реплейсмент региона. Это и прекращение его существования с включением в состав другого субъекта федерации, и отчуждение части территории в пользу региона с более эффективным управлением, и понижение его конституционно-правового статуса.

Анализ статистических данных демонстрирует смешанную динамику в части снижения объемов госдолга субъектов Российской Федерации по состоянию на ноябрь 2017 года по сравнению с началом 2017 года: «С одной стороны, основной вклад в сокращение совокупного объема регионального госдолга внесли такие субъекты РФ, как Свердловская область (–19,5 млрд руб.), Москва (–14,1 млрд руб.), Воронежская область (–11,3 млрд руб.), Московская область (–10,7 млрд руб.) и Ставропольский край (–10,2 млрд руб.), что, в свою очередь, сопровождалось преимущественно

¹ Циперович Г. Будущее Петрограда. Петроград, 1922. С. 167.

² Путин В. В. Выступление на совещании по развитию транспортной инфраструктуры Северо-Запада России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55344>

³ Заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правосознания», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы»; статей: «Национальное право и суверенитет как сфера глобализационных рисков», «Государства de facto: внутреннее законодательство о международном праве и внешних сношениях», «Правовой обычай: практика российских судов общей юрисдикции» и др. Главный редактор журнала Theory and Practice of the restoration of rights.

снижением объемов кредитов от кредитных организаций и международных финансовых организаций. С другой стороны, ряд регионов, напротив, нарастили объемы своих долговых обязательств по отношению к началу текущего года. Среди таких регионов выделяются Республика Мордовия (+7,4 млрд руб.), Республика Саха (Якутия) (+5,5 млрд руб.), Республика Карелия (+4,3 млрд руб.), Тамбовская область (+2,6 млрд руб.) и Кабардино-Балкарская Республика (+2,3 млрд руб.), в которых увеличение госдолга происходило, в первую очередь, на фоне роста объемов бюджетных кредитов и государственных ценных бумаг¹.

В данном контексте зададим риторический вопрос: какую санкцию к неэффективному региону может применить федеральный центр? Именно к региону, а не к его должностным лицам или даже органам государственной власти. Очевидно, что таким решением будет не реструктуризация или реплейсмент региона. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в рамках ежегодной пресс-конференции 14 декабря 2017 года заявил: «Люди, которые живут в регионах, где бюджеты не самодостаточные, они в этом, конечно, не виноваты. Поэтому справедливым является перераспределение от регионов-доноров (сегодня у нас 12 таких регионов-доноров) в другие регионы Российской Федерации. И мы аккуратно будем это делать, не подывая, разумеется, желание регионов-доноров развивать свою экономику дальше».

Исходя из позиции президента России, регионы фактически могут выступать субъектами имуществен-

ной (гражданско-правовой) ответственности лишь в пределах имеющихся у них бюджетных средств. Так, например, в соответствии с п. 10 постановления Правительства РФ от 30 сентября 2017 года № 1195, реструктуризация государственного долга субъекта Федерации «проводится путем предоставления должнику рассрочки по погашению задолженности по бюджетным кредитам с переносом погашения задолженности по основному долгу и процентам по кредиту на период с 2027 по 2036 год включительно ежегодно равными долями с возможностью ее досрочного погашения»². Далее в п. 15б постановления содержится требование ежегодно представлять в Министерство финансов выписку из закона о бюджете субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год с указанием суммы средств, направляемых на погашение реструктурированной задолженности по бюджетным кредитам и/или уплату процентов за рассрочку. Данная формула, по-видимому, допускает самостоятельное определение субъектами Федерации размера уплачиваемых сумм. Это как если бы гражданин-должник ежегодно сообщал банку, какую сумму он планирует уплатить в счет своего долга.

Данные обстоятельства позволяют сделать следующие выводы: во-первых, необходимо говорить не о гражданско-правовой ответственности, а о финансовых (бюджетных) санкциях, во-вторых, можно утверждать, что субъекты Российской Федерации могут быть субъектами лишь усеченной конституционно-правовой ответственности.

Е. А. Куклина³

КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Происходящие в настоящее время трансформации в обществе, экономике, геополитике, во всем жизненном укладе осложняются тем, что требуют изменений. Подобную ситуацию американцы, привыкшие к резким поворотам судьбы, определяют словом «вызов».

Согласно концепции вызова, каждый из них таит в себе как возможности, так и угрозы для личности, организации, государства. Становление и развитие человеческого общества всегда были связаны с преодолением различных угроз, которые исходили от природы, врагов, технических объектов и пр. Поэтому важнейшим условием функционирования и развития

человеческого общества является обеспечение безопасности.

В настоящее время перед Россией, как, впрочем, и перед всем мировым сообществом, возникли новые вызовы, которые определяют тренды долгосрочного развития: неизбежность перехода к новому технологическому укладу; становление инновационной деятельности ключевым фактором развития; исчерпание от-

¹ Обзор рынка госдолга регионов России: эффект Матфея в действии: официальный сайт АО «Эксперт РА». URL: https://gaexpert.ru/researches/regions/gosdolg_region_2017 (дата обращения: 21.03.2018).

² Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2017 года № 1195 «О дополнительных условиях и порядке проведения в 2017 году реструктуризации обязательств (задолженности) субъектов Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, а также о порядке определения расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, указанных в части 5 статьи 16 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 41. Ст. 5974.

³ Профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, доцент. Руководитель магистерской программы «Экономика фирмы». Автор более 240 научных и учебных публикаций, в т. ч. монографий: «Инвестиционная стратегия развития Северо-Востока России в условиях рыночной экономики», «Формирование экономического механизма устойчивого развития горнопромышленных комплексов», «Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами», «Современные проблемы управления социально-экономическими системами и процессами», «Устойчивое развитие России в контексте ноосферной парадигмы развития» (в соавт.), «Управление социально-экономическим развитием и туристско-рекреационной деятельностью на федеральном, региональном и местном уровнях: типологический подход» (в соавт.), «Моделирование процессов формирования доходной части бюджета на региональном уровне» (в соавт.) и др. Эксперт РАНХиГС при Президенте РФ, Финансового университета при Правительстве РФ.

носителем дешевых источников экономического роста и развития; все увеличивающаяся неоднозначность и неопределенность направлений мирового развития, обусловленная появлением новых растущих центров развития и усилением их влияния на формирование мирохозяйственных трендов.

Только за последнее десятилетие человечество пережило ряд тяжелейших катастроф, потрясений и катаклизмов, не укладывающихся в рамки самых фантастических предсказаний; происходили события, которые Нассим Талеб называет «черными лебедями»¹.

Геополитическая ситуация вокруг Российской Федерации становится все более сложной и напряженной, что позволяет говорить о прямых угрозах национальной безопасности, важнейшей категорией которой является национальный суверенитет, понимаемый как право каждой нации на самоопределение. Решающую роль в формировании и обеспечении национальной безопасности наравне с национальными интересами играют национальные ценности, которые обусловлены фундаментальными нравственными нормами и традициями, определяющими жизненную позицию людей, а также достоинства общества в сфере материальной и духовной культуры.

Национальные ценности складываются постепенно, в процессе эволюции экономики, культуры, науки, технологии; на их формирование существенное влияние оказывает национальный менталитет.

Содержание национальных ценностей по сути сводится к трем целевым функциям: к процветанию народа; к защите и обустройству территории проживания; к сохранению и развитию национальной культуры. Национальная культура, как и историческая память, — это всегда пространство борьбы за сохранение культурного суверенитета, который, по нашему мнению, в современных условиях системных сдвигов, вызовов и угроз является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности.

Достаточно распространено мнение, что не имеет смысла говорить о культурном суверенитете, так как культура является всемирным наследием. Но, безусловно, прав выдающийся российский режиссер и философ К. Г. Шахназаров, убежденный в том, что культура не имеет границ, но имеет корни. И вопрос в том, захочет ли вообще сохранить политический (национальный) суверенитет страны поколение, воспитанное в отсутствие культурного суверенитета или в иных культурных традициях.

Категория суверенитета государства в сфере культуры, то есть культурный суверенитет, включает:

— право страны и ее граждан руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые эволюционно сформированы в ходе их истории, признаются и принимаются ее народом;

— право страны и ее граждан противодействовать распространению информационной продукции, которая угрожает историко-культурной самоидентификации общества, значимым для него образцам поведения, ценностям, этическим, эстетическим и бытовым нормам;

— право народа и граждан, право и обязанность государства не допускать использования сферы культуры для нанесения ущерба национальному суверенитету и территориальной целостности государства.

Современные угрозы культурному суверенитету в контексте угрозы национальной безопасности имеют объективный и субъективный характер.

Основными объективными угрозами являются: во-первых, практически тотальное распространение поведенческих образцов «общества потребления», утверждающих в качестве главной ценности существования человека его растущее потребление; во-вторых, массовая культура, сводящая высокие культурные образцы к их примитивному, ущербному восприятию.

Главная субъективная угроза в настоящее время — информационная агрессия геополитических конкурентов России, стремительно превращающаяся в информационную войну, целью которой является разрушение нашей культурно-исторической самоидентификации, использование культуры для дискредитации и разрушения национального суверенитета России.

Все это в совокупности представляет реальную угрозу базовым культурным ценностям России, российской ментальности (впрочем, равно как и основополагающим ценностям классической европейской и мировой цивилизации).

В сложившейся мирохозяйственной системе Российская Федерация имеет статус сверхдержавы. Так, по параметру «природные ресурсы» место нашей страны оценивается в 9 баллов², что соответствует такому статусу государства, которое может обеспечить развитие национальной экономики за счет собственных природных ресурсов на 80–100 %.

Как представляется, ресурсы сферы культуры России, как и ее природные ресурсы, безусловно, подтверждают великодержавный статус нашего государства. Нельзя согласиться с тем, что по непонятной традиции конечные результаты функционирования сферы культуры принято считать услугами. По нашему мнению, результат развития сферы культуры является благом, которое необходимо рассматривать с позиций экономики общественного сектора.

В данном контексте следует отметить, что в настоящее время концепция общественного сектора отражает, к сожалению, систему ценностей коллективного Запада. Но в будущем — и в этом нет никаких сомнений — она претерпит изменения под влиянием обобщения опыта развития государственности и традиций самоуправления в странах с другой культурой и другой цивилизацией. Является общепризнанным тот факт, что Япония, Китай и страны юго-восточной цивилизации с их патерналистской системой ценностей и коллективистской психологией придали новый облик процессам модернизации экономики и создали особую модель смешанной экономики. Не меньшее воздействие на формирование общечеловеческих ценностей и создание специфического типа смешанной экономики может и должна оказать Российская Федерация.

¹ Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости: пер. с англ. 2-е изд., доп. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2017.

² Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы. М.: Экономика, 2007.

В современных условиях социально-экономического развития нашу страну с ее культурным суверенитетом («замком Спящей красавицы на берегу Лебеди-

ного озера») с полным правом можно рассматривать как остров безопасности и устойчивого развития в будущем.

В. Д. Курганская¹

ДИСКУРС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕПЦИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

До недавнего времени общепринятым являлось представление, согласно которому концепция прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека является универсальной формой реализации гуманистической сущности и нормативно-регулятивных функций права, основой законотворческой деятельности международных организаций и критерием легитимности национальных законодательств. Но в последнее время все более влиятельной становится противоположная тенденция, направленная на дискредитацию политической идеологии и критику философских предпосылок, заложенных в основание концепции прав человека классическим либерализмом.

Доктрине прав и свобод человека в Конституции Республики Казахстан (п. 2 ст. 12) придан статус основополагающего принципа законодательства: «Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов»². Эта статья Конституции РК воспроизводит стандартную, принятую в документах ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций конструктивную схему разработки нормативного комплекса конституционного права демократических государств. Однако анализ этой схемы показывает ее логико-семантическую противоречивость, что ставит ряд серьезных, но не всегда верно понимаемых и корректно разрешаемых проблем перед законодательной и законоприменительной практиками.

В основополагающих международно-правовых документах, раскрывающих смысл прав человека и регламентирующих нормы их законодательного обеспечения, утверждается, что основные права и свободы человека носят универсальный, неделимый, взаимозависимый и взаимосвязанный характер. Но собственное понимание прав и свобод у представителей различных

культур и цивилизаций различно, и это многообразие не интегрируется на основе пусть и наиболее развитого, «продвинутого», но не универсального правосознания западноевропейского типа. В связи с этим ряд стран (в том числе Китай, Колумбия, Куба, Индонезия, Иран, Малайзия, Мексика, Пакистан, Сингапур, Вьетнам, Йемен) предлагают переопределить содержание понятия «права человека», усматривая в существующей дефиниции «идеологическую вотчину западной цивилизации»³, поскольку Всеобщая декларация прав человека 1948 года отражает западные ценности, а не их собственные.

Свою модель имплементации ценностей локальных культур в дискурс и праксис прав человека предлагает правовой мультикультурализм. «Мультикультурализм в области права утверждает, что <...> каждая культурная группа имеет (должна иметь) свою систему правовых норм и руководствуется только ею»⁴. Таким образом, правовым мультикультурализмом в правах и свободах человека легитимируются неассоциированные ценности культурного многообразия, которые могли бы послужить национально-государственной и международно-правовой основой для создания свободной коалиции народов и культур, а проводится идеология консервации и капсулирования культурных общин, их самоизоляции и геттоизации.

Идеология и политика правового мультикультурализма являются логическим выводом из установок постмодернистской философии на плюрализм мнений, на идею множественности вне единства, вне каких-либо тотализующих ценностей, на ризоморфность, приоритет различия перед единством. Аналогичные установки разделяют сторонники концепции радикальной демократии.

Концепция диалогического отношения контингентных универсальностей обосновывает стремление к радикальному плюрализму, который отвергает абсолютный синтез, неразрывно связанный с репрессивными дискурсами власти, и сохраняет критическую силу инаковости. С этих позиций концепцию прав человека следует воспринимать как обусловленную конкретными культурными и политико-историческими контекстами. Иными словами, универсальность прав человека — это *партикулярная универсальность*. Д. Батлер подчер-

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 25 монографий: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др. Член редколлегии журнала «Идеи», председатель редакционного совета международного научного журнала Global Scienc Communications. Награждена медалями «За заслуги в развитии науки», «20 лет независимости Республики Казахстан».

² Конституция Республики Казахстан. URL: <http://www.parlam.kz/ru/constitution>

³ Cerna Ch. M. Universality of Human Rights and Cultural Diversity: Implementation of Human Rights in Different Socio-Cultural Contexts // Human Rights Quarterly. 1994. Vol. 16, № 4 (Nov.). P. 740.

⁴ Честнов И. Л. Правовой мультикультурализм в контексте мирового культурного развития // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 525.

квивает открытость, незавершенность универсальности и рассматривает задачу демократической «контргегемонистской» политики в сохранении универсальности как места перманентного кризиса, не имеющего окончательных форм разрешения. Тем самым концепция культурного трансфера «обеспечивает средства для радикальной демократической практики в области прав человека»¹.

Как же на практике реализуется эта контргегемонистская, радикально плюралистическая политика в области прав человека? В соответствии с концепцией Д. Батлер, понятие универсальности должно быть раскрыто для своей трансформации в сторону радикального плюрализма на основе его конститутивной альтернативности путем постоянного утверждения конкурирующих универсалий, которые бросают вызов доминирующим и находятся с ними в отношении неразрешимого конфликта. Такого рода контргегемонистскую трансформацию традиционная консенсусная концепция прав человека претерпевает, например, через включение в нее прав «лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ)»². Другим примером такого расширения и углубления традиционной либеральной концепции прав человека могут служить права мигрантов.

Предложенный Э. Лакло и Ч. Муфф проект радикальной демократии направлен на трансформацию общественных отношений посредством расширения и углубления сферы компетенции таких либеральных демократических принципов, как свобода и равенство, в соответствии с логикой радикального плюрализма. В этом проекте демократическая политика рассматривается как «стремление к полной, всеохватывающей и идеальной демократии»³. Соответственно в концепции радикальной демократии как агонистической системы права человека должны рассматриваться как незавершенный проект, полная реализация которого остается вне досягаемости.

Как утверждает Сэмюэль Чемберс, следуя концепции радикальной демократии Эрнесто Лакло, мы

должны мыслить о правах человека в радикальных демократических терминах как о «призрачных правах», концептуализировать права человека через «логику призрака»⁴. Концептуализация ценностей прав человека возможна, если принимать их как ценности, которые никогда не могут быть полностью реализованы или достигнуты, поскольку такой результат приведет к утрате их *raison d'être* (смысла существования, разумного основания).

Адриан Литтл отмечает, что в последние годы радикальная демократия стала знаковой перспективой в современной политической теории. Радикальная демократия включает многочисленные теоретические аргументы и интерпретации демократии, что можно наблюдать в работах ряда теоретиков, оказавших значительное влияние на разработку концепции радикальной демократической политики, таких как Уильям Коннолли, Джудит Батлер и Венди Браун. Хотя эти теоретики соглашались с тем, что существуют серьезные проблемы в доминирующих либеральных концепциях демократии, они не связывают «конститутивный провал» демократии с отказом от критического пересмотра таких канонических принципов современной демократии, как народный суверенитет, голосование, представительство и верховенство права. А. Литтл призывает признать, что для радикальной демократии эти принципы не являются священными⁵.

В конституционном закреплении принципов прав и свобод человека юридически оформляется концептуальное содержание определенного круга философско-антропологических и социально-философских идей, определенной мировоззренческой парадигмы. Антиуниверсализм (война с тотальностью, любой нормативностью, политика различий и т. д.) как установка постмодернистского социального дискурса на культурную фрагментацию ведет не столько к критическому пересмотру просветительской концепции прав человека, сколько к демонтажу правового поля мультикультурного социума.

¹ *McNeilly K.* After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human Rights // *Law and Critique*. 2016. Vol. 27, № 3. P. 14.

² *Ibid.* P. 15.

³ *Ibid.* P. 10.

⁴ *Chambers S.* Ghostly rights // *Cultural Critique*. 2003. Vol. 54. P. 163.

⁵ *Little A.* Democratic Melancholy: On the Sacrosanct Place of Democracy in Radical Democratic Theory // *Political Studies*. 2010. Vol. 58, is. 5. P. 971.

В. В. Лапаева¹

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРИНЦИП: ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Тезис о том, что справедливость — это один из базовых принципов человеческого общежития, соответствует как традициям мировой философской мысли, так и достижениям современной социобиологии, утверждающей, что в человеческой ментальности генетически запрограммированы некие социокультурные универсалии, составляющие ценностно-нормативные основы представлений людей о справедливости. Но можно ли считать справедливость не просто важным, а главным принципом человеческого общежития?

Этот вопрос будет рассмотрен применительно к таким социальным подсистемам, как право и экономика. Ответ на него в значительной мере зависит от того, увязывается ли понятие справедливости с идеей равенства, либо справедливость трактуется как моральная оправданность порядка в рамках соответствующей системы отношений и/или как его социальная легитимность. Я буду исходить из философско-правовой традиции осмысления справедливости как соразмерности и эквивалентности в общественных отношениях по принципу воздаяния равным за равное, опираясь при этом на либертарно-юридический тип правопонимания, для которого справедливость как равенство в свободе является сущностной характеристикой права. Когда эта сущность права получает адекватное законодательное оформление, мы имеем дело с правовым законом, выражающим единство нормативной (право) и институциональной (правовая демократия) форм свободы.

С позиций данного подхода можно сказать, что рыночная экономика, суть которой является свободная конкуренция, — это экономика, функционирующая в нормативной форме свободы (то есть в правовой форме), гарантируемой институциональной формой свободы (демократией). Последний момент, идущий вразрез с популярными среди российских юристов и экономистов представлениями о том, что «рыночная экономика является основой существования демократического режима, но вовсе не делает его неизбежным»², имеет принципиальное значение: в отсутствие демократии возможна лишь имитация рыночной экономики. Дело

в том, что правовые гарантии свободы экономических отношений не могут быть обеспечены лишь посредством частноправового регулирования, тяготеющего к договорной форме. Без публично-правовой регламентации, основанной на демократической процедуре правотворчества, рыночные механизмы, функционирующие в логике накапливаемого преимущества, неизбежно будут вести к монополизации. Признание внутренней взаимосвязи рынка с правом и правовой демократией означает, что и справедливость в ее правовом смысле — это имманентная характеристика рыночной экономической системы. Если с позиций такого подхода рассмотреть перспективы формирования свободного рынка на глобальном и национальном (российском) уровнях, то можно сказать следующее.

Формирующаяся сейчас сетевая модель правовой регламентации глобальных финансово-экономических отношений, состоящая из частных правопорядков и представляющая собой своего рода «глобальный беспорядок нормативных порядков»³, — это проявление неразвитости глобального права и глобального рынка. Перспективы обеспечения свободной экономической конкуренции на глобальном уровне связаны с формированием институтов глобальной демократии, без которых экономическое развитие не будет иметь необходимых блокираторов против монополизации финансово-экономических ресурсов.

Для России проблема соотношения рынка и демократии имеет более актуальное значение, потому что без ее решения страна не сможет достойным образом влиться в глобальную экономику, а решение этой проблемы затрудняется (если не сказать, блокируется) системой собственности, сложившейся по итогам приватизации нашего общего социалистического наследия. В настоящее время в экономическом истеблишменте доминирует представление о том, что в России сформированы основные атрибуты рыночной экономики и теперь необходимо лишь обеспечить демократическую инфраструктуру, то есть создать независимую и некоррупцированную судебную систему, вырастить «класс неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев»⁴, сформировать представительную власть, способную к адекватному законодательному выражению социальных интересов и т. д.

Но такой подход не учитывает, что развитие рынка, права и демократии — это синхронные процессы, поскольку все эти социальные институты внутренне взаимосвязаны.

³ Walker N. Beyond Boundary Disputes and Basic Grids: Mapping the Global Disorder of Normative Orders // International Journal of Constitutional Law (I-CON). 2008. Vol. 6, № 3–4. Цит. по: Варламова Н. В. Принцип формального равенства как основание легитимации права в гетерархических правовых системах // Принцип формального равенства и взаимное признание права. М., 2016. С. 38.

⁴ Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 23.

¹ Советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Член редколлегии журнала «Социологические исследования». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

² Лафитский В. И., Мау В. А. Конституционная экономика и основы экономического положения личности // Очерки конституционной экономики. М., 2009. С. 94.

Признание внутренней взаимосвязи рынка с правом и демократией означает, что и справедливость в ее правовом смысле — это имманентная характеристика рыночной экономической системы. И если проблема справедливости в экономике приобретает особую остроту, это свидетельствует о дефектах в политико-правовом обеспечении рыночных отношений. Судя по всему, такие дефекты характерны сейчас не только для России. Показателен в этом плане тот интерес, который вызвала среди экономистов книга Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», посвященная проблеме концентрации богатства в руках владельцев крупного капитала. Накал и содержание дискуссий свидетельствуют о том, что проблема выходит за рамки экономической сферы и заслуживает серьезного внимания со стороны всего общества.

Главным предметом исследования Т. Пикетти является *неравенство в распределении доходов*, обусловленное тем, что доходность капитала систематически превышает темпы экономического роста, а наследование состояний усугубляет ситуацию. Такая постановка проблемы дает повод сторонникам экономического неоллиберализма обвинять его в том, что он возвел в ранг теоретического и этического тезиса элементарную зависть¹. Однако разговоры о зависти были бы уместны, если бы речь шла о призывах к фактическому равенству в потреблении. Но Т. Пикетти вовсе не приверженец социализма, он хочет лишь «создать справедливое общество в рамках правового государства, чьи законы известны заранее, применимы ко всем и могут подвергаться демократическому обсуждению»². Он критикует не сами масштабы неравенства, а его несправедливый характер, создающий ситуацию, когда прошлое (труд, уже овеществленный в капитале) начинает «пожирать» будущее (живой труд, создающий новое богатство). Его обоснование несправедливости подобных преимуществ, получаемых собственниками капитала, вписывается в логику правового подхода, который исключает привилегии (незаслуженные преимущества) одних участников экономических отношений и дискриминацию других.

Более содержательная критика связана с тем, что Т. Пикетти не учитывает высокий налог на капитал, установленный в ряде стран, а также масштабы благотворительности, существенно снижающие реальную доходность капитала. Однако с точки зрения либертарной теории права уже сам факт столь масштабной благотворительности, направленной на решение общих дел государства, означает чрезмерную концентрацию богатства в частных руках, лишаящую публичную власть возможности на надлежащем уровне обеспечивать общее благо. Присущее этому подходу понимание

общего блага как признания и реализации блага каждого на основе принципа формального равенства означает, что каждый имеет право голоса при решении вопроса о том, в чем состоит общее благо и как оно должно распределяться между членами общества. Кроме того, сама по себе возможность благотворительности — благо для того, кто ею располагает, а незаслуженность этого блага рассматривается обществом как несправедливость. Что же касается высокого налога на доходы с капитала, принятого в отдельных странах, то, по мнению Т. Пикетти, его локальный характер оставляет широкое пространство для «налоговой оптимизации» путем вывоза капиталов. Именно поэтому он предлагает ввести единый мировой налог на доходы с капитала.

Очевидно, что для России, где уровень неравенства в распределении богатства считается одним из самых высоких в мире, данный аспект проблемы приобретает особое значение. Другой важный для России момент, на который вынуждены обращать внимание даже приверженцы неоллиберальной экономической модели, — это изначальное происхождение богатства. Если предположить, что у нас сложилась ситуация совершенной конкуренции, пишет Р. Капелюшников, но при этом «первоначальная наделенность ресурсами является отражением прошлых актов насилия и агрессии, то тогда в условиях приведет совершенная конкуренция, было бы вполне правомерно расценить как “несправедливую”»³. Жаль, что автор не развивает тему применительно к российской приватизации, откровенно неправомерной, несправедливый характер которой является камнем преткновения на пути социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации. Справедливость не стала базовым принципом отечественной экономики, более того, такая постановка задачи подменяется идеями и практиками благотворительности в форме вынужденной «социальной ответственности» крупного бизнеса.

На все эти нерешенные российские проблемы в обозримой перспективе могут наложиться риски, которые несут в себе некоторые глобальные тенденции экономического (экспансию финансового капитала) и технологического (автоматизацию, роботизацию производства, коммерческое использование НБИК-технологий и т. п.) развития. Социальные последствия этих тенденций еще весьма туманны, а те превентивные меры, которые сейчас обсуждаются, как минимум будут недостаточны, поэтому тема справедливости в ее преломлении к перспективам экономического и правового развития приобретает для России беспрецедентное значение.

¹ Макклоски Д. Н. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 4. С. 163.

² Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2015. URL: <http://www.capitalism.filosoff.org>

³ Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. URL: <http://www.polit.ru.Статья2017/04/15/inequality>

А. А. Ливеровский¹

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Развитие в нашей стране конституционной экономики как научного направления в последние три десятилетия проходило сложно и неравномерно. Данное направление, основанное западными экономистами, потребовало от российских ученых не только осознанного признания объективности рыночных подходов, но и понимания необходимой совместимости экономических решений с социальной сущностью конституционного права. Осознание новой парадигмы конституционного права пришло с принятием Конституции 1993 года и, что особенно важно, с началом эффективной деятельности Конституционного Суда РФ. Восприятию новой парадигмы мешали глубоко укоренившиеся в правосознании российских правоведов позитивизм и советское представление о Конституции как о «праздничном» правовом акте, не связанным с реальным законодательным режимом.

Почти все исследования по конституционной экономике начинались с уточнения авторского представления о конституции. Современные российские правоведы позже других дистанцировались от позитивистской парадигмы понимания Конституции как Основного закона², то есть как правового акта, составленного из нормативных предписаний, имеющих высшую по отношению к действующему законодательству юридическую силу и в основном регулирующих вопросы государственного устройства и полномочий органов государственной власти.

Конституционная реформа 1993 года принесла содержательно иное (по крайней мере, для россиян) представление о роли регулирующего воздействия Конституции на общественные отношения. Основную, базовую часть российской Конституции составляют правовые принципы, которые вытекают из традиционных демократических стандартов европейских конституций. Конституционные принципы определяют высшее по юридической силе регулирующее воздействие на общественные отношения в государстве.

Для осмысления регулирующего влияния Конституции на экономические процессы, в частности для выявления конституционно-правовых предпосылок развития экономики, представляется целесообразным

выяснить содержание и механизм регулирования общественных отношений посредством правовых принципов, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации.

Для современных правоведов становится все более привлекательным юридическое (естественно-правовое) правопонимание, характеризуемое разграничением права и закона и представляющее *право* как нечто объективно существующее, не зависящее от субъективного волеизъявления законодателя, в частности от несправедливого усмотрения органов государственной власти. Ссылаясь на правовую позицию Т. Н. Нешатаевой³, можно утверждать, что юридической формой естественного права являются *правовые принципы*.

Проведено исследование⁴, позволяющее заключить, что правовые принципы, содержащиеся в Конституции (конституционные принципы), имеют естественное происхождение, то есть являются элементами естественного права. Естественный характер их происхождения дает возможность утверждать их объективность по отношению к законам, принимаемым законодательными органами государственной власти. В данной работе доказано, что уникальной характеристикой регулирования общественных отношений конституционными принципами (конституционного регулирования) является возможность воплощать *справедливость* и *нравственные начала* в жизнь людей и общества.

Из совокупности конституционных принципов можно выделить базовую систему фундаментальных конституционных принципов. При этом конкретную систему основополагающих (фундаментальных) конституционных принципов следует называть конституционной моделью исходя из тех смыслов, которые придают этому понятию современные исследователи⁵.

Конституционные принципы реализуют определенную иерархию социальных ценностей во главе с ценностью, признанной обществом высшей. Признание социальных ценностей было обусловлено их духовным осмыслением, которое влекло за собой общее согласие людей, осознавших необходимость регулирования общественных отношений правовыми принципами, реализующими эти ценности, прежде всего высшую ценность — жизнь человека. Развитие цивилизации привело к осознанию людьми высшей ценности иного уровня конституционной культуры — достоинства человека. Достоинство человека как высшая ценность воплощает все аспекты *достойной* жизни человека, включая экономические, такие как свобода экономической деятельности, защита конкуренции, гарантии права собственности. В этом плане примечательна мысль Н. С. Бондаря о том, что категория «достоинство человека», которая «генетически имеет нравственно-этиче-

¹ Научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Правовой статус и экономическое развитие субъекта Российской Федерации», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Перспективы претворения шариата и адата в современной России», «Юриспруденция и математика (Общность познавательных структур)», «Коррупция как деформация конституционализма». Судья Уставного суда Санкт-Петербурга в отставке. Заместитель председателя Межрегиональной ассоциации конституционалистов России. Награжден Почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», золотой медалью Конституционного суда Республики Армения.

² Конституция СССР 1977 года.

³ Нешатаева Т. Н. Суд и общепринятые принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 126–128.

⁴ Гаджиев Г. А., Ливеровский А. А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур). Махачкала, 2016.

⁵ Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. С. 16.

ское происхождение», то есть, как и иные конституционные ценности, имеет естественное происхождение, является «основой базисных ценностей современного конституционализма»¹.

В отличие от конституционных ценностей конституционные принципы равноценны, поскольку они выражают различные, но принципиально равноценные социальные притязания (интересы).

Содержательным отличием правового принципа от нормы является то, что применение правового принципа, изменяя или сохраняя социальную, экономическую или политическую ситуацию в обществе, целенаправленно соотносит их с признанными в обществе моральными требованиями, например со справедливостью².

Для решения вопроса о конституционности закона Конституционный Суд РФ (далее — Суд) толкует фундаментальные конституционные принципы, то есть наполняет их правовым содержанием применительно к конкретному казусу, рассматриваемому Судом, и в соответствии с этим содержанием определяет меру воздействия каждого принципа на рассматриваемые общественные отношения. Фундаментальные конституционные принципы образуются с помощью инструментальных *фикций* (например, *равенство*) и могут иметь текстуальное выражение. Например, фундаментальный конституционный *принцип равенства* отражен в тексте (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ) так: «все равны перед законом и судом». В решениях Суда фигурируют иные конституционные принципы, например принцип *справедливости*, как указывалось выше, имеющий естественно-правовое происхождение. Описание его рациональной модели следующее: первичное понятие (*фикция*) «справедливость», имеющее условно-субъективное значение, в результате правотворческих действий Суда превращается в объективную реализацию принципа *справедливости*, закрепляемую правовыми позициями Суда. Принципы соразмерности, пропорциональности и добросовестности «попали» в конституционные принципы, то есть в мотивировочные части решений Суда, пройдя длительную историю развития естественного права.

Поскольку правоотношение, сложившееся на основе рассматриваемой Судом нормы позитивного права, может лежать в сфере действия сразу нескольких конституционных принципов, Суд определяет воздействие на общественные отношения конституционных принципов в их системной взаимосвязи. Обычно выделяются «парные» конституционные принципы, которые определяют коллизионное (конкурирующее) воздействие на рассматриваемые общественные отношения. Системное воздействие конституционных принципов предполагает определение *меры* действия каждого из относящихся к правовой ситуации конституционных принципов. Легализуют установленный баланс системного воздействия конституционных принципов на общественные отношения, связанные с рассматриваемым Судом юридическим казусом, так называемые правовые позиции Суда, являющиеся содержательной основой мотивировочной части соответствующего решения.

Рассмотрим содержание некоторых «парных» конституционных принципов, например экономической свободы и социального государства. С помощью первого конституционного принципа обеспечиваются социальные интересы предпринимателей, работодателей, частных собственников. Другая категория граждан, которая нуждается в социальной помощи от государства, находится «под зонтиком» конституционного принципа социального государства. Конституционный принцип экономической свободы системно взаимосвязан с экономическими принципами эффективности и максимизации прибыли, а принцип социального государства — с экономическими процессами перераспределения получаемой предпринимателями прибыли. Получается взаимосвязанная, но коллидирующая³ (в силу разнополюсности интересов) пара конституционных принципов. Суд, принимая решение по предложенному ему юридическому казусу, определяет меру воздействия каждого из данных конституционных принципов на соответствующие казусу общественные отношения, тем самым находит текущий баланс соотношения этих фундаментальных конституционных принципов, определяющий конституционное развитие государства.

¹ Бондарь Н. Достоинство личности в аксиологической системе конституционного правосудия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2014.

² Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. С. 45.

³ Коллидировать — создавать конфликт, коллидирующие — находящиеся в противоречии.

А. И. Лученюк¹**ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Влияние культурного фактора на развитие экономики обнаруживается прежде всего в формировании системы взаимоотношений при создании, обращении и потреблении производимых в обществе благ. При этом важную роль играют не только официально установленные правовые нормы, но и исторически сложившиеся неформальные институты, на которые культурный фактор оказывает серьезное влияние.

При конкретизации влияния культуры на экономические процессы необходимо определиться с трактовкой термина «культура». На наш взгляд, для этой цели более приемлема трактовка культуры как системы индивидуальных убеждений и социальных норм, которая поддерживает равновесие Нэша при повторных социальных взаимодействиях². Исходя из институционального подхода, культуру можно рассматривать как систему отражения реальности в рамках сложившихся формальных и неформальных институтов, включая исторически сложившиеся традиции, особенности государственной политики, идеологии, общественной психологии и морали.

Для успешного развития экономики недостаточно хороших законов и сильной политической власти. Хотя многие страны Латинской Америки формально скопировали (или были вынуждены скопировать) юридическую систему США, эффективность функционирования их экономик в рамках навязанной правовой среды оказалась ниже, чем у северного соседа. По мнению Ф. Фукуямы (F. Fukuyama), эта дифференциация обусловлена различием в культурах, если США унаследовали культуру Британии и протестантизма с его поощрением деловой активности, то Латинская Америка получила в наследство разнящиеся между собой культурные традиции Пиренейского полуострова, которые и обусловили формирование менее эффективной экономической культуры южнее США. Он сделал вывод, что различия в способности заставить работать современные общественно-политические институты явились результатом влияния религиозного наследия и культурной традиции³.

¹ Заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Институциональные инструменты реформирования экономики», «Влияние институциональной политики на экономический рост», «Институциональная политика и проведение экономических реформ», «Проблемы совершенствования белорусской институциональной системы», «Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики» (в соавт.), «Институциональная и макроэкономическая политика» и др. Член экспертного совета Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь. Награжден почетными грамотами Министерства экономики Республики Беларусь, Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, Президиума Национальной академии наук Беларуси.

² Greif A. Cultural beliefs and the organization of society: A historical and theoretical reflection on collectivist and individualist societies // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102, iss. 5. P. 912–950.

³ Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. N. Y. : Free Press, 1999 (рус. перевод: Фукуяма Ф. Великий разрыв. М. : АСТ, 2003).

Г. Табеллини (G. Tabellini) предпринял попытку доказать зависимость деловой активности от исторического наследия на основе исследования в различных регионах Европы трех стимулирующих культурных факторов: взаимного уважения, доверия, а также убежденности, что прилагаемые в бизнесе усилия, вероятнее всего, окупятся. Он сделал вывод, что эти факторы серьезно влияют на экономическую деятельность и позволяют быстрее преодолевать неэффективное равновесие, уменьшать транзакционные издержки и увеличивать доход. Активное или пассивное поведение в экономической сфере, по мнению Г. Табеллини, во многом зависит от культурных традиций. Поэтому в отсталых регионах необходимо вкладывать средства прежде всего в развитие экономической культуры, что облегчит появление местных предпринимателей⁴.

Таким образом, культура общества оказывает серьезное влияние на создаваемые людьми формальные и неформальные институты, регулирующие динамику экономического развития. Особенно важную роль культурный фактор играет при импорте институтов. Если требования культурной среды не учитываются, возникает необъяснимые для мейнстримовских экономистов ситуации, когда действенный сам по себе экономический институт оказывается неэффективным в неадекватных ему условиях. Поэтому при навязывании нам институтов развитых западных стран необходимо учитывать предшествующий период развития постсоветского общества, его историю, традиции, психологию и отличительные свойства общественного самосознания, определяемые понятием «менталитет».

Именно историческая дифференциация менталитета наций во многом обусловила формирование двух типов институциональных матриц. Исходя из трактовки С. Г. Кирдиной, в мире сосуществуют два типа социального устройства обществ, различающиеся спецификой образующих их исходных матричных структур. В одном случае преобладает централизованная иерархическая организация общества с доминированием в общественном сознании примата коллективного над личным (X-матрица). К таким странам относятся Россия, другие государства ЕАЭС, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии. Условно ее называют восточной (или азиатской) институциональной матрицей. Другая модель институционального устройства обусловлена преобладанием в обществе саморегулирующихся структур с приматом в общественном сознании частных интересов. Такая Y-матрица доминирует в Западной Европе и США и получила название западной институциональной матрицы⁵.

⁴ Tabellini G. Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // Levine's Working Paper. 2006. URL: <https://www.princeton.edu/rppe/speaker-series/speaker-series-2006-07/tabellini.pdf> (дата обращения: 04.03.2018).

⁵ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию. 3-е изд., перераб. СПб. : Нестор-История, 2014.

Восточный тип матрицы характерен для стран, в которых население большую часть истории прожило под властью царей, императоров, султанов и генеральных секретарей с практически неограниченными полномочиями, поэтому их культурные традиции отличаются от стран с Y-матрицей, где сложились шаблоны культуры на основе приоритета индивидуализма. При игнорировании специфики социокультурных факторов попытки внедрить институты, характерные для англосаксонской культуры, в страну с восточной институциональной матрицей малоперспективны и могут привести к институциональной ловушке — тупиковой ситуации, когда любое управленческое решение ведет лишь к ухудшению положения.

В Россию же импортирован институт независимости Центробанка от других органов государственной власти (ст. 75 Конституции РФ), и на сайте Банка России определено, что «он не является органом государственной власти, вместе с тем его полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти»¹. Нынешний правовой статус этой орга-

низации не соответствует веками сложившимся в стране традициям, когда государи и генеральные секретари через своих подчиненных контролировали и распоряжались основными денежными потоками. Поэтому сохранение за российским Центробанком независимого статуса создает потенциальные угрозы центральной власти. Негативный мировой опыт есть: реализация на практике принципа независимости центробанка создала в 2010 году серьезные финансовые и политические проблемы президенту Аргентины К. Киршнер.

Заложенный иностранными консультантами странный статус Банка России позволяет ему действовать в интересах третьих стран.

Таким образом, западный опыт нужно учитывать, но только в том случае, если он соответствует сформировавшейся в стране культуре с учетом специфики институциональной матрицы. В противном случае вместо обеспечения экономического роста произойдет усиление зависимости от других стран, что не соответствует менталитету населения, ориентированного на успешное развитие сильного и независимого государства.

Т. Б. Малинина²

ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ БУДУЩЕГО (Экономический аспект)

Культура сегодня приобретает много смыслов и значений. Она является одной из наиболее важных характеристик общества и пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, оказывая влияние на образ жизни общества и отдельной личности. С точки зрения технологического подхода культура понимается как определенный уровень производства и воспроизводства общественной жизни, совокупность материальных и духовных результатов человеческого труда. Отсюда культура рассматривается как материальная и духовная. В настоящий момент мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, поэтому рассмотрим к материальной составляющей культурного развития, которая включает способы производства, его технологии, орудия труда, жилище, одежду, быт и т. д. Именно материальная культура создает уровень жизни общества, характер материальных потребностей и их удовлетворение.

¹ Правовой статус и функции Банка России / Центральный банк РФ. URL: <http://www.cbr.ru/today/?Prtd=bankstatus> (дата обращения: 16.03.2018).

² Профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 154 научных публикаций, в т. ч.: «Мера труда и мера потребления», «Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона», «К вопросу о сбалансированном взаимодействии производства и потребления в социально-экономическом развитии (потребительно-стоимостной подход)», «Время как социальное измерение», «Социальные аспекты экологической безопасности», «Место цифровой экономики в социальном развитии человека и общества» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, грамотой Ассоциации профсоюзных организаций высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

В последнее время много говорится о цифровой экономике, цифровизации, виртуализации и новой индустриализации, основанной на новых экономических отношениях, где производительные силы обладают высокотехнологичным программным обеспечением, цифровыми каналами связи, алгоритмами, цифровыми платформами и т. п. Все это коренным образом меняет культуру труда, общения, досуга.

Информационная революция предвосхищает глубокие социальные изменения, которые научному сообществу необходимо осмыслить. Все мировые индустрии подвержены ее влиянию, в том числе и Россия. Информационные технологии, стремительно развиваясь, проникают во все сферы общественной жизни, изменяя ее социальное устройство, хозяйственную жизнь и труд, области политики, образования, здравоохранения, культуры и досуга. Создается новый тип промышленного производства, опирающийся на анализ больших данных, полную автоматизацию производства, технологию Интернета вещей, виртуализацию пространства и т. д. Информационное общество, по мнению западных социологов (Д. Белла, Э. Тоффлера, А. Турэна и др.), представляет собой качественно новую стадию социального развития.

Президент неоднократно подчеркивал, что информационные технологии — это драйвер для развития модернизации страны, повышения качества жизни людей, формирования новой технологической основы отечественной экономики, в социальных отраслях, здравоохранении и образовании³.

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

Информационные технологии в науке называют симуляционными, так как компьютеризация и интернетизация повседневной жизни вводят в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков¹. Технические инновации и изобретения подчас опережают массовое сознание, и к их потреблению человечество интеллектуально еще не готово.

Новый виток информационно-технологического прогресса фундаментально изменит нашу жизнь, труд, общение и сознание и, как заметил К. Шваб, «характеризуется целым рядом новых технологий, которые дублируют физические, цифровые и биологические миры, влияющие на все сферы: экономику, промышленность и даже на сложные идеи о том, что значит быть человеком»².

Интеллектуальный труд будет все больше востребован в основных отраслях материального производства. Массовое внедрение киберфизических систем в производство приведет к кардинальным изменениям на рынке труда, а именно к массовому сокращению рабочих мест. Люди, потерявшие рабочие места, вынуждены искать работу в других сферах деятельности или пополнять ряды безработных. Согласно статистике Давосского форума, к 2020 году в мире сократят 4,5 млн офисных работников, 1,6 млн занятых в производстве, около 0,5 млн — в строительстве, но появятся новые рабочие места в сфере бизнеса и финансов (около 500 тыс.), менеджмента и ИТ (по 400 тыс.), архитектуры и инженерии (300 тыс.), продаж (300 тыс.). Нетрудно подсчитать, что сокращенных рабочих мест гораздо больше, чем вновь созданных.

Таким образом, независимость человека от производства приведет к массовой безработице. Представители Римского клуба утверждают, что научно-технический прогресс надо ограничить, так как он неизбежно приведет к социальной катастрофе, подчинению человека технике. К. Шваб указывает на ряд последствий для человека, которые будут иметь место с приходом информационной революции: «Мозговая дискриминация: люди — это не только их мозг, следовательно, в зависимости от ситуации возникает риск принятия решений (в сферах от юриспруденции до управления кадрами, от потребительского поведения до образования) только на основе мозговых данных; угроза чтения мыслей/снов/желаний и отсутствие частной жизни; угроза медленной, но неотвратимой утраты творчества или человеческого участия, возникающая (по большей части) в результате преувеличения возможностей наук о мозге; стирание границ между человеком и машиной;

...культурное изменение; потеря человеческой коммуникации; повышение результативности; расширенные когнитивные возможности человека приведут к новым типам поведения»³.

Некоторые эффекты наблюдаются уже сегодня. Погружаясь в цифровую среду, человек теряет свою индивидуальность, его поведение становится оцифрованным, подчиненным неким алгоритмам, он перестает думать, происходит отчуждение его внутреннего мира, отсутствует свобода выбора, формирования собственной личности.

В российском обществе много нерешенных социокультурных проблем, которые с наступлением информационной революции не только не преодолеваются, а, наоборот, усугубляются. Речь идет о значительном расслоении людей по доходам, которое только усиливается. Если в 2010 году различие между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных людей составляло 13,9, то в 2015 году — 15,6 раз. По данным Credit Suisse, на долю 1 % населения РФ приходится 74,5 % богатства страны. По этому показателю Россия является самой неблагополучной страной в мире. Если в 1992 году коэффициент Джини составлял в России 0,289, то в 2016-м — уже 0,414 (данные Росстата). Это очень высокий неблагоприятный показатель, по которому Россия находится лишь в шестом десятке стран мира.

Таким образом, информационная революция приведет нас к созданию бездуховной цивилизации, построенной на базе цифровых технологий и искусственного интеллекта, коренным образом изменит человеческую личность, так как цифровые технологии — это новые ценности, информационная культура, принципы этики и эстетики, поведенческие практики. Однако будем оптимистами. Информатизация — это глобальный мировой процесс, включающий социотехнический и социокультурный процессы, в их основе лежат новейшие компьютерные технологии и информационная революция, которые еще предстоит осмыслить научному сообществу. В связи с этим общество должно быть готово вступить в новую социокультурно-экономическую реальность современного мира⁴, процессы глобализации которого требуют, с одной стороны, глубокого освоения культурного наследия (материального и духовного), обмена культурными ценностями между различными народами, а с другой — преодоления традиций и сложившихся стереотипов. Для этого необходимо формирование разумных информационных потребностей общества и новой информационной культуры.

¹ Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб., 2002. С. 92.

² Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

³ Шваб К. Указ. соч.

⁴ Юдина Т. Н., Тушканов И. М. Цифровая экономика как результат промышленно-технологической революции (теоретические и практические аспекты) // Мировая экономика. 2017. 30 мая.

О. В. Мартышин¹

ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

До сравнительно недавнего времени секуляризация рассматривалась как объективный исторический процесс. Суть его, по удачному определению Бр. Р. Вилсона, состоит в «постепенном вытеснении представлений о сверхъестественном из всех социальных институтов, кроме тех, которые специально посвящены насаждению знаний о постулируемом сверхъестественном порядке и поддержанию отношений с ним»².

Процесс этот длительный и неравномерный. Причины и формы его многообразны. Секуляризация возникла на Западе, но с экспансией западной цивилизации приобрела глобальный характер. Ныне трудно найти уголок земного шара, куда бы это явление не проникло.

Примерно два десятилетия назад возникла концепция десекуляризации и постсекулярного общества³. Ее инициаторами выступили признанные религиоведы — почетный профессор Бостонского университета П. Бергер (под его редакцией в 1999 г. вышла книга «Десекуляризация мира»⁴) и Бр. Тернер (Австралия). Оба ранее считали секуляризацию глобальной тенденцией. Термин «постсекулярное общество» связывают с именем известного философа Ю. Хабермаса⁵.

Концепция десекуляризации рассматривается как отклик на возросшую роль религии в современном мире. Сторонники идеи десекуляризации не отождествляют это явление с восстановлением прежнего статуса традиционных религий. Современность, по их мнению, характеризуется религиозным плюрализмом, появлением множества новых религиозных движений, нередко в форме потребительских культов здоровья и благополучия, отвергаемых религиозным фундаментализмом. Важно отметить, что они не являются противниками секуляризации и не призывают от нее отказать. Они всего лишь исходят из того, что религия по-прежнему жива и оказывает серьезное влияние на общественную жизнь, что религиозные взгляды и практика заслуживают уважения и равноправия, что атеизм не следует возводить в ранг государственной идеологии. Цель авторов концепции — не десекуляризация, а плюрализм мнений и организаций, преодоление нетерпимости, дискриминации, взаимоуважение, диалог между представителями разных убеждений, сохранение всех исторических завоеваний светского государства.

Основные тезисы теории десекуляризации не вызывают возражений. В самом деле, религия не только не исчезла, но в ряде случаев наращивает свое влияние. Не менее очевидно, что секуляризация возникла и в наибольшей мере преобразовала жизнь на Западе, а не на Востоке, что у народов Востока и Юга секуляризация коснулась лишь вестернизированной элиты, а подавляющее большинство населения сохранило традиционный жизненный уклад, что в ряде стран в наши дни с разной степенью активности и последовательности развиваются процессы десекуляризации. Но эти верные по существу, хотя и лишенные оригинальности и новизны положения сопрягаются с некоторой односторонностью, которая получила яркое воплощение в названии концепции и стала независимо от воли создателей ее фирменным знаком.

Явления, к которым привлекают внимание П. Бергер, Б. Тернер, Ю. Хабермас и другие, вполне укладываются в представления о борьбе двух тенденций — секуляризации и десекуляризации, которые сопутствуют человечеству с момента возникновения первых сомнений в безусловности религиозной картины мира. Между тем парадоксальное название теории и термин «постсекулярное общество» наводят на мысль, будто эпоха секуляризации завершилась. А ведь именно это внушают религиозные ортодоксы и все противники светского государства.

Такая интерпретация концепции десекуляризации характерна и для некоторых наших соотечественников. Редакция журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», издаваемого Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, характеризует «постсекулярный контекст как ситуацию возвращения религии в политику, экономику, культуру, публичное пространство, которое, в свою очередь, накладывается на реальность, сложившуюся в результате масштабных процессов десекуляризации»⁶. В отличие от вышеназванных теоретиков, здесь десекуляризация понимается в буквальном смысле слова как отказ от секуляризма, ставшего якобы всецело достоянием истории, как наступление принципиально нового этапа развития человечества.

В этом новом контексте предлагается рассматривать и проблему светского государства. Ее традиционное понимание некоторым представляется устаревшим, относящимся к эпохе секуляризации. Вопрос становится политически острым. Депутат Государственной Думы от фракции КПРФ, глава Комитета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений С. Гаврилов считает, что понятие светского государства нуждается в толковании Конституционного Суда РФ, так как отсутствие ясности «дает повод для антицерковных, антипатриотичных выступлений»⁷. Не ожидают ли от Конституцион-

¹ Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия права», «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др. Член редколлегии журнала «Государство и право».

² *Wilson Br. P. Secularization // The Encyclopedia of Religion. N. Y. ; L., 1987. Vol. 13. P. 159.*

³ Этой теме посвящен выпуск журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (М., 2012. № 2).

⁴ *Berger P. U. The Desecularization of the World. Michigan, 1999.*

⁵ *Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 21.*

⁶ Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 5.

⁷ НГ — Религии. 2017. 2 авг. С. 14.

ного Суда интерпретации, выхолащивающей содержания неновой и, казалось бы, понятной категории?

Своеобразный вариант размывания, а по существу, отрицания рассматриваемой категории представил И. В. Понкин. Он полагает, что «государство вправе самостоятельно выбирать модель светскости, на основе которой выстраиваются отношения с религиозными объединениями»¹. К этому бесспорному тезису следовало бы добавить только то, что государство, как носитель суверенитета, вправе отказаться от «модели светскости». Эту возможность И. В. Понкин как будто игнорирует. По его типологии практически все современные государства, за исключением Ватикана и, как это ни странно, США, относимых им к «авторитарно-идеократическому типу» несветского государства², являются светскими. При такой типологии Исламская Республика Иран или Королевство Саудовская Аравия оказываются светскими государствами «контаминационного», то есть смешанного, типа³.

Государственно-конфессиональные отношения в современном мире многообразны и не поддаются безусловному делению на светские и несветские. Между двумя полюсами существует обширная промежуточная зона, и подавляющее большинство государств пребывает именно в ней, тяготея к тому или иному полюсу. Ясности концепции светского государства не способствуют превратное толкование десекуляризации и постсекулярного общества, попытки вытеснить складывавшиеся с конца XVIII века представления о светском государстве «светскостью понимающей», «светскостью конструктивной», основанной на «реализации государством расширенного сотрудничества с религиозными объединениями традиционных религий»⁴.

В качестве принципов «конструктивной светскости» выдвигаются следующие положения:

1) полностью внерелигиозное государство невозможно, «попытки создать такое государство превращают его в антирелигиозное недемократическое государство»⁵;

2) «конституционная норма о юридическом равенстве религиозных объединений перед законом не означает требования абсолютного юридического (?) ... равенства всех религиозных объединений между собой во всем, и прежде всего в отношениях с государством»⁶;

3) требование внерелигиозности государственного и муниципального образования «равнозначно требованию внекультурности и вненациональности образования» и представляет собой либо утопию, либо «сознательную дискриминацию и нарушение прав граждан по признаку отношения к религии»⁷;

4) «государство должно всемерно ограничивать право на атеистические убеждения», если атеизм рассматривается как «возможность ничем не ограниченной (?) критики религии, религиозных убеждений и верующих»⁸.

От такого рода «конструктивной» или «понимающей» светскости следует защищать общепринятую, сложившуюся в «эпоху секуляризма» концепцию светского государства, в основе которой лежат три основных принципа: отделение церкви от государства, свобода совести и равенство религиозных убеждений и организаций перед законом. Когда эти требования не соблюдаются, речь идет не о выборе «модели светскости», а о нарушении одного из важнейших положений конституционного права.

**В. И. Маршев⁹,
В. Ф. Богачев¹⁰**

МЕНТАЛИТЕТ «НОВЫХ РОССИЙСКИХ МЕНЕДЖЕРОВ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В современных социально-экономических условиях функционирования российских компаний крайне актуальным становится уровень культурного раз-

вития управленцев всех звеньев. Причем культурное развитие рассматривается в широком смысле, то есть не только в плане профессионализма и креативности — оценивается и уровень культурного потенциала, базирующийся на национальном наследии и ориентированный менеджера на применение своего человеческого капитала не только для развития своего бизнеса и удовлетворения собственных благ, но и на активное участие в формировании величия своей нации. К сожа-

¹ Понкин И. В. Современное светское государство. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 50.

² Там же. С. 248–249.

³ Там же. С. 252–254.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 160.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ Там же. С. 65.

⁹ Профессор кафедры управления организацией, директор Центра спортивного менеджмента экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «История управленческой мысли», «О кадровом обеспечении модернизации страны», «Как обучать и/или научать стратегическому мышлению и озарению?», «О кризисе менеджмента и подготовке менеджеров», «Сценарный менеджмент: истоки, основы и направления развития», «Сценарный менеджмент как новая парадигма управления», «О состоянии и проблемах развития управленческой мысли» и др.

¹⁰ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Управление инновационным развитием региона: системный подход», «Проблемы и перспективы развития инновационного предпринимательства», «Научные основы формирования инновационной региональной системы», «Стратегия комплексного развития мегаполиса на основе менеджмента качества», «Ручное управление в технологии стратегического анализа», «Национальная инновационная система как институциональная основа экономики знаний», «Сценарный подход к управлению предпринимательскими рисками», «Развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса» и др.

лению, в настоящее время вторая составляющая менее востребована в практике российских компаний.

Дефицит интеллектуально развитых креативных руководителей, в содержании труда которых гармонично сочетались бы знания и умения в области управления и отраслевой специфики и высокий культурный потенциал, привел к появлению «новых эффективных менеджеров», имевших в лучшем случае экономическую подготовку, главной целью деятельности которых было управлять экономическими отношениями с целью получения прибыли любой ценой на фоне полного отсутствия экономической культуры. Последствия такой кадровой политики сказались довольно быстро и коснулись многих отраслей науки и техники, где Россия раньше занимала ведущие позиции в мире, что, в свою очередь, привело к упадку российской экономики и ее подверженности любым внешним экономическим воздействиям.

В специальной экономической литературе длительное время ведутся дискуссии на тему соотношения в содержании труда менеджера специальных профессиональных знаний в конкретной отрасли производства и знаний, умений и навыков в области научного менеджмента, базирующегося на концепции развития инновационного человеческого потенциала.

В качестве примера можно привести реформу Академии наук РФ, которая началась несколько лет назад и имела своей целью, как утверждали ее авторы, дать ученым возможность сконцентрироваться на научных исследованиях, разгрузив их от забот по управлению имуществом и финансами, которые, по их мнению, следует поручить профессионалам. Это лишь подтверждает высказанную нами выше мысль. В дальнейшем выяснилось, что целью было уничтожение РАН, в собственности которой находились весьма привлекательные ликвидные активы и которая проводила независимую от власти политику. В результате было создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) — чисто бюрократическая организация, которой были переданы все права по управлению отраслевыми научно-исследовательскими институтами. В итоге руководить наукой, стратегией ее развития стали чиновники и финансисты, в результате чего резко снизился научный потенциал страны и в той же пропорции возросли объемы требуемой от ученых зачастую ненужной отчетности.

Решение вопросов подготовки профессиональных управляющих, способных отвечать на новые вызовы, было актуальным уже в конце XIX века, занявший пост премьер-министра в правительстве Николая II С. Ю. Витте, решая задачу создания конкурентоспособной системы управления национальной экономикой, уделял этому направлению особое внимание. Его серьезные усилия привели к тому, что за 4–5 лет практически без затрат государственных средств были учреждены и оснащены оборудованием 3 политехнических института и 73 коммерческих училища, а также реорганизованы несколько промышленно-художественных заведений, в том числе Строгановское училище технического рисования.

В заслугу С. Ю. Витте следует поставить и закон 1897 года о сельских ремесленных учебных мастер-

ских¹. Реформы, предложенные С. Ю. Витте в области подготовки руководящих кадров, явились продолжением идей И. А. Вышнеградского, разработавшего в 1884 году Проект подготовки промышленных кадров, который даже по современным меркам поражает системностью и комплексностью содержания. Для предложенных им пяти категорий управленческих и коммерческих кадров он разработал подробные требования, перечни учебных заведений, содержание учебных планов и программ, форм и методов обучения, объемы финансовых затрат на обучение². В связи с этим хотелось бы еще раз подчеркнуть особенность менталитета современных руководителей, предлагающих разрушить все «до основания, а затем...», игнорируя в контексте данной проблемы богатый исторический опыт, накопленный за столетия существования российской школы управления.

После революции задачу подготовки управленческих кадров власти решали исходя из имеющихся ресурсов, когда по сокращенным срокам обучения готовились специалисты и руководители через специфическую систему рабфаков, а также проходящих стадию становления высших учебных заведений. Одновременно формировалась система подбора, подготовки и продвижения по служебной лестнице, основным принципом функционирования которой являлся тезис В. И. Ленина о том, что политика первенствует над экономикой³. В соответствии с этим принципом советский руководитель, во-первых, обязательно должен быть членом Коммунистической партии. Во-вторых, продвижение по службе должно было предусматривать обязательную работу в партийной организации перед занятием следующей в иерархии управления руководящей должности.

Одновременно продолжались эксперименты по оптимизации содержания труда руководителей, которые готовились как в технических, так и в экономических и финансовых вузах. Следует отметить опыт Ленинграда, где начал функционировать первый в стране инженерно-экономический институт. Он был создан на базе открытых в 1897 году по настоянию С. Ю. Витте петербургским предпринимателем М. В. Побединским Счетоводных курсов. Эти курсы, прообраз будущего ИНЖЭКОНа, стали в 1906 году **первым в России самостоятельным высшим экономическим учебным заведением**, где готовились потенциальные руководители производства.

Результатом проводимой властью политики «структурной оптимизации» сферы подготовки руководителей производства стал дефицит профессиональных менеджеров, способных эффективно руководить ведущими отраслями народного хозяйства. Можно привести много примеров, которые подтверждают тезис «руководить производством должны профильные специалисты, знающие специфику объекта управления». То же относится к предприятиям сферы услуг, туристической отрасли, к ресторанному бизнесу, спорту и другим отраслям.

¹ <http://istoriarusi.ru/imper/reformi-vitte.html>

² Маршнев В. И. История управленческой мысли. М. : ИНФРА-М, 2005. С. 426.

³ Ленин В. И. XI съезд РКП (б). 27 марта — 2 апреля 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 123.

Не менее опасные последствия влечет игнорирование современными российскими менеджерами исторических основ функционирования системы управления в российской практике, а также национальной корпоративной культуры управления.

Таким образом, можно сделать вполне определенный вывод о том, что в подготовке профессиональных менеджеров в России существует ряд принципиальных проблем, связанных со сложившейся системой под-

готовки и формирования менеджеров верхнего звена, ориентированных только на строгое следование специфическим принципам работы в команде и генерирование прибыли. Культурный потенциал таких менеджеров находится на невысоком уровне, и, как правило, они не стремятся к его дальнейшему развитию. Это, в свою очередь, приводит к снижению уровня индекса человеческого капитала нации, ее культуры и как следствие — к потере экономического потенциала страны в целом.

Л. А. Миэринь¹

СМЕНА ЭПОХ — СМЕНА ПАРАДИГМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ

Обсуждение проблем формирования новой стадии развития цивилизации — общества постиндустриального типа — ставит все больше теоретических вопросов, охватывающих характеристики и тенденции происходящих перемен во всех сферах жизни современного общества. В переходные эпохи как никогда остро ощущается потребность в осмыслении новых явлений и вызовов развития, оценке возможных угроз и рисков.

«Заказ» на объяснение происходящих в хозяйстве трансформаций возникает как «сверху», со стороны правительственных структур, так как требуется адекватная «подстройка» всей системы государственного управления, реагирование на возникающие вызовы, так и «снизу» — со стороны трудящихся, все более активно включающихся в формирование новой социально-экономической реальности через процессы неформальной институционализации своих прав и свобод в расширяющемся поле возможностей.

В доиндустриальный период развития цивилизации важнейшим фактором социокультурного регулирования выступали традиции, ориентировавшие на стабильность жизнедеятельности и самосохранение индивидов и общества в целом. Это не позволяло приспосабливаться к новым условиям существования и предрасполагало к циклическому характеру развития. Новая индустриальная ступень стала намного динамичнее предшествующих. Переход к индустриальной, а затем и к постиндустриальной стадии развития общества изменил основу, условия и факторы развития человека, процессы его жизнедеятельности, и в первую очередь труда².

¹ Заведующая кафедрой национальной экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Культурная политика России как фактор национальной безопасности», «Институционализация экологической составляющей качества жизни: тенденции и формы», «Энергетическая компонента национальной силы государства», «Специфика научно-образовательной среды России» (в соавт.), «Economic news and household's decisions» (в соавт.) и др. Член редколлегии трех научных журналов. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

² Миэринь Л. А., Еремеев М. А. Проблемное поле развития института заработной платы // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 6. С. 72–83.

В плоскости теоретических исследований социально-экономических трансформаций происходит борьба между отмирающей старой парадигмой неоклассического подхода, не справляющейся с объяснением происходящих перемен, и усиливающими свои позиции поведенческой, институциональной и когнитивной экономическими теориями. Формирование новой парадигмы происходит на основе междисциплинарного подхода, объединяющего философские, социологические, экономические знания в общую концептуальную базу.

Важнейшими теоретическими проблемами, связанными с развитием социально-трудовых отношений, остаются следующие:

1) поиск новых теоретических конструктов, позволяющих непротиворечиво описывать современное хозяйство³;

2) сохранение противоречий между трудом и капиталом и формирование в хозяйстве новых институциональных элементов во взаимодействии капитала и труда, характеризующих переход к постиндустриализму при сохранении актуальности идеи справедливости в распределении⁴;

3) трансформация моделей государств, которые сформированы в XX веке и реализуют определенную социально-экономическую политику, задавая институциональные параметры системы социально-трудовых отношений на основе нового патернализма⁵;

4) формирование новых социальных институтов на основе меняющихся личных и общественных ценностей, определяющих характер социально-трудовых отношений⁶;

³ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016.

⁴ Рифкин Дж. Конец работе. Глобальный упадок занятости и зарплата пострывочной эры // Отечественные записки. 2003. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_42.html#t*; Rifkin J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1996.

⁵ Талер П. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом зарабатывать. М.: Эксмо, 2017; Талер П., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

⁶ Homo istitutus — Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005; Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты:

5) поиск новых институциональных механизмов, обеспечивающих социальные запросы граждан¹.

Исследователи отмечают, что нарастание изменений в хозяйстве порождает новые явления, изменяющие характеристики как его основных субъектов, так и самого процесса труда.

Внешними факторами, воздействующими и определяющими эти изменения, выступают:

— переход от общества патриархального типа к новому обществу равноправия мужчин и женщин, закономерно сменяющему уходящий гендерный порядок;

— переход к обществу с новой классовой структурой (на стороне «труда» появляется прекариат, то есть люди, не имеющие постоянной занятости, такие как временные рабочие-мигранты, стажеры, фрилансеры, работники креативных индустрий и пр., а на стороне капитала — новая правящая элита — нетократия²);

— переход к новому технологическому укладу, интенсивному накоплению новых технологий, определяющих процессы автоматизации, роботизации, цифровизации производства и высвобождения работников;

— трансформация институтов: семьи, фирмы, государства и прочих (институт семьи стал более подвижным и неустойчивым, дополняя своей неустойчивостью нестабильность занятости и чувство незащищенности³). Многие авторы связывают это с развитием неокapитализма.

Внутренними факторами выступают:

— активные эксперименты в разных странах по введению базового дохода, получение которого обеспечивает индивиду экономическую свободу, ставит вопрос о возможностях человека в выборе жизненной траектории развития на основе инвестиций в себя с целью получения интересной и хорошо оплачиваемой работы в будущем⁴.

В апреле 2016 года был проведен первый общеевропейский опрос, который показал, что 64 % жителей Евросоюза поддержали бы введение безусловного основного дохода (БОД), 35 % осведомлены о нем, 23 % говорят, что полностью понимают суть и задачи

этой программы, четверть слышала о ней, 17 % ничего не знают о БОД. Только 4 % граждан после введения БОД откажутся работать. Наиболее убедительными преимуществами БОД люди считают то, что такие социальные выплаты уменьшают тревогу о базовых финансовых потребностях (40 %) и помогают обеспечить равные возможности (31 %) ⁵.

Введение безусловного базового дохода способно обеспечить достойный уровень жизни, освободить время для творчества и образования, преодолеть последствия массовой потери рабочих мест из-за развития робототехники и стать альтернативой системе государственного социального обеспечения;

— вступление в фазу активности нового поколения людей, которое сейчас находится в трудоспособном возрасте (поколение «бэби-бумеров» — 1943–1962 гг.), и тех, кто идет ему на смену: X (1963–1983), Y (1984–2000), Z (после 2001 г.). Проблема заключается в том, что у каждого поколения свои доминирующие ценности и ориентиры в жизни и работе, отличные от других. Соответственно индивидуальные и коллективные взаимодействия каждое поколение выстраивает по-своему, меняя приоритеты.

При этом, как отмечают исследователи, человечество медленно изменяется, однако речь не идет о деградации человеческой цивилизации, наоборот, люди становятся более совершенными. Число младенцев-левишей, рожденных в 2010 году, в 2,5 раза превысило количество таких детей, родившихся в 1990 году⁶. Последние научно-исследовательские работы, проводимые во многих странах мира, показали, что уровень IQ левшей несколько выше по сравнению с правшами.

Можно выделить три группы вызовов: политические, глобализационные и технологические, определяющие развитие социально-трудовых отношений в настоящее время. При этом переходная ситуация демонстрирует нарастание как угроз, так и возможностей для дальнейшего развития этих отношений в обществе постиндустриализма.

рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 1. С. 76–88.

¹ Pickett K., Wilkinson R. The Spirit Level: Why Greater Equality Makes Societies Stronger. N. Y.; Berlin; L.; Sydney: Bloomsbury Press, 2011. URL: http://www.emilkirkegaard.dk/en/wp-content/uploads/The-Spirit-Level-Why-Greater-Equality-Makes-Societies-Stronger-Kate-Pickett-400p_1608193411.pdf

² Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

³ Болтански Л., Кьяелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 19.

⁴ Parijs P. van. A Basic Income for All // Boston Review. 2000. Oct.; Гармония или деградация: куда ведет выплата всеобщего безусловного дохода. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/03/2017/58b7fb8c9a794746daefbb5c>; Чубарова Т. В. Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 49–52.

⁵ Jaspers N. What do Europeans think about basic income? Survey Results from April 2016. URL: http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf

⁶ Левши сделают мир лучше. URL: <https://www.infoniac.ru/news/Levshi-sdelayut-mir-luchshe.html>

Т. П. Николаева¹

ВЫГОДЫ И ИЗДЕРЖКИ РОССИИ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ

Участие России в тех или иных интеграционных формированиях играет важную роль для развития определенных сфер экономики, приграничных регионов, отдельных отраслей и/или инновационных проектов. Без кооперации с другими странами трудно и накладно разрабатывать все виды технологий, техники, прочих элементов производительных сил. Иницируя формирование экономических союзов с зарубежными партнерами, вступая в действующие интеграционные альянсы, Россия преследует несколько целей:

- ускорить инновационное развитие собственной производственной сферы;
- активизировать и развить производство в приоритетных для себя направлениях и отраслях;
- получить доступ к международным/национальным/региональным источникам финансовых средств;
- получить доступ к современным передовым технологиям, различным прикладным техническим разработкам, произведенным и апробированным за рубежом;
- укрепить ранее установленные экономические связи и контакты и др.

Перечисленные цели неравноценны по срокам достижения, объектам и субъектам сотрудничества, а также незапланированным последствиям. Участие в международной кооперации, традиционные экспортно-импортные операции, проводимые по особым условиям, распространяющимся на участников проектов, дают реальную возможность решать отдельные социально-экономические проблемы, экономить силы и средства в настоящее время или на период действия соглашений, а также потенциальную возможность в обозримом будущем использовать инновационные технологии. Последнее — весьма проблематично, это скорее гипотетический сценарий, нежели реально осуществляемая задача, поскольку даже при наличии политической воли переход национальной экономики на инновационный вектор развития с помощью зарубежных технологий, техники, финансовых средств, программных продуктов может быть только фрагментарным, с краткосрочным положительным эффектом.

В то же время переход на инновационный вектор движения для российской экономики очень важен в целях обеспечения собственной экономической безопасности, а также с целью избавления от роли поставщика природных ресурсов на мировой рынок. В определяющей степени он зависит лишь от собственных

сил, средств и действий. Вступая в различные международные экономические союзы, объединения, участвуя в конкретных проектах, необходимо учитывать и оценивать обратную сторону интеграционных процессов. Последняя в самом общем виде проявляется в усиливающейся зависимости: сначала — в экономической и отчасти финансовой, потом или одновременно — в технической и технико-технологической, частично — в финансовой, а также правовой и, наконец, в политической, геополитической и в целом политико-экономической. За весь постсоветский период (впрочем, как и в советский тоже) наша страна не получала от западных стран самых передовых образцов техники и технологий, даже будучи включенной в соответствующие формальные объединения.

В учебной и научной литературе об экономической интеграции и всех формах межгосударственного сотрудничества принято писать исключительно в позитивном ключе. Ничуть не оспаривая выгод от совместного решения определенных задач, обратим внимание на некоторые минусы или издержки таких процессов, с которыми систематически сталкивается наша страна. Заметим, нежелательные явления и последствия любого сотрудничества для конкретной национальной экономики (определенных слоев населения, отдельных отраслей и/или сфер деятельности) просто неизбежны в силу того, что у каждой из сторон — свои экономические и иные интересы, а также меняющиеся внутренние и внешние условия функционирования.

Двустороннее и тем более многостороннее сотрудничество, означающее более или менее глубокую экономическую интеграцию национальных экономик, при определенных обстоятельствах становится не только препятствием на пути поступательного социально-экономического развития, но даже откровенно вредным для национальных интересов деянием. Это происходит потому, что на глубину и продолжительность экономического сотрудничества/интеграции оказывает влияние ряд неэкономических факторов, главным из которых в настоящее время смело можно назвать политику определенных стран, финансово-промышленных групп и даже отдельных личностей вроде Дж. Сороса.

Действие таких факторов лишь отчасти предсказуемо по моменту наступления и «широте охвата». Кроме того, соглашения о сотрудничестве предусматривают конкретные, формализованные в цифрах, сроках, показателях, договоренности-обязательства сторон, т. е. добровольно взятые на себя ограничения в чем-либо на «своем» поле в пользу партнера, и наоборот. Ограничения могут распространяться на долгосрочные национальные интересы страны в угоду сиюминутным, но осязаемым внутренним проблемам конкретных организаций или властных структур.

В качестве иллюстрации рассуждений относительно негативных последствий международного экономи-

¹ Заведующая кафедрой менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор экономических наук, профессор. Автор 115 научных публикаций, в т. ч.: «О макроэкономической результативности инновационной деятельности в России» (в соавт.), «Управление социокультурной деятельностью: традиции и новации» (в соавт.), «Сфера услуг в постиндустриальном обществе» (в соавт.), «Компетентностный подход в образовании и системные изменения в российской экономике», «Управление развитием инновационной деятельности в университетах» (в соавт.) и др. Эксперт журнала «Инновации». Награждена грамотой Министерства образования и науки РФ.

ческого сотрудничества приведем два показательных примера. Один — из сравнительно недалекого прошлого, то есть вполне состоявшегося международного проекта, второй — «текущий», яркие антипоказатели которого были официально озвучены 19 марта 2018 года.

В середине 1990-х годов стартовал международный нефтегазовый проект «Сахалин-1», а затем и «Сахалин-2», которые 10 лет вообще не приносили России никаких доходов, хотя при этом нефтегазовые месторождения разрабатывались, а продукция вывозилась. В докладе Правительства РФ «Об итогах реализации соглашений о разделе продукции» отмечено, что с начала действия проектов по 2004 год Российское государство получило всего 407,7 млн долларов (бонусы, платежи за договорную акваторию, роялти и налог на прибыль)¹ — совершенно ничтожная сумма по сравнению с вложенными средствами, а также с ущербом, нанесенным природе о. Сахалин, в частности уничтожением рек и речушек, в которых традиционно нерестился лосось и другие ценные породы рыб. Нельзя также не заметить негативный социальный эффект — сокращение численности населения Сахалинской области, не «оценившего» декларируемых достоинств международного сотрудничества. Так, в 1995 году — в самом начале действия проекта — численность постоянного населения этого региона составляла 659 тыс. человек, а к середине нулевых годов, когда уже действовали «Сахалин-1», «Сахалин-2» и «Сахалин-3», она упала до 532 тыс. человек, то есть почти на 20 % к концу реализации проекта².

Недавний пример — «Южный поток» — несостоявшийся проект России с рядом европейских стран. Ориентировочная стоимость проекта оценивалась в 15,5 млрд евро, акционерами зарегистрированной в 2011 году компании стали российский Газпром с долей в 50 %, итальянская Eni с долей в 20 %, французская компания EDF Group и немецкая нефтегазовая компания Wintershall AG — по 15 % у каждой. С декабря 2012 года началась реализация проекта на территории России, в ноябре 2013-го — строительство сербского участка, в апреле 2014-го — строительные работы в Австрии, однако в июне 2014 года Болгария

заявила о приостановке работ. В сентябре 2014 года Европарламент призвал страны Евросоюза отменить запланированные соглашения с Россией по газопроводу «Южный поток». В декабре этого же года В. В. Путин объявил об отказе России от строительства «Южного потока» из-за неконструктивной позиции Евросоюза. За всеми этими действиями помимо прямых затрат по проекту стоят объемные транзакционные издержки, а также определенный моральный и социальный ущерб. В марте 2018 года компания «Газпром» официально заявила о демонтаже 506 км труб, проложенных в расчете на «Южный поток» и признании обесценивания объектов незавершенного строительства на сумму почти 46 млрд руб. Сумма немалая: к примеру, столько же израсходовано на строительство «Зенит-арены» в Санкт-Петербурге; чуть меньшую сумму — 44,5 млрд руб. составили в 2016 году доходы бюджета Белгородской области с численностью населения более 1,5 млн человек³.

К наиболее опасным издержкам экономической интеграции в сравнительно однородной роли (сырьевого придатка, реципиента технологий, «частичного рабочего») для нашей национальной экономики следует отнести ослабление технико-технологической самостоятельности, декарнизацию определенных групп специалистов, постепенную примитивизацию профессионального образования вследствие закрепления узкой международной специализации в производственных отраслях. Не случайно фактически все существовавшие в XX веке отрасли промышленности, включая наиболее высокотехнологичные (авиастроение, фармацевтическую промышленность, оборудование для атомных электростанций и др.), были созданы нашей страной в условиях, близких к полной изоляции.

Экономическая интеграция и экономическая изоляция, как два противоположных по целям и последствиям процесса, содержат «заряд» и прогрессивных, и застойных, сдерживающих поступательное развитие страны явлений. Их грамотное сочетание в каждый исторический отрезок времени зависит от профессиональной компетенции и политической воли лиц, принимающих решения.

¹ Ведомости. 2006. 7 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/09/07/skolko-stoit-srp>

² Российский статистический ежегодник. 2005 : стат. сб. / Росстат. М., 2005. С. 83.

³ Российский статистический ежегодник. 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 38.

Н. Н. Никулин¹**КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР
УСТОЙЧИВОГО РОСТА ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ**

Постиндустриальное общество, промышленность, цифровая экономика, искусственный интеллект — такие понятия часто можно встретить в работах, характеризующих современный этап развития общества в целом и экономики в частности. В то же время в основе современной цифровой экономики лежит материальная составляющая общего культурного богатства нации и государства и для развития экономики РФ на современном этапе главным является повышение величины материальной культуры, т.е. капиталовооруженности производства, особенно в высокотехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности.

Критерий устойчивого развития экономики государства — непрерывный рост реального ВВП в национальной валюте в расчете на одного жителя страны при относительно стабильном рыночном валютном курсе рубля или рост в долларовом эквиваленте. Так, среднегодовые темпы прироста реального ВВП за период 2000–2016 годов составили в Китае 9,4 %, в РФ — 4,0 %, в США — 1,9 %, в Японии — 0,9 %, в мире — 2,9 %, а среднегодовые темпы инфляции (дефлятор ВВП) соответственно в Китае — 3,5 %, в РФ — 14,3 %, в США — 2,0 %, в Японии — -0,7 %². При сопоставлении данных показателей напрашивается вывод: не следует ожидать, что, добившись низкой инфляции, можно рассчитывать на повышение темпов роста ВВП (отметим, что ВВП РФ за период 2013–2017 гг. увеличился всего на 1,2 % при значительном снижении уровня инфляции).

Определенное значение для культурного и, следовательно, устойчивого развития экономики страны имеет также распределение произведенного ВВП в национальном аспекте. Однако не всегда наиболее развитые экономики показывают равномерное распределение ВВП (индекс Джини: РФ — 41,2, США — 45,0, Гонконг — 53,7)³.

Председатель Совета Центра стратегических разработок (ЦСР) А. Кудрин, курирующий программу развития экономики РФ на период 2018–2024 годов, отметил, что повышение благосостояния граждан в России возможно только «через достижение темпов экономи-

ческого роста выше среднемировых». При этом решить данную задачу, а также отойти от сырьевой модели экономики можно, по его мнению, только при изменении модели государственного управления⁴.

Возможности устойчивого развития экономики. Классические теории роста (Дж. Мида, Харрода–Домара, Р. Солоу, Эрроу–Ромера) исходят из положения, что темпы роста экономики находятся в прямой зависимости от темпов роста капитала и соответственно доли сбережений в совокупном доходе, что косвенно отражает культурный потенциал страны.

В апреле 2006 года по инициативе Всемирного банка была создана специальная Комиссия по вопросам роста и развития (The Commission on Growth and Development), задачей которой было выявление условий и факторов, способствовавших значительному экономическому росту отдельных стран во второй половине XX века. В мае 2008 года комиссия представила «Доклад о росте. Стратегии для устойчивого роста и инклюзивного развития» («The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development»)⁵. Одним из основных факторов ускоренного роста было названо создание благоприятных условий для накопления капитала и инвестиций в данных странах.

Так, среднегодовые темпы прироста номинального ВВП за 1999–2016 годы в США составили 3,94 %⁶, а среднегодовые темпы прироста основного капитала за этот период — 4,70 %⁷. В РФ среднегодовые темпы прироста номинального ВВП за период 1999–2016 годов в РФ данные показатели соответственно — 18,46 %⁸ и 16,18 %⁹. В данном случае можно наблюдать определенную взаимозависимость динамики этих показателей.

При накоплении капитала за счет внутренних источников с неизбежностью возникает проблема соотношения текущих и будущих экономических интересов. Опыт такой экономической политики в США и обоснование ее необходимости для Германии подробно исследовал немецкий экономист Фр. Лист. «Нация... должна жертвовать выгодами в настоящем, чтобы обеспечить себе выгоды в будущем». При этом, по его мнению, «единство нации является основным условием прочного национального благосостояния, и там, где целый ряд поколений преследовал одну и ту же цель, нации достигли гармонического развития всех производительных сил»¹⁰.

⁴ Кудрин А. Три задачи на два года. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/3579103> (дата обращения: 1.03.2018).

⁵ https://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/489960-133897241035/Growth_Commission_Final_Report_Russian.pdf (дата обращения: 10.03.2018).

⁶ <https://www.bea.gov/national/index.htm#gdp> (дата обращения: 15.03.2018).

⁷ <https://www.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=1#reqid=10&step=1&isuri=1> (дата обращения: 15.03.2018).

⁸ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 15.03.2018).

⁹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/ (дата обращения: 15.03.2018).

¹⁰ Лист Ф. Национальная система политической экономии: пер. с нем. СПб., 1891. С. 184, 212, 342.

¹ Профессор кафедры экономики Института экономики и управления промышленными предприятиями Научно-исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва), доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 48 научных публикаций, в т. ч.: «Россия и СНГ в мировой экономике», «Национальное хозяйство в условиях мировой экономики», «Мировоззренческие основания процесса экономической глобализации», «Национально-государственные экономические интересы и национальное хозяйство в условиях глобализации мировой экономики», «Возможности и условия развития высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности России», «Условия развития интеграционного комплекса ЕАЭС в условиях экономической глобализации», «The correlation of the processes of economic globalization and economic regionalization within the EAEU» и др.

² <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.KD.ZG&country=CHN#> (дата обращения: 20.03.2018).

³ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/rankorder/2172rank.html> (дата обращения: 10.02.2018).

Заметим, что в 2000–2008 годах в России более высокие темпы роста ВВП в значительной степени обусловлены высокими ценами на энергоносители на мировом рынке, в то же время устойчивый рост ВВП не должен зависеть от резких колебаний цен на сырьевые товары на мировом рынке. Поэтому постоянно принимаются программы улучшения структуры экономики, импортозамещения, повышения высокотехнологичного сектора в целом и в экспорте, перехода к цифровой экономике.

Однако возможности России в этом плане ограничены. Так среднегодовая доля валовых накоплений в ВВП (%) за период 2000–2016 годов в ВВП РФ значительно ниже, чем Китае и Индии, и соответствует уровню экономически более развитых стран: Китай — 38,9, Индия — 29,2, Япония — 22,6, РФ — 19,0, США — 19,5, в мире — 22,2¹.

В открытой экономике большое значение имеет привлечение в страну прямых иностранных инвестиций. В то же время России без развития отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК) это сделать затруднительно, поскольку почти единствен-

ным источником валюты в стране является валютная выручка отраслей ТЭК. Возникает парадоксальная ситуация: возможности развития высокотехнологичных отраслей на базе использования опыта и капитала технологически более развитых стран требуют развития отраслей ТЭК. Растут цены на нефть — растут иностранные инвестиции в Россию, млрд долл.: в 2013 году — 69,2, в 2014-м — 22,0, в 2015-м — 6,9, в 2016-м — 32,5².

Таким образом, решение проблемы устойчивого развития экономики РФ на длительный период требует значительных изменений в проводимой социально-экономической политике. Прежде всего, она должна быть направлена на создание условий для значительного развития культурного потенциала нации, что, в свою очередь, позволит повысить капитальные вложения в модернизацию материального капитала страны и качество рабочей силы. Только в этом случае структура и темпы развития производительных сил и соответственно материальной составляющей культурного развития России будут соответствовать уровню экономически более развитых государств.

Е. А. Петрова³

«ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура — понятие многоаспектное, но в основе его лежат те ценности (духовные, материальные), которые определяют развитие и бытие человечества в целом и конкретного индивида в частности. В современных реалиях одной из таких базовых ценностей становится информация, роль которой существенно возрастает в связи с совершенствованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и развитием трансграничной глобальной сети Интернет. Сегодня, в XXI веке, мы переживаем очередную информационную революцию, ознаменовавшую переход к новому этапу социального развития — информационному обществу и цифровой культуре. Владение компьютерными технологиями и наличие своего аккаунта в социальных сетях выступают теперь важными показателями «культурности» современного человека.

¹ <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NE.GDI.FTOT.ZS&country=#> (дата обращения: 15.01.2018).

² <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=BX.KLT.DINV.CD.WD&country=#> (дата обращения: 19.01.2018).

³ Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук. Автор 115 научных публикаций, в т. ч.: «Статуты и прецеденты в системе источников американского права», «Роль международного права в защите прав и свобод личности», «Влияние института судебного конституционного контроля на основные источники права США», «Национальная культура как детерминанта правового развития государства в России и США: сравнительный аспект», «Doctrinal Foundations of Judicial Lawmaking in the USA», «Права человека и права нации в глобальном мире: международно-правовой аспект», «Механизм конституционного творчества в США как проявление конвергенции в праве» и др.

Как известно, каждому типу общества присущ свой тип государственной организации: для постиндустриального общества это государство социальное, для информационного — электронное, свидетелями эволюции которого мы сейчас являемся. Концепция «электронного государства» (e-government⁴), появившаяся на Западе в конце 1990-х годов, предполагает наличие таких элементов, как «электронная власть», включающая электронный парламент, электронное правительство, электронное правосудие; «электронный гражданин» (а также электронные СМИ, электронные общественные организации и т. д.); «электронный бизнес» и т. п.⁵

В российской правовой системе построение электронного государства получило нормативное закрепление. Так, сначала действовала Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», которую сменила государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Многие положения этих программ получили реализацию на практике, так или иначе охватив все сферы государственной власти и управления.

Например, в законодательной области по инициативе В. В. Путина был запущен проект «Открытое прави-

⁴ Термин *e-government* имеет различные варианты перевода на русский язык: «электронное государство», «сетевое государство», «электронное правительство», «электронная власть» и т. п. Также используется синонимичное понятие *digital state* — «цифровое государство».

⁵ См., например: *Жарова А. К.* Правовые проблемы «электронного правительства» // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики : кол. моногр. / под общ. ред. И. Л. Бачило. М., 2009. С. 239.

тельство», направленный на обсуждение законодательных инициатив с помощью электронного голосования с активным участием интернет-пользователей. Благодаря функционированию интерактивного Единого портала государственных и муниципальных услуг (<http://www.gosuslugi.ru>) стали доступны в электронной форме многие функции органов исполнительной власти. В сфере судебной власти заслуживает внимания создание ГАС «Правосудие», которая содержит как оперативную информацию о структуре судебной власти, так и сведения о материалах рассмотренных дел и вынесенных судебных решениях.

Право, как неотъемлемый признак государства, также не может не реагировать на связанные с глобальной информатизацией социально-культурные трансформации. Во-первых, в определенной степени изменяются способы внешнего закрепления правовых норм: правовая информация в «электронном» государстве неизбежно должна существовать в электронном виде. Так, с 10 ноября 2011 года «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) стал официальным местом публикации основных правовых актов РФ.

Во-вторых, право начинает регулировать новые сферы общественных отношений, связанные с реализацией конституционно закрепленных права на информацию и свободу информации, что приводит к формированию самостоятельной отрасли — «информационное право». Нормы данной отрасли обеспечивают, в частности, защиту самой информации (составляющей тайну; персональных данных и др.) и защиту субъектов от информации (например, детей — от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию). Необходимо признать, что формирование электронного государства — объективный процесс, имеющий достаточно много позитивных сторон. Создание сайтов, обеспечивающих выполнение основных функций государственных органов в электронном виде, рассматривается как

одно из *средств борьбы с коррупцией*, поскольку оно устраняет личностный элемент; ведет к сокращению численности государственных и муниципальных служащих, *решая проблему чрезмерной бюрократизации* госаппарата, и способствует привлечению квалифицированных кадров, владеющих навыками использования ИКТ, *развитию институтов электронной (цифровой) демократии* (digital democracy), расширению прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов через Интернет.

Однако, признавая всю важность и эффективность электронного государства, необходимо учитывать, что далеко не все граждане обладают необходимыми техническими средствами и навыками для использования ИКТ, поэтому его следует организовать так, чтобы, с одной стороны, были сохранены привычные способы доступа к правительственным услугам, с другой — были созданы места общественного доступа в Интернет и работали образовательные программы по освоению новых технологий¹.

Таким образом, мы видим, что происходящие в современном мире процессы изменения роли информации и средств ее передачи оказывают существенное влияние на один из важнейших социальных институтов — государство, неизбежно вызывая к жизни его новый тип — электронное («цифровое») государство. Переход к этому новому типу — процесс неизбежный, соответствующий тому типу культуры, который сейчас развивается, — цифровой культуры. Однако эта культура, открывающая человеку глобальную виртуальную реальность, к сожалению, уводит его из реальности социальной, из живой человеческой коммуникации и снимает те ограничения, которые в ней установлены, ведь Интернет — это пространство свободы. В таких условиях, на наш взгляд, именно государство должно взять на себя «бремя» сохранения правил человеческого общежития, установив в нормах права пределы сетевого взаимодействия и информационного воздействия.

В. Г. Петухов²

КОНФЛИКТ ПРАВОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В современных международных отношениях сталкиваются две правовые парадигмы — универсалистская и партикуляристская. Применительно к теории прав человека различные подходы конкретизируются в вопросе: универсальны ли права человека? У сторон-

¹ Ковалева Н. Н. Информационное право России. М., 2008. С. 36.

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «К вопросу о противодействии организованной преступности в современных условиях», «Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности», «Молодежные организации экстремисткой направленности в Санкт-Петербурге», «Актуальные проблемы уголовного права РФ на современном этапе», «Актуальные проблемы права в условиях глобализации» и др. Награжден знаком отличия «За вклад в развитие Ленинградской области».

ников обоих подходов имеются серьезные аргументы в пользу как той, так и другой точки зрения. В пользу универсальности прав человека говорит «естественный» характер прав и свобод индивида, где источником права выступает разум человека, определяющий универсальные общечеловеческие правовые ценности (такие как свобода, равенство, справедливость, ответственность и т. д.), а также границы меры свободы, выступающей как некое наднациональное и надгосударственное правовое начало. Такого подхода придерживались в XIX–XX веках представители возрожденного естественного права (В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, В. М. Гессен, С. Л. Франк и др.).

С другой стороны, столь же очевидна взаимосвязь представлений о правах человека, формируемых в кон-

кретной социальной среде, с особенностями правового сознания и правовой культуры всего общества. С этих позиций право (и права человека как составная часть правового феномена) выступает как отдельная сторона общества и культуры. По-видимому, в обоих подходах можно увидеть стремление описать феномен *прав человека* через «человеческое измерение», с той лишь разницей, что одни пытаются выявить общечеловеческие правовые универсалии, объединяющие весь род людской, в то время как другие видят необходимость анализа механизма взаимодействия правовой культуры и прав человека. Проблемы конструирования социального ставились и решались А. Щютцем, П. Бергером, Т. Лукманом, К. Джердженом, П. Бурдьё и рядом других авторов. В отечественном правоведении конструктивизм представлен такими развернутыми теориями правопонимания, как диалогическая концепция права И. Л. Честнова (социокультурная правовая антропология) и коммуникативная теория А. В. Полякова (социологическая феноменология права). С позиций конструктивизма *права человека* не есть некая объективно данная реальность, но феномен, сконструированный в результате множества социальных взаимодействий (целенаправленных или нецеленаправленных социальных актов), опривыченных и институализированных в обществе, признанных положительными правовыми ценностями в культуре этого общества. В рамках такого подхода эпистемологическая исследовательская программа выступает составной частью социального конструирования. Как пишет И. Л. Честнов, «конструктивистская эпистемология утверждает, что наука не открывает явления, существующие до акта их описания и измерения, а создает — конструирует — их описанием и измерением. Это связано с тем, что в акте описания уже присутствует (как правило, имплицитно) исходная гипотеза и концептуальная схема, которые дают возможность идентифицировать, классифицировать, категоризировать изучаемое явление»¹.

Долгое время в российской теоретической правовой мысли в рамках классической методологической парадигмы доминировал позитивистский подход, постулирующий необходимость «объективного» описания правового явления. В рамках такого подхода понятие «правовая идентичность» может трактоваться как синоним понятия «правовой статус». В качестве примера схожей позиции (правда, в рамках непозитивистского правопонимания) можно назвать позицию Ю. Ю. Ветютнева:

понятие правовой идентичности, по мнению ученого, можно понимать как аналог понятия правового статуса или как его функциональный аспект².

Лишь с переходом к постнеклассическому правоведению понятие правовой идентичности становится одной из важнейших категорий социального конструирования правовой реальности, в том числе прав человека. Методологические подходы постнеклассического правоведения И. Л. Честнов формулирует в следующих положениях: 1) «любое социальное явление... существует в трех модусах бытия — в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа»; 2) социальное явление — результат практики, зафиксированный знаком и «общепринятым ментальным образом»; 3) любой социальный институт — «конструкт, обусловленный и ограниченный хабиитуализацией... предшествующих практик»³. С таких позиций правовая идентичность должна трактоваться как психологический (ментальный) и социальный процесс, направленный на самоопределение индивида, социальной группы и общества в целом в правовой реальности. Подобное «самоопределение» неразрывно связано с осознанием не только наличия у субъекта права определенного комплекса прав и свобод, но и значимости конкретного права в жизненном юридическом мире субъекта. Очевидно, что такое самоопределение зависит не только от правосознания и правовой культуры субъекта, но и от действий иных субъектов права, в том числе государства.

Разделяя в целом названный подход, характеризующий влияние правовой идентичности на конструирование феномена прав человека, необходимо попытаться ответить на поставленный выше вопрос: универсальны ли права человека в современном мире? Как представляется, с позиций конструктивизма универсальность прав человека достижима лишь как вероятностный результат диалога культур различных правовых систем, как общечеловеческая легитимация правовых и ценностных начал социальных организмов, в которой, по-видимому, имплицитно присутствует признание значимости глобального надгосударственного объединения всего человечества. Очевидно, что на данном историческом этапе нельзя говорить о такой общечеловеческой легитимации прав, а значит, права человека сегодня обусловлены в большей степени особенностями правосознания и правовой культуры конкретного общества, чем всех людей нашей планеты.

¹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб. : Алеф-Пресс, 2012. С. 88.

² Ветютнев Ю. Ю. Возможна ли универсальная правовая идентичность? // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О. Ю. Малиновой, А. Ю. Сунгурова. СПб., 2005. С. 42.

³ Честнов И. Л. Современное состояние антропологии права // Социокультурная антропология права / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 95.

Р. А. Ромашов¹

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ «ВОЛНОВОЙ» ТЕОРИИ Э. ТОФФЛЕРА

Элвин Тоффлер (1928–2016) — американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества. Его научная концепция основывается на идее сменяющихся друг друга волн — типов общества. Тоффлер выделяет три волны цивилизационного развития, в той или иной степени присущие любому типу социума независимо от социально-исторического времени, в рамках которого этот социум существует.

Первая волна представляет результат аграрной революции, которая меняет присваивающую культуру охотников и собирателей на производящую культуру сельского и ремесленного хозяйства. В результате первой волны образуется «культура земли» или, по Тоффлеру, «сельскохозяйственная цивилизация». Целью данного цивилизационного типа является удовлетворение потребности общества в продовольствии.

Сельскохозяйственная цивилизация характеризуется следующими признаками:

- развитие производства жизненных благ основывается на возобновляемых («вечных») источниках энергии — воде, ветре, солнце;

- первооснову общества составляет традиционная (сложная, патриархальная) семья — возглавляемый мужчиной (патриархом) род (несколько совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство поколений), который отличается чрезвычайно малой степенью мобильности, обеспечивает социальную защиту, образование, профессиональную подготовку, медицинское обслуживание и прочие социальные функции в отношении сородичей;

- социальная инфраструктура основывается на разделении мира деревни (сельского хозяйства) и мира города (ремесел, торговли, политики и т. п.);

- феодальное государство представляет собой условно-иерархическую пирамиду, «замкнутую» на персонализированного субъекта — государя, при этом государственное право по сути представляет обличенную в юридическую форму (закон) волю государя, транслируемую подданным;

- право выступает в качестве инструмента легализации государственного волонтаризма, производного и вторичного по отношению к «государственной целесообразности». Принцип «верховенства закона» не означает верховенства права. Права человека юридической ценностью не являются;

- люди делятся на культурных (цивилизованных) и бескультурных (варваров). За основание отнесения

- к «культурным» принимается уровень развития сельского и ремесленного хозяйства, а также религия;

- в качестве средства феодальной государственной политики активно используется оккупационная война, представляющая собой инструмент территориально-социального расширения государства;

- хозяйственная модель экономики базируется на концепции непосредственной принадлежности объектов хозяйственной деятельности конкретным хозяевам (королю принадлежит королевство, рабовладельцу — раб, помещику — поместье, частью которого являются крепостные крестьяне);

- для хозяина его хозяйство — это богатство, основанное на идее служения (обслуживания) и работы, направленной на получение, преумножение и защиту объекта богатства — сокровища (скрытого, сокровенного), даруемого хозяину по божественной воле и принадлежащего исключительно ему;

- для сельскохозяйственной цивилизации не характерны такие качественные состояния, как централизация («вассал моего вассала — не мой вассал»), стандартизация (производство сельскохозяйственной и ремесленной продукции не ориентируется на общие стандарты), унификация и специализация (отсутствуют унифицированные системы профессиональной подготовки, производства и потребления жизненных благ).

Вторая волна — результат индустриально-технологической революции. Сельскохозяйственную цивилизацию, основанную на «культуре земли», меняет индустриальная цивилизация, основанная на «промышленной культуре».

Индустриальная цивилизация характеризуется следующими признаками:

- развитие производства жизненных благ основывается на невозобновляемых (конечных) источниках энергии — лесе, угле, нефти, газе;

- целью индустриальной цивилизации является насыщение общества продуктами потребления — товарами и услугами;

- традиционную сложную патриархальную семью заменяет простая нуклеарная семья (*англ.* nuclear family), состоящая из родителей (родителя) и детей либо только из супругов. На первый план в нуклеарной семье выдвигаются отношения между супругами (представителями одного поколения), а не отношения между представителями разных поколений;

- индустриальная цивилизация основана на стандартизированных, унифицированных, специализированных технологиях, которые проникают во все сферы социальной жизни и подчиняют их себе. В таком понимании в качестве индустриальных технологий выступают образование, профессиональная деятельность, политика, экономика, религия и т. п.;

- моделью общественного устройства и общественной жизнедеятельности становится конвейер,

¹ Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУ, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Право — язык и масштаб свободы», «Философия права и преступления», «Национальная культура как контекст государственно-правового развития России», «Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника», «Интернет — правовая среда герменевтики», «Террор как легальное средство маргинальной политики государства» и др.

представляющий собой технологическую цепочку, в которой выполнение предшествующей операции является условием осуществления последующей и для которой отдельные операции, равно как и отдельные субъекты, выполняющие их, не имеют самостоятельного значения;

— вытеснение культуры земли технологической культурой сопровождается замещением сельской (деревенской) культуры — городской. Общество становится урбанистическим, что влечет за собой изменение мировосприятия;

— на смену феодальному сословно-волюнтаристскому государству приходит основанный на личной свободе и формально-юридическом равенстве субъектов политико-правовой порядок социальной и административно-территориальной организации общества;

— индустриальное государство — это национальное государство, основанное на государственном суверенитете и национальном законодательстве. В сфере межгосударственного общения национальные государства выступают в качестве субъектов международных правоотношений;

— выраженное в национальном законодательстве государственное право приобретает характер самостоятельной регулятивно-охранительной системы (технологий правотворчества и правореализации), нормы которой обязательны как для подвластных, так и для самой власти;

— в сфере межгосударственных отношений оккупационная война как средство внешней политики постепенно вытесняется дипломатией;

— хозяйственная экономика сменяется капиталистической. В отличие от богатства, капитал создается по инициативе самого владельца (бизнесмена) и на определенном этапе переходит от инвестиционной (затратной) фазы к капитализационной (прибыльной). Капиталистическая экономика обладает таким свойством, как рентабельность;

— деление людей на культурных и бескультурных переносится в сферу специализаций (образование, бизнес, искусство и т. п.).

Третья волна — результат интеллектуальной революции, то есть постиндустриальное общество, в котором наблюдается огромное разнообразие субкультуры и стилей жизни. На смену дифференциации культуры и бескультурья, традиционной и нетрадиционной культуры приходит культурный плюрализм, основанный на формальном равенстве и взаимном уважении различных культур независимо от их субъективных оценок.

Постиндустриальное общество характеризуется следующими признаками:

— претерпевает изменения гендерный принцип формирования семейных союзов;

— образование и воспитание меняют коллективную, технологическую ориентированность на индивидуальную, творческую;

— централизованный принцип социальной организации и публичной политической власти сменяется сетевым. Государственная «симфония» заменяется «джазовой композицией»;

— появляются транснациональные коммуникационные сферы, основанные на глобальной информационной сети Интернет, что означает снижение социально-политической и правовой значимости государственного суверенитета.

Постиндустриальное (информационное) государство является завершающим типом государства, предшествующим выходу человечества на следующий этап истории — переходу к упорядоченному состоянию, мировому порядку, определяемому не субъективными волеизъявлениями конкретных людей (государей), не законодательными актами отдельных государств и межгосударственных объединений, а универсальными цифровыми кодами, которые определяют форму и содержание любых человеческих отношений.

Именно цифровое государство (*didgitai state*), а не мифическое коммунистическое сообщество, способно стать реальной альтернативой существующему государственно-правовому порядку. Каким будет новый порядок и каким образом в него будут встраиваться системы национального государства, государственного и международного права, покажет грядущее.

Е. С. Салова¹

СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО

Экономика и право, как и весь окружающий нас мир, стремительно меняются под воздействием развития тех-

¹ Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (в соавт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (в соавт.), «Регулирование этнополитических отношений в рамках образовательной политики: опыт стран ЕС» (в соавт.),

нологий. Чат-боты общаются с людьми в Интернете, беспилотные автомобили перевозят людей и грузы, цифровые технологии кардинально меняют «содержание» целых отраслей, ученые специальными «ножницами» «редактируют» человека. Мы постепенно привыкаем оперировать новыми модными понятиями, такими как *блокчейн, майнинг криптовалюты, дополненная реальность, машинное обучение, умные электрические сети*.

Цифровые технологии быстро и широко распространяются, становясь в буквальном смысле «крове-
«Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности» и др.

носной системой» грядущего экономического уклада и пронизывая не только экономику, но все другие сферы человеческой жизнедеятельности сверху донизу.

Цифровая экономика оказалась удобным способом взаимодействия экономических субъектов в условиях глобализации и роста размеров мировой экономики. Причем переход на цифровые технологии оказывается практически безальтернативным, прежде всего в силу того, что они позволяют радикально увеличить конкурентные преимущества, что в условиях все большего сокращения спроса и ожесточенной борьбы за рынки сбыта становится особенно актуальным. Более того, те государства, которые проиграют в этой жесткой борьбе, с большой долей вероятности столкнутся на своей территории с кризисом легитимности, вызванным ухудшением экономической и социальной ситуации. Напротив, победа в технологической гонке, по логике, должна обеспечить экономический рост и прорыв в новый технологический уклад. Однако при этом возникает парадоксальная ситуация: социальные взаимоотношения в мире по мере ускорения технологических сдвигов складываются отнюдь не просто. Отчетливая динамика их ухудшения наблюдается и в тех странах, которые лидируют в технологическом развитии.

Особое место среди факторов этого ухудшения принадлежит растущему неравенству, разнообразное проявление которого отражают структурные диспропорции, постепенно накапливающиеся в социально-трудовой и социальной сферах по всему миру. Неслучайно связанная с этим проблематика заняла прочное место в общественном, политическом и научном дискурсах.

Негативные социальные процессы имеют глубокие внутренние основания. Современные технологии, позволившие человечеству в значительной мере преодолеть голод и болезни, увеличить продолжительность и качество жизни, сегодня сами становятся источником экзистенциальных угроз, связанных с неготовностью человечества адекватно и оперативно ответить на новые вызовы.

Цифровизация, ставшая изначально ответом на необходимость оптимизации бизнес-процессов в условиях глобальной экономики, приводит к переформатированию всей архитектуры и инфраструктуры современного рынка. Одновременно она ведет к трансформации социальной и социально-трудовой сферы, а затем и всего спектра общественных отношений.

Развитие платформенных технологий, обусловленное необходимостью автоматизации бизнес-взаимодействия, позволяет экономить на издержках, кардинально уменьшая себестоимость товаров и услуг. Собственно, в этом и есть суть рыночных отношений — в механизме конкуренции, «присуждающей» победу тому, кто смог предложить более дешевый массовый продукт.

Побочным эффектом такой конкуренции оказывается сокращение спроса на труд. Неслучайно специалисты связывают широкое распространение цифровых технологий в развитых странах с необходимостью конкурировать с «аутсорсингом производства в развивающиеся страны»¹. Новый способ организации производ-

ленности и сферы услуг позволяет снизить издержки по всем направлениям (масштаб, логистика, сырье и материалы), но в первую очередь — издержки на рабочую силу. Экономия идет сразу по двум направлениям. С одной стороны, спрос на труд падает в силу того, что автоматизируются целые виды деятельности, с другой — оставшиеся занятые вынуждены соглашаться на значительное ухудшение условий найма. Именно в этом и заключается один из феноменов роста производительности труда, повышающего конкурентоспособность производств и целых стран. Появился даже термин «уберизация занятости», образованный от названия компании-платформы *Uber*, оказывающей транспортные услуги населению и характеризующий достаточно сложный процесс — от перевода трудовых отношений в гражданско-правовой статус до все более широкого распространения частичной, «прекаризированной» занятости, сегментации постиндустриального рынка труда.

Масштаб сокращения спроса на труд нелегко определить. Пока возможны лишь экспертные оценки и интуитивное понимание происходящих процессов, хотя такие оценки и делаются уважаемыми международными организациями². Очевидно лишь, что стремительная цифровизация как минимум преобразует характер труда в целых отраслях экономики, подразумевая необходимость переобучения и переподготовки значительного числа занятых — огромного по сравнению с предыдущими периодами структурных преобразований. Как максимум все более явной становится угроза обезлюдения экономики. Конечно же, такая ситуация (сокращение спроса на труд в условиях коренных технологических трансформаций) не нова. Главное, о чем следует помнить, — это то, что следствием таких трансформаций всегда было серьезное ухудшение социальной ситуации, сопутствующее переходу цивилизации на новый технологический уклад. Можно вспомнить Англию XVII века или Россию конца XIX — начала XX века.

Однако нынешняя ситуация имеет принципиальное отличие от предыдущих: резервы для расширения рынков сбыта во многом исчерпаны. Таких возможностей, какие были в эпоху промышленной революции, сегодня уже нет, и широкое распространение современных технологий всерьез угрожает всей системе общественных отношений. По-видимому, человечеству придется искать новые решения, выходящие за рамки привычного жизненного уклада.

Очевидно, что цифровая экономика является антиподом, противостоит рыночной экономике, оставляя мало места конкуренции и «свободной руке» рынка. Соответственно и остальные атрибуты современного мироустройства — демократия, социальная политика — претерпят трансформации. Да и само существование национального государства в условиях господства уже даже не транснациональных, а глобальных сетевых субъектов оказывается под вопросом.

takoe-chetvertaya-promyshlennaya-revoluciya.html (дата обращения: 03.02.2018).

² См., например, «Россия 2025. От кадров к талантам»: докл. BCG. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

¹ Индустрия 4.0: что такое четвертая промышленная революция. URL: [https://hi-news.ru/business-analytics/industriya-4-0-cto-](https://hi-news.ru/business-analytics/industriya-4-0-cto-to)

Парадоксальным образом в результате происходящих трансформаций и усилившихся столкновений появилась возможность реализации мечты мондиалистов об исчезновении национальных государств, названных А. Печчеи более полувека назад «нелепым предрассудком», мешающим человеческому прогрессу¹. Однако формирующаяся новая социальная реальность оказывается иной, нежели это представлялось создателям Римского клуба. Вышедший в 2017 году его юбилейный доклад с «говорящим» названием «*Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты*» полон тревоги за будущее человечества и рисует целый спектр связанных с развитием техники и технологий угроз и вызовов². Вопрос о будущем остается открытым.

Складывающаяся на наших глазах качественно иная техносфера, не осмысленная до конца даже в философском плане, требует не только кардинальной смены парадигмы научного познания, но и нетривиальных организационных, юридических и политических решений. Тем не менее, стоит, наверное, остановиться и задуматься, чтобы понять, что же все-таки с нами происходит. Говоря словами российского философа Бориса Межуева, «после эпохи “великих идеологий” наступает эра “молчаливых революций”»³. Хорошо бы понять, каково же истинное содержание происходящих глубинных, коренных изменений, иначе не успеем мы оглянуться, как окажемся в неведомом новом мире, который не готовы будем принять.

Э. А. Садыкова⁴

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время международная деятельность регионов становится все более интенсивной и образует новый структурный уровень в системе международных отношений. Для федеративных отношений значимым является вопрос о перспективах развития национального государства с точки зрения сохранения позиций центральной власти. Устройство государства, в том числе взаимоотношения федерации с ее субъектами, — сугубо внутреннее дело и регулируется внутренним правом. В международном праве не принимается во внимание провозглашение себя субъектом права, поскольку таковыми становятся не в силу какого-либо соглашения, заявления или решения, а в силу своего международного статуса.

Международный опыт позволяет сделать вывод, что участие субъектов федераций в международных и внешнеэкономических связях возможно в двух основных формах: в виде прямого участия в международных делах и в виде влияния на внешнюю политику федеративного государства через участие в работе со-

ответствующих федеральных органов государственной власти. Практика зарубежных федераций, члены которых правомочны устанавливать международные связи, основана на разрешительном порядке. В основном федеральные власти осуществляют контроль за международной деятельностью внутригосударственных регионов.

Соглашения субъектов федеративных государств с иностранными партнерами независимо от формы, наименования и содержания не являются международными договорами, в связи с чем остается неопределенным вопрос о юридической природе этих соглашений.

Проблема защиты интересов регионов на международной арене является следствием ограниченного правового статуса регионов на международной арене. Это подчеркивается и европейским законодательством, согласно которому Комитет регионов ЕС обладает исключительно консультативной функцией и не наделен правом апелляции в Суд ЕС. Законодательство Евросоюза, в частности, отказывает регионам Германии, Австрии или Бельгии в прямом обращении в Суд Европейского союза для отмены опротестуемых ими решений Парламента, Совета или Комиссии ЕС. Однако в соответствии с прецедентным правом Суда ЕС регионы, как и любое юридическое или физическое лицо, могут обжаловать любое решение суда, направленное против них, и любое решение, касающееся их прямо и индивидуально⁵.

В Германии Акт о сотрудничестве между федерацией и землями по делам Европейского союза от 12 марта 1993 года⁶ предусматривает, что федеральное правительство по просьбе бундесрата должно применять возможные средства судебной защиты, когда нормы,

¹ Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О. В. Захаровой. М.: Прогресс, 1980. С. 263–264.

² Доклад Римского клуба-2018. URL: http://ecoparlament.ru/d/828816/d/dokdad_rimskogo_kluba-2018.pdf (дата обращения: 26.01.2018).

³ Межуев Б. Демократия против Европы. URL: <https://mezhev-ev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/56978-demokratija-protiv-evgoru> (дата обращения: 07.12.2017).

⁴ Профессор кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий: «Право и политика государств в современном мире», «Проблемы обеспечения национальной безопасности в сфере международных и внешнеэкономических связей регионов России», «Перспективы России в партнерстве цивилизаций», «Устойчивое развитие глобального мира. Цивилизационное измерение», «Концептуальные вопросы модели межцивилизационного диалога в современных международных отношениях». Постоянный член Международного совета музеев ЮНЕСКО.

⁵ Lejeune Y. Participation of Subnational Units in the Foreign Policy of the Federation // Federalism in a Changing World: Learning from Each Other. McGill-Queen's Press, 2003. P. 111.

⁶ Bundesrepublik Deutschland. Gesetz über die Zusammenarbeit von Bund und Ländern.

определенные Договором о Европейском союзе, утрачивают действием или его отсутствием со стороны учреждений ЕС законодательные полномочия земель и когда федерация не имеет законодательного права в этой области (п. 7). В Бельгии Специальный Акт по институциональным реформам¹ позволяет любому региону или сообществу получить федеральные полномочия для своего иска.

Согласно Конституции США, «ни один штат не может без согласия Конгресса заключать какое-либо соглашение или договор с другим штатом или с иностранной державой либо вести войну»². Однако американские штаты довольно широко и самостоятельно участвуют во внешних связях, и федеральные органы власти не препятствуют им в этом, если такие связи не противоречат общенациональным интересам и внешней политике США.

Конституция Австралии не относит к исключительной компетенции федеральных органов власти деятельность в области внешней политики. Австралийские штаты самостоятельно устанавливают международные связи.

Участие немецких земель в международных отношениях, согласно Конституции ФРГ, может быть прямым и опосредованным. Конституция предоставляет землям право непосредственно заключать договоры с иностранными государствами с согласия федерального правительства и в пределах законодательных полномочий.

Международные связи субъектов Российской Федерации также являются важным компонентом внешней политики государства и способствуют дальнейшей интеграции России в систему мирохозяйственных связей. Рассматриваемый вопрос связан, в частности, с потребностями социально-экономических преобразований государства и требует выработки четкой политики, в том числе конкретизации вопроса о полномочиях центра и регионов во внешней сфере.

В настоящее время в условиях санкционной политики Запада в отношении России международная внешнеэкономическая деятельность субъектов РФ приобретает все большее значение с точки зрения сохранения и развития сотрудничества с зарубежными партнерами. В России сложились конституционно-правовые механизмы, определяющие порядок как непосредственного вступления в отношения с субъектами зарубежных федераций, административно-территориальными образованиями унитарных иностранных государств, иностранными государствами, так и через посредство федеральных органов государственной власти.

Согласно ст. 71 Конституции РФ, внешняя политика, международные отношения Российской Федерации, вопросы войны и мира, а также внешнеэкономические отношения отнесены к ведению Федерации³. В соответствии со ст. 72 Конституции в число предметов совместного ведения включены «координация между-

народных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации»⁴. Из этих конституционных положений следует несколько выводов. Во-первых, на конституционном уровне признается наличие у субъектов Федерации права осуществлять международные и внешнеэкономические связи. Во-вторых, поскольку их координация отнесена к предметам совместного ведения, субъекты Федерации наряду с федеральной властью должны иметь в этой области определенные полномочия. В-третьих, субъекты Федерации не вправе заключать международные договоры. В их совместном с Федерацией ведении находится лишь исполнение международных договоров РФ. Вопросы же, связанные с юридическим статусом международных соглашений, заключаемых субъектами Федерации, в Конституции не регулируются.

Большое практическое значение для вопросов регулирования международной деятельности субъектов Федерации имеет федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»⁵, который заложил основы правового обеспечения международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ, равно как и полномочий федеральных и региональных органов государственной власти в этой области. Это первый нормативный правовой акт, который в развитие конституционных положений направлен на регламентацию полномочий федеральных и региональных органов государственной власти по предметам совместного ведения в конкретной сфере — сфере международных связей субъектов Федерации.

В то же время указанный закон не вносит необходимой четкости в понимание ряда вопросов. Так, например, неясно, почему закон разделяет понятия «международные связи» и «внешнеэкономические связи» субъектов Федерации, нет четкости в том, что законодатель подразумевает под «иными областями» связи субъектов Федерации с иностранными партнерами. Ведь при расширительном толковании в категорию «иных областей» можно включить, например, вопросы политического или военно-технического характера. Значимым является и вопрос о различии между понятиями «внешнеэкономические отношения» и «внешнеэкономические связи».

Ключевым моментом при подготовке, подписании и реализации международных соглашений регионами является соблюдение Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ, федерального законодательства, договоров между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий, а также недопустимость положений, ущемляющих законные интересы другого субъекта РФ.

Международный опыт показывает, что наиболее распространенными направлениями внешних связей регионов являются экономика и гуманитарная сфера

¹ Belgium. Special Institutional Reform Act. 1980. Aug.

² США. Конституция и законодательные акты : пер. с англ. / сост. В. Н. Лафитский ; под ред. О. А. Жидкова. М. : Прогресс : Универс, 1993. С. 35.

³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237. 25 дек. ; СЗ РФ. № 9. Ст. 71.

⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 72.

⁵ Федеральный закон РФ от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 2.

в самых широких толкованиях. Экономика включает внешнюю торговлю, оказание услуг, привлечение инвестиций и весь комплекс сопутствующих вопросов. По инициативе Президента России была создана новая многоуровневая интеграционная модель — ЕАЭС, целью которой является создание евразийского партнерства. Уникальность положения России на евразийском пространстве диктует необходимость выработки собственной геостратегической модели, позволяющей создать условия для объединения различных национальных, культурных, конфессиональных ценностей. Прежде всего следует отметить влияние геополитического положения страны на особенности культурно-цивилизационных характеристик российских территорий. Россия в системе мировых геоэкономических и геополитических отношений находится между формирую-

щимися интеграционными трансконтинентальными сообществами — Евро-Атлантическим и Азиатско-Тихоокеанским.

Возрастает значение двусторонних связей в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества на основе межправительственных соглашений. Так, например, Россия имеет подобные соглашения с Финляндией, Польшей, Казахстаном, Китаем и рядом других стран. Гуманитарная сфера сотрудничества объединяет культуру, образование, науку, спорт, молодежную политику и др. В результате развития внешнеэкономических связей у субъектов Федерации может появиться больше возможностей для решения социальных задач регионального масштаба, а рост региональной экономики способствует экономическому развитию страны в целом.

К. Е. Сигалов¹

ПАЗАРИТАРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АУТОДЕСТРУКЦИЙ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Право призвано регулировать самые насущные запросы общества в целом, а также конкретных людей. Оно изначально регламентировало отношения собственности, власти и правопорядка. Собственность и ее формы — главные параметры развития цивилизации, входящие в «сферу ответственности» права. Экономическое бытие права обусловлено общественно-производственной технологией, определяющей характер цивилизации. Степень интенсивности/экстенсивности общественно-производственных технологий определяет общую ментальность цивилизации, основополагающие тренды правового и социально-политического развития. Так, традиционная земледельческая цивилизация, замкнутая в четкие очерченные границы, предполагала постоянный рост производства «на месте», то есть перманентную интенсификацию, развитие вглубь. Земледельческая цивилизация, не ограниченная пространственными пределами, имела возможность развиваться и вглубь, и вширь. Номадические цивилизации предполагали постоянные кочевья, следовательно, могли развиваться вширь. Они обладали экстенсивным характером развития. Для функционирования кочевого хозяйства требуется не более 20 % мужского трудоспособного населения. Остальные могут быть заня-

ты насильственным изъятием чужой собственности, захватом и эксплуатацией чужих территорий. Захватчики не только жестко доминируют в политической, правовой и конфессиональной сферах, но и паразитируют в социально-экономической сфере, блокируют интенсификацию экономического развития, поскольку игнорируют не только интересы собственников, но и сам феномен собственности. Военная агрессия стимулирует лишь узкий сегмент технологий, сопряженный с войной.

Со временем алгоритм цивилизационного развития изменился и прежние захватчики сами стали объектом территориальных притязаний и эксплуатации колониальных держав. Каждая из них использовала свой собственный метод колонизации, но в основе лежал единый алгоритм — освоение колоний осуществлялось пассионариями, которые в силу различных причин оказались лишними и не могли занять паразитарную нишу в своем отечестве. Так, освоение Испанией и Португалией Америки началось буквально сразу после окончания Реконквисты, когда массы безземельных идалго грозили превратиться в неуправляемую орду. Направленная за океан, эта сила решила одновременно две задачи: колонизовала огромные пространства и предотвратила риски аутодеструкций в метрополиях. Схожая, но нерешенная ситуация со шляхтой в Польше (шляхтичей было просто некуда направить) привела к печальному для страны последствием. Шляхта паразитировала в экономике, расшатывала политическое устройство, выбивала себе привилегии. Но польское государство рухнуло, и его разделили соседние империи.

В России частная собственность для большинства населения всегда была мифом. Ее отсутствие приводило к тому, что люди не чувствовали ответственности за результаты своих действий. Семиде-

¹ Заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч.: «Методологические проблемы правового знания», «Исторические основания среды права», «Частноправовые и публично-правовые основания эффективности государства», «Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен», «Право и история: методологические функции правовой науки», «Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений», «Эффективное государство: миф или реальность» и др. Член Росийского профессорского собрания. Почетный сотрудник МВД. Награжден двумя правительственными и пятью ведомственными (МВД РФ) медалями.

сятилетний эксперимент по искоренению частной собственности усугубил эту ситуацию, сделал бессмысленной профессию юриста-цивилиста, продуцировал паразитарные настроения как среди элит, так и у рядовых граждан. Несформированность отношений собственности является причиной того, что у некоторых слоев общества сих пор сохраняется иллюзия возможности получать материальные преференции за чужой счет.

XX век породил, а XXI укрепил сферы экономических отношений, в которых стала ярко проявляться паразитарная составляющая. Вторичные факторы экономического существования стали опережать реальную экономику, более того, приобрели ведущую роль. Ссудный капитал, банковская деятельность приобрели особый, невиданный прежде характер. В целом деятельность ростовщиков-банкиров никогда не вызывала восторга ни у рядовых обывателей, ни в реальном секторе экономики, но их постоянно увеличивающаяся власть, возможности управления бизнесом и способности делать деньги из денег вызывает серьезную озабоченность. Торговля, посреднические отношения, сфера услуг приобретают все большее значение, что в целом закономерно и естественно. Но то, что торговля начинает управлять производством, а в сфере услуг значительные сегменты захватывают псевдоуслуги, свидетельствует о паразитарных тенденциях и в этом направлении. Для большого бизнеса, обретающегося в банковской сфере или под его контролем, экономическая целесообразность соотносится с законодательством только в той мере, в какой это выгодно. Влияние на власть позволяет и коррелировать это законодательство в соответствии со своими интересами. «Большинство экономических решений принимаются без прямого влияния законов. Право — это совокупность ограничений, устанавливающих рамки, в которых люди могут преследовать свои интересы. Они принимают одни решения и уклоняются от других, потому что знают, что

законно, а что нет. Пока не станут известны важнейшие особенности правовой структуры общества, все наши попытки предсказать экономическое поведение его членов обречены на неудачу»¹.

В XXI веке большая политика становится в той же мере бизнесом, в какой большой бизнес начинает руководить политикой. Как только это происходит, паразитарные тенденции становятся главенствующими, начинают душить бизнес и заставляют политиков принимать порочные решения.

Современная «Большая Европа» включает в себя не только высокоразвитые страны со сложившейся эффективной экономикой и стабильными демократическими режимами, но и страны бывшего Восточного блока, которые только в умах их политических элит освободились от «советского наследия». На самом деле и способы политического управления, и значимость права, и реальный уровень коррупции, а главное, ментальность — все в них осталось прежним.

Крупнейшей ошибкой Запада стала миграционная политика. Запад долго шел к своему комфорту и благосостоянию. Высокие доходы населения были завоеваны в результате напряженной борьбы рабочего класса за свои права и проводимой вменяемой социальной политики, уровень образования и медицинского обеспечения был достигнут вследствие того, что западное государство реально стало социальным. Желание посадить себе на шею миллионы людей с чуждой Западу политической и религиозной культурой, полным отсутствием трудовой этики было контрпродуктивным. Новые мигранты, в отличие от тех, которых принимал Запад в середине XX века, не желают ни трудиться, ни принимать ценности западного мира, ни абсорбироваться в западную культуру, ни соблюдать законы. Они становятся новым паразитарным анклавом криминального мира, многие из них являются убежденными террористами и принципиальными врагами демократических завоеваний.

М. Г. Смирнова²

КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ И СПОСОБЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация оказывает существенное влияние на развитие права, определяет основные тенденции правообразовательного процесса, способствует выявлению новых эффективных способов исследования

¹ Беттел Т. Собственность и процветание / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: РИСЭН, 2008. С. 43.

² Профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук. Адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, заведующая адвокатской консультацией «Ваш поверенный». Автор 65 научных публикаций, в т. ч.: «Социальные притязания и субъективное право: проблемы теории и социологии права», «Институционализация социальных притязаний в праве», «Судебное правотворчество как вид государственной деятельности: современное состояние», «Культурная обусловленность социальных притязаний», «Принципы права как выражение социальных притязаний» и др.

социальных притязаний, требующих соответствующей институционализации в праве. В настоящее время очевидно, что недостаточно исследовать процесс правообразования каждой национальной правовой системы в отдельности — необходимо рассматривать их в целостности. Это будет способствовать решению проблем мирового (глобального) правопорядка.

Современные процессы глобализации в значительной степени отражаются на закреплении в праве соответствующих социально-экономических притязаний, что оказывает влияние на реализацию экономической функции государства. Это обусловлено тем, что глобализация означает интернационализацию рынков, обостряет конкуренцию и углубляет международное разделение труда. В результате экономической инте-

грации государств усиливается влияние транснациональных корпораций, растет господство надгосударственных структур, что серьезно сокращает возможности управления национальной экономикой со стороны государства.

Социальные притязания — это возникающие в обществе требования, которые отражают интересы тех или иных групп в социальной и экономической сферах. Правовая система может реагировать на них признанием, ограничением, примирением и защитой. Роль права и заключается в том, чтобы примирять конфликты и поддерживать порядок в обществе, одновременно создавая возможности для его развития и изменения. Разумное сочетание стабильности и изменчивости в правовом порядке обеспечивается путем применения функции социальной инженерии.

Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права как юридического феномена. Оказывая прямое влияние на правовое регулирование общественных отношений, они — через механизм правосознания — учитываются в правотворчестве и применении права. Посредством закрепления интересов граждан, иных лиц в объективном праве их социальные притязания получают свое воплощение в субъективном праве. На субъективных правах «замыкается» закономерная для права цепь зависимостей, идущих от объективных потребностей общества к социально-экономическим притязаниям и от них (в условиях сложившихся юридических систем — через объективное право) — к юридической свободе поведения. Поэтому проблема социальных притязаний в их правовом опосредовании является в настоящее время, в контексте глобального мира, актуальной и практически значимой.

Социальные притязания возникают не самопроизвольно, не в лоне чистого духа и абсолютной свободы. Существуют факторы, которые формируют социальные притязания, определяют их содержание и объясняют причины их многообразия.

Культура оказывает непосредственное влияние на объем и содержание притязаний, выдвигаемых социальными субъектами. Характерная особенность современной культуры заключается в том, что совокупность ее идей и значимых символов в значительной мере превышает реальные потребности общества. Это может быть отнесено к самым различным формам научного познания, видам и формам искусства, литературы, живописи и в то же время — к нормативным регуляторам, включающим в себя и право.

Накапливаемые в системе культуры ценности, знания, идеи, нормы постоянно отражаются в социальных притязаниях и реализуются в процессе их удовлетворения и отражения в законодательстве. Так, мы не сможем понять смысл социальных притязаний субъектов, если не знаем ценностно-смысловых, то есть культурных, аспектов их требований.

Двадцать первое столетие знаменует начало перехода к новой социально-культурной парадигме. Поэтому правовая наука и законодательство многих стран сегодня стоят перед необходимостью принятия исторического вызова, связанного с появлением новых откры-

тий и идей, которые могут изменить образ мышления людей, их жизнь и представления о своих правах и обязанностях.

Особенно актуальны научные направления и проекты, связанные с исследованиями в области жизни и смерти, с определением сущности человека и, соответственно, с правовым регулированием таких вопросов, как эвтаназия, аборт, искусственное оплодотворение, трансплантация, генетические вмешательства (в частности, клонирование человека).

В современной России право на смерть, а тем более на достойный уход из жизни пока не обеспечено государством. Для сравнения: в некоторых странах Европы (Франции, Великобритании и др.) и США уже в середине 1960-х годов функционировали клиники, где по желанию пациента его труп замораживался через несколько минут после наступления клинической смерти и затем помещался в герметично закупоренный цилиндр, заполненный жидким азотом при низкой температуре. Такое желание пациентов основывалось на надежде выиграть время и дожидаться, когда медицина найдет способы лечения болезней, вызывающих смерть. Ученые многих стран полагают, что замораживание лишь увеличивает срок клинической смерти до 40–60 мин (вместо 5–6), затем клетки мозга безвозвратно разрушаются¹. В настоящее время концепция смерти мозга вновь широко обсуждается. Свидетельством тому является Доклад Президентской комиссии по биоэтике США, составленный в 2009 году².

Зарубежный опыт показывает, что в России назрела необходимость принятия закона о биоэтике, в котором не только излагались бы правовые основы эвтаназии, клонирования, но и закреплялись бы четкие гарантии обеспечения прав пациентов.

Проблемы, связанные с жизнью и смертью, дискуссии об эвтаназии, клонировании, трансплантации затрагивают фундаментальные права человека. Теория права как комплексная область познания способна объединить усилия представителей уголовного права, криминалистики, гражданского права, государственного и административного права, а также специалистов в области медицины, философии, биоэтики, психологии и других для решения многих актуальных задач этой старой и вместе с тем новой области человеческих знаний.

Права человека не являются статично существующей категорией. В процессе развития общества и государства стандартизация прав человека постоянно претерпевала исторические изменения. На каждом этапе исторического развития комплекса прав и свобод сформировались новые социальные притязания субъектов, которые отражали их действительные интересы и потребности.

История развития концептуальной модели прав человека демонстрирует, что каждое качественно новое изменение системы прав человека, появление «нового» поколения прав обусловлено трансформацией общественного сознания, формированием новой ми-

¹ См. подробнее: *Малеина М. Н.* О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 53.

² *Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics.* Washington, D. C., 2009.

ровозренческой парадигмы. Одним из главных достижений второй половины XX века стало развитие техники и научной мысли. В то же время научно-технический прогресс имел как положительные, так и отрицательные стороны. Новейшие технологии в области биомедицины дали возможность избавления от многих серьезных, в том числе смертельных, недугов. В то же время наряду с предоставленными возможностями улучшения качества жизни современные научные достижения обозначили появление определенных трудностей. Одной из реалий сегодняшнего дня стала возможность физически изменить не только самого себя, но и весь человеческий род, что, бесспорно, не могло не вызвать ряд вопросов относительно этической и правовой приемлемости подобных действий. Эти вопросы не имеют однозначного решения, что порождает научные споры.

Для решения вопроса законодательного закрепления тех или иных назревших социальных притязаний необходимо использовать эффективные способы их выявления.

Выявление социальных притязаний, психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях; изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования; анализ сложного взаимодействия этих факторов — важные задачи современной правовой науки, социологии и психологии.

Существует потребность в новых, эффективных способах выявления социальных притязаний, в том числе критериев оценки адекватности всей правовой

системы развивающимся общественным потребностям.

Учет социальных притязаний в результате правового мониторинга, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством Интернета, опросы общественного мнения и другие социологические исследования образуют механизм выявления социальных притязаний, основной задачей которого является эффективное выявление социальных притязаний субъектов с целью их последующего закрепления в праве.

К инновационным способам выявления социально-экономических притязаний относится оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Под оценкой регулирующего воздействия следует понимать совокупность методов и способов, использующих научные знания и специальные познавательные техники, при помощи которых анализируются эффективность и необходимость существующих программ и векторов развития, в том числе права и экономики. Оценка регулирующего воздействия используется при анализе проектов нормативно-правовых актов, а также актов, вносящих изменения в действующие законы с целью выявления издержек и выбора верных альтернатив: для оптимизации национальной законодательной базы. Несмотря на наличие законодательной базы, в современной России отсутствуют единые методики и процедуры проведения оценки регулирующего воздействия, которые признавались бы всеми участниками данного процесса. Поэтому целесообразно обратиться к зарубежному опыту.

Р. Ф. Степаненко¹

ПРАВОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Концепция экологического порядка, выстраиваемая и развиваемая представителями зарубежных естественно-гуманитарных междисциплинарных научных направлений на рубеже XIX–XX веков, ставила перед своими исследователями глобальные проблемы выживания человечества в условиях истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, увеличения риска техногенных катастроф, сокращения численности животного мира, резкого увеличения промышленных объектов и др., в своей совокупности наносящих ущерб качеству жизни человека и общества в целом.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографических исследований «Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и ее предупреждение», «Генезис общеправовой теории маргинальности», «Стратегии правового развития России», «Институциональное содержание общеправовой теории маргинальности»; научных статей в журналах ВАК «Социально-психологические и юридические механизмы детерминации правовой маргинальности» и др. Член редакционных коллегий журналов ВАК: «Право и государство: теория и практика», «Образование и право», «Вестник Казанского юридического института МВД РФ».

Антропогенный фактор (человеческая деятельность), влияющий на ухудшение состояния природы, обусловленный желанием использовать природные ресурсы с максимальной выгодой для прагматичных целей общества (групп, лиц) и наносящий ущерб целостности экосистемы, становится предметом изучения социальной экологии. Последняя уделяет серьезное внимание изучению несоответствия законов развития природы и социально-технологической эволюции, в которой влияние человека на качество его же жизни исследуется в междисциплинарной синергии. В интегративной фокусировке, объединив в себе антропологические, политические, экономические, демографические, культурные, правовые и иные фактографические данные, свидетельствующие об угрозах функционирования эко- и социосистем, один из основателей чикагской социологической школы Р. Э. Парк вводит в научный оборот понятие «маргинальный человек». В работе «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928) Р. Э. Парк обосновывает классическую концепцию «экологического порядка», изучая его по формуле «общество как взаимодействие» биотического и соци-

ального, где жизнедеятельность мигрантов (маргиналов) и социогенез рассматриваются по аналогии с биогеозом. Находя много общего между биологическими и социальными процессами (борьба за существование, конкуренция, кооперация, равновесное состояние и т. д.), автор разъясняет четыре принципа, которым подчинены эволюция, природа и человек. Это: 1) конкуренция; 2) кооперация; 3) аккомодация (приспособление к той или иной среде); 4) ассимиляция (усвоение иной культуры). На примере миграционных, урбанистических и демографических процессов, развивающихся на американском континенте в конце XIX — начале XX века, исследователем формулируется центральная проблема: нахождение истоков экологического порядка и его взаимосвязь с периодами равновесия и кризисов, происходящих прежде всего в социально-психологической и культурной структуре личности мигранта. Автор обосновывает тезис о влиянии маргинальности на экологический порядок, в котором так или иначе (позитивно или деструктивно) взаимодействуют «социальные атомы», наделенные биотической природой. На микроуровне эти биотические силы (отчужденность, пограничность к новой природной и социальной среде) объективируются в проявлениях нарушений экологического порядка, в том числе при помощи миграции, изначально задуманной природой как условие физической, пространственной, социальной мобильности и свободы, требующей, однако, организации контроля при помощи политики, экономики, права¹.

Изучение демографических и миграционных проблем на американском континенте в указанный период приводит Р. Э. Парка и его единомышленников (А. Антоновски, Э. Берджесса, Г. Гурунга, В. Манчини, Е. Стоунквиста и др.) к выводу о том, что пограничность, отчужденность и неадаптированность мигрантов в социально-нормативном пространстве (маргинальность) интенсифицируют кризисные биопсихологические и социокультурные состояния как реципиентного сообщества, так и самого мигранта, который длительное время, а может быть, и всегда (Э. Стоунквист) представляет собой «культурный гибрид» с присущими ему дезорганизованностью, беспокойством, напряжением, аномией, фрустрацией и т. д., в своих негативных проявлениях наносящими ущерб «экологическому порядку» в целом.

Спустя десятилетия советская маргиналистика (Н. Темкин, В. Прол, Е. Стариков, П. Червинский), основываясь на глубоко идеологизированном марксистском понимании социального устройства, где экономика является базисом, а право — надстройкой, экстраполирует понятие «маргинальный человек» в концепцию «экономического порядка» со своеобразной его интерпретацией, преимущественно в качестве неполноценного члена советского общества, сугубо в нарицательном и негативном смысле.

Как отмечалось В. С. Нерсисянцем, в советский период указанный подход означал антагонизм между социализмом и правом, имеющим «глубинные соци-

ально-экономические корни». Так называемая система «уровнировки» и входящие в нее взаимосвязанные внеправовые и внеэкономические элементы, отрицающие в совокупности формальное равенство и декларирующие фактическое равенство, должны были сохранить и удержать регулируемые отношения в сфере труда, его оплаты на основе принципа отсутствия частной собственности на средства производства и связанного с ним экономического (производственного) неравенства. Механизмы (способы, типы, система норм) «уровнировки», несмотря на их мимикрию под право, на самом деле являли собой антипод правового регулирования.

Экономическая политика Советского государства, следуя принципам социализма, в полной мере воспользовалась своим «базисным положением, прагматично прибегнув к «надстроечным» (законным) механизмам принуждения к труду и постоянному месту жительства. Так, советским уголовным законодательством были признаны преступления ведение антиобщественного, паразитического образа жизни (тунеядство), бродяжничество и попрошайничество, несоблюдение порядка регистрации и прописки, нарушение правил паспортной системы и т. д. Труд, рабочая сила как товар, институт прописки по сути означали экономическую и «пространственную» формы несвободы для советских граждан, вопреки признанию марксизмом несвободой капиталистического производства.

Глубокий системный кризис, поразивший СССР и обусловивший его распад, привел к появлению таких новых сегментов в структуре политико-правового и производного от него экологического порядка, как безработица, вынужденная миграция, бедность, социальное сиротство и т. д.

Очевидно, что формирование экономико-правовых основ экологического порядка как парадигмы современного государственного устройства для развития человеческой цивилизации должно быть обеспечено формально-юридические формы и обеспечено эффективным нормативным регулированием в системном единстве всех ценностных установок экономико-правового комплекса, как в социальном, антропологическом, так и экологическом контексте, где должны быть минимизированы и безработица, и вынужденная миграция, и другие деструктивные явления, негативно влияющие на тенденции в сфере экологической безопасности.

Современная эколого-правовая реальность свидетельствует о чрезвычайно широком круге нерешенных проблем в сфере природопользования и охраны окружающей среды, атмосферного воздуха, сохранения флоры и фауны и т. п., лежащих в основе обеспечения безопасности человека, общества, государства.

Одной из важных проблем сохранения экологической безопасности жизнедеятельности человека, помимо несовершенства законодательства, недостаточного финансирования природоохранной деятельности, неэффективности контрольно-надзорных функций государства в сфере экологического, государственного, муниципального, общественного, международно-го и иных видов контроля и много другого, является установление и справедливое возложение обязанно-

¹ См.: Park R. T. Human migration the marginal man // American Journal of Sociology. 1928. № 6. P. 887–892.

стей на субъектов природопользования, причиняющих ущерб окружающей среде.

Как показывает практика, действующее российское законодательство в сфере природопользования и охраны окружающей среды не в полной мере способствует обеспечению и защите конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду. Перераспределение приоритетов в пользу экономической целесообразности и получения выгоды от использования природных ресурсов отдельными юридическими и физическими лицами, а не в пользу экологической безопасности населения может деструктивным и разрушительным образом сказаться и, возможно, уже сказывается на здоровье и качестве жизни населения. К числу экологических явлений, представляющих серьезную опасность для человечества, следует отнести изменение климата, масштабные загрязнения атмосферного воздуха, нарушение озонового слоя земли, ухудшение и истощение почвы и питьевой воды, разработку различных видов современных вооружений. К числу социальных явлений, негативно влияющих на изменения экологического порядка, как отмечено, относятся не регулируемые должным образом миграция, безработица, бедность, социальное сиротство и т. д.

Формирование правовой экономической политики в контексте установления экологического порядка основывается на необходимости разрешения одной из важнейших проблем сегодняшней государственности, а именно проблемы отчуждения экономики и за-

частую нормативной сферы от соблюдения и защиты прав и свобод человека, декларированных в Конституции РФ. Правовая экономическая политика должна устанавливаться в качестве приоритетных и основополагающих начал правового государства именно защиту прав граждан, основанную на верховенстве закона. В правовом государстве любое направление деятельности государства должно быть правовым, в том числе экономика. Право не может быть надстройкой для реализации не всегда объясняемых населению экономических инициатив или средством пополнения бюджета. Лежащая в основе экологического порядка парадигма конституционализма предполагает инвентаризацию идеологии государства, при помощи которой должны быть рекультивированы навязываемые, мнимые и небезвредные ценности неосновательного обогащения, потребительского образа жизни, коммерциализации культуры, образования, медицины и многое другое. Необходимо остановить популяризацию приоритетов только материального бытия и благополучия, ведущих к разрушению духовной природы человека.

Правовая экономическая политика должна быть открытой и ясной для граждан России, она должна перестать носить дискриминационный для большинства российского населения характер, стать основой для бережного и справедливого распределения природных ресурсов на благо человека ради сохранения экологического порядка, во имя продолжения человеческого рода и развития цивилизации.

А. В. Стремоухов (1943–2018)¹

ДАВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ КАК ФОРМА «ВЗАИМОСВЯЗИ» НАДНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Глобализация — сложнейший феномен правового взаимодействия международного и национального права. Одним из ее результатов стало давление решений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) на национальное право России. Международное право объективно стало не стандартом и эталоном национального права, а реальным средством правового

регулирования общественных отношений в единой системе с национальным правом².

Проблема соотношения наднациональных и национальных правовых институтов является одной из самых сложных и противоречивых мировых проблем, а для права России — приоритетной. Особенно актуальной она стала после 7 октября 2010 года, когда ЕСПЧ в постановлении по делу «Константин Маркин против России»³ впервые за 12 лет усомнился в соответствии определения Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) от 15 января 2009 года № 187-О-О⁴ Европейской конвенции по правам человека. В этом доку-

¹ Работал профессором кафедры отраслей права СПбГУП. В 2008 г. был избран почетным профессором СПбГУП. Являлся почетным работником высшего профессионального образования РФ. Опубликовал более 300 научных трудов, в т. ч.: «Право социального обеспечения», «Трудовое право», «Правовая защита человека», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества», «Права человека», «Система прав человека», «Конституционно-правовые основы парламентской деятельности депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» и др. Являлся членом-корреспондентом Международной академии акмеологических наук. За безупречную службу, активную и плодотворную педагогическую и научную работу был награжден 13 медалями и знаками СССР и РФ, в т. ч.: медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалью «За безупречную службу» III, II, I степеней, нагрудным знаком ФНПР «За активную работу в профсоюзах» и др.

² *Еришов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : моногр. М. : ГУП, 2018. С. 197–198.

³ URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.03.2018).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения воен-

менте КС РФ не признал право военнослужащих-мужчин на отпуск по уходу за ребенком до достижения последним трехлетнего возраста, подтвердив их право воспользоваться лишь кратковременным отпуском. Одновременно Суд заявил, что это решение не нарушает положения Конституции о равенстве прав и свобод независимо от пола. В ответ ЕСПЧ сделал вывод о том, что такое решение «лишено разумного обоснования», а «рассматриваемое российское законодательство не является совместимым с Конвенцией».

Такое заключение ЕСПЧ явилось прямым вторжением в сферу национального суверенитета России, явно выходящим за рамки предусмотренных Конвенцией прав и полномочий суда, поскольку именно национальная власть, а не международные суды, имеет приоритетное право определять, в чем состоит публичный интерес государства, ибо лучше знает свое общество и его потребности¹.

14 июля 2015 года КС РФ вынес Постановление № 21-П, разрешающее вопрос о соотношении постановлений ЕСПЧ и Конституции РФ. КС РФ изложил позицию следующего содержания: в случае если постановление ЕСПЧ, которое было вынесено в отношении России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и при этом входит в противоречие с Конституцией Российской Федерации, то подобное постановление ЕСПЧ не может быть исполнено РФ.

Здесь нужно сделать оговорку: ч. 4 ст. 15 Конституции РФ определяет, что в случае возникновения коллизии по поводу прав и свобод человека между международным договором РФ и законом РФ применяются правила международного договора. Как раз эту норму Конституции РФ и используют адепты указанных решений ЕСПЧ. Однако, как считают многие правоведы, это правило не применяется при разрешении коллизии между международным договором и Конституцией РФ. В этом случае, говорят они, действует правило о высшей юридической силе Конституции, поскольку, являясь составной частью правовой системы РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международного договора (ч. 4 ст. 15

Конституции РФ) по своей юридической силе не могут стоять выше, чем Конституция РФ². Этот вывод согласуется и с положением ч. 6 ст. 125, которая гласит: «Не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению».

Исходя из соотношения норм Конституции РФ и ЕСПЧ, в вышеназванном постановлении КС РФ указал законодателю на создание такого правового механизма, благодаря которому РФ будет способна не исполнять решения ЕСПЧ. Эта правовая позиция КС РФ юридически оформлена и нашла свое отражение в изменениях, внесенных в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», путем издания Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», которым была введена глава XIII.1. В соответствии с указанной главой КС РФ в результате запроса уполномоченного федерального органа исполнительной власти имеет право на рассмотрение вопроса и возможности исполнения или неисполнения постановления ЕСПЧ либо иных органов международного права.

Механизм, созданный законодателем, нашел свое применение в постановлениях КС РФ. Так, 19 марта 2016 года Конституционным Судом Российской Федерации было принято постановление, согласно которому КС РФ указал, что невозможно исполнить решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации»³ в части мер общего характера.

Таким образом Россия нашла способ защиты от наднационализации в области прав человека (выходящей за пределы разумной) с помощью концепции конституционной идентичности⁴.

В то же время КС РФ указал, что взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только от уважения ЕСПЧ национальной конституционной идентичности России зависит эффективность норм Конвенции о защите прав и основных свобод человека.

ной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей».

¹ Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.

² См.: Эбзеев Б., Радченко В. Прямое действие Конституции РФ и конкретизация ее норм // Рос. юстиция. 1994. № 7. С. 8; Стрелюхов А. В. Правовая защита человека. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 94.

³ Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 2.

⁴ Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России // Право и государство: культурологическое измерение: Междунар. науч.-практ. конф., 1 декабря 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 19.

В. В. Трофимов¹

МЕХАНИЗМ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПРОЦЕССА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Государственно-правовое строительство есть динамический процесс возникновения и воспроизводства (аутопойезиса) всех основных институциональных характеристик государства и права, к которым относятся: суверенная (верховная) власть, территория, государственный аппарат, фискальная система, государственное принуждение, системность и регулятивный потенциал юридического инструментария и пр. Динамика государственно-правового строительства зависит от влияния объективных и субъективных факторов, позволяющих соответствующим структурам при условии открытости государственно-правовой системы (ее способности воспринимать и преобразовывать энергию искомым факторов в целях поддержания своей устойчивости) формироваться, функционировать, развиваться, усиливаться, достигать внутренней легитимности, проходить идентификацию в окружающем международном контексте (добиваться внешнего признания) и пр.

По нашему мнению, чем прочнее связь государства, права и общества, тем выше культура самого процесса государственно-правового строительства, тем убедительнее его результаты (способность политических элит управлять социальными процессами, эффективность государственного аппарата и права и пр.). «Архитекторам» и «строителям» нужно лишь найти ту оптимальную модель государственно-правовой жизни, которая эту искомую связь устанавливает, предполагает, опирается на нее в процессе реализации государственно-правовых задач.

В целом исторический опыт подсказывает, что среди всего многообразия моделей государственно-правового строительства (монархических, тоталитарных, авторитарных, автократических, олигархических, анархических и охлократических, демократических и комбинированных и пр.) наиболее устойчивая динамика государственно-правовой системы обеспечивается только в действующих механизмах народоуправства, народовластия — демократии, при условии демократической организации государственной власти.

Демократию, как справедливо замечает А. Д. Керимов, следует воспринимать не как самоцель, а как сред-

ство достижения более высоких целей². Демократия имеет немало изъянов, но вместе с тем только такой способ правового управления в государстве позволяет ему динамично развиваться, сохраняя устойчивость и перспективы роста. Чтобы демократия не воспринималась как некая «священная корова», она должна становиться реально действующим механизмом, устанавливающим и выражающим общественную власть в государстве, позволяющим государству и праву находиться в состоянии постоянного обновления и приспособления к требованиям современной жизни. Вместе с тем в современных условиях такое динамичное развитие не всегда может быть обеспечено теми традиционными демократическими формами в виде прямого или представительного (опосредованного) выражения народной воли. При всей их незыблемости и универсальности вряд ли достаточно только этого демократического инструментария (выборы, парламентские органы) для реализации динамических функций и сторон государственно-правовой жизни (социальное благосостояние, экономическая модернизация, технологическое развитие, качественное правотворчество, национальная безопасность, активная внешняя политика и пр.). Поэтому с определенного времени в социально-политической философии стали говорить еще об одной грани демократии — демократии участия и/или соучастия, что получило название *делиберативная демократия*.

Справедливости ради нужно отметить, что появление такой разновидности демократии стоит отсчитывать уже с полисной формы организации общественной жизни, характерной для античной цивилизации, а не рассматривать ее как некий доктринальный «новодел». Греческая философская мысль как нельзя лучше высвечивает этот аспект. В платоновском диалоге «Протагор» обосновываются преимущества демократического образа жизни государства. В ходе беседы Протагор доказывает, что все люди обладают зачатками политического мышления и способны проявлять гражданские добродетели. Делиберативная демократия представляет собой демократию институционализированного диалога власти и гражданского общества, рационального обсуждения, убеждения, аргументации, компромиссов в процессе выработки наиболее приемлемых и оптимальных путей развития социума в целом. Это форма конструктивного взаимодействия всех активных членов общества и государства, придающего подлинную легитимность политическим и правовым решениям, которая может возникнуть лишь в результате их предварительного публичного обсуждения, открытости, терпимости к чужому мнению, готовности скорректировать свою первоначальную позицию в случае появления в процессе об-

¹ Директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.) и др. Соавтор коллективных монографий, словарей-справочников, учебников и учебных пособий; ответственный редактор сборников научных трудов, справочных изданий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах («Государство и право», «Известия высших учебных заведений. Правоведение», «Журнал российского права», «Российская юстиция», «Правовая политика и правовая жизнь» и др.). Член Ассоциации юристов России.

² Керимов А. Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2014. С. 9–10.

суждения лучшего аргумента по сравнению с озвученными ранее¹.

Делиберативную демократию в этом смысле можно рассматривать как некую более осовремененную и усовершенствованную форму электоральной демократии, где наряду с элементами представительной демократии (*representative democracy*) и прямой демократии (*direct democracy*) присутствует и элемент демократии участия (*participatory democracy*). Латинское понятие *“deliberatio”*, пришедшее из словаря римского права, собственно и означает «обсуждение», «размышление», «стремление к совету», «взвешивание “за” и “против”», «проведение консультаций». Древнеримский поэт Публий Сир (I в. до н. э.), по сути, сформулировал в своем высказывании государственно-правовой делиберативный принцип: *“Deliberandum est diu quod statuendum est semel”*, дословно переводимый как: «Над тем, что предполагается учредить на очень долгий срок, почти навсегда, положено размышлять так же долго» (или «Обдумывай долго, решай один раз»)².

В современном англо-американском употреблении термин «делиберация» этимологически основывается на латинском глаголе *“deliberare”*, что означает «взвешивать» (в идейном смысле), «размышлять», «совещаться» или «внимать совету». В английском языке слово «делиберация» (*“deliberation”*) понимается также как «обсуждение» или «дискуссия»³. Иными словами, данный механизм демократии позволяет обществу (наиболее активным и неравнодушным его членам) принимать участие в проработке и обсуждении (с практическим эффектом) политических и правовых решений публичной власти (всех уровней — от муниципального до общегосударственного). Это дает основание для того, чтобы рассматривать подобные решения не только как социально легитимные, но, что не менее важно, принимаемые действительно в интересах общества и поэтому идущие (по общему правилу) на пользу его жизни.

В рамках делиберативной демократии задействуется сила коммуникативных механизмов: политические и правовые решения проходят «сито» и «филь-

тры» аргументации и контраргументации, приобретая свойство верности и убедительности (внутренней легитимности). Социальная коммуникация — это универсальный феномен, энергия которого способна творить и преобразовывать социальное (в том числе политическое и правовое) пространство нашей жизни. «Понятие коммуникации побуждает учитывать различные точки зрения и призывает к диалектическому обмену точками зрения. Такой диалектический подход должен предохранить нас от одностороннего анализа и выводов»⁴.

Если же решения будут принимать, игнорируя коммуникативную среду власти и общества, эффект будет как минимум сомнителен: их качество по определению не станет высоким, поскольку в этом случае процесс осуществляется в параметрах закрытой системы, не способной эффективно функционировать. Политика и право — это феномены, которые не могут рассматриваться исключительно как продукты деятельности государственных структур. Будучи представленными исключительно в этом качестве, они утрачивают связь с социальной жизнью и потому отчуждаются от реально существующих в ней проблем, требующих решения, и в этом плане становятся неэффективными. Да и признания на международной арене таким государственным образованиям ожидать сложно.

Поэтому необходимо выстраивать коммуникационные механизмы связи государства и гражданского общества на платформе политического и правового творчества. Это позволит актуализировать политический и правовой контекст, своевременно обнаруживать те проблемы, которые существуют в обществе и требуют решения (прежде всего посредством права). Реализация возможностей активного и ответственного участия граждан, гражданских институтов в происходящих государственно-правовых процессах составляет один из главных показателей идентичности и степени зрелости современного гражданского общества, функционирования коммуникативного механизма делиберативной демократии. В этом ценность демократии, предоставляющей каждому возможность повлиять на свою собственную и общую политико-правовую жизнь.

¹ См.: Зайцев А. В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // *NB: Проблемы политики и общества*. 2013. № 5. С. 29–44.

² Там же.

³ От *англ. deliberate* — советовать, совместно рассматривать. Непосредственно разработка теории делиберативной демократии связывается с именем Юргена Хабермаса, представившего суть концепции политико-правовой коммуникации в работах «Структурные трансформации публичной сферы» (1962), «Теория коммуникативного действия» (1981), «Фактичность и значимость» (1992); сам же термин «делиберативная демократия» был впервые употреблен американским ученым Дж. Бессеттом в работе «Делиберативная демократия: принцип большинства в республиканском государстве» (1980). Под делиберацией Дж. Бессетт понимал подход в политике, основанный на обсуждении, дискуссии при принятии решений. Политическая власть в этом случае осуществляется не единолично, а при коллективном рассмотрении доводов, доказательств среди участников дискуссии. См.: Линде А. Н. Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации (теоретико-методологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. С. 23–24.

⁴ Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 21.

С. Ф. Ударцев¹**ЭКОНОМИКА, ПРАВО И КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Четвертая промышленная революция, на пороге которой стоит мир, значительно изменит экономику, право, культуру и организацию общественной жизни, ускорит процессы глобализации, откроет новые возможности. Отметим некоторые тенденции.

1. Новая промышленная революция, которая коснется всех сфер жизни, таит в себе немало неизвестного, но имеет и ряд уже проявляющихся черт. В частности, это тотальная цифровизация в промышленности и сфере услуг, 3D-печать оцифрованных материальных предметов, развивающаяся автоматизация, в том числе все более проникающая в сферу управления (программы «электронного правительства» во всех странах расширяют перечень электронных услуг и т. п.). Это и роботизация, создание и развитие беспилотной техники для работы на земле и под землей, на воде и под водой, в воздушном и космическом пространстве, совершенствование и широкое внедрение искусственного интеллекта, использование достижений нанотехнологий, геномной инженерии, создание новых материалов. Сюда также можно отнести решительный переход на возобновляемые источники энергии и разработку их новых видов. Это также освоение возможностей виртуальной и дополнительной реальности (приспособленной для оптимального использования ее человеком, например информационно углубленно описанной), новое поколение ресурсов и технологий Интернета как мировой информационной Сети; формирование «Интернета вещей» как системы взаимодействия вещей, подключенных к Интернету для выполнения различных задач.

2. По мере возрастания мощности компьютеров и развития искусственного интеллекта электронная форма права достигнет новых параметров скорости, объема, точности и актуальности информации. Эта форма права станет более разумной и гибкой, оперативно изменяемой, почти мгновенно обрабатываемой, передаваемой и распространяемой в социальных сетях в неограниченном пространстве и окончательно победит в исторической конкуренции предшествующие формы изложения и хранения правовых актов, в частности бумажные носители.

3. В ходе новой промышленной и технологической революции произойдет естественное расширение про-

странства деятельности человечества, что окажет влияние на экономику, право, культуру².

Эксперты прогнозируют новый бум освоения космоса в конце 2020-х — начале 2030-х годов и ускорение роста данной отрасли мировой экономики, которая, как ожидается, в ближайшие десятилетия будет исчисляться триллионами долларов США. По состоянию на 2007 год аналитики выделяли 30 стран на всех континентах, активно развивающих космические программы, и еще 49 стран относили к группе развивающихся в этой области³. Растет участие в космической деятельности частного капитала, создаются новая техника, более совершенные технологии. Это может привести через 12–15 лет к новому всплеску активности в освоении космоса уже нескольких государств, их союзов, частных компаний (США, Россия, Китай, ЕС и др.)⁴, дать толчок развитию международного и национального права, глобального международного сотрудничества и острой конкуренции в этой сфере.

4. Важным фактором развития экономики и права станет начало добычи и переработки полезных ископаемых на космических телах (Луне, планетах, их спутниках, астероидах и т. д.). Это потребует устранения пробелов в правовой системе, конструирования новых правовых институтов.

В условиях глобализации происходят противоречивые процессы развития и взаимодействия национального и международного права. В частности, по ряду вопросов наметилась тенденция распространения национального права и юрисдикции судов некоторых стран (например, США) за пределы границ государства, фактически создаются прецеденты его превращения в национальное.

5. Новая промышленная революция может привести к значительному изменению структуры экономики и правовой системы. Можно прогнозировать структурные изменения в системе права, в частности всестороннее развитие информационного права как отрасли права и детальное регулирование информационных аспектов в иных отраслях национального и международного права. Предполагается, что структура власти, экспертная деятельность и законотворчество будут еще теснее связаны с политико-правовыми институтами иерархи-

² См. также: Ударцев С. Ф. Государство, право и космическая деятельность // Социология права : курс лекций : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Проспект, 2015. С. 307–338.

³ Общие тенденции развития космической деятельности // Байтерек. Совместное казахстанско-российское предприятие. URL: http://www.bayterek.kz/info/space_activities.php (дата обращения: 07.02.2018).

⁴ Известно о российско-американском стратегическом соглашении по строительству орбитальной лунной станции «Врата в дальний космос» с изменяемой в соответствии с разными целями орбитой, о планах США и Китая по высадке человека на Луну к 2030 году. Кроме создания станции около Луны, с которой многоцветный космический корабль будет доставлять астронавтов в разные точки на спутнике Земли, ожидается также начало освоения Луны, некоторых астероидов, подготовка полетов на Марс, многоплановое исследование планет Солнечной системы, их спутников и т. д.

¹ Руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления Университета КАЗГЮУ им. М. С. Нарикбаева (Астана), доктор юридических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «Рукопись М. А. Бакунина “Гамлет”», «Кропоткин», «Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность», «О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права», «История политических и правовых учений. Древний Восток: академический курс», «Учителя и коллеги: Из истории юридической мысли Казахстана XX — начала XXI вв.», «Конституция и эволюция общества (вопросы теории и философии права)», «Видные ученые-юристы Казахстана XX — начала XXI в.» (в соавт.), «Казахстан: конституционная реформа 2017 года» и др. Академик Академии социальных наук и Академии юридических наук Республики Казахстан. Главный редактор журнала «Право и государство».

ческого и дифференцированного (вертикального и горизонтального) доступа к той или иной информации, с ее регулированием и защитой. В сфере информационной безопасности обострится конкуренция и борьба государств.

В международном праве и национальных правовых системах будет «прорасти» и развиваться глобальное межотраслевое системное явление — правовое обеспечение различных направлений космической деятельности и их инфраструктуры. Система земного права начнет эволюцию в более широкую правовую систему, охватывающую своим регулированием многочисленные новые отношения, объекты, ситуации, возникающие

в процессе расширяющейся многоплановой космической деятельности.

В перспективе космизация земных глобальных систем экономики, права и культуры приведет к началу следующей ступени их развития — формированию экономики, права и культуры космической цивилизации.

Очевидно, чтобы не «сойти» с основной траектории эволюции цивилизации и не отстать от развитых стран, в стратегическом планировании и тактике экономического и правового развития современного общества и государства необходимо учитывать проявившиеся направления начинающейся промышленной, технологической и научной революции.

Г. Ф. Фейгин¹

ПРОБЛЕМА УТВЕРЖДЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Эволюция мирового хозяйства представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Помимо экономической динамики, которую можно «измерить» и охарактеризовать с помощью количественных показателей (темпы роста ВВП, темпы инфляции, прирост денежной массы, уровень инвестиционной активности и т. д.), большое значение имеют ценностные ориентиры. Неслучайно важным методологическим инструментом экономической науки является сочетание позитивного и нормативного подходов. Позитивный подход предполагает проникновение в суть явлений, то есть объяснение причин, обуславливающих те или иные феномены или процессы в хозяйственной практике. Нормативный подход основан на интерпретации явлений с позиции определенных ценностных установок. Поэтому развитие отдельных стран, а также наднациональных образований так или иначе сопровождается утверждением ценностных систем.

На протяжении более 70 лет XX века мир был разделен на две противоположные хозяйственные системы — плановую (социалистическую) и рыночную (капиталистическую). После окончания этого периода начала динамично расширяться глобализация. Основными движущими силами этого процесса являются мультинациональные корпорации (МНК). Фактически вплоть до настоящего времени глобализация осуществлялась на основе рыночной конкуренции, принявшей поистине мировые масштабы (в форме глобального капитализма). Ярким примером в данном контексте является утверждение Вашингтонского консенсуса, который представляет собой перечень

рекомендаций, предложенных американским экономистом Д. Уильямсоном в конце 1980-х годов, в качестве ориентира при проведении экономических реформ в странах Латинской Америки. Рекомендации сводились прежде всего к либерализации хозяйственной деятельности, сокращению бюджетных расходов и обеспечению бюджетного дефицита, борьбе с инфляцией. В дальнейшем Вашингтонский консенсус критиковали за утверждение безальтернативного либерального пути экономических реформ без учета специфических особенностей экономики отдельных стран. Недостатки Вашингтонского консенсуса считались одной из причин мирового экономического кризиса 2008–2009 годов.

Крах Вашингтонского консенсуса продемонстрировал всю остроту проблем, связанных с утверждением какой-либо глобальной системы экономических ценностей. При всей значимости понятий «экономическая свобода», «производительность», «эффективность», «конкурентоспособность» с их помощью нельзя дать исчерпывающую характеристику и однозначную оценку современных мировых реалий хозяйственного процесса. Яркой формой проявления данной проблемы можно рассматривать многочисленные затруднения, возникающие в процессе реализации глобальных интеграционных проектов. Так, при введении общеевропейской валюты в 2002 году одним из требований для вступления в зону евро был размер государственного долга. Политика его сокращения предполагает крайне бережливое отношение к расходованию средств государственного бюджета. В ряде стран ЕС (Германии, Австрии, Швеции) социальные расходы осуществляются в строгом соответствии с принципом нуждаемости. Несомненно, такой подход имеет культурную (ментальную) основу. Иначе обстоит дело в странах Южной Европы. Здесь зачастую наблюдается стремление решить социальные задачи без учета реальных возможностей бюджета. В результате, государственный долг периодически

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор 128 научных публикаций, в т. ч.: «Постсоциалистические страны: интеграция в мирохозяйственные связи», «Факторы и условия трансатлантической интеграции», «Пенсионная система России — этапы реформирования», «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы», «Тенденции развития ИКТ в России: феномен информационного неравенства в регионах», «Трансформация пенсионных систем стран Евразийского экономического союза» и др. Почетный профессор СПбГУП.

возрастает и превышает критические размеры. Ярким примером служит долговой кризис в Греции, поставивший под сомнение перспективы зоны евро. Аналогичные проблемы наблюдаются в Италии, Испании, Португалии. Начиная с 2012 года в рамках ЕС предпринимаются попытки гармонизировать налоговое законодательство и социальную политику, но в этом процессе возникают многочисленные препятствия в связи с исторически сложившимися различиями в социальной сфере.

После кризиса 2008–2009 годов стали очевидны новые проблемы, прежде всего связанные с многополярностью современного мира. Несмотря на то что глобальная конкуренция по-прежнему является основой формирования всемирных хозяйственных связей, говорить о глобальной гегемонии какой-либо одной силы уже не представляется возможным. На современном этапе «признанные лидеры» (США, страны Западной Европы, Япония) столкнулись с жесткой конкуренцией со стороны Китая, уже сегодня по праву претендующего на роль крупнейшей хозяйственной системы мира. В целом Азиатский регион стал самым динамично развивающимся, что означает изменение баланса сил в глобальной геополитике. Вероятно, подходит к концу эпоха доминирования развитых индустриальных стран в рамках глобальной институциональной системы. В существующих глобальных институтах (ВТО, Всемирный банк, МВФ) ведущие позиции по-прежнему занимают представители развитых индустриальных стран, однако периодически выдвигаются инициативы (прежде всего со стороны Китая) создания альтернативных институтов, которые в перспективе могли бы изменить современную глобальную институциональную систему.

Все эти процессы скорее негативно воспринимаются в развитых индустриальных странах, которые на протяжении последних десятилетий получали выгоды от глобализации хозяйственного миропорядка в его либеральной форме. Наметился явный кризис в процессе глобального распространения идей либерализма. Кризис либерального подхода к организации мирохозяйственных связей проявляется в сельском хозяйстве, где в рамках ЕС по-прежнему выделяются субси-

дии для национальных производителей; в сфере услуг, где в силу многочисленных специфических факторов глобальный рынок фактически до сих пор не создан; в финансовой сфере, где после кризиса 2008–2009 годов предпринимаются попытки изменить и усовершенствовать регулируемую институциональную архитектуру в рамках Соглашения Базель–III и на уровне «Большой двадцатки».

В настоящее время кризис либеральной доктрины фактически признается и развитыми индустриальными странами. Предпринимаются шаги, ориентированные на создание новых конфигураций в глобальном хозяйственном пространстве. Оценить последствия этих шагов пока еще достаточно сложно, но они носят несколько хаотический характер. Начавшаяся процедура брексита меняет расклад сил в ЕС. Однако уже сегодня очевидно, что негативные последствия этого шага для Великобритании с высокой степенью вероятности могут быть более значительными, нежели позитивные. В 2017 году США вышли из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, которое готовилось в течение нескольких лет. Также наблюдается обострение торговых отношений между США и Китаем, последствия которого трудно предсказать.

Каковы перспективы разрешения кризиса либеральной доктрины? Вероятно, в современных условиях мировое хозяйство находится на такой стадии развития, когда в процессе организации глобальных хозяйственных связей исключается возможность доминирования какой-либо одной ценностной парадигмы. Опыт многих стран показывает, что достижение успехов в развитии обуславливается не соблюдением какого-либо перечня рецептов, а проведением многоаспектной экономической политики, которая, с одной стороны, учитывает глобальные тенденции, с другой — основана на национальных особенностях и исторических традициях развития той или иной цивилизации. Тем самым необходимо признать многовариантность сценариев развития отдельных стран — только при этом условии в будущем станет возможно ослабить очевидную напряженность, сложившуюся в международных отношениях, и внести определенный вклад в решение проблемы глобальных дисбалансов.

М. М. Хайкин¹,
А. А. Лапинкас²

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Экономическая теория, являясь методологической основой для целого ряда прикладных экономических дисциплин, таких как экономика отраслей, финансы и кредит, менеджмент, бухгалтерский учет и другие, в то же время представляет собой важную составную часть системы гуманитарных дисциплин. Многие авторы отмечают снижение «рейтинга» гуманитарных дисциплин по сравнению с точными и прикладными науками. Но соответствует ли такая ситуация современным условиям, когда не только российское общество, но и все человечество вынуждено противостоять новым вызовам? Ответ, на наш взгляд, очевиден: нет, не соответствует.

В этих условиях значительно возрастает ценность идей выдающихся российских гуманитариев — Д. С. Лихачева, С. С. Аверинцева, Л. Н. Гумилева и др. В частности, Д. С. Лихачев отмечал, что важным компонентом культуры является образование: «Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»³. Следовательно, образование представляет собой составную часть культурной среды, являющейся базисом цивилизационного развития как отдельной нации, так и глобального сообщества. «Мне представляется чрезвычайно важным, — отмечал Д. С. Лихачев, — рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоприятие и взаимоотталкивания»⁴.

Необходимо уточнить понятия «культурная среда» и «экономическая среда». Д. С. Лихачев обращал внимание, что в стандартном понимании существуют «творец» (демиург) и множество потребителей. Процессы «творения» и «потребления» по этой схеме разворачиваются в некотором пространстве и временной последовательности. Творец находится в начале этой цепи, «получатель» — в конце, как завершающая предложение точка. Однако такая схема не позволяет до-

статочно полно и всесторонне понять и оценить общественные явления, сам процесс научного творчества, его истоки и результативность и, в конечном счете, ведет к недооценке факта присутствия человека в данной системе ценностей. Например, в формационном и стадийном подходах к изучению экономической теории главным детерминантом развития общества являются производительные силы, что можно определить как «технично-технологический детерминизм»⁵. В данных подходах, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется субъективному творческому началу в прогрессивном развитии общества.

Кроме самого процесса творчества, адекватное понимание сущности среды предполагает наличие массовых процессов сотворчества, на что указывал Д. С. Лихачев. Он отмечал факт недооценки «сотворчества со стороны воспринимающего субъекта» (в стандартном понимании среды), без чего теряет свое значение и само творчество⁶. В этом смысле среда оказывает положительное, нейтральное или даже отрицательное воздействие на все аспекты развития общества — от культуры в целом до экономики в частности. Отсюда следует вывод, что для социально-экономического прогресса в равной степени важны как процесс «производства» инноваций, так и наличие адекватной среды, обеспечивающей возможности их быстрого распространения. Важнейшим фактором образования благоприятной среды общественного развития является система образования, в том числе экономического.

Это особенно актуально для России, где уже несколько веков существует проблема востребованности инноваций. Можно вспомнить важнейшие изобретения еще XVIII века — паровые двигатели Дж. Ватта и И. Ползунова, изобретенные почти в одно и то же время. Первый поступил в массовое производство, изобретение же И. Ползунова в чем-то даже более совершенное было отправлено в музей и не было востребовано российской экономикой того времени. Но лучше ли обстоят дела в этой области сегодня?

Яркий пример — творческая деятельность Ж. Алферова, получившего Нобелевскую премию по физике в 2000 году за разработку полупроводниковых гетероструктур и создание быстрых опто- и микроэлектронных компонентов. Они применяются в производстве высокоскоростной оптоэлектроники, которую Россия в основном импортирует из других стран. Подобных примеров можно вспомнить великое множество.

Изобретателями и учеными (творцами, демиургами) Россия всегда была богата, но благоприятная среда для распространения инноваций до сих пор не соз-

¹ Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Сервисный капитал», «К вопросу о развитии сферы услуг в современной системе экономических отношений», «Собственность как основа управления хозяйственной деятельностью домохозяйства», «Естественные монополии в российской экономике: выбор модели регулирования», «Сфера услуг в экономических системах: политэкономический подход» и др.

² Профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Типы и особенности функционирования экономических систем», «Главное — эффективная модель 272–282», «О причинах и направлениях изменения стратегических ориентиров развития» и др.

³ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach.html

⁴ Там же.

⁵ Лапинкас А. А., Содномбалова Т. Г., Сергеев С. В. О причинах и направлениях изменения стратегических ориентиров развития // Глобальная экономика в XX веке: диалектика конфронтации и солидарности: сб. науч. трудов / под ред. Д. Е. Сорокина, М. Л. Альпидовской. Краснодар, 2017. С. 480–482.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч.

дана. В качестве эффективной системы сочетания науки, образования и среды внедрения инноваций можно привести современный Китай, который стал фабрикой мира, потеснив США, ЕС и Японию. В 2016 году затраты на НИОКР в Китае составили 408,8 млрд долларов, в США — 502,9, в Японии — 170,0, в России — 37,3 млрд долларов, то есть Россия тратит на НИОКР примерно в 11 раз меньше, чем Китай и в 13 раз меньше, чем США¹. Хотелось еще раз подчеркнуть, что суть проблемы даже не в размерах государственных затрат на НИОКР, а в необходимости формирования адекватной общественной среды — уровня культуры нации, в том числе экономической культуры.

Ряд авторов отмечает деградацию российской системы высшего образования в результате неграмотно проводимых реформ. Например, Ю. В. Крупнов пишет: «В то время как наиболее экономически развитые страны, в частности Япония, фактически уже перешли на всеобщее высшее образование, Россия в этой области идет по пути деградации. Нам нужен индустриальный прорыв, нужна мощнейшая технологическая модернизация, а без большого количества высококвалифицированных специалистов эта идея так и может остаться нереализованной»².

Д. Медведев отмечает необходимость не только технологических, но и институциональных инно-

ваций³. Однако институциональные инновации также нуждаются в наличии адекватной культурной и социально-экономической среды.

В то же время, как отмечают П. Дуткевич и Д. Казаринова, «российское общество уже три десятилетия живет в условиях не до конца сформировавшейся идентичности, личной и общественной нестабильности, низкого уровня межличностного доверия и недоверия к институтам, а также ценностной аномии»⁴. Введя понятие аномии в научный оборот в качестве явления, связанного с кризисом и рассогласованностью ценностей, Э. Дюркгейм исследовал свойственные переходным периодам процессы социальной дезорганизации, результатом которых становятся социальная деструкция, различные формы девиантного и делинквентного поведения. В отсутствие или при снижении нравственных императивов, что является результатом перехода от механической солидарности к органической, возникают социальные угрозы⁵.

Таким образом, гуманитарные науки, включая экономическую теорию, — это основа формирования мировоззрения, развития культуры, создания творческой атмосферы в обществе, наконец, основа обеспечения «духовной безопасности» общества, основной фактор формирования как воздуха необходимой среды, о которой писал Д. С. Лихачев.

И. Г. Хангельдиева⁶

ИННОВАЦИОННЫЕ КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОГО АРТ-РЫНКА: АРТОТЕКА И АРТ-РЕЗИДЕНЦИЯ КАК ЕГО НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ

В социокультурной практике последнего времени возникают все новые арт-феномены. Еще недавно

¹ Наука, технологии, инновации: 2017 / Высшая школа экономики, Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: <https://www.hse.ru/prima-rydata/nioo2017> (дата обращения: 07.09.2017).

² Крупнов Ю. В. Всеобщее высшее образование. URL: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/project/vseobshee_visshee_obrazovanie

³ Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html>

⁴ Дуткевич П., Казаринова Д. Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 79–83.

⁵ Hanco M. D. Теория аномии Э. Дюркгейма и современность. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_19456.html

⁶ Профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Арт 2В & В2 Арт, или О том, что такое арт-рынок и как он работает», «Управление культурой и современными коммуникациями: предпринимательство в культуре» (в соавт.), «Бренд 2В. Бренд 2С» (в соавт.), «Культура и рынок: современные тенденции» (в соавт.), «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» (в соавт.), «Креативные технологии в образовании, или Как стать креатором. Опыт переосмысления» (в соавт.) и др.; статей: «Образование: основные вызовы современности», «От синестезии к современным формам художественного синтеза», «Предпринимательство в культуре: российская версия», «Международное партнерство в исполнительских искусствах», «Аренда и лизинг в сфере культуры и искусства», «Бренд вуза как качественный маркер и стратегический нематериальный ресурс», «Креативные технологии в образовании: генезис и современное состояние», «Теория куль-

не было известно о таком субъекте арт-рынка, как арт-отека, но не успели мы осознать, освоить и изучить это явление, как появилось новое — арт-резиденция.

Работ по данной проблематике в отечественной научной литературе почти нет, редки они и за рубежом. В Интернете информации на эту тему тоже весьма немного, прежде всего ее следует искать на информационных сайтах, связанных с мониторингом современного арт-процесса. Культурологические работы по данной проблематике практически отсутствуют, очень незначительное их количество можно найти в пространстве экономического знания.

Возникают закономерные вопросы: что такое *арт-отека* и *арт-резиденция*? Каков их генезис, социокультурный статус, социокультурные функции, ценность? Кто является адресатом и пользователем артотек и арт-резиденций, каким образом они встроены в структуру современного арт-рынка? Для осмысления данных феноменов надо начать с описания ключевых понятий.

Артотека представляет собой современную институцию, призванную заниматься организацией проката произведений изобразительного искусства для широкой публики⁷. Артотеки как субъекты арт-рынка

⁷ См.: *Khangelidieva I. Traditional form in the untraditional context, or the instruments of rent and leasing in the area of culture and*

возникли в США во второй половине XIX века для реализации арендного механизма в пространстве функционирования изобразительного искусства. Идея артотеки стала особенно востребована в 1960-е годы в Европе, где искусству уделялось большое внимание: в Великобритании, Франции, Италии, Германии. В это время в Европе наблюдался интенсивный экономический рост, значительно улучшивший качество жизни среднего класса. Европейская артотека стимулировала развитие многих социокультурных процессов: возрастания культурного потенциала среднего класса, повышения уровня его художественного вкуса, эстетических запросов и т. п. Кроме того, артотека, что весьма важно, предоставляла доступный механизм удовлетворения новых потребностей, сочетая два важных принципа: доступность и сменяемость.

В артотеках, активно работающих в мире уже более 40 лет, сложились определенные правила функционирования, отражающие национальные особенности. Условно артотеки можно разделить на европейские и американские, а европейские, в свою очередь, дифференцировать по странам. Изначально институт артотеки был связан с современным искусством, и сегодня эта ориентация в целом сохранилась, правда, с некоторыми исключениями. Везде произошло расширение художественных интересов и запросов заказчиков, но в разных странах этот процесс имел свои особенности.

В США, к примеру, в большей степени продолжается ориентация на современное искусство. В Британии предложения в артотеках иные. В аренду сдаются оригинальные современные живописные и графические произведения, наиболее известные работы — в виде принтов на холсте и цифровых фотографий. Во Франции современное искусство традиционно поддерживается государством. В Италии действуют современные хранилища, в которых желающие могут арендовать живописные работы по договоренности с авторами на их условиях. Однако наряду с современным искусством в Италии предлагаются рукотворные копии великих итальянских мастеров разных эпох. Артотека как инновационный субъект арт-рынка значительно расширила его целевую аудиторию, сделав арт-продукт доступным массовому сегменту потребителей. Артотеки редко используются как инвестиционный инструмент, их бизнес — лизинг.

*Арт-резиденция*¹ — термин еще более новый, но явление, которое им определяется, имеет внушительную историю. Слово «резиденция» имеет латинское происхождение (от *re* и *sedere* — сидеть, *residentia* — место постоянного пребывания). Изначально им было принято определять строго ограни-

ченное, специально защищенное пространство, предназначенное для постоянного нахождения главы государства, правительства, иностранного посла. Иначе говоря, это место пребывания важной персоны, к которой требовалось подчеркнуто внимательное и уважительное отношение со стороны окружающих. Как правило, резиденции устраивались в красивых природно-заповедных местах или для них специально разбивались роскошные парки и строились специальные архитектурные сооружения. Альтернативой было использование уже существующих культурно-исторических архитектурных памятников. Приставка «арт» совершенно изменила его смысл, кардинально трансформировав социальный статус, предназначение и функции резиденции. Слово перенеслось в мир искусства и богемы, где отсутствуют строгие регламентации. В отличие от политики, пространству искусства свойственно стремление к творческой свободе без ограничения пространства и времени.

В России в XVIII–XIX веках функционировал институт пенсионерства. Его бенефициарами были выпускники Императорской академии художеств, получавшие стипендию во время дополнительного профессионального совершенствования за границей, чаще всего в Италии. Пенсионерами были многие русские художники, получавшие средства на жизнь в другой стране, чтобы пополнить свой творческий и профессиональный багаж, они сами искали место проживания.

Арт-резиденция — сложное и интегрированное по своей природе явление современной социокультурной и художественной практики. Прообразы арт-резиденций можно найти в разных странах мира. Одним из первых эту идею воплотил В. Ван Гог, предполагается, что «Желтый дом» в Арле мог стать прототипом арт-резиденции. В России в XIX веке своеобразными арт-резиденциями становились усадьбы известных меценатов. Таковой, например, стала усадьба Абрамцево (в те годы, когда ее владельцем был промышленник С. Мамонтов), где часто гостили и работали известные русские художники: И. Репин, братья Васнецовы, В. Полenov, К. Коровин, М. Врубель, В. Серов и др.

В настоящее время арт-резиденции действуют в США, Китае, России, в других странах Европы, Азии и Латинской Америки. Свобода творчества там сочетается со свободой пространства и коммуникаций, с возможностью участия в выполнении определенного заказа в обмен на предоставленные блага или использования арт-резиденции одновременно как особого выставочного пространства и места реализации результатов труда художника.

Артотека и арт-резиденция меняют традиционное представление о структуре арт-рынка, очерчивая его новые контуры. Эти инновационные по сути субъекты арт-рынка значительно расширяют и модифицируют его потенциал, что, безусловно, положительно сказывается и на его развитии, и на обогащении современного художественного процесса, и на культурном потенциале нации.

fine art // Brukenthal. Acta Musei, 2015. № X.2. С. 319–327; Хангельдиева И. Г. Артотека — форма современной институализации арт-рынка // Materials of the XI int. sci. and pract. conf. "Modern scientific potential—2015". Sheffield, Yorkshire, 27 Feb. — 7 March, 2015. Sheffield, Yorkshire: Sci & education Ltd., 2015. P. 36–40.

¹ Хангельдиева И. Г. Арт-резиденция как инновационный субъект современного арт-рынка // Social and cultural institutions in the modern world: Materials of the V int. sci. conf. on April 22–23, 2017. Prague: Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ", 2017. С. 33–35.

Е. Г. Хольнова¹**ИННОВАЦИИ И ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
КАК ВЕКТОР КУЛЬТУРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАЦИИ**

В современных условиях развития российской экономики, когда постепенно исчезает эйфория от глобализации и продолжают действовать финансовые санкции, важно осознать контуры будущего и определить стратегические задачи государства, направленные на развитие культурного и экономического потенциала нации. Существует простая аксиома, которой стараются придерживаться страны, стремящиеся к лидерству на мировом рынке: высококачественный человеческий капитал генерирует инновации и является главным драйвером развития, создания высоких технологий, непрерывной модернизации экономики, роста и развития индустрии знаний. Поэтому к началу XXI века сложилось вполне обоснованное научное мнение, что эффективность экономического развития той или иной страны напрямую зависит от объемов инвестиций в ее человеческий капитал. Этот вывод подтверждают мировые статистические данные. Например, в США доля инвестиций в человеческий капитал всегда превышала «чистые валовые инвестиции» в основные фонды и в настоящее время составляет 15,2 % ВВП, в Финляндии и Австрии — около 14 %, в то время как в России этот показатель не превышает 7 %. Можно уверенно утверждать, что государство, способное на достойные инвестиции в развитие инновационного человеческого капитала, всегда достигает высоких темпов экономического развития.

Развитие теории и практики человеческого капитала в настоящее время стало ответом на вызовы времени — зарождающейся инновационной экономики и венчурного научно-технического бизнеса, поэтому современная концепция человеческого капитала определяет его как главный фактор формирования и развития экономики знаний и может служить вектором культурного и экономического развития России.

Специалисты Всемирного банка разработали методику и ежегодно рассчитывают стоимость национального человеческого капитала (НЧК) на основе затратного метода. Накопленный НЧК в США выше российского в 87 раз, немецкий — в 39, японский — в 42, китайский — в 20 раз. Общая стоимость НЧК в США в 2017 году, по оценкам Всемирного банка, составила более 78 % национального богатства; в Китае, странах

«Семерки» и ЕС — около 77 %, в то время как стоимость российского НЧК — менее 50 % национального богатства страны.

В 1999 году ООН ввела «индекс человеческого развития» как усредненный показатель развития населения в конкретной стране, который рассчитывается с учетом трех индексов: долголетия, образования и уровня жизни; последний напрямую зависит от ВВП на душу населения. В 2017 году Россия оказалась на 51-м месте в рейтинге развития человеческого капитала. Первые строчки заняли Норвегия, Австрия, Швейцария, Германия, Дания. Другие крупнейшие экономики мира заняли места: Япония — 15-е, США — 16-е, Китай — 43-е².

Определяя контуры будущего развития национального человеческого капитала, ООН в 2016 году разработала долгосрочную стратегию развития мирового сообщества до 2030 года в этой области, определив в ней план масштабных преобразований, включающий 17 взаимосвязанных и неразделимых целей и задач, которыми должны руководствоваться все страны. Специалисты ООН в ежегодных докладах «О целях в области устойчивого развития» рассчитывают индекс развития человеческого капитала, призывая страны «сохранить процветающую планету для будущих поколений и построить мирное и открытое для всех общество, обеспечив тем самым достойные условия жизни для каждого»³.

30 июня 2017 года в аналитическом центре при Правительстве РФ был представлен научный «Доклад о человеческом развитии в РФ за 2016 год»⁴, в котором содержался комплексный анализ ситуации в стране и предлагались меры по адаптации для России целей устойчивого развития человеческого капитала, предложенные ООН и принятые для всех стран мира на 2016–2030 годы. В докладе отмечается, что в целом проблема обеспечения доступа к образованию в нашей стране не является острой: 96 % россиян имеют образование не ниже полного среднего, что намного выше среднего показателя стран ОЭСР (75 %) и БРИКС (мы в 2 раза опережаем Бразилию и в 4 раза — Китай). Лидирует Россия и по доле взрослого населения с третичным образованием — 58 % (36 % в среднем по ОЭСР и около 30 % — по странам «Большой двадцатки»). Это подтверждают и данные информационно-аналитического центра Всемирного экономического форума, который в сентябре 2017 года опубликовал глобальный рейтинг стран по уровню кадрового потенциала. Россия за последние 2 года поднялась с 26-го места на 16-е, а по доступности образования вошла в первую пятерку⁵.

² <https://nonews.co/directory/lists/countries/human-capital>

³ https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2017/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2017_Russian.pdf

⁴ <https://interfax-era.ru/sites/default/files/news/files/pavlyushina.pdf>

⁵ <http://iac.kz/ru/vsemirnyy-ekonomicheskij-forum-opublikoval-indeks-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala>

¹ Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях», «Необходимость использования новых моделей бизнеса в практике российских коммерческих организаций», «Пути развития национальной экономики в условиях глобализации», «Системные банковские кризисы как неизбежное следствие кризиса глобализации экономики», «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы» и др. Награждена Почетной грамотой Федерации независимых профсоюзов России за многолетний добросовестный труд, активную работу по обучению профсоюзных кадров актива.

Однако, как отмечается в докладе Правительства РФ, сохраняются и проблемы, указывающие на снижение потенциала системы образования и науки: остается актуальной задача повышения качества образования, продолжают работать «неэффективные» с позиции качественного образования вузы и т. д. К сожалению, в данном докладе даже не затрагиваются действительно серьезные проблемы, с которыми сталкиваются российская наука, экономика и все общество, кроющиеся намного глубже и напрямую затрагивающие российскую элиту, а именно:

— реструктуризация системы российской науки привела не к ее развитию, а резкому торможению, что негативно сказалось на инновационных разработках и развитии технологий во всех отраслях экономики;

— разросшийся коррумпированный чиновничий клан совместно с криминалом и близкими к ним предпринимателями овладели основной долей национального богатства и по сути составляют ядро отрицательного человеческого капитала, который с учетом его гигантских размеров является главным тормозом на пути развития России;

— расширяется зона деградации человеческого капитала, что включает ухудшение качества здравоохранения, образования, инфраструктуры, снижение уровня жизни населения по сравнению с развитыми странами и, что самое печальное, приводит к огромному

оттоку талантливой молодежи, интеллектуалов и специалистов за рубеж¹.

Образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг за последние десять лет составляло в среднем около 7 % ВВП. Для сравнения: в США этот показатель — около 9 %, в странах Западной Европы — не ниже 10 %². Приведенные цифры и очерченные актуальные проблемы российского общества еще раз подтверждают, что нынешние руководители страны не считают приоритетными инвестиции в развитие человеческого капитала.

Деградация человеческого капитала, происходящая сейчас в России, — безусловно, государственное и национальное бедствие, не позволяющее расти и развиваться. В эпоху экономики знаний Россия сможет динамично развиваться только при условии, что в стратегической социально-экономической политике страны приоритетное направление будет занимать инновационный человеческий потенциал. В России необходимо повысить долю инвестиций в науку хотя бы до китайских 2 % ВВП, а еще лучше удвоить, но не в ущерб государственным расходам на образование и культуру. Если Россия хочет стать действительно экономически сильной и независимой державой, она должна коренным образом пересмотреть свое отношение к человеческому капиталу как к своему национальному богатству и принять к реализации современную концепцию его инновационного развития.

Е. Ф. Чеберко³

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ШЕСТОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ

На рубеже XX–XXI веков человечество в очередной раз оказалось в состоянии глубокого системного кризиса. Основные противоречия, имманентно присущие современному обществу, обострились до такой степени, что разрешить их в состоянии только изменение всей парадигмы общественных отношений.

¹ Корчагин Ю. А. В России налицо системный кризис человеческого потенциала. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=164>

² http://globalcompact.ru/assets/uploads/czur/CUR_doklad_analiticheskij_centra.pdf

³ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Российская экономика между прошлым и будущим» (в соавт.), «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макрэкономический аспект)», «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Основы предпринимательской деятельности. История предпринимательства: учебник и практикум для академического бакалавриата»; статей «Трансформация экономических отношений в условиях современного цивилизационного кризиса» (в соавт.), «Социокультурные факторы инновационного развития» (в соавт.), «Взаимосвязь традиционных и новых институтов в процессе модернизации российской экономики» (в соавт.), «Мотивационный потенциал модернизации» (в соавт.) и др.

Поэтому оценка будущего политиками и учеными носит преимущественно алармистский характер. Первым прогнозом из этой серии был доклад «Пределы роста», подготовленный в 1972 году Римскому клубу. Его авторы утверждали, что к середине XXI века будут исчерпаны основные сырьевые ресурсы, прежде всего человечеству будет катастрофически не хватать продовольствия. В качестве выхода из создавшейся ситуации авторы прогноза предлагали перейти к нулевому росту экономики и обеспечить резкое сокращение роста населения Земли, взяв его под контроль.

Удивительно, что современные ученые, использовавшие для подготовки прогноза самые современные технику и методы исследования, пришли к тем же выводам и дали те же рекомендации, которые уже встречались прежде — в теории, возникшей на рубеже XVIII–XIX веков. Автором ее был Т. Мальтус, названный «мрачным пророком». Он утверждал, что по естественным причинам рост населения всегда опережает рост производства продуктов питания, поскольку рост населения практически ничем не ограничен, а накормить его не позволяет закон убывающего плодородия земли.

Мальтузианские рецепты решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, малопродуктивны се-

годня. Современное общество в критические периоды своего развития выходит из кризиса за счет замены технологического уклада (ТУ), устаревшего и больше не удовлетворяющего ни производителей, ни потребителей, ни собственников, на новый, позволяющий разрешить стратегические противоречия.

До сих пор появление нового ТУ приводило к позитивному обновлению общественных отношений и снятие противоречий происходило с фатальной неизбежностью. В результате у оптимистично настроенных исследователей создается убеждение, что такой сценарий будет повторяться и впредь, а все угрозы — лишь антураж для побуждения экономических субъектов к активным действиям, в результате которых финал всегда будет «голливудским».

Тем не менее существует достаточно большое количество ученых и практиков, которые придерживаются пессимистических взглядов на перспективы развития человеческой цивилизации. Они предостерегают от облегченного представления о возможностях внедрения нового ТУ и опасаются его социально-политических последствий. Наука и техника в обозримой перспективе предоставляют огромные возможности для позитивного развития человеческого общества. Но они же способны уничтожить человеческую цивилизацию, если процесс перехода к новым технологиям пустить на самотек.

На первый взгляд, концепция перехода к новому ТУ достаточно хорошо разработана в экономической науке. Ее основы были заложены теорией «длинных волн» Н. Кондратьева¹, развиты Й. Шумпетером². Из современных исследователей в нее внесли серьезный вклад академик С. Глазьев³ и Карлота Перес⁴. Тем не менее знание закономерностей смены всех предшествующих технологических укладов может оказаться не только бесполезным, но даже дезориентирующим для специалистов, занимающихся внедрением новых технологий.

Дело в том, что до сих пор уклады сменялись в рамках одной общественной парадигмы, то есть капитализма, который сегодня находится в серьезном кризисе и будущее которого неясно. Одни прямо или косвенно говорят о его неспособности освоить новый технологический уклад. Другие, наоборот, связывают надежды на его выздоровление именно с новыми возможностями, которые предоставляет сегодня научно-технический прогресс. Обе стороны имеют достаточно сильные позиции в теории и политической жизни современного общества.

Клаус Шваб, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе, уверен, что новые силы экономике придаст новая технологическая революция⁵. Вопрос о смене или трансформации

капитализма не ставится вообще. Автор предлагает поразмышлять, как использовать возможности технологической революции.

В отличие от президента Всемирного экономического форума, члены Римского клуба считают, что сама по себе технологическая революция не решит проблем, стоящих перед человечеством. Авторы начинают с анализа текущей ситуации, которая не радует: планета деградирует, авторитаризм и фундаментализм на подъеме, спекулятивный капитал торжествует. Сегодняшний кризис — «не циклический, но усиливающийся. Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы»⁶.

Необходимо как минимум проведение «капитального ремонта» существующих социально-экономических отношений. Это означает, что переход к новому технологическому укладу будет связан с дополнительными трудностями. Переход от пятого к шестому технологическому укладу совпадает с переходом к новой системе общественных отношений в целом, что сопряжено с дополнительными трудностями и рисками.

Социальная среда всегда оказывает сопротивление новому, особенно интенсивно — при революционных трансформациях, когда речь идет о покушении на базисные институты. Именно такую трансформацию переживает сегодня человечество. Понижительная стадия пятой длинной кондратьевской волны совпала с не менее, а скорее всего более фундаментальными изменениями в общественных отношениях. Происходит не только зарождение основ нового технологического уклада, но и изменяются базисные институты общества, которые связаны не только с проблемами социально-политической адаптации новой технологии, а с преодолением кризиса всей социокультурной системы человеческой цивилизации.

Противоречие между двумя целевыми установками предпринимателя — удовлетворением потребностей общества и извлечением прибыли — обострилось до предела. В погоне за прибылью капитал начинает забывать реальное производство. Деструктивные последствия деятельности спекулятивного капитала достигают максимального негатива в явлении, названном «финансовыми пузырями», который лопаясь, приводит к финансовому краху. Их разрушительная сила по-прежнему растет и специалисты обращают внимание на то, что за финансовым кризисом следует кризис во всех остальных общественных отношениях. Достаточно вспомнить иммиграционный кризис в Европе, кризис на Украине, предельное обострение противоречий между Россией и США.

Для крупных корпораций на первый план выходит экономическое и политическое доминирование. В такой ситуации единственный способ повлиять на поведение крупных корпораций с целью защиты общественных интересов — это вмешательство государства в качестве регулирующего и контролирующего органа. Наиболее эффективным выглядит интенсивно развива-

¹ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Кондратьев Н. Д. Избр. соч. М. : Экономика, 1993.

² Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры. М. : Прогресс, 1982.

³ Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВладДар, 1993.

⁴ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2011.

⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

⁶ Weizsaecker E. von., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.

ющийся в настоящее время процесс формирования разнообразных форм государственно-частного партнерства, в которых государство выступает инициатором решения стратегических вопросов развития, которыми пренебрегает частный капитал. На первый план будут выходить формы, связанные с решением стратегических задач человеческого общества.

Новшества, приводящие к изменениям в базисных отношениях общества, называются трансформационными инновациями. Они в состоянии принципиально изменить всю социально-экономическую систему во всем ее многообразии. В настоящее время в США, которые являются безусловными лидерами в освоении шестого ТУ. Мир замер в предчувствии суперпроекта, направленного на решение фундамен-

тальных стратегических проблем. Точнее, проблема должна быть одна, но касающаяся каждого жителя Земли. Будет ли этот проект инициирован США как признанными лидерами НТП? Возможно, но в условиях глобализации и масштабности проекта не исключен вариант интернациональный. Может ли он прийти из России? Маловероятно, но шестой технологический уклад предоставляет окна возможностей даже для такого варианта. Одно можно утверждать с большой долей уверенности: частнокапиталистическая форма его реализации невозможна. Сегодня просматривается один организационно-экономический вариант — государственно-частное партнерство, и один вариант социально-экономический — конвергентная экономика.

И. А. Честнов¹

КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современный мир, именуемый постиндустриальным, глобальным (точнее, глокальным), информационным обществом, выступает онтическим основанием права. Для юридической науки принципиально важно прояснить, как именно социальная жизнь обуславливает право, и наоборот — какое воздействие право оказывает на общество. В то же время сегодня приходится признать, что общество (социальный мир) из самоочевидной данности, к которой классическая социология редуцировала все социальные явления и процессы для их объяснения, превратилось в «сущностно оспоримое» понятие. Сегодня можно утверждать, что содержание социального мира определяется культурой, опосредующей знаковой формой все, что есть в социальном мире, и выступающей механизмом существования социальности, механизмом воспроизведения социального мира. Социальный мир — это не люди, действия, предметы, а значения и смыслы, приписываемые людям, действиям и предметам².

Как утверждал Р. Уильямс, культура — это система значений, которыми воспроизводится социальный порядок, а Т. Иглтон определяет культуру как «конструктивную часть всех социальных процессов». Этот подход вполне уместно распространить на понятие «правовая культура». В таком случае правовая культура — это механизм воспроизводства правовой реальности. Его конститутивными аспектами являются «юридическое означивание» и воспроизводство юридических значений в практике.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Постклассическая теория права», «Теория государства и права», «История и методология юридической науки», «Постклассическая онтология права», «Социокультурная антропология права» и др.

² Если придерживаться позиции позднего Л. Витгенштейна, то значение — это использование знака в языковых играх, а смысл — индивидуальная интерпретация значения в конкретной ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что культура как своеобразная сфера постиндустриального общества сегодня выходит на первый план: именно она интериоризирует внешние природные и социальные явления в мотивацию человека и тем самым обуславливает социальные практики³. Поэтому не случайно обращение к культуре для объяснения перемен, происходящих

³ В связи с этим сторонников постклассической методологии стали обвинять в «субъективном идеализме», в игнорировании объективных социальных явлений, порождающих право (см.: Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. № 1. 2016. С. 8; Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М., 2016. С. 30–32), что свидетельствует о «несоизмеримости парадигм». Поборники классического науковедения до сих пор верят в то, что законы мироздания действуют с непреложной необходимостью, «сами собой», автоматически, в том числе в социальном мире и в психике отдельного человека. Постклассическая методология не отрицает важность «внешних» явлений. Однако они — конкретные «материальные» обстоятельства жизни, задающие пространственно-временной контекст социальности, — «действуют» через их интериоризацию в практики (поведенческие и ментальные) людей. Да, немецкая классическая философия (на которой, как правило, завершился курс философии в советское время) «не подвергала сомнению единственность, всеобщность, если не объективность, то трансцендентальность пространства и времени. Для Канта пространство и время — это априорные формы чувственного созерцания, гносеологические инварианты, конкретной реализацией которых в наличном познавательном акте Кант просто не интересуется. <...> Для Ньютона пространство и время объективны, для Канта они — трансцендентальные категории, хотя и априорные, но актуализирующиеся лишь в сфере опыта». Однако уже в начале XX в. А. Эйнштейн совершил переворот в пространственно-временных представлениях: «Он соединил пространство и время с конкретным, осуществляющимся в данной точке бытия, актом познания. Во взгляде на пространство и время Эйнштейн произвел то же самое, что Кьеркегор в философии вообще — абсолютизировал право конкретного опыта, конкретного наблюдателя. Именно в признании за верховную ценность конкретной бытийственной точки — мировоззренческая близость к Эйнштейну и Бахтина: недаром ключевая категория Эйнштейна “время-пространство” стала рабочей бахтинской формулой (Формы времени и хронотопа в романе) <...> Основное философское следствие специальной теории относительности — это *отмена абсолютных времени и пространства*. Время течет по-разному в различных системах отсчета, говоря иначе, — для разных наблюдателей» (Бонецкая Н. К. Мировоззрение М. Бахтина и теория относитель-

в современном социуме. Все изменения, происходящие в мире и наблюдаемые (фиксируемые) эмпирически, сопровождаются сменой ценностей, ценностных ориентиров и установок. Очень важно то, что смена ценностей затрагивает все общественные отношения. Не существует экономики вне системы ее означивания, социальных представлений, мотиваций и т. д. Не может произойти никакого изменения в политике, которое не повлияло бы на сферу культуры. Представить что-либо в социальном мире как «материальное» — значит подвергнуть его грубой объективации, реифицировать до положения объекта. Такой подход был свойствен классическому науковедению. Однако он не позволяет эксплицировать механизм порождения и воспроизводства социального объекта, то есть его динамическую характеристику. Новая онтология социальной реальности исходит из «человекоразмерности» всех общественных феноменов¹, их сконструированности, знаковой опосредованности, воспроизводства в практиках, intersубъективности, относительности, взаимообусловленности или диалогизма².

Культура выступает основанием права. С этим утверждением вряд ли кто-либо будет спорить (кроме, разве что, самых рьяных позитивистов, хотя Г. Харт скорее соглашался с этим утверждением). Однако что считать основанием права и как, в каком смысле культура обосновывает правовую реальность — вопрос открытый и совсем не праздный. Если культура — это знаковая, опосредующая психическую и поведенческую активность человека (собственно, это и образует содержание «человеческого» как социального), то правовая культура представляет собой юридическое означивание и осмысление социального мира или, точнее, перевод некоторых социальных явлений и процессов в разряд юридически значимых и их воспроизводство людьми в практике. Таким образом, правовая культура, с моей точки зрения, — это механизм воспроизводства правовой реальности, содержанием которого является конструирование юридических значений и смыслов и их воспроизводство ментальными (психическими) и поведенческими практиками. Такой подход не отрицает, а дополняет «функционалистский», которому следовал Г. В. Мальцев. «Уровень культуры, — писал он, — отражает меру воспроизводимости факторов порядка в противовес хаотическому состоянию общественной жизни. Культура не обязательно там, где люди вкусно едят, красиво одеваются, предаются соблазнам, имеют роскошное жилище, а также средства избавления от житейского однообразия и скуки. Она

не в пестроте и изобилии, а в возрастающем опыте человеческого единения и солидарности, в стремлении людей нормативно и организационно поддерживать жизненные установки, позволяющие каждому из них прожить жизнь со смыслом, оставить после себя мир следующим поколениям хотя бы в частично улучшенном виде»³. Полностью соглашаясь с тем, что культура призвана обеспечивать преодоление хаоса (соответственно правовая культура — преодоление девиаций), полагаю, что принципиально важно выяснение того, как именно культура (и правовая культура в частности) это делает. Именно этим вопросом озабочена постклассическая методология в социальных науках (и юриспруденции) после «культурального поворота» второй половины XX века.

В связи с этими методологическими посылками можно утверждать, что *социальность интериоризируется в право через правовую культуру — механизмы означивания и осмысление некоторых социальных явлений как юридических, а право участвует в процессе конструирования и воспроизводства социальности*. Кто и как задает значения и смыслы социальных ситуаций и процессов, наделяет правовым содержанием социальные явления и статусы? Как именно воспроизводится правовое значение? Как мыслят и действуют люди в этих — юридически значимых — ситуациях? Ответ на эти вопросы пытаются найти и предложить постклассическая культуральная методология юриспруденции.

С точки зрения культуральной юриспруденции, не существует содержательно универсальных⁴, «объективных» оснований для правовой инновации. Нет и не может быть универсального и содержательного определения «вреда» или «опасности», так как каждое действие, явление или процесс может быть интерпретировано и как «положительное», и как «отрицательное», и как «полезное», и как «вредное», поэтому степень «полезности» или «вредности» как допустимая или нет (то есть противоправная) сегодня определяется властью — элитой и референтной группой или, точнее, в борьбе элит и референтных групп. Полагаю, что в эпоху постсовременности разработка культуральной методологии права, ориентированной на прояснение механизма социокультурной обусловленности права и правового воздействия на общество, — принципиально важная задача постклассической юридической науки и философии права. Только с ее помощью столкновение цивилизаций может быть трансформировано в диалог культур.

ности // Бонеецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М. : СПб., 2016. С. 460–461).

¹ В (пост)современной лингвистике возникает новое направление, именуемое «антропологической лингвистикой» — наукой о языке, в центре которой находится человек, творящий и интерпретирующий смыслы (см.: Карасик В. И. Языковое проявление личности. М., 2015. С. 4).

² Диалогичность, полагает В. И. Карасик, — главный принцип коммуникации (см.: Там же).

³ Мальцев Г. В. Культурные традиции права : моногр. М., 2013. С. 6.

⁴ Универсальность может быть только формально-абстрактной, наполняемой конкретным содержанием, определенным историческим и социокультурным контекстом.

Т. В. Чубарова¹

СТРУКТУРНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

В современном мире происходят изменения, которые требуют осмысления с точки зрения их влияния на будущее устройство общества. Поэтому любые социальные и экономические изменения, происходящие сегодня, надо внимательно изучать, чтобы определить, какие из них могут привести к принципиальным трансформациям современного общества.

Масштабы, направления и формы участия государства в решении социально-экономических проблем остаются предметом дискуссий. Изменения в социальной сфере требуют адекватного ответа со стороны экономической политики. Важно понять, какие социальные проблемы будут определять современную роль государства и какие механизмы будут использованы для их решения.

От новых социальных рисков к структурным социальным рискам. Изменения в демографической структуре населения и его ценностных ориентациях, в социально-экономических отношениях, необходимость повышения эффективности и результативности социальных расходов, расширение сферы применения новых технологий, прежде всего информационных, процессы экономической глобализации ставят новые задачи перед государством.

В социально-экономической сфере сохраняются «традиционные» проблемы, прежде всего бедность и неравенство. Причем исследователи обращают внимание на усиление неравенства в современном мире². В странах ОЭСР неравенство доходов находится на исторически высоком уровне начиная с середины 1980-х годов. В среднем коэффициент Джини по используемым доходам домохозяйств в 2014 году достиг 0,318, по сравнению с 0,315 в 2010-м. Самые богатые 10 % населения стран ОЭСР зарабатывают в 9,5 раз больше, чем беднейшие 10 % (в 1980-е гг. разница составляла 7 раз). Одновременно сохраняется бедность, хотя ее характеристики меняются. В странах ЕС риск бедности и социальной эксклюзии в 2015 году затрагивал 23,7 % населения. По последним данным, проблема работающих бедных затрагивала около 10 % населения трудоспособного возраста³.

¹ Заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук. Автор 70 научных работ, в т. ч. монографии «Политэкономическое введение в социальную политику»; статей: «Система здравоохранения в России: экономические проблемы теории и практики», «Государство социальных инвестиций — новый поворот в социальной политике?», «Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода», «От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире» (в соавт.), «Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели» (в соавт.) и др. Член Новой экономической ассоциации, Ассоциации исследований публичной политики. Награждена дипломом «Лучший экономист РАН-2004».

² Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / ред. А. Бузгалин, Р. Трауб-Мерц, М. Воейков. М.: Культурная революция, 2014.

³ Eurofound In-work poverty in the EU. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.

Вместе с тем социально-экономические проблемы все чаще понимаются в терминах социальных рисков. Переход к постиндустриальной экономике и обществу, затрагивающий рынок труда и семейные отношения, ведет к появлению новых групп риска, которые хотя и не относятся к традиционным клиентам сложившегося в послевоенные годы государства всеобщего благосостояния, тем не менее испытывают трудности в обеспечении достойного уровня благосостояния⁴. «Новые социальные риски», как правило, затрагивают женщин, молодых и низкоквалифицированных работников.

Новые социальные риски активно обсуждались в 2000-е годы. В последнее время, на наш взгляд, стали очевидны социальные риски, которые можно определить как *структурные*. Они связаны с более фундаментальными проблемами функционирования социально-экономической сферы и ролью различных акторов в решении социальных проблем современного общества. Важнейшими из них являются:

— достижение предела перераспределения, когда необходимость поиска источников финансирования социальных программ на уровне общества сталкивается с невозможностью дальнейшего объединения ресурсов налогоплательщиков, перераспределения доходов;

— усложнение управленческих систем в отраслях социальной сферы;

— сложность обеспечения необходимого результата из-за пробуксовывания административной машины.

Государственное регулирование экономической сферы: новые подходы. В современном обществе остается актуальной задача обеспечения эффективной защиты граждан от социальных рисков. Государство может использовать арсенал различных социально-экономических методов, например непосредственно оказывать услуги, распределять или перераспределять, регулировать. Структурные социальные риски оказывают существенное влияние на механизмы решения социально-экономических проблем.

Основное направление изменений — акцент на развитие смешанной экономики благосостояния, что означает привлечение всех заинтересованных сторон к решению проблемы. Это сам человек и его семья, местные сообщества, работодатели, неправительственные организации. В этих условиях роль государства меняется. Для концептуального понимания происходящих изменений используются два взаимосвязанных концепта, которые отражают стремление обосновать новую роль государства.

Способствующее государство (*the enabling state*) признает важность поддержки социальных сетей и их участия в жизни сообщества для повышения всеобщего благосостояния и, соответственно, должно принимать меры для развития такого участия, давать людям

⁴ Taylor-Gooby P. New Risks, New Welfare: The Transformation of the European Welfare State. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.

больше полномочий по обеспечению их собственного благополучия¹.

Понимание государства как регулятора (*the regulatory state*) означает повышение относительной важности регуляторной политики по сравнению с другими функциями государства в социальной сфере, например перераспределения доходов или содержания государственной собственности. Это означает смену парадигмы роли государства в социальной сфере — от оказания услуг к стимулированию экономической и социальной активности граждан².

Таким образом, происходит переосмысление роли различных институтов и акторов в удовлетворении социальных потребностей граждан и в разделении социальной ответственности между ними. С экономической точки зрения это проблема определения границ перераспределения, а с социальной — пределов солидарности. Очевиден сдвиг в сторону индивидуальной ответственности, более селективной социальной солидарности, достижения баланса между обязательными и добровольными социальными программами.

На примере здравоохранения ясно прослеживается, как индивидуальная ответственность продвигается по двум направлениям: расширение сферы дополнительных программ для состоятельных людей, в том числе на чисто коммерческих условиях, и усиление внимания к здоровому образу жизни через повышение индивидуальной ответственности граждан.

Идея о том, что граждане должны сами отвечать за свое здоровье, представляется логичной, однако возможность здоровой жизни не всегда зависит непосред-

ственно от возможностей человека. В здравоохранительной политике поведенческие факторы часто концептуализируются только в эпидемиологических терминах, в отрыве от социального контекста. При этом игнорируется особенность медицинских услуг, которые являются «социальным товаром» — их оказание индивидам приносит выгоду и всему обществу в целом³.

Наоборот, социальная ответственность бизнеса и государства подразумевает, что социально-экономические проблемы более эффективно решать на коллективной основе — за счет объединения и перераспределения ресурсов и рисков. В социальной сфере традиционные для рыночной парадигмы рассуждения об эффективности неразрывно связаны с вопросами справедливости, прав, доверия, участия и достоинства. Приоритет отдается принципам равенства и механизмам социальной солидарности и коллективной ответственности. Рациональный экономический выбор в современном обществе возможен только с учетом социальных критериев.

Мнения экспертов о том, являются ли происходящие изменения сворачиванием социального государства или его перестройкой, различаются. Очевидно, что настолько существенные изменения социально-экономического функционала государства будут иметь долгосрочные последствия и приведут к изменению его сущности. Вопрос о том, можно ли называть социальным государство, разделяющее граждан на тех, у кого есть средства на самостоятельное решение социальных проблем, и тех, кто нуждается в государственном «призрении», остается открытым.

В. А. Энтин⁴

«ОЦИФРОВАННАЯ» КУЛЬТУРА И АВТОРСКОЕ ПРАВО

Имущественные права на произведения как своеобразная разновидность производных финансовых инструментов. Права на использование произведений, переходя из рук в руки, утрачивают связь с материаль-

¹ Wallace J. The Rise of the Enabling State: A review of policy and evidence across the UK and Ireland. Carnegie, UK, 2013.

² Yeung K. The Regulatory State // The Oxford Handbook of Regulation / R. Baldwin, M. Cave, and M. Lodge. Oxford : Oxford Univ. Press, 2010.

³ Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Современное здравоохранение: политика, экономика, управление. М. : Авторская академия, 2013.

⁴ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи)», «Роль адвоката в охране объектов интеллектуальной собственности: международно-правовой аспект», «Авторское право и смежные права в европейском праве», «Институт государства и права РАН» (в соавт.), «Закон о СМИ: на перекрестке веков» (в соавт.), «The Evolution of Media Landscape in Russia and CIS Countries: Legal and Regulatory Framework», «Средства массовой информации в политической системе современного капитализма» и др. Соавтор Закона РФ «О средствах массовой информации». Эксперт ЮНЕСКО по законодательству о СМИ и авторскому праву. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Гаага).

ным миром. Они становятся уполномочивающим документом, имеющим настолько отдаленную связь с автором, что последний лишается возможности распоряжаться своим творением, а нередко даже использовать его. Автор перестает быть нужным и интересным для последующей эксплуатации произведения в той мере, в какой принадлежащие автору исключительные права отчуждены и не требуют его личного участия в творческом процессе. Исключительные имущественные права, став инструментом обеспечения финансовых платежей, самостоятельно участвуют в гражданском обороте.

Обособление имущественных авторских прав и культурная парадигма. Тектонические изменения в способах передачи и потребления информации вызвали далеко идущие последствия в культурной парадигме. Они стимулировали изменения правовых отношений между создателями и потребителями культурного продукта. Исключительные права на использование произведения, самостоятельно участвующие в гражданском обороте, ведут к отчуждению автора от результата его интеллектуальной деятельности. Будучи отчуждены от личности автора, исключительные иму-

шественные права нередко превращаются в силу, враждебную самому автору.

Интернет-присутствие. Охраняемые авторским правом произведения присутствуют и имеют самостоятельную логику бытия в виртуальной реальности. Успехи технических и юридических средств защиты от несанкционированного использования в сети Интернет вызвали к жизни юридический феномен открытой лицензии, а также интернет-проекты специализированного и частичного онлайн-доступа к контенту поисковиков.

Перераспределение прав. Традиционно центральное место в отношениях между творцом контента и создателем культурного продукта занимало правовое регулирование распределения прав на полученные результаты интеллектуальной деятельности. Причем основным бенефициаром становился не создатель конечного продукта, предлагаемого потребителю, а тот, кто оказывался в той или иной форме причастен к коммерциализации полученного продукта. Увлечение охраной коммерческого результата, становление многообразных институтов гражданского общества, направленных на стандартизацию исключительных имущественных прав, на создание инфраструктуры монетизации указанных прав и представление коллективного интереса в сфере охраны исключительных имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, нарушило баланс между частным и общественным интересом.

Российская специфика. Ситуацию в Российской Федерации усугубляют механистическое применение положений ч. 4 Гражданского кодекса в купе с ложно понятым государственным интересом, когда статус федерального государственного унитарного предприятия (ФГУПа) позволяет нарушать права авторов и правообладателей, служит индульгенцией, снимающей ответственность за нарушение закона и невыполнение постановлений Правительства РФ. В этих условиях крайне важным представляется возвращение судам их особой роли инструмента тонкой настройки в сфере культуры, позволяющей учитывать многообразие и разнонаправленность интересов многих игроков, чья деятельность в сфере культуры служит общественному интересу.

Место в производственном конвейере. Ни для кого не секрет, что в силу занимаемой позиции в организации культурного бизнеса интересы тех, кто создает контент, — авторов произведений литературы и искусства, предназначенных для использования в составе сложного объекта в смысле ст. 1240 ГК РФ, а также переработчиков этих произведений, делающих возможным их применение в кинофильмах и иных аудиовизуальных произведениях, в театральном зрелищных представлениях, видеоиграх и другой мультимедийной продукции, в базах данных, — и интересы тех, кто его использует, расходятся. Контракты, заключаемые экономически неравными субъектами, нередко заставляют автора отказаться от принадлежащих ему прав, в том числе тех, которые законодатель считает неотчуждаемыми.

Соотношение закона и контракта при разрешении авторских споров. Нередко при рассмотрении возника-

ющих споров суды игнорируют дух и букву законодательства, ссылаясь на положения контракта, — тогда как автор, даже если он позиционируется в лицензионном договоре в качестве индивидуального предпринимателя, все равно выступает как творческая личность, чьим интеллектуальным трудом создается произведение. Иными словами, регулируемые отношения остаются в сфере действия авторского права, а не являются отношениями между хозяйствующими субъектами.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». Наряду с этим намечается и противоположная тенденция. Под влиянием политической конъюнктуры, требующей ослабить давление санкций на внутренний рынок Российской Федерации, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 февраля 2018 года № 8-П дал новую установку. КС заявил, что правоприменители, прежде всего суды, обязаны применять положения законодательства об интеллектуальной собственности не только исходя из их системной связи с основными положениями гражданского законодательства, но и в контексте общеправовых принципов равенства и справедливости, а также принимая во внимание вытекающие из этих принципов требования соразмерности (пропорциональности) и соблюдения баланса конкурирующих прав и законных интересов — частных и публичных (ст. 17, ч. 3; ст. 19, ч. 1, 2; ст. 55, ч. 3 Конституции Российской Федерации)». Логика рассуждений подвела суд к выводу, что действия правообладателя, занимающего особую (читай — дискриминационную) позицию в отношении российского рынка, могут сами по себе рассматриваться как недобросовестное поведение.

Технологическая смена вех. Удлинение сроков охраны авторских и смежных с ними прав на определенном этапе позволило обеспечить капитализацию инвестиций в культуру. Под влиянием возможности самостоятельного вывода на глобальный рынок отдельных полномочий автора в течение 70 и более лет после того как самого автора не стало, и их одновременного многократного использования на основании лицензий, сублицензий и агентских договоров произошел отрыв исключительных имущественных прав от объекта, в котором воплощается результат интеллектуальной деятельности. Это сделало возможным правомерное размещение объектов на различных платформах как в первоначальном, так и в оцифрованном виде, в различных режимах четкости и с разными потребительскими свойствами. Тем самым инвестиционная привлекательность культурной продукции перестает обуславливаться только длительностью сроков охраны. Теперь она поддерживается наличием многообразных платформ, обеспечивающих многократную параллельную доступность объектов, а также возможностью их дополнительной защищенной эксплуатации в базах данных, которые пользуются возобновляемой охраной sui generis, независимо от охраны содержащихся в них материалов авторским правом. Эти изменения делают анахронизмом существующий разрыв в сроках охраны авторских и смежных прав. Нужно ли все их охранять, как сейчас охраняют авторские права или как охраняют смежные, — это уже вопрос к экономистам, которые должны просчитать последствия такой унификации.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Г. А. ГАДЖИЕВ   судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. Г. ГРАФСКИЙ   главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- И. Д. ДИМИТРОВ   глава информационно-аналитической компании Seldon (Москва), исполнительный директор Ассоциации электронных торговых площадок РФ
- С. А. ДЯТЛОВ   профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ   ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ   доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- С. Н. КАСАТКИН   профессор Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР   заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. И. КОТОВ   специальный представитель губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития, кандидат экономических наук, доцент
- В. В. ЛАПАЕВА   советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ   научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ   главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- А. И. ЛУЧЕНОК   заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН   старший научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ   директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. Н. НИКУЛИН   профессор Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА   первый проректор СПбГУП, кандидат юридических наук, профессор, почетный профессор СПбГУП
- В. ПРОДАНОВ   директор Фракийского научного института, профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
- Р. А. РОМАШОВ   профессор СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ

Е. С. САДОВАЯ	заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
К. Е. СИГАЛОВ	заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент
В. В. ТРОФИМОВ	директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
С. Ф. УДАРЦЕВ	руководитель научно-исследовательских проектов Университета КАЗГЮУ (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана, почетный работник высшей школы Республики Казахстан
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор
Т. В. ЧУБАРОВА	заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, доктор экономических наук
Я. А. ШОЛТЕ	профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)
В. Л. ЭНТИН	директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университета) МИД России, кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Уважаемые коллеги, разрешите приветствовать вас сегодня, во второй день XVIII Международных Лихачевских научных чтений на заседании секции 4. Мы рады видеть всех участников конференции, прибывших к нам из разных городов нашей страны и мира, профессуру нашего Университета и, конечно, лучших студентов экономического и юридического факультетов нашего Университета.

Вчера состоялось пленарное заседание, а сегодня мы, как обычно, не повторяем свои доклады, которые уже опубликованы на сайте Университета, а выступаем по проблематике секции и по мотивам того, что обсуждалось во время пленарного заседания. Таким образом при издании сборника материалов Чтений мы сможем включить в него не только предварительно подготовленные тексты, но и те вопросы, которые будут затронуты сегодня во время дискуссии. По сложившейся традиции начинаем наше заседание с приветствия ру-

ководителей секции. Пожалуйста, Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов!

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Большое спасибо за возможность снова прийти в этот зал. Здесь всегда собирается дружелюбная и заинтересованная аудитория — вероятно, потому, что Университет проводит такую политику. И студенты, и преподаватели, и приглашенные научные работники, как говорится, держат руку на пульсе общественных событий, которые происходят как у нас в стране, так и в остальном мире.

Наше время отличается необычайным динамизмом. С учетом тематики нынешних Лихачевских чтений сегодня мы делаем акцент на проблемах, связанных с общественными отношениями, в том числе с правом и экономикой, в аспекте культурного развития и культурного бытия. Мы говорим о многообразии культур и ценностей и, соответственно, о многообразии правовых систем и национальных экономик. Вместе с тем глобализация диктует и другой вопрос: как сосуществовать в мире не только экономикам и правовым системам, но и культурам? Ведь культура не живет отдельно от экономического и правового поля, она влияет на формирование обеих этих сфер. Есть и обратная зависимость: для развития культуры требуется материальная и правовая основа. Поэтому вопрос здесь в том, как увязать многообразие и самобытность с общими

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена орденом Дружбы, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За трудовое отличие», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Почетный профессор СПбГУП.

ровыми процессами. Эти процессы, с моей точки зрения, развиваются по синусоиде и, безусловно, требуют осмысления. Нельзя почитать на лаврах, даже если вы достигли впечатляющих высот в экономике и праве, потому что в любой момент они могут прийти в противоречие с окружающим миром.

Даже позитивное развитие — не всегда только благо. Когда обсуждаются проблемы, связанные с новыми технологиями (а у нас как раз заявлена цель — развитие цифровой экономики), возникает вопрос: какая технология — лучшая? Передовая, которую можно заимствовать, либо наиболее адекватная — такая, что ее смогут воспринять наши экономика и общество? Если не проработать этот вопрос, то нечто совершенное может попасть в неумелые руки, и это не приведет ни к какому развитию. Необходимы также механизмы, связанные с внедрением. Это и экономические модели, и их правовое сопровождение.

Другая острая проблема — миграция, и она также связана с экономикой. Во многих странах необходим приток рабочей силы извне по причине демографических ям, которые необходимо заполнить. Но мигранты приезжают вместе со своей культурой, отличной от той, которая существует в данной стране и на ее трудовом рынке. Культурная адаптация этих людей требует решения в правовой среде. Но насколько эта среда соответствует реалиям нынешнего дня? Надо в первую очередь наладить правовое регулирование экономики, непростых межэтнических и культурных отношений и других сфер жизни, чтобы все это шло на пользу и отдельной стране, и региону, и всему миру.

Вероятно, мы затронем очень разные проблемы и будем высказывать противоположные мнения, но возможные решения все же необходимо искать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я, как глава Оргкомитета Чтений, приветствую вас и желаю плодотворной дискуссии. Сегодня в рамках форума у нас работают 1,5 тыс. участников — 750 человек взрослой аудитории и 750 школьников, которые соберутся через несколько часов. Это старшеклассники, в течение года присылавшие свои работы на конкурс. В этих работах, посвященных Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, они пытались осмыслить его богатое и неопценное творческое наследие. Сегодня победители конкурса получают возможность выступить перед аудиторией, дети будут обмениваться мнениями и т. д.

В научной школе Университета профсоюзов выработался особый подход, который мы утверждаем в последние десятилетия. И этот подход распространяется далеко за пределы нашего вуза. Он базируется на отношении к разным областям научного знания как к изучающим различные сферы культурной жизни человека.

Напомню, что тема нынешних Чтений — «Контур будущего в контексте мирового культурного развития». Тема вашей секции касается экономики и права, и тоже в контексте культурного развития. Такая постановка проблемы предполагает, что под культурой понимается все то, что создано руками и разумом человека за всю его историю. То есть весь окружающий мир можно условно подразделить на природу и культуру.

Определений культуры уже насчитывается больше тысячи, но я говорю о наиболее широком подходе, который позволяет установить важные с точки зрения современных исследований отношения между подсистемой экономики, подсистемой права, подсистемой массовых коммуникаций и др. Когда мы хотим определить взаимосвязи между явлениями из разных сфер профессиональной деятельности, нам нужен наиболее общий подход.

Вспоминается любопытная история, рассказанная Даниилом Граниным. Он оказался в Москве в момент назначения нового министра культуры. И вот в помещении, где Гранин ожидал встречи с Путиным, вошел влиятельный человек. Завязалась беседа, и этот человек задал вопрос: «Даниил Александрович, а что такое культура?» Гранин удивился, и собеседник пояснил: «Мы сейчас министра назначаем. Чем он будет руководить, что надо вменить ему в обязанности?» Пришли к выводу, что культура — это культурные учреждения. Однако ученые считают иначе, хотя и министру стоило бы иметь более широкий взгляд на культуру. Это общий методологический подход к тому, что происходит сегодня в Университете.

Я убедительно прошу всех выступать кратко и по существу — во-первых, чтобы могли выступить как можно больше участников, во-вторых, чтобы крупные ученые нашего времени запомнились новому поколению студенчества, присутствующему в зале. У современной молодежи, как правило, формируется так называемое клиповое мышление. Но когда ребята повзрослеют, они будут вспоминать свои юные годы, и хотелось бы, чтобы среди этих воспоминаний одним из самых интересных были Лихачевские чтения, где они могли воочию увидеть замечательных ученых и услышать настоящую научную дискуссию. Поэтому я предлагаю всем участникам секции не повторять доклады, которые уже опубликованы на сайте Университета, а лаконично и емко формулировать свои мысли, чтобы дискуссия получилась максимально содержательной и насыщенной смыслами. Лихачевские чтения — это научный форум по опубликованным докладам. Обсуждайте, спорьте, дополняйте — только так, в совместной работе, выкристаллизовываются новые и конструктивные идеи.

Наш форум по традиции посвящен академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Получилось так, что, начав свою научную деятельность как филолог, он впоследствии стал культурологом. Поздравляю вас с праздником, к которому традиционно приурочены Лихачевские чтения: 24 мая мы отмечаем День славянской письменности и культуры — День памяти создателей нашей письменности, выдающихся просветителей, равноапостольных Кирилла и Мефодия. К тому же именно 24 мая наш Университет был освящен Русской православной церковью, что стало объединяющим моментом для людей религиозных и атеистов. В этот день в нашем вузе одни чтут память просветителей, другие отмечают день святых Кирилла и Мефодия, и все вместе — как День рождения Университета. Спасибо вам за участие в форуме.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Дорогие друзья, должен предупредить вас о двух ограничениях. Во-первых, давайте попытаемся избежать недопонимания между представителями разных, хотя и близких специальностей — экономики и права. И во-вторых — повторю вслед за Александром Сергеевичем: предлагаю выступать кратко и по существу, чтобы успеть за несколько минут донести до аудитории все, что вы считаете нужным, и ответить на вопросы коллег.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Первым выступит известный ученый-экономист, академик Георгий Борисович Клейнер.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — То, что я собираюсь сказать, как мне кажется, имеет большое значение для определения контуров будущего в контексте культурного развития. Сегодня при обсуждении перспективы одним из наиболее популярных является вопрос о структуре будущего мира. Его структура была биполярной, а сейчас становится однополярной. Возможна ли иная структура? Сколько должно быть полюсов? Я говорю не о том, чего нам хотелось бы, а об объективно оптимальной структуре. Какова научная основа одно-, двух- или многополярности? Этот вопрос так или иначе проходит через все обсуждения будущих контуров, и я хотел бы посвятить свое краткое выступление попытке формирования научной основы ответа на этот вопрос: каким должен быть будущий мир? Это очень важно. В мире более 250 стран, многие из них близки друг другу. Какие страны должны стать центрами силы, полюсами, и сколько должно быть этих полюсов?

Поделюсь своими соображениями на эту тему. Думаю, было бы уместно рассматривать четыре группы стран, и это деление на группы должно быть положено в основу нашего представления о структуре будущего мира. Есть страны, которые решают проблемы организационными методами и ощущают свои пространственные и временные границы. Но есть и другие, считающие свое существование безграничным в пространстве и времени. В промежуточную категорию я отнес бы те страны, которые чувствуют свои пространственные границы, но плохо ощущают временные, им кажется, что время бесконечно.

На чем основано такое деление? Мы развиваем в ЦЭМИ так называемую системную экономическую теорию, в которой особенности пространственно-временных границ играют большую роль. В современном мире Россия, безусловно, самая большая страна в мире. И у России нет чувства ограниченности границ. Отсутствие этого чувства зачастую определяет способы «решения» проблем, когда проблема просто «загоняется внутрь» огромной территории. Для США характерно стремление решать все вопросы путем соответствующих проектов; это другой тип страны — проектный. В Евросоюзе острое ощущение своей ограниченности в пространстве, в Китае — во времени, это «процессная» страна. Таким образом, мы выделили четыре типа стран.

Если разделить мир на четыре сектора согласно нашей типологии, то нам откроется удивительная карти-

на. Основная идея заключается в том, что истинный мир является четырехполярным, а не биполярным и не *n*-полярным (полицентричным). Если бы Россия, Америка, Евросоюз, Китай стали неформальными лидерами своих секторов в мировой структуре стран, взяли бы на себя роль ведущих и ощутили свою ответственность как лидера, то мы смогли бы, возможно, преодолеть те противоречия, что сейчас раздирают мир, и обеспечить то, что я назвал бы «согласием несогласных».

Посмотрим, как общаются между собой эти страны, как складываются их взаимоотношения. Оказывается, то, что мы ставим во главу угла — обмен товарами, перемещение людей, экономические связи и тому подобное, — приводит скорее к разобщению. Рано или поздно кто-то затевает экономические войны, возникают миграционные проблемы (а мы знаем, какую остроту они приобрели в последние годы) и т. д. Обмен пространственно-временными ресурсами, к сожалению, не способствует устойчивости мира. А что способствует?

Другая область обмена — культурные ценности. Когда мы говорим о роли культуры в построении устойчивого мира, надо сосредоточить внимание на обмене культурными тенденциями и артефактами. Эту бинарность можно объяснить: все это, если обобщить, примерно соответствует потенциальной и кинетической энергии. Культурные артефакты образуют потенциальную энергию, культурные тенденции символизируют кинетическую. Так вот, обмен культурными достижениями приводит к созданию стратегически устойчивого мира, а не к противоречиям и войнам. Повторяю, достижение такого мира можно назвать «согласием несогласных».

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Вы упомянули два способа обмена — людьми и товарами, которые ведут к разобщенности, и обмен культурными ценностями, который, наоборот, способствует согласию. Но каким образом культурные ценности могут проникать сквозь границы? Можно ли, не обмениваясь людьми, товарами и технологиями, обмениваться культурными ценностями?

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Конечно, все это взаимосвязано. Когда художественный музей из одной страны проводит выставку своей коллекции в другой, то, разумеется, при этом передаются материальные ценности — картины, археологические находки и так далее, и их сопровождают люди, которые организуют и обслуживают выставку. Но ценность картины не равна стоимости холста, красок и рамы. Картина в тысячи раз, а то и сотни тысяч раз дороже. Она содержит энергетическую ценность, которая превосходит ценность материальных предметов, из которых она составлена. И если мы обратим внимание именно на обмен энергетическими ценностями, то сможем ответить на вопрос, что в состоянии удержать мир от вражды и разобщенности.

А. Г. ЛИЩИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Моя тема — правовое общение как составная часть русской правовой культуры. Слово «культура» очень емкое. Сложно даже сказать, на какое именно определение культуры лучше опираться в узкоспециальных и междисциплинарных работах. Культура — это явление, которое еще не вполне внятно истолковано для практического использования, поэтому, очевидно, надо работать над тем, чтобы привычные термины получали современное толкование. Общение с классиками ничто заменить не может, но акценты, которые получают различные термины и сама практика культурной жизни, заслуживают внимательного изучения и полезны в общеобразовательном и в практическом подходах.

Я попытался найти заочного консультанта на тему правовой культуры. Прочитал несколько книг и пришел к выводу, что надо посоветоваться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И у меня это получилось. Вот, например, его слова о прогрессивных традициях в русской литературе: *постепенное снижение прямолинейной условности*. Думаю, это можно отнести к культуре вообще, в том числе и правовой. На мой взгляд, до недавнего времени был распространено мнение, что мир развивается прогрессивно и жизнь неудержимо движется вперед. Формулировка Лихачева, насколько я понимаю, касается упрощенного представления об эволюции человечества.

Еще один тезис: *возрастание личностного начала*. В нашей секции уже говорили, что насчет прав человека и гражданина все понятно, а вот права личности никак не укладываются в сознании. Оформление прав — искусственное, но их природа, наверное, естественная, и сочетание естественного и искусственного усложняет представление о правах личности.

Далее. *Расширение социальной среды*. Может, нам стоит поискать примеры, которые иллюстрируют эту тенденцию, если она, конечно, существует.

Расширение и углубление читательским восприятием литературного произведения. Вот размышление по аналогии: обогащается ли законодательство благодаря практическому опыту потребителей законов?

Некоторые обобщения. В правовом общении можно выделить следующие аспекты. Во-первых, начальный момент правового общения — мифы, предания, прецеденты, законы заимствования и пр. То есть обычай и обычное право, которое, кстати, существует до сих пор. Во-вторых, возрастание согласованных упорядоченных вариантов организованности. В-третьих, усиление согласованных групповых и личностных начал, расширение социально-этнической среды действия норм и обычаев с сохранением разделения на своих и чужих и т. п. В-четвертых, рост гуманистического начала в наказании. В-пятых, применение цифровых технологий в учете судебной практики. Вот такие соображения навеяны творчеством Дмитрия Сергеевича.

В. А. КОВАЛЕВ, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук: — Вы привели интересный тезис о правах личности — не человека и гражданина,

а именно личности. Как в данном случае понимается личность — как психологическая категория или статусная? Если статусная, то история знает такой опыт. Если психологическая, то возникает вопрос неспособности человека к самоописанию с учетом существования личностного подсознания.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Я считаю, что личность — это прежде всего социальное существо, как и гражданин, и человек. Сложность восприятия этого социального существа связана с тем, что оно постоянно меняется — в мировоззренческом плане, образовательном, биологическом и пр. Поэтому возникает сложность оперирования с категорией прав личности.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Сейчас нам предстоит выслушать два взаимосвязанных и очень интересных выступления. Илия Димитрович Димитров.

И. Д. ДИМИТРОВ: — Начну того, что многим может показаться банальностью. Один из моих учителей говорит: «Знаете вы закон Архимеда или нет — не имеет никакого значения. В тот момент, когда вы залезаете в ванну, закон Архимеда работает». То же можно сказать и о новом мире, в котором нам приходится иметь дело с высокими технологиями и цифровой экономикой.

В последние несколько лет мы наблюдаем нарастающие изменения в технологиях. Но если спросить у экономистов и политиков, что такое нейронные сети, блокчейн и так далее, то они вряд ли смогут объяснить. И это одна из важнейших проблем: «Нас невозможно сбить с пути — нам все равно куда идти».

Вряд ли кто-то будет спорить, что эволюция человеческого общества даже в ближайшей перспективе будет определяться развитием цифровых технологий. Общественные институты следуют за стремительным прогрессом средств коммуникации. В свое время газеты сильно повлияли на общественное развитие, в последние 40–50 лет — радио и телевидение. Сейчас этот процесс ускоряется: информационные технологии оказывают воздействие на все ключевые процессы — социальные, культурные, экономические, политические.

В то же время наблюдается интересная тенденция, которая сегодня уже упоминалась, — формирование клипового мышления. Мы видим, как происходит трансформация. В тех странах, где люди технически не очень грамотны, они скорее воспринимают такую информацию, которая подается не в виде текста, а в виде образов. Однако это приводит к тому, что люди глупеют. Получается, что клиповое мышление — плохо. Но это только с одной стороны, а что с другой? Представьте, что мама читает ребенку сказку «Колобок». Она берет книжку и показывает картинки: это колобок, это лиса. Невозможно представить, что мать дает двухлетнему малышу текст и говорит: «Читай, это интересно». Природа человека такова, что он воспринимает информацию в образах, и чем она сложнее, тем проще становятся образы, чтобы воспринимать их быстрее. Отсюда смайлики и другие симво-

лы. То есть впервые в истории на первый план помимо текста выходит образное мышление и изумительные образы ассоциативной игры, которая постепенно нас меняет.

Кроме того, все это также сильно влияет на культуру. Один из основных барьеров, связанных с русской культурой, — лингвистический. За границами страны мы слышим другие языки — польский, немецкий, английский и т. д. Это мешает восприятию информации. Современные технологии снимают эти барьеры: у нас появляется новый мир, не имеющий границ. В других странах возникают достаточно сложные политические явления, связанные с обработкой цифровых данных, самый очевидный пример — консалтинговая компания «Кембридж Аналитика», которая на основе глубокого анализа данных формирует общественное мнение и управляет сознанием людей.

Информацию сегодня часто называют «новой нефтью». Однако никакая информация сама по себе не имеет никакой ценности. Главное — система обработки данных, аналитика и т. д. Та страна, которая будет обладать лучшими технологиями обработки информации, получит огромные преимущества. Уже сегодня мы сталкиваемся с фейковыми новостями, которые, если их вовремя не распознать, могут иметь определенные последствия. Мы видим, как возросло влияние России в мире благодаря телекомпаниям Russia Today. Мы уже имеем все возможности не просто влиять на ситуацию, а кардинально менять ее.

Остановлюсь еще на нескольких моментах. Как цифровая экономика связана с культурой? Человечество переживает начало четвертой технологической революции, параметры которой были известны уже в прошлом веке. Кратко ее можно описать тремя терминами: все в цифре, новые материалы, новые системы управления. Одно из следствий — цифровая экономика. В чем разница между традиционной и цифровой экономикой? Сейчас одним из ключевых параметров экономического развития является валовой внутренний продукт (ВВП). Вот типичное предприятие: изготавливается, скажем, 100 столов, затем производитель пытается их продать, назначая цену с учетом своих издержек, нормы прибыли и т. д. В цифровой же экономике ВВП почти полностью теряет смысл, потому что огромную роль начинает играть прогнозирование, а важнейшую роль в связи с этим имеет фактор времени. Чем ближе к вам период, на который вы даете прогноз, тем больше вероятности, что прогноз будет верным, а чем дальше, тем сильнее неопределенность. Таким образом, вы управляете с помощью прогнозной модели. В новой экономике вы спрогнозируете, что рынку требуется всего 20 столов и 100 стульев, и никогда не будете производить ту продукцию, которая потом не найдет сбыта. Коммерция становится персонализированной и прогностической, и в связи с этим возникает большое количество сложнейших задач, так как впервые в истории человечества мы начинаем управлять будущим. Нельзя построить будущее из прошлого. Если посмотреть с позиций математики и социологии, этот вопрос возникает из образного мышления, связанного

с управлением образами. Это очень сложно, потому что будущее инвариантно.

И еще один важный момент, связанный с искусственным интеллектом. Что это такое? В первую очередь следующие составляющие: математика, программирование, аналитика, лингвистика, этика и все, что касается визуального восприятия. Если мы забудем об этических нормах, искусственный интеллект нас погубит. Я совершенно уверен, что четвертая революция произойдет именно в России, у нас для этого есть все возможности.

Матвей РЯБИКОВ, *1 курс, юридический факультет*: — Как будет оцениваться эффективность цифровой экономики?

И. Д. ДИМИТРОВ: — Это сложный вопрос. В последние два года мы вместе с китайскими, американскими и европейскими коллегами ищем решение одной из ключевых проблем: какая единица измерения будет в новом мире. Есть несколько гипотез. Понятно, что единицы измерения будут другие, как и системы влияния, и системы прогнозирования и всего остального. Но точного знания об этом пока нет. Новый мир формируется на наших глазах и с нашим участием, у нас есть все шансы сформировать его.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Владимир Васильевич Зябриков, прошу Вас.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Я попытаюсь рассмотреть взаимодействие цифровой экономики и менеджмента.

Итак, неотвратимость цифровизации. Внедрение цифровой экономики — это не инструмент менеджмента, не порождение внутренней среды предприятия, а следствие неизбежного влияния внешней среды на фирму. В этом плане полная аналогия с появлением товаров-субститутов по Портеру, когда рынок как бы обновляется и предыдущие достижения обнуляются. Второй момент. Распространение цифровой экономики — процесс неизбежный, напоминающий «нефтяное проклятие» для России, которое может только усугубить наши неприятности. Все дело в том, что нефтяное проклятие возникает в силу недоразвитости институтов. Довольно глупо, когда у страны неограниченные богатства, а от этого в остальных секторах экономики возникают беды. Единственным объяснением этого являются слабо развитые институты. Например, в Норвегии, тоже экспортирующей нефть, никакого проклятия нет.

Цифровая экономика может сыграть такую же роль. Если цифровые стандарты будут навязаны извне, без четкого понимания, зачем они нужны, то к нефтяному проклятию добавится цифровое. Давайте все же начнем с позитивного. В свое время мы активно пользовались факсом, информация часто искажалась, бизнес испытывал затруднения. Но появилась электронная почта, передающая информацию со стопроцентной точностью. Вначале это было безусловное благо, но теперь электронная почта затрудняет работу, потому что менеджеры слишком много времени проводят за обработкой почты, и к тому же она разрушает организацион-

ную структуру компаний. Когда директор злоупотребляет своей возможностью обратиться одновременно ко всем сотрудникам, он разрушает систему управления и всю организационную структуру компании, потому что нельзя обращаться через голову подчиненного.

И вот теперь цифровизация. Отсутствует вопрос: зачем? Поскольку это не инструмент, а фатальная необходимость, нет критериев оценки цифровизации: это благо или зло для компании. Давайте вспомним закон Мерфи: «Ошибаться свойственно человеку, но окончательно все запутать может только компьютер». На самом деле любой программист знает: что ты в компьютер положил, то и достанешь из него. Если информация недостоверна, то ее обработка только умножит ложные данные. Поэтому вопрос сводится к тому, чтобы обеспечить качественные входные данные, которые в современной экономике вполне могут быть обработаны с помощью электронных таблиц Excel без использования более сложных систем. Менеджмент выше цифровизации.

Обратимся к экспериментальным данным. Совершенствование менеджмента без цифровых технологий дает прирост прибыли на 9 %, с их использованием — на 26 %. Идеальная картина. Тут страшно другое: если цифровые технологии внедряются без совершенствования менеджмента, то прибыль снижается на 11 %. Вывод простой: сначала оптимизировать бизнес, и только после этого внедрять компьютеризацию.

Но давайте посмотрим, что говорят ученые о российской деловой культуре. В каких условиях мы будем внедрять цифровизацию? Российская деловая культура — коллективистская, огромная дистанция власти, долгосрочная ориентация, акцент на накопление, максимальное стремление избежать неопределенности. Это, с одной стороны, может препятствовать внедрению инноваций, но с другой — именно цифровая экономика может помочь, поскольку она дает некоторую определенность — надежные данные, надежное управление. И последний элемент — сдержанность, то есть отсутствие потворства желаниям. Это типология Герта Хофстеде. А Ричард Льюис дает свою классификацию, в рамках которой российская деловая культура относится к полиактивной. Цифровизация может помочь систематизировать деятельность, потому что одновременно ведется работа по разным направлениям.

Нам необходимо искать «соседей по культуре», чтобы изучать их опыт и, возможно, заимствовать у них методы менеджмента и прочее, потому что пытаться брать пример со стран с противоположной культурой, например США, — бессмысленная затея. По мнению Ричарда Льюиса, в этом плане на нас похожи Италия, Испания, Франция, страны юга Европы, страны с плановой культурой. Я согласен с его суждением. Россия будет развиваться примерно так же, как эти страны. Как бы то ни было, внедрять цифровую экономику в рамках существующих культурных стереотипов будет затруднительно. Скорее всего, это задача тех наших сограждан, кому сегодня 20–30 лет.

Еще несколько тезисов. Цифровизация предполагает, по Адизесу, что будет усиливаться административная власть и бюрократия начнет процветать еще

больше, как обычно бывает, когда профессионал оказывается на службе у бюрократов. Но в таком случае компании заходят в тупик. Но если ставка будет сделана на профессионалов и они, поднимая голову, станут хотя бы немного выше бюрократов, то можно будет говорить об успешной цифровизации. Общий вывод: нельзя воспринимать этот процесс как некий рок, им необходимо управлять, каждый раз находя ответ на вопрос: зачем мы внедряем цифровизацию?

В. А. КОВАЛЕВ: — Те данные о росте и падении прибыли в зависимости от цифровизации менеджмента, которые Вы привели, — за какой период они собраны? За год, пять лет, десять? Возможно, внедрение цифровых технологий без улучшения институтов дает снижение прибыли на короткий срок, а в перспективе, напротив, увеличение?

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Да, это в принципе возможно. Долгосрочный эффект не измерялся, были собраны данные только за два года. Но я не верю в то, что этот покойник воскреснет. Дело в том, что в бизнесе все происходит по жесткому сценарию. Если, например, в рамках цифровой экономики надо будет уволить половину персонала, как многие планируют, то после этого возврат на исходные позиции будет невозможен. Поэтому я за «мягкое» управление по японскому образцу, когда цифровые методы внедряются осмысленно и аккуратно. А то, что происходит у нас, на мой взгляд, — просто цифровая истерия, ее главная цель состоит в прощении самим себе ошибок, которые уже были сделаны. Но последствий этих ошибок не избежать. Сначала улучшаем менеджмент, потом закрепляем цифровые стандарты — только так.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Позвольте представить слово Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Начну свое выступление с благодарности: столь идеально организованной конференции я давно не видел. Так что огромное спасибо Оргкомитету Чтений!

Прежде всего я хочу задать вопрос студенческой части аудитории. Позволяете ли вы, отличники, которых я распознаю по умным глазам, списывать у себя менее успешной студенческой части вашего сообщества? И если позволяете, то правильно ли делаете? Через несколько минут я дам правильный ответ.

Паразитарная ментальность, которая складывается в обществе, есть фактор поражения справедливости. Мы знаем, что паразитарность прежде всего формируется на уровне общественного сознания, индивидуального и обобщенного, и мы сами ее порождаем. Об этом много пишут и говорят. Ольга Юрьевна Голодец сказала, что треть населения нашей страны работает непонятно где, не платит налогов, не отчисляет взносов ни в Пенсионный фонд, ни в Фонд социального страхования. Тем не менее эти люди пользуются общественными благами, и государство не может им в этом отказать. А те граждане, которые всю жизнь

много и плодотворно работали и выплачивали все положенные взносы, то есть исполняли свой долг перед обществом и государством, в итоге зачастую получают гораздо меньше тех, кто уклонился от этого. Это порождает пессимизм у тех, кто прав, и создает паразитарные настроения в обществе.

В России в настоящий момент нет реальных правовых и социальных инструментов пресечения этого явления. Сейчас идут дискуссии относительно повышения пенсионного возраста. И действительно, его надо повышать. Однако если в развитых странах ушедший на пенсию человек живет еще около 20 лет, то в России, например, мужчины будут получать пенсию в среднем в течение 5 лет — при условии, что пенсионный возраст будет 65 лет, а средняя продолжительность жизни 70 лет.

Таким образом, мы сами порождаем паразитарные настроения. С этим следует постоянно бороться на уровне общественного, прежде всего правового, сознания. Надо победить поощрение паразитизма в нашем сознании.

Возвращаюсь к своему вопросу. Правильно ли это — давать списывать? Нет. Этого делать нельзя. Не давайте списывать троечникам. Они — ваши конкуренты, которые потом сядут вам шею. Посредственность умеет пробиваться наверх, но мы не должны этому способствовать. На мой взгляд, весь вред именно от троечников, потому что двоечников мы выгоняем, отличники честно трудятся, а троечники стремятся жить за счет других.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Анатолию Ивановичу Котову.

А. И. КОТОВ: — Я признателен за возможность рассказать на Лихачевском форуме о развитии Санкт-Петербурга. Проблемные вопросы философии, культуры, свободы, которые поднимались в этом зале, в значительной степени определяют это развитие.

Санкт-Петербург, который отмечает 315-ю годовщину со дня основания, сегодня активно развивается и является замечательным примером стратегического развития. Петр I, посетив в конце XVII века Амстердам, многое перенял у этого города. Сегодня его замысел блестяще воплотился в нашем городе, причем в таких условиях, на такой широте, на которой ни один народ не сможет это повторить. Только гений и трудолюбие русского народа смогли обеспечить такой результат.

За последние 10–15 лет наш город преобразился: Западный скоростной диаметр, новый стадион, башня в Приморском районе, о строительстве которой много спорили. Сегодня эти объекты являются доминантами и украшением нашего города. Но нужно развивать и южные районы Петербурга. Сегодня мы активно работаем над Генеральным планом Санкт-Петербурга, который будет одним из самых современных, перспективных, будет отвечать требованиям горожан.

Любой политик, государственный деятель, экономист должен понимать, что необходимо пройти определенный путь, двигаясь вперед, стремясь к прогрессу,

осознавать, что сегодня мы находимся там, где должны находиться. В настоящее время в Санкт-Петербурге недостаточно объектов социальной структуры, места в уличной дорожной сети.

Наш город уже перевыполнил планы Петра I, в частности связанный с транспортным транзитом. Любой объект имеет свойство набирать свою емкость и достигать пределов. Сегодня наш город с точки зрения транспортной логистики уже обрел свой потенциал, объем грузооборота составляет 20 млн т·км — это предел, который он может переработать. Данный показатель еще позволяет нам чувствовать себя комфортно в городе. Поэтому мы работаем над оптимизацией системы работы транспортно-логистических центров, чтобы в городе было меньше машин, особенно грузового транспорта. Эта непростая задача требует уточнения грузовых потоков, которые проходят через Санкт-Петербург (речь идет прежде всего о железнодорожном транспорте и портах). Создавая порт, мы понимали, что это развитие, работа на перспективу. Наш порт последовательно прошел в своем развитии несколько этапов: сначала он был расположен на Васильевском острове, потом на Обводном канале, в Финском заливе, теперь идет строительство специального комплекса «Бронка» и т. д.

В настоящее время перед нами встали новые проблемы, решать которые будет уже молодое поколение. Один из вызовов связан с переходом к новому укладу, основанному на информации. Но вопросами информационной экономики, точнее, экономики знания, в нашем городе мы системно занимаемся уже сегодня.

В 2014 году благодаря нашим коллегам, в том числе из Москвы, мы разработали стратегию развития нашего города и приняли этот документ. В нем отражено много интересных планов, связанных в том числе с информационной, цифровой экономикой. Для нас это уже практика. Сегодня в городе действуют 86 информационных систем, которые используют в своей работе органы государственной власти. Главный их недостаток — отсутствие верификации точности данных и актуализации. Поэтому одно из направлений развития цифровой экономики мы видим в создании единой базы данных, точнее, банка данных, понимая, что ликвидность этой информации будет на порядок выше. Мы стоим на пороге объединения цифровых концернов, которые помогут построить единую систему. И если эта система и банк данных будут созданы, то бизнес организует соответствующие приложения и сервис.

В этом контексте внедрение проектного офиса «Умный Санкт-Петербург» становится вполне закономерным. Сегодня утверждена концепция этой инновационной программы развития Санкт-Петербурга, которой дал старт губернатор, она функционирует и в ближайшее время будет представлена общественности. Представители бизнеса, органов государственной власти и населения найдут там много интересного. Главный принцип в этой концепции — отношение к людям. С одной стороны, нам важно знать их мнение, с другой — привлечь к управлению городом, выработке решений, которые сегодня зачастую принимаются без об-

ществленного обсуждения или с его минимальным участием. Информационные системы помогут это обеспечить. В последовательном движении к стратегической цели города — повышению качества жизни населения и конкурентоспособности города — сыграет большую роль цифровая экономика, как и те отрасли, которые развиваются в Петербурге, правда, технологии будут меняться на наше благо.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Анатолий Иванович, Вы нарисовали замечательную картину. Когда я приезжаю в Петербург, то каждый раз отмечаю, что изменилось в городе.

В. В. ТРОФИМОВ: — Скажите, пожалуйста, какие формы привлечения общественности к обсуждению городских проектов предусмотрены в Санкт-Петербурге?

А. И. КОТОВ: — Мы приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных в развитии города через проект *Smart City*, где описана четкая процедура прохождения всех этапов, связанных с представлением проектов. Особенность проекта заключается в том, что иерархическую, классическую линейную систему мы изменили на проектную. При линейном процессе принятия решения занимает неопределенное количество времени, а про проектом — максимум два-три месяца. Мы заложили в концепции, что, помимо отраслевых приоритетов (транспортного, государственного управления, здравоохранения) — потому что создать цифровую экономику без инфраструктуры невозможно, — главнейший приоритет — это люди, возможность с ними общаться и учитывать их мнение через соответствующие сервисы. Это очень важно, на мой взгляд.

Сегодня работают две большие системы — порталы «Открытый город», который дает ответы примерно на 24 тематических направления, и «Наш Санкт-Петербург», отвечающий на текущие ежедневные вопросы, которые может задать любой желающий. Человек оперативно получает ответ на вопросы, связанные с работой служб жилищно-коммунального хозяйства, транспортной инфраструктурой, благоустройством.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Татьяна Владимировна Чубарова, Вам слово.

Т. В. ЧУБАРОВА: — Я хотела бы остановиться на двух пунктах: первый — общая междисциплинарность, второй — будущее. Вчера на пленарном заседании академик Гусейнов привел образный пример — резервуар будущего, который мы должны наполнить. Я хотела бы рассказать студентам о том, что они могут взять в будущее.

Междисциплинарность — парадоксальное явление. Я занимаюсь социальной политикой и могу сказать, что все, что имеется в обществе, мы можем назвать социальным.

Та же проблема с культурой. Я не знаю, что такое культура. Для исследования культуры мы должны чет-

ко сформулировать предметную область. В Институте экономики РАН работает уникальная группа ученых-экономистов, занимающихся экономикой культуры: аспиранты Александр Яковлевич Рубинштейн и Валентина Юрьевна Музычук.

В области права тоже наблюдается междисциплинарность: например, сейчас получило распространение такое направление, как государственное регулирование экономики. Это прежде всего право, поэтому государственное регулирование неотделимо от правового. Проблема заключается в том, что первоначально: право создает экономическую реальность, условия развития или оно закрепляет экономическую реальность, которая уже сложилась?

Я училась в экономическом вузе много лет назад, но прекрасно помню своего преподавателя по конституционному и государственному праву И. П. Ильинского. Мы изучали все виды права: и таможенное, и налоговое, и частное, и эти знания до сих пор актуальны. Поэтому советую студентам не пренебрегать никакими предметами, потому что неизвестно, что пригодится в будущем.

Следующий вопрос — об альтернативе. Альтернатива в нашей жизни, к сожалению, часто представлена в следующем тезисе: кто не с нами, тот против нас. Даже в стандартных экономических теориях мы должны взвесить все альтернативы.

Академик Нигматулин рассказал о социальной цене реформ, которую мы заплатили в 1990-е годы, о которой сейчас почему-то редко вспоминают. В связи с этим возникает вопрос: как, каким образом мы будем переходить к новому обществу?

К сожалению, мы упустили исторический шанс, который еще несомненно снова представится, — конвергенцию капитализма и социализма. Представляете, что было бы, если бы наши ожидания, что хорошего останется при социализме, дополнились бы тем, что хорошего мы видим в капитализме. Но, к сожалению, этот исторический шанс упущен, потому что капитализм поглотил социализм (его существенные черты исчезли). Сейчас важно предлагать альтернативы, чтобы можно было сделать выбор, а не идти по проторенному пути, пусть даже вслед за умными людьми.

Несколько слов о ценностях. Господин Тощенко говорил о справедливости в целом, но не о социальной справедливости. Я хотела бы посоветовать студентам взять в будущее социальную солидарность, хотя это понятие определяется с трудом. Что такое солидарность в здравоохранении? Это когда богатый платит за бедного, здоровый — за больного, а молодой — за престарелого. Хотелось бы, чтобы принципы социальной солидарности сохранились в будущем обществе.

Но, к сожалению, существует серьезная угроза — неравенство, о которой говорили на пленарном заседании. Сегодня настолько велик разрыв между богатыми и бедными, что он уже многими специалистами рассматривается как классовый. Миры бедных и богатых не пересекаются в реальной жизни. В такой ситуации возникает вопрос, как сберечь социальную солидарность, чтобы сохранить человеческое общество. Как с помощью мер государственно-правового регули-

рования сдерживать и преодолеть это неравенство? Государственная Дума не смогла принять соответствующий закон, то есть она, несмотря на то что заказывает нам исследование проблем прогрессивного налогообложения, не может решить эту проблему.

В заключение я хотела бы привести интересный пример. Я выступаю против образного мышления и считаю, что люди мыслят с помощью языка. К сожалению, у студентов образы часто не складываются в единую картину, этому мешает клиповое мышление. Но сейчас я вынуждена воспользоваться образом «продукт Депардье». Господин Олланд повысил налоги, послушав американских экономистов, которые считают, что до 70 % личных доходов богатых людей надо перераспределять, чтобы достичь равенства. Депардье в ответ решил сменить гражданство и приехал в нашу страну не потому, что он ее любит, а потому, что у нас гораздо ниже подоходный налог. Мы видим реакцию богатых людей на то, что происходит.

Не случайно в ежегодном послании наш президент сказал о том, что мы боремся с бедностью, и это на самом деле просто, особенно если установлен прожиточный минимум, определяемый государством. Но в послании президента не говорится о мерах по борьбе с неравенством. Это один из вызовов, стоящий сегодня перед обществом в целом и молодежью в частности, которой предстоит построить собственное будущее.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, я буду говорить не о главном, а о наболевшем — о масштабах задач изучения справедливости, стоящих перед российской юриспруденцией, и способности соответствовать этим масштабам. На юридическом форуме, который проходит параллельно с Лихачевскими чтениями, В. Д. Зорькин в своем выступлении наметил задачи юридической науки в контексте проблемы справедливости. Я хотела бы оттолкнуться от некоторых его тезисов.

Для того чтобы преодолеть однополярность современного мира, нужно прежде всего выйти за рамки его мировоззренческой односторонности. Социалистическая система в своей солидаристской идеологии противостояла капиталистической именно по линии справедливости. То есть социалистическая и капиталистическая системы конкурировали в общем понимании проблемы справедливости. После краха социалистической системы внутреннее напряжение между солидаристской интерпретацией справедливости и индивидуалистской не исчезло, а приобрело более глубокий смысл, который в свое время уловила русская философия, философия права.

В. Д. Зорькин напомнил о концепции всеединства и идее всеобщего спасения. В современных условиях идея всеобщего спасения, разрабатываемая в русской философии, приобретает исключительную актуальность, потому что в будущее, о котором здесь много говорилось, возьмут не всех. А если кого-то из тех, кто не входит в золотой миллиард, и возьмут, то не в том

качестве, в каком он хотел бы. Нынешняя неолиберальная модель глобального рынка вообще не нуждается в таком количестве людей. На это накладывается тенденция технологической безработицы и грядущая опасная тенденция раскола человечества на элиту, оснащенную всеми достижениями современных технологий, и простолюдинов. У части человечества, которая не является бенефициаром нынешней глобализации, есть колоссальный запрос на солидаристскую версию идеи справедливости. И этот запрос обращен к России, прежде всего к российской юридической науке, философии права. В какой мере наша наука может соответствовать этим запросам — отдельный вопрос.

Сегодня многие специалисты призывают к гуманитарному повороту в обществоведении. Но на самом деле мы подходим к гуманитарной катастрофе. Неожиданно выяснилось, что невысокая зарплата научных работников — не самая большая проблема. Мы теряем не только материальный и социальный статус, но и стабильность положения, без чего невозможна серьезная работа. Мы поодиночке вливаемся в прекариат. Более того, мы теряем свое достоинство, попав в унижительную зависимость от эффективных менеджеров, которые, не умея оценивать научную работу по ее содержанию, предъявляют к нам нелепые требования.

Мы живем в мире, в котором становится актуальным тезис, что миром правят идеи, которые вырабатывает наука. Поэтому перед российской философией права стоит задача предложить правовую и солидаристскую интерпретацию понятия «справедливость». Причем нам нужно не только разработать такую концепцию, но и ввести ее в международный дискурс. А у нас нет даже площадок для международного общения. Лихачевские чтения в этом смысле — исключение.

Я хотела бы закончить свое выступление фразой Джона Гэлбрейта, которая прозвучала несколько лет назад на одном из заседаний Лихачевских чтений в связи с проблемой социального расслоения в Америке: чтобы продолжать что-либо делать, необязательно сохранять надежды. Мне кажется, что это высказывание непосредственно относится к нынешнему состоянию нашей науки, особенно в свете тех задач, которые перед ней стоят.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Валентина Викторовна, справедливость может быть нравственной категорией и в данном случае не имеет границ. Когда мы обращаемся к идее справедливости, то чаще всего говорим об экономической и материальной справедливости. А возможна ли она? Если мы рассмотрим три из четырех возможных систем — США, Китай и Россию, то процентное соотношение богатых и бедных будет различным, но во всех трех системах оно стократное. Возможна ли в принципе материальная справедливость с точки зрения экономики?

В. В. ЛАПАЕВА: — Материальная справедливость — противоречивое понятие. С моей точки зрения, справедливость — это правовая, а не нравственная категория. Под справедливостью понимается формаль-

ное равенство, но такое содержание справедливости должно быть наполнено соответствующим смыслом, который не исключает понятия социальной справедливости, а лишь вводит его в такие рамки, которые позволяют компенсировать социально незащищенным слоям незаслуженную слабость. Социальная справедливость — именно компенсация незаслуженной слабости в рамках правового формального равенства. Как далеко общество продвинется в этом направлении? Можно компенсировать людям и их интеллектуальное отставание, но это уже зависит от уровня развития самого общества.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Александру Ивановичу Лученку.

А. И. ЛУЧЕНОК: — Советский Союз развалили, чтобы внедрить свои принципы хозяйствования на территории бывшего СССР. Что из этого получилось? Мы изучаем эти вопросы на макроуровне экономики Беларуси. В нашей стране приняты хорошие законы, Евросоюз каждый год выделяет приличную сумму на разработку новых законов, но только мало что получается. При хорошем законодательстве мы наблюдаем низкий эффект. Законы просто игнорируются.

Мировой опыт показывает, что проблема заключается не только в культурных различиях. Например, законодательство стран Латинской Америки скопировано с законодательства США, но на практике получается гораздо худший результат. Проблема не только в различии культурных традиций, она глубже и зависит от того, кто управляет страной. В США — либеральная демократия, а в странах Латинской Америки почти всегда действовала властная система управления, которая оказала серьезное влияние на развитие экономики. Проблема Латинской Америки заключается не в том, что у них другая культура, а в том, что эта страна принадлежит другой институциональной матрице, существенно отличающейся от институциональной матрицы развитых стран. Вообще существуют две матрицы: Y-матрица (западная) — США, ЕС, Канада, Австралия, и X-матрица, ее еще называют азиатской, — Россия, Китай, большинство стран Латинской Америки, Беларусь и др. Вопрос в том, что важнее — интересы государства или личности? Власть централизована или преобладают элементы децентрализации? Самый главный вопрос: что стоит на первом месте — план или рынок?

Китайцы считают, что у них в стране развита рыночная экономика. Но когда я задал им вопрос, что важнее — план или рынок, они ответили: «Конечно, план». То есть в Китае все централизовано, и страна успешно развивается на этой основе. Трамп тоже прав, когда говорит, что за счет снижения курса валюты они перекачивают ресурсы из развитых стран к себе. В Китае сильно развит госсектор, у нас он менее развит, чем в Китае.

Предпринимается много попыток внедрить в Беларуси рыночную экономику. Например, нам уже лет десять пытаются навязать индикативное планирование (необязательное планирование, когда показатели про-

гнозируются), развивать у нас фондовый рынок (а он не развивается, потому что основная часть финансовых ресурсов распределяется через бюджет или Банк развития).

В настоящее время в России нет рыночной экономики. То, что вы пытаетесь внедрить в своей стране, связано с событиями 1990-х годов, когда ею руководили Гайдар и прочие, активно пытавшиеся перейти к рыночной экономике с подачи Запада. Это привело к тому, что бедные так и не обогатились, но появился класс олигархов.

Чтобы развивать российскую экономику, необходимо обеспечить социальное равенство. Но как его обеспечить, когда ресурсы сосредоточены в руках определенных групп влияния? Поскольку Россия принадлежит к азиатско-восточной институциональной матрице, то перспективы у вас следующие. Будет усиливаться роль госрегулирования, особенно в условиях международной напряженности.

Нужно учитывать еще один момент: многое из того, что написано в западных учебниках, не подходит для России и Беларуси, как и для других стран, для которых характерна азиатская институциональная матрица. Поэтому нужно внимательно изучать опыт и адаптировать его к российской институциональной системе.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Слово предоставляется Роману Анагольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Понимание социальной справедливости в России и на Западе разное. Запад мыслит индивидуальными, протестантскими категориями, поэтому там абсолютно нормальна конкуренция между индивидами. Мы мыслим категориями мира: сам погибай, а товарища выручай. Профессор Чубарова говорила о справедливости, о том, что богатые должны платить за бедных.

Следующий момент, который важен в современном мире, — определение, позиционирование России как государства права и экономики. В основу советского строя был положен формационный подход к пониманию культурного развития, где одна формация сменяет другую, то есть прогрессивная формация приходит на смену архаической и таким образом происходит развитие. Распад советской системы показал если не ошибочность, то по крайней мере неуниверсальность данной концепции. И здесь возникают вопросы: какие государство, право, экономика существуют в современной России, какое место занимает Россия в современном мире?

В одном из докладов была предпринята попытка обозначить четырехмерную модель мира. Были названы четыре лидера: США, Китай, Евросоюз и Россия, причем произошла подмена понятий, так как были выделены три государства и один государственный союз, которые позиционируют себя в качестве лидеров. Если мы говорим не о соревновании амбиций, а об экономиках, то в настоящее время в сфере экономики Россия является аутсайдером: величина ВВП США — 25 %, Китая — 15 %, Евросоюза — 15 %, России — 3 %, как считают оптимисты.

Можно ли рассматривать Россию как страну с европейской культурой? В. В. Путин обозначил границы Европы от Лиссабона до Владивостока. Дмитрий Сергеевич в свое время сказал, что Россия — самая европейская из европейских государств.

Как представляется, современный мир преодолел границы биполярного мира, о чем сказал профессор Графский, когда мир был разделен на нас — культурных и их — варваров, рабов, нелюдей и т. д. Сейчас мир многополярен. В рамках многополярного мира Россия должна признать, что она является одной из 250 государств, мировых экономик, культур. Российская культура уникальна ровно настолько, насколько уникальна культура Беларуси, Эстонии, Молдовы, и с этим необходимо смириться. Здесь действует принцип социального равенства. Необходимо осознать, что Россия равна в этом мире, и перейти от лозунгов о величии и уникальности к нормальному экономическому соревнованию.

В. В. ТРОФИМОВ: — Роман Анатольевич, является ли западный мир гомогенным, единым?

Р. А. РОМАШОВ: — Нет, не является.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предлагается Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Десекуляризация и светское государство — частный вопрос. Но это вопрос в последние годы приобретает в нашей стране актуальность и даже политическую остроту.

Несколько лет назад Виктор Шейнис, один из членов Конституционной комиссии, сказал, что если бы сейчас возникла необходимость в изменении текста Конституции, то положение о светском характере государства было бы поставлено под вопрос. У Шейниса были основания для таких прогнозов.

Телевизионный публицист Михаил Леонтьев прямо заявил: для государства сейчас нецелесообразно объявлять Русскую православную церковь государственной, но двигаться к этому имеет смысл. Что это — импровизация тележурналиста или улавливание не всем понятных веяний, которые существуют в этой сфере?

Чтобы утешить сторонников светского государства, следует напомнить высказывание президента России 2013 года на встрече с членами Архиерейского собора: президент Путин сказал, что принцип светского государства должен быть сохранен, но при этом мы должны отказаться от вульгарного понимания светскости. Казалось бы, лучшей охранной грамоты для светского государства в современной России найти невозможно. Но в этом заявлении есть одна мысль, требующая разъяснения: нужно отказаться от примитивного вульгарного понимания светского государства. Я полагаю, что вульгарное понимание светского государства состоит в его отождествлении с советским, то есть атеистическим, государством, которое вело борьбу с религией и существенно ограничивало свободу совести. Но ведь это не единственный вариант светского государства.

В авторитетном издании «Энциклопедия религии» (это многотомное издание вышло в 1980-х гг.) ясно сказано, что существует секуляризм двух видов: атеистический, то есть антирелигиозный, и нерелигиозный.

Противники светского государства, которых сейчас немало, в том числе и среди ученых-юристов, распространяют отрицательное отношение к атеистическому государству на любое светское государство. Принцип нейтралитета государства их не устраивает. Характерный пример в этом отношении — исследование «Современное светское государство» И. В. Понкина. Он выдвигает идею понимающей светскости. По его мнению, нейтральность по отношению к религии не входит в понятие светского государства. Он убежден, что государство не может быть нейтральным по отношению к религии, а если предпринять такую попытку, то получится не демократическое, а атеистическое государство. Понкин выступает даже против юридического равенства религий в смысле их контактов с государством. Он считает, что преподавание религиозных дисциплин в государственных учебных заведениях не противоречит принципу понимающей светскости.

Возникает опасность, что понятию «светское государство» будет дана интерпретация, которая выхолостит его суть. Такая опасность стала актуальна примерно год назад, когда депутат Госдумы Гаврилов выступил в Петербурге на Юридическом форуме с заявлением, что нужно обратиться в Конституционный Суд РФ с просьбой разъяснить понятие «светское государство». Вполне возможно, что, не меняя Конституции, сформулируют определение светского государства, из которого исчезнут его классические принципы: отделение церкви от государства, свобода совести и равенство перед законом религиозных организаций и убеждений. К счастью, эта инициатива пока не получила поддержки. Хотелось бы надеяться, что ни Конституционный Суд, ни общественность не будут поставлены перед угрозой ликвидации этого понятия.

Иннокентий АВЕНИРОВ, IV курс, экономической факультет: — Сейчас ко многим явлениям сложно относиться толерантно. Россия всегда считалась многонациональной и многоконфессиональной страной. Если в государстве на государственном уровне будет принята единая религия, то это будет ущемлять права людей, исповедующих другие религии, и даже атеистов. Как быть людям, которые не хотят, к примеру, придерживаться православия?

О. В. МАРТЫШИН: — Ваш вопрос воспринимается как выступление в защиту светского государства. Вы приводите аргумент, который озвучил и президент Путин, заявивший, что в поликонфессиональной России светское государство — это гарантия нормальных отношений между представителями разных конфессий. Нельзя говорить о том, что одно государство абсолютно светское, а другое — несветское. Мы не найдем стопроцентно светского государства. Но не обязательно объявлять какую-либо религию государственной, можно создать преимущества для опреде-

ленной религии, и, кстати сказать, эти преимущества уже созданы законом 1997 года о религиозных организациях.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — С удовольствием представляю слово коллеге из Швеции Яну Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Мое выступление состоит из четырех тезисов и трех примеров.

Тезис первый. Что такое культура? Это социальное построение смыслов, которые все разделяют. Это этичность, принцип логики, рационализма, эстетика и ценности.

Тезис второй. Культура меняется, так же как меняется общество.

Тезис третий. Культура имеет политический характер, ее формирует власть, поэтому важно понимать, за счет каких сил формируется культура и как она изменяется.

Тезис четвертый. Мы можем самостоятельно формировать культурные изменения. Как только мы поймем, как изменяется культура, то сможем вмешиваться в этот процесс и сами формировать свое будущее.

Теперь приведу три примера, чтобы проиллюстрировать вышеназванные тезисы.

Первый пример — цифровое общество. Сейчас складывается новая экономика, новое общество на основе цифровых технологий. Это значит, что возникают новые идентичности, принципы, эстетика и ценности. Мы должны понимать, что делать.

Второй пример — глобальное общество. Ведется много дискуссий вокруг понятия «культура»: культура Казахстана, России, Швеции и др. Мы имеем в виду не только население определенной страны, которое проживает на этой территории. Если это общество выйдет за пределы территории, культура тоже утратит территориальный аспект. Поэтому важно понимать, что бывает культура не только определенной страны — России или Швеции, — но и вне территории. Что это значит для солидарности, всеобщего равенства и справедливости? Я не знаю, я только формулирую вопросы.

Третий пример. Существует слово «антропоцен», предполагающее, что человечество не только является творением природы, но и само формирует природу, приводит к экологическим изменениям (например, к антропогенным изменениям климата). Как мы должны относиться к этике, ценностям, экологии, какими принципами нужно руководствоваться в новом мире? Это глобальные вызовы, на которые у меня пока нет ответа.

В. В. ТРОФИМОВ: — Профессор Шолте, скажите, пожалуйста, в действительности, которую Вы обрисовали, возможны ли универсальные культурные ценности? Если да, то каковы они?

Я. А. ШОЛТЕ: — Существуют универсальные культурные вызовы. Но в результате у нас нет обобщающего универсального ответа. Я хотел бы решать проблемы, связанные с изменением климата, жизни

в новом цифровом сообществе, с позиций универсальной культуры. Но, на мой взгляд, это невозможно. Ответ на вопрос заключается не в том, чтобы найти универсальную общую культуру, а в том, чтобы научиться жить в условиях разных культур. В этом разнообразии есть динамика, развитие, которые позволят получить ответы на поставленные вопросы.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Следующий выступающий — Николай Николаевич Никулин.

Н. Н. НИКУЛИН: — Есть всем известный афоризм: у России две беды — дороги и дураки. Но, вспоминая об этих бедах, мы никогда не считаем себя второй из них. Президент Обама сказал, что Россия — это региональная держава. Президент Путин его поправил: нет, это великая держава. Говоря о российской культуре, мы называем ее великой. Как же иначе — если Россия великая, то и культура в ней великая. Пушкин, Толстой, Достоевский и др.

Хочу обратить внимание на такое понятие, как материальная культура. Это не только книги Толстого и Достоевского. Это и десятый айфон, и система Windows, и даже японский унитаз. В связи с этим возникает вопрос: а что важнее — производить или потреблять? Мы, как потребители, всецело приобщились к материальной культуре. Мы все потребляем результаты производства развитых стран, но при этом считаем, что в России великая культура. А есть ли великая материальная культура в России? Вчера господин Нигматулин сказал, что у нас вообще нет высокотехнологичных производств. Откуда может быть материальная культура, если нет высокотехнологичного производства? «Самсунг» хочет запустить производство микрочипов по 7-нанометровой технологии и строит для этого завод стоимостью 6 млрд долларов, закупает 10 станков в Нидерландах по 140 млн долларов каждый. Есть у нас такие средства? Нет. Если мы возьмем инвестиции за последние 20 лет, то окажется, что основная доля инвестиций направляется в добывающие, а не в обрабатывающие отрасли. Поэтому перспектива избавиться от сырьевой зависимости довольно туманна.

Здесь уже говорилось о том, что Норвегия не чувствует своей сырьевой зависимости, что она не «на игле». Я думаю, дело в том, что Норвегия и норвежцы хотят быть не производителями высокотехнологичных товаров, а их потребителями. Если мы остановимся на том, что мы тоже потребители высокотехнологичных товаров, а именно материальной культуры, созданной в других странах, то мы будем просто обменивать сырье на эти товары и не чувствовать никакой отсталости. Мы уже набираем эсэмэски на своих айфонах быстрее, чем американцы.

И последний тезис. Президент Путин сказал, что несырьевой экспорт надо увеличить на 50 % в ближайшие шесть лет. Правда, к несырьевому экспорту у нас принято относить, наряду с нефтью и газом, например, металлы, а также зерно. Это не высокотехнологичный экспорт. Мы останемся теми же, кем и были, — потребителями произведенных в других странах высокотех-

нологичных товаров. Но чувствовать себя из-за этого ущемленными, на мой взгляд, не стоит.

В. В. ЛАПАЕВА: — Что будет, когда мы полностью потребим нефть, металл и пр.? Страна ведь должна думать о будущем. Есть какой-то выход?

Н. Н. НИКУЛИН: — Конечно, есть. В таких случаях я всегда отвечаю только одно: Россия — богоизбранная страна, и в ней нефть и газ не закончатся никогда.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Сергею Алексеевичу Дятлову.

С. А. ДЯТЛОВ: — Информационная нейросетевая парадигма социокультурного экономического развития — вот методологический базис, на котором зиждется вся новая экономика. В рамках этой парадигмы можно создать методологические подходы для формулирования тех вопросов, на которые пока нет ответов. В рамках этой парадигмы утверждается, что субстанцией всех социально-экономических явлений является информация. Информация — это универсальная научная категория, которая лежит в основе природы всех социально-экономических явлений, в том числе культуры, денег, стоимости, финансов и т. п. Если мы посмотрим на этапы развития стоимости и денег (а деньги — это развитая форма стоимости), то увидим, что изначальная природа денег — информационная — принимала различные формы в процессе своего вызревания. Вначале это были товары, которые менялись один на другой (например, классика политэкономии — зерно и скот), потом — золото и серебро, затем сформировались бумажно-кредитные отношения. Иными словами, форма меняется в процессе развития производительных сил. И вот наступает цифровая эпоха, когда информационная природа денег попросту сбрасывает с себя все вещественные — золотые, серебряные, бумажно-кредитные — облачения и предстает в своей адекватной форме — цифровых денег, цифровых активов. Мы все еще рассуждаем в терминах прошлого века, но сейчас уже наступила качественно новая эпоха — возникла так называемая нейросетевая экономика. Цифровая экономика — это просто более узкий ее сегмент. Нейросетевая экономика зиждется на формировании новой системы, качественно нового типа глобальной сети. Это «Нейронет» — система глобальных сетей, базирующаяся на нейронных сетях, лежащих в основе функционирования искусственных экосистем с искусственным интеллектом. Иными словами, мы переходим в качественно новое состояние, когда стираются грани между людьми и вещами, поскольку и те и другие существуют в цифровом виде в информационно-сетевой среде. К Нейронету подключаются не только все вещи, не только товары и услуги, но и сами люди. В этом смысле каждый из находящихся здесь студентов является своего рода информационным образовательным продуктом, который имеет не вещественную предметность, а информационные характеристики, компетенции и качества. Поэтому информация

является универсальной характеристикой, позволяющей формулировать общие универсальные закономерности и принципы функционирования нейросетевой экономики, нейросетевой культуры, нейросетевого права.

В настоящее время, после утверждения концепции цифровой экономики, предполагается в течение года принять пакет законов, касающихся регламентации цифровых денег, цифрового права, цифровых активов. Практически речь идет о том, чтобы сформировать для каждого гражданина цифрового двойника, который будет выполнять социокультурные функции в новой цифровой среде. Есть методологические разработки и подходы, которые позволяют четко сформулировать, что такое цифровая нейросетевая экономика, нейросетевое право, нейросетевые образовательные продукты. Отвечая на вопрос, кто у кого списывает, могу сказать, что он из прошлого века. Студент-троечник сейчас не списывает у отличника — они оба все списывают у Google, Яндекс и прочих сетевых ресурсов.

И последний, очень важный момент. Наталья Капснерская, ведущий специалист, профессионал, обеспечивающий информационную безопасность многих государственных, образовательных, финансовых информационных систем, выступая недавно в Институте информационных технологий, заявила, что сейчас одна из главных проблем — обеспечение информационной безопасности всей национальной инфраструктуры, поскольку все ее базовые элементы разработаны за рубежом. И полностью переходить к цифрфикации без принципиального решения проблем безопасности очень опасно. Необходимо выработать комплексный подход в этом отношении. Стоит обратить внимание, например, на опыт Китая, где создана система «Красного файрвола», защищающая всю национальную инфраструктуру.

М. РЯБИКОВ: — Вы говорили о цифровых двойниках. Не могли бы Вы подробнее рассказать, что они собой представляют и чем отличаются от цифровых аккаунтов пользователей Сети?

С. А. ДЯТЛОВ: — Посмотрите, пожалуйста, материалы Центра стратегических разработок, возглавляемого Кудриным, который вскоре станет председателем Счетной палаты. В частности, 4 мая вышел пространственный доклад на тему «Кибергосударство», в котором вводится в том числе понятие цифрового двойника. В данный момент уже началась разработка соответствующего законодательства. Все нормативные документы, касающиеся этой темы, есть в Интернете в открытом доступе.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Спасибо большое. Слово предоставляется Сергею Федоровичу Ударцеву.

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Уважаемые коллеги, прежде всего, разрешите поблагодарить организаторов Чтений за четкую организацию конференции — ценной междисциплинарной площадки для обмена мнениями. Мои тезисы посвящены значению деятельности в космиче-

ской сфере для развития права и экономики в условиях Четвертой промышленной революции.

Как известно, результатом Третьей промышленной революции стали информационное общество и компьютеризация. Четвертая промышленная революция, которая, очевидно, значительно изменит материальную культуру человечества, связана с роботизацией, искусственным интеллектом, широкой космической деятельностью, 3D-печатью, геной инженерией и т. д. Это неизбежно ведет к перевороту во многих областях науки, техники и культуры. Новые технологии с расширением участия в них роботов и искусственного интеллекта, с освоением нового пространства деятельности человечества и отдельных государств потребуют значительной модернизации системы государственного управления и всей системы права, правотворчества и правоприменения.

Одним из важнейших направлений развития экономики и соответственно правового регулирования становится космическая деятельность, которую многие пока еще воспринимают как нечто из далекого будущего. В настоящее время более ста стран уже так или иначе занимаются космической деятельностью. За последние десять лет их количество удвоилось, причем активность в этой сфере резко возрастает. В десятках стран мира формируется или развивается национальное космическое законодательство, которое в значительной мере дополняет международное космическое право. Создаются национальные органы управления космической деятельностью, расширяются области частного сектора в этой сфере. Необходимо отметить формирование в системе права обширной подсистемы, которая все шире внедряется во все отрасли права и не может быть сведена лишь к его отдельной или даже комплексной отрасли. Фактически вся деятельность человечества постепенно космизируется и требует как возникновения новых норм, институтов права, так и все большего расширения, применения, обновления, обновленного толкования, развития уже существующих норм, институтов различных отраслей, которые наполняются новым содержанием.

Поворотным пунктом развития космической добывающей и перерабатывающей промышленности, очевидно, станет начало промышленного использования и добыча полезных ископаемых и иных ресурсов на космических телах — Луне и астероидах, что прогнозируется на конец 2020-х годов. В настоящее время расширяется потребность императивного глобального правового регулирования. В частности, как один из вариантов прослеживается распространение юрисдикции государственных органов одной страны на территорию других, распространение законодательства США за пределы их границ, включая и космическое пространство.

Как известно, 25 ноября 2015 года Барак Обама подписал революционный закон, разрешающий частным компаниям Соединенных Штатов начать разработку природных ресурсов космических тел, с 1967 года являющихся, по международному космическому праву, общим достоянием человечества. Закон США не позволяет присваивать небесные тела и участки на них,

в том числе на астероидах, но разрешает иметь в частной собственности добытые на космических объектах ресурсы и продавать их — по аналогии с промыслом в международных водах. Естественно, это ведет к принятию соответствующих законов и в других странах. Те страны, которые замедлят или приостановят свое участие в этой начинающейся в ближайшие годы деятельности, будут вытеснены на обочину истории.

И в заключение хочу сказать, что в перспективе космизация земных глобальных систем экономики, права и культуры приведет к началу следующего этапа их развития — формированию экономики, права и культуры космической цивилизации. Вызовы и опасности, поджидающие человека и всю человеческую цивилизацию на этой стадии эволюции, могут начать проявляться уже в ходе новой промышленной революции в обозримом будущем. В соответствии с этим необходимо учитывать потребности и перспективы развития космической деятельности и в национальных правовых системах.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется нашему гостю из Болгарии Василу Проданову. Тема его доклада — «Четвертая промышленная революция и восход цифрового общества риска».

В. ПРОДАНОВ: — Ранее уже говорилось о том, что глобализация необратима, поскольку все страны в той или иной степени взаимосвязаны, и любое другое мироустройство практически невозможно. Но мне представляется, что возможно. Хочу привести несколько аргументов в пользу того, что мы находимся в самом начале процесса деглобализации.

Первый аргумент: нынешняя глобализация — далеко не первая. Так называемая интернационализация, или первая глобализация, состоялась в XIX веке. Считается, что Манифест Коммунистической партии Карла Маркса содержит первое описание процесса глобализации. Маркс тоже считал ее необратимой, полагая, что мир слишком сильно взаимосвязан, чтобы другие варианты могли реализоваться, поэтому он полагал, что революция произойдет во всех странах, а не в какой-то отдельной части мира. Но этот великий человек ошибся. Огромную роль сыграли противоречия капитализма и две мировые войны, в результате которых экономика деглобализировалась.

Второй аргумент: в 1980-х годах мы пережили вторую глобализацию, но затем вновь накопились серьезные противоречия. Это прежде всего огромное экономическое неравенство: в 2017 году 82 % всего созданного валового продукта ушло в руки 1 % человечества — самых богатых людей в мире. Начались торговые войны. С приходом Трампа эти процессы только углубились: есть новые санкции, есть националистическая война. Был брексит, в дальнейшем может случиться какой-нибудь еще, например итальянский, «эксит».

Третий аргумент. Мы много говорили о том, что уже сейчас живем в цифровом мире. Но я думаю, что цифровое общество — довольно рискованная среда обитания. С одной стороны, есть так называемые экс-

понижающие технологии Четвертой индустриальной революции. Такие быстрые перемены — признак очень неустойчивых социальных систем, для которых характерны непрерывные бифуркационные точки и скорый распад. С другой стороны, в мире нарастают горизонтальные связи, затрагивающие уже практически каждого человека, но эта всеобщая связанность означает в то же время и нарастающую уязвимость. Параллельно с этим развиваются и так называемые конвергентные технологии, связывающие физические, биологические, технологические, социальные системы. В условиях цифровой экономики это означает нарастание асимметрических рисков: небольшие группы людей могут нанести непоправимые разрушения. В цифровом мире уже нет великих и малых сил, все возможно. Как защититься в такой ситуации, если не глобализироваться? Поэтому я думаю, что в следующем десятилетии большую роль будет играть так называемый цифровой суверенитет.

И последний аргумент. Деглобализации способствуют и новые технологии. Роботизация означает, что дешевая рабочая сила из чужих стран уже не нужна. Не надо и перемещать предприятия. Возобновляемые источники энергии означают, что глобальные энергетические инфраструктуры тоже больше не нужны. 3D-печать означает, что каждый сам может производить необходимые для себя вещи. Иными словами, сейчас мы находимся в начале деглобализации. Это необратимый процесс.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — У меня вопрос: что такое, с Вашей точки зрения, цифровой суверенитет? Как бы Вы его определили?

В. ПРОДАНОВ: — Уже говорилось о том, что если ваши технологии аналогичны западным, вы очень уязвимы. Значит, нужны собственные технологии. Государство, в котором данная проблема весьма актуальна, — это Китай. Там нет Google, нет Amazon. Есть только китайские компании, над которыми осуществляется очень серьезный информационный контроль. Я думаю, что подобную систему контроля будут перенимать и расширять все остальные государства.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Хочу обратиться к проблеме делиберативной демократии, ее места и роли в системе организации современной государственной правовой жизни. В рамках вчерашней дискуссии академик Гусейнов справедливо отметил: прежде чем намечать какие-то планы на будущее, нужно более четко сформулировать отношение к настоящему. И если с этих позиций посмотреть на нашу сегодняшнюю тему, можно сформулировать следующий вопрос: каково современное культурное развитие в широком смысле слова — иными словами, во всех аспектах, что относится не к природе, а к социальной жизни? И имеет ли современное культурное развитие предпосылки для того, чтобы наметить некоторые позитивные контуры буду-

щего? Иначе говоря, если будущее формируется сегодня, то все, что мы делаем, отразится в конечном итоге в завтрашнем дне. Как гласит мудрая пословица, «готовь сани летом, а телегу зимой». Готовы ли мы сегодня к тому, чтобы «космические корабли бороздили просторы Вселенной» в ближайшие десятилетия? Готовы ли мы к тому, чтобы работать с цифровыми технологиями и использовать их на благо каждого конкретного человека? Есть ли у нас сегодня предпосылки для того, чтобы изменить всю систему государственной правовой жизни?

В выступлении на пленарном заседании Александр Сергеевич Запесоцкий подверг критике практически все основные политические и социальные компоненты современности. Капитализм в кризисе, социализм в кризисе, демократия в кризисе. Если продолжить этот ряд, то можно с той или иной степенью уверенности констатировать, что система государственного управления не только в нашей стране, но и во многих других странах тоже не в лучшем состоянии, если не в кризисе. Центр стратегических разработок также провел комплексные исследования по поводу законотворчества в современной Российской Федерации, в частности федерального законотворчества. Как оказалось, за последние 6 лет количество изменений и поправок в законодательных актах существенно возросло. Если раньше оно было относительно небольшим, то сейчас затронуло даже те законы, которые долгое время не подвергались изменениям. С одной стороны, это говорит о возросшей динамике нашей жизни, но с другой — о непрофессионализме, некачественном правотворчестве. Возникают соответствующие последствия и в правоприменении. Все это в целом — признаки не лучшего состояния нашей государственно-правовой системы. Экономика, как уже отмечалось на пленарном заседании, также находится в кризисе. Почему вводятся санкции по отношению к нам? Потому что, оказываясь, наша экономическая система не очень эффективна. Мы можем запустить ракету в космос, но в экономической сфере не способны на равноценные ответы. Сегодня справедливо отмечалось, что и материальная культура у нас пока находится на достаточно низком уровне. Так что ни на какой позитив особо надеяться не приходится: впереди нас ждет борьба и трудный путь преодоления проблем. Значит, нужно уже сейчас как-то совершенствовать систему государственного управления, в том числе правотворчество, поскольку это один из тех инструментов, с помощью которых осуществляются необходимые преобразования. Одним из рецептов совершенствования государственно-правовой системы является развитие делиберативной демократии. «Deliberate» в переводе с латинского означает «обсуждать, совещаться, совместно рассматривать». В науке этот термин был введен на рубеже 1970–1980-х годов американским исследователем Джозефом Бессетом, но более основательно разработан в трудах известного нам представителя Франкфуртской школы Юргена Хабермаса. И этот механизм, на мой взгляд, действительно способен в каком-то смысле улучшить

позиции государственно-правовой системы в любой стране, в том числе в нашей. Делиберация, то есть коммуникация в процессе обсуждения политических, экономических, правовых вопросов, представляет собой своеобразное сито, фильтр для отбора наиболее выверенных, взвешенных, продуманных решений, способных привести к реальному позитивному результату.

И. АВЕНИРОВ: — К вопросу о демократии. Недавно в Екатеринбурге были отменены прямые выборы губернатора. Теперь губернатор назначается из Москвы, и так обстоят дела во всех областях. Как Вы считаете, что лучше для демократии: прямое назначение из Москвы или прямые выборы губернатора жителями, и почему?

В. В. ТРОФИМОВ: — Скажу откровенно, я негативно отношусь к подобного рода новациям. Назначение — это уже ограниченная, ущербная демократия. В изначальном значении «демократия» — это власть народа, и в рамках демократической организации эту власть нужно предоставлять ему максимально широко. Я не случайно спросил коллегу из Петербурга, какие формы изучения общественного мнения практикуются в городе. Но, помимо информационных сервисов, кажется, ничего больше не было названо. Я считаю, что нужно продумывать и разрабатывать более разнообразные формы: это и дискуссионные площадки, и форумы, и публичные слушания, и местные референдумы, и народная правотворческая инициатива на муниципальном и региональном уровнях. Должны использоваться в том числе электронные системы, но не в виде обычных интернет-сервисов, построенных по принципу «вопрос—ответ», а в виде так называемой электронной системы демократии, которая имела бы практический юридический эффект. О такой системе говорилось еще в майских указах президента 2012 года. Постепенно она начинает выстраиваться, но еще далека от завершения. И, соответственно, определять новые задачи на основе еще не выполненных достаточно сложно. Нужно, конечно, совершенствовать эту систему, предоставлять людям возможность участвовать в управлении. Иначе мы не решим тех проблем, которые сейчас есть.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Профессор Сергей Николаевич Касаткин, Вам слово.

С. Н. КАСАТКИН: — Основная проблема, которой мне бы хотелось уделить внимание, — это проблема объективности и универсальности тех или иных ценностей. В ряде предыдущих докладов прослеживалась идея о том, что культура, культурные ценности, характеристики национальной культуры — это, по сути, некие константы, некие данности. Именно они положены в основу юридической практики, оценки тех или иных правовых систем, перспектив их развития и т. д. На мой взгляд, это предполагает специальное обоснование, поскольку не совсем понятно, как формируются универсальные ценности и насколько обоснованно

можно давать оценку той или иной ценности как универсальной.

Например, вчера профессор Багис, говоря о конфликте между израильтянами и палестинцами, заявил, что «настало время быть людьми». Что конкретно означает это «быть людьми» для израильтян, для палестинцев? Даже если предположить, что есть некий объективный тип поведения, присущий именно человеку как таковому, — как оно будет выглядеть в ситуации, когда палестинцы ориентируются на свои ценности, а израильтяне — на свои? Мы говорим о том, что культура может спасти мир, или как минимум ограничить применение оружия. Но каким образом это произойдет? Почему мы говорим о культуре как о чем-то самодостаточном и очевидном?

Точно так же мы утверждаем, что ученые выше границ между странами, выше политики. Но как это возможно, если они являются представителями своего общества, разделяют его ценности и включены в его культурный контекст? Когда мы говорим о великой русской культуре и называем имена Толстого, Достоевского, Чайковского, Шостаковича, я готов согласиться, что это культурные ценности, которые существуют в рамках национальной традиции. Но в какой мере мы можем, встраивая российское общество в XXI век, руководствоваться такими ориентирами, как Толстой, Достоевский и др.? В какой мере наша повседневность, наша политическая и юридическая практика строятся на этих ориентирах? В какой степени наша самоидентификация основывается на них? Я думаю, что в незначительной.

Речь идет не о том, чтобы избавиться от универсалий, а о том, чтобы осмыслить те условия, в которых подобные универсалии являются возможными или востребованными. В этом плане мне очень близко то, о чем говорил профессор Шолте в своем докладе, посвященном транскультурализму, и сегодня, утверждая необходимость по-разному отвечать на современные вызовы. Универсалии ничего не объясняют, они сами нуждаются в объяснении. В свое время Ганс Кельзен говорил о том, что если бы справедливость была очевидной, непосредственно данной ценностью, то право не было бы необходимым. Право нужно именно потому, что справедливость не является данностью. В этом плане мне также очень понравилось вчерашнее высказывание профессора Гаджиева о том, что абсолютные, или универсальные, ценности не могут заменить нам всего остального. Я думаю, что методологически, теоретически, да и практически необходимо смещение акцентов в дискуссии об этих универсалиях. Мы можем попытаться обсудить вместо универсалий как таковых универсальные способы мышления, универсальные точки зрения, и это будет иметь большое значение и в плане философской теории, и в плане юридической практики, в том числе в сфере международных отношений.

Еще один момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание, — это то, что сегодня как никогда актуальны конструктивные ценности, создание конструктивного социального пространства. Когда мы говорим о конструировании различных юридических

фактов, о переписывании истории, о систематическом создании образа государства как врага и тому подобном, — это отражение социальных процессов, социально-политических систем. В этом плане культурные и иные ценности также выступают результатом конструирования или результатом борьбы систем и технологий конструирования социальной реальности. Я думаю, важно рассматривать универсалии в контексте этих систем конструирования, в контексте столкновения различных сил, позиций и др. Поскольку нынешние Чтения включают в себя вопросы марксизма, позволю себе сказать, что это как раз подлинно марксистская позиция.

К. Е. СИГАЛОВ: — Любая религиозная система содержит универсальные объяснения для всего, что происходит в мире, и поскольку религий очень много, то, надо думать, существует и множество универсализмов, универсалистских сфер восприятия.

С. Н. КАСАТКИН: — Но, говоря о множестве универсалистских восприятий, мы тем самым девальвируем любой универсализм. Вернее было бы сказать о том, что это просто частные позиции, которые провозглашают себя в качестве универсальных.

К. Е. СИГАЛОВ: — Так они частные или универсальные?

С. Н. КАСАТКИН: — Дело не в том, что универсализм объясняет весь мир или его часть, а в том, что какие-то ценности мы признаем как универсальные, объективные, существующие независимо от нас. Мы не должны отвергать чужие ценности. Необходимо учитывать значимость иной перспективы, методологической и практической. Когда мы рассматриваем некие ценности не как основание для наших рассуждений, а как предмет нашего обсуждения, они становятся объектом конструирования в той или иной социальной практике. Если говорить о русской культуре, имеется в виду, что нужно сконструировать русскую культуру, с тем чтобы она была перспективна и приносила конкретные результаты как в существующем мироустройстве, так и внутри нашего общества.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Алексею Алексеевичу Ливеровскому.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Прежде всего хотелось бы отметить, что, по моему ощущению, Лихачевские чтения — это праздник. Собравшиеся здесь выполняют высокую миссию, возложенную на них Университетом профсоюзов, который предлагает им гуманитарные идеи для обсуждения и рационального применения. Я хочу привести один пример, показывающий, насколько важна эта миссия. Сто лет тому назад из России было отправлено три «философских парохода», куда собрали выдающихся ученых и выслали за границу, поскольку их гуманитарные научные представления не соответствовали той «единственно верной» идеологии, которая насаждалась в нашем государстве.

Уехали Питирим Сорокин, Бердяев, Ильин, Лосский, Карсавин, Франк. Какие имена! Это люди, чьи взгляды впоследствии получили широкое распространение за рубежом, но мы потеряли целые философские школы. А через 50 лет кибернетика была признана буржуазной псевдонаукой — только потому, что ее основоположник, Роберт Виннер, был не только выдающимся математиком, но и философом-идеалистом. А теперь скажите, пожалуйста, у многих ли из вас российские смартфоны? Думаю, что нет.

Теперь хотелось бы обратиться к некоторым идеям, высказанным на пленарном заседании. Например, Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов говорил о том, что право есть отображение действительности. Оно не должно превращаться в застывшую догму, должно развиваться и в каком-то смысле создавать ориентиры на будущее. Я хочу предложить рациональный подход к этой идее. Когда мы говорим о праве, мы прежде всего имеем в виду некие регуляторы общественных отношений. Эти регуляторы могут быть разными — например, это нормы, которые регламентируют общественные отношения, и правовые принципы, которые делают то же самое, но по-другому, поскольку у них другой механизм регулирования. Я расскажу подробнее, какой именно, но сначала несколько слов о происхождении этих регуляторов. Норма — это регулятор, который создает государственная власть. В первую очередь это законы, которые могут быть хорошими или плохими. А правовые принципы — это регуляторы, которые определяют те или иные нормы. Некоторые говорят о божественной природе этих принципов, о «религиозном праве», которое все объясняет, — а ведь оно состоит из принципов, взять хотя бы Десять заповедей. Аристотель считал, что эти принципы сложились как обобщение всего опыта человеческого развития.

В чем разница правового регулирования, осуществляемого с помощью норм и принципов? Нормативное регулирование очень жестко, оно осуществляется в полном объеме своего содержания, а правовые принципы действуют лишь в некоторой степени. Принцип разделения властей действует в мире, где управление происходит посредством системы сдержек и противовесов.

Теперь я перехожу к другому тезису, прозвучавшему в докладе профессора Гаджиева. Он говорил о том, что справедливость — это равновесие. Иными словами, она определяется выбором меры, выбором баланса. А справедливость как таковая у каждого своя. То есть, по сути, это фикция. Здесь стоит обратиться к «философии фикционализма» Ганса Файхингера, который придумал так называемую инструментальную функцию фикции: справедливость — это и объективное представление, которое есть у всех, и в то же время субъективное, которое у каждого свое.

Так вот, справедливость у всех разная, но принцип справедливости — это тот принцип, который проводит наш Конституционный Суд в соответствии с тем, что выбрал народ. Он сказал: давайте жить по этим принципам. И Конституционный Суд лишь выбирает меру этих принципов и находит их баланс.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — У меня вопрос. Динамика статутного регулирования, динамика доктрины, отражающей принципы, и динамика судебных решений — все это имеет место?

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Да, конечно.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — То есть динамика права существует?

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Да, разумеется.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Григорий Феликсович Фейгин, пожалуйста.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Прежде всего хочу выразить огромную благодарность Оргкомитету за возможность выступить. Вчера в ходе пленарного заседания очень часто высказывалась идея возрождения национального эгоизма, нового национализма, который в каком-то смысле противостоит современной глобализации. Изъяны и противоречия глобализации, ее негативные тренды способствуют пробуждению национального эгоизма. Эта идеология, возможно, в дальнейшем определит новый экономический порядок, новую экономическую политику. Напомню высказывание Маркса, чье 200-летие мы отмечаем в рамках нынешних Чтений: «Не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание». Да, с этим тезисом иногда спорят, но в любом случае можно сказать, что любая парадигма, любая теория рождается из осмысления определенных реалий и затем проходит испытание временем, в течение которого реалии могут изменяться.

Еще один момент, который может показаться банальным большинству экономистов, связан с законом возрастания потребностей. То есть люди сегодня хотят жить лучше, чем вчера, завтра захотят жить лучше, чем сегодня. Но в современной экономике этот закон трактуется очень широко. Что значит «лучше»? Это значит прежде всего «стабильнее», то есть необходима уверенность в завтрашнем дне. Также это означает большую степень социальной защищенности, поскольку человек не может быть всю жизнь эффективным конкурентоспособным работником. Он сначала учится, получает образование, потом работает, потом выходит на пенсию. Кроме того, жить лучше — значит получать больше положительных эмоций от жизни. И любая экономическая парадигма воспринимается в том числе с позиции того, приводят те или иные экономические рецепты к позитивному результату или нет.

И вот, говоря об идее социализма, о периоде раскола мира на две противоположные хозяйственные системы, существовавшие в XX веке, нельзя не отметить, что эта идея возникла абсолютно объективно — из сложных реалий XIX века, в которых значительная часть рабочего класса действительно жила очень бедно. И на протяжении XX века, когда мир был расколот, реально существовали две противоположные идеологии. В нашей стране была создана идеология, согласно которой в западном мире царит бесплановое стихий-

ное развитие, вызывающее конкуренцию, которая ожесточает людей, а у нас, наоборот, все планомерно, нет ожесточающей конкуренции, мы планомерно движемся вперед. Дальше мы приводили разные аргументы, убеждая всех, а прежде всего — самих себя, в том, что мы стремительно развиваемся, а если и отстаем в чем-то от Запада, то это отставание быстро сокращается. К концу 1980-х годов все откровеннее стали звучать высказывания о том, что все это, может быть, и правда, но хотелось бы видеть больше товаров на прилавках, одеваться поразнообразнее, иметь в своих квартирах обстановку получше. В целом жить хотелось бы побогаче. И вдруг выясняется, что существующая экономическая система этого обеспечить не может, и нужна другая.

В 1990-е годы, в период обучения в Высшей школе управления в Шпайере, я впервые услышал термин «глобализация». Мы часто его обсуждали на различных мероприятиях. Основная идея глобализации заключалась в том, что она дает выгоду всем: производители могут эффективнее организовать производство, по крайней мере с точки зрения минимизации издержек, а потребители получают более широкий выбор. То есть глобализация нас всех сближает и обогащает.

Но сегодня я бы сказал, что с глобализацией произошло то же самое, что с социалистическими идеями в период существования СССР. Наступило разочарование. Слишком много от нее ждали. Но она не уничтожила социальное неравенство, не решила проблему бедности, и более того, социальное расслоение при ней отнюдь не уменьшилось. Из этого расслоения, как мне кажется, и рождается национальный эгоизм. Все-таки надо учитывать, что национальные институты, национальные государственные образования — самые прочные. И в конечном счете все хотят жить лучше в своих границах, и прежде всего верят в свое национальное государство. Нынешнее обострение противоречий между странами — брексит, противостояние США и Китая, выход США из Тихоокеанского партнерства, многие другие аспекты — это различные формы проявления национального эгоизма. То есть большинство стран укрепляется во мнении, что проблему перехода к экономическому процветанию скорее удастся решить не глобализацией, а какими-то другими способами. И чем больше возникает сомнений в эффективности глобализации, тем сильнее нарастает рациональный эгоизм.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Марк Михайлович Хайкин, пожалуйста.

М. М. ХАЙКИН: — Тема моего выступления — «Влияние экономического образования студентов на развитие культурной среды». Как говорил сегодня А. С. Запесоцкий, существует множество определений культуры. Будучи экономистом, а не культурологом, я могу сказать, что для экономистов культура существует и воспринимается в очень узких, ограниченных рамках. Культура для экономистов — это прежде всего определенный сектор экономики, куда входят те или иные организации и учреждения, большая часть ко-

торых подчиняется соответствующим министерствам и ведомствам.

Когда речь идет об экономике культуры, в первую очередь подразумевается оценка результативности деятельности культурного учреждения. Чтобы было понятно, что я имею в виду, приведу несколько примеров. Для любого экономиста один из важнейших показателей — производительность труда. Но в сфере культуры, науки, повсюду, где трудовая деятельность носит творческий характер, производительность труда профессионала приобретает иррациональную форму. Об этом писал профессор Рубинштейн, насколько я помню, еще 25 или 30 лет назад. И в самом деле, если, допустим, режиссеру поставить какие-то ограничения по количеству репетиций спектакля, или автору художественного произведения — по количеству времени, которое допустимо потратить на литературный шедевр, — это будет выглядеть абсурдно.

Но сейчас мне хотелось бы поговорить о расширенном подходе к культуре. Об этом также упоминал сегодня профессор Запесоцкий: за исключением того, что свойственно человеку от природы, все прочее — как материальное, созданное руками человека, так и нематериальное, — это культура. Мне очень нравится такая трактовка, наиболее расширительная. А с экономической точки зрения все, что человек производит — будь то материальные или нематериальные блага, — трактуется одинаково: как продукты производственной деятельности. Это отсылает нас к вопросу материальной культуры. Без сомнения, еще и сто, и двести, и тысячу лет назад, и сейчас человеческий фактор приобретает разные формы, разное качество содержания, но человек всегда является центром создания любого богатства. Так вот меня, как педагога, и наверняка моих коллег и студентов, занимает вопрос, что означает экономическое образование и как оно влияет на культурную среду, культурное пространство. Здесь мы используем расширенный подход. Культура в широком смысле — это может быть и культура здоровья, и культура быта, и культура семейных отношений и социальных коммуникаций, и — специально обращаю на это ваше внимание — культура производства. И вот здесь мы уже переходим к экономическим, совершенно традиционным вещам. Я, как представитель нашего Санкт-Петербургского горного университета, не могу не вспомнить уже прозвучавшие сегодня термины: ресурсное проклятие, голландская болезнь и т. п. Хочу всех успокоить — самые авторитетные эксперты уже давно доказали, что ресурсов хватит еще на много лет, не на десятилетия, а на сотни. Этому будут способствовать и научно-технический прогресс, и освоение шельфа Арктики, и т. д. Проблема не в том, что мы добываем и продаем сырье, а в том, что по большей части только оно добывается и продается. И об этом сегодня тоже очень много говорили. Это тоже имеет отношение к нашей культуре материального производства.

И в завершение хочу сказать, что нужно, конечно же, создавать институциональную среду для нормальной работы педагога. В современных условиях, по моему глубокому убеждению, педагог должен проводить

развивающие занятия. Вот сегодня возникла небольшая полемика: надо списывать или не надо? Я обычно говорю своим студентам так: «Можете принести хоть всю свою библиотеку — если вы готовились, она вам только поможет. Если не готовились — она вам все равно не поможет». Если человек понимает, что и зачем смотреть, и может выстроить систему собственных аргументов, — пусть списывает на здоровье.

Евгений КАРБОВСКИЙ, IV курс, экономический факультет: — У меня вопрос по поводу ресурсов. У нас очень большое количество газа экспортируется за границу, но при этом огромная часть территории РФ до сих пор не газифицирована. И цены, по которым газ поставляется за рубеж, намного ниже, чем цены, по которым его потребляют местные жители. Как Вы относитесь к этой проблеме?

М. М. ХАЙКИН: — Я к этому факту отношусь в высшей степени отрицательно. Речь даже не о том, много у нас ресурсов или мало. Речь об институциональных проблемах — о системе правовых институтов, о контроле и учете со стороны государства. Давным-давно уже была разработана программа полной газификации всех населенных пунктов, а у нас, по статистике, газифицировано примерно 35–37 %. То есть это не ресурсное, а институциональное проклятие: столько газа — и не можем себя обеспечить.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Елена Сергеевна Садовая, пожалуйста.

Е. С. САДОВАЯ: — Благодарю Университет и организаторов за возможность выступить. Позволю себе вернуться к названию темы нынешних Лихачевских чтений и выделю ключевые слова: «будущее» и «развитие», плюс еще проскальзывающее между ними такое слово, как «вызовы». Хотелось бы связать эти понятия и кратко сформулировать связанные с ними вопросы. Ответов, скорее всего, я уже дать не успею, но вопросы, прежде всего студенческой аудитории, задать хочу. Прежде всего, что же такое развитие, каковы критерии развития и чем оно определяется? На пленарном заседании профессор Толочко сказал, что, к сожалению, развитие не определяется культурой. Тогда чем оно определяется — экономикой, геополитикой? Однозначного ответа на этот вопрос нет, все гораздо сложнее. Расчленение мира на отдельные составляющие — это научный концепт эпохи модерна, а на самом деле мир един. Откуда, собственно, возникает спрос на междисциплинарность? Дело в том, что у науки, расчлененной на отдельные отрасли, нет даже единого языка, чтобы описать все то, что сегодня происходит. Обращаясь к студентам, хочу сказать: именно вам предстоит формулировать новый понятийный аппарат и новый язык науки, которым возможно будет описать новую социальную реальность. Во многих вчерашних выступлениях говорилось о том, что мы подошли к некоему рубежу, и та система мироустройства, которая сложилась в последние 300 лет, вскоре прекратит свое существова-

ние. И кризис этой системы мы уже сейчас наблюдаем в разных проявлениях.

С одной стороны, мы наблюдаем взрывное, фантастическое развитие технологий. Есть, например, «генетические ножницы», которые могут, оказывается, конструировать нового человека. Не Господь Бог создает, а хирурги и генетики. Есть цифровой аватар личности, который, по словам Германа Грефа, в ближайшее время станет важнее самой личности. Я думаю, что студенты знают, чем отличается цифровая тень от цифрового двойника, а это значительно расширяет рамки промышленности. Все эти явления задают совершенно новый формат экономики. Наиболее прорывные технологии — искусственный интеллект и машинное обучение. Нас уже не удивляет общение с чат-ботами, мы коммуницируем с ними в Интернете вполне успешно. Но, с другой стороны, одновременно с этим взрывным развитием технологий мы наблюдаем развитие масштабных социальных дисбалансов.

Возникает вопрос: сделали ли эти технологические новшества жизнь людей — даже не скажу «более счастливой», поскольку я экономист и мыслю другими категориями, — но хотя бы социально более защищенной, социально обеспеченной? Ответ однозначен: нет, не сделали. Напротив, фиксируются обратные процессы, даже стагистические. Здесь уже много говорилось о росте неравенства, о расслоении, о социальной незащищенности и т. д. Действительно, все это мы можем наблюдать. Очевидна неэффективность прежних институтов и механизмов. Я хочу сказать, что та новая экономическая реальность, которую мы наблюдаем, которая получила название «Индустрия 4.0» и которую в Германии начали с 2011 года реализовывать, формирует совершенно новую экономику, которая называется «экономика по запросу». Думаю, вы все уже знаете, что такое «экономика по запросу» и «Интернет вещей», и как они меняют нашу экономическую реальность. Но обратной стороной этой экономики становятся занятость по запросу и труд по запросу, которые делают современного работника фрагментированным, социально незащищенным, в высшей степени уязвимым. Поэтому, как правильно заметил академик Макаров, это уже не столько цифровая экономика, сколько новый цифровой мир. Это действительно новая социальная реальность, и в этой социальной реальности мы становимся все менее и менее защищенными. Эту глобальную уязвимость людей можно назвать самой главной угрозой цифровизации экономики. Ведь в условиях все более углубленного разделения труда все мы стали очень зависимыми от занятости. Мы не можем представить себя вне сферы экономики. Мы можем обеспечить свое существование только встроившись в глобальные цепочки разделения труда. Но, с другой стороны, рабочих мест становится все меньше, и не случайно появляются такие термины, как «хайтек-люмпен» — бесполезные, не занятые люди, «киберпанк» и т. п. И это уже не слова из фантастических романов, это термины, описывающие новую социальную структуру современного общества.

И последнее. В Китае в качестве эксперимента создали своего рода модель нового общества — в круп-

ных городах разместили повсюду несколько сотен миллионов видеокamer, которые должны будут следить за поведением граждан, и в соответствии с ними будут получать бонусы или штрафы. По итогам для каждого будет установлен так называемый индекс социальной благонадежности. Вот такое общество полной цифровой подконтрольности в условиях «безлюдной» экономики нам готовят. Давайте все же остановимся на секунду в этой технологической гонке и подумаем о социальных последствиях тех технологических новаций, которые мы внедряем. Попробуем нарисовать себе образ будущего, в котором мы хотим жить, а потом соотнести его с современными тенденциями развития.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Львович Энтин, пожалуйста.

В. Л. ЭНТИН: — Хотелось бы прокомментировать некоторые идеи, которые здесь прозвучали. Первое. Четвертая промышленная революция в области техники без международного права и подкрепляющего его права национального произойти не может. Проблема связана с тем, что право консервативно, оно всегда отстает от жизни и решает проблемы вчерашнего дня, столкнувшись с проблемами сегодняшнего. Хотя это скорее комплимент. Теперь приведу конкретный пример. Я обозначил тему своего выступления как «Оцифрованная культура и авторское право». Скажем еще проще: автор — это человек, чьим творческим трудом создается произведение. Право у нас достаточно гуманно и условно, оно охраняет любое физическое лицо, чьим творческим трудом создается произведение, независимо от его назначения и качества. На самом деле это не совсем так: по факту охраняется только то произведение, которое оказалось востребованным и использованным. Какая на сегодня сложилась ситуация? Результат любой интеллектуальной деятельности — будь то текст, картина, фильм, гениальное произведение или банальное бумагомарание, — существует только тогда, когда ему придана цифровая форма. Мы сейчас перешли к другому способу потребления культуры. Если какие-то артефакты не оцифрованы и не предоставлена возможность доступа к ним, для нас — с точки зрения гражданского оборота — их как бы не существует. То, что оцифровано, сохраняется. То, что не оцифровано, с течением времени просто-напросто превратится в пыль. Но с этой оцифровкой происходит следующее. Помните знаменитое «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»? То же самое происходит сейчас с автором. С ним заключается договор, а затем происходит отчуждение его исключительного имущественного права, то есть у него отбирается все и сразу. Дальше уже в результате оцифровки, в результате гражданского оборота автора больше нет, есть правообладатель. Образуется огромное количество цепочек, в результате которых произведение оказывается в сети Интернет. Многие из нас занимаются наукой и знают, как «приятно» увидеть свой текст почти один в один в чужом произведении, и хорошо еще, если частично и со ссылкой.

Значит, возникла проблема незащищенности — чьей? Незащищенности автора, потому что нарушаются его права как личности, незащищенности правообладателя. Реакция государства — достанем большую дубину и шарахнем по всем, кто делает возможным техническое обеспечение для такого рода использования. Что происходит, мы видим на примере Telegram. То есть дайте государству дубинку — и оно будет этой дубинкой бить комаров у вас на лбу. Это не самое удачное применение возможностей государства.

В результате всего вышеперечисленного происходит отчуждение человека от результатов его труда. Причем это отчуждение приобретает еще и финансовый характер, так как происходит многократное воспроизведение. В результате самыми востребованными у нас стали профессии юриста и охранника. Охранник охраняет, а юрист объясняет, почему охранник действовал правильно. Что до творческой личности, то никакие ее проблемы не принимаются во внимание. Стало быть, имеет место двойное отчуждение: во-первых, отчуждение личности от права и правоприменения, во-вторых, отчуждение личности от результатов ее труда. Вот в этом проблема, в этом вызов. Что до всего остального — в предыдущем выступлении были хорошо описаны контуры того самого грядущего, которое уже наступает, а если судить по художественным фильмам, наступило уже довольно давно. Давайте пристальнее взглянем в это будущее, чтобы потом не ужасаться.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Дамы и господа, в завершение хочу отметить несколько положительных моментов. Во-первых, прослушав все выступления, можно убедиться в том, что наследие академика Лихачева активно используется и поныне.

То есть наши Чтения — не только дань памяти этому необыкновенному человеку, но и реализация достижений его интеллекта в современных условиях. Второе. Мы рассмотрели ряд острых вопросов, которые обсуждались в разных аудиториях с различных точек зрения. Тем не менее удалось рассмотреть их сквозь призму мирового культурного развития. И наконец, третье. Вглядываясь в будущее, мы должны изучать его не только с позиции опытных профессионалов сегодняшнего и вчерашнего дня. Нам предстоит заглянуть в киберпространство. А это совершенно другой мир. Чтобы изучить его, нужно сломать множество стереотипов, догм, устаревших представлений, которые существовали в прежнем и пока еще существуют в нынешнем мире. Отчасти нам удалось это сделать.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я бы хотел поблагодарить каждого из участников за очень интересные выступления. Мне лично было очень интересно, поэтому я многое записывал. И я совершенно убежден, что сегодня не потратил время зря. Особенно я хотел бы поблагодарить тех ораторов, которые проявили предельную демократичность и апеллировали к большинству аудитории, то есть к студентам, старались говорить для студентов, и мне показалось, что многое из того, о чем они говорили, было студентам понятно.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые участники конференции, позвольте выразить вам огромную благодарность от имени Оргкомитета за интересные дискуссии и пожелать дальнейших успехов. Надеюсь, мы встретимся снова уже на XIX Лихачевских научных чтениях. Наше заседание объявляется закрытым. Еще раз всем спасибо.

Секция 5

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

18 мая 2018 г. Лекционный зал № 3, СПбГУП

Руководители секции:

Г. М. БИРЖЕНЮК	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
В. Г. ДЕРБИН	председатель общественной организации Межрегионального Санкт-Петербурга и Ленинградской области объединения организаций профсоюзов «Ленинградская федерация профсоюзов», председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
А. В. ШЕРШУКОВ	секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор газеты «Солидарность»

ДОКЛАДЫ

Э. Н. Бердникова¹

ВНУТРИКОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ

Все участники рынка от корпорации до компаний малого бизнеса работают над установлением и поддержанием позитивных отношений с воздействующими на организацию группами влияния посредством эффективных коммуникаций. Корпоративные коммуникации являются основой принципов, моделей и механизмов корпоративного управления. Внутрикорпоративные связи с общественностью могут применяться в любой организации вне зависимости от количества ее работников, структуры, вида деятельности и локализации.

Культура — это обработанная, приспособленная для обитания людей среда, преобразованная с помощью специфических человеческих способов деятельности — ее технологий и результатов, позволяющая удовлетворять разнообразные потребности человека, организованного в группы, направляющая человеческое поведение на выживание и развитие. Она содержит нормативные образования, символические элементы, технологии, воплощающие опыт сообщества².

¹ Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Креативные способы инновационных PR в современных интернет-коммуникациях», «Нравственно-философские проблемы рекламы и PR в условиях глобализации», «Тенденции развития массовых коммуникаций в условиях глобальных перемен», «Изменения культуры глобализирующегося мира под воздействием виртуальных коммуникаций», «Феномен информационной зависимости в студенческой среде», «Медиаобразование общественности как основополагающий фактор обеспечения безопасности персональных данных», «Внутрикорпоративный PR и событийный маркетинг» (учеб. пособие) и др.

² Организационная культура: учеб. пособие / авт.-сост. О. Е. Стеклова. Ульяновск: УлГТУ, 2014. С. 12.

Организационная культура представляет собой набор общих подходов, ценностей, традиций, символов, мировоззрения сотрудников организации, выдержавших испытание временем, своеобразное выражение индивидуальности компании, проявление отличий от других. Оценивая любую организацию, вы можете создать полную картину культуры организации, формирующей мнение всех работников компании. Сами работники являются носителями организационной культуры.

Согласно определению француза Луи Саллерона: «Паблик рилейшнз — набор способов, применяемых предприятиями для создания климата доверия в коллективе, а также в среде, с которой им приходится взаимодействовать, и обычно в обществе как таковом — с целью обеспечить поддержку своей деятельности и способствовать своему развитию. В конечном итоге они должны создать гармоничный комплекс социальных связей, порожденных экономической деятельностью в условиях лояльности и правдивой информации»³.

Главными условиями создания такого климата являются: выделение информации в качестве ключевого источника конкурентных преимуществ компаний; пересмотр отношения к процессу создания HR-ценности компании на рынке труда; согласование с другими элементами коммуникационного комплекса (прямой маркетинг, мероприятия для сотрудников, реклама и связи с общественностью, событийный маркетинг); реализа-

³ Шомели Ж., Уисман Д. Связи с общественностью. СПб.: Издат. дом «Нева», 2003. С. 10.

ция веб-представительства компании с корпоративной составляющей; формирование HR-бренда и репутации первого лица¹.

Инструменты внутреннего PR не отличаются от тех, которые традиционно используются в области связей с общественностью. Единственное различие заключается в их специфике, продиктованной аудиторией. Существует много причин, по которым организации должны уделять значительное внимание внутренним коммуникациям. Прежде всего существует закон, согласно которому любая организация должна взаимодействовать со своими сотрудниками Human Resources (HR) — это все, что связано с кадрами, то есть с «человеческими ресурсами» и внутренними коммуникациями. Компания, прикладывающая усилия для взаимодействия с имеющимися и возможными сотрудниками, становится привлекательным местом работы. Внутрикorporативный PR напрямую влияет на деятельность организации, воздействуя на ее репутацию и результативность. В книге «Эффективные внутренние коммуникации» английские практики в области корпоративных коммуникаций П. Маунтер и Л. Смит утверждают: «...если вы относитесь к своим сотрудникам с уважением, то репутация вашей организации только возрастет»².

Суть методики управления культурой организации средствами внутреннего PR состоит в систематизации элементов культуры и методов внутреннего PR. Существует множество обозначений деятельности, основной целью которой являются установление и поддержание позитивных отношений с влияющими на организацию группами (группами влияния) посредством эффективных коммуникаций. Помимо этой цели, выделяют также прогнозирование изменений и событий во внешней и внутренней средах организации, управление реакцией на эти процессы³. Вторая группа целей скорее может быть названа задачами PR, поскольку они ценны не сами по себе, а как средство поддержки корпоративных коммуникаций с группами влияния.

Осведомленность сотрудников о происходящих в организации переменах и понимание сути этих перемен обеспечиваются внутренними коммуникациями. Внутренний PR позволяет повысить приверженность сотрудников делу и ценностям организации, сообщает им основания для гордости за свою компанию, заставляет их чувствовать себя частью единого процесса и получать от этого как дополнительную мотивацию, так и удовлетворение.

Перед тем как воздействовать средствами внутреннего PR на корпоративный дух, рекомендуется опреде-

лить, что представляет собой система ценностей, существующая в коллективе. На нее можно опираться при разработке PR-мероприятий. Для выявления системы ценностей необходимо располагать информацией о количестве сотрудников, их среднем возрасте, образовании. Следует условно разделить коллектив на малые группы, так как в одном подразделении/отделе работают люди со схожими профессиональными ценностями. Кроме того, рекомендуется исследовать существующие и наиболее развитые каналы коммуникаций между сотрудниками (практика и этика общения по e-mail, корпоративные издания и иные способы обмена информацией).

Содержание данных методов позволяет системно наращивать ключевые компетенции, анализировать результаты завершенных проектов и делать соответствующие выводы. Внутренний PR располагает богатым набором средств для формирования приверженности сотрудников. Эти средства повышают не только причастность к общему делу, но и эмоциональное воздействие (например, корпоративные праздники — день рождения компании, Новый год, завершение года (подведение итогов) и игровой момент, когда любой сотрудник может предложить кандидатуру своего коллеги в качестве «сотрудника месяца»). Безусловно, каждое средство обладает своими преимуществами и недостатками. Важно, чтобы их использование не являлось самоцелью. Безыдейный корпоративный праздник вызовет скорее раздражение сотрудников, нежели повысит их приверженность⁴.

Организация действует в среде клиентов, инвесторов, сотрудников и партнеров, конкурентов (и всех тех, на кого она может повлиять непосредственно), а также социальных, правительственных институтов (на которых большинство организаций если и может повлиять, то только косвенно). Оказанное организацией воздействие не может гарантировать, что в целевых группах произойдут изменения. В то же время изменения в группах влияния воздействуют на организацию и заставляют ее адаптироваться, то есть вести себя как открытая система.

Организационная культура может подвергаться анализу как интегральный и результативный инструмент управления компанией только в том случае, если существует сформированная неизменная структура доминирующих ценностных ориентаций при наличии определенной иерархии организационных ценностей рабочего коллектива, которая будет составлять суть культуры организации.

¹ Бердникова Э. Н. Нравственно-философские проблемы рекламы и PR в условиях глобализации // Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции : materials of the International Scientific Conference on October 28–29, 2015. Prague : Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2015. P. 32–34.

² Smith L., Mounter P. Effective Internal Communication. L. ; Philadelphia : Kogan Page Publishers, 2008. P. 115.

³ Preece C. N., Moodley K., Smith A. M. Corporate communications in construction: Public relations strategies for successful business and projects. Oxford : Blackwell Science, 1998. P. 97.

⁴ Мутасова Е. А. Внутренний PR как метод управления культурой организации // Менеджмент сегодня. 2013. № 4. С. 247.

Г. М. Бирженюк¹,
Б. А. Титов²

МОДИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Труд занимает особое место в истории цивилизации, которая своим появлением и развитием обязана исключительно трудовой деятельности многих поколений людей. В связи с этим труд всегда рассматривался не только как естественное условие человеческой жизни, ведущая форма жизнедеятельности человека и общества, но и как ведущая форма проявления человеческой природы и реализации сущностных сил человека (К. Маркс).

В процессе труда его различные субъекты вступают в многообразные отношения — экономические, правовые, социальные, психологические и другие, которые во многом определяют эффективность, качество и количество продуктов труда, формы взаимодействия между различными акторами рынка труда.

Сегодня социально-трудовые отношения, под которыми понимаются различные формы организации и регулирования трудовой деятельности, не только являются неотъемлемым компонентом любой социально-политической и экономической системы, но во многом определяют тип этой системы, ее конкурентоспособность по сравнению с другими странами.

Эта система во многом зависит от количества и качества рабочей силы на рынке труда, типа политической системы общества, характера экономической модели, уровня развития производительных сил и производственных отношений.

В XXI веке сфера социально-трудовых отношений претерпевает существенные изменения. Они накапливались начиная со второй половины XX века, но их зримые черты оформились и в полной мере проявились в наши дни. Эти изменения вызваны как влиянием глобализации и технологической революции, так и процессами, обусловленными страновыми различиями и национально-культурной спецификой.

1. В экономике и сфере труда промышленно развитых стран неуклонно идут процессы, с одной стороны,

сокращения производственного сектора, с другой — роста сектора услуг. Это меняет соотношение спроса на различные профессии, востребованность работников с различными компетенциями. Сфера образования не всегда гибко реагирует на запросы рынка труда, исчезновение ряда профессий и сфер деятельности, появление новых, что в итоге вызывает структурную безработицу.

2. Человек все больше становится основой и центром социально-экономического развития, и это в числе прочих мер требует постоянного совершенствования системы регулирования социально-трудовых отношений, их гуманизации, профилактики социально-трудовых конфликтов и напряженности. В реальности же в странах Европы имеют место сокращение коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений и их вытеснение индивидуальными трудовыми договорами, уменьшение численности профсоюзов, утрата ими той роли, которую они прежде играли в сфере защиты трудовых прав наемных работников.

Это отчасти обусловлено объективными факторами, к которым можно отнести: а) сокращение занятости работников в ряде отраслей, где шла активная модернизация производства, внедрялась автоматизация и механизация (обрабатывающая промышленность, автопром и т. д.); б) повышение уровня безработицы в связи с высвобождением работников, которых «вытеснили» роботы, роботизированные комплексы и другие меры по оптимизации производства; в) развитие экологических движений и программ, усиление конкуренции, совершенствование законодательства в области прав работников, повышение уровня гарантированной зарплаты и другие факторы, побуждающие предпринимателей переводить производство в регионы, где действуют менее строгие экологические нормативы, более низкая цена рабочей силы, более близко расположены сырьевые источники и др.; г) трудовая миграция в развитые страны, которая вызывает приток дешевой рабочей силы и усиление конкуренции на рынке труда; д) все большее распространение так называемых инновационных форм занятости (фриланс), где работник сам регулирует объем, формы, оплату и другие параметры своего труда.

Названные явления, как представляется, во многом будут определять характер социально-трудовых отношений в XXI веке. Можно в общих чертах наметить будущую ситуацию, элементы которой уже сегодня существуют в сфере труда:

— работник, имеющий строго определенную квалификацию и обладающий набором очерченных профессиональным стандартом знаний, умений и навыков, будет востребован все меньше, но увеличится спрос на специалиста, способного оперативно реагировать на те или иные трудовые задачи и конструировать сред-

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Глобальные информационные вызовы и информационная безопасность», «Время и социальные институты как универсалии культуры», «Социально-культурные синхронизаторы и регуляторы» (науч. ред.), «Мониторинг социально-трудовых конфликтов в России: теория, методика, технологии» (в соавт.), «Трудовой арбитраж в сфере коллективных споров: история и современность» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России: основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования и среднего профессионального образования (2016). Почетный профессор СПбГУП.

² Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор 60 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Социализация детей, подростков и юношества», «Досуг в США» (в соавт.), «Формирование готовности к браку у студенческой молодежи», «Сенситивные периоды развития природных задатков детей, подростков и юношества», «Педагогика сотворчества как механизм обратной связи между индивидом и обществом в процессе социализации детей, подростков и юношества» и др.

ства ее решения на основе проектного видения процесса, умения нестандартно подходить к ситуации;

— в связи с этим потребуются расширение форм вовлечения работников в производственный процесс на правах его полноценных участников, заинтересованных в успехе, достижении максимальных результатов. Это возможно на основе новых, более гибких форм организации труда. На смену отделам, участкам, бригадам могут прийти функциональные коллективы — группы, объединения и тому подобное, которые состояются из людей, способных максимально эффективно решать конкретные задачи за счет использования возможностей каждого из участников; данная система в необходимых случаях позволяет привлекать работников, которые в штат не входят, но на определенном участке могут внести вклад в решение задач;

— это, в свою очередь, потребует изменения складывающейся на протяжении столетий философии производства, технологий менеджмента, моделей разделения труда — переноса акцента на гибкие графики и режимы работы, пересмотра понятий «рабочее место», «дисциплина труда» и пр.;

— отсюда — изменения в оплате труда. Фиксированная система оплаты труда (оклад, тарифная сетка и т. п.), скорее всего, уступит место гибкой системе материального стимулирования, которая позволит

адекватно оплачивать труд каждого работника в соответствии с его вкладом в общее дело. Данная система должна включать систему премирования за конкретные идеи, решения, действия, творческую активность, инновационность — за все, что приводит к результату, находящему выражение в конкретных продуктах труда, финансовых показателях;

— в таких условиях необходима принципиально новая система социально-трудовых отношений. Руководители различного уровня и трудовой коллектив должны рассматривать себя и действовать как единая команда, в которой царит атмосфера доверия, ценится индивидуальность каждого работника, его творческий потенциал, лояльность к фирме;

— это возможно в ситуации подлинно партнерских отношений всех сторон социального партнерства, где стороны не столько защищают каждая свои интересы, сколько совместно ищут пути и средства достижения результатов, повышающих качество жизни, уровень благосостояния работников, возможности решения социальных вопросов и т. д.

Как представляется, элементы всего этого прослеживаются в современной России, но чаще всего в виде единичных случаев. Изучение такого рода опыта позволит на научной основе оперативно реагировать на те изменения в сфере труда и социально-трудовых отношений, которые несет современная цивилизация.

Л. Ф. Лебедева¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ: «РЕВОЛЮЦИЯ ТРАМПА»

Происходящие в мировой экономике процессы глобализации, кардинальные технологические перемены сопровождаются углублением разрыва между экономическим ростом и улучшением социальных индикаторов, увеличением числа трудоспособных лиц вне рабочей силы, снижением социальной защищенности населения в результате реформирования государственных систем социальной поддержки граждан, усилением неравенства на глобальном, региональном, национальном уровнях².

¹ Руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук, профессор (мировая экономика). Автор более 270 научных публикаций, в т. ч.: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века», «США: государство и социальная политика», «Бюджетные приоритеты США», «США: государство–человек–экономика: региональное измерение», «США: государство и социальное обеспечение», «Приоритеты научно-технологической политики США», «Государство и развитие человеческого потенциала в конце XX — начале XXI в.», «Позиции США в международной торговле на новом этапе глобальной конкуренции», «Федеральный бюджет в период президентства Барака Обамы» (отв. ред.) и др. Член редакционных советов журналов «Международная торговля и торговая политика»; «США–Канада: экономика, политика, культура», «Россия и Америка в XXI веке».

² Employment Outlook. OECD. 2017.

Пересмотр действующим (с 20 января 2017 г.) президентом США Д. Трампом задач внутри- и внешне-экономической политики страны в русле «Америка прежде всего» (*“America the First”*) стал новым вызовом не только для международной торговли, экономических отношений субъектов мирового хозяйства, но и для миллионов занятых за пределами США в производстве продукции, поставляемой на американский рынок, а также на зарубежных предприятиях американских компаний. Создание качественных рабочих мест, их защита от иностранной конкуренции, возврат рабочих мест зарубежных филиалов американских компаний на территорию США были признаны одним из ключевых национальных приоритетов на высшем государственном уровне.

В самих Соединенных Штатах, несмотря на вполне благополучные в целом по стране ключевые индикаторы в сфере занятости³, на которые сделал акцент в своем ежегодном послании Конгрессу «О положении в стране» (*State of the Union Address, January 30, 2018*) Д. Трамп, ситуация характеризуется длительным устойчивым снижением участия трудоспособного населения в рабочей силе; ставшими привычными

³ В январе 2018 года число занятых увеличилось на 200 тыс., в том числе в обрабатывающей промышленности на 15 тыс.; уровень безработицы составлял в целом по стране 4,1 %.

диспропорциями безработицы по возрастному, расово-этническому признаку в зависимости от уровня образования; появлению новых признаков усугубления неравенства по доходам, доступности социальных программ для трудящихся по месту работы¹.

Идеи Д. Трампа относительно возврата производства американских ТНК в США, восстановление «справедливости» во внешнеэкономических отношениях с целью защиты производителей, действующих на американском рынке, и соответственно рабочих мест, безусловно, повысили уровень его поддержки электоратом. Вместе с тем введенные в начале 2018 года меры по ограничению импорта стали, алюминия, солнечных панелей, стиральных машин, а также угроза новых протекционистских шагов со стороны США усиливают неопределенность для всех акторов мирового хозяйства и создают дополнительные риски напряженности в их отношениях.

Внешнеэкономический курс Д. Трампа прямо и косвенно затрагивает положение миллионов граждан в странах мира, с которыми США поддерживают торгово-экономические отношения, в частности занятых в компаниях, ежегодно поставляющих на американский рынок товарную продукцию более чем на 2 трлн долларов (по оценке на 2017 г., объем импорта составил 2,36 трлн долларов)², занятых на зарубежных предприятиях американских ТНК (около 16 млн человек)³.

Традиционные (в течение длительного периода) призывы американских лидеров к свободной торговле, открытым рынкам, либерализации движения капитала не мешали США и раньше использовать торговые барьеры на пути импорта, когда этого требовали национальные интересы⁴. Возможность защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции в целях обеспечения национальной безопасности была законодательно закреплена более полувека назад. Согласно закону о развитии торговли 1962 года (*Trade Expansion Act of 1962*), ст. 232 дает исполнительной власти право назначать проведение расследования эффектов импорта на национальную безопасность страны, и в зависимости от результатов таких исследований президент вправе вводить (или не вводить) тарифы, квоты и т. п.⁵

Закон о торговле (*Trade Act of 1974*) позволил ввести дополнительные таможенные пошлины для защиты американских производителей от импорта (ст. 201), принимать меры в ответ на «несправедливую» торговую практику (ст. 301). Вступление данного закона в силу совпало по времени с началом эры перманентного внешнеэкономического дефицита США, размеры

которого по торговле товарной продукцией достигли 811 млрд долларов в 2017 году⁶.

Борьба с «недобросовестной» конкуренцией не является изобретением Д. Трампа. Но с его приходом в Белый дом внешнеэкономическая политика стала более прямолинейной, можно сказать, более агрессивной в своей защите интересов американского бизнеса.

В январе 2018 года на основании выводов специально созданной комиссии, что американским производителям «причинен существенный ущерб», были введены таможенные пошлины на импорт солнечных панелей в размере 30 %. В последующие годы они будут плавно снижаться и достигнут 15 % в 2021 году. Однако, по данным ежегодника занятости (*National Solar Jobs Census*), непосредственно с производством солнечных панелей связано всего 14,7 % рабочих мест в данной сфере (2016–2017), а 52 % рабочих мест приходится на установку, 33,3 % — на другие услуги по эксплуатации солнечных панелей; и именно большая часть рабочих мест оказывается под угрозой сокращения в результате мер, принятых с целью ограничения импорта готовой продукции.

В марте 2018 года Д. Трамп подписал указ о повышении импортных пошлин на сталь и алюминий⁷, выполняя свои предвыборные обещания защитить от «недобросовестной конкуренции»⁸ американских производителей. В ответ незамедлительно прозвучали заявления о том, что власти Китая намерены ограничить ввоз соевых бобов из США; Япония и Южная Корея собираются оспаривать в ВТО данную меру США по защите внутренних производителей от иностранной конкуренции.

Д. Трамп обещал быть гибким в повышении тарифов, но на данный момент эту «гибкость» ощутили лишь Канада и Мексика, которые не будут затронуты новыми пошлинами, пока идут переговоры по внесению изменений в договор в рамках НАФТА. Если бы не это исключение, именно Канада и Мексика в наибольшей степени пострадали бы от введения пошлин, с соответствующими последствиями для занятости, так как американский рынок поглощает 87 % объема канадского экспорта стали и 73 % — мексиканского⁹.

Из других стран с наибольшей зависимостью от экспорта стали на американский рынок, создающего рабочие места в данном секторе, можно назвать Турцию (на США приходится 15 % объема турецкого экспорта стали), Южную Корею (12,1 %), не говоря уже о Бразилии, где экспорт в США составляет 34 % от всего объема экспорта стали. Китай лидирует в мире по экспорту стали, но на США приходится 1,1 % общего объема китайского экспорта этой продукции¹⁰.

Последствиями нового внешнеэкономического курса США обеспокоены не только их торговые партнеры.

⁶ US International Trade. Washington, BEA, 2018. Mar. 7.

⁷ На импорт стали введена пошлина в размере 25 %, на импорт алюминия — в размере 10 %.

⁸ Первое место среди стран — поставщиков стали в США в 2017 году занимала Канада; в числе других крупнейших поставщиков — Бразилия, Южная Корея, Мексика, Россия, Турция, Япония, Тайвань, Германия, Индия, Китай (US Steel Imports: US Global Trade Atlas, 2017).

⁹ В метрических тоннах.

¹⁰ US International Trade Administration. Washington, 2017. Dec.

¹ The Employment situation. US Bureau of Labor Statistics. Washington, 2018. Febr.

² US International Trade. Washington, BEA, 2018. Mar. 7.

³ Survey of Current Business. December 2017.

⁴ Достаточно вспомнить, например, меры по защите внутреннего рынка в середине 1970-х годов, в том числе количественные ограничения; «добровольные ограничения» на экспорт в США со стороны японских автомобильных компаний в период президентства Р. Рейгана; введение в начале текущего столетия «временных» повышенных таможенных тарифов на импорт черных металлов президентом Дж. Бушем-младшим (2002).

⁵ US Department of Commerce. URL: <https://www.commerce.gov/what-you-need-know-about-section-232-investigations-and-tariffs>

В самих Соединенных Штатах потребителям придется приобретать продукцию по более высоким ценам, и в случае продолжения наступательного протекционистского курса Д. Трампа разница для американских потребителей может стать весьма ощутимой.

Сокращение импорта готовой продукции в результате введения таможенных пошлин, как, например, в случае с солнечными панелями, может привести к значительному уменьшению числа рабочих мест по сопутствующему обслуживанию импортируемой продукции. Стоит также напомнить, что включенность в глобальные производственные цепочки достигла столь высокого уровня и привела к такой взаимозависимости субъектов мирового хозяйства, что начало торговой войны может обернуться не только созданием, но и потерей рабочих мест в американской экономике в силу того, что значительная часть импорта в США продукции из Китая, Мексики и других стран содержит американские комплектующие.

Действия Трампа по защите рабочих мест от импорта вызывают озабоченность и у американцев, связанных с экспортным производством, рабочие места которых могут оказаться под угрозой сокращения в результате ответных мер со стороны торговых партнеров США. В 2016–2017 годах около 11 млн американцев были заняты в экспортном производстве товаров и услуг¹.

Относительно мер во внутриэкономической сфере расчет действующей администрации на рост занятости связан прежде всего с ускорением экономического роста в результате стимулирующего эффекта снижения налогов (согласно Закону о сокращении налогов и создании рабочих мест (*Tax Cuts and Jobs Act, 2017*)). Административно-бюджетное управление прогнозирует в ближайшие годы экономический рост на уровне 3 % и более (3,2 % в 2019 ф. г.), что должно привести к созданию рабочих мест, формированию благоприятных условий для предвыборной президентской кампании 2020 года.

Впечатляющие масштабы использования налогового механизма для «восстановления величия Америки» (снижение налога на прибыль юридических лиц с 35 до 21 %; уменьшение ставок налогообложения для физических лиц — до 10 %; 12, 22, 24, 32, 35, 37 % вместо 10 %, 15, 25, 28, 33, 35; 39,6 % соответственно), безусловно, будет важным фактором предпринимательской активности и экономического роста. Помимо уменьшения ставок подоходного налога на физических лиц², предусмотрены также увеличение стандартных налоговых вычетов, налоговых кредитов на детей, сокращение налогообложения дарений и наследства, что в ближайшие годы приведет к снижению налогового бремени для большей части населения, выплачивающего налоги. Но наибольшую выгоду от налоговой реформы,

по расчетам Центра налоговой политики (*Tax Policy Center, Washington*) и других аналитических центров, получат американцы с доходами в верхней части шкалы доходов, а наименьшую — в низшей³.

Налоговый механизм был использован в «революционных» преобразованиях Д. Трампа и в отношении Обамакэр⁴ — завоевания Б. Обамы в период пребывания на посту президента. Попытки законодательно упразднить Обамакэр в 2017 году встретили жесткое сопротивление демократов. Поэтому действующая администрация использовала в этих целях указы и бюджетно-налоговые инструменты. Так, согласно Закону о сокращении налогов и создании рабочих мест, отменен штраф, который был введен в период президентства Б. Обамы, если страховой план не был приобретен, и составлял с 2016 года 2,5 %.

Снижение налогообложения физических и юридических лиц осуществляется в США одновременно с уменьшением бюджетного финансирования расходов на социальные цели на фоне значительного роста оборонных расходов, которые, по оценке на 2018 ф. г., должны составить 643,3 млрд долларов, на 2019-й — 688,7 млрд долларов, по сравнению с 598,7 млрд долларов в 2017 году. В отношении расходов гражданского назначения, в том числе социальных, бюджет на 2019 ф. г., представленный администрацией Д. Трампа в феврале 2018 года, в полной мере отражает позицию действующей администрации — опору на рыночные силы, личную ответственность и всеислие экономического роста — для решения вопросов трудоустройства.

Финансирование из бюджетных средств образования, профессиональной подготовки, помощи в трудоустройстве сократилось со 142,9 (2017 ф. г.) до 98,6 млрд долларов (2018 ф. г.) и достигнет 100,6 млрд долларов в 2019 году⁵, что может существенно ограничить для американцев из низкодоходных домохозяйств доступность получения профессиональных знаний и навыков, соответствующих научно-техническому развитию страны. По результатам опроса Gallup в феврале 2018 года, всего 43 % работающих респондентов были уверены, что смогут получить дополнительную образовательную и/или профессиональную подготовку, необходимую для последующего адекватного трудоустройства, в случае потери имеющегося рабочего места⁶.

Особые сложности в поиске рабочего места испытывает молодежь в начале своего трудового пути. Для выпускников школ 2016 года, не поступивших в колледж, уровень безработицы в октябре 2016 года составил среди белых 12,5 %, среди чернокожих — 41%⁷.

В целом для лиц 16 лет и старше безработица действительно достигла в США рекордного низко-

³ Tax Policy Center. Washington, 2017. Dec.

⁴ Реформа здравоохранения, начатая в период первого президентского срока Б. Обамы. Принятие Закона о правах пациентов и доступном медицинском обслуживании (Patient Protection and Affordable Care Act, 2010) Б. Обама считал одним из важнейших достижений своего президентства.

⁵ An American Budget. Fiscal Year 2019. Washington, White House, 2018. Febr.

⁶ U. S. Workers Unsure About Securing Training. Gallup. 2018. Febr. 12. URL: <http://news.gallup.com/poll>

⁷ College Enrollment and Work Activity. BLS. Washington, 2017.

¹ Jobs Supported by State Exports, 2016. International Trade Administration. Washington, 2017. Dec. URL: https://www.trade.gov/mas/ian/build/groups/public/@tg_ian/documents/webcontent/tg_ian_005558.pdf

² Для физического лица, заполняющего налоговую декларацию индивидуально, самая низкая ставка (10 %) предусмотрена с годового дохода менее 9525 долларов, а самая высокая ставка 37 % — с 500 тыс. долларов (Tax Cuts and Jobs Act, 2017. URL: <http://docs.house.gov/>).

го уровня 4,1 % (февраль 2018 г.), но одновременно беспрецедентно высока численность американцев, которые не работают и не пытаются найти работу. В январе 2018 года, по данным Бюро трудовой статистики, насчитывалось 96 743 тыс. американцев вне рабочей силы (на 1337 тыс. больше, чем в январе 2017 г.)¹.

Говоря о последствиях «революции Трампа» в сфере налогообложения, необходимо отметить, что она дорого обойдется американскому бюджету и в перспективе существенно увеличит государственный долг США. Несмотря на значительное уменьшение финансирования по статьям гражданского назначения, налогообложение в ближайшие годы не сможет компенсировать рост оборонных расходов и одновременное снижение поступлений в бюджет в результате налоговой реформы. По оценке Административно-бюджетного управления, в 2018 ф. г. расходы федерального бюджета составят 4214 млрд долларов при доходах в 3340 млрд долларов, обеспечив таким образом бюджетный дефицит в размере 874 млрд долларов (в сравнении с 666 млрд долларов в 2017 ф. г.)².

В ближайшие десять лет (начиная с текущего года), по оценкам Бюджетного управления Конгресса США, снижение налогов приведет к увеличению бюджетного

дефицита на 1,45 трлн долларов. С учетом ожидаемого влияния снижения налогов на рост ВВП данный показатель корректируется экспертами, но не более чем до 1,07 трлн долларов³. В результате государственный долг федерального правительства может возрасти с 20,2 в 2017 году до 30,0 трлн долларов в 2028-м, что, естественно, будет ограничивать расходы на социальные цели.

Победа Д. Трампа на президентских выборах в ноябре 2016 года привела к качественно новому этапу политики США по широкому спектру направлений. Соединенным Штатам, как и другим странам, и в дальнейшем придется адаптироваться к новым финансовым, экономическим, политическим условиям существования в мировом хозяйстве. И предпринимаемые в одностороннем порядке меры могут обусловить не всегда предсказуемые эффекты, создать новые риски, в том числе в сфере занятости, поляризации населения по шкале доходов, поддержки социальной защищенности населения и для самих американцев. Любые торговые, налоговые войны приводят к нарушению сложившихся взаимосвязей и в конечном счете сказываются на трудящихся и их семьях, при этом последствия могут быть далеки от ожидаемых, в том числе для инициаторов таких войн.

А. М. Митяева⁴

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Социально-трудовые отношения в XXI веке воспроизводят в основных чертах ту систему отношений в сфере наемного труда, которая сформировалась в предыдущий многовековой период, однако под влиянием глобализационных процессов, развития научно-технического прогресса, демографических процессов и других факторов здесь происходят значительные изменения и намечаются новые тенденции. Их анализ дает некоторые ориентиры как для определения вектора грядущих перемен, так и для выработки приоритетных направлений социальной политики.

Первое, что привлекает внимание в сфере социально-трудовых отношений на данном этапе развития, — это переход форм занятости от коллективных к индивидуальным. Речь идет о так называемом Е-лансе

(удаленный труд с использованием интернет-технологий), где возможны трудовые отношения на постоянной основе с бессрочным контрактом, временным контрактом и построенные на устной договоренности. К числу новых форм трудовых отношений также могут быть отнесены различные модификации заемного труда. В 2016 году в Трудовой кодекс РФ были внесены изменения, запрещающие в России заемный труд. Однако была внесена и ст. 53, которая регулирует «труд работников, направляемых к другим физическим или юридическим лицам». Фактически это легализует такие формы, как трехсторонние трудовые отношения (через агентские фирмы), аутсорсинг (передачу предприятием определенных процессов и функций, в том числе в лице работников, другой организации) и аутстаффинг (выведение персонала за штат компании; при этом персонал заключает трудовые договоры не с фирмой, являющейся фактическим работодателем, а с организацией-посредником, или аутстаффером).

Эти явления часто сопровождаются заменой в значительной степени коллективно-договорных форм отношений между работодателем и работниками индивидуальными договорами. Нередко такие отношения претерпевают еще одну модификацию: «контактные» формы взаимоотношений между сторонами трудовых отношений, когда работники находятся вместе в процессе труда и менеджмент имеет возможность непосредственно руководить их деятельностью, сменяются

¹ Employment Situation. Washington, BLS, 2018. Febr.

² An American Budget. Fiscal Year 2019. Washington, White house, 2018. Febr.

³ Tax Policy Center. URL: <http://www.taxpolicycenter.org/>

⁴ Заведующая кафедрой социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 220 научных публикаций, в т. ч.: «Организация научно-исследовательской деятельности обучающихся» (в соавт.), «Interethnic communication and interaction of students in their professional training» (в соавт.), «Psychological counseling strategies for women regarding their level of fulfillment of need for personal development» (в соавт.), «Альтернативные способы разрешения споров в деятельности учебно-научно-практического центра разрешения конфликтов», «Разрешение конфликтов в социальной среде» и др.

на дистанционные отношения. Работник в ряде случаев находится на значительном удалении от работодателя и других работников, выполняющих сопряженные трудовые операции. В итоге мы имеем феномен дистанционных социально-трудовых отношений. Оценить перспективы данной инновации можно только приблизительно. Ясно, что они будут иметь амбивалентный характер. С одной стороны, новые формы занятости способствуют повышению гибкости и диверсифицированности рынка труда, вовлечению в трудовую деятельность экономически неактивных (по различным причинам) групп населения (лиц с ограниченными возможностями, проживающих в удаленных местностях, имеющих малолетних детей, многодетных и т. п.), что в итоге позволяет сократить безработицу. С другой стороны, новые формы занятости пока в полной мере не обеспечены законодательно, что порождает определенные риски для всех сторон трудовых отношений: работников, работодателей и государства. Следует отметить, что эти риски (неопределенности, касающейся занятости, условий и безопасности труда, его оплаты и т. п.) распределяются асимметрично: больше всего рисков выпадает на долю работников.

В целом мы сегодня наблюдаем процесс деинституционализации труда, который проявляется в распространении новых форм занятости, а также в явлении, которое получило название «прекаризация» (от *англ.* *precarious* и *лат.* *precarium* — сомнительный, опасный, рискованный, нестабильный).

К прекариату относятся люди, постоянно работающие на условиях временного найма, работающие неполный рабочий день, занятые на сезонных работах, имеющие случайные, разовые приработки, безработные, люди, оказывающие услуги на дому (няни, сиделки, маникюрщицы, парикмахеры, массажисты, дизайнеры, мастера по ремонту и настройке компьютерной техники и т. д.). Количество таких людей постоянно растет. Вице-премьер Правительства РФ О. Ю. Голодец отметила, что «38 млн людей трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества. Мы не знаем, кто они и где они работают»¹. Как правило, неформальные практики трудовой занятости (работа без оформления контракта, поденная работа, работа на нелегальных производствах) порож-

дают трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время. Дерегуляция трудовых отношений приводит к ущемленной правовой и социальной позиции работника. В связи с этим можно говорить о том, что в перспективе традиционное понятие «пролетариат» сменится на новое понятие — «прекариат».

Еще один аспект будущего в социально-трудовых отношениях связан с возросшей инновационностью в сфере труда. Она проявляется в структурных изменениях, которые влекут за собой сокращение количества рабочих мест, исчезновение многих специальностей и необходимость переучиваться или менять сферу деятельности, повышение психологической нагрузки на работников. В итоге имеет место рост протестных настроений в трудовой сфере. Общество все чаще сталкивается с явлением, которое в психологическом плане воспроизводит настроения луддитов в начале XIX века. Как наиболее яркое проявление инновационности можно рассматривать все ускоряющийся процесс роботизации и компьютеризации производства. Роботы вытесняют целый ряд профессий и выполняют возложенные на них операции лучше людей-работников (сварочные, кузнечные, сборочные и иные работы). Искусственные нейронные сети и другие интеллектуальные системы уже начинают вытеснять работников из сфер, где ранее был востребован интеллектуальный потенциал специалиста (бухгалтерское дело, банковский сектор, кадровые службы, отдельные сегменты рынка медицинских, юридических и других услуг).

Как представляется, многое из того, что было упомянуто в данном докладе, пока существует в основном в виде тенденций. Исторический опыт свидетельствует о том, что человечество постоянно ищет (и находит) баланс между силой и разумом. Сила в данном случае — это способность создавать «умные машины», вытесняющие человека из процесса труда (четвертая технологическая революция), порождение новых форм занятости и стилей жизни, несовместимых с прежними моделями трудовой деятельности. Разум — это нахождение новых гибких форм трудовой занятости, совершенствование правового регулирования рынка труда, развитие системы социального партнерства и многое другое, что пока находится за горизонтом наших предсказаний.

¹ Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апр.

М. С. Мотышина¹**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ НА РЫНКЕ ТРУДА
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Социально-трудовые отношения зависят от множества разнообразных факторов, которые в значительной степени обусловлены фундаментальными сдвигами в сфере экономики и на рынке труда, происходящими с начала XXI века. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего необходимо отметить общий рост численности занятых в экономике России в период с 2000 по 2018 год на 11,7 % (с 65,1 до 76,4 млн человек). При этом произошли существенные структурные изменения. Так, с 2000 по 2015 год доля в общей занятости первичного сектора (сельское хозяйство и рыболовство) сократилась с 14,1 до 9,4 %, вторичного (промышленность и строительство) — с 30,4 до 27,0 %, а третичного (сфера услуг) — выросла с 55,5 до 63,6 %². Таким образом, сфера услуг лидирует в ВВП не только по объему производимой продукции (услуг), но и по численности занятых. Это не может не учитываться при формировании направлений социальной и экономической политики.

Сама сфера услуг, как известно, весьма неоднородна, в том числе по динамике отдельных секторов. Например, в деловых услугах численность работников выросла (за вышеуказанный период) на 160 %, в финансах — на 90 %, в торговле — на 46 %. Продавцы — одна из самых массовых профессий в России, их доля в 2015 году составила 6,8 % от общей занятости. К массовым профессиям (то есть таким, где доля занятых составляет более 1 %) также относятся водители (7 %), школьные учителя (2,7 %), бухгалтеры и специалисты по финансам (2,4 %), врачи (1,3 %), медицинский персонал по уходу (1,9 %), охранники (1,8 %), работники сельскохозяйственного производства, лесного хозяйства и рыболовства (2,5 %), руководители производственно-эксплуатационных подразделений (1,6 %) и ряд других³. В целом доля массовых профессий в России составляет чуть менее половины всех занятых. Это очень высокая профессиональная концентрация, которая свидетельствует о недостаточной дифференциации специальностей. Для сравнения: в США доля массовых профессий составляет 30,5 %, в Великобритании — 23,8 %. Во всех сравниваемых странах в число массовых профессий входят учителя и меди-

цинский персонал. При этом Россия — единственная страна, где массовой является профессия врача. В то же время в нашей стране нет такой массовой профессии, как работник, оказывающий индивидуальные услуги на дому, в отличие от США и Великобритании. В состав массовых в Великобритании входит больше квалифицированных профессий, чем в США и России. Тем не менее в России в настоящее время 62 % занятых — «белые воротнички», лишь 38 % — «синие». Все это свидетельствует об особенностях профессиональной занятости.

Спецификой российского рынка труда является его высокая адаптивность к изменениям конъюнктуры за счет изменения заработной платы. При неблагоприятных условиях происходит снижение не занятости, а заработной платы. В развитых странах — наоборот. Это уникальная российская модель, которая позволяет переживать кризисы без резких социальных потрясений при достаточно низкой безработице. Так, на декабрь 2017 года безработица составила 3,9 млн человек, при этом в 2018-м планируется ее снижение на 100 тыс. Таким образом, безработица составит 5,1 %⁴. Еще одним фактором, обеспечивающим низкую безработицу, является наличие высокой доли неформальной занятости (по оценкам, 20–30 %). Это тоже инструмент обеспечения высокой занятости и низкой заработной платы, поскольку работник, занятый в неформальном секторе, получает зарплату на 15–20 % ниже по сравнению с работником, выполняющим ту же работу в формальном секторе. В целом в России сложился удручающий феномен «работающих бедных» — высокообразованной, но низкооплачиваемой рабочей силы.

К каким сдвигам следует готовиться в ближайшем будущем, например, в отношении востребованности тех или иных специальностей? Ведь известно, что 80 % выпускников российских вузов сегодня не работают по специальности⁵. В ТОП-7 самых востребованных отраслей в России в 2018 году, по оценкам, входят ИТ-технологии, менеджмент, нефтегазовая отрасль, авиация, аудит, логистика и ряд инженерных специальностей⁶. Что же касается общемировых трендов, то, согласно исследованию, представленному в докладе о будущем работы («The Future of Jobs Report») Всемирного экономического форума 2017 года, к сферам деятельности, спрос на которые будет расти в ближайшие 10 лет, относятся: бизнес и финансы, менеджмент, математика и вычислительная техника, архитектура и инженерия, сфера торговли, образование и подготовка⁷. Еще одним существенным результатом, представ-

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Социально-культурная сфера в XXI веке: тенденции, проблемы, перспективы» (в соавт.), «Сфера услуг в постиндустриальном обществе», «Организационные изменения в управлении амбулаторно-поликлиническими учреждениями на основе интеграции», «Управление социокультурной деятельностью: традиции и новации» (в соавт.), «Диагностика инновационной деятельности вуза на основе когнитивного моделирования» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ. Почетный профессор СПбГУП.

² Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: докл. Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда ВШЭ. М., 2017.

³ Профессии на российском рынке труда: анализ. докл. НИУ ВШЭ. М., 2017.

⁴ Невские новости. 2018. 28 янв. URL: <https://nevnov.ru/529152-mintrud-rasskazal-skolko-v-rossii-budet-bezrobotnykh-v-2018-godu>

⁵ Рынок труда. URL: <http://center-yf.ru/data/Kadroviku/Rynok-truda.php>

⁶ Самые востребованные профессии в России в 2018 году см.: <https://info-profi.net/professii-2018/#1>

⁷ The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution Global Challenge Insight Report. URL: <http://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs>

ленным в этом докладе, является характеристика будущих требований к рабочим навыкам (к 2020 г. по сравнению с 2015-м) в различных областях деятельности. К ним относятся: финансы и инвестиции (требования изменятся на 43 %), менеджмент и HR (на 33 %), транспорт и логистика (на 39 %), информационные и коммуникационные технологии (на 35 %), здравоохранение (на 29 %), энергетика (на 30 %) и ряд других. Это означает, что работникам многих сфер придется переучиваться.

Как же изменятся приоритеты важнейших профессиональных навыков в мире в 2020 году по сравнению с 2015-м по мнению экспертов? На первом месте — умение самостоятельно решать нестандартные проблемы (это требование не меняет своей позиции). На втором — критическое мышление (в 2015 г. — координация действий в группе). На третьем — креативность (в 2015 г. — управление людьми). Далее, на четвертом месте — управление людьми, на пятом — координация действий в группе, на шестом — эмоциональный интеллект, на седьмом — самостоятельная оценка ситуации и принятие решений, на восьмом — ориентация на клиента, на девятом — ведение переговоров, на десятом — гибкость мышления. Позиция «эмоциональный интеллект» в рейтинге 2015 года вообще отсутствовала. Итак, всего за пять лет профессиональные навыки должны существенно измениться. Это предъявляет высокие требования ко всем участ-

никам рынка труда, а также к образовательным учреждениям.

Интерес к будущим профессиям проявляют различные эксперты и организации. Так, Агентство стратегических инициатив и Московская школа управления «Сколково» выпустили «Атлас новых профессий»¹. В этом проекте приняли участие почти 2500 экспертов как из России, так и из-за рубежа. В Атласе представлены профессии, которые будут актуальны в среднесрочной (до 10 лет) и долгосрочной (50 лет) перспективах; универсальные навыки и умения, предоставляющие конкурентные преимущества будущим специалистам; рекомендации по выбору вузов, дающих базовую подготовку специалистам профессий будущего; перечень российских компаний, готовых к внедрению новых технологий; профессии, спрос на которые будет неуклонно снижаться. К новым профессиям, представленным в Атласе, относятся, например, такие, как переводчик между поколениями, сити-фермер, биотехнолог, урбанист-эколог, лидер сетевых коммуникаций, ГМО-агроном, биоэтик и другие, в том числе весьма экзотические. Несмотря на относительность прогнозов, касающихся профессий в долгосрочной перспективе, они важны, потому что рынок труда формируется под воздействием не только неуправляемых, но и целенаправленных воздействий, которые определяют векторы социально-экономического развития общества.

Н. Н. Покровская²

ЦИФРОВАЯ ЭПОХА И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СТРАТЕГИЮ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМ В ТРУДЕ

Гуманистическое направление социальных наук исходит из целей развития общества, связанных с ростом возможностей личностной самореализации. Такого рода анализ позволяет по-иному взглянуть на проблему луддитов начала XIX века и сопротивления инновациям со стороны сотрудников крупных компаний, обнаруженных в середине 1960-х годов.

¹ Атлас новых профессий. Агентство стратегических инициатив. Сколково. М., 2014. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf

² Заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор кафедры международного бизнеса, доктор социологических наук. Автор 350 научных публикаций, в т. ч.: «Динамика критериальных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных механизмах инновационного роста экономики», «Коммуникационные нейротехнологии и социологический анализ виртуальной идентичности», «Industrial policy design, innovations and quality of institutions: the case of Russia» (в соавт.), «National and supra-national financial regulatory architecture: transformations of the Russian financial system in the Post-Soviet period», «Tax, financial and social regulatory mechanisms within the knowledge-driven economy. Blockchain algorithms and fog computing for the efficient regulation», «Neuro-Technologies For Knowledge Transfer And Experience Communication» (в соавт.) и др. Член-корреспондент Международной академии наук высшей школы. Член редакционного совета и главный редактор журнала «Личность и Культура».

Если экономико-управленческий подход к анализу стратегического сопротивления инноваций ориентирован на преодоление сопротивления и поиск стимулирования работников к участию в новых процессах, то гуманистический подход ищет причины сопротивления для того, чтобы инновации стали естественной частью труда, а не бременем, навязанным административным давлением.

Гуманистический подход исходит из того, что стратегия работников в рамках трудовых отношений оказывать явное сопротивление внедрению инноваций или скрыто саботировать их отражает: а) их тревогу по поводу своего будущего (аналогично луддитам) в связи с угрозой безработицы, а также б) «выученную косность», аналогично понятию «выученной беспомощности»³ — приобретенное убеждение, что попытки улучшить мир в пределах своего места работы будут наказываться, а не поощряться, что нередко происходит при авторитарном руководстве.

³ *Overmier J. B., Seligman M. E. P. Effects of inescapable shock upon subsequent escape and avoidance responding // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1967. Vol. 63 (1). P. 28–33 ; Seligman M. E. P., Maier S. F. Failure to escape traumatic shock // Journal of Experimental Psychology. 1967. May. Vol. 74 (1). P. 101509 ; Seligman M. E. P. Learned helplessness // Annual Review of Medicine. 1972. Vol. 23 (1). P. 407–412.*

Если управленческий подход предлагает «бороться против» указанных двух факторов выбора модели сопротивления, а не поддержки инноваций, то гуманистический подход исходит из необходимости: а) преодолеть ощущение угрозы через создание базового доверия миру (специфического свойства предпринимателей); б) вместо заимствования западных образцов стимулирования участия работников компаний в инновационных процессах на основе давления через KPI и зарплату создавать атмосферу совершенствования мира и личной ответственности каждого сотрудника за его личное благополучие и «качество трудовой жизни» (*qualité de vie au travail*, распространенное во Франции понятие трудовых отношений).

Несмотря на декларативный характер указанных двух рекомендаций, примеры их реализации можно встретить практически повсюду, прежде всего постольку, поскольку их применение чрезвычайно просто. Создание базового убеждения в безопасности опирается на восприятие сотрудником ценности своего труда внутри предприятия и на рынке высококвалифицированных работников. Манипулятивные техники предлагают хвалить работника за все его, даже незначительные, достижения (бихевиористская концепция положительного подкрепления), в то же время гуманистический подход опирается на живой, прямой и открытый обмен личностным восприятием ценности сотрудника на линейном уровне коллектива и на вертикальном уровне руководства. Сложность же применения этого простого подхода состоит в базовом недоверии и тревожности самих руководителей, которые опасаются, что если работник будет осознавать свою ценность, он уйдет, найдет другое место работы.

Тревожность и стремление обезопасить себя, омертвляя окружающую реальность, отражают вполне обоснованные стратегии млекопитающих. В условиях пост-современного мира наблюдается тенденция сокращения базовой тревожности на основе общего повышения безопасности жизни с учетом «умной» среды («умный дом», «умный город») и умных устройств (от смартфонов, сообщающих о погоде в месте геолокации владельца, до умных автомобилей, позволяющих на основе анализа данных из внешней среды заранее включить торможение при внезапном препятствии движению). Это означает, что очень скоро на смену поколений, которые выживали благодаря готовности к опасности (стратегии драться — бежать — притвориться мертвым), придут молодые сотрудники, имеющие более широкий выбор поведенческих моделей, свободные от ограничений тревожности и реакций сопротивления новому.

Решение проблемы выученного недоверия для нынешних поколений связано с практикой принятия на себя ответственности за то, что находится в пределах контроля человека — например, чистота и порядок на рабочем месте, возможность контролировать качество своей работы и гордиться им как для самого работника, так и с помощью «досок почета» и других форм признания. Руководство способно возложить ответственность на каждого сотрудника по меньшей мере за отсутствие плесени в личной чашке для чая или кофе, за политые цветы на подоконнике и тому подоб-

ные подконтрольные каждому человеку вещи. Наличие ответственности и контроля над малой частью окружающей реальности с течением времени позволяет разрастись самостоятельности, инициативности и творчеству до размеров интереса и любопытства к инновациям вместо сопротивления и саботажа.

«Выученная» инновационность и стремление улучшить мир в пределах, доступных конкретному сотруднику на его рабочем месте, могут сменить косность и стратегию сохранения (по сути самосохранения) при условии, что руководство не только будет поощрять самостоятельное принятие решений и ответственности работником, но и будет демонстрировать пример такого поведения: любопытства к новому, личностного правила и дисциплины не как подчинения чужим правилам, а как следования собственному выбранному пути и соответствия установленной человеком для самого себя планке требований.

Гуманистический подход к управлению исходит из двух определений: 1) управление — правило выбора правильного пути, на котором субъект становится все более прав, и 2) управление представляет собой укрепление сосуществования с реальностью. Хотя эти определения трудно найти в учебниках, особенно в западных учебниках по менеджменту, они отражают фундаментальные идеи гуманизма о том, что человек есть мера всех вещей и именно развитие человека составляет цель существования общества, роста экономики и благосостояния и развития государства.

Говоря о необходимости модернизации и «перевода» российской экономики на инновационные рельсы, целесообразно задуматься о том, что следующее поколение российских граждан не только уйдет вперед по пути постмодернизации (преодолевая целерациональное¹ наваждение модернити²), но и сойдет с каких-либо рельсов, поскольку уже поколение Z нередко не понимает произведения классической литературы и следование нормам общества, поскольку нынешним детям чужды и непонятны «рельсы» и ограничения, еще хорошо знакомые даже поколению X и уже менее понятные и не играющие решающей роли для поколения Y, ныне активно занимающего рынок труда.

Гуманистическое развитие общества, таким образом, в любом случае приведет к снижению эффекта сопротивления, но если старшим поколениям для этого необходимо «выучить» новые модели поведения и восприятия реальности, то следующие поколения уже придут в бизнес с базовым доверием к миру и широким выбором моделей, не подозревая о потенциальной угрозе со стороны инноваций или о том, что можно быть «неспособным» или «не в силах» справиться с новым.

Гуманистический подход позволяет сблизить поколения, сделать старших моложе, а молодых мудрее, на основе общей убежденности в перспективах инноваций и способностях каждого человека ими управлять, творчески адаптировать для себя и достигать максимального уровня самореализации.

¹ Weber M. The Nature of Social Action // Runciman W. G. Weber: Selections in Translation. Cambridge University Press, 1991.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

А. В. Путькина¹

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В настоящее время современное общество стремительно развивается в области информационно-коммуникационных технологий, что приводит к созданию умных, быстродействующих компьютеров и внедрению искусственного интеллекта в жизнь человека. Прогресс в науке, развитие искусственных нейронных сетей, робототехники, облачных технологий приводит к эффективному использованию высокотехнологичных методов в экономике, общественной жизни, социально-трудовых отношениях.

Под искусственной нейронной сетью подразумевается математическая модель, программное и аппаратное обеспечение которой построено по принципу биологической сети нервных клеток человека.

Замещение человеческих трудовых ресурсов системами искусственного интеллекта становится распространенным явлением. Эти изменения приводят к тому, что сокращается количество рабочих мест. Очевидно, что такие системы точнее, качественнее и продуктивнее выполняют многие виды работ. Системам искусственного интеллекта не нужны социальные гарантии и зарплата.

Например, компанией IBM разработана система искусственного интеллекта Watson, которая работает с базой данных, понимает естественный язык и отвечает на заданные вопросы. Систему можно использовать в области медицины для диагностики онкологических заболеваний, в финансовой области, для анализа структурированных и неструктурированных данных больших объемов (Big Data).

В японской страховой компании, где была внедрена эта система, в результате были уволены 34 работника. Страховая компания использует внедренную систему искусственного интеллекта в качестве сбора и анализа информации. Система Watson распознает текст, графиче-

ское изображение, аудио и видео, способна изучать данные о госпитализации, хирургических вмешательствах и рассчитывать причитающиеся страховые выплаты больному.

Применение новых информационных технологий, внедрение искусственного интеллекта приводят к тому, что возникают новые профессии, из-за чего становятся ненужными существующие.

По прогнозам, в результате развития систем искусственного интеллекта в ближайшие пять лет более 5 млн человек потеряют работу. Ученые предполагают, что в Японии через 15 лет половина рабочих мест займут системы искусственного интеллекта и роботы.

Работники социальной сферы, офисные и административные работники будут заменены системами искусственного интеллекта, вследствие такой замены возникнет перекос в гендерном балансе, так как в основном замена коснется женщин, которые сейчас работают в данных областях.

Изменение рынка труда, социально-трудовых отношений приводит к тому, что необходимо внести поправки в законодательство, чтобы гарантировать социальную защиту населения.

В данном аспекте стоит обратиться к высказываниям Дмитрия Сергеевича Лихачева, который пишет, что «физический труд возьмут на себя машины, роботы. Вычисления будут делаться компьютерами, так же как чертежи, расчеты, отчеты, планирование. Для этого все больше нужна будет общая интеллигентность человека, его способность создавать новое и, конечно, нравственная ответственность, которую никак не сможет нести машина. На человека ляжет тяжелейшая и сложнейшая задача быть не просто человеком, а человеком науки, человеком, нравственно отвечающим за все, что происходит в век машин и роботов».

¹ Заведующая кафедрой, профессор кафедры информатики и математики СПбГУП, кандидат технических наук. Автор более 150 научных и методических работ, в т. ч.: «The concept of process approach to management», «Динамика концепции развития предпринимательских структур», «Концепция процессного подхода в управлении», «Особенности инновационных предпринимательских структур», «Разработка инновационной стратегии деятельности коммерческого предприятия на виртуальном рынке» и др.

М. Харпутлу¹

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ В СИРИИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И БЕЗОПАСНОСТИ В ТУРЦИИ

Конкуренция между государствами, сообществами, группами по интересам, сословиями, между любыми экономическими и общественными организациями, как и между отдельными людьми, существовала всегда, с доисторических времен до наших дней. Сегодня эта конкуренция стала гораздо более безжалостной, жестокой и смертоносной. Она превращается в конфликты и войны, так что миллионы людей вынуждены покидать свои дома и страны.

Столкновения интересов и конфликт в Сирии породили актуальный и самый сложный гуманитарный вызов в этом столетии. В марте 2011 года миллионы сирийцев были вынуждены покинуть свои дома. Изначально конфликт вызвал огромную волну внутренней миграции в самой Сирии, по большей части в направлении таких турецких областей, как Хатай, Килис, Газиантеп, Шанлыурфа, расположенных у границ с Сирией. Когда в конце 2011 года конфликт начал усиливаться, волна миграции превратилась в волну беженцев, хлынувших в Турцию.

В самом начале кризиса присутствие сирийских беженцев на турецкой территории считалось временным, а теперь стало постоянным. Ситуация не меняется и влияет на настроение и поведение как принимающего сообщества, так и прибывающего. В настоящее время в Турции находятся 227 тыс. беженцев в 25 лагерях, при этом постоянно растут расходы на здравоохранение, образование, продовольственную безопасность, социальные и другие услуги. Несмотря на гостеприимство принимающих общин и огромные усилия правительства и местных властей, 3 млн 334 тыс. сирийских беженцев, проживающих вне лагерей в городах и селах, часто не принимаются в расчет и пытаются выжить в очень сложных условиях. Доступ к информации, регистрации и социальным благам, включая образование и здравоохранение, для них значительно ограничен [1].

Беженцы в лагерях

Турецкое Агентство по стихийным бедствиям и чрезвычайным ситуациям — ведущая структура, которая организует правительственные меры, связанные с приемом беженцев. Хотя изначально агентство создавалось на случай стихийных бедствий, таких как землетрясения, оно перестроило свою работу после прибытия первых сирийских беженцев и реорганизовало свои подразделения на местах, чтобы справиться с расширяющимся гуманитарным бедствием у южной границы

Турции. Это прекрасно организованная и динамичная структура, действующая при полной финансовой и политической поддержке правительства. Турецкое Агентство по стихийным бедствиям и чрезвычайным ситуациям обеспечило потребности беженцев, используя возможности правительственных организаций и министерств. Агентство также взяло на себя строительство лагерей беженцев, условия в которых даже лучше, чем требуют международные стандарты, установленные Организацией Объединенных Наций [3].

Проблемы безопасности из-за сирийских беженцев

В то время как жизнедеятельность лагерей прекрасно организована и обеспечена ресурсами для удовлетворения гуманитарных потребностей, беженцы вне лагерей продолжают испытывать серьезные проблемы, которые необходимо решать.

Вначале, в 2011 году, когда сирийские беженцы только хлынули потоком через турецкую границу, наше правительство предоставило им особый статус, который дает право на защиту, но не на работу. Тогда многие думали, что сирийский режим быстро падет, как еще одна кость домино «арабской весны», а сирийские беженцы смогут пересечь границу уже в обратном направлении и вернуться домой.

Но война в Сирии идет уже седьмой год, поэтому Турции пришлось дать сирийцам возможность работать на официальной основе. Однако лишь немногие воспользовались этим шансом. Один из мотивов правительства, пытающегося урегулировать проблему, — опасения турок, что их заработная плата будет урезана. Общественность выражала обеспокоенность тем, что турецкие граждане окажутся без работы, потому что на их места будут наняты сирийцы за более низкую заработную плату.

Чувствуя политическую ответную реакцию, Турция в январе 2016 года запустила программу по увеличению количества разрешений на работу для беженцев. В настоящее время правительство требует от компаний предоставлять сирийцам такую же заработную плату и другие блага, как и туркам. Но дело продвигается медленно. Из-за этой политики многие граждане Турции потеряли работу, что в ряде случаев привело к усилению напряженности между турецкими и сирийцами работниками.

Кроме того, интеграция сирийцев является политической проблемой. Они более религиозны и консервативны, чем многие турки. В будущем, если наше правительство не примет необходимые меры предосторожности, у мигрантов могут появиться более радикальные настроения.

Сирийские граждане регистрируются для получения турецких удостоверений личности и медицинских услуг, они записывают своих детей в государственные школы, и все услуги, которые получают беженцы, бес-

¹ Губернатор Аланы (Турция), доктор политических наук. Стажировался в Великобритании в области государственного администрирования (1990–1991). В 2003 году получил степень магистра в Институте европейских исследований Университета Экстера (Великобритания); в 2005-м — степень магистра в Институте общественных наук Университета Докуз Эйлюль. Помощник губернатора Измира (2012–2017). Член Ассоциации губернаторов Турции, Комиссии по определению стратегий развития сельских районов, Государственной организации планирования, Комиссии по подготовке плана развития.

платны. Социальные службы Турции перегружены. Ряд столкновений между турками и сирийцами, произошедших в этом году, может означать, что терпение некоторых турок на исходе.

Проблема беженцев в Турции все больше обостряется. В стране растет напряжение, и уже идут дебаты, как и во многих других странах, по поводу того, что сирийцы занимают наши рабочие места, получают привилегии, например молодежь может напрямую поступать в университет, все они получают бесплатную медицинскую помощь и социальное обслуживание и т. д.

У сирийцев очень высокая рождаемость, и это порождает новые проблемы. Если они будут оставаться в Турции достаточно долго, то родившихся сирийцев станет почти невозможно отправить на родину.

Многие беженцы, особенно дети, имеют проблемы со здоровьем, в том числе с психикой, но, похоже, у Турции нет возможности выявить и поддержать их всех. Нам требуется больше психологов, психотерапевтов и психиатров, социальных работников, консультантов и других специалистов, которые могли бы работать

на местах, в том числе детских и подростковых психиатров. От этого во многом зависит безопасность турецких граждан. Международное сообщество должно это осознать и оказать содействие Турции в обеспечении сирийских беженцев необходимой психиатрической и психологической помощью [1].

Литература

1. *Alpaslan A. H.* The issue of Syrian refugees in Turkey / A. H. Alpaslan. — Afyonkarahisar : Afyon Kocatepe University, 2016.
2. *Balkan B.* Immigration and prices: quasi-experimental evidence from Syrian refugees in Turkey / B. Balkan, S. Tumen // Journal of Population Economics. — 2016. — № 29 (3). — P. 657–686.
3. *McClelland M.* How to Build a Perfect Refugee Camp / M. McClelland // The New York Times Magazine. — 2014. — Febr. 13. — URL: http://www.nytimes.com/2014/02/16/magazine/how-to-build-a-perfect-refugee-camp.html?_r=0
4. The issue of Syrian refugees in Turkey. — [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/305319037_The_issue_of_Syrian_refugees_in_Turkey (accessed: 21.04.2018).

А. В. Шершук¹

ТРУД XXI ВЕКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗОВ

Цифровое будущее, а точнее уже настоящее, в части изменения трудовых отношений и профсоюзов можно рассматривать с нескольких позиций. Но при этом хотелось бы отметить следующее: невозможно рассматривать трудовые отношения и цифровизацию вне контекста других общественных отношений, экономических и политических отношений и их динамики.

Потому что если брать только трудовые отношения и цифровизацию, то это изменение типа рабочего места, формы коммуникации между работником и работодателем и т. п., а также переход на заочное общение работника и работодателя, в том числе и в части оформления трудовых отношений, и в трудовом процессе. Конечно, все это влияет на профсоюзы как объединения трудящихся. Но давайте рассмотрим трудовые отношения в контексте изменений в экономике и политике. Если в этом контексте посмотреть на динамику изменения трудовых отношений и отношений «работодатель и представители работников» конца XIX — начала XX века, то схематично это выглядит следующим образом.

Появление крупных промышленных предприятий в XIX веке и соответственно крупных трудовых коллективов, пролетариата, возникновение специфических интересов у этих объединенных больших групп трудящихся. И как следствие — появление организаций, представлявших и отстаивавших эти интересы, — профсоюзов.

¹ Секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность». Председатель Всероссийской политической партии «Союз Трудящихся». Автор книг: «Россия: профсоюзы и рабочие организации» (1991, 1993), «КРО и Александр Лебедь» (1996), «Профсоюзная идеология» (2012).

Последствиями революции 1917 года, создания советского блока и его конкуренции с государствами западного блока стали изменение трудовых отношений, развитие трудового законодательства и расширение прав работников не только в России, но и во всем мире. Собственно, строительство социального государства на Западе — и в части реформ трудового законодательства Рузвельта и Линдона Джонсона в США, и в части европейских институтов согласования интересов работодателей и работников, и в части международных институтов — Международной организации труда — все это в известной мере побочный продукт этой конкуренции.

Далее произошло столкновение коренных, глубинных интересов капиталистической системы в части ориентации на прибыль для собственника и готовности временно поступиться этими интересами ради победы в глобальной конкуренции с советским проектом. К концу 1970-х годов результатом этого столкновения стал приход к власти в США и Великобритании «ястребов», неоконсерваторов — Рейгана и Тэтчер, которые сделали акцент на интересах бизнеса, ВПК, сокращении прав профсоюзов. В краткосрочном периоде это помогло выиграть конкуренцию с советским блоком. А эта победа, в свою очередь, предоставила капитализму доступ к новым огромным рынкам, дешевой сырьевой и рабочей силе. Но, кроме того, с момента развала советского блока исчезла необходимость в поддержании норм социального государства. Соответственно число социальных гарантий стало уменьшаться, а на профсоюзы усилилось давление со стороны работодателей, что привело к существенному снижению их численности. Процесс глобализации распростра-

нил западные технологические требования — но не западные трудовые нормы и социальные обязательства — на открывшиеся рынки. В совокупности это послужило стимулом к росту прибыли транснациональных и финансовых корпораций, основывающихся не на производстве, а на финансовых спекуляциях. Международные институты не смогли удержать ТНК и финансовых спекулянтов в рамках соблюдения этически приемлемой нормы прибыли. Возникло выражение «экономика казино», но дальше протестов дело не пошло. Налог Тобина¹ на спекулятивный капитал принят не был.

Все описанное выше происходило в рамках одного и того же технологического уклада. Но уже примерно с 2010 года началось одновременное развитие нескольких процессов. С одной стороны, капитал освоил новые рынки, эффект от развала СССР был им исчерпан. Стоимость сырья и рабочей силы увеличивалась, сокращая норму прибыли для ТНК. Наиболее ярко это проявилось в процессе перевода ряда производств из Китая — еще недавно производственной площадки для ведущих ТНК — в Африку в связи с ростом стоимости производства и рабочей силы.

Второй процесс был связан не только с развитием интернет-коммуникаций, но и с переводом все более существенного числа функций в цифру, в развитие отдельных программ и сервисов. Этот процесс способствовал росту эффективности производственных процессов и прибыли, а цифровизация стала своеобразной экономической суперкомпенсацией для компаний, которые уже не могли серьезно снижать издержки в работе за счет экономии на зарплатах или налогах. Именно капитал стал инициатором внедрения цифровых технологий, поскольку они не просто эффективнее — они несут серьезное увеличение прибыли. И наоборот — если бы цифровизация не несла ярко выраженного экономического эффекта, эффекта прибыли, — ее бы не было либо она не имела подобного масштаба.

Многие эксперты высказывают мнение, что качественного уменьшения количества профессий не происходит. Возможно, число не меняется. Но изменяется количество занятых в них работников. Скажем, сохранилась профессия «дворецкий». Но теперь это уже штучный товар, чего нельзя было сказать о временах Дживса². Если же говорить о реальном секторе экономики, то ситуация гораздо сложнее. Без алармизма здесь не обойтись. В России за семь лет «Автоваз» сократил численность работников со 100 с лишним тысяч до примерно 40. Если пройти по Магнитогорскому металлургическому комбинату, то там, где льют металл, работники есть. А там, где из металла делают прокат, — пустые цеха. Там уже работает автоматика, роботы.

¹ Налог Тобина (*англ.* Tobin tax) предложен нобелевским лауреатом Джеймсом Тобиным в 1978 году. Данный налог на спот-операции с иностранной валютой преследовал цель введения контроля за миграцией капитала, «снижения избыточной эффективности» на валютных рынках и уменьшения колебаний на рынке ценных бумаг.

² Дживс — персонаж британского комедийного сериала «Дживс и Вустер» (“*Jeeves and Wooster*”), снятого по мотивам романов П. Г. Вудхауса о молодом английском аристократе Бертраме (Берти) Вустере и его камердинере Реджинальде Дживсе.

При этом сокращается не только число работников. Остающиеся работники уже не работают в огромном коллективе, а если коммуницируют, то с небольшим числом коллег. Соответственно, это уже стало проблемой для организаций работников — для профсоюзов. Не секрет, что не только российские, но и западные профсоюзы испытывают сложности с вовлечением в члены профсоюзов на малых предприятиях, на предприятиях торговли и сервиса. Но по сравнению с этими традиционными сложностями ситуация сейчас связана еще и с тем, что процесс цифровизации не только привел к росту числа таких предприятий, но и, если можно так сказать, к атомизации труда. Работа с использованием цифровых платформ — Uber и других — приводит трудовые отношения к индивидуализированным и, более того, к заочным, когда работник и его непосредственный руководитель, представляющий «как бы» рабочее место, вообще не встречаются. Нет трудового коллектива — нет коллективного договора. Вопрос: где здесь место профсоюза и есть ли оно в принципе? Там, где остаются работники, — не в сервисе или торговле, а на производстве — остаются наиболее профессиональные и специализированные в своей профессии работники. Конечно, у них есть не только трудовые отношения, но и возможные проблемы в этих отношениях. Однако в количественном плане их относительно немного. Вопрос: не превратятся ли профсоюзы на новом историческом этапе в подобие средневековых гильдий или цехов, в которые будут объединены работники? Чьи интересы будут защищать профсоюзы цифровой производственной экономики — это большой вопрос.

Поскольку новый цифровой технологический уклад экономически эффективен, приносит прибыль компаниям и на уровне «вау-эффекта» поддерживается населением — конечно, мы не можем с ним бороться, если не хотим выглядеть луддитами на новом витке истории. Но как оценить последствия внедрения этого уклада? Сокращение рабочих мест и высвобождение человека из процесса труда ставит вопрос: чем займутся эти освобожденные от труда люди? Где возьмут средства для существования? Пока что в качестве возможного ответа на этот вопрос некоторые страны пытаются ответить, экспериментируя с безусловным базовым доходом. Но у меня это вызывает ассоциации скорее с Древним Римом и городским плебсом, которому власть бесплатно выдавала хлеб и обеспечивала развлечениями, чтобы те не бунтовали. Но сегодня деньги для этого безусловного базового дохода государство может взять только в виде дополнительного налога с предпринимателей. Будут ли готовы предприниматели поступиться долей прибыли, понимая социальные последствия возможной пауперизации граждан, лишенных рабочего места? Пока что мы наблюдаем только рост социального расслоения в мире и рост доходов наиболее обеспеченной части общества, сопровождаемый уменьшением социальных гарантий и прав профсоюзов. И, кстати, сопровождаемый словами об увеличении возможностей индивида и уникальности каждой личности и словами о социальной экономике...

Как представитель профсоюзов, отмечу еще несколько проблем, с которыми столкнутся, да и уже сталкиваются организации, представляющие интересы трудящихся. Атомизация рабочего места, переход на технологические платформы, предоставляющие возможность удаленной работы, ставят перед профсоюзами проблему коммуникации со своими членами. А с точки зрения отстаивания их интересов у профсоюзов возникает вполне реальная проблема конкуренции с электронными сервисами, которые уже сегодня могут предоставлять как минимум юридические консультации, предложения рабочих мест и пр. Может измениться и структура профсоюзов. Если сейчас мы имеем дело с отраслевыми профсоюзами, то в перспективе мы, повторюсь, можем столкнуться с гильдиями, объединяющими уникальных специалистов, и массами работников-операторов, которые будут выполнять элементарные функции из серии «нажми на кнопку». Но в этом качестве работник-оператор может быть востребован на стандартной операции вне за-

висимости от отраслевой принадлежности предприятия. Это означает, что нивелируется как специализация, так и отраслевая профсоюзная структура. Таким образом, профсоюзная структура может от нынешней отраслевой перейти к территориальной: человек состоит в универсальном профсоюзе. Изменение технологического уклада, качественное сокращение количества рабочих мест могут совершенно естественно «вырастить» новое общество, в котором право трудящихся на свободу объединения в профсоюзы на рабочих местах может быть утрачено просто в силу отсутствия этих самых рабочих мест. Конечно, это негативный вариант прогноза. Но для профсоюзов изменение технологического уклада общества означает потребность в изменении их собственного технологического уклада. То есть аналогичного перехода на новые технологические платформы и в части внутренней организации, и в части коммуникации с членами профсоюзов через мобильные приложения с возможностью обратной связи.

Е. А. Шетулова¹

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТРУД В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

Социально-трудовые отношения современного мира являют собой парадоксальную картину. С одной стороны, изменения в характере и содержании труда весьма ощутимы в том плане, что труд приобретает все более творческий и свободный характер. С другой стороны, наблюдается столь же ощутимый рост отчужденных состояний в сфере труда.

Отчуждение труда выражено в том, что «...предмет, производимый трудом, его продукт противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя»².

В анализе отчуждения труда в отечественной социальной мысли можно проследить ряд четко выраженных этапов: доперестроечная социальная мысль, социальная мысль эпохи перестройки и, наконец, постсоветская социальная мысль. Эти этапы характеризуют несколько отличающиеся акценты в рассмотрении отчужденных состояний, в том числе и в сфере социально-трудовых отношений. При этом можно заметить постепенное выявление некой основной тенденции, заключающейся в переходе от преимущественного исследования отчуждения труда при капитализме к анализу отчуждения труда при социализме. Наивысший пик развития этой тенденции — эпоха перестройки. Достаточно сравнить исследовательские программные установки начала и конца 1980-х годов.

Так, в советский период отчуждение в целом понималось исключительно в качестве явления, присущего капиталистическому обществу, искореняемого социалисти-

ческой революцией и упразднением частной собственности. В социалистическом обществе отчуждение виделось как некий остаток, рецидив, последствие отчуждения труда (при этом само отчуждение труда как базовая форма отчуждения считалось снятым), окончательная гибель которого кроется в построении развитого социалистического общества, в движении к коммунизму³.

Эпоха перестройки расставила акценты иначе. Внимание исследователей оказалось сфокусировано на феномене отчуждения труда не в условиях капитализма, а в условиях социализма. Путь устранения отчуждения постепенно, но все более четко начал видеться в воссоздании института частной собственности, рыночной экономики. В известной мере классическое выражение этого обнаруживаем в работах Т. И. Заславской. Задаваясь вопросом, какой тип общества построен в СССР, Т. И. Заславская однозначно отвечает на него — тоталитарный, резко социально поляризованный. Главное социальное отношение советского общества заключено в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Социальное противостояние этих двух классов носит антагонистический характер. Трудящиеся обездолены, пролетаризированы, люмпенизированы, отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей.

Как изменить такое положение вещей? Этот путь однозначно понимается как «последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы в целях ее замены более эффективной системой “социального капитализма”, сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными га-

¹ Профессор кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, доктор философских наук. Член Российского философского общества.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 88.

³ Нарский И. С. Отчуждение и труд. М.: Мысль, 1983. С. 142.

рантиями для трудящихся»¹. Как видим, абстрактная философская категория «отчуждения» послужила своеобразным «тараном» в разрушении сложившегося советского социалистического общества.

Эйфория перестройки, выраженная в убеждении, что переход к рыночной экономике снимет проявления отчуждения труда, не оправдалась, да и не могла оправдаться. Отчуждение труда в очередной раз никуда не исчезло. Напротив, все постсоветские исследования вопроса демонстрируют его наличие. Суммируя сложившиеся современные подходы к отчуждению труда, выявим основные направления его рассмотрения и основной круг идей относительно отчужденных состояний в сфере социально-трудовых отношений.

Постсоветский период в развитии отечественной философской мысли в рассматриваемой нами области представляет собой своеобразный синтез двух предшествовавших этапов. С одной стороны, имеет место развитие темы отчуждения при социализме, что находит свое выражение в выявлении форм отчуждения в социалистическом обществе, характеристике проявлений отчуждения труда при почти полном игнорировании «кричащих» форм отчуждения, в том числе и особенно в сфере социально-трудовых отношений современной России. Если же эти формы каким-либо образом затрагиваются, то их корни интерпретируются исключительно как историческое следствие трудовой и производственной мобилизации периода «военного коммунизма», системы ГУЛАГа, индустриальной и коллективизаторской мобилизации².

С другой стороны, ряд авторов, не отрицая факта наличия отчуждения труда при социализме, не отбрасывают факта его «присутствия» и при капитализме, в том числе в современной России. При этом оно рассматривается не как вытекающее из советской политической практики, а как следствие сложившейся капиталистической системы, что, на мой взгляд, более адекватно и справедливо. После некоторой общей характеристики непосредственно обращусь к основным идеям и направлениям в исследовании отчуждения труда, имеющимся в современной литературе.

Во-первых, анализируются конкретные проявления отчуждения труда в условиях современного капиталистического производства, как в плане классических проявлений, таких как эксплуатация наемного труда, товарный фетишизм, рента, прибыль, так и в плане возникновения новых форм отчуждения в сфере социально-трудовых отношений.

Действительно развитие современного капитализма неизбежно порождает такие новые формы (несмотря на то что фордистский тип производства сменился постфордистским, возросла автономия работников, увеличилась доля творческих моментов в трудовой деятельности и т. п.). Например, способность к самореализации из «возможности» становится навязанной необходимостью, снижается уровень защищенности

работника, рабочий, обладающий большей автономией, становится несвободен, возникает новая система надзора и многочисленные новые обязанности. Все эти явления — новый этап отчуждения труда. Это значит, что современный капитализм не может обойтись без активного участия наемных работников в процессе производства, но на деле отрицает и разрушает вовлечение человека в его труд³. Кроме того, отчуждение труда больше нельзя ассоциировать лишь с производственной сферой. Ему вполне подвержены и лица творческих профессий, сферы услуг. Медиатизация и информатизация производства, труда и потребления порождает феномен отчуждения нового рода⁴.

Во-вторых, в современной социальной мысли отчетливо прослеживается тенденция не только к философским констатациям и несколько отвлеченным рассуждениям на тему, а проведение социологических исследований, измеряющих степень отчужденности работников, вплоть до выявления «индекса отчуждения».

Широкий спектр результатов социологических исследований отчуждения труда показывает, что в трудовых отношениях и социальной сфере высока степень распространения в обществе чувства социальной несправедливости, что обусловлено рассогласованием между мерой труда и его оплатой, базовыми социальными интересами и правами работников и возможностями их реализации. Это одно из проявлений отчуждения труда. Помимо прочего, свыше половины работников имеют доход, едва обеспечивающий прожиточный минимум, в долгосрочном состоянии бедности и нищеты находятся каждые восемь граждан из десяти. В философском смысле такое состояние — это самоотрицание человека. Причем налицо постепенное усиление отчуждения труда, ибо доля зарплаты наемных работников в реальном секторе экономики составляет 1/3 стоимости произведенной продукции⁵.

В-третьих, в современной отечественной литературе имеют место попытки найти рекомендации для решения проблемы отчуждения труда.

В качестве такого рода рекомендаций предлагается организация социального партнерства, применение партисипативного стиля управления, необходимость различных форм участия рабочих и служащих в управлении, общая ориентация персонала на непрерывный процесс нововведений⁶.

Эти направления и идеи в некотором смысле представляют собой конкретные планы исследования проблемы (социологические, статистические, экономические). Однако есть смысл обратиться и к абстрактно-сущностному плану. Этот план важен, ибо, каждый раз пытаясь снять отчуждение, мы вновь сталкиваемся с ним. Соответственно требуется выявление ряда ме-

³ Григорова Я. Новые формы отчуждения творческого труда в постиндустриальном обществе // *Альтернативы*. 2012. № 1. С. 162–168.

⁴ Колесникова А. А. Проблема отчуждения труда офисных работников // *Master's Journal*. 2015. № 1. С. 281–289.

⁵ Бойков В. Э. Отчуждение труда в социальном измерении // *Социология власти*. 2010. № 2. С. 47, 49.

⁶ Шакиров Н. Ш. Проблемы отчуждения труда. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13787013_34999062.htm (дата обращения: 02.03.2018).

¹ Заславская Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение. URL: ecsocman.hse.ru/data/273/958/1216/01Zaslavskaya.pdf (дата обращения: 02.03.2018).

² Латин Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // *Мир России: Социология, этнология*. 2000. Т. 9, № 3. С. 20–22.

тодологических оснований анализа, которые в перспективе, возможно, позволят избежать повторения такого рода ситуации. Мне представляется, что эти основания следующие.

Во-первых, отчуждение обладает рядом онтологических источников, существование которых делает этот феномен трудноустранимым. Кроме того, оно есть закономерность. Вследствие этого отчуждение присутствует как в антагонистических, так и в неантагонистических обществах. В том числе это касается отчуждения труда.

Во-вторых, отчуждение обладает цивилизационной (социально-культурной) и формационной (социально-экономической) спецификой. Так, рассматриваемое отчуждение труда своей классической выраженности достигает именно при капитализме. Социализм «концентрирует» отчуждение скорее в социально-политической сфере общества. Косвенное подтверждение этого — статистический план анализа отчужден-

ных форм. Большая часть исследований отчуждения при капитализме — это анализ проявлений отчуждения труда. Тогда как рассмотрение отчуждения при социализме — это, прежде всего, анализ таких форм, как государство, классы, социальная иерархия, противоречия личности и государства, личности и общества. И это нельзя считать случайным.

В-третьих, отчуждение обладает не только перманентным, но и процессуальным характером. Другими словами, имеет место историческое движение форм отчуждения. Каждый тип общества либо снимает формы отчуждения, присущие предыдущему типу, либо «переводит» их в соответствующие специфические формы, либо «рождает» ряд новых.

Соответственно, анализ отчуждения вообще и отчуждения труда в частности всегда актуален, а это значит, что исследование проблемы отчуждения будет продолжено.

В. Н. Яковчук¹

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ПОТЕРИ» ИЛИ «КОНЦА ТРУДА»: АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА НА ПРОБЛЕМУ

В преддверии последнего десятилетия XX века широкую известность получила статья американского социолога и футуролога Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?». Дальнейшее развитие идеи о своего рода завершающем состоянии человеческой истории на основе идеологии либеральной демократии автор представил в книге². Позже, оценивая перспективы эволюционного развития человечества в условиях новых научно-технологических возможностей влияния на биологическую природу человека (нейрофармакология, продление жизни, генная инженерия), Ф. Фукуяма высказывает опасение, что этот «постчеловеческий мир» может быть вовсе не похожим на наш сегодняшний мир. Ученый не исключает варианта, что такой новый мир «... может оказаться куда более иерархичным и конкурентным... Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”...»³. Показательна в контексте его прежней концепции «конца истории» высказанная исследователем мысль, что «...конца истории не может быть, пока не будет конца науки»⁴.

¹ Доцент кафедры профсоюзной работы и социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО» (Минск, Республика Беларусь), кандидат социологических наук. Автор более 40 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Институционально-культурные предпосылки разрешения трудовых конфликтов на принципах социального партнерства», «Социальное партнерство в трудовой сфере Беларуси как системный социальный феномен», «Место концепции достойного труда во взаимодействии профсоюзов с социальными партнерами», «Социальный диалог, его место и актуализация в сфере труда» и др. Член редколлегии журнала «Человек. Профсоюзы. Общество».

² На русском языке см.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2015.

³ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2008. С. 308.

⁴ Там же. С. 7.

Речь идет о революционных изменениях в технологическом укладе современных обществ. Авторитетный представитель мирового экспертного сообщества, президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб называет происходящие научно-технологические изменения четвертой промышленной революцией, «...которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение»⁵. То, что это качественно новая ступень в технико-технологическом перевооружении мира, существенно отличающаяся от третьей промышленной революции (компьютерной или цифровой), он обосновывает, во-первых, экспоненциальными темпами ее развития, во-вторых, широтой и глубиной ее воздействия на возникающие под ее влиянием изменения, в-третьих, ее системным воздействием на различные уровни социума, культуру человеческого общества.

К зарождающимся прорывным технологиям К. Шваб относит искусственный интеллект, роботизацию, Интернет вещей, беспилотные автомобили, трехмерную печать, нано- и биотехнологии, материаловедение, способы накопления и хранения энергии, квантовые вычисления. Многие из перечисленных инноваций, считает автор, «...только зарождаются, но приближаются к тому переломному моменту, когда начнут развиваться, наслаиваясь и усиливая друг друга, представляя из себя переплетение технологий из мира физики, биологии и цифровых реалий»⁶.

Динамика и масштабы изменений в научно-технологической сфере нарастают. Наряду с дальнейшими исследованиями и разработками в области развития информационного общества на основе интернет-тех-

⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 9.

⁶ Там же.

нологий актуальными направлениями называют цифровую экономику, массовое внедрение интеллектуальных роботов, блокчейна, криптовалюты. Кардинальные технологические нововведения вызывают изменения существующих социальных связей, ценностных ориентиров личности и общества, содержания труда, всей системы социально-трудовых отношений. Человечество фактически находится «...на пороге формализации отношений между человеком и роботом. Фантастика, о которой вчера писал Айзек Азимов, сегодня обретает реальные черты и требует осмысления»¹. Как результат актуальными темами общественного дискурса сегодня выступают тезисы типа «конец труда...», «отдадим труд машинам...» и т. д.

Четвертая промышленная революция связана с нарастанием неопределенности в перспективах дальнейшего экономического и социального развития, возникновением новых вызовов человеческому сообществу. Один из таких вызовов — будущее труда. Тема о будущем труда как исследовательская проблема не ограничивается только воздействием на труд научно-технического прогресса. На поиск ответов о будущем труда и решение наиболее острых проблем в сфере труда нацеливает мировое сообщество Международная организация труда. Направление усилий в этом движении определяют Концепция достойного труда МОТ, инициативы МОТ в ознаменование ее предстоящего столетнего юбилея, основополагающие конвенции МОТ, другие материалы.

Примером проявления заинтересованности в обсуждении актуальной повестки, предложенной МОТ, является прошедший в апреле 2017 года в городе Минске Международный форум «Профсоюзы и будущее сферы труда» с участием социальных партнеров сферы труда Беларуси, экспертов трудового права, представителей национальных и международных профсоюзных организаций, других участников из 30 государств. Представители белорусской стороны акцентировали внимание на такие мировые вызовы для сферы труда, актуальные сегодня для Беларуси, как кардинальные изменения форм занятости, перспектива невостребованности целых профессиональных групп населения под влиянием научно-технологических преобразований, неопределенность в перечне наиболее востребованных в будущем профессий, несоответствие систем профессиональной подготовки быстро изменяющимся запросам рынка труда, сокращение численности работников, уменьшение их заработной платы и социальных гарантий в результате модернизации и реструктуризации предприятий и др. Представители российской стороны на форуме отмечали, что социальными партнерами сферы труда России с участием экспертного сообщества в 2017 году подготовлен национальный доклад «Будущее сферы труда в Российской Федерации: гуманизация, качественные рабочие места, эффективные институты». Тогда же в РФ была разработана

дорожная карта, включающая комплекс мероприятий до 2019 года, связанных с обсуждением перспектив сферы труда.

Происходящие в производственном секторе экономики современных обществ под влиянием новейших или авангардных (в терминологии Ж. Т. Тощенко²) технологий революционные изменения вызывают необходимость осмысления новых социальных аспектов сферы труда. Осознаваемая сегодня в этой сфере проблематика, а также во многом еще не сформулированные и не ясные направления поиска предстоящих «вызовов и угроз труду» концентрируются вокруг развития новой модели труда и занятости под названием «Работа 4.0». Среди актуальных проблем широкого исследовательского поля в этом направлении называют такие вопросы, как новые возможности цифрового мира и новые риски для экономики и работников в этом мире; появление новых форм сотрудничества и обмена под влиянием развития Интернета вещей; расширение возможностей контроля трудовой деятельности, границ использования инноваций и образовательного пространства; определение перспективных компетенций и квалификаций работников; создание рабочих мест, не привязанных к одному месту и времени; резкое сокращение объемов человеческого труда для людей, обладающих средней квалификацией; увеличение востребованности профессий в сфере предоставления социальных услуг; утрата определенных видов человеческой деятельности и др.³

Современный британский журналист и исследователь Питер Марш, рассматривая 250-летнюю историю промышленного производства и вызываемые им изменения с начала первой промышленной революции, приводит свой вывод о перспективах занятости в условиях развития новой промышленной революции. С одной стороны, число занятых по сравнению с общей численностью населения останется небольшим. С другой стороны, отмечает автор, быстрорастущие сегменты производственного сектора, «... рассчитанные на удовлетворение новых потребностей или основанные на новых технологиях, будут создавать большое количество рабочих мест... Среди рабочих будет преимущественно способные люди с академическим образованием, инженерными и технологическими навыками, позволяющими применять эти навыки к решению широкого круга задач»⁴.

Рефлексия о будущем труда, на наш взгляд, предполагает осмысление социальных последствий четвертой промышленной революции в широком контексте дальнейших перспектив развития человечества в условиях целого ряда вызовов, сформулированных ООН как Цели в области устойчивого развития, направленные на «ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех». Происходящие перемены в сфере труда и вызовы связаны с формированием новой трудовой этики, нового мышления.

² См.: Тощенко Ж. Т., Цветаева Г. А. Социология труда : учебник для вузов. М., 2012. С. 296–298.

³ Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник С.-Петербурга. Социология. 2017. Т. 10, вып. 4. С. 379–380.

⁴ Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М., 2015. С. 417–418.

¹ Москаленко Г. Теория инновационного взрыва // Союзное вече. 2017. 8 дек.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Г. М. БИРЖЕНЮК	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
М. А. БЛЮМ	начальник отдела развития социального партнерства Министерства труда и социальной защиты РФ
В. Г. ДЕРБИН	председатель общественной организации Межрегионального Санкт-Петербурга и Ленобласти объединения организаций профсоюзов «Ленинградская федерация профсоюзов», председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Г. А. КУЗНЕЦОВ	начальник Правового управления — главный правовой инспектор труда Ленинградской федерации профсоюзов
Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА	руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук, профессор (мировая экономика)
Д. В. ЛОБОК	заведующий кафедрой трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент
М. С. МОТЫШИНА	профессор СПбГУП, доктор экономических наук, почетный профессор СПбГУП
А. В. ШЕРШУКОВ	секретарь Федерации независимых профсоюзов России, главный редактор газеты «Солидарность»
Е. Д. ШЕТУЛОВА	профессор Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, доктор философских наук
В. Н. ЯКОВЧУК	доцент Международного университета «МИТСО» (Минск, Республика Беларусь), кандидат социологических наук

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Уважаемые коллеги, наша секция посвящена одной из самых актуальных проблем — социально-трудовым отношениям. В этом зале сегодня присутствует много студентов, поскольку любой научный форум имеет воспитательное и обучающее значение.

Слово предоставляется председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Я, как председатель Оргкомитета Лихачевских чтений, хочу поприветствовать вас и пожелать успехов в работе вашей секции.

В XVIII Международных Лихачевских научных чтениях принимают участие 1,5 тыс. человек, в том числе 750 школьников со всей России, которые представляют свои научные работы, посвященные наследию Д. С. Лихачева. Работой каждой секции руководит президиум, который определяет, в каком формате будет проходить заседание. Хочу акцентировать ваше внимание на том, что не нужно повторять доклады, которые размещены на сайте и потом будут опубликованы

в сборнике, — необходим живой разговор по проблематике социально-трудовых отношений и конфликтов.

Владимир Владимирович Путин сказал мне: «Университет профсоюзов занял свое место в сфере научных исследований и подготовки специалистов. Вы должны продолжать исследования, потому что они востребованы. Необходимо предвидеть, где могут возникнуть конфликты в системе мирового производства. Мы не должны повторять ошибки других стран, нужно учиться на чужом опыте, суметь заглянуть в будущее и понять, что будет происходить у нас». В этом я вижу смысл работы вашей секции.

Сегодня здесь присутствуют один из ярчайших профсоюзных лидеров А. В. Шершук, выдающийся теоретик профсоюзного движения Д. В. Лобок, известный культуролог Г. М. Бирженюк, обладающий широкой методологической базой и экспертным потенциалом (при его участии за последний год наш Университет выпустил 10 книг по проблематике социально-трудовых конфликтов), лидер профсоюзного движения, председатель Совета попечителей СПбГУП В. Г. Дербин, который постоянно ведет переговоры с предпринимателями как член Трехсторонней комиссии Санкт-

Петербурга по регулированию социально-трудовых отношений.

Я рад приветствовать на Лихачевских чтениях представителя Министерства труда и социальной защиты РФ М. А. Блюма, у которого иной, чем у профсоюзов, взгляд на проблемы — государственный. Интересно узнать, как он рассматривает возникающие проблемы и конфликты: предпочитает ограничивать профсоюзы или работать совместно с ними? Вчера в личной беседе М. В. Шмаков сказал мне, что если правительство решит повысить пенсионный возраст, то ФНПР выступят против этого. А что собирается предпринять Минтруда России?

Очень хотелось бы, чтобы сегодня здесь высококлассные специалисты обсудили актуальные проблемы, возникающие в сфере социально-трудовых отношений, причем на некоторых из них нужно заострить внимание с учетом того, что в аудитории присутствует немало студентов — будущих конфликтологов. У молодого поколения впереди много работы в области разрешения социально-трудовых конфликтов, поэтому они должны вынести из нашей дискуссии самое ценное.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Спасибо, Александр Сергеевич. Предлагаю начать нашу дискуссию с выступления секретаря ФНПР, главного редактора газеты «Солидарность» Александра Владимировича Шершукова.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я хотел бы задать общее направление дискуссии. Если учитывать состав участников нашей секции, то роль у меня специфическая, поскольку я не являюсь ученым, как большинство присутствующих. В данном случае мое мнение созвучно позиции профсоюзов относительно того, что сейчас происходит в нашей стране. Интересно проследить как динамику событий, так и их истоки.

Литературное произведение XIX века «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстого начинается следующими словами:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

Рассуждая о том, какие сдвиги сейчас происходят в сфере трудовых отношений в нашей стране и во всем мире, как изменяются социальные отношения, мы должны понимать их истоки. Нынешний формат трудовых отношений начал складываться во второй половине XIX века, когда на территории стран, которые тогда были прогрессивными и передовыми в техническом смысле, зародился капитализм, появились крупное промышленное производство, большие трудовые коллективы, возник пролетариат (класс наемных работников, лишенный собственности на средства производства) и начали складываться сложные отношения между классом наемных работников и классом собственников, предпринимателей, капиталистов. В результате длительной борьбы сформировались два блока: блок западных стран и советский блок, в которых были выстроены свои социально-трудовые отношения.

Можно по-разному относиться к тому, что в течение примерно 70 лет происходило на территории СССР, но нужно сказать, что этот период характеризовался достаточно высоким уровнем социальной защиты работников и соблюдением трудовых норм. Как мне кажется, на этот высокий уровень трудовых норм начали ориентироваться и в странах Запада. То есть в рамках конкуренции советского и западного блоков западные страны были вынуждены подтягивать уровень своих трудовых прав и гарантий до советского, которые наемные работники в нашей стране приобрели благодаря Октябрьской революции. С середины 1930-х и примерно до начала 1950-х годов в крупных западных странах сохранялся шанс на то, что власть перейдет к тем или иным национальным компартиям.

Но дальше в рамках конкуренции между советской и западной системами в странах западного блока к власти пришли неоконсервативные силы — Тэтчер, Рейган и другие, которые делали акцент на развитие военно-промышленного комплекса, сильное давление на профсоюзы как структуру, представляющую интересы трудящихся, и на агрессивные способы выяснения международных отношений (которые, кстати говоря, были достаточно спокойными в середине 1970-х гг. в результате так называемой политики разрядки междунациональной напряженности).

После распада СССР конкуренция на глобальном уровне исчезла, и западные страны начали процесс демонтажа социального государства, которое в этих странах активно строилось в течение всего XX века за счет расширения социальных льгот работникам и прав профсоюзов. На практике это проявилось в усилении давления на профсоюзы, в сокращении прав и гарантий работников. Кстати, в большинстве этих стран в течение последних 10 лет был повышен возраст выхода на пенсию.

Все это происходило в рамках предыдущего технологического уклада, который существовал с конца XIX века. Сейчас происходит переход на совершенно другую технологическую платформу, которая характеризуется индивидуализацией рабочего места, отсутствием традиционных отношений между работодателем и работником (когда вместо работодателя может выступать технологическая платформа типа Uber) и т. п. То есть сегодня работодатель часто обезличен, и рабочее место работника становится все более персональным, индивидуальным, а работник — атомизированным. В этом смысле предыдущий сегмент, на который опирались профсоюзы, — крупные трудовые коллективы — размывается. Это вызов не только будущему стран, но и профсоюзам.

Какие вызовы возникают перед национальными государствами? Процесс роботизации, который сейчас активно внедряется в западных странах, по сути, означает сокращение количества рабочих мест. В России этот процесс пока не столь заметен. У нас всего два промышленных предприятия, на которых производственный процесс полностью роботизирован, но этот процесс когда-нибудь охватит нашу страну в полном объеме.

Там, где действуют роботы, не нужны живые работники. Это во всех отношениях — как экономиче-

ски, так и в социальном плане — выгодно корпорациям. Роботы трудятся круглосуточно, им не нужны льготы и гарантии, у них нет производственных травм, нет интересов, которые нуждаются в защите, и т. д.

Но перед государством возникает вопрос: что делать с людьми, которые лишаются рабочего места? Разные страны, пытаясь решить эту проблему, идут примерно по одному пути — вводят так называемый базовый безусловный доход, когда человеку за то, что он является гражданином определенной страны, регулярно выплачивается установленная сумма денег, достаточная для удовлетворения элементарных потребностей. Эти модели реализованы уже в нескольких государствах.

Но если вспомнить историю, то в Древнем Риме такая модель уже существовала, когда городскому плебсу выдавался бесплатный хлеб, чтобы он не бунтовал. А в нашем варианте этот путь называется «безусловный базовый доход и интертеймент» (индустрия развлечений), он заменил собой древнеримское «Хлеба и зрелищ!». Решения данной проблемы пока не найдено.

Задача, которая сегодня стоит перед профсоюзами, — переход на новую технологическую платформу, то есть общение с членами профсоюза не персонально либо на собраниях, а через мобильные приложения с возможностью обратной коммуникации. Эту задачу профсоюзы пока только формулируют.

Хочу заметить: то, о чем я сказал, во-первых, является частным мнением, во-вторых, не охватывает весь спектр проблем, стоящих перед профсоюзами и трудовыми отношениями как в настоящее время, так и на перспективу, но для начала нашего сегодняшнего разговора эти аспекты проблемы представляются актуальными.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Александр Владимирович, существуют ли другие подходы к рассмотрению социально-трудовых отношений, кроме концепции безусловного базового дохода? В Финляндии внедрение этой социальной концепции возымело результат?

А. В. ШЕРШУКОВ: — В одном из регионов Финляндии была предпринята попытка на практике реализовать идею безусловного базового дохода, но потом они от этого отказались. Этот проект не вызвал всеобщего одобрения со стороны профсоюзов и населения. Представители Федерации независимых профсоюзов России побывали в Финляндии, чтобы посмотреть, как на практике реализуется эта идея. На референдуме в Швейцарии по вопросу введения безусловного базового дохода большинство проголосовало против. Пока не ясно, какую альтернативу государство может предложить работнику, лишаемому рабочего места, кроме этой модели.

Наша концепция, которую пытаются сейчас если не реализовать, то декларировать, следующая: после закрытия крупных предприятий работники пойдут работать в сферу сервиса или малого бизнеса. Непонятно, каким образом они смогут существовать в данном секторе в случае, если закрылось предприятие в моногороде. Люди не могут жить за счет того, что будут продавать друг другу услуги. Откуда они возьмут деньги?

Сфера услуг не сможет вместить всех высвобождающихся работников. Проблема существует, и продуктивных альтернатив ее решения пока не предложено.

В. Н. ЯКОВЧУК: — Неужели в России работают всего два роботизированных предприятия? Когда я покупал машину у официального дилера Kia, мне сказали, что машина российской сборки, а на заводе, где она собиралась, все процессы автоматизированы и роботизированы.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Данные о двух роботизированных предприятиях приведены в авторитетном экономическом издании «Эксперт». Есть крупные производства, где работа в существенной степени автоматизирована. В ноябре 2017 года я посетил Магнитогорский металлургический комбинат: в цехах, где разливается сталь, работают люди, а цеха, где осуществляется прокат стали, практически пусты, люди находятся за их пределами (за пультом управления и пр.). Роботы там используются не в полном объеме. Я же говорил о полностью автоматизированном, безлюдном производстве.

Д. В. ЛОБОК¹: — По статистике, хотя я могу ошибиться, в Америке на 100 работников приходится 37 роботов, а в России — всего 2. Именно это и имело в виду.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Проблема имеет общемировые и специфические российские корни. В советские времена руководители любыми средствами стремились увеличивать численность работников на предприятии. Это давало, с одной стороны, преимущества при формировании фонда оплаты труда, строительстве социальных объектов и т. д. С другой стороны, лишние работники нужны были, чтобы перебирать овощи на овощебазе, выезжать на сельхозработы в колхоз.

В то время экономика была социалистической и такие категории, как рентабельность, себестоимость, приносились в жертву социальным моментам. Сегодня настало время нормальной экономики, которая диктует свои параметры: сокращение кадров, интенсификацию труда, роботизацию производства и др. Причем скорость этих процессов невероятная и существенно опережает нашу готовность к этим изменениям.

Слово предоставляется Людмиле Федоровне Лебедевой.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — За годы, что проводятся Лихачевские чтения, Университет профсоюзов стал одной

¹ Заведующий кафедрой трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент. Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в т. ч.: «Профсоюзное движение. История, теория, практика» (в соавт.), «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга» (в соавт.), «Основные направления и приоритеты информационной работы профсоюзной организации» (в соавт.), «Труд, власть и капитал в Санкт-Петербурге: эволюция взаимоотношений» (в соавт.), «Профсоюзное движение в России. Основные тенденции (2005–2015)» (в соавт.) и др. Награжден медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», нагрудными знаками ФНПР «За заслуги перед профдвижением России», «За активную работу в профсоюзах», нагрудным знаком Федерации профсоюзов Республики Саха (Якутия) «За вклад в развитие профсоюзного движения Якутии», Почетной грамотой ФНПР и др.

из ведущих мировых площадок для обсуждения актуальных вопросов современности. На пленарном заседании всегда дискутируются вопросы геополитики, международных экономических связей, философских, культурологических основ и обсуждается, как все это влияет на человека. На секционных заседаниях есть возможность более предметно рассмотреть проблемы, которые были обозначены на пленарном заседании.

Все мы, хотим мы того или нет, находимся внутри мирового трафика, который стал глобальным. И то, о чем говорил Александр Владимирович, мы вынуждены рассматривать с точки зрения глобализации и реалий глобального мира. Если в трафике определенный участник начинает резко менять траекторию движения, это может привести к непредсказуемым последствиям как для него, так и для тех, кто оказался рядом с ним.

Тематика моего выступления непосредственно касается проблематики нашей секции. Недавно один магистрант сказал: «Мы уже больше года обсуждаем, к чему может привести политика Трампа в США и на мировой арене, в частности в России».

По сути, мое выступление — это ответ магистранту и продолжение размышлений Александра Владимировича. Действительно, все страны, хозяйствующие субъекты, ученые, практики, профсоюзы ищут новые подходы. Однако часто новые подходы или смена траектории движения, например государственной политики, могут вызвать дополнительный риск как для страны, так и для других государств. Чужой опыт может быть интересен не только в плане заимствования, но и в плане учета и неповторения чужих ошибок на собственной почве.

Дональд Трамп резко сменил траекторию движения по всем направлениям, каждое из которых непосредственно касается социально-трудовой сферы. Это отразилось на положении работников не только в США, но и по всему миру, в том числе в России.

Обозначим в общих чертах направления политики Трампа, которые внешне направлены на улучшение экономики и положения трудящихся, но реально приводят к обратным результатам. Это прежде всего попытка резкого изменения миграционной политики. В США отношение к мигрантам всегда было лояльным. По сути, Америка — страна эмигрантов. За всю историю ее существования туда прибыли 65 млн человек. В 1970-х годах они составляли 6 % рабочей силы, а сегодня — уже 17 %. В настоящее время мигранты представляют большой пласт населения США. Поэтому по всем направлениям серьезные ограничения в этой области чреваты последствиями.

На Лихачевских чтениях и других форумах, а также в публикациях мы часто говорим о национальных приоритетах и интересах. Однако сегодня появился термин «политика национального эгоизма», который используется в дискурсе о США. Соединенные Штаты Америки на протяжении всего своего существования анонсировали либерализацию торговли, движения капитала и т. п. Сейчас США решили ограничить иностранную конкуренцию на территории своей страны и ввели новые пошлины на импорт стали и алюминия. Мексика и Канада экспортируют на американский ры-

нок 70 % стали, поэтому 25 %-ная пошлина серьезно скажется на ее производителях. Всего в Америке в области производства стали занято около 80 тыс. человек из 125 млн работающих в частном несельскохозяйственном секторе.

После введения новых пошлин на импорт стали и алюминия десятки миллионов людей в США ощутят рост цен. Кроме того, никакие санкции, протекционистская политика никогда не оставались без ответных мер. И Япония, страны Европейского союза и ряд других государств официально заявили, что ответные меры обязательно последуют. Кто выиграет — неизвестно, но определенно проигрывают трудящиеся.

Д. Трамп не только призвал ограничить иностранную конкуренцию на американском рынке, но и провозгласил цель — вернуть из-за рубежа в США производства американских компаний. Каким образом вернуть бизнес и как обеспечить рабочие места (что было провозглашено центральным пунктом предвыборной кампании Трампа)? Для этого привлекается такой ресурс, как налоговая реформа. Ставка налога на прибыль будет снижена с 35 до 21 %. Это резкое снижение отнюдь не означает, что сегодня в Малайзии, Китае и других странах американские предприятия будут закрыты и переведены в США. Скорее это может оказать влияние на открытие нового бизнеса. За рубежом на американских предприятиях работают около 16 млн человек. В США иностранные компании обеспечивают работой порядка 7 млн работников и, по оценкам, еще почти 7 млн — в сопутствующих производствах.

Был принят соответствующий нормативный акт — «Закон о снижении налогов и создании рабочих мест». То есть основная ставка делается на снижение налогов, развитие предпринимательства и соответственно появление рабочих мест. Но кто в результате получит выгоду?

Последствия налоговой реформы могут быть катастрофическими, в частности продолжится безграничный рост государственного долга США. Если в 2017 году он составлял 600 млрд, то скоро достигнет 800 млрд, а потом и триллиона долларов.

Расплачиваться придется сокращением социальных расходов, в том числе по социальным гарантиям трудящихся. Например, ожидается существенное сокращение расходов на образование всех видов в США. Научная и образовательная общественность официально обратилась в Конгресс США и администрацию президента Трампа с заявлением, что это подрывает перспективы развития страны. Поэтому в ближайшем будущем, скорее всего, бизнес действительно получит свои дивиденды.

В настоящее время в России обсуждается закон о контрсанкциях против США и их союзников. И в данном случае американский пример показателен. Коль скоро мы вовлечены в такую ситуацию, когда приходится вводить контрсанкции, то необходимо четко их продумывать, чтобы не навредить себе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я регулярно бываю в США и могу отметить, что эта страна практически лишилась промышленного производства, если не счи-

тать некоторых технологий. Рядовые американцы говорят о том, что 20 лет назад они жили в процветающем регионе, где было много фабрик и заводов, а теперь у них тотальная безработица.

Власти США перенесли часть американского производства в страны Юго-Восточной Азии с дешевой рабочей силой. Но как только это произошло, вслед за производствами там появились профсоюзы (которые начали добиваться повышения заработной платы работников) и стали возникать социально-трудовые конфликты. После серии конфликтов рабочим были повышены зарплаты, соответственно производство стало менее рентабельным, и его перевели в более бедные страны. Но и туда вслед за предпринимателями пришли профсоюзы, которые потребовали повышения квалификации персонала и зарплаты. В настоящее время в мире фактически не осталось стран, куда предприниматели могут перенести производство (возможно, в отдельные страны Африки, где люди еще ходят в набедренных повязках, но они мало что могут произвести).

Трамп часто говорит о безработице в США, о том, что Америка не может больше финансировать постоянно растущий госдолг и печатать деньги. Но теперь уже и печатать не нужно, так как используются электронные платежи. За несколько лет денежная масса в США за счет эмиссии как наличных, так и безналичных денег увеличилась в четыре раза. Как известно, в мировой экономике все «привязано» к доллару, и американцы расплачиваются ничем не обеспеченными долларами. Эту ситуацию пора менять, потому что США накопили огромный госдолг. Трамп призывает вернуть промышленное производство в США, но сделать это непросто: оно распространено по всему миру, как и социально-трудовые конфликты, которые мы призваны изучать.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Александр Сергеевич, как обычно, попал в точку. Это проблема давно волнует американцев и возникла не в период президентства Трампа.

В США в течение последних двух-трех десятилетий численность занятых в обрабатывающей промышленности постоянно сокращалась. Сегодня из 125 млн занятых в частном несельскохозяйственном секторе всего 8,5 % работают в области обрабатывающей промышленности. Это происходит, с одной стороны, за счет перевода производств в другие страны, как отметил Александр Сергеевич, а с другой — вследствие технологических перемен. Когда эти две составляющие пересекаются, возникают проблемы.

Социальные гарантии в США базировались на твердых основаниях. В этой стране все граждане застрахованы в системе государственного пенсионного страхования, даже работающие в частном секторе. Наверное, США — последняя страна, где можно говорить о развитии профсоюзного движения, но тем не менее именно члены профсоюзов имеют здесь широкий доступ ко всем социальным программам. В настоящее время объем социальных программ в Америке сокращается. Основное направление развития — наличие базовой государственной пенсии (наподобие нашей соци-

альной), а все остальное — частное страхование или по месту работы. Как в данном случае можно сэкономить?

Хотела бы сказать еще об одном тренде, получившем развитие в США. Дональд Трамп спустя год после своей инаугурации заявил, что в Америке ежемесячно создаются 200 тыс. рабочих мест, но он умалчивает о том, какие это места. В основном сейчас создаются или временные рабочие места, или с частичной или удаленной занятостью. Это один из подходов к тому, как занять людей в век технологических перемен. Но здесь возникает проблема (которая актуальна и для России): как обеспечить социальные гарантии таким людям, потому что зачастую они оказываются в худшем положении, чем безработные, и те, кто получает пособие.

В. Г. ДЕРБИН¹: — Людмила Федоровна, Вы профессионально занимаетесь исследованиями Соединенных Штатов Америки и Канады. Сопоставляете ли Вы свои заключения с процессами, происходящими в России?

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Иногда, когда есть заказы на такие исследования. Однако должна признаться, что 10–12 лет назад спрос на них был намного выше. Например, я была включена в работу министерств и ведомств, связанных с социальной защитой и гарантиями трудящимся. Когда было предложено сделать минимальную пенсию в Москве намного выше, чем в регионах, я активно возражала, потому что тогда пенсионеры из регионов хлынули бы в Москву. Через несколько лет был введен ценз оседлости при назначении пенсий. Сейчас москвич может получить «московскую» социальную пенсию только при условии, что он проживает в Москве не менее 10 лет.

Что касается сопоставления зарубежной практики с российской, то приведу пример. В 1974 году в США появилась законодательная норма о защите тех, кто пострадал от иностранных конкурентов. Это означало, что хозяйствующий субъект, доказавший, что его бизнес пострадал от недобросовестной конкуренции, получает поддержку в виде разовой выплаты, содействия в переквалификации и др. Я считаю, что сейчас, когда мы живем в условиях санкций и контрсанкций, такая мера была бы полезна. Протекционистские меры, принимаемые в Соединенных Штатах, сильно нас задевают, поскольку Россия входит в число крупных экспортеров стали, алюминия и других товаров. Я знаю, что даже после введения пошлин наша сталь остается конкурентоспособной на американском рынке. В конце

¹ Председатель общественной организации Межрегионального Санкт-Петербурга и Ленобласти объединения организаций профсоюзов «Ленинградская федерация профсоюзов», председатель Совета попечителей СПбГУП. Автор более 200 публикаций, в т. ч. монографий: «Организация и методика информационной работы профсоюзной организации» (в соавт.), «Основные направления и приоритеты информационной работы профсоюзной организации» (в соавт.), «Профсоюзы за равноправный диалог», «Технологии информационной работы профсоюзной организации» (в соавт.), «Труд, власть и капитал в Санкт-Петербурге. Эволюция взаимоотношений» (в соавт.) и др. Награжден грамотой губернатора Санкт-Петербурга, медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, знаком отличия «За заслуги перед Санкт-Петербургом» и др. Почетный профессор СПбГУП.

концов в данном случае пострадают не только мы, но и потребители в США.

И еще один важный момент. Большую долю нашего экспорта составляют продукты низкой степени переработки и, соответственно, с низкой добавленной стоимостью, которые в Америке давно не производятся. То есть если мы, например, прекратим эти поставки, то они вряд ли смогут наладить их производство у себя.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — У коллеги Александра Владимировича Шершукова есть некоторые замечания.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Первое. Насчет нашей полемики с Дмитрием Владимировичем по поводу количества роботов в промышленности. Плотность роботизации, то есть количество роботов на 10 тыс. работников, в обрабатывающей промышленности: в Республике Корея — 531, в Германии — 301, в Японии — 305, в России — 2 робота.

Второе. Во время выборной кампании в США демократы делали акцент на продолжении политики глобализации, и именно это стало одной из причин победы Дональда Трампа, хотя и не по числу голосов (тут он проиграл), а по количеству выборщиков. Пресловутый «ржавый пояс» проголосовал за него в том числе за обещание вернуть производство в США. И американские профсоюзы, которые всегда были сторонниками демократов, на этот раз поддержали Трампа, и еще многие из тех, кто раньше никогда не голосовал за республиканцев.

И еще один нюанс. Речь идет о введении импортной пошлины на сталелитейную продукцию, алюминий и тому подобное, и это решение также активно поддержали профсоюзы, поскольку оно тоже означает возврат рабочих мест в Америку. Однако давайте не будем забывать, что, например, в отношении российской компании «Русал» были к тому же введены политические санкции, потому что Олег Дерипаска вошел в так называемый санкционный список. В результате акции «Русала» сразу упали в цене на 30–40 % — вначале на Гонконгской, а потом и на других биржах. Понятно, что это не случайно. Не будем говорить о том, насколько такой протекционизм соответствует нормам ВТО, но очевидно, что подобные меры — продолжение экономической войны политическими методами.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Елена Дмитриевна Шетулова, Вам слово.

Е. Д. ШЕТУЛОВА: — Прежде всего хотелось бы поблагодарить организаторов Чтений за предоставление такой замечательной площадки для дискуссии. Я подойду к уже обсуждавшимся вопросам несколько с другой стороны. Основные проблемы, которые рассматривались на пленарном заседании и панельных дискуссиях, — углубление несправедливости и расслоения общества; процессы цифровизации, ведущие к тому, что работник становится беззащитен перед работодателем; торговые войны, которые, как мы знаем из истории, предшествуют настоящим кровопролитным войнам.

Если перевести все это на философский язык, то здесь мы сталкиваемся с проблемой отчуждения, занимающей умы философов с давних времен. Что это такое? По определению Маркса, отчуждение — «консолидирование» социальной деятельности людей «в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты».

Отчуждение существует в разных сферах, в том числе в социально-трудовых отношениях. Известен такой феномен, как отчуждение труда, когда произведенный работником продукт начинает ему противостоять как некая подчиняющая сила. Сегодня отчуждение труда можно рассматривать в двух планах. Во-первых, есть классические формы отчуждения труда, характерные для капиталистического общества, прежде всего эксплуатация наемного труда капиталом. Во-вторых, возникают новые формы, несколько видоизменяющие систему социально-трудовых отношений. Например, то, о чем говорил Александр Владимирович Шершуков, — снижение защищенности трудящихся из-за цифровизации производства. Большие коллективы исчезают, работник становится автономным, следовательно, намного сложнее организовать профсоюзную работу. Это ведет к слому социального государства или, по крайней мере, к его серьезному кризису. Стоит сказать и о том, что отчуждение труда все больше выходит за рамки производственной сферы. Не только «синие воротнички», но и «белые воротнички», то есть офисные работники, даже лица творческого труда тоже оказываются в состоянии отчуждения. Происходит медиатизация, порождающая новую социальную иерархию в зависимости от того, имеется ли у человека доступ к информационным компьютерным технологиям, насколько квалифицированно он может пользоваться этими технологиями и т. п. Наконец, нельзя не сказать о том, что в современном производстве сложилась парадоксальная ситуация: организация производства носит постфордистский характер, обеспечивающий автономии работника, однако сейчас начинает складываться еще и новая система надзора — не только со стороны работодателя, но и со стороны конкурирующих коллег. Все это формы отчуждения.

Наша конференция посвящена контурам будущего, которое мы неизбежно связываем с цифровизацией производства, труда, потребления и т. д. Возникает вопрос: процесс цифровизации — это начало заката капитализма, или всего лишь новый этап его развития, или что-то еще? За этим вопросом, как мне кажется, стоит глубокий и сложный вопрос об исторических пределах капитализма. Дело в том, что капитализм — это не только способ производства, но и определенный тип общества, а никакой тип общества не может существовать в необозримой исторической перспективе. Думаю, что исторические пределы капитализма необходимо искать в сфере развития труда. То есть вернуться к гипотезе Маркса, что исторические пределы капитализма — это господство творческого научного труда.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — В связи с цифровизацией отчуждение (и как философская категория, и как реальный процесс) будет усиливаться или ослабляться?

Е. Д. ШЕТУЛОВА: — Это зависит от социально-экономической и даже, возможно, от социально-культурной природы общества. С моей точки зрения, формы отчуждения носят изменчивый характер, могут приобретать волнообразную траекторию.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Приглашаю выступить коллегу из Беларуси Владимира Николаевича Яковчука.

В. Н. ЯКОВЧУК: — Я нахожусь под впечатлением от первого дня работы Международных Лихачевских научных чтений. Это, безусловно, замечательный феномен — научный, культурный, информационный, познавательный.

Примерно год назад в Интернете и на телеканале «Россия-Культура» активно обсуждалось выступление Германа Грефа в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта. Греф тогда сказал: «В 2016 году 450 юристов, которые у нас готовили иски (то есть в Сбербанке России и его филиалах), были сокращены. Нейронная сеть готовит исковые заявления значительно лучше. Мы сегодня перестаем брать юристов, которые не знают, как работать с нейронной сетью». А сегодня в газете «Санкт-Петербургские ведомости» я прочел заметку об открытии Юридического форума. Журналист пишет: «Юрист — профессия умирающая. Наступают роботы, которые значительную часть юридических функций возьмут на себя, особенно пострадает слой мелких клерков, их смоеет, как водой. Так что надо думать, как выжить в этом сложном мире».

Все это говорит о том, что сегодня не случайно идет дискуссия о так называемом возможном конце труда. Труд, как некая жизнеобразующая сфера общества, позволяет реализовать такие важнейшие функции, как самореализация личности, создание национального богатства любого общества и др. В настоящее время из-за взрывного прогресса и внедрения новых технологий угрозу чувствуют практически все страны — и передовые, и, так сказать, отстающие. Мы живем в эпоху четвертой промышленной революции, то есть фактически нового этапа развития производительных сил общества. Первая промышленная революция произошла, когда мускульная сила человека и животного была заменена паровыми машинами, вторая — когда на помощь людям пришло электричество и соответственно техническое перевооружение производства. Третья промышленная революция связана с компьютеризацией. Современный английский социолог Э. Гидденс выделяет символы этих этапов развития общества, связанные с технологическими укладами. Так называемому аграрному или традиционному обществу соответствует простейшее орудие труда — мотыга. Индустриальному обществу он присваивает другой символ — конвейер, благодаря которому резко возросла производительность труда. Орудие труда постиндустриальной эпохи — это, естественно, компьютер.

Сегодня говорят, что мы живем на заре новой эры. Происходит четвертая промышленная революция, или, если пользоваться известной классификацией Сергея Глазьева, переход к шестому технологическому укла-

ду. Речь идет о том, что возникает синергетический эффект от совместного воздействия на труд новейших технологий — сетевых, компьютерных, биотехнологий и др. Труд людей заменяется использованием роботов.

Мы должны осмыслить новую реальность. Конечно, угрозы, которые испытывает сфера труда, не ограничиваются только научно-технической революцией. Об этом участники нашей секции пишут в своих докладах и на этом акцентируют внимание в выступлениях. Недавно в Минске состоялся форум «Будущее труда», на котором обсуждались эти же проблемы. Как в Беларуси пытаются реагировать на эти изменения, в частности решать проблему занятости населения? Введение безусловного минимального дохода для Беларуси даже не стоит обсуждать, поскольку это утопия. У нас даже официально зарегистрированные безработные получают мизерное пособие. Понятно, что это один из стимулов искать работу и заниматься предпринимательством, в том числе индивидуальным. Государство принимает меры для минимизации угроз, но ситуация в Беларуси не внушает оптимизма, в том числе из-за демографического фактора. Рождаемость остается на низком уровне, прироста населения нет. Несмотря на социальную поддержку семьям с детьми и небольшой всплеск рождаемости в последние годы, в 2017 году она опять немного снизилась. Наблюдается старение населения, так что возникает реальная угроза недостатка трудовых ресурсов. В то же время очевидна необходимость более масштабного внедрения рыночных отношений, модернизации и реструктуризации предприятий, что рано или поздно приведет к сокращению числа работающих. Пока негативные явления сдерживаются, поскольку государство старается не допускать социальных катаклизмов, но миновать их все равно не удастся.

В настоящее время в белорусском правительстве разрабатывается интегральная модель влияния на эти процессы, включающая несколько направлений. Прежде всего это определение вероятной динамики численности населения и разработка прогнозного баланса трудовых ресурсов на ближайшие 10–15 лет. Учитывается не только страновой аспект, но и отраслевой, более того, рассматривается перспектива востребованности конкретных профессий. В соответствии с этим определяется, сколько учащихся принимать в профессиональные учебные заведения, вплоть до набора на те или иные специальности. Время покажет, насколько эффективным окажется такое прогнозирование и «ручное» воздействие государства на рынок труда.

Государство активно борется с неработающими, которых у нас в народе называют тунеядцами. В свое время вышел известный декрет президента по этому поводу, в этом году он был скорректирован, но в нем по-прежнему предусматриваются жесткие меры по вовлечению населения в трудовую деятельность. Однако в этом смысле я считаю показательным пример вашего Университета. Вы привлекаете студентов к различной деятельности, в том числе к участию в крупных научных мероприятиях, что, безусловно, поможет им в овладении выбранной специальностью, а в дальнейшем — в трудоустройстве и успешной работе.

Еще одна новая и важная задача связана с современными университетами. Это формирование культуры. Очевидно, что система образования будет кардинально меняться, потому что университеты уже не могут обеспечить подготовку многих специалистов на таком уровне, чтобы их знаний хватало на более или менее значительный отрезок времени. Новые специалисты должны учиться всю жизнь, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Есть экспертные данные, что в США сегодняшнему выпускнику университета придется в течение жизни переучиваться по меньшей мере около 40 раз. Поэтому, на мой взгляд, одна из важнейших функций современных университетов — формирование культуры молодого поколения, от которой зависит будущее нашего общества. В этом плане трудно переоценить то, что делает для воспитания молодых граждан Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Марина Станиславовна Мотышина, Вам слово.

М. С. МОТЫШИНА: — Уважаемые коллеги, дорогие студенты, я позволю себе поговорить о тех явлениях и процессах, которые лежат в основе формирования социально-трудовых отношений и позволяют нам разглядеть контуры будущего, о которых мы говорим.

Экономика меняется, а вместе с ней меняются социально-трудовые отношения и рынок труда.

Важная характеристика трудового рынка — его отраслевая, секторальная структура, включающая первичный, вторичный, третичный секторы. Первичный сектор — добывающий и сельскохозяйственный, вторичный — промышленность, и оба они переживают спад. И только третичный сектор — сфера услуг — продолжает расти. Мы живем в сервисной экономике, это объективно, но нельзя не заметить существенных недостатков такого положения дел. Об этих недостатках сегодня говорили Александр Сергеевич Запесоцкий и Людмила Федоровна Лебедева. Прежде всего речь идет о процессе деиндустриализации экономики, который нарастает не только в России, но и в других странах, в том числе развитых. В большинстве стран пытаются бороться с этой тенденцией, потому что нельзя допустить, чтобы третичный сектор обгонял вторичный, то есть, по сути, телега ставилась впереди лошади. Поэтому в российской экономической политике предпринимаются попытки запустить процесс реиндустриализации. Это очень важный момент.

Что касается структуры занятости, то опять же в сфере обслуживания наблюдается рост спроса на работников, в то время как люди рабочих профессий, квалифицированные и неквалифицированные, все меньше востребованы на рынке труда. Это прямое отражение процессов деиндустриализации и агрессивного развития сферы услуг. В этой же сфере работает большинство представителей массовых профессий. К массовым относятся те специальности, по которым работает более 1 % всех занятых, в России это прежде всего водители, продавцы, учителя, врачи. Квалификация работ-

ников в этих областях у нас не очень высокая, скорее средняя или даже низкая.

Отдельно хочется остановиться на феномене, характерном для России — категории «работающих бедных». Это настоящая патология: работающие люди оказываются в самом неблагоприятном материальном положении. Для решения данной проблемы необходимо задействовать все возможные ресурсы и методы, в том числе на федеральном уровне. Важно, что правительством принимаются меры по борьбе с бедностью, — возможно, их осуществление поможет исправить эту странную ситуацию.

В России совсем небольшая безработица — всего 5 %, и в этом году предполагается еще снизить этот показатель. Все это хорошо, но наша особенность заключается в том, что безработица не приводит к социальным потрясениям. Люди привыкли к скудным доходам, они готовы работать за маленькую зарплату и терпеть лишения. С точки зрения макроэкономики это удобно, но для населения это, конечно, беда, с которой нельзя мириться.

Еще один аспект — высокая доля неформальной занятости, достигающая, по оценкам, 20–30 %. При этом, с одной стороны, государство теряет налоговые поступления, с другой — те, кто работает таким образом, получают на 15–20 % меньше, чем могли бы при официальном трудоустройстве. Эта проблема будет одной из предметных областей работы конфликтологов.

Теперь о прогнозах. Какие сферы деятельности предположительно имеют хорошие перспективы на ближайшее и среднесрочное будущее? В 2017 году Всемирный экономический форум обозначил те профессии, которые с большой долей вероятности будут востребованы, и те, в которых численность работающих будет уменьшаться. Эксперты пришли к выводу, что с кадровой точки зрения будут сокращаться такие области, как искусство, дизайн, развлечения, спорт, право, установка и обслуживание оборудования. В этом же исследовании дается оценка будущих компетенций и их изменений в ближайшее время. Самые большие изменения компетенций будут происходить в финансах и инвестировании, производстве и инфраструктуре; немного меньше, но тоже значимые — в транспорте и логистике, в ИКТ, менеджменте, энергетике и т. д. Работая в этих отраслях, ты фактически должен постоянно переучиваться, улучшать свои знания.

Новостной портал «Бизнес инсайдер» опубликовал материал на основе статистики, где представлено предполагаемое число новых рабочих мест к 2026 году, причем в абсолютной величине, и среднегодовой доход соответствующих отраслей. Здесь также указаны требования к образованию специалистов, которые будут работать в этих отраслях. Для большей их части будет достаточно диплома бакалавра, и лишь в нескольких областях, прежде всего в медицине и юриспруденции, потребуются магистры и профессионалы с ученой степенью. В медицине будет очень большой спрос на специалистов и высокие доходы, в том числе у среднего персонала.

Любопытный документ подготовил наш университет в Сколково — атлас новых профессий. В работе над ним участвовали 2,5 тыс. экспертов из разных стран.

Задача — спрогнозировать будущее разных профессий на период до 10 лет и более отдаленное будущее — до 50 лет. Этот документ доступен для скачивания в Интернете. Все специальности там классифицируются по блокам. Например, открываешь ссылку «менеджмент» — и видишь, какие изменения в менеджменте ожидаются в ближайшее время. В документе есть также перечень исчезающих профессий, а также описание компетенций, которыми необходимо обладать для работы по той или иной специальности. Понятно, что эти прогнозы не могут иметь стопроцентную точность, но, возможно, то, что нас ожидает в реальности, будет еще интереснее. В общем, я бы всем рекомендовала ознакомиться с этим атласом.

Никита ДУБИНИН, III курс, факультет конфликтологии: — Марина Станиславовна, как Вы полагаете, почему не растет спрос на конфликтологов? Понятно, что это новая специальность, но каковы ее перспективы? Сколько времени должно пройти, чтобы наша профессия попала в список самых востребованных?

М. С. МОТЫШИНА: — Думаю, это упущение маркетологов. Эту специальность необходимо активно продвигать, так как, по сути, обязанности конфликтолога сейчас выполняют менеджеры, юристы и профсоюзные работники. Если целенаправленно работать в этом направлении, то ситуация, безусловно, изменится к лучшему.

— *Как высчитывается неформальная занятость?* (вопрос из зала)

М. С. МОТЫШИНА: — Этим занимается Росстат, проводя обследования населения, регулярные опросы, изучая структуру расходов и официальных доходов и т. д. Методологию я, к сожалению, не знаю.

— *А неформальная занятость учитывается в проценте безработицы?* (вопрос из зала)

М. С. МОТЫШИНА: — Неформальная занятость — это занятость, а не безработица.

В. Г. ДЕРБИН: — Есть две методики подсчета безработных. Первая учитывает тех, кто зарегистрировался в центре занятости, таких людей в Санкт-Петербурге сейчас всего 0,3 %. Второй пользуется Международная организация труда, и, по данным МОТ, безработица в нашем городе достигает 3,5 %. Это два официальных показателя.

М. С. МОТЫШИНА: — Кроме официальной безработицы и неформальной занятости, есть еще неполная занятость и скрытая безработица. Если вместо того, чтобы сокращать персонал, работодатель переводит его на неполную рабочую неделю, то это скрытая безработица. Таких работников не учитывают в статистике по безработице, потому что они официально относятся к категории занятых. Такие «занятые» зачастую пополняют армию работающих бедных.

А. В. ШЕРШУКОВ: — К вопросу о перспективах профессии конфликтолога. Если рассматривать специальность как товар, то для нее должен быть сформирован определенный рынок. С точки зрения востребованности специальности конфликтолога должно произойти усиление социальной напряженности, рост количества трудовых конфликтов и т. д. Это условия, при которых у потенциальных покупателей возникает потребность в покупке данного «товара». Предыдущее правительство хорошо «поработало» на усиление социальной напряженности, да и многие работодатели, несправедливо распределяющие доходы предприятия, выполняют большую работу по созданию рынка для вашей будущей профессии. Но и вы со своей стороны можете сыграть определенную роль. Я не призываю разжигать трудовые конфликты, но вы могли бы как минимум более активно участвовать в деятельности профсоюзов.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Михаилу Александровичу Блюму.

М. А. БЛЮМ¹: — Спасибо за приглашение принять участие в очень интересном и важном мероприятии. Относительно проблемы численности в профсоюзах, связанной с созданием удаленных рабочих мест, — дело в том, что дауншифтеры и фрилансеры вряд ли были членами профсоюзов, даже когда еще присутствовали на рабочих местах. К тому же есть специфика ряда профессий, подразумевающих удаленный доступ. Скорее всего, здесь стоит обратить внимание на промышленность. Есть еще одна проблема, когда не все 100 % работников организации входят в профсоюз. В соответствии с Трудовым кодексом есть прямой запрет на дискриминацию работников по большому количеству факторов, в том числе по участию или неучастию в деятельности общественных организаций, в частности профсоюзов. Коллективный договор распространяется на всех работников. И вот возникает проблема: профсоюзы действуют, имея такой ресурс, как членские взносы. Их уплачивают только члены профсоюзов, а льготы, которых профсоюзы добиваются, распространяются на всех.

Я сам возглавлял первичную профсоюзную организацию на протяжении примерно 14 лет, и мне хорошо знакома ситуация, когда приходит член профсоюза и говорит: «Хочу выйти из профсоюза». — «Почему, в чем проблема?» — «А зачем мне платить взносы, если я и без всяких взносов получу то и это?» И здесь с учетом запрета дискриминации по признаку принадлежности к профсоюзам нужно активизировать, в частности, информационную работу профсоюзов.

Работник должен знать, чем занимается профсоюз; что профсоюз сделал на данном предприятии; чем ре-

¹ Начальник отдела развития социального партнерства Департамента оплаты труда, трудовых отношений и социального партнерства Министерства труда и социальной защиты РФ, кандидат экономических наук. Автор работ по экономике, социальному партнерству и социально-трудовым отношениям, в т. ч.: «Тенденции развития социального партнерства в России», «С кем вести переговоры», «Бюджетирование расходов на подбор и удержание персонала — инвестиции в устойчивое развитие компании» (в соавт.), «Влияние молодежной безработицы на устойчивое развитие в современном мире» (в соавт.) и др.

ально помог работникам вообще и конкретному работнику в частности; чем он сможет ему реально помочь в случае чего; почему профсоюз не сможет помочь работнику, если финансово будет зависеть от работодателя.

Работник должен принимать осознанное решение о членстве в профсоюзе, об уплате профсоюзных взносов. Это будет способствовать финансовой независимости профсоюза от работодателя. И это предоставит работнику право требовать от профсоюза настоящей работы по представлению и защите его прав и интересов — он за это платит!

Надо отметить, что относительно численности в профсоюзах у нашей страны неплохие достижения. В профсоюзах состоят около 30 % всех работающих в РФ. К примеру, во Франции — не более 10 %. Мы сравнивали данные на недавней конференции по социально-трудовым конфликтам, также проходившей на базе Университета. У нас хорошие показатели, свидетельствующие о динамичном развитии социального партнерства, сильные профсоюзы. На всякий случай проинформирую тех, кто не в курсе: у нас сложились два типа профсоюзов. Одни сформировались еще в советский период и продолжают действовать в настоящее время, другие (они называют себя независимыми, хотя вообще-то все наши профсоюзы независимы) образовались в последние 20 лет. Традиционные, исторически сложившиеся профсоюзы объединены в Федерацию независимых профсоюзов России, а новые стоят особняком. Численность ФНПР — 20 млн, а общая численность — 22 млн. То есть 2 млн — это новые профсоюзы.

В. Г. ДЕРБИН: — Сами они говорят, что 1 млн.

М. А. БЛЮМ: — Некоторые вообще говорят — 400 тыс. Такое расхождение объясняется тем, что есть так называемое «оплаченное членство» — когда работник не просто поддерживает идеологические установки своего профсоюза, но и платит профсоюзные взносы. В этом причина расхождения в цифрах, которые озвучивают разные эксперты. Регулярные статистические наблюдения по этому вопросу не ведутся.

Проблематика конфликтов, о которой говорил Александр Сергеевич, исследуется как минимум в трех источниках. Первый — это данные мониторинга Федеральной службы по труду и занятости, подведомственной службы нашего министерства. Ею регистрируется примерно 110 социально-трудовых конфликтов в год. Второй источник — статистика, которая предоставляется вашим Университетом в рамках проекта «Социально-трудовые конфликты». Согласно ей, происходит около 160 социально-трудовых конфликтов. И третий источник — это данные, которые предоставляются «новыми» профсоюзами, — они отмечают около 260 социально-трудовых конфликтов в год. То есть разница почти в 2,5 раза. Но в чем сходятся авторы всех исследований: 70 % всех конфликтов — это споры, связанные с невыплатой заработной платы. Из них 94 % урегулируются в пользу сотрудников, а остальные 6 % относятся к ситуации, когда организация —

банкрот. Статистика не самая радужная, но и не катастрофичная.

Сегодня часто можно услышать мнение, что профсоюзы не нужны. Это опасное заблуждение, поскольку социальное партнерство — это уникальный инструмент, принятый во всем мире, с помощью которого гораздо проще договориться на уровне представителей работников и работодателей, а также представителей государства, где это необходимо, а не выяснять отношения, выйдя на улицы. Это опасная вещь. Мне доводилось в бытность работы в профсоюзах выводить людей и к Белому дому на митинги, и к Государственной Думе на пикеты. Я знаю, как сложно привести туда членов профсоюза, а еще сложнее их оттуда увести в том же состоянии и в той же численности, в которой ты их туда привел. Причина в том, что стоит привести их туда, как сразу же появляются — не буду называть имен, чтобы никого лишней раз не пиарить — лидеры всевозможных альтернативных политических движений, которые сразу начинают скандировать провокационные лозунги, а дальше зачастую просто призывают бить стекла в ближайших и не самых зданиях. Это самый непродуктивный, самый неперспективный сценарий развития событий. Вместо этого нужно договариваться, договариваться и еще раз договариваться. Радует, что нам это удается.

В результате на федеральном уровне заключается генеральное соглашение, где перечисляются обязательства и государства, и работников, и работодателей в социально-трудовой сфере, и так далее по всем ступеням социального партнерства вплоть до локального уровня, то есть уровня отдельного трудового коллектива.

Стремление устроить забастовку всеми правдами и неправдами в любой ситуации несогласия с работодателем — это, на мой взгляд, устаревшая романтика классового боя. И она не очень перспективна, поскольку у нас не та ментальность, чтобы напугать кого-то забастовкой, после чего конфликт сам собой разрешится. И после воцарятся мир и покой лучше прежнего. Где гарантия, что организаторам забастовки удастся мирно в нужный момент завершить забастовку и не произойдет «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»? Это во-первых. С другой стороны, надо еще и уметь пугать. В своей трудовой деятельности мне довелось быть очевидцем таких «пуганий». И в игровой форме — в формате деловых игр, и на практике.

Интересно, что неумелое «пугание», когда одной из сторон конфликта движет слепая ярость и стремление бескомпромиссного достижения цели, практически всегда обречено на провал. Яростный, бескомпромиссный протест способен вызвать не меньшее по силе противодействие другой стороны. А дальше — взрывное развитие конфликта, после которого и камня на камне может не остаться. Разрушение организации — потеря для всех: для собственников — потеря бизнеса, для работников — потеря работы. Принцип «так не доставайся же ты никому» — не самый конструктивный, мягко говоря.

Поэтому считаю, что лучшим способом предотвращения конфликтов является не каждодневное бряцание угрозами — угроза забастовки, а умение сторон догово-

риваться изначально. Это и есть социальное партнерство, когда стороны конфликта цивилизованно, в духе взаимоуважения, вырабатывают решения, которые были бы приемлемы для обеих сторон. Естественно, в чем-то, возможно, придется «подвинуться» с учетом интересов противоположной стороны. Но и той стороне также придется «двигаться». В этом и заключается искусство переговоров.

Стандарт социального партнерства, к которому необходимо стремиться, — когда стороны заранее договариваются о механизмах взаимодействия друг с другом, принимают на себя соответствующие обязательства и гарантии. Кстати, пример наиболее продуктивного использования права работников на забастовку — когда в коллективном договоре работодатель принимает на себя гарантии сверх установленных законодательством (в первую очередь по оплате труда), а работники обязуются воздержаться от забастовки в случае выполнения работодателем обязательств по коллективному договору.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Дмитрию Владимировичу Лобок.

Д. В. ЛОБОК: — Когда я готовился выступать на конференции, тема которой — «Социально-трудовые отношения в XXI веке: фундаментальные сдвиги и новые вызовы», мне иногда хотелось поменять римские цифры местами и переставить единичку из конца в середину, поскольку во многих случаях мы сталкиваемся с социально-трудовыми отношениями, которые остаются на уровне XIX века. Социально-трудовые отношения в России, особенно на тех предприятиях, где нет профсоюзов, деградируют. Это очень серьезная опасность.

Что касается второй части нашей темы, хочу напомнить: фундаментально социально-трудовые отношения менялись как минимум три раза. Первый раз это произошло, когда отменили крепостное право, начался ранний капитализм (XIX в.) и стали приниматься первые законы о трудовых отношениях. Второй раз они поменялись при советской системе — настолько фундаментально, что весь мир вздрогнул. И даже создал Международную организацию труда, потому что все осознали: надо что-то менять, иначе товарищи из России с красными флагами завтра будут, как писали тогда, «омывать свои шлемы в Ла-Манше». И то, что провозгласила Советская Россия, всего за несколько десятилетий создали в Европе.

И наконец, в третий раз социально-трудовые отношения изменились в 1990-е годы. Позиция власти на тот момент была такая: любым путем дать тем новым предпринимателям, которые пошли в крупный бизнес или занялись приватизацией, накопить капитал, создать здоровый — как тогда считалось — капитализм, а до того закрыть глаза на все вопросы, связанные с невыплатами зарплат и прочими подобными явлениями. Но прошло десять лет, по итогам которых все прежние социально-трудовые отношения были разрушены, и вот только сейчас мы начинаем все это создавать по новой, в частности внедряя такую специальность, как конфликтолог. Могу заверить всех присутствующих: без работы вы в перспективе точно не останетесь.

Социально-трудовые отношения и у нас, и в Европе напоминают персонажа Тяни-Толкай из сказки «Доктор Айболит». То есть, одна часть цивилизованных предпринимателей, государственных мужей, а тем более профсоюзных деятелей толкают нас в светлое будущее, где есть социальное партнерство, коллективные договоры и т. д. Но другая часть тянет нас назад, в XIX век. Они говорят: «А зачем все это? Главное — деньги любой ценой. Почему я должен быть социально ответственным предпринимателем? Меня это не интересует». Поэтому, как сегодня уже отмечалось, там, где еще есть сильные профсоюзы, могут быть какие-то элементы социального партнерства, профилактики трудовых конфликтов, а там, где их нет, — просто неприкрытый бандитизм. Я однажды услышал разговор двух работников разных банков, и они спорили, какой банк «круче». Знаете, в чем проявлялась «крутизна»? Один из них говорил: «А у нас за опоздание более чем на 5 минут — штраф 500 рублей». Другой ему ответил: «Подумаешь! А у нас 700». Вообще-то это XIX век, это незаконно. А они этим хвастались. Один из собеседников сказал: «Чтобы не опоздать, я беру такси, за 350 рублей доезжаю». То есть человек уже платит деньги, только чтобы вовремя придти на работу, а возможно, чтобы вообще ее получить, да еще и дает заработать таксистам. Казалось бы, невероятно — но такие вещи имеют место, и, конечно, рано или поздно это приведет к очень серьезным социально-трудовым конфликтам.

И еще один момент. Конечно, все эти явления существуют не только в нашей стране, в отрыве от остального мира. Есть глобальная экономика, в которой все это началось как раз после крушения Советского Союза, с начала 1990-х годов. Тогда, помнится, на одной международной конференции нам французы долго рассказывали о том, как у них начинает разрушаться социально-трудовое законодательство. Это было в 1996 году. А мы сидели и глазами хлопали: да как это нас вообще коснется? Это европейские дела! Сегодня мы видим: в Европе происходят конфликты не чета нашим, очень серьезные. И все уже понимают, что единая Европа — это не такое уж благо. Для социально-трудовых отношений, оказывается, это очень плохо. И даже брексит во многом основывался на протесте англичан из-за потери рабочих мест. И англичане в этом смысле не единственные, в Европе очень сильны такие настроения. Поэтому глобализация, ее влияние на социально-трудовые отношения, в том числе в России, — это тоже тема для серьезного изучения. Так или иначе, но мы включены в глобальную экономику, и происходящие в ней процессы на нас обязательно скажутся.

На данный момент у профсоюзных объединений две основные тенденции: сохранение тех социальных завоеваний, которые уже достигнуты, или «свободное плавание» туда, где ничего этого нет, где все решают, по сути, личные отношения, не регламентируемые трудовым законодательством, — что очень выгодно для бизнеса, но не всегда выгодно для работников. Вот об этом стоит подумать будущим конфликтологам, которым в будущем предстоит находить ответы на все эти вопросы.

В. Г. ДЕРБИН: — В прошлом году ФНПР проводила несколько круглых столов на тему «Коллективный договор для членов и не членов профсоюза», и почему-то участники в итоге пришли к выводу, что нужно оставить ту систему, которая сложилась сегодня. Хотя лично я с этим не согласен. Каково ваше мнение, уважаемый Дмитрий Владимирович?

Д. В. ЛОБОК: — Мое мнение, если помните, было выражено в нашей газете «Площадь Труда», куда я написал статью на эту тему.

В. Г. ДЕРБИН: — Это принципиальный вопрос, коллеги, поскольку возникает очень много трудовых споров по этой теме. Халявщики не хотят платить взносы, в результате количество членов профсоюза не достигает 51 % от общего числа работников, поэтому переговоры с администрацией ведутся не в рамках закона. То есть если мы не набираем 51 %, то руководитель предприятия вправе нас игнорировать и вообще не вступать в переговорный процесс. Это серьезная проблема.

Д. В. ЛОБОК: — Есть прецедент: работникам одного из авиационных предприятий Северо-Западного региона отказали в заключении коллективного договора, потому что в профсоюзе состояло всего 49 %. Что до моей позиции, она, как я уже говорил, была выражена несколько лет назад в статье под названием «Пиво — только членам профсоюза» в газете «Площадь Труда». Я писал о том, что условия коллективного договора, конечно, должны распространяться только на тех, кто его оплачивает и за него борется. И несмотря на то что ФНПР сейчас занимает другую позицию, я продолжаю оставаться на прежней. Почему? Я плачу взносы, работаю, вношу свой вклад в профсоюзное движение. Я и мои товарищи по профсоюзу добились большего, чем те, кто в этом не участвовал. Кстати, в США у тех, кто состоит в профсоюзах, выше зарплата, на них распространяются коллективные договоры, они защищены дополнительными страховками и т. д. То есть человек должен ощущать, что его членство в профсоюзе дает ему ощутимые плюсы. На уровне первичных организаций, перед которыми я выступал, такую позицию поддерживают. Но даже на чуть более высоком уровне уже иначе на это смотрят.

В. Г. ДЕРБИН: — На нашей сегодняшней встрече присутствует правовой инспектор Георгий Алексеевич Кузнецов. Я хочу предоставить ему слово именно как практику в этой области.

Г. А. КУЗНЕЦОВ: — Меня очень задела ситуация с конфликтологами, поскольку юрист, занимающийся трудовым правом, работающий в профсоюзе, — отчасти тоже конфликтолог. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, спецификой отрасли трудового права, спецификой взаимоотношений работодателя и работника. Работник — это не профессиональный участник рынка, он, в отличие, например, от участников спора между юридическими лицами, не понимает

заранее, какие для него будут последствия. Когда возникает спор с участием работника, он не может оценить конфликт с правовой точки зрения. В качестве примера могу привести одну недавнюю ситуацию. Буквально на днях ко мне пришел председатель первички и рассказал, что у них в организации решили ввести дресс-код для сотрудников: белый верх, черный низ, особые требования к обуви. Часть работников согласилась, другие сказали, что не хотят за свой счет покупать эту одежду. С точки зрения права вопрос урегулирован плохо, потому что, с одной стороны, речь идет о дисциплине труда, а с другой стороны, можно считать, что речь об униформе, которую должен закупать работодатель. Такой конфликт будет достаточно сложно урегулировать с правовой точки зрения — это именно вопрос переговоров.

В последнее время мы стараемся не доводить решение проблем до суда. К тому же не так много споров рассматривается с нашим участием: с ними работают профсоюзы на местах, которые решают эти вопросы именно путем переговоров с работодателем. Когда дело доходит до правового управления, мы тоже стараемся взаимодействовать с работодателем, объяснять ему, что он нарушает с точки зрения права. Но даже если мы обращаемся в суд, то все равно стараемся заключать хотя бы мировое соглашение — это последний шанс на то, что спор будет урегулирован по договоренности. Все понимают, что если будет вынесено решение суда, то получится, что одна из сторон победила, а другая проиграла. В результате конфликт не исчезнет, и работник, даже выигравший суд, не сможет нормально продолжать работу на своем месте. Поэтому у нас около трети всех дел решаются именно по мировым соглашениям. В подобных ситуациях, как мне представляется, задача конфликтологов — помогать юристам, поскольку у юридической деятельности своя специфика. Для юристов существует в первую очередь право, а межличностные отношения уже на втором плане. Поэтому попытки урегулировать спор именно с позиции переговоров для них не так актуальны, как регулирование с позиции права.

В завершение хотелось бы добавить несколько слов о том, почему продолжают возникать трудовые конфликты по самым разным поводам и почему у нас сейчас недостаточно востребованы конфликтологи. Справедливости ради отмечу, что юристы по трудовому праву тоже не очень востребованы. Проблема связана с тем, что работодатели не воспринимают отрасль трудового права как значимую, поэтому берут на работу в основном юристов, которые специализируются на гражданском и налоговом праве. Между тем трудовое право — это самостоятельная отрасль со своей спецификой, и при общении со своими коллегами из сферы гражданского права я часто замечаю, что они меня не вполне понимают. Когда я пытаюсь объяснить, почему с точки зрения трудового права вопрос решается именно таким образом, с их точки зрения все выглядит совсем по-другому. И в этом одна из причин нарушения прав работников — юристы, работающие на предприятии, знают трудовое право недостаточно хорошо. По крайней мере, у многих из тех, с кем

я встречаюсь в суде, очень низкий уровень знания трудового законодательства в принципе. Иногда бывает так, что конфликт разрешается из-за того, что юрист не может подсказать руководителю грамотное решение, поскольку специализируется на правовых, а не межличностных отношениях.

В. Г. ДЕРБИН: — Слово предоставляется Григорию Михайловичу Бирженюку.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Прежде всего, хотелось бы напомнить о том, что вся цивилизация, которая нас окружает, — это результат человеческого труда. Это очень важный момент — все, что есть, создано трудом. В процессе строительства дорог, домов, мостов, производства продуктов, промышленных изделий и тому подобного люди вступают в социально-трудовые отношения. Эти отношения зависят от многих обстоятельств, например от исторического этапа развития общества, от его культуры, от структуры хозяйствования, от многого другого. Конечно, социально-трудовые отношения не стоят на месте, они меняются, и обусловлено это в первую очередь рынком труда. Михаил Викторович Шмаков, выступая у нас на конфликтологической конференции, приводил пример: с появлением автомобиля лишились работы огромное количество людей, которые управляли и ухаживали за лошадьми. Казалось, что на рынке труда произойдет катастрофа. Но как-то справились — кто-то научился водить автомобили, кто-то начал их ремонтировать и обслуживать, словом, повальной безработицы не случилось. Это хороший пример, но нужно учитывать такой фактор, как скорость изменений. Она возрастает экспоненциально. Многие из присутствующих здесь еще помнят, как выглядел первый персональный компьютер, а сегодня любая флешка имеет объем памяти больше, чем все те компьютеры, которые стояли в этом здании 20 лет назад. Процесс идет очень быстро, и мы не всегда готовы к этим изменениям и скоростям.

Что происходит? Исчезает множество профессий. Трактор давно заменил землекопов. В свое время была профессия телефонистки, и для нее требовался рост не менее 1 м 70 см, поскольку нужно было дотягиваться до верхнего ряда гнезд на коммутаторе. Теперь не стало и телефонисток. В то же время появляются новые профессии. Например, сомелье — специалист по подбору вин к тем или иным блюдам. Но сами понимаете, насколько эта профессия «востребована» у нас в стране при уровне доходов большинства населения.

Появилась и профессия конфликтолога, которой раньше не было. Степень ее востребованности пока не очень ясна, но тут интересно следующее. Есть профессии, которые возникают в ответ на определенный институциональный запрос. Когда появились автомобили, понадобились водители, механики, начальники гаражей и пр. Спрос и предложение были сбалансированы. Есть профессии, которые появляются без подобного институционального закрепления. Например, что такое искусствовед? Должность искусствоведа не особенно востребована — искусствоведы нужны в музеях, в Обществе охраны памятников и, пожалуй,

все. Я в свое время учился в аспирантуре на кафедре, которая выпускала режиссеров массовых представлений и праздников. Спрос был большой, а должностей как таковых не было. Потом оказалось наоборот — должности появились, а специалистов для них не хватает.

Что такое профессия конфликтолога? Это ответ на невероятную конфликтность общества, прежде всего в социально-трудовых отношениях. То есть в социальной среде появилась потребность в конфликтологах. Сегодня наши люди работают в отделах претензий «Мегафона» и других телефонных компаний, разбираются с жалобами клиентов. Есть подобные должности в других крупных фирмах — люди собирают жалобы и от работников, и от клиентов. Для чего? Есть книга под названием «Жалоба как подарок». Жалоба — это очень хорошо, потому что она проясняет, какие возможности есть для улучшения ситуации. Возникают разного рода агентства. Уже наши выпускники-магистры создают агентства медиации, агентства по переговорам и т. п. Руководители крупных фирм поняли, что лучше иметь в штате человека, который предвидит и предотвращает конфликты, дает советы, консультирует. Это необходимо, поскольку иногда бывает так, что вносятся изменения на три копейки, а ущерб от них выливается в сотни рублей.

Одним словом, социальная среда формирует запрос на новую профессию. На этот запрос нужно отвечать, в том числе проводить больше круглых столов, презентаций. Бизнес устроен так, что быстро схватывает все, что ему нужно, но не всегда знает, что именно это ему нужно, не всегда понимает суть возникающих проблем. Но то, что есть социально-трудовые проблемы, что конфликтность повышается, — это факт. Почему это происходит? Во-первых, идет мощный процесс реструктуризации производства: одни профессии уходят, другие появляются. Требуется более оптимально использовать человеческие ресурсы. Люди не любят новшества. В начале XIX века были «луддиты», которые ломали ткацкие станки, потому что они оставили их без работы. Сегодня появился «неолуддитизм» — люди снова стали косо смотреть на машины, им не нравится, что их заменяют роботы. Но в ряде случаев это абсолютно необходимо. Мне однажды попалась такая контора, где сидели пять теток, которые жаловались, что мало получают. Туда пришла наша студентка, ей дали поручение, она за час все сделала. Они говорят: «Ты с ума сошла? Это нам на две недели работы!». Они жалуются на свои 8 тыс. рублей в месяц, но при этом ничего не делают. А если поставить вместо них компьютер, тогда все окончательно оптимизируется.

Сейчас происходит все более массовое вытеснение человека даже из интеллектуальных областей. Раньше робот заменял человека на сварке автомобилей, на их покраске, на других вредных работах. Затем этот процесс затронул более тонкие сферы — например, производство лекарств. Там человек вообще-то нежелателен, поскольку его физиологические процессы — дыхание, потоотделение — нарушают стерильность, необходимую для производства. Так что роботы оказались даже лучше. Теперь вот Герман Греф заказал

уже несколько тысяч человекоподобных роботов, которые со временем будут работать в каждом отделении Сбербанка — подходить и спрашивать клиентов, что им нужно, помогать им. Робот знает больше человека, и главное — он не хамит. Скорее всего, в него не заложена фраза: «Вас много, а я одна». Есть уже роботы-сиделки, которые ухаживают за больными, подадут пресловутый стакан воды и выполнят еще много других операций, просигналят, если кому-то плохо. Во многих сферах появляются подобные новшества. Но есть одна серьезная проблема, которая пока осмыслена лишь частично.

Возник новый класс под названием «прекариат». Это гибрид двух латинских слов: «прекариус», что в переводе означает «нестабильный», «неустойчивый», и «пролетариат». Прекариат — это огромное количество людей, которые занимаются разного рода деятельностью на дому. Это мелкий ремонт, массаж, маникюр и т. п. Сюда же относятся и фрилансеры. Сколько их? Ольга Голодец, возглавляющая социальный блок правительства, называла цифру в 38 млн. Дословная цитата звучала так: «У нас 38 млн неизвестно где работают». Если учесть, что у нас всего 74 млн трудоспособных граждан, то 38 млн, которые «неизвестно где работают», — это огромная цифра. Это гигантская проблема, начиная с того, что они не платят налоги, хотя их защищают армия и полиция, их дети учатся в школах и т. д. Сейчас правительство всерьез рассматривает вопрос о введении налога на таких вот самозанятых граждан. С этим, правда, свои проблемы, потому что собираются вводить трехпроцентный налог, но непонятно, как его администрировать, поскольку тогда все индивидуальные предприниматели перейдут в эту категорию, вместо того чтобы платить шестипроцентный налог, как сейчас.

Прекариат отличается целым рядом особенностей, отмечу главные из них. Существует так называемый салиариат (от *лат. salarium* — зарплата) — это те люди, которые получают ежемесячную или еженедельную зарплату. У этих людей четко разграничено время работы и время отдыха, у них есть выходные дни, отпуска и пр. У прекариата ничего этого нет, он может работать 16 часов в сутки, потом 30 часов не работать. Все это приводит к нервному напряжению и проблемам со здоровьем, потому что человек не отдыхает, а все время думает, где заработать, как дальше жить. Это человек, который не склонен заводить детей, потому что неизвестно, удастся ли их прокормить. Это человек, который не может оформить кредит или ипотеку, потому что не имеет стабильного дохода.

Происходит деинституционализация труда. Каким был труд в разные исторические периоды? Сначала люди работали поодиночке, потом объединились в артели, потом создали фабрики и заводы. А теперь маятник качнулся в обратную сторону. Сегодня идет укрупнение производства, появляются мелкие производства и, как следствие, большое количество людей, которые работают, вообще в глаза не видя своего ра-

ботодателя. Это удаленный труд, это разного рода аутсорсинг и пр.

Надо заметить, что пока шло укрупнение этих форм труда, институционализация была одной из форм защиты труда. Собственно, профсоюзы и возникли на определенном этапе развития трудовых отношений. Сегодня выясняется, что многие трудовые отношения приобретают неформальный характер, очень часто вообще нет никаких договоров и других юридически оформленных обязательств. Что с этим делать, пока неясно. Во всяком случае, необходимо создавать свои органы защиты, свои профессиональные союзы, может быть, на каких-то иных принципах, чем раньше. Но делать это обязательно, потому что профсоюзы теряют эту базу, а это гигантский резерв.

В чем еще сложность? Все социальные процессы взаимосвязаны. Сейчас говорят о том, что нужно повышать пенсионный возраст, фактически этот вопрос уже решен. Хорошо ли это? Вероятно, это ослабляет нагрузку на Пенсионный фонд, но, согласно тем расчетам, которые мы делали для Госдумы, возникает другая проблема. Все деньги, которые мы сэкономим на повышении возраста, уйдут на пособия молодежи. Это легко просчитать. Денег придется потратить больше, чем будет получено. А что нельзя просчитать? Социальные последствия. Молодежь, у которой нет денег, нет будущего, — это взрывоопасный элемент. И когда придет кто-то и скажет: «Я дам вам все», это может стать началом конца. Мы получаем гигантский объем социальной энергии в непроницаемой упаковке. Нельзя спрогнозировать ее потенциал.

У нас, к сожалению, очень мало инструментов прогнозирования. Один из них — это экстраполяция. На сегодня мы знаем, сколько и каких нам понадобится рабочих мест. Но это не лучший инструмент, поскольку, например, в XIX веке был составлен прогноз, что через 50 лет Лондон будет погребен под слоем конского навоза. Посчитали, сколько будет в городе к тому времени лошадей и сколько отходов их жизнедеятельности. Как мы знаем, прогноз не оправдался. Есть другой способ — сценарный, но он тоже строится на реальных цифрах, а прогресс может пойти в неожиданном направлении.

Есть еще одна закономерность. Человечество периодически набирает силу, достаточную, чтобы уничтожить себя самое, но вместе с тем к нему приходит мудрость, которая уравнивает эту силу. Хочется надеяться, что этот баланс сохранится, и все, что происходит сейчас в сфере трудовых отношений, будет уравновешено с появлением новых форм защиты трудовых прав. В связи с этим хочу пожелать вам не просто реализовать свои профессиональные навыки, но и стать объектом внимания работодателей, которые хотели бы заполучить вас к себе.

В. Г. ДЕРБИН: — Уважаемые коллеги, позвольте завершить работу нашей секции. Спасибо за внимание, удачи вам и успехов!

Секция 6

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Международный форум старшеклассников)

---

18 мая 2018 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

Н. В. БУРОВ профессор СПбГУП, народный артист России

Участники:

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП (*модератор*)

А. АБДРАШИТОВА, В. ВДОВИН, А. ГУЩИНА, Р. ДЖАБИЕВ, К. ДРОБОВА, А. КАТАШЕВИЧ, Т. КИРЬЯНОВА, А. КНЯЗЕВА, Е. МОНЧЕНКО, А. ПИВАЧЕВА, А. СМИРНОВА — победители и призеры конкурса творческих работ старшеклассников

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Дорогие друзья, я рада приветствовать вас на Международном форуме старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность», который ежегодно проводится в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в рамках Международных Лихачевских научных чтений. В этом году на рассмотрение жюри были представлены 304 работы из 52 регионов России, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины. При этом по традиции значительная часть творческих работ поступает к нам из малых городов и школ, расположенных в сельской местности. В жюри нашего конкурса входят ведущие ученые-литературоведы, писатели, историки, журналисты и представители школ Санкт-Петербурга.

Также по традиции на Международный форум старшеклассников приглашены за счет Университета победители и призеры конкурса, занявшие по решению жюри I, II и III места. Они составляют президентум форума. Победители и призеры получили уникальную возможность донести основные положения своих творческих работ до вас — своих сверстников и участников форума. Решением жюри школьники-участники и их педагоги-наставники также награждаются специальными дипломами и грамотами.

Материалы Международного форума старшеклассников будут опубликованы в сборнике материалов XVIII Международных Лихачевских научных чтений, а лучшие работы конкурсантов — на научном сайте «Площадь Лихачева». Возглавляет работу Международного форума старшеклассников профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, народный артист России Николай Витальевич Буров. Прошу вас, Николай Витальевич, сказать несколько слов.

Н. В. БУРОВ: — Дорогие ребята! Вы талантливые, красивые, молодые. Я, как человек старшего возраста,

возлагаю на вас большие надежды. От того, какими вы станете, зависит, как мы будем жить. Я уже много лет участвую в работе Лихачевских чтений и с удовольствием возглавляю секцию, посвященную осмыслению наследия Д. С. Лихачева.

Дмитрий Сергеевич Лихачев оставил нам очень много, в частности уверенность в том, что гуманитарная составляющая не менее, а может быть, и более важна, чем все остальные стороны современной жизни. Дмитрий Сергеевич Лихачев, которого мы до сих пор вспоминаем с благодарностью и которого будем помнить долгие годы, был великим сыном России.

Каждый год в этом зале замечательные молодые участники защищают свои идеи, облеченные в форму сочинений, и мне становится радостно от этого факта. Затем целый год, ожидая проведения следующих Лихачевских чтений, можно раздумывать об услышанном здесь. Мысли молодых всегда свежие, особенно если они не идут по шаблонному пути, а предлагают новые, и вселяют уверенность в будущем.

Большинство присутствующих в зале в этом году расстанутся со школой и всерьез размышляют о том, как выстроить свою дальнейшую жизнь. Наверное, многие дают вам советы: мамы и папы, бабушки и дедушки, друзья и др. Я же советую вам найти свой путь. Но никогда, даже занимаясь прикладными или точными науками, не забывайте о том, что у вас есть душа.

Говорить о любви легко, например о любви к Родине. Но сначала ее нужно почувствовать, а уже потом озвучивать. Дмитрий Сергеевич Лихачев критически относился ко многим моментам российской истории и плохим идеям. Тем не менее это был величайший патриот России, который предоставил нам возможность размышлять, основываясь на его идеях, иметь свои суждения, мировоззрение и кругозор.

На заседании нашей секции «Идеи Дмитрия Лихачева и современность» я буду соучастником ваших вы-

ступлений (в хорошем смысле этого слова). Желаю вам успехов!

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — На трибуну приглашается Анна Каташевич — учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 8 г. Гатчины, победительница конкурса, занявшая I место. Тема ее выступления: «Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками».

Анна КАТАШЕВИЧ: — Тема творческой работы выбрана мной не случайно. Сохранение памятников культуры является важной задачей для любого народа. Человек, приезжая в другую страну, в первую очередь посещает ее культурные достопримечательности, именно так складывается мнение о народе, стране, ее культуре и ценностях. Мы с детства впитываем культуру своего города, страны, что влияет на формирование нас как личности, наших взглядов, мировоззрения, убеждений.

Цели моей работы:

- оценить вклад России в мировую культуру;
- изучить существующие в наше время законы о сохранении памятников истории и культуры;
- исследовать объекты культурного наследия и меры, принимаемые по их сохранению в моем родном городе и районе.

Памятниками культуры является все то, что создано людьми на протяжении многих столетий и бережно сохранялось до наших дней. Любой современный человек знает, что объекты культурного наследия России представляют собой уникальную ценность и являются неотъемлемой частью всемирного наследия. Самыми первыми в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО были включены архитектурный ансамбль Московского Кремля (вместе с Красной площадью), исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников и Кижский погост. Также в данный список вошли 11 объектов природного наследия.

Тем не менее наше наследие далеко не ограничивается Списком ЮНЕСКО. На протяжении сотен лет, из поколения в поколение, люди создавали, сохраняли и передавали своим потомкам материальные и духовные плоды своей деятельности, являющиеся культурным наследием и национальным достоянием страны. Россия имеет богатую историю культуры и искусства, и нам есть чем гордиться: творениями известных на весь мир архитекторов, писателей, поэтов, художников, народными песнями, костюмами и многим другим. Русская классическая музыка известна и любима во всем мире, русский балет с его богатыми традициями и именами великих танцоров стал одним из самых важных символов культуры России. И очень важно сохранить память о них для наших потомков.

Огромный вклад в развитие русской культуры внес выдающийся ученый-филолог, культуролог Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он принимал непосредственное участие в сохранении и реставрации объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его пригородов.

Д. С. Лихачев считал, что сохранение памятников культуры составляет великую задачу каждого народа и утверждал, что искусство обращено против национализма, ибо глубоко воспринимает национальные ценности, созданные другими.

Я горжусь, что страницы биографии Д. С. Лихачева связаны и с моим родным городом Гатчиной и его районом. Академик принимал активное участие в сохранении пушкинских усадеб Суйда и Кобринно. Гатчина и ее окрестности увековечены в документальных фильмах «Поэзия садов» и «Забывтые места», в которых Д. С. Лихачев был автором сценария и текста, который сам же и озвучил. Взгляды Д. С. Лихачева мне очень близки. Его труды, наполненные любовью к нашей стране, ее культуре, написаны доступным, понятным языком.

По данным Единого государственного реестра объектов культурного наследия, на 26 апреля 2018 года в Российской Федерации насчитывается 143 513 наименований памятников истории и культуры, и все они нуждаются в защите.

Горько сознавать, что столетиями культурное наследие человечества уничтожалось в ходе войн, вооруженных конфликтов, в результате религиозного фанатизма, природных катаклизмов, по естественным причинам или из-за деятельности человека. Принимаемые меры сохранения культурно-исторического наследия должны включать его охрану от разрушения, исчезновения и забвения, популяризацию среди широких слоев населения с самого раннего детства, поддержку волонтерского движения властью.

Задача охраны памятников, их сбережения для будущих поколений уже несколько столетий назад осознавалась как важное государственное дело. В настоящее время действуют различные федеральные законы и нормативные акты, которые призваны защищать наше культурное наследие. Помимо государства, в защите памятников культуры принимают активное участие общественные организации и волонтерское движение. Но мы не должны возлагать полную ответственность за сохранение нашего наследия на государство, на общественные организации, а должны понимать, что это и наше дело. На нас лежит нравственная ответственность перед людьми прошлого и одновременно — перед людьми будущего. Охрана и сохранение культурного наследия для будущих поколений представляют собой моральную необходимость, которая должна быть подкреплена целым рядом нормативных инструментов и ответственным подходом не только государства, но и отдельных людей.

Д. С. Лихачев является для нашего поколения примером, как нужно любить свой родной край и делать все возможное для сохранения его культурного наследия. Не могу не процитировать его мудрые слова: «Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении».

Я, как представитель молодого поколения, считаю, что наше культурное наследие нужно беречь и делать все возможное, чтобы сохранить его для наших потомков. Ведь мы уже сейчас, в своем возрасте, можем вне-

сти и свой посильный вклад в сохранение памятников культуры. Нужно быть благодарными нашим предкам, создававшим для нас и наших потомков все то великолепие, которое мы просто обязаны принять в свой нравственный мир, сохранить и защитить должным образом, чтобы передать будущим поколениям. В деле охраны нашей национальной гордости и славы нет и не может быть посторонних. Забота о прошлом — наш долг.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Ксении Дробовой — учащейся 11-го класса Международной гимназии «Ольгино» СПбГУП, занявшей II место. Тема ее выступления: «Согласие между людьми, разными народами — это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества».

Ксения ДРОБОВА: — Моя работа основана на цитате академика Д. С. Лихачева: «Согласие между людьми, разными народами — это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества».

Эта цитата из книги «Письма о добром и прекрасном» сегодня кажется актуальной как никогда. Наша планета вместе с нами замирает в тревожном предчувствии катастрофы, зная о запасах смертоносного оружия и жестоких, экстремистских идеях его применения. В новостных сводках все чаще звучат сообщения о террористических актах, направленных против людей, отличающихся от своих убийц лишь верой, национальностью или расой. Миллионы человеческих жизней могли бы быть спасены, если бы человечество научилось терпимости, уважению различий во внешности, культуре, истории разных народов и чаще прибегало бы к согласию, а не к оружию.

Я, родившаяся и выросшая в Узбекистане, хорошо знаю цену словам Лихачева о согласии между народами.

Мои предки, дедушки и бабушки, выходцы из центральных областей России, отправились в Среднюю Азию в XX веке по разным причинам: кто-то спасался от голода, кого-то вела жажда познания, но всех их тепло приняла новая Родина, а их потомки до сих пор живут в Ташкенте.

И поэтому, прочитав «Письма о добром и прекрасном» Дмитрия Сергеевича Лихачева, я не могла остаться равнодушной к его словам.

Кроме того, я считаю, что молодому поколению необходимы ориентиры. И от того, какими они будут, зависит весь жизненный путь человека. В наш информационный век ложных ценностей правильным ориентиром могут стать идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева. Истинность этих идей проверена тяжестью того времени, в котором они родились. Академик Лихачев пережил революцию, две мировые войны, встретился лицом к лицу с тяготами лагерного заключения и жизни в блокадном городе — и все же смог остаться человеком. Настоящим человеком.

Следуя его главному принципу «приумножай добро», любой человек может прожить свою жизнь достойно.

В моей работе переплетаются истории двух городов — Ленинграда и Ташкента. Еще во время Гражданской войны о столице Узбекистана говорили: «Таш-

кент — город хлебный», и в самые сложные и трагические годы — 1941–1945-й — он оправдал свое название. Находясь в глубоком тылу, Узбекистан тем не менее не остался равнодушным к общей беде. Сыновья Узбекистана уходили на войну, а навстречу им шли эшелоны с эвакуированной техникой и, самое главное, людьми. В годы войны Узбекистан принял более полутора миллионов беженцев и среди них — 300 тыс. детей. Широко известен подвиг кузнеца Шахмеда Шамахмудова и его жены, воспитавших как своих 15 эвакуированных детей. На их подвиг откликнулось множество семей по всей стране. Узбекский поэт Гафур Гулям позднее напишет такие строки:

Разве ты сирота?.. Успокойся, родной!
Словно доброе солнце, склонясь над тобой,
Материнской, глубокой любовью полна,
Бережет твое детство большая страна.

Но не только детей спасла ташкентская эвакуация. Многие деятели искусства и культуры также нашли приют в этом солнечном городе. Среди них была и Анна Ахматова. Оторванная от любимого Ленинграда, она встретила здесь людей, впоследствии ставших родными, как и весь город Ташкент.

После катастрофического землетрясения, произошедшего в Ташкенте 26 апреля 1966 года, в восстановлении города принимали участие представители разных народов Советского Союза. Это и по сей день остается одной из самых масштабных строек в истории. Десятки тысяч строителей со всех концов страны отплатили добром за добро. Ташкент обрел не только более 30 млн квадратных метров жилья в совершенно новых районах, но и такие здания, как дворец Дружбы народов, телебашня, университет, цирк и музей истории, гостиницы «Россия», «Москва» и «Узбекистан», а также ташкентское метро, до сих пор считающееся одним из самых красивых в мире.

Во время восстановления города рождалась истинная толерантность — согласие и дружба между народами, которая и сделала все это возможным.

Размышляя над словами Лихачева, я вспомнила о романе Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме». Отношение главного героя — мальчика Бруно, живущего в нацистской Германии, — к различиям между людьми еще раз подтверждает истинность цитаты академика, ведь дети известны своим искренним и чистым отношением к миру. Автор в этом произведении не только использует уникальный стиль, в полной мере отражающий мир и его серьезные проблемы через призму восприятия ребенка, но и представляет читателю широкую панораму героев со своими характерами и ролью в развитии сознания Бруно. Есть, например, те, кто ярко отображает «идеального человека» идеологии Гитлера, такие как карьерист лейтенант Котлер, готовый отказаться даже от собственной семьи ради продвижения по службе, или сестра Бруно Гретель, в свои четырнадцать уже приблизившаяся к идеалу истинной арийки. Но кроме них — герои, которые своим особым отношением к жизни заставили мальчика пересмотреть те идеи, что с детства пытались вложить в его сознание. Такими геро-

ями были врач еврей Павел — заключенный концлагеря, вынужденный работать кухонной прислугой, и, конечно, Шмуэль — тот самый мальчик в полосатой пижаме. Они с Бруно родились в один день и, кажется, могли бы быть одинаково счастливыми детьми, если бы не разрушительная идея о превосходстве одной нации над другой. Теперь Шмуэль — один из заключенных концлагеря Освенцим, комендантом которого служит отец Бруно. С развитием сюжета новый еврейский друг помог мальчику многое переосмыслить, а отец Бруно Ральф на собственном опыте прочувствовал всю губительность идеи, которой служил. В конце романа он потерял самое дорогое.

Таким образом, размышляя над словами Лихачева, понимаешь, что основной ценностью для человечества может быть только согласие, примирение враждующих и формирование истинной толерантности у каждого народа и человека.

В противовес тем, кто разжигает войну и нетерпимость, есть люди, которые живут по принципам человечности. Кажется, в современном мире понятия доброты уже не существует, но некоторые люди по-прежнему готовы бескорыстно протянуть руку помощи, принять человека таким, какой он есть. Так почему бы нам всем не стать этими людьми?

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Анастасии Гушиной — учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 58 г. Копейска Челябинской области, занявшей II место. Тема ее выступления: «Новое должно создаваться с учетом прежнего, традиционного, как итог, а не отмена старого и накопленного».

Анастасия ГУЩИНА: — Из всех цитат, предложенных для написания творческой работы, мое внимание привлекла одна. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: «Новое должно создаваться с учетом прежнего, традиционного, как итог, а не отмена старого и накопленного». Прошлое, настоящее и будущее — это не отдельные промежутки времени, а цепь событий, влияющих на возникновение новых отношений. Непонимание людьми значения времени в нашей жизни создает препятствия, которые мешают построению процветающего будущего. Это заставляет меня обратить особое внимание на историю человечества.

После победы над нацизмом, породившим геноцид во время Второй мировой войны, каждый гражданин своей страны нес ответственность за установление дружественных национальных отношений. Понимая ответственность перед будущим, люди думали о содружестве, пока в наши дни стирание исторической памяти не стало причиной упадка культуры.

Дмитрий Сергеевич Лихачев отмечал: «Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память. В создании культуры участвуют многие поколения людей». Также он в своих трудах обращал внимание на связь культуры и истории, ведь изучение прошлого способно развить культуру человечества. Как частный аспект культура отдельного народа играет особую роль в развитии истории человечества, поэтому,

упомянув о значении прошлого для настоящего, стоит отдельно говорить об истории.

История изучает развитие общества, помогает установить связь прошлого с будущим. Д. С. Лихачев посвятил свою жизнь изучению древних летописей и документов, подтверждающих важность прошлого. Дмитрий Сергеевич писал: «Культура не стареет. В сути ее движения и развития лежит не изменение, а сохранение ценностей прошлого, открытие нового в старом». Знакомство с такими источниками помогает понять, как на самом деле велики заслуги прежних поколений, какие усилия приложены для создания будущего. Безусловно, это пробуждает уважение к прошлому и заставляет людей более ответственно относиться к настоящему. Так как история неразрывно связана с людьми, в процессе ее изучения можно проследить изменения характера народа, увидеть особенности его сознания на том или ином промежутке времени.

Литература как нельзя лучше отражает особенности мышления, поэтому хочу рассмотреть литературу как источник знаний об особенностях развития характера народа, а также как путеводитель по времени. С течением времени в литературе все более заострилось внимание на значении отдельной личности, ее развитие обуславливалось также ростом личной свободы человека. Прошло много лет, и в наши дни стремление людей к миру, свободе и справедливости вышло на новый уровень. Тут хорошо видна связь прошлого с настоящим.

Знакомясь с древними произведениями и изучая развитие человечества, мы стали ближе к прошлому, связующим звеном между прошлым и будущим.

Современное поколение также является неотъемлемой частью данного звена, поэтому важно уделить внимание образованию подрастающего поколения, которое неразрывно связано с будущим всего человечества в целом. Воспитание человека должно охватывать культурные ценности не только настоящего, так как невозможно рассматривать данный аспект лишь на одном промежутке времени. Культура — неотъемлемая часть образования, она обширна, потому что уходит корнями в далекое прошлое. Поэтому правильная организация образования поможет нынешнему поколению почувствовать время, понять его истинное назначение.

Д. С. Лихачев посвятил множество работ педагогике, на них стоит обратить внимание для улучшения системы образования. Его работы учат понимать время, показывают те корни, с изучения которых нужно начать, чтобы строить будущее, иначе наше «завтра» будет обречено. Образование должно принять во внимание жизнь и деятельность, идеи и опыт Д. С. Лихачева, ведь его труды — это огромный вклад в развитие всего человечества. Это необходимо, чтобы наш мир остался гармоничным и процветал в будущем.

В школе я познакомилась с работами выдающегося академика лишь косвенно. Сейчас я убедилась, что нынешнее образование нуждается в трудах Дмитрия Сергеевича. Я хочу продолжить изучение его работ. Очень надеюсь, что внесу свой вклад в популяризацию идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Алие Абдрашитовой — учащейся 11-го класса лицея № 42 г. Уфы, занявшей III место. Тема ее выступления: «Исторические города населяют не только те, кто в них сейчас живет. Их населяют великие люди прошлого, память о которых не может умереть».

Алия АБДРАШИТОВА: — Наше настоящее неотделимо от прошлого, которое постоянно напоминает о себе, хотим мы того или нет. Каждый город имеет свою историю. Мы не можем просто взять и вычеркнуть воспоминания, многовековую историю и тем более имена великих людей. Ведь дела, совершенные ими, являются нашей действительностью. Мы должны быть благодарны им и чтить память о них.

Петербург называют культурной столицей России. Ни один город в нашей стране, а может, и в мире, не может похвастаться столь разнообразными и богатыми проявлениями культуры. Гуляя по центру города, чувствуешь себя как в музее. Величественные старинные здания, великолепные пышные парки и скверы, памятники... Их красота связана с великой любовью людей, которые здесь жили и творили.

Люди, которые с трепетом взращивали город, как свое дитя, — это и есть часть нашей истории. Их имена на слуху у каждого петербуржца: Петр I, Александр Невский, Федор Достоевский, Александр Блок, Иосиф Бродский, Анна Ахматова, Дмитрий Лихачев и многие другие гениальные личности. Память о великих людях прошлого бессмертна!

Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил: «Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто, и через двести лет».

Письма Лихачева учат жить и ценить тех людей, которые обладали выдающимся трудолюбием, талантами и привнесли в этот мир что-то особенное, неповторимое. В своих работах он много рассуждал о добродетели. Время его жизни пришлось на разные эпохи, он пережил годы репрессий, гонений и Великую Отечественную войну, но не утратил веры в нравственные ценности. Служение культуре и Отчеству было честью для него. Судьба его не сломала!

Лихачев завещал нам: «*“Беспамятный” — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки*».

Поистине Дмитрий Сергеевич — гордость русского народа. Его труды составляют духовное наследие России. Он — одно из звеньев духовной элиты Отечества. У ученого был великий дар любви к родной земле и народу. Он прекрасно знал и ценил культуру.

Как известно, историческая память часто включает негативный опыт, несправедливое отношение к народу. На мой взгляд, запечатленные события прошлых лет невероятно важны для воспитания духовно-нравственных качеств человека. Не зря Анна Ахматова считала, что сентиментальность в ее стихах обусловлена той гуманностью и добротой, что обострились в ней, когда она окунулась в многоголосое глубокое пережи-

вание народа. К счастью, не каждому доведется побывать в состоянии сиротства и горя. Однако каждому необходимо воспитать в себе милосердие, сострадание и человечность. Для этого и существуют исторические произведения, помогающие каждому последующему поколению проникнуться ужасающей будничностью страшных событий. Ярким примером тому является поэма «Реквием» Анны Ахматовой.

«*Я — как петербургская тумба*», — говорила о себе Ахматова. Пожалуй, наиболее точно описать великую поэтессу невозможно. Она стала частью Петербурга, как те гранитные непоколебимые тумбы, что вросли в асфальт, в *культурный слой*. Невозможно представить поэзию Ахматовой без Петербурга, и наоборот: без поэзии Ахматовой невозможно исчерпывающе изобразить Петербург.

Еще одна веха для великого города — Великая Отечественная война. В стихотворении Джамбула Джабаева «Ленинградцы, дети мои» говорится о силе духа и мужестве бойцов-защитников и простых горожан в годы блокады. Ленинград покорила его. Джамбул был восхищен городом, его разводными мостами и многочисленными каналами. Он писал стихотворение, мечтая, что его песня-призыв поддержит дух защитников осажденного Ленинграда и придаст сил в бою. Он настолько трогательно относился к любимому городу, что сравнивал стены дворцов со священными оградами.

Тяжелые военные события и несравненную красоту города поэт отразил в стихотворении. Я верю, что его песня будет иметь жизнь долгую, а может быть, и вечную.

Историческая память. Что мы без нее? Человек, не знающий своего прошлого, обречен на новые ошибки. Он не может считаться истинным гражданином, если не знает истории своей страны, людей, проливавших кровь ради будущих поколений.

Свято верю, что молодые современные города со временем обретут глубокую духовность, свой внутренний мир, историю и героев. В таких городах люди становятся особенными, с особой чистотой и глубиной. Нужно только трудиться, неутомимо идти вперед и покорять новые вершины. Хочется надеяться, что нашему поколению удастся сохранить и передать память о тех людях, которые вершили историю нашей Родины.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Таисии Кирьяновой — учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 58 Санкт-Петербурга, занявшей III место. Тема выступления: «Согласие между людьми, разными народами — это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества».

Таисия КИРЬЯНОВА: — Дмитрий Сергеевич Лихачев — несмотря на то что в его жизни происходили события страшные, порой трагические — сохранял высокую нравственность, позволяющую нам сегодня прислушиваться к его мудрым советам.

Значимость Д. С. Лихачева для нас связана с его личностью, обладающей мощным общественным воздействием, направленным на духовное преображение России. Он автор идей о благе Отечества. Нам предсто-

ит соединить его опыт с нашим опытом жизни в современном обществе.

Я уверена, каждый из нас хочет жить в мире и согласии, поэтому, бесспорно, исследование проблемы важно и перспективно. Перспективно еще и потому, что недавние события, вызвавшие агрессивное отношение к России, наверняка не последние. Я далека от идиллического взгляда на происходящее в мире вокруг моей страны. Но подумать над вопросами, кто виноват и что делать — над этими извечными русскими вопросами, — стоит.

Перспективы исследования, полагаю, будут долгосрочными. Проблему согласия между народами можно рассматривать в разных сферах: социальной, экономической, политической, духовной. Каждой сфере присуща самостоятельность, но вместе с тем любая из них тесно взаимодействует с остальными. Границы между сферами общества прозрачны и размыты. Все они взаимосвязаны.

Я показала проблему, больше опираясь на политическую, духовную и социальную сферы, рассмотрев формы и связи между различными участниками политического процесса, их отношения, моральные, политические и правовые нормы, традиции и обычаи, систему идеалов, нравственных норм, поступков и оценок. В дальнейшем исследовании можно углубить размышления о важности малой социальной сферы — семьи. Ведь именно в ней начинается жизнь человека. Можно проследить взаимосвязь малой и большой социальных сфер, социальную общность со своей культурно-исторической самобытностью и ее роль в решении проблемы.

Можно наметить большие исследования в духовной сфере, где накапливаются и передаются духовные богатства общества следующим поколениям, а люди и целые общества находят ответ на вопрос о смысле жизни и своего существования. Выяснить, какие шаги делаются в науке, образовании, религии и искусстве для укрепления согласия между народами; как, предположим, работают в этом направлении наши университеты и академии, научно-исследовательские институты, школы; какую роль играют музеи, театры, памятники культуры. И, конечно, при этом опираться на бесценный жизненный опыт Д. С. Лихачева.

То, что традиция проведения конкурса «Идеи Лихачева и современность» не прерывается, свидетельствует об огромной работе с нами, молодыми, в стимулировании интереса к жизни и судьбе России.

Решать любую проблему можно только действием. Нельзя оставаться равнодушным к происходящему вокруг нас. Это наша жизнь, это наша судьба. Моя хата точно не с краю. Меня заинтересовала данная проблема, и я, опираясь на свой еще скромный опыт и знания, высказала свое неравнодушие.

Без опыта прошлого нет настоящего. Мы, молодое поколение России, обязаны сделать своим достоянием нравственные ценности, созданные теми, кто заботился о судьбе Отечества. Забота о семье — начало пути к согласию.

Важно беречь нравственное здоровье семьи: именно в нем — залог счастливой жизни и человека, и об-

щества в целом. Кажется, что здесь речь идет не о чем-то глобальном, а о малом, но с малого, теплого и человеческого, возможно, и начинается путь к согласию. Сила любви укрепляет и дает чувство благодарности. Любящий и благодарный человек не сможет причинить зла.

Быть вместе — со своей семьей, с друзьями в радости, в совместных делах, в горе, находя искреннюю поддержку, — вот главное, что приведет к согласию в семье, с соседями по площадке, с друзьями в школе, со всеми людьми в мире.

Я показала в своей работе, что сегодня как никогда важны мысли Д. С. Лихачева о семье, дающей человеку уверенность, о необходимости быть вместе во всем. Как важно вместе горевать, радоваться, играть, петь, путешествовать. Как важно соблюдать соборность, так ценившуюся на Руси.

Россия — многонациональное государство, большая семья, которая очень хочет жить в дружбе и согласии со своими соседями. Россия и люди, живущие в ней, способны отстаивать свои интересы мирным путем. «Мы единый народ. Мы один народ. Россия у нас одна», — сказал наш президент. Мысли о единстве и согласии — мысли истинного патриота.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Анастасии Князевой — учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 45 г. Севастополя, занявшей III место. Тема выступления: «Культура и искусство в современном мире. Развлечение или работа души?»

Анастасия КНЯЗЕВА: — Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Искусство в самом глубоком смысле слова человечно. Оно идет от человека и ведет к человеку — к самому живому, доброму, самому лучшему в нем. Оно служит единению человеческих душ».

Что же это значит? В своей работе я проанализировала эти слова и прокомментировала высказывание Д. С. Лихачева.

На мой взгляд, слова «искусство» и «культура» тесно связаны между собой. И если искусство глубоко человечно, то культура — тем более. Она призвана поддерживать и развивать наше общество в ключе человечности, доброго отношения друг к другу.

Искусство, в свою очередь, дает нам возможность «подключаться к вечности», находить ответы на вечные вопросы, ощущать себя в истории и во всеобщем пространстве-времени.

У Дмитрия Сергеевича Лихачева я как-то прочла и полностью согласилась с ним: чтобы воспринимать искусство во всей его полноте, нужно изучать его истоки, народную культуру. Действительно, для целостного восприятия нужно понимать возникновение того или иного вида искусства, не искажать устоявшиеся ценности, а изучать их и на их основе создавать новое. Мне кажется, что подлинные произведения искусства развивают и обогащают человека, после знакомства с ними в душе что-то остается — что-то, над чем потом можно долго размышлять.

Но, к сожалению, в современном обществе потребления искусство стало средством развлечения. Я не хочу сказать, что никто не ходит в театры или музеи, но мне кажется, что сегодня далеко не все понимают (я, конечно, говорю о людях своего возраста) разницу между подлинным искусством и ложным. Но для чего же эту разницу нужно понимать? На мой взгляд, это нужно для того, чтобы правильно выбирать место для отдыха. Ведь если мы говорим, что искусство создано людьми и для людей, то подразумеваем, что кто-то поработал для того, чтобы это посмотрели, почувствовали, взяли. Хочу здесь провести аналогию с созданием и покупкой одежды. Конечно, она может показаться грубой, но тем не менее: одежду, как и произведения искусства, создают люди для людей. Модные дизайнеры идут в ногу со временем и отвечают запросам общества: производят больше того, что пользуется спросом. Такая же ситуация и с массовым искусством: понравился фильм про межгалактические сражения — выпустим еще. Модная одежда, как и реклама развлечений, бросается в глаза: большинство людей в возрасте от 10 до 40 лет стараются одеваться так, как «положено» и доступно. Точно так же и с искусством: большинство из нас выбирает то, что сейчас смотрят все, и то, что доступно по продолжительности, цене и удобству (билет в театр или на балет редко купишь за 10 минут до спектакля, а в кино — пожалуйста). Но главное и самое печальное: современный зритель не хочет, чтобы его утомляли и заставляли размышлять. Поэтому массовое искусство и массовая культура доступны абсолютно каждому, в отличие от подлинного, которое нужно учиться воспринимать и понимать.

Научиться чувствовать и понимать искусство необыкновенно сложно, поэтому духовное воспитание нужно начинать с самого детства. Если не уделять этому внимания, то, вырастая, человек не может понять прелесть, например, театральных постановок.

Из опроса в соцсети я узнала, что определенная часть моих ровесников не знакома с предметом МХК, что большинство воспринимает этот предмет несерьезно, поэтому для меня не удивительно, что поход в театр или на балет составляет для них душевное мучение. Но если в школе недостаточно внимания уделяется эстетическому воспитанию, то как же мы научимся понимать настоящее искусство? Лично меня этому научили родители. Для меня при восприятии искусства важно, чтобы были смысл, обмен энергией, сопереживание и возможность для анализа. Мне кажется, это живое искусство, а искусство развлечения, которое ничего не оставляет после себя, — мертвое. Оно не имеет продолжения жизни, не имеет развития действия, так как его создают люди, не умеющие широко мыслить, для таких же потребителей, как и они. Поэтому искусство — это как одежда. Человек, знающий толк в моде и хорошей одежде, никогда не наденет на себя неподходящую для него вещь. Точно так же и образованный человек никогда не пойдет впустую тратить свое время, позволяя сомнительным личностям оскорблять его вкус.

В заключение я хочу сказать, что пока правильное восприятие культурных ценностей не начнет воспи-

тываться в детстве, многомиллионные аудитории будут собирать именно производители массовой культуры. А в человеке должна жить любовь к прекрасному. Понимать искусство — это талант, но и ему можно научиться. Человек, прикоснувшись к искусству, очищает свою душу, передавая чистоту другому через эмоции и общение. Искусство и культура — это жизнь, поэтому необходимо уметь жить «живой», а не «мертвой» жизнью. Все идет от человека к человеку, от матери к ребенку, от учителя к ученику, от сердца к сердцу, от души к душе. Действительно, все прекрасное, созданное человеком, начинается свой путь именно в душе.

В первую очередь нужно воспитывать в себе душу, а потом уже образовывать разум. Образование души — это очень важно, так как именно оно дает указание сердцу, а сердце — мысли, а мысль — слову, а слово — рукам, которые создают произведения искусства.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — На трибуну приглашается Екатерина Монченко — учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 24 г. Таганрога, занимающая III место. Тема выступления: «Литература — это совесть общества, его душа».

Екатерина МОНЧЕНКО: — Моя работа посвящена анализу литературного наследия Д. С. Лихачева — удивительного человека, не только автора фундаментальных трудов, но и уникальной личности, истинного филантропа, интеллигента, человека большой культуры, влюбленного в литературу, в родной язык, в свою страну и ее людей.

Актуальность исследования бесценного наследия очевидна, причем как для нынешнего поколения, так и для будущих. Так, в книге «Литература — реальность — литература» (1981) собраны статьи Д. С. Лихачева по различным проблемам теории литературы, в их числе — интереснейшие наблюдения по творчеству Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого, Блока, Ахматовой, Пастернака. Благодаря тонкому и детальному анализу, выполненному Дмитрием Сергеевичем, можно посмотреть на произведения любимых авторов другими глазами...

В качестве отправной точки для анализа была выбрана фраза Д. С. Лихачева «Литература — это совесть общества, его душа». Данная фраза была раскрыта через влияние творчества моего земляка А. П. Чехова на становление личности и формирование мировоззрения человека — девочки Кати, от лица которой сделан анализ произведений.

Материалом для исследования послужили произведения А. П. Чехова «Каштанка», «Спать хочется», «Толстый и тонкий», «О любви», «Вишневый сад». Методы исследования — наблюдение, описание, сравнение, анализ.

Для подтверждения своей позиции я сочла необходимым после раскрытия каждого произведения привести дополнительную аргументацию, используя цитаты Д. С. Лихачева.

Анализируя рассказ «Каштанка», мы можем определить возникновение в системе ценностей ребенка та-

ких констант, как любовь и верность, значимость жизни и каждого прожитого мгновения.

После прочтения рассказа «Спать хочется» в мироощущении ребенка возникают чувство сострадания и осознание несправедливого устройства общества, в котором есть место тяжелому детскому труду.

Сравнивая Толстого и Тонкого из рассказа Чехова, мы приходим к выводам, во-первых, что обществу не хватает человечности и подлинной системы ценностей, а во-вторых, об изменении мировоззрения ребенка.

Также, анализируя рассказ «О любви», мы отмечаем возникновение такой категории, как любовь, которая представляет собой сложное чувство, не имеющее законов и не поддающееся никакой логике и рассуждениям.

Наблюдая за главными героями пьесы «Вишневый сад», мы осознаем, как важно сохранить духовные корни и родственные связи, гармонию между людьми, представляющими разные эпохи и поколения.

Изложенное позволяет мне прийти вслед за Д. С. Лихачевым к выводу о том, что литература оказывает существенное влияние на формирование личности. Литература дает колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание — понимание жизни, всех ее сложностей, закономерностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед нами сердца людей. Одним словом, по справедливому замечанию Д. С. Лихачева, она делает нас мудрыми.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — На трибуну приглашается Александра Смирнова — учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 31 Санкт-Петербурга, занявшая III место. Тема выступления: «Россия, которую мы теряем».

Александра СМИРНОВА: — В качестве базового тезиса к проекту я выбрала из предложенных следующую цитату академика Д. С. Лихачева: «Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто, и через двести лет». Следует отметить, что Дмитрий Сергеевич Лихачев не раз обращался к теме сохранения культуры и прошлого как такового (например, в работе «Декларация прав культуры», в статье «Беречь памятники прошлого» в журнале «Нева» и др.).

Обращаюсь к этой теме и я.

Мой проект посвящен проблеме утраты прошлого России из-за нашего равнодушия и культурным ценностям нашей великой страны. Как писал Д. С. Лихачев: «Равнодушие, к сожалению, не наказуемо. Мы не скоро избавимся от равнодушных людей».

Идея моего проекта в том, чтобы сделать информационный сайт, содержащий сведения о разрушающихся зданиях, имеющих историческую ценность. На сайте будет создан реестр разрушенных временем памятников архитектуры: их описание, историческая

справка, сведения о современном владельце, об их состоянии на сегодня, степень разрушения и прогнозы возможности восстановления.

Цель моего проекта — инициировать через сайт народную каталогизацию зданий, имеющих историческую ценность и находящихся на грани разрушения. Расширяя число пользователей сайта, можно собрать информацию об исчезающих памятниках культуры в масштабах страны. Продвигая сайт и делая информацию доступной для общественных организаций и коммерческих структур, мы даем возможность дому или усадьбе найти «хозяина», проявившего интерес к зданию и готового спонсировать его восстановление на условиях благотворительности или коммерческой выгоды.

В качестве обоснования актуальности проекта я привожу истории нескольких конкретных российских усадеб, которые находятся в плачевном состоянии.

Хочу кратко поведать вам историю особняка, который находится в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, на пересечении Косой и Кожевенной линий.

Построенный в конце XVIII века, служивший своим хозяевам Брусницыным до революции, на данный момент особняк — памятник архитектуры. В нем сочетаются такие архитектурные направления, как неовизантийское, неорусское, неоготическое, индо-сарацинское, неомавританское и неоренессанс. Причиной такого разнообразия стали многократные перестройки дома. Миллионеры Брусницыны вложили немало средств во внешний вид и внутреннее убранство дома в попытках соответствовать скоротечной моде. Благодаря этому даже сейчас перед нашими глазами предстает целый ансамбль архитектурных и дизайнерских находок прошлых веков. Внутреннее убранство по большей части сохранилось, однако вход в особняк охраняется и будет полностью закрыт в октябре 2018 года. Минувшей зимой в особняке отключали отопление. Это губительно для такого здания. Результатом станет его разрушение и освобождение участка земли.

Я спрашивала людей, проходящих непосредственно мимо объекта, знают ли они, что это за здание, как оно называется, что в нем находилось раньше. Большинство ответили «нет», и лишь несколько человек проявили осведомленность. Вывод: равнодушие людей к проблеме разрушения исторически важных зданий объясняется в первую очередь незнанием о ее существовании (как и, возможно, о существовании таких зданий в принципе).

Вот почему я считаю, что сайт как основной и достоверный источник информации о зданиях, нуждающихся в реконструкции, поможет решить проблему незаинтересованности людей.

С помощью сайта надо выстроить социальные связи для поиска вариантов использования разрушающихся зданий.

Опыт других стран показывает, что людям дают возможность посетить такие места и ощутить течение времени.

Выкуп или аренда заброшенных усадеб с целью вложения материальных средств в их полное восстановление несет за собой материальную выгоду. Есть

идея сотрудничества с турфирмами или любимыми другими спонсорами, готовыми принимать участие в реставрации усадеб.

Приводя усадьбы в безопасное для посещения состояние, мы даем развитие новым веяниям, таким как сталкеринг. Наш сайт будет пропагандировать и это.

За помощью в восстановлении усадеб через сайт можно обратиться в комитет по культуре и спорту. При его поддержке появляется возможность формировать лагеря, молодежные десанты и волонтерские группы.

Такое приобщение к общим делам, к культуре дает возможность попробовать себя, расширить круг общения, почувствовать себя частью истории страны путем вложения сил в ее развитие.

«Участие в культурной жизни есть неотъемлемое право каждого гражданина, поскольку человек является творцом культуры и ее главным творением. Свободный доступ к культурным объектам и ценностям, которые по своему статусу являются достоянием всего человечества, должен быть гарантирован законами, устраняющими политические, экономические и таможенные барьеры» (Д. С. Лихачев «Об охране культурных ценностей прошлого». Статья 5 «Декларации прав культуры»).

Через сайт нужно обратиться к людям с профессиональным опытом, а именно к студентам петербургских архитектурных и художественных вузов. Если хотя бы часть студентов выберет для прохождения практики реставрацию усадьбы, результат работ станет намного ценнее, а внешнее и внутреннее убранство усадеб приобретет облик, соответствующий первоначальному.

Чтобы привлечь людей, обратить их внимание на проблему через материалы сайта, можно прибегнуть к социальной рекламе и разместить ее в общественных местах (например, в метро).

На данном этапе развития проекта сайта не существует, так как для его создания и полноценной работы необходимы средства и люди. Я очень надеюсь, что в скором времени смогу воплотить этот проект в жизнь и спасти ту красоту, что так стремительно исчезает у нас на глазах. Этот сайт станет своеобразной Красной книгой российских усадеб.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Виктору Вдовину — учащемуся 11-го класса гимназии № 21 г. Алматы (Республика Казахстан). Тема выступления: «Наука без морали погибнет».

Виктор ВДОВИН: — Наука и мораль, по моему мнению, — это одна из самых серьезных тем, от которой зависит наше общее будущее. Что дает нам наука? Для чего существует мораль? Как же следует пользоваться знанием, чтобы его плоды не наносили вреда?

Исторический опыт показывает, что далеко не всегда научные открытия служат во благо. Часто ярчайшие открытия человечества оборачивались трагедией тысяч и миллионов людей. Почему же поиск истины оказывался и, к сожалению, все еще может оказываться за рамками моральных принципов и норм?

В основе миропознания и морали лежит человеческий разум, и тем не менее в XX веке они часто ока-

зывались по разные стороны баррикад. Войны, техногенные катастрофы, загрязнение окружающей среды привели к тому, что в определенных слоях общества сложилось устойчивое мнение, что во всех человеческих бедах и несчастьях виноват научно-технический прогресс.

Кем призван быть ученый — холодным исследователем, погруженным в тему, или исследователем-гуманистом, ответственным за свое изобретение? Должны ли «сковывать» человека науки принципы морали? Ведь, по мнению Д. С. Лихачева, «способов обойти совесть бесконечно много».

«Убежден, что жизненно необходимы такие труды, как История человеческой совести. История совести должна быть и историей человеческих ошибок — отдельных государств, политиков, и историей совестливых людей и совестливых государственных деятелей. История совести должна создаваться под знаком борьбы со всякого рода национализмом — страшной опасностью наших дней», — писал Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Миру известны примеры исключительного мужества ученых во время Второй мировой войны, это прежде всего были ученые блокадного Ленинграда. Этот подвиг, даже по оценкам немецких историков, превосходил человеческие возможности. Как сравнить подвиг ученого, умершего от голода, но сохранившего бесценную коллекцию ради потомков, и деятельность немецкого исследователя, работавшего над проектом ядерной бомбы, не остановившегося в своих дерзаниях перед опасностью мировой катастрофы? Если оценивать по значимости научных достижений, количеству нобелевских и других премий, то тогда победили ученые вермахта, но это значило бы и конец для всех нас. Если оказались правы другие, те, что умерли, но боролись за будущее, то тогда становится очевидным, кто дал нам всем шанс на жизнь.

Вопрос выбора — это и вопрос морали. Был ли такой выбор у немецких ученых? Конечно, выбор был, даже принимая во внимание возможные последствия отказа работать над урановым проектом. Ведь на кону стояла не просто жизнь отдельного человека, но и, без преувеличения, судьба всего человечества. Ученые нацистской Германии сделали выбор в пользу собственных научных амбиций.

Сегодня мир, наполненный средствами для уничтожения всего живого, столкнулся с проблемой социальной ответственности ученых за свои изобретения.

Еще в начале XX века выдающийся французский математик Анри Пуанкаре высказал мнение, что наука должна «формировать в сознании человека высшие моральные качества. Тот, кто увидел хотя бы издали роскошную гармонию законов природы, будет более расположен пренебречь своими маленькими эгоистическими интересами, чем любой другой. Он получит идеал, который будет любить больше самого себя. И это единственная почва, на которой можно строить мораль».

В 1946 году от своих амбиций в науке отказался и В. Гейзенберг, как мы помним, положивший все свои силы и талант на создание оружия Третьего рей-

ха. Он переосмыслил значимость своих теоретических изысканий, отказавшись от «чистых» исследований, не ограниченных нормами морали, в пользу другой науки, которая должна стать средством «объединения народов и их культур».

Истина науки, по мнению «послевоенного» В. Гейзенберга, должна превратиться в основу для дальнейшего развития человеческого мышления, она должна не уничтожать и разъединять людей, а объединять их. Как сказал академик Д. С. Лихачев, «самое большое мужество ученого — вовремя признать свои ошибки».

Ученые на протяжении веков сформулировали тысячи разных идей и сотни раз ошибались в полезности своих творений. Их мысль, зачастую свободная от морали (за редким исключением), заводила человечество в дебри ожесточенного противостояния друг другу, несмотря на успехи науки в целом. И тем не менее идея о несостоятельности работы большинства гениев на благо общества преследовала выдающихся философов не одну тысячу лет.

Вариантов решения проблемы и сегодня великое множество. Мне хотелось бы закончить свой доклад словами персидского ученого и поэта Абу Абдуллаха Джафара Рудаки, жившего и творившего в 858–941 годах. Его мысли, по моему мнению, будут актуальны во все времена, пока человек живет на земле:

Мир — это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Рустаму Джабиеву — учащемуся 10-го класса гимназии № 248 Санкт-Петербурга. Тема выступления: «Подлинный патриотизм как источник развития национальной культуры и как культура творческого диалога с другими народами».

Рустам ДЖАБИЕВ: — В наше время много зла и вражды между людьми и народами. Подлинное чувство любви к Родине и своему народу подменяется в сознании людей чувством национальной исключительности и превосходства над другими народами. Некоторые люди не понимают, что «хороших» и «плохих» народов быть не может — в каждой нации есть свои великие творцы в искусстве, гении, пророки, герои и люди, потерявшие нравственные ориентиры. В целом у каждого народа своя культура — она самобытна, и культуры разных народов как членов одной большой семьи под названием Земля взаимно дополняют и обогащают друг друга.

Исследователи творчества и общественной деятельности Д. С. Лихачева подчеркивают: несмотря на то что ученый внес большой вклад в развитие литературоведения, еще более выдающейся, значимой и для нашего народа, и (при глубоком рассмотрении его идей и концепций) для цивилизации в целом является его публицистическая и просветительская деятельность в области культуры. Именно эта деятельность, как отмечает академик А. С. Запесоцкий, «предопределила его активную общественную позицию, его неповторимый общественно-политический облик ду-

ховного лидера русской интеллигенции в трагически-яркий, переломный момент истории нашего Отечества».

Поэтому Д. С. Лихачева как глубокого, чуткого, широко мыслящего человека, крупного ученого и подлинного патриота, не раз спасавшего богатства родной природы и достояние родной национальной культуры, проблема подлинной любви к Родине и ее подмены грубым национализмом волновала всегда. В ряде писем из книги «Письма о добром и прекрасном», как и во многих других своих сочинениях, он не раз обращался к этой проблеме.

По глубокому убеждению Д. С. Лихачева, страшный опыт фашизма в середине XX века уже показал, насколько дискредитировал себя извращенный национализм. Ученый в своих статьях не раз подчеркивал, что подлинный патриотизм прямо противоположен национализму как агрессивной форме общественного сознания, нарушающей моральные законы человеческого общежития наряду с воровством, убийством и др.

При этом Лихачев отмечает важный признак того, какую любовь к Отечеству можно считать настоящей: любовь к Родине должна быть мудрой, рациональной, а не «слепой». «Любовь не должна быть безотчетной, она должна быть умной». Ученый предупреждает, что иначе «слепой восторг» перед страной вместе с ее нравственными «уродствами», как и слепая любовь матери к ребенку, может привести к рождению «монстра», такого как фашизм. Именно поэтому подлинный патриотизм всегда мудр. А мудрость, по определению Лихачева, — это «ум, соединенный с добротой».

В своей международной речи в Праге в 1991 году Д. С. Лихачев назвал важные причины национализма и негативного отношения больших и малых народов друг к другу.

Ученый вводит важное понятие «национальное достоинство» и определяет его критерии по аналогии с понятием «достоинство человеческой личности». Подлинное достоинство нации измеряется не количеством танков и другого военного арсенала нации или числом территорий, страхом перед мощной тоталитарной державой, внушаемым другим народам, а числом ученых, поэтов, университетов, школ, больниц, трудолюбием и поведением народа, то есть направленностью разума нации к позитивному развитию и познанию, а социальной сферы — к любому простому человеку.

Проблема творческого взаимодействия и взаимобогащения культур разных народов всегда волновала Дмитрия Сергеевича. Первого сентября 1995 года на площади Гуманитарного университета профсоюзов в День знаний Д. С. Лихачев озвучил идею создания «Декларации прав культуры». Она подводит итог всем основным просветительским идеям ученого и становится, по словам исследователей его творчества, своего рода вершиной его жизненного пути: «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла». Это высказыва-

ние называют посланием ученого мировому сообществу, посланием в будущее. Следовательно, культура, как подчеркивает ученый, и есть та сила, которая способствует развитию и сохранению жизни на планете. Поэтому подлинный патриотизм и культура тесно взаимосвязаны.

По Лихачеву, национальные особенности каждого народа — именно то, что может привлекать другие народы к познанию иных самобытных культур. Иначе жизнь человечества без этих индивидуальных различий была бы «скучной, серой», это выхолащивало бы любовь и к своему родному, как непохожему на другое, точно так же как и интерес к этому другому.

Современные ученые, культурологи в русле многих идей Лихачева, намечая возможные позитивные векторы развития современных цивилизаций и народов, выказывают сходные идеи о том, что «развитие каждой локальной цивилизации» осуществляется «не столько под влиянием внутренних процессов и механизмов», сколько на основе характера и уровня ее взаимодействия с другими цивилизациями. Такую форму взаимодействия на рубеже XX–XXI веков стали называть диалогом культур. Диалог культур рассматривается как способ гармоничного и продуктивного взаимообогащения культур и достижения согласия относительно фундаментальных ценностей.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Слово предоставляется Александре Пивачевой — учащейся 10-го класса средней общеобразовательной школы № 6 г. Ростова-на-Дону. Тема выступления: «Согласие между людьми, разными народами — это самое драгоценное и сейчас самое необходимое для человечества».

Александра ПИВАЧЕВА: — Согласие — мирное слово, включающее в себя взаимопонимание, сочувствие, взаимовыручку, — в современном мире стало большой редкостью. Чего не хватает человечеству? Вовсе не денег, природных ресурсов или чего-либо материального. Человечеству не хватает того самого простого, чего достичь невероятно сложно, особенно в масштабе планеты и населяющих ее народов, — согласия. Все в точности так, как писал Дмитрий Сергеевич Лихачев в своей книге «Письма о добром и прекрасном»: слово «согласие» так часто используется нами, что смысл его теряется в сознании людей и в представлениях общества. Мы теряем то, что лежит в основании общего блага человечества. Только находясь в согласии с собой и остальным миром, человек (как и народ) может двигаться по пути достижения счастья. Да и само благо мы сможем описать только с помощью согласия, ведь люди чувствуют себя комфортно в сообществе только тогда, когда они нашли общую платформу взаимодействия.

Д. С. Лихачев писал: «У России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовая крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев». На мой взгляд, сравнение страны с деревом очень логично. Каждая страна — это дерево со своей системой жизнедеятельности, проблемами и болезнями. Состояние этого дерева зависит от его корней, ствола (это

экономика и политика страны), от состояния его ветвей и листьев — регионов и населенных пунктов. Это дерево-страна, соприкасаясь с другими деревьями-странами, может как образовывать удачный симбиоз, так и вступать в конфликт, подвергнув опасности и себя, и соседнее дерево. Эта метафора демонстрирует разнообразие социальных отношений: от самых приземленных до самых высоких. Человек общается с другими людьми, социальными группами, государством, в котором живет. Согласие на каждом из этих уровней взаимодействия — необходимое условие общего блага людей и счастья отдельного человека.

Представим общечеловеческое согласие в виде пирамиды. Ее вершина — это согласие между народами и государствами, основание — согласие внутриличностное. Между внутриличностным и межгосударственным согласиями от пика до основания располагаются согласие межличностное, между личностью и социальной группой, между социальными группами, личностью и государством. Несогласие на одном из уровней этой системы, на мой взгляд, является причиной несогласия глобального, причиной схода с пути ко всеобщему благу человечества.

Согласие, безусловно, сложное, многоуровневое явление, необходимое для жизни человека и общества. Но важна и его обратная сторона — несогласие. Несогласие многие воспринимают как негативное и крайне опасное. Конфликтные взаимодействия в обществе действительно создают стрессовые ситуации. Но они же позволяют участникам лучше понять себя, увидев свое отражение в зеркале оппонента, пытаясь отстоять собственную позицию и находя аргументы и факты в свою пользу. Несогласие позитивно влияет на общественные отношения только в случае согласия по поводу права любой стороны в законной и этической форме высказывать свое несогласие.

Читая работы Д. С. Лихачева, мы встречаем советы и наставления великого мыслителя о том, как достичь и сохранить согласие между людьми и народами. Мы как внимательные читатели и последователи должны только найти, систематизировать и распространить эти учения гения, радевшего не только о судьбе русского народа, но и о будущем всей планеты. Опираясь на труды Дмитрия Сергеевича, мы в своем размышлении выделяем следующие элементы, необходимые для достижения и поддержания согласия:

- осознание духовного нравственного единства человечества;
- память об общности истории, совместных тяготах и радостях;
- признание допустимости и пользы различия людей и народов;
- интеллигентность как особую форму мировоззрения, сочетающую в себе образованность и воспитанность;
- взаимоуважение и понимание оппонента;
- стремление к доверительным отношениям;
- право высказывать собственную, отличную от других позицию;
- способность идти на уступки в поисках компромисса;

— умение находить новые способы достижения согласия, творческое осмысление общественных проблем и конфликтов.

Согласие — явление настолько глубокое и сложное, что уникальные элементы можно найти на каждом отдельном уровне. Но я полагаю, что следование хотя бы этим немногим принципам, которые мы обнаружили в работах Д. С. Лихачева, принесет значительные изменения в общественные отношения. Движение к общему благу, основанное на этих наставлениях, будет успешным и быстрым.

Подводя итоги нашему размышлению над прочитанными работами Д. С. Лихачева, приведем два важных, на наш взгляд, суждения. На планете Земля проживают тысячи народов и сотни конфессий. Мы слишком разные, чтобы согласие как на глобальном, так и на локальном уровне сложилось и поддерживалось естественным путем. Для этого требуется волевое усилие каждого из нас. Мы должны принять себя и других людей, совершить над собой небольшое, но важное интеллектуальное усилие, чтобы найти скрепы, объединяющие нас в великое человечество.

Наконец, общество так изменчиво и разнообразно, что поддержание согласия превращается в непрерывающийся творческий процесс, требующий широких знаний о многообразном мире, а также постоянно ставящий человека и общество перед необходимостью согласовывать различное. Для этого необходимы новые неординарные решения, нужен взгляд, настроенный на поиск оригинального и уникального, а главное — осознанное стремление к поддержанию общечеловеческого согласия.

А. Г. ЕВСТИГНЕЕВА: — Спасибо всем победителям, призерам и авторам исследовательских работ за выступления. Слово предоставляется Николаю Витальевичу Бурову. Он поделится своими впечатлениями о нашем форуме.

Н. В. БУРОВ: — Дорогие участники Лихачевских чтений! Сегодня вы сделали еще один шаг на пути к своему светлому будущему, одержали победу над самими собой. Представлю, как это трудно — перед аудиторией в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов изложить не всегда бесспорные мысли на заявленную тему. Я поздравляю вас с этой победой (пусть и не самой великой) над собой. Бла-

годарю присутствующих в этом зале за терпение: все мы были соучастниками процесса, который происходил здесь, и сочувственно относилась к выступавшим.

Не все сказанное сегодня непреложно. Бесспорных вещей вообще не бывает. Не все сказанное мгновенно применимо как рецепт, безусловный и исцеляющий. Чтобы исцелиться, нужно долго работать над собой — это труд длиной в жизнь.

Я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что почти у всех выступавших, за редким исключением, образ, который был замыслен вами, немного отличался от того, о чем рассказывалось. Язык существует не только в письменной форме, но и в свободном выражении, то есть в речи. Будьте смелее! Если вы вышли к микрофону, то постарайтесь донести свои мысли до каждого сидящего в аудитории. Это не техника речи, не элемент уважения, а ваше право на успех.

В этом году в России отмечается двухсотлетие со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева. Почему-то сегодня в ряду русских писателей его никто не упомянул. Советую вам хотя бы пять минут в день вслух читать отрывки из его произведений.

Рекомендую вам в процессе работы над собой не попасть в сети опасного явления под названием «чего изволите?». Когда люди создают свои труды, всегда есть опасность начать потакать публике. Никогда не идите по этому пути — и успех вам будет обеспечен, потому что вы люди чрезвычайно способные.

Вам предстоит принять серьезное решение. Заканчивается один большой этап вашей жизни, который называется «школьные годы», и вы должны переступить через высокий порог, чтобы войти в следующий этап, который называется «высшая школа». Если кто-то из вас не переступит этого порога, не расстраивайтесь: в жизни много других интересных занятий. Но большинство его одолеют.

Прошу вас: обучаясь в вузе, не превращайте новых учителей в идолов для поклонения и не забывайте, не относитесь с пренебрежением к своим школьным учителям. Постарайтесь на новом этапе своей жизни следовать ориентирам, которые были заложены в школе. Цените своих учителей, с благодарностью вспоминайте их. Такая благодарная память поможет вам построить свое будущее и жить дальше.

Сегодня мы часто вспоминали имя Дмитрия Сергеевича Лихачева — он наш общий учитель. Удачи вам, здоровья и успехов! С Богом!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдрашитова А. 618
Абишев М. А. 262
Абрамова И. О. 26, 225, 283
Агошков А. В. 381
Азарова Ю. О. 383
Азиз Ш. 31, 234, 236, 285
Акаев А. А. 34, 220, 241, 246
Александров А. М. 480
Аляутдинов Р. Ж. 216, 233, 264, 296
Архипова О. В. 300
Астафьева О. Н. 385
Багдасарьян Н. Г. 386, 466
Багис Э. 39, 222, 292
Бадмаев В. Н. 388, 469
Баталова Т. Л. 482
Беклер А. 41
Бердникова Э. Н. 581
Бирженюк Г. М. 583, 602, 612
Блюм М. А. 608
Богачев В. Ф. 521
Боева Г. Н. 247
Борозна М. Г. 389
Брылева Е. А. 483
Бузыкина О. В. 391
Буров Н. В. 614, 625
Быховская И. М. 302
Бюльбюль оглы П. 45, 233
Василенко В. В. 393, 463
Вдовин В. 622
Вербовая О. В. 484
Веретенников Н. П. 486
Ветчинова М. Н. 394, 469
Волков Ю. К. 396, 470
Воротников Ю. Л. 248, 468, 479
Вятр Е. 49, 228, 295
Гаджиев Г. А. 52, 218
Глаголев В. С. 397, 467
Глазьев С. Ю. 53, 278, 281
Голубев А. В. 399
Горшкова В. В. 303
Горюшина Е. М. 267
Гранин Ю. Д. 305, 369
Графский В. Г. 487, 563
Громыко Ал. А. 57, 232, 237, 238, 288
Громыко Ан. А. 57
Гульятеева Г. С. 307
Гуревич П. С. 400
Гусейнов А. А. 60, 243, 361, 366, 367, 373, 379
Гусман М. С. 64
Гущина А. 617
Давыдова М. Л. 488
Данилов А. Н. 66
Дегарден Б. 69
Делл'Амброджио М. 73, 217
Демшина А. Ю. 402
Дербин В. Г. 608, 611
Джабиев Р. 623
Джагарян А. А. 490
Димитров И. Д. 212, 563
Докучаев И. И. 309, 372
Дорская А. А. 492
Драч Г. В. 404, 465
Дробова К. 616
Дунаев В. Ю. 493
Дуткевич П. 74
Дымченко Н. В. 406, 470
Дятлов С. А. 495, 572
Евстигнеева А. Г. 614
Ермолович Г. П. 497
Ерохина Т. И. 407
Забулионите А.-К. И. 409
Запесоцкий А. С. 78, 215, 219, 235, 236, 238, 244, 246, 251, 360, 462, 561, 600, 603
Зеликина Н. С. 310, 377
Зубец О. П. 312
Зябриков В. В. 499, 564
Иванова С. Ю. 410
Иконникова С. Н. 412
Ингимундарсон В. 82, 298
Кайсаров Е. А. 414
Каландаришвили З. Н. 500
Капицын В. М. 314, 373
Касаткин С. Н. 502, 575
Каташевич А. 615
Каширина О. В. 415
Квинт В. Л. 86, 225, 289
Кёхлер Г. 91, 224, 294
Киричек П. Н. 315
Кириянова Т. 618
Клейнер Г. Б. 95, 562
Князева А. 619
Ковалев В. А. 504
Колодко Г. В. 98, 232, 237, 282
Комиссаренко С. С. 317, 367
Кондаков И. В. 417, 464
Кондрашов П. Н. 318, 368
Конов В. А. 102, 371, 373, 463
Копцева Н. П. 419
Костина А. В. 420
Котов А. И. 505, 566
Кравченко В. В. 422, 471
Крамаренко А. М. 105, 242, 291
Круглова Л. К. 423
Куделин А. Б. 255
Кузнецов А. В. 108, 227, 297
Кузнецов Г. А. 611
Кузнецов С. В. 507
Кузнецова Т. В. 320, 376
Кузьмин А. В. 508
Куклина Е. А. 509
Кульков Е. А. 425
Курганская В. Д. 511
Кутырев В. А. 426
Лапаева В. В. 513, 568
Лапинская А. А. 548
Лаумулин Ч. Т. 111, 221, 291
Лебедева Л. Ф. 584, 602
Лекторский В. А. 114, 221, 478
Леонов И. В. 428, 477
Лепешкина Л. Ю. 430
Лепский В. Е. 431
Ливеровский А. А. 515, 576
Лисицын-Светланов А. Г. 117, 230, 560
Литтлджон Г. 120
Лобанова Ю. В. 433
Лобок Д. В. 602, 610
Лученок А. И. 517, 569
Льюис Р. 124, 287
Магдеев С. И. 321
Макаров В. Л. 129, 221, 280
Максимов А. С. 219
Малинина Т. Б. 518
Мальгина И. В. 323, 375
Мамонтов В. К. 130, 226
Мануильский М. А. 435
Марк Х. А. 134, 226, 294
Марков А. П. 138, 363
Мартышин О. В. 520, 570
Маршев В. И. 521
Матвеева Л. В. 437, 472
Межевич Н. М. 507
Мелихов А. М. 258
Мельникова А. А. 439
Меттан Г. 140, 229, 290
Миронов В. В. 143
Митяева А. М. 587
Миньринь Л. А. 523
Момджян К. Х. 325
Монченко Е. 620
Морагинос Куйяубе М. А. 146, 217, 234, 237, 238, 283
Мосейко А. Н. 327
Мосолова Л. М. 440, 477
Мосяков Д. В. 269, 296
Мотышина М. С. 589, 607
Муса А. 234, 236, 286
Мусяенко С. Г. 273
Мэтьюс Р. 152, 295
Наумкин В. В. 155, 231, 236, 284
Некипелов А. Д. 159, 241, 244
Нигматулин Р. И. 163, 216, 242, 245, 293
Николаева Т. П. 525
Никонова С. Б. 329, 378
Никулин Н. Н. 527, 571
Осколков С. А. 166
Пасешникова Л. А. 560, 580
Петрова Е. А. 528
Петухов В. Г. 529
Пивачева А. 624
Пигров К. С. 331
Покровская Н. Н. 590
Попов М. Е. 442
Праздников Г. А. 333
Проданов В. 168, 573
Прозерский В. В. 335
Путькина Л. В. 592
Расторгуев В. Н. 199
Рахманинова М. Д. 336
Резник Г. М. 172, 240, 244, 246, 282, 290

- Рогочая Г. П. 443
Ромашов Р. А. 531, 569
Сабилов В. Ш. 338
Садовая Е. С. 532, 578
Садохин А. П. 445, 473
Садыкова Э. Л. 534
Санаи М. 174, 233, 236, 239
Сафронов Н. С. 176, 222
Сигалов К. Е. 536, 565
Сиднева Т. Б. 446, 473
Сидоров А. М. 340
Силантьева М. В. 448
Смирнова А. 621
Смирнова М. Г. 537
Соина О. С. 342
Соловьева В. Л. 428
Ставцева О. И. 344, 378
Степаненко Р. Ф. 539
Степин В. С. 178
Стремоухов А. В. 541
Титов Б. А. 583
- Тишков В. А. 181
Толочко П. П. 185, 218, 299
Томалинцев В. Н. 346
Тощенко Ж. Т. 187, 229
Третьяков В. Т. 192, 241, 245
Триодин В. Е. 193, 465
Трофимов В. В. 543, 574
Ударцев С. Ф. 545, 572
Успенская А. В. 450
Устюгова Е. Н. 348
Фатенков А. Н. 350, 362
Фейгин Г. Ф. 546, 577
Филиппов Г. Г. 352
Фитуни Л. Л. 195, 281
Фомина М. Н. 452, 468, 473
Хайкин М. М. 548, 577
Хангельдиева И. Г. 549
Харитоновна Е. В. 453, 474
Харпутлу М. 593
Хольнова Е. Г. 551
Хренов Н. А. 354, 366, 462
- Чеберко Е. Ф. 552
Черешнев В. А. 199, 223, 293
Честнов И. Л. 554
Чубарова Т. В. 556, 567
Чумаков А. Н. 275, 466
Шаваньяк У. де 298
Шемякин Я. Г. 356, 475
Шемякина О. Д. 455, 476
Шершуков А. В. 594, 601, 605, 608
Шетулова Е. Д. 596, 605
Шмаков М. В. 204, 216, 241, 244, 246
Шолте Я. А. 206, 227, 571
Энтин В. Л. 557, 579
Юнусова М. Г. 358
Яковенко А. В. 212
Яковец Ю. В. 34
Яковлева Л. Ю. 457
Яковчук В. Н. 598, 606
Янковская К. Г. 486
Янутш О. А. 459

Научное издание

**КОНТУРЫ БУДУЩЕГО
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

XVIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

17–19 мая 2018 года

Ответственный редактор *Я. Ф. Афанасьева*

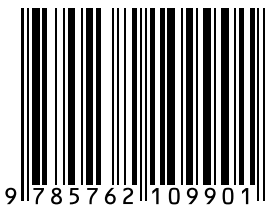
Художественное оформление *А. В. Костюкевич*

Редакторы: *В. Г. Даниленко, Т. А. Источникова, Т. В. Никифорова*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректоры: *С. А. Зинченко, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-0990-1

Подписано в печать с оригинала-макета .18. Формат 60х90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 78,5. Тираж 500 экз. Заказ № 18554

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15